АРХЕОЛОГИЯ СССР

Палеолит СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

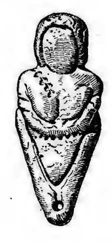
АРХЕОЛОГИЯ СССР

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б. А. РЫБАКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1984

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Палеолит СССР

Ответственный редактор тома
П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1984

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

ПАЛЕОЛИТ СССР

МЕЗОЛИТ СССР

НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР

* ЭНЕОЛИТ СССР
1982

ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА

ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

* АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
1984

СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

* ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI–XIII ВВ.
1982

ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО

ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ

ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

* СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
1981

КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой отмечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома.

Том освещает огромный фактический материал по древнейшему периоду истории нашей Родины — древнекаменному веку. Он охватывает сотни тысяч лет, от начала четвертичного периода до начала геологической современности и представлен тысячами разнообразных памятников материальной культуры и искусства. Для датировки и интерпретации памятников широко применяются данные смежных наук — геологии, палеогеографии, антропологии, используются методы абсолютного датирования. Столь подробное, практически полное, обобщение на современном уровне знания материалов по древнекаменному веку СССР, их интерпретация и историческое осмысление предпринимаются впервые. Работа подводит итог всем предшествующим исследованиям и определяет направления развития науки.

Авторы тома:

З. А. АБРАМОВА
М. В. АНИКОВИЧ
Н. О. БАДЕР
П. И. БОРИСКОВСКИЙ
В. П. ЛЮБИН
Н. Д. ПРАСЛОВ
А. Н. РОГАЧЕВ

$П\frac{0507000000-122}{042(02)-84}$ Подписное

Предисловие к «Археологии СССР»

Двадцатитомное издание «Археология СССР» создается Институтом археологии Академии наук СССР с той целью, чтобы дать мировой исторической науке возможно более полное, систематизированное представление об огромном археологическом материале, собранном на всей территории Советского Союза за все эпохи — от палеолита до развитого средневековья (XIV в.).

Материал этот накапливался в музейных хранилищах разных городов с начала XVIII в., приток его неизмеримо возрос в советское время, когда на археологические исследования ассигновывались многие миллионы рублей.

Еще археологи дореволюционной России стремились рассматривать археологические объекты как исторический источник, но тогда археология оставалась все же лишь вспомогательной исторической дисциплиной, и ее данные использовались преимущественно как иллюстрации.

Советские археологи рассматривают свою научную область как неотъемлемую и обязательную часть марксистско-ленинской исторической науки, основывающуюся на историческом материализме с его учением о социально-экономических формациях. Три формации — первобытность, рабовладение, феодализм — могут быть изучены во всем объеме только при условии полного и всестороннего использования данных археологии.

История человечества за два миллиона лет первобытнообщинного строя познается только благодаря археологическим раскопкам; этнография и скудные сведения письменных источников лишь поясняют отдельные стороны исторического процесса, который во всем своем объеме может быть освещен только всей суммой археологических данных.

Для первых классовых формаций археология дает то, что часто отсутствует в письменных источниках: хозяйственный фундамент общества, плотность, степень имущественной дифференциации, быт социальных низов, колонизационные потоки, периоды подъема и застоя, результаты войн и т. п. Письменные источники зачастую бывают бессильны ответить на эти вопросы.

Многие малочисленные народы старой России оставались бесписьменными вплоть до Октября, и их история освещалась не собственными историческими документами, а сведениями соседей и иноземцев, фиксировавших от случая к случаю отдельные моменты их истории. Археология уравнивает все народы: как имевших в древности письменность, так и бесписьменные, дает хронологическую стереоскопичность этнографическим наблюдениям, обрисовывает историческую динамику всех видов хозяйства, рождение и развитие социальных форм (в той мере, в какой они отразились в материальной культуре) и, с той же оговоркой, широко охватывает развитие культуры, искусства и эволюцию религиозных представлений. Все эти потенциальные возможности археологической науки были прозорливо угаданы В. И. Лениным, подписавшим в разгар гражданской войны 18 апреля 1919 г. декрет об основании Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК; позднее — ГАИМК), учреждения, долженствующего разрабатывать на конкретных археологических и историко-технических материалах ранние звенья марксистской схемы развития общества. Прямым наследником ГАИМК является Институт археологии АН СССР.

Через два десятка лет после начала организационной работы советских археологов появилось первое комплексное историческое обобщение всех видов источников, посвященное истории народов СССР,— «Очерки истории СССР», вышедшие первоначально в виде макета (1940 г.), а затем в переработанном виде как два первых тома большой серии (с тем же названием) под общей редакцией Б. Д. Грекова. Первый том: «Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР» (1956 г.); второй том: «Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР».

На основе коллективных монументальных трудов (общий объем двух томов 133 печатных листа) создавались университетские учебники археологии: А. В. Арциховского (1940 г.), Д. А. Авдусина (1967 г.), И. Г. Шовкопляса (1972 г.) и др., вносившие новые черты в систему интерпретации археологического материала.

Первый том двенадцатитомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (1966 г., редактор Б. А. Рыбаков) целиком написан археологами с использованием ими всех видов письменных источников.

История той части человечества, которая занимала в прошлом территорию в границах современного Советского Союза, получила в этих обобщающих трудах 1940—1966 гг. глубокое марксистско-ленинское освещение.

Подход советских ученых к историческому осмыслению археологического материала и стремление к историко-археологическому синтезу живо заинтересовал прогрессивных исследователей во всем мире и оказал заметное воздействие на методы работы и построения передовой части зарубежных археологов.

Однако в процессе подготовки указанных выше всеобъемлющих обобщающих трудов выявилась недостаточная разработанность *источниковедческой базы* историко-археологических построений. Необъятность территории страны, расположенной на двух континентах, изобилие неопубликованных (и зачастую труднодоступных) материалов в столичных и периферийных музеях, неразработанность методики типологического и статистического изучения массового материала, трудности установления четкой и обоснованной хронологической шкалы — все это со-

здавало препятствия на пути добротного изучения всех результатов многочисленных раскопочных работ.

Появление новых методов изучения материальной культуры, привнесенных из области естественных наук (остеология, палеоботаника, радиоуглеродный и палеомагнитный анализ, химический и спектральный анализ металла, дендрохронологическое изучение годичных колец бревен и мн. др.), еще более отдалило созданные обобщения от того их уровня, которого в настоящее время можно было бы достичь после преодоления всех препятствий и использования всех возможностей.

С 1957 г. Институт археологии стал издавать журнал «Советская археология», в котором печатаются статьи археологов всей страны, с 1965 г. выходит ежегодник «Археологические открытия», в котором в краткой форме публикуются отчеты *всех* археологических экспедиций и их отдельных отрядов по всей территории Союза без учета ведомственной принадлежности производителей раскопок. В одном годичном выпуске ежегодника участвует до 500 авторов. Эти издания значительно улучшили поступление свежей информации и сделали ее достоянием всех исследователей.

В 1957 г. Институт археологии, учитывая недостаточную разработанность источниковедческой базы, приступил к подготовке монументального издания «Свод археологических источников» (сокращ. САИ), рассчитанный примерно на 350—400 выпусков. В основном выпуски «Свода» должны быть посвящены отдельным археологическим культурам или крупным тематическим разделам в тех случаях, когда культура представлена изобильным материалом (например, античность, русское средневековье) или же изучаемое явление встречается в разных областях (например, импортные вещи, широкое распространение в разных культурах однотипного оружия и т. п.).

Задача каждого «Свода» состоит в составлении *полной* археологической карты по данной теме, в установлении при помощи новейших методов исследования типологии вещей и сооружений, в выработке хронологической шкалы и в итоговом освещении статики и динамики исторического процесса на избранной территории (хозяйство, поселения и жилища, социальная структура, религия, этнические проблемы).

К 1983 г. вышли из печати следующие выпуски САИ (расположены здесь в порядке общеисторической хронологии с указанием года выхода в свет):

Своды археологических источников

Палеолит, мезолит, неолит

Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., 1962.
Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л., 1964.
Кухаренко Ю. В. Первобытные памятники на территории Полесья. М., 1962.

Энеолит и бронзовый век

Андроновская культура в 3 выпусках. М.; Л., 1966, в. 1.
Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры. М., 1976.
Брюсов А. Я., Зимина М. П. Каменные сверленые топоры на территории Европейской части СССР. М., 1966.
Гадзяцкая О. С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа. М., 1976.
Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М., 1971.
Качалова Н. К. Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы. М., 1974.
Крайнов Д. А. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. М., 1963.
Крайнов Д. А. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-калининская группа. М., 1964.
Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966.
Массон В. М. Энеолит южных областей Средней Азии, ч. 2. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. М.; Л., 1962.
Пассек Т. С., Черныш Е. К. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. М., 1963.
Сарианиди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965.
Халиков. А. Х. Приказанская культура. М., 1980.
Хлопин И. Н. Энеолит южных областей Средней Азии, ч. 1. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М., 1963.
Хлопин И. Н. Энеолит южных областей Средней Азии, ч. 3. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Л., 1969.
Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М., 1964.
Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М., 1971.

Железный век.
Скифо-сарматское время

Амброз А. К. Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1966.
Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Бранденбурга). М., 1977.
Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. М., 1962.
Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины. II в. до н. э.—I в. н. э. М., 1980.
Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977.
Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М., 1982.
Крис Х. И. Кизил-Кобинская культура и тавры. М., 1981.
Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура. М., 1974.
Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1961.
Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965.
Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964.
Мошинская В. И. Археологические памятники Севера Западной Сибири. М., 1965.

Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963.
Петренко В. Г. Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. М., 1967.
Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. М., 1978.
Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962.
Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура. М., 1965.
Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М., 1963.
Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (Кобяковская культура). Л., 1980.

Античность

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975.
Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978.
Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. М., 1966.
Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961.
Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе. (II в. до н. э.—V в. н. э.) М., 1970.
Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э. М., 1966.
Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. М., 1970.
Сокольский Н. И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969.
Терракотовые статуэтки, ч. 3. Пантикапей. М., 1974.
Терракотовые статуэтки, ч. 4. Придонье и Таманский полуостров. М., 1974.
Терракоты Северного Причерноморья, ч. 1—2, М., 1970.

Раннее средневековье (V—X вв. н. э.)

Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв.: Пряжки. М., 1979.
Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978.
Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.
Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973.
Седов В. В. Длинные курганы кривичей. М., 1974.
Седов В. В. Новгородские сопки. М., 1970.
Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967.

Средневековье (X—XVII вв.)

Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979.
Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966.
Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли. IX—XIII вв. М., Л., 1966, вып. 1.
Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX—XIII вв. М.; Л., 1966, в. 2.
Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств. IX—XIII вв. Л., 1971, в. 3.
Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973.
Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968.
Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971.
Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. М., 1961.
Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. М., 1967.
Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII—XIV вв. М., 1966.
Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв. М., 1971.
Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971.
Плетнева С. А. Древности черных клобуков. М., 1973.
Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974.
Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975.
Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982.
Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. М., 1968.
Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв. М., 1966.
Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964.
Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. Л., 1981.

«Свод археологических источников», выпуск которого будет продолжаться, примерно, до конца XX в., представляет собой очень важное фундаментальное издание, необходимое археологам, антропологам, этнографам и в известной мере историкам. Плюсом и одновременно минусом этого издания является его профессиональная добротность, исчерпывающая полнота его сведений, наличие большого количества материалов. Все перечисленные положительные качества САИ неизбежно приводят к громоздкости всего издания в целом.

Одновременно с началом работы над выпусками САИ Институт археологии приступил к работе над «Археологией СССР». Задача этого издания очень близка к задаче САИ, но иной является степень подробности показа конкретного материала. В его исследовательский механизм точно так же, как и в САИ, включается весь доступный археологам материал, но в итоговое оформление темы он входит в обработанном, уплотненном виде. Многие подробности исследовательской кухни вынесены за скобки, представлены ссылками на литературу (в том числе и на выпуски САИ) или на архивные и лабораторные материалы.

Двадцать томов «Археологии СССР» представляют собой результат многолетнего труда советских

археологов, выраженный в этом издаиии не иа популярном, а иа профессиональном источниковедческом уровне. Общий план всей публикации дважды докладывался иа международиом конгрессе доисториков и протоисториков и получил полное одобрение зарубежных учеиых, призиавших, что подобиое научное издаиие является первым в мире и далеко оставляет позади такую серию, как «Inventaria archaeologica», издаваемую специальной комиссией при Конгрессе (серию, подобную САИ).

Целый ряд социалистических стран, располагающих лишь сжатыми популяриыми очерками археологии своей земли, решил по примеру «Археологии СССР» готовить многотомиые исследоваиия (Чехословакия, Польша, Болгария, Румыния). Тома «Археологии СССР» выходят ие в хронологическом порядке, а по мере их готовиости, что связано с количеством материала и степенью его изучеииости.

Общая схема всего издания такова:

Том I. Палеолит СССР.
Том II. Мезолит СССР.
Том III. Неолит юга СССР. Неолит севера СССР.
Том IV. Эиеолит СССР. 1982.
Том V. Эпоха броизы Средией Азии и Кавказа.
Том VI. Эпоха броизы евразийских степей.
Том VII. Эпоха бронзы лесиой полосы СССР.
Том VIII. Древиейшие государства Кавказа и Средней Азии.
Том IX. Античиые государства Севериого Причериоморья. 1984.
Том X. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время.
Том XI. Степиая полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.
Том XII. Ранний железный век лесной полосы СССР.
Том XIII. Славяне и их соседи в первой половине I тысячелетия н. э.
Том XIV. Восточные славяие в VI—XIII вв. 1982.
Том XV. Древняя Русь. Город, замок, село.
Том XVI. Древняя Русь. Зодчество, культура, быт.
Том XVII. Финно-угры и балты в средиевековье.
Том XVIII. Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981.
Том XIX. Крым и Кавказ в эпоху средиевековья.
Том XX. Средияя Азия в эпоху средневековья.

Выход в свет двадцати томов «Археологии СССР» позволит иашей исторической науке подойти к новому уровию историко-социологических обобщений прошлого иародов иашей страиы почти за весь докапиталистический этап развития общества. Примером может служить вышедший уже в свет том «Степи Евразии в эпоху средиевековья» (1981 г.), посвящеиный предкам узбеков, туркмен, татар, башкир, хакасов, уйгуров и других народов. Редактор тома и автор шести статей в ием — С. А. Плетиева — по завершении всего тома иаписала книгу историко-социологического характера («Кочевники средиевековья. Поиски исторических закоиомерностей». М., 1982), появление которой стало возможиым только в результате проработки того огромного и разиородного материала от Карпат до Тихого океаиа, который синтезирован в упомянутом томе «Археологии СССР».

Помимо обобщений, охватывающих определеииый период или ограниченную территорию, «Археология СССР» даст новое качество иашей иауке тем, что позволит создавать сквозные темы для всех трех социально-экоиомических формаций, как, иапример: «история земледелия», «человечество и экологическая среда», «история поселений и жилищ», «эволюция городов», «история оружия», «иеравиомерность исторического развития», «эволюция религиозных представлений» и многие, многие другие.

Редакция благодарит всех исследователей, позволивших использовать открытые или иеопубликованные материалы из государственных хранилищ и выражает надежду, что их примеру последуют все археологи, производящие раскопки иа государствеиные средства.

Институт археологии АН СССР просит всех читателей «Археологии СССР» присылать свои критические замечания и пожелания для учета их в последующих томах.

Б. А. Рыбаков

Введение
Краткая история изучения палеолита. Обзор источников

Палеолит — первая из двух основных эпох каменного века — являлся временем существования ископаемого человека, а также ископаемых, ныне вымерших животных и совпадает с двумя первыми большими подразделениями четвертичного геологического периода — эоплейстоценом и плейстоценом; неолит, как и более поздние археологические эпохи, относится уже к следующему этапу четвертичного периода — к голоцену, геологической современности. Начало палеолита отмечено появлением на земле древнейших обезьяноподобных людей, изготовлявших примитивные каменные орудия (свыше 2 млн. лет назад). Конец палеолита, переход от него к промежуточной эпохе, мезолиту, датируется на территории нашей страны примерно 10 тыс. лет назад.

Археология палеолита, палеолитоведение представляет собой особый своеобразный раздел археологической науки, довольно сильно отличающийся от других ее разделов, трактующих более поздние эпохи. Кратко и схематично отличия можно представить следующим образом.

Предметом палеолитоведения являются отрезки времени огромной продолжительности. Археология палеолита имеет дело не с веками и тысячелетиями, а даже с миллионами лет.

Вследствие глубокой древности палеолита как сами палеолитические памятники, так и вещественные остатки, с ними связанные, дошли до нас в сравнительно очень небольшом числе, исключительно скудны и фрагментарны. Многие категории археологических находок (дерево, кожа и др.) в палеолитических поселениях вообще не сохранились или сохранились в виде редчайшего исключения.

Так как палеолит предшествует геологической современности и был временем существования ископаемых видов животных и растений, а палеолитические люди в гораздо большей степени, чем их потомки, зависели от окружающей природы, археология палеолита гораздо теснее, чем археология позднейших эпох, связана с естественными науками, в первую очередь с четвертичной геологией, седиментологией, палеозоологией, палеоботаникой и др.

Наконец, палеолитическая культура в пределах всего обитаемого тогда мира обладала значительным сходством, гораздо бо́льшим, чем культура позднейших эпох. При этом чем в бо́льшую древность мы опускаемся, тем ощутимее становятся черты сходства, хотя никогда последнее не превращается в тождество. В результате палеолит СССР останется непонятным без широкого привлечения сравнительных материалов по палеолиту зарубежных, порой весьма отдаленных стран.

Приведенный перечень особенностей палеолита и методики его изучения не является исчерпывающим, но дает известное представление о своеобразии этого отрезка истории человечества.

Значительное сходство палеолитической культуры на широких пространствах делает особенно важной проблему периодизации. Эпоха палеолита — это та канва, на которой развертывалась история палеолитического населения территории нашей страны.

Пользующаяся широкой известностью периодизация палеолита претерпела за последние годы некоторые довольно существенные изменения. Первой, самой древней, эпохой палеолита теперь признается олдувайская (дошелль прежних периодизаций; иногда еще применяются термины «культура оббитых галек», или «галечная культура». За олдувайской эпохой следует древний ашель (в основном шелль или аббевиль прежних периодизаций); затем — средний и поздний ашель; затем мустье, или мустьерская эпоха, сменяющаяся в свою очередь поздним, или верхним палеолитом.

Перечисленные эпохи представлены на всех территориях, заселенных палеолитическими людьми. Первые четыре из них — от олдувая до мустье включительно — многими исследователями, сторонниками двухчленного деления палеолита, объединяются под именем раннего, нижнего или древнего палеолита. Не меньшее число исследователей является сторонниками трехчленного деления палеолита; они относят к раннему, или древнему, палеолиту только эпохи от олдувая до позднего ашеля включительно, а мустье выделяют под именем среднего палеолита. Более дробные этапы позднего, или верхнего, палеолита, в отличие от дробных подразделений раннего палеолита имеют только локальный характер. Можно говорить, например, об этапах развития позднего палеолита Русской равнины, Крыма, Кавказа, Сибири (см. ниже), но не об этапах развития позднего палеолита территории СССР. На современном уровне наших знаний можно утверждать, что повсюду представленные хронологические подразделения позднего палеолита, какими несколько десятков лет назад считались ориньяк, солютре, мадлен, в действительности отсутствовали; ориньяк, солютре, мадлен и т. д.— это явления, характерные лишь для определенных районов зарубежной Европы.

Среди авторов настоящей книги есть сторонники как двухчленной, так и трехчленной периодизации палеолита. То, что в основу книги положена именно двухчленная периодизация, обусловлено в значительной мере расплывчатостью и спорностью границ между ашельскими и мустьерскими памятниками СССР, в то время как границы между мустье СССР и поздним палеолитом СССР совершенно четки и бесспорны. Читатель был бы затруднен поисками интересующих его памятников то ли в разделе, посвященном раннему палеолиту СССР, то ли в разделе, посвященном среднему палеолиту СССР, если бы последний был выделен. Но в тексте книги (особенно ч. III, гл. 1) можно встретить ссылки на средний палеолит.

Периодизация палеолита, как и археологическая периодизация вообще, основана на стратиграфии,

на изучении развития материальной культуры палеолитического человека, на абсолютных датах, полученных изотопными (радиометрическими) методами. Но при создании периодизации палеолита особенно большую роль играют также данные геологии и изучение последовательного развития физического типа человека (палеоантропология), животного мира (палеозоология), растительности (палеоботаника, палинология). Наряду с радиоуглеродными данными (C^{14}), обслуживающими все разделы археологии, здесь и только здесь широко применяются изотопные, калий-аргоновые даты. Однако следует учесть наличие определенных специфических трудностей. Радиоуглеродный, или радиокарбоновый, метод (C^{14}) применим к дереву, торфу, костям, углю, имеющим древность до 45 тыс. лет. Датировка радиокарбоном предметов, древность которых 45—70 тыс. лет, дает большие ошибки, для определения же возраста более ранних предметов радиоуглеродный метод пока еще не может быть использован. А, с другой стороны, калий-аргоновый метод, применимый главным образом к вулканическим отложениям, охватывает промежуток времени от 400 тыс. до нескольких миллионов лет назад. Датировка этим методом отложений, возраст которых 100—400 тыс. лет, дает большие ошибки, а для отложений, имеющих древность менее 100 тыс. лет, калий-аргоновый метод пока не применим. Таким образом, между диапазонами применения обоих изотопных методов существует большое «мертвое пространство», большой зазор в пределах от 45 до 400 тыс. лет назад.

Наряду с археологическими эпохами к основным понятиям, к которым прибегают в археологическом исследовании, и к основным подразделениям, согласно которым классифицируется археологический материал, принадлежат археологические культуры. Своеобразные подразделения, характерные лишь для определенных эпох палеолита, представляют собой линии развития. Более крупными единицами, тесно связанными с археологическими культурами, являются историко-культурные области и зоны.

Вопрос об археологических культурах палеолита, впервые серьезно и аргументированно поставленный в советской литературе А. Н. Рогачевым (1957), в настоящее время всесторонне изучается многочисленными исследователями.

Кроме статей и книг, посвященных отдельным палеолитическим памятникам и их группам, назовем несколько важных обобщающих работ А. А. Формозова (1959, 1973, 1977), трактующих каменный век в целом и непосредственно примыкающих к культуроведческим работам еще более широкого охвата (*Захарук Ю. Н.*, 1970, 1978; *Каменецкий И. С.*, 1970; *Бромлей Ю. В.*, 1973; *Чебоксаров Н. Н.*, *Чебоксарова И. А.*, 1971; *Филин Ф. П.*, 1962 и многие другие). Данная проблематика рассматривается (порой с несовпадающих позиций) и авторами последующих разделов этой книги. Здесь мы начнем ее трактовку с вопроса о критериях выделения палеолитических культур.

Могут ли быть использованы в качестве свидетельства принадлежности позднепалеолитического памятника к той или иной культуре памятники палеолитического искусства? На этот вопрос, в связи с их большой редкостью, в настоящее время, на современном уровне нашего знания палеолитических памятников, приходится отвечать отрицательно. Большая часть произведений палеолитического искусства бесспорно была связана с материалами, подвергшимися быстрому разрушению (дерево, кожа, мех и др.), и таким образом погибла еще в глубокой древности. До нас дошло лишь относительно ничтожное число отрывочных образцов палеолитического искусства. Поэтому они не могут играть ту роль показателя культурной принадлежности, какую играет, скажем, массовый керамический орнамент эпох неолита и бронзы. Лишь в отдельных редких случаях, как, например, когда речь идет о позднепалеолитических поселениях Костенки I и Авдеево на Русской равнине (см. ч. III, гл. 1), свидетельства произведений искусства являются дополнительным аргументом в пользу отнесения палеолитического памятника к определенной культуре. При сопоставлении сибирских позднепалеолитических поселений Мальты и Бурети (ч. III, гл. 3) и установлении их однокультурности анализ произведений искусства, представленных в этих стоянках, имеет еще более важное значение. Других сколько-нибудь удавшихся попыток выделить палеолитические культуры на основании различий в произведениях искусства в советской археологической литературе нет. В мустьерскую же и в более ранние эпохи выраженные памятники искусства вообще отсутствовали, так что о их привлечении здесь в качестве этнического показателя речи быть не может. В дальнейшем накопление массового материала по палеолитическому искусству сможет изменить положение и позволит чаще использовать произведения искусства для выделения палеолитических культур.

Как отмечают А. Н. Рогачев и М. В. Аникович (ч. III, гл. 1), не совпадают также понятия «тип поселения» и «археологическая культура палеолита». В памятниках одной палеолитической культуры могут быть представлены разные типы поселения, а в памятниках разных культур — поселения одного и того же типа.

В результате основным и почти единственным показателем отнесения палеолитического памятника к той или иной культуре являются (на современном уровне наших знаний о палеолите и нашей методики изучения палеолитических поселений) каменные орудия, индустрия[1]. Эта их роль, показанная в работах ряда исследователей (А. Н. Рогачева, А. А. Формозова, Г. П. Григорьева и др.), особенно обстоятельно аргументирована В. П. Любиным, подчеркивающим на материалах мустье Кавказа, что систематизирующую функцию в палеолитических культурах выполняют каменные орудия — единственный целостный, повсеместно представленный и хорошо диагностичный компонент «объективированной» культуры; комплексы каменных орудий как весьма устойчивые, «жесткие» системы с взаимосвязанными частями могут быть приняты в качестве основного этнического признака, этноразграничительного показателя (*Любин В. П.*, 1977а, с. 203).

Археологическую культуру в эпоху палеолита можно, следовательно, определить как устойчивое сочетание признаков в типологии каменного инвен-

[1] Индустрией назван каменный инвентарь отдельного памятника, отдельной стоянки.

таря (*Григорьев Г. П.*, 1972а; *Абрамова З. А.*, 1975а). Такое определение в общих чертах отражает взгляды большинства современных советских исследователей и принимается в основном авторами настоящего тома. Однако оно основано на способе выделения археологических культур и таким образом затрагивает только одну, «процедурную» сторону вопроса; вследствие этого, а также в силу своей обобщенности оно нуждается в ряде уточнений и оговорок. Прежде всего, «устойчивым сочетанием сходных типологических признаков» описываются и другие понятия, употребляемые в первобытной археологии (эпоха, путь развития, историко-культурная область); поэтому важно установить, какие именно признаки должны учитываться при выделении археологических культур, в какой мере они должны быть сходными для признания памятников однокультурными. Эти и подобные вопросы конкретной методики выделения археологических культур в нашей науке находятся в стадии разработки, вызывая множество споров. Так, защищаемый И. И. Коробковым (1971) тезис о том, что различия каменных орудий синхронных стоянок, если в ряде случаев и объясняются их разнокультурностью, то во многих других случаях обусловлены не этим, а формами хозяйственной деятельности, практиковавшимися на том или ином поселении (ср. также: *Binford S. R.*, 1972), подвергается критике большинством исследователей. Однако было бы опрометчивым вовсе сбрасывать подобные объяснения со счета.

Среди палеолитических стоянок, относящихся к мустьерской эпохе, а особенно к позднему палеолиту, удается выделить памятники, принадлежащие к одному времени и к одной культуре, но имеющие разное функциональное назначение: стоянки-мастерские, на которых производилась обработка камня, кратковременные охотничьи лагеря, долговременные поселения и т. д. (см. в частности, ч. II, гл. 2). Они различаются своими археологическими остатками. На страницах этой книги (см. ч. II, гл. 2, 3; ч. III, гл. 1) всесторонне обсуждаются критерии выделения различных культур мустьерского и позднепалеолитического времени, разные пути и методы такого выделения, спорность утверждений некоторых исследователей, касающихся существования тех или иных палеолитических культур. Как отмечает, в частности, Н. Д. Праслов (ч. II, гл. 3), следует очень осторожно подходить к выделению археологических культур на неполноценных материалах, остерегаясь принять поселения особого типа сохранности или своеобразные участки поселений за памятники особой исторической категории.

Вторая, очень важная и вместе с тем более сложная сторона проблемы археологической культуры — вопрос о содержании данного понятия. Мы подробнее остановимся на этом несколько ниже, здесь же отметим, что расхождения во взглядах различных специалистов по этому поводу тоже весьма велики. Намечаются две основные тенденции. Большинство исследователей используют понятия, выработанные в других науках об обществе («традиция», «этнос» и т. п.); другие же считают достаточным определение содержания на «чисто археологическом» уровне, через собственно археологические понятия, преимущественно через понятие «тип».

Едва ли правы те исследователи, которые предполагают изначальное существование палеолитических культур, начиная с олдувайской эпохи. Культуры — явление историческое, возникающее и развивающееся лишь на определенных этапах истории первобытного общества. Можно согласиться с А. А. Формозовым, предостерегающим от того, чтобы ставить знак равенства между палеолитическими культурами и культурами эпохи неолита и бронзы, а также подчеркивающим расплывчатый, нечеткий характер древнейших культурных различий. Отсутствуют основания для выделения в олдувайскую эпоху различных культур. Но уже в ашеле удается выделить своеобразные группы памятников, возможно, представляющие собой зарождающиеся культуры. В мустьерскую эпоху археологические культуры выступают отчетливее, а в позднем палеолите — еще более ясно.

В мустьерскую эпоху представлены также общности более крупного порядка, чем культуры, причем не территориальные. Они получили название линии развития (В. П. Любин), иначе — пути развития (Г. П. Григорьев), иначе — варианты (В. Н. Гладилин) и объединяют территориально разобщенные, однако близкие в технико-типологическом отношении индустрии[2]. Линии развития являются общими для обширных территорий Европы и Азии. Каждая из них включает большое количество мустьерских культур. В позднем палеолите они уже не наблюдаются. Общность, прослеживаемая внутри каждой линии развития (например, «типичное мустье», «мустье с ашельской традицией», «зубчатое мустье» и др.) иного характера, чем общность, наблюдаемая внутри той или иной мустьерской культуры. Она не связана с этническими объединениями. Вероятно, ограниченность технических возможностей людей мустьерской эпохи обусловливала независимое возникновение на разных территориях сходных технических приемов. Известную роль могла играть и общность происхождения (*Любин В. П.*, 1977а; *Гладилин В. Н.*, 1976).

В палеолите налицо и другие, тоже очень обширные, но уже территориальные единства. Это прежде всего историко-культурные области (этнокультурные области) — части ойкумены, у населения которых можно предполагать в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния сложились сходные культурно-бытовые (этнографические) особенности (*Чебоксаров Н. Н.*, *Чебоксарова И. А.*, 1971). Наряду с ними существовали и природно-хозяйственные области (зоны), где сходные природные условия создавали предпосылки для возникновения своеобразного хозяйственного уклада, отличающегося от хозяйственного уклада, представленного в соседних областях. Такое сходство природных условий и форм хозяйства сказывалось и на сходстве материальной культуры. Каждая из природно-хозяйственных областей могла включать

[2] Линии развития в понимании В. П. Любина в общем близки, но не идентичны путям развития в понимании Г. П. Григорьева и вариантам в понимании В. Н. Гладилина. Разработка данной проблематики в советской литературе по палеолиту далека от завершения, и формулировки их авторами время от времени уточняются. Для целей нашего обобщения некоторые расхождения по данному вопросу между тремя данными авторами не являются существенными.

несколько культур. Но общность этих культур объясняется уже не единством их происхождения и не существованием между ними историко-культурных связей, а сходством окружающей среды, образа жизни и хозяйства носителей данных культур.

Возникает вопрос, каково историческое содержание понятий культура палеолитического времени и историко-культурная область палеолита? Не надо забывать, что речь идет об этапах истории первобытнообщинного строя, когда только вызревал, а затем делал свои первые шаги родовой строй, основа всей первобытной истории. Вместе с родом только начинало возникать и племя. Поэтому простой перенос сюда расшифровки этих понятий, принятой для неолита и эпохи бронзы, был бы недопустим (*Формозов А. А.*, 1977). Наиболее четко, как нам представляется, положения об историческом содержании понятия палеолитическая культура сформулировал на примере мустьерских культур Кавказа В. П. Любин (1977а), развивающий здесь идеи А. Н. Рогачева (1957) о социальном и этнографическом содержании этого понятия. Палеолитические культуры, надо думать, отвечают территориально обособленным, самостоятельным, устойчивым производственным ячейкам этносоциального развития, которые объединялись силой родства, языка, социально-экономических установлений, осознанием членами этноса своего группового единства (*Любин В. П.*, 1977а, ср.: *Бромлей Ю. В.*, 1973). Каждая такая социальная и вместе с тем этническая ячейка вырабатывала у себя на основе предыдущего опыта отдельные специфические второстепенные детали техники и орудий, которые затем превращались в устойчивую техническую традицию, закреплялись и передавались по наследству из поколения в поколение. В мустьерскую эпоху эти группы первобытных людей являлись еще предшественниками будущих племен, и таким образом, мустьерские археологические культуры не могут рассматриваться как племенные. Но позднепалеолитические культуры, вероятно, уже соответствовали племенам или группам родственных племен, ибо эндогамное племя возникает взаимосвязано и одновременно с экзогамным родом. О более крупных этнических объединениях, например, о союзах племен или о народностях на ступени палеолита говорить не приходится. Историко-культурные (этнокультурные) области палеолита не отвечают каким-либо пусть даже неустойчивым этническим объединениям. Племена (и предшествовавшие им более примитивные и расплывчатые этносоциальные группы), входившие в одну историко-культурную область, осуществляли между собой на протяжении очень длительных эпох эпизодические хозяйственные, технические и социальные связи, взаимное влияние, были близки по образу жизни, бытовому укладу, хозяйству. Быть может, часть их была связана и общим происхождением. Впрочем, следует иметь в виду, что не все культуры обязательно входили в какую-либо историко-культурную область. Последние образовывались не всегда.

Мы переходим теперь к краткому очерку истории изучения палеолита СССР и к еще более краткому вступительному обзору источников.

История изучения палеолита нашей страны насчитывает немногим более 100 лет. Начало ей было положено в 1871 г. открытием И. Д. Черским и А. Л. Чекановским палеолитических культурных остатков на территории Иркутска. За этой находкой последовали другие. В первую очередь следует назвать открытия Ф. И. Каминским (1873 г.) Гонцовской стоянки на Полтавщине, И. С. Поляковым (1879 г.) Костенковской стоянки (Костенки I) на Дону, К. С. Мережковским (1879—1880 гг.) ряда палеолитических пещер и стоянок Крыма, И. Т. Савенковым (1883—1884 гг.) нескольких стоянок на Афонтовой горе у Красноярска, В. В. Хвойкой (1893 г.) Кирилловской стоянки в Киеве, Ф. К. Волковым (1908 г.) Мезинской стоянки на Десне. Приведенный перечень не является исчерпывающим, но охватывает наиболее важные, сыгравшие значительную роль в развитии отечественной науки, работы. Открытия в большинстве случаев сопровождались раскопками. В отдельных случаях последние производились систематически, в течение нескольких лет. Так, в 1894—1900 гг. исследовалась В. В. Хвойкой Кирилловская стоянка, а в 1909—1916 гг. Ф. К. Волковым и его учениками — Мезин. Большое значение имели и проведенные в 1914—1915 гг. при ближайшем участии В. А. Городцова новые раскопки Гонцов (*Городцов В. А.*, 1926).

В целом объем полевых работ по палеолиту (разведки, сбор подъемного материала, наблюдение за хозяйственными и строительными земляными работами, раскопки) был в дореволюционной России очень незначительным. Этот раздел археологии, как тесно связанный с материалистическим естествознанием, не пользовался почетом в официальной русской дореволюционной археологической науке. В результате к 1917 г. на территории России было известно менее двух десятков палеолитических местонахождений; степень исследованности каждого из них являлась очень небольшой. Все же разрозненными полевыми работами небольшого масштаба, организовывавшимися самыми разными научными установлениями, а часто усилиями отдельных археологов-энтузиастов, действовавших на свой страх и риск, без чьей-либо поддержки, было доказано заселение ряда территорий Европейской России, Украины, Крыма, Кавказа, Сибири палеолитическими людьми, выявлены разные типы памятников, успешно разрабатывалась методика раскопок палеолитических поселений, обнаружены замечательные произведения палеолитического искусства. Именно в эти предреволюционные десятилетия положено начало комплексному исследованию палеолитических памятников с участием геологов и палеозоологов. Были созданы предпосылки для сложения отечественной школы изучения палеолита.

Полевые работы в дореволюционной России по палеолиту подытожены известной, очень тщательно составленной сводкой А. А. Спицына (*Спицын А. А.*, 1915), явившейся, по образному выражению С. Н. Замятнина, своего рода сигналом о бедственном состоянии у нас этой отрасли археологического знания (*Замятнин С. Н.*, 1946). Работа А. А. Спицына не претендовала на обобщения. Последние вышли из-под пера Ф. К. Волкова (*Волков Ф. К.*, 1913). Ф. К. Волков не смог дать правильной оценки ряду выдающихся достижений русских и украинских исследователей палеолита. Его работы содержат ошиб-

ки. Но в то же время он много сделал для внедрения в отечественную науку о палеолите строгих научных требований, для ознакомления русских и украинских археологов с передовыми в ряде отношений методами изучения палеолита, выработанными во Франции, наконец, для борьбы с дилетантизмом. Учениками Ф. К. Волкова являлись создатель советской школы изучения палеолита П. П. Ефименко, а также один из самых крупных советских палеолитоведов Г. А. Бонч-Осмоловский.

После Великой Октябрьской социалистической революции исследования по палеолиту СССР развернулись очень широко. Уже за период с 1917 по 1941 г. они дали крупные результаты. Количество палеолитических памятников, известных на территории СССР, превысило 300. Были ликвидированы многочисленные белые пятна на карте палеолита СССР, открыты местонахождения, более древние, чем мустьерские (*Замятнин С. Н.*, 1937а), обнаружены погребения и костные остатки ископаемых людей, как неандертальцев, так и позднепалеолитических (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1940; *Окладников А. П.*, 1949; *Герасимов М. М.*, 1931). Целые группы стоянок и пещер подверглись систематическим, планомерным раскопкам с участием представителей естественнонаучных дисциплин (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1934; *Сосновский Г. П.*, 1934). Были созданы обобщающие труды, посвященные геологии и фауне палеолита СССР (*Мирчинк Г. Ф.*, 1934; *Громов В. И.*, 1948).

Переломными в развитии отечественного палеолитоведения явились конец 20-х и начало 30-х годов. Это был период марксистско-ленинской перестройки советской археологической науки, превращения ее в науку историческую. Советские исследователи поставили перед собой задачу изучать палеолитические памятники не как места залегания каменных и костяных орудий и остатков ископаемой фауны, а как источники воссоздания истории первобытнообщинного строя. Эта задача вызвала к жизни новую методику раскопок древних поселений, а последняя привела в свою очередь к обнаружению и расшифровке остатков разнообразных палеолитических жилищ (*Замятнин С. Н.*, 1935а; *Ефименко П. П.*, 1931, 1934; *Воеводский М. В.*, 1948). Тем самым советские исследователи заняли ведущее положение в мировой науке о палеолите. Одновременно с этим в 30-х годах был ликвидирован разрыв между историей первобытной культуры и социологией, с одной стороны, и археологией палеолита, с другой. Вместе с этнографами и антропологами советские палеолитоведы создали разработки периодизации ранних этапов развития первобытнообщинного строя и примерного сопоставления их с эпохами каменного века (*Ефименко П. П.*, 1953; *Замятнин С. Н.*, 1961а).

Необходимо отметить и недостатки в исследованиях советских специалистов по палеолиту 30-х годов. Это — увлечение социологизаторскими схемами, недостаточный учет конкретного исторического своеобразия различных палеолитических памятников и их групп. Однако эти ошибки не повели к какому-либо умалению полевых работ. Показательно, что такие, получившие всемирную известность палеолитические памятники, как Яштух, Тешик-Таш, Костенки I, Костенки IV, Тимоновка, Чулатово, Пушкари, Елисеевичи, Мальта, Буреть и многие другие, были открыты или же подверглись широким раскопкам именно в это предвоенное десятилетие.

К числу крупнейших достижений советской довоенной науки о палеолите следует отнести выпуск двух первых изданий фундаментального труда П. П. Ефименко (1934, 1938), ставшего на ряд десятилетий настольной книгой для всех исследователей каменного века и историков первобытного общества, равно как и создание трехтомной и по сей день являющейся образцовой монографии Г. А. Бонч-Осмоловского о гроте Киик-Коба (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1940, 1941, 1954; последний том опубликован посмертно).

В период Великой Отечественной войны советская наука о палеолите понесла тяжелые утраты (гибель исследователей, разорение памятников и коллекций). Но уже в 1945 и 1946 гг. как полевые, так и обобщающие теоретические работы развернулись в очень широких размерах и успешно продолжаются по сей день.

За отрезок времени с 1945 по 1983 г. авторитет отечественной школы изучения палеолита закрепился как в советской, так и в мировой археологической науке.

Для характеристики исследований послевоенных десятилетий показательно то, что в настоящее время на территории СССР известно свыше 1000 палеолитических памятников. Они теперь открыты практически во всех частях Советского Союза. Давние слова А. А. Спицына: «Неолита нет там, где его не ищут», становится возможным в значительной степени распространять и на палеолит. Впервые установлено заселение палеолитическими людьми территории Армении, Азербайджана, Туркмении, Таджикистана, Казахстана, Приморья, Крайнего Севера нашей страны, включая бассейны Печоры и Алдана, Камчатку. Тщательно раскопаны сотни палеолитических стоянок и пещер с хорошо выраженным культурным слоем, сохранившим фаунистические остатки. Но главное не этот количественный и территориальный рост, а усовершенствование методов исследования, постановка и разрешение ряда новых историко-археологических проблем, гораздо более высокий, чем в предвоенные десятилетия, уровень использования палеолитических памятников как исторических источников. Есть все основания говорить о качественно новом этапе развития советской науки о палеолите.

Останавливаясь более подробно на характерных признаках этого этапа, следует назвать комплексность исследований, гораздо более широкое привлечение к ним представителей естественно-научных дисциплин, глубокое внимание, уделяемое палеоэкологии (ПРПО, 1969; ПЧПС, 1974; ПДЧ, 1977; Археология и палеогеография... 1978). Резко увеличилось число древне- и позднепалеолитических памятников и их групп, всесторонне, комплексно исследованных при ближайшем участии геологов, палеопедологов, палеозоологов, палеоботаников и других специалистов. К таким памятникам относятся стоянки Поднестровья (*Черныш А. П.*, 1959; *Иванова И. К.*, 1959; Многослойная..., 1977), Костенковские поселения (*Рогачев А. Н.*, 1957; *Лазуков Г. И.*, 1957; *Величко А. А.*, 1963), стоянки Десны (*Величко А. А.*, *Грехова Л. В.*, *Губонина З. П.*, 1977), Сунгирь (*Сукачев В. Н.*, *Громов В. И.*, *Бадер О. Н.*, 1966), Ку-

дарские пещеры (*Любин В. П.*, 1980), стоянки и местонахождения Средней Азии (*Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973), берегов Енисея (*Абрамова З. А.*, 1979 а, б; *Цейтлин С. М.*, 1979) и многие другие. С этим же связано распространение при изучении палеолитических памятников метода радиоуглеродного датирования. Как известно, он начал широко применяться в зарубежной археологии с 1949 г. Еще в 60-х годах советская археология существенно отставала в данной области от археологической науки в ряде зарубежных стран. За последнее десятилетие разрыв значительно уменьшился. Для многих стоянок и их групп получены целые серии проверенных радиоуглеродных дат (Проблемы абсолютного датирования, 1972; Геохронология СССР, 1974; Геохронология четвертичного периода, 1980). Все же пока еще нельзя утверждать, что радиоуглеродные даты стали основой хронологии и периодизации палеолита СССР. Они должны стать такой основой в более или менее близком будущем.

Особенно успешно продолжала развиваться за прошедшие три десятилетия выработанная советскими исследователями палеолита и оказавшая большое влияние на мировую археологическую науку методика раскопок поселений. В результате в настоящее время на территории СССР открыты и опубликованы многие десятки разнообразных палеолитических жилищ и их групп (*Рогачев А. Н.*, 1959; 1970). Доказано существование долговременных жилищ в мустьерскую эпоху (*Черныш А. П.*, 1965). Проделана большая работа по выявлению разных типов поселений и их составных частей и деталей (очаги, места обработки камня и др.).

Одним из центральных разделов палеолитоведения всегда являлось и является в наши дни изучение каменных и костяных орудий. В этой области следует прежде всего назвать созданные советской археологической наукой трасологические методы, изучение назначения первобытных орудий по следам изношенности, сохранившимся на их поверхности (*Семенов С. А.*, 1957; 1968). Археологическая трасология — иначе функциология каменного века — начала вырабатываться еще в конце 30-х годов, но расцвет ее относится к послевоенным десятилетиям. В настоящее время она широко дополняется и проверяется экспериментальными исследованиями, представляющими собой, как можно полагать, одну из наиболее удачных и перспективных форм научного моделирования в изучении каменного века. В области экспериментальных, а особенно трасологических исследований техники каменного века советская наука занимает ведущее положение среди зарубежных археологических школ.

Было бы ошибочно противопоставлять трасологию типологии каменных орудий или отрывать одну от другой. Если в индивидуальной исследовательской практике отдельных специалистов по палеолиту можно наблюдать иногда недооценку трасологии при чрезмерном внимании, уделяемом типологии, или же обратное явление, то в целом советской науке о палеолите это чуждо. Наряду с трасологическими и экспериментальными исследованиями советские археологи, особенно за последние полтора десятилетия, успешно исследовали проблемы типологии палеолита. Разрабатывались проблемы галечных орудий, зубчатого мустье, леваллуа, позднепалеолитических орудий, разных особенностей техники раскалывания кремня и ретуши, разновидностей отщепов, пластин и нуклеусов (*Любин В. П.*, 1965; *Ранов В. А.*, 1971; *Сулейманов Р. Х.*, 1972; *Абрамова З. А.*, 1971; 1972б; *Гладилин В. Н.*, 1976). В значительной степени именно с этими разработками были связаны вообще методические и методологические исследования: опыты обоснования и развития типологического метода, разработки системы основных понятий и т. д.

Важным достижением советской науки о палеолите, характеризующим послевоенный этап ее развития, явилось установление существования в позднем палеолите ряда культур (*Рогачев А. Н.*, 1957). Эти культуры были частично одновременны одни другим и развивались в сложных взаимоотношениях. Затем было доказано наличие различных культур еще в мустьерскую эпоху древнего палеолита (*Любин В. П.*, 1977а). В настоящее время оживленно обсуждаются вопросы выделения культур в ашеле. Можно констатировать, что несколько упрощенные, прямолинейные представления о палеолите 30—40-х годов, в которых на первый план выступало автохтонное развитие техники, хозяйства и культуры, и только оно, сменились конкретно-историческими разработками, выявляющими происхождение и взаимодействие разнообразных палеолитических культур во всем их своеобразии.

Точно так же, как трасология не означает отрицания типологии каменных орудий, изучение палеолитических культур в их взаимных отношениях, передвижениях и развитии не означает отказа от социологии палеолита. Последние десятилетия советские археологи продолжали настойчиво работать над реконструкцией общественных отношений эпохи палеолита, в частности над проблемой значимости разных категорий палеолитических культурных остатков для подобной реконструкции (*Ефименко П. П.*, 1953; *Окладников А. П.*, 1968; *Григорьев Г. П.*, 1972; *Борисковский П. И.*, 1979). Подвергся пересмотру вопрос о первобытном стаде и о материнском роде, об эпохах палеолита, которые могли бы отвечать этим стадиям развития первобытнообщинного строя.

Послевоенный этап советской науки о палеолите ознаменовался также крупными сдвигами в области изучения памятников первобытного искусства и погребального культа. В первую очередь следует назвать открытие палеолитической живописи Каповой пещеры (*Бадер О. Н.*, 1965), росписей на костях Мезина и Межиричей (*Шовкопляс И. Г.*, 1965; *Пидопличко И. Г.*, 1976), новых разнообразных женских статуэток в Костенках I (А. Н. Рогачев, Н. Д. Праслов), Авдееве (М. В. Воеводский, М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев), Гагарине (Л. М. Тарасов) и Хотылеве II (Ф. М. Заверняев). Единственная из национальных археологических школ, советская школа изучения палеолита создала исчерпывающий свод памятников палеолитического искусства, открытых на территории СССР (*Абрамова З. А.*, 1962). Если до 1941 г., помимо мустьерских погребений Киик-Кобы и Тешик-Таша, на территории СССР было известно только одно позднепалеолитическое погребение в Мальте, то в настоящее время весьма богатые и выразительные группы памятников позднепалеолитического погребального культа изучены в Костенковских стоянках и в Сунгире.

После краткого очерка истории изучения палеолита СССР мы перейдем теперь к источниковедческим вопросам, к современному состоянию изученности памятников этой эпохи на территории нашей страны. Достижения отечественной науки о палеолите впечатляющи. Но это не должно заслонять от нас те вопросы и проблемы, которые исследованы недостаточно или для разрешения которых наука не располагает удовлетворительными материалами.

Территории нашей страны, которые могли быть обитаемы в палеолите, но где достоверные и выразительные памятники этих эпох не обнаружены или почти не обнаружены, немногочисленны и относительно необширны. К ним относятся среднее течение Волги между Саратовом и Горьким и непосредственно прилегающие к нему с запада, востока и севера районы, а также Западная Сибирь к северу от Алтая. Несколько более многочисленны территории, где открыты памятники ограниченного хронологического диапазона, относящиеся лишь к определенным, ограниченным эпохам палеолита, тогда как пещеры, стоянки, местонахождения других эпох не представлены или представлены очень слабо. Так, в Крыму и в Средней Азии открыто много выразительных памятников мустьерской эпохи, в то время как поздний палеолит известен очень плохо. В Казахстане хорошо, многочисленными богатыми местонахождениями представлен ашель, а мустьерские и позднепалеолитические памятники бедны и невыразительны. Палеолитические памятники Приморья очень немногочисленны и, как правило, не содержат фаунистических остатков. Между Воронежем и Курском на юге и Владимиром на севере известно много позднепалеолитических поселений, в то время как мустьерские отсутствуют, хотя и хорошо представлены к северо-западу от Курска, в районе Брянска, на Десне. Особенностью подобных белых пятен и абсолютных и относительных, хронологических, является то, что в процессе полевых изысканий они сравнительно быстро сужаются или исчезают. Поэтому, как нам представляется, и приведенный здесь их краткий перечень имеет в значительной степени преходящий характер.

Сложнее обстоит дело с вопросом о находках древнейших, относящихся к олдувайской и ашельской эпохам, остатков человеческой культуры. Проблема эта специально рассматривается ниже (часть II, гл. 1). Здесь отметим лишь, что в СССР отсутствуют хорошо стратифицированные комплексы каменных орудий, более древние, чем ранний ашель. Следует ли ожидать в дальнейшем в южных районах нашей страны открытия олдувайских остатков, или же первые люди здесь появились только в ашеле,— вопрос этот не может в настоящее время считаться окончательно решенным.

Речь шла о количественных проблемах — территориальных и хронологических. Менее благополучно обстоит дело, если перейти к качеству имеющихся налицо палеолитических памятников СССР, к тому, насколько полными и всесторонними они являются и насколько полно и всесторонне они исследованы и опубликованы. В понятие полноты и всесторонности памятника мы включаем в первую очередь связанность его с хорошо выраженным и хорошо сохранившимся культурным слоем, содержащим фаунистические остатки, поддающиеся геологической датировке и доставившем радиоуглеродные даты. Сюда же относится наличие на памятнике нескольких перекрывающих друг друга разновременных культурных слоев. Наконец, в это же понятие входит связанность с памятником хорошо сохранившихся и поддающихся расшифровке древних хозяйственных и жилищно-бытовых комплексов, произведений искусства, палеоантропологических остатков.

Ашель представлен на территории СССР только пятью полноценными пещерными памятниками с хорошо выраженным культурным слоем, включающим фаунистические остатки. Это — Кударо I и III, Цонская и Азыхская пещеры на Кавказе и Выхватинцы в Молдавии. Остальные ашельские памятники — богатые местонахождения, доставившие большие серии выразительных каменных изделий, но без сопровождающих фаунистических остатков и большей частью залегающих на поверхности земли (Сатани-Дар, Яштух, Житомирская стоянка, Королево и многие другие), или же аналогичные бедные местонахождения и находки единичных каменных изделий. Подобные местонахождения в ряде случаев геологически датируются, но эти даты не являются бесспорными. Радиометрические даты, в том числе и для пещерных памятников, отсутствуют, так как ашель располагается как раз в промежутке между диапазонами применения калий-аргонового и радиоуглеродного методов абсолютного датирования.

Гораздо лучше представлена мустьерская эпоха, все ее подразделение. Сюда относится большое число выразительных пещер и поселений под открытым небом с хорошо выраженным культурным слоем, включающим фаунистические остатки, геологически датируемым и доставившим радиоуглеродные даты. Многие являются многослойными, содержат несколько мустьерских культурных слоев. Некоторые сохранили остатки жилых сооружений. Несколько мустьерских памятников Крыма и Кавказа и один Узбекистана доставили выразительные палеоантропологические остатки. Единичные человеческие остатки происходят и из отдельных мустьерских памятников Приазовья.

Памятники, непосредственно сменяющие мустьерские, относящиеся к самому началу позднего палеолита, являются в СССР немногочисленными, и хронологическое их положение небесспорно. Это связано не с безлюдностью обширных земель в начале позднего палеолита, а в значительной степени с отсутствием общепризнанной устоявшейся общей периодизации позднего палеолита СССР, которая охватывала бы не только бассейны некоторых крупных рек, отдельные регионы, а широкие территории, скажем, от Белоруссии до Урала и от Урала до Приморья. Такая общая периодизация только вырабатывается.

Зато поздний палеолит в целом представлен в СССР хорошо, большим числом полных и всесторонних памятников, в том числе и многослойных. В ряде поселений сохранились и тщательно изучены выразительные хозяйственно-бытовые остатки. Многие десятки памятников доставили радиоуглеродные даты. Все же последних относительно мало, и пока еще в этом отношении палеолит СССР уступает палеолиту Центральной и Западной Европы. Относительно мало и палеоантропологических остатков.

Если говорить о современном состоянии изученности палеолита СССР, то, пожалуй, наиболее узким местом остается монографическая комплексная всесторонняя публикация палеолитических поселений. Еще многие богатые и раскопанные в больших размерах памятники, начиная с таких классических, как Тимоновка I, Елисеевичи, стоянка Талицкого, Самаркандская стоянка, Мальта, остаются монографически неопубликованными, что, естественно, затрудняет дальнейшее развитие исследований по палеолиту СССР.

Для археологии палеолита, как, впрочем, и для других разделов археологической науки, характерно наличие многих спорных положений. Наука о палеолите развивается в оживленных дискуссиях. Горячие споры идут не только между представителями передового марксистско-ленинского мировоззрения, с одной стороны, и буржуазными учеными, с другой, но и внутри советской школы изучения палеолита, среди исследователей, стоящих на позициях марксизма-ленинизма. Многие проблемы палеолита не имеют единого решения. Исследователи дают на них неодинаковый ответ. В ходе дискуссий, порой многолетних, одни спорные моменты снимаются и устанавливаются общепризнанные положения, но вместе с тем возникают новые спорные вопросы. Это нормальный процесс развития науки. Речь, разумеется, идет не о разногласиях между профессионалами и дилетантами, а о концепциях, которые, будучи спорными, вместе с тем допустимы на профессиональном научном уровне, которые имеют хождение на равных правах.

Подобные расхождения по отдельным вопросам имеются и между авторами настоящей книги. Они, эти расхождения (их сравнительно немного), отражают состояние современной советской и зарубежной науки о палеолите. Мы уже останавливались на таких спорных моментах, когда шла речь о периодизации палеолита (вопрос о среднем палеолите), о критериях выделения палеолитических культур и других подразделений. Имеются расхождения в применении отдельных археологических терминов и в датировке некоторых памятников. Наглядный пример последних — вопрос о возрасте известного древнепалеолитического местонахождения Сатани-Дар в Армении, датируемого Н. Д. Праcловым (ч. II, гл. 1) ранним ашелем, а В. П. Любиным (ч. II, гл. 2) — в основном концом ашеля.

Авторы и редакция тома не считали целесообразным сглаживать, нивелировать подобные единичные расхождения, превращая книгу в нечто безликое и обтекаемое. Столкнувшись на страницах одного труда с отдельными случаями разной трактовки тех или иных проблем, читатель лучше ознакомится с современным состоянием науки о палеолите, сможет ближе подойти к лаборатории исследователя. Но в тексте в соответствующих местах сделаны оговорки для того, чтобы спорное в действительности положение не выглядело как единственно существующее и единственно возможное.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Геологические и палеогеографические рамки палеолита. Развитие природной среды на территории СССР и проблемы хронологии и периодизации палеолита

Глава первая
Геологические и палеогеографические рамки палеолита

Глава вторая
Развитие природной среды на территории СССР в антропогене и проблемы хронологии и периодизации палеолита

Глава первая
Геологические и палеогеографические рамки палеолита

Замечательные открытия по палеолиту на территории Старого Света, сделанные в последние 25—30 лет, значительно изменили наши представления о времени появления на Земле ископаемого человека и его предков, о возникновении сознательной деятельности и о стратиграфическом положении отдельных этапов развития человеческой культуры. Эти открытия внесли существенные коррективы не только в археологию, но и вызвали большую перестройку стратиграфических схем кайнозойской эры, особенно ее последних периодов — плиоцена и плейстоцена (*Марков К. К., Величко А. А., Лазуков Г. И., Николаев В. А.*, 1968; *Иванова И. К.*, 1965; *Величко А. А.*, 1973). Под давлением многочисленных фактов, в ряду которых археологические имеют немаловажное значение, сейчас значительно расширены хронологические рамки четвертичного периода, или квартера. Еще совсем недавно к новейшему геологическому периоду Земли — плейстоцену относили отложения, сформировавшиеся со времени начала гюнцского похолодания, которое в абсолютном летоисчислении датировалось в 800—900 тысяч лет тому назад. На этом рубеже проводили нижнюю границу плейстоцена или ледникового периода (рис. 1).

Для обозначения последнего геологического периода в истории Земли используется несколько равнозначных терминов, которые являются практически синонимами: квартер, четвертичный период, плейстоцен, новейший период, ледниковый период. Употребление этих терминов не обусловлено особым смыслом, и поэтому их следовало бы заменить единым общепринятым, который больше бы отражал суть данного геологического отрезка времени. Еще в 1922 г. выдающийся русский геолог А. П. Павлов предложил название «антропогеновый период (система)», поскольку появление человека было совершенно новым событием в истории Земли, явившимся ярким примером неповторимости эволюции природы (*Павлов А. П.*, 1922). Советские геологи предлагают закрепить это название решением Международного геологического конгресса. Однако пока по-прежнему употребляются различные термины, которым отдают предпочтение те или иные геологические школы и которые нужно рассматривать как синонимы.

В 1948 г. на Лондонском международном геологическом конгрессе было рекомендовано проводить нижнюю границу четвертичного периода под континентальными виллафранкскими отложениями в долине р. Арно в Италии, синхронными морскому калабрию. Морские слои калабрия, по-видимому, соответствуют апшерону понто-каспийской области в СССР. Виллафранк был разделен сначала на два горизонта: верхний и нижний, а затем — на три. В СССР с виллафранком сопоставляют отложения с так называемым хапровским фаунистическим комплексом (*Громов В. И., Краснов И. И.* и др., 1961), который В. И. Громов предложил относить к «эоплейстоцену» (*Громов В. И.*, 1969).

Не вдаваясь глубоко в дискуссию по хронологическим рамкам четвертичного периода, состояние которой отражено в большом количестве специальных работ (*Иванова И. К.*, 1965; *Лаврушин Ю. А.*, 1966; *Краснов И. И., Никифорова К. В.*, 1973 и др.) отметим, что для археологии этот вопрос имеет большое практическое значение, так как только на основе геологической стратиграфии возможно построение хронологической канвы археологических эпох в разных районах и их корреляция между собой.

Открытия в Олдувайском ущелье в Восточной Африке прогрессивных форм гоминид вместе с примитивными галечными изделиями, датируемыми калий-аргоновым методом в 1,75 млн. лет и в долине Омо в Эфиопии с возрастом более 2 млн. лет, удревнили нижнюю границу появления человека и его культуры более чем в два раза по сравнению с рубежом, который определялся раньше примерно в 800 тыс. лет. Следовательно, учитывая такой важный момент, как возникновение труда и сознания, целесообразно нижнюю границу антропогена опустить под верхний виллафранк, с которым связаны наиболее древние находки примитивных каменных изделий ископаемых гоминид. Для археологов антропоген начинается с момента изготовления первых, хотя и очень примитивных, но осознанных орудий труда. Биостратиграфические и климатостратиграфические данные (*Громов В. И.*, и др., 1969) также указывают на то, что нижняя граница антропогена или четвертичного периода должна быть отнесена на уровень около 2 млн. лет (*Никифорова К. В., Краснов И. И.* и др., 1977, с. 200).

Основываясь на самых различных показателях изменений природных условий антропоген предложено подразделять на два яруса — эоплейстоцен и плейстоцен. К эоплейстоцену относят апшеронские отложения на территории нашей страны. Граница между эоплейстоценом и плейстоценом проводится под основанием кромера по североевропейской стратиграфической шкале или под основанием тираспольских отложений в Восточной Европе на уровне около 700 тыс. лет. Наиболее изученный отрезок времени от 700 тыс. лет назад до 10 тыс. лет назад подразделяется на нижний, средний и верхний плейстоцен. Нижний плейстоцен охватывает кромерские лесные слои и эльстерское или миндельское похолодание. Средний плейстоцен начинается большим миндель-рисским межледниковьем (гольштейн), которому в Восточной Европе соответствует лихвинский горизонт и заканчивается рисским оледенением, стадией варта по североевропейской шкале или московским оледенением (стадией на территории Восточной Европы). К верхнему плейстоцену относятся рисс-вюрмские (-микулинские-эемские) межледниковые отложения и последнее вюрмское или валдайское оледенение (см. рис. 1).

Используемая здесь схема подразделения антропогена пока не является общепринятой. Среди геоло-

Графа	Подразделения (сверху вниз)
Хронологическая шкала в млн. лет	-0,1; -0,2; -0,3; -0,4; -0,5; -0,6; -0,7; -0,8; -0,9; -1,0; -1,1; -1,2; -1,3; -1,4; -1,5; -1,6; -1,7; -1,8; -1,9; -2,0
Палеомагнитная шкала: Эпизод / Эпоха	0,110 Блейк; 0,215; 0,315; 0,73; 0,89 Харамильо 0,95; 1,67 Олдувай 1,87; Брюнеса (нормальная); Матуяма (обратная)
Подраздел	Верхний плейстоцен; Средний плейстоцен; Нижний плейстоцен; Эоплейстоцен; Плиоцен
Альпийская стратиграфическая шкала	Вюрм; Рисс; Миндель-рисс; Миндель; Гюнц-миндель; Гюнц; Дунай-гюнц; Дунай; Бибер-Дунай
Северо-европейская стратиграфическая шкала	Висла; Зем; Варта; Заале (Тренс, Дренте); Гольштейн; Эльстер; Кромер; Менапий; Ваалий; Эбуроний; Тиглий
Восточно-европейская стратиграфическая шкала (горизонты)	Валдай (Верхний, Средний, Нижний); Микулинский; Московский; Одинцовский; Днепровский; Лихвинский; Окский; Колкотовский; Платовский; Михайловский; Морозовский; Ногайский; Жевахов-ский; Бошерниц-кий; Домашкинский; Ферладанский; Крыжановский
Восточно-сибирские стратиграфические горизонты	Сартанский; Каргинский; Зырянский; Казанцевский; Самаровский; Тобольский
Фаунистические комплексы	Верхнепалеолитический; Хазарский; Сингильский; Тирaспольский; Таманский; Одесский; Хапровский
Крупные млекопитающие	Mammuthus primigenius chosaricus; Palaeoloxodon antiquus; Archidiskodon trogontherii (wüsti); tamanensis; Archidiskodon meridionalis meridionalis; Archidiskodon gromovi
Климатическая кривая	Тепло Холод
Ископаемый человек	Неоантропы; Палеоантропы; Архантропы; Австралопитековые; Australopithecus (Homo habilis)
Археологическая периодизация	Поздний палеолит; Мустье; Тайак; Микок; Клектон; Ашель; Аббевиль; Олдувай
Хронологическая шкала в млн. лет	0,1; 0,2; 0,3; 0,4; 0,5; 0,6; 0,7; 0,8; 0,9; 1,0; 1,1; 1,2; 1,3; 1,4; 1,5; 1,6; 1,7; 1,8; 1,9; 2,0

Рис. 1. Хроностратиграфическая схема антропогенных отложений Европейской части СССР и корреляция с другими регионами.

Составлена по материалам К. В. Никифоровой, И. И. Краснова, Л. П. Александровой, Ю. М. Васильева, Н. А. Константиновой, А. Л. Чепалыги, Н. В. Кинд с изменениями и дополнениями Н. Д. Праслова

гов идут большие дискуссии по вопросам проведения тех или иных границ. Международный союз по изучению четвертичного периода (INQUA) придает большое значение выработке единой унифицированной схемы подразделения последнего этапа в истории Земли. С этой целью выделено несколько международных комиссий, которые специально разрабаты-

вают те или иные спорные вопросы. Работа этих комиссий находит отражение в большом количестве публикаций. Здесь нет необходимости говорить о всех сложностях, которые возникают у исследователей при установлении той или иной границы. Для нас важно то, что природа за этот отрезок времени претерпела значительные изменения, которые нашли отражение в геологической летописи Земли на разных территориях, и эти изменения поддаются стратиграфическому и палеогеографическому изучению.

Стратиграфический анализ природных условий антропогена, широко использующий палеогеографические методы, отличается от стратиграфических исследований более отдаленных геологических эпох. Это объясняется не только тем, что антропоген наиболее короткий и наиболее близкий к современности геологический период, но главным образом тем, что в нем произошли крупнейшие изменения всех компонентов природы — рельефа, осадконакопления, климата, флоры, фауны и человека. Считается, что общими причинами всех этих изменений были тектонически обусловленные преобразования поверхности земли и ее преобразование, обусловленное солнечной радиацией (*Марков К. К.*, 1965).

Большинство геологов и палеогеографов считает, что главной чертой антропогенового периода является повсеместное похолодание климата. В результате активных тектонических поднятий происходило направленное, нараставшее похолодание всей поверхности Земли. Как полагают К. К. Марков и А. А. Величко, оно развивалось в сто раз скорее, чем в предшествующий период, в плиоцене (*Марков К. К., Величко А. А.*, 1967). Одновременно с усилением похолодания происходило изменение увлажненности поверхности Земли. Хотя похолодание было повсеместным, на разных территориях оно было различным или разномасштабным. По сравнению с современными температура колебалась от 4 до 60°. Однако, если похолодание было однонаправленным, то изменения увлажненности были разнонаправленны. Некоторые территории суши еще более увлажнялись, на других происходило усыхание (*Величко А. А.*, 1973).

Значительной особенностью антропогена является также ритмичность изменений природных условий. На фоне направленного процесса развития природы четко фиксируются изменения, заключавшиеся в повторном чередовании похолодания и потепления климата. Причем установлено, что эти колебания подчинены общему направленному процессу похолодания. Каждое последующее межледниковье было более холодным, чем предшествующее, так же, как более молодое оледенение было более суровым. А. А. Величко (1973) убедительно показал, что наиболее низкие температуры приходятся по времени на вторую половину валдайского оледенения, выделявшегося А. И. Москвитиным в самостоятельное осташковское оледенение. Хотя это оледенение занимало меньшую площадь, чем предшествующие (см. рис. 2), оно было наиболее суровым. В этом отчетливо проявляется, что похолодание и оледенение не совсем одно и то же. В период похолодания увеличивается континентальность климата, что, естественно, не способствует разрастанию ледника.

Отмеченные причины накладывались на разнообразие поверхности Земли, и поэтому в зависимости от местных географических условий общие закономерности проявлялись по-разному. Вот почему разработка стратиграфических схем для разных территорий требует максимального применения всех современных методов, используемых для палеогеографического анализа. Особенно большую роль должны играть данные, полученные независимыми друг от друга методами, что повышает достоверность выводов.

До недавнего времени основу палеогеографического анализа составляли наиболее разработанные биостратиграфические методы исследований — палеофаунистический и палеоботанический. Сравнительно недавно стал широко применяться палеопедологический метод. При изучении вещественного состава отложений наряду с традиционным минералогическим широкое применение получил и микроморфологический метод. Несомненное значение имеют исследования различных деформаций породы, особенно вызванных криогенными процессами (*Величко А. А.*, 1965).

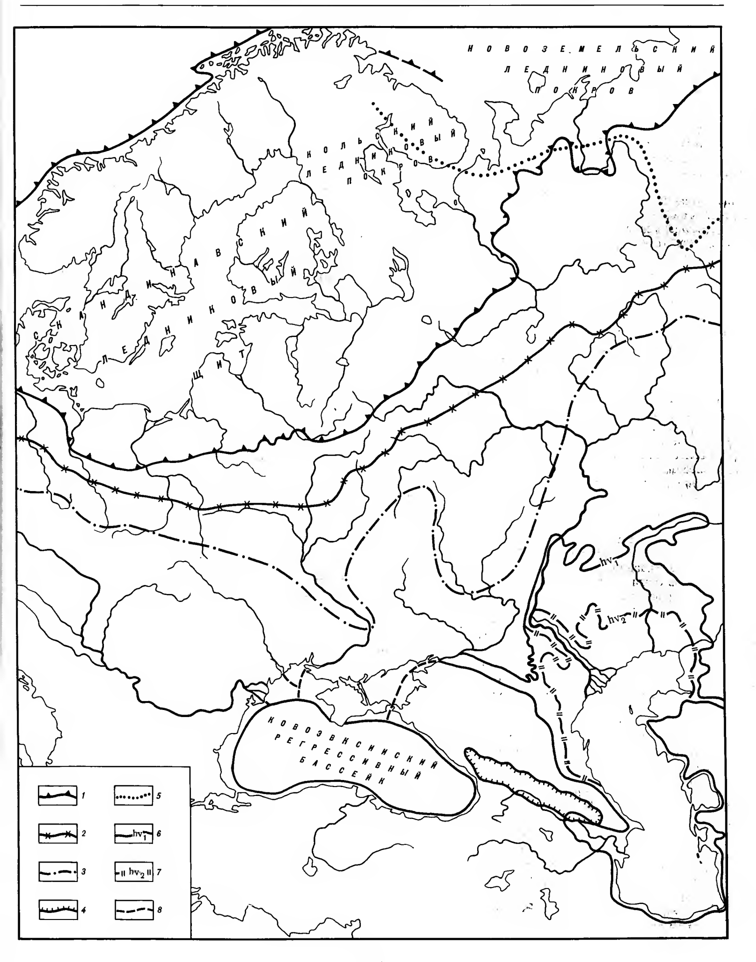
В изучении рыхлых отложений антропогена особое место занимают методы абсолютной геохронологии, так как при их помощи можно создать единую надежно обоснованную стратиграфическую шкалу, которая позволит проводить корреляцию различных литологических и фациальных свит, удаленных друг от друга, и более надежно восстанавливать общие палеогеографические явления. Сейчас широко применяются палеомагнитный, термолюминесцентный и несколько методов ядерной геохронологии для установления возраста отложений. К сожалению, пока нет ни одного метода геохронологии, который бы удовлетворял полностью требования исследователей антропогена. Даже примененные в комплексе они пока не позволяют получить даты по большей части континентальных отложений. Большие трудности представляет выбор материала для получения датировок антропогеновых осадков. Необходим один или какое-то строго ограниченное количество методов, которые позволили бы получать даты во всем возрастном диапазоне антропогена и при которых для датировок мог бы использоваться широко распространенный в отложениях любого генезиса материал. Даже такой распространенный и, казалось бы, надежный метод, как радиоуглеродный ограничен из-за того, что материалом для датировок по изотопу C^{14} служат только карбонатные и органические образования, которые практически не встречаются в таких отложениях, как ледниковые, флювиогляциальные, склоновые и др. Другие методы еще более ограничены в выборе материала для датирования.

Несмотря на отмеченные трудности, сейчас постепенно внедряются в практику радиоуглеродный, калий-аргоновый, уран-ториевый, рубидий-стронциевый, иониево-радиевый и другие методы.

К сожалению, следует отметить, что радиоуглеродный метод может применяться только в ограничен-

Рис. 2. Границы покровных плейстоценовых оледенений, морских трансгрессий и регрессий в Европейской части СССР

1 — граница распространения валдайского оледенения; *2* — граница московской стадии оледенения; *3* — граница днепровского оледенения; *4* — горное оледенение Кавказа; *5* — граница современной зоны вечной мерзлоты; *6* — граница распространения раннехвалынской трансгрессии; *7* — границы верхнехвалынской трансгрессии; *8* — русла рек во время новоэвксинской регрессии

НОВОЗЕМЕЛЬСКИЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПОКРОВ
КОЛЬСКИЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПОКРОВ
СКАНДИНАВСКИЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ЩИТ
НОВОЭВКСИНСКИЙ РЕГРЕССИВНЫЙ БАССЕЙН
hv1
hv2
1
2
3
4
5
6
7
8

ном хронологическом диапазоне — до 60—70 тыс. лет, да и то к датам свыше 35—40 тыс. лет необходимо относиться очень осторожно, поскольку они на пределе. Хорошо разработанный калий-аргоновый метод дает надежные даты только для эпох, имеющих древность свыше 400 тыс. лет. Применение иониевого метода позволяет охватить интервал времени от 60—70 тыс. лет до 400—500 тыс. лет, но этот метод еще слабо разработан. В результате большие промежутки времени остаются неохваченными. Довольно относительны значения палеомагнитного или термолюминесцентного методов, и их данными приходится пользоваться лишь в силу отсутствия других результатов.

Изложенное выше показывает, насколько сложно создание единой унифицированной схемы подразделения антропогеновой эпохи. Тем не менее выработка такой схемы крайне необходима. Без нее трудно увязывать отдельные этапы развития человека эпохи палеолита и его культуры, следы которых находят в различных регионах, порой значительно удаленных друг от друга. А это значит, что трудно понять и общие закономерности в развитии древнего человечества.

Памятники эпохи палеолита, появившись вместе с первыми орудиями труда более 2 млн. лет тому назад, очерчивают нижнюю границу этой самой длительной археологической эпохи. Вместе с новыми открытиями граница уточняется и имеет тенденцию к постепенному удревнению. Однако это решается главным образом на территориях за пределами нашей страны. Наиболее ранние памятники на территории СССР не древнее нижнего плейстоцена и даже, может быть, его конца. В эоплейстоценовых отложениях пока нигде не встречено достоверных следов ископаемого человека. Но, начиная с миндельского времени, количество палеолитических памятников постепенно возрастает, и расцвет их приходится на эпоху последнего оледенения, особенно на его вторую половину — от 35 тыс. лет назад. Палеолитические памятники этого времени в большом количестве известны на широком пространстве Северной Евразии; изучены они значительно лучше чем памятники других эпох.

Вопрос о верхней границе палеолитической эпохи не так прост, как кажется на первый взгляд. По общепринятому и широко распространенному мнению, палеолит заканчивается с наступлением современной геологической эпохи — голоцена. С началом геологической современности наступает эпоха среднекаменного века, или мезолита. В предложенной схеме мы придерживаемся такой точки зрения. Однако при решении этого вопроса возникают следующие сложности. Первая заключается в том, что начало геологической современности должно быть определено хронологически, а не палеогеографически. В южных районах, далеко отстоящих от края деградирующего ледника, природные условия, близкие современным, могли установиться несколько раньше, чем на севере, где еще продолжало сказываться дыхание ледника. Вторая сложность заключается в распознании адаптации древнего человека и его культуры к резко изменившимся условиям. Всюду ли характер культуры человека одинаково изменялся, в одном направлении через аналогичные формы приспособления к новым условиям, или реакция была различной? До сих пор остается дискуссионным вопрос об отнесении некоторых североевропейских памятников к палеолиту или мезолиту. Вспомним мнение П. П. Ефименко (1953, с. 630) и М. В. Воеводского (1934), касающееся возраста памятников свидерского типа. Появившись в позднеледниковье (*Schild R.*, 1975), они, судя по всему, сохраняются и в раннем голоцене на территории Прибалтики. На основании типологического анализа они относятся к палеолиту, т. е. сопоставляются с позднеледниковыми памятниками Польши. Но от этого они не становятся такими же и по возрасту. Перед нами один из примеров, когда не фиксируется четкая граница.

Общепризнанным считается, что эпоха мезолита характеризуется микроинвентарем с включением геометрических форм. Такие типы каменных индустрий на Ближнем и Среднем Востоке возникают более 10 тыс. лет тому назад, т. е. раньше, чем наступает геологическая современность — голоцен.

Все это показывает, насколько сложно обстоит дело с определением верхней границы палеолита и нижней границы мезолита археологическим путем. Не менее сложно решается и вопрос о границе плейстоцена и голоцена.

Как известно, граница плейстоцена — голоцена разными исследователями проводится на различных хронологических уровнях в интервале от 16 тыс. лет до 8 тыс. лет назад (*Хотинский Н. А.*, 1976, 1977; *Величко А. А.*, 1973). Однако в последнее время, несмотря на существующие разногласия, многие исследователи (*Марков К. К.*, 1965; *Нейштадт М. И.*, 1965; *Кинд Н. В.*, 1974; *Хотинский Н. А.*, 1976) приходят к выводу, что эта граница должна быть синхронной.

Наиболее значительные исследования проблемы определения границы плейстоцен — голоцен провели М. И. Нейштадт, К. К. Марков и в последнее время Н. А. Хотинский. М. И. Нейштадт (1965) усматривает эту границу на уровне в 12 тыс. лет, когда началось непрерывное накопление озерно-болотных отложений в умеренном поясе Евразии. По этой схеме в голоцен включаются вторая половина позднеледниковья (поздний дриас, аллерёд). К. К. Марков проводит нижнюю границу голоцена по контакту поздне- и послеледниковых отложений на уровне в 10 тыс. лет назад, когда начинается окончательное разрушение Скандинавского ледникового щита, перестает существовать балтийское ледниковое озеро — оно заменяется предбореальным иольдиевым морем, когда исчезают перигляциальные условия и начинают формироваться современные почвы.

По мнению Н. А. Хотинского (1976, с. 4), основной перелом в развитии природных условий Северной Евразии произошел около 10 300 лет назад, хотя он и не видит в прошлом «абсолютного» рубежа, который можно безоговорочно принять за границу плейстоцен—голоцен, так как считает, что не меньшее значение имеет и другой рубеж на уровне около 12—13 тыс. лет назад. Имеется в литературе мнение и о более позднем, чем десятое тысячелетие, начале геологической современности. Так, А. А. Величко (1973, с. 116—126) возвращается к мнению Лайеля и считает, что граница плейстоцен — голоцен должна проводиться на уровне около 8 тыс. лет назад. Следовательно многие мезолитические памятники попадают в плейстоцен и тогда надо ставить вопрос, что мезолит возникает в плейстоцене, как это уже и сделали некоторые археологи (*Матюшин Г. Н.*, 1976), правда, не имея для этого серьезных оснований.

Глава вторая
Развитие природной среды на территории СССР в антропогене и проблемы хронологии и периодизации палеолита

Освоение территории Северной Евразии первобытным человеком происходило на фоне больших климатических изменений, вызванных материковыми оледенениями. Детально разработанная история развития природы в антропогене позволяет наметить определенные соответствия этапов развития первобытного общества с определенными конкретными этапами истории Земли. Это дает возможность построить геохронологическую канву и разместить на ней археологические памятники.

Вопрос о геологическом возрасте палеолитических памятников является одним из главнейших в первобытной археологии, поскольку без установления возраста невозможно правильно понять и восстановить историю развития первобытного человека и его материальной культуры.

Несмотря на то что на территории нашей страны известно сейчас более тысячи палеолитических памятников, надежному стратиграфическому обоснованию их возраста поддаются лишь немногие, только те, которые имеют хорошо сохранившийся культурный слой в четких стратиграфических условиях. Многие палеолитические памятники представлены археологическим материалом, собранным на поверхности различных элементов рельефа, и практически не поддаются геохронологической расшифровке. Мнение о том, что высотное положение археологических памятников на определенных террасах указывает на их возраст (*Николаев В. А., Шанцер Е. В., Громов В. И.* — см.: *Громов В. И.*, 1948), не подтвердилось. На поверхности древних террас люди селились во все времена после их образования. Возраст террасы в таком случае указывает лишь на то, что археологический памятник не может быть древнее времени ее формирования. Обнаружение позднепалеолитической стоянки на эоплейстоценовой хапровской террасе у хут. Недвиговка на Нижнем Дону совсем не говорит о такой большой древности этого памятника.

В геологии довольно хорошо разработана стратиграфия террас, по которой формирование их увязано с основными палеогеографическими событиями антропогена. Однако эта стратиграфия редко может быть применена к установлению возраста палеолитических памятников, так как большинство последних связано с покровными отложениями, сформировавшимися на поверхности террас. И в этих случаях возраст аллювия террас указывает лишь на то, что залегающий выше археологический памятник не может быть древнее или синхронен времени формирования террасы. Известны редкие случаи, когда археологические памятники встречены непосредственно в аллювии террас. Возраст этих памятников определяется иначе. Они не могут быть позднее времени формирования аллювия той или иной террасы. Люди не жили в воде. Археологические материалы в таких случаях переотложены. Но переотложение могло происходить за счет разрушения более древних осадков. Следовательно, возраст аллювия указывает лишь на крайний верхний предел времени существования памятника. В этих случаях археологические изделия должны рассматриваться или как синхронные или, скорее всего, как более древние, чем время формирования террасы. Все это указывает на то, что для археологии палеолита наибольшее значение имеет разработка схемы развития и формирования континентальной покровной толщи осадков, изученной пока, к сожалению, далеко недостаточно. Исключение составляют лишь памятники, залегающие в типичных лессах, время накопления которых достаточно хорошо увязано с ледниковыми событиями. Такое же значение имеют и памятники, залегающие в ископаемых почвах, развивавшихся в интергляциальных или интерстадиальных условиях.

Еще сложнее обстоит дело с установлением возраста пещерных памятников, поскольку пещеры представляют собой изолированные полости, формирование рыхлых осадков в которых происходило несколько иначе. Однако и пещерные полости испытывали на себе влияние крупных общеклиматических колебаний, которые нашли отражение в различных типах осадков, поддающихся геохимической расшифровке (*Мадейска Т.*, 1977) и увязке их с общими палеогеографическими событиями.

При написании данного раздела использованы главным образом материалы по тем археологическим памятникам, которые залегают в достаточно четких стратиграфических условиях и которые изучены комплексно с применением различных, независимых друг от друга методов, что позволяет их более надежно разместить на геохронологической шкале. При этом максимально использованы работы советских и зарубежных геологов, занимавшихся вопросами датировки палеолита.

Среди советских геологов особенно большой вклад в изучение стратиграфии палеолита внесли А. П. Павлов, Г. Ф. Мирчинк, В. И. Громов, Г. И. Горецкий, А. И. Москвитин, М. Н. Грищенко, А. А. Величко, И. К. Иванова, Г. И. Лазуков, М. Ф. Веклич, Э. И. Равский, С. М. Цейтлин. Исключительно ценные результаты в последние годы получены благодаря применению комплексного подхода к исследованию разрезов в бассейне Днестра под руководством И. К. Ивановой и в бассейне Днепра под руководством А. А. Величко. Комплексное изучение пещер Центрального Кавказа развивает В. П. Любин. Большие комплексные работы традиционно проводятся также по исследованию палеолита Костенковско-Борщевского района. На территории азиатской части СССР работы такого плана пока значительно отстают по уровню от европейской части СССР. Однако и там сейчас имеются достаточно надежные данные по стратиграфии позднего палеолита в долине Енисея (работы

З. А. Абрамовой). Комплексные исследования начинают внедряться и в археологию палеолита Средней Азии (работы В. А. Ранова и А. Е. Додонова).

Несмотря на то что подавляющее большинство палеолитических памятников северной Евразии расположено в пределах внеледниковых перигляциальных районов, нельзя не остановиться на рассмотрении главных моментов в развитии самих оледенений.

Материковые оледенения были наиболее ярким природным феноменом в истории антропогена. Многие исследователи считают, что оледенения оказывали определяющее влияние на климат, а следовательно, и на историю природы не только в зоне развития ледников, но и в перигляциальных областях. Поэтому оценить природные изменения во внеледниковых районах возможно только путем сопоставления их развития с историей оледенения. В свою очередь историю ледниковых и перигляциальных районов необходимо сопоставить с историей развития южных морей, поскольку палеолитические памятники приурочены и к приморским районам.

История оледенений Северной Евразии изучена довольно хорошо. Она служит основой увязки главных природных событий плейстоцена. В нашей стране наибольшим распространением пользуются схемы, базирующиеся на исследованиях Г. Ф. Мирчинка (1936), А. И. Москвитина (1954, 1957, 1962, 1965, 1970), И. П. Герасимова и К. К. Маркова (1939), Г. И. Горецкого (1964, 1966, 1970), И. К. Ивановой (1965), А. А. Величко (1973), А. А. Асеева (1974) и др. Для обоснования этих схем большое значение имели исследования по ископаемым фаунам В. И. Громова (1948), В. И. Громовой (1965), Н. К. Верещагина (1959), палеофитологические исследования В. П. Гричука (1951, 1969, 1973), работы по литологии Е. В. Шанцера (1968), Н. В. Ренгартен и по ископаемым почвам и лессам И. П. Герасимова, А. А. Величко, Т. Д. Морозовой и др. В развитии палеокриогенного направления исследований много сделано А. И. Москвитиным, А. И. Поповым и А. А. Величко. На основании этих исследований широко применяется следующая схема оледенений и межледниковий для территории Восточной Европы (от древних к молодым) (рис. 1):

Окское оледенение, достигавшее границы примерно на 52—54° с. ш. Оно, возможно, разделяется на две стадии. Сопоставляется с миндельским оледенением альпийской шкалы и эльстером североевропейской шкалы.

Лихвинское межледниковье — наиболее значительное по времени и по теплым условиям, соответствует миндель-риссу альпийской шкалы и гольштейну североевропейской шкалы. В настоящее время его подразделяют на ряд более теплых и более холодных фаз (Разрезы отложений ледниковых районов центра Русской равнины, 1977).

Днепровское оледенение. Максимальное по площади распространение покровного льда, который двумя большими языками по Днепру и Дону доходил до широты г. Днепропетровска и г. Калача. Ему соответствует максимальная стадия рисского оледенения в Альпах и стадия дренте заальского оледенения североевропейской шкалы.

Одинцовское межледниковье, или днепровско-московский интерстадиал. В пределах Восточной Европы у г. Рославля выделяют отложения с теплолюбивой флорой (почему иногда называют этот интерстадиал рославльским). Межледниковый характер этих отложений пока нельзя считать доказанным. На территории Центральной и Западной Европы на этом уровне также выделяют интерстадиал.

Московское оледенение размещалось в рамках окского оледенения, т. е. достигало южной границы примерно на 52—54° с. ш. Большинство исследователей считают его стадией максимального оледенения и сопоставляют со стадией варта североевропейской стратиграфической шкалы. Оно заканчивается с началом большого теплого межледниковья.

Микулинское (мгинское) межледниковье начинает верхний плейстоцен. В это время не существовало покровных ледников, общие годовые температуры были выше современных среднегодовых. Оно коррелируется с рисс-вюрмским межледниковьем в Центральной Европе и с эемским в Северной Европе.

Валдайское оледенение. Южная граница его проходила примерно на 54—55° с. ш., т. е. севернее г. Смоленска. Соответствует последнему вюрмскому оледенению в Альпах или вислинскому оледенению по североевропейской стратиграфической шкале. В пределах Восточной Европы А. И. Москвитиным расчленяется на два самостоятельных оледенения — *калининское* (раннее) и *осташковское* (позднее), разделенные *молого-шекснинским* межледниковьем. Однако преобладающее большинство геологов считают эти оледенения стадиями, а разделяющий их интервал потепления интерстадиалом, или мегаинтерстадиалом.

Помимо указанных ледниковых эпох, в Европе допускается существование более древних доокских эпох похолоданий, которые не сопровождались покровными оледенениями. Наличие таких эоплейстоценовых волн похолодания (бибер-претиглий, дунай-эбуроний, гюнц-менапий) доказывается по материалам западноевропейских исследователей. Указание на то, что эти эпохи были ледниковыми, не имеет пока надежного литологического и палеогеографического обоснования (*Величко А. А.*, 1973, с. 7 и др.). Наиболее древним, убедительно доказанным покровным оледенением в Центральной и Западной Европе являлось миндельское (эльстерское), которое доходило до горных массивов на юге ГДР и ФРГ. Ему соответствует окское оледенение Восточной Европы.

Северная Азия изучена не так детально, как Восточная Европа. Однако и там выделяются ледниковые и межледниковые горизонты, или эпохи, которые можно сопоставлять с общеевропейскими (*Лазуков Г. И., Чочиа Н. Г., Спасский Н. Я.*, 1976; *Вангенгейм Э. А.*, 1977). Так, по-видимому, ледниковые отложения *демьянского (байхинского) оледенения*, относимые к нижнему плейстоцену, могут соответствовать времени окского (миндельского) оледенения. Вышележащие *тобольские межледниковые осадки*, представленные аллювиальными и озерными отложениями, можно сопоставлять с лихвинским межледниковьем. *Самаровский и тазовский ледниковые горизонты* соответствуют днепровской и московской стадиям максимального оледенения. *Казанцевское межледниковье* коррелируется с микулинским, а *зырянское* и *сартанское оледенения* (?) с двумя стадиями валдайского ледникового периода. Выделяемое между зырянским и сартанским оледенениями

каргинское межледниковье (*Кинд Н. В.*, 1974) не имеет строгих убедительных доказательств в качестве межледникового горизонта и должно рассматриваться как и молого-шекснинское в Восточной Европе, на уровне интерстадиала или мегаинтерстадиала.

Развитие ледниковых покровов на равнинах северной Евразии в главных чертах являлось, по-видимому, сходным. Максимальным по площади распространения было *среднеплейстоценовое оледенение.* По данным К. К. Маркова, Г. И. Лазукова и В. А. Николаева (1965), площадь, занятая в Европе ледником, достигала 5 764 000 кв. км. Последующие ледниковые покровы были значительно меньше. Последний верхнеплейстоценовый покров значительно слабее — его площадь не превышала 2 655 000 кв. км, т. е. более чем в два раза меньше максимальной.

Развитие и таяние древних ледниковых покровов сказывалось также на колебании уровня Мирового океана, на развитии трансгрессий и регрессий морей, а также на развитии речных долин.

Вопросы развития южных морей СССР, Черного, Азовского и Каспийского, тесно связаны с такими большими проблемами, как эволюция оледенений и колебания уровня Мирового океана. Не случайно, что данной проблеме посвящены классические работы Н. И. Андрусова (1965), А. Д. Архангельского и Н. М. Страхова (1938), М. В. Муратова (1976) и др. В последние годы этими вопросами специально занимался П. В. Федоров (1977). По истории развития Черного моря в плейстоцене особенно много сделано А. Б. Островским, который широко использует результаты бурения на побережье (*Островский А. Б., Измайлов Я. А.* и др., 1977). Вместе с тем многие вопросы остаются до сих пор дискуссионными. Последнее нашло свое яркое отражение на специальном симпозиуме в 1974 г., посвященном литологии, стратиграфии четвертичных отложений и палеогеографии южных морей СССР, по результатам которого опубликован сборник «Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей» (1977). Одни авторы считают основной причиной изменения в бассейнах стока оледенения и изменение орогидрографии, другие связывают колебания уровней с тектоническими движениями, третьи — с изменением климата. Указанные точки зрения, казалось бы, противоречат, но на самом деле они дополняют друг друга, поскольку в разные периоды антропогена основные факторы развития морей менялись. Все они должны учитываться при реконструкции истории южнорусских морей.

Мы не будем здесь останавливаться на апшеронском и куяльницких бассейнах, относящихся к эоплейстоцену и не имевших отношения к истории ископаемого человека на территории СССР. Отметим только, что в начале антропогена ингрессия Каспия по Манычской впадине привела к образованию Азовского залива апшеронского бассейна, а затем раннебакинского пролива, достигавшего 60 км (*Попов Г. И.*, 1970). Бакинское море, соединенное с чаудинским по Манычскому проливу, образовывало с ним единое море-озеро, с фауной каспийского типа, в которой ведущими являлись дрейссены и дидакны (*Попов Г. И.*, 1972). Морские отложения этого времени известны на Кавказе, где они связаны с хорошо выдержанными морфологически террасами Каспийского и Черноморского побережья, а также на Керченском полуострове и в Приазовье.

В конце нижнего плейстоцена бакинско-чаудинский бассейн испытал регрессию, характер которой пока не вполне выяснен. Затем произошло новое повышение уровня морей — древнеэвксинская в Черном море и в Каспийском нижнехазарская трансгрессии.

Соединение Черного и Средиземного морей произошло, по-видимому, во второй половине древнеэвксинского времени. Проникновение фауны, способной переносить значительные колебания степени солености (эвригалинной), во впадину Черного моря фиксируется морскими отложениями, которые А. Д. Архангельский предложил назвать узунларскими.

Никаких признаков сколько-нибудь значительных похолоданий в бассейнах Каспийского и Черного морей не фиксируется вплоть до конца узунларского времени. Поэтому корреляция нижнеплейстоценовых этапов развития этих морей с ледниковыми событиями остается предположительной. Пока такие сопоставления обосновываются лишь по фауне млекопитающих (*Праслов Н. Д.*, 1968).

Послеузунларская регрессия Черного моря была, по-видимому, вызвана гляцио-эвстатическими причинами, т. е. концентрацией и консервацией воды в материковом оледенении максимального днепровского ледника. В это время в Крыму и на Кавказе, а также в долине Маныча происходит резкое переуглубление речных долин, вырабатываются террасовые уступы, что, несомненно, указывает на значительное понижение базиса эрозии (*Муратов М. В.*, 1962; *Попов Г. И.*, 1977; *Горецкий Г. И.*, 1964, 1966, 1970).

В среднем плейстоцене сток Каспийских вод в бассейн Черного моря возобновляется по Манычскому проливу дважды. Разделяющая их регрессия была неглубока и не продолжительна (*Попов Г. И.*, 1977, с. 164).

Начало верхнего плейстоцена характеризуется теплой карангатской трансгрессией, которая единодушно сопоставляется с тирренской в Средиземном море и с эемом в Северной Европе. В это время Черное море вновь соединялось со Средиземным через Босфор и Дарданеллы, на что указывает широкое развитие в карангатском бассейне солоноватоводной фауны моллюсков со средиземноморскими формами. Данная трансгрессия как будто бы не была единой. В некоторых разрезах Керченского полуострова фиксируется небольшой континентальный перерыв в осадконакоплении этой террасы. На Черноморском побережье Кавказа прослеживаются два уровня карангатских террас, что, по-видимому, подтверждает некоторый перерыв в развитии трансгрессии. Наиболее высокого уровня карангатская трансгрессия достигала во второй своей половине, когда были подтоплены устья рек, впадающих в бассейн Черного моря, и даже устья рек, впадающих в Азовское море. Следы этой трансгрессии можно наблюдать в виде лиманно-морских осадков на северном берегу Азовского моря (*Праслов Н. Д.*, 1972) и в долине Маныча (*Попов Г. И.*, 1977, с. 165).

В Причерноморье, в Приазовье, в Манычском проливе и в Прикаспии, на побережьях, известны отложения только максимумов трансгрессий, которые

достигались в межледниковое время. На это указывает присутствие теплолюбивых средиземноморских и даже тропических форм моллюсков типа Corbicula, Melanopsis, Fagotia, Potamides и некоторых видов Viviparus (*Попов Г. И.*, 1970).

Связь Каспийского моря с Черным не прекращалась и в более позднее, чем карангат, время.

Максимальные уровни и размеры каспийских трансгрессий в среднем и позднем плейстоцене определялись не только климатическими, но и тектоническими причинами. Стоку избыточных вод в Каспийском бассейне препятствовали поднятия в районе Зунда-Толгинского порога на Маныче. По указанию Г. И. Попова (1977, с. 165), размах тектонических движений здесь достигал не менее 60—70 м.

Раннехвалынская трансгрессия Каспийского моря (см. рис. 2), как и предыдущие, возникла в результате климатических причин. Среди пресноводных моллюсков получили широкое распространение стагнофилы, свидетельствующие, по мнению Г. И. Попова, о прохладном и даже холодном климате. Внутрихвалынская регрессия с отметок +50 м (ранняя хвалынь) до +20, +25 м была вызвана скорее всего мощным стоком каспийских вод и глубокой (до 40—50 м) эрозией в долине Манычского реки-пролива.

Новоэвксинский и позднехвалынский бассейны уже не сообщались между собой.

Для стратиграфии палеолита огромное значение имеет определение возраста раннехвалынской трансгрессии, поскольку ее отложения перекрывают ательские суглинки, в низах которых в ископаемой почве залегает культурный слой мустьерского поселения Сухая Мечетка близ г. Волгограда. Но об этом речь пойдет ниже при обсуждении вопроса о геологическом возрасте мустьерских памятников.

Надежные палеогеографические реконструкции для Кавказа, Памира, Саян и других гор крайне затруднены из-за того, что их вздымание существенно обусловливает неполноту геологической летописи. Каждая последующая эрозия часто полностью или почти полностью уничтожала древние аллювиальные толщи.

Тем не менее, для Кавказа удается наметить определенную последовательность геологических событий, которые можно сопоставить через ряд прямых и косвенных данных с общегеологическими и палеогеографическими процессами на равнинных территориях (*Кожевников А. В.*, *Милановский Е. Е.*, *Саядян Ю. В.*, 1977, с. 4).

Палеомагнитные исследования, проведенные на Кавказе, и использование других методов датирования позволило в общих чертах наметить геохронологическую шкалу и для этого региона (*Зубаков В. А.*, *Кучегура В. И.* и др., 1974). В самом общем плане по ней можно констатировать, что «холодные» горизонты соответствуют оледенениям и похолоданиям так же, как и на Русской равнине. В основу этой схемы, следовательно, также могут быть положены климатостратиграфические принципы.

Более благоприятные условия для разработки геологической истории Кавказа в антропогене имеются в Рионской впадине в Причерноморье и в Куринской впадине в Прикаспии.

Большое значение для понимания истории Кавказа имеет изучение молассов предгорных и горных прогибов. Они включают в себя разнофациальные аллювиальные серии, переходящие в прибрежно-лиманные осадки, расчлененные на разных стратиграфических уровнях морскими слоями. Это позволяет увязывать горные отложения непосредственно с историей морей. Такую же роль играет изучение и речных террас с их валунно-галечными, песчано-галечными аллювиальными свитами разных мощностей (*Горецкий Г. И.*, 1962). Подошва аллювиальных свит чаще всего относительно ровная, нередко имеет сравнительно узкие переуглубления, заполненные аллювием. В ряде разрезов в этих аллювиальных комплексах обнаружены спорово-пыльцевые спектры, характеризующие межледниковые условия горных участков.

Не менее важным в истории Кавказа является изучение последовательности вулканических толщ. Установление соотношения вулканических осадков и ледниковых толщ позволит более надежно судить об относительном, а иногда и абсолютном возрасте ледниковых комплексов.

В силу большой разницы высотных отметок на Кавказе были, по-видимому, всегда благоприятные условия для существования человека. Во время оледенения происходило смещение ландшафтных зон по вертикали, и эти колебания были порой довольно значительными (*Любин В. П.*, 1970, 1977; *Любин В. П.*, *Левковская Г. М.* и др., 1978). В такие периоды занятые ранее площади обитания сокращались и первобытные обитатели гор спускались в долины, где условия сохранялись более благоприятными. К сожалению, на Кавказе большинство памятников открытого типа разрушены. Непотревоженные слои сохранились лишь в Ильской стоянке, в Цопи и в недавно выявленной мустьерской стоянке в Борисовском ущелье на Северном Кавказе. В. П. Любин, осуществивший на Кавказе значительные исследования по раннему палеолиту, довольно убедительно показал, что в теплые межледниковые периоды происходило освоение новых участков Кавказа, вплоть до высокогорья (*Любин В. П.*, 1974), в то время как при неблагоприятных условиях обжитые площади сокращались.

Изучение литологии пещерных памятников как на Кавказе, так и в Крыму, позволяет наметить примерно те же хронологические рубежи для палеолита, что и на равнинных территориях (*Муратов В. М.*, 1969). В теплое время межледниковий и интерстадиалов в пещерах отлагались тонкие глины и суглинки. Изучение морфологии и состава обломочного материала верхнего плейстоцена показывает, что в первую половину вюрмской (валдайской) эпохи его формирование проходило в условиях заметного увлажнения и химического выветривания. Затем произошла резкая смена условий на очень холодные, континентальные (*Величко А. А.*, 1973, с. 34). Это хорошо видно на примере ряда пещер западного Причерноморья. Так, в Ахштырской пещере толща рыхлых заполнений резко разделяется на две основные части. Нижняя половина разреза с наиболее древними находками орудий человека представлена ярко окрашенными глинами и суглинком. Верхняя часть разреза мощностью около 2 м состоит главным образом из угловатого щебня (*Векилова Е. А.*, *Грищенко М. Н.*, 1972). В этом разрезе можно установить четкое соответствие между возрастом археологических материалов и составом отложений. Позднеашельские и мустьерские индуст-

рии приурочены к нижней глинисто-суглинистой части толщи. Количество щебенки увеличивается в верхнемустьерском слое, а поздний палеолит залегает в сплошных щебенчатых отложениях. Размер, угловатость и количество щебня снизу вверх постепенно возрастает. На этом основании, учитывая общие датировки различных этапов палеолита, можно предположить, что интенсивность морозного выветривания резко усиливалась во второй половине вюрмского (валдайского) времени, что находит соответствие в общеклиматических реконструкциях для всей северной Евразии (*Величко А. А.*, 1973). Близкую картину в формировании рыхлых отложений можно наблюдать в Воронцовской и многих других пещерах.

Здесь следует отметить, что при изучении заполнения пещерных полостей рыхлыми отложениями почти не обращают внимания на роль антропогенного фактора. Практически все исследователи пещер рассматривают эти толщи как естественные образования, на скорости накопления и характере которых сказывались только внешние природные причины (*Фриденберг Э. О.*, 1970). Однако в большинстве случаев рыхлые заполнения пещер формировались только тогда, когда в них обитали люди. Ярким примером могут служить крымские гроты Киик-Коба, Чокурча, Староселье и др., а на Кавказе — Цона, Кударские пещеры и многие другие. Учет антропогенного фактора, несомненно, поможет более правильно понять динамику формирования рыхлых толщ, содержащих культурные остатки ископаемого человека.

Такова общая картина развития природных процессов на территории Северной Евразии.

Многие археологические памятники, особенно разрушенные в древности или залегающие на поверхности, не поддаются стратиграфической расшифровке и увязке с теми или иными природными процессами. Но имеются местонахождения и поселения с хорошо сохранившимся культурным слоем в достаточно четких стратиграфических условиях. Они-то и помогают установить корреляцию между этапами развития палеолита и определенными природными событиями, протекавшими на протяжении антропогенного периода в истории Земли.

Наиболее древние следы ископаемого человека в пределах нашей страны, имеющие определенные обоснования геологического возраста, зафиксированы в Азыхской пещере в Горном Карабахе в Азербайджане (*Gusejnov M. M.*, 1976; *Гусейнов М. М.*, 1981; *Гусейнов М. М., Рустамов Д. И., Гаджиев Д. В.*, 1976). Здесь вскрыта толща рыхлых отложений общей мощностью около 14 м. Самые нижние слои VI—X доставили каменные изделия и остатки фауны, сопоставляемые с тираспольским фаунистическим комплексом (VI культурный слой), что не исключает появления здесь человека в эпоху, предшествующую окскому (миндельскому) оледенению.

Возможно, что к миндельскому или доминдельскому времени относятся находки из разрушенных местонахождений у с. Герасимовка в Приазовье, у ст. Саратовской на Псекупсе и в Луке-Врублевецкой на Днестре (*Праслов Н. Д.*, 1968, 1969).

Особого внимания заслуживают местонахождения архаичных каменных изделий у ст. Саратовской в Прикубанье (*Замятнин С. Н.*, 1961; *Формозов А. А.*, 1965). Здесь в ряде пунктов обнажается высокая терраса, сложенная галечниками и суглинками. В урочище Игнатенков Куток (см. ч. II, гл. 2) в осыпях собраны архаичные каменные изделия (*Паничкина М. З.*, 1961, с. 57), которые могут происходить из верхнего горизонта галечника. Здесь же собрано много обломков костей животных, изученных Н. К. Верещагиным и Л. И. Алексеевой. По их заключению, фауна является древней, поскольку здесь встречены остатки типичного южного слона, стеноновой лошади, этрусского носорога, мелкого верблюда (Paracamelus cf. alutensis), лошадей и быков (*Алексеева Л. И.*, 1977, с. 27—28). Как отмечает М. З. Паничкина (1961, с. 57), на некоторых каменных изделиях и костях млекопитающих местами сохранились пятна и натеки, сходные с железистыми натеками на поверхности крупных желваков и галек из верхнего горизонта галечника. Эти признаки указывают на связь палеолитического и палеонтологического материала с определенным горизонтом галечника. В 1964 г. при обследования данного обнажения А. А. Величко, И. К. Ивановой, В. М. Муратовым и Н. Д. Прасловым здесь собрана дополнительная коллекция каменных изделий, в том числе бифас раннеашельского типа. Один отщеп извлечен непосредственно из галечника. На этом местонахождении необходимы систематические исследования.

В литературе имеются указания и на более поздний возраст террасы близ ст. Саратовской у Игнатенкова Кутка (*Муратов В. М.*, 1969, с. 34). В. М. Муратов полагает, что она может быть и среднечетвертичной. Но это положение высказано, по нашему мнению, без достаточных обоснований.

Более четкое стратиграфическое положение занимают памятники среднеашельского времени. В настоящее время на территории Кавказа известны четыре пещеры, в которых имеются непотревоженные культурные слои, содержащие каменный инвентарь с типичными среднеашельскими формами ручных рубил: Азыхская, Кударо I, Кударо III и Цонская.

В Азыхской пещере среднеашельский (V) слой, достигающий около 4 м мощности, залегает в красноцветных суглинках над нижними (VI—X) культурными напластованиями. Вместе с каменными орудиями здесь собрана большая коллекция фаунистических остатков, анализ которых позволяет делать вывод о том, что на уровне этого слоя произошло некоторое потепление по сравнению с нижележащим слоем. На это указывают остатки теплолюбивых видов животных, таких как Bufo viridis, дикобраз, южные формы летучих мышей. Остальная часть представлена формами, обитающими в разных экологических условиях: горных, предгорных лесных, в пойменных лесах, на открытых степных участках, а также видами, адаптированными к различным ландшафтно-климатическим зонам (эвритропными). Здесь же найден обломок челюсти ископаемого человека (см. ч. II, гл. 2). По мнению исследователей этой пещеры, среднеашельский слой залегает в миндель-рисских (лихвинских) отложениях (*Гусейнов М. М., Рустамов Д. И., Гаджиев Д. В.*, 1976, с. 44). Противоречащих данных такому выводу нет. К сожалению, этот вывод пока не подкреплен аналитическими результатами других методов изучения плейстоценовых толщ. По мнению А. А. Величко, миндель-рисский (лихвинский) возраст среднеашельского слоя является вероятным.

К этому же времени относятся среднеашельские слои в пещерах Кударо I, Кударо III и Цона. Все эти три пещеры являются многослойными. В них представлены: средний ашель, развитое мустье, мезолит и более молодые культуры. Отмечаются большие хронологические разрывы между культурными слоями, которые хорошо согласуются и с литологическими характеристиками рыхлых толщ. Особый интерес представляет пещера Кударо I, в которой нижний (среднеашельский) культурный слой залегает в красновато-желтой суглинисто-глинистой толще, отложившейся в межледниковых условиях. Вместе с каменными орудиями здесь собраны остатки различных животных (леопарда, носорога, аргалиевидного барана и др.), в том числе теплолюбивых животных – макаки, дикобраза. На теплый климат указывают и данные пыльцевого анализа.

В. П. Любин справедливо полагает, что ашельские люди жили здесь в межледниковое время. Возникает вопрос: можно ли уточнить эту датировку? Рисс-вюрмскому (микулинскому) времени резко противоречит, по нашему мнению, архаичный облик ручных рубил. Аналогичные формы ручных рубил в Европе и на Ближнем Востоке нигде не встречены позднее рисского времени. Но отнесению к рисскому времени противоречит литология вмещающих находки осадков, состав фауны и спорово-пыльцевые данные. Все это позволяет, по нашему мнению, считать среднеашельские слои Кударо I, а возможно, и Кударо III миндель-рисскими (лихвинскими), тем более, что в рисских отложениях залегают более развитые палеолитические памятники (ср. ч. II, гл. 2).

К этому же времени относятся среднеашельские слои и в Цонской пещере. Особенностью Цонской пещеры является ее более высокое положение. Она превышает Кударо I на 500 м. Несомненно, этим объясняется то, что здесь не было постоянного жилого лагеря. По-видимому, пещера посещалась лишь охотничьими группами (*Любин В. П.*, 1970). Любопытно, что такая же картина наблюдается и в мустьерское время, когда уже пещера Кударо I не являлась жилой, а посещалась только охотниками. На это указывает специфика собранных там каменных орудий (*Любин В. П.*, 1977), представленных преимущественно остатками охотничьего снаряжения. В мустьерское время пещера Кударо I была также неудобна для поселения, как в среднеашельское время Цонская пещера.

На территории Русской равнины в четких стратиграфических условиях ашельские памятники зафиксированы только в двух точках в устье Северского Донца. Это – местонахождения у хуторов Хрящи (рис. 3) и Михайловский (см. ч. II, гл. 3).

Сообщение о новых находках культурных остатков в среднеплейстоценовых отложениях у с. Королево в Закарпатье (см. ч. II, гл. 3) представляет огромный интерес (*Гладилин В. Н.*, 1978, *а*, *б*). Однако включать этот памятник в число опорных пока не представляется возможным, поскольку его материалы еще не опубликованы с достаточной полнотой.

Количество мустьерских памятников с хорошо сохранившимся культурным слоем значительно больше. Они известны на Русской равнине, в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии. Появились первые сведения о находках мустье в Сибири. Детальный анализ всех имеющихся разрезов, в которых обнаружены остатки мустьерской эпохи, позволяет определить их геохронологические рамки более точно.

Мустьерские люди селились в пещерах и по берегам рек. С мустьерского времени сохранились так называемые «лессовые стоянки», которые связаны с особыми условиями осадконакопления в перигляциальной зоне. Широкое развитие денудационных делювиально-пролювиальных процессов, интенсивное накопление лессов по складкам рельефа приводит к быстрому захоронению остатков поселений. Короткие перерывы в осадконакоплении, обусловленные стабилизацией природных процессов во время затухания оледенений, приводит к развитию ископаемых почв на водоразделах и на склонах. Затем процессы вновь усиливались. В результате в долинах рек, на склонах и террасах, наиболее полно сохранилась геологическая летопись всех этих процессов в эпоху верхнего плейстоцена. Это помогает выработать более детальную схему стратиграфического положения и геологического возраста мустьерских и позднепалеолитических стоянок (рис. 4, 5).

На территории нашей страны сейчас известно несколько пунктов, в которых мустьерские остатки встречены в микулинских (рисс-вюрмских) отложениях. Четкую стратиграфическую позицию занимает находка мустьерского остроконечника у пос. Новый Свет на южном берегу Крыма, недалеко от г. Судака. Остроконечник найден в верхней части хорошо охарактеризованных по фауне моллюсков карангатских отложений (*Гвоздовер М. Д., Невесский Е. Н.*, 1961). Карангатская терраса довольно убедительно сопоставляется с микулинским межледниковьем.

К микулинскому времени относятся Хотылево и мустьерское поселение Сухая Мечетка на Волге.

Огромная коллекция каменных изделий и находки остатков фауны в Хотылево приурочены к базальному горизонту 20-метровой террасы Десны, в ее тыловой части близ прислона к плато (*Заверняев Ф. М.*, 1978). Галечный горизонт залегает на цоколе из сеноманских песков на высоте около 5 м над уровнем реки и перекрыт 15-метровой толщей песков и лессовидных суглинков со следами почвообразования. Фауна млекопитающих имеет верхнеплейстоценовый облик, следовательно, аллювий не может относиться к среднему плейстоцену. Фауна речных моллюсков, собранная в этих же галечниках, указывает на теплые климатические условия. По заключению В. М. Мотуза, «можно предполагать, что условия обитания погребенной фауны моллюсков были значительно лучшими, чем в настоящее время» (*Мотуз В. М.*, 1967, с. 151). В верхнем плейстоцене такие условия были только в микулинском межледниковье. В научной литературе имеется и другое мнение, основанное на палинологических заключениях В. П. Гричука, который изучал образцы из вышележащей гиттии. В. П. Гричук пишет, что во время существования Хотылевского местонахождения температуры были значительно ниже современных (*Гричук В. П.*, 1969, с. 52–53). Это мнение В. П. Гричука часто используется другими исследователями, которые для того, чтобы сгладить противоречия, пишут о том, что Хотылево «относится ко времени не древнее рисс-вюрма и не моложе начала вюрма» (*Ivanova I. K.*, 1969, с. 21).

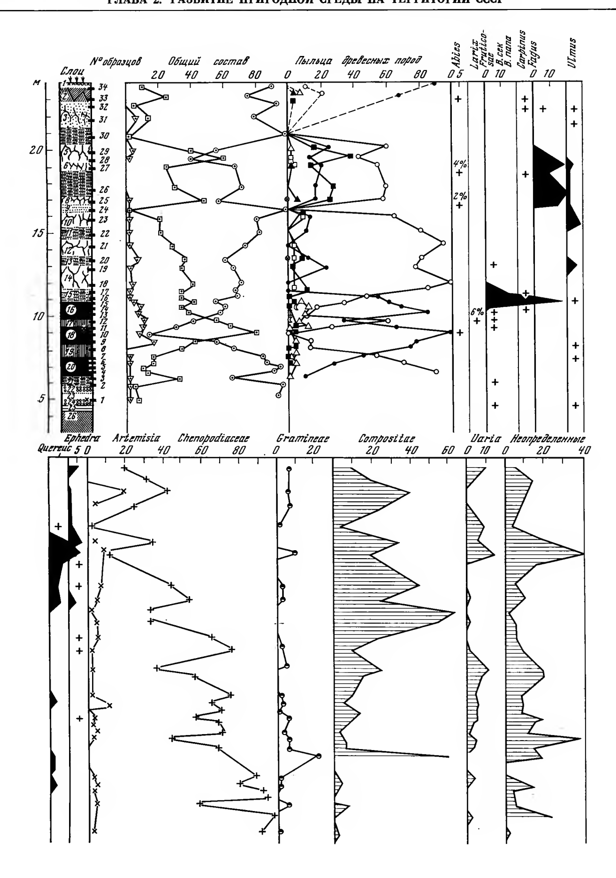

Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма плейстоценовых отложений на ашельском местонахождении Хрящи в бассейне Северского Донца. По Р. В. Федоровой

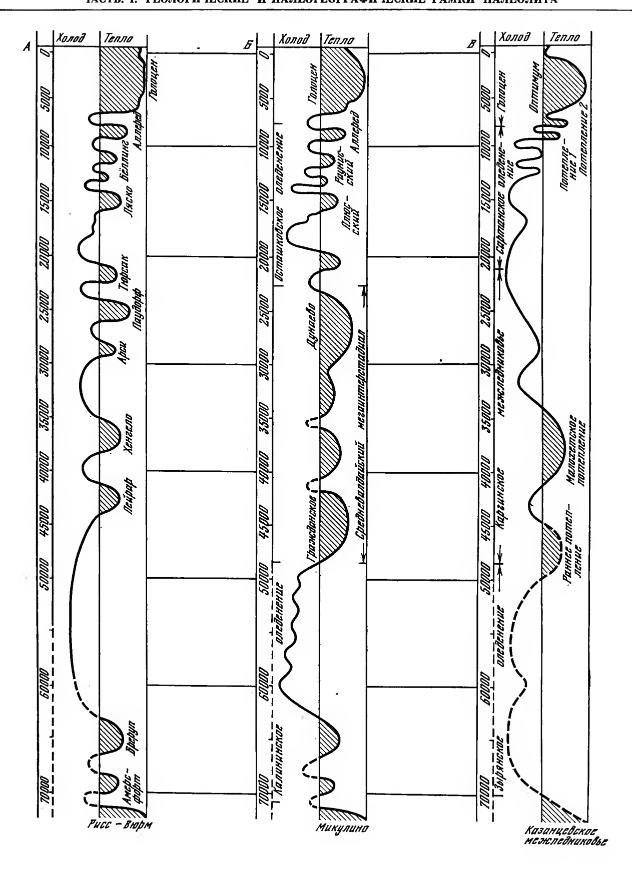

Рис. 4. Сопоставление схем развития природного процесса валдайского (вюрмского) времени Западной Европы (*А*), Восточной Европы (*Б*) и Сибири (*В*)

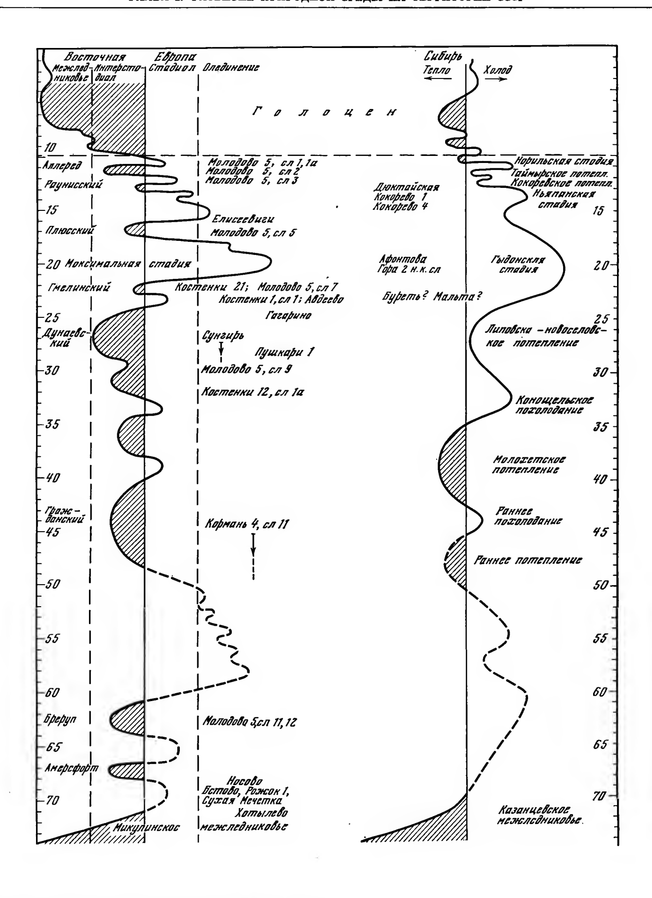

Рис. 5. Схема развития климата и стратиграфическое положение палеолитических памятников Русской равнины и Сибири

На такой позиции, несмотря на достаточную четкость положения мустьерских находок в Хотылево, несомненно, сказывается давление французской схемы, по которой мустье относится только к вюрму. Эта схема широко используется и советскими археологами. Но она не учитывает фактов, противоречащих ей, таких как положение мустье в Эрингсдорфе в эемских травертинах. Сторонники вюрмского возраста мустье забывают о том, что археологическая классификация и стратиграфия должны определяться независимо друг от друга.

При интерпретации разреза в Хотылево необходимо учитывать следующие факторы. Галечник, в котором залегают находки, отлагался в теплых условиях. Выше прослеживаются следы переотложенной мезинской почвы, разрушенной во время влажных и холодных условий раннего вюрма. В раннем вюрме происходило формирование и гиттии, образцы из которой анализировал В. П. Гричук. В отложениях этого холодного и влажного времени в 10 км от Хотылева здесь же в бассейне Десны залегают культурные остатки мустьерской стоянки Бетово, исследуемой Л. М. Тарасовым (1977). В составе фауны Бетовской стоянки присутствуют песец и копытный лемминг, которые указывают на довольно холодный климат. Отношение к стратиграфическому положению мустьерского поселения в Сухой Мечетке близ г. Волгограда (см. ч. II, гл. 3) примерно такое же, как и к Хотылево.

Стоянка расположена на правом берегу небольшой степной речки Сухая Мечетка, прорезающей правый берег Волги. Культурный слой ее залегает на глубине около 20 м в ископаемой почве (*Замятнин С. Н.*, 1961а) и перекрыт мощной толщей лессовидных ательских суглинков со слабо выраженной интерстадиальной почвой в основании. Выше залегают слоистые осадки раннехвалынской морской трансгрессии. Маркирующими горизонтами здесь являются подстилающие культурный слой верхнехазарские отложения, ископаемая почва, в которой залегают остатки поселения, и раннехвалынские отложения. Раннехвалынская трансгрессия по современным данным имела место в интервале от 35 до 54 тыс. лет тому назад. Возраст верхнехазарских отложений определяется за пределами 100 тыс. лет назад (*Каплин П. А., Леонтьев О. К.*, и др., 1977, с. 34—36). По нашему мнению, ископаемая почва, в которой залегает культурный слой, завершает формирование верхнехазарской террасы в долине Волги и относится к микулинскому теплому межледниковью. На это же указывает и тип самой красновато-буроватой почвы.

На территории Северо-Восточного Приазовья в ископаемой почве, по-видимому, микулинского времени залегают культурные остатки мустьерской эпохи в местонахождении Герасимовка (*Праслов Н. Д.*, 1968). К сожалению, мощные древние оползни сильно усложнили стратиграфическую позицию этого памятника.

Позднемустьерские памятники повсеместно приурочены к ранневюрмским отложениям. Наиболее точно их стратиграфическое положение определено на Днестре, Десне, в Приазовье и на Кавказе.

Четкое геоморфологическое положение имеют мустьерские лессовые стоянки Молодово 1 и 5, Кормань 4 на правом берегу Днестра Черновицкой обл. Украины. Тщательными работами И. К. Ивановой доказано, что мустьерские обитатели поселились здесь в тыловых частях II надпойменной террасы у крутых коренных склонов (*Иванова И. К.*, 1962, 1969, 1977*а*, *б*; *Ivanova I. K.*, 1969). Бурением установлено, что мустьерские слои в Молодово 1 и 5 залегают выше аллювия II надпойменной террасы Днестра (рис. 7, *а*), имеющего микулинской возраст. Детальное изучение этих стоянок с применением комплекса методов, включая абсолютное датирование по C^{14}, позволило И. К. Ивановой отнести мустьерские слои Молодовских стоянок ко времени значительного брерупского интерстадиала внутри раннего вюрма (*Иванова И. К.*, 1977, с. 10).

Сходный с молодовскими памятниками разрез имеет и многослойная стоянка Кормань 4, раскапывавшаяся А. П. Чернышем. Геология этой стоянки изучалась также И. К. Ивановой (1977б). В связи с некоторыми особенностями геморфологического положения здесь имеет место смещение отдельных слоев Однако в целом этот разрез вместе с Молодовским дает представление о динамике природных процессов в верхнем плейстоцене и о стратиграфическом положении отдельных этапов палеолитической эпохи.

Большая часть позднемустьерских памятников Северо-Восточного Приазовья также относится к раннему вюрму. Для установления стратиграфического положения мустье в Приазовье большое значение имеет залегание в лессовидных суглинках над микулинской ископаемой почвой мустьерского нуклеуса на Беглицкой косе (*Иванова И. К., Праслов Н. Д.*, 1963), а также положение культурных слоев в многослойной стоянке Рожок I и в Носово I (*Праслов Н. Д.*, 1968, 1972). В Рожке I все шесть культурных горизонтов залегают в лессовидном суглинке непосредственно над микулинской почвой. По данным палинологических анализов суглинки с культурными остатками накапливались в сравнительно теплое время (*Вронский В. А.*, 1962; *Гричук В. П.*, 1969), на грани смены микулинского межледниковья ранневалдайским похолоданием. В Носово I мустьерский слой также залегает в лессовидном суглинке, перекрывающем лиманные осадки верхнекарангатской трансгрессии и микулинскую ископаемую почву. В основании лессовидных суглинков, перекрывающих карангатские отложения, встречены мустьерские находки в Левинсадовском местонахождении.

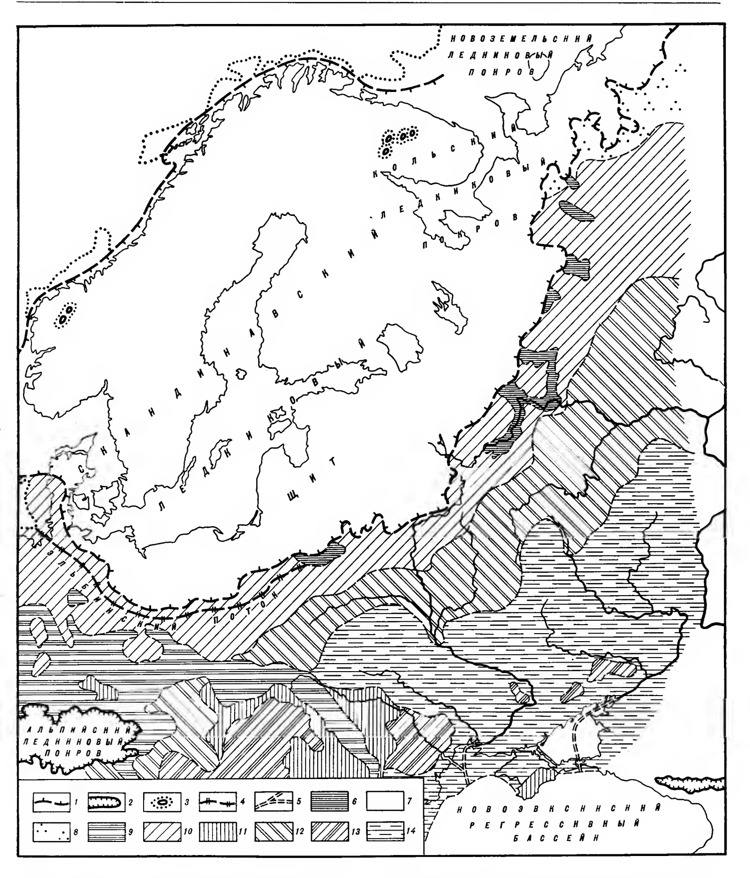
На Кавказе стратиграфическое положение мустьерской эпохи определяется условиями залегания культурных остатков в Ильской стоянке открытого типа и серией хорошо изученных пещерных памятников.

Нижний культурный слой Ильской стоянки залегает в ископаемой почве, завершающей формирование аллювия III надпойменной (по кавказской схеме) террасы р. Иль. Раскопками 1963—1969 гг. установлено, что перекрывают эту ископаемую почву делювиальные суглинки с двумя слабовыраженными гумусированными горизонтами, в которых также имеются культурные остатки.

Мощная развитая ископаемая почва и теплолюбивая фауна насекомых, собранная в большом количе-

Рис. 6. Растительность Европейской части СССР в эпоху максимума валдайского похолодания (около 20 тыс. лет назад). Составил В. П. Гричук (1973)

1 — границы распространения покровного оледенения; *2* — горные ледники; *3* — нунатаки; *4* — равнинные реки с ледни-

ковым питанием; *5* — речные русла по дну регрессивных бассейнов; *6* — береговая линия новоэвксинской регрессии; *7* — территории, для которых реконструкции растительного покрова не произведено; *8* — полярные пустыни; *9* — тундры низкогорий и альпийские луга; *10* — приледниковое сочетание тундровых и степных травянистых группировок с участием березового, соснового и лиственничного редколесья; *11* — светлохвойные и темнохвойные горные леса; *12* — перигляциальная лесостепь; *13* — южная перигляциальная лесостепь; *14* — перигляциальные степи

стве в ископаемых битумных лужах на площади поселения, указывают на межледниковый характер осадков. Вышележащая толща серых суглинков с интерстадиальными гумусированными горизонтами отражает климатические колебания раннего вюрма (*Праслов Н. Д., Муратов В. М.*, 1970).

Характер литологии, состав фауны и флоры большинства мустьерских пещерных памятников Кавказа свидетельствует о довольно суровом климате. По мнению В. П. Любина (1974), большинство их относится к ранневалдайскому времени. Имеющиеся даты подтверждают этот вывод. В частности, для мустьерского слоя 3а в пещере Кударо I получена дата в 44 150±1850—2400 лет (GrN—6079). Эта дата, по-видимому, не является окончательной, поскольку возраст материала находится практически на пределе возможностей метода. Так, для кровли слоя 4 Ереванской пещеры та же гронингенская лаборатория дала дату более 49 000 лет. Учитывая, что такие древние для C^{14} даты, как правило, дает только наиболее молодой предел, т. е. являются омоложенными (*Арсланов Х. А.*, 1975), можно допустить, что абсолютный возраст всех этих мустьерских памятников несколько удревнится. По указанию В. П. Любина (1977), литологический состав, следы десквамации в пещерах, состав фауны и результаты спорово-пыльцевых анализов указывают на значительное снижение снеговой линии и поясов растительности в ранневюрмское время. Возможно, это сопоставимо с развитием раннебезенгийского верхнеплейстоценового оледенения Кавказа.

Возобновление работ на крымских мустьерских памятниках позволит определить их место в общей стратиграфической шкале Восточной Европы. Для этого есть уже определенные основания.

Изучение разрезов двух открытых и исследуемых Ю. Г. Колосовым памятников Заскальная V и VI указывает на то, что нижняя часть рыхлых отложений, с которыми связаны культурные остатки, формировалась в условиях, близких к современным. В основании разрезов хорошо выделяется ископаемая почва, перекрытая супесями с включением мелкого, сильно выветренного обломочного материала. Учитывая, что это были слабо углубленные гроты, а скорее навесы под скальными обрывами, и основываясь на сопоставлении с современными условиями, можно допустить, что ископаемая почва формировалась в условиях межледниковой стабилизации климата и геологических процессов. Этому предположению не противоречит характер литологии, поскольку отмечается сильное химическое выветривание обломочного материала и данные палинологии. З. П. Губонина пришла к выводу, что 5-й культурный слой, залегавший в почве в Заскальной V, отложился в условиях развития лесостепной растительности с грабовыми лесами. Для этого уровня отмечается большой процент пыльцы древесных пород и кустарников, в том числе пыльцы граба и крушины. По мнению З. П. Губониной, эта флора формировалась в условиях теплого климата, аналогичного современному, но более влажного (*Колосов Ю. Г., Величко А. А., Губонина З. П.* и др., 1978). Для этого района увеличение влажности нужно рассматривать как улучшение.

Выше по разрезу начинает увеличиваться количество невыветренного угловатого обломочного материала. Меняются и спорово-пыльцевые спектры в сторону увеличения травянистой растительности. Меняются климат и ландшафт. На уровне 1-го культурного слоя вновь отмечается увеличение влажности.

Через изучение разрезов в Заскальной легче понять и другие памятники, например Киик-Кобу, блестяще в свое время изученную Г. А. Бонч-Осмоловским (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1934, 1941), и Чокурчу (*Эрнст Н. Л.*, 1934), где можно наблюдать примерно такую же картину формирования рыхлых пород, как в Заскальных.

Материалы нижних слоев Заскальненских навесов и Киик-Кобы подтверждают то, что древние люди обитали в Крыму уже в микулинское межледниковье. Определение геологического возраста мустьерских памятников Средней Азии, Казахстана и Сибири является очень сложным из-за нечеткости привязки археологических материалов. Выяснение стратиграфической позиции мустьерских памятников этих обширных регионов является неотложной задачей, однако сейчас мы не можем на них пока опираться в своих выводах.

Поздний палеолит северной Евразии изучен значительно лучше, чем предшествующие эпохи. Большое количество абсолютных датировок, четкое стратиграфическое положение в лессовых разрезах и обширные биостратиграфические данные позволили надежно установить время и условия развития позднепалеолитических культур в разных регионах. Выяснено, что наибольшего развития поздний палеолит достигает во второй половине валдайского (вюрмского) оледенения, когда в северной Евразии сложились наиболее жесткие природные условия, вызванные не столько развитием последнего (осташковского по А. И. Москвитину) оделенения, сколько низкими температурами и континентальностью. Причины данного явления подробно проанализированы А. А. Величко (*Величко А. А.*, 1973).

Эта эпоха минимальной теплообеспеченности привела, по мнению В. П. Гричука (*Гричук В. П.*, 1973, с. 198), к нивелировке дифференциации растительного покрова. Выявляется резкая деградация лесной растительности как неморального, так и бореального типов. Это прослеживается вплоть до южных районов (рис. 6). Широкое развитие получают перигляциальные условия с интенсивным лессонакоплением и криогенными процессами (рис. 8, *Б, Г, Е*, по: *Велич-*

Рис. 7. Геоморфологическое и стратиграфическое положение в долине Днестра стоянок Молодова 5 (*А*), Кормань 4 (*Б*) и хроностратиграфическая схема размещения палеолита Днестра (*В*)

Для *А* и *Б*: *1* — докембрийские сланцы и песчаники; *2* — галечная III терраса; *3* — щебнистые отложения; *4* — аллювий II террасы; *5* — ископаемые почвы и их остатки; *6* — суглинки и супеси нижней части толщи; *7* — горизонт ископаемой почвы со следами огня; *8* — песок; *9* — суглинки, обогащенные темными примазками и линзами; *10* — лессовидные суглинки и супеси; *11* — культурные слои (остатки кострищ); *12* — голоценовая почва; *13* — современное дно оврага; *14* — контур раскопа; *15* — номера расчисток (*Иванова И. К.*, 1977, с. 154); для схемы В: *1* — голоценовая почва; *2* — лессовидные суглинки; *3* — следы почвообразования; *4* — ископаемые почвы; *5* — «сажистый» прослой; *6* — следы мерзлотных нарушений; *7* — галечник; *8* — супеси и пески; *9* — мезолит; *10* — поздний палеолит; *11* — мустье (составлено И. К. Ивановой в 1978 г.)

А

р. Днестр

Раскоп

130
110
90
70
50
30
10

0 100 200 300 400 500 600 700 800 900 м

Б

1 2 3 4 5
6 7 8 9 10
11 12 13 14 15

Раскоп 1969–1975 гг.

р. Днестр

10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 110 120 130 140 150 160 170

В

C14
Стратиграфия
Молодова V, 1: Разрез, Даты
Кормань IV: Разрез, Даты
Климат: Холод, Тепло
Растительность
Геологические корреляции

Голоцен — 40% — Атлантический период
-10
Верхний плейстоцен; Позднее оледенение
Позднеледниковье — 19% — Аллерёд
10590 ± 230
11900 ± 230
13370 ± 250
III стадия
Интерстадиал — 2–3% — Ляско
17100 ± 800
16750 ± 250
18560 ± 1000
18000 ± 400
-20
23000 ± 800
23700 ± 320
> 24000
24500 ± 510
25140 ± 350
Интерстадиал — 4,5%, 1–2% — Брянский (арси, пк I, штильфрид В)
-30
28100 ± 1000
29650 ± 1320
II стадия
Интерстадиал — Хенгело, подградем
-40
Интерстадиал — 1–2% — Моершофт, поперинге
> 35000
44400 +2050 −1600
-50
Интерстадиал — 7% — Оддераде
> 40300
> 45600
-60
9% — Бреруп
I стадия
Интерстадиал — Амерсфорт
-70
Межледниковье — Микулинское, рисс-вюрм, згм

Современные условия

Процент широколиственных пород

1 2 3 4 5
6 7 8 9 10
11

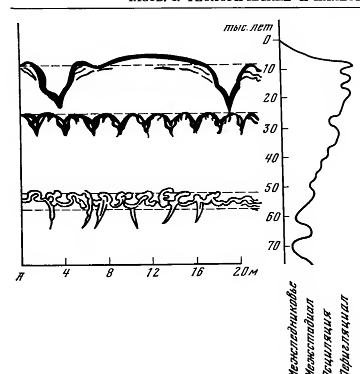

Рис. 8. Палеогеографические реконструкции природных процессов в плейстоцене. По А. А. Величко (1973)

А. Геохронология и динамика основных физико-геологических процессов верхнего плейстоцена в лессовой зоне Русской равнины

Б. Деградация реликтовой криогенной области Северной Евразии:

1 — зона деградации на суше; *2* — то же на море; *3* — современная область многолетней мерзлоты; *4* — современная область морских льдов; *5* — современная граница многолетней мерзлоты; *6* — граница современных морских льдов; *7* — южная граница пояса деградаций; *8* — граница покровных оледенений

ко А. А., 1973). Все это создало экстремальные условия для жизни человека в средних широтах. Однако человек не только смог адаптироваться к таким условиям при помощи изменений в материальной культуре, но и поднялся на более высокий уровень в духовной жизни, на что указывает разнообразное искусство, представленное пластикой и наскальными рисунками.

Нерешенным является вопрос о хронологических рамках ранней поры позднего палеолита. В равной мере он имеет отношение и к определению времени верхней границы мустьерской эпохи.

Переход от мустьерской эпохи к позднему палеолиту на территории СССР прослеживается так же плохо, как и повсюду. Известный интерес в этом плане представляют кавказские пещеры, в которых

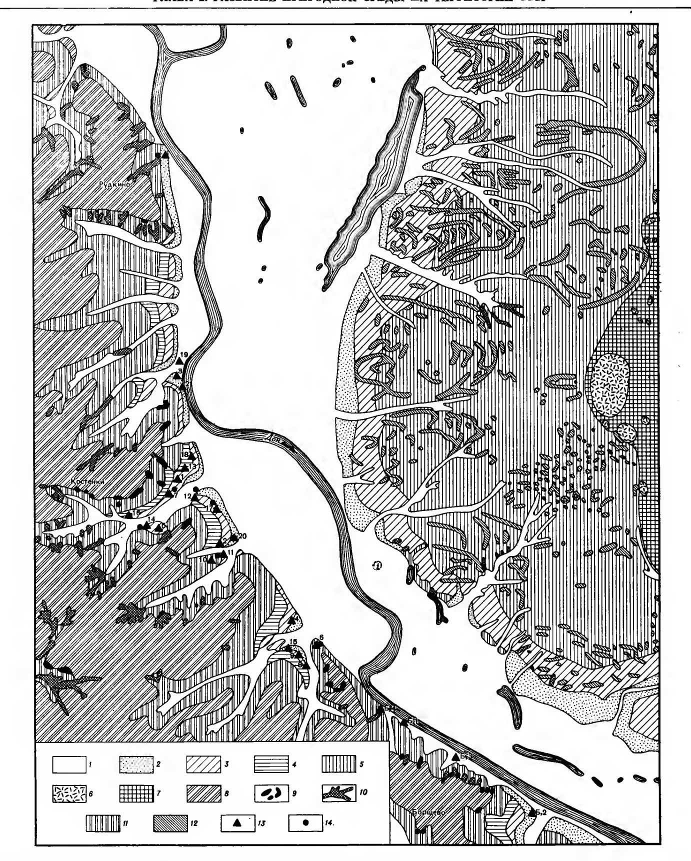

Рис. 9. Схема геолого-геоморфологического строения долины Дона и сосредоточение позднепалеолитических памятников в Костенковско-Борщевском районе. (Составлена И. И. Красновым):

1 — низкая и высокая поймы; аллювиально-делювиальные отложения балок; *2* — первая надпойменная терраса; *3* — вторая надпойменная терраса; *4* — третья надпойменная терраса на правобережье Дона; *5* — третья надпойменная терраса на левобережье Дона, перекрытая эоловыми песками; *6* — мерзлотные просадочные блюдца и котловины; *7* — четвертая надпойменная терраса (аллювиальные и флювиогляциальные отложения); *8* — ледниковые отложения донского языка (морена); *9* — выходы коренных дочетвертичных пород; *10* — современные эрозионные врезы оврагов; *11* — склоновые отложения; *12* — эоловые отложения; *13* — позднепалеолитические стоянки; *14* — места находок вулканического непла

устанавливаются остатки ранней поры позднего палеолита — Сагварджиле, Чахати, Хергулис-Клде, Таро-Клде и др. (см. ч. III, гл. 2). Но эти пещеры недостаточно изучены с геологической точки зрения. Ранняя пора позднего палеолита здесь установлена только на основании археологического анализа. Характер литологии и состав фауны указывают лишь на то, что климат в ту эпоху был более суровым, чем в настоящее время.

На территории Русской равнины к ранней поре позднего палеолита относят Радомышльскую стоянку (*Шовкопляс И. Г.*, 1965) в бассейне р. Тетерев в Полесье. К сожалению, стратиграфическое положение этой стоянки не устанавливается, поскольку культурный слой залегает на небольшой глубине в условиях низкой заболоченной местности.

Более интересные данные получены при исследовании многослойной стоянки Молодова V на Днестре. Здесь в ископаемой почве степного типа, смятой солифлюкционными процессами (рис. 7), встречены позднепалеолитические и мустьерские каменные изделия (*Ivanova I. K.*, *Chernysh A. P.*, 1965). Находки не представляют выраженного культурного слоя, их не много, и они не дают хорошей типологической характеристики. Можно только говорить о присутствии позднепалеолитической и мустьерской техники обработки. Но стратиграфическая позиция этой почвы очень четкая — она залегает между мустьерским слоем с датой более 45 тыс. лет и позднепалеолитическим слоем, имеющим абсолютный возраст в 28—29 тыс. лет. Эта почва, по заключению И. К. Ивановой, относится к климатическому оптимуму внутри среднего Валдая. По нашему мнению, она соответствует одному из средневюрмских интерстадиалов, который может быть сопоставлен скорее всего с интерстадиалом хенгело, выделяемым в Центральной и Западной Европе. На территории Чехословакии в это время также прослеживаются интерстадиальные условия и появляются позднепалеолитические элементы в технике обработки камня (*Valoch K.*, 1969; *Валох К.*, 1977). Предположительно данный интерстадиал датируется временем 37—40 тыс. лет назад.

Возможно, что следы такого перехода от мустье к позднему палеолиту имеются в некоторых пещерах Средней Азии и на Алтае (Усть-Канская пещера). Однако уровень изучения этих памятников не может считаться удовлетворительным.

Согласно широкораспространенной сейчас точке зрения (*Величко А. А.*, *Иванова И. К.*, *Муратов В. М.*, 1969), на территории Русской равнины подавляющее большинство позднепалеолитических памятников не древнее времени брянского интерстадиала, соответствующего паудорфскому в Центральной Европе и датирующегося в 25—30 тыс. лет. Многие геологи сопоставляют брянскую почву с молого-шекснинским временем. В Сибири на этом уровне отмечается липовско-новоселовское потепление (*Кинд Н. В.*, 1974) или каргинское межледниковье.

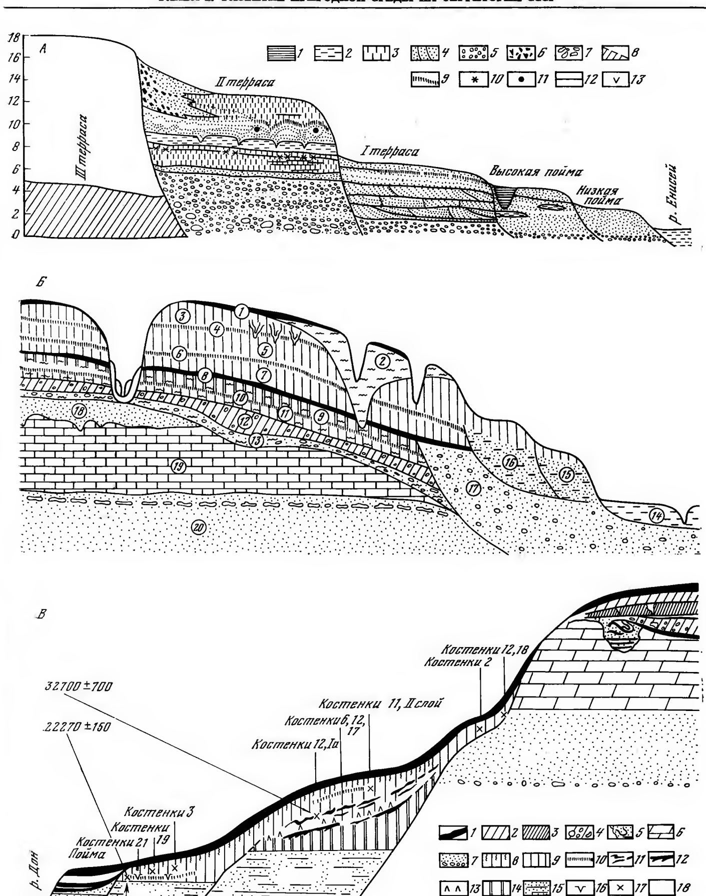
С общим выводом о том, что позднепалеолитические памятники не древнее брянского интерстадиала, можно согласиться лишь при условии изменения его датировки. Паудорфский интерстадиал не продолжителен — он не превышал 4 тыс. лет. По стратиграфическому положению в лессе (*Финк Ю.*, 1969) и характеру профиля брянской почвы можно предположить, что она формировалась более длительное время. Имеющиеся датировки в 24—29 тыс. лет, полученные по гумусу, не могут считаться надежными и скорее всего омоложены. На это указывает, например, дата в 32 700±700 лет (GrN — 7758), полученная по древесному углю для слоя 1а Костенок 12 (*Аникович М. В.*, 1977). Слой 1а Костенок 12 залегает в верхней гумусированной прослойке. Обе гумусированные толщи в Костенках отнесены А. А. Величко (*Величко А. А.*, 1969) к брянскому интерстадиалу.

Возможно, впрочем, и иное решение вопроса о стратиграфическом членении средневалдайского времени. Исследователи северо-западных районов Русской равнины фиксируют ряд потеплений и незначительных похолоданий, которые предлагают объединить в один крупный мегаинтерстадиал с хронологическим диапазоном от 50 до 25 тыс. лет назад (*Заррина Е. П.*, 1973).

В Костенковско-Борщевском районе известна группа позднепалеолитических памятников, залегающих в двух ископаемых гумусированных толщах (*Рогачев А. Н.*, 1957; *Лазуков Г. И.*, 1957) на второй надпойменной террасе (рис. 8Б; 10). Гумусированные толщи разделены делювиальным суглинком с включением вулканического пепла. Сейчас имеется надежная дата в 32 тыс. лет для верхней гумусированной толщи, полученная по древесному углю. Многие более молодые даты, публиковавшиеся ранее для Костенок, были получены или по гумусу, или по костям и не выдерживают критики. Исходя из даты в 32 тыс. лет, можно допустить более ранний возраст подстилающих вулканического пепла и нижней гумусиро-

Рис. 10. Схема строения террас в долине р. Енисей в Кокоревско-Новоселовском районе (*А*), на Десне (*Б*) и в Костенках на среднем Дону (*В*)

А: *1* — глины; *2* — суглинки; *3* — лессовидные суглинки; *4* — пески; *5* — гравий; *6* — щебнисто-глыбовые образования; *7* — галечники с валунами; *8* — коренные палеозойские породы; *9* — погребенные почвы; *10* — карбонатные стежения погребенных почв; *11* — кротовины; *12* — культурные слои палеолита; *13* — морозобойные трещины и трещины усыхания (по Э. И. Равскому и С. М. Цейтлину, 1965).
Б: сводная геолого-геоморфологическая схема строения правобережья средней Десны (*Величко*, 1961): *1* — молодая погребенная почва, смыкающаяся с современной; *2* — верхний лесс; *3* — лесс III (алтыновский); *4* — трубчевский уровень оледенения; *5* — лесс II (деснинский); *6* — уровень почвообразования; *7* — лесс I (хотылевский); *8* — днепровско-валдайская ископаемая почва; *9* — супеси и суглинки московского времени; *10* — днепровско-московская ископаемая почва; *11* — надморенные флювиогляциальные пески и супени днепровского времени; *12* — днепровская морена; *13* — подморенные отложения; *14* — современная пойма; *15* — I надпойменная терраса; *16* — II надпойменная терраса; *17* — погребенный аллювиальный комплекс; *18* — палеогеновые пески; *19* — сантонский мел; *20* — сеноманские пески. *В*: *1* — современная почва; *2* — покровные суглинки водораздела; *3* — ископаемая почва; *4* — морена максимального оледенения; *5* — неогеновые осадки с криогенными деформациями; *6* — туронский мел; *7* — сеноманские пески; *8* — верхний лесс; *9* — лессовидные делювиальные суглинки; *10* — следы почвообразования; *11* — верхняя гумусированная толща; *12* — нижняя гумусированная толща; *13* — вулканический пепел; *14* — аллювиально-делювиальные суглинки; *15* — аллювий; *16* — деформации пород; *17* — археологические слои; *18* — названия костенковских палеолитических стоянок. (Составил Н. Д. Праслов с использованием данных М. Н. Грищенко, Г. И. Лазукова, А. А. Величко и А. Н. Рогачева)

А
II терраса
III терраса
I терраса
Высокая пойма
Низкая пойма
р. Енисей
Б
В
32700 ± 700
22270 ± 150
Костенки 12,18
Костенки 2
Костенки 11, II слой
Костенки 6, 12, 17
Костенки 12, Iа
Костенки 3
Костенки 19
Костенки 21
Пойма
р. Дон

ванной толщи с культурными остатками. А. Н. Рогачев, М. В. Аникович относят нижние слои Костенок к ранней поре позднего палеолита. Имеется и другая точка зрения, которую развивает П. И. Борисковский (*Борисковский П. И.*, 1963), о том, что в Костенках представлена только средняя пора позднего палеолита. Первую точку зрения надо признать более убедительной.

Развитая пора позднего палеолита, когда отмечается абсолютное господство позднепалеолитической техники расщепления камня, начинается в условиях брянского интерстадиала, т. е. примерно около 28—29 тыс. лет назад (эталоном могут служить 9-й слой Молодово 5 на Днестре, Пушкари I на Десне, Сунгирь и другие аналогичные памятники). К ней могут быть отнесены такие стоянки, как Костенки 1, верхний слой, Гагарино, Авдеево, Костенки 21, имеющие даты около 22 тыс. лет. Л. Д. Сулержицким благодаря применению особой методики подготовки образцов костного угля получена новая интересная серия дат: Костенки 1, верхний слой — 22 300±300 (ГИН — 1870; Гагарино — 21 800±300 (ГИН — 1872). Близкая дата получена и для Авдеево. Эти даты лучше согласуются с общими палеогеографическими представлениями о развитии палеолита в Костенках и подтверждают правильность древних дат для нижних слоев.

На территории Сибири, по-видимому, к этому времени могут быть отнесены позднепалеолитические стоянки Мальта и Буреть, залегающие на ископаемой почве липовско-новоселовского потепления (*Равский Э. И., Цейтлин С. М.*, 1965; *Цейтлин С. М.*, 1975б). Эти памятники и по составу фауны отличаются от более поздних сибирских стоянок, лежащих в интервале от 15 до 13 тыс. лет назад (*Ермолова Н. М.*, 1978).

Эпоха максимального похолодания в Северной Евразии хорошо выделяется по геологическим и биостратиграфическим данным. В это время широкое развитие получают лессонакопление в средних широтах и криогенез (*Величко А. А.*, 1973). На многих палеолитических памятниках имеются следы этих процессов. Например, в Сунгире налицо следы полигональных жил и мерзлотные клинья, деформировавшие культурный слой. Мощные мерзлотные клинья (рис. 8, А) разрушили Тимоновское поселение (*Величко А. А., Грехова Л. Л., Губонина З. П.*, 1977). Аналогичные деформации отмечаются в лессовой стоянке Елисеевичи (*Величко А. А., Грехова Л. В., Ударцев В. П.*, 1977). Для Елисеевичской стоянки имеется дата в 17 340±170 (ЛУ-360). Эта дата относится к плюскому интерстадиалу, сопоставляемому с интерстадиалом ляско. К этому же времени относится 5-й слой Молодовы 5 и, возможно, такие памятники, как Добраничевка, Мезин, Межиричи. Палинологические данные, полученные Г. А. Пашкевич, позволили ей сделать заключение, что культурный слой Добраничевки сформировался в условиях слабого потепления внутри верхневалдайской лессовой толщи.

Постепенное ослабевание температурного режима и возрастание влажности нашли свое отражение в геологической летописи. Однако мы знаем очень мало достоверных палеолитических памятников этого времени. Только в Сибири они представлены большой серией. В Восточной Европе к ним уверенно относятся по абсолютным датам верхние слои Молодовы 5. По-видимому, мы недостаточно оцениваем такие стоянки, как Ямбург, Осокоровка и многие другие, которые раньше относились к мезолиту, хотя являются позднеледниковыми плейстоценовыми.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ранний палеолит СССР

Глава первая
Время и пути
древнейшего заселения
территории СССР
человеком

Глава вторая
Ранний палеолит Кавказа

Глава третья
Ранний палеолит
Русской равнины и Крыма

Глава четвертая
Ранний палеолит
Азиатской части СССР

Глава первая
Время и пути древнейшего заселения территории СССР человеком

Вопрос о первоначальном заселении территории СССР, занимающей около 40% Евразии, является крайне сложным. Его успешному решению мешает слабая изученность наиболее древних памятников, повсюду обусловленная тем, что их поиски сопряжены с большими трудностями. Такие памятники, как правило, погребены на большую глубину в процессе ландшафтных перестроек. Поэтому открытие палеолитических поселений часто носит случайный характер, не считая, конечно, памятников пещерного типа, которые легче поддаются обследованию.

Открытия палеолитических памятников в различных районах Советского Союза, сделанные в последние два десятилетия, не раз уже заставляли менять представления о времени первоначального появления человека в том или ином регионе. Сейчас значительно изменились наши знания о палеолите Европейской части СССР, Средней Азии и Казахстана, а также обширных просторов Сибири и Дальнего Востока, как, впрочем, изменились представления о палеолите и по другим регионам Старого Света.

Первоначальное заселение территории СССР первобытным человеком было очень сложным и длительным процессом. Освоение новых территорий осуществлялось, по-видимому, из разных центров обитания, в разное время и имело разные масштабы. Во всем этом процессе огромную роль играли природная среда и уровень развития материальной культуры. Заселение умеренной зоны, в которой отчетливо выражаются сезонные климатические колебания с резкими перепадами от высоких летних до низких зимних температур с длительным снежным покровом, возможно стало только после освоения искусственного получения огня и создания искусственного теплового барьера между человеком и окружающей средой. Без теплой одежды и надежно утепленных жилищ невозможно было существование в перигляциальной зоне средних широт Европы и Азии в условиях развития континентального ледникового покрова. Огонь, жилище и одежда — основные достижения человечества, сыгравшие наряду с развитием охотничьего снаряжения главную роль в расширении первоначальной территории обитания предков человека и первых людей.

По известным в настоящее время материалам наиболее древние палеолитические памятники на территории СССР расположены в южных районах, примыкающих к зоне, в которой происходило выделение человека из животного состояния. Многочисленные открытия наиболее древних следов деятельности ранних гоминид на территории Восточной Африки усилили позицию сторонников африканской прародины человека. Однако имеются серьезные основания для включения в эту зону и южных районов Азии (*Борисковский П. И.*, 1977), откуда известно значительное количество неогеновых приматов, в том числе дриопитека, рамапитека и гигантопитека. В Южной и Юго-Восточной Азии известны находки архантропов и их каменных орудий. Поэтому представляется возможным, что территория советского Закавказья входила в зону становления человека, являясь ее северной окраиной. В миоцене и плиоцене здесь были благоприятные условия для жизни приматов, на что указывает находка в 1939 г. в восточной Грузии, в Кахетии, двух зубов и обломка верхней челюсти ископаемой человекообразной обезьяны, получившей название «удабнопитек гареджийский» — Udabnopithecus garedziensis. Удабнопитек был найден вместе с костями таких крупных млекопитающих, как носорог, мастодонт, динотерий, гиппарион, гиена и др. (*Бурчак-Абрамович Н. О. и Габашвили Е. Г.*, 1950). Эта находка интересна тем, что она является единственной на территории СССР, относящейся к человекообразным обезьянам.

В Закавказье пока неизвестны древнейшие каменные изделия, найденные совместно с ранними формами гоминид.

Все же имеются факты, которые позволяют считать, что первое появление человека на территории Кавказа относится к очень раннему времени. Мы полагаем, что нельзя считать убедительной значительную переоценку возраста находок в Сатани-Дар в сторону омоложения (ср.: ч. II, гл. 2). В этом обширном местонахождении М. З. Паничкина (1950, 1953) выделила группу изделий, которые наиболее близки аббевильским формам орудий. К сожалению, в Сатани-Даре материалы собраны на поверхности и не поддаются геологической интерпретации. Это допускает возможность разного толкования сделанных здесь находок. Но в последнее десятилетие появились новые дополнительные материалы, которые позволяют вновь вернуться к точке зрения М. З. Паничкиной и С. Н. Замятнина, поддержанной А. А. Формозовым (1965), П. И. Борисковским (1957) и другими исследователями палеолита о первом появлении людей на территории Кавказа в раннем ашеле.

Новые раскопки в Азыхской пещере в Азербайджанской ССР, проведенные М. М. Гусейновым (см. ч. I), привели к открытию под среднеашельским культурным слоем, в котором найден крупный фрагмент нижней челюсти ископаемого человека, еще нескольких культурных слоев с археологическим материалом и с фауной. Сейчас пока трудно согласиться с мнением М. М. Гусейнова (1976) о датировке нижнего слоя олдувайской эпохой — для этого пока нет достаточных аргументов. Но слой 6, залегающий под среднеашельским, доставил грубые каменные орудия, которые можно сопоставлять с древним ашелем Западной Европы. В этом слое собраны многочисленные остатки ископаемой фауны, в составе которой присутствуют месопотамский олень (Cervus mesopotamica), зюссенборнская лошадь (Equus süssenbornensis), носорог мерка (Dicerorhinus mercki), бизон Шётензака (Bison schötensacki). Перечисленные формы характерны для тираспольского фаунистического комплекса.

В Западной Европе в миндельских отложениях залегают раннеашельские памятники. Следователь-

но, 6-й слой Азыхской пещеры и подстилающие его слои относятся к более раннему времени, чем средний ашель. Таким образом, нижние слои этой пещеры в какой-то мере косвенно подтверждают первоначальную интерпретацию Сатани-Дара и более убедительно свидетельствуют о раннеашельском времени появления человека на Кавказе. В связи с этим не нужно забывать и о таких небольших местонахождениях, как Игнатенков Куток и станица Саратовская в долине Псекупса на Северном Кавказе, которые С. Н. Замятнин и А. А. Формозов относили к «шелльскому», т. е. к раннеашельскому времени.

Соседство Кавказа с Ближним Востоком, где хорошо известны древнепалеолитические памятники раннеашельского времени, а может быть, и более ранние верхневиллафранкские, отсутствие крупных естественных преград и открытие древнейших слоев в Азыхской пещере позволяет достаточно убедительно говорить о первом появлении человека на Кавказе, особенно в Закавказье, в нижнем плейстоцене не позднее миндельского времени.

Гораздо сложнее обстоит дело с определением времени и путей первого проникновения людей на территорию Восточно-Европейской равнины.

Европа, по-видимому, не входила в зону становления человека, и первые люди здесь появились позднее, чем в Африке и Азии. Наиболее древним памятником является грот Валлоне в Приморских Альпах на юге Франции. Но это местонахождение моложе африканских, и датируется временем не позднее гюнцского похолодания. Палеомагнитные данные указывают на то, что поселение в этом гроте относится к зоне прямой намагниченности. А. де Люмлей связывает ее с эпизодом харамильо, абсолютный возраст которого от 950 тыс. до 890 тыс. лет.

Анализ всех европейских материалов позволяет считать, что наиболее достоверное появление здесь первых людей можно относить к рубежу эоплейстоцена и нижнего плейстоцена (*Иванова И. К.*, 1972, с. 236). Вначале обитаемая территория была ограничена югом Западной Европы, а в конце гюнц-миндельского межледниковья и в миндельское время фиксируется расширение ареала. На это указывают многие пункты находок раннеашельских орудий в центре Западной Европы. К этому же времени относится и находка нижней челюсти ископаемого человека у Мауера близ Гейдельберга (ФРГ).

В памятниках миндельского времени зафиксированы следы огня; по-видимому, к этому времени и относится широкое освоение человеком европейского континента. Памятники этой поры известны не только в Западной, но и в Центральной Европе — в Чехословакии, Венгрии, Румынии. Возможно, именно к этому времени относится первое появление человека в южнорусских районах (см. ч. I).

Во время максимального оледенения, опускавшегося двумя большими языками по Днепру и Дону до широты Днепропетровска и г. Калача, в пределах Восточно-Европейской равнины возможность обитания первобытного человека сохранялась только в самых южных районах. К сожалению, следы жизни древнего человека в этот период очень незначительны. Достоверные памятники известны лишь в разрезе у хуторов Хрящи и Михайловского в устье Северского Донца, и, может быть, в Королево в Закарпатье.

Благоприятные условия теплого микулинского (рисс-вюрмского) межледниковья, когда среднегодовые температуры были выше современных, позволили освоить пространство Русской равнины — до широты 54 параллели. Наиболее яркими памятниками продвижения людей на север в это время являются Хотылево близ г. Брянска и Сухая Мечетка на окраине г. Волгограда.

Наступившее новое вюрмское похолодание не привело к сокращению занимаемой людьми территории. На это указывают мустьерские находки в Бетово поблизости от Хотылевского местонахождения, находки единичных разрозненных кремневых изделий близ г. Белева в Тульской обл. и, возможно, на отмелях р. Волги между Казанью и Куйбышевом. Имея уже относительно высокий уровень материальной культуры, люди стали приспосабливаться к ухудшающимся условиям, совершенствуя одежду и жилища. В ряде мустьерских стоянок найдены выразительные кремневые проколки, как, например, в Рожке 1, для сшивания шкур.

Дальнейшее совершенствование обработки шкур животных с появлением призматической техники расщепления камня и создания разных типов скребков, наряду с усовершенствованием очагов и жилищ позволило первобытным людям в эпоху позднего палеолита не только сохраниться в обитаемом ареале, но и продвинуться значительно севернее в условиях прогрессирующего похолодания (*Величко А. А.*, 1973). Позднепалеолитическая стоянка Сунгирь под Владимиром, расположенная несколько севернее 56° северной широты, и Островская имени Талицкого на р. Чусовой фиксируют очередной этап в освоении Русской равнины (*Бадер О. Н.*, 1971). Обе они относятся к брянскому интерстадиалу. К этому же времени относится, по-видимому, и самая северная позднепалеолитическая стоянка у деревни Бызовой в среднем течении р. Печоры, расположенная севернее 64 параллели, примерно в 175 км от Полярного круга (*Канівец В. И.*, 1976). Для нее получена дата по костям в Тартуской лаборатории в 25 450±380 лет. Эта дата близка сунгирской.

Брянский интерстадиал не был теплым. В центре Русской равнины на широте г. Брянска условия были примерно такими, как теперь в центре Якутии (*Величко А. А., Морозова Т. Д.*, 1975). Реконструкция одежды погребенных в Сунгири также указывает на то, что климат был очень холодным.

Климатический минимум, наступивший после брянского интерстадиала, привел, по-видимому, к оттоку населения к югу от 56 параллели. Однако по археологическим данным сейчас пока нельзя судить, насколько значительным было сокращение обжитой территории.

Новая волна освоения северных широт выше 56 параллели относится к позднеледниковью (стоянки Алтыново и Золоторучье на Верхней Волге). В Прибалтике люди появились, по-видимому, на рубеже плейстоцена и голоцена. В северо-восточной Белоруссии, в Литве и Латвии достоверных палеолитических памятников, обоснованных стратиграфически, нет. Относимые к финальному палеолиту некоторые местонахождения в Литве (*Римантене Р. К.*, 1971) нуждаются, по нашему мнению, в дополнительном обосновании. Датировки, основанные на типологическом

анализе и сопоставлении с памятниками в других районах, недостаточно убедительны, так как формы орудий и техника их изготовления могут быть пережиточными. На Валдае, в Прибалтике и на северо-востоке Русской равнины известны памятники мезолита. С этого момента жизнь здесь не прерывалась.

Первоначальное заселение территории Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока происходило примерно так же, как и в Восточной Европе. Наблюдается постепенное расширение обитаемого ареала с юга на север. Здесь также наиболее древние памятники пока известны только к югу от 48 параллели в пределах Средней Азии и Казахстана (*Алпысбаев Х. А.*, 1961, 1977; *Ранов В. А.*, 1977). Более 15 пунктов дают изолированные находки различных галечных изделий, которые предположительно относятся к домустьерскому времени. К сожалению, в большинстве случаев они не имеют достаточного стратиграфического обоснования, поскольку найдены на поверхности. Именно поэтому нельзя считать убедительным отнесение ко второй половине нижнего плейстоцена шелльско-ашельского комплекса каменных орудий, собранных в большом количестве Х. А. Алпысбаевым в районе хребта Каратау в Южном Казахстане (см. ч. II, гл. 4).

Значительно больший интерес представляют новые находки домустьерских памятников в лессовых разрезах Южного Таджикистана, где В. А. Ранов совместно с геологами А. А. Лазаренко и А. Е. Додоновым исследует восемь местонахождений (Путеводитель..., 1977). На двух из них проводятся систематические раскопки с детальным геологическим изучением (Каратау I и Лахути I). Каменные изделия залегают в ископаемых почвах на глубине более 50 м от поверхности водоразделов. Возраст пятого почвенного комплекса, в котором залегают каменные изделия в местонахождении Каратау I, термолюминесцентным методом определен в 200 тыс. лет, что соответствует среднему плейстоцену.

Каменные изделия, собранные в этих местонахождениях, хотя и изготовлены преимущественно из галек и в галечной технике расщепления, имеют довольно развитой облик и не производят впечатления очень древних. Это дает возможность предполагать более ранний возраст типологически более архаичных местонахождений Борыказган и Танирказган, открытых и изучавшихся Х. А. Алпысбаевым.

Большая часть домустьерских местонахождений Средней Азии и Казахстана имеет выраженные черты галечной техники первичного расщепления и относится к пласту галечных культур, характерных для Азии. Это уже само по себе указывает на их истоки. Однако следует отметить, что в районе казахского мелкосопочника открыты местонахождения (Сары-Арка и др.), в которых довольно хорошо представлена бифасиальная техника и ручные рубила (*Медоев А. Г.*, 1970). К сожалению, все североказахстанские местонахождения представлены только сборами на поверхности и расчленены на хронологические этапы искусственно. С обоснованием этих этапов трудно согласиться. Так, например, совершенно нет оснований для датировки местонахождения Жаман-Айбат доднепровским временем (*Клапчук М. Н.*, 1977), как нет оснований для выделения леваллуа-ашельской культуры в отличие от ашельской в Сары-Арка (*Медоев А. Г.*, 1970). Возможно, что некоторые из них относятся к позднеашельскому времени. Если удастся найти доказательства этому предположению, тогда можно будет говорить о том, что на территории Средней Азии и Казахстана имеет место соприкосновение двух больших историко-культурных провинций: переднеазиатской с традициями двусторонней обработки камня с ручными рубилами и галечной восточно-азиатской с чопперами и без ручных рубил.

На территории Сибири и Дальнего Востока бесспорных домустьерских памятников нет. Относимые рядом авторитетных исследователей к древнему палеолиту местонахождения в Филимошках на р. Зее и в Кумарах на р. Амгуни (*Окладников А. П.*, 1968а) не имеют, по нашему мнению, достаточно бесспорного стратиграфического обоснования. Поэтому сейчас представляется затруднительным решать проблему первоначального заселения Сибири (ср. ч. II, гл. 4).

Памятники мустьерской эпохи хорошо представлены на всей территории Средней Азии и Казахстана. Известны также они на Алтае, в Хакасии, в отрогах Кузнецкого Алатау, в Туве, в Саянских горах и в долине р. Ангары. Так же, как и в Восточной Европе, в эту эпоху фиксируется расширение ареала обитания до 52—53 параллелей северной широты. Улалинка, Усть-Канская и Страшная пещеры недавно дополнены новыми мустьерскими памятниками — пещерой Двуглазка (*Абрамова З. А., Ерицян Б. Г., Ермолова Н. М.*, 1976) и серией местонахождений на высоких террасах р. Ангары (*Медведев Г. И.*, 1975).

В эпоху позднего палеолита происходит еще большее расширение обитаемого ареала. Известны позднепалеолитические памятники на юго-восточной окраине Западной Сибири (Ачинская и Томская стоянки), в Забайкалье и в Приморье. Особенно хорошо изучены позднепалеолитические поселения в долине Енисея. В последнее десятилетие серия новых позднепалеолитических памятников открыта на Лене, Алдане и даже в бассейне р. Индигирка, вплоть до 71° с. ш. Появилось сообщение об открытии позднего палеолита в стоянке Ушки на Камчатке. Для Ушковской стоянки получено и несколько различных дат — от 10 тыс. до 21 тыс. лет (*Диков Н. Н.*, 1977). Однако они не проясняют стратиграфической позиции памятника, а типология каменного инвентаря слоев, относимых к позднему палеолиту, не отличается от мезолитического. Это заставляет осторожнее относиться к определению памятника как позднепалеолитического.

В раннем голоцене в эпоху мезолита древние охотники появляются севернее 72 параллели на Таймыре, в Заполярье. Этот момент можно считать окончательным в освоении территории нашей страны.

Процесс освоения сибирских просторов в эпоху палеолита, очевидно, не был таким постепенным и последовательным, как он рисуется по известным сейчас археологическим памятникам. На такой схематичности сказывается неравномерность изученности разных территорий, недостаточная степень обоснованности точного возраста и сложности палеогеографических реконструкций; выводы о древности того или иного памятника иногда оказываются поспешными. Несомненно, в результате новых исследований изложенная здесь схема усложнится и станет более детальной как для каждого региона в отдельности, так и в целом для всей северной Евразии.

Глава вторая
Ранний палеолит Кавказа

Кавказ — одна из главных областей первичного заселения территории нашей страны древнейшим человеком, область высокой концентрации памятников нижнего палеолита. Изобилие, характер и особенности этих памятников в кавказской области теснейшим образом связаны с географическим положением этой области, ее природными условиями, четвертичной историей и соседством с переднеазиатским древнепалеолитическим миром.

Историографическое введение. Первые поиски следов каменного века на Кавказе были предприняты более ста лет назад в связи с подготовкой V Археологического съезда в Тифлиси в 1881 г. Исходным рубежом исследования палеолита на Кавказе считается, однако, 1898 г., когда французский ученый Жозеф де Бай обнаружил на Северном Кавказе Ильскую мустьерскую стоянку близ Краснодара. Открытие палеолита к югу от Кавказского хребта произошло несколько позже, во время поездки французского исследователя Жака де Моргана по Армении. На западном склоне Арагаца тогда были собраны каменные орудия, отнесенные им в целом к верхнему палеолиту, хотя он и намечал в их составе некоторые мустьерские формы (*Morgan J.*, 1909).

К 1917 г. нижний палеолит Кавказа был одним из наименее разработанных разделов первобытной археологии этой области. Сведения об ашельской эпохе отсутствовали, скудные мустьерские материалы (Ильская, Арагац) не сохранились и потеряли почти всякое научное значение. По существу советские археологи вынуждены были начинать поиски и изучение нижнего палеолита заново.

Работы советских археологов по исследованию нижнего палеолита Кавказа можно разделить на четыре главных этапа.

Первый, охватывающий период до 1934 г., характеризовался изучением ранее известных памятников. В 1925 г. С. Н. Замятнин вновь открыл и возобновил исследование Ильской стоянки (1925, 1926, 1928 гг.) [1].

Второй этап, включающий 6—7 предвоенных лет (1934—1941 гг.), свидетельствует о становлении советской кавказоведческой палеолитической науки, выражающемся прежде всего в развертывании широких специализированных разведок больших территорий. Планомерные поисковые работы охватили в эти годы кавказское Причерноморье и отчасти Прикубанье. В Сочинско-Абхазском Причерноморье были обнаружены первые в нашей стране ашельские памятники (Яштух, Гвард, Бырц и др.), первые на Кавказе мустьерские местонахождения (Хоста, Лечкоп, Эшери, Келасури, Очамчире и др.) и мустьерские пещерные стоянки с непотревоженным культурным слоем (Ахштырская, Навалишенская, Ацинская, Воронцовская, Хостинская I и II) (*Замятнин С. Н.*, 1937, 1940, 1950, 1961; *Паничкина М. З.*, 1940; *Крайнов Д. А.*, 1947). В Прикубанье были открыты нижнепалеолитическое местонахождение Фортепьянка и другие (*Замятнин С. Н.*, 1949).

Третий этап составляет первое послевоенное десятилетие. Качественно новым здесь является вовлечение в исследования памятников и проблем раннего палеолита специалистов, выросших в национальных кавказских научно-исследовательских центрах. Главные достижения этого периода: открытие двух новых крупных районов концентрации ашельских и мустьерских памятников — в Армении (*Замятнин С. Н.*, 1947; *Паничкина М. З.*, 1950; *Сардарян С. А.*, 1954) и в Южной Осетии (*Любин В. П.*, 1954, 1958, 1960а) и новой группы раннепалеолитических памятников в Прикубанье (*Замятнин С. Н.*, 1949, 1950; *Формозов А. А.*, 1952).

С 1955 г. начинается четвертый, последний, этап, наиболее значительный по своим научным результатам. Его открывает обнаружение четырех горных многослойных пещерных стоянок с ненарушенными ашельскими культурными слоями. Это — Кударо I (1955 г.), Кударо III (1957 г.) и Цона (1958 г.) на территории Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР и Азых (1960 г.) в Азербайджане (*Любин В. П.*, 1959, 1969а; *Любин В. П., Левковская Г. М.*, 1972; *Каландадзе А. Н.*, 1965; *Мусеибов М. А., Гусейнов М. М.*, 1961; *Гусейнов М. М.*, 1965). В эти же годы раскапывались десятки новых и ранее известных мустьерских пещерных стоянок в Грузии, в Армении, в Азербайджане, в Причерноморье и в Прикубанье (*Замятнин С. Н.*, 1961; *Гусейнов М. М.*, 1959, 1973а; *Коробков И. И.*, 1962; *Григолия Г. К.*, 1963; *Тушабрамишвили Д. М.*, 1963а, б; *Бердзенишвили Н. З.*, 1964; *Аутлев П. У.*, 1964, 1973; *Паничкина М. З., Векилова Е. А.*, 1962; *Векилова Е. А.*, 1967, 1973; *Каландадзе А. Н.*, 1969; *Ерицян Б. Г.*, 1970, 1975; *Любин В. П., Соловьев Л. Н.*, 1971; *Ниорадзе М. Г.*, 1976; *Любин В. П.*, 1977а; *Джафаров А. К.*, 1978а, б и др.), а также были выявлены и обследованы сотни новых ашельских и мустьерских местонахождений в различных районах Кавказа. Среди них следует отметить большие группы нижнепалеолитических местонахождений в Прикубанье (*Аутлев П. У.*, 1963; *Формозов А. А.*, 1965), в Причерноморье (*Коробков М. И.*, 1967, 1971; *Гумилевский Н. И., Коробков И. И.*, 1967; *Щелинский В. Е., Островский А. Б.*, 1970; *Любин В. П., Щелинский В. Е.*, 1972; *Бердзенишвили Н. З.*, 1979; *Григолия Г. К.*, 1979 и др.), в Имеретии (*Тушабрамишвили Д. М.*, 1962), в Южной Осетии (*Любин В. П.*, 1960а, 1977а), в Армении (*Любин В. П.*, 1961), в Джавахетии (*Григолия Г. К.*, 1965), в Кахетии (*Бугианишвили Т. В.*, 1969, 1979), в западном Азербайджане (*Мансуров М. М.*, 1965, 1978) и др.

К настоящему времени нижний палеолит установлен во всех районах Кавказской горной страны: на Большом Кавказе (вплоть до полосы высокого-

[1] В 1936 и 1937 гг. эту же стоянку раскапывал В. А. Городцов.

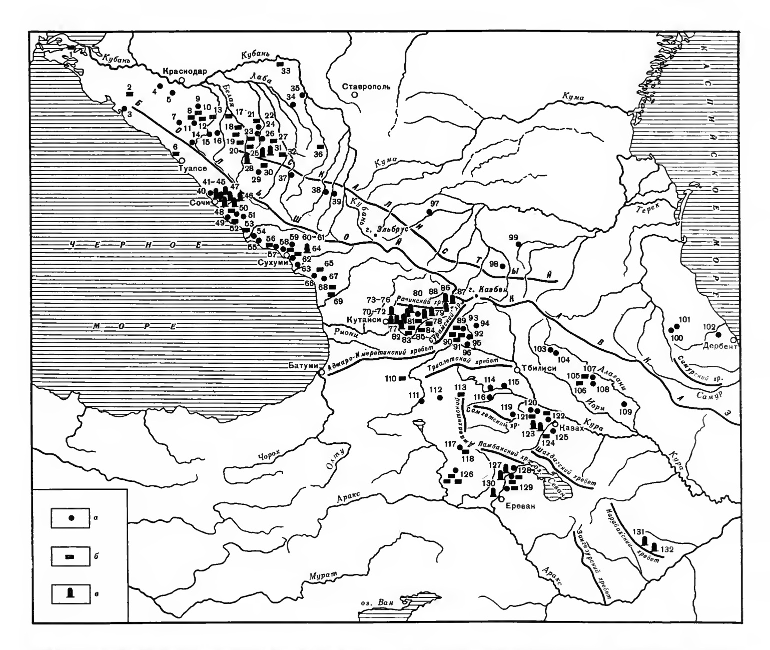

Рис. 11. Карта размещения раннепалеолитических памятников Кавказа

а — мустьерские местонахождения и стоянки; *б* — ашельские местонахождения; *в* — пещерные стоянки.

1 — Цимбал; *2* — Абинская; *3* — Геленджик; *4* — Ильская I и II; *5* — Смоленская; *6* — Кадошский мыс; *7* — Хаорзе; *8* — Игнатенков Куток; *9* — Бакинская; *10* — Боровикова гора; *11* — Гришкин бугор; *12* — Имеретинская; *13* — Карпово; *14* — Гойтх; *15* — Хадыженская; *16* — Тухинское; *17* — Ханская; *18* — Фортепьянка; *19* — Курджипская; *20* — Семияблоня; *21* — Ярославская; *22* — Махошевская; *23* — Абадзехская; *24* — Фарское; *25* — Средний Ходжох; *26* — Колоссовское; *27* — Ходзь; *28* — Даховская; *29* — Ачеш-бок; *30* — Баговская; *31* — Баракаевская и Монашевская пещеры, Губский навес I и др.; *32* — Переправная; *33* — карьер Гирей; *34* — Синюховское; *35* — Армавир; *36* — Отрадная; *37* — Гурмай; *38* — Хуса; *39* — Кардоникская; *40* — Пластунка; *41—45* — пещеры Азинская, Хостинская I и II, Воронцовская, Навалишенская; *46* — Кепшинская пещера; *47* — Ахштырская; *48* — Богос; *49* — Гумария и др.; *50—52* — Хейвани I—V, Леселидзе I—III, Барановка; *53* — Колхида; *54* — Калдахвари; *55* — Бармыш; *56* — Кюр-дере; *57* — Эшери; *58* — Лечкох; *59* — Ахбюк; *60—61* — Яштух; Бырц, Гвард; *62* — Келасури; *63* — Боговешти; *64* — Свантасавана; *65* — Отап; *66* — Очамчири; *67* — Ачигвара; *68* — Гали; *69* — Чубурисхинджи; *70—72* — Чахати, Сакажиа, Ортвали; *73—76* — Цуцхватские пещеры (Бронзовая, Бизоновая, Двойной грот и др.); *77* — Сагварджиле; *78* — Джручула; *79* — Самгле-клде; *80—85* — ашельские и мустьерские местонахождения Имеретии: Сербебиу Чиловани, Перевича, Кажнари, Хвирати и др.; *86* — Кударо I; *87* — Кударо III; *88* — Цона; *89—96* — ашельские и мустьерские местонахождения предгорий Юго-Осетии; Лаше-Балта, Калети, Тигва, Гористави, Квернети, Калети, Каркуста-кау и др.; *97* — Заюково; *98* — Лысая гора; *99* — Гамурзиево, Насир-корт и др.; *100* — Сага-цуха и др.; *101* — Кумрала-када и др.; *102* — Чумус-иниц, Геджух; *103—104* — Кистаури, Оснаури и др.; *105* — Качрети; *106* — Зиари; *107* — Мелани; *109* — Квемо-кеди; *110* — Ахалцихе; *111* — Кумурдо; *112* — Ахалкалаки; *113* — Чикиани (Куюндаг); *114* — Гомарети; *115* — Самшвилде; *116* — Казрети; *117—118* — Джаджур; *119* — Цопи; *120* — Шахлы I—II; *121* — Гаялы и др.; *122* — Юхары-Салахлы; *123* — пещеры Дамжилы и Дашсалахлы; *124—125* — Шашгузет, Чахмаклы и др.; *126* — Сатани-дар, Еркар-блур, Арегуни и др.; *127* — пещеры Лусакерт I и II, Аширабад, Чаткран и др.; *128* — Джрабер I—XI, Фонтан I—II, Кёндарасы I—IV; *129* — Арзни; *130* — Ереванская пещера; *131* — Тагларская пещера; *132* — Азыхская пещера

рий), во многих местах Закавказской межгорной депрессии, на Малом Кавказе и на Армянском вулканическом нагорье (рис. 11). Важными чертами послевоенных этапов исследований являются: монографическое издание материалов отдельных стоянок (*Григолия Г. К.*, 1963; *Аутлев П. У.*, 1963; *Бердзенишвили Н. З.*, 1964), обобщение материалов, накопленных в пределах как отдельных областей Кавказа (*Паничкина М. З.*, 1950; *Сардарян С. А.*,. 1954; *Формозов А. А.*, 1965; *Любин В. П.*, 1960а, 1969б), так и всего Кавказа (*Любин В. П.*, 1969а, 1977а), и широкое привлечение к исследованиям памятников представителей естественнонаучных дисциплин (*Любин В. П., Колбутов А. Д.*, 1961; *Любин В. П., Бурчак-Абрамович Н. И., Клапчук М. Н.*, 1971; *Любин В. П., Левковская Г. М.*, 1972; *Любин В. П., Аутлев П. У., Гричук В. П.*, и др., 1973; *Любин В. П., Ренгартен Н. В.* и др., 1978; *Любин В. П., Селиванова Н. Б.* и др., 1978; *Габуния М. К., Тушабрамишвили Д. М., Векуа А. К.*, 1961; *Гричук В. П., Губонина З. П.* и др., 1970; *Щелинский В. Е., Островский А. Б.*, 1970; *Векуа А. К., Мамацашвили Н. С., Тушабрамишвили Д. М.*, 1973; *Векилова Е. А., Гричук В. П.* и др., 1978; *Ниорадзе М. Г., Векуа А. К.* и др., 1978; *Маруашвили Л. И., Мамацашвили Н. С.* и др., 1978).

Географическая специфика Кавказа заключается в исключительно большом разнообразии ее природных условий. Для понимания палеолита Кавказа в гораздо большей степени, чем для понимания палеолита других обширных регионов нашей страны, необходим учет этого разнообразия, чем и обусловлено настоящее краткое географическое вступление (рис. 12). Границы Кавказа на севере и юге не являются естественными физико-географическими рубежами, так как по обе стороны их нет резких природных различий. Открытость Кавказского перешейка к северу и к югу и смыкание Закавказья с Западной или Передней Азией, частью которой оно является, сыграли важную роль в первоначальном заселении Кавказа человеком и связях его древнейшего населения с сопредельными территориями.

Наиболее крупными орографическими элементами рассматриваемой области являются равнинное Предкавказье и Кавказская горная страна. Предкавказье располагается в степной зоне европейской части СССР, представляя собой южную часть Русской равнины. Кавказская горная страна занимает среднюю и южную части перешейка и подразделяется на Большой Кавказ, Закавказскую депрессию и Закавказское нагорье.

Большой Кавказ — могучая горная система, протягивающаяся поперек Кавказского перешейка. Длина его около 1100 км, ширина — до 180 км. В осевой полосе ее поднимаются хребты — Главный, или Водораздельный, и Боковой с вершинами более 5000 м.

По длине Большой Кавказ делят на три отрезка: Западный, Центральный и Восточный, границами между которыми считают сечения, проходящие через Эльбрус и Казбек. Центральный Кавказ наиболее высокий и оледенелый. На Западном иногда обособляют лесной Черноморский Кавказ (средневысотные горы на участке от Анапы до Сочи) и Абхазский (или Кубано-Абхазский от Сочи до горы Эльбрус).

Закавказская депрессия — зона межгорных прогибов, разделяющая Большой Кавказ и Закавказское нагорье. Западную часть ее составляют Рионская впадина (Колхидская низменность), восточную — Куринская впадина. Между ними располагается среднегорный Сурамский (Лихский) хребет, являющийся наиболее приподнятым участком депрессии.

Закавказское нагорье — небольшая, северная, расположенная в пределах нашей страны часть Переднеазиатских нагорий. С севера ее ограничивает зона куро-рионских впадин, с юга — р. Аракс. Наиболее крупными орографическими элементами нагорья являются хребты Малого Кавказа, Армянское вулканическое нагорье, Приараксинские хребты и среднеараксинские котловины.

Малый Кавказ — система хребтов, окаймляющих Армянское нагорье с севера и северо-востока (хребты Аджаро-Имеретинский, Триалетский, Сомхетский, Карабахский и др.).

Армянское вулканическое нагорье занимает центральную часть Закавказского нагорья. В пределах Армянского нагорья выделяют Южно-Грузинское (Джавахетское) и Центральное (собственно Армянское). Нагорья эти отличаются широким развитием лавовых пород, большой приподнятостью (1500—3000 м), слабой расчлененностью, аридностью и континентальностью. На юго-восточном направлении Армянское нагорье ограничено группой Приараксинских хребтов (Зангезурский и др.), на юге, вдоль границы,— цепочкой среднеараксинских котловин с равнинным рельефом (Араратская, Нахичеванская, Ордубадская). Левобережная часть этих котловин и других орографических элементов Закавказского нагорья находится в пределах Турции или Ирана (*Гвоздецкий Н. А.*, 1948, 1963; *Антонов Б. А., Гвоздецкий Н. А.*, 1977).

Исключительное разнообразие климата Кавказа определяется главным образом влиянием рельефа. Основные климато://азделы проходят по гребню Большого Кавказа и Главному Транскавказскому поперечному поднятию. Климатоазделы существенно влияют на распределение тепла и влаги в пределах перешейка. Большой Кавказ разграничивает два климатических пояса: умеренный и субтропический (Северный Кавказ относится к умеренному поясу, Закавказье — к субтропическому). Горы и поднятия делят территорию горных областей Кавказа на множество районов со своими местными особенностями климата, что обуславливает исключительную пестроту местообитаний, исключительное разнообразие растительного и животного мира. Число видов растений на Кавказе превышает 6000 (тогда как на огромной территории европейской части СССР их около 3500), число видов млекопитающих достигает 130. Особенно богатые в видовом отношении леса произрастают в Колхиде; в лесах этих — множество диких съедобных растений (орехоплодных, плодовых, овощных и др.) (*Гросгейм А. А.*, 1942, 1952). Благодатный климат и обильные пищевые ресурсы Колхиды, судя по скоплению здесь палеолитических памятников, особенно привлекали первобытных людей в эту область. Колхида была, видимо, наиболее надежным убежищем фауны, флоры и человека и во времена оледенений (*Любин В. П.*, 1969а, 1974).

Для изготовления каменных орудий палеолитические люди находили на Кавказе обильный сырьевой материал. Используемые ими каменные породы чрезвычайно разнообразны; в то же время наблюдаются определенные территориальные различия в употреблении осадочных и вулканических пород. Так, в срединной части Кавказского перешейка, в зоне тектонического Транскавказского меридионального поднятия (территория Северной и Южной Осетии, Джавахетии и Армении), в которой имеются многочисленные разломы и излияния лав, абсолютно преобладают ашельские и мустьерские индустрии, базирующиеся на лавовых породах (андезиты, базальты, обсидианы). Наиболее крупные ашело-мустьерские мастерские и стоянки-мастерские встречены непосредственно на выходах лавовых пород в районах особенно мощного проявления магматизма (Армения, Джавахетия). Таковы Сатани-Дар, Джрабер, Фонтан в Араратской котловине, северное подножье Мокрых гор в Джавахетии. К западу и к востоку от названной зоны (в Колхиде, Причерноморье, Прикубанье, Дагестане, Азербайджане) доминируют кремень и другие осадочные породы.

Отметим также, что в ашельское время люди чаще употребляли грубый и вязкий валунный материал, крупные гальки, куски различных окремненных и вулканических пород (Азых, Цона, Кударо, Лаше-Балта, Юкары-Салахлы и др.). При отсутствии в достаточном количестве более качественного сырья такой материал использовался отчасти и мустьерскими людьми (Цопи, Азых, Кударо). В ряде мест широко использовались кремнистые сланцы и известняки и аргиллиты (Кударо, Цона, Джручула, Таглар).

Размещение раннепалеолитических поселений в связи с тафономическими условиями и палеогеографией. Картирование раннепалеолитических памятников показывает сильную диспропорцию в заселении древними людьми западной и восточной половины Кавказского перешейка, несоответствие в заселении равнинных, предгорных и горных районов, редкую встречаемость в этой области стоянок под открытым небом с ненарушенным культурным слоем. Картина эта отражает не только состояние наших знаний, но и тафономические особенности захоронений палеолитических остатков в условиях горной страны и события четвертичного прошлого Кавказской области.

Тафономические обстоятельства (сильная эрозия) не благоприятствовали сохранению и захоронению здесь палеолитических стоянок под открытым небом. Особенно плохо сохранились следы пребывания ашельских и мустьерских людей в полосе средних и высоких гор. В глубине гор Большого Кавказа, например, известны лишь скудные раннепалеолитические находки в Юго-Осетии (местонахождения Фасраг и Учелет на высоте 1600—1800 м) и Имеретии (сборы Д. М. Тушабрамишвили на склонах и перевалах Рачинского хребта). Единичны также местонахождения в равнинных районах (например, находки А. А. Формозова в карьере Гирей близ г. Кропоткин). Подавляющее же большинство раннепалеолитических местонахождений располагается в полосе низких предгорий и прилегающих к нему участков депрессий, вовлеченных в зону новейших сводовых поднятий Большого и Малого Кавказа. Таковы местонахождения северных предгорий Большого Кавказа, местонахождения предгорий южного склона Западного и Центрального Кавказа, местонахождения северных предгорий Малого Кавказа и подгорных участков Гянджа-Казахской наклонной равнины в западном Азербайджане. В области же Армянского вулканического нагорья местонахождения располагаются главным образом в районах межгорных понижений — котловин.

В. М. Муратов (1969а), исследовавший геолого-геоморфологические особенности ашельских местонахождений в Прикубанье, отмечает, что последние приурочены к зоне устойчивых четвертичных поднятий очень небольшой амплитуды: они тянутся узкой полосой, захватывая высокую часть Прикубанской наклонной равнины и низкие предгорья. Севернее этой полосы они, видимо, погребены под толщей новейших континентальных осадков; южнее, в горных районах, могли быть уничтожены интенсивным склоновым смывом.

На колхидском склоне Большого Кавказа ашельские и мустьерские памятники (в том числе и пещерные) известны в горах вплоть до субальпийского пояса горно-луговой зоны, до высоты 1600—2100 м над уровнем моря (местонахождение Учелет и пещеры Цона и Кударо в Юго-Осетии, в 15—20 км от Водораздельного хребта (рис. 11), в то время как на северном склоне мустьерские и ашельские находки отмечены не выше абсолютной высоты в 1000 м (местонахождения североюрской депрессии в Карачаево-Черкесии, в 60—70 км от Водораздельного хребта).

Различия в масштабах проникновения древних людей в глубину гор южного и северного склонов Большого Кавказа следует, по всей видимости, объяснять фактором гляциологическим: плейстоценовые оледенения проявились наиболее мощно на северном склоне, особенно в его центральной части. Во время предпоследнего оледенения и максимальной фазы последнего оледенения (терского и безингийского, по Е. Е. Милановскому) ледниковые языки проникали в североюрскую депрессию и кое-где, через ущелья Скалистого хребта, продвигались севернее последнего (*Думитрашко Н. В., Милановский Е. Е.*, 1977;

Рис. 12. А—карта-схема расположения известняково-карстовых областей Большого и Малого Кавказа. По Н. А. Гвоздецкому (1968—1972)

А — *1* — установление границы карстовых областей; *2* — предполагаемые границы карстовых областей; I — массив Фишт-Оштен-Лагонаки в Черногорье; II — западная часть полосы куэст; III — восточная часть полосы куэст; IV — область переходной «куэстово-складчатой» полосы и Андийского хребта; V — область известнякового внутреннего Дагестана; VI — известняково-карстовая область юго-восточного Дагестана; VII — пещерная область Шахдага; VIII — северо-западная область Черноморского побережья Кавказа; IX — Сочинско-Абхазская область; X — Западно-Грузинская область; XI — область на Водораздельном хребте; XII — северный склон Западного Кавказа; XIII — Западно-Азербайджанская область; XIV — Дашкесанская область; XV — Тутгунчай-Шушинская область; XVI — Зангелано-Физуллинская область.

Б — палеогеографическая схема плейстоценового оледенения Кавказа (по Н. В. Думитрашко, 1977).

1 — области развития горно-долинных плестойценовых оледенений (с максимальным распространением в позднем плейстоцене); *2* — современное оледенение; *3* — крупные озерные бассейны; *4* — эскарп Скалистого хребта

Думитрашко Н. В., Милановский Е. Е., Бальян С. П., Саядян Ю. В., 1977).

В эпохи оледенений сильно снижались высотные ландшафтные пояса и резко сокращались территории, пригодные для жизни человека. Стоянки людей в эти периоды перемещались в районы низких гор, предгорий (*Любин В. П.*, 1969а; 1970; 1972а; 1974; 1980а).

Территории, доступные для обитания человека в ледниковья, были не только сужены, но и расчленены: горно-ледниковый барьер Большого Кавказа периодически почти полностью отделял Северный Кавказ от Закавказья. Ряд более мелких прерывистых барьеров находился в Закавказье (ледники покрывали вершинные зоны вулканических нагорий и наиболее приподнятые хребты Малого Кавказа и Южной Армении) (*Думитрашко Н. В., Милановский Е. Е.*, 1977) (рис. 12).

Гляциально-климатический фактор дополнялся рядом других палеогеографических обстоятельств, влиявших на изменчивость размеров и пределов зоны расселения четвертичных людей, на дислокацию их стоянок. Таковы вулканизм, наступания (трансгрессии) и отступания (регрессии) морей, перестройка речной сети.

Молодой вулканизм связан с полосой Транскавказского поперечного поднятия. С наибольшей мощностью он проявил себя во второй половине плейстоцена на Армянском вулканическом нагорье, явившись здесь одним из главных факторов формирования рельефа (*Антонов Б. А.*, 1971; *Милановский Е. Е.*, 1977б). Вулканические извержения, растекания лав по котловинам и долинам рек могли быть причиной гибели древних поселений, перемещения людей в другие районы.

История развития Черного, Азовского, Каспийского морей и Маныча в эпоху среднего и верхнего плейстоцена не менее важна для представления об изменяющихся границах кавказской ойкумены раннепалеолитических людей. Амплитуда колебаний уровней Черного и Каспийского морей, связанных с чередованием ледниковых и межледниковых эпох, достигала в плейстоцене 100—200 м. В трансгрессивные фазы развития этих морей, когда Маныч превращался в реку-пролив, а Азовское море — в проточный бассейн, они образовывали единую водную артерию. Так, в начале верхнего плейстоцена (рисс-вюрмское межледниковье), во время карангатской — нижнехвалынской трансгрессии, Крым становится островом, а Маныч — проливом, затоплены были также Рионская низменность и часть Прикаспийской.

Стадии высокого стояния уровней морей разделяют стадии резкого понижения. Предкарангатская (послеузунларская) регрессия соответствует рисскому оледенению (или последнему этапу его). В это время Черное и Азовское моря сильно сокращаются по площади и осушается Маныч. Послекарангатская регрессия в начале вюрмского оледенения была более значительной: осушается Маныч и Азовское море, Дон прокладывает свою долину к Керченскому проливу, Черноморский бассейн достигает своего максимального регрессивного уровня (122 м ниже современного), при котором вдоль побережья Кавказа осушается полоса моря шириной 7,7—9,4 м (*Островский Б. А.*, 1967; *Милановский Е. Е.*, 1977в).

В силу периодического осушения Маныча и (в начале вюрма) Азовского моря возможны были, по всей видимости, известные сухопутные контакты Кавказа с Крымом и Русской равниной, передвижения определенных групп палеолитического населения этих областей. Небезынтересно в данной связи отметить, что единичные встреченные в Донбассе ручные рубила (в районе Амвросиевки и близ Макеевки; *Замятнин С. Н.*, 1953; *Цейбель Д. С.*, 1972, 1979; см. также ч. II, гл. 3) имеют, как кажется, некоторые параллели на Кавказе.

В период послекарангатской регрессии Черного моря, когда в Кавказском Причерноморье происходило сильное снижение высотных ландшафтных зон (*Любин В. П.*, 1968, 1974; *Гричук В. П., Губонина З. П.* и др.. 1970; *Любин В. П., Бурчак-Абрамович Н. И., Клапчук М. Н.*, 1971), вероятно, смещение населения к берегу моря и в какой-то мере временное пребывание его в осушенной полосе шельфа.

Перемещения поселений палеолитических людей могли также происходить в связи с перестройкой речной сети. В плейстоцене многие реки Кавказа полностью или на значительных участках меняли свои русла, смещались в различных направлениях (*Думитрашко Н. В.*, 1977). На склонах реликтовых долин, которые сохранились в рельефе, вероятны поэтому находки следов пребывания древнейших обитателей Кавказа.

Раннепалеолитические скальные убежища (*навесы, гроты, пещеры*). Раннепалеолитические стоянки в скальных убежищах являются главным источником наших знаний о древнейшем населении Кавказа. Стоянки эти находятся в первичном залегании и обладают ценными стратифицированными свидетельствами: археологическими, литологическими, палеонтологическими, палеоантропологическими. Новейшие данные об их размещении, количестве, степени исследованности и вероятном научном потенциале представляют значительный интерес.

Большая часть исследуемых в настоящее время скальных убежищ связана с карстующимися (главным образом юрскими и меловыми) известняковыми породами. Породы эти распространены на Большом Кавказе и на востоке Малого Кавказа: на Большом Кавказе расположено 12 из 16 выделяемых в настоящее время в рассматриваемой области карстовых областей (рис. 12). Известняково-карстовый ландшафт опоясывает Большой Кавказ почти на всем протяжении его северного склона (от р. Пшехи в Прикубанье до р. Самур в Дагестане) и западной, колхидской, части южного склона (от р. Сочи до Кударского ущелья в Юго-Осетии) (*Гвоздецкий Н. А., Маруашвили Л. И.*, 1977).

В полосе карстующихся пород северного склона известно большое количество навесов и пещер, но они еще очень слабо исследованы: открыты лишь единичные пещерные стоянки конца каменного века в Дагестане (Чох), Северной Осетии (Шау-легет) и в Кабарде (Сосруко). Исключение составляет только Прикубанье, где известна группа пещерных стоянок мустьерского времени (Монашеская, Баракаевская, Губский навес № 1 и др.).

В западной, колхидской, части южного склона, где в условиях теплого и влажного климата карстовые процессы протекают особенно интенсивно, отмечены

многие сотни скальных убежищ (*Гвоздецкий Н. А.*, 1963; *Гвоздецкий Н. А., Маруашвили Л. И.*, 1977; *Тинтилозов З. К.*, 1976). В этой полосе, в пределах всех высотных зон, исследуется большая группа пещерных памятников нижнего и верхнего палеолита. Таковы стоянки Сочинско-Адлерского Причерноморья (Ахштырская, Воронцовская, Кепшинская, Ацинская, Навалишенская, Хостинская I и II), Абхазии (Свантасавана, Бзыбский навес, Окуми, Квачара, Апианча и др.), Имеретии (Сакажиа, Ортвали, Чахати, группа Цуцхватских пещер, Сагварджиле, Джручула, Самглеклде, Дзудзуана, Таро-клде, Хергулис-клде, Гварджилас-клде и др.) и Юго-Осетии (Цона, Кударо I и III, Кведи, Шагат-хох). Особенно поразительна концентрация палеолитических стоянок в карстовых полостях речных каньонов Окрибы (ущелья рр. Цхалцитела и Шабатагеле) и небольшой (60×42 км) Верхне-Имеретской возвышенности (ущелья р. Квирилы и ее притоков (*Маруашвили Л. И.*, 1971а).

Известняково-карстовый ландшафт и карстовые пещеры на Малом Кавказе известны лишь в хребтах его восточной части — Сомхетском, Шахдагском и Карабахском. Здесь выделяют четыре разрозненных и археологически еще слабо исследованных карстовых области: Западноазербайджанскую, Дашкесанскую, Шушинскую и Зангелано-физулинскую (*Гвоздецкий Н. А., Маруашвили Л. И.*, 1977). В двух из них — первой и третьей — исследуются четыре раннепалеолитические пещерные стоянки (Дамджилы, Дашсалахлы, Таглар и Азых).

Вне Малого Кавказа, на территории Закавказского нагорья, до недавнего времени были известны лишь ашело-мустьерские местонахождения открытого типа (Сатани-Дар, Джрабер и др). Ряд свидетельств последних лет позволяет, однако, допустить, что «палеолитический пещерный потенциал» Закавказского нагорья не уступает, возможно, потенциалу известняково-карстовых областей Кавказа. Потенциал этот, как кажется, составят палеолитические стоянки в естественных гротах, обнаруженных недавно в лавах Армянского вулканического нагорья[2]. Убежища эти приурочены к глубоким речным каньонам-ущельям, врезанным в обширные лавовые плато нагорья. Палеолитические убежища нового типа обнаружены в основании протекавших по этим ущельям молодых — плиоценовых и четвертичных (доашельских, по К. И. Карапетяну) — лавовых потоков. К. И. Карапетян (1977) относит подобные небольшие, как правило, полости к типу «лавово-контактных» и полагает, что они возникли при вымывании рекой шлаков из линзовидных карманов, образовавшихся в результате взаимодействия оснований раскаленной лавы с водой[3].

Именно такие, как кажется, палеолитические «гроты под лавами» впервые были обнаружены на территории Цалкинского и Гомаретского плато Южногрузинского нагорья. Таковы Бармаксыз (Эдзани) и Зуртакети, исследованные, соответственно, в 1937, 1963 гг. (*Куфтин Б. А.*, 1941; *Габуния М. К.*, 1964, 1970) и в 1945, 1962 гг. (*Маруашвили Л. И.*, 1946; *Замятнин С. Н.*, 1950; *Габуния М. К.*, 1970). Более значительные исследования лавовых убежищ были произведены в Армении после того, как Г. А. Азизян открыл в 1966 г. в лавовой полости каньона р. Раздан в Араратской котловине мустьерскую стоянку Ереван I. К настоящему времени в ущелье р. Раздан обнаружено свыше сотни таких полостей (*Карапетян К. И.*, 1977); в них открыты и исследуются нижнепалеолитические стоянки Ереван I, II, Лусакерт I, II, Зовуни и др. (данные Б. Г. Ерицяна).

Вероятны значительные масштабы распространения лавовых гротов на территории всего Армянского вулканического нагорья и сопредельных районов плиоценовых и четвертичных вулканитов Турции и Ирана. К. И. Карапетян (1977) насчитывает в вулканических районах Армянской ССР не менее 1,5 тысяч таких пещер. Б. А. Антонов еще раньше (1958, 1971) отмечал наличие подобных пещер в долине р. Тертер, в Кельбаджарской котловине Карабахского нагорья. Вероятны пещеры такого рода и в лавовых потоках долин рек Акера, Арпы и др. Л. И. Маруашвили (1971б, с. 349) говорит о широком распространении естественных пещер в лавах Южногрузинского нагорья (в ущельях рек Куры, Ахалкалаки, Храми, Машавери, Зуртакети и др.).

Лавовые пещеры, в отличие от известняково-карстовых, которые нередко бывают на Кавказе галерейными (длиной до 50—100 и более метров), имеют вид небольших гротов и навесов. Всего в настоящее время на Кавказе известно и исследуется около 70 пещерных стоянок эпохи палеолита и мезолита. Свыше 50 из них содержат раннепалеолитические культурные слои и, как правило, являются многослойными.

Раннепалеолитические находки под открытым небом [*геологогеоморфологические позиции и возраст*]. Огромное разнообразие местообитаний в условиях горного и равнинного Кавказа явилось причиной большого разнообразия мест поселений древнейших людей. В климатически благоприятные периоды они селились в пределах всех высотных ландшафтных зон, располагаясь по берегам рек (пойменные террасы), озер и морей, близ родников, в удобных ложбинах, в естественных убежищах. Во времена похолоданий предпочтение отдавалось укрытым местообитаниям (пещеры, навесы, гроты) в полосе низких гор. Выбор участка для поселения или кратковременной остановки определялся также близостью сырья для изготовления орудий, пунктов, удобных для облавных охот (обрывы, теснины), скрадывания дичи (солонцы, переправы), мест, изобилующих растительной пищей.

Четвертичные оледенения, трансгрессии и регрессии морей, тектонические движения, вулканизм, эрозия и другие явления обусловили исключительное разнообразие сохранности и захоронения указанных поселений. Наилучшей степенью сохранности обладают стоянки, погребенные в отложениях скальных убежищ, встречающихся в толщах закарстованных известняков (Большой и Малый Кавказ), в основаниях лавовых потоков (Закавказское нагорье), в массивах юрских (?) песчаников (Медовые пещеры близ Туапсе). Что касается поселений под открытым небом,

[2] Южногрузинского — в северо-западной части, собственно Армянского — в центральной, Карабахского — в восточной, азербайджанской части.

[3] Существуют и другие взгляды на причины возникновения подобных лавовых гротов (*Щукин И. С.*, 1964, с. 383).

то часть из них могла быть затоплена морем, перекрыта аллювием, склоновыми отложениями, лавовыми потоками[4], ледниковыми и водно-ледниковыми осадками и т. д., сохранившись (в первичном или вторичном залегании) в погребенном состоянии, в определенной стратиграфической позиции. Другая часть разрушенных стоянок оказалась на дневной поверхности и фиксируется только находками каменных орудий, геологическая привязка которых, как правило, невозможна.

Раннепалеолитические находки под открытым небом связаны чаще всего с морскими и речными террасами: они приурочены к базальным горизонтам этих террас (аллювий), к покрывающим их покровным (континентальным) суглинкам или к поверхности и склонам этих террас. Комплексное изучение геолого-геоморфологических позиций и возраста террасовых находок производится в настоящее время в Сочинско-Туапсинском Причерноморье. Расчленение всего комплекса четвертичных отложений опирается здесь на стратиграфию и геохронологию морских террас и соответствующих им террас речных долин Причерноморья. А. Б. Островский выделяет на черноморском побережье следующие фаунистически датированные морские террасы: нижнеплейстоценовую (миндельскую), чаудинскую (140—150 м), среднеплейстоценовые — древнеэвксинскую (миндель-рисскую) (90—120 м), узунларскую (пшадскую) (65—80 м) и древнекарангатскую (ашейскую) (55—60 м), верхнеплейстоценовые — карангатскую (рисс-вюрмскую) (35—37 м), позднекарангатскую, или сурожскую (вюрмскую 18—20 м), и новочерноморскую (голоценовую). Ураново-иониевые датировки возраста раковин из базальных горизонтов четвертой ашейской террасы колеблются в пределах 144—120 000 лет, третьей карангатской — 91—71 000 лет, второй сурожской — 49—30 000 лет.

В последние годы на участке этих морских и соответствующих им террас обнаружено много ашельских, мустьерских и позднепалеолитических местонахождений. Часть находок собрана на поверхности террас, часть залегала в их базальном аллювии или в континентальном покрове (*Щелинский В. Е., Островский А. Б., Янушкевич Ю. Д.*, 1970; *Щелинский В. Е., Островский А. Б.*, 1970; *Островский А. Б., Измайлов Я. А.* и др., 1977; *Щелинский В. Е.*, 1977). Публикации об этих находках носят, к сожалению, очень предварительный, иногда не вполне ясный характер. Сообщается, что мустьерские изделия встречены в базальном горизонте третьей карангатской (рисс-вюрмской) морской террасы и в отложениях коры выветривания того же времени более высокой четвертой ашельской террасы. Отдельные мустьерские местонахождения обнаружены также в отложениях более древних — конце среднего плейстоцена (аллювий IV террасы р. Шапсуго) и в отложениях более молодых (нижневюрмских). Ашельские же находки тяготеют к среднечетвертичным субаэральным покровам IV, V, VI и VII морских и речных террас (ашейской, пшадской, древнеэвксинской и чаудинской). Отмечено сосуществование ашельской и мустьерской культур в конце среднечетвертичного времени, мустьерской и верхнепалеолитической в период нижневюрмского оледенения (*Щелинский В. Е., Островский А. Б.*, 1970). В более поздней публикации (*Островский А. Б., Измайлов Я. А.* и др., 1977) говорится, что ашельские местонахождения связаны с отложениями V (узунларской) и более древних террас, а мустьерские — с морскими осадками IV и III террас и с соответствующими континентальными образованиями.

Каменные орудия из этих террасовых местонахождений пока не опубликованы. Не исключены неточности в определении археологического возраста отдельных находок, что привело, как кажется, к чрезмерному удревнению некоторых мустьерских и позднепалеолитических местонахождений.

С целью установления стратиграфии четвертичных отложений и возраста террас левых притоков р. Кубань, к которым приурочена большая часть палеолитических месторождений Прикубанья, В. М. Муратов производит широкое сопоставление этих террас с морскими и речными террасами Причерноморья. Аналогом морских террас, по его мнению, является, соответственно: чаудинской — V терраса кубанских притоков, древнеэвксинской — IV, карангатской (рисс-вюрмской) — III, позднекарангатской — II. III терраса хорошо развита в долинах всех этих рек и почти повсеместно перекрыта покровом лессовидных суглинков, аналогичных тем, которые покрывают карангатскую морскую террасу (*Муратов В. М.*, 1969б, в).

На основании такой параллелизации производится определение стратиграфического и возрастного положения важнейших прикубанских раннепалеолитических памятников открытого типа. Культурные слои Ильской мустьерской стоянки, по мнению этого исследователя, приурочены к толще склоновых отложений, перекрывающих III террасу, что позволяет говорить о вюрмском возрасте стоянки. Ашельские изделия на местонахождении Игнатенков куток в долине р. Псекупс вымываются из базальных галечников IV террасы, что допускает среднечетвертичный возраст этого памятника.

В рамках данной схемы делается также попытка раскрыть геологический возраст мустьерских террасовых местонахождений в долинах каспийских рек (местонахождения Гамурзиево и Насир-Корт в долине р. Сунжа). Лессовидные суглинки, к которым приурочены мустьерские орудия, перекрывают здесь III рисс-вюрмскую террасу, но нигде не распространяются на молодые террасы, что предполагает вюрмский возраст этих орудий. Произведенные исследования позволяют заключить, что мустьерские памятники Северного Кавказа «связаны с толщей вюрмских склоновых отложений, перекрывающих рисс-вюрмские аллювиальные отложения третьей речной террасы» (*Муратов В. М.*, 1969б, с. 35).

Террасовые раннепалеолитические местонахождения имеют широкое распространение и в других районах Кавказа. К югу от Сочи они известны на поверхности и в аллювии 35—40-метровой террасы р. Псоу,

[4] Вероятность нахождения под лавами и туфами Армянского вулканического нагорья и Центрального Кавказа остатков древнейших человеческих культур не исключена. Напомним, что в Восточной Африке, под лавовыми потоками, встречены древнейшие на земле остатки ископаемых гоминид и сопутствующие им орудия. Тафономические особенности подлавовых захоронений способствуют консервации ископаемых остатков (*Иванова И. К.*, 1974).

которая в устье этой реки переходит в соответствующую ей морскую (древнекарангатскую), что допускает отнесение кремней из аллювия террасы к рисскому времени (*Любин В. П., Щелинский В. Е.*, 1972). Мустьерские кремни в этом районе собраны также на поверхности и в покровных суглинках морских карангатских и соответствующих им речных уровней на участке рек Мзымта, Псоу, Сандрипши, Лапста, Хашупсе. В ряде пунктов (Хейвани, Бароповка, Сулево и др.) мустьерские и, вероятно, позднеашельские орудия залегали в покровных суглинках, развитых на более высоких террасах (*Соловьев Л. Н.*, 1959; *Гумилевский Н. И.* и *Коробков И. И.*, 1967; *Любин В. П.* и *Щелинский В. Е.*, 1972).

В полосе Транскавказского меридионального поднятия, в северных и южных предгорьях Центрального Кавказа, где число уровней и относительные высоты речных террас возрастают, мустьерские местонахождения встречены на поверхности и в размывах покровных суглинков 80—100-метровых и более высоких террасовых уровней на р. Большой Лиахви в Юго-Осетии на р. Баксан близ Заюково Кабардино-Балкарии (*Любин В. П.*, 1977а, б). В долине р. Терек близ Орджоникидзе мустьерские находки приурочены к поверхности и покровам 70—80-метровых террас (*Любин В. П.*, 1969б).

В предгорьях Малого Кавказа группа раннепалеолитических местонахождений связана с разновысокими четвертичными террасами р. Куры и ее притоков Инджа-су, Храми, Акстафа и др.; террасы эти датируются временем от нижнехазарского (миндель-рисс) до хвалынского (вюрм) (*Мансуров М. М.*, 1978).

Вопрос о возрасте террасовых местонахождений Кавказа, несмотря на ряд отмеченных геологических привязок, чрезвычайно сложен. Одна из главных трудностей заключается в переотложенности, вторичном залегании всех (за исключением Ильской стоянки) ашельских и мустьерских находок, связанных с террасами. Правда, памятники с разрушенным культурным слоем, перемещенные компоненты которых (чаще всего лишь одни кремни) были затем захоронены в синхронных им или более поздних базальных горизонтах террас, могут быть датированы более уверенно. Ураново-иониевые даты некоторых таких уровней в известной мере ориентируют в возрасте вмещаемых ими культурных остатков.

Гораздо более проблематичны стратиграфическое положение и возраст находок, встреченных в покровах террас: покровы эти не одновозрастны самим террасам (*Иванова И. К.*, 1969, с. 31) и могут иметь стратиграфические лакуны. Лишь надежные литолого- и биостратиграфические показатели колонок покровных отложений могут помочь геологической стратификации и датировке встреченных в них археологических находок. Иногда, впрочем, даже наличие таких показателей и нахождение в покрове в первичном залегании не дают картины ясного стратиграфического положения стоянки. Так, ранневюрмский возраст Ильской стоянки определяется лишь как наиболее вероятный (*Величко А. А., Иванова И. К.*, 1969). Что же касается раннепалеолитических находок на поверхности террас, на плоскогорьях, в руслах рек и т. п., то они по существу не имеют стратиграфического значения (*Иванова И. К.*, 1969, 1977).

Отметим, наконец, что в условиях Кавказской горной страны сопоставление морских и речных террас, параллелизация террас равнинных и горных районов, террас черноморских и каспийских рек имеет большие методические трудности, ибо число террас, их высота и возраст определяются здесь многими локальными факторами (различиями ритмов и амплитуд неотектонических движений в разных районах, асинхронностью трансгрессий Каспийского и Черного морей и др.; *Думитрашко Н. В.*, 1977; *Милановский Е. Е.*, 1977в).

Раннепалеолитические стоянки в пещерах (литолого-стратиграфические и биостратиграфические показатели; вопросы экологии и *хронологии*). Ашельские и мустьерские стоянки в пещерах занимают более надежные геохронологические позиции. Они находятся в основном[5] в первичном залегании, имеют многообразные литологические и биостратиграфические характеристики, иногда — радиоуглеродные датировки.

Мустьерские культурные слои кавказских пещер по этим показателям относятся в целом к первой половине вюрмского оледенения, ашельские — к более древним отделам плейстоцена. Но устоявшихся и общепринятых взглядов на этот счет пока не существует. Недостаточно разработана и более дробная хронология последней ледниковой эпохи: привязка отдельных мустьерских и более поздних культурных слоев к тем или иным этапам вюрмского оледенения.

В группе пещер сочинского Причерноморья (Ахштырская, Воронцовская и др.) некоторые исследователи отмечают следующее закономерное строение отложений: мустьерские слои представлены толщей пестроцветных глин и суглинков, отлагавшихся (судя по спорово-пыльцевым показателям верхов этой толщи) в условиях холодного и влажного климата первой половины вюрма; верхнепалеолитические — толщей остроугольного десквамационного щебня, имеющей радиоуглеродную дату 19 000±500 (*Муратов В. М.*, 1969б; *Фриденберг Э. О.*, 1970; *Гричук В. П., Губонина З. П.* и др., 1970; *Муратов В. М., Фриденберг Э. О.*, 1974; *Векилова Е. А., Гричук В. П.* и др., 1978). Мустьерские слои причерноморских пещер не всегда, однако, представлены только глинистыми (весьма варьирующими, кстати) отложениями, что говорит о нестабильности климатической обстановки в эпоху образования этих отложений.

Климатические колебания мустьерского времени запечатлелись в лито-стратиграфии многих пещер Кавказа чередованием различных по своему составу горизонтов (глинистых и щебенчатых; переполненных щебнем, угловатым или сглаженным — выветрелым или окатанным; претерпевшим бо́льшие или ме́ньшие геохимические преобразования). Лито-стратиграфические показатели находятся в согласии с биостратиграфическими и позволяют обозначить в вюрме Кавказа несколько климатических подразделений: два холодных максимума брёрупский интерстадиал и так называемый «средний вюрм», что в общих чертах соответствует Вюрму I и II, Вюрму

[5] По разным причинам здесь также бывают стратиграфические перерывы (несогласие напластований) и известные перемещения материалов.

I—II и Вюрму II—III французской схемы (*Любин В. П.*, 1968; 1972а; 1974; 1980в; *Любин В. П., Левковская Г. М.*, 1972; *Левковская Г. М.*, 1980; *Маруашвили Л. И.*, 1978).

Наиболее древние мустьерские уровни (слои 4 в пещерах Кударо I и III; слой 3d в Сакажиа; вероятно, низы мустьерских отложений в Цоне, в Ахштыре и в некоторых других пещерах) характеризуют обстановка повышенного увлажнения и заметных эпигенетических изменений (сталагмитовые покровы и возросшие пристенные натеки; линзы брекчии; заметная оглаженность и корродированность щебня; фосфатно-карбонатные образования). Похолоданию эпохи Вюрма II (нижневалдайское, или калининское, оледенение Русской равнины) соответствуют, по всей видимости, щебенчатые отложения Бронзового и Двойного грота в Цуцхватах, верхи слоя 4 и слой 3 в Кударо I и III, уровни 3а, в, с в Сакажиа, мустьерские слои в пещерах Баракаевской и Кепшинской, нижние мустьерские слои в Ереванской пещере и др. Влажный климат эпохи Вюрма II—III запечатлелся в сильной эрозии кровли мустьерских отложений, в появлении глинисто-карбонатных корок и т. п., отмеченных в кударских пещерах, в Цоне, в Ахштырской, Воронцовской и других пещерах (*Замятнин С. Н.*, 1961; *Любин В. П.*, 1968, 1972б, 1980б, в; *Любин В. П., Бурчак-Абрамович Н. И., Клапчук М. Н.*, 1971; *Любин В. П., Левковская Г. М.*, 1972; *Ерицян Б. Г.*, 1970; *Маруашвили Л. И.*, 1978; *Аутлев П. У.*, 1978; *Селиванова Н. Б.*, 1980).

Более древние домустьерские отложения известны в настоящее время по ашельским культурным слоям закавказских пещер Кударо I, III, Цоне и Азых (рис. 13). Ашельские культурные слои в пещере Кударо I представлены тремя литологическими горизонтами, средний и нижний из которых (5б и 5в), судя по всем показателям, являются межледниковыми (рис. 13); они сложены плотным фосфатизованным суглинком (алевритистый фосфорит), возникшим в результате сильного преобразования первичного обломочного и костного материала. Известняковый щебень носит здесь следы сильнейшей коррозии вплоть почти до полного растворения (*Ренгартен Н. В., Черняховский А. Г.*, 1980).

Ашельские слои в Цонской пещере имеют мощность до 2,5 м и подразделяются на пять горизонтов суглинков и супесей, содержащих иногда щебень и (в базальном горизонте) крупные глыбы известняка (*Каландадзе А. Н.*, 1965).

Мощность ашельских напластований в Азыхской пещере превышает 6 м. Здесь как будто представлены все стадии ашеля: ашель ранний (слой VI), средний (V) и верхний (IV—III). Ашельские слои подстилает четырехметровая пачка более древних доашельских осадков (слои VII—X), датируемых предположительно верхним апшероном (верхнее подразделение плиоцена, относимое некоторыми исследователями к эоплейстоцену). В этих придонных слоях найдены гальки со следами искусственной оббивки, напоминающие архаичные олдувайские орудия (*Гусейнов М. М.*, 1975).

Толща отложений в Азыхе разделяется на 25 литологических горизонтов, отличающихся по цвету и вещественному составу; последний свидетельствует о характере природной обстановки в период формирования тех или иных археологических слоев. Судя по этим данным, во время образования слоев VIII—X существовал теплый и относительно влажный климат; во время накопления осадков раннеашельского слоя VI климат менялся от теплого и относительно влажного до относительно засушливого и холодного; во время образования слоя V— от относительно теплого и влажного до относительно влажного и холодного (*Гаджиев Д. В., Гусейнов М. М., Мамедов А. В., Широков Н. Ш.*, 1979).

Биостратиграфические показатели кавказских пещерных стоянок углубляют наши представления о возрасте этих стоянок, о природных особенностях различных районов четвертичного Кавказа и крупных климатических сдвигах, имевших место на Кавказе со времени первичного заселения его территории человеком.

В пещерах найдены обильные фаунистические материалы: в ашельских и мустьерских слоях пещеры Кударо I обнаружены костные остатки более 80 видов крупных позвоночных, грызунов, рукокрылых, птиц, амфибий и рыб, в Кударо III— более 40 видов, в Азыхе —35, в Цоне —13; в мустьерских слоях Ереванской пещеры — 24; Кепшинской пещеры — 17, Ахштырской —16, Джручулы —12, Воронцовской — 10, Баракаевской —7.

Фауна ашельских и мустьерских культурных слоев, встреченных в пределах одних и тех же многослойных памятников, демонстрирует существенные количественные и качественные различия. В ашельских слоях Азыхской пещеры, расположенной в области Переднеазиатских нагорий, представлено, как указано, 35 видов животных, в мустьерских — только 10. Основными объектами охоты и в ашеле и в мустье здесь были пещерный медведь, благородный и гигантский олени, но в составе ашельской фауны встречен ряд архаичных элементов (лошадь типа зюссенборнской, бизон типа Шотензака, носорог Мерка), характерных для тираспольского и хозарского фаунистического комплекса, в составе же сильно обедненной мустьерской фауны эти элементы отсутствуют (*Алиев С. Д.*, 1969; *Гаджиев Д. В.* и др., 1979).

В фауне ашельских слоев Цонской пещеры, находящейся в глубине гор южного склона Большого Кавказа, абсолютно преобладают остатки пещерного медведя (90% всех костей), в фауне мустьерских слоев заметно возрастает удельный вес остатков парнокопытных (*Каландадзе А. Н.*, 1965; *Каландадзе А. Н., Тушабрамишвили Д. М.*, 1978). Соответствующие и более подробные свидетельства получены при изучении материалов, расположенных поблизости кударских пещер. Так, остатки пещерного медведя в основных ашельских слоях пещеры Кударо I составляют 74,6—84,5% всех костных находок, в мустьерских — 29,1—48,8%. Количество же остатков таких травоядных животных, как благородный олень и тур (горный козел), изменяется в обратной пропорции: в основных ашельских слоях их мало (до 10—15%), в мустьерских — 30—45% всех костных находок, причем в ашельское время в составе названных травоядных преобладает благородный олень (обитатель лесных биоценозов), в мустьерское время — тур (житель преимущественно субальпийского и альпийского поясов).

В ашельских и мустьерских фаунистических комплексах кударских пещер интересны не только коли-

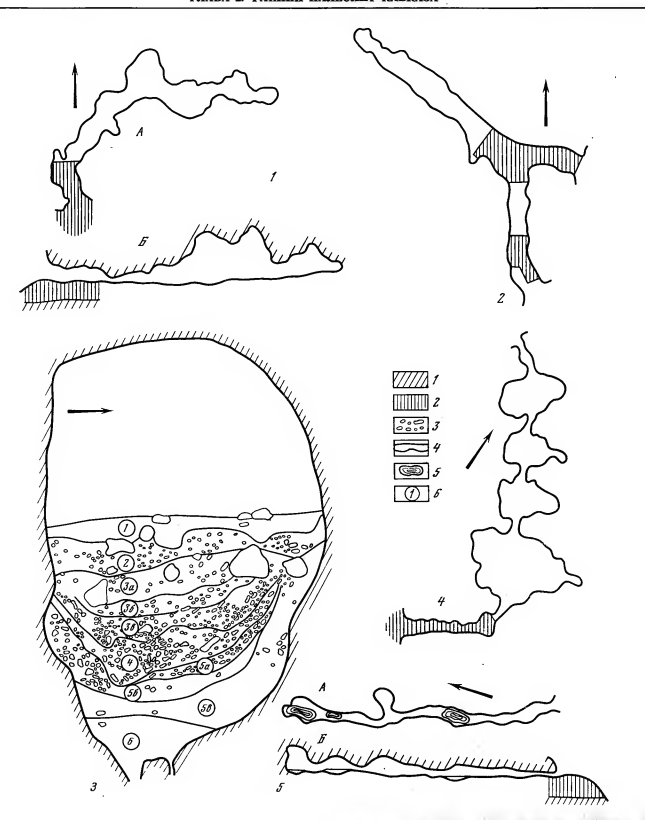

Рис. 13. Ашельские пещерные стоянки Кавказа

1 — Цона (*А* — план; *Б* — продольный разрез); *2* — Кударо I, план; *3* — Кударо I, разрез отложений восточной галереи (1, 2, 3а, 3б, 3в, 4, 5а, 5б, 5в, 6 — слои); *4* — Азых, план; *5* — Кударо III (*А* — план; *Б* — продольный разрез); условные знаки: *1* — скала; *2* — раскопанные участки; *3* — глыбы известняка и щебень; *4* — границы слоев; *5* — углубления с озерками; *6* — номера слоев

чественные соотношения тех или иных форм, но и отличия в видовом составе: только в ашельском комплексе, к примеру, присутствуют такие теплолюбивые формы, как макак, соня-полчок, подковонос Мегели; только в мустьерском — улар (горная индейка) и красный волк (обитатели альпийского и субальпийского поясов).

На протяжении времени обитания в пещере ашельских и мустьерских людей по мере похолодания кли-

мата наблюдаются и морфологические изменения у животных некоторых видов (тенденция к увеличению размеров оленей и козлов, уменьшение размеров зубов у пещерного медведя и др.) (*Верещагин Н. К.*, 1957а, 1959; *Верещагин Н. К.* и *Барышников Г. Ф.*, 1980а, б; *Барышников Г. Ф.*, 1976, 1977, 1978; *Барышников Г. Ф., Дедкова И. И.*, 1978; *Громов И. М.* и *Фоканов В. А.*; 1980; *Бурчак-Абрамович Н. И.*, 1980; *Гаджиев Д. В.*, 1980; *Любин В. П.*, 1974; *Любин В. П., Ренгартен Н. В. и др.*, 1978).

Значительные масштабы климатических изменений, имевших место в период вюрмских похолоданий, фиксируют и фаунистические материалы ряда стоянок с культурными отложениями только мустьерской эпохи или мустьерской и позднепалеолитической эпох. Фауна мустьерского слоя Кепшинской пещеры, расположенной в полосе современных широколиственных лесов сочинского Причерноморья, содержит остатки таких альпийских и субальпийских животных и птиц, как тур, прометеева и снежная полевки, улар и альпийская галка, что предполагает снижение границ вечных снегов и поясов растительности в эпоху обитания в пещере мустьерского человека на величину до 1400—1500 м (*Любин В. П., Бурчак-Абрамович Н. И., Клапчук М. Н.*, 1971). В Южном Закавказье, на Араратской равнине, характеризуемой в настоящее время континентальным климатом и полупустынной растительностью (по данным Ереванской стоянки), в мустьерское время произрастали леса из сосны, ели и березы, а животный мир был представлен лосем, оленем, туром, лошадью, диким ослом (*Ерицян Б. Г.*, 1970). О значительных сдвигах ландшафтно-климатических зон говорят и фаунистические материалы мустьерских стоянок Северного Кавказа (Ильской, Монашеской, Баракаевской). Присутствие, например, в мустьерском слое Баракаевской пещеры (верховье р. Губс, северный склон Скалистого хребта, полоса современных широколиственных лесов кубанского Кавказа) остатков пищухи, козла, муфлона, бизона и лошади говорит об остепнении в вюрме северных отрогов Скалистого хребта (данные Г. Ф. Барышникова).

В периоды наибольших вюрмских похолоданий лишь во внутренних районах Колхиды (наиболее теплых и влажных и в настоящее время), как кажется, сохранялись относительно благоприятные климатические условия. Это как будто удостоверяют фаунистические и палинологические показатели Джручульской и Цуцхватских пещер, а также большая концентрация мустьерских и позднепалеолитических поселений в пещерах предгорной Колхиды. Следует, однако, отметить, что пещеры, о которых идет речь, были наиболее удалены от центров вюрмского оледенения и располагались в глубоких каньонах, служивших убежищем для наиболее теплолюбивых видов фауны и флоры. Климатические колебания вюрмской эпохи проявлялись здесь в увеличении открытых пространств (*Мамацашвили Н. С.*, 1975, с. 69; 1978; *Векуа А. К., Мамацашвили Н. С., Тушабрамишвили Д. М.*, 1973; *Маруашвили Л. И.*, 1978), в наличии периодов похолодания и иссушения климата, засвидетельствованных находками в составе фауны некоторых мустьерских и позднепалеолитических уровней остатков лошади, тура, серны, прометеевой полевки, росомахи, малоазиатского хомяка, суслика, аргалиобразного барана, безоарового козла, дикобраза (*Смирнов Н. А.*, 1923—1924; *Ниорадзе Г. К.*, 1933, 1953; *Громова В. И.*, 1948; *Громов В. И.* 1948; *Тушабрамишвили Д. М.*, 1960; 1963; *Векуа А. К., Мамацашвили Н. С., Тушабрамишвили Д. М.*, 1973; *Векуа А. К.*, 1978; *Бендукидзе О. Г.*, 1978), а также носорога, близкого, как полагает Л. К. Габуния, к типу шерстистого (*Габуния Л. К.*, 1957; *Габуния Л. К., Тушабрамишвили Д. М., Векуа А. К.*, 1961).

Спорово-пыльцевые показатели ашельских и мустьерских слоев кавказских пещер оказались еще более информативными в отношении природного окружения древнего человека. Показатели эти, к сожалению, пока немногочисленны: они известны для ашельских и мустьерских слоев кударских пещер, для мустьерских слоев некоторых пещер Прикубанья, Причерноморья, Имеретии и Армении.

В ашельскую эпоху, судя по спорово-пыльцевым данным, кударские пещеры находились то в пределах лесостепной зоны (базальный слой 5в), то в полосе широколиственных лесов горно-лесной зоны (5б), то в верхней части субальпийского пояса горно-луговой зоны (5а); амплитуда снижения ландшафтно-климатических высотных зон за время пребывания в пещере ашельского человека превышала 1300 м. В эпоху образования мустьерских слоев пещеры располагались: вначале (слой 4) близ верхней границы горных лесов (пояс темнохвойной тайги горно-лесной зоны), затем (слой 3) — в пределах горно-луговой зоны (*Любин В. П., Левковская Г. М.*, 1972; *Любин В. П., Ренгартен Н. В.* и др., 1978; *Левковская Г. М.*, 1980).

Обстановка сильного похолодания в мустьерскую эпоху зафиксирована и в Сочинском Причерноморье. В период образования верхнего мустьерского слоя в Ахштырской пещере (абсолютная высота 300—320 м) местность вокруг нее была покрыта темнохвойными лесами, произрастающими в настоящее время на высотах от 1200 до 1900 м (*Гричук В. П., Губонина З. П.* и др., 1970; *Векилова Е. А., Гричук В. П. и др.*, 1978). Спорово-пыльцевой анализ мустьерских отложений Кепшинской, Воронцовской и Навалишенской пещер доставил в общем аналогичные свидетельства (*Клапчук М. Н.*, 1970; *Любин В. П., Бурчак-Абрамович Н. И., Клапчук М. Н.*, 1971). Значительный масштаб снижения поясных границ отмечают и первые пыльцевые показатели мустьерских отложений прикубанских пещер (*Любин В. П., Аутлев П. У., Гричук В. П. и др.*, 1973).

Возвращаясь к вопросу о хронологии раннего палеолита Кавказа, отметим, что абсолютный возраст мустьерских слоев кавказских пещер устанавливается полученными за последнее время радиоуглеродными датировками: более 47 800 и 49 000 (Gr№ 7665) — для верхнего и нижнего пределов мустьерского слоя 4 пещеры Ереван I; 44 150±2400/1850 (Gr № 6079) — для мустье пещеры Кударо I (слой 3а); 35 680±480 (Gr № 6031) — для позднего мустье Воронцовской пещеры близ Хосты. Датировки эти помещают мустьерские памятники Кавказа, как отмечалось, в рамки вюрмского оледенения.

Абсолютный (радиологический) возраст более древних (довюрмских) палеолитических стоянок Кавказа пока не установлен. Определение же их относительного возраста опирается на приведенные данные естественных дисциплин. Так, ашельские

напластования пещеры Кударо I по своим палинологическим, прежде всего, характеристикам являются межледниковыми: формирование ашельского слоя 5б, по Г. М. Левковской, происходило в условиях климатического оптимума межледниковья, а базального слоя 5в — в его начальную ксеротермическую фазу; при этом имеется в виду последнее (рисс-вюрмское) межледниковье. Нельзя, однако, полностью исключить возможность более древней даты кударского ашеля (*Любин В. П., Ренгартен Н. В. и др.*, 1978; *Маруашвили Л. И.*, 1975; *Любин В. П.*, 1980в). Еще сложнее обстоит дело с датировкой ашельских и более древних напластований Азыхской пещеры. Всестороннее изучение материалов этой пещеры пока не закончено. Первоначально, на основании фаунистических находок в VI слое (остатки представителей тираспольского фаунистического комплекса), было высказано осторожное предположение о миндель-рисском возрасте этого слоя (*Алиев С. Д.*, 1969; *Гусейнов М. М., Рустамов Д. Н., Гаджиев Д. В.*, 1976). Результаты палеомагнитных исследований (граница между палеомагнитными эпохами Брюнеса и Матуяма установлена в подошве рассматриваемого слоя) допускают как будто более древнюю датировку VI слоя: гюнц-миндельское межледниковье (*Величко А. А., Праслов Н. Д.*, 1978) или — в соответствии с каспийской схемой — время образования верхнебакинских отложений (*Гаджиев Д. В. и др., 1979*). Датировка эта нуждается, конечно, в дополнительном серьезном обосновании.

Раннепалеолитические памятники Кавказа. В древнем палеолите, как известно, выделяют четыре археологические эпохи: древнейшую, олдувайскую (дошелльскую), отвечающую самому началу истории человечества; раннеашельскую, или аббевильскую (шелльскую); ашельскую и мустьерскую. Эти эпохи в основном сопоставляют со следующими подразделениями плейстоцена: олдувай — с виллафранком, аббевиль — с минделем, ашель — с миндель-риссом, риссом, и рисс-вюрмом, мустье — с первой половиной вюрма. Виллафранк (дунайское и гюнцское оледенения) принято относить к эоплейстоцену, гюнц-миндель и миндель — к нижнему плейстоцену, миндель-рисс и рисс — к среднему плейстоцену, рисс-вюрм и вюрм — к верхнему плейстоцену.

Эоплейстоцен. Вопрос о появлении человека на Кавказе в эоплейстоцене остается не вполне ясным. В литературе, однако, в настоящее время отмечают два памятника, осторожно помещаемых в рамки эоплейстоцена: Азых (слои VII—X) и карьер Цимбал на Тамани.

В 1974—1979 гг. в Азыхе, как говорилось, на глубине 10—14 м от дневной поверхности пола пещеры, в толще придонных слоев (VII—X), датированной апшероном (гюнцем), были найдены гальки со следами искусственной (?) оббивки, которые напоминали архаичные олдувайские орудия (*Гусейнов М. М.*, 1975; *Гаджиев и др.*, 1979). В этой же толще встречены мелкие обломки костей, не поддающиеся пока определению. Есть основания ожидать в будущем, как предполагает Д. В. Гаджиев (*Гаджиев Д. В. и др.*, 1979), находки в этой толще элементов фауны таманского фаунистического комплекса. Азыхская пещера находится в юго-восточной части Малого Кавказа, в Тугской котловине (долина р. Куру-чай, бассейн р. Аракс), на относительной высоте около 400 м. Оосновной сквозной 200-метровый ход ее тянется с севера на юг в виде анфилады из пяти залов и двух устьевых галерей — северной и южной. К настоящему времени раскопаны: современная 25-метровая южная галерея, примыкающий к ней зал (30×8 м) и (неполностью) привходная площадка, пещерные отложения на которой находятся в 15-метровом «скальном желобе» — в остаточной базальной части древней устьевой части пещеры (рис. 13, *4*).

Слои с галечными находками встречены лишь в небольшом раскопе перед современным входом в пещеру. Гальки эти образовались не из местных известняков, а из кремня, кремнистых и кварцевых пород, кварцита, базальта, порфирита, верхнеюрских туфов и других пород, широко представленных в русловом аллювии окрестных горных рек Куручай и Кенделенчай. В пещеру их принесли, как предполагают, древнейшие ее обитатели (*Гусейнов М. М.*, 1975, 1977).

М. М. Гусейнов (1975) выделяет в галечном материале четыре группы находок: 1) целые речные гальки округлой формы; 2) плитчатые формы; 3) куски тех и других; 4) предметы со следами намеренной обработки. В составе последних: немногочисленные гальки и куски галек и плиток со следами искусственных снятий и единичные более четко выраженные формы типа чопперов, чоппингов и отщепов.

Коллекции галек VII—X слоев известны в настоящее время лишь по кратким предварительным публикациям и демонстрациям отдельных предметов. Мнения специалистов в отношении этих находок разошлись, и они не получили пока должного признания.

В карьере Цимбал, в речных отложениях которого залегают остатки млекопитающих таманского комплекса (гюнц-миндель), найдено два каменных предмета (отщеп и дисковидное изделие; *Формозов А. А.*, 1965) и искусственно (по Н. К. Верещагину) расщепленные кости. Ряд обстоятельств, однако, не дает оснований для каких-либо выводов о геологическом возрасте найденных кремней: костеносная толща в какой-то мере разновозрастна (*Верещагин Н. К.*, 1975б), кремни найдены на поверхности, и связи их с таманской фауной и искусственно (?) расщепленными костями не установлена (*Иванова И. К.*, 1969, 1972; *Любин В. П.*, 1969а).

Нижний плейстоцен (гюнц-миндель и миндель) [6]. К нижнему плейстоцену, сопоставляемому с раннеашельской (аббевильской, шелльской) археологической эпохи, относят в кавказской области такие памятники, как Азых (слой VI) (*Гусейнов М. М.*, 1975, 1977), Игнатенков куток на Кубани (*Замятнин С. Н.*, 1961; *Формозов А. А.*, 1960, 1962, 1965) и Сатани-дар в Армении (*Паничкина М. З.*, 1950; *Борисковский П. И.*, 1979).

Более достоверным, как кажется, является Азых, имеющий литолого-стратиграфическое и биостратиграфическое обоснование. Слой VI Азыхской пещеры вскрыт на участке 125 кв. м и имеет мощность около 1,5 м. В ней найдено 1226 каменных предметов (речные гальки и изделия из них). Состав их: речные галь-

[6] Вслед за И. К. Ивановой (1972) мы проводим нижнюю границу плейстоцена под гюнц-минделем (кромером).

ки (12,5%), отходы производства (58,0%), отщепы и орудия (29,5%). Речные гальки (размерами от 5×10 до 5×4 см) представляют собой сырьевой запас или вспомогательные орудия (некоторые носят следы ударов — отбойники). Вторая группа находок — отходы производства, к сожалению, не охарактеризована автором находок. Третья насчитывает 362 изделия: отщепы (139), бифасы (6), чопперы и чоппинги (24), орудия на отщепах. Техника расщепления галечного сырья клектонская. Бифасы невыразительных форм, аббевильского облика. Сколы-заготовки для орудий массивные, с гладкими и скошенными ударными площадками, нередко краевые и полукраевые. В составе орудий на отщепах: остроконечники, скребла (68), зубчато-выемчатые изделия (48) и др. (*Гусейнов М. М.*, 1975, рис. 14).

Игнатенков куток. В предгорьях северного склона Кавказского хребта, в районе станицы Саратовской, под обрывом 35-метровой террасы р. Псекупс (бассейн р. Кубань), в разное время были найдены два примитивных ручных рубила, нуклеусы и отщепы (*Замятнин С. Н.*, 1961; *Паничкина М. З.*, 1961а; *Формозов А. А.*, 1960, 1965) (рис. 15). Наиболее вероятным источником данных материалов является верхний слой галечников этой террасы, залегающих на супесях апшеронского возраста. Супеси определяют нижний возрастной предел галечников, но подлинная датировка последних остается неясной (*Иванова И. К.*, 1969). Н. А. Лебедева и Г. И. Горецкий считают 35-метровую террасу шестой террасой Кубанского бассейна и относят ее к миндельскому времени. В. М. Муратов полагает, что Псекупс размывает здесь свою четвертую (рисскую) террасу. Соответственно этому Игнатенков куток датируют то нижним плейстоценом (*Формозов А. А.*, 1965), то средним (*Величко А. А., Иванова И. К., Муратов В. М.*, 1965). Археологические критерии (массивные бифасы — миндалевидный и тяготеющий к протолимандам) не могут разрешить этот спор окончательно.

Сатани-дар. На поверхности холма Сатани-дар, у подножья горы Арагац, в юго-западной Армении собрано большое количество обсидиановых и базальтовых орудий, из числа которых М. З. Паничкина (1950) и С. А. Сардарян (1954) отобрали группу наиболее архаичных — шелльских орудий. Древнеашельский (шелльский) возраст части находок на Сатани-даре до сих пор безоговорочно принимают некоторые исследователи (*Ерицян Б. Г.*, 1972; *Борисковский П. И.*, 1979), отмечая при этом примитивность относимых к этому комплексу обсидиановых ручных рубил (массивность, неправильные очертания, наличие зигзагообразных — в профиль — лезвий), скребел, нуклеусов и отщепов и глубину покрывающей эти изделия патины.

Датировку рассматриваемых изделий следует, как кажется, производить более осмотрительно, так как они отобраны путем типологического анализа из большой коллекции разновозрастных находок, патина на которых далеко не всегда находится в согласии с их морфологией. «Шелльские бифасы» этой коллекции вообще должны быть ревизованы, поскольку в состав их ошибочно зачислены обычные верхнеашельские плоские формы на отщепах, двусторонние нуклеусы и даже куски обсидиана со следами естественных повреждений. Единичные же бифасы более архаичного облика могут быть и среднеашельского и более позднего возраста (рис. 16).

Средний плейстоцен (миндель-рисс и рисс) и первая половина верхнего плейстоцена (рисс-вюрм). Средне- и позднеашельские индустрии, помещаемые в эти хронологические рамки, на Кавказе гораздо более многочисленны. Подавляющее большинство этих индустрий встречено, однако, во вторичном залегании, и датировка их покоится главным образом на типологических показателях; поэтому, как это говорилось на примере «шелльского» комплекса Сатани-дара, существуют разногласия и неясности в вопросе отнесения этих находок к ашелю среднему (даже раннему) или ашелю позднему. Среднеашельские индустрии все же встречаются заметно реже, чем верхнеашельские. Последние имеют более широкое территориальное распространение (в силу, возможно, более благоприятной природной обстановки в период рисс-вюрмского межледниковья) и представлены более массовым и, как кажется, типологически более доказательным материалом (поздние типы бифасов, развитый инструментарий на отщепах и т. п.).

Среднеашельский возраст имеют, вероятно, некоторые местонахождения Прикубанья (Фортепьянка), горы Яштух в Абхазии, Юго-Осетии и Армении. Более уверенно к среднему ашелю относят стратифицированные находки из V слоя Азыхской пещеры, который датируют обычно миндель-рисским межледниковьем (*Алиев С. Д.*, 1969; *Гусейнов М. М.*, 1975; *Гусейнов М. М., Рустамов Д. Н., Гаджиев Д. В.*, 1976) [7].

Слой состоит из шести литологических горизонтов. Он примечателен своей мощностью (до 5 м), находкой фрагмента нижней челюсти пренеандертальца, многочисленных очагов и остеологических материалов. Обилие в слое костных находок при небольшом количестве каменных орудий говорит о том, что в период его формирования в пещере существовали лишь временные охотничьи лагеря. Временный и эпизодический характер пребывания людей в Азыхе на всех уровнях слоя 5 удостоверяют также отсутствие в составе инвентаря отходов производства и выборочный состав орудий. Так, в двух нижних литологических горизонтах было найдено всего 135 каменных предметов (три бифаса, 14 чопперов и чоппингов, 17 скребел, 7 остроконечников, 17 отщепов и др.), в третьем горизонте обнаружено 5 бифасов, 7 чопперов и чоппингов, 4 скребла, 24 нуклевидных орудия; в верхних горизонтах найдены лишь скребла (14) чоппер и нож (*Гусейнов М. М.*, 1975).

Каменные орудия этого слоя демонстрируют более высокий уровень техники обработки камня и оформления орудий, чем таковые в нижележащем слое VI. В технике вторичной обработки господствуют оббивка и ретушь — чешуйчатая ступенчатая и крупная высокая (surélevée); отмечены резцевидные сколы, приемы ретушного усечения (troncature) и ядрищно-

[7] Дата эта не представляется незыблемой. Одна из причин этого — сбивчивые свидетельства о встреченных в этом слое фаунистических остатках. В более ранних публикациях говорилось о находках здесь остатков таких представителей тираспольского фаунистического комплекса, как Bison schoetensacki и Equus caballus mosbachensis (*Алиев С. Д.*, 1969), в более поздних эти виды животных не указаны в списках видового состава млекопитающих этого слоя (*Гаджиев Д. В.* и др., 1979).

го утончения. Бифасы — массивные и удлиненные (миндалевидные и копьевидные). Скребла разнообразны: боковые, поперечные, угловатые (некоторые на крупных краевых и полукраевых отщепах); боковые с утонченным обушком; типа кина и протокина и др. Имеются унифасы и массивные мелкие орудия протошарантского облика (протолимасы, острия и др.).

В слое обнаружены остатки каменной кладки в виде полукруга (жилище?), внутри которого находится очаг в искусственном углублении и очажный горизонт (мощностью в 26 см и площадью до 10 кв. м), состоявший из скопления многочисленных кострищ. Скопление кострищ этого горизонта напоминало форму латинской буквы L, основание которой лежало поперек привходовой части зала, а вертикальная линия тянулась вдоль центра зала. Первая линия кострищ имела, видимо, защитную функцию, вторая — бытовую (*Мусеибов М. А., Гусейнов М. М.,* 1961; *Гусейнов М. М.,* 1963, 1965, 1972, 1973а, б, 1974а, б, 1975, 1977; *Гаджиев Д. В., Гусейнов М. М.,* 1970).

Материалы ашельских слоев югоосетинских пещерных стоянок (слои 6а, б, в, 7, 7а Цонской пещеры; слои 5а, б в пещеры Кударо I и слой 5 пещеры Кударо III) представили также ценные свидетельства о культуре, хозяйстве, образе жизни и природном окружении ашельских обитателей Кавказа. Пещеры расположены в глубине гор южного склона Большого Кавказа, в Юго-Осетии (Грузинская ССР), на значительных абсолютных высотах (от 2150 до 1580 м), в пределах современной горно-лесной (Кударо I и III) и горнолуговой (Цона) высотных ландшафтных зон. Пещеры эти галерейные, с разрушенными входными частями (со времени первичного заселения длина их карстовых тоннелей сократилась на 10—15 м), с мощными отложениями (4—7 м). Их характеризуют сходные колонки культурных напластований (слои ашельские, мустьерские, мезолитические, энеолитические) и определенное несогласие напластований. Выпадение из колонок синхронных литологических и культурных подразделений (поздний ашель, поздний палеолит) свидетельствует о решающей роли здесь гляциального фактора, обусловливавшего пригодность или доступность пещер для заселения их человеком. Пещеры эти, судя по многим указанным выше показателям, были заселены ашельцами в основном в теплое межледниковое время, точная атрибуция последнего, однако, не вполне ясна (*Любин В. П., Ренгартен Н. В. и др.,* 1978; *Любин В. П.,* 1980в). Не ясно и хронологическое соотношение ашельских слоев пещер Юго-Осетии со слоем V пещеры Азых.

Кударские пещеры (Кударо I, II, III, IV) находятся на горе Часавали-хох (южная оконечность известнякового хребта Велуамта, отрог Главного Водораздельного хребта), в долине р. Джоджори (бассейн р. Риони), на относительной высоте 240—260 м. Располагаются они компактной группой, несколькими ярусами. В настоящее время исследуются лишь пещеры Кударо I (1956—1959, 1961, 1978 гг.) и Кударо III (1956—1957, 1959, 1974—1975, 1977—1979 гг.).

Пещера Кударо I находится в верхнем ярусе, имеет длину более 50 м, является проходной и состоит из трех узких галерей, лучеобразно сходящихся в центральной камере. К 1979 г. восточная галерея и центральная камера раскопаны полностью, южная галерея — наполовину, северо-западная — в устьевой части: всего вскрыто около 90 кв. м (рис. 13).

Наиболее полная колонка отложений мощностью до 5 м выявлена в восточной галерее. Только здесь хорошо сохранились мустьерские слои (2 м), а ашельские (1—1,2 м) — прежде всего базальный (5в) и средний (5в) — находятся в наилучшем состоянии (рис. 13).

Пещерные напластования, помимо их литологического и культурного несогласия (перерывы в процессе осадконакопления и заселения), характеризуются провисанием к центру галереи (явления гравитации и эрозии) и фациальной изменчивостью синхронных горизонтов (действие различных антропогенных, локальных и эпигенетических факторов). Кровля ашельских отложений испытала размыв и переотложение (5а). Средний и придонный ашельские слои (5б, в) сложены плотным фосфатизованным суглинком.

В ашельское время в пещере существовали долговременные поселения человека: обильный костный материал представлен кухонными отбросами (раздроблены все кости, имеющие пищевую ценность), обильный каменный инвентарь (более 3700 каменных изделий) — свидетельство всех этапов обработки камня (желваки, отбойники, нуклеусы и другие отходы производства, сколы-заготовки, готовые орудия) и утилизация орудий (износ, поломки, переоформление и т. д.). В ряде мест — в нишах близ стен — отмечены скопления костей и орудий. Зафиксированы также места обработки камня (*Любин В. П.,* 1959, 1970, 1977а; в; *Любин В. П., Ренгартен Н. В. и др.,* 1978; *Lubin V. P.,* 1971).

Пещера Кударо III расположена в четвертом (снизу вверх) этаже карстовой системы Часавальской горы. Она принадлежит к типу горизонтальных, почти полностью погребенных. Общая длина ее узкого (2—6 м), почти прямолинейного тоннеля достигала в ашельскую эпоху 145 м, но со временем устьевая галерея разрушилась (от нее сохранилась лишь базальная часть — глубокий скальный желоб) и современная длина пещеры не превышает 130 м. В средней и дальней частях ее имеются три подпрудных озерка.

К 1979 г. раскопаны северная половина скального желоба (отложения в нем носят внутрипещерный характер) и начальная часть современного устья на общей площади около 35 кв. м; ашельские слои, однако, вскрыты лишь на участке менее 15 кв. м. Максимальная мощность отложений достигает 6—7 м.

Количество и нумерация археологических и литологических уровней в общих чертах согласуются с таковыми в Кударо I, но мустьерские отложения здесь гораздо более мощные (4 м), а ашельские — незначительные (0,2—0,3 м), размытые и бедные археологическими находками. Литологические и культурные уровни залегают более горизонтально; явления фациальной изменчивости, размыва и выноса известной их части выражены резче.

Нижний мустьерский слой 4 и ашельский слой 5 содержали большое количество костей крупных млекопитающих, известная часть которых накопилась без участия человека: наряду с кухонными отбросами здесь встречены черепа пещерного медведя, благородного оленя и козла (Capra cf. priscus Woldr.) и нерасколотые крупные трубчатые кости. В ашельском

слое найдено около 20 каменных изделий (отщепы, чоппер, ручное рубило) и (впервые для кударских пещер) размытое очажное пятно (*Любин В. П.*, 1978; *Любин В. П., Левковская Г. М.*, 1972; *Любин В. П., Селиванова Н. Б.*, 1975; *Любин В. П., Селиванова Н. Б. и др.*, 1978; *Lubin V. P.*, 1971).

Цонская пещера находится в 5—6 км от кударских пещер, на южном склоне известняковой горы Буб (Валь-хох), в субальпийском поясе горно-луговой зоны, на относительной высоте 250—300 м.

Пещера принадлежит к типу коридорных, коленообразных: единственный горизонтальный 90-метровый ход ее состоит из трех расположенных под углом широких (4,5—15 м) галерей. Пригодная для раскопок часть пещеры превышает 1000 кв. м. Первоначальные размеры ее были, вероятно, еще большими: 15-метровая устьевая галерея (как и в Кударо III), судя по простиранию ее базальной части и заключенных в ней культурных отложений вовне — в пределы современной площадки перед входом, была, примерно, на 10 м длиннее.

Наибольшая мощность (до 7 м) вскрытых осадков отмечена на входной площадке. Мощность ашельских культурных отложений (до 2,5 м) превышает здесь мощность мустьерских (до 1,4 м). К настоящему времени раскопаны привходовая часть («скальный желоб») и почти вся современная устьевая галерея: всего около 100 кв. м (раскопки 1958—1961, 1965, 1968, 1977—1978 гг.

Ашельские остатки расчленяются на два культурных горизонта: верхний (литологические уровни 6, 6а, 6б) и нижний (7, 7а), выстилающий дно и имеющий локальное распространение. В верхнем обнаружено свыше 100 отборных орудий: бифасы (47), чопперы, скребла, зубчатые формы и др. В нижнем — около 30 изделий: отщепы, скребла, небольшие орудия высоких форм (*Каландадзе А. Н.*, 1965; *Каландадзе А. Н., Тушабрамишвили Д. М.*, 1978). В синхронных, как представляется, ашельских слоях пещеры Кударо I, в которых установлены остатки длительного поселения, изделия типа первого и второго слоев Цоны встречаются в совместном залегании. Допустимо предположить, что верхний ашельский слой Цоны, содержавший в основном отборные бифасы, представлял собой остатки временного охотничьего лагеря, нижний — остатки стоянки. Отсутствие же бифасов в последнем объясняется, по всей видимости, малочисленностью сделанных в нем находок.

Пещеры Кударо I, III и Цона расположены по соседству. Ашельские индустрии их идентичны. Только в этих индустриях представлены оригинальные сланцевые «ручные топоры-тесаки», которым А. А. Каландадзе присвоил наименование «цалди» (рис. 17, *8*; 18, *1*). Кударо I (долговременная стоянка) и Цона (охотничий лагерь) могли принадлежать одной группе населения и составлять одну ашельскую культуру.

Каменные индустрии ашельских слоев Кударо I и Цоны, судя по достаточно большим коллекциям, в общем тяготеют к индустриям протошарантского круга. Их характеризуют нелеваллуазская техника расщепления камня (на базе главным образом галечного сырья); ретушь крупная, высокая разнообразная зубчатая, чешуйчатая ступенчатая; скребла боковые, поперечные, угловатые, с утонченным обушком; различные плохо выработанные формы скребков; орудия выемчатые, зубчатые, клювовидные; острия типа тейяк и кинсон; протолимасы; чопперы и чоппинги. Встречены также немногочисленные бифасы: копьевидные удлиненные, миндалевидные, сердцевидные удлиненные, с поперечным лезвием и с обушком (рис. 17; 18).

Среди поздних ашельских памятников Кавказа, встреченных in situ отмечают III слоя Азыха и Среднехаджохскую стоянку на Кубани. Индустрия низов III слоя Азыхской пещеры, по данным М. М. Гусейнова (1975), является верхнеашельской, переходной к мустье. Она содержит много отщепов и орудий на отщепах (остроконечники, скребла, ножи, зубчато-выемчатые изделия); найдены также четыре ашельских бифаса, дисковидные и леваллуазские ядрища, удлиненные отщепы и пластины.

Индустрия этого слоя, по нашему мнению, является леваллуазской, фасетированной. В ней преобладают леваллуазские неретушированные изделия (отщепы, пластины, остроконечники); скребла — главным образом простые боковые и двойные, реже — конвергентные и угловатые; зубчатые и выемчатые орудия. Обилие отходов производства и костных остатков свидетельствует о существовании долговременной стоянки-мастерской.

Частично сохранившийся культурный слой Среднехаджохской финальноашельской мастерской находится в первичном залегании (высокая концентрация находок в четко выраженном горизонте, наличие чешуек, углей и т. д.), но геологически не датируется: слой приурочен к делювиальному шлейфу, перекрывающему один из террасовых перегибов склона долины р. Средний Хаджох (*Муратов В. М., Аутлев П. У.*, 1971).

Таковы современные данные о геохронологии и культурном облике стратифицированных ашельских стоянок Кавказа. Гораздо шире представлены в этой области ашельские находки, встреченные во вторичном залегании. Это — так называемые местонахождения: остатки разрушенных стоянок открытого типа.

Первые памятники такого рода на Кавказе, как отмечалось, были открыты и исследованы С. Н. Замятниным в 1934—1938 гг. в районе гор Яштух, Бырц и Гвард в окрестностях г. Сухуми. Наибольшие сборы были сделаны на яштухских местонахождениях. В 1958—1960 гг. эти местонахождения исследовались Н. З. Бердзенишвили (1979), в 1961—1965 г.— И. И. Коробковым (1971). В составе находок: нуклеусы (кубовидные, дисковидные), многочисленные массивные клектонские сколы, единичные бифасы и унифасы, чопперы, зубчато-выемчатые и другие орудия.

В настоящее время на Кавказе насчитывается более 100 ашельских местонахождений. Десятая часть этих памятников располагается на Северном Кавказе (Прикубанье), остальные — к югу от Кавказского хребта, в Западном и Южном Закавказье: в пределах колхидского склона Большого Кавказа, в центральной наиболее возвышенной части Закавказской депрессии (районы, примыкающие к Сурамскому хребту) и в западной и центральной частях Армянского вулканического нагорья.

Районами наибольшего сосредоточения этих памятников является Прикубанье, Абхазия, Имеретия, Юго-Осетия, Джавахетия и Армения. В южной (армяно-джавахетской) и в центральной (Юго-Осетия)

частях этого ареала кавказского ашеля находятся памятники с большим количеством ручных рубил, в северо-западной (колхидско-прикубанской) — памятники с единичными ручными рубилами.

Наиболее изобилуют ашельскими находками с большим количеством ручных рубил самые южные — приараксинские — районы Закавказья, т. е. территория Закавказского нагорья, представляющего собой северный выступ обширного, расположенного за пределами нашей страны Армянского нагорья. Первые люди пришли на Кавказ, по всей видимости, с юга, из области обширных переднеазиатских нагорий: район распространения ашельской культуры на Кавказе представляет собой как бы верхушку айсберга, главный массив которого уходит в глубь территории Передней Азии.

Широкое продвижение первопроходцев в горные районы Передней Азии и Кавказа было возможно, вероятнее всего, в межледниковые эпохи, так как, судя по материалам кударских пещер, во времена больших похолоданий люди покидали горные районы.

Наиболее важные и компактные группировки ашельских местонахождений (типа огромных мастерских или стоянок-мастерских) приурочены к выходам исходного сырья: обсидиана — в районе горы Артин и селений Джрабер-Фонтан в Армении и горы Коюндаг (Чикиани) в северной части Джавахетского хребта в Южной Грузии, андезита — в предгорьях Юго-Осетии, кремня — в районе Чиатури в Имеретии, горы Яштух близ г. Сухуми в Абхазии и горы Шахан на р. Белой в Прикубанье (*Замятнин С. Н.*, 1937; *Паничкина М. З.*, 1950; *Сардарян С. А.*, 1954; *Любин В. П.*, 1961; *Каландадзе А. Н.*, 1969; *Тушабрамишвили Д. М.*, 1960, 1962; *Аутлев П. У.*, 1963; *Береговая Н. А.*, 1960; *Коробков И. И.*, 1967, 1971).

Материалы ашельских местонахождений Кавказа исследованы и изданы в настоящее время совершенно недостаточно. Об их характере можно говорить главным образом на основе типологического анализа. Особенный интерес в этом отношении представляют прежде всего ручные рубила (бифасы), которые в какой-то мере ориентируют в вопросах возраста и местных особенностей ашельских подъемных материалов.

Так, ашель Сатани-дара в Армении характеризуют в основном бифасы сердцевидные (рис. 16), близкие к сердцевидным, подтреугольные, овальные и с поперечным лезвием. 75% этих бифасов являются плоскими и короткими, более $^1/_3$ относится к частичным. Миндалевидные и копьевидные формы немногочисленны. Продольные лезвия бифасов являются прямолинейными и слабо извилистыми. Значительное количество образцов характеризуют плоско-выпуклое сечение и плоско-выпуклая отделка (плоская сторона выравнена широкими снятиями, выпуклая — мелкими сколами и ретушью; отделка плоской предшествует отделке выпуклой).

Но самой примечательной особенностью Сатанидара является наличие небольших плоских «секировидных» бифасов с плечиками на продольных краях. В средней части корпуса таких бифасов имеются хорошо выраженные симметричные плечики-выступы, которые четко отделяют широкую округло-выпуклую базальную половину корпуса бифаса от более узкой подтреугольной дистальной (рис. 16, *1—3*). Встречаются и образцы с одним плечиком (рис. 16, *4, 6*).

Преобладание на Сатани-даре бифасов развитых типов (сердцевидных, субсердцевидных, субтреугольных — главным образом плоских и нередко частичных), плоско-выпуклая отделка многих экземпляров, прямолинейность или слабая извилистость (в профиль) продольных лезвий большинства этих орудий позволяют нам решительно отказаться от прежней «шелльской» даты (*Паничкина М. З.*, 1950; *Сардарян С. А.*, 1954) этих материалов. Существование на Сатани-даре наряду с отмеченными бифасами леваллуазской техники расщепления и орудий весьма развитых форм (леваллуазские остроконечники, отщепы и пластины; скребла поперечные, угловатые и др.; зубчато-выемчатые изделия) оправдывает, как кажется, отнесение материалов этого местонахождения в целом к верхнему финальному ашелю (ср. иную интерпретацию Сатани-дара в ч. II, гл. 1), хотя некоторые находки могут оказаться более поздними, некоторые — несколько более ранними (средний ашель?) (*Любин В. П.*, 1977в).

Второе средоточие ашельских местонахождений в Армении находится, как указывалось, в районе селений Джрабер-Фонтан, в долине р. Раздан, к северу от Еревана, близ выходов обсидианового сырья (*Любин В. П.*, 1961). Ашельские материалы Джрабера-Фонтана также характеризует леваллуазская техника расщепления, но бифасы в среднем здесь являются более крупными (более широкими, длинными и массивными). Частичных и треугольных форм меньше. Преобладают бифасы типа овальных и сердцевидных (рис. 19). Встречаются также копьевидные, миндалевидные, лиманды и унифасы, но «секировидные» формы отсутствуют (за исключением одного экземпляра с одним плечиком). Вероятный возраст джраберских находок — верхний ашель.

Третье средоточие ашельских местонахождений в Закавказье — юго-осетинское — состоит, как кажется, из разновозрастных памятников. В одних из них (Лаше-Балта, Гористави, Чдилети) преобладают бифасы более архаичного ашельского типа (миндалевидные, копьевидные, овальные (рис. 20), в других (Тигва, Калети) — бифасы более позднего облика (стрельчато-треугольные с обушком, треугольные, с поперечным лезвием) (*Любин В. П.*, 1959, 1960а, 1977).

Переходя к другим ашельским местонахождениям, расположенным к северу от Малого Кавказа, существенно прежде всего отметить, что они содержат очень небольшое количество ручных рубил. Единственным исключением являются только что названные местонахождения Знаурского района Юго-Осетии (*Любин В. П.*, 1960) и примыкающего к нему с юга Хашурского района собственно Грузии (устное сообщение Д. М. Тушабрамишвили). Район этот располагается между р. Лиахви и Сурамским (Лихским) хребтом, который является соединительной перемычкой между системами гор Большого и Малого Кавказа. Не исключено, что богатые бифасами андезитовые ашельские индустрии Юго-Осетии (полоса предгорий Большого Кавказа) были каким-то образом связаны с расположенными к югу от них андезитовыми ашельскими индустриями Джавахетии (Малый Кавказ) (находки Г. К. Григолия и З. К. Ки-

кодзе (*Григолия Г. К.*, 1965; *Кикодзе З. К.*, 1978). В пределах Закавказской депрессии, к востоку от предгорных местонахождений Юго-Осетии, в настоящее время известно лишь одно ашельское местонахождение с бифасами — Юкары Салахлы в Западном Азербайджане (рис. 21).

Скопление ашельских местонахождений в области Большого Кавказа (имеретинские, абхазские, прикубанские) содержит разновозрастные индустрии. Наиболее, как кажется, архаичные из них (рис. 22) отмечены в районе горы Яштух в Абхазии и станицы Саратовской (местонахождение Игнатенков куток) в Прикубанье (клектонская техника расщепления камня, единичные бифасы). Другие ашельские местонахождения Прикубанья (Абадзехская, Хаджох и др.) (*Замятнин С. Н.*, 1961; *Аутлев П. У.*, 1963; *Формозов А. А.*, 1965; *Паничкина М. З.*, 1961а, б) доставили материалы в общем верхнеашельского характера с отдельными типичными миндалевидными, копьевидными и треугольными бифасами (рис. 23). В Имеретии же, в районе выходов превосходного розового туронского кремня обнаружены, по всей видимости, позднейшие ашельские индустрии (фации леваллуа) без бифасов или очень бедные бифасами (единичные копьевидные или с поперечным лезвием) (*Тушабрамишвили Д. М .*, 1962) (рис. 24). Такого же, как кажется, типа ашельские индустрии обнаружены в районе Хейвани в Абхазии (рис. 24), в районе Цхинвали в Юго-Осетии и в некоторых других пунктах Закавказья.

Таким образом, по типологическим признакам подавляющее большинство ашельских местонахождений Кавказа в общем, как это представляется сегодня, может быть отнесено к верхнему ашелю. Допустим в то же время более ранний возраст (средний ашель) некоторой части находок в Абхазии (Яштух), в Юго-Осетии (Лаше-Балта), в Прикубанье (Игнатенков куток, Фортепьянка), в Армении и, с другой стороны, более поздний возраст (финальный ашель ?) материалов Хейвани, Имеретии, Цхинвали. Предположительная дата одних — рисс-вюрм, вторых — рисс, миндель-рисс (?), третьих — рисс-вюрм и, возможно, вюрм I.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в южных районах распространения ашельских индустрий с многочисленными бифасами (на местонахождениях Сатани-дар и Джрабер в Армении) встречаются большей частью бифасы округло-выпуклых очертаний (сердцевидно-овальные формы). В то же время в колхидско-прикубанском районе (Имеретия, Абхазско-Туапсинское Причерноморье, Прикубанье) распространения ашельских индустрий с немногочисленными бифасами чаще, как кажется, встречаются бифасы остроконечно-вытянутых очертаний с толстыми пятками (миндалевидные, копьевидные и др.). В интервале между этими двумя районами — в западной части Внутренней Картли (Лиахвинско-Лихский район) — картина более пестрая. Что же касается бифасов с поперечным лезвием, то они, насколько известно, представлены повсеместно. Умножение материалов, подтверждающих это наблюдение, позволит придать ему культурно-историческую значимость.

Ашельские индустрии[8] представляют главную сущность нижнего палеолита Кавказа. Дифференциация материальной культуры древнейшего населения Кавказа происходила, однако, не только в рамках ашельской культуры. Параллельно с ней прослеживаются как будто индустрии иного технико-типологического профиля. Некоторые из последних, впрочем, не всегда ясно отличаются от индустрий с редкими бифасами (клектонские индустрии Яштуха, к примеру, содержат унифасы, чопперы, чоппинги, скребла, клектонские анкоши, зубчато-клювовидные и скребковые формы, единичные бифасы (*Замятнин С. Н.*, 1937; *Коробков И. И.*, 1966, 1971). Другие (типа Шиш-гузей в Азербайджане) имеют более специфический характер (примитивная техника расщепления, отсутствие бифасов, редкость скребел, обилие зубчато-клювовидных изделий, скребковидных орудий и т. д.; *Мансуров М. М.*, 1978).

В целом ашельские индустрии Кавказа рано утрачивают бифасиальные формы и эволюционируют не в направлении мустье с ашельской традицией, а в направлении мустье типичного, мустье зубчатого и в отдельных случаях мустье шарантского облика (*Любин В. П.*, 1972б, 1977а). Ранняя утрата бифасиальных форм и наличие развитого инвентаря на отщепах сообщают некоторым индустриям «премустьерский характер», по всей видимости, уже в рисс-вюрме (Ахабиюк на Яштухе, Хейвани, Имеретия и др.).

Краткий обзор ашельских материалов Кавказа свидетельствует о множественности конкретных форм развития материальной культуры древнейших обитателей Кавказа, о существовании в этой области в ашельскую эпоху локальных явлений различного ранга. К последним можно отнести комплексы с бифасами и без бифасов; протошарантский и собственно ашельский варианты развития ашельской культуры; зоны (?): южную и «колхидскую»; локальные образования типа археологических культур и др. Эти локальные явления, как представляется, существуют помимо различий хронологического порядка (разновозрастность памятников) и различий функционального порядка (функциональная неоднозначность памятников: деление их на долговременные стоянки, мастерские, охотничьи лагеря). Они имеют, по нашему мнению, главным образом социальную обусловленность.

Вторая половина верхнего плейстоцена (в пределах так называемого мустьерского вюрма, заканчивающегося около 35 тыс. лет до наших дней). Этот промежуток времени соответствует мустьерской эпохе древнекаменного века. Мустьерская культура на Кавказе имеет более широкое распространение и представлена гораздо большим количеством памятников. В настоящее время их насчитывается свыше 400 : 52 находящихся в первичном залегании (50 — в пещерах; два — Ильская и Цопи — под открытым небом) и более 350 — во вторичном (местонахождения).

Дислокация большинства мустьерских местонахождений совпадает с районами размещения ашельских памятников, но известная часть захватывает новые районы: Квемо-Картли — в Грузии, Гугарк — в Армении, Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, Чечено-Ингушетию и Дагестан — на Северном Кавказе. Что же касается мустьерских

[8] К собственно ашельским индустриям принято относить индустрии с бифасами.

пещерных стоянок, то в настоящее время они известны лишь в пределах «ашельского ареала» и сгруппированы в четырех районах: в Прикубанье (5), в Колхиде (25), в Араратской котловине (6), в предгорьях Малого Кавказа (4). Колхидские стоянки сосредоточены в сочинском Причерноморье (7), Абхазии (2), Имеретии (11) и на северо-западе Юго-Осетии (5). Тесные каньонообразные ущелья некоторых рек являются подлинными долинами пещерных убежищ (Борисовское ущелье в Прикубанье, Цхалцительское и Джручульское в Имеретии, Разданское в Армении). В нескольких случаях мустьерские «жилые массивы» приурочены к многоярусным карстовым системам (Цуцхвати, Кударо).

Размещение в предгорьях базовых стоянок, а в глубине гор только кратковременных охотничьих лагерей объясняется, видимо, климатическими невзгодами времени вюрмского оледенения.

Мустьерские памятники Кавказа можно дифференцировать как в хозяйственном (социально-экономическом), так и в культурном (индустриальном) отношениях. Хозяйственное расчленение определяется наличием в их составе функционально неоднозначных памятников (мастерские, базовые стоянки, охотничья лагеря, кратковременные биваки и др.). Хозяйственно разнотипные памятники выражены разными вариантами фракционирования (группирования) кремневого материала. В мастерских представлены в основном отходы первичного расщепления камня, в лагерях — выборочные (часто отборные и немногочисленные) орудия, необходимые в охотничьих походах. Все же компоненты каменного инвентаря и другие свидетельства жизнедеятельности полных человеческих коллективов встречаются только на долговременных базовых стоянках.

Культурная (индустриальная) дифференциация памятников заключается в локальном своеобразии технико-типологических особенностей их индустрий, в качественном и количественном различиях изделий, входящих в инвентарь этих памятников. На фоне широкой вариабельности мустьерских индустрий проступают и отдельные черты их сходства, прослеживаемые на двух разных уровнях. Высший уровень сходства выявляет территориально сопряженные группировки идентичных (однокультурных) индустрий. Каждая из таких группировок относится к одному времени, сосредоточена на небольшой сплошной территории, отличается преемственностью, т. е. представляет узколокальную общность типа археологической культуры.

Низший уровень сходства, обозначенный понятием «линия развития», объединяет территориально разобщенные, близкие, но не идентичные в технико-типологическом отношении индустрии, генетическое родство которых доказать трудно, что не исключает, однако, какой-то общности их исторических судеб в пределах кавказского региона. В настоящее время на Кавказе выявлены мустьерские индустрии трех линий развития: типично-мустьерской, зубчато-мустьерской и шарантской. Первые две представлены многочисленными индустриями и несколькими выявленными к настоящему времени археологическими культурами, последние — пока единичным памятником (Цопи — в Нижней Картли) (*Любин В. П.*, 1977а).

Наиболее интересными мустьерскими памятниками Северного Кавказа являются памятники типично мустьерской губской культуры, а также Ильская стоянка в Прикубанье и Лысогорское местонахождение в Северной Осетии. Губская культура представлена пещерными стоянками Борисовского ущелья (Монашеская пещера, Губский навес № 1 и, по всей видимости, недавно открытая П. У. Аутлевым Баракаевская пещера). Ее характеризуют (рис. 25): сочетание дисковидно-радиальной, леваллуазской и призматической техник расщепления камня, использование в основном ретуши краевой, лицевой, мелкой или глубокой, пологой или полукрутой; малые размеры изделий; многочисленные и разнообразные скребла (10—11 разновидностей, среди которых преобладают простые боковые и двойные со сходящимися лезвиями); скребки нескольких разновидностей; зубчатые изделия и др. (*Аутлев П. У.*, 1964, 1973; *Любин В. П., Аутлев П. У., Гричук В. П.* и др., 1973; *Любин В. П.*, 1977а).

В Ильской стоянке (рис. 26) различают индустрии верхнего и нижнего слоев. Первой свойственны леваллуазская техника расщепления, значительное количество пластин, леваллуазских орудий и поздне-палеолитических форм, скребла и единичные двусторонне обработанные орудия. Второй — меньшее число леваллуазских форм, большее количество скребел (преобладают боковые выпуклые и поперечные) и двусторонне обработанных орудий (скребла, остроконечники, листовидные формы). В целом индустрии Ильской стоянки имеют многозначный характер: шарантский компонент (скребла типа кина и полукина; угловатые скребла и скребла с утонченным обушком, лимасы и т. д.) дополнен типично мустьерским (остроконечники разных пропорций, простые скребла) и в известном смысле (по манере изготовления орудий из галек) понтийским (*Замятнин С. Н.*, 1934; *Городцов В. А.*, 1941; *Праслов Н. Д.*, 1964; *Формозов А. А.*, 1965; *Анисюткин Н. К.*, 1968; *Любин В. П.*, 1972б, 1977а).

Индустрия Лысогорского местонахождения является зубчато-мустьерской на леваллуазской технической основе. Здесь прослежена связь между видом исходного сырья (андезит, алевролит, кремень, валунный камень) и типом изготовляемых из него изделий. В составе инвентаря: зубчато-выемчатые орудия, скребла, единичные остроконечники, в том числе удлиненные двусторонне обработанные чопперы. Своеобразна группа мелких орудий, изготовленных на фрагментах искусственно расчлененных сколов (*Любин В. П.*, 1969б).

Среди мустьерских индустрий Закавказья отметим прежде всего три территориально обособленных колхидских группировки — хостинскую, цуцхватскую и джурчульско-кударскую. Они, по всей видимости, являются локальными образованиями типа археологических культур.

Первая из них, хостинская, содержит шесть многослойных пещерных стоянок (пещеры Ахштырская, Воронцовская, Навалишенская, Ацинская, Хостинская I и II) с индустриями типа зубчатого мустье (рис. 27). Индустрии этих стоянок, несмотря на многочисленные следы псевдоретуши (естественных повреждений), могут быть установлены с достаточной полнотой. Они характеризуются леваллуазской тех-

никой расщепления, отличаются высоким процентом орудий и комбинированных форм, высокой степенью утилизации и реутилизации изделий. Преобладающие в коллекциях зубчато-выемчато-клювовидные формы дополняются различными скребковыми и небольшим количеством обычных мустьерских скребел и остроконечников. На поздних этапах происходит явная микролитизация инвентаря, обусловленная или усиливаемая фрагментацией и ретушным усечением, интенсивной утилизацией и переоформлением (*Замятнин С. Н.*, 1940, 1961; *Крайнов Д. А.*, 1947; *Коробков И. И.*, 1962; *Векилова Е. А.*, 1967; *Любин В. П., Щелинский В. Е.*, 1967; *Любин В. П., Соловьев Л. Н.*, 1971; *Любин В. П.*, 1977а).

Цуцхватская группировка включает, по крайней мере, пять раскапываемых (начиная с 1971 г.) пещер Цуцхватской многоэтажной карстовой системы (пещеры Бронзовая, Бизоновая, Медвежья, Верхняя и Двойной грот), расположенной в каньоне р. Шабата-геле, в 12 км к северо-востоку от г. Кутаиси (исследования Л. И. Маруашвили и Д. М. Тушабрамишвили). В 10,5 м частично вскрытой толщи отложений Бронзовой пещеры выявлено 23 литологических уровня и пять мустьерских культурных слоев, четыре из которых содержат очажные прослойки мощностью до 0,5—0,75 м. Кремневые индустрии этих слоев, а также мустьерских слоев других, указанных выше цуцхватских пещер имеют, по данным Д. М. Тушабрамишвили, сходные технико-типологические показатели: являются нелеваллуазскими, нефасетированными; отличаются использованием зубчатой ретуши наряду с ретушью правильной чешуйчатой, субпараллельной, иногда частично двусторонней; сосуществованием типично мустьерских скребел и остроконечников (25—35%) с зубчато-выемчатыми изделиями (25—29%). Мустьерские индустрии пещер каньона р. Шабата-геле, по менению Д. М. Тушабрамишвили, генетически связаны между собой и могут быть выделены в качестве особой цуцхватской мустьерской культуры (*Векуа А. К., Мамацашвили Н. С., Тушабрамишвили Д. М.*, 1973; *Тушабрамишвили Д. М.*, 1978а, б). (рис. 28).

Джручульско-кударская группировка однокультурных памятников особенно интересна, ибо она представлена как долговременной базовой стоянкой (Джручула), так и охотничьими лагерями (Кударо I, III; Цона), как пещерными стоянками, так и местонахождениями с разрушенным культурным слоем (Хвирати). Памятники эти находятся в различных ландшафтно-климатических зонах Колхиды на удалении 5—80 км друг от друга. Индустрии джручульско-кударской культуры определяются как мустье типичное, пластинчатое, с леваллуазским расщеплением и леваллуазской фации (высокие индексы леваллуа типологические). Для них характерно применение частично двусторонней плоскостной ретуши, изготовление удлиненных и очень удлиненных мустьерских и леваллуазских остроконечников различных типов, скребел на пластинах, плоских лимасов, ножей — типичных и атипичных (*Любин В. П.*, 1959, 1972б, 1977а; *Любин В. П., Ренгартен Н. В. и* др., 1978; *Любин В. П., Селиванова Н. Б.* и др., 1978; *Тушабрамишвили Д. М.*, 1960, 1962, 1963а, б, 1969; *Каландадзе А. Н.*, 1965; *Каландадзе А. Н., Тушабрамишвили Д. М.*, 1978 (рис. 29).

Недавно в предгорьях Юго-Осетии установлена еще одна типично мустьерская культура — цхинвальская, представленная только местонахождениями. Ее отличают хорошо выработанные формы леваллуазских ядрищ треугольных и четырехугольных очертаний, остроконечники второго снятия средних и удлиненных пропорций, невысокий процент скребел, скребки (концевые и плечиковые), усеченные сколы, зубчато-выемчатые поделки, единичные бифасы и чопперы (*Любин В. П.*, 1977а) (рис. 30).

Шарантская линия развития в мустье Кавказа в настоящее время выражена единственным памятником — Цопской стоянкой. Все параметры ее индустрии — техника расщепления, вторичная обработка, типология — практически не имеют аналогов на Кавказе. Технику расщепления характеризуют короткие, широкие и массивные сколы (индексы леваллуа, пластин и фасетирования являются крайне низкими), вторичную обработку — широкое применение чешуйчато-ступенчатой ретуши, типологию — преобладание боковых и поперечных скребел типа полукина и кина (рис. 31) (*Григолия Г. К.*, 1963; *Любин В. П.*, 1972б, 1977а).

Установление в мустье Кавказа трех линий развития не исчерпывает, разумеется, многообразия и сложности сотен мустьерских индустрий этой области. Линии эти — лишь первая попытка генерализации наиболее массовых и существенных явлений, предполагающая уточнения и дополнения. Три линии развития, кроме того, не представляют собой таких «жестких конструкций», в русле которых непременно укладываются все мустьерские индустрии соответствующих профилей. Наряду с индустриями, содержащими компоненты одной какой-либо линии развития, существуют индустрии менее четкого профиля, содержащие элементы двух—трех линий развития (Цуцхвати, Лысая Гора и др.).

Широкую вариабельность индустрий в пределах каждой линии развития обусловливает также их техническая фация. Весьма резко это сказывается на зубчатых индустриях, которые могут быть на леваллуазской или нелеваллуазской технической основе (ср., например, индустрии Ахштырской пещеры и пункта 3 на Яштухе) (*Замятнин С. Н.*, 1961; *Коробков И. И.*, 1967, 1971; *Векилова Е. А.*, 1973). Несходство такого рода допускают различную генетическую подоснову вюрмского зубчатого мустье. Какая-то часть его могла возникнуть на базе довюрмских местных индустрий, характеризуемых примитивной нелеваллуазской техникой расщепления, отсутствием или редкостью и атипичностью скребел, высоким процентом невыработанных верхнепалеолитических форм (скребков в частности), обилием зубчато-выемчатых — клювовидных изделий, наличием чоппингов (французский археолог А. Люмлей обособляет такие индустрии под названием «звеноских», отмечая их вероятные клектонские истоки; *Lumley A. de*, 1969, p. 164). Это предполагает вероятность существования генетически различных вариантов зубчато-мустьерских индустрий. Эвеноская линия на Кавказе как будто прослеживается в памятниках типа открытого В. Е. Щелинским Хадыженского местонахождения в Прикубанье (*Праслов Н. Д.*, 1964), «тейяка-пункта 3» на Яштухе (*Коробков И. И.*, 1967), западно-азербайджанских местонахождений Шиш-гузей, Гая-

лы и Чахмаклы. Индустрии двух первых азербайджанских местонахождений М. Мансуров относит к ашелю, последнего — к мустье, отмечая их преемственность (*Мансуров М. М.*, 1978). Корни зубчато-мустьерских индустрий такого рода на Кавказе все же еще не вполне ясны. Не исключена их связь с клектонскими индустриями Абхазии (*Замятнин С. Н.*, 1937) или со стратифицированными ашельскими индустриями пещер Кударо I и Азых, в которых «эвеноские» (зубчато-выемчатые, скребковые и др.) формы встречаются еще бок о бок с бифасами и архаичного типа скреблами.

Возвращаясь к характеристике мустье Закавказья, обратим внимание на наличие в небольшом тесном районе — на стыке трех закавказских республик (район Марнеули — Казаха — Ноемберяна) — мустьерских индустрий нескольких линий развития: шарантской (Цопи), типично мустьерской (Гадыр-дере, Юкары-Салахлы, Кочаскар, пещера Дашсалахлы и др.), зубчато-мустьерской (Гилик, Чахмаклы) (*Замятнин С. Н.*, 1958; *Гусейнов М. М.*, 1959; 1975; *Любин В. П.*, 1960б; *Григолия Г. К.*, 1963; *Мансуров М. М.*, 1965, 1972, 1978; *Ерицян Б. Г.*, 1970б; *Коробков И. И., Мансуров М. М.*, 1972).

Севернее этого района, в Кахетии, недавно обнаружено свыше 30 ашельских и мустьерских местонахождений. Техника расщепления в их индустриях — нелеваллуазская, бифасы отсутствуют. В наиболее показательных индустриях (Зиари, Кистаури) преобладают скребла, зубчатые и выемчатые орудия. В Зиари представлены два производственных комплекса: стоянка и мастерская. Последняя, подобно Среднехаджохскому местонахождению в Прикубанье, находится в непереотложенном состоянии; геологическая привязка ее, однако, невозможна (*Вугианишвили Т. В.*, 1969, 1979).

Наиболее важные мустьерские памятники южного Закавказья: пещеры Ереван I (рис. 33), Лусакерт I и II в Армении (рис. 34), Азых (мустьерский комплекс) и Таглар в Азербайджане (рис. 35). Обсидиановые типично мустьерские индустрии семи мустьерских уровней пещеры Ереван I представляют разные этапы развития одной культуры. Средние технические показатели индустрий всех слоев: леваллуа — не более 18, пластин — 8,5. Вторичную обработку характеризуют: намеренное рассечение сколов и орудий; ядрищный прием утончения; ретушь стесывающая, чешуйчатая, субпараллельная; резцовые сколы. Ведущими типами орудий являются остроконечники, скребла, ножи, скребки, долотовидные изделия, резцы, выемчатые формы (*Ерицян Б. Г.*, 1970). Мустьерские индустрии культурных слоев пещер Лусакерт I и II (рис. 34), по данным Б. Г. Ерицяна, демонстрируют чередование различных вариантов мустье (типа Арзни, зубчатого, типичного). Природа такой интерстратификации еще не ясна (*Ерицян Б. Г.*, 1975).

Индустрии расположенных недалеко друг от друга Азыхской и Тагларской пещерных стоянок выражены разными вариантами мустье. Мустье Азыха является зубчатым на леваллуазской технической основе. В инвентаре господствуют зубчатые, выемчатые, клювовидные формы и скребла (иногда — зубчатые, редко — типа кина). Значительна серия леваллуазских сколов и остроконечников. Мустьерские остроконечники единичны. Встречаются также скребки и резцы. Индустрия Тагларской пещеры — леваллуазская, пластинчатая. Среди орудий преобладают остроконечники разных типов (леваллуазские и мустьерские; последние — главным образом узкие, удлиненные, изящные, но различных очертаний, иногда с усеченным (?) или утонченным основанием) и боковые скребла — одинарные и двойные (рис. 35, см. также рис. 36) (*Гусейнов М. М.*, 1973а; *Джафаров А. К.*, 1978а, б).

Антропологические находки в раннем палеолите Кавказа. В течение последних 20 лет в ашельских и мустьерских слоях кавказских пещер обнаружен ряд важных антропологических находок. В ашельских слоях встречены: зуб (резец) в Кударо I (1959 г.) и фрагмент нижней челюсти в Азыхе (1968 г.). В мустьерских: зуб (первый моляр) в Джручуле (1960 г.), зуб и три плюсневых кости в Ахштырской пещере (1961 г.), коренной зуб и обломок черепной крышки в пещере Ереван I (1973 г.), коренной зуб в Бронзовой пещере Цуцхватского пещерного комплекса (1974 г.), коренной зуб и фрагмент верхней челюсти в Сакажиа (1975—1976 г.,), обломки черепа, три изолированных зуба и нижняя челюсть ребенка в Баракаевской пещере (1976—1977; 1979 гг.). В печати охарактеризованы лишь некоторые из этих находок.

Зуб ископаемого человека из ашельского слоя 5 б пещеры Кударо I принадлежит представителю гоминид, близкому к питекантропу (синантропу), либо к неандертальцу. Первое, по мнению А. А. Зубова (1980), более вероятно. Фрагмент правой ветви нижней челюсти с двумя коренными зубами из верхнего ашельского слоя Азыхской пещеры, несмотря на специфические черты строения, содержит признаки, с одной стороны, характерные для питекантропов, синантропов и в особенности для маузровской челюсти, но несомненно с большим числом прогрессивных черт, с другой стороны, обладает признаками, характерными для ранних неандертальцев (более прогрессивный зубной аппарат и др.). Возможно, как полагает Д. В. Гаджиев, гоминид из Азыха представляет переходную стадию от поздних архантропов к ранним палеоантропам (*Гаджиев Д. В., Гусейнов М. М.*, 1970). Азыхатроп «...относится к числу пренеандертальцев типа гейдельбергского человека, притекантропа из Арaго и других пренеандертальцев более молодого геологического возраста» (*Гаджиев Д. В. и др.*, 1979).

Во втором мустьерском слое Сакажиа был обнаружен фрагмент верхней челюсти с зубами; в четвертом мустьерском слое — изолированный нижний моляр. Наличие у сакажийца наряду с явно неандерталоидными особенностями таких признаков, как высокий свод нёба и относительная узость грушевидного отверстия, свойственная скорее ранним неоантропам и, по-видимому, некоторым палестинцам, а также наличие отдельных своеобразных черт указывают, быть может, на некоторую обособленность сакажийского палеоантропа. Не исключено, как заключают Л. К. Габуния и А. К. Векуа, что он представлял в известной мере ветвь, параллельную палестинским палеоантропам, заметно отличавшимся как от европейских и прочих неандертальцев, так и от позднепалеолитических неоантропов. Очень сущест-

венно, наконец, замечание указанных исследователей о том, что изолированные зубы мустьерцев, найденные в Джручуле и Цуцхвати, не имеют существенных отличий от зубов сакажийца. По-видимому, они относятся к тому же представителю палеоантропов (*Ниорадзе М. Г.*, 1976; *Ниорадзе М. Г., Векуа А. К., Габуния Л. К. и др.*, 1978).

Второй верхний моляр и три кости стопы найдены в верхних мустьерских уровнях Ахштырской пещеры. Моляр отличает такое сочетание прогрессивных и архаичных черт, которое позволяет предполагать, что зуб принадлежит ископаемому человеку современного типа (*Векилова Е. А., Зубов А. А.*, 1972, с. 62).

Подытоживая рассмотрение наличных антропологических находок из отложений кавказских пещер, отметим прежде всего отсутствие среди них в настоящее время остатков антропоидных предков человека — приматов типа австралопитеков, представляющих первую стадию антропогенеза и остатков древнейших людей (архантропов) начального этапа второй стадии. Поздние формы архантропов представлены, как кажется, находками в ашельских слоях пещер Кударо I и Азых, а потомки архантропов — древние люди, палеоантропы, относимые к заключительному этапу второй стадии находками в мустьерских слоях пещер Джручулы, Бронзовой, Ереван I и Сакажиа. Костные остатки человека из поздних мустьерских слоев Ахштырской пещеры свидетельствуют о появлении человека типа Homo sapiens fossilis на Кавказе уже в эпоху мустье.

Антропологические находки последних лет заполняют очень важный пробел в наших знаниях о древнейших обитателях Кавказа. Эти находки свидетельствуют о том, что процессы сапиентации неандертальцев, сложения человека современного типа, завершались на Кавказе еще в рамках мустьерской эпохи (Ахштырь), что, кроме того, популяция, обитавшая на территории Имеретии (Сакажиа, Джручула, Цуцхвати), обладала значительными прогрессивными чертами. Представители этой популяции, если так можно сказать, были еще палеоантропами, но уже не неандертальцами. Типичные неандертальцы в мустье кавказской области, судя по имеющимся данным, пока не обнаружены.

Хозяйство, идеология, общественные отношения. Охота и собирательство являются главными источниками существования древнейших людей. Ашельские и мустьерские стоянки Кавказа, как указывалось, содержат огромные скопления костей млекопитающих. Это — типичные кухонные отбросы: все имеющие пищевую ценность кости находятся в раздробленном состоянии.

Обильные кухонные отбросы говорят об исключительном значении охоты в жизни древнего человека. Доставляя ему мясную пищу, шкуры (для одежды, одеял, подстилок и покрытия жилищ), кости (топливо, иногда — материал для орудий), она являлась главным источником добывания средств к жизни (*Верещагин Н. К.*, 1959).

Видовой состав добычи ашело-мустьерских охотников отражает обычно характерные черты палеоландшафтов того или иного района (или высотной зоны) Кавказа. В составе охотничьей фауны преобладали крупные млекопитающие: козлы, бизоны и лошади (Баракаевская и Монашеская пещеры в Прикубанье), бизоны, лошади, олени, мамонты (Ильская стоянка близ Краснодара), пещерные медведи (Ахштырская, Воронцовская и другие пещерные стоянки сочинского Причерноморья), пещерные медведи, олени, козлы (Кударо I. III, Цона), пещерные медведи, благородные и гигантские олени, лошади (Азых), дагестанские козлы, дикие ослы, лошади, бизоны (Цопи), дикие ослы, козлы (Дашсалахлы), лошади, дикие ослы, безоаровые козлы, носороги (Ереванская пещера). Охотничью добычу составляли и многие другие крупные и мелкие животные, в том числе некоторые птицы, грызуны и рыбы (*Бурчак-Абрамович Н. И.*, 1980; *Громов И. М., Фоканов В. А.*, 1980; *Цепкин Е. А.*, 1980).

Для раскрытия существа охотничьей деятельности различных групп людей количественные показатели состава фауны важнее в какой-то мере качественных, так как основным объектом охоты являлись обычно один — два, реже три — четыре вида животных. Среди стоянок с резким преобладанием среди фаунистических находок остатков одного какого-либо животного особенно показательны мустьерские стоянки сочинского Причерноморья, обитатели которых охотились почти исключительно на пещерного медведя: в пещерах Ахштырской, Навалишенской и Воронцовской ему принадлежат соответственно 98,8; 98,3; 94,2% всех костных остатков. Высокий удельный вес отдельных видов животных отмечен также в пещерах Кударо I и III, в Ильской и многих других стоянках. В Кударо I и III остатки пещерного медведя составляют соответственно 61,5; 78,2% всех костей, в Ильской — остатки бизона — 60% (*Любин В. П.*, 1970, 1980в).

В многослойных стоянках в соответствии с изменением окружающей природной среды наблюдается изменение количества остатков тех или иных животных от слоя к слою. Так, в межледниковых ашельских слоях пещеры Кударо I кости пещерного медведя составляют 74,6—84,5% всех костных находок; в мустьерских же вюрмских уровнях медвежьи кости составляют лишь от $^1/_3$ до $^1/_2$ всех находок. Костные остатки благородного оленя и козла (тура) распределяются по этим уровням в обратном направлении (*Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф.*, 1980а). В нижних культурных слоях пещер Цоны и Джручулы таким же образом преобладают остатки пещерного медведя, в верхних — крупных копытных (данные А. Н. Каландадзе и Д. М. Тушабрамишвили).

О масштабах охот можно судить по количеству добываемых особей: в отложениях небольших устьевых галерей пещер Кударо I и Воронцовской найдены соответственно остатки 140 и 60 особей пещерного медведя, в Ильской (довоенные раскопки) — остатки 43 зубров.

Значительный интерес представляют данные о изменении возрастного состава пещерных медведей, установленные Г. Ф. Барышниковым и И. И. Дедковой для пещеры Кударо III на основании изучения зубов этих животных. В ашельских слоях этой пещеры преобладают зубы медвежат и молодых особей (86%), в мустьерских — зубы взрослых и старых особей (до 80%). Такое изменение возрастного состава во времени, по мнению названных исследователей, связано, вероятно, с изменением природной обстанов-

ки и условий накопления костного материала (*Барышников Г. Ф., Дедкова И. И.*, 1978). Допустимо, однако, известное участие здесь и антропогенного фактора: усовершенствование орудий и способов охоты позволило человеку промышлять в мустьерское время главным образом крупного зверя, доставлявшего большое количество мясной пищи, жира и шкур. Необходима, впрочем, проверка этих данных и выводов на материалах долговременных (а не кратковременных, как в Кударо III) стоянок, где влияние антропогенного фактора должно было проявляться более сильно.

В основе однообразия и разнообразия главных объектов охоты лежала, видимо, так называемая охотничья избирательность. Человек использовал из окружающего его животного мира главным образом те виды животных, которые были массовыми, крупными и наиболее доступными, т. е. виды, изобиловавшие в данной местности, дававшие наибольшую массу мяса и шкур, доступные для охоты с его примитивным вооружением и являвшиеся наиболее добычливыми. Целесообразность такой избирательной охоты вела к известной специализации первобытных охотников.

В нижнепалеолитических слоях пещеры Кударо I совместно с костями крупных млекопитающих встречены десятки тысяч костей лосося. Связь скоплений этих костей с очажными пятнами позволяет рассматривать добычу лосося в качестве одного из видов хозяйственной деятельности древних кударцев (*Цепкин Е. А.*, 1980).

Собирательство — вторая по значению отрасль хозяйственной деятельности древнейших людей — было источником главным образом растительной пищи, по всей видимости, повседневной и в количественном отношении значительной. Четвертичный Кавказ доставлял человеку растительную пищу в таком количестве и ассортименте, каких не было ни в какой другой области нашей страны. Значение собирательства, по всей видимости, возрастало в периоды потеплений и широкого распространения лесов, когда растительные пищевые ресурсы распределялись более равномерно. Тяготение людей к районам, изобилующим растительной пищей, удостоверяется, как кажется, концентрацией ашело-мустьерских стоянок в области Колхиды и примыкающих к ней участков Северного Кавказа (Прикубанье) и Восточного Закавказья (Юго-Осетии).

В последнее время в литературе стали накапливаться сведения, связанные с идеологическими представлениями древнейших обитателей Кавказа. Свидетельствами возникновения в мустьерскую эпоху примитивных религиозных верований принято считать прежде всего неандертальские погребения и «медвежьи культы». Первые на территории Кавказа пока не обнаружены, вторые, судя по публикациям, имели как будто широкое распространение. Вначале (*Любин В. П.*, 1959б; *Любин В. П., Колбутов А. Д.*, 1961) сообщалось о находках единичных медвежьих черепов, намеренно установленных у стен пещеры, затем — об обнаружении особого «тайника» с черепами медведей (*Гусейнов М. М.*, 1972, 1973б) и, наконец, об открытии целой культовой пещеры, связанной с ритуальным почитанием этого животного (*Векуа А. К., Тушабрамишвили Д. М.*, 1978; *Маруашвили Л. И.*, 1978; *Маруашвили Л. И., Мамацашвили Н. С. и др.*, 1978).

Рассмотрим все имеющиеся в настоящее время исходные материалы. Первые находки такого рода отмечены в кударских пещерах. В 1957—1958 гг. в ашельском слое пещеры Кударо I встречены два раздавленных черепа — пещерного медведя и оленя, расположенных по сторонам восточной галереи. В 1959 г. в нижнем мустьерском слое пещеры Кударо III обнаружен череп крупного пещерного медведя, стоявший у стен пещеры, лицевой частью к ее центру, и имевший, по определению Н. К. Верещагина, ритуальную пришлифовку клыков и какие-то надрезы в основании (*Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф.*, 1980б).

В ходе дальнейших исследований и наблюдений над расположением других костных материалов находки в Кударо I были взяты под известное сомнение. Череп же из Кударо III (хранится в ЗИИ АН СССР) заслуживает опубликования и освидетельствования более широким кругом специалистов. Кроме того, должно быть тщательно изучено пространственное и хронологическое взаимоотношение этого черепа с другими костными материалами и черепами медведей, оленя, козла, обнаруженных в пещере в 1974—1975, 1977—1979 гг.

В 1971 г. в верхнем ашельском слое Азыхской пещеры, по свидетельству М. М. Гусейнова, был найден «тайник» азыхантропа, в котором были намеренно, в определенном порядке собраны и зарыты черепа пещерного и бурого медведей, что, по мнению названного исследователя, является «символом, зачатком таинственных религиозных представлений» (*Гусейнов М. М.*, 1973б). В краткой предварительной публикации об этой находке сказано: черепа (взрослой особи, молодой и двух медвежат) найдены в вертикальной расселине размерами 1,5×0,8×1,0 м; на переднем плане лицевой частью ко входу располагался большой череп и три обломка верхних челюстей, на заднем — два перевернутых черепа; все три черепа обрублены почти одинаковым способом (лишены нижних и верхних челюстей); на одном из черепов имеются следы слабых царапин и надреза длиной 2,2 см, на другом — восемь косых надрезов (длиной 1,5—4,7 см, шириной 0,2—0,5 см, глубиной 0,3 см), являвшихся, видимо, следом трудовой практики азыхантропов в пилении костей зубчатыми орудиями (*Гусейнов М. М.*, 1973б). Приведенные данные вызывают ряд сомнений в правильности доказательств тому, что широкая расселина являлась тайниковым ритуальным хранилищем, что черепа были намеренно собраны, обрублены (к тому же одинаковым образом), помещены в определенном порядке и закопаны, что надрезы на них — искусственного происхождения. В нише на самом деле найдены не одинаково обрубленные черепа, а несколько разных фрагментов осевых черепов медведей (мозговых коробок и верхних челюстей). Полномерная оценка «тайника» предполагает публикацию разнообразной и доказательной документации (планы, разрезы и т. п.), выяснения соотношения костей в «тайнике» с другими (изобильными, кстати сказать) костными материалами пятого слоя и т. д.

В 1971—1972 гг. на самом высоком ярусе Цуцхватской пещерной системы раскапывалась небольшая

Верхняя пещера, имевшая, как полагают грузинские исследователи, культовое назначение: вход в пещеру был отчасти заложен небольшими глыбами сухой кладки; в отложениях ее, вдоль стен, были уложены в определенном порядке черепа и кости конечностей пещерных медведей; другие культурные остатки представлены здесь лишь небольшим количеством (14 экз.) каменных изделий (скребла, пластины, отщепы, выемчатые формы), приносившимися сюда только для совершения ритуальных обрядов, связанных с жертвоприношением (*Векуа А. К., Тушабрамишвили Д. М.*, 1978). Весьма ответственные выводы о культовом назначении Верхней пещеры требуют такой же строгой и полной документации, а также демонстрации находок и вновь вскрываемых участков более широкому кругу специалистов.

При всей критичности подхода к материалам о существовании культа медведя в мустье Кавказа в них, по всей видимости, имеется определенная доля вероятности, которая со временем, возможно, проявится более отчетливо и утвердится в науке. Научную ценность истинных сведений переоценить будет трудно: они прольют свет на формирование сознания и мировоззрения древнейших обитателей Кавказа.

Рассмотрение вопросов социально-экономической организации ашельского и мустьерского общества, судя по имеющимся материалам, должно, как представляется, исходить из принципа этносоциальной значимости каменного инвентаря: облик каменных орудий в каждом человеческом коллективе определялся в первую очередь опытом многих поколений, местными традициями, представлением о том, что эффективность орудий, их «способности», т. е., следовательно, и благополучие человека неразрывно связаны прежде всего с формой этих орудий. Комплексы орудий являются поэтому этноспецифичными, аккумулировавшими в себе важную этносоциальную информацию, свидетельством того, что носители каждой из культур образуют определенное этническое единство (*Любин В. П.*, 1977а).

Применение этого принципа позволило выделить в нижнем палеолите Кавказа (в настоящее время в основном в мустье) узколокальные группировки однокультурных памятников типа археологических культур. Каждая из таких группировок — явление территориальное, хронологическое и генетическое, т. е. относится к одному времени, сосредоточено на одной небольшой территории, отличается хорошо выраженными местными особенностями и преемственностью в развитии каменных индустрий. В составе каждой такой группировки имеются памятники различного типа (долговременные базовые стойбища, охотничьи лагеря). Разнотипные памятники, по всей видимости, являются фиксатором различных проявлений социально-экономической жизни палеолитических людей, свидетельством их многообразных занятий на этих стойбищах и вне этих стойбищ, показателем целенаправленной социальной деятельности отдельных частей человеческого коллектива (охотничьи экспедиции, собирание растительной пищи, походы за сырьем) в интересах всего коллектива.

В узколокальных группировках родственных индустрий проступают контуры таких общественных явлений, как форма объединения труда (каждая группировка — коллектив, прочно спаянный постоянным совместным трудом на основе общей собственности на охотничье-собирательские территории и средства труда) и форма его социальной регламентации (половозрастное или естественное разделение труда, ведущее — на примере охотничьих лагерей и мастерских — к ранней форме групповой специализации).

* * *

Истоки раннего человечества на Кавказе в настоящее время не совсем ясны. В 1939 г. в местности Удабно в Кахетии были найдены остатки антропоида конца третичного периода, могущего быть по своим морфологическим признакам предком человека (см. ч. II, гл. 1). В связи с этим было высказано предположение, что Кавказ может быть включен в пределы прародины человечества (*Дебец Г. Ф.*, 1952). Теоретически это допустимо, но вопрос остается открытым по многим причинам. Разноречивы, например, данные о геологическом возрасте (верхний миоцен? поздний плиоцен?) и систематическом положении удабнопитека. Большинство ученых, правда, полагают, что он был близок к дриопитекам и рамапитекам (*Бурчак-Абрамович Н. И.*, и *Габашвили Е. Г.*, 1947; *Габашвили Е. Г.*, 1975). Гипотеза об отнесении удабнопитека к числу прямых предков челобека и включении Кавказа в зону превращения обезьяны в человека нуждается поэтому в подкреплении ее находками на Кавказе остатков более близких предшественников и предков людей (австралопитековых), а также архантропов ранних форм. Необходимость в таких обоснованиях и материалах сохранится и в том случае, если в науке утвердится мнение о бесспорности галечных орудий, найденных в эоплейстоценовых, как предполагается, VII—X слоях Азыхской пещеры.

Вопрос об истоках раннего человечества на Кавказе и времени заселения этой области людьми далек, таким образом, от своего разрешения. Неясны: автохтонность или аллохтонность этого явления, исконное обитание человека на Кавказе или приход его из более южных областей; время первичного заселения; возможности повторных миграций; истоки ашельских индустрий Кавказа. Современное состояние наших связей свидетельствует, тем не менее, о несомненности глубинных связей древнейших культур Закавказья и Переднеазиатских нагорий. В южной половине Кавказского перешейка, в отличие от северной, обнаружены обильные нижнепалеолитические материалы. Близкие ашельские и мустьерские находки встречены по обе стороны пограничного Аракса: типологически сходные ашельские орудия из лавовых пород найдены как близ Еревана и в Джавахетии, так и близ Карса в Турции (*Kökten K.*, 1943) и на территории Иранского Азербайджана (*Sadek-Kooros*)[9]. Мустьерская индустрия Тагларской пещерной стоянки в Азербайджане имеет весьма близкие параллели в индустриях Иранского Курдистана и Луристана и Иракского Курдистана (в индустриях, в частности, выделяемых под названием хорремабадского мустье; *Hole F., Flannery K. V.*, 1968).

Взаимосвязь древних индустрий Кавказа и сопредельных северных территорий менее ясна, поскольку ашель с бифасами не прослеживается севернее пред-

[9] По данным ее доклада на конгрессе UISPP в Ницце в сентябре 1976 г.

горий Большого Кавказа. Правда, единичные бифасы позднеашельского облика встречены, как отмечалось, в Приазовье и в Южном Донбассе.

На исходе ашеля (?) и в мустье связи Кавказа с южнорусской равнинной более вероятны. Нахождение в ряде мустьерских комплексов Северного Кавказа двусторонних орудий (на Ильской стоянке, на Лысой Горе, в Баракаевской пещере и др.) допустимо объяснять связями с мустье Крыма и Русской равнины, в котором эти орудия многочисленны.

В Закавказье двусторонние и частично двусторонние мустьерские формы встречаются заметно реже. Немногочисленные образцы их известны, например, в Кударо I и III, в Цоне и в Ахштырской пещере. Столь же немногочисленные двусторонние мустьерские формы в мустье Передней Азии (см. например: *Rust A.*, 1950, *taf.* 53, 68; *Suzuki H., Takai F.*, 1974; *Коробков И. И.*, 1978).

Среди двусторонних мустьерских орудий Кавказа особенно интересны единичные очень удлиненные формы[10] (наконечники копий? (рис. 27, 36), напоминающие в известной мере африканские длинные копьеобразные остроконечники с двусторонней ретушью в культурах Санго-Нижнего лупембе Экваториальной Африки (*Кларк Д. Д.*, 1977). Некоторые параллели этим кавказским орудиям можно найти и в мустье Русской равнины (Хотылево, Житомирская, Антоновка I и II, Сталинградская; *Заверняев Ф. М.*, 1978, табл. XXVIII—XXIX; *Месяц В. А.*, 1962, рис. 1, *5, 7; Гладилин В. Н.*, 1976, табл. XXI, XLVI; *Замятнин С. Н.*, 1961, рис. 12—13). Рассматриваемые кавказские наконечники все же имеют настолько вытянутые пропорции и своеобразные очертания, что их можно, как это сейчас представляется, назвать местными, эндогенными кавказскими формами.

Одним из слабо разработанных вопросов нижнего палеолита Кавказа является вопрос о его хронологии. Датировка находок, встреченных во вторичном залегании, производится путем изучения их геолого-геоморфологических позиций и типологического анализа. Датировка эта, разумеется, весьма приблизительна. Более надежна датировка стратифицированных мустьерских культурных слоев пещерных стоянок, опирающаяся на немногочисленные радиоуглеродные даты и данные естественнонаучных дисциплин. В то же время хронология ашельских пещерных стоянок Кавказа пока не упорядочена: радиологический возраст их не установлен, критерии естественнонаучных дисциплин слабо разработаны для кавказского региона и недостаточны. Гюнц-миндельская дата VI слоя Азыхской пещеры, опирающаяся в значительной мере на обнаружение в этом слое остатков животных тираспольского фаунистического комплекса, нуждается, как отмечалось, в серьезном подтверждении. Зоо-географические особенности кавказского региона обуславливали, кстати сказать, низкие темпы эволюции здесь некоторых четвертичных млекопитающих (пещерные медведи, например, дожили на Кавказе до голоцена и сохранили черты архаичности, сближающие их с предковой формой Ursus deningeri Reich; *Барышников Г. Ф., Дедкова И. И.*, 1978).

Ашельскую культуру на Кавказе характеризуют в основном индустрии с бифасами. Индустрии с бифасами прослеживаются на Кавказе на всем протяжении ашеля и являются здесь господствующими. Ашельские индустрии с бифасами — безусловно старожилы кавказского региона и в некоторых случаях (своеобразные бифасы Сатани-дара) могут быть его эндемиками (узколокальными явлениями).

Широкая распространенность и многочисленность ашельских индустрий позволяет, как это кажется, сегодня наметить их некоторую территориальную дифференциацию. Рассмотрение этого вопроса должно, конечно, производиться с большой осторожностью, ибо в одних случаях нет уверенности в чистоте индустрий (индустрии, встреченные на поверхности, во вторичном залегании, могут содержать примесь более поздних изделий), в других — в их полноте (индустрии, представленные фациями мастерских или охотничьих лагерей, имеют весьма однобокий специализированный состав инвентаря).

Различия ашельских индустрий проявляются следующим образом. В ашеле Кавказа представлены индустрии со значительным количеством бифасов, с малым их количеством и без бифасов. Индустрии с большим количеством бифасов базируются главным образом на лавовом сырье и сосредоточены в южном и центральном Закавказье (Армения, Джавахетия, Юго-Осетия). Индустрии, бедные бифасами, расположены в основном на западе и северо-западе (Имеретия, Абхазия, Прикубанье). Индустрии, лишенные бифасов (клектонские и др.), встречены в Кахетии, Западном Азербайджане и в Абхазии и в целом тяготеют к районам, бедным бифасами.

В индустриях, обильных бифасами, представлена главным образом леваллуазская техника расщепления камня; в индустриях, бедных бифасами, техника расщепления разнообразится: в некоторых комплексах Абхазии, Кахетии и других районов и в протошарантских комплексах Кударо I и Азыха она клектонская, в ряде ашельских комплексов Прикубанья, Абхазии, Имеретии — леваллуазская. Определенные различия, по всей видимости, будут прослежены и в составе и в особенностях других орудий в инвентаре ашельских индустрий.

Отмеченные различия можно объяснить разным происхождением ашельских индустрий, несходством используемого сырья, разными производственными традициями. Последние имеют, как кажется, решающее значение при сложении узколокальных образований типа группировок территориально обособленных идентичных индустрий. Такова, возможно, кударская группировка сходных ашельских индустрий, состоящая из базовой стоянки (Кударо I) и охотничьего лагеря (Цона).

Ашельские индустрии Кавказа в целом рано утрачивают бифасиальные формы и эволюционируют не в направление мустье с ашельской традицией, а в направлении мустье типичного, мустье зубчатого и в отдельных случаях (Цона) — мустье шарантского облика. Верхний ашель фации леваллуа, имевший наиболее широкое распространение на Кавказе, трансформируется здесь, судя по всему, в основном в мустье типичное. Последнее также базируется чаще

[10] Они найдены в хорошо стратифицированных мустьерских слоях пещер Цонской и Ахштырской (фрагмент) и на мустьерском местонахождении Лысая Гора в Северной Осетии (*Каландадзе А. Н., Тушабрамишвили Д. М.*, 1978; *Замятнин С. Н.*, 1961; *Любин В. П.*, 1969б).

всего на леваллуазской технике расщепления (нуклеусы типа levallois a u points u levallois a lames, нередко двух-трехплощадочные).

Ранняя утрата бифасиальных форм и наличие развитого инвентаря на отщепах сообщают некоторым индустриям «премустьерский» характер, возможно, уже в рисс-вюрме (Ахабиюк и Хейвани в Абхазии и др.).

Мустье Кавказа, судя по современным данным, разнообразится как в технико-типологическом, так и территориальном отношениях. В нем, помимо названных трех линий развития, отмечены территориально обособленные группировки однокультурных памятников (археологические культуры?) — кударская, цхинвальская и др. Широко варьирует и леваллуазская техника расщепления камня: в индустриях Гаялы, Джрабера, Цхинвали, Кударо и в ряде других памятников она имеет свои местные особенности. Мустьерские индустрии, расположенные в климатически наиболее стабильной центральной Колхиде (Имеретия), относятся в общем к одной (типично мустьерской) линии развития, в то время как индустрии более восточной части Закавказской депрессии (Западный Азербайджан), отличавшейся преобладанием открытых пространств, облегчавших передвижения, характеризуются заметной вариабельностью: здесь отмечены индустрии типично мустьерской, зубчато-мустьерской и шарантской линий развития.

Наиболее широкое расселение раннепалеолитических людей на Кавказе было возможно в теплые климатические периоды. Условия межледниковий благоприятствовали пребыванию и передвижению людей в полосе переднеазиатских нагорий (*Butzer K.*, 1975), распространению их в северном направлении, проникновению в глубину гор Большого Кавказа (ашельские пещерные стоянки Юго-Осетии).

В эпохи оледенений условия жизни на Кавказе сильно менялись: граница вечных снегов резко снижалась, происходили большие изменения в расселении растительных и животных видов, палеолитические люди покидали горные районы и укрывались в основном в естественных убежищах предгорий и межгорных котловин, в глубоких каньонах карстовых и лавовых районов, ведя в них, по всей видимости, более оседлый образ жизни. Горно-ледниковый барьер Кавказа в этот период становился непреодолимым и была возможна определенная изоляция Северного Кавказа от Закавказья. В верхнем палеолите — в наиболее суровый период вюрмского оледенения — зона человеческого обитания на Кавказе предельно сужается: человек оставляет горные районы и, как это представляется сегодня, районы к востоку от Сурама. Верхнепалеолитическое население концентрируется в основном в Колхиде, в Причерноморье и в Прикубанье.

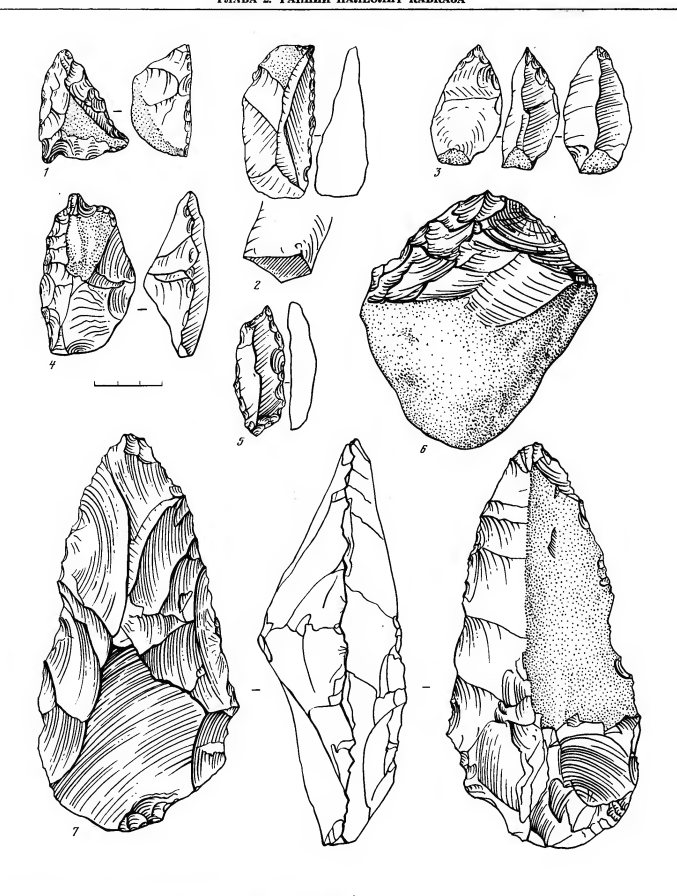

Рис. 14. Азыхская пещера. Ранний ашель (слой VI). Образцы каменных орудий. По М. М. Гусейнову

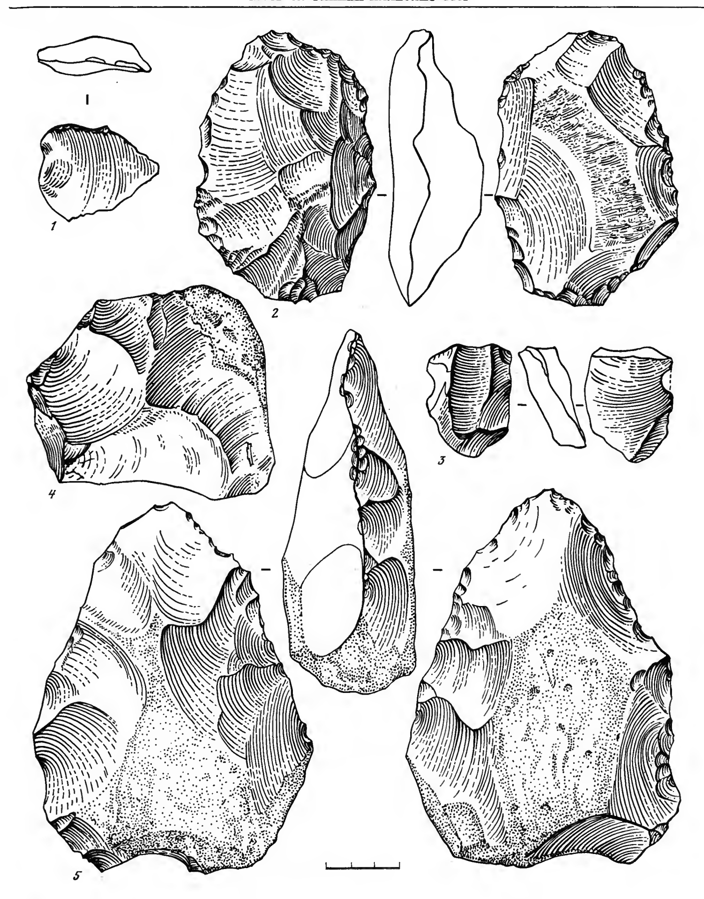

Рис. 15. Ашельское местонахождение Игнатенков куток (Прикубанье). Образцы каменных орудий. По С. Н. Замятнину

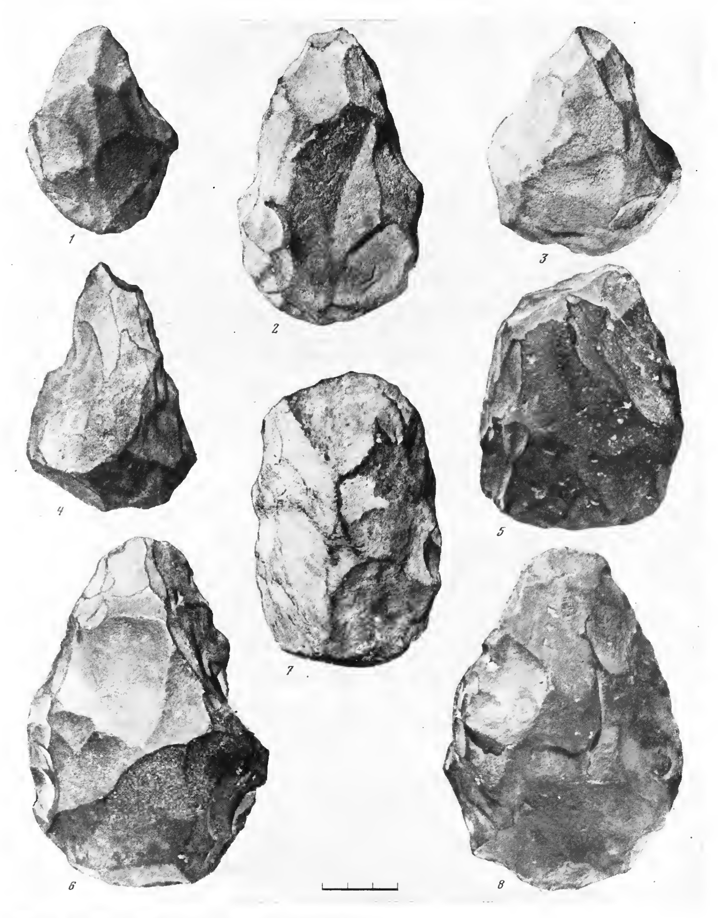

Рис. 16. Ашельское местонахождение Сатани-дар (Армения).
Бифасы. По М. З. Паничкиной

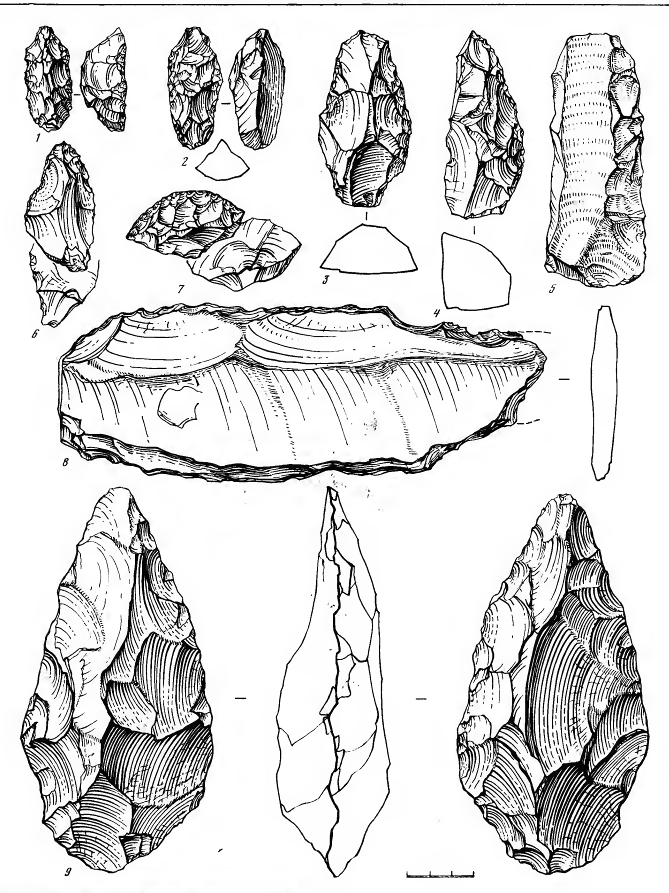

Рис. 17. Пещера Кударо I. Образцы ашельских орудий

1 — протолимас; *2* — орудия типа кинсон; *3—7* — скребла; *8* — ручной топор-тесак типа цалди; *9* — копьевидный бифас. По В. П. Любину

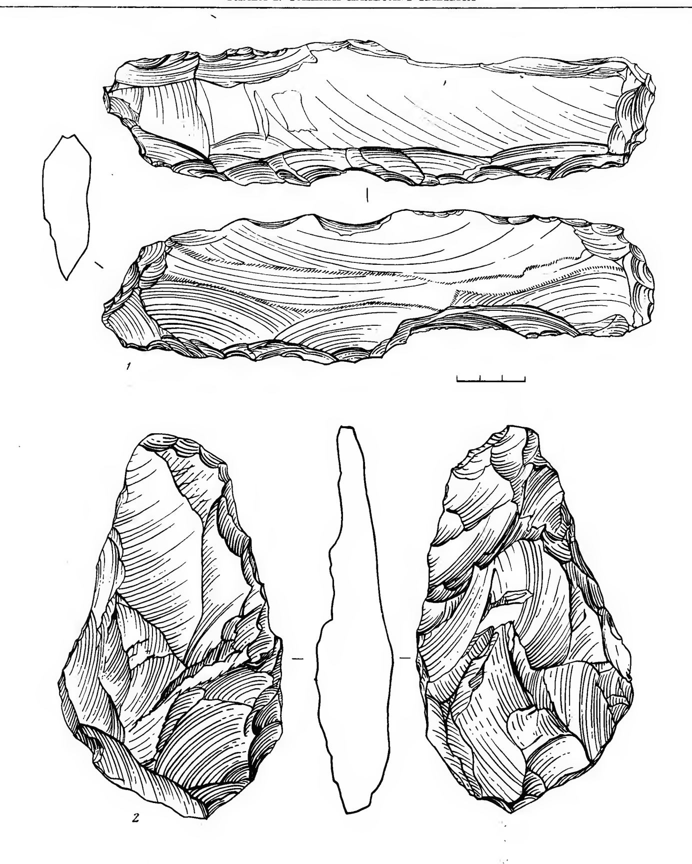

Рис. 18. Цонская пещера. Образцы каменных орудий из ашельских слоев

1 — цалди; *2* — бифас. По А. Н. Каландадзе

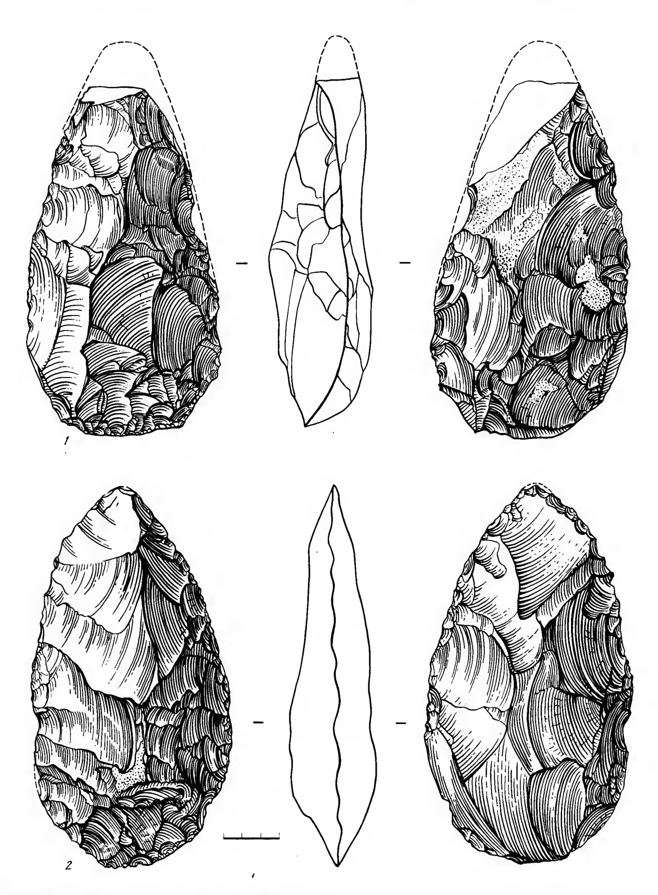

Рис. 19. Ашельское местонахождение Джрабер (Армения). Образцы бифасов. По В. П. Любину

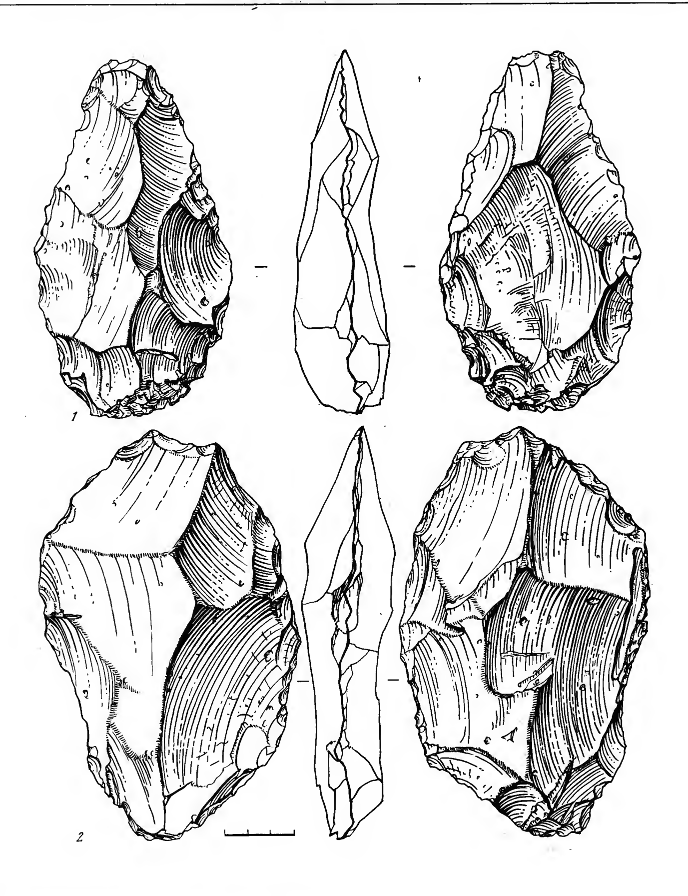

Рис. 20. Ашельские местонахождения Юго-Осетии. Образцы бифасов (по В. П. Любину) из Гористави (*1*) и Лаше-Балта (*2*)

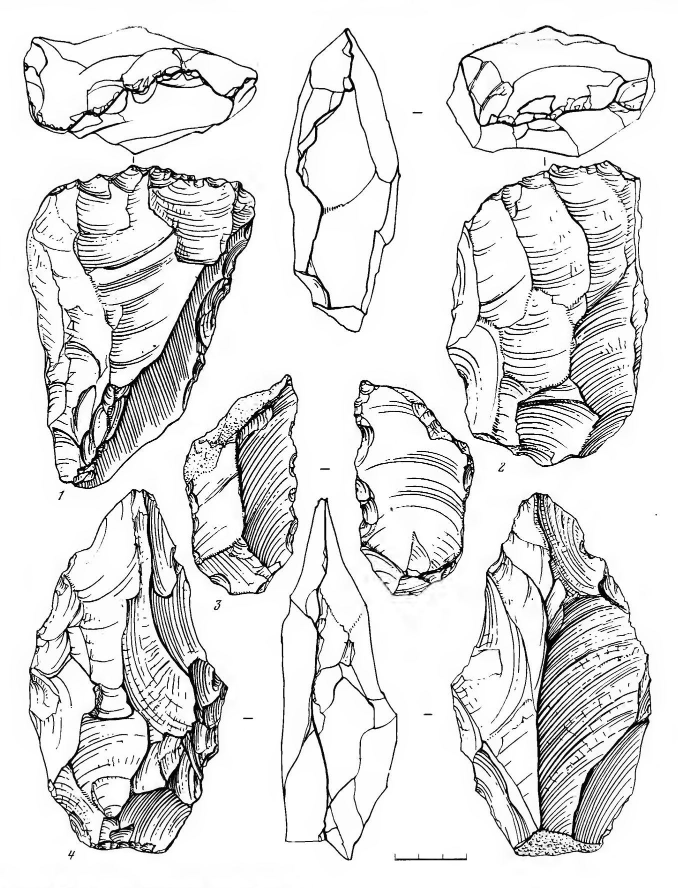

Рис. 21. Ашельское местонахождение Юкары-Салахлы (Западный Азербайджан). Образцы каменных изделий

1, *2* — нуклеусы; *3* — отщеп; *4* — бифас (по В. П. Любину)

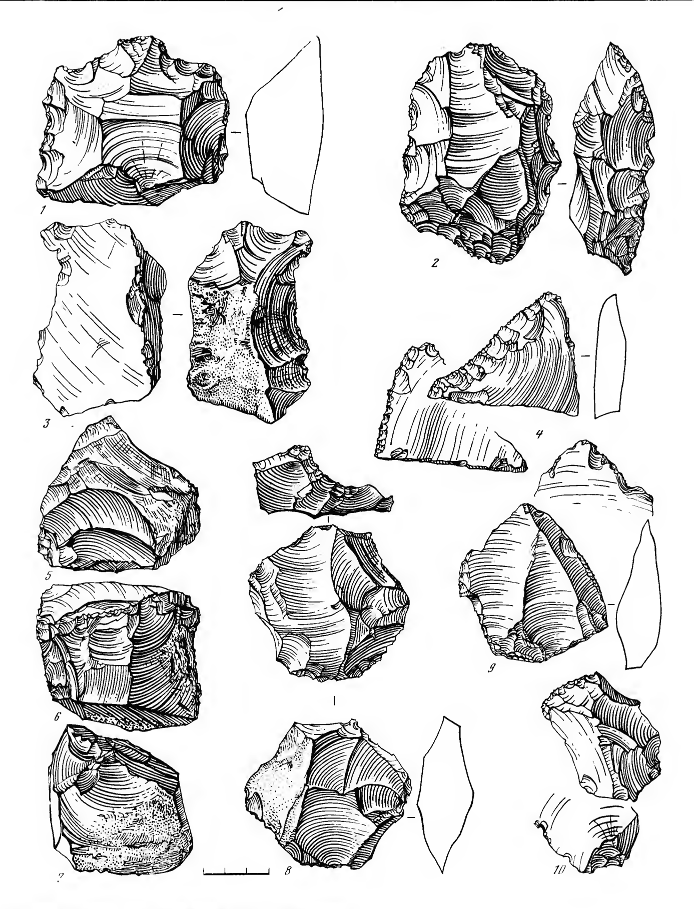

Рис. 22. Ашельское местонахождение Яштух (Абхазия). Образцы каменных изделий. По И. И. Коробкову

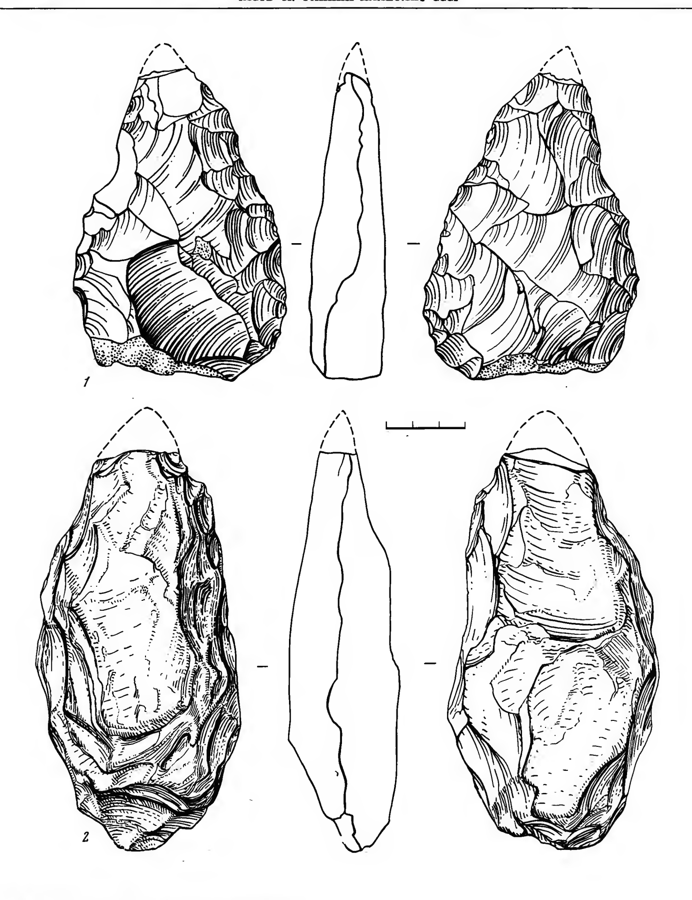

Рис. 23. Ашельское местонахождение Абадзехская (Прикубанье). Бифасы. По П. У. Аутлеву

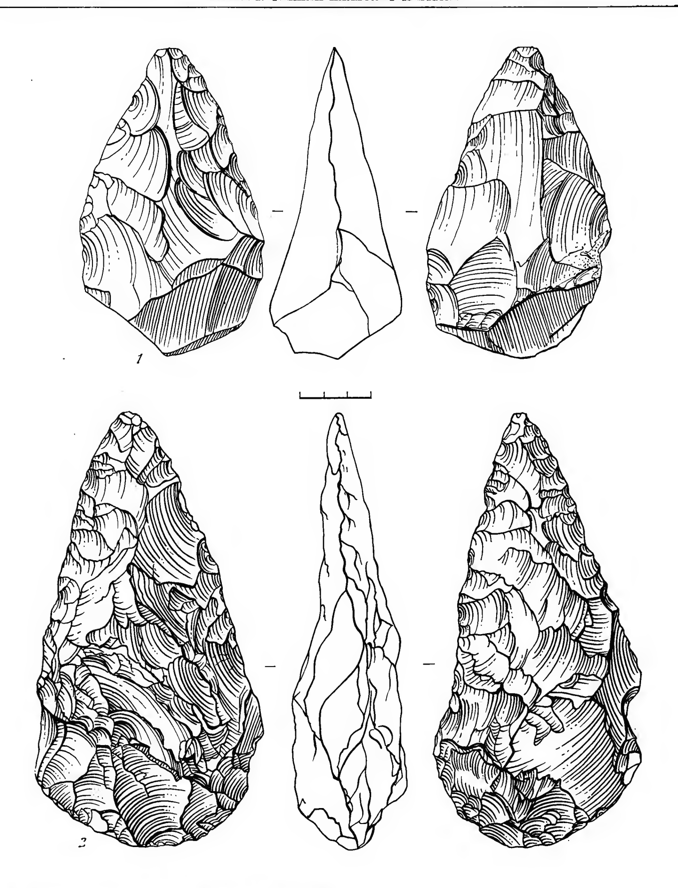

Рис. 24. Ашельские местонахождения Хейвани (Абхазия) и Джикоети (Имеретия). Бифасы. По Н. И. Гумилевскому и Д. М. Тушабрамишвили

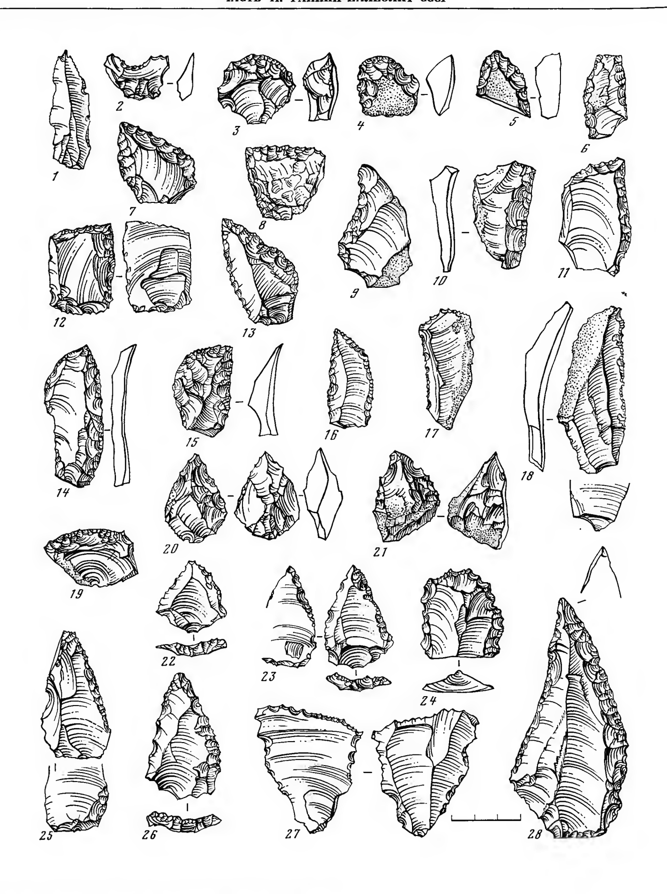

Рис. 25. Губская мустьерская культура (Прикубанье). Образцы каменных орудий. По П. У. Аутлеву и В. П. Любину

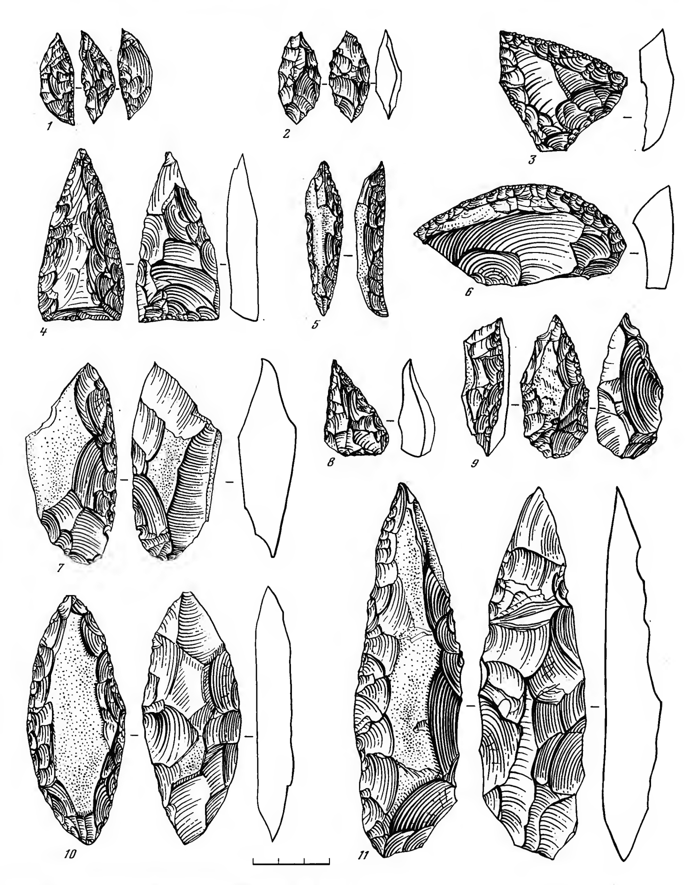

Рис. 26. Ильская мустьерская стоянка (Прикубанье). Образцы каменных орудий. По С. Н. Замятнину

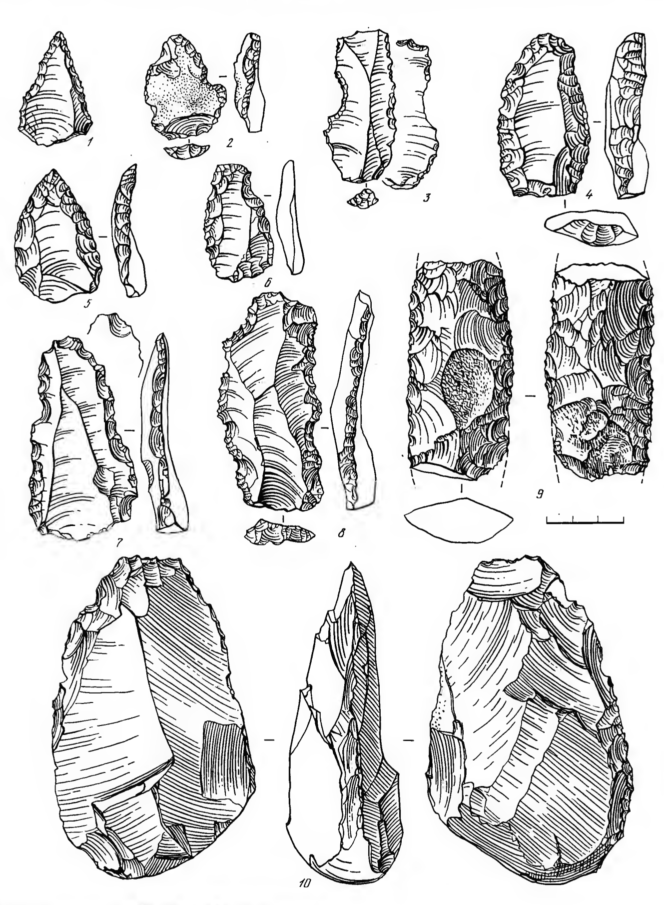

Рис. 27. Ахштырская пещера (Причерноморье). Образцы каменных орудий. По С. Н. Замятнину и Е. А. Векиловой

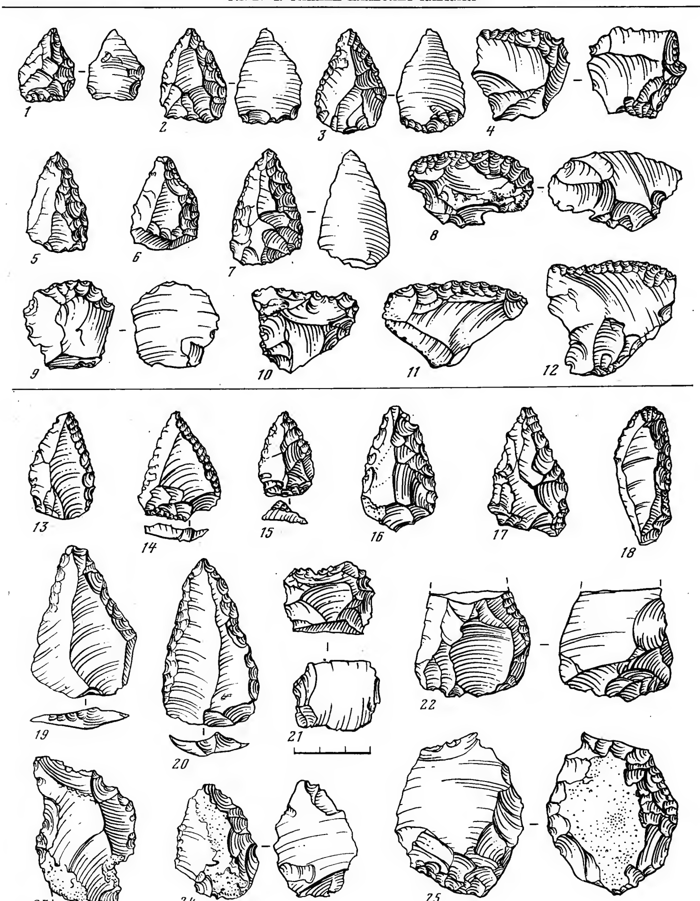

Рис. 28. Бронзовая пещера (Имеретия). Образцы каменных срудий. По Д. М. Тушабрамишвили

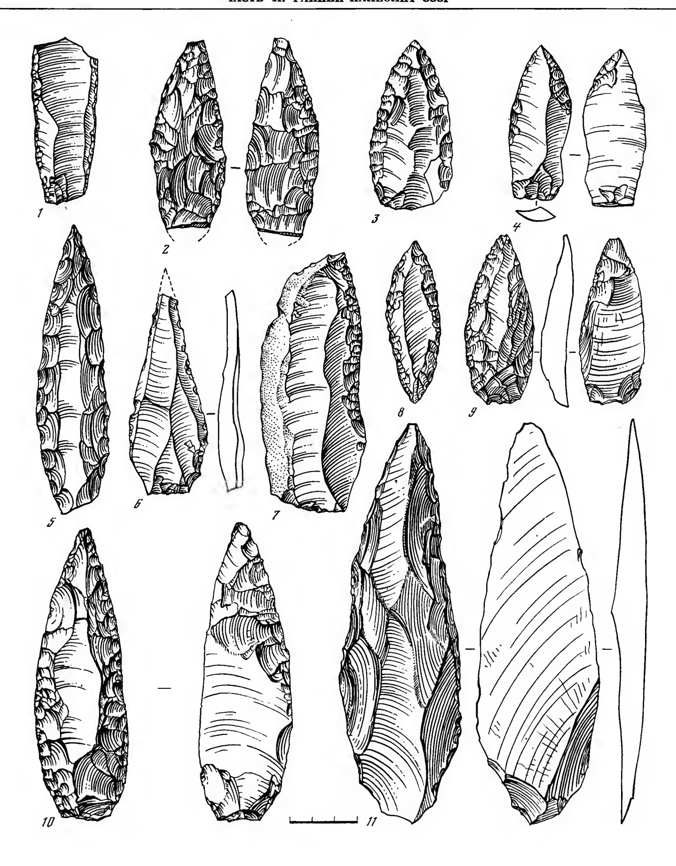

Рис. 29. Джуручульско-кударская мустьерская культура. Образцы каменных орудий (по Д. М. Тушабрамишвили, А. Н. Каландадзе и В. П. Любину) из пещер Джуручулы (*1, 3, 4, 7, 8*), Цоны (*2, 5*), Кударо I (*6, 11*) и Кударо III (*9, 10*)

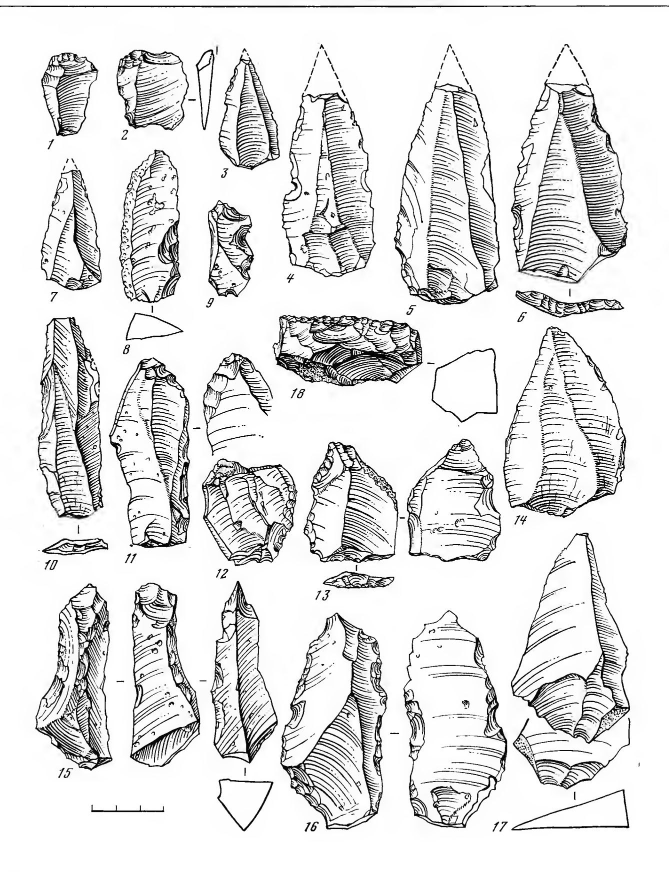

Рис. 30. Цханвальская мустьерская культура (Юго-Осетия). Образцы каменных орудий. По В. П. Любину

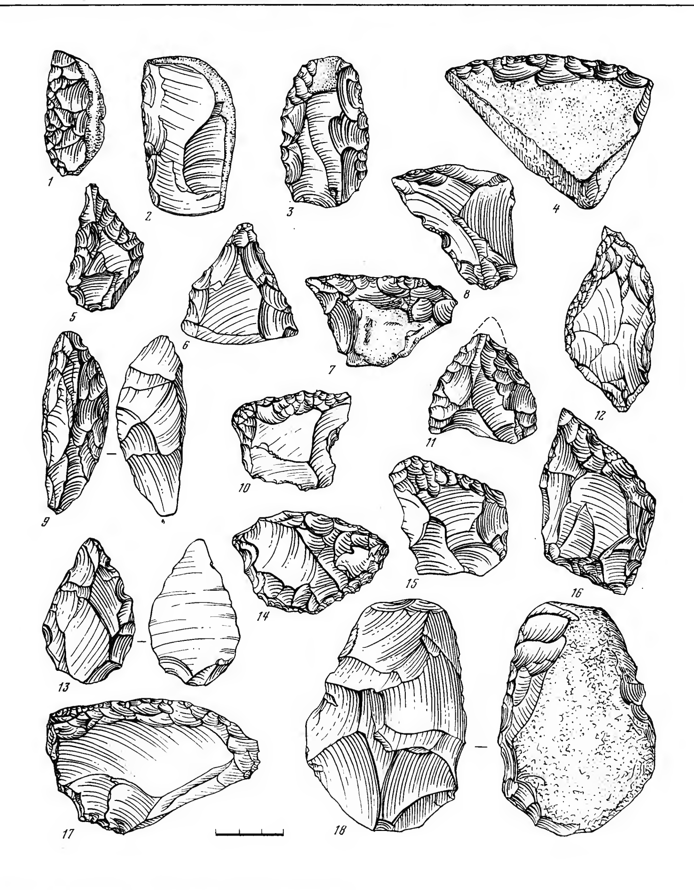

Рис. 31. Мустьерская стоянка Цопи (Восточная Грузия). Образцы каменных орудий. По Г. К. Григолия

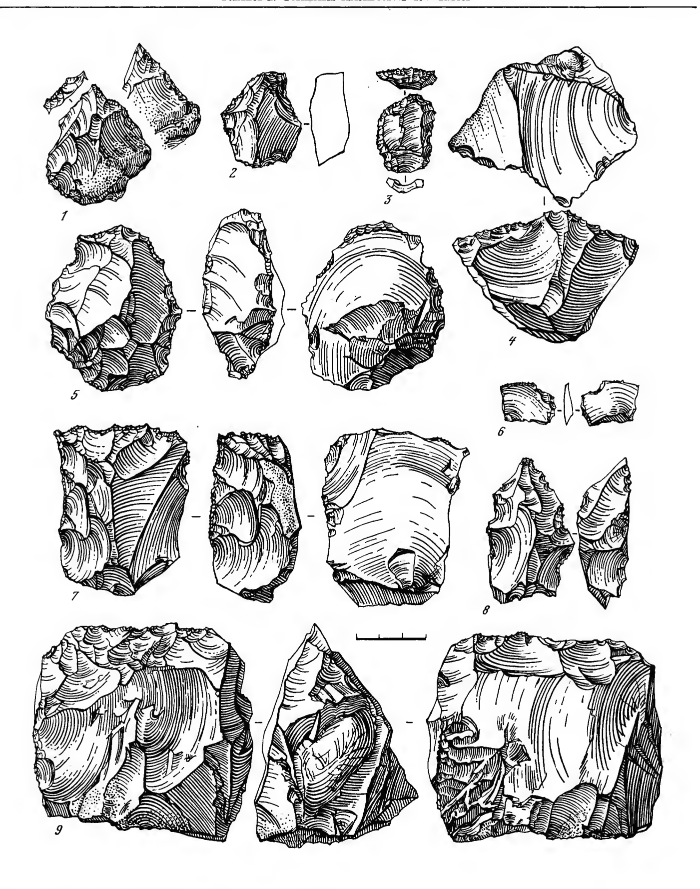

Рис. 32. Гора Яштух, пункт 3 (Абхазия). Образцы каменных орудий. По И. И. Коробкову

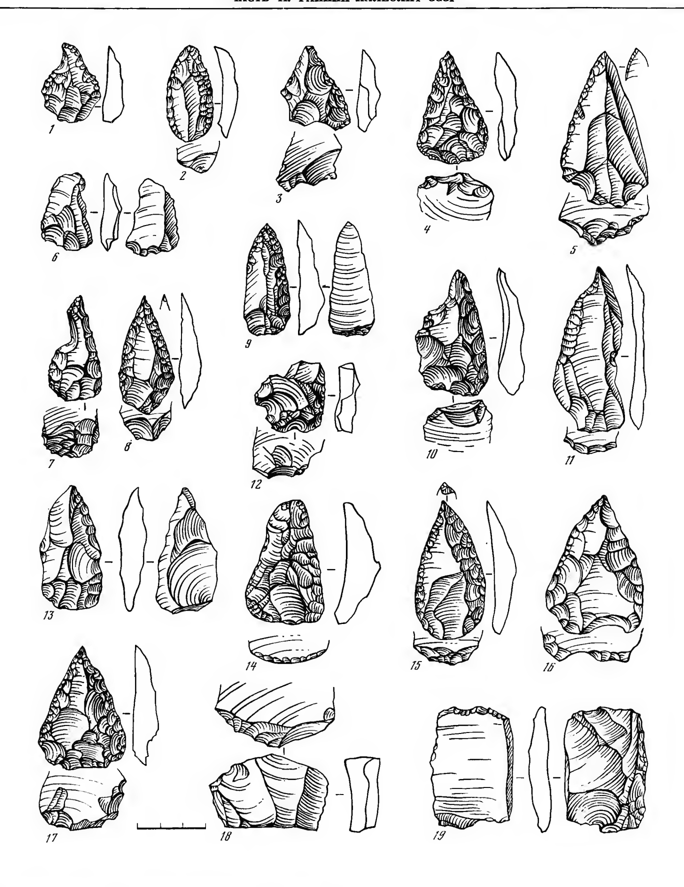

Рис. 33. Ереванская пещера (Армения). Образцы каменных орудий. По Б. Г. Ерицяну.

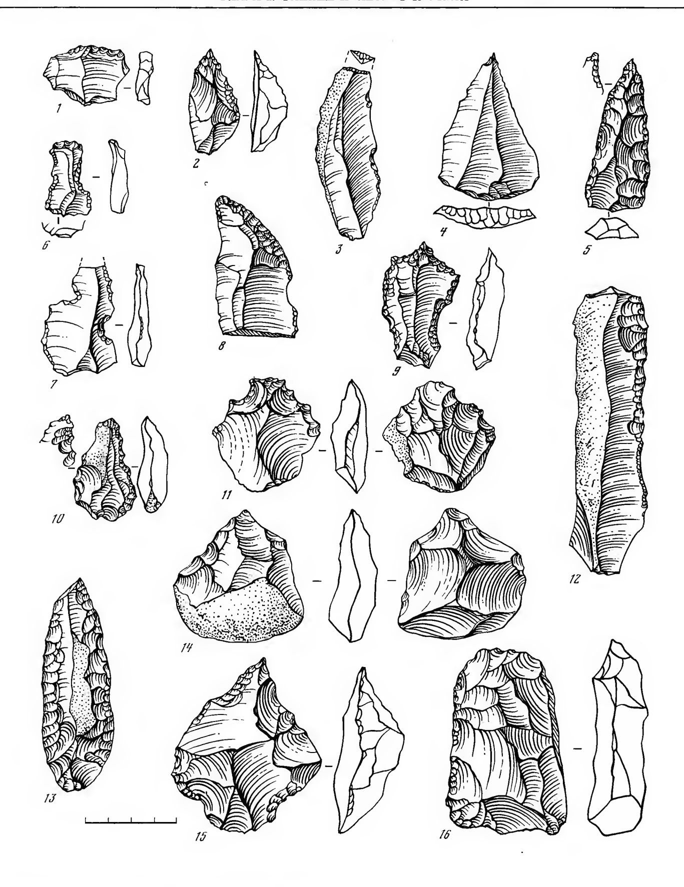

Рис. 34. Пещеры Лусакерт *I*, *II* (Армения). Образцы каменных орудий. По Б. Г. Ерицяну

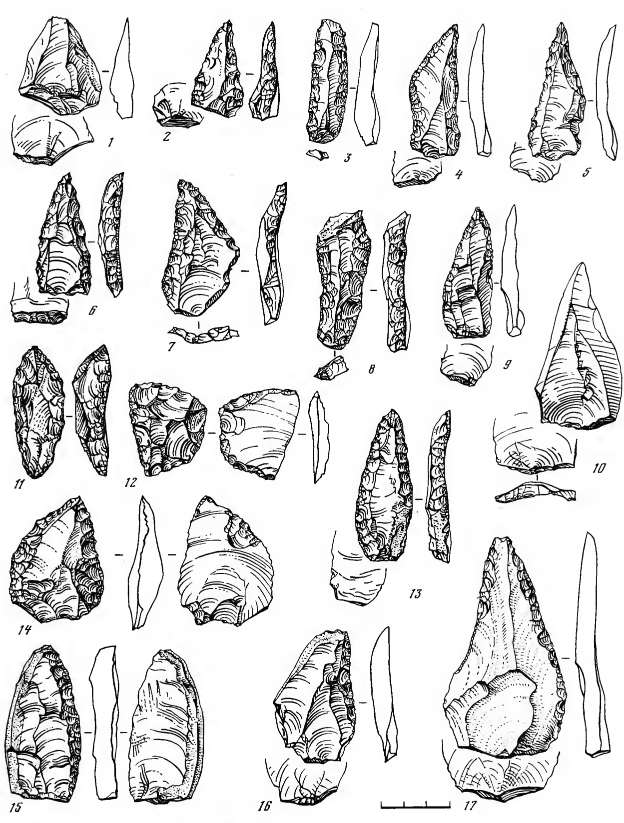

Рис. 35. Тагларская пещера (Азербайджан). Образцы каменных орудий. По А. К. Джафарову

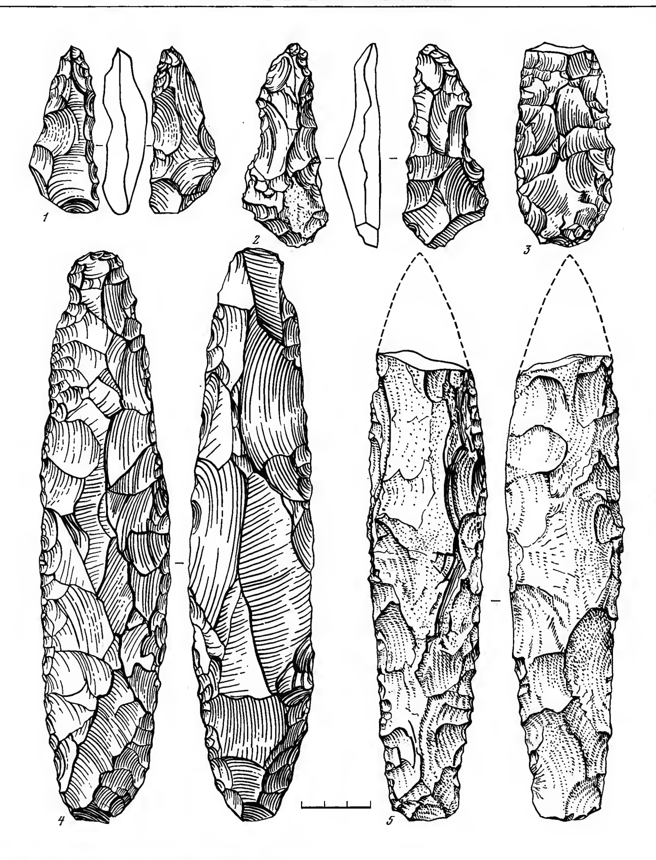

Рис. 36. Своеобразные бифасиальные формы орудий. По Н. И. Гумилевскому, П. У. Аутлеву, Д. М. Тушабрамишвили, В. П. Любину

1 — Хейвани (Абхазия); *2, 3* — Абадзехская (Прикубанье); *4* — пещера Цона (Юго-Осетия); *5* — Лысая гора (Северная Осетия)

Глава третья
Ранний палеолит Русской равнины и Крыма

Следы раннепалеолитического человека на территории Восточной Европы были выявлены почти одновременно с открытием позднего палеолита. При обследовании крымских пещер К. С. Мережковский в 1879—1880 гг. нашел типичные мустьерские каменные орудия в Волчьем гроте в долине р. Бештерек недалеко от г. Симферополя (*Мережковский К. С.*, 1881; *Merejkowsky*, 1884). Эти находки были сразу правильно им оценены и получили широкую известность (*Мортилье Г.*, 1903).

Несколько позже, в 1898 г., Ж. де Бай открыл мустьерскую стоянку на Кубани близ станицы Ильской.

Однако только после Октябрьской революции, начиная с 1924 г., раннепалеолитические памятники Восточной Европы становятся предметом более внимательного изучения. В 1924 г. Г. А. Бонч-Осмоловский организует систематические раскопки грота Киик-Коба в долине р. Зуи в предгорьях Крыма. Осенью того же 1924 г. П. П. Ефименко (1927, 1953) устанавливает следы мустьерской эпохи в долине р. Деркул уже в пределах Восточно-Европейской, или Русской, равнины. Открытие П. П. Ефименко имело огромное значение, поскольку указывало на заселение более северных, чем Крым и Кавказ, территорий во время предшествующее позднему палеолиту.

Единичные находки каменных изделий в Приазовье, Донбассе, на Днестре, Днепре и Десне в последующие годы подтвердили вывод П. П. Ефименко о заселенности Восточно-Европейской равнины в эпоху раннего палеолита. Особенно важны открытия раннего палеолита в бассейне р. Десны, сделанные в 1939 г. В. И. Громовым и В. А. Хохловкиной во время работ Деснинской экспедиции под руководством М. В. Воеводского. Здесь в двух пунктах — у деревни Неготино Брянской обл. и в урочище Язви близ с. Пушкари Черниговской обл., каменные изделия мустьерского облика были встречены в четких стратиграфических условиях (*Громов В. И.*, 1948, с. 384; *Воеводский М. В.*, 1950, с. 217—230; 1952, с. 26—37). Однако регулярные работы по изучению этой эпохи в 20—30-е годы проводились только Г. А. Бонч-Осмоловским в Крыму и С. Н. Замятниным на Кавказе. На Русской равнине систематическое изучение раннего палеолита началось лишь в конце 40-х годов. Огромную роль в этом сыграли открытия П. И. Борисковского у Луки-Врублевецкой на Днестре и в Приазовье (*Борисковский П. И.*, 1953), Г. П. Сергеева в Поднестровье и Г. И. Горецкого на Северном Донце. Начало 50-х годов ознаменовалось открытием ряда мустьерских поселений с хорошо сохранившимися культурными остатками, залегающими в четких стратиграфических условиях, на Днестре (работы А. П. Черныша) и на Волге (работы С. Н. Замятнина и М. З. Паничкиной). Одновременно А. А. Формозов продолжил успешные исследования крымских пещерных памятников. В 50—60-е годы новые раннепалеолитические памятники открыты и исследованы в Молдавии (Н. А. Кетрару), на Днестре (А. П. Черныш, Н. К. Анисюткин), на Десне (Ф. М. Заверняев), в Донбассе (В. Н. Гладилин, Д. С. Цвейбель), в Приазовье, на Нижнем Дону и на Волге (Н. Д. Праслов). В последние годы открыты и исследуются новые мустьерские поселения в Крыму близ г. Белогорска (Ю. Г. Колосов), на Десне (Л. М. Тарасов) и в Закарпатье (В. Н. Гладилин).

В настоящее время на территории Русской равнины, Крыма и в Закарпатье известно более 200 раннепалеолитических памятников (рис. 37). Они неравноценны по объему собранных материалов и по условиям залегания. Некоторые из них представлены хорошо сохранившимися остатками поселений, залегающими в четких геологических условиях. Другие местонахождения доставили огромные коллекции каменных изделий, которые позволяют изучать технику первичного расщепления и изготовления орудий. Значительная часть местонахождений представлена небольшими сборами на поверхности или случайными находками.

Полевые работы приносят все новые и новые открытия, увеличивая количество и разнообразие памятников. Даже в таком, казалось бы, хорошо изученном районе, как Крым, новые находки близ г. Белогорск увеличили более чем в два раза количество известных мустьерских стоянок. Причем мустьерские памятники Крыма не исчерпываются пещерными поселениями. Большое количество их располагалось и на открытых террасах. На это указывают новые находки А. А. Щепинским ряда местонахождений на поверхности обширных межгрядных понижений в междуречье Бодрака и Альмы.

Накопленные материалы, хотя и неравнозначные по своему содержанию, позволяют сделать некоторые выводы о времени и путях заселения Восточно-Европейской равнины, включая и Крым, а также попытаться проследить характер развития материальной культуры раннепалеолитического человека.

Совсем еще недавно острые дискуссии вызывал вопрос о существовании памятников домустьерского времени на территории Русской равнины. Было немало исследователей, которые полагали, что первобытные люди здесь появились только в мустьерское время, не древнее микулинского оледенения. Подобная точка зрения получила развитие и за рубежом (*Klein*, 1969). Однако уже с конца 40-х годов было доказано существование на Русской равнине памятников ашельского времени (*Замятнин С. Н.*, 1951; *Борисковский П. И.*, 1953). Новые открытия следов домустьерского человека убедительно подтвердили вывод об ашельском времени освоения данной территории (*Праслов Н. Д.*, 1968; *Гладилин В. Н.*, 1971).

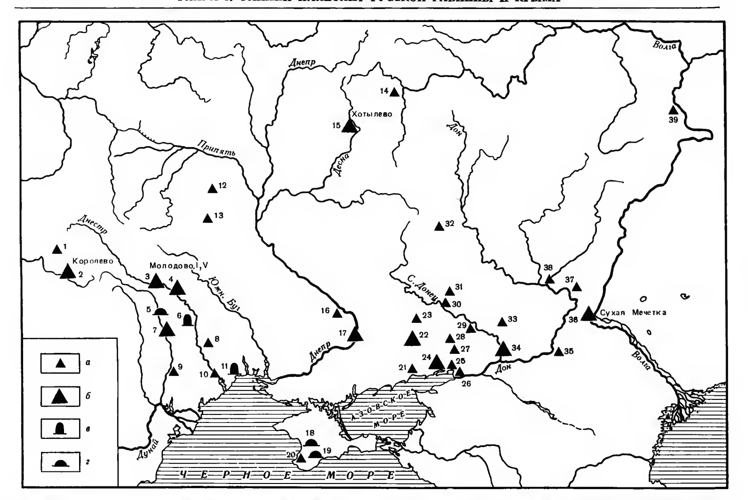

Рис. 37. Основные местонахождения раннего палеолита Русской равнины

а — единичные местонахождения открытого типа; *б* — группы местонахождений открытого типа; *в* — единичные стоянки пещерного типа; г — группы стоянок пещерного типа. *1* — Оноковцы, Горяны, Радванская гора; *2* — Королево, Рокосово, Черна; *3* — Молодова V, Кормань IV; *4* — Кетросы, Стинка, Атаки IV, VII и др.; *5* — Старые Дуруиторы, Бутешты, Буздужаны; *6* — Выхватинцы; *7* — Старые Куконешты, Мерсына; *8* — Тирасполь (Колкотова балка), Карагаш; *9* — Василика. Скуляны, Герман-Думены; *10* — Белгород-Днестровский; *11* — Ильинка; *12* — Рихта; *13* — Житомирское; *14* — Золотариха; *15* — Хотылево I, Неготино, Бетово; *16* — Романково; *17* — Орел, Круглик, Ненасытец, Кодак; *18* — Чокурча; Волчий Грот; Киик-Коба; Шайтан-Коба; Староселье; Аджи-Коба; Бахчисарайская; *19* — Заскальные и Ак-Кайские стоянки, Пролом; *20* — Сары-Кая, Красная балка; *21* — Самсоново, Обрыв, Новоазовск; *22* — Антоновка I—II; Александровка, Петровка, Марьяновка; *23* — Макеевка, Белокузьминовка, Звановка; *24* — Рожок I—II, Носово 1, Герасимовка, Левинсадовка, Беглица, Боково; *25* — Бессергеновка; *26* — Елизаветовка; *27* — Матвеев Курган; *28* — Амвросиевка, Новоклиновка, Белояровка, Успенка; *29* — Каменск-Шахтинский; *30* — Красный Яр; *31* — Деркул; *32* — Дубовка; *33* — Калитвенка; *34* — Хрящи, Михайловское, Константиновка; *35* — Большая Козлова балка, Цыганский хутор; *36* — Сузая Мечетка I—II, Пичуга; *37* — Логовское; *38* — Шакино (устье Медведицы); *39* — Красная Глинка

Ашельская эпоха

Среди раннепалеолитических памятников Русской равнины можно выделить материалы около 15 местонахождений, которые являются более древними, чем мустьерские. Они расположены на южной окраине небольшими группками в Приазовье, Донбассе, па Днепре, в Приднестровье и Закарпатье и не поднимаются севернее 50 параллели с. ш.

Наиболее древние из них сопоставляются со временем тираспольского фаунистического комплекса. Изучение эолитоподобных кремней из карьеров с эоплейстоценовыми галечниками близ Матвеева Кургана, описанных В. И. Громовым (1948, с. 253), не позволяет связать их с деятельностью человека — это типичные псевдоизделия (*Борисковский П. И.*, 1953; *Замятнин С. Н.*, 1953; *Праслов Н. Д.*, 1962, 1968). Более достоверными являются местонахождения расщепленных и обработанных кремней у с. Лука-Врублевецкая на Днестре и у хут. Герасимовка на Миусском лимане в Приазовье.

Местонахождение Лука-Врублевецкая, расположенное в каньонообразной долине Днестра примерно в 20 км от г. Каменец-Подольский, открыто П. И. Борисковским и С. Н. Бибиковым в 1946 г. Оно изучалось П. И. Борисковским в течение двух сезонов (1946 и 1947 гг.) и отнесено им к шелльскому времени (*Борисковский П. И.*, 1948, 1949, 1953). Здесь на бечевнике среди галечника выделено более 50 кремней со следами искусственной обработки. Дополнительные сборы, проведенные А. П. Чернышем (1965), увеличили коллекцию.

Ряд архаичных признаков, наблюдавшихся на всех собранных здесь изделиях, позволил П. И. Борисковскому рассматривать эти находки как единый комплекс, сопоставимый с наиболее ранними комплексами Западной Европы, типа клектона I Брейля или ран-

него аббевиля. Точку зрения П. И. Борисковского поддержал П. П. Ефименко (1953). Несколько осторожнее к оценке возраста Луки-Врублевецкой подходил С. Н. Замятнин (1951), который отмечал, что собранные здесь изделия могут относиться к древнему ашелю и с меньшей вероятностью к шеллю (аббевилю). К позднему ашелю Луку-Врублевецкую относила М. З. Паничкина (1950).

Изучение коллекций из Луки-Врублевецкой, хранящихся в Киеве и во Львове, позволяет сделать вывод о том, что собранные здесь изделия не составляют единого комплекса (*Праслов Н. Д.*, 1969; *Черныш А. П.*, 1965). Несмотря на то что все они изготовлены из одной кремнистой породы, характер их сохранности различен. Преобладает группа сильно окатанных находок. Выделяется только 14 предметов лучшей сохранности без следов окатанности. На некоторых из них сохранились следы прикипевшей извести. Края и грани довольно острые. От более древнего комплекса эти находки отличаются и некоторыми техническими признаками.

Морфологический облик каменных изделий обоих комплексов позволяет считать их домустьерскими. Верхний предел возраста по типологии определяется отсутствием типичных мустьерских форм, нижний — наличием ручного рубила раннеашельского типа и серией устойчивых форм отщепов. Второй более поздний комплекс также относится к домустьерскому времени. Он может сопоставляться с такими памятниками, как Круглик на Днепре и Михайловский хутор на Северском Донце.

Изолированность находок в Луке-Врублевецкой и отсутствие аббевильских местонахождений в этом районе и на соседних территориях заставляет более осторожно подходить к оценке возраста данного местонахождения, тем более, что условия залегания материала исключают возможность его датировки геологическим методом (*Иванова И. К.*, 1977).

В более четких условиях собраны каменные изделия у с. Герасимовка на левом берегу Миусского лимана недалеко от г. Таганрога. Находки собраны на локализованном участке под обнажением древней террасы. Они, по-видимому, связываются с галечным горизонтом аллювия, перекрытого морскими осадками бакинско-чаудинского раннеплейстоценового бассейна. В галечнике встречены остатки слона Archidiscodon wüsti Pavl. и грызунов тираспольского фаунистического комплекса. Морские бакинско-чаудинские глины перекрыты мощной красноцветной ископаемой почвой лихвинского межледниковья и очень небольшой толщей среднечетвертичного темнобурого суглинка. В верхнечетвертичное время аккумуляции на этой террасе не происходило, наоборот, она подвергалась размыву как более высокая.

Около десятка каменных изделий представлены крупным нуклеусом, скорее напоминающим галечное орудие, тремя скреблами и отщепами (*Праслов Н. Д.*, 1968, с. 19—20). Небольшое количество собранных здесь предметов и отсутствие типичных характерных раннепалеолитических форм затрудняет археологическую интерпретацию этого местонахождения. Вероятно, материалы из Герасимовки можно рассматривать в сопоставлении с материалами раннего комплекса Луки-Врублевецкой и венгерского местонахождения Вертешселлеш, геологический возраст которого определяется в рамках миндельской эпохи (*Kretzoi M., Vértes L.*, 1964, 1965; *Howell F. C.*, 1966).

Следующий этап ашельской эпохи представлен местонахождением у хут. Хрящи в устье Северного Донца (*Горецкий Г. И.*, 1952; *Праслов Н. Д.*, 1968), открытым Г. И. Горецким в 1950 г. Оно расположено в 0,5 км выше хут. Хрящи в урочище Ореховая Россыпь, в излучине левого берега Северского Донца, размывающего здесь древние террасы. Большая часть палеолитических изделий собрана на бечевнике под обнажением. Но наблюдения над распределением обломочного материала позволили Г. И. Горецкому сделать вывод, что кремни происходят из галечникового горизонта аллювия только на том участке, где он обнажается весенними водами. Расчистка этого галечника, проведенная А. Д. Столяром и И. С. Каменецким, привела к обнаружению в нем еще двух предметов с бесспорными признаками искусственной обработки. Позднее Н. Д. Праcловым здесь были проведены дополнительные работы, подтвердившие вывод о связи этих находок с галечником. Кроме того, в вышележащих ископаемых почвах обнаружены следы деятельности человека домустьерского времени.

Наличие двух разновременных археологических комплексов, четкое геоморфологическое и стратиграфическое положение находок делают разрез у хут. Хрящи одним из опорных в настоящее время по изучению ашельских памятников на Русской равнине.

По своему геоморфологическому положению терраса у хут. Хрящи считается III надпойменной и относится ко второй половине среднего плейстоцена (*Попов Г. И.*, 1970, с. 470, 473). Она прислоняется к мариинской донской террасе, сформировавшейся в лихвинскую межледниковую эпоху. Прислон III надпойменной террасы к мариинской хорошо прослеживается непосредственно в урочище Ореховая Россыпь и указывает на то, что она как бы надстраивает мариинские аллювиальные отложения. Особенно это ясно видно на строении покровной толщи, представленной суглинками и супесями с включением ископаемых почв.

Общее строение III надпойменной террасы схематично представляется следующим (рис. 3). На коренных породах каменноугольного возраста залегает базальный галечник, перекрытый аллювиальным песком. Выше лежат покровные бурые суглинки с тремя ярко выраженными горизонтами ископаемых почв, перекрытые в свою очередь серией чередующихся прослоев из суглинков и супесей. Общая мощность рыхлых отложений около 20 м. Археологические находки встречены в базальном галечнике в основании террасы и в средней ископаемой почве.

Результаты палинологических анализов хорошо согласуются с общими стратиграфическими наблюдениями и подтверждают вывод о древности археологических находок.

Данные спорово-пыльцевых анализов, выполненные Р. В. Федоровой в 1975 г., показали существенную смену растительности в течение формирования этой террасы — четкое чередование лесных и безлесных фаз (рис. 3). Эта цикличность, по-видимому, отражает климатические колебания на Русской равнине.

Большой интерес представляет выделение в нижнем слое галечника, с которым связаны находки, пыльцы и спор таких холодолюбивых форм, как кар-

ликовая березка (Betula nana) и сибирский плаунок (Selaginella sibirica). Обе эти формы являются надежными показателями экологических и климатических условий. По заключению Р. В. Федоровой, аллювий хут. Хрящи формировался в условиях сурового континентального климата приледниковья. Здесь существовали своеобразные приледниковые ландшафты, в которых сочетались черты сухих степей или полупустынь и северной тундры. Такие условия на Нижнем Дону могли возникнуть скорее всего только во время максимального распространения ледника.

Выше по разрезу данные спорово-пыльцевого анализа фиксируют потепление и развитие на уровне ископаемых почв лесной растительности своеобразного типа с преобладанием хвойных пород. В верхней части этой фазы Р. В. Федорова выделяет подфазу лесостепи с березовым лесом и периодическим появлением широколиственных пород (образцы 16—19). Затем усиливается тенденция к еще большей аридизации климата — вышележащие суглинки и супеси (образцы 20—24) отражают ухудшение климата и бо́льшее развитие степей. Почти в самом верху разреза в слоях 5 и 6 вновь появляются леса, в которых широкое распространение получают широколиственные породы и береза (до 40%). Здесь встречена пыльца дуба, бука, липы, вяза и граба.

Палеопедологический анализ ископаемых почв, выполненный М. А. Глазовской (1956, с. 63—64), указывает также на их своеобразие, что согласуется с палеоботанической характеристикой этих почв. По-видимому, они относятся к внутририсскому (днепровско-московскому) потеплению.

Археологическая коллекция, собранная в Хрящах, включает всего около 80 предметов и по степени сохранности и по сырью четко распадается на две группы. Одна представляет собой сильно окатанные, глубоко патинизированные изделия из серо-коричневого кремня и серого дымчатого кварцита. Вторая состоит из отщепов и нескольких орудий из темно-серого и серого камня, совершенно не окатанных, с острыми краями и гранями, иногда с прикипевшей известью, указывающей на то, что изделия сравнительно недавно вывалились из разреза и не претерпели значительных перемещений.

Некоторая разница между этими двумя группами наблюдается и в технике расщепления.

Изделия аллювиального комплекса несут на себе черты бо́льшего примитивизма, чем изделия из ископаемой почвы. На это указывает невыработанность формы отщепов (рис. 38, *1, 4—7*), преимущественно случайные их очертания, массивность, сильная волнистость плоскости откалывания, почти постоянное присутствие галечной корки на спинке, отсутствие подправленных или фасетированных ударных площадок, присутствие галечных форм орудий и т. д. Эта группа находок имеет подчеркнуто архаичные морфологические черты с гладкими резко скошенными ударными площадками и ударными точками в форме полукруга, а иногда и круга (рис. 38, *5, 6*), что сближает ее с памятниками так называемого клектонского облика в Западной Европе (*Breuil H.*, 1932).

Наиболее ранний аллювиальный комплекс Хрящей состоит из 60 предметов (26 кварцитовых и 33 кремневых). Среди находок 7 орудий, 7 изделий со следами вторичной обработки и 4 нуклеуса. Остальное представлено нуклевидными обломками, отщепами и обломками отщепов.

Техника первичного расщепления хорошо характеризуется нуклеусами и серией отщепов. Пластин и пластинчатых отщепов нет. Все отбросы производства представлены только массивными отщепами укороченных пропорций с неправильными очертаниями (рис. 38, *4—7*).

Основным сырьем для изготовления орудий в аллювиальном комплексе Хрящей служили галечниковый кремень, кварцит и черный кремнистый сланец, встречающиеся в большом количестве здесь же в галечнике. Расщепление производилось при помощи каменных отбойников, на что указывают следы трех ударов в виде концентрических трещин на ударной площадке одного из отщепов (рис. 38, *5*). Точки ударов расположены вдоль внешнего края ударной площадки на одинаковом расстоянии друг от друга. Данный отщеп был сколот с нуклеуса только в результате четвертого удара.

Предварительная подготовка кусков сырья для расщепления выражалась в одном поперечном сколе, оформлявшем ровную скошенную ударную площадку, а в некоторых случаях скалывание отщепов производилось без предварительной подправки желвака. Угол скошенности ударных площадок на трех нуклеусах равняется 60—70°, что находит полное отражение в углах скошенности ударных площадок отщепов, колеблющихся в диапазоне от 120 до 130°. Элементы леваллуазской техники расщепления отсутствуют.

Собранные орудия представлены главным образом скреблами (рис. 38, *2, 3*). Необходимо выделить только три изделия из кварцита, изготовленные путем двусторонней оббивки на массивных гальках. Тщательное оформление их лезвий как раз посередине сечения галек указывает, по-видимому, на то, что их использовали в качестве рубящих орудий.

Особенно выразительно одно орудие, изготовленное из асимметричной кварцитовой гальки путем подправки по тонкому краю двусторонними сколами (рис. 38, *8*). Вторичной обработке был подвергнут только тонкий край, благодаря чему орудие очень удобно для захвата рукой. При изготовлении этого орудия древний мастер рационально использовал случайную природную форму.

Второй более молодой комплекс находок, происходящий из средней ископаемой почвы, представлен 15 предметами. Они совершенно не окатаны, а некоторые из них покрыты известковым натеком. К орудиям относятся четыре изделия, остальные являются отщепами без вторичной обработки. Из орудий наиболее выразительны два боковых скребла. Одно обработано крутой ступенчатой ретушью, а второе более тонкой приостряющей ретушью.

Собранная в Хрящах коллекция недостаточна для надежной археологической классификации материалов и для решения вопроса об их культурной принадлежности. Однако допустимо отнесение обоих комплексов к домустьерскому, т. е. ашельскому времени. Нижний аллювиальный комплекс можно достаточно уверенно сопоставлять с такими среднеашельскими памятниками, как Ванген, Валендорф в Центральной Европе (*Toepfer V.*, 1964). По мнению осматривавшего эти находки французского археолога А. де Люмлея, они могут относиться ко второй половине раннего

ашеля. Этому не противоречат геологические условия залегания находок в аллювии времени максимального днепровского оледенения. На территории Русской равнины аналогий этому памятнику нет.

Второй, более молодой комплекс хут. Хрящи может быть понят только в сопоставлении с находками у хут. Михайловского в отложениях этой же террасы примерно в 5 км ниже по течению Северского Донца.

Разрез в Михайловском совершенно аналогичен разрезу в Ореховой Россыпи у хут. Хрящи (рис. 39).

В Михайловском хуторе так же, как и в Хрящах, на аллювии лежат покровные суглинки и супеси с включением трех ярко выраженных горизонтов ископаемых почв. Самый верхний, четвертый, горизонт, прослеженный в Михайловском, в хут. Хрящи выделяется плохо, но все-таки его можно установить (*Праслов Н. Д.*, 1968).

Поскольку разрезы аналогичны, интерпретация Михайловского представляется такой же, как и в Хрящах.

Несколько кремневых отщепов, найденные in situ в нижней ископаемой почве Г. И. Горецким и Н. Д. Прасловым, указывают на местоположение археологического слоя, откуда происходят все предметы, собранные на осыпи.

Археологическая коллекция Михайловского местонахождения представлена более двумястами предметами: из них 190 изделий из кремня и около 30 из серого кварцита. Основным сырьем для расщепления служили гальки кремня и кварцита, в изобилии встречающиеся в аллювии этой террасы.

Небольшая величина галек наложила отпечаток на общий облик индустрии. В коллекции преобладают мелкие отщепы и осколки кремня и кварцита. Только единичные экземпляры достигают 7—8 см длины.

Техника расщепления здесь была более совершенной и разнообразной. Среди нуклеусов встречены дисковидные, протопризматические и даже леваллуазский плоско-выпуклый с предварительной оббивкой краев (рис. 39, *10*). Выразительную серию составляют небольшие короткие нуклеусы с резко скошенной ударной площадкой. Встречен также один нуклеус, ударная площадка которого подготовлена продольными сколами, что отражалось на форме ударных площадок на отщепах. Площадки такого типа выделены Н. Д. Прасловым в особую категорию, которую можно назвать «площадкой бессергеновского типа», поскольку эта особенность была впервые замечена на найденном В. И. Громовым отщепе близ с. Бессергеновка.

На большинстве отщепов Михайловского местонахождения преобладают гладкие резко скошенные ударные площадки (117 экз.). Предварительная подправка отмечена только на 17 отщепах, причем у некоторых из них подправка может быть не первичной, а вторичной, в тех случаях, когда на ударных площадках оформляли лезвия скоблящих инструментов. Угол скошенности ударных площадок в среднем превышает 100°. Только у четырех отщепов он лежит в пределах 90—100°. У единичных отщепов угол скошенности ударной площадки достигает 135°. Такое разнообразие отщепов хорошо согласуется с разнообразными формами нуклеусов.

Процент изделий со вторичной обработкой по отношению к общему количеству находок довольно высок — 9,6% (около 20 экз.). Среди них лучше всего представлены инструменты для скобления — 11 экз. (рис. 39, *2, 3, 5, 6*). Остальные орудия представлены в следующих количествах: режущие — 3, остроконечники — 3, зубчато-выемчатые — 2 и рубящее орудие — 1. Остроконечники (рис. 39, *1, 5*) и скребла производят впечатление не очень совершенных, отличающихся от мустьерских большим примитивизмом в оформлении. Остроконечник, изготовленный из кремневого первичного отщепа (рис. 39, *1*), довольно массивный, хотя при его изготовлении первобытный человек умело преодолел неподходящую первичную форму этого отщепа путем срезания значительной площади ретушированием.

Вторичная обработка производилась каменным отбойником, на что указывает резко выраженная форма углубленных негативов фасеток ретуши. Еще один остроконечник изготовлен также из первичного отщепа. Он имеет вытянутые очертания, напоминая аналогичные формы протомустьерских остроконечников из рисских слоев грота Бом-Бонн на юге Франции (*Lumley H.*, *Bottet B.*, 1960).

Как интересную и непонятную форму следует отметить кремневый трехгранник (рис. 39, *4*). Эта форма в единичных экземплярах, по данным И. И. Коробкова, отмечена на Яштухском местонахождении на Черноморском побережье Кавказа.

Наибольшее сходство, доходящее до тождества в технике обработки камня у Михайловского местонахождения, прослеживается со вторым комплексом находок в Хрящах и с Бессергеновкой. Это неудивительно, если учесть, что все три памятника расположены поблизости и относятся к одному времени — внутририсскому (одинцовскому) потеплению.

За пределами Нижнего Дона близкие аналогии можно найти в материалах Круглика на Днепре, раскапывавшегося В. Н. Даниленко. Однако коллекции Круглика засорены разновременной примесью. Обычно относимые к этому кругу материалы Ненасытца на Днепре (*Ефименко П. П.*, 1953, с. 166—167), хотя и обладают некоторыми общими чертами, производят впечатление более поздних. Здесь уже имеются почти правильные грубопризматические нуклеусы, больший процент пластинчатых форм, зачастую с тонкофасетированными ударными площадками (*Праслов Н. Д.*, 1968; *Смирнов С. В.*, 1973).

По уровню обработки орудий и по условиям залегания намечается некоторое сходство материалов Михайловского хутора также с местонахождением Королево в Закарпатье.

В технике расщепления камня и в оформлении орудий таких местонахождений, как Михайловское и Королево, уже встречаются элементы, характерные для мустьерской эпохи. Все это дает основание относить их к позднему ашелю по археологической периодизации, хотя датируются они второй половиной среднего плейстоцена.

Сложнее обстоит с доказательством возраста отдельных случайных находок, которые по своей морфологии могут считаться ашельскими. К таким находкам относятся ручные рубила из Амвросиевки и Макеевки в Донбассе и несколько предметов у с. Кочуров недалеко от г. Гайсин в Винницкой обл.

Амвросиевское ручное рубило найдено В. М. Евсеевым в 1930-е годы в одном из оврагов Казенной

балки на водоразделе, примерно в 2 км от р. Крынки и недалеко от известной Амвросиевской позднепалеолитической стоянки. Это рубило[1], впервые опубликованное С. Н. Замятниным (1951), изготовлено из желвака темно-серого кремня верхнемелового возраста, хорошего качества без включений. Поверхность орудия неравномерно покрыта интенсивной голубовато-белой патиной на выпуклой стороне и менее интенсивно на уплощенной стороне. Верхняя более выпуклая сторона блестящая, заглаженная. Люстраж перекрывает патину. Нижняя сторона сохранилась лучше — грани между фасетками четкие, а в одном из негативов скола имеются остатки прикипевшей извести, указывающие на то, что это орудие находилось в суглинках и выпало из стенки оврага незадолго до его находки. Обработано оно обычными приемами изготовления ашельских бифасов (*Bordes F.*, 1961). Размеры его: длина 10,5 см, ширина 7,3 см, толщина 3,2 см. Оно слегка асимметрично, имеет широкую пятку, оформленную тремя встречными широкими сколами с одной стороны и серией мелких сколов с другой (рис. 40, *1*). Последние носили характер легкой подправки края. Лезвия орудия слегка извилистые, типичные для среднеашельских бифасов. Они оформлены попеременными сколами то с одной, то с другой стороны. Края неровные, без дополнительной вторичной подправки лезвий, что обычно характерно для позднеашельских и мустьерских бифасов. Ретушь широкая, ступенчатая. Фасетки перпендикулярны линиям лезвий. Все это вместе взятое, если рассматривать данный экземпляр как типичное изделие раннепалеолитических охотников, позволяет согласиться с выводом С. Н. Замятнина о его ашельском возрасте по археологической периодизации (*Замятнин С. Н.*, 1951, 1953).

Гораздо совершеннее по технике обработки и по форме ручное рубило, найденное случайно при земляных работах близ Макеевки там же в Донбассе (*Цвейбель Д. С.*, 1979). Это орудие изготовлено на массивном кремневом отщепе (рис. 40, *2*). Поверхность его покрыта глубокой до 2 мм белой патиной и вся с зеркальным блеском люстража, даже в глубине негативов ретуши. Дистальный конец отщепа сохранил на спинке участок меловой корки. Этот толстый конец превращен в пятку и оставлен практически без дополнительной обработки. Но оба лезвия, сходящиеся к острому концу, тщательно обработаны вначале широкими плоскими сколами с обеих сторон, а потом дополнительно подправлены ретушью, наносившейся с плоской стороны брюшка. Нижняя сторона его обработана серией плоских сколов только с левого края, на правом краю имеется лишь один негатив. Начальные части этих негативов срезаны вторичной обработкой лезвий. Негативы на более выпуклой верхней стороне — широкие и располагаются перпендикулярно краю, однако ближе к острому проксимальному концу начинают поворачивать к центру орудия и становятся более узкими. Рубило удобно держать в правой руке. Его основное лезвие выправлено двусторонней ретушью.

Аналогий этому орудию на территории Восточной Европы нет. Подобные формы характерны для позднего ашеля, и поэтому можно предположить его верхнеашельский возраст. Оно совершеннее амвросиевского рубила, и, основываясь на его типологической характеристике, нужно признать его более поздним, чем амвросиевское.

Бифасы позднеашельских типов в единичных экземплярах встречены и на других местонахождениях: в Донбассе недалеко от хут. Сазонова, в бассейне Северского Донца (рис. 41, *1*), на Беглице в Приазовье (рис. 41, *4*), в гроте Выхватинцы (рис. 41, *3*) и в Кишлянском Яру на Днестре (рис. 41, *2*). Все они, кроме бифаса из грота Выхватинцы, представлены обломками и трудно поддаются типологической характеристике. Из них наиболее интересно изделие, найденное Н. К. Анисюткиным в местонахождении Кишлянский Яр вместе с сопровождающим инвентарем, который позволяет допустить позднеашельский возраст. Судя по находке бифаса микокского типа в гроте Выхватинцы, памятники этого типа были распространены и на Русской равнине.

Несомненный интерес представляют также находки П. И. Хавлюка у с. Кочуров недалеко от г. Гайсин Винницкой обл. Здесь на левом берегу р. Киблич на высоте около 30 м над урезом, на склоне террасы собрано около десятка кремневых изделий, среди которых выделяются три бифаса. В овраге, прорезающем этот склон, хорошо видно, что на высоте около 30 м обнажаются среднечетвертичные суглинки и мощная ископаемая черноземовидная почва, скорее всего микулинского времени. Такое строение склона позволяет допустить раннепалеолитический, а точнее верхнеашельский возраст найденных здесь изделий. Особенно выразительны два бифаса. Один из них овальной формы с четкой двусторонней обработкой. Другой, сердцевидный, массивный, длина его 11,5 см, ширина 9,3 см при толщине 3,5 см. Он симметричен, в сечении линзовидный. Лезвия его оформлены широкими сколами, идущими от краев к центру (рис. 41, *5*). Одно лезвие зигзагообразное, второе более прямое, линейное. Пятка оформлена также широкими сколами без дополнительной подправки. Особенностью данного бифаса являются два параллельных широких скола, идущих вдоль длинной оси орудия с острого конца. На противоположной стороне эта часть оформлена одним широким и глубоким сколом. На конце имеются следы утилизации в виде небольших выщербинок.

Типологический анализ находок у с. Кочуров позволяет предположительно отнести их к верхнеашельскому времени.

Помимо упомянутых местонахождений, к верхнеашельскому времени А. П. Черныш (1965) относит находки единичных кремневых изделий в бассейне Днестра у с. Гура Каменка, Рогожане, Ченуша, Пояна, Бабин и др. К сожалению, они представлены не типичными формами и не поддаются хронологической расшифровке ни в типологическом, ни в стратиграфическом плане. Находки у с. Выхватинцы на уровне галечника III надпойменной (рисской) террасы было бы заманчиво сопоставить с отложениями этой террасы (*Иванова И. К.*, 1977). Однако все находки сделаны только на поверхности и ни одного изделия не найдено в террасовых отложениях.

[1] Выражаю признательность сотруднику Донецкого музея О. Я. Приваловой за оказанную помощь в изучении этого орудия.

В аналогичных условиях сделано несколько находок каменных изделий у с. Пролом в Крыму Ю. Г. Колосовым. Небольшое количество находок собрано у обнажения галечников III надпойменной террасы Крыма. Но их немного и среди них нет типичных, характерных ашельских форм, да и связь с галечником остается проблематичной.

Проблема перехода от ашеля к мустье на материалах Русской равнины пока не решается. Можно только говорить о том, что Русская равнина была заселена в ашельскую эпоху, а это теоретически допускает возможность автохтонного развития мустьерского населения. Однако на имеющихся сейчас в нашем распоряжении фактах такая связь не устанавливается. Можно поставить вопрос о генетической связи ашеля и мустье на таких памятниках, как грот Выхватинцы и Житомирское местонахождение, если удастся убедительно доказать их позднеашельский возраст. И в Выхватинцах и в Житомирском местонахождении выделяются группы изделий, которые сопоставляются с микокскими. Однако проблема их соотношения с остальным инвентарем остается сложной и трудноразрешимой. Возможно, что преемственность в развитии от ашеля к мустье будет обоснована на материалах многослойного местонахождения Королево в Закарпатье. Оно было открыто В. Н. Гладилиным в 1974 г. в результате планомерного и систематического поиска стратифицированных раннепалеолитических памятников в Закарпатье. Относимое к ашельской эпохе местонахождение Рокосово, открытое В. Ф. Петрунем в 1968 г., дало большую коллекцию изделий из обсидиана, андезита и реже из кварцита и кремня. Техника расщепления и орудия, собранные здесь В. Ф. Петрунем и В. Н. Гладилиным, имеют типичные раннепалеолитические черты. Однако по степени сохранности поверхности изделий и по морфологическим признакам коллекция распадается на разновременные группы — часть ее относится к верхнему ашелю, а часть — к мустьерской эпохе. Находки встречаются только на поверхности, культурных слоев не сохранилось: древние отложения разрушены делювиальными процессами. Трудность интерпретации таких материалов очевидна, что и заставило В. Н. Гладилина предпринять поиск памятников с сохранившимся слоем. Такой памятник, названный Королево, был найден напротив Рокосово, на левом берегу Тисы, в районе Хустских ворот, где Тиса прорезает вулканический Выгорлат—Хустский хребет и выходит на просторы Закарпатской низменности. Здесь действует огромный карьер по добыче строительного камня. В толще покровных суглинков, мощность которых колеблется в пределах от 1 до 10 м, по данным В. Н. Гладилина, насчитывается шесть горизонтов ископаемых почв.

Археологические материалы в Королево представлены только расщепленным и обработанным камнем. Других признаков культурных слоев нет. В ходе раскопок и расчисток стенок карьера В. Н. Гладилиным выявлено девять культурных горизонтов. Из них шесть верхних (I, II, IIA, III, IV, IVa) исследователь относит к мустьерской эпохе, три нижних (V, VI, VII) — к ашельской.

Сырьем для обработки служил преимущественно андезит, огромные глыбы которого залегают на месте в коре выветривания. Значительно реже использовались другие горные породы — кварцит, сланец, кремень.

Наиболее обширную коллекцию, насчитывающую несколько десятков тысяч предметов доставил V горизонт, залегающий в верхах третьей ископаемой почвы. Характерной чертой инвентаря являются крупные размеры изделий. Один из дисковидных нуклеусов, например, имеет диаметр около 40 см. По указанию В. Н. Гладилина, для техники первичного раскалывания характерно сочетание клектонских, протопризматических и леваллуазских приемов. Среди нуклеусов отмечаются дисковидные в нескольких вариантах (одно и двусторонние — округлые, овальные и веерообразные), протопризматические (одно- и двуплощадные), а также черепаховидные, разных модификаций. Орудий сравнительно немного. Имеются чопперы одно- и двусторонние, скребла, остроконечники, резчики и др. В. Н. Гладилин данный слой по технико-типологическим показателям рассматривает как переходный от ашеля к мустье.

Горизонт VI приурочен к пятой ископаемой почве. По численности находок (рис. 42) он уступает лишь горизонту V. Основная часть коллекции представлена андезитовыми изделиями. Несколько чаще, чем в горизонте V, употреблялся кварцит. Поверхность андезитовых изделий голубовато-серого цвета с частыми и крупными ячейками выщелачивания. Нуклеусы представлены дисковидными, протопризматическими и черепаховидными формами. В. Н. Гладилин отмечает их крупные размеры, контрастный рельеф рабочих поверхностей и считает их более архаичными, чем нуклеусы горизонта V.

Орудий в горизонте VI больше, чем в V. Они представлены чопперами, скреблами, скреблами-ножами, зубчато-выемчатыми формами и ножами и скреблами на сколах в виде «апельсинных долек» (рис. 42, *1, 7—9*). Ретушь преобладает чешуйчатая и ступенчатая.

Горизонт VII прослежен в низах пятой ископаемой почвы. Находки отличаются от вышележащих более частыми и глубокими ячейками выщелачивания. Собранная коллекция невелика. Орудий мало. Найдено несколько чопперов и унифасов. В. Н. Гладилин выделяет также проторубила и определяет данный горизонт как ашельский.

По технико-типологическим показателям прослеживается определенное сходство в инвентаре Королево между слоями от VII до III. В результате В. Н. Гладилин (1978) устанавливает здесь генетическую связь между ашельскими и мустьерскими комплексами. Это обстоятельство чрезвычайно важно для решения многих вопросов развития палеолита в Закарпатье.

Мустьерские горизонты IVa, IV, III, и IIa имеют отчетливо выраженные леваллуазские черты. Горизонт II, по данным В. Н. Гладилина, относится к выделяемому им варианту мустье двустороннее, а I горизонт — к мустье зубчатому.

Многослойное местонахождение Королево в настоящее время находится в процессе исследования, и можно надеяться, что выяснение хронологии отдельных слоев этого памятника даст очень интересные результаты.

Мустьерская эпоха

Памятники мустьерской эпохи распространены на территории Русской равнины значительно шире. Они известны около 52° северной широты в бассейне Десны севернее г. Брянска, а на Волге — севернее г. Куйбышева. Почти во всех бассейнах рек, текущих в южном направлении, обнаружены группы мустьерских местонахождений, среди которых выделяются поселения с хорошо сохранившимися культурными слоями. К сожалению, хорошо стратифицированные памятники расположены далеко друг от друга в разных геоморфологических регионах, что сильно мешает их сопоставлению как в хронологическом плане, так и в культурно-историческом. По поводу геологического возраста различных памятников имеются серьезные расхождения, что не дает возможности выделять синхронные материалы в разных регионах и ставить вопрос об их культурной принадлежности. Не выработаны критерии установления сходства или различия одновременных и разновременных памятников.

По всем этим показателям мустьерские памятники Русской равнины значительно сложнее для понимания, чем памятники Кавказа, да и Средней Азии. Такое состояние археологических источников вызывает необходимость перед рассмотрением и интерпретацией мустьерских местонахождений Русской равнины остановиться в настоящем разделе на некоторых общих вопросах методики изучения мустьерских индустрий и критериев выделения мустьерских культур. Даваемая здесь трактовка этих проблем в некоторых отношениях дискуссионна и полемична. Но уже указывалось (Введение), что неоднозначность решения отдельных вопросов является характерным элементом современной науки о палеолите.

Вопрос о характере развития материальной культуры в мустьерскую эпоху на разных территориях является одним из сложнейших в науке о палеолите. Попытка подойти к его решению на материалах Восточной Европы в послевоенные годы была предпринята А. А. Формозовым при изучении коллекции из раскопок навеса в Староселье (*Формозов А. А.*, 1958). Годом позднее он опубликовал специальную работу, посвященную формированию этнокультурных областей на территории европейской части СССР в каменном веке, в которой в отличие от получившей широкое распространение концепции С. Н. Замятнина (1951) о сравнительно позднем появлении локальных различий в палеолите, верно отметил большую разницу между мустьерскими памятниками Русской равнины и Крыма, с одной стороны, и Кавказа — с другой. По существу это была первая попытка культурного расчленения мустьерских комплексов на территории Восточной Европы. Для доказательства своих взглядов А. А. Формозов опирался главным образом на один из наиболее выразительных элементов в обработке каменных орудий — на наличие или отсутствие приема двусторонней техники оббивки (*Формозов А. А.*, 1959, 1964). В последующие годы под влиянием типологических разработок Ф. Борда советские исследователи сосредоточили внимание на установлении различительных черт в каменном инвентаре мустьерских памятников и стали подразделять мустье на несколько вариантов: мустье типичное, мустье с ашельской традицией, мустье шарантского типа, мустье зубчатое. В зависимости от техники расщепления эти варианты дополнительно разделяются на леваллуазские и нелеваллуазские (*Bordes F.*, 1961; *Любин В. П.*, 1965). Эти варианты мустьерских индустрий стали рассматривать как категории выше рангом, чем археологические культуры — пути развития (по Г. П. Григорьеву — 1977) или линии развития (*Любин В. П.*, 1977). Теперь почти повсеместно прослеживают сходные пути или линии развития, выделяя узколокальные образования типа археологических культур (*Анисюткин Н. К.*, 1977; *Любин В. П.*, 1977). При этом, однако, по нашему мнению, не обращают внимание на то, что обработка материалов по одной схеме и одинаковым критериям, предложенным Ф. Бордом, всегда приведет к результатам, которые предусмотрены этой системой. Именно поэтому, как мы полагаем, и возникают одинаковые «пути», или «линии», развития мустьерских культур на различных территориях.

В то же время уже давно замечено, что возможность использования типологических разработок Ф. Борда крайне ограничена. Они не могут применяться для изучения материалов многих памятников, расположенных в других регионах (*Праслов Н. Д.*, 1965, 1968; *Bosinski G.*, 1967). В более поздней своей работе Ф. Борд и сам фактически признал это, указывая на то, что в Восточной Европе существуют иные варианты мустьерских памятников, чем во Франции (*Bordes F.*, 1968). Многие типы орудий, собранные на памятниках Северной и Восточной Европы, отличаются от тех, которые введены Ф. Бордом в его типолист, состоящий из 63 номеров. Эти орудия являются новыми типами изделий по сравнению с теми, которые перечислены в списке Ф. Борда. Одновременно отмечается отсутствие многих типов, имеющихся у Ф. Борда. Сопоставление таких памятников при помощи типо-листа Ф. Борда, следовательно, невозможно. Количество выделяемых новых типов, например, в североевропейских и восточноевропейских памятниках не ограничивается единицами, которые можно было бы ввести дополнительно в типо-лист Ф. Борда. Но для этого список не должен быть закрытым. Дополнение его новыми типами приведет к тому, что количество типов орудий, использовавшихся мустьерскими людьми, превысит сотню номеров. Это создаст превратное впечатление о богатстве инструментария мустьерского человека. На самом деле, конечно, количество типов орудий, подсчитанное для памятников определенной культуры, значительно меньше. Здесь следует отметить неприемлемость и таких типологических разработок, которые строятся на сугубо формальных признаках, для получения так называемой объективной системы классификации (*Гладилин В. Н.*, 1976). Применивший эту классификацию В. Н. Гладилин не учитывает, что количество признаков любого объекта материи практически бесконечно. Установив новые дополнительные признаки при изучении коллекции каменных орудий из мустьерских памятников Антоновка I и II, можно увеличить еще количество типов орудий по сравнению с теми 337 типами, которые выделил В. Н. Гладилин (1976). Материалы этих двух сходных соседних памятников по классификации В. Н. Гладилина не

совпадают по 119 типам орудий (*Гладилин В. Н.*, 1976, с. 110).

Применение подобной системы классификации каменных орудий позволяет выделять множество вариантов памятников или культур. В числе основных признаков расчленения вариантов мустьерской культуры, принимаемых В. Н. Гладилиным, имеются, по нашему мнению, и такие, которые не обусловлены сознательной деятельностью ископаемого человека, а зависели от природного окружения. Например, размеры орудий не являются традиционной социальной чертой и не могут быть использованы в качестве критерия расчленения каменных индустрий (*Праслов Н. Д.*, 1968). Размеры каменных орудий чаще всего зависят непосредственно от величины заготовок, которые в свою очередь определяются величиной и качеством сырья. При культурно-исторической интерпретации палеолитических памятников всегда необходимо четко разграничивать, что зависело от природного окружения, а что несет черты определенных традиций.

При выделении типов каменных орудий необходимо учитывать и еще один существенный фактор. В преобладающем большинстве исследователи анализируют абсолютно весь собранный инвентарь, который состоит из орудий труда, нуклеусов и отбросов производства. В процессе изготовления каменных орудий часто получались по разным причинам дефектные экземпляры, не соответствующие задуманным. Эксперименты это хорошо подтверждают. Такие экземпляры, как правило, выбрасывались. Часто орудия приходили в негодность в процессе употребления. И, наконец, для некоторых операций типа скобления и резания использовались случайные обломки и куски породы или отщепы без дополнительной обработки. На них возникали следы утилизации в виде ретуши. Все эти перечисленные элементы носят случайный характер и не могут характеризовать традиционные черты в технике изготовления орудий. Следовательно, подобные изделия, составляющие иногда значительный процент в коллекции, не являются осознанными типами орудий, хотя могут иметь определенное сочетание признаков, особенно в больших собраниях. При использовании классификационной системы В. Н. Гладилина все они попадают в категорию орудий. И поэтому не случайно большинство «типов орудий» из 337 в Антоновке представлены единичными, а следовательно, случайными экземплярами.

При анализе археологических памятников и их сопоставлении на предмет сходства или различия нельзя забывать также о том, что они представлены совершенно разными категориями. Сейчас уже убедительно доказано, что в мустьерскую эпоху существовали не только поселения (стоянки), но и мастерские по первичной обработке камня, временные охотничьи лагеря и т. д. (*Любин В. П.*, 1970, 1977). Набор каменных изделий в них всегда различен. На мастерских преобладают предметы первичного расщепления — нуклеусы, отщепы и осколки, сколы оживления ударных площадок, так называемые первичные сколы и др. Процент орудий в них, как правило, очень низок — никогда не достигает 3%. Существовали и стоянки-мастерские, когда люди поселялись непосредственно у выходов сырья на какое-то время. Процентное соотношение каменных изделий здесь будет иное, чем на поселениях и «чистых» мастерских. На местах охотничьих лагерей преобладают остатки законченных форм орудий охотничьего назначения (*Любин В. П.*, 1977, с. 192). Все перечисленные категории памятников могут быть оставлены одним первобытным коллективом. Широко практикуемое сопоставление памятников по процентному соотношению типов изделий в применении к памятникам разной категории показывает их большую разницу, но в нее нельзя вкладывать культуро-разделяющего смысла.

При разработке критериев сходства или различия мустьерских памятников следует обращать также внимание на условия захоронения культурных остатков. На памятниках, культурный слой которых был захоронен очень быстро и залегает в суглинках или в ископаемых почвах, каменные изделия не подвергались дополнительным естественным повреждениям. Материалы, собранные на поверхности, как правило, имеют сильные повреждения в виде окатанности, многочисленных выщербинок, зубчатых выемок, создающих иногда впечатление сознательной обработки краев орудий. Но ретушь в большинстве случаев является нерегулярной, преимущественно крутой и чередующейся, не создающей лезвия. В таких местонахождениях преобладают зубчато-выемчатые формы. Здесь налицо особый тип памятников по условиям захоронения, которые нельзя прямо сопоставлять с поселениями с хорошо сохранившимся культурным слоем, вернее, сопоставлять нужно, но обязательно учитывать их принадлежность к разным типам памятников. Надежные выводы по типологии и культурной атрибуции, безусловно, могут базироваться только на материалах хорошо сохранившихся поселений.

Проиллюстрируем это на примере зубчатого мустье на территории Русской равнины. После выделения данного типа индустрии Ф. Бордом по материалам Западной Европы (*Bordes F.*, 1962—1963) аналогичные памятники стали описывать и на других территориях (*Анисюткин Н. К.*, 1971; *Любин В. П.*, 1974). Ф. Борд описал это явление как тип индустрии, не вкладывая в него историко-культурного смысла. На территории Русской равнины памятники с обилием зубчато-выемчатых форм выделили в культурное явление (*Анисюткин Н. К.*, 1971). В. Н. Гладилин подразделил памятники с зубчато-выемчатыми формами даже на несколько вариантов (*Гладилин В. Н.*, 1976, с. 102, 105), причем вариант соответствует археологической культуре. Он отказался от употребления термина *тейяк* в применении к аналогичным индустриям и рассматривает их теперь в рамках зубчатого мустье. В основу выделения «варианта мустье зубчатого» В. Н. Гладилин положил материалы раскопанного Д. С. Цвейбель (1970) в Донбассе памятника близ с. Белокузьминовка. Он пишет, что «принадлежность находок к варианту мустье зубчатое не вызывает сомнений» (*Гладилин В. Н.*, 1976, с. 102). Однако изучение этой коллекции и ознакомление с условиями залегания материалов не позволяет согласиться с выводами Д. С. Цвейбель и В. Н. Гладилина. Обращает на себя внимание то, что абсолютное большинство изделий, а их около 9 тысяч предметов, имеет зубчато-выемчатую ретушь. Такой ретушью

обработано более 98% всей коллекции. Ни в одном палеолитическом памятнике мира процент орудий не достигает такой величины. При изучении условий залеганий материалов становится ясным, почему здесь отмечен такой огромный процент «ретушированных» изделий. Материалы залегают в суглинке, слагающем конус выноса огромной балки поблизости от коренного склона с выходом на поверхность меловых отложений, содержащих конкреции кремня. На склоне имеются остатки мастерских по первичному расщеплению кремня, причем разновременные — от мустьерской эпохи до неолита включительно. Интенсивный снос суглинков вместе с отбросами кремневого расщепления происходил в послемикулинское время. Суглинки ложатся на размытую ископаемую почву, в которой найден великолепный мустьерский остроконечник, типологически аналогичный остроконечнику из карангатских отложений в бухте Новый Свет в Крыму. В коллекции, собранной в суглинках, нет типичных законченных мустьерских форм орудий, но имеется несколько изделий с резцовыми сколами позднепалеолитического типа. Все это дает основание считать, что в данном случае налицо переотложенный памятник с разновременными материалами, а значительная часть зубчато-выемчатых форм является результатом естественных повреждений. Это местонахождение нужно рассматривать как особый тип археологического памятника, не вкладывая в него историко-культурного содержания.

Не подтвердилась при изучении коллекций в Одесском музее и принадлежность к зубчатому мустье местонахождения Зеленый Хутор, открытого В. Н. Станко. В нем преобладают позднепалеолитические материалы, и оно относится к позднему палеолиту.

Памятники зубчатого мустье в Приднестровье, описанные Н. К. Анисюткиным, также в большинстве случаев представлены сборами на поверхности. Исключение составляют Стинка I и грот Буздужаны. В Стинке I культурные слои переотложены. Но переотложение не было значительным. Поэтому налицо не столь высокий процент «зубчато-выемчатых орудий», как в Белокузьминовке. К тому же здесь сравнительно хорошо представлены обычные палеолитические формы орудий, такие как листовидные двустороннеобработанные наконечники (*Анисюткин Н. К.*, 1972). Стинковские памятники на Днестре, как и ряд других молдавских местонахождений, в своих коллекциях содержат законченные формы орудий, которые позволяют сравнивать их с другими памятниками. Необходимо искать объяснение повышенному проценту зубчато-выемчатых форм.

Зубчато-выемчатые орудия в палеолите были необходимы. Как показывают эксперименты, они употреблялись для обработки дерева. Для этого часто использовались отщепы и куски кремня без дополнительной вторичной обработки. Ретушь на них возникала в процессе работы. Но процент орудий, необходимых для обработки дерева, не превышал процента остальных орудий, необходимых в охоте и домашнем производстве.

Сейчас пока не совсем ясны причины существования большого количества зубчато-выемчатых форм в ряде пещерных памятников, таких как нижний слой Киик-Кобы в Крыму, гроты Буздужаны и Старые Дуруиторы в Молдавии и в некоторых пещерах Кавказа. Следует только отметить, что еще М. Бургон и Ф. Борд обращали внимание на это явление и пришли к выводу о естественных повреждениях на краях отщепов и пластин (*Bordes F., Bourgon M.*, 1951). Эксперименты, проведенные В. Е. Щелинским в Крыму, подтверждают вывод Ф. Борда и М. Бургона о том, что хождение по кремням приводит к их повреждению, а на краях возникает зубчатая «ретушь».

Вот почему следует очень осторожно подходить к выделению локальных вариантов или археологических культур на неполноценных материалах. Многие причины, в том числе и естественного характера, осложняют понимание мустьерских памятников, и, прежде чем сделать вывод о характере культуры любого памятника, необходимо найти объяснение многим факторам, которые влияют на облик дошедшего до нас каменного инвентаря. В зубчато-выемчатых комплексах, по нашему мнению, нельзя видеть ни линий развития, ни путей развития. Полагаем, что не было таких культурных общностей, для которых зубчато-выемчатые орудия составляли традиционную черту. Памятники с зубчато-выемчатыми формами — это памятники особого типа сохранности, но не памятники особой исторической категории. Они могут быть однотипны и встречены на определенной территории, но торопиться с выделением их в самостоятельную археологическую культуру нельзя. Как правило, они все же не являются локальными вариантами и встречаются на разных территориях. Разумеется, мы исходим из того, что археологическую культуру следует рассматривать как объективную историческую реальность, а не как сумму формальных признаков, различающих памятники друг от друга. По нашему мнению, археологическую культуру можно выделять только тогда, когда прослеживается четкое сходство каменного инвентаря в группе памятников, занимающих определенную территорию и резко отличающихся от других групп синхронных памятников. Территории у разных культур могут быть различными — это динамичная категория, зависящая от «расцвета» или «угнетенности» той или иной культурной общности.

Возвращаясь к классификации материалов, на которых строятся выводы о существовании культур, следует отметить, что наибольшую роль будет играть такая классификация, которая выразит определенные количественные и качественные взаимосвязи изучаемого объекта. Она должна быть разработана на конкретных материалах и не быть абстрактной, т. е. практически для каждого памятника или группы сходных памятников должны разрабатываться собственные типологические списки, не отрицающие ранее разработанные, а дополняющие их. И здесь огромную роль будут играть специфические типы орудий, которые несут в себе большую информацию этнографического характера.

Рассмотрим теперь наиболее важные мустьерские памятники Русской равнины и Крыма, делая упор главным образом на те из них, которые доставили большие коллекции каменных изделий или имеют, пусть небогатый, но хорошо сохранившийся культурный слой.

Особенно выразительную группу мустьерские памятники образуют на территории Крыма. Детально исследованные в свое время Г. А. Бонч-Осмоловским,

А. А. Формозовым и другими учеными, недавно они пополнились замечательным открытием серии новых местонахождений Ю. Г. Колосовым в районе г. Белогорска. Последние, как нам кажется, позволяют по-новому понять и ранее изученные памятники.

Новая серия мустьерских памятников расположена у скалы Ак-Кая (Белая Скала) примерно в 5 км от г. Белогорска (*Колосов Ю. Г.* 1970; 1978; 1979). Здесь вдоль бортов Красной балки под навесами и гротами установлено десять поселений, еще пять располагаются за поворотом коренного склона, обширное поселение открыто в самой балке, близ ее конуса выноса. Примерно в 3—4 км в урочище Сары-Кая выявлено еще несколько местонахождений. Прекрасный каменный инвентарь собран при раскопках грота Пролом недалеко от заскальненских поселений.

Планомерные раскопки производятся только на Заскальной V, Заскальной VI, в Красной балке и гроте Пролом.

Особенно интересные результаты доставили раскопки в Заскальной V и VI. Обе стоянки многослойные, и мощные культурные слои залегают в аналогичных стратиграфических условиях (рис. 43, *А*, *Б*). Под современной почвой в обеих стоянках (слой 1) залегает песчанисто-суглинистый слой 2 с плоскими и угловатыми обломками известняка. Ниже лежит светло-бурый суглинок с желтоватым оттенком, насыщенный детритом (слой 3 в Заскальной V). Он отчетливо выделяется в разрезе как по литологии, так и по цвету. Нижний контакт у него четкий. Затем следует супесь светлая с обломками известняка (слой 4). В верхней его части зафиксированы культурные остатки I горизонта. Этот слой Заскальной V аналогичен слою 3 в Заскальной VI. В основании его лежат культурные слои II—IV, насыщенные кремнем, костями животных, костным углем и выделяющиеся яркими темными лентами на фоне светлого в целом разреза. Культурные слои разделены стерильными прослойками детритовой супеси, которые, впрочем, не прослеживаются повсеместно (слои 5—8). Лучше всего выделяется IV культурный слой, который приурочен к гумусированной супеси, т. е. к ископаемой почве (слой 9). Он наиболее богат археологическими находками. В Заскальной VI ему соответствует слой 8. Подстилаются они серовато-зеленоватым детритовым песком, сформировавшимся в результате химического выветривания нуммулитовых известняков.

На небольшой вскрытой площади на обеих стоянках собрана богатейшая многотысячная коллекция каменных изделий, в том числе орудий. Во всех слоях снизу вверх выделяются одинаковые типы специфических форм орудий двусторонней обработки. Особенно много различных типов ножей с асимметрично расположенным лезвием: ножи типа бокштайн, ножи аккайского типа с площадкой для упора пальцев (рис. 43, 7), ножи прондницкого типа или его разновидности. Двустороннеобработанные орудия насчитывают от 20 до 40%. Одинаковые типы орудий встречены во всех горизонтах, что несомненно говорит об их генетическом родстве. Во всех горизонтах встречены и небольшие треугольные орудия с двусторонней или частично двусторонней обработкой типа чокурчинских треугольников. Много крупных листовидных форм. Отмечается умелое использование тонких плоских плиточек, которые путем обработки одного из краев превращались в различные орудия. На большинстве из них сохраняются участки с желвачной коркой.

Поскольку для изготовления орудий использовались плиточки кремня, не было необходимости в получении заготовок типа отщепов и пластин. Поэтому в коллекции очень мало нуклеусов. Здесь огромную роль сыграло наличие поблизости высококачественного плитчатого кремня. В других памятниках, где не было поблизости такого тонкого плитчатого сырья, мы не найдем аналогичных форм орудий.

Близкий каменный инвентарь по набору орудий собран Ю. Г. Колосовым в гроте Пролом. Там встречены те же формы изделий, что и в Заскальных, но отмечается бо́льший процент остроконечников (*Колосов Ю. Г.*, 1979).

При сопоставлении Заскальненских стоянок с другими крымскими мустьерскими памятниками обращает внимание большое сходство их по набору каменных орудий с материалами грота Чокурча (*Эрнст Н. Л.*, 1934), расположенного в долине Малого Салгира на окраине г. Симферополя. Он открыт в 1927 г. С. И. Забниным и изучался Н. Л. Эрнстом в 1928—1931 гг. В процессе раскопок была вскрыта почти вся полость грота и привходная площадка, а также проложена траншея от площадки вниз к долине и установлена следущая стратиграфия памятника (рис. 44). В самом верху залегал современный слой, окрашенный гумусом и остатками кострищ, мощностью от 0,35 до 1,5 м на площадке и склоне. В нем содержались предметы I тысячелетия н. э. и в самом низу остатки кизил-кобинской культуры. Под ним лежат плейстоценовые суглинки мощностью внутри пещеры от 0,1 до 1,0 м и вне пещеры — от 1 до 4 м. Они представлены светло-желтым суглинком с включением щебня. Внутри суглинка были выявлены две тонкие кальцитовые корочки, которые позволили расчленить толщу на несколько горизонтов.

По указанию Н. Л. Эрнста (1934, с. 189), эти выделенные три плейстоценовых прослоя (II—IV) по составу почти не отличались друг от друга. Но третий имел более темную окраску по сравнению со вторым, а четвертый был еще темнее, чем третий. На такой окраске сказывалась примесь угля от костров первобытного человека. На склоне картина была сложной, так как упавшие крупные камни маскировали разницу между слоями и отчетливо выделялся только четвертый горизонт.

Стратиграфическая картина, описанная Н. Л. Эрнстом, очень напоминает стратиграфию Заскальненских стоянок, в которых интенсивность черной окраски также возрастает сверху вниз.

Каменных орудий в Чокурче собрано более тысячи. Об их облике и технике изготовления можно судить по описанию Н. Л. Эрнста, который очень внимательно фиксировал свои наблюдения, а также по сохранившейся после войны части коллекции в музеях Киева, Одессы и Симферополя. Особенно выразительна коллекция в Одессе, в которой имеются многие из опубликованных Н. Л. Эрнстом предметы.

Н. Л. Эрнст отмечает, что процент орудий по отношению к общей массе отбросов очень велик, так как во II и III слоях «встречались почти исключительно готовые изделия» (*Эрнст Н. Л.*, 1934, с. 196).

Они изготавливались из кремня хорошего качества черного и темно-серого цветов. Но встречаются изделия из желтого и коричневого кремня.

Среди орудий 24% имеют двустороннюю обработку. Остальные изготовлены на отщепах путем ретуширования краев. Размеры орудий сильно варьируют от 3—5 см до 15 см (*Векилова Е. А.*, 1971). Для изготовления односторонних орудий чаще всего использовались короткие широкие отщепы. Пластин в коллекции почти нет. Выделяются разнообразные одно- и двустороннеобработанные скребла, разнотипные остроконечники, преимущественно двустороннеобработанные, а также многочисленные ножи. Некоторые асимметричные двусторонние формы напоминают ножи аккайского типа. Но особенно выразительны небольшие треугольные орудия одно- и двустороннеобработанные. Они имеют четкую форму равнобедренного или равностороннего треугольника с обработкой по всем трем краям. В тех случаях, когда они изготовлены на плоских отщепах, нижняя сторона дополнительно не обрабатывалась (рис. 44, *5, 7, 8*), в остальных случаях нижняя сторона обрабатывалась плоскими сколами или по всей поверхности или частично. Лезвия их иногда слегка выпуклые, но преимущественно прямые. Длина сторон 3—4 см и редко 5 см. По подсчетам Н. Л. Эрнста, число таких орудий достигает 5% от их общего количества. В связи с яркой выразительностью этих форм и их большим количеством данное орудие можно выделить в самостоятельный тип как «чокурчинский треугольник».

Характерную черту каменному инвентарю Чокурчи придают также «клювовидные орудия», которых, по данным Н. Л. Эрнста, в коллекции около 7—8%. Для них характерно сочетание прямого или вогнутого удлиненного края с выпукло обработанным поперечным краем (рис. 44, *3*). Ввиду широкого распространения данной формы ее также необходимо выделить в самостоятельный тип. Помимо каменных, в Чокурче найдены довольно выразительные костяные орудия.

Большинство описанных в Чокурче типов орудий находят полные аналогии в материалах Заскальненских памятников. Следовательно, их необходимо отнести к одной археологической культуре.

К этому же типу памятников принадлежит и Волчий грот, расположенный в долине р. Бештерек между Чокурчой и Заскальненскими поселениями. Его коллекция содержит многие типичные для Чокурчи формы.

Наиболее близкие аналогии Чокурче Н. Л. Эрнст видел в материалах верхнего слоя грота Киик-Коба, расположенного примерно в 25 км к востоку в той же горной гряде (*Эрнст Н. Л.*, 1934). И с этим трудно не согласиться.

Грот Киик-Коба, открытый Г. А. Бонч-Осмоловским в 1924 г. и раскопанный в 1924—1926 гг., представляет собой небольшую нишу в высоком скалистом массиве с крутым обрывом в долину р. Зуи. Он небольшой по площади (рис. 45) и раскопан почти полностью, за исключением небольшого контрольного участка. В нем установлена следующая стратиграфия (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1940). В самом верху лежал тонкий прослой кизяка, золы и гумуса с редкими обломками керамики. Под ним прослеживался тонкий прослой плотно слежавшейся бурой известковистой глины, подстилаемой желтым щебнистым суглинком с отдельными находками каменных орудий. Ниже отчетливо выделялся темно-бурый щебенчатый суглинок, насыщенный большим количеством культурных остатков — верхний культурный слой. Нижний культурный слой залегал в темном щебнистом суглинке на скальном дне и отделялся от верхнего слоя тонкой стерильной прослойкой желтого щебнистого суглинка. Общая мощность всех отложений колеблется от 20—30 см у стен грота до 1,5 м у склона.

Большая коллекция каменных изделий, собранных в Киик-Кобе, прекрасно описана Г. А. Бонч-Осмоловским, впервые применившим методику статистической обработки инвентаря. Поэтому нет необходимости приводить детальные характеристики находок. Можно отметить, только, что кремневые изделия нижнего слоя, выделенные в амфорный комплекс, до сих пор остаются во многом загадочными. Здесь плохо прослеживается техника расщепления и вторичной обработки. Многие предметы не имеют признаков искусственной обработки — они естественного происхождения. Так называемая ретушь на многих образовалась в результате естественных повреждений. Для того чтобы понять причины этого явления, необходимо было бы произвести дополнительные исследования по характеру образования нижнего слоя. Вместе с тем выделяется некоторое количество изделий со вторичной обработкой такого же типа, как и в верхнем слое (ср.: рис. 45, *8, 10* и рис. 46, *32, 33*). В верхнем же слое собрана прекрасная коллекция хорошо выраженных орудий. На такой резкой разнице в инвентаре, несомненно, сказался характер первичного сырья. На это обращал внимание еще Г. А. Бонч-Осмоловский. Вначале обитатели грота не были знакомы с месторождениями хорошего кремня, и поэтому они, возможно, приносили в пещеру естественные обломки кремня. Позднее они где-то поблизости нашли выходы на поверхность хорошего желвачного кремня. Однако сейчас такие месторождения не установлены.

Кремень верхнего слоя резко отличается по качеству от кремня нижнего слоя. Плитчатые заготовки позволяли изготавливать прекрасные двустороннеобработанные формы орудий без первичного расщепления точно так же, как в Чокурче и Заскальненских местонахождениях. Поэтому не случайно отмечается очень малое количество нуклеусов — всего 6 экз. Двустороннеобработанные орудия имеют большой удельный вес в составе инвентаря. По данным Г. А. Бонч-Осмоловского, они составляют 14%. Но, если добавить сюда орудия с частично двусторонней обработкой, этот процент значительно возрастет.

Среди орудий сравнительно мало типичных мустьерских остроконечников так же, как и во всех крымских памятниках, где встречаются двустороннеобработанные листовидные формы. Г. А. Бонч-Осмоловский указывает большое количество остроконечников. Однако в их число он включает большинство двустороннеобработанных форм и даже асимметричные ножи.

Оценивая в целом инвентарь верхнего слоя Киик-Кобы, можно увидеть почти все типы орудий, которые встречены в Чокурче и Заскальненских поселе-

ниях. Здесь есть ножи типа бокштайн, угловатые скребла, чокурчинские треугольники и чокурчинские клювовидные орудия. Все это позволяет присоединиться к мнению Г. А. Бонч-Осмоловского и Н. Л. Эрнста и считать Киик-Кобу и Чокурчу однокультурными памятниками. Сюда же входят и Заскальненские местонахождения.

Определенная связь по технике обработки и по формам каменных орудий с Киик-Кобой прослеживается в материалах навеса Староселье, раскопанного А. А. Формозовым в 1952—1956 гг. (*Формозов А. А.*, 1958). Сырьем для изготовления орудий здесь служил несколько иной кремень, чем в Киик-Кобе. Большая часть орудий (рис. 47) изготовлена из черного непрозрачного кремня, который в изобилии имеется в балке Канлы-дере, да и в самой пещере. Гораздо реже встречается серо-голубоватый кремень, известный, по данным А. А. Формозова, в естественных россыпях, примерно в 7 км от Староселья. В небольшом количестве отмечается кремень светло-желтых и табачных тонов.

Толща рыхлых отложений, в которых залегали культурные остатки, в Староселье выдержана по простиранию неравномерно, наибольшая мощность достигает 4 м. А. А. Формозов разделил эту толщу на два горизонта. Однако анализ материалов привел его к выводу об однородности как рыхлых отложений, так и культурных остатков.

Среди орудий из общего числа 734 экз. выделяется 87 двустороннеобработанных. Последние составляют 12%. Здесь встречены все типы орудий, которые известны в других крымских мустьерских памятниках. С верхним слоем Киик-Кобы и с Чокурчой Староселье сопоставляется по ножам прондницкого типа, по угловатым скреблам и асимметричным формам одностороннеобработанных форм. Вместе с тем прослеживаются и определенные различия. В Староселье индустрия более пластинчатая, листовидные наконечники имеют более правильную форму, встречаются своеобразные округлые скребла на отщепах («грошаки»), очень близкие позднепалеолитическим скребкам (рис. 48, *15*). Леваллуазская техника расщепления здесь, так же как и в остальных крымских мустьерских памятниках, отсутствует, но намечается переход к призматической. На этом основании А. А. Формозов полагает, что Староселье является более поздним памятником в рамках мустьерской эпохи. С этим выводом, по-видимому, нужно согласиться. И тогда легче объяснить причину сходства и различия этого памятника с другими крымскими пещерами.

Обычно выделяемые в особый тип индустрии материалы Шайтан-Кобы (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1930; *Формозов А. А.*, 1958, 1959; *Колосов Ю. Г.*, 1972; *Гладилин В. Н.*, 1976) не составляют исключения среди крымских мустьерских памятников. Здесь также имеются двустороннеобработанные орудия, в том числе и ножи, близкие заскальненским типам. Правда, последних немного, но надо учитывать характер близко расположенного кремневого сырья. Здесь нет тонких плиток, как в Заскальном. Поэтому возникла необходимость расщепления желваков для получения заготовок. Полученные пластины и отщепы, имеющие режущие края, не нуждались в двусторонней обработке.

К этому же кругу крымских памятников по типам орудий относятся Кабази и Холодная Балка.

Таким образом, на территории Крыма нет мустьерских памятников, резко выделяющихся по технике обработки и по формам каменных орудий на фоне других. Следовательно, нет оснований, по нашему мнению, говорить о разных культурных традициях. Прослеживаемое сходство по отдельным типам орудий указывает на генетическое родство памятников, а та разница в наборе орудий, которая имеет место между разными памятниками, объясняется в некоторых случаях характером использованного сырья (например, Чокурча и Заскальные), а в некоторых случаях хронологическим разрывом (Киик-Коба — Староселье, Шайтан-Коба). По нашему мнению, все мустьерские крымские памятники объединяются в одну археологическую культуру, развивающуюся во времени и пространстве. Наиболее ранние памятники типа нижних слоев Заскальной V и VI относятся к концу микулинского (рисс-вюрмского) времени, наиболее поздние типа Староселья и Шайтан-Кобы — к первой половине валдайского (вюрмского) оледенения. Эту культуру можно назвать белогорской по имени г. Белогорска, в окрестностях которого сейчас исследуются богатейшие памятники, доставившие не только остатки материальной культуры, но и палеоантропологические остатки самих творцов этой культуры.

Белогорская мустьерская культура Крыма не являлась замкнутой, изолированной по отношению к соседним южнорусским районам. Во многих памятниках на Русской равнине удается выявить черты сходства с крымскими и в технике изготовления и в формах специфических каменных орудий. Такое сходство прослеживается, например, в материалах местонахождения у Скалы Орел на Днепре (*Смирнов С. В.*, 1973). Коллекция у Скалы Орел, хотя и невелика по объему — всего 353 экземпляра, содержит выразительные листовидные формы наконечников, многочисленные асимметричные ножи и острия типа заскальненских и даже чокурчинские треугольники и клювовидные орудия.

Значительное сходство крымские мустьерские памятники обнаруживают и с материалами антоновских местонахождений в Донбассе, детально изученных В. Н. Гладилиным (1976). В антоновских местонахождениях, помимо двустороннеобработанных листовидных наконечников (рис. 49, *3*), отмечены находки чокурчинских треугольников (рис. 49, *8*), ножи прондницкого типа и разнообразные угловатые формы ножей и скребел, характерные для крымских памятников. В. Н. Гладилин справедливо указывает и на большую разницу. Но это вполне объяснимо. Памятники расположены далеко друг от друга, в них использовалось разнокачественное сырье, да, может быть, они еще отличаются и по типу. В Антоновке очень высок процент изделий, связанных с первичным расщеплением, и очень высок процент «бракованных» орудий, т. е. неудавшихся или незаконченных обработкой, что позволяет рассматривать эти два соседних местонахождения не как поселения, а как стоянки-мастерские у выходов сырья. Естественно, что процентное соотношение типов изделий здесь будет иным, чем на поселениях.

К описанному кругу памятников может быть от-

несена и стоянка Сухая Мечетка (Сталинградская). Открытая М. Н. Грищенко в 1951 г., она на большой площади изучена С. Н. Замятниным в 1952 и 1954 гг. (*Замятнин С. Н.*, 1961).

Эта стоянка расположена на правом борту долины Волги на окраине г. Волгограда. Высокую плейстоценовую террасу, к которой приурочена стоянка, разрезает современная балка Сухая Мечетка. В ее правом берегу и был выявлен культурный слой.

Стоянка здесь залегает в четких стратиграфических условиях. Ее культурный слой приурочен к хорошо выраженной ископаемой почве, подстилаемой хазарским аллювием и перекрытой толщей ашельских бурых суглинков и раннехвалынскими морскими осадками (рис. 50, *А*). Такое стратиграфическое положение культурного слоя позволяет датировать его временем микулинского (рисс-вюрмского) межледниковья.

В процессе раскопок было исследовано около 650 кв. м. Судя по характеру распределения культурных остатков, С. Н. Замятнин полагал, что общая площадь поселения была не менее 1000—1200 кв. м. Из них около 100 кв. м. разрушены современным оврагом (*Замятнин С. Н.*, 1961, с. 12).

Насыщенность культурного слоя находками не равномерна по количеству и не однородна по характеру как в плане, так и по вертикали. Общая мощность слоя с находками — около 40 см, но преимущественно они сосредоточены в средней части ископаемой почвы. Кроме каменных изделий и костных остатков животных, были встречены мелкие кусочки угля и зольные пятна, а также несколько мелких кусочков красной охры. Особенно интенсивные скопления золы прослежены в западной части раскопа, где они образовывали четыре крупных и около десятка мелких пятен. К остаткам костров приурочена основная масса находок расщепленного и обработанного кремня и обломков костей животных, среди которых преобладали остатки первобытного зубра, лошади, сайги и мамонта.

Неравномерность распределения культурных остатков, несомненно сохранившихся в своем первоначальном положении, т. е. так, как они были брошены первобытным человеком, указывает на различное использование отдельных участков поселения (*Замятнин С. Н.*, 1961, с. 13). Например, вокруг двух кострищ на западном участке раскопа почти не было отбросов производства, в то время как у третьего и четвертого они были многочисленны. Скопление находок законченных орудий отмечено между кострищами. Одно такое скопление орудий, доставившее 16 предметов, встречено в восточной части раскопа вдали от кострищ.

Коллекция каменных изделий насчитывает около 8000 экземпляров. Из них орудий только 365 экз., т. е. около 4,6%. Такой процент орудий характерен для поселений открытого типа. Все орудия изготовлены в основном из кремня или кварцита и сливного песчаника. При расщеплении кремень и кварцит использовались почти одинаково, однако при изготовлении орудий предпочтение отдавалось кремню.

Первичное сырье было легко доступно обитателям стоянки. Кремневые желваки и обломки кварцита в большом количестве встречаются в неогеновых песках и в палеогеновых породах по соседству.

Среди орудий наиболее отчетливо выделяется группа полностью двустороннеобработанных изделий — около 10%. Эта группа подразделяется на рубила различной формы, листовидные наконечники и различные ножи (рис. 51). По своей морфологии эти формы находят прямые аналогии в крымских мустьерских памятниках так же, как и многие одностороннеобработанные орудия. Типичные мустьерские остроконечники не характерны для Сухой Мечетки. Некоторые изделия очень небольших размеров и лишь условно могут быть отнесены к остроконечникам. Так же как в мустьерской стоянке Рожок I, в Приазовье они выполняли скорее всего функции проколок. В коллекции отмечена серия угловатых скребел, имеются треугольные скребла (рис. 50, *14*), но они отличаются от чокурчинских треугольников тем, что края их обработаны крутой ретушью только с одной стороны. Имеется также серия клювовидных орудий, аналогичных таковым в крымских памятниках.

Детальное сопоставление инвентаря Сухой Мечетки с другими мустьерскими памятниками Русской равнины и Крыма обнаруживает как различие, так и сходство. Это не позволяет выделять данный памятник в особую культуру, поскольку он не противопоставляется остальным памятникам. Его нельзя присоединить и к Белогорской культуре — между ними слишком велико расстояние, да и разница в наборе орудий все-таки есть. Очевидно, здесь можно говорить о культурной общности более высокого порядка, чем археологическая культура.

Не противопоставляются описанным выше памятникам мустьерские поселения и в Приазовье. Рожок I—II, Носово, Герасимовка, хотя и различаются между собой, но это различие такого же уровня, как и их отличие от других мустьерских памятников Русской равнины и Крыма (*Праслов Н. Д.*, 1968, 1972). В их инвентаре встречаются двустороннеобработанные формы — ручные рубильца, листовидные наконечники и ножи.

Одним из наиболее варазительных и интересных мустьерских памятников здесь является многослойное поселение Рожок I, исследовавшееся в 1961 — 1962 гг. (*Праслов Н. Д.*, 1968). Оно расположено примерно в 45 км к западу от г. Таганрога на берегу Азовского моря. Значительная часть этого поселения разрушена морем. В процессе раскопок здесь выявлено шесть культурных слоев, залегавших друг над другом и разделенных тонкими стерильными прослойками. Культурные остатки в этих слоях имели четкие контуры, не совпадающие в плане. Наиболее насыщенными являются II, IV, V и VI культурные слои.

Среди находок во всех слоях преобладают костные остатки животных: длиннорогого бизона, лошади, осла, гигантского оленя и др. Во всех слоях прослежены четкие зольные пятна на местах костров.

По типам орудий Рожок 1 весьма своеобразен. Это заключается в присутствии наряду с типичными мустьерскими остроконечниками и скреблами более совершенных изделий позднепалеолитического облика — концевых скребков и проколок с оформленным жальцем. Проколки такого типа (рис. 52, 19) в мустьерских памятниках встречены впервые. Следует заметить, что одинаковые скребки и проколки встречены во всех шести культурных слоях, что поз-

воляет говорить об однородности каменного инвентаря всего памятника в целом.

На многих орудиях сохранились следы изношенности в процессе работы. Изучение их под микроскопом позволило С. А. Семенову установить, что некоторые из этих орудий использовались для скобления по мягкому материалу, скорее всего для обработки шкур, а проколки употреблялись для шитья одежды.

В IV культурном слое найден второй верхний левый моляр человека в возрасте около 25 лет. По определению А. А. Зубова, по морфологии этот зуб принадлежал человеку современного типа Homo sapiens.

На облик инвентаря Рожка I в целом большой отпечаток наложило качество первичного сырья. Обитатели его использовали мелкие кремневые гальки из аллювия древних террас. Но эта черта не является традиционной и не может рассматриваться в качестве критерия выделения данной индустрии в особую культуру.

Богатейшие мустьерские памятники известны в центре Русской равнины и в Полесье. Одним из наиболее интересных в данном районе является Хотылевское местонахождение, открытое и исследуемое Ф. М. Заверняевым (*Заверняев Ф. М.*, 1978).

Типичного, хорошо сохранившегося культурного слоя в Хотылево не выявлено. Каменные изделия и редкие обломки костей животных залегают в базальном аллювиальном горизонте высокой 20—30-метровой террасы Десны. По стратиграфическому положению местонахождение датируется микулинским временем, т. е. оно геологически синхронно Сухой Мечетке на Волге. Но коллекция каменных орудий по технике расщепления и по формам изделий отличается от коллекции Сухой Мечетки и Приазовских памятников. В Хотылево техника расщепления представлена своеобразным леваллуазским вариантом с особыми асимметричными нуклеусами с одним снятым отщепом (рис. 53). Подобных нуклеусов нет в других памятниках леваллуазского облика. Поскольку Хотылево представляет собой остатки мастерской у места выхода источников сырья, количество разнообразных нуклеусов почти в три раза превышает количество орудий. Всего в коллекции насчитывается несколько десятков тысяч предметов. Процент орудий по отношению к общему количеству находок очень низкий — около 1. Среди орудий выделяются обломки бифасов различной формы (рис. 54), двустороннеобработанные листовидные наконечники и ножи, черешковые орудия (рис. 55, *8*). Наибольшую группу составляют различные типы скребел, лезвия которых обработаны крутой ступенчатой ретушью, что приближает их к скреблам типа Кина. Типичных мустьерских остроконечников здесь нет, так же как и во всех памятниках, где представлены двустороннеобработанные листовидые формы.

Прямых аналогий материалам Хотылево на территории нашей страны нет. По многим элементам можно сопоставить этот памятник с Житомирским местонахождением и Рихтой, расположенными в житомирском Полесье. Наиболее близкую аналогию составляют лишь мустьерское местонахождение Кённигсауе в ГДР (*Mania D., Toepfer V.*, 1973).

Ознакомление с материалами Житомирского местонахождения, расположенного на юго-востоке Полесья у с. Городище недалеко от г. Житомира (*Месяц В. А.*, 1962), позволило прийти к выводу, что это местонахождение является, по-видимому, раннепалеолитической мастерской в широком хронологическом диапазоне. В коллекции имеется серия типологически наиболее архаичных форм (обломки ручных рубил, скребла) с сильно выветреной поверхностью. Они могут датироваться временем днепровско-валдайской эпохи (*Веклич М. Ф.*, 1966). Но большая часть коллекции является более поздней. Встречено даже несколько позднепалеолитических форм. Культурного слоя здесь нет. Весь материал собран на поверхности или в верхней части покровных супесей и стратиграфически не членится. На то, что здесь была мастерская, указывает преобладание нуклеусов над орудиями. В коллекции, хранящейся в фондах Житомирского музея, подсчитаны 844 нуклеуса и 666 экз. орудий.

Техника расщепления на Житомирском местонахождении разнообразная (рис. 56). Выделяются нуклеусы веерообразные, черепаховидные, дисковидные, протопризматические, шаровидные, одно- и двуплощадочные, плоские, атипичные и нуклеусы, переходящие в бифасы.

Среди орудий почти одинаковым количеством представлены одностороннеобработанные формы (257 экз.) и зубчато-выемчатые (253 экз.). Двустороннеобработанных орудий — 156 экз. (23,5%). Среди последних выделяется 34 листовидных наконечника, обработанных плоской ретушью (рис. 58, *14, 17*). Широко представлены обломки бифасов (рис. 57, *2, 5—8*). Как интересную деталь следует отметить находки ножей прондницкого типа и «грошаков». Эти формы являются характерными для прондницкой мустьерской культуры на территории Польши (*Chmielewski W.*, 1975).

Много общих форм каменных орудий Житомирскому местонахождению найдено в местонахождении Рихта, там же, в Житомирском полесье, поблизости от с. Сычевка на берегу небольшой речки Рихта. Местонахождение открыто геологом В. К. Пясецким и исследовалось С. В. Смирновым.

Культурный слой на этом местонахождении, к сожалению, не сохранился и представлен только находками каменных изделий. Не исключено, что комплекс находок не является одновременным. На это указывает присутствие типичных позднепалеолитических скребков на призматических пластинах.

Среди каменных орудий выделяется серия листовидных наконечников (рис. 59, *4, 11*), которые по технике обработки и по формам отличаются от наконечников Житомирского местонахождения. Помимо обычных скребел и ножей, выделяется группа ножей прондницкого типа (рис. 59, *8*) и специфических ножей, которые есть только в Житомирском местонахождении.

Полный контраст описанным выше памятникам Крыма и Русской равнины составляют мустьерские поселения у с. Молодовы на Днестре (*Черныш А. П.*, 1965; *Иванова И. К.*, 1977). Здесь впервые А. П. Чернышу удалось выявить остатки наземных жилищ (рис. 60, *а*).

Наиболее выразительные остатки жилища открыты в 1958—1959 гг. в четвертом культурном слое многослойной стоянки Молодова I (*Черныш А. П.*, 1962). Тем самым было впервые доказано существование постоянных жилищ и относительной оседлости в

мустьерскую эпоху. По данным А. П. Черныша, остатки жилища представляли собой овальную выкладку специально подобранных крупных костей мамонтов. В качестве строительного материала здесь были использованы 12 расколотых черепов, 34 лопатки и тазовые кости, 51 кость конечностей, 14 бивней и пять нижних челюстей мамонтов. Общая площадь развалин жилища 10×7 м, площадь его внутренней части, окаймленной поясом из костей,— 8×5 м. Внутри жилища была сосредоточена основная масса расщепленного и обработанного кремня (в среднем по 1—2 тыс. предметов на 1 кв. м). Здесь же прослежены следы 15 костров, располагавшихся в разных частях жилища. Некоторые костры встречены непосредственно у выкладки из костей (кв. Б—VIII) или в линии скопления костей (кв. А—Р—X). Эти обстоятельства осложняют понимание данного жилища.

Близкие по типу остатки жилищ выявлены А. П. Чернышем в XI и XII культурных слоях многослойной стоянки Молодова 5 (*Черныш А. П.*, 1965).

В обоих этих близко расположенных памятниках Молодова 1 и 5, залегающих в четких стратиграфических условиях и убедительно датированных И. К. Ивановой брерупским интерстадиалом раннего вюрма, зафиксировано восемь культурных слоев, доставивших огромные коллекции каменного инвентаря. Здесь, так же как и в Хотылево, господствует леваллуазская техника расщепления камня. Но она отличается от хотылевской по многим признакам. Для изготовления орудий в Хотылево использовали толстые заготовки, которые обрабатывались высокой ступенчатой ретушью. Здесь же, в молодовских памятниках, все орудия изготовлены на тонких пластинчатых заготовках — на пластинках и пластинчатых отщепах и редко — на отщепах (рис. 60). Ретушь, как правило, неглубокая краевая, часто лишь слегка укрепляет острый край и не заходит далеко на плоскость орудия. Представлена серия типичных леваллуазских острий почти без дополнительной обработки (рис. 60, *1*). Среди скребел преобладают боковые; скребел с поперечным лезвием нет, как нет и угловатых. Выделяется большая серия скребел-ножей. И совершенно нет двустороннеобработанных орудий. По всем этим признакам молодовские памятники на общем фоне совершенно иных мустьерских памятников Русской равнины были выделены в особую молодовскую мустьерскую культуру (*Праслов Н. Д.*, 1965, 1968; *Гладилин В. Н.*, 1976; *Анисюткин Н. К.*, 1972).

Своеобразие молодовских мустьерских памятников, выделяющихся совершенной техникой расщепления кремня и техникой тонкого краевого ретуширования, подчеркивает группа памятников, открытых и изучающихся Н. К. Анисюткиным и Н. А. Кетрару в Поднестровье и Попрутье (*Анисюткин Н. К.*, 1972; *Кетрару Н. А.*, 1973). Здесь по соседству с молодовскими памятниками выявлены местонахождения, каменные орудия в которых изготовлены при помощи иной техники расщепления и имеют иной морфологический облик. Эта группа местонахождений положена в основу выделения Н. К. Анисюткиным стинковской мустьерской культуры. К ней отнесены местонахождения Осыпка, Хоробра, эпонимные памятники Стинка I и II, возможно, грот Буздужаны и др. (*Анисюткин Н. К.*, 1969). Не будь резкого контраста по технике расщепления и по морфологии орудий в перечисленных памятниках с богатыми мустьерскими молодовскими стоянками, нельзя было бы выделять «стинковскую культуру», поскольку каменный инвентарь в этих памятниках представлен небольшим количеством изделий. В наиболее выразительном местонахождении Стинка I к верхнему слою отнесено 390 предметов, к нижнему — 1620 предметов, причем часть находок представлена сборами на поверхности. Культурные слои разрушены, нет остатков фауны. Несомненно, материалов для выделения археологической культуры явно недостаточно ввиду их крайней ограниченности. И тем не менее, можно согласиться с Н. К. Анисюткиным в его главном выводе о том, что стинковская группа не может быть связана генетически с молодовской даже при значительном допуске хронологической разницы. Следовательно, здесь представлены разные культурные традиции. Сейчас пока остается неясным только отношение группы стинковских местонахождений к другим не молодовским памятникам на территории Русской равнины в Молдавии, в Полесье. Например, в Житомирском местонахождении, в котором имеются смешанные материалы, хорошо представлено большинство зубчато-выемчатых форм, аналогичных стинковским, и листовидные двустороннеобработанные наконечники. Неясна и южная граница распространения подобных памятников в Молдавии и Румынии. «Стинковская культура» пока не определена в пространстве и времени.

Здесь приведены характеристики далеко не всех известных сейчас мустьерских местонахождений на Русской равнине. Только на территории Молдавии их открыто сейчас 30, причем некоторые из них залегают в гротах и составили хорошие коллекции (*Кетрару Н. А.*, 1973). Выразительные материалы собраны при раскопках мустьерской стоянки Бетово на Десне (*Тарасов Л. М.*, 1977). Интересные материалы собраны при раскопках в Приазовье и Донбассе — мустьерские памятники Александровка (работы Д. С. Цвейбель — 1971), Носово I (*Праслов Н. Д.*, 1972). По этим же причинам не упомянуты небольшие местонахождения типа Белгород-Днестровского (*Криволап*, 1964), группы днепровских памятников (*Смирнов С. В.*, 1973) и др., хотя все они, бесспорно, представляют определенный интерес для характеристики мустьерской эпохи на Русской равнине.

Палеоантропологические находки

Остатки ископаемого человека эпохи раннего палеолита на территории Русской равнины и Крыма немногочисленны. Для ашельской эпохи они неизвестны. Памятники мустьерской эпохи дали ряд интересных находок.

В 1924 г. Г. А. Бонч-Осмоловский при раскопках грота Киик-Коба обнаружил костные остатки взрослого неандертальца и ребенка очень раннего возраста (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1940, 1941, 1954). Это была первая находка костей палеолитического человека на территории нашей страны. Погребение взрослого человека было совершено в могильной яме, выдолбленной в скалистом дне грота. По указанию Г. А. Бонч-Осмоловского, для могильной ямы были

использованы неровности дна грота. Первобытные обитатели лишь немного искусственно подправили естественное углубление, и получилась могильная яма, соответствующая очертаниям человеческого тела. К сожалению, погребение впоследствии было сильно разрушено. В первоначальном положении на дне могильной ямы сохранились лишь кости правой голени и обеих стоп. Кроме того, на соседних участках обнаружены остатки кисти и один зуб. Остальные кости погибли.

По сохранившимся в нетронутом состоянии костям Г. А. Бонч-Осмоловский восстанавливал положение скелета и трупа целиком. По его мнению, покойник лежал на правом боку со слегка подогнутыми ногами. Такая поза характерна для мустьерских погребений вообще.

Осталось не совсем ясным, с каким из двух культурных слоев связано погребение. Яма, вырытая обитателями верхнего культурного слоя, врезалась в погребение, и это усложнило стратиграфию Киик-Кобы. Г. А. Бонч-Осмоловский очень тщательно анализировал эту сложную картину и в своей монографии пришел к выводу, что погребение относится к верхнему культурному слою (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1940). Недавно В. Н. Гладилин обратил внимание на ряд деталей, которые позволили ему вернуться к первоначальному мнению Г. А. Бонч-Осмоловского о принадлежности погребения к нижнему культурному слою (*Гладилин В. Н.*, 1979).

Кости взрослого неандертальца были детально изучены Г. А. Бонч-Осмоловским (1941, 1954), кости ребенка — Э. Влчеком (Vlček, 1976). Важные дополнения по изучению этих остатков сделали Д. Г. Рохлин (1965) и В. П. Якимов. По мнению Д. Г. Рохлина, костные остатки взрослого человека принадлежали скорее всего женщине средних лет, находившейся в расцвете сил и не обнаруживавшей никаких признаков старения. Ей было около 35 лет. Рост ее равнялся 155—159 см. На костях не сохранилось признаков, которые бы свидетельствовали о ее длительной неработоспособности. Она погибла скорее всего от какого-то остро протекавшего заболевания. Предполагаемый возраст второго киик-кобинца — 6—8 месяцев (инфант 1). Э. Влчек выполнил реконструкции и изучение сохранившихся костей младенца: несколько длинных костей, левой бедренной кости, правой лопатки, отдельных костей пальцев руки и ноги, позвонков и позвоночных дуг (*Влчек Э.*, 1974, с. 104—109).

Возрастные соотношения погребенных в Киик-Кобе и положение скелетных остатков поблизости друг от друга позволяет сделать предположение, что здесь были погребены быстро погибшая мать и ее ребенок. В связи с этим особенно интересны детальные онтогенетические исследования остатков обеих особей для установления их филогенетической позиции в системе людей мустьерской эпохи. Даже у ребенка 6—8 месяцев отмечаются типичные неандерталоидные признаки, характерные для «классических» неандертальцев (*Якимов В. П., Харитонов В. М.*, 1979).

Серия костных остатков мустьерских людей разного возраста, но близких по своим морфологическим характеристикам киик-кобинцам обнаружена Ю. Г. Колосовым в Заскальной V и VI (*Колосов Ю. Г., Якимов В. П., Харитонов В. М.*, 1976; *Якимов В. П., Харитонов В. М.*, 1979).

Огромный интерес в мировой науке вызвали находки А. А. Формозовым костных остатков ребенка в пещере Староселье в 1953 г. (*Формозов А. А.*, 1958). Погребение связано с культурным слоем мустьерского времени и принадлежит неандертальцу. Правда, по диагностике ребенка в возрасте 18—20 месяцев имеются серьезные расхождения, которые были сформулированы Я. Я. Рогинским (1954) и Г. Ф. Дебецем. Так, Я. Я. Рогинский считает, что староселец занимает в филогении современного человека такое же место, как и палеоантропы типа Схул. Г. Ф. Дебец, исходя из преобладания сапиентных черт в морфологии черепа и слабого развития примитивных особенностей, не образующих комплекса, относит старосельца к современному виду. Такие признаки, как крутой лоб, наличие подбородочного выступа, глубокие клыковые ямки и другие, характерны для Homo sapiens [2].

За пределами Крыма на Русской равнине остатки человека представлены находками в четвертом слое мустьерской стоянки Рожок I в Приазовье (*Праслов Н. Д.*, 1968) второго коренного зуба и обломком бедренной кости из переотложенного местонахождения Романково на Днепре (*Хрисанфова Е. К.*, 1965).

Хотя собранные находки немногочисленны, они представляют огромный интерес для изучения эволюции мустьерского человека. В Киик-Кобе и в Заскальном на остатках более выражены неандерталоидные черты, в то время как в Староселье и в Рожке I отмечены более развитые сапиентные черты. Это позволяет говорить о том, что позднепалеолитический Homo sapiens на Русской равнине и в Крыму формировался на местной основе мустьерской эпохи (*Формозов А. А.*, 1958).

* * *

Подводя итоги изучения раннего палеолита Русской равнины и Крыма, следует отметить, что здесь теперь известны не только отдельные находки, собранные в разрушенных местонахождениях, но и памятники с хорошо сохранившимися культурными слоями или доставившие выразительные археологические комплексы. Их исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Освоение южных районов Русской равнины произошло в ашельскую эпоху до начала днепровского максимального оледенения. В мустьерскую эпоху обитаемый ареал был значительно расширен во всех направлениях — к северу до Полесья, Средне-Русской и Приволжской возвышенностей, а также освоен Крымский полуостров. Среди домустьерских материалов встречены ручные рубила, что противоречит представлениям об особом пути развития населения Восточной Европы в ашельскую эпоху.

2. Разнообразие материальной культуры мустьерской эпохи на территории Русской равнины и Крыма указывает на существование четких археологических культур этого времени. Выделяются молодовская

[2] В мустьерском культурном слое Староселья найдены также три обломка костей взрослого человека, принадлежавшего к современному типу.

мустьерская культура, распространенная в бассейне Днестра, и белогорская культура, включающая мустьерские памятники Крыма. Молодовская культура резко отличается по технике расщепления и по типам орудий от других памятников на сопредельных территориях и является замкнутой, не связанной генетически с другими культурами Русской равнины. Белогорская же культура, напротив, имеет большое сходство по типам орудий со многими другими памятниками Русской равнины. Это сходство проявляется в аналогичной технике изготовления различных каменных изделий, в особых специфических формах и широком распространении техники двусторонней обработки. Белогорская культура не выделяется так отчетливо, как молодовская, что указывает скорее всего на ее родство в генетическом плане с остальными локальными вариантами Русской равнины.

Достаточно разнообразные мустьерские памятники Русской равнины, разбросанные на широкой площади, вряд ли оставлены людьми единой культуры. Они разнятся по времени и по типологии, хотя имеют много общих черт. В таком случае вряд ли целесообразно каждый памятник выделять в самостоятельную археологическую культуру. Поскольку сходство в типологии каменных орудий не меньше величины различия, мы не можем фиксировать их принадлежность к разным археологическим культурам, несмотря на значительную территориальную разобщенность. Именно так обстоит дело с мустьерскими памятниками Русской равнины. Их генетическое родство, прослеживаемое в технике обработки орудий, указывает на их общность более высокого ранга, чем археологическая культура. Мы предлагаем называть такие широкие общности культурным ареалом. Примером культурного ареала в мустьерскую эпоху могут быть памятники Русской равнины и Крыма, связанные общими корнями с памятниками на территории Польши, ГДР и ФРГ. В рамках таких широких культурных ареалов чрезвычайно трудно выделять более дробные археологические культуры, гораздо лучше выделяются локальные варианты. Например, на Русской равнине намечается выделение группы памятников в Поднепровье, куда входят Хотылево, Житомирское местонахождение и Рихта, со сходным каменным инвентарем. Выделение этой группы в самостоятельную археологическую культуру пока нельзя считать оправданным, так как они резко не выделяются по типологии на фоне остальных мустьерских памятников, с которыми имеют много общих черт. Но своеобразие в оформлении двустороннеобработанных каменных орудий позволяет выделить их в особый деснинско-полесский локальный вариант.

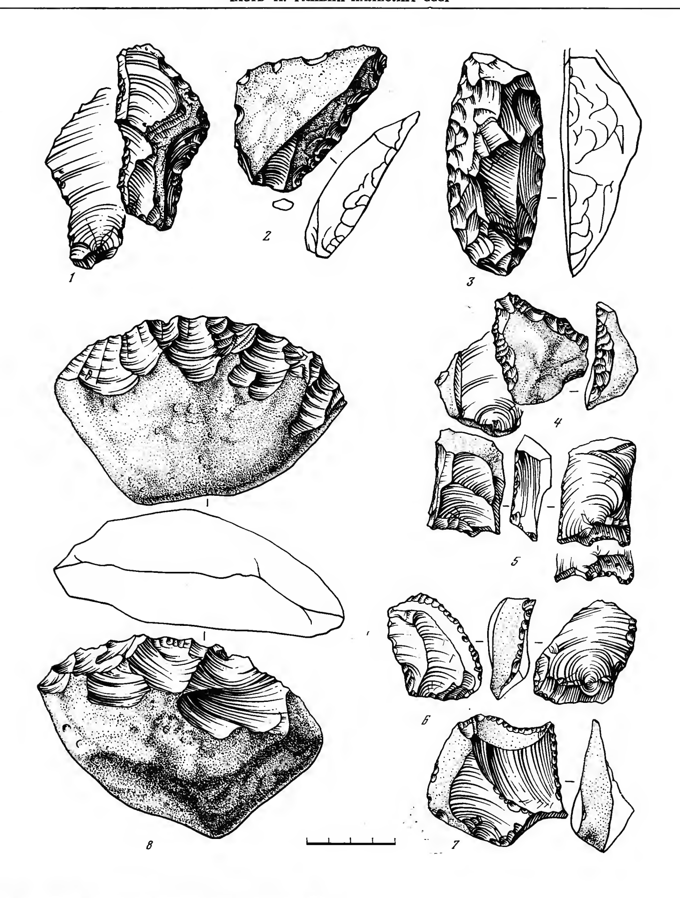

Рис. 38. Хрящи. Ашельский комплекс. Каменные изделия. По Н. Д. Праслову

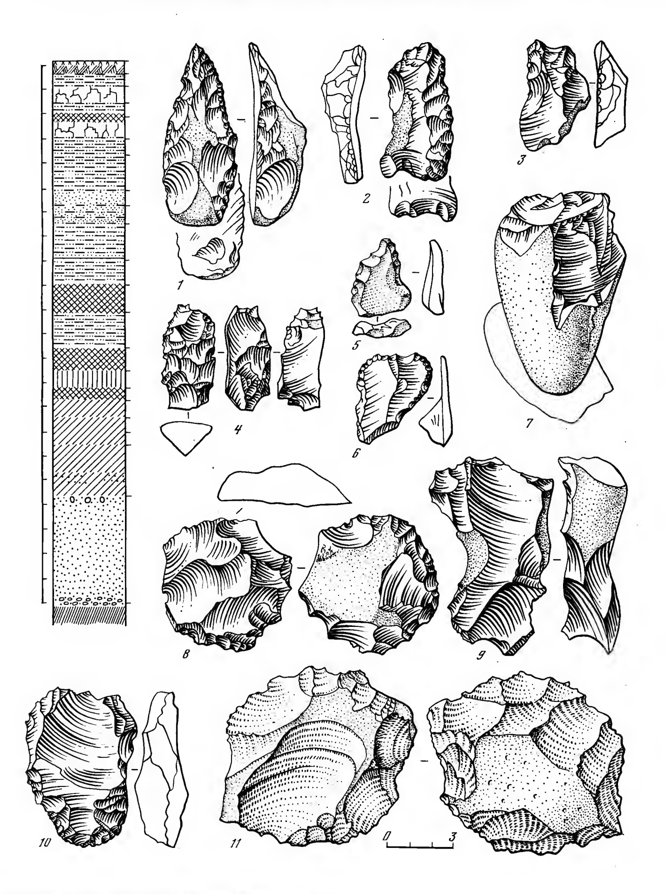

Рис. 39. Михайловское. Геологический разрез и каменные изделия. По Н. Д. Праслову

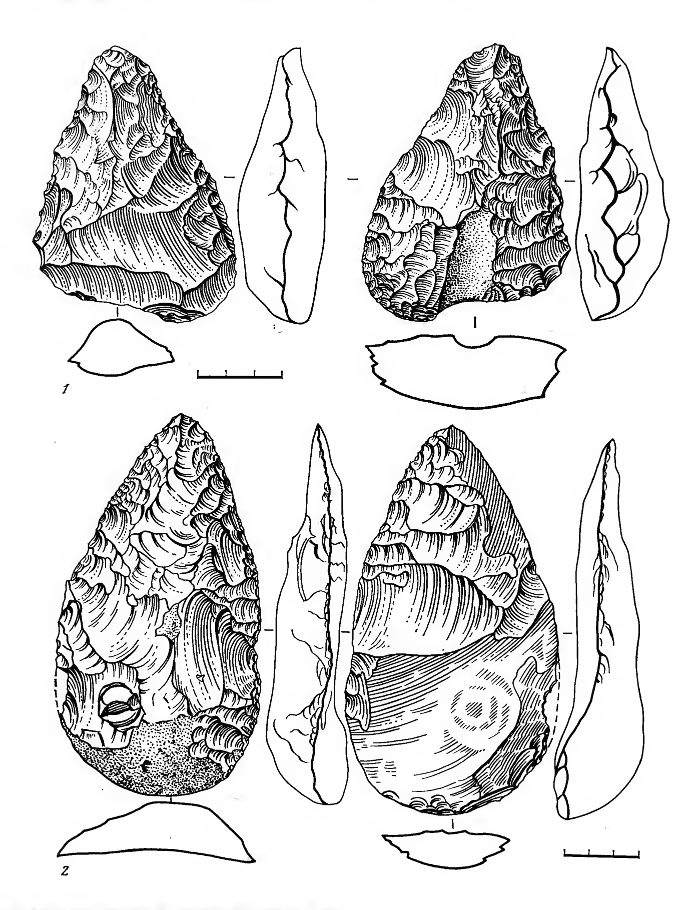

Рис. 40. Ручные рубила из Амвросиевки (*1*) и Макеевки (*2*).

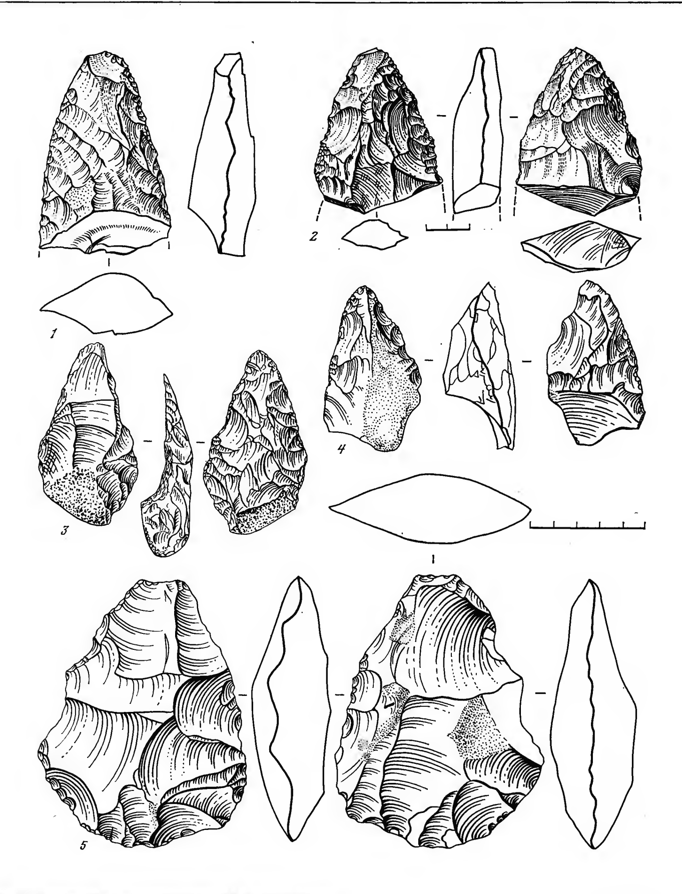

Рис. 41. Ручные рубила из местонахождений на Русской равнине

1 — хут. Сазонов; *2* — Кишлянский Яр; *3* — грот Выхватинцы; *4* — Беглица; *5* — Кочуров

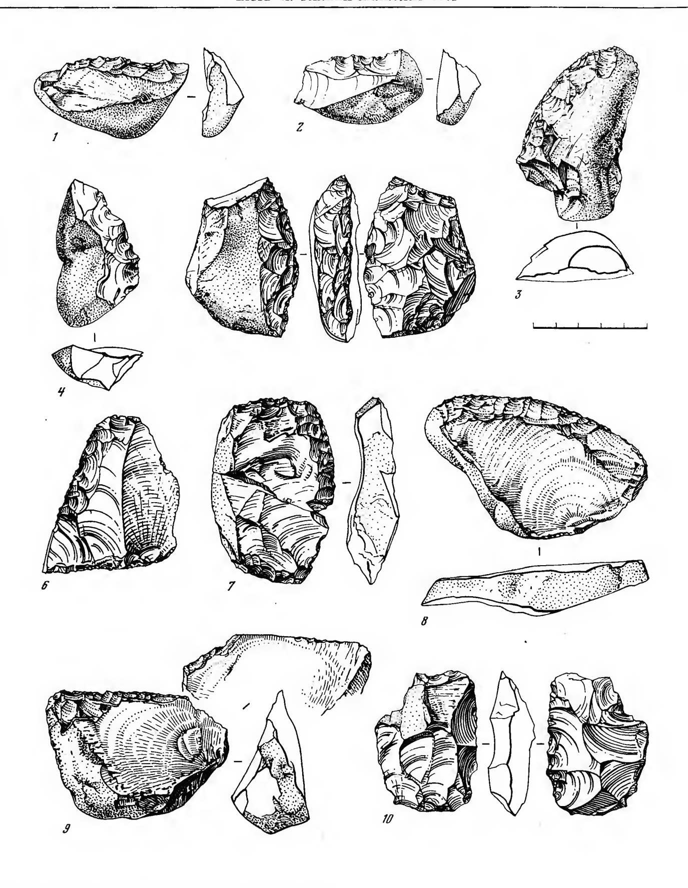

Рис. 42. Королево. Каменные орудия из шестого слоя (*1—10*). По В. Н. Гладилину

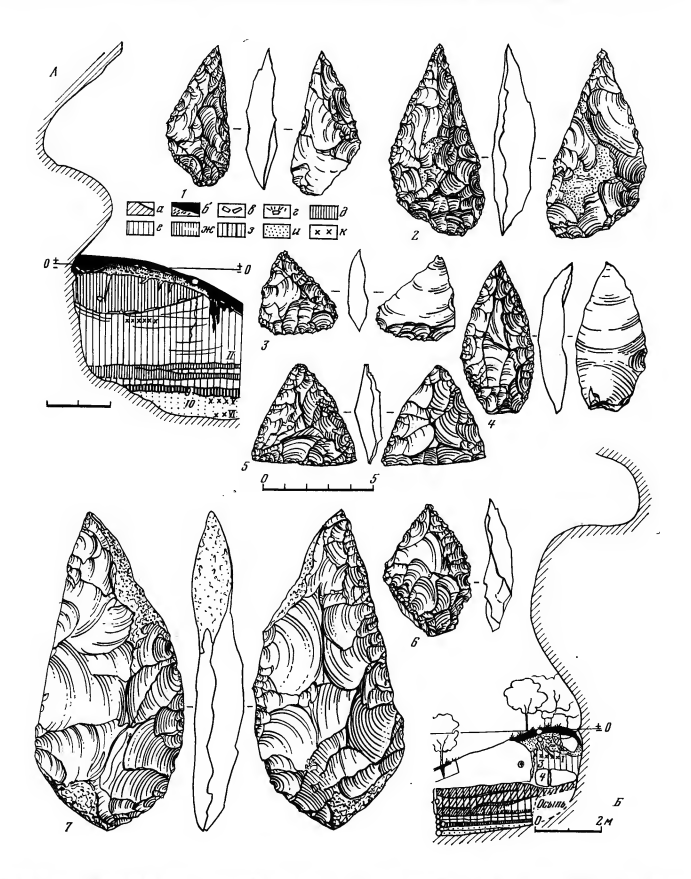

Рис. 43. Схемы стратиграфического положения культурных слоев в Заскальной V (*А*) и Заскальной VI (*Б*) и каменные орудия из четвертого слоя Заскальной V (*А*)(по Ю. Г. Колосову) и Заскальной VI (*Б*)

а — скальный массив; *б* — современная почва; *в* — плитки известняка; *г* — суглинок желтый; *д* — суглинок бурый; *е* — суглинок палевый; *ж*, *з* — культурные слои; *и* — детрит известняковый; *к* — уровни находок кремней

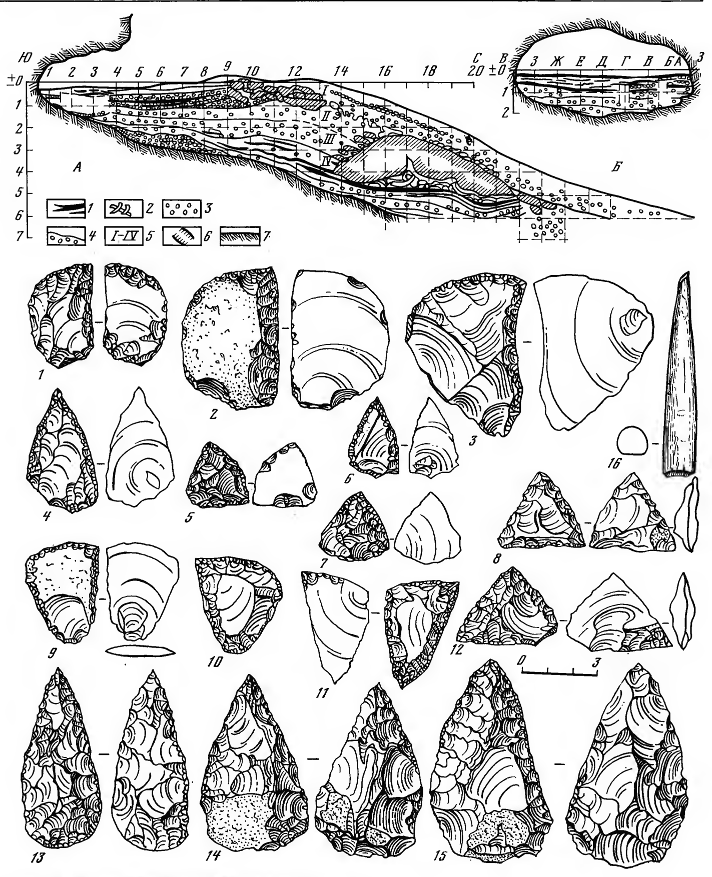

Рис. 44. Чокурча. Разрез отложений и каменные орудия. По Н. Л. Эристу

1 — углистые прослойки; *2* — крупные кости животных; *3* — редкая щебенка; *4* — частая щебенка; *5* — культурные слои; *6* — крупные блоки известняка; *7* — скальный массив

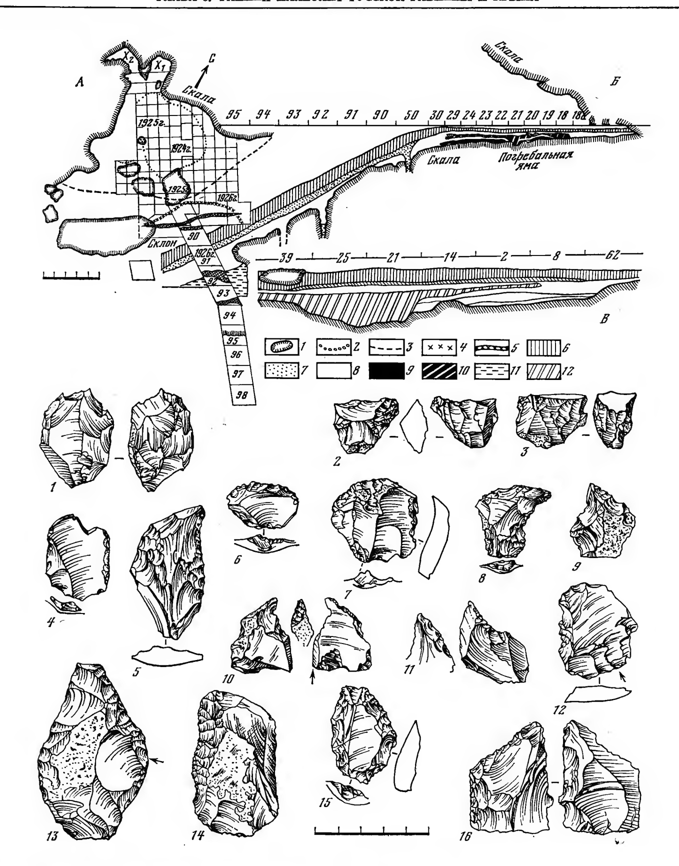

Рис. 45. Киик-Коба. План пещеры, разрез и каменные изделия из нижнего слоя. По Г. А. Бонч-Осмоловскому

1 — скальный массив и крупные обломки; *2* — граница бурого слоя (II); *3* — граница навеса; *4* — северная граница серого тарденуазского слоя; *5* — трещины на склоне; *6* — современный гумусовый слой; *7* — известковая супесь; *8* — желтый щебенчатый суглинок; *9* — нижний очажный слой; *10* — верхний очажный слой; *11* — зеленая глина; *12* — глина

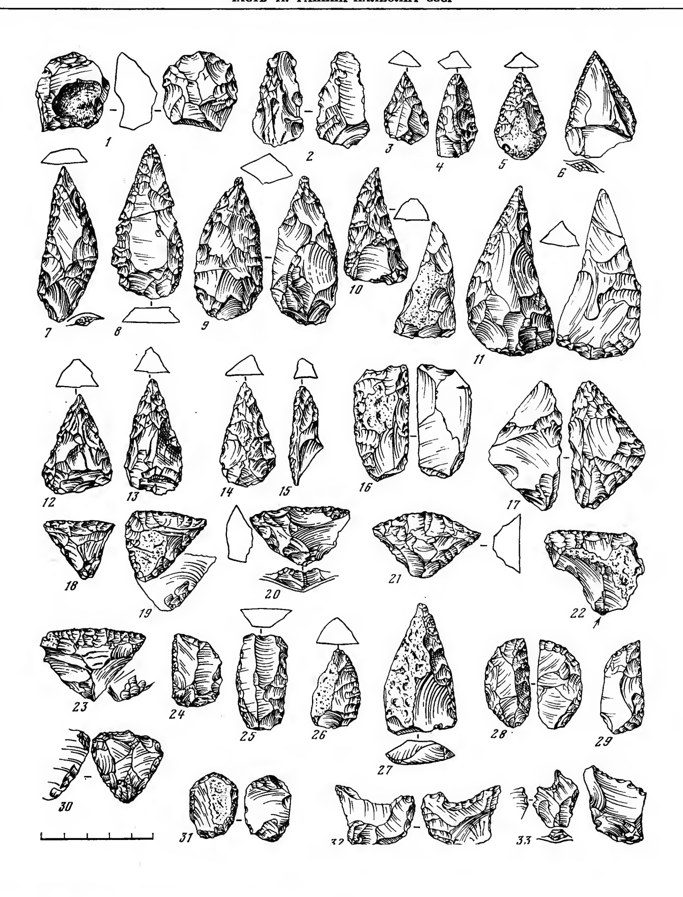

Рис. 46. Кинк-Коба. Каменные изделия из верхнего слоя. По Г. А. Бонч-Осмоловскому

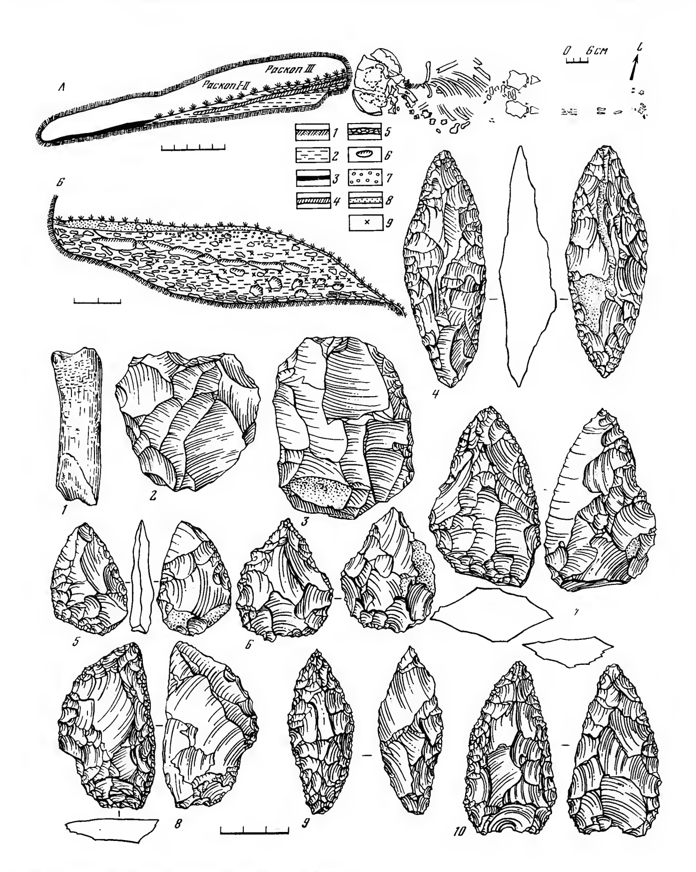

Рис. 47. Староселье. Разрез, погребение и каменные изделия. По А. А. Формозову

1 — скала; *2* — суглинок; *3* — кизячный слой; *4* — слой плит обвала; *5* — щебенка; *6* — камни; *7* — гравий; *8* — гумусовый слой; *9* — культурные остатки

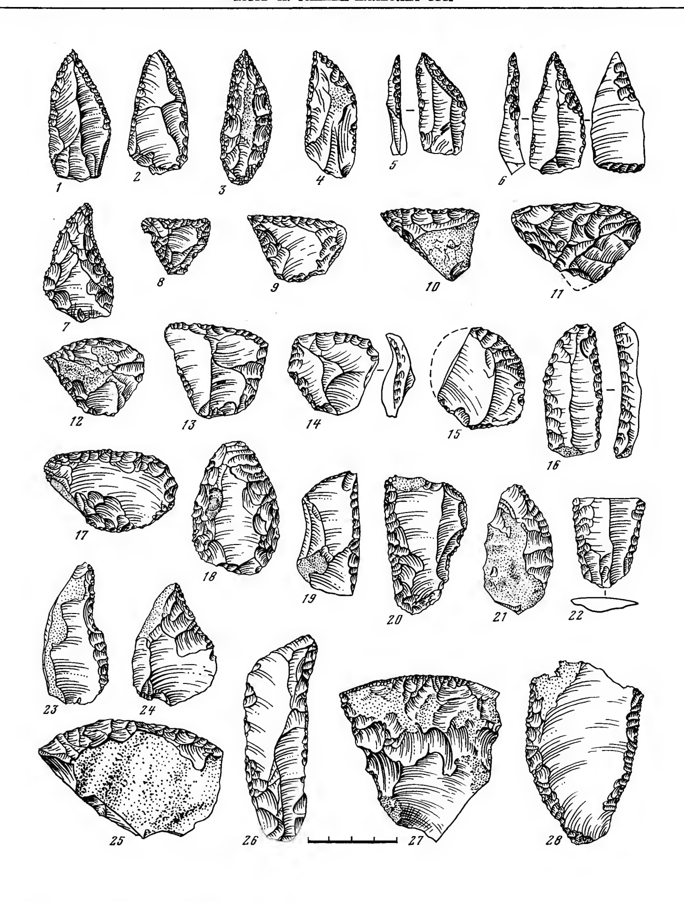

Рис. 48. Староселье. Каменные орудия. По А. А. Формозову

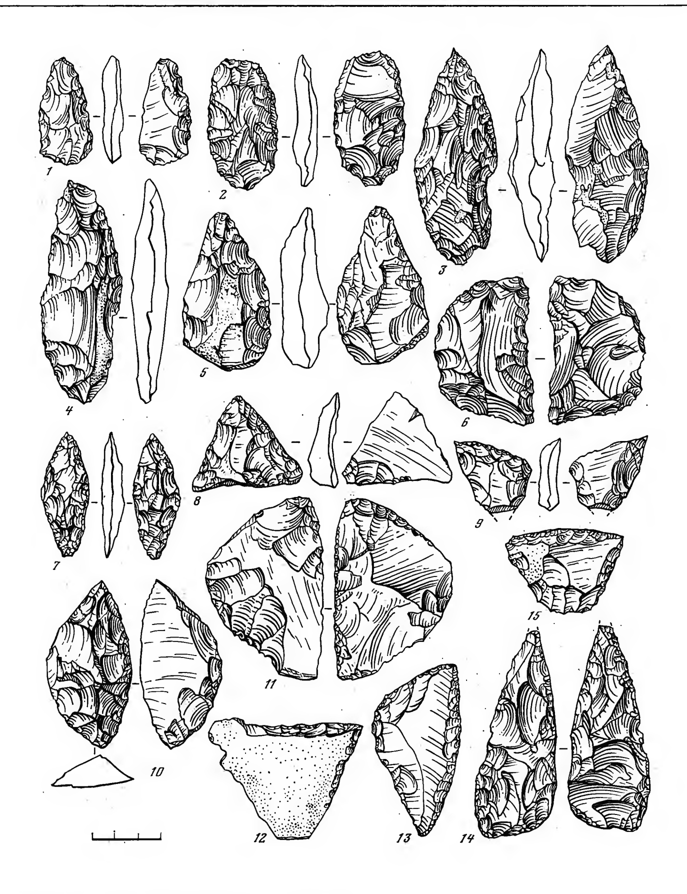

Рис. 49. Антоновка I. Каменные орудия. По В. Н. Гладилину

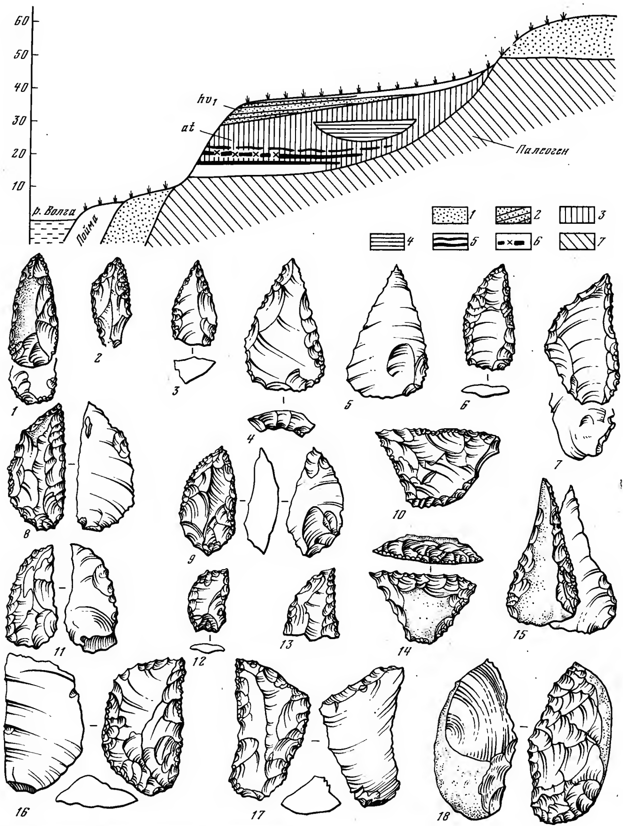

Рис. 50. Сухая Мечетка. Стратиграфическое положение памятника и каменные орудия. По С. Н. Замятнину

1 — песок; *2* — слоистые хвалынские осадки; *3* — ательские суглинки; *4* — ательские озерные осадки; *5* — ископаемые почвы; *6* — культурный слой; *7* — палеогеновые песчаники

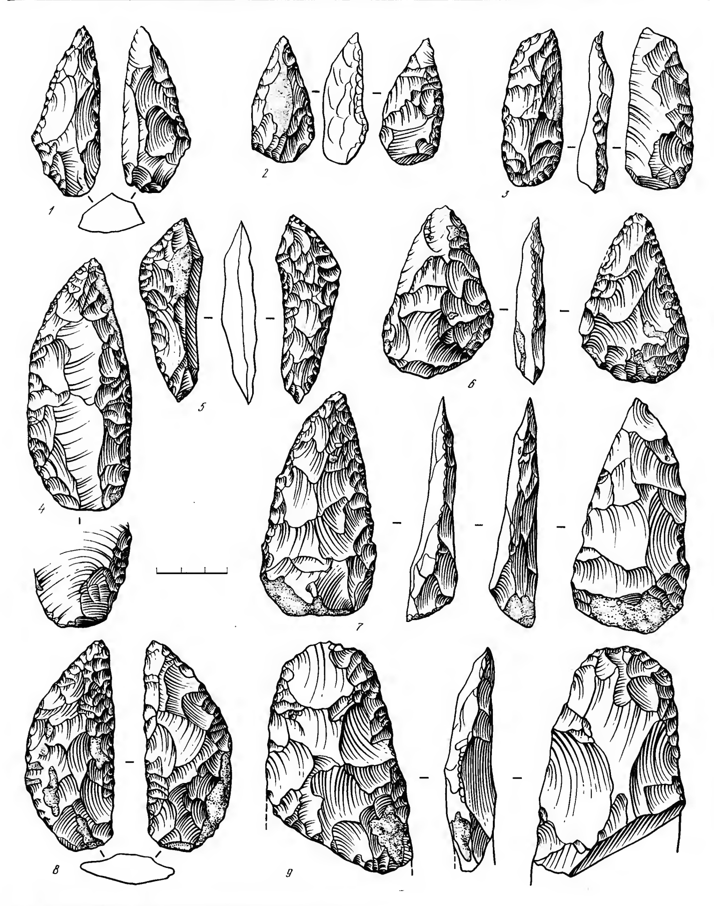

Рис. 51. Сухая Мечетка. Двустороннеобработанные каменные орудия. По С. Н. Замятнину

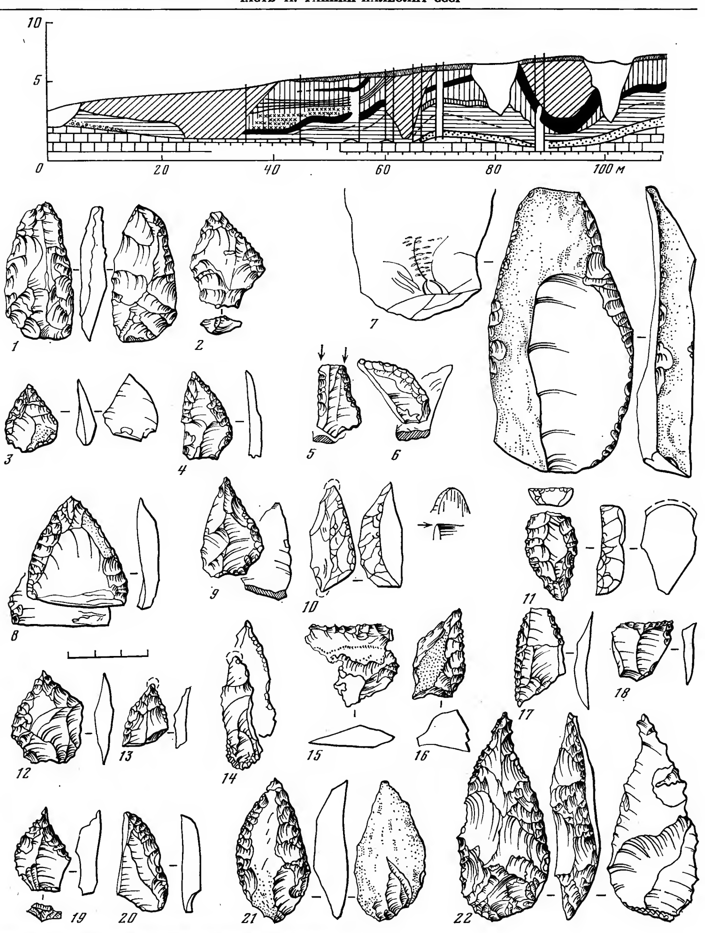

Рис. 52. Рожок I. Схема залегания культурных слоев и каменные орудия. По Н. Д. Праслову

На схеме палеолитические культурные остатки обозначены косыми крестиками, слои ископаемой почвы черной заливкой, слои суглинка вертикальной и горизонтальной штриховкой; отложения подстилаются сарматским известняком

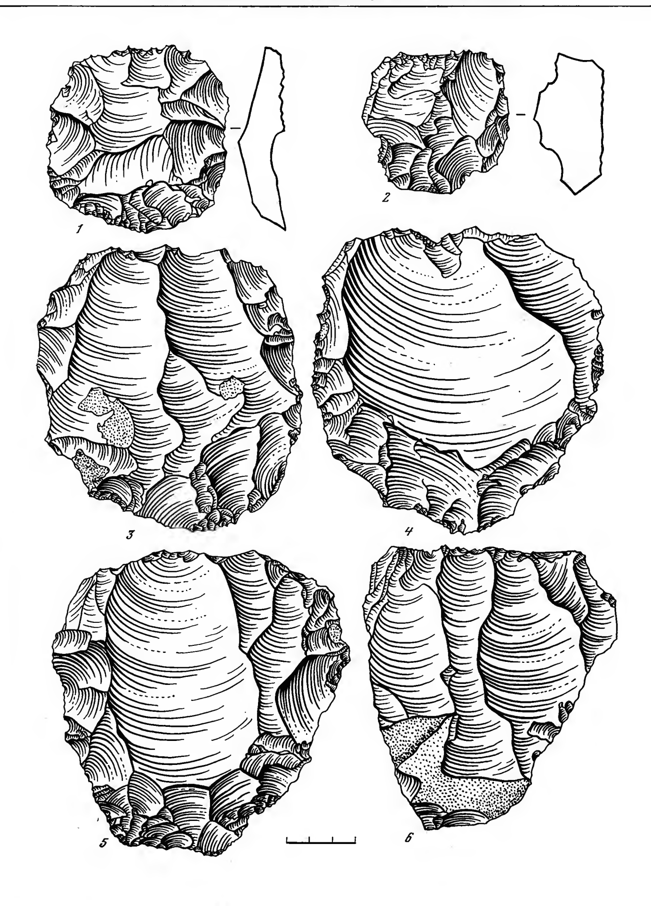

Рис. 53 Хотылево. Нуклеусы. По Ф. М. Заверняеву

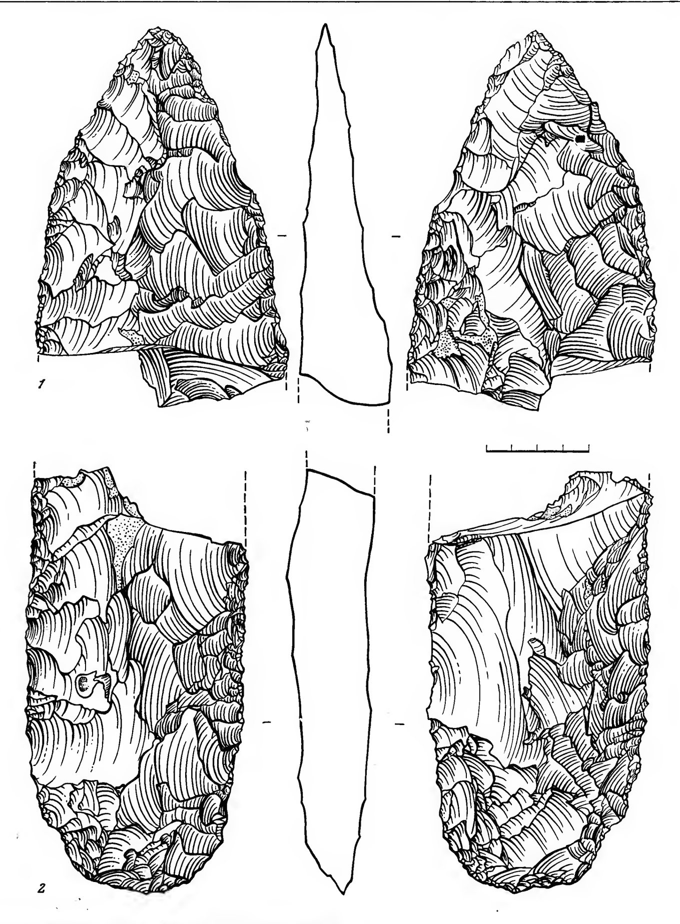

Рис. 54. Хотылево. Обломки бифасов. По Ф. М. Заверняеву

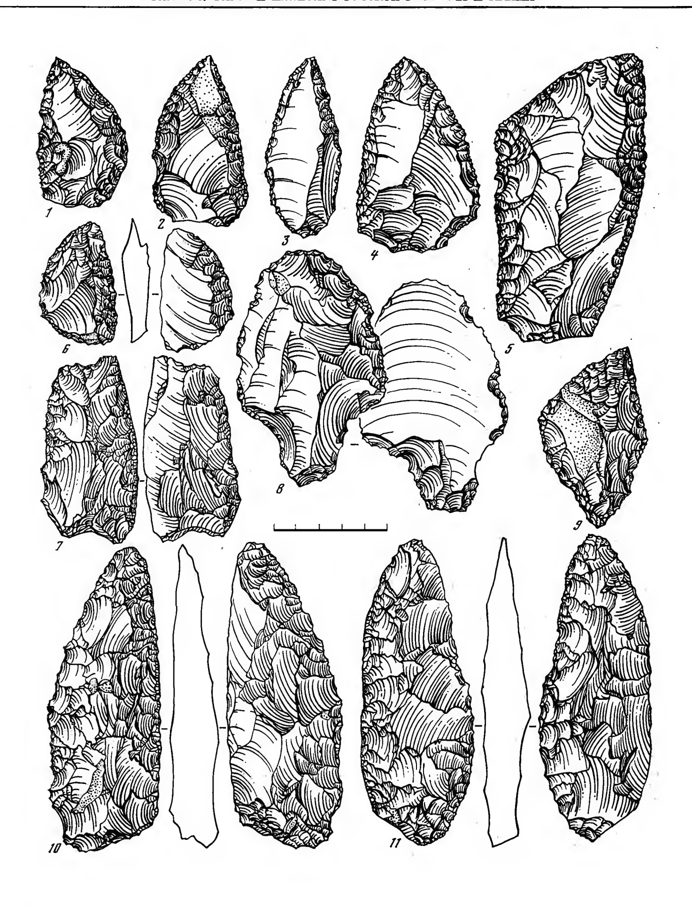

Рис. 55. Хотылево. Каменные орудия. По Ф. М. Заверняеву

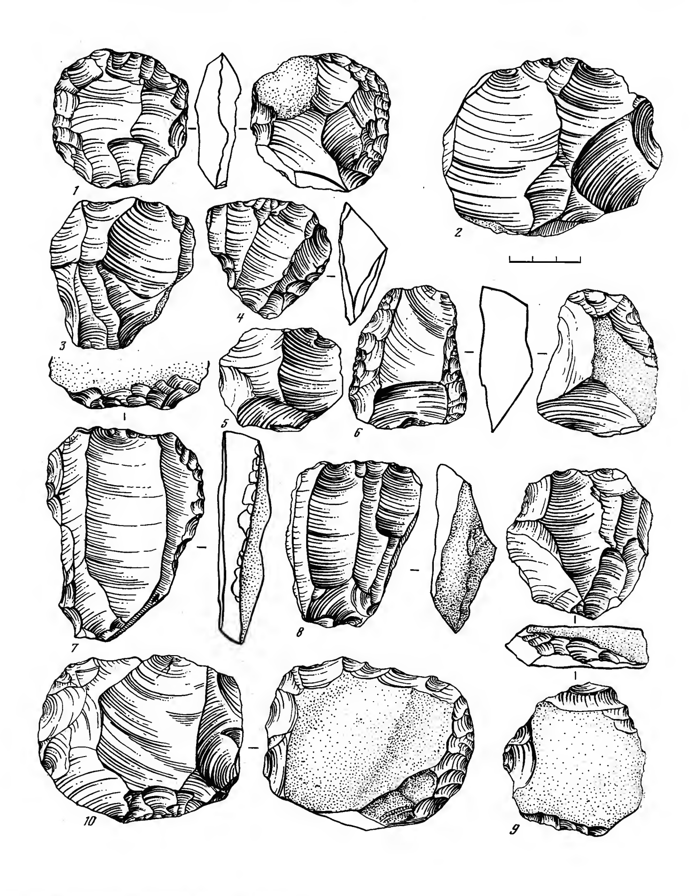

Рис. 56. Житомирское местонахождение. Нуклеусы

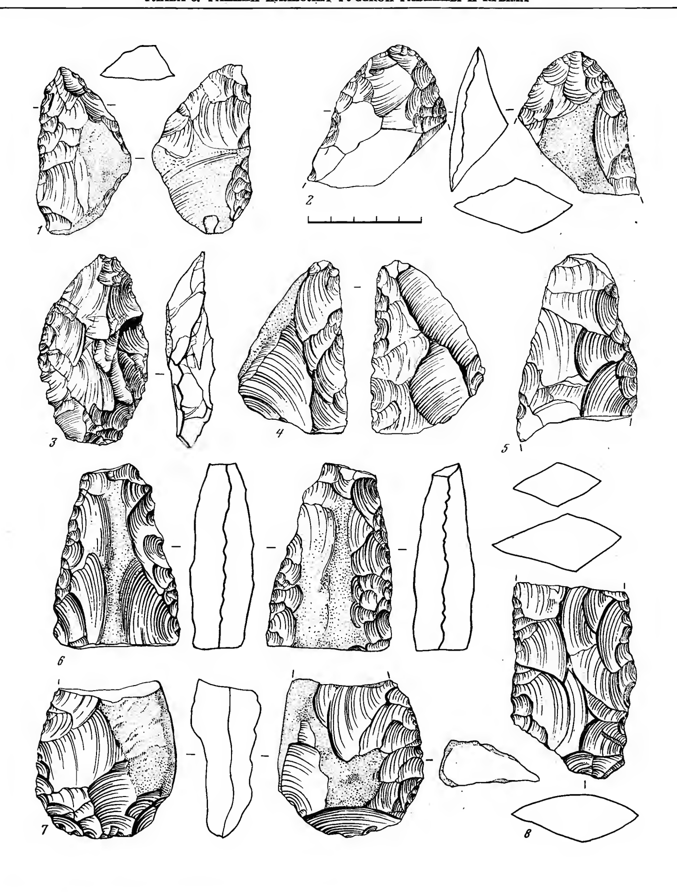

Рис. 57. Житомирское местонахождение. Двусторонне обработанные орудия.

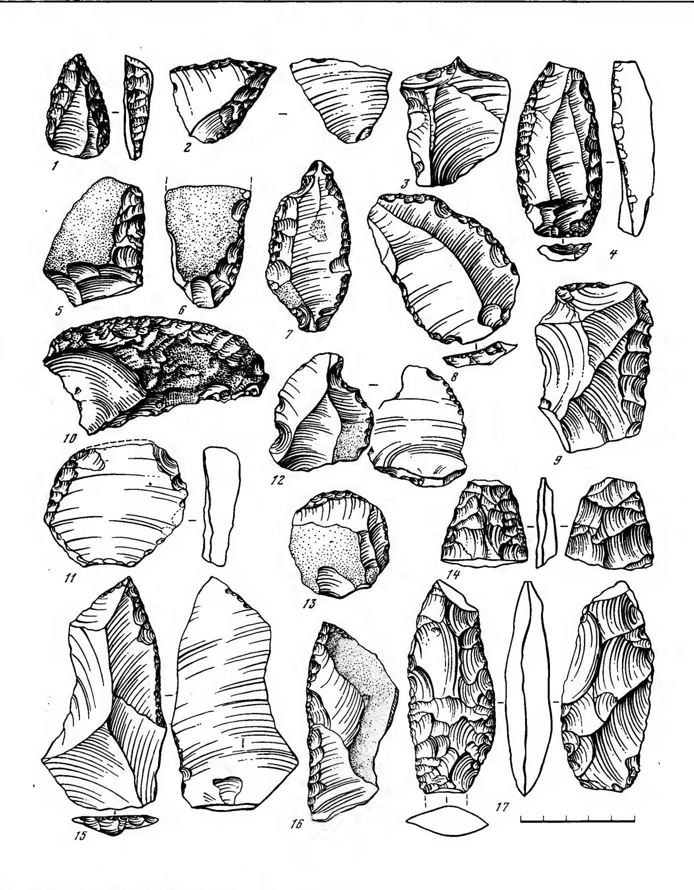

Рис. 58. Житомирское местонахождение. Каменные орудия.

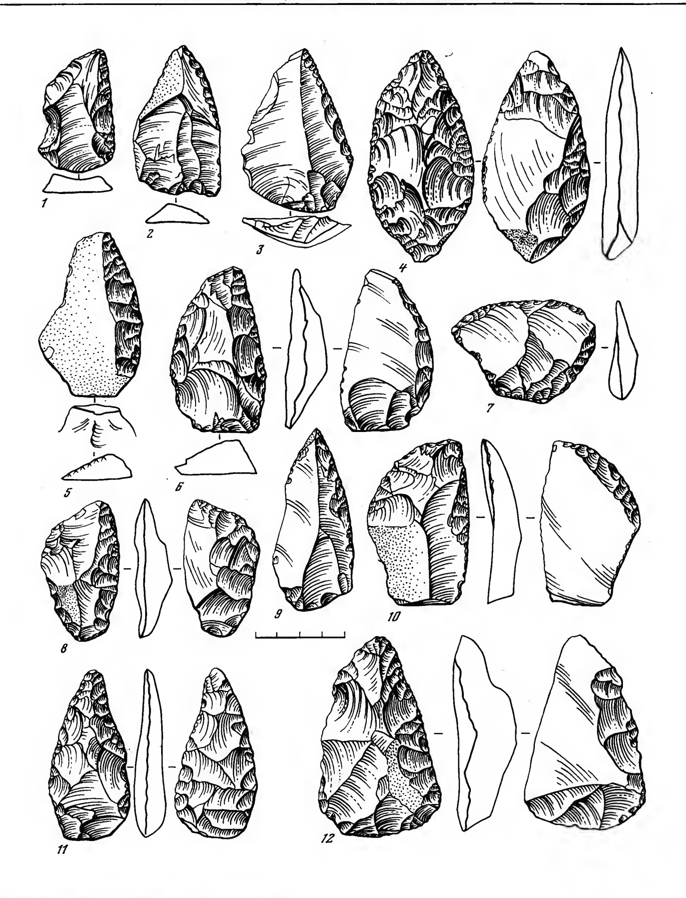

Рис. 59. Рихта. Каменные орудия. По С. В. Смирнову

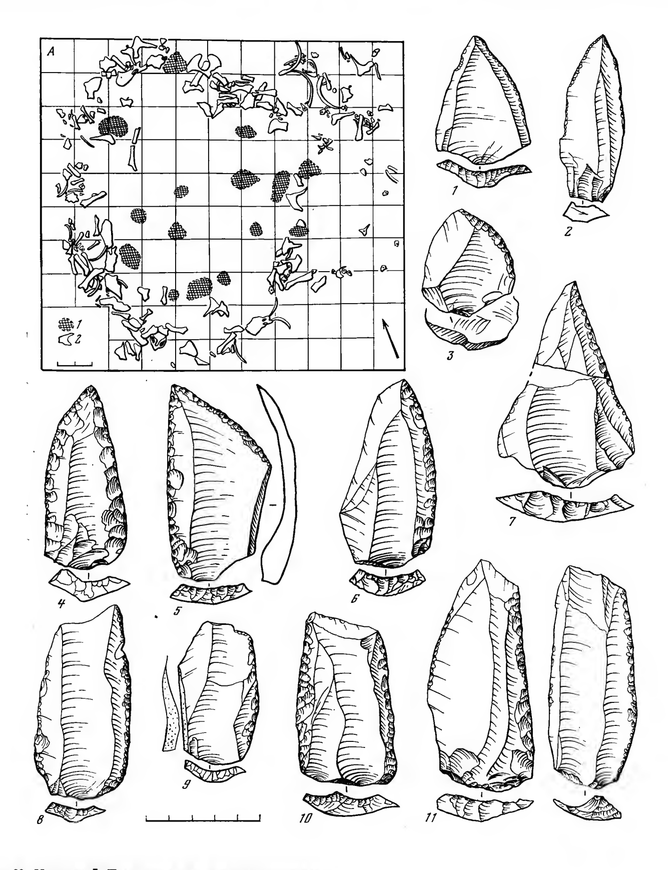

Рис. 60. Молодово I. План жилища и каменные орудия из четвертого мустьерского слоя. По А. П. Чернышу

1 — очаги; 2 — кости мамонта

Глава четвертая
Ранний палеолит Азиатской части СССР[1]

Проблема первоначального заселения Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока еще далека от своего разрешения, хотя в последние десятилетия накоплены немалые данные, позволяющие поставить ее со всей определенностью. Характерным для этой обширной территории является постепенное заполнение белых пятен: открытие палеолитических памятников в ранее неизведанных районах и установление древнейших местонахождений там, где палеолит уже был известен. Одной из причин успеха в этой области является тесный контакт археологов с геологами-четвертичниками и учеными смежных дисциплин. В результате совместных усилий палеолитические находки получают надежную датировку, намечается хронологическая последовательность культуры в том или ином регионе.

История исследования раннего палеолита Азиатской части СССР еще относительно коротка, но насыщена событиями значительной важности. До революции на этой территории не было известно ни одной подлинной раннепалеолитической находки. В 30-е годы в Средней Азии оживилась деятельность краеведов-любителей, но только 1938 год — год открытия грота Тешик-Таш с мустьерской культурой и погребением ребенка-неандертальца — можно считать началом систематического научного изучения древнейших памятников Средней Азии. Здесь необходимо подчеркнуть роль А. П. Окладникова не только в исследовании этого всемирно известного грота в Узбекистане, но и в открытии и изучении раннепалеолитических местонахождений в других среднеазиатских республиках и в постановке наиболее значимых проблем. Работы А. П. Окладникова в Туркмении с 1947 г. установили наличие ашельских и мустьерских остатков на Красноводском полуострове. Во время разведок в Киргизии в 1953 г. было открыто местонахождение Он-Арча. В Таджикистане в западной части Ферганской долины с 1954 по 1961 г. А. П. Окладников исследовал Кайрак-Кумские местонахождения, давшие значительные серии раннепалеолитических изделий. В Узбекистане в 1958 г. начались раскопки мустьерского грота Ходжакент.

Вслед за открытиями А. П. Окладникова последовали другие. Отметим лишь наиболее важные. В 1947 г. Д. Н. Лев приступил к исследованию мустьерской пещеры Аман-Кутан в Зеравшанском хребте. В 1957 г. В. А. Ранов в Вахшской долине на останцах Кара-Бура открыл мустьерское местонахождение с обильным галечным инвентарем. В 1961 г. им же на севере Таджикистана обнаружено местонахождение Джар-Кутан и собрана выразительная коллекция изделий леваллуа-мустьерского облика.

В 1962 г. открыт и в дальнейшем изучался М. М. Герасимовым и Р. Х. Сулеймановым один из наиболее интересных гротов Средней Азии — Обирахмат, в 100 км от Ташкента с инвентарем позднего мустье. В том же году обнаружена многослойная стоянка Кульбулак в долине Ангрена, в течение ряда лет исследуемая М. Р. Касымовым, и открытое местонахождение Кызылнура в Кызыл-Кумах. В Киргизии В. А. Рановым обнаружены мустьерские стоянки: в 1965 г.— Тоссор, в 1967 г.— Георгиевский Бугор.

Нельзя не отметить и открытие таких мустьерских памятников, как Огзи-Кичик в Таджикистане в 1969 г., исследуемом В. А. Рановым, и Кутурбулак в Узбекистане в 1971 г. (раскопки Н. Х. Ташкенбаева). И, наконец, последние по счету, но отнюдь не по важности, древнейшие в Средней Азии стоянки были открыты недавно геологами в лессовых разревах Таджикистана: в 1972 г. А. А. Лазаренко в хребте Каратау и в 1974 г. А. Е. Додоновым на р. Обимазар. Местонахождения изучаются В. А. Рановым.

В Казахстане первые мустьерские находки были сделаны в начале 50-х годов С. С. Черниковым в верховьях Иртыша. Затем последовали открытия в Южном Казахстане, сперва отдельные сборы геологов, а с 1957 г. планомерные разведки гор Каратау, предпринятые Х. А. Алпысбаевым, принесли значительный успех — были обнаружены многочисленные местонахождения раннего палеолита. В начале 60-х годов А. Г. Медоев, а затем М. Н. Клапчук провели обследование Центрального Казахстана. В Северном Прибалхашье и в окрестностях г. Караганды собраны материалы, относящиеся к различным эпохам каменного века, в том числе и раннепалеолитические. В 1961 г. Г. Н. Матюшин открыл стоянку Мысовую на Южном Урале.

Древнейшие местонахождения стали встречаться и на территории Сибири — области, которая издавна считалась заселенной только в позднем палеолите. Еще в 1954 г. на Алтае была открыта и почти полностью раскопана С. И. Руденко первая мустьерская стоянка — Усть-Канская пещера. В 1961 г. А. П. Окладников обнаружил на Алтае (Улалинка) и на Дальнем Востоке (Филимошки) местонахождения с примитивным галечным инвентарем. В 1966 г. группа томских любителей-спелеологов открыла на Алтае пещеру Страшную, исследованную затем А. П. Окладниковым и Н. Д. Оводовым при участии геологов В. М. Муратова и Э. О. Фриденберг. В 1969 г. после заполнения Братского водохранилища Г. И. Медведев начал сборы раннепалеолитических изделий на высоких террасах р. Ангары. В 1974 г. З. А. Абрамовой найден первый мустьерский памятник Хакасии — грот Двуглавка. В 1977 г. А. П. Окладников и Н. Д. Оводов установили наличие мощного мустьерского слоя в Денисовой пещере на Алтае и в том же году А. П. Окладников у с. Богородское на Нижнем Амуре обнаружил уникальное для Северной Азии ручное рубило ашельского облика.

[1] Глава написана по опубликованным материалам В. А. Ранова, А. П. Окладникова, Х. А. Алпысбаева, А. Г. Медоева, Г. И. Медведева, Р. Х. Сулейманова, М. Р. Касымова, Н. Х. Ташкенбаева, М. Н. Клапчука. Автор глубоко признателен А. П. Окладникову и В. А. Ранову, предоставившим возможность ознакомления с неизданными материалами.

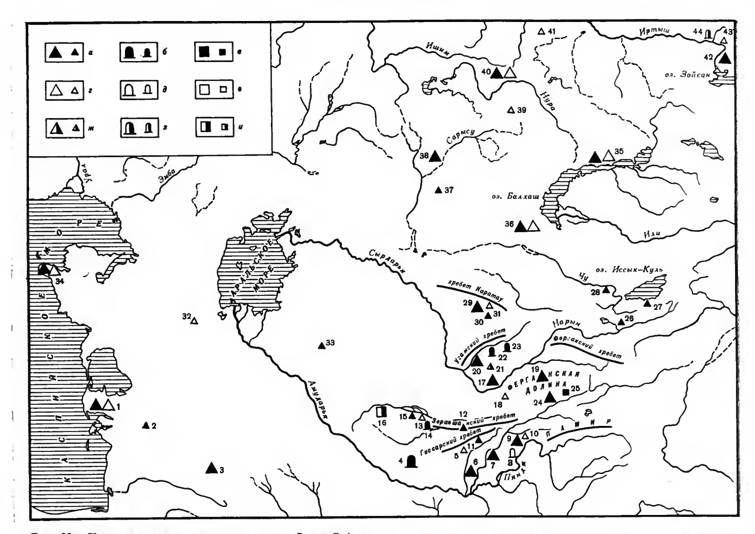

Рис. 60а. Карта палеолитических памятников Средней Азии и Казахстана

а — раннепалеолитические стоянки открытого типа; *б* — раннепалеолитические пещеры или гроты; *в* — раннепалеолитические шахты и мастерские; *г* — позднепалеолитические стоянки открытого типа; *д* — позднепалеолитические пещеры или гроты; *е* — позднепалеолитические шахты и мастерские; *ж* — многослойные разновременные стоянки открытого типа; *з* — многослойные разновременные пещеры или гроты; *и* — многослойные разновременные шахты и мастерские.

Крупные знаки обозначают группы памятников; мелкие знаки обозначают единичные памятники.

1 — Янгаджа I, II, Каскыр-Булак; *2* — Бегарсландаг; *3* — Томчи-Су, Оталыгзов; *4* — Тешик-Таш, Амир-Темир; *5* — Худжи; 6 — Кухи-Пиез; Кара-Бура; *7* — Каратау Таджикский; *8* — Оган-Кичик; *9* — Лахути; *10* — Шугноу; *11* — Семиганч; *12* — Джар-Кутан; *13* — Самаркандская; *14* — Аман-Кутан; *15* — Кутурбулак; *16* — Учтут; *17* — Кайрак-Кумы; *18* — Ходжа-Гор; *19* — Ферганские стоянки; *20* — Бозсу; *21* — Кульбулак; *22* — Ходжакент; *23* — Обирахмат; *24* — Охна; *25* — Капчигай; *26* — Он-Арча; *27* — Тоссор; *28* — Георгиевский Бугор; *29* — Борыказган, Танирказган; *30* — Кара-Су; *31* — Турланский перевал; *32* — Есен-2; *33* — Кызыл-Нура; *34* — Мангышлак; *35* — р. Туранга; *36* — Горы Хантау; *37* — Жаман-Айбат; *38* — Обалысан; Музбель; *39* — Карабас 3; *40* — Батпак; *41* — Ангресор 2; *42* — Аул Канай, Свинчатка; *43* — Ново-Никольское; *44* — Пещера

Как видно из этого краткого обзора, существует определенная неравномерность в изучении древнейшего этапа (см. карту — рис. 60а). Если предгорья Средней Азии, связанные с центрами современной цивилизации, изучены достаточно полно, этого нельзя сказать о равнинных районах Туркмении и Казахстана. Древнейшие домустьерские памятники предгорий как отдельные находки, так и открытые недавно стратифицированные памятники принадлежат, бесспорно, к пласту галечных культур без бифасов. В равнинной же части на Красноводском полуострове, на полуострове Мангышлак, в районе казахского мелкосопочника (Сары-Арка), представлена бифасиальная техника.

Далее на восток, на Алтае, Ангаре, Амуре спорадически встречаются пункты галечной культуры, хотя на территории Монголии вместе с чопперами обнаружены и орудия двусторонней обработки. Факт ограниченного распространения бифасов трудно объяснить в настоящее время лишь слабой изученностью азиатской части СССР, хотя находка у с. Богородского позволяет ждать в дальнейшем новых открытий подобного рода. Возможно, отсутствие бифасов от Казахстана до Приамурья объясняется факторами иного порядка. Ведь и для мустьерского времени, достаточно полно изученного в горной Средней Азии, не известно до сих пор листовидных двустороннеобработанных наконечников.

Исключительно важное значение для понимания развития древнейших культур не только Средней, но и Центральной и Восточной Азии имеют открытые в последние годы палеолитические местонахождения в ископаемых почвенных комплексах, залегающих в

мощных лессовых образованиях водораздельных участков Южного Таджикистана. В настоящее время насчитывается восемь таких местонахождений, на двух из которых — Каратау I и Лахути I проводятся систематические археологические раскопки (*Ранов В. А.*, 1977). Большая часть изделий связана с шестым или пятым почвенным комплексами на глубине 60—65 м и 50—55 м соответственно от поверхности водоразделов. Следов культурного слоя не обнаружено. Не исключено, что каменные изделия могли быть перемещены с места своего первоначального залегания и погребены в процессе образования почвы на древних склонах. Поэтому кажется более правильным именовать пункты находок не стоянками и не временными небольшими охотничьими лагерями, а местонахождениями.

Каратау I — первое стратифицированное, наиболее древнее лессовое местонахождение Средней Азии — находится в 50 км к юго-востоку от г. Душанбе в верхней части хребта Яванского Каратау. Высота его над уровнем р. Вахш 1125 м. Мощная 100 м толща лесса, покрывающая вершину хребта, подразделена сериями погребенных почв (рис. 61, *14*). В низах 5-й, по А. А. Лазаренко, 6-й, по В. А. Ранову, сверху погребенной почвы, глинистой красновато-коричневой, имеющей толщину 1,2—2,7 м, встречены в рассеянном состоянии находки, примерно два — три предмета на 1 кв. м (*Лазаренко А. А., Ранов В. А.*, 1975; 1977; Путеводитель..., 1977).

На вскрытой площади в 124 кв. м найдено 207 предметов, 56% которых имеют бесспорные следы преднамеренной обработки. Только 20% изготовлено из кремня очень плохого качества, остальные из речной гальки. Здесь нет хорошо подготовленных нуклеусов, и поэтому нет пластин и редки односторонние диски (рис. 61, *13*). Отщепы и чешуйки являются главным образом результатом грубой оббивки орудий типа чопперов или раскалывания гальки своеобразным техническим приемом, когда отщеп имеет вид апельсинной дольки, а ударная площадка представляет широкий участок галечной корки (рис. 61, *10*). Отщепы сравнительно немногочисленны, фасетированных площадок почти не встречено; площадки гладкие, прямые, образованные или одним сколом или покрытые галечной коркой (рис. 61, *7—9*). Как заметил В. А. Ранов, отщепы из Каратау I далеки по своему облику от отщепов клектонского типа, хотя в иллюстрациях (Путеводитель..., 1977, рис. 10, *4*) изображен типичный клектонский отщеп. Некоторые отщепы сняты с более или менее подготовленной на нуклеусе поверхности.

Орудия немногочисленны, за исключением чопперов, не имеют четко выраженных признаков и не образуют устойчивых типов. Выделенные В. А. Рановым восемь орудий (скребла, скребки, проколки) не имеют четкой вторичной ретуши, их определение носит, по его словам, условный характер. К этой группе могут быть причислены скребловидные орудия, изделия с «носиком», близко напоминающие яштухские (см. ч. II, гл. 2) и обломок изделия со следами двусторонних снятий (рис. 61, *11*). Среди чопперов преобладают орудия из целых галек с выпуклым или подтреугольным рабочим краем (рис. 61, *12*).

По данным термолюминесцентного метода, возраст 5-й почвы и приуроченных к ней изделий в Каратау I может быть оценен в 200 тыс. лет.

Местонахождение Лахути I расположено в устье р. Хошар на правом берегу р. Обимазар в 80 км к востоку от Каратау. В отличие от разреза Каратау I, где толща лесса замаскирована дерном и погребенные почвы вскрываются лишь на отдельных участках оползней, обнажение в Лахути представляет обрыв высотой до 140 м (рис. 61, *1*). Примерно в средней части обнажения, в 5-й сверху погребенной почве, в 1976 г. был заложен раскоп, вскрывший 216 кв. м. На основании геологических данных и термолюминесцентного метода датирования лессов возраст этой почвы определен как рисс-вюрмский (120—130 тыс. лет). Каменные изделия, вероятно, испытали перемещения, хотя значительная концентрация их в отдельных участках и находка нескольких обломков трубчатых костей свидетельствуют, что это перемещение не было значительным (*Додонов А. Е., Ранов В. А.*, 1976, 1977; Путеводитель..., 1977).

В Лахути I собрано 452 предмета, примерно 50% несет следы преднамеренного скалывания и вторичной обработки. Здесь много окатанных речных галек, на некоторых из них при осмотре невооруженным глазом отчетливо прослеживаются заглаженные участки как бы в результате интенсивного истирания. Можно согласиться с мнением В. А. Ранова, что в Лахути I налицо та же галечная культура, что и в Каратау I, но в более развитом облике. Здесь значительно лучше представлены нуклеусы, не только дисковидные (рис. 61, *2*), но и одноплощадочные, односторонние. Особенно интересен грубый галечный нуклеус. В очень редких проявлениях уже присутствует леваллуазская техника (рис. 61, *4*). Значительно больше орудий, в том числе скребел (рис. 61, *5*). Встречаются изделия зубчатых и выемчатых форм. Продолжают существовать чопперы, среди которых имеются экземпляры с выделенным носиком (рис. 61, *3*), и по-прежнему отчетливо представлена техника получения отщепов в виде апельсинной дольки (рис. 61, *6*).

До открытия стратифицированных отложений в лессах Южного Таджикистана на территории Средней Азии отмечалось 10 пунктов отдельных находок домустьерского возраста, из которых девять связано с горными районами и лишь один с равниной Красноводского полуострова (*Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973). Возраст этих изолированных изделий определяется на основании главным образом морфологии, степени патинизации и характера обработки. Только в двух случаях: Он-Арча в Киргизии (рис. 62, *3*; *Окладников А. П.*, 1966а, с. 19; *Никонов А. А., Шумова Г. М.*, 1981) и Кайрагач в Северном Таджикистане (*Окладников А. П.*, 1958, с. 68) единичные изделия найдены в четвертичных отложениях.

Бесспорно интересны местонахождения хребта Каратау в Южном Казахстане. Они приурочены главным образом к юго-восточной части хребта, представляющего крупный северо-западный отрог Тянь-Шаня и состоящего из двух ветвей: Большого и Малого Каратау.

В районе хребта Малый Каратау наиболее древними являются пункты Борыказган и Танирказган на южном склоне горы Кемер в 3—5 км к востоку от р. Коктала. Здесь на поверхности мелкосопочника, подвергающегося интенсивной денудации, и на при-

легающих такырах собраны многочисленные каменные изделия. Лежат они четко ограниченными пятнами. Сырьем для изготовления служил тонкозернистый твердый серовато-черный кремень. Среди изделий преобладают орудия типа чопперов и чоппингов (рис. 62, *6*, *7*; *Алпысбаев Х. А.*, 1979, рис. 10 и 13). Исследователь выделяет группу двустороннеобработанных ручных рубил, которые он делит на два типа по форме, технике раскалывания и обработке. Судя по рисункам (рис. 62, *1*, *2*), эти изделия типологически мало выражены и могут представлять варианты нуклеусов или чоппингов, напоминая подобные предметы из Кара-Буры (см. ниже). Отщепы — крупные, массивные, разнообразные по форме и размерам (длина 7—20 см, ширина 5—8 см, толщина 1,5—4 см), клектонского типа. Нуклеусов немного. Это — крупные желваки размерами 18—25×12—20 см со следами снятий крупных треугольных и овальных отщепов (рис. 62, *5*).

Х. А. Алпысбаев относит эти находки к шелльашельской эпохе. Геологический возраст их принимается как соответствующий раннему плейстоцену или бакинскому времени, когда в этом районе существовал кошкурганский фаунистический комплекс, сопоставляемый с тираспольским комплексом юга европейской части СССР (*Алпысбаев Х. А.*, *Костенко Н. Н.*, 1968, с. 7) и по составу форм млекопитающих с фаунистическим комплексом местонахождения синантропа в Чжоукоудяне (*Алпысбаев Х. А., Костенко Н. Н.*, 1974, с. 4). Очевидно, никаких данных для таких сопоставлений изделий, найденных на поверхности, нет. А. В. Вислогузова на основании геоморфологических и геологических данных приходит к выводу, что пункты Борыказган и Танирказган приурочены к денудационному уровню, выработанному в начале среднечетвертичного этапа рельефообразования, и, следовательно, могут относиться лишь к среднечетвертичной эпохе (*Вислогузова А. В.*, 1973). Последнее, видимо, более соответствует действительности, если учесть к тому же принятую датировку местонахождения синантропа миндель-рисским временем.

К той же древней эпохе, что и местонахождения Борыказган и Танирказган, Х. А. Алпысбаев относит находки из конгломератов р. Арыстанды и р. Ащисай, пункты Акколь, Шабакты I (рис. 62, *4*, *9*), а также местонахождение Казангап в Бетпак-Дале на правобережье р. Чу. Однако, несмотря на казалось бы большое количество статей (*Алпысбаев Х. А.*, *Костенко Н. Н.*, 1968, 1974; *Алпысбаев Х. А.*, 1961, 1962; *Костенко Н. Н.*, *Алпысбаев Х. А.*, 1969), сведения о памятниках крайне скудны. В вышедшей посмертно монографии (*Алпысбаев Х. А.*, 1979) более полно описаны местонахождения Акколь и Кемер I—III.

Другая группа местонахождений отнесена Х. А. Алпысбаевым к ашело-мустьерскому времени. На крупной куэстовой возвышенности, вытянутой вдоль северо-восточного склона Каратау, отмечены пункты Токалы, Кзылрысбек и др. Изделия «примитивны и по форме однотипны», изготовлены из того же материала, что и изделия более древних местонахождений (*Алпысбаев Х. А.*, *Костенко Н. Н.*, 1974, с. 8). Отщепы в целом клектонского облика, различные по размерам (длина 4—15, ширина 4—9, толщина 1—3 см), широкие, грубые и массивные с очень крупными выпуклыми ударными бугорками, занимающими 1/3—1/2 площади вентральной стороны. Среди нуклеусов отчетливо выделяются дисковидные двусторонние (рис. 62, *8*), иногда достигающие 20 см в диаметре. Некоторые нуклеусы могут быть отнесены к треугольным леваллуазским, что подтверждается и наблюдениями В. А. Ранова, просмотревшего материал (*Ранов В. А.*, 1965, с. 13). Другие нуклеусы с трудом отличимы от чопперов, которые являются наиболее представительной группой орудий. Выделение Х. А. Алпысбаевым среди них ручных рубил и «кливеров-ашеро», судя по рисункам (*Алпысбаев Х. А.*, 1979, рис. 24—29), не убедительно.

Датировка всех этих собранных на поверхности материалов, не имеющих четкой стратиграфической привязки и не достаточно уверенно определенных типологически, не может считаться твердо установленной. Часть материалов, по-видимому, мустьерского возраста.

К числу древних галечных местонахождений, но уже в Северном Казахстане, относится пункт Обалысан I в Джездинском районе Карагандинской области. Он приурочен к древней долине нижнеплейстоценового возраста. Среди многочисленных кварцитовых галек найдены типичный чоппинг (рис. 63, *7*) и два нуклеуса, изготовленные из галек: дисковидный, односторонний и двухплощадочный, который мог служить орудием. Находки, по М. Н. Клапчуку, аналогичны изделиям из Борыказгана и Тенирказгана (*Клапчук М. Н.*, 1969, 1971).

Значительно менее многочисленны памятники иной культурной традиции: с двусторонней обработкой орудий. Здесь прежде всего следует упомянуть находки А. П. Окладникова на Красноводском полуострове. На 39-м км железной дороги Красноводск-Ашхабад, между станциями Янгаджа и Кара-Тенгир, у подножья невысоких древних останцов найдены архаичные отщепы и два рубильца, напоминающие позднеашельские (рис. 63, *2*, *3*; *Окладников А. П.*, 1956, с. 184; 1966а, с. 17—19, рис. 1).

Еще не окончательно ясен возраст изделий из нижнего слоя стоянки Мысовой, расположенной на западном берегу оз. Карабалыкты, в 40 км западнее г. Магнитогорска. По Г. Н. Матюшину, под слоями гумуса и гумусированного суглинка с неолитическими остатками в тонкой прослойке желтой супеси и светлого суглинка обнаружены мезолитические материалы. В нижних горизонтах желтой супеси, местами прямо под мезолитическим слоем, без стерильной прослойки залегали архаические изделия (*Матюшин Г. Н.*, 1973, с. 70). По О. Н. Бадеру, около 50 предметов были выделены из огромных коллекций стоянки по значительной патине, грубой, архаичной технике и форме и по залеганию в нижних уровнях раскопа. «Все они происходят из нижних горизонтов культурных слоев эпохи голоцена и из подстилающего его слоя красноватой глины» (*Бадер О. Н.*, *Матюшин Г. Н.*, 1973, с. 137).

Коллекция включает нуклеусы леваллуазского облика, ряд бифасов и чоппингов, а также остроконечники и скребла, судя по опубликованным материалам. Вначале она была отнесена авторами к мустье: к развитому мустье, по О. Н. Бадеру, к мустье с ашельской традицией, по Г. Н. Матюшину. О. Н. Бадером высказано предположение о неоднородности комплекса каменных орудий и о примеси весьма ар-

хаичных рубящих изделий, которые можно сопоставить с находками в Борыказгане. Это предположение развито далее Г. Н. Матюшиным, указавшим на возможность разделения комплекса на два — ашельский и леваллуаза-мустьерский (*Матюшин Г. Н.*, 1976а, с. 462).

Памятники ашельского возраста, материалы которых опубликованы крайне суммарно, известны по работам А. Г. Медоева в Центральном Казахстане — в области Сары-Арка, а также на полуострове Мангышлак. Особенно многочисленны местонахождения каменных изделий в горах Семизбугу (центральная часть Северного Прибалхашья), где разновременные палеолитические материалы залегают в почти несмещенном положении на поверхности террас и днищ сухих в настоящее время долин, на скалистых сопках и на шлейфах конусов выноса у выхода коренных пород, доставлявших сырье для производства орудий.

На этих каменоломнях и стоянках-мастерских А. Г. Медоев выделяет ашельский комплекс, характерной чертой инвентаря которого является сочетание двусторонних форм с односторонними: немногочисленные бифасы (рис. 63, *4*, *5*), чоппинги (рис. 63, *8*), отщепы клектонского типа (рис. 63, *6*, *9*) и леваллуазские пластины и отщепы (рис. 63, *1*). Из отщепов изготовлялись орудия типа скребел и остроконечников.

А. Г. Медоев выделяет на территории Сары-Арка ашельскую и леваллуа-ашельскую культуры. Последняя характерна для северного ската Сары-Арка и левобережного Прииртышья (стоянка-мастерская у оз. Кудайколь), а также Мангышлака (*Медоев А. Г.*, 1964, 1965, 1968, 1970).

К числу наиболее древних местонахождений Казахстана может быть отнесен пункт Жаман-Айбат, обнаруженный М. Н. Клапчуком на юго-западе Казахского мелкосопочника в 150 км к юго — юго-востоку от г. Джезказгана Карагандинской области. Находки архаичных каменных изделий приурочены к древней долине р. Сары-Су и датируются плювиалом, предшествовавшим максимальному оледенению (*Клапчук М. Н.*, 1976). Среди десятков крупных желваков сливного песчаника со следами преднамеренной оббивки на поверхности почвы и в верхнем горизонте почвенного слоя лежали многочисленные обломки и отщепы, нуклеусы и орудия. Хотя среди нуклеусов преобладают леваллуазские, леваллуазские сколы единичны. Большую часть сколов составляют отщепы и пластины с гладкими ударными площадками, иногда покрытые желвачной коркой. Из орудий отмечены бифасы, скребла (рис. 63, *10*), остроконечник и ряд изделий специфических форм.

Вопрос о времени и путях заселения Восточной Сибири и Дальнего Востока до недавних пор решался чисто умозрительно. Новые открытия последних лет позволяют ставить его на почву реальных фактов, хотя многое еще остается спорным и неясным. К числу наиболее древних памятников, принадлежащих к домустьерским галечным культурам, относятся, по мнению ряда исследователей, местонахождения на западной окраине Восточной Сибири в районе г. Горно-Алтайска — Улалинка и на Дальнем Востоке — Филимошки и Усть-Ту на р. Зее и Кумары на Амуре. Это мнение не является общепринятым, подвергается сомнению или древность, приписываемая этим местонахождениям, или подлинность самих галечных находок как изделий древнего человека (см. часть II, гл. 1).

Раскопки обнажения на левом берегу р. Улалинки показали наличие здесь двух разновременных культурных слоев. Верхний слой связан с покровным суглинком, где на глубине 1,5—2 м от поверхности находились отдельные изделия из черного кремня, имеющие характерный позднепалеолитический облик. Ниже светлого лессовидного суглинка лежит мощный слой бурого суглинка, подстилаемый валунно-галечниковым (мореноподобным) горизонтом. По данным О. М. Адаменко, на контакте этих слоев и в нижней части бурого суглинка были рассеяны каменные изделия. О. М. Адаменко датирует этот комплекс второй половиной среднего плейстоцена, С. Л. Троицкий концом тазовского ледникового — началом казанцевского межледникового времени (*Окладников А. П.*, 1972), А. М. Малолетко — верхнечетвертичным временем, возможно, его серединой (*Малолетко А. М.*, 1972).

Позднее А. П. Окладников и Л. А. Рагозин (1978) на основании геологической ситуации и примитивности каменных изделий сочли возможным отнести Улалинку к плиоценовому времени. Проведенный палеомагнитный анализ отложений позволит установить возраст слоя, содержащего артефакты, в широких пределах — верхний плиоцен — нижний плейстоцен (*Поспелова Г. А., Гнибиденко З. Н., Окладников А. П.*, 1980).

Находки представлены преимущественно гальками желтовато-белого кварцита с аморфными плоскостями раскалывания. На многих расколотых гальках не видно сколько-нибудь отчетливо выраженного ударного бугорка или раковистого излома, поэтому о раскалывании галек при помощи удара в ряде случаев следует говорить с осторожностью. Вместе с тем в Улалинке найдены бесспорные, хотя и очень немногочисленные предметы. Это — прежде всего нуклеус со скошенной ударной площадкой и следами снятий на одной из сторон, не доходящими до конца гальки (рис. 64, *2*). Присутствуют и настоящие чоппинги (*Окладников А. П.*, 1972, рис. 4, *3*), чопперы (рис. 64, *5*) и грубые скребла, изготовленные из галек с односторонне (там же, рис. 4, *4*) и двусторонне (рис. 64, *1*) обработанными лезвиями.

Следовательно, какова бы ни была точная геологическая датировка памятника, нет оснований не соглашаться с А. П. Окладниковым в том, что Улалинка представляет древнейший на территории Сибири из известных до настоящего времени памятник своеобразной галечной культуры, совершенно отличной от материалов алтайских мустьерских стоянок.

Сложнее обстоит дело с древнейшими памятниками Дальнего Востока. Из них наиболее выразительны материалы, собранные на бечевнике левого берега Амура ниже с. Кумарского, по другим данным — в древнем галечнике, который перекрывается толщей супесей и суглинков мощностью 10—15 м. Из массивных галек изготовлены чопперы (рис. 64, *4*), чоппинги, орудия с «носиком» (рис. 64, *3*), аморфные нуклеусы без подготовленных ударных площадок Характер края, с которого наносились сколы, свидетельствует, что такие нуклеусы могли служить скобелями. На рис. 64, *6* изображен чоппер из Филимо-

шек, представляющий как бы прототип для изделий из Кумар.

Большая древность этой серии каменных изделий предполагается не только условиями залегания, но и формой изделий, примитивностью обработки и глубокой патиной поверхности снятий. Высказано предположение, что местонахождения этой галечной культуры могут быть отнесены к первой половине среднего плейстоцена, но вопрос еще далек от окончательного разрешения, как и хронологическое сопоставление находок в Кумарах и Филимошках с ашельской культурой (*Окладников А. П., Деревянко А. П.*, 1973а, б).

Исключительный интерес представляет находка ручного рубила у с. Богородского на бечевнике у подножия самой высокой (18—20 м) в этом месте террасы правого берега Амура, которая по геологическим данным относится к среднему плейстоцену. Орудие изготовлено из плотной и тяжелой изверженной породы черного цвета. Форма его сердцевидная, сечение — симметрично-выпуклое, края извилистые, обработанные короткими сколами с двух сторон. На фотографии отчетливо видна корка, покрывающая пятку, и часть плоскости. По форме и технике изготовления орудие представляет собой «классическое рубило, превосходный образец аббевилиенской техники» (*Окладников А. П.,* 1979, с. 14).

В 1969 г. после образования Братского водохранилища на высоких террасах правого берега р. Ангары впервые обнаружены изделия раннепалеолитического облика. В дальнейшем разведки и сборы были продолжены. В настоящее время установлено три района находок: напротив устья р. Белой от с. Олонки до с. Буреть; на правом берегу нижнего течения р. Иды; на левом берегу нижнего течения р. Осы и прилежащем участке Ангары от с. Середкино до горы Игетей (*Медведев Г. И.,* 1975). Каменные изделия встречаются или на вспаханной поверхности плоскогорий, или на пляжах, или в рыхлых толщах склонов. Последние имеют наибольшее значение, поскольку именно здесь может быть решен вопрос о геологическом возрасте находок. Так, слой в естественном обнажении речной террасы у горы Тарахай, в котором было найдено обработанное и патинизированное изделие, С. М. Цейтлин считает перигляциальным аллювием зарянского оледенения (*Цейтлин С. М.*, 1975а, б). Но такие находки единичны.

Рассмотрим вкратце материал, происходящий из первого района местонахождения. По многим признакам местонахождения аналогичны, и каменный инвентарь, насчитывающий 373 экз., принимается за единый комплекс. Среди них выделено 70 нуклеусов, в составе которых Г. И. Медведев отмечает серию архаичных изделий, характеризующих процесс перехода от радиальной системы расщепления к параллельной (рис. 65, *6—8*). Имеются дисковидные двусторонние, а также одноплощадочные и двуплощадочные нуклеусы. Два целых и 13 фрагментов пластин с сильно эродированной поверхностью отличаются большим разнообразием. Из 173 отщепов 45 имеют выраженные площадки и ударные бугорки. Среди орудий отмечаются чопперы и серия разнообразных скребел (рис. 65, *1, 2, 4, 5*). Единичные остроконечники не выразительны и скорее также являются скреблами (рис. 65, *3*).

Археологический возраст этого комплекса недостаточно ясен. Он обнаруживает, по словам Г. И. Медведева, разрозненные черты леваллуазской техники, «... отдельные четкие элементы ашело-мустьерских индустрий в морфологии» (*Медведев Г. И.*, 1975, с. 16). Но, несмотря на такую расплывчатость датировки, значение находок чрезвычайно велико. Для некоторой части их возможен домустьерский возраст. Находки на Ангаре представляют также исключительную методическую ценность для поисков местонахождений раннего палеолита в районах водохранилищ, где затопление низких речных террас привело к размыву и распашке высоких склонов, ранее задернованных и облесенных.

В последние годы успешно изучаются памятники высоких террас в среднем течении Ангары (Ангаро-Окинская группа), где среди сборов выделяется комплекс находок, сопоставимый с древнейшими верхнеангарскими материалами (*Волокитин А. В.*, 1982).

Таким образом, даже беглый обзор пока еще немногочисленных древнейших памятников на территории азиатской части СССР показывает несомненные успехи советской археологии в этой области.

Последующая мустьерская эпоха также изучена неравномерно. Если в Средней Азии это наиболее изученный этап палеолита, то в Сибири он представлен пока еще единичными, хотя и очень выразительными памятниками. В настоящее время в Средней Азии известно более 80 местонахождений с остатками мустьерской культуры. Наибольший интерес представляют пещерные стоянки — Тешик-Таш, Ходжакент, Обирахмат, Огзи-Кичик. Среди стоянок на открытом воздухе первостепенное значение имеют многослойные памятники Кульбулак и Кутурбулак; стоянка в отложениях галечника Кара-Бура; материалы, собранные на поверхности в Кайрак-Кумах и других местах; каменоломни-мастерские Капчигай, Учтут и т. д.

Изучение мустьерской эпохи в Средней Азии ведется 40 лет со времени открытия в 1938 г. замечательного грота Тешик-Таш, но до сих пор не выработано единой хронологической схемы. Исследование идет главным образом по линии установления культурной принадлежности стоянок или выявления фаций (технических вариантов). Еще в 1940 г. А. П. Окладников отметил сходство инвентаря грота Тешик-Таш с ближневосточными леваллуа-мустьерскими комплексами (*Окладников А. П.,* 1940а). Открытая В. А. Рановым стоянка Кара-Бура полностью отличалась по своим материалам от Тешик-Таша и аналогичных ему памятников. Это позволило В. А. Ранову высказать предположение о существовании в Средней Азии двух групп мустье; леваллуа-мустьерской и мустье-соанской. Дальнейшие исследования показали, что первая группа не однородна и может быть подразделена на три фации, или технических варианта. Таким образом, согласно В. А. Ранову, мустье Средней Азии делится на четыре варианта: 1) леваллуа, куда входят Ходжакент, Джар-Кутан, Обирахмат, позднее был добавлен Кутурбулак; 2) леваллуа-мустье: Кайрак-Кумы, Капчигай, Тоссор, стоянки Ферганы; 3) мустье (горное или типичное): Тешик-Таш, Семигаич, Огзи-Кичик; 4) мустье-соан: Кара-Бура, Кухи-Пиез, Ак-Джар (*Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973).

Позднее М. Р. Касымов предложил еще один технический вариант — зубчатое мустье на основе материалов исследованной им стоянки Кульбулак (*Касымов М. Р.*, 1972). Иначе подошел к решению проблемы Р. Х. Сулейманов. Он разделил мустьерские стоянки Средней Азии по характеру индустрии на две большие группы, различающиеся по техническим традициям, приемам расщепления и набору орудий. К первой относится Кульбулак и Бозсу, ко второй, названной им обирахматской культурой, Тешик-Таш, Ходжакент, Ферганские стоянки, Кайрак-Кумы, Джар-Кутан, Обирахмат (*Сулейманов Р. Х.*, 1972). Вернемся к этому вопросу после рассмотрения конкретных материалов. Поскольку хронологическое расчленение мустьерских памятников Средней Азии пока еще не ясно, краткая характеристика их дается по территориальному признаку.

Остатки мустьерских стоянок известны в юго-западной Туркмении: в местности Каскыр-Булак (Волчий Ключ) и Джанурпа па Красноводском полуострове, а также на недавнем морском дне близ станции Кара-Тенгир. Отдельные изделия мустьерского времени встречены близ хр. Б. Балхан, неподалеку от Узбоя, около Джойрука, где они связаны, очевидно, с наиболее древними террасовыми уровнями. В этих пунктах найдены типичные мустьерские остроконечники и скребла из отщепов (*Окладников А. П.*, 1951, с. 75, рис. 1; с. 84; 1956, с. 189—192, рис. 3). Далее, в равнинной части Средней Азии открыто мустьерское местонахождение Кызылнура I (*Виноградов А. В.*, *Мамедов Э.*, 1969) и пункт находок Бегарсландаг, среди которых имеются и мустьерские изделия (*Абрамова З. А.*, *Мандельштам А. М.*, 1977).

В центральном Копет-Даге известны два местонахождения, одно из которых, близ родника Томчису, В. А. Ранов считает возможным отнести к ашело-мустьерскому (позднеашельскому, а возможно, и более раннему) времени (*Лузгин Б. К.*, *Ранов В. А.*, 1966). Для более точного определения возраста материалов (всего 20 изделий) явно недостаточно.

Особенно богаты памятниками мустьерского времени, не только подъемными, но и стратифицированными, Узбекистан и Таджикистан.

Исключительное значение имеет грот Тешик-Таш в отрогах Гиссарского хребта, полностью раскопанный А. П. Окладниковым и получивший мировую известность благодаря остаткам захоронения мальчика-неандертальца. Пять культурных слоев грота насыщены щебнем и разделены глинистыми стерильными прослойками (рис. 66, 1). Материалы этих слоев первоначально рассматривались как одновременные, типологически однообразные и датировались развитым мустье (*Окладников А. П.*, 1949а). Затем нижние слои Тешик-Таша были отнесены к раннемустьерскому времени, соответствующему, по А. П. Окладникову, рисс-вюрму, или вюрму I (*Окладников А. П.*, 1966а, с. 45).

Каменный инвентарь Тешик-Таша, опубликованный суммарно, не позволяет расчленить его во времени. В пяти слоях собрано 2858 изделий, включающих 101 нуклеус и нуклевидных ~~осколков~~, 2520 отщепов и осколков, 134 пластины, 94 орудия и 10 предметов, не поддающихся определению. Наиболее распространенным типом нуклеуса является грубодисковидный, с радиальным направлением скалывания, односторонний. Двусторонние дисковидные нуклеусы немногочисленны, но достаточно выразительны (рис. 66, *18*). Имеются также нуклеусы треугольной формы, часть которых относится к одноплощадочным (рис. 66, *15*). Большую часть сколов составляют нелеваллуазские отщепы с широкой ударной площадкой. Часть пластин может быть отнесена к леваллуазским (рис. 66, *13*, *17*).

Среди орудий хорошо представлены скребла (рис. 66, *9*, *11*, *12*, *16*), часть их могла использоваться в качестве рубящих орудий (*Окладников А. П.*, 1949а, с. 46; *Movius H.*, 1953, с. 34). Остроконечники значительно менее многочисленны (рис. 66, *6*); ряд обломков, отнесенных к остроконечникам, может быть в равной степени обломками ножей (рис. 66, *7*, *10*); другие, согласно определению Ф. Борда, могут рассматриваться как конвергентные скребла (*Bordes F.*, 1955). К таким изделиям, видимо, относится скребло на рис. 66, *9*. Для остроконечников характерна тщательная ретушь, выравнивающая край орудия, и, следовательно, это скорее мустьерские остроконечники, чем леваллуазские. Хорошо представлены пластины с ретушью — ножи (рис. 66, 4, 5, 14). Найдено также изделие с резцовыми сколами (рис. 66, *8*) и типичный чоппер из плоской гальки (МАЭ, колл. 4727/22). Ф. Борд считает Тешик-Таш крайним вариантом мустье Кина и Ферраси. В. А. Ранов оспаривал это положение (*Ранов В. А.*, 1965, с. 49), хотя впоследствии признал, что Тешик-Таш более мустьерский, чем леваллуазский, памятник по сравнению, например, с Кайрак-Кумами и Обирахматом (*Ранов В. А.*, *Несмеянов С. А.*, 1973, с. 15—16).

Фауну Тешик-Таша и других мустьерских стоянок, где она сохранилась, целесообразно во избежание повторений рассмотреть в конце главы, поскольку на территории Средней Азии и Алтае-Саянской горной области фаунистические остатки являются единственным источником для суждений о хозяйстве мустьерцев.

К инвентарю Тешик-Таша, видимо, близки материалы пещеры Аман-Кутан, которая находится в 45 км к югу от Самарканда. Она исследовалась ряд лет, дала обильные фаунистические остатки и сравнительно незначительный набор каменных изделий. Отмечены дисковидные и протопризматические нуклеусы, отщепы и пластины с ретушью, в том числе зубчатые, единичные скребла и остроконечники, а также скребки (*Лев Д. Н.*, 1949, 1960).

Исследуемый в последние годы В. А. Рановым пещерный памятник Огзи-Кичик отнесен им к той же фации мустье (горное мустье), что и Тешик-Таш. Это карстовая пещера, расположенная в 20 км северо-восточнее пос. Дангара в юго-западных отрогах Вахшского хребта. Устье пещеры опирается на небольшой останец прибортовой части 11-метровой террасы, которая ниже по долине сухого сая коррелируется с раннедушанбинской (?) террасой сая Чакирбулак. Серия раскопов общей площадью 200 кв. м, заложенных на площадке у входа в пещеру, вскрыла четырехметровую толщу щебнистых склоновых суглинков, в которых содержится несколько культурных горизонтов, видимо, сильно размытых и поэтому трудно выделяемых. В одном из раскопов обнаружен непотревоженный культурный слой мощностью до 1 м. Он состоит из больших кострищ, промежутки

между которыми забиты обломками панцирей и костей степной черепахи со следами обжига. В этом слое и ниже собрана богатейшая коллекция каменных изделий, изготовленных из гальки разнообразного состава. Нуклеусов очень мало, они представлены сильно сработанными небольшими дисками, двусторонне-выпуклыми, иногда плоско-выпуклыми. Имеются и одно-двуплощадочные нуклеусы (рис. 67, *19*) порой с торцовым принципом скалывания. Много небольших и невыразительных отщепов и обломков. Форма большей части пластин и крупных отщепов изменена вторичной обработкой. По разнообразию и совершенству орудий Огзи-Кичик занимает первое место среди мустьерских памятников Средней Азии (*Ранов В. А.*, 1975; 1980).

При знакомстве с коллекцией поражает массивность пластин, орудия из пластин необычайно толстые, пластины изогнуты в профиль и конец часто направлен внутрь. Наиболее многочисленны остроконечники и острия, часто из достаточно крупных пластин, длиной до 10 см (рис. 67, *1, 4*). Обработаны они чаще всего краевой ретушью, но имеются экземпляры с обработкой всей выпуклой дорсальной стороны. Представлена серия коротких (4,5—7 см длиной) остроконечников (или конвергентных скребел), а также орудий с более тупым концом, напоминающих по обработке килевидные скребки (рис. 67, *3, 6*). Некоторые изделия напоминают лимасы. Значительную группу составляют пластины с высокими ретушированными краями — ножи и скребла, типологически не расчленные (рис. 67, *2, 7*) и более плоские пластины с ретушированными краями (рис. 67, *5, 14—16, 22*), иногда мелкие и тщательно обработанные (рис. 67, *8, 9*). Имеются скребла и из отщепов (рис. 67, *10, 12, 13, 17, 18, 20, 21*). Представлены выемчатые и зубчатые орудия, единичные изделия с резцовым сколом, скребки (рис. 67, *11*). «Наряду с широким распространением леваллуазской техники прослеживается и зарождение верхнепалеолитических приемов. Однако в целом индустрия Огзи-Кичика еще целиком находится в рамках развитого (позднего, но не финального) мустье» (Путеводитель..., 1977, с. 27).

Полностью принимая датировку, необходимо остановиться на вопросе так называемой «мезолитической примеси». В составе инвентаря привлекает внимание, хотя и немногочисленная, группа изделий, изготовленных из кремня хорошего качества. Она включает мелкие нуклеусы почти конической формы, мелкие пластинки, иногда правильной огранки, тонкие острия, имеющие порой противолежащую, далеко заходящую ретушь, провертки, боковые резцы. Первоначальное предположение о переотложенности материала и в особенности полученная для «черепахового слоя» радиоуглеродная дата 15700±960 лет (ЛЕ—1050) позволили говорить, что кострища и культурные слои соответствуют мезолитической стоянке, а мустьерские изделия перенесены на площадку перед пещерой с более высоких уровней (*Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973, с. 79).

Вместе с тем упоминается мнение В. П. Любина и Г. П. Григорьева, что изделия, выделенные как более поздние, могут встретиться и в мустьерской коллекции. Не оспаривая последнего утверждения, хотя разница двух, очень неравноценных количественно комплексов визуально ощутима и нет объяснения для даты, которая и для мезолита неприемлема, можно предложить еще один вариант решения огзикичикской загадки. Судя по стратиграфическим разрезам, мустьерцы жили на узкой площадке, прилепившейся к скале и имеющей крутопадающий к руслу лога склон. По этому склону могло происходить непрерывное сползание материала. К моменту прихода людей другой культуры мустьерский слой был обнажен. Взятый на анализ уголь к тому же, как отмечено, плохого качества, мог происходить из смешанных очагов. Изделия позднего времени, сползая по склону и по многочисленным ходам землеройных животных, могли внедриться в мустьерский слой. Естественно, что это предположение нуждается в строгом планиграфическом анализе всех культурных остатков.

Из пещерных памятников следует остановиться еще на гроте Обирахмат. Он находится в 100 км к северо-востоку от г. Ташкента в Чаткальском хребте Западного Тянь-Шаня. Ниша обширного грота, как и в Тешик-Таше, открыта на юг. По данным В. А. Ранова и С. А. Несмеянова (1973, с. 98), щебнистая толща, наполняющая грот и содержащая изделия финального мустье, соответствует концу позднеташкентской и самому началу голодностепной эпох.

Памятник многослойный. Р. Х. Сулейманов выделяет в 10-метровой толще пещерных отложений 21 стратиграфический слой, между которыми нет стерильных прослоек (*Сулейманов Р. Х.*, 1972). Пять нижних слоев и три верхних могут быть исключены из рассмотрения из-за малого количества и в ряде случаев смешанного материала. Сведений о количестве расщепленного камня и его распределении по слоям IV—XVI нет. Судя по описаниям и рисункам, нет и значительной разницы между формами нуклеусов и орудий для каждого слоя, поэтому описание каменного инвентаря может быть дано суммарно. Дисковидные нуклеусы единичны, иногда предельно сработаны (рис. 68, *6*), встречаются нуклеусы леваллуазские (рис. 68, *15, 16*), но подавляющее большинство составляют нуклеусы призматические (рис. 68, *14*) (некоторые исследователи называют их леваллуазскими для получения пластин). В соответствии с ними наиболее многочисленная и характерная серия орудий — пластины длиной 7—10 см с ретушированными краями, иногда, особенно в верхних слоях, ретушь расположена по краю с вентральной стороны (рис. 68, *2, 9, 10*). Иногда края сходятся, но Р. Х. Сулейманов предостерегает от признания таких изделий остроконечниками, хотя и типичные остроконечники тоже встречаются (рис. 68, *3, 4*). По словам Р. Х. Сулейманова, характернейшими типами инвентаря Обирахмата, определяющими индивидуальный облик этой культуры, являются струги, скобели, резцы. Струги и скобели временами трудно типологически различимы — это пластины и отщепы с подтеской дистального, а иногда и проксимального конца с вентральной стороны (рис. 68, *7*). Большую группу составляют комбинированные орудия (рис. 68, *1, 8, 11, 13*), сочетающие элементы струга или скобеля с резцом или струга и скобеля. Среди скребел, наряду с очень выразительными орудиями (рис. 68, *5*) встречаются грубые изделия из сработанных дисковидных нуклеусов или осколков с двустороннеобработанным краем,

которые Р. Х. Сулейманов называет скреблами тешик-ташского типа. К числу таких скребел он относит и нуклеус, представленный на рис. 68, *15*. Немногочисленны ножи из отщепов (рис. 68, *12*), выемчато-зубчатые орудия, концевые скребки (рис. 68, *17*). Можно согласиться с Р. Х. Сулеймановым, что выросшая на основе инвентаря тешик-ташского типа индустрия Обирахмата включает позднепалеолитические элементы.

Подвергнутый анализу костный материал из Обирахмата дал следующие определения абсолютного возраста по неравновесному урану: 125±16 тыс. лет и 44±1 тыс. лет (*Чердынцев В. В.*, 1969, с. 290). На основании радиоуглеродных датировок развитого мустье на Ближнем и Среднем Востоке вторая дата представляется близкой к действительности (*Ранов В. А.* и др., 1976, с. 16—17).

Из памятников открытого типа в Южном Таджикистане в долине р. Вахш важное значение имеют два, по-видимому, сходных между собой: Кара-Бура и Ак-Джар. Возвышенность Кара-Бура у пос. Джиликуль представляет собой серию останцов пятой террасы левого берега Вахша. Останцы сложены песчаниками и глинами кулябской свиты, перекрытыми мощной толщей галечника. Основная масса каменных изделий встречена в галечных шлейфах на склонах останцов и находится в переотложенном состоянии, хотя, как полагают, изделия перенесены на небольшое расстояние. Ряд геологов и археологов, в том числе С. А. Несмеянов и А. П. Окладников, считают галечники, содержащие мустьерские материалы, древним аллювием Вахша, который накапливается в конце илякского этапа, вероятно, одновременно с изготовлением орудий. Эту датировку склонен признать и В. А. Ранов, полагающий, однако, что имеет право на существование мнение об элювиально-пролювиальном характере галечников (*Ранов В. А.*, 1965, с. 53—54; *Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973, с. 74—75).

В. А. Ранов отмечает три главные особенности каменного инвентаря Кара-Буры, которые делают его уникальным для палеолита Средней Азии: а) нелеваллуазский характер скалывания, б) мустьерский характер обработки орудий, в) наличие большого числа галечных орудий, что сближает Кара-Буру с соанской и другими галечными культурами. Изучено свыше 5000 изделий, большую половину которых составляют мелкие заготовки длиной до 5 см, что в общем несвойственно среднеазиатскому мустье. Среди нуклеусов преобладают дисковидные односторонние (рис. 69, *11*), значительно меньше протопризматических и дисковидных двусторонних. Нуклеусов леваллуа не отмечено, но имеются леваллуазские отщепы (рис. 69, *12*). Орудий немного. Остроконечники отличаются тщательной обработкой (рис. 69, *1, 2, 5, 8*), настоящих скребел мало (рис. 69, *6, 7, 10, 14, 15*), но широко представлены скребловидные орудия — пластины и отщепы с частичной краевой ретушью. Галечные орудия — чопперы и особенно чоппинги (рис. 69, *9, 13*) — наиболее многочисленная категория (*Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973, с. 16—17).

Серия мустьерских местонахождений открытого типа известна в бассейне р. Сырдарьи. Из них особенно интересны материалы Кайрак-Кумов — области распространения барханных песков на левом берегу р. Сырдарьи между Наукатом и Ленинабадом (Западная Фергана), в настоящее время занятой водохранилищем. Каменные изделия собраны в 31 пункте на поверхности аллювиального галечника, главным образом останцов двух голодностепных террас (*Окладников А. П.*, 1958; *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.*, 1962). Среди нуклеусов преобладают дисковидные, встречаются одно- и двуплощадочные. Среди дисковидных больше двуплощадочных чечевицеобразных. Преобладают леваллуазские заготовки — тонкие пластины правильных очертаний, часто с фасетированными ударными площадками типа «треуголки». Из орудий отмечено значительное количество остроконечников, среди которых выделяются леваллуазские, асимметричные. Скребла изготовлены как из пластин, так и из отщепов, среди них наиболее многочисленны боковые с прямым и выпуклым краем, а также двойные с прямыми краями. В отношении датировки кайрак-кумского комплекса или комплексов нет единодушия. По-видимому, наиболее правильно считать его ранним леваллуа-мустьерским. К той же фации леваллуа-мустье В. А. Ранов относит стоянки в районе г. Ферганы, хотя леваллуазский характер, по его мнению, выражен менее четко, чем в Кайрак-Кумах (*Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973).

Из стоянок на открытом воздухе с сохранившимися культурными слоями следует упомянуть две — обе на территории Узбекистана — Кульбулак и Кутурбулак. Стоянка Кульбулак находится на правом берегу р. Ангрен, в 5 км к северо-западу от пос. Аблык. Многолетние раскопки этой стоянки М. Р. Касымовым опубликованы пока лишь в предварительной форме, но уже сейчас можно говорить о своеобразном характере этого памятника (*Касымов М. Р.*, 1972). Здесь выявлено девять культурных слоев, из которых три верхние отнесены М. Р. Касымовым к позднему палеолиту, следующие пять к мустьерскому времени и нижний слой к позднему ашелю. Последний залегает в лессе на глубине 6,9—7,4 м и вскрыт на площади 6 кв. м (рис. 70, *25*). Здесь найдено 60 изделий из кремня и кремнистого сланца, не окатанных и имеющих различную степень патинизации. Среди нуклеусов отмечен крупный дисковидный. Среди отщепов преобладают крупные с широкой гладкой ударной площадкой, расположенной под тупым углом к вентральной стороне. Встречаются грубо обработанные орудия из массивных коротких отщепов.

Пачка мустьерских слоев расположена в толще озерных и грубо обломочных отложений мощностью 1,3 м на глубине 90 см от поверхности. Материал, состоящий из 8300 предметов, в целом однороден и представляется весьма своеобразным. Характерно обилие массивных укороченных отщепов различной формы, леваллуазская примесь незначительна (рис. 70, *17, 21*). Наиболее широко среди нуклеусов представлены дисковидные (рис. 70, *23*), иногда сработанные до предела. Среди орудий преобладают скребловидные, много зубчатых и выемчатых с крупной ретушью. Характерно наличие скребел, простых боковых (рис. 70, *11*), поперечных (рис. 70, *19*), конвергентных (рис. 70, *22*). Последнее может быть и остроконечником. Типичный мустьерский остроконечник представлен па рис. 70. *10*. Встречаются и остроконечные орудия (рис 70. *9*) Зубчато-выемчатые формы наиболее ти-

ничны (рис. 70, *14, 16—18, 20*). Отмечены комбинированные орудия (рис. 70, *13*), концевые скребки (рис. 70, *15*). резец (рис. 70, 12). Необходимо особо отметить находку двусторонне обработанного орудия-рубильца (рис. 70, 24) [2]. В целом инвентарь Кульбулака не находит себе аналогий на территории Средней Азии и может быть выделен в особую фацию зубчатого мустье (*Касымов М. Р.*, 1972). Р. Х. Сулейманов сопоставляет с Кульбулаком стоянку Бозсу, хронологически более позднюю и более развитую. К сожалению, эта стоянка не опубликована, известно только, что материал ее переотложен и находился в нечетких геологических условиях.

Многослойная мустьерская стоянка Кутурбулак находится в 100 км к юго-западу от Самарканда недалеко от кишлака Чархин. Она приручена к покровной толще позднеташкентской террасы Зарафшана. Здесь вскрыто пять культурных горизонтов, связанных с низами различных по литологическому составу слоев, причем во втором и третьем горизонтах обнаружены очажные пятна и зольные прослойки.

Для изготовления каменных орудий использовались кварцитовая и диоритовая галька, а также кремень из выходов, находящихся в 3—5 км к югу от стоянки. Каменный инвентарь описан суммарно, хотя отмечено, что архаичных по технике обработки орудий количественно больше в нижних слоях, чем в верхних. Среди нуклеусов преобладают дисковидные, значительно реже встречаются одно- и двуплощадочные. Имеются леваллуазские отщепы. Большая часть пластин правильной формы и огранки. Очень высок процент орудий, группы типов которых подсчитаны от общего количества не орудий, а всего расщепленного камня. Наиболее многочисленны выемчатые орудия (11,5%) и отщепы с ретушью (10,1%). Нуклевидные орудия, точнее не определенные, составляют 6%, скребла с прямыми, выпуклыми, вогнутыми, двойными лезвиями — 3,4%, пластины с ретушью — 3,2%, остроконечники — 1,6%, ножевидные орудия — 1,2%, галечные 0,8 и фрагменты галечных —2,2% (*Ташкенбаев Н. Х.*, 1975). Неясно, что имелось в виду под нуклевидными и ножевидными орудиями, судя по рисункам, это могут быть скребла на пластинах, процент которых соответственно повышается.

Из мустьерских памятников Киргизии следует упомянуть стоянки Тоссор и Георгиевский Бугор. Материал Тоссора находится в переотложенном состоянии и, по свидетельству В. А. Ранова, относится к финальному мустье или самым ранним этапам верхнего палеолита (*Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973, с. 100—101). Георгиевский Бугор относится к раннеголодностепному времени, т. е. началу верхнего плейстоцена. Инвентарь его имеет нелеваллуазский облик (*Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973, с. 103).

На территории Южного Казахстана наибольший интерес представляет стратифицированная многослойная стоянка Карасу (им. Ч. Ч. Валиханова), вскрытая на большой площади (*Алпысбаев Х. А.*, 1960; 1979). Она находится в 143 км к северу от г. Чимкента на правом берегу р. Арыстанды и залегает в отложениях террасы высотой 9—12 м над уровнем реки. Терраса эта обозначается здесь как третья надпойменная и сопоставляется с ташкентской террасой (*Алпысбаев Х. А., Костенко Н. Н.*, 1968).

На глубине 2,5 — 7 м от поверхности террасы в слое желтовато-серого суглинка, иногда называемого лессом, обнаружено пять культурных слоев, в которых, за исключением верхнего, находились кострища и очажные пятна, а также фаунистические остатки в виде костей лошади, оленя, сайги и бизона. Результаты спорово-пыльцевого анализа свидетельствуют, по А. В. Вислогузовой, что в эпоху накопления (стоянка лессов) район характеризовался открытым ландшафтом со степной растительностью. Лессы датируются второй половиной среднего плейстоцена — Q_2^2 (*Вислогузова А. В.*, 1961), но, как полагают В. А. Ранов и С. А. Несмеянов, возможно лессы имеют характер покровной толщи, отлагавшейся уже в верхнеплейстоценовое время, о чем свидетельствует и археологический материал, самый ранний возраст которого, по их мнению, финальное мустье, причем не исключен и более поздний возраст (*Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973, с. 105). По мнению Х. А. Алпысбаева, верхний слой относится к позднему палеолиту, нижние слои — мустьерские, без дальнейшего уточнения (*Алпысбаев Х. А.*, 1979, с. 176). В непонятной связи упоминается радиоуглеродная дата $80\,000 \pm \frac{140 \text{ лет}}{170}$ (*Алпысбаев Х. А.* 1979, с. 173.)

Материал описан по слоям суммарно. Интересно отметить, что во всех слоях применялось одинаковое сырье — халцедоновые желваки, коренные выходы которых находятся в 1 км от стоянки. В верхнем слое из собранных более чем 3000 «сколов» и «незаконченных орудий» упомянуто 25 нуклеусов, большая часть которых, по-видимому, двусторонние дисковидные, пять нуклевидных и пять рубящих орудий, возможно чоппингов; 10 пластин неправильных очертаний и 15 отщепов со следами ступенчатой ретуши. Основания, на которых этот инвентарь относится к позднему палеолиту, специально не оговариваются. Отличие его от инвентаря нижележащих слоев состоит в находке единичных нуклеусов «примитивного призматического облика» и отсутствии таких позднепалеолитических форм, как скребки и резцы, представленных в мустьерских слоях. Характер культурных остатков свидетельствует, что здесь была мастерская, которая по времени, видимо, недалеко отстоит от нижележащих стоянок-мастерских.

Для второго слоя указано только общее количество находок — более 5000, не считая множества мелких чешуек. Большинство нуклеусов — дисковидной формы, «с хорошо выраженными плоскостями ударных площадок» (*Алпысбаев Х. А.*, 1979, с. 161). Наряду с крупными рубящими орудиями встречены мустьерские остроконечники, мелкие скребла, скребки и резцы. В числе орудий из третьего слоя упоминаются также два миниатюрных ручных рубила, хотя о них далее сказано, что «эта форма встречается и в верхнем палеолите» (*Алпысбаев Х. А.*, 1979, с. 175). В четвертом слое среди прочих изделий упоминается 150 отбойников, что, возможно, является опечаткой.

Очевидно, что без дальнейшего углубленного анализа материалов стоянки в настоящее время невозможно сделать окончательные выводы о ее возрасте.

[2] Исследование памятника продолжается. К 1982 г. установлено наличие свыше 30 культурных слоев, самый нижний залегает на глубине около 18 м. Следует отметить также, что в нижних ашельских слоях встречаются двусторонне обработанные изделия.

Если, исходя из археологических материалов, условно допустим позднемустьерский возраст, то геологическая датировка должна быть пересмотрена.

Мустьерские культуры Сары-Арка очень суммарно охарактеризованы А. Г. Медоевым как сочетание типичных мустьерских орудий и образцов «развитого» леваллуа с многочисленными отщепами, часто клектонского типа (признаки выделения их из ашельских комплексов не ясны). О нуклеусах упоминается, что они меньших размеров, чем ашельские, имеются дисковидные односторонние, а также одноплощадочные треугольной и четырехугольной форм. Из орудий отмечены остроконечники и скребла (*Медоев А. Г.*, 1964, с. 94). Стоянка мастерская у юго-западных склонов гор Хантау (юго-западное Прибалхашье) доставила крупнейший в Казахстане комплекс «мустье с ашельской традицией фации леваллуа» (*Медоев А. Г.*, 1970, с. 213—214, рис. 7, 8).

В Центральном Казахстане М. Н. Клапчук отмечает несколько местонахождений мустьерского времени, из которых интересны стоянки Батпак 8 и стоянка-мастерская Батпак 12 в верховьях р. Ишим в 80 км севернее Караганды (*Клапчук М. Н.*, 1966, 1969). На местонахождении Музбель (правый берег р. Сарысу в ее среднем течении) представлен инвентарь, изготовленный из галек микрокварцита и кварцевого песчаника. Наряду с нуклеусами — дисковидными, односторонними и двусторонними, одноплощадочными и двуплощадочными — представлено значительное число галечных орудий, в том числе типичные чопперы и чоппинги. Орудия из крупного плоского отщепа, определенное М. Н. Клапчуком как струг, скорее всего является скреблом. М. Н. Клапчук сопоставляет это местонахождение со стоянкой Кара-Бура на юге Таджикистана (*Клапчук М. Н.*, 1970а), хотя соотношение чопперов и чоппингов здесь иное и не исключено, что стоянка тяготеет к сибирскому палеолиту. В связи с этим необходимо упомянуть местонахождение Передержка 1—2 также на р. Сарысу. Здесь в двух скоплениях собрано свыше 2 тыс. изделий, имеющих смешанный характер. Среди нуклеусов отмечены дисковидные, веероводный, конические и двуплощадочные двусторонние. В большом числе собраны массивные широкие пластины и их сечения. Из орудий упоминаются лишь пластины с зубчатой ретушью и изделия, которые М. Н. Клапчук называет монофасами (возможно, скребла). Реберчатые пластины и концевой скребок имеют позднепалеолитический облик (*Клапчук М. Н.*, 1969). Возможно, Передержка представляет собой мастерскую переходного от мустье к позднему палеолиту времени, когда еще сильны леваллуазские традиции. Характерные черты сибирского палеолита выступают здесь достаточно явно.

Ряд мустьерских местонахождений открыт в Восточном Казахстане в верховьях Иртыша и на его правобережных притоках Нарым и Бухтарма. Особенно интересны сборы около аула Канай и у пос. Свинчатка (*Черников С. С.*, 1951; 1956; *Крылова А. А.*, 1959). Возможно, небольшой мустьерский комплекс, не выделенный исследователями из позднепалеолитического материала, имеется и на стоянке Пещера (Гохман И. И., 1957).

Древние памятники обнаружены также на Алтае, в отрогах Кузнецкого Алатау в Хакасии и в Саянах в Туве. Это не только единичные находки пластин мустьерского облика у ст. Бобково и у пос. Борцовка, не только сборы архаичных изделий в Туэктинской долине и в долине Саглы, не только переотложенный материал, расщепленный в леваллуазской технике на р. Урсул у дер. Нижний Тюмечин, но и стратифицированные стоянки, такие как Усть-Канская и Страшная, давшие выразительные и своеобразные комплексы фауны и каменного инвентаря, а также недавно открытые Двуглазка и Денисова пещера, исследование которых только начато.

Усть-Канская вошла в литературу как пещера, хотя это, несомненно, грот, обширный и сухой, длиной 17 м и шириной около 12 м. Он находится на высоте 52 м над уровнем р. Чарыш, в ее верховьях, в 14 км к востоку от с. Усть-Кан. Стратиграфия отложений не прослежена, указано лишь, что слой, содержащий культурные остатки, имел мощность до 1,75 м у входа и что его подстилал слой глины. В отношении датировки культурного слоя его исследователь С. И. Руденко отметил лишь, что стоянку можно датировать теплой фазой, предшествующей последнему оледенению Алтая (*Руденко С. И.*, 1960, с. 125). Анализ каменного инвентаря, проделанный Н. К. Анисюткиным и С. Н. Астаховым, показал, что комплекс Усть-Канской относится к мустье леваллуазской фации с обилием скребел, среди которых преобладают простые боковые с выпуклым лезвием и поперечные (*Анисюткин Н. К.*, *Астахов С. Н.*, 1970). Нуклеусы здесь леваллуазские дисковидные, многоплощадочные, грубопризматические (рис. 71, *9*). Леваллуазские сколы представлены отщепами и пластинами с подправленными (главным образом, фасетированными) ударными площадками (рис. 71, *1, 10*). Из орудий, помимо скребел (рис. 71, *6, 12*), отмечены остроконечники (рис. 71, *4*) и остроконечные орудия (рис. 71, *8*), скребки (рис. 71, *7*), крупные пластины (рис. 71, *2*), и пластинчатые отщепы с краевой ретушью. Крупная пластина с подтеской (рис. 71, *3*) и угловой резец (рис. 71, *11*) полностью аналогичны орудиям из позднепалеолитической стоянки Кокорево I на Енисее. Неясно отношение к мустьерскому комплексу двустороннеобработанного листовидного наконечника (рис. 71, *5*) с заметной заглаженностью граней и фасеток. Возможно, он принадлежит к более позднему комплексу, который выделяется в мустьерской коллекции.

Пещера Страшная расположена в среднем течении р. Ини (бассейн р. Чарыша) на юго-западе Алтая. Она представляет собой узкий ход шириной 2—3 м с расширением в дальней части. Общая длина пещеры 20 м. Перед нею находится широкая площадка на высоте 40 м от уровня современной поймы. Раскоп, заложенный во входной части пещеры, пройден до глубины 10 м. В результате размывания культурного слоя все остатки деятельности человека оказались переотложенными. Расщепленный палеолитический кремень залегал на глубине от 1,2 до 6,2 м. Эта пятиметровая толща разделена на горизонты толщиною 20 см, по всей видимости, горизонты взятия, поскольку они не согласуются с литологическими слоями. Вместе с тем существуют расхождения в цифрах глубин между данными стратиграфии и обозначения слоев на фаунистической таблице. Каменный инвентарь имеет отчетливо леваллуазский

облик (рис. 71, *13—15*). Представлена целая серия леваллуазских нуклеусов с уплощенной рабочей стороной и скошенной ударной площадкой. Дисковидные односторонние нуклеусы немногочисленны. Из заготовок следует отметить удлиненно-треугольные пластины со следами предварительных сколов на нуклеусе и часто с фасетированной ударной площадкой в виде «треуголки». Характерную группу составляют орудия из пластин и остроконечники. Отщепы преимущественно небольших размеров, иногда массивные. Часть их имеет фасетированные ударные площадки, часть — гладкие, часть — галечные. Из отщепов изготовлены простые боковые скребла с выпуклым, реже вогнутым лезвием, поперечные, конвергентные. Встречаются скребловидные орудия выемчато-зубчатых форм. Имеется один чоппинг. Как отметил А. П. Окладников, облик инвентаря во всей толще поражает своим единообразием, которое определяется господством леваллуазской в основе техники расщепления (*Окладников А. П., Муратов В. М., Оводов Н. Д., Фриденберг Э. О.*, 1973).

Денисова пещера находится примерно в 60 км к северу от Усть-Канской, на правом берегу р. Ануй, в 4 км ниже пос. Черный Ануй. Два шурфа, заложенные в пещере, показали наличие мощного культурного слоя с обильным каменным инвентарем леваллуа-мустьерского облика (*Окладников А. П., Оводов Н. Д.*, 1978).

Грот Двуглазка расположен в 50 км к северо-западу от г. Абакана, в юго-восточном отроге Косинского хребта, выходящего в долину Енисея. В толще щебнистых напластований вскрыты мезолитический и позднепалеолитический слои с немногочисленными, но достаточно характерными находками и три слоя, содержащие каменные изделия мустьерского облика: леваллуазский и дисковидные нуклеусы, леваллуазские остроконечники и отщепы, клектонские отщепы со следами использования в качестве скребел и зубчатые орудия (*Абрамова З. А., Ермолова Н. М.*, 1976; *Абрамова З. А.*, 1981а).

Местонахождения с инвентарем леваллуа-мустьерского облика отмечены в Туве. Особенно много их в долине р. Саглы, преимущественно на поверхности высоких террас. Каменные изделия покрыты глубокой патиной, иногда оглажены или окатаны. Характерно широкое использование галек для изготовления нуклеусов: одно- и двуплощадочных, типичных леваллуазских, дисковидных. Наряду с очень крупными архаичными отщепами встречены прекрасные леваллуазские отщепы и острия. Из орудий представлены пластины и отщепы с ретушью, боковые и поперечные скребла, выемчатые и зубчатые орудия, грубые проколки, многочисленные чопперы и чоппинги (*Астахов С. Н., Семенов В. А.*, 1980). В Центральной Туве большой интерес представляют стоянка Чинге-Даг-Ужу на левом берегу р. Чадана и пункт на левом берегу р. Шагонар. Комплексы сходны с саглынскими, но находок меньше и набор орудий беднее (*Астахов С. Н.*, 1971). С. Н. Астахов проявляет известную осторожность в датировке памятников, отмечая, что стоянки располагаются на поверхностях, не подвергавшихся существенным изменениям, по крайней мере, со времени зырянского оледенения. Видимо, в этом случае, как и в случае некоторых местонахождений Казахстана и Монголии, пригоден типологический метод, согласно которому ничто не противоречит мустьерскому (а в некоторых пунктах, может быть, и более раннему) возрасту комплексов.

Этими находками можно закончить обзор мустьерских памятников Советской Азии, хронологическое размещение которых представлено в таблице. Что касается отнесения того или иного памятника к той или иной фации или культурной группе, то наиболее приемлемой представляется схема В. А. Ранова, уделившего много сил и внимания разработке этой проблемы для Средней Азии (*Ranov*, 1976). Известные коррективы, которые следует внести в эту схему, заключаются в следующем. Варианты леваллуа и леваллуа-мустье близки между собой и в согласии с предложением В. А. Ранова (*Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973, с. 25) могут быть объединены в одну группу. Характерными памятниками этой группы мустье-леваллуа могут считаться Кайрак-Кумы, а также гроты Алтая и, возможно, Двуглазка. Вторая группа — мустье типичное — имеет определенную близость к варианту мустье-леваллуа, поскольку в характерном памятнике — Тешик-Таше — имеются леваллуазские элементы. В эту группу могут быть включены Кутурбулак и, возможно, Огзи-Кичик.

Пластинчатый характер инвентаря Обирахмата, на наш взгляд, не является основанием для включения его в первую культурную группу. По многим признакам Обирахмат можно рассматривать как заключительный этап развития культуры Тешик-Таша, и поэтому логичнее было бы присвоить этому варианту название не обирахматский, как предлагает Р. Х. Сулейманов, а тешикташский. Вряд ли можно объединить варианты мустье типичного и мустье-соан (*Ранов В. А., Несмеянов С. А.*, 1973, с. 25), так как характернейший облик последнего составляют именно разнообразные галечные орудия (в Тешик-Таше найден единственный, хотя и типичный, чоппер). Поэтому третьей будет группа мустье-соан, которая, по-видимому, ведет свое происхождение от лессовых памятников типа Каратау I и Лахути I, близких к ней территориально.

Бесспорно, в четвертую группу — мустье зубчатого — входит Кульбулак, к которому В. А. Ранов склонен присоединить Георгиевский Бугор. В Прибалхашье отмечены памятники мустье с ашельской традицией, с которыми, по-видимому, может быть сближена и стоянка Мысовая. Мустьерской фации типа кина на территории азиатской части СССР не отмечено.

В настоящее время мало что можно сказать о физическом типе человека, поскольку для всего обширного региона известна лишь одна палеоантропологическая находка — погребение ребенка из грота Тешик-Таш. Скелет был обнаружен в верхнем культурном слое на небольшой глубине. Видимо, вскоре после захоронения труп ребенка стал добычей хищника: скелет сохранился неполностью, его части утратили первоначальную анатомическую связь. На месте остались череп с нижней челюстью, первый шейный позвонок, обе ключицы, плечевая кость, несколько ребер, правая бедренная, обломки большой берцовой и обе малых берцовых.

Первое описание этой уникальной палеоантропологической находки было сделано в 1940 г.

Таблица. Древний палеолит Азиатской части СССР

Абсолютные даты	Раздел	Подраздел	Альпийская стратиграфическая шкала	Средняя Азия и Казахстан: стратиграфические подразделения	Средняя Азия и Казахстан: археологические памятники: Средняя Азия	Средняя Азия и Казахстан: археологические памятники: Казахстан	Ярусы плейстоцена	Сибирь и Дальний Восток: стратиграфические подразделения	Сибирь и Дальний Восток: археологические памятники
10 000	Голоцен							Сартанское оледенение	См. табл. 3 на с. 314
					Самаркандская Кульбулак, слои 1—3				
25 000					Шугноу Худжи			Каргинское межледниковье	
50 000	Плейстоцен	Верхний	Вюрм	Голодностепский (Душанбинский)	Обирахмат, Огзи — Кизик Тоссор Георгиевский Бугор Джар-Кутан, Ходжакент Кара-Бура Тешик-Таш Кутурбулак Кайрак-Кумы Кульбулак, слои 4—8	Передержка Карасу Батпак 8	Верхний	Зырянское оледенение	Усть-Канская, Двуглазка, Страшная
80 000			Рисс-вюрм		Лахути I	Жаман-Айбат		Казанцевское межледниковье	
150 000		Средний	Рисс	Ташкентский (Илякский)	Кульбулак, слой 9 Янгаджа I Каратау I	Токалы Кызылрысбек Сары-Арка Обалысан Борыказган Танирказган	Нижний	Тазовское оледенение Мессовское межледниковье Самаровское оледенение Межледниковый век	Ангара (верхние террасы) Улалинка (?) Филимошки Кумары (?)
200 000		Нижний	Миндель-рисс	Вахшский (Кулябский)			Эоплейстоцен	Древнее оледенение	
500 000			Миндель						
900 000			Гюнц-миндель						

Г. Ф. Дебецем, отметившим блестящую реставрационную работу М. М. Герасимова, склеившего череп из более чем 150 фрагментов. М. М. Герасимовым создана и реконструкция физического облика ребенка (рис. 66, *3*). В результате тщательного изучения останков Г. Ф. Дебец установил, что они принадлежали ребенку в возрасте около 9 лет, обладавшему морфологическими свойствами неандертальского типа. Поскольку систематика неандертальцев не была достаточно разработана, Г. Ф. Дебец лишь гипотетически наметил близость тешик-ташского скелета к европейскому варианту неандертальцев (*Дебец Г. Ф.*, 1940). В дальнейшем Г. Ф. Дебец, возражая Ф. Вейденрейху, усмотревшему на тешик-ташском черепе отдельные признаки, напоминающие современных монголоидов, писал более определенно, что в той мере, в какой вообще возможно сравнение с современными расами, тешик-ташский череп обнаруживает наибольшее сходство с европеоидами (*Дебец Г. Ф.*, 1947, с. 20).

Более точному определению таксономического положения находки посвящена обширная литература, суммированная В. П. Алексеевым. На основе всестороннего анализа данных В. П. Алексеев пришел к трем выводам: тешик-ташский ребенок, возможно, не мужского, а женского пола; по сочетанию примитив-

пых и прогрессивных признаков он может быть включен в европейскую группу Эрингсдорф или в переднеазиатскую группу Схул; по сочетанию расовых черт на черепе он может рассматриваться как исходная форма западного европеоидно-негроидного расового ствола. Отсюда следует очень важное заключение, что южные районы Средней Азии могут быть включены в границы западного первичного очага расообразования (*Алексеев В. П.*, 1973).

Рядом с костями ребенка, как бы окружая их, лежали более или менее целые четыре пары рогов горного козла; одна из них стояла вертикально вблизи черепа, как бы намеренно воткнутая в землю; не исключено, что и остальные находились в том же положении (рис. 66, *2*). Важно отметить, что в других местах верхнего слоя рога козла отсутствовали, в нижележащих слоях нигде не было такой их концентрации. Рядом с рогами близ погребения прослежены остатки большого очажного пятна. Все эти факты позволяют признать не только намеренность захоронения, но и наличие каких-то сопровождающих захоронение обрядов — одно из немногих дошедших до нас свидетельств духовной жизни неандертальцев.

Значительно больше данных о хозяйстве и образе жизни мустьерского населения Средней Азии и Алтае-Саянской области. Они основаны главным образом на фаунистических остатках и заключениях об общих экологических условиях, дающих представление о природно-хозяйственных зонах.

Фауна Тешик-Таша определена суммарно, так как различия между слоями не прослеживалось (Сб. Тешик-Таш, 1949). Подавляющее большинство остатков — 84% — принадлежит сибирскому горному козлу (Capra sibirica M.). Рог оленя — очень плохой сохранности — предположительно определен как принадлежащий тугайному оленю. Видимо, он был принесен в грот с равнины. Единичными костями представлены лошадь (Equus caballus L.), медведь, близкий к бурому (Ursus cf. arctos), гиена, вид которой не определен, но предположительно пещерная (Hyaena sp.?), леопард (Felix pardus L.). Из отряда грызунов определены кости зайца (толая?), пищухи, сурка, слепушонка, полевки, туркестанской крысы, лесной сони. Определено 20 видов птиц. Все костные остатки свидетельствуют, что природные условия и ландшафт были сходны с современными.

Грот Тешик-Таш находится на высоте 1500 м над уровнем моря. В. И. Бибикова отмечает, что наличие горного козла и таких птиц, как кеклик и клушица, позволяет рассматривать комплекс этого грота как типично высокогорный. Фауна других пещер и гротов, расположенных на 200—300 м ниже, имеет уже определенные отличия. Так, комплекс Аман-Кутана (высота 1300 м) должен быть принят как среднегорный (*Бибикова В. И.*, 1958). Он отличается от тешикташского прежде всего тем, что в нем больше всего (59%) костей азиатского муфлона (Ovis orientalis G.). В Аман-Кутане значительно больше костей благородного оленя и бурого медведя, но ничтожно мало по сравнению с Тешик-Ташем костей горного козла (0,7%). Вместе с тем найдены отсутствующие в Тешик-Таше кости косули сибирской (Capreolus pygargus P.), кулана (Equus hemionus P.) и, что особенно интересно, степной черепахи (13%).

Находка остатков черепахи дает прямую аналогию с фауной Огзи-Кичика, где, как упоминает В. А. Ранов, имеется 14 общих видов с Аман-Кутаном и только шесть с Тешик-Ташем (*Ранов В. А.*, 1975). Огзи-Кичик расположен на высоте 1200 м, и условия сухого плоскогорья здесь ясно прослеживаются по обилию костей черепахи: из собранных при раскопках 1971 г. 15 000 костей 13 650 принадлежали степной черепахе. Вместе с тем 43% всех костей, исключая черепаховые, определены как кости овцы или козы. В Огзи-Кичике встречены также кости лошади, благородного оленя, осла, дикобраза и впервые отмеченные в Средней Азии остатки шерстистого носорога (Coelodonta antiquitatis?).

Грот Обирахмат расположен на высоте 1250 м, его фаунистические остатки не различаются по слоям. Списки фауны даны только для слоев I—XV (*Сулейманов Р. Х.*, 1972, табл. 2, с. 23). На основании этой таблицы подсчитаны приведенные ниже процентные отношения. В слоях I—XV преобладают кости сибирского горного козла (59%), почти в два раза меньше костей благородного оленя (Cervus elaphus cf. bactrianus L.) — 30%. Небольшим количеством особей представлены баран[3] и сурок. По одной кости кабана отмечено в слоях I и VII и одна кость дикобраза в XIII слое. Поэтому вряд ли можно говорить о существенном отличии обирахматского фаунистического комплекса от тешик-ташского и аман-кутанского. Он относится к среднегорной зоне, но с преобладанием охоты на горного козла.

Существенные отличия от фауны пещерных комплексов можно видеть в комплексе стоянки на открытом воздухе Кутурбулак. По предварительным сведениям (*Ташкенбаев Н. Х.*, 1975, с. 5; 1977, с. 4), почти половину этих костей составляют остатки лошади. Затем идут кости слона (26%), который, по определению Н. К. Верещагина и Б. Батырова, является трогонтериевым слоном, что, видимо, еще нуждается в уточнении. Значительно меньше костей тура (быка), кулана и оленя бухарского. Таким образом, фаунистический комплекс Кутурбулака характерен для сухих открытых ландшафтов, предгорных и степных зон.

В целом среднеазиатские мустьерские памятники показывают отчетливую специализацию охоты, приуроченную к различным природным зонам. Фаунистические комплексы, происходящие из южносибирских мустьерских гротов, обладают значительно большим разнообразием и отсутствием видимой специализации.

В Усть-Канском гроте обнаружена обильная фауна, которая, если подсчитать процентные отношения по видам, показывает, что наибольшее количество костей принадлежало аргали (Ovis ammon 26,5%), второе место занимает заяц-толай — 17,5%[4]. Хорошо представлены лошадь, кулан, газель, як, винторогая антилона. Упомянуто 10 костей шерстистого носорога. Из хищников больше всего костей пещерной гиены, затем идет волк. Единичны кости бурого медведя, лисицы, горностая, барсука. Из грызунов отмечены кости длиннохвостого суслика, сурка, полевки. Пти-

---

[3] В списках вместо барана Ovis sp. написано барсук, что определенно является опечаткой.

[4] За исходное общее количество принято 600 определимых костей.

цы представлены 12 видами, в том числе найдены кости клушицы, альпийской галки, гнездовые колонии которой располагаются в самом верхнем поясе гор, и алтайского улара (горной индейки). Однако облик фауны свидетельствует о наличии степных пространств поблизости от грота (*Руденко С. И.*, 1960), хотя не исключено и смешение материалов во время раскопок.

Фауна пещеры Страшной дает еще большее разнообразие видов, но количественные данные не опубликованы. Возможно, несмотря на переотложенность, остатки фауны могут иметь хронологическое значение: кости пещерной гиены, мамонта, шерстистого носорога, архара не поднимаются выше уровня 1,8—2,2 м от условной горизонтали ±10(?). Наиболее поздние достоверные остатки бизона находились на уровне 2,6—2,8 м. На глубине 3,6—3,8 м встречена кость медведя пещерного малого (Ursus spelaearctos uralensis). Из плейстоценовых отложений происходят также кости кулана, сайги, лося, волка, тушканчика, хомячка, полевки высокогорной. Снизу до верху идут кости лошади, благородного оленя, косули, лисицы, зайца, пищухи, сурка горноазиатского, цокора; для верхней части отложений характерны кости грызунов. Вся толща третьего литологического слоя, наиболее насыщенного расщепленным камнем, на основании фаунистических данных, главным образом видов крупных млекопитающих, датируется авторами временем позднего плейстоцена. Эту дату подтверждают и данные палинологии. Споро-пыльцевые спектры, полученные в интервале глубин 6,0—6,62 м, показывают существование лесостепи. Смешанные небольшие леса с березой, пихтой, елью и сосной росли среди разнотравно-полынных степей. Споро-пыльцевые спектры с глубин 3,8—5,6 м показывают, по-видимому, существование злаково-лебедово-разнотравных ксерофитных степей (*Окладников А. П., Муратов В. М., Оводов Н. Д., Фриденберг Э. О.*, 1973).

Фауна грота Двуглазка определена лишь предварительно, но уже сейчас обнаруживает больше общего с комплексом Усть-Канского грота, чем пещеры Страшной. Большая часть костей принадлежит таким непарнокопытным, как носорог, лошадь, кулан, осел (Equus cf. hydruntinus). Много костей крупных хищников, среди которых преобладают остатки пещерной гиены (Crocuta spelaea). Многочисленен по числу костей и особей заяц, близкий к толаю. Встречаются остатки аргали и антилоп. В то же время обнаружены кости благородного оленя, бизона, пещерного медведя, возможно, сайги. Из видов, которые отсутствуют в алтайских памятниках, отмечены пещерный лев и росомаха (*Абрамова З. А., Ермолова Н. М.*, 1976).

Открытие мустьерских памятников в Южной Сибири позволяет надеяться, что в недалеком будущем они могут быть найдены и в других районах Сибири и Дальнего Востока, предпосылки для этого есть.

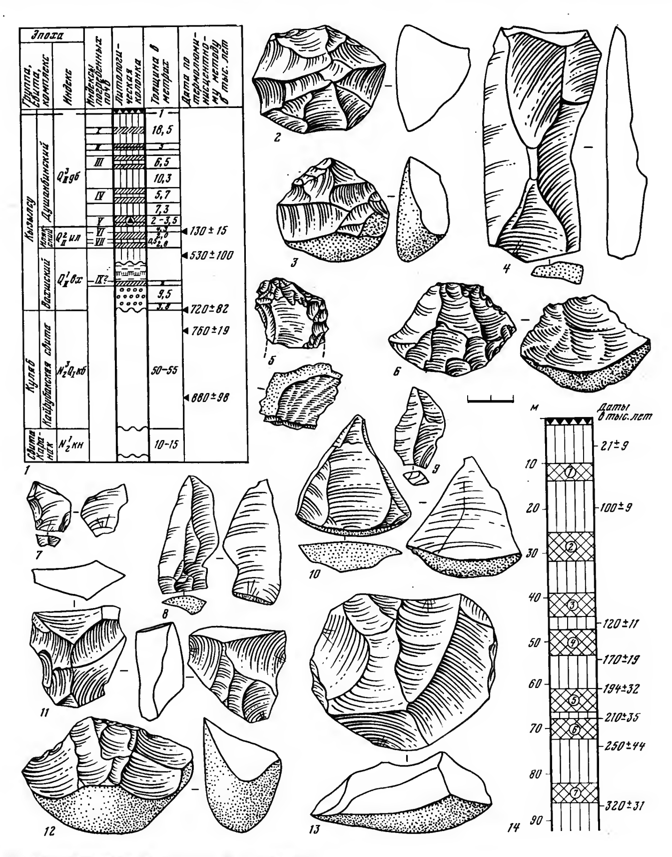

Рис. 61. Местонахождения Лахути I (*1—6*) и Каратау I (*7—14*)

1 **— сводный разрез Лахути; *2, 13* — нуклеусы; *3, 12* — чопперы; *4* — пластина; *5* — обломок скребла; *6—10* — отщепы; *11* — обломок двусторонне обработанного орудия; *14* — разрез Каратау. По В. А. Ранову**

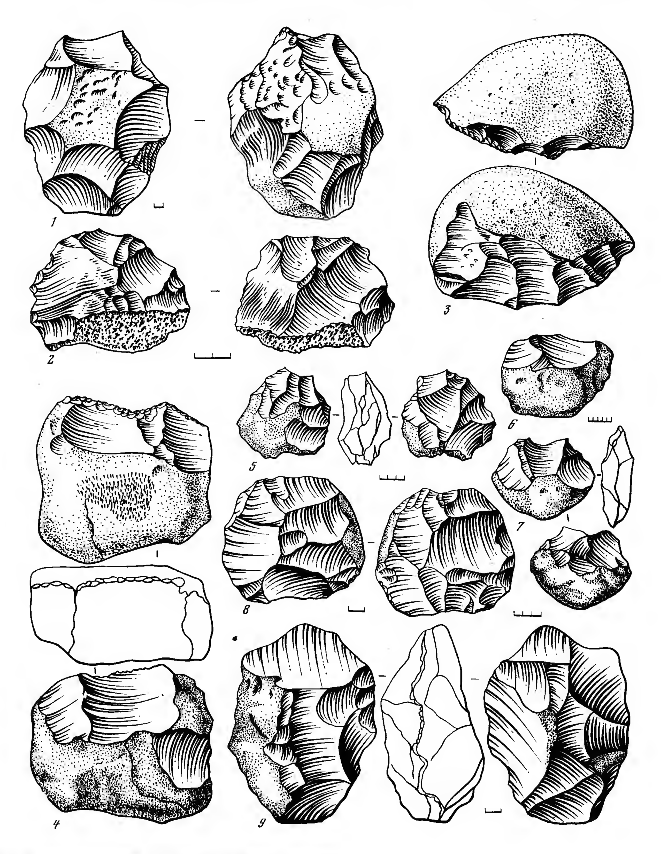

Рис. 62. Местонахождение Он-Арча, хр. Малый Каратау (Борыказган, Танирказган, Токалы и Шабакты). По А. П. Окладникову и Х. А. Алпысбаеву

1, 2, 4, 9 — нуклеусы или чоппинги; *3, 6* — чопперы; *5, 8* — нуклеусы; *7* — чоппинг; *1, 2, 5, 8* — Малый Каратау; *3* — Он-Арча; *4, 9* — Шабакты

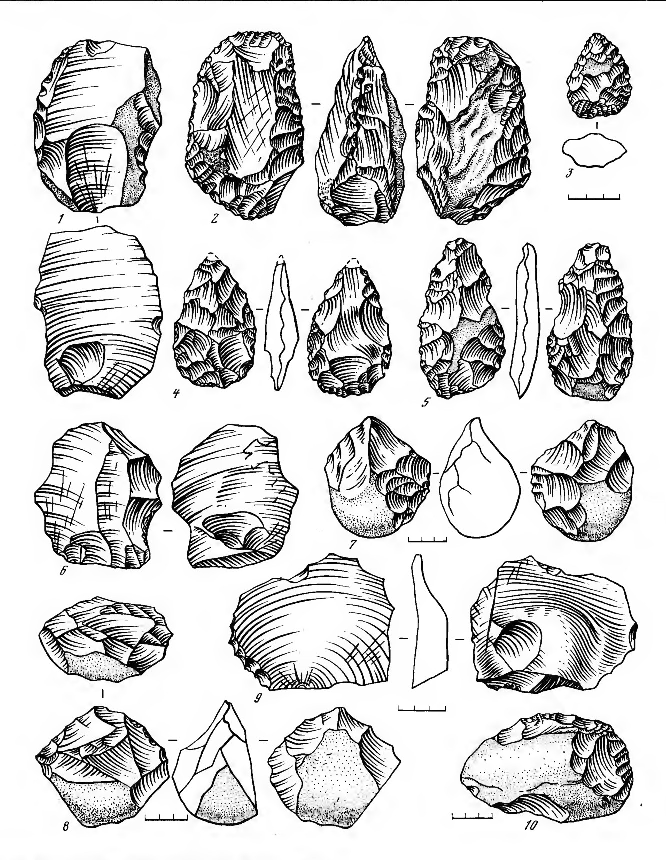

Рис. 63. Местонахождения Северного и Центрального Казахстана и Западной Туркмении. По А. П. Окладникову, А. Г. Медоеву, М. Н. Клапчуку

1, 4—6, 8, 9 — Сары-Арка; *2, 3* — Янгаджа 1; *7* — Обалысан 1; *10* — Жаман-Айбат; *1, 6, 9* — отщепы; *2—5* — бифасы; *7, 8* — чоппинги; *10* — скребло

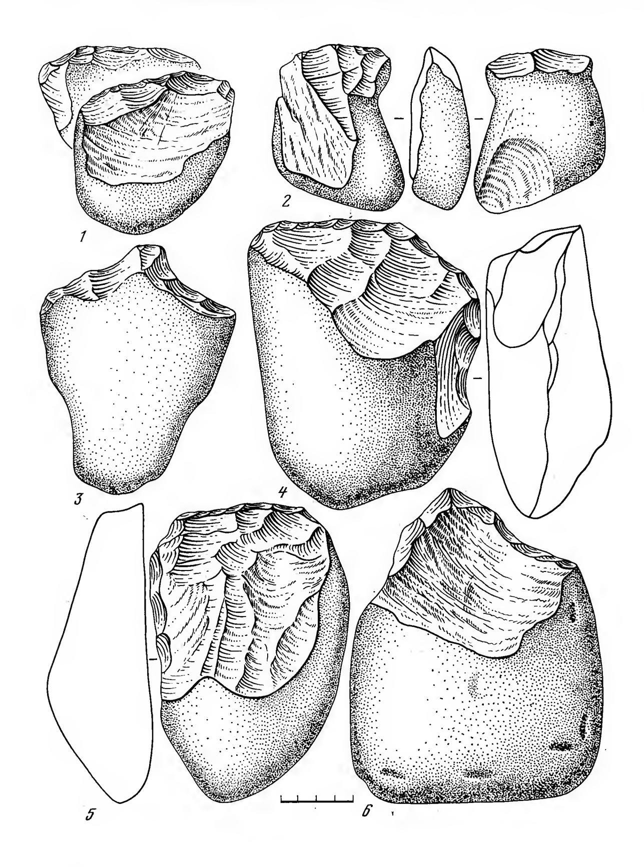

Рис. 64. Местонахождения Улалинка (*1*, *2*, *5*), Кумары (*3*. *4*), Филимошки (*6*)

1 — скребло; *2* — нуклеус; *3—6* — чопперы. По А. П. Окладникову

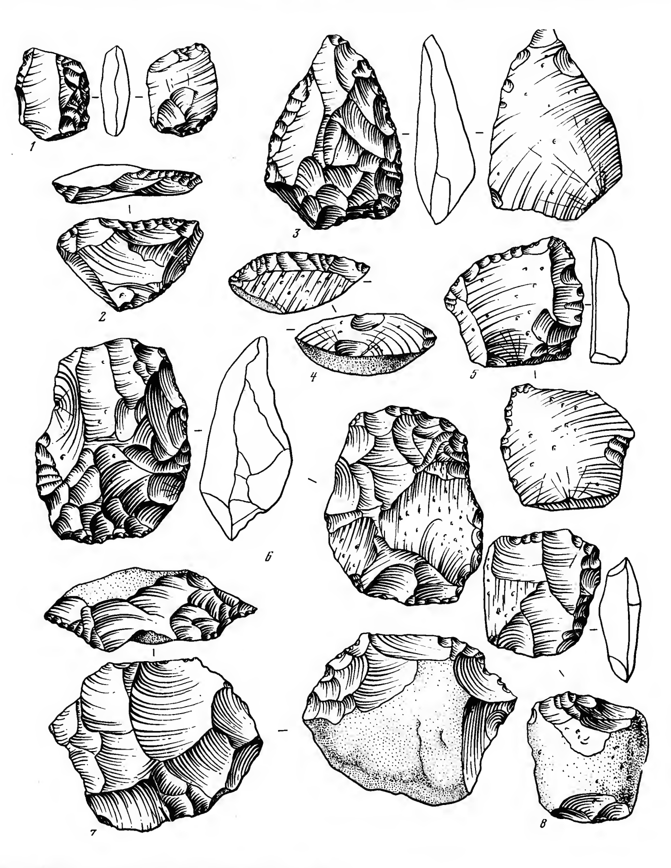

Рис. 65. Местонахождения на высоких террасах р. Ангары

1—4, 7 — гора Балушкина; *5* — гора Долгая; *6, 8* — гора Глиняная; *1—5* — скребла; *6, 8* — нуклеусы. По Г. И. Медведеву

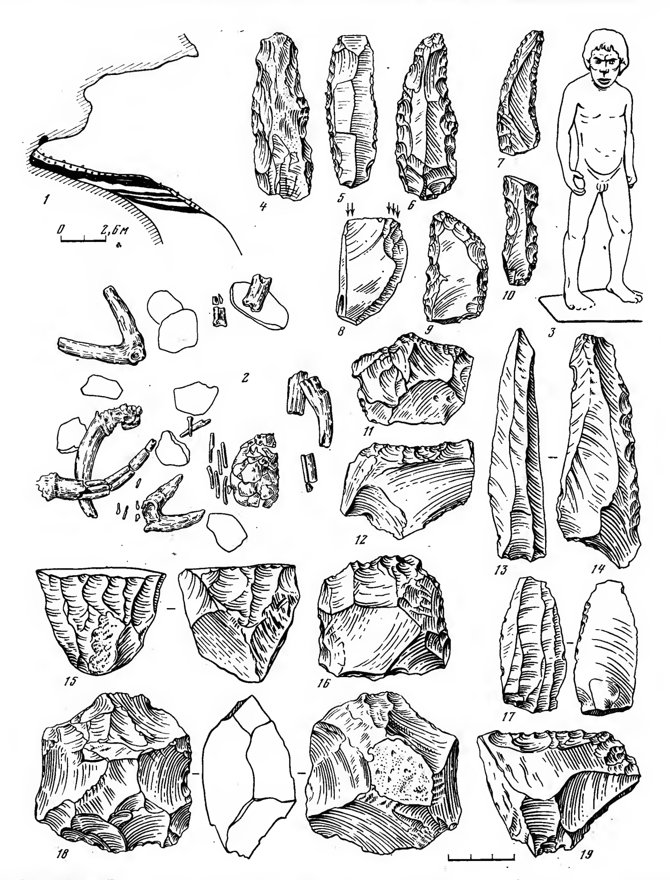

Рис. 66. Грот Тешик-Таш

1 — профиль грота со стратиграфией; *2* — погребение ребенка; *3* — реконструкция неандертальского ребенка (выполнена М. М. Герасимовым); *4, 5, 14* — пластины с ретушью; *6* — остроконечник; *7, 10* — обломки остроконечников или ножей; *8* — изделие с резцовыми сколами; *9, 11, 12, 16, 19* — скребла; *13, 17* — леваллуазские пластины; *15* — одноплощадочный нуклеус; *18* — дисковидный нуклеус. По А. П. Окладникову

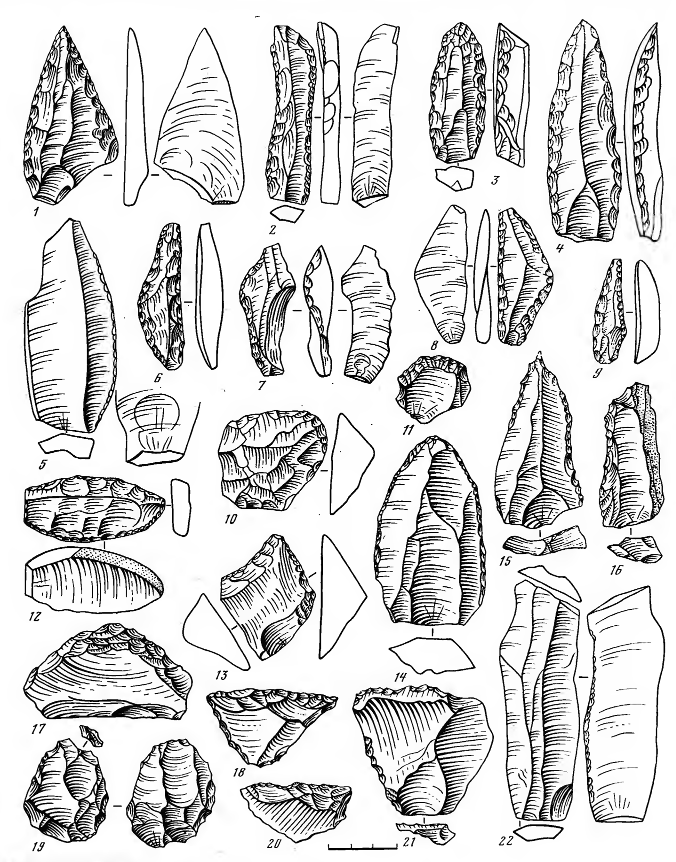

Рис. 67. Грот Огзи-Кичик

1, *4* — остроконечники; *2*, *7* — ножи или скребла; *3*, *6* — остроконечники или скребла; *5*, *14*, *15*, *16*, *22* — пластины с ретушью; *8*, *9* — мелкие ножи; *10*, *12*, *13*, *17*, *18*, *20*, *21* — скребла; *11* — скребок; *19* — нуклеус. По В. А. Ранову

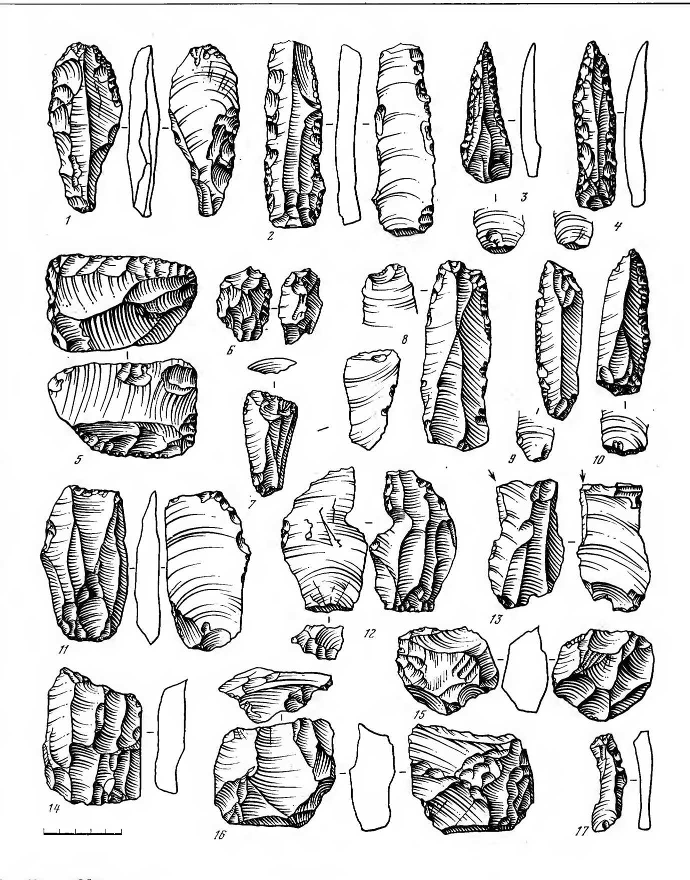

Рис. 68. Грот Обирахмат

1, 8, 11, 13 — комбинированные орудия; *2, 9, 10* — пластины с ретушью; *3, 4* — остроконечники; *5* — скребло; *6, 14—16* — нуклеусы; *7* — струг; *12* — нож; *17* — концевой скребок. По Р. Х. Сулейманову

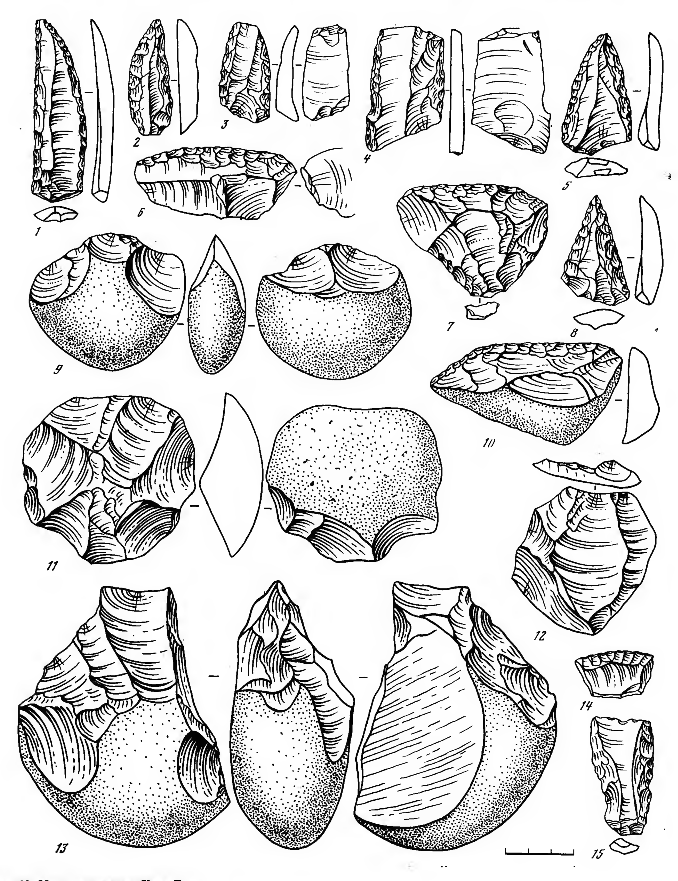

Рис. 69. Местонахождение Кара-Бура

1, 2, 5, 8 — остроконечники; *3, 4, 6, 7, 10, 14, 15* — скребла; *9—13* — чоппинги; *11* — нуклеус; *12* — леваллуазский отщеп. По В. А. Ранову

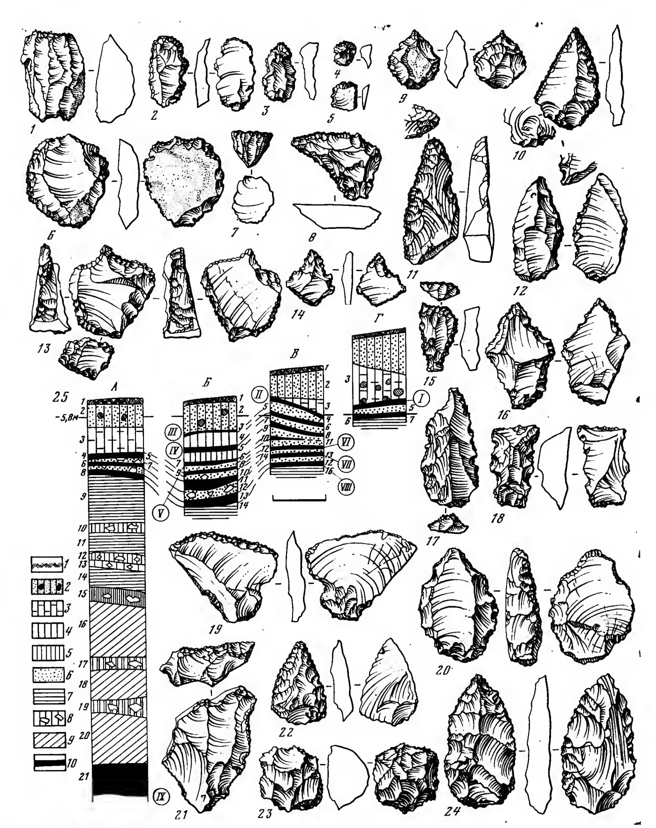

Рис. 70. Стоянка Кульбулак

1—8 — поздний палеолит (*1, 6, 7* — нуклеусы; *2—5* — скребки; *8* — скребло); *9—24* — ранний палеолит (*9* — остроконечное орудие; *10* — мустьерский остроконечник; *11, 19, 22* — скребла; *12* — резец; *13* — комбинированное орудие; *14, 16, 18, 20* — выемчато-зубчатые орудия; *15* — скребок; *17* — леваллуазская пластина; *21, 23* — нуклеусы; *24* — двустороннеобработанное мелкое рубильце; *25* — стратиграфические разрезы (*А* — разрез южной стенки шурфа 3 на кв. $Г_2$46; *Б* — разрез западной стенки раскопа 3 1969 г. на кв. $Г_2$42; *В* — разрез южной стенки раскопа 1 1967—1968 гг. на кв. $III_1$38; *Г* — разрез южной стенки раскопа 1 1967 г. на кв. $III_1$32). По М. Р. Касымову

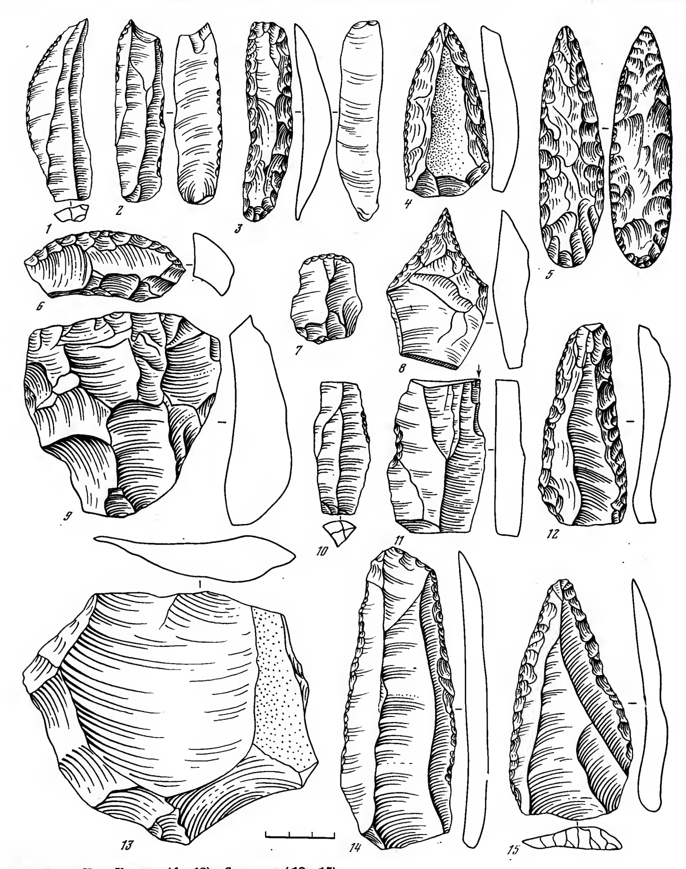

Рис. 71. Гроты Усть-Канская (*1—12*) и Страшная (*13—15*)

1, 2, 10, 14 — пластины с ретушью; *3* — пластина с подтеской; *4, 15* — остроконечники; *5* — двустороннеобработанный наконечник копья; *6, 12* — скребла; *7* — скребок; *8* — остроконечное орудие; *9* — нуклеус; *11* — резец; *13* — массивный отщеп. По С. И. Руденко, А. П. Окладникову

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Поздний палеолит СССР

Глава первая
Поздний палеолит
Русской равнины и Крыма

Глава вторая
Поздний палеолит Кавказа

Глава третья
Поздний палеолит
Азиатской части СССР

Глава первая
Поздний палеолит Русской равнины и Крыма

Накопление археологических материалов и развитие идей по их исторической интерпретации

Исследование памятников позднего палеолита Русской равнины началось в 1870-х годах с раскопок первых четырех палеолитических стоянок, ставших позже широко известными: Гонцовской на Украине, Карачаровской под г. Муромом, Костенковской под г. Воронежом и пещерной стоянки Сюрень I в Крыму. Честь открытия и первоначального исследования русского палеолита принадлежит Ф. И. Каминскому, А. С. Уварову, И. С. Полякову и К. С. Мережковскому, впервые установившим и научно доказавшим заселенность нашей страны ископаемыми людьми. Несколько позже были открыты Кирилловская стоянка в Киеве и Мезинская стоянка на Черниговщине, сыгравшие не менее важную роль в изучении и углублении понимания памятников эпохи палеолита нашей страны. Итоги дореволюционных исследований памятников древнекаменного века в России были подведены А. А. Спицыным в статье «Русский палеолит» (*Спицын А. А.*, 1915) и в труде В. А. Городцова «Археология. Каменный период» (*Городцов В. А.*, 1923). Если А. А. Спицын ставил перед собой задачу свести воедино все сведения о русском палеолите и определить задачи по расширению и углублению неотложных полевых исследований, то В. А. Городцов при изложении основ первобытной археологии как исторической науки обращал внимание на историческое осмысление немногих в то время фактов. Произведения палеолитического искусства в Мезине он рассматривал в качестве доказательства существования этнографических особенностей верхнепалеолитической культуры, которые, по его мнению, в известной мере сопоставимы с различиями в культуре современных славянских, германских и романских народов Европы.

Среди зарубежных исследователей палеолита на бурное развитие археологических исследований в Советском Союзе впервые обратил внимание Л. Савицкий. Он отметил, что после окончания гражданской войны, в 1922—1925 гг. были развернуты исследования палеолита в Костенках, в Борщеве, в Крыму, в ряде районов Украины и Белоруссии (Sawicki L., 1928). В 1928 г. появилась работа П. П. Ефименко «Некоторые итоги изучения палеолита СССР», в которой была предложена первая хронологическая схема палеолита СССР, основывающаяся в значительной мере на изучении палеолита на Дону. Вслед за этим с новой силой развернулись полевые исследования, а также и публикации накопленных материалов в 1930-х, в 1950-х—1970-х годах. В результате усилий исследователей палеолита, составляющих плодотворно работающие небольшие коллективы в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Вильнюсе, Кишиневе и Львове, было накоплено и введено в науку большое число выдающихся по научному значению памятников, особенно на Дону, Десне и Днестре, где были открыты в значительном числе остатки палеолитических жилищ и поселений со следами достаточно сложно организованной и развитой домашне-хозяйственной деятельности. При этом были собраны большие коллекции каменных и костяных орудий, предметов украшения, произведений первобытного искусства. На Волыно-Подольской возвышенности и на Дону, под Воронежом, были открыты многослойные палеолитические поселения, археологическое и геологическое исследование которых позволило значительно углубить хронологические представления о памятниках и отказаться от первоначального схематического решения вопросов развития позднепалеолитической культуры на основе схемы эпох палеолита Франции. Результаты исследований палеолита на Дону нашли отражение в работах П. И. Борисковского (1953, 1963), А. А. Величко (1963), М. Н. Грищенко (1950, 1976), П. П. Ефименко (1934, 1953, 1958), С. Н. Замятнина (1935, 1961), Г. И. Лазукова (1957), А. Н. Рогачева (1955, 1957, 1973).

Памятники Волыно-Подольской возвышенности и юго-востока страны освещаются в работах И. К. Ивановой (1959, 1973), А. П. Черныша (1959, 1973). Н. А. Кетрару (1973); верхний палеолит Крыма освещен в работах Г. А. Бонч-Осмоловского (1934), Е. А. Векиловой (1957); исследованию палеолита в обширном бассейне Днепра посвящены работы П. И. Борисковского (1953), П. И. Борисковского и Н. Д. Праслова (1964), М. В. Воеводского (1950, 1952), М. Д. Гвоздовер (1953), И. Ф. Левицкого (1949), И. Г. Пидопличко (1969), К. М. Поликарповича (1968), С. В. Смирнова (1973), И. Г. Шовкопляса (1965). Монография Р. К. Римантене (1971) по палеолиту Прибалтики и северо-запада Русской равнины освещает первоначальное заселение этого района Русской равнины в позднеледниковое время. Что касается огромных пространств северо-востока — от верховьев рек бассейна Днепра, всего бассейна Волги до Уральских гор, то в силу недостаточной изученности и неудовлетворительной публикации открытых здесь отдельных выдающихся памятников имеются значительные трудности для освещения вопросов заселенности этих районов страны и для суждения о культурной принадлежности памятников. Знанием памятников северо-востока Русской равнины мы обязаны О. Н. Бадеру (1960, 1965, 1978), С. Н. Бибикову (1959), В. Н. Сукачеву, В. Н. Громову и О. Н. Бадеру (1966), С. Н. Замятнину (1929), Б. И. Гуслицеру и В. И. Канивцу (1962), В. Л. Яхимович (1961).

Накопление огромного материала, совершенствование методики его обработки, необходимость осмысления развития человеческого общества на древ-

нейших этапах его истории в единстве с развитием окружающей природной среды — все это приводит к выпуску ряда коллективных монографий. Из них следует упомянуть «Каменный век на территории СССР» (1970) «Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР» и «Лесс-перигляциал-палеолит на территории Средней и Восточной Европы» (1969).

К осознанию необходимости глубокого исторического и социального анализа археологических фактов исследователи палеолита Русской равнины пришли эмпирически, стремясь объяснить памятники палеолитического искусства. В 1920-х годах при раскопках в Костенках и в Гагарино П. П. Ефименко и С. Н. Замятнину посчастливилось найти небольшие скульптурные изображения женщин, вырезанные из бивня мамонта, вместе с хорошо сохранившимися остатками жилых сооружений древнекаменного века. Так было в Костенках в 1923 г., когда в процессе совместных раскопок П. П. Ефименко и С. Н. Замятнина в хорошо сохранившемся культурном слое была найдена первая статуэтка женщины, сенсационно воспринятая в науке о палеолите. Это подготовило С. Н. Замятнина к правильной оценке его открытия группы женских скульптур и остатков жилища на Гагаринской стоянке под Липецком в 1927 г. «Среди других результатов исследований в Гагарине,— писал он,— следует отметить открытие остатков сооружения из камней, по-видимому, основания шалаша или чума, впервые позволяющие составить некоторое суждение о характере жилища палеолитического человека...» (*Замятнин С. Н.*, 1929).

Эти факты требовали совершенствования методики исследования памятников, обеспечивающей не только сбор коллекции, но и наблюдение и документацию следов деятельности по сооружению жилищ, остатков домашне-хозяйственной деятельности, условий залегания не только женских статуэток на поселениях, но и всех других культурных остатков в их взаимосвязи. Поэтому уже в работе 1931 г. П. П. Ефименко была предложена детально разработанная программа углубления исследований палеолита с осуждением формализма и «биологического подхода» к древнейшей истории старого палеоэтнологического направления. «Наши знания памятников палеолитической культуры,—писал он,—продолжают страдать неполнотой и односторонностью... ясно, что оно имеет корни в слишком узко и формально определившихся интересах самого исследования... мы не знаем о такой важной стороне проблемы палеолита, как характер поселений, вид палеолитических жилищ и т. д. Теперь, когда в итоге работы ряда лет основные вехи смены палеолитических культур для многих областей СССР намечены уже достаточно прочно и вопросы взаимной расстановки основных наших памятников более или менее ясны, пора перейти к разрешению иных задач, связанных с более глубоким проникновением в факты» (*Ефименко П. П.*, 1931, с. 9). Так в нашей науке была выдвинута проблема палеолитических жилищ и поселений, широко развернутое изучение которых в большой мере обеспечило превращение палеолитоведения в раздел исторической науки. Разумеется, были трудности в обсуждении встававших новых вопросов, порождавшие в ряде случаев ошибочные суждения и выводы, осознанию которых способствовало начавшееся в связи с этим изучение марксистско-ленинской теории и, в частности, теории первобытнообщинного строя.

Результаты многолетнего творческого поиска путей к историческому осмыслению эпохи палеолита и к пониманию археологической вещи как исторического источника нашли отражение в капитальном труде П. П. Ефименко (1934, 1938, 1953). Этот труд содержит первый опыт обсуждения вопросов социологии первобытного общества на основе археологических источников, собранных в результате заново разработанной методики полевого исследования памятников.

Наряду с изучением остатков жилищ, разного рода хозяйственных сооружений, погребений, коллекций каменных и костяных орудий важным разделом первобытной археологии является исследование предметов украшений тела и одежды и настоящих произведений искусства в виде головок и фигурок животных и людей. Они широко представлены в позднем палеолите Русской равнины. Памятники искусства как исторические источники рассматривались в ряде монографий (*Ефименко П. П.*, 1958; *Шовкопляс И. Г.*, 1965; *Поликарпович М. К.*, 1968 и др.). Имеются и большие сводные труды по вопросам первобытного искусства, в которых обсуждаются не только исторические вопросы, но специальные искусствоведческие проблемы (*Гущин А. С.*, 1937; *Абрамова З. А.*, 1962, 1966; *Окладников А. П.*, 1967; *Столяр А. Д.*, 1972; *Формозов А. А.*, 1969).

Обостренное внимание к остаткам палеолитических жилищ и поселений с детальным исследованием культурного слоя с целью выявления конструктивных деталей сопровождалось настойчивыми поисками новых путей изучения производственной деятельности. В связи с этим тогда же, в 1930-х годах, начались исследования микроскопических следов изнашивания на каменных орудиях с целью изучения их функционального назначения. С. А. Семенов стал тогда доказывать возможности использования следов от употребления на каменных орудиях для определения их функций. «В частности,— писал он,— П. П. Ефименко в 1934 г. отобрал несколько кремневых орудий из Костенок I со следами изнашивания их работы в виде заполировки на отдельных участках. Этот материал был использован для наших первых исследований» (*Семенов С. А.*, 1957, с. 7). Исследование массового материала и применение целеустремленных экспериментальных наблюдений позволило разработать метод функционального анализа каменных орудий, вскоре получивший всеобщее признание среди специалистов всего мира. Углубляя и расширяя исследования в этом направлении на основе трасологических и экспериментальных данных, привлекая антропологические и этнографические данные, С. А. Семенов развил важные положения о кинематике ручного труда, что обеспечило раскрытие многих сторон домашне-хозяйственной деятельности. Все это позволило сформулировать основные технические тенденции или общие закономерности в развитии первобытных каменных орудий: уменьшение фактора трения, дифференциация трудовых функций, выражающаяся в специализации орудий, увеличение силовой нагрузки на орудие, увеличение ско-

рости движения орудий в трудовом процессе и др.

В своих исследованиях С. А. Семенов стремился раскрыть значение и роль труда, в частности, каменных орудий как средств труда в антропогенезе и в дальнейшем историческом развитии людей.

Так был открыт еще один путь к постижению социального бытия людей древпекаменного века. Тщательные лабораторные исследования экспериментальными и историко-техническими методами коллекций каменных орудий, дополненные столь же тщательными полевыми наблюдениями за системой их залегания на местах поселений, позволили сложиться истории первобытной техники как одному из важнейших разделов первобытной археологии.

В постижении исторической реальности бытия людей древнекаменного века, а вместе с тем и в понимании древнейших вещей как исторических источников важный вклад был сделан С. Н. Замятниным. Ему удалось значительно конкретизировать проблему роли и значения природной среды в развитии человечества и его культуры. При обсуждении проблемы возникновения местных различий в культуре палеолитического периода он интуитивно обратил внимание на социальную сущность этого явления. Под местными различиями во всемирно распространенной и в целом однородной и сходной культуре охотников-собирателей он понимал лишь те, которые «обусловлены общественным бытием первобытных человеческих групп, а не разницей в их природном окружении» (*Замятнин С. Н.*, 1951, с. 95). По его мнению, различия в культуре эпохи палеолита, которые могут быть отнесены за счет прямого воздействия природной среды, по своему историческому значению мало существенны. Сходства и различия в культуре верхнего палеолита во многих отношениях зависели от среды обитания, но определялись они, в конечном счете, господством первобытнородового строя, характерной чертой которого являлась обособленность общественно-социальных единиц, отсутствие сколько-нибудь развитых и тесных связей между ними в силу господства натуральных форм хозяйственной деятельности и редкости населения. С. Н. Замятнин отмечал, что при относительно высоком уровне верхнепалеолитической культуры эти обстоятельства приводили к появлению специфических местных форм орудий и оружия, свойственных только какой-нибудь ограниченной области, или даже ее части, определяли своеобразие в устройстве деталей жилищ, особенности одежды, украшений, самобытность произведений искусства. Констатируя этот факт, С. Н. Замятнин не ставил напрашивающийся сам собой вопрос о существовании или возникновении археологических культур, ограничиваясь лишь признанием наличия больших культурных зон, определяющихся своеобразием и особенностями среды обитания: европейской приледниковой, сибирской и средиземноморской.

Важный шаг вперед был сделан и М. В. Воеводским, тоже отрицавшим определяющую роль природной среды в развитии первобытной культуры. Отвергая вывод П. П. Ефименко, у которого стадии развития культуры находились в прямой связи со сменой природной среды, он предложил свое оригинальное решение вопроса о локальных культурах в верхнем палеолите Восточной Европы. Отстаивая неразрывную связь эпипалеолитической (мезолитической) техники и культуры с верхнепалеолитической, М. В. Воеводский в статье, опубликованной в 1950 г., заявил, что «единой для всей Восточной Европы свидерской стадии не существует» (*Воеводский М. В.*, 1950, с. 97).

Так развивались идеи, приведшие впоследствии к установлению существования археологических культур в эпоху верхнего палеолита, хотя долгое время господствующими оставались ошибочные взгляды П. П. Ефименко о решающем влиянии природной среды на развитие палеолитической культуры (*Рогачев А. Н.*, 1969). Борьба за понимание исторического содержания категории «археологическая культура» продолжается и в настоящее время. При этом наряду с поисками путей к формализации описания и анализа каменных орудий и построения типологии с учетом их функционального назначения нащупываются возможности углубления исследований теории первобытнообщинного строя на основе накопленного археологического материала.

Хронологическая классификация памятников на основе стратиграфии верхнеплейстоценовых отложений. Палеогеографическая реконструкция среды обитания

Остатки позднепалеолитических поселений на Русской равнине размещаются в долинах рек и в древних оврагах-балках и залегают в верхах четвертичных отложений, в лессовидных суглинках и погребенных почвах. Лишь на окраинах равнины, в Прикарпатье, в Крыму и на Урале имеются пещерные стоянки. За последние годы благодаря специальным геологическим и палеогеографическим исследованиям остатков многослойных поселений удалось найти в Костенках на Дону и на Волыно-Подольской возвышенности наиболее древние позднепалеолитические остатки и установить связь их с погребенными почвами и гумусами.

Из-за недостаточной и неравномерной изученности верхнеплейстоценовых отложений на Русской равнине вопросы относительной древности памятников эпохи палеолита и их геологического возраста в нашей стране решались в рамках моногляциалистской концепции крайне условно и схематически. Хронология строилась с опорой на французскую схему эпох верхнего палеолита, при этом не только допускалось, но и утверждалось их универсальное значение во всей европейской приледниковой зоне развития верхнепалеолитической культуры. В этом отношении достаточно показательным являлся подход П. П. Ефименко к определению хронологии Костенок I. Отметив затруднение в решении вопроса, «к какой фазе четвертичной истории должен быть отнесен основной культурный горизонт Костенок I», он писал: «Если синхронизировать мустьерское время с максимальным оледенением Восточной Европы или по крайней мере с ранними этапами его развития, представляется

весьма вероятной принадлежиость древнейшего нижнего слоя палеолитического культурного горизонта Костенок I... с его типичным солютрейским инвентарем, сохраняющем еще живые черты мустьерской техники, может быть, даже к ранней поре так называемого рисс-вюрмского межледниковья. Если это действительно так, тогда верхний горизонт стоянки с его обработанным кремнем, костью и другими вещественными остатками, обнаруживающими, несомненно, ряд особенностей, свойственных солютрейскому типу культуры, может быть отнесен с большой долей вероятности к концу того же межледниковья или к ранним этапам вюрма» (*Ефименко П. П.*, 1958, с. 27).

Столь глубокая древность верхнего палеолита на востоке Европы смущала наших западных коллег, которые, исходя из иных представлений, вдавались в другую крайность, омолаживая геологический возраст почти всех памятников нашей страны (*Bordes Fl.*, 1968). Лишь при углубленном исследовании многослойных памятников на Дону и на Днестре и постановке специальных работ по выяснению их геологического возраста удалось в общих чертах добиться более или менее ясного представления об условиях взаимодействия населения, оставившего позднепалеолитические памятники, с природной средой. Вместе с тем из-за отсутствия сети таких памятников и недостаточности археологических и особенно геологических исследований палеолита на огромных пространствах северо-востока страны имеются большие трудности в хронологической классификации памятников. Этим объясняется большой диапазон расхождений точек зрения исследователей при определении возраста многих памятников.

Вопросы изменения климата и природной среды в позднем плейстоцене в настоящее время до конца не решены. В науке по этому поводу имеются различные точки зрения. Авторы придерживаются концепции, согласно которой в вюрмской (валдайской) эпохе, наступившей после последнего хорошо выраженного и продолжительного микулинского (рисс-вюрмского) межледниковья выделяется три основных периода: 1. В целом холодный ранний валдай (ранний вюрм, калининское оледенение); 2. Средний валдай, характеризующийся неустойчивым, но в целом теплым климатом, временами аналогичным современному, отсутствием ледника в пределах всей Русской равнины. Сторонники трехчленного деления вюрма определяют этот период как прохладное межледниковье (молого-шекснинское, гражданский проспект) или же в последнее время иногда используют более осторожный термин — «мегаинтерстадиал». 3. Средневалдайский мегаинтерстадиал (молого-шекснинское межледниковье) сменяется поздним валдаем (поздний вюрм, осташковское оледенение) — самым холодным периодом в пределах всего вюрма. Хронологические границы трех указанных подразделений вюрма (валдая) приблизительно следующие: ранний валдай — 70—50 тыс. лет, средний валдай (молого-шекснинское межледниковье) — 50—24 тыс. лет; поздний валдай (осташковское оледенение) — 24—10 тыс. лет от наших дней. Таким образом, эпоха верхнего палеолита охватывает вторую половину молого-шекснинского межледниковья и все осташковское время.

Как в молого-шекснинское, так и в осташковское время климат и природные условия отличались значительными колебаниями. Для средневалдайского мегаинтерстадиала (молого-шекснинское межледниковье) выделяется по меньшей мере три климатических оптимума, разделенных более холодными фазами. Последний из этих оптимумов, завершающий собой молого-шекснинское межледниковье, является, видимо, наиболее теплым и наиболее продолжительным: его верхняя граница определяется около 24 тыс. лет, нижняя, вероятно, около 32 тыс. лет до н. дн. (*Долуханов П. М.*, 1972, с. 20).

Исследователи, рассматривающие вюрм (валдай) как единое оледенение, видят в этом климатическом оптимуме наиболее выраженный вюрмский интерстадиал (Брянский, Паудорфский, Штиллфрид В.). Предшествующий ему климатический оптимум, очевидно, следует связывать с интерстадиалом (в иной терминологии), менее изученным в пределах Центральной и Западной Европы и почти не определенным на Русской равнине (Подградем, Хенгело, Арси). Его предполагаемые границы — около 39—35 тыс. лет до н. дн. Таким образом, принимаемая нами интерпретация изменения климатических и природных условий в вюрмскую эпоху не исключает в ряде случаев, при установлении возраста палеолитических памятников, согласования с данными других исследователей, не разделяющих концепцию внутривюрмского межледниковья (мегаинтерстадиала).

Во время осташковского оледенения климат и природные условия также не были однородными. Его начало (24—20 тыс. лет до н. дн.— «раннеосташковское время») характеризовалось постепенным ухудшением климата, похолоданием, наступлением ледника, достигшего своего максимума около 20—18 тыс. лет до н. дн.,— самый холодный период в течение всего вюрма. Конец вюрма, позднеледниковье (18—10 тыс. лет до н. дн.),— время улучшения климата, отступления ледника, происходящего не плавно, а как бы пульсациями: кратковременные периоды потепления (интервалы Ласко, Беллинг, Аллеред) чередовались с периодами некоторого похолодания. Около 10 тыс. лет до н. дн. наступает современная эпоха — голоцен.

Проблема хронологии памятников в археологии палеолита была и остается важнейшей, определение возраста той или иной стоянки заключается в первую очередь в ее увязке с определенным этапом развития природной среды как арены исторической деятельности людей. Отсюда следует особо важная, подчас решающая роль геологической стратиграфии, доведенной до конкретной палеогеографической характеристики среды обитания. На Русской равнине выделяется несколько районов сосредоточения разновозрастных позднепалеолитических памятников (рис. 72), характеризующихся в то же время тем или иным своеобразием в области изготовления каменных и костяных орудий, жилищного строительства, хозяйства, в том числе — выбора основного объекта охоты. Эти районы следующие: юго-запад Русской равнины (бассейн Днестра и Прута — Волыно-Подольская возвышенность), южнорусские степи (Приазовье и Северное Причерноморье), Поднепровье (включая бассейн Десны), Средний Дон (Костенковско-Борщевский район), северо-восток и севе-

ро-запад Русской равнины. Хронология лучше всего разработана для Костенковско-Боршевского района и Поднестровья, где сосредоточены группы многослойных стоянок; наиболее детально изучена их стратиграфия, палинологические и другие характеристики, получены серии радиоуглеродных дат, что позволяет реально представить картину изменений в развитии культуры людей и среды их обитания.

В Костенковско-Боршевском районе известно около 60 палеолитических памятников, приуроченных к 26 пунктам. Большинство их залегает в покровных отложениях высокой (второй?) надпойменной террасы Дона и балок, имеющих одинаковое строение. Несколько памятников приурочено к покровным отложениям более низкой (I? II низкая?) террасы Дона. В общих чертах стратиграфия отложений, содержащих культурные остатки на высокой террасе, следующая. Под современной почвой залегает толща бурых лессовидных суглинков, а под ней — два горизонта переотложенных гумусированных суглинков, разделенных негумусированным слоем, содержащим линзы вулканического пепла. Усилиями геологов, в первую очередь А. А. Величко, М. Н. Грищенко. Г. И. Лазукова, было доказано, что такая стратиграфия характерна для всего изучаемого района, что линзы вулканического пепла имеют исключительно важное значение, позволяя отделить древнейшие памятники этого района, залегающие в нижнем гумусе (под пеплом), от несколько более молодых, приуроченных к верхнему гумусу.

Спорово-пыльцевые характеристики некоторых разрезов, полученные в различные годы В. П. Гричуком, Р. В. Федоровой, Г. М. Левковской, показывают, что для гумусированных горизонтов в целом характерно преобладание пыльцы лесной растительности, а для бурых суглинков — степной. Важно, что на основании этих анализов за время образования гумусированных горизонтов отчетливо прослеживаются неоднократные изменения в растительном покрове. Так, по данным Р. В. Федоровой, на разрезе Костенок 17 в пределах гумусированных толщ отмечено (снизу вверх) три лесные фазы: 1) хвойные еловые леса, 2) широколиственные леса с ольхой и орешником, 3) хвойные, еловые леса (возвращение ели) (*Федорова Р. В.*, 1963).

Фаза широколиственных лесов указывает на межледниковый характер флоры, фазы еловых — на неустойчивость климата, на то, что временами он был достаточно суров. Все это согласуется с представлениями о молого-шекснинском межледниковье и позволяет датировать стоянки, залегающие в гумусированных горизонтах, этим временем, т. е. ранней порой позднего палеолита. Это подтверждается рядом радиоуглеродных дат, полученных в последние годы по образцам кости или древесного угля из культурных слоев, залегающих в верхнем гумусе, т. е. не самых древних в пределах Костенковско-Боршевского района: Костенки 14 (II культурный слой) 26400±660 лет до наших дней (ЛУ — 59А) и 28200±700 лет до наших дней (ЛУ — 596); Костенки 12 (слой 1а) 32700±±700 лет до наших дней (Grn — 7758). Учитывая эти даты, а также палинологические данные, указывающие на смену ряда фаз в развитии климата за время накопления гумусированных суглинков, имеются полные основания датировать культурные слои, приуроченные к нижней гумусированной толще, начальной порой позднего палеолита. В иной терминологии верхний гумус и залегающие в нем памятники можно сопоставлять с Паудорфским или Брянским интерстадиалом, а нижний — с интерстадиалом Хенгело-Подградем [1].

За последнее время удалось в значительной мере уточнить возраст более молодых костенковских стоянок, залегающих в лессовидных суглинках высокой террасы Дона и балок и в отложениях низкой террасы Дона. Выяснилось, что эти памятники (по крайней мере часть их) приблизительно одновременны. Так, основной культурный слой Гмелинской стоянки (Костенки 21), приуроченный к слабо выраженной погребенной почве, фиксирующейся в отложениях низкой надпойменной террасы Дона, имеет абсолютную дату, полученную по образцу древесного угля 22270±150 лет до н. дн. (Grn — 7363), а I культурный слой Костенок 1, залегающий в верхней части бурых лессовидных суглинков высокой балочной террасы, датируется по образцу костного угля 22300±200 (ГИН—1870). Если при этом учесть, что ниже верхнего культурного слоя Костенок 1 в буром суглинке залегают еще два более древних памятника (слой II и III), что в Костенковско-Боршевском районе нет ни одного случая, когда бы памятник, однокультурный верхнему слою Костенок 1, или имеющий с ним сходные черты в существенных сторонах материальной культуры (например, техника домостроительства с применением костей мамонта, широкое использование кости, рога и бивня для изготовления орудий труда и украшений) перекрывался каким-либо палеолитическим культурным слоем — у нас есть основания полагать, что стоянки Костенковско-Боршевского района, залегающие в бурых суглинках, выше гумусированных толщ и в отложениях низкой террасы Дона относятся к раннеосташковскому времени.

Эта гипотеза требует дальнейшей проверки и уточнений. Так выяснилось, что культурный слой стоянки Костенки 3, отнесенный в свое время П. П. Ефименко к «восточноевропейскому мадлену» (*Ефименко П. П.*, 1953, с. 533—536), стратиграфически перекрывает основной культурный слой Гмелинской стоянки, т. е. является более молодым. Мы все же полагаем, что разрыв во времени между ними невелик, не выходит за пределы раннеосташковского времени. Так, по условиям залегания (слабо выраженная погребенная почва, фиксирующая, вероятно, кратковременный интервал потепления в начале осташковского ледниковья), по характеру кремневого инвентаря основной слой Гмелинской стоянки близок ко II культурному слою Костенок 11 (*Праслов Н. Д., Левковская Г. М., Кулькова Т. Ф.*, 1977). Инвентарь

[1] Существует мнение, что все костенковские памятники, залегающие в гумусированных суглинках, датируются «брянским временем» (по Величко А. А. — 29—24 тыс. лет до наших дней. См.: *Величко А. А. и др.*, 1969, с. 22—24). Оно в значительной мере основывается на ряде «молодых радиоуглеродных дат, полученных в 60-е годы, преимущественно по образцам гумуса. По нашему мнению, эти даты опровергаются приведенными выше, полученными по более надежным образцам и с помощью более совершенной методики. Резко противоречат «омолаживанию» костенковских гумусов и палинологические данные.

же Костенок 3, как и инвентарь расположенной в аналогичных условиях стоянки Костенки 19, чрезвычайно близок кремневому инвентарю Костенок 2, памятнику, который входит в круг памятников с костно-земляными жилищами, являющихся на территории Костенок, как отмечалось выше, по условиям залегания наиболее «молодыми», но, судя по дате, полученной для верхнего слоя Костенок 1, относящихся к раннеосташковскому времени.

Специальных исследований требует вопрос о геологическом положении и возрасте трехгоризонтного памятника Боршево 2. Геологическому исследованию и радиокарбоновому датированию подвергалась лишь залегающая в аллювии прослойка гиттии, с которой связан верхний горизонт культурных остатков. Дата 12300±100 лет до н. дней (ГИН — 88) неоднократно подвергалась проверке, но в исследовании нуждаются загадочные обстоятельства залегания культурного слоя в этой аллювиальной прослойке, прилегающей к толще делювиальных суглинков, лежащих гипсометрически выше и содержащих культурные остатки среднего и нижнего культурных слоев.

Вторым районом сосредоточения многослойных палеолитических памятников на Русской равнине, где стратиграфия, геохронология и палеогеографическая обстановка наиболее хорошо изучены, является среднее Приднестровье. Многолетние комплексные исследования, проводимые в этом районе под руководством А. П. Черныша и И. К. Ивановой, дали обильные, подробно опубликованные данные, имеющие исключительно важное значение для установления геохронологии палеолита не только юго-западной части СССР, но и всей Русской равнины в целом. Стратиграфия отложений, в которых залегают позднепалеолитические памятники, может быть представлена на основе разрезов многослойных стоянок Молодова 5 и Кормань 4 (*Черныш А. П.*, 1973, рис. 3, 4). Здесь над горизонтом погребенной почвы со следами пожара (в Молодова 5 — сажистый прослой), содержащим типично мустьерские культурные остатки, расположены две погребенные почвы. К верхней из них приурочены позднепалеолитические культурные слои (в Молодова 5—X и IX с абсолютной датой 29650±±1320 лет (ЛГ—151) до н. дн.; в Кормани 4—IX), к нижней — неопределенные слои, бедные находками, возможно, «переходные» от мустье к позднему палеолиту (в Молодова 5—слой Xa, в Кормани 4 слой X). Верхняя почва может сопоставляться с последним оптимумом молого-шекснинского межледниковья (или интерстадиалом Паудорф, Брянский, Штиллфрид B), нижняя — со средним оптимумом (или интерстадиалом Подградем, Хенгело). Следует отметить, что на Среднем Днестре молого-шекснинские отложения, содержащие культурные остатки, представлены не только погребенными почвами, но и негумусированными лессовидными суглинками. К ним относятся в Молодова 5 слой VIII, имеющий абсолютную дату свыше 24 600 лет до н. дн., а в Кормани 4— слои VIII и VII, верхний из которых датируется по радиоуглероду 24500±500 (ГИН—1099) и 25 140±350 (Лу—586) лет до н. дн. Эту часть разрезов перекрывает толща лессовидных суглинков с песчаными прослоями, сформировавшимися во время осташковского оледенения. В ее нижней части наблюдаются следы почвообразования: на Молодова 5 — в виде оглееного слабогумусированного прослоя, к которому приурочен VII культурный слой, имеющий абсолютные даты 23000±±800 (МО—II, 23700±320) (ГИН—10), на Кормани 4 в виде почвы тундрового типа, в которой залегает VI культурный слой. Судя по датам, горизонт оглеения на Молодове 5 может сопоставляться с кратким раннеосташковским интервалом, представленным в Костенках погребенной почвой, к которой приурочен основной культурный слой Гмелинской стоянки (Костенки 21). Корманская почва тундрового типа всеми изучавшими стоянку специалистами единодушно относится «к максимально холодному времени образования описываемых отложений» (*Иванова И. К.*, 1977, с. 173). Если на этом основании связывать эту почву с самым холодным периодом осташковского оледенения, она является более молодой, чем упомянутые почвообразовательные горизонты стоянок Молодова 5 и Костенки 21. Но до получения для этой почвы абсолютных дат не исключена возможность ее корреляции с горизонтом оглеения на Молодова 5 и «гмелинской» почвой, так как самый «холодный» участок конкретного разреза не обязательно должен соответствовать самому холодному периоду позднего валдая: климат и природные условия в период, предшествующий максимальному похолоданию («раннеосташковское время»), могли быть более суровыми, чем в период, последовавший за осташковским климатическим минимумом («позднеледниковье»); отложения же, соответствующие этому климатическому минимуму, в разрезе могли не сохраниться.

Вышележащие культурные слои стоянок Молодова 5 и Кормань 4 залегают в лессовидных суглинках, реже — опесчаненных прослоях, относящихся к позднеледниковью. На Молодове 5 нижележащий из этих слоев VI имеет абсолютные даты 17000±180 (ГИН—54) и 16 750±250 (ГИН—105), а из самых верхних, слой Ia датируется 10 590±230 (ГИН 7). На Кормани 4 среди них продатирован только нижележащий слой V: 18 000±400 (ГИН—719) и 17 560±2000 (СО АН — 145) лет назад, т. е. самым началом отступления осташковского ледника, о чем свидетельствуют и палинологические данные, указывающие на «некоторое смягчение климата» (*Иванова И. К.*, 1977, с. 168). Слои VA—I не датированы, но по остаткам флоры И. К. Иванова связывает их преимущественно с позднеледниковыми потеплениями: слой Va — с интервалом Ласко, а слои III—I с Аллерёдом (*Иванова И. К.*, 1977, с. 173). На памятнике Молодова 5 обращает внимание разрыв во времени между культурным слоем VII (около 23 тыс. лет) и культурным слоем VI (около 17 тыс. лет), позволивший И. К. Ивановой ранее высказать предположение о слабой заселенности Среднего Днестра в период наибольшего похолодания. Сейчас, по ее мнению, слои VI, VБ и V стоянки Кормань 4, связанные с самым холодным временем образования отложений корманского разреза, опровергают эту гипотезу (*Иванова И. К.*, 1977, с. 177). Мы все же полагаем, что до уточнения абсолютного возраста «тундровой» почвы, обнаруженной на Кормани 4, делать окончательные выводы преждевременно.

Комплексные работы, проводящиеся различными специалистами на Дону и Днестре, позволили наиболее полно проследить изменения природной обстановки и палеолитической культуры в среднем — позд-

нем вюрме (валдае), заложить основу для хронологии позднего палеолита Русской равнины. Другие районы сосредоточения позднепалеолитических памятников изучены в этом отношении значительно хуже. Так, у нас нет практически никаких стратиграфических, палинологических, палеозоологических данных как и абсолютных датировок для построения хронологии позднего палеолита Приазовья — Северного Причерноморья. В больших уточнениях нуждается хронология позднего палеолита Крыма, основывающаяся исключительно на изучении многослойной стоянки Сюрень 1.

Недостаточно разработаны вопросы геохронологии позднепалеолитических памятников и для бассейна Днепра и Десны — обширного района, расположенного между Поднестровьем и Подоньем, хотя здесь в этом отношении намечаются некоторые успехи. Концом молого-шекснинского межледниковья — началом осташковского оледенения можно с достаточной уверенностью датировать стоянки Пушкари I и Погон, культурный слой которых залегает несколько выше ископаемой почвы (Брянской, по А. А. Величко) — в основании перекрывающего ее лесса.

Возраст большинства стоянок и поселений, включая такие классические памятники, как Мезин, Межиричи, Добраничевка, Тимоновка и др., остается спорным как для археологов, так и для геологов (ср., например, Возиячук Л. Н. и др., 1969; Величко А. А. и др. 1969). По нашему мнению, разнокультурные поселения с костно-земляными жилищами, развитой костяной и кремневой индустрией, совершенными произведениями искусства, знаменующие на Русской равнине расцвет позднепалеолитической культуры, относятся здесь к раннеосташковскому времени; в период наибольшего распространения ледника территория Русской равнины была необитаемой или малообитаемой. Однако следует признать, что если нижняя граница археологических культур с костно-земляными жилищами определяется в пределах Восточной Европы достаточно четко (конец молого-шекснинского — начало осташковского времени), то определение их верхней границы концом раннеосташковского времени (т. е. около 20 тыс. лет тому назад), является рабочей гипотезой.

Открытие позднепалеолитических стоянок на северо-востоке Русской равнины, включая бассейн Печоры, ставит вопрос о времени и путях заселения этих районов. Сейчас можно утверждать, что человек в древности продвинулся на север не в обход ледника, как предполагалось ранее, но, вероятнее всего, в один из оптимумов молого-шекснинского межледниковья, когда обширные пространства Русской равнины были свободны ото льда. Концом молого-шекснинского времени с уверенностью датируется стоянка Сунгирь под г. Владимиром (бассейн Клязьмы), культурный слой которой приурочен в верхней части ископаемой почвы и имеет абсолютные даты 25 000±200 (Grn — 5425), 24 430±400 (Grn — 5446). Этим же периодом датируется и Бызовая стоянка на Печоре: 25 540±±380 лет от н. дн. (*Гуслицер Б. И., Лийва А.*, 1972, с. 251). Литология отложений, вмещающих и перекрывающих культурный слой Медвежьей пещеры, дает основание относить и эту стоянку Печорского Приуралья к молого-шекснинскому межледниковью (*Гуслицер Б. И., Канивец В. И.*, 1962; *Канивец В. И.*, 1969, с. 140—142)[2]. Геология Островской стоянки им. М. В. Талицкого изучена недостаточно для окончательного установления ее возраста, определявшегося прежде «позднесолютрейским или раннемадленским временем» и вместе с тем «концом рисс-вюрмского интерстадиала» (*Бадер О. Н.*, 1960, с. 89, 92). Решению этого вопроса помогают, соседние, лучше изученные в геологическом отношении памятники уральского палеолита, в первую очередь — местонахождение массы расколотых костей животных и двух кремневых орудий у д. Горново на р. Белой в окрестностях Уфы. Геоморфология и стратиграфия этих двух пунктов, по данным В. Л. Яхимович (1961, с. 214), тождественны; одинаковы и условия залегания культурного слоя Островской стоянки и горновского скопления костей: в основании ритмично-слоистой толщи суглинков и супеси аллювиально-делювиального происхождения, подстилаемой плотными и вязкими синевато-серыми глинами. Возраст глинистых отложений в Горново определяется по радиоуглеродному анализу остатков древесины: 29700±1250 (не 1856/1287) лет до н. дн. На этом основании Горновское местонахождение, как и Островскую стоянку, можно относить к последнему климатическому оптимуму молого-шекснинского межледниковья. Разумеется, возраст, установленный таким косвенным путем, может оспариваться. Нет никаких данных о геологическом возрасте ряда других верхнепалеолитических стоянок Волго-Окского бассейна (например, Карачаровская, Юнга-Кушерга и др.). Хотя наиболее надежно датированные палеолитические стоянки северо-востока Русской равнины свидетельствуют о заселении этой территории в молого-шекснинское время, такой памятник, как Капова пещера, с наскальной живописью, находящей аналогии во франко-кантабрийском палеолитическом искусстве мадлена, настойчиво требует разработки вопроса о заселенности Урала и Приуралья в период осташковского оледенения.

Северо-западная часть Русской равнины, включая Прибалтику и территорию Белоруссии, по имеющимся данным была заселена только в позднеледниковье; ни одного памятника, относящегося к ранней поре позднего палеолита (молого-шекснинскому межледниковью) или к раннеосташковскому времени на этой территории, не обнаружено, да и позднеледниковых стоянок до сих пор открыто сравнительно немного.

Итак, несмотря на недостаточную изученность проблемы геохронологии и палеоэкологических условий существования позднепалеолитических памятников Русской равнины, новые данные позволяют по-новому представить пространственно-хронологическую картину развития позднепалеолитической куль-

---

[2] «Омоложение» Медвежьей пещеры в последней монографии В. И. Канивца (*Канивец В. И.*, 1976, с. 81), по нашему мнению, неоправдано, так как основывается в первую очередь на представлениях этого исследователя об обязательном хронологическом разрыве между Бызовой стоянкой и Медвежьей пещерой, исходя из облика каменной индустрии этих памятников. Но в настоящее время доказано сосуществование в раннюю пору верхнего палеолита резко различных по своему облику каменных индустрий, одни из которых отличаются большим или меньшим «архаизмом», а другие имеют очень «развитый» характер, проявляющийся как в технике первичной обработки, так и в наборе орудий.

туры на этой территории. Человек эпохи позднего палеолита осваивал Восточную Европу на протяжении двух больших климатических эпох, средневюрмской (молого-шекснинское межледниковье) и поздневюрмской (осташковское оледенение). В молого-шекснинское время происходит процесс перехода от мустье к позднему палеолиту, становление и развитие локальных позднепалеолитических культур, распространившихся по всей территории Русской равнины (может быть, за исключением северо-запада) вплоть до ее северо-восточных окраин. В раннеосташковское время позднепалеолитическая культура достигает своего расцвета, особенно ярко проявившегося в локальных археологических культурах оседлых охотников на мамонтов, строивших долговременные костно-земляные жилища, достигших совершенства в технике обработки кремня и кости, создавших сложное и развитое искусство.

Ареал обитания человека в это время, очевидно, начинает сокращаться в связи с ухудшением климата и распространением Скандинавского ледникового щита, захватывающего постепенно значительные пространства Восточной Европы. У нас нет надежных данных о том, насколько сократился этот ареал в период климатического минимума, когда ледник достиг наибольшего развития. Не исключено, что в это время большая часть Русской равнины не была заселена, что вторичное освоение ее центральных и северных районов (на этот раз включая и северо-запад) происходит уже в позднеледниковье. Таким образом, на данной территории выделяется три основных периода развития позднего палеолита: ранняя пора (археологические культуры молого-шекснинского времени), период расцвета (археологические культуры раннеосташковского времени) и поздняя пора — финал позднего палеолита (археологические культуры позднеледниковья). Нужно подчеркнуть, что между культурами ранней поры и периода расцвета нет жесткой, резко и однозначно определенной хронологической границы: принятый рубеж (24 тысячелетие от н. дн.) в значительной мере условен, поскольку основы для наивысшего подъема позднепалеолитической культуры были заложены еще в раннюю пору ее развития; отдельные археологические культуры возникают в молого-шекснинское время и продолжают существовать в раннеосташковское (например, молодовская, виллендорфско-костенковская).

В заключение дадим краткую характеристику природных условий, имевших место на Русской равнине в молого-шекснинское межледниковье и осташковское оледенение. В молого-шекснинское время по спорово-пыльцевым характеристикам отложений, к которым в Костенковско-Боршевском районе приурочены древнейшие позднепалеолитические памятники (нижний гумус), предположительно восстанавливается лесостепная растительность, сменяющаяся еловыми и елово-широколиственными лесами, произраставшими в условиях, сходных с современным климатом Башкирии. Эти леса сменяются широколиственными, причем «участие широколиственных пород в лесах в отрезок времени между эпохами накопления нижнего и верхнего культурных слоев Костенок 17 было значительно больше, чем в фазу климатического оптимума голоцена не только в бассейне Верхнего Дона, но и в более западных районах» (*Гричук В. П.* 1969, с. 59). Виды растений, определенные на уровне верхнего гумуса, в настоящее время произрастают в Белоруссии, в бассейне Немана,— это сосновые леса, в которые вкраплены участки елово-широколиственных формаций. Сходную с этим уровнем палинологическую характеристику имеют «днестровская» погребенная почва стоянки Кормань 4 (вторая снизу от почвы со следами пожара), к которой приурочены IX культурный слой и вышележащие опесчаненные прослои, с которыми связан VII культурный слой (*Иванова И. К.*, 1977, с. 165—166). В период осташковского оледенения климат и растительность были иными. В. П. Гричук следующим образом характеризует зональные типы растительного покрова Русской равнины в эпоху максимального распространения льдов, т. е. около 20 тыс. лет назад. «Вдоль южной и юго-восточной окраины Скандинавского ледникового щита протягивалась полоса приледниковой растительности — березовое и лиственное редколесье, среди которого на соответствующих позициях располагались участки тундровых группировок, а также ксерофильные и галофильные травянистые ассоциации степного облика. На западе полоса этой растительности сливалась с областью господства альпийской растительности тундрового характера, нижняя высотная граница которой в Карпатах и на возвышенностях Средней Польши снижалась до высот порядка 400 м. В средней и южной части Карпат снижение альпийского пояса растительности не было столь значительным.

Бассейн верхнего и отчасти среднего течения Днепра занимала полоса перигляциальной лесостепи с березовыми, сосновыми, а возможно, и лиственными лесами.

К югу от этой зоны, вплоть до берега, существовавшего в котловине Черного моря, сильно опресненного замкнутого Новоэвксинского бассейна (уровень которого был на 50—60 м ниже современного уровня Черного моря) распространялась область перигляциальных степей. На юго-востоке эти степи (в которых, судя по данным спорово-пыльцевого анализа, существенную роль играли группировки бореальных флористических элементов) доходили до Прикаспийской низменности, а на юге — до Кавказа и Крыма. Среди этих степей на юге Волыно-Подольской возвышенности, на Донецком кряже и на юге Приволжской возвышенности располагались небольшие участки растительности лесостепного характера, в которых некоторую роль играли элементы широколиственной флоры. В восточных и южных предгорьях Карпат и на большой части Трансильвании были распространены хвойные леса с большим участием еловых и пихтовых формаций» (*Гричук В. П.*, 1969, с. 66—67).

Различие природных условий в молого-шекснинское и осташковское время подтверждается также сравнительным анализом видового состава фауны костенковских стоянок, залегающих в гумусированных толщах (молого-шекснинское время) и в лессовидных суглинках (раннеосташковское время; см.: *Верещагин Н. К.*, *Кузьмина И. Е.*, 1977). Нужно отметить, что в памятниках, приуроченных к лессовидным суглинкам, фауна по характеру скорее всего лесостепная, в ее составе, хотя и в небольшом количестве, присутствуют теплолюбивые виды (косуля, кабан). Это служит косвенным свидетельством в

пользу раннеосташковского возраста указанных стоянок. Вместе с тем следует признать, что проблемы палеогеолографии эпохи позднего палеолита, как и проблемы геохронологии этого периода, изучены недостаточно, любые имеющиеся по этому поводу гипотезы остаются спорными и нуждаются в дальнейшей всесторонней разработке.

Становление и развитие позднепалеолитической культуры на Русской равнине в условиях последнего, молого-шекснинского, межледниковья (XL—XXIV тысячелетия до н. э.)

Ключевое значение в изучении верхнего палеолита Русской равнины, ее западного района, охватывающего Молдавскую ССР и правобережную Украину, определяется обильными и стратиграфически ясными материалами, добытыми в результате полевых работ А. П. Черныша, Н. А. Кетрару, Г. В. Григорьевой, И. А. Борзияка и др., и во многих случаях исследованными в геолого-стратиграфическом отношении И. К. Ивановой. Значительное количество обнаруженных здесь мустьерских и позднепалеолитических памятников, обладающих общими чертами в развитии каменного инвентаря и расположенных в непосредственной близости друг от друга или в многослойных местонахождениях в виде перекрывающих друг друга культурных слоев, позволяет ставить и решать проблему возникновения и распространения на Русской равнине позднепалеолитических культур.

Становление позднего палеолита в молдавских и западноукраинских предгорьях Карпат происходило на основе различных вариантов местного мустье. Мустьерское население, обитавшее в районе Днестра — Карпат, обладало высокоразвитой материальной культурой, жило не только в гротах и пещерах, но и на равнине, в искусственно сооруженных с использованием костей мамонта жилищах (Молодова 1, IV; Молодова 5, XI и др.). На раскопанных участках мустьерских стоянок обнаружены следы сложной домашне-хозяйственной деятельности, основанной на охоте на крупных животных и собирательстве (находки пестов-терочников на многих памятниках). Многие или все эти черты сохранились от мустьерского времени и развивались в материальной культуре позднепалеолитических общин. Помимо общих признаков, в ряде индустрий ранней поры позднего палеолита юго-запада Русской равнины сохранялись и специфические мустьерские технические приемы и формы орудий, иногда — в виде хорошо выраженного комплекса, отличающегося специфическими особенностями, позволяющими искать генетические связи между конкретными вариантами мустьерских и позднепалеолитических индустрий.

Автохтонный генезис от местных вариантов мустье, оседлый образ жизни, непрерывное обитание на одной территории в течение длительного отрезка времени, исчисляющегося десятками тысяч лет, а также неизбежно возникающие при этом те или иные межплеменные контакты привели к известной нивелировке образа жизни, домашне-хозяйственного уклада и традиций по обработке кремня и изготовлению орудий труда позднепалеолитических коллективов, населявших юго-запад Русской равнины. Общие черты, свойственные различным позднепалеолитическим археологическим культурам данной территории, сводятся к следующему: 1. Основными объектами охоты являлись лошадь и северный олень, причем есть основания полагать, что в осташковское время доля лошади в составе фауны стоянок постепенно уменьшается, а доля северного оленя возрастает (*Черныш А. П.*, 1959, с. 170—171). 2. Важная роль собирательства в хозяйстве позднепалеолитических племен данной территории доказывается постоянным присутствием в разнокультурных и разновозрастных памятниках большого количества пестов-терочников. 3. Техника первичного раскалывания направлена на получение пластин как основного вида заготовок; характерны, особенно для памятников ранней поры позднего палеолита, пластины крупных размеров. 4. Обычно присутствие в инвентаре некоторого количества микроорудий, причем они численно никогда не преобладают; зачастую процент их невысок. 5. Широкое распространение приема резцового скола; употребление приема чешуйчатой подтески встречаются крайне редко. Вертикальная ретушь применяется здесь во всех позднепалеолитических археологических культурах, начиная от древнейших и кончая позднейшими; сплошная двусторонняя ретушь находила широкое применение лишь в некоторых из них. 6. В различных археологических культурах юго-запада Русской равнины встречаются одинаковые типы орудий, например, листовидные, симметричные двусторонне обработанные наконечники с выпуклым основанием, ряд типов пластин и острий с притупленным краем и т. д. Все эти черты позволяют определить юго-запад Русской равнины в эпоху позднего палеолита как особую историко-культурную область своеобразного становления и развития позднепалеолитических культур. Ее своеобразие ярко выступает при сравнении с соседними районами: Северным Причерноморьем и Поднепровьем, где археологические культуры также обладают рядом сходных черт, в комплексе отличных от вышеописанных. Есть основания предполагать, что причины, приведшие к сложению в этих районах общностей более широких, чем археологическая культура, отличаются от причин возникновения юго-западной историко-культурной области. Еще более резко отличается юго-западная область от Среднего Подонья, где в эпоху позднего палеолита существовал ряд археологических культур, сильно отличающихся друг от друга по своему облику.

Несмотря на сходные черты, особенности кремневого инвентаря ряда позднепалеолитических памятников юго-запада Русской равнины позволяют выделить здесь археологические культуры. Проблема памятников и культур, относящихся к самому началу позднего палеолита в данном районе, не решена, так как культурные слои, достаточно надежно датирующиеся по геологическим данным и радиоуглеродным датам допаудорфским временем (Молодова 5, слой XA; Кормань 4, слои X, IX),

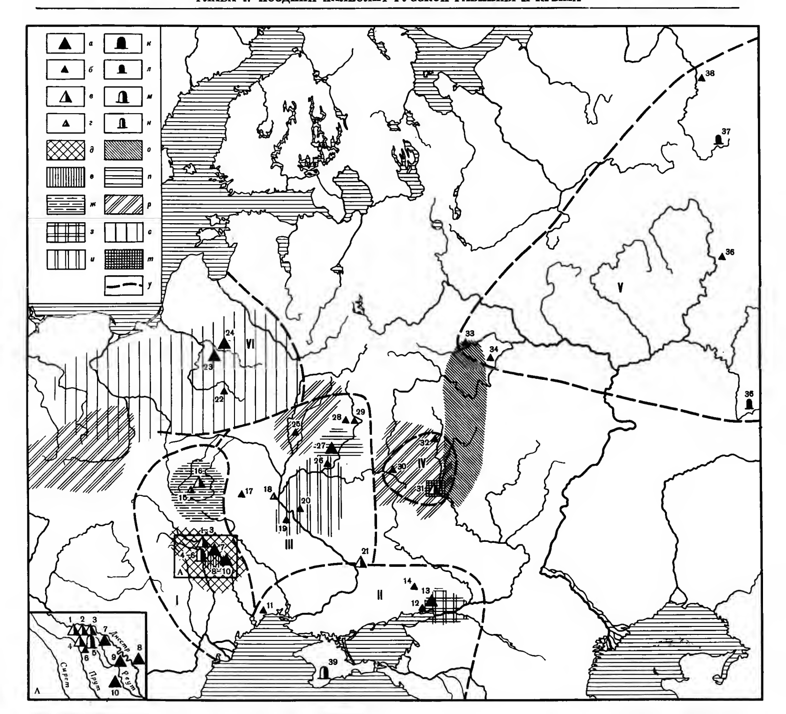

Рис. 72. Карта-схема зон распространения основных археологических культур и памятников позднего палеолита Русской равнины

А — памятники Днестровско-Прутского региона
а — группа стоянок открытого типа; *б* — одиночные стоянки открытого типа; *в* — группа многослойных стоянок открытого типа; *г* — одиночные многослойные стоянки открытого типа; *д* — молодовская культура; *е* — брынзенская культура; *ж* — липская культура; *з* — каменнобалковская культура; *и* — мезинская и межиричско-добраничевская культура; *к* — группа пещерных стоянок; *л* — одиночные пещерные стоянки; *м* — группа многослойных пещерных стоянок; *н* — одиночные многослойные пещерные стоянки; *о* — стрелецко-сунгирьская культура (культуры?); *п* — пушкаревская культура; *р* — виллендорфско-костенковская культура; *с* — свидерская культура; *т* — культуры, известные только в пределах костенковско-боршевского района (спицынская, городцовская, замятнинская); *у* — приблизительные границы областей своеобразного развития позднепалеолитической культуры на территории Восточной Европы.
I — Юго-Западная область; II — Юго-Восточная область (степная); III — Поднепровье; IV — Среднее Подонье; V — Северо-Восточная область; VI — Северо Западная область. *1* — Вороновицкая группа (Вороновица 1—5); *2* — Бабинская группа (Бабин *1—11*); *3* — Молодовско-Корманская группа (Молодова 1—8, Кормань 1—4); *4* — Корпачская группа; *5* — Брынзенская группа; *6* — Костешты I; *7* — Атакская группа (Атаки 1—6); *8* — Рашковская группа (Рашков 1—8); *9* — Бобулештская группа (Бобулешты 1—6); *10* — Чутулештская группа (Чутулешты 1—3); *11* — Большая Аккаржа; *12* — Мураловка; *13* — Каменнобалковская группа; *14* — Амвросиевка; *15* — Куличивка; *16* — Липская группа (Липа 1—6); *17* — Радомышль; *18* — Кирилловская стоянка; *19* — Межиричи; *20* — Добраничевка; *21* — Осокоровка, Дубовая балка; *22* — Стоянка у оз. Свитязь; *23* — Эжяринас; *24* — Вильнюс; *25* — Бердыж; *26* — Мезин; *27* — Пушкаревская группа (Пушкари 1—8, Погон, Бугорок); *28* — Елисеевичи; *29* — Супонево, Тимоновка; *30* — Авдеево; *31* — группа стоянок Костенковско-Боршевского р-на; *32* — Гагарино; *33* — Сунгирь; *34* — Карачаровская стоянка; *35* — Каповая пещера; *36* — Островская стоянка им. М. В. Талицкого; *37* — Медвежья пещера; *38* — Бызовая стоянка; *39* — Сюрень 1, 2

настолько бедны находками, что охарактеризовать особенности их индустрий невозможно; памятники же, индустрии которых обладают наряду с позднепалеолитическими хорошо выраженными мустьерскими характеристиками, не имеют радиоуглеродных дат и недостаточно изучены в геологическом отношении, зачастую представлены подъемными материалами (Брынзены I, Бобулешты 6, Климауцы I и др.). На основании наличия в этих индустриях ряда мустьерских черт, эти памятники обычно относят к начальной поре позднего палеолита (*Кетрару Н. А.*, 1973; *Борзияк И. А.*, 1975, 1978; *Григорьева Г. В.*, 1975). Однако на Русской равнине известны стоянки с ярко выраженным комплексом мустьерских элементов, которые по их стратиграфическому положению и по абсолютным датам являются более молодыми, оставаясь, впрочем, в пределах молого-шекснинского времени (например, Костенки 14, II культурный слой). Тем не менее, такие памятники позволяют ставить и решать проблемы конкретных путей перерастания мустьерских индустрий в позднепалеолитические (*Борзияк И. А.*, 1978; *Григорьева Г. В.*, 1975).

В культурном отношении индустрии с мустьерскими элементами юго-запада Русской равнины различны. В настоящее время среди них наиболее четко выделяется брынзенская археологическая культура (рис. 73), к которой относятся III слой грота Брынзены 1 и грот Чунту в Попрутье и стоянке Бобулешты 6 в Поднестровье (*Кетрару Н. А.*, 1973; с. 73; *Борзияк И. А.*, 1978, с. 16). Характерные особенности этой культуры можно представить на основе наиболее богатого материалами эпонимного памятника Брынзены I (III культурный слой), расположенного в 3 км к западу от с. Брынзены Единецкого р-на и исследовавшегося под руководством Н. А. Кетрару в течение ряда полевых сезонов (*Кетрару Н. А.*, 1973; *Борзияк И. А.*, 1978). За годы исследований в нижнем культурном слое было найдено свыше 7,5 тыс. каменных изделий, среди них около 300 нуклеусов и свыше 1300 орудий. Техника первичного раскалывания в основном направлена на получение пластин, наряду с которыми в качестве заготовок широко использовались отщепы и крупные осколки кремня. Характерная особенность техники первичного раскалывания — сочетание призматического способа снятия заготовок (заготовки снимались при некотором повороте нуклеуса или посредника; поверхность скалывания выпуклая, край ударной площадки при взгляде сверху представляет собой часть многоугольника — рис. 73, *22*) с параллельным (заготовки снимались в одной плоскости, поверхность скалывания плоская, край ударной площадки приближается к прямой линии — рис. 73, *23*); причем сочетание это иногда наблюдается на одном нуклеусе. Наряду с ними присутствует радиальный способ скалывания заготовок с дисковидных ядрищ. Набор изделий со вторичной обработкой характеризуется сочетанием мустьерских и верхнепалеолитических форм. Основные технические и технико-морфологические группы орудий следующие. Скребки (рис. 73, *1—5*, *11*, *12*) представлены орудиями на длинных пластинах крупных размеров как с ретушью по краям, так и без, а также скребками на широких отщепах, высокими (их немного). Характерны скребки с «носиком», изготовленные, как правило, на аморфных осколках или отщепах; эти орудия по приему оформления концов связываются с рядом орудий иных групп этой же стоянки: с проколками, некоторыми двусторонне обработанными формами, а также с рядом наиболее выразительных зубчато-выемчатых изделий (рис. 73, *6*, *15*, *19*). Резцов довольно много, однако подавляющее их большинство является скорее предметами со случайными сколами, чем преднамеренно изготовленные орудия. Типичных резцов лишь около 20 экз. (рис. 73, *9—10*); как и большинство скребков, они изготовлены на пластинах довольно крупных размеров. Острия (рис. 73, *13*) изготавливались на пластинах; ретушью выделяется только конец. Большинство проколок (рис. 73, *6*) по заготовке и оформлению конца близки к скребкам с носиком. Пластины с притупленным краем (рис. 73, *7*, *8*) разнородны и отличаются более крупными размерами по сравнению с подобными орудиями на других памятниках. Скребла представлены преимущественно простыми однородными орудиями с прямым или слабо выпуклым лезвием (рис. 73, *16*, *24*). Остроконечники (рис. 73, *14*, *21*), довольно широкие в основании, подтреугольные, по форме и характеру вторичной обработки типичны для мустьерских индустрий. Среди них встречаются леваллуазские остроконечники как с ретушью по краям, так и без нее. Своеобразны брынзенские двусторонне обработанные орудия. По характеру вторичной обработки (часто применяющийся прием предварительного уплощения одной из сторон перед обработкой другой, т. е. так называемая «плоско-выпуклая ретушь»), по грубому облику, по разнородности, отсутствию стандарта в формах имеющихся орудий они также являются архаичным элементом брынзенской индустрии. В последнем убеждают также параллели данным орудиям, отмеченные И. А. Борзияком в некоторых мустьерских индустриях рассматриваемой территории. Двусторонне обработанные орудия грота Брынзены I подразделяются на подтреугольные (основание часто подработано, рис. 73, *20*) и овальных очертаний (рис. 73, *15*, *19*), те и другие между собой разнородны. По заготовкам, очертаниям и пропорциям, отчасти — по характеру ретуши некоторые подтреугольные орудия связываются с группой остроконечников; среди овальных имеется орудие с носиком, связывающееся с некоторыми скребками, проколками и зубчато-выемчатыми орудиями. Большое количество зубчато-выемчатых форм — характерная черта брынзенской индустрии. Хотя часть таких изделий могла возникнуть в результате различного рода повреждений, но для значительного количества их преднамеренность ретуши сомнений не вызывает (рис. 73, *17*, *18*). Таковы в целом основные особенности брынзенской индустрии. Несмотря на отсутствие выраженных типов, перечисленные характеристики в их сочетании и взаимосвязях образуют единство, прослеживающееся также в индустриях грота Чунту и стоянки Бобулешты 6 и отличное от характерных особенностей, взаимосвязей и сочетания различных элементов кремневой индустрии ряда стоянок, расположенных на той же территории и также обладающих ярко выраженными мустьерскими чертами (Климауцы 1, Гординешты 1 и др.). Вслед за Н. А. Кетрару и И. А. Борзияком мы считаем, что этого достаточно

для выделения брынзенской археологической культуры и для утверждения, что на территории, где она была распространена, среди позднепалеолитических памятников с архаичными чертами прослеживаются и другие культурные традиции.

Генезис брынзенской культуры едва ли правомерно связывать с центральноевропейским селетом, вероятнее всего, прав И. А. Борзияк, пытающийся найти ее корни в конкретных вариантах мустье юго-запада Русской равнины (*Борзияк И. А.*, 1978, с. 14—15).

Самые ранние памятники наиболее известной в Поднестровье молодовской (или среднеднестровской) археологической культуры (рис. 72, 74, 75) моложе 30 тыс. лет до н. дней. По имеющимся радиоуглеродным датам для слоев X—VII стоянки Молодово 5, эта культура датируется в пределах 29—23 тыс. лет назад, что соответствует последнему климатическому оптимуму молого-шекснинского или средневалдайского межледниковья (паудорф, брянский интерстадиал, штиллфрид В) — началу осташковского оледенения (см. § 2).

Слои X—VII многослойной стоянки Молодова 5 (Сокирянский р-н с. Молодова), памятника, исследующегося на протяжении нескольких десятков лет А. П. Чернышом, подробно опубликованы (*Черныш А. П.*, 1959, 1961, 1973) и дают хорошее представление о характерных особенностях и об изменении с течением времени каменной и костяной индустрии молодовской культуры. Техника первичного раскалывания типично призматическая, причем значительная часть пластин и изготовленных из них орудий по размерам крупнее, чем в большинстве других позднепалеолитических индустрий Русской равнины. Во всех четырех слоях крупные и средние пластины сочетаются с микропластинками, но доля микроорудий в инвентаре относительно невелика. Приемы вторичной обработки характеризуются широким использованием техники резцового скола, краевой крутой или полукрутой ретуши, наличием вертикальной ретуши, усекающей край заготовки. Чешуйчатая подтеска употреблялась крайне редко. Плоская односторонняя или двустороняя ретушь, покрывающая поверхность заготовки, встречается в памятниках молодовской культуры в исключительных случаях: переделанный наконечник с округлым основанием в слое X, фрагмент пластины с двусторонней обработкой в слое VII Молодова 5 (рис. 74, *25*; *75*, *33*), наконечник с округлым основанием из нижнего слоя стоянки Вороновица 1. По нашему мнению, такие единичные находки в данном случае объясняются межкультурными контактами и связями, в результате которых в ряде позднепалеолитических индустрий юго-запада Русской равнины встречаются инокультурные элементы. Так, двусторонний наконечник с выпуклым основанием, помимо указанных стоянок молодовской культуры, присутствует в инвентаре нижнего слоя стоянки Куличивка на Волыно-Подолии (липская культура), являясь и там посторонним, чужеродным элементом, единичной вещью. Но наконечники такого же типа имеются в инокультурных индустриях (Гординешты 1, Корпач-мыс в Попрутье), где хорошо представлена техника плоской сплошной двусторонней ретуши и где, следовательно, их нельзя рассматривать как постороннюю примесь.

В наборе орудий молодовской культуры важную роль играют резцы, в основном срединные и угловые, реже — боковые. Лучшие из них изготавливались на крупных пластинах. Для срединных резцов из слоев VIII и VII характерно симметричное, относительно длинной оси заготовки положение лезвия (рис. *74*, *9*; 75, *27*), точно так же в виде «срединного резца» оформлены концы у некоторых острий и скребков; в этих случаях с помощью резцовых сколов конец орудия оформлялся, вероятно, для насада на рукоять. Боковые резцы по форме усеченных ретушью концов (прямые и скошенные), по характеру этой ретуши и по заготовкам теснейшим образом связаны с немногочисленными пластинами с усеченными ретушью концами (рис. 74, *3*; 75, *26*), возможно, образуя вместе с ними единую технико-морфологическую группу орудий. Для технико-морфологической группы скребков характерны орудия на крупных пластинах с неретушированными или частично ретушированными краями. Один из специфических элементов молодовской культуры — приострение основания у таких орудий, в ранних памятниках — только с помощью ретуши, в более поздних — ретушью или резцовыми сколами (рис. 74, *1*, *14*, *19*; 75, *28*). Имеются двойные скребки на пластинах с параллельными краями (рис. 74, *2*, *15*; 75, *20*). Общий для молодовской культуры тип — высокий скребок на осколке с вытянутым слегка выделенным лезвием. Таких орудий мало, но они встречаются в разных культурных слоях и по форме до деталей повторяют друг друга (рис. 74, *7*, *21*; 75, *21*). Скребки на отщепах отсутствуют. Острия на пластинах, одноконечные или двуконечные — количественно небольшая, но выразительная технико-морфологическая группа орудий (рис. 74, *8*, *23*, *24*; 75, *23*, *24*). В отличие от брынзенских молодовские острия обычно обрабатывались ретушью по обоим краям. Можно отметить некоторое уменьшение ширины этих орудий в слое VII. Скребел (простые одинарные или двойные, с прямыми лезвиями) немного, но они присутствуют как в X, так и в VII слое Молодова 5 (рис. 74, *22*; 75, *34*). Специфична для молодовской культуры технико-морфологическая группа пластин с притупленным краем, представленная преимущественно остриями различных типов. Для ряда их характерна подработка концов (одного или обоих) вентральной плоской ретушью. В слое X встречается только тип пластинок с одним притупленным краем и двумя приостренными концами, подработанными вентральной ретушью. В слое VIII появляются новые типы: наконечник с боковой выемкой и узкое двуконечное острие с двумя притупленными краями (рис. 74, *6*, *13*). В слое VII перечисленные типы дополняются новыми, в первую очередь одноконечными остриями с выпуклым основанием, обработанным плоской вентральной ретушью (рис. 75, *4*, *14*), ножами типа Ргани (рис. 75, *11*, *12*). Для слоя VII характерно не только типологическое разнообразие, но и сравнительно высокий процент пластин с притупленным краем (до 30%). Следует также отметить вариабельность размеров этих орудий: от изделий на узких тонких пластинках до довольно крупных, доходящих в длину до 10 см. Наконечники с боковой выемкой, представленные в этом слое серией орудий, в целом заметно отличаются от типичных костенковско-авдеевских по пропорциям; в то же время у некоторых

из них, как и костенковско-авдеевских, концы подработаны вентральной плоской ретушью (рис. 75, *7*, *8*). В слое VII в единичных экземплярах встречены пластины с подтеской концов, близкие к ножам костенковского типа (рис. 75, *31*); как данный прием вторичной обработки, так и подобные орудия в целом для молодовской культуры нехарактерны. Нельзя исключить того, что эти орудия, как и наконечники с боковой выемкой, свидетельствуют о некотором влиянии, оказанном на молодовскую культуру на позднем этапе ее существования, виллендорфско-костенковской культурой. В пользу такого предположения свидетельствует и то, что возраст VII слоя Молодова 5 — около 23 тыс. лет — совпадает со временем предполагаемого появления «виллендорфцев» на Русской равнине (судя по недавно полученным абсолютным датам для верхнего слоя Костенок 1, для Авдеева, Гагарино и Бердыжа, все они имеют возраст около 22 тыс. лет до н. дн.)

Поздний этап молодовской культуры, представленный VII слоем Молодова 5, отличается еще одной особенностью: богатством и разнообразием костяного инвентаря (около 50 экз.; *Черныш А. П.*, 1959). Наиболее характерны веретенообразные наконечники из бивня мамонта, так называемые «жезлы начальников» из рога северного оленя, мотыгообразные орудия с «коленчатыми рукоятями» (топоры типа лингби). Два последних типа широко распространены в центральноевропейских и западноевропейских позднепалеолитических индустриях, в том числе — в индустриях виллендорфско-костенковской культуры. Более специфично, если не для одной молодовской культуры, то по крайней мере для юго-западной историко-культурной области палеолита Русской равнины, составной нож: ребро мамонта с широким пазом для вставки крупных кремневых вкладышей. Подобное орудие было найдено в нижнем слое стоянки Куличивка (*Савич В. П.*, 1975а).

Большое количество пестов-терочников характерно для молодовской культуры так же, как и для инокультурных стоянок юго-запада Русской равнины.

Следует остановиться на вопросе о так называемом «бабинском» этапе (*Черныш А. П.*, 1959, 1973, 1977; *Григорьев Г. П.*, 1970). Его выделяют в первую очередь на основе материалов нижнего культурного слоя Бабин 1, несомненно относящегося к молодовской культуре, считая при этом, что данный культурный слой древнее X слоя Молодова 5, т. е. датируется начальной порой верхнего палеолита. Единственный аргумент в пользу такого предположения — наличие в перекрывающем, среднем, культурном слое того же памятника нескольких обломков двусторонне обработанных изделий. По нашему мнению, учитывая нехарактерность для молодовской культуры техники двусторонней обработки, нельзя считать наличие или отсутствие отдельных изделий такого рода в памятниках данной культуры хронологическим показателем; тем более, что, как отмечалось выше, пластина с двусторонней ретушью имеется и в VII слое Молодова 5. Существенное наличие в нижнем культурном слое стоянки Бабин I таких орудий, как узкие игловидные острия с притупляющей ретушью по двум краям (в молодовской колонке появляются только в VIII культурном слое), богатого набора изделий из кости, рога и бивня, сопоставимого с костяной индустрией VII слоя Молодова 5, а также преобладание в видовом составе фауны костей северного оленя, что, по данным А. П. Черныша (1959), отмечается в молодовской колонке лишь начиная со слоя VII. Учитывая залегание нижнего культурного слоя стоянки Бабин 1 не в погребенной почве, а в лессовидном суглинке, мы считаем, что его следует синхронизировать самое древнее — с VIII культурным слоем Молодова 5, а может быть, и с более молодым, VII слоем той же стоянки.

Мы не можем пока с уверенностью очертить границы распространения молодовской культуры за пределами Поднестровья. Возможно, к этой же культуре, как ее локальный вариант, относится стоянка Чутулешты 1, находящаяся уже на территории Молдавии, в Попрутье. Ее культурный слой залегает в хорошо выраженной погребенной почве, «аллередский» возраст которой (*Григорьев Г. П.*, 1970), по нашему, мнению, омоложен. В инвентаре встречены типично «молодовское» двуконечное острие, пластинки с выемкой на конце, полученной притупливающей ретушью («ножи типа Ргани»), являющиеся полными аналогами орудиям молодовской культуры. Имеются здесь и скребки на пластинах с приостренным основанием, высокие скребки, острия на пластинах, которые по размерам и деталям оформления несколько отличаются от одноименных молодовских орудий. Все же в целом чутулештская и молодовские индустрии не тождественны, вопрос об их однокультурности до появления новых данных остается спорным.

В индустриях долины Днестра и Прута отмечаются и другие традиции, не укладывающиеся в рамки двух описанных выше археологических культур. Своеобразные по материалу памятники, предположительно относящиеся к ранней поре верхнего палеолита, открыты на территории Молдавии, в Попрутье. К ним относятся, например, Гординешты 1, Корпач, IV культурный слой, Корпач-мыс (*Борзияк И. А.*, 1978). Особенно любопытен материал IV культурного слоя стоянки Корпач, содержащий наряду со скреблами, остроконечниками, двусторонне обработанными орудиями и обычными для верхнего палеолита техническими и технико-морфологическими группами скребков, резцов, острий, выразительную серию сегментов, т. е. орудий, традиционно относимых к мезолиту, самое древнее — финалу верхнего палеолита. Стратиграфическое положение данного культурного слоя, как и общая характеристика его индустрий (*Борзияк И. А.*, 1978), заставляют относить его к значительно более древнему периоду, скорее всего к ранней поре верхнего палеолита. Таким образом, наряду с такими памятниками, как Уллузо (Италия) и Павлов (ЧССР), содержащими в инвентаре типичные сегменты, IV слой Корпача свидетельствует о значительно более древнем времени возникновения геометрических микролитов, чем это предполагалось ранее.

Иные культурные традиции отмечаются и к северу от Пруто-Днестровского бассейнов, на Волыно-Подольской возвышенности. Здесь по материалам позднепалеолитических стоянок у сел Липа, Майдан, Мирогоща Г. П. Григорьевым и М. Н. Островским была выделена липская археологическая культура (*Островский М. Н., Григорьев Г. П.*, 1966; *Григорь-*

ев Г. П., 1970). К ней же, вероятно, относится и двуслойная стоянка Куличивка у г. Кременец, материалы которой были опубликованы В. П. Савичем, не разделяющим концепцию археологических культур и обращающим внимание на черты сходства волыно-подольских и днестровских памятников (*Савич В. П.*, 1975а, б).

Характерные признаки липской культуры, по Г. П. Григорьеву, следующие: сочетание призматических нуклеусов с клиновидными («нуклеусы липского типа»), резцы как ведущая форма орудий, преимущественно боковые — поперечно- и косоретушные), сочетание крупных скребков на пластинах со скребками небольших размеров, заметная доля орудий высоких форм; сочетание симметричных острий со скошенными, простые формы пластинок с притупленным краем; отсутствие микроострий с притупленным краем; постоянное присутствие в инвентаре архаичных орудий, преимущественно скребел. Эти признаки отличают липскую культуру от молодовской. В то же время культуры по общим признакам значительно ближе друг к другу, чем, например, одновременные археологические культуры Костенковско-Боршевского района (стрелецкая и спицынская или же городцовская и типа Костенок 8, II). Близость эта подчеркивается набором костяных орудий стоянки Липа 6, включающим (слой IIа) такую специфическую молодовскую форму, как ребро мамонта с продольным пазом для пластин (*Савич В. П.*, 1969; 1975а).

Вопрос о возрасте липской культуры в настоящее время окончательно не решен. Полевые исследования В. П. Савича на многослойных стоянках Куличивка и Липа 6 дают хорошую основу для решения этого вопроса. Однако представления этого исследования о том, что палеолитические памятники Волыно-Подолии датируются в пределах едва ли не всего позднего палеолита, основанные в первую очередь на типологических сопоставлениях с молодовской колонкой (Савич В. П., 1975а), нуждаются в серьезном обосновании естественно-научными методами, в том числе — радиоуглеродными датами. Сейчас можно предполагать, что, по крайней мере, ряд этих стоянок (Куличивка, оба слоя, Липа 1, возможно, нижний слой Липа 6) по аналогии с VII слоем Молодова 5 датируется концом молого-шекснинского — началом осташковского времени (с возможными отклонениями в ту или другую сторону). Насколько же велик хронологический разрыв между нижним слоем Липа 6 и верхними слоями той же стоянки, на основе одной типологии сказать трудно. Возможно, эти культурные слои значительно ближе друг к другу во времени, чем это предполагает В. П. Савич.

Отметим еще раз; перечисленные археологические культуры и отдельные памятники юго-запада Русской равнины обладают общими чертами, позволяющими определить их в целом как историко-культурную область, включающую также позднепалеолитические стоянки Румынской Молдовы — такие, как Миток-Валя, Изворулуй, Четэцика 1 и др. Хотя современный уровень знаний не позволяет с достаточной полнотой охарактеризовать образ жизни, домашне-хозяйственную деятельность населения юго-западной историко-культурной области в раннюю пору позднего палеолита, все же кое-что нам известно. В этот период в данном районе люди обитали как в естественных убежищах (гротах), так и на открытых пространствах в искусственно сооружаемых наземных жилищах. Их предполагаемые остатки прослеживаются только по концентрации находок; при сооружении жилищ не использовались кости мамонта или других крупных животных, что существенно затрудняет их реконструкцию, требует особенно тщательной, всесторонней аргументации в пользу того, что данное скопление находок является остатками жилого сооружения. По А. П. Чернышу, в Поднестровье прослеживаются следы жилищ двух типов; округлых, диаметром 3—5 м (Молодова 5, VII; Вороновица 1, верхний слой и др.), и длинных, размерами приблизительно 5×8 м с рядами попарно расположенных очагов внутри (Вороновица 1, нижний слой — см.: *Черныш А. П.*, 1959). Данных для сравнительной характеристики планировки стоянок в настоящее время не имеется.

Основным объектом охоты для населения юго-запада Русской равнины в молого-шекснинское время являлась лошадь. Костей северного оленя довольно много, причем, судя по культурным слоям Молодова 5, их удельный вес к началу осташковского времени постепенно возрастает. Позднее северный олень становится основным объектом охоты, к концу позднего палеолита полностью вытеснив лошадь (*Черныш А. П.*, 1959). Кроме того, в фауне стоянок ранней поры позднего палеолита встречаются, но в значительно меньших количествах мамонт, шерстистый носорог, зубр, благородный олень и пр. Судя по находкам, основным охотничьим вооружением являлись копья и дротики. В одних культурах они оснащены двусторонне обработанными наконечниками, как правило, с выпуклыми основаниями. В других культурах, возможно, ту же роль играли крупные односторонние симметричные острия типа молодовских.

В конце молого-шекснинского — начале осташковского времени охотничье вооружение усложняется: появляются наконечники из бивня мамонта. Достоверных данных о наличии в этом районе костяных наконечников, оснащенных вкладышами, нет, но обилие в составе инвентаря ретушированных пластин, с одной стороны, и наличие вкладышевых ножей (Молодова 5, VII; Липа 6) — с другой, не исключают такую возможность. Как свидетельствуют многочисленные находки пестов-терочников и плит типа зернотерок в разнокультурных памятниках этого района, большую роль в добыче средств к существованию играло и собирательство. Находки пестов-терочников известны и в позднепалеолитических памятниках других районов, но, пожалуй, только на юго-западе Русской равнины они встречаются в таких количествах, начиная от мустьерских индустрий и проходя красной нитью практически через все разнокультурные и разновременные позднепалеолитические индустрии.

Восточнее Волыни, в бассейне Днепра, слагавшемся по правобережью Приднепровской возвышенностью, а по левобережью — Приднепровской низменностью, эпоха позднего палеолита, как с собственно археологической, так и с геологической стороны, изучена недостаточно. Это существенно затрудняет выделение здесь верхнепалеолитических стоянок, которые можно было бы с достаточной уверенностью

датировать молого-шекснинским временем. Полесская стоянка Радомышль (Житомирская обл., г. Радомышль) впервые позволила поставить вопрос о существовании в Приднепровье древнейших позднепалеолитических памятников. Датировка Радомышльской стоянки начальной порой позднего палеолита (*Шовкопляс И. Г.*, 1964, 1965) была принята многими советскими исследователями, она неоднократно объявлялась древнейшим из всех позднепалеолитических памятников Русской равнины (*Борисковский П. И.*, 1963; *Иванова И. К.*, 1969). Ниже приводим краткую характеристику этого памятника (рис. 90) по данным И. Г. Шовкопляса (1964, 1965).

Остатки поселения расположены на четырех отдельных небольших холмистых возвышенностях, находящихся недалеко друг от друга, по правому борту древней балки, впадающей в р. Тетерев. Находки залегают в буровато-желтом суглинке на глубине 0,6—0,8 м от поверхности почвы. В пункте 1 вскрыты шесть скоплений костей мамонта, округлых в плане (диаметр 3—6 м), которые И. Г. Шовкопляс интерпретирует как остатки отдельных небольших жилищ. Кроме того, вскрыта хозяйственная яма-кладовая диаметром 2 м и глубиной 1 м, заполненная костями мамонта. Предполагаемые жилища и яма расположены почти вплотную друг к другу и образуют круг, в центре которого обнаружены остатки очагов с костным углем, большое количество заготовок, отходов производства, каменных орудий.

Техника первичного раскалывания в инвентаре Радомышльской стоянки, по нашим наблюдениям, в целом типично призматическая, об этом свидетельствуют призматические формы нуклеусов. Наряду с ними в коллекции имеются нуклеусы торцового снятия и дисковидные. Типичная форма заготовок, из которых сделаны орудия труда,— массивная пластина. Для приемов вторичной обработки характерно широкое распространение техники резцового скола при полном отсутствии применения чешуйчатой подтески. Обычна дорсальная ретушь, крутая или полукрутая, далеко заходящая на спинку заготовки. Плоская односторонняя и двусторонняя ретушь, равно как и вертикальная, усекающая край ретушь, почти не применялась. По свидетельству И. Г. Шовкопляса (1964, 1965), в наборе орудий преобладают резцы, обычно срединные, многофасеточные (рис. 76, *2—4*). Боковых резцов, как и резцов на углу сломанной пластины, очень немного. Значительно меньшую часть инвентаря составляют концевые скребки (рис. 76, *5—9*), изготовленные на массивных отщепах или пластинах, иногда с крутой ориньякской ретушью по краям. На таких же пластинах изготовлялись острия, симметричные или скошенные к углу, а также проколки (рис. 76, *13, 14, 18, 22*). Много ретушированных пластин, не имеющих специального оформления концов. «Архаичные орудия мустьерских форм составляют довольно незначительную часть инвентаря и являются, по сути, примесью к многочисленным позднепалеолитическим изделиям» (*Шовкопляс И. Г.*, 1964). Они сводятся к скреблам, обычно одинарным, с заметно выпуклыми лезвиями и редким остроконечникам (рис. 76, *11, 12, 15, 16, 19—21*). Сведения о костяном инвентаре отсутствуют.

Массивная пластина как ведущая форма заготовки, обработка таких пластин ретушью по всему обводу, концовые скребки на таких пластинах, наличие укороченных высоких скребков и многофасеточных резцов — эта сумма признаков соответствует общим характеристикам каменных индустрий ориньякских памятников Франции. Эти характеристики, в первую очередь — присутствие большого количества орудий высоких форм, в применении к индустриям Центральной и Восточной Европы обычно называются «ориньякоидными признаками», «ориньякоидностью». Долгое время «ориньякоидность» считалась важнейшим свидетельством (по аналогии с французским ориньяком) раннего возраста памятника. И. Г. Шовкопляс, разделяя эту точку зрения, вполне логично датировал Радомышль начальной порой позднего палеолита на том основании, что ориньякоидность здесь дополняется еще более «ранним» признаком: наличием в инвентаре мустьерских форм орудий (*Шовкопляс И. Г.*, 1964, с. 1965).

Однако в настоящее время для территории Восточной Европы можно считать доказанной разнокультурность и разновременность «ориньякоидных» индустрий: они встречаются здесь не только в раннюю пору позднего палеолита (например, памятники брынзенской культуры), но и в среднюю (Костенки I, III слой) и даже в позднюю пору, относящуюся уже к послеледниковью (рашковская культура). Мустьерские элементы в позднепалеолитических индустриях, по-видимому, могут служить основанием для отнесения памятника к ранней поре позднего палеолита, тогда, когда эти элементы составляют устойчивый, ярко выраженный компонент данной индустрии, проявляясь в разных ее сторонах (техника первичного раскалывания, вторичной обработки, набор орудий), когда мустьерских орудий не только много, но они типологически разнообразны, особенно, когда мустьерские элементы имеют прямые аналогии в собственно мустьерских индустриях. Но и в этих случаях памятник не обязательно должен относиться к самому началу позднего палеолита; так, культурный слой II Костенок 14 с ярко выраженными архаичными чертами и по стратиграфии и по абсолютным датам относится тем не менее не к самым древним из памятников Костенковско-Боршевского района. Если же архаичные признаки сводятся к сравнительно немногочисленным изделиям, преимущественно скреблам и скребловидным орудиям, не дающим типологически устойчивых серий, такие индустрии могут быть и моложе ранней поры позднего палеолита. По характеру и значению в индустрии мустьерских форм Радомышль не «архаичнее» I слоя Тельманской стоянки (Костенки 8), который стратиграфически датируется раннеосташковским временем (средней порой позднего палеолита).

Таким образом, мы не считаем аргументы И. Г. Шовкопляса достаточно убедительными для определения Радомышльской стоянки как одного из древнейших позднепалеолитических памятников Русской равнины. Для суждения об ее возрасте нам представляется более существенным большое количество костей мамонта, использование их в качестве топлива и, возможно, как строительного материала, наличие ямы-кладовой, аналогичной ямам-кладовым на стоянках с костно-земляными жилищами. Эти разнокультурные стоянки охотников на мамонтов на Среднем Дону появляются только в раннеосташков-

ское время; моложе молого-шекснинского межледниковья и подавляющее большинство подобных памятников в бассейнах Днепра и Десны (Мезин, Межиричи, Добраничевка и проч.). Среди них Пушкари 1, по условиям залегания культурного слоя (непосредственно над «брянской» почвой) несколько древнее и относятся к самому концу молого-шекснинского — началу раннеосташковского времени (*Величко А. А.* и др., 1965). Приблизительно этим периодом следует датировать и Радомышльскую стоянку.

Пушкари 1 (рис. 72, 77) расположены на правом берегу р. Десны (с. Пушкари, около г. Новгород-Северский), в непосредственной близости от ряда поздне-палеолитических памятников, расположенных в урочище Погон. Наиболее изученный среди них памятник Погон, аналогичный по условиям залегания материала Пушкарям 1, к сожалению, большей частью разрушен вследствие денудации и овражного размыва склонов мыса. В центре Погона сохранился ничтожный по площади останец — Бугорок, содержащий остатки более молодого культурного слоя, залегающего на 2 м выше основного (*Борисковский П. И.*, 1953).

Поселение Пушкари 1 исследовано на площади 150 кв. м, здесь были тщательно изучены остатки большого длинного жилища, сооруженного с использованием костей и бивней мамонта. Остатки этого строительного материала концентрируются около трех мощных скоплений очажной массы, заполнившей большие и обширные очажные ямы, вырытые на дне единого большого жилого углубления 12×4 м. По своей планировке остатки жилища напоминают остатки длинных жилищ несколько более позднего Александровского поселения в Костенках.

При исследовании Пушкарей 1 собрана огромная коллекция кремневых орудий, насчитывающая более 100 тыс. расщепленных кремней и более 2500 орудий, не считая десятка тысяч пластин и отщепов с ретушью, со следами ретуши и употребления и 3 тыс. ядрищ, служивших для получения заготовок каменных орудий. Техника первичного раскалывания типично призматическая, основными заготовками служили пластины, обычно более тонкие, чем радомышльские. Своеобразен и набор орудий.

Основу его составляет техническая группа изделий с притупленным краем (всего около 400 экз.; здесь и далее подсчеты основаны на данных П. И. Борисковского, 1953), отчетливо распадающихся в данной индустрии на две технико-морфологические группы: пластинки с притупленным краем (свыше 200 экз.) и острия с притупленным краем (около 200 экз.), первая из которых обнаруживает тесные связи с технико-морфологическими группами скребков и пластин с усеченными концами, а вторая — с технико-морфологической группой острий. Пластинки с притупленным краем в пушкаревской индустрии содержат, по крайней мере, один хорошо выраженный тип: прямоугольники, у которых вертикальной ретушью усечен один край и оба конца (рис. 77, *7, 8, 13, 16*). Следует отметить, что в данной индустрии вертикальной ретушью во всех случаях притупливался только один край заготовки. Среди острий с притупленным краем выделяются прежде всего тип острия с выпуклым притупленным краем и отретушированным нижним концом, обычно слабо выпуклым, реже — прямым или вогнутым (рис. 77, *4, 5, 9, 11, 18, 19*), а также «наконечники с боковой выемкой» (рис. 77, *1—3, 20*). Последние, в отличие от костенковско-авдеевских, не имеют вентральной подработки концов и отличаются некоторыми деталями формы. Ряд их имеет прямо усеченное основание — прием, характерный для обработки изделий с притупленным краем в пушкаревской индустрии. Возможно, особым типом являются и острия, у которых притупленный край прямой, а необработанный — выпуклый (рис. 77, *10, 12, 25*).

Острия на пластинах подразделяются на симметричные (около 300 экз., рис. 77, *35—39*) и скошенные (около 100 экз., рис. 77, *21—24, 26—28*). У скошенных острий обрабатывался, как правило, только острый конец, однако некоторые из них имеют ретушь по всему краю и усеченный, противоположный острию конец (рис. 77, *26, 27*), они в точности повторяют форму одного из типов острий с притупленным краем. Симметричные острия более разнообразны и, возможно, дают ряд типов. Среди них имеются двуконечные острия, острия с суженным основанием, с выпуклым основанием. Ретушь зачастую охватывает весь или большую часть периметра, иногда далеко заходит на спинку пластины. Следует также отметить, что некоторые из острий приближаются к скребкам с вытянутыми лезвиями. Скребки (около 200 экз.) изготавливались на пластинах обычно (но не всегда) с параллельными не ретушированными краями (рис. 77, *31—34, 40, 43*). Имеются скребки с вытянутыми стрельчатыми лезвиями; они-то и связываются с технико-морфологической группой пушкаревских острий. Пластины с прямо усеченными концами (около 60 экз.) (рис. 77, *29, 44, 45*) с одной стороны, близки к скребкам, с другой — к типу прямоугольников, выделенному в группе пластин с притупленным краем. Резцов около 100 экз.; половину из них составляют резцы на углу сломанных пластин (80 экз.; рис. 77, *46*); далее следуют боковые (50 экз.; рис. 77, *41, 47, 48*). Все эти изделия разнородны, типы не выделяются. Среди остальных орудий необходимо отметить орудия с чешуйчатой подтеской (рис. 77, *51*), в том числе ножи костенковского типа, несколько грубых рубящих орудий и небольшое количество пластин с выемками. Костяной инвентарь Пушкарей 1 невелик: мотыга из ребра крупного животного, два обломка подобных орудий, фрагмент овальной подвески, стерженьки с перехватами, напоминающие «застежки» из Мезинской стоянки и из верхнего слоя Костенок 4 (*Борисковский П. И.*, 1953).

Недавно у с. Клюссы на Черниговщине был найден новый, по-видимому, более поздний памятник пушкаревской культуры.

В обширном степном районе (юго-восток Русской равнины), охватывающим Приазовье и Северо-Западное Причерноморье, долгое время палеолит был практически неизвестен. До конца 50-х годов здесь имелся лишь один позднепалеолитический памятник: открытые еще в 1935 г. В. М. Евсеевым Амвросиевская стоянка и костище (рис. 72; 78), расположенные на правом берегу р. Крынки (Донецкая обл.). В 1950—60-е годы работами П. И. Борисковского, М. Д. Гвоздовер, Н. Д. Праслова, В. Н. Станко и др. здесь были открыты и исследованы новые памятники, позволяющие в общих чертах отметить как общерегиональные, так и локальные особенности позднего палеоли-

та данного района. Можно утверждать, что район Нижнего Дона — Причерноморья чрезвычайно перспективен для изучения позднего палеолита. Наличие в этом же районе многочисленных мустьерских местонахождений позволяет надеяться на открытие здесь «стыкующихся», «переходных» стоянок. Прекрасная сохранность культурного слоя ряда памятников (Золотовка, Мураловка) дает возможность, не ограничиваясь изучением кремневого инвентаря, переходить к хозяйственно-бытовым и общественно-социальным особенностям общин, оставившим данные стоянки. Все это, однако, дело будущего.

Сейчас итоги работы по изучению позднего палеолита данного района далеко не полностью отражены в печати, выводы (преимущественно культурно-исторического плана) носят лишь самый предварительный характер. Остается открытым вопрос датировки этих памятников в пределах позднего палеолита. Отсутствие надежных данных об их геологическом возрасте (все позднепалеолитические памятники Нижнего Дона—Причерноморья залегают на разной, часто небольшой глубине от современной дневной поверхности в нерасчлененных лессовидных суглинках или супесях), отсутствие абсолютных дат, каких-либо палинологических или фаунистических критериев для определения времени их существования заставляют нас быть очень осторожными в суждениях по этому вопросу. Технико-морфологические характеристики инвентаря наиболее изученных стоянок (Амвросиевка, Мураловка, Каменная балка I, II в Приазовье, Большая Акк ржа под Одессой) обнаруживают типично позднепалеолитический набор развитых технических приемов и форм орудий, что свидетельствует, по нашему мнению, об отсутствии среди этих памятников таких, которые бы относились к самой начальной поре позднего палеолита. Но вполне возможно, что некоторые из них могут датироваться концом молого-шекснинского времени. Не исключено, что к концу молого-шекснинского межледниковья — началу осташковского оледенения может относиться Амвросиевское костище и стоянка, давшие большое количество микропластинок и микроострий, сопоставимых с многочисленными микроорудиями II слоя Костенок 8 (молого-шекснинское время) и VII слоя Молодова 5 (раннеосташковское время) [3].

Амвросиевское костище (Донецкая область), изученное на площади 430 кв. м, находится в оконечности большого широкого овражного мыса, образовавшегося в верховьях балки Казенной, открывающейся в долину р. Крынки, притока р. Миус (*Борисковский П. И., Праслов Н. Д.*, 1964). Скопление костей зубров в виде брекчии приурочено к днищу небольшого овражка, рассекавшего склон мыса. Ширина овражка 4—5 м, глубина всего лишь 1—1,5 м, при этом скопление костей, приуроченных к его днищу, залегало в суглинке, в некоторых местах почти непосредственно под черноземом. Длина овражка несколько десятков метров, в поперечном сечении склоны бортов его асимметричны и имели различную крутизну. Залегание костища на склоне и сильные растянутости костей по склону мыса позволяют предполагать, что во времена охотничьей деятельности древних людей овраг был гораздо глубже, но позднее верхние напластования были разрушены денудационными процессами. В сохранившейся части днища овражка скопление костей было строго локализовано и напоминало залегание их в заполнении искусственно вырытых углублений на поселениях. Однако исследователи не сомневались в естественном происхождении оврага. Костные остатки принадлежали исключительно зубрам. По подсчету И. Г. Пидопличко, здесь было обнаружено 983 особи, при этом встречались все кости скелета, но относительно редки были анатомические группы костей, а целых скелетов совсем не было. Кости принадлежали особям всех возрастов и представляли картину обычного стада. Костей других животных не встречалось. Почти все кости были целыми. В редких случаях отмечались изломы костей с предсмертными переломами. На 14 костях наблюдались следы кремневых орудий. Расчищенная площадь скопления представляла 180—190 кв. м длиной 29—33 м и около 6 м шириной. Максимальная мощность костной брекчии в средней части овражка составляла 1 м, а у краев 10—20 см.

В разных местах брекчеобразного скопления костей зубров сравнительно часто встречались отдельные обработанные кремни и костяные орудия. Всего в скоплении было собрано 22 веретенообразных костяных наконечника с приостренным основанием и хорошо заточенным, постепенно утолщающимся острием (рис. 78, *27—33*). Длина этих наконечников метательных орудий 10—25 см, в сечении они овальные, слегка утолщенные в средней части, толщиной 1—1,5 см. Лишь на одном наконечнике наблюдалась пара продольных неглубоких пазов и на двух наконечниках — по одному пазу, которые могли служить для оснащения кремневыми вкладышами. Кстати, в скоплении было найдено около сотни тонких и длинных микропластинок и острий, вполне пригодных для этой цели.

Из собранных среди костища кремневых орудий отмечается наличие нескольких сот удлиненных неретушированных ножевидных пластинок длиной 4—7 см со следами заполированности, что свидетельствовало об употреблении их в качестве режущих орудий. Кроме того, среди костища было найдено несколько десятков желваков кремня до 15 см в поперечнике и свыше 50 кремневых шаровидных ядрищ длиной 5—7 см, служивших для получения призматических пластинок, подобных описанным выше.

Обстановка находки огромного скопления костей зубров с ярко выраженными следами охотничьей деятельности людей не позволяет сомневаться в том, что Амвросиевское костище является уникальным памятником облавной охоты на стадных степных животных. Существует и другая точка зрения, согласно которой Амвросиевское костище представляет собой культовое место для совершения обрядов охотничьей магии (*Борисковский П. И.*, 1953).

Амвросиевская стоянка (*Борисковский П. И.*, 1953) находится всего в 200 м от костища. Культурный слой выражен плохо. Находки встречаются на разной

[3] Еще раз подчеркнем: речь идет только о возможности такой датировки этих памятников. До получения надежных естественно-научных данных нельзя исключить, что Амвросиевка, описываемая в настоящем разделе, в действительности является более молодой, а, скажем, Мураловка, охарактеризованная ниже, в разделе, посвященном памятникам средней поры позднего палеолита,— более древней. Неопределенность возраста памятников степной зоны отражена нами и в сводной таблице.

глубине (в основном 0,35—0,55 м от поверхности, но есть и выше и ниже), выраженный «пол» отсутствует. Техника раскалывания типично призматическая. Нуклеусы сильно сработаны, небольшие по размерам (рис. 78, *16, 18—21*). Набор орудий беден (рис. 78, *1—15, 17*). Сюда относятся скребки, как правило, разнородные, не дающие типов, такие же резцы и пластинки с притупленным краем, преимущественно в обломках. Эти пластинки, а также обломки костяных наконечников лишний раз подтверждают, что Амвросиевское костище и стоянка оставлены одним населением. Следует еще упомянуть найденные на стоянке украшения: подвески, изготовленные из камня или ископаемых члеников морских лилий (рис. 78, *22, 26*).

На территории Крыма ранней порой позднего палеолита датируют нижний культурный слой грота Сюрень 1. Заселенная на протяжении всей эпохи позднего палеолита пещера Сюрень 1, содержащая в четырехметровой толще отложений три культурных слоя, представляется лучшим по удобству местом для сооружения жилища под естественным навесом скальной ниши, где, по-видимому, лишь на короткое время погасали очаги. Она находится на склоне долины р. Бельбек, в 13 км от г. Бахчисарая, и возвышается на 15 м над рекой и 110 м над уровнем моря. Навес достаточно широк, глубок и высок, открыт к югу. Размеры его 43×15 м, высота до 9 м. Наиболее мощным и богатым разнообразными археологическими и фаунистическими материалами был нижний культурный слой, исследованный Г. А. Бонч-Осмоловским в 1926—1929 гг. На исследованной части навеса площадью 85 кв. м было собрано более 12 000 расщепленных кремней, в том числе 1150 орудий, костяные и роговые орудия и предметы, обильные кухонные остатки в виде расколотых и целых костей крупных и мелких диких животных, на которых охотились люди (*Векилова Е. А.*, 1957). Каменная индустрия, основанная на пластинчатой технике раскалывания (преимущественно призматические нуклеусы и нуклеусы параллельного снятия), наряду с типично позднепалеолитическими формами орудий — скребками, резцами, чешуйчатыми орудиями, огромной серией микроострий и микропластинок с ретушью (рис. 79, *14—22*) — содержит некоторое количество мустьерских форм: остроконечники, скребла, а также двусторонне обработанные орудия (рис. 79, *23—26*). Обилие тонких кремневых микропластинок с противолежащей ретушью позволяет предполагать наличие деревянных метательных орудий, острия которых могли оснащаться этими вкладышами, что значительно увеличивало пробойную силу охотничьих копий и дротиков. Довольно много поделок из кости и украшений — около 70 экз., не считая осколков костей с различного рода нарезками. Костяные орудия представлены шильями, остриями, наконечниками, украшения — булавкой из бивня мамонта, подвесками из кости и раковин (*Векилова Е. А.*, 1957). Основными объектами охоты древнейших обитателей грота Сюрень 1 являлись сайга и гигантский олень.

Изделия мустьерского облика, в особенности двусторонне обработанные орудия нижнего слоя, имеющие прямые аналогии в мустьерских стоянках Крыма и полностью исчезающие в культурных слоях, перекрывающих нижний слой Сюрени 1, подтверждают датировку этого слоя ранней порой позднего палеолита. При отсутствии геологических данных и радиоуглеродных дат едва ли возможно точнее определить его возраст, как и возраст среднего слоя той же стоянки. Мы описываем средний слой ниже, в разделе, посвященном памятникам средней поры позднего палеолита, однако не исключено, что при получении новых данных он может быть удревнен.

Рассмотрим теперь основные археологические культуры ранней поры позднего палеолита на Среднем Дону. Костенковско-Боршевский район сосредоточения многослойных позднепалеолитических стоянок благодаря проводимым здесь многолетним комплексным исследованиям, хорошей стратиграфии, хорошей сохранности большого количества палеолитических поселений по праву занимает ведущее место в изучении позднего палеолита Русской равнины. Стоянки ранней поры позднего палеолита приурочены здесь к переотложенным и погребенным в древности гумусированным суглинкам, разделенным прослойкой вулканического пепла. При этом памятники, залегающие под пеплом, в нижней гумусированной толще относятся к допаудорфскому времени, к начальной поре позднего палеолита.

Характерные особенности кремневого инвентаря ранних позднепалеолитических комплексов Костенковско-Боршевского района позволяют выделить здесь ряд археологических культур. Среди них одной из древнейших и наиболее известных является костенковско-стрелецкая культура.

По стратиграфическому положению, а также по ряду технических и морфологических особенностей каменной индустрии памятники этой культуры в Костенках подразделяются на два хронологических этапа (*Аникович М. В.*, 1977а, б). К первому, наиболее раннему, этапу относятся стоянки, залегающие в нижней гумусированной толще: Костенки 12, слой III и Стрелецкая 2. Ко второму, более молодому,— стоянки, залегающие выше вулканического пепла, в основании верхней гумусированной толщи: Костенки 1, слой V; Костенки 11, слой V; Костенки 12, слой Iа.

Каменные индустрии раннего этапа костенковско-стрелецкой культуры характеризуются глубоким архаизмом, проявляющимся и в технике первичного раскалывания, и в технике вторичной обработки, и в наборе орудий. Призматическая техника отсутствует вовсе. Нуклеусы исключительно параллельного снятия, со скошенными ударными площадками и плоским фронтом, одно- или двуплощадочные — обычны для памятников леваллуазского мустье. Техника вторичной обработки характеризуется полным отсутствием вертикальной, усекающей край ретуши, употребление резцового скола, приема чешуйчатой подтески в лучшем случае только зарождалось. Зато обычны крутая занозистая ретушь, прием уплощения одной стороны заготовки для последующего ретуширования другой стороны (так называемая плоско-выпуклая ретушь), характерные для среднепалеолитических индустрий. Уже на раннем этапе наблюдается свойственное костенковско-стрелецкой культуре широкое распространение плоской ретуши, покрывающей всю или большую часть поверхности заготовки с одной или обеих сторон. В наборе орудий, происходящем из III слоя Костенок 12, преобладают мустьерские формы: скребла, остроконечники, подтреугольные в плане и в сечении острия с плоской встреч-

ной ретушью на наиболее широкой грани (кэнсоны), массивные орудия с прямым поперечным лезвием (рис. 80, *5, 8—13, 17*). Особенно показательно, что эти орудия здесь типологически более выдержаны, чем разнородные аморфные скребки (рис. 80, *1—4*). Большую группу составляют листовидные двустороннеобработанные орудия (рис. 80, *6, 7, 14—16*). Треугольные наконечники с вогнутым основанием — характернейший для стрелецкой культуры тип — сочетаются с крупными наконечниками с выпуклым основанием типа «лист тополя» или удлиненных пропорций (Стрелецкая 2; рис. 80, *20*). Наряду с ними встречаются также листовидные острия с выпуклым основанием, обработанным скребковой ретушью, асимметричные листовидные орудия с суженными концами и др. Костяных орудий, украшений, произведений искусства в ранних памятниках стрелецкой культуры не обнаружено.

В индустрии более поздних памятников костенковско-стрелецкой культуры, датируемых, вероятно, началом паудорфского времени, наблюдаются изменения, направленные в сторону изживания архаичных черт. Техника первичного раскалывания остается прежней, основанной на мустьерском способе параллельного скалывания (рис. 81, *19*). В технике вторичной обработки впервые явно прослеживается использование приемов резцового скола и чешуйчатой подтески. Основные изменения касаются набора орудий. Прежде всего, значительно снижается доля архаичных. Скребла сохраняют те же особенности, что и в ранних памятниках: преобладают однолезвийные, продольные со слабо выпуклым лезвием, сохраняется тип угловатого скребла (рис. 81, *24*), но остроконечники и кэнсоны исчезают. Скребки, как и в Костенках 12, III, отличаются небольшими размерами, расширением краев к лезвию, слабой выпуклостью лезвий. Однако они уже не разнородны, не грубы, но тщательно отделаны, подразделяются на типы (подтреугольные скребки с прямыми лезвиями, «сердцевидные» скребки — рис. 81, *1—5, 8*). Наряду с ними небольшую, но выразительную технико-морфологическую группу орудий составляют резцы, включающие особый тип поперечного резца на небольшом отщепе с выпукло-вогнутым отретушированным краем (рис. 81, *9, 14*) и долотовидные орудия (pièces esquillées; рис. 81, *13*). Впервые появляются и проколки (рис. 81, *20, 21*). Группа листовидных двустороннеобработанных орудий по-прежнему количественно велика и дифференцируется на ряд типов. Треугольные наконечники с вогнутым основанием здесь уже подразделяются на подтипы, отсутствующие в стоянках раннего этапа (рис. 81, *6, 7, 10*). Они также сочетаются с наконечниками типа «лист тополя» (Костенки 1, V; рис. 81, *15*) и вытянутых пропорций (Костенки 1, Ia). Сохраняются в инвентаре листовидные двусторонне обработанные изделия с выпуклым основанием, обработанным скребковой ретушью, но их форма несколько изменилась (рис. 81, *12*). В то же время появляются неизвестные ранее крупные асимметричные ножи (рис. 81, *22*), а некоторые орудия (двуконечные асимметричные листовидные орудия и др.) исчезают. Костяные орудия, украшения здесь не встречаются[4].

[4] Однако следует учитывать, что в Костенках памятники стрелецкой культуры вскрыты на незначительной площади.

В пятом культурном слое Костенок 1 обнаружены остатки жилища округлой формы с очагом в центральной части. Оно, подобно большинству жилищ, прослеживаемых на Русской равнине в молого-шекснинское время, вероятно, представляло собой легкое наземное сооружение, построенное из дерева без применения в конструкции костей или камней.

С проблемой костенковско-стрелецкой культуры неразрывно связана Сунгирьская (Добросельская) стоянка у г. Владимира, открытая и исследовавшаяся О. Н. Бадером в 1956—1977 гг. В отличие от костенковских памятников собранные здесь коллекции каменных изделий насчитывают десятки тысяч предметов, обнаружен также богатый набор костяных орудий, украшений, произведения искусства. Исключительный научный интерес представляют открытые на стоянке позднепалеолитические погребения.

В каменной индустрии Сунгиря (характеристика дана по О. Н. Бадеру, 1978) нуклеусы параллельного снятия сопровождаются призматическими, реже — дисковидными. Техника плоской двусторонней ретуши употреблялась гораздо реже, чем в стрелецких памятниках Костенок, зато намного чаще используются приемы резцового скола, чешуйчатой подтески. Встречается вертикальная ретушь. В наборе орудий преобладают типично позднепалеолитические формы, скребки, долотовидные орудия (рис. 82, *18*, *19*, *21*), резцы. Важно отметить появление таких орудий, как пластинки с притупленным краем (рис. 82, *1, 2*). Среди скребков характерные для Костенок 1, V типы отсутствуют (рис. 82, *3*, *4*, *7*, *8*). Не находят там прямых аналогий и сунгирьские резцы (рис. 82, *22*, *24*, *25*). Орудия мустьерских категорий в основном представлены скреблами (рис. 82, *11*, *15*). Как и в Костенках, преобладают продольные однолезвийные орудия. Значительно меньше остроконечников. Единичны в Сунгире и листовидные двусторонне обработанные острия, представленные треугольными наконечниками с вогнутым основанием (рис. 82, *5*, *6*, *9*) и остриями с выпуклым основанием (рис. 82, *10*). Последние отличаются от костенковских острий с выпуклым основанием меньшими размерами.

Костяной инвентарь Сунгиря богат и разнообразен. Орудия представлены остриями из кости и бивня, наконечниками копий из бивня, мотыжками из рога северного оленя, многочисленными фрагментами костяных стержней и пр.

Количество костяных и каменных украшений, происходящих как из самого культурного слоя, так особенно из погребений, превосходит 10 тыс. экземпляров изделий. Это — обычные подвески из клыков песца, бусы — плоские, с отверстием у края, бочкообразные, просверленные в центральной части, бивневые подвески различной формы, иногда украшенные нарезами, плоские сланцевые подвески, пластинчатые браслеты из бивня мамонта.

Возраст Сунгирьской стоянки с достаточной уверенностью определяется концом молого-шекснинского межледниковья. Об этом свидетельствует и залегание культурного слоя в верхней части погребенной почвы, определяемой как брянская, и наблюдения, свидетельствующие о том, что мерзлотные процессы, деформировавшие культурный слой, связываются с более поздним временем (очевидно, осташковским климатическим минимумом) и, наконец, имеющиеся радио-

углеродные даты порядка 24—25 тыс. лет от н. дн. Данные о возрасте, а также более развитый в целом облик инвентаря позволяют поставить Сунгирь во времени следом за вторым хронологическим этапом стрелецкой культуры в Костенках. Независимо от решения вопроса о выделении сунгирьской стоянки в самостоятельную археологическую культуру несомненна ее генетическая связь с памятниками стрелецкой культуры на Дону, свидетельствующая о продвижении населения в период молого-шекснинского межледниковья из южных районов на север. Следует отметить, что в Костенках следы традиций, свойственных этой древнейшей в Восточной Европе позднепалеолитической археологической культуре, прослеживаются и позднее, в раннеосташковское время. Это находки двусторонних треугольных наконечников с вогнутым основанием в лессовидных суглинках, перекрывающих гумусированные отложения: на Костенках 11 — в третьем культурном слое, на Костенках 12 — выше верхнего культурного слоя, на Костенках 1 — в придонной части землянки А второго комплекса, I культурный слой, фактически на уровне III слоя той же стоянки. Данные орудия могли быть найдены и принесены на территорию стоянок более поздним, инокультурным населением Среднего Дона. С другой стороны, не исключено, что наконечник из III слоя Костенок 11 свидетельствует о генетической связи между первобытными коллективами, обитавшими в Костенковско-Боршевском районе в молого-шекснинское и раннеосташковское время.

Глубокий архаизм каменного инвентаря Костенок 12 III слоя позволяет ставить вопрос о конкретных мустьерских предшественниках костенковско-стрелецкой культуры. В свое время предполагалось наличие непосредственных генетических связей индустрии Костенок 12, III с Ильской стоянкой на Кубани прежде всего благодаря найденному там треугольному наконечнику с вогнутым основанием (*Рогачев А. Н.*, 1957; *Бадер О. Н.*, 1978). Другие исследователи считают аналогии с Ильской малоубедительными (*Борисковский П. И.*, 1963). В последующие годы, однако, были открыты новые треугольные наконечники в мустьерских стоянках юга Русской равнины: в гроте Староселье в Крыму (*Формозов* А. А., 1958, с. 45—I); в гроте Тринка 3, III культурный слой, в Молдавии (*Кетрару Н. А., Борзияк И. А.*, 1974). Особенно характерен последний наконечник, отличающийся от типично стрелецких лишь большими размерами.

Таким образом, хотя Ильскую стоянку, вероятно, нельзя рассматривать в качестве непосредственного предшественника позднепалеолитической костенковско-стрелецкой культуры, общий тезис о происхождении последней из вариантов мустье юга Русской равнины не только не колеблется, но и получает новые подтверждения. На примере костенковско-стрелецкой культуры хорошо прослеживается направление продвижения населения по Русской равнине в период молого-шекснинского межледниковья из района Приднестровья-Прикубанья в бассейн Среднего Дона и достигшего, вероятно, бассейна р. Оки. Что касается заселения берегов Печоры племенами стрелецкой культуры, то эти выводы исследователей палеолита (*Канивец В. И.*, 1976, *Бадер О. Н.*, 1978) нам представляются малообоснованными.

Вследствие слабой изученности остатков поселения костенковско-стрелецкой культуры на Дону данных об особенностях домашне-хозяйственной деятельности ее носителей очень немного. Судя по фаунистическим остаткам, основным объектом охоты была лошадь: ее кости абсолютно преобладают над всеми другими во всех стрелецких стоянках в Костенках. Основное оружие — копье или дротик, оснащенные кремневыми наконечниками либо целиком выполненные из распрямленного бивня мамонта и усиленные вкладышами (Сунгирь). В то же время в Костенках 1, V ряд треугольных наконечников, имеющих размеры не более 2—2,5 см в длину, трудно интерпретировать иначе, чем наконечники стрел. Не исключено, что уже в столь древнее время охотники на стада быстро двигающихся животных могли изобрести такое совершенное оружие, как лук.

Значение лошади отразилось, в частности, в искусстве Сунгиря. Однако там наряду с лошадью в хозяйстве все большее значение приобретают северный олень и мамонт (*Сукачев В. Н., Громов В. И., Бадер О. Н.*, 1966).

Другой, наиболее ранней позднепалеолитической культурой Костенковско-Боршевского района является костенковско-спицынская культура (рис. 83), памятники которой, залегающие в нижней гумусированной толще (Костенки 17, II; возможно, Костенки 12, II), в целом синхронны стоянкам раннего этапа костенковско-стрелецкой культуры. Резкая противоположность археологического облика этих двух древнейших, расположенных на одной территории позднепалеолитических культур Русской равнины делает их исключительно важными для понимания процессов возникновения позднепалеолитических культур, вообще процессов перехода от мустье к позднему палеолиту.

Характерные особенности техники обработки и форм каменных орудий спицынской культуры на примере нижнего слоя Костенок 17 (*Борисковский П. И.*, 1963) следующие. Техника первичного раскалывания призматическая. Пластины, скалываемые с призматических нуклеусов, а также их фрагменты употреблялись как ведущая форма заготовки при производстве орудий. Приемы вторичной обработки характеризует широкое применение техники резцового скола и краевой крутой и полукрутой ретуши, часто имеющей специфическую занозистость, формирующей неровные, даже зубчатые края; использовался прием чешуйчатой подтески. Плоская ретушь, односторонняя и двусторонняя, отсутствует. Отсутствует также прием усечения края с помощью вертикальной ретуши. Список орудий по технико-морфологическим группам невелик: инвентарь в основном исчерпывается резцами, скребками, остриями, чешуйчатыми орудиями. Резцы в спицынской культуре — самая многочисленная группа орудий (рис. 83, *9*, *11*, *13*, *15—23*, *26*). По способу подготовки площадки для снятия резцового скола абсолютное большинство принадлежит боковым резцам, затем идут срединные и угловые (на углу сломанной пластины). При более детальном сравнении по технико-морфологическим признакам все резцы очень разнородны. Отметим серию двойных резцов с лезвиями, полученными на противоположных краях и концах заготовки, причем концы параллельно скашивались ретушью

(рис. 83, *12*, *13*). Отметим также специфический морфологический элемент: выделение крутой ретушью одного из углов заготовки в виде «носика» или острия, причем второй угол плавно срезывается ретушью, переходящей на край пластины (рис. 83, *9*, *11*, *15*). Подобный морфологический элемент прослежен у некоторых скребков и у двух острий особого типа, происходящих из слоя II Костенок 12, возможно, относящегося к той же археологической культуре (*Аникович М. В.*, 1977в).

Скребки составляют около 10% всего набора инвентаря. Они также весьма разнородны. Преобладают концевые на пластинах, реже — на отщепах различных размеров, обычно с субпараллельными краями (рис. 83, *6*, *7*, *14*). Овальные скребки из Костенок 17 с ретушью по всему обводу, вероятно, составляют особый тип (рис. 83, *4*, *5*). Есть высокие скребки различных форм.

Чешуйчатых орудий меньше, чем скребков: 6—10%. Это — типичные долотовидные орудия (рис. 83, *25*), иногда двойные или же изделия с чешуйчатой подтеской по одной стороне. Вероятно, к последним относятся два так называемых «плохо выраженных ножа костенковского типа», выделенные П. И. Борисковским в Костенках 17, II (*Борисковский П. И.*, 1963). Специфично сочетание приема чешуйчатой подтески и резцового скола на одной заготовке. У ряда резцов чешуйчатая подтеска пролеживается по концу или краю, незанятому резцовым сколом. У других она оформляет конец заготовки, сочетаясь с резцовым сколом. Острия немногочисленны. Характерна их асимметрия относительно оси скалывания: острый конец скашивается к одному из углов. Костяная индустрия в Костенках 17, II представлена двумя шильями из локтевой кости грызуна, двумя обломками костяных острий, непонятных поделок из бивня и лощилом (?) из ребра. В слое собраны также различного рода подвески: 37 просверленных клыков песца, 4 просверленные подвески из белемнитов, несколько экземпляров из ископаемых раковин и кораллов, 7 каменных подвесок. Все перечисленные изделия (около 50 экз.) имеют просверленные отверстия. По данным лаборатории С. А. Семенова, сверление производилось вручную, без применения лучкового сверла (*Борисковский П. И.*, 1963).

На вскрытой площади Костенок 17, II остатков жилых и иных хозяйственных сооружений не было. Найдено два очага, около 1 м в поперечнике, линзовидные в разрезе. Они сплошь заполнены золой, костными углями и кремнями, пережженными и непережженными. Около очагов зафиксированы скопления охры. Здесь же, очевидно, осуществлялось производство кремневых орудий: масса кремневых чешуек, большое количество законченных орудий и заготовок происходят с участков, связанных с северо-восточным очагом. Каких-либо четких границ локализации культурных остатков не наблюдается. Очевидно, раскоп вскрыл часть долговременного палеолитического поселения, расположенного на открытом воздухе, вне жилищ или иных сооружений, остатки которых, возможно, будут обнаружены будущими исследованиями. Исследования эти необходимы, так как по степени сохранности культурного слоя, насыщенности его остатками человеческой деятельности Костенки 17, II являются одним из наиболее важных древнейших памятников Костенковско-Боршевского района.

Фаунистические остатки разнообразны и не дают свидетельств для заключений о выборочности объекта охоты. Основные определенные здесь виды: мамонт, северный олень, зубр, сайга, песец, заяц, лошадь, росомаха (*Борисковский П. И.*, 1963).

В свое время П. И. Борисковский совершенно справедливо обратил внимание на полное отсутствие в инвентаре II слоя Костенок 17 архаичных, мустьерских форм орудий и технических приемов (*Борисковский П. И.*, 1963, с. 99). Действительно, каменные индустрии стоянок спицынской культуры имеют уже вполне сложившийся позднепалеолитический облик и в этом отношении гораздо более развиты, чем индустрии памятников стрелецкой культуры. Однако, считая геологическую стратиграфию основой для установления возраста палеолитических памятников, мы не можем интерпретировать эти резкие различия каменных индустрий стоянок, залегающих в одинаковых стратиграфических условиях, как хронологические. По нашему мнению, различная степень архаизма («мустьероидности») индустрий ранних памятников стрелецкой и спицынской археологических культур свидетельствует о двух основных формах перехода от мустье к позднему палеолиту, проявляющихся в конкретных археологических культурах: пути постепенного, иногда очень медленного изживания мустьерских технических приемов и форм орудий (примеры — стрелецкая и городцовская культуры, последняя тем более характерна в этом отношении, так как по времени своего существования она более молодая, чем спицынская) и пути очень быстрой, скачкообразной смены мустьерских традиций позднепалеолитическими. Самым ярким примером такого рода — об этом писал в свое время Г. И. Григорьев (*Григорьев Г. П.*, 1963) — является ориньякская культура Франции, уже на самых ранних ступенях своего развития имеющая вполне позднепалеолитический набор орудий, характеризующийся полным или почти полным отсутствием мустьерских форм. На Среднем Дону, в лице спицынской культуры, мы опять сталкиваемся с подобным явлением, но уже в ином конкретно-историческом выражении. Эта археологическая культура стратиграфически датируется допаудорфским временем (древнее 30 тысяч лет) и в этом смысле, несмотря на развитость инвентаря, относится к восточноевропейским стоянкам начальной поры позднего палеолита.

На территории Русской равнины археологические культуры типично позднепалеолитического облика сосуществовали с культурами, сохранившими выразительные мустьерские черты на протяжении всего молого-шекснинского межледниковья. Со временем позднепалеолитические черты все более усиливаются, дифференцируются, в то время как архаичные ослабевают. Мы уже встречались с подобным явлением на примере хронологических изменений костенковско-стрелецкой культуры. Точно так же, если в каменной индустрии стоянок спицынской культуры еще отсутствуют «классические» формы призматических нуклеусов, формы заготовок и орудий (скребки, резцы, острия и пр.) еще весьма разнородны, то в более поздних культурах паудорфского времени уже наблюдается классическая призматическая техника, высо-

кий уровень стандартизации заготовок и форм орудий, высокое развитие микролитической техники, порой доходящее до изощренности. Примерами могут служить как описанная выше молодовская археологическая культура на Днестре, так и каменный инвентарь II слоя Тельманской стоянки (Костенки 8), содержащий огромное количество обработанных микропластинок, игловидных острий и пр. (*Рогачев А. Н.*, 1957), стратиграфически одновременный памятникам костенковско-городцовской археологической культуры, но не находящий себе близких аналогий.

В чем причина существования двух упомянутых путей перехода от мустье к позднему палеолиту? Для ответа на этот вопрос недостаточно простого указания на закон неравномерности исторического развития: таков ответ слишком общ и не исключено, что в данном случае по существу не верен. Здесь необходим не только технико-морфологический анализ каменных изделий культур начальной поры позднего палеолита, необходимо и всестороннее сравнительное изучение трудовой деятельности, в частности, изготовления каменных орудий в условиях заселения новых районов, изучение социальной организации, взаимоотношения с природной средой первобытных коллективов, сохраняющих в наборе орудий мустьерские традиции, и коллективов, быстро утративших такие черты. Такое изучение возможно на базе трасологического анализа соответствующих каменных индустрий, полного, всестороннего и комплексного рассмотрения палеолитических поселений как мест обитания первобытных коллективов сравниваемых археологических культур. Решение этой проблемы — дело будущего.

Более поздние памятники Костенковско-Боршевского района залегают выше линз вулканического пепла, в верхней гумусированной толще, датируемой нами паудорфским временем, т. е. периодом последнего потепления в молого-шекснинском межледниковье. Эти памятники также принадлежат различным археологическим культурам. Помимо продолжавшей свое существование костенковско-стрелецкой культуры (описанные нами выше памятники ее второго хронологического этапа), важнейшей и интереснейшей культурой, существовавшей в этот период на среднем Дону, являлась костенковско-городцовская (рис. 84, 85, 101).

Памятники ее известны пока только в Костенковско-Боршевском районе на Дону. К ним относятся Костенки 15 (Городцовская), Костенки 12 (Волковская), Костенки 14 (Маркина Гора) и Костенки 16 (Углянская) стоянки, культурные слои которых залегают в верхней толще погребенного гумуса. На Костенках 12 и на Костенках 14 культурные слои костенковско-городцовской культуры подстилаются культурными слоями стрелецкой, костенковско-спицынской и других еще неясных культур.

Основные характерные особенности кремневого инвентаря названных памятников определяются так: постоянное присутствие в инвентаре наряду с позднепалеолитическими характерных мустьерских форм орудий, прежде всего скребел, остроконечников, лимасов; слабое развитие техники резцового скола, соответственно относительно небольшое количество резцов; почти полное отсутствие плоской двусторонней и полное отсутствие вертикальной усекающей ретуши, широкое развитие приема чешуйчатой подтески, наличие миниатюрных долотовидных чешуйчатых орудий; постоянное присутствие мелких скребков следующих типов: с параллельными неретушированными краями, с расходящимися неретушированными краями, треугольных со сплошной ретушью по периметру. Для поселений городцовской культуры свойствен костяной инвентарь, включающий специфический тип лопаточки, изготовляемый обычно из стенок трубчатых костей; наличие геометрического орнамента.

Мустьерские приемы и формы орудий встречаются во всех памятниках этой культуры в виде хорошо выраженного комплекса. И все же даже самый архаичный инвентарь II культурного слоя Костенок 14 благодаря развитому позднепалеолитическому набору орудий, а также яркой костяной индустрии выглядит значительно более развитым по сравнению с III (стрелецким) культурным слоем Костенок 12, индустрия которого почти целиком заключена в рамках технических традиций эпохи среднего палеолита. Отметим также, что специфические черты и признаки архаичного комплекса каменного инвентаря костенковско-городцовской и стрелецкой культур значительно различаются между собой. Это свидетельствует о том, что данные культуры происходят от различных вариантов мустьерских индустрий, однако для конкретного определения их генезиса в настоящее время нет достаточных данных.

Обитатели поселений городцовской культуры были охотниками на диких лошадей и в меньшей мере — на мамонтов. Кости лошадей неизменно преобладают над всеми другими видами животных. Вследствие недостаточной изученности этих памятников мы не можем с уверенностью говорить об отличительных особенностях планировки их поселений, однако по описанным выше деталям можно предполагать оседлый образ жизни; сооружение наземных жилищ, вероятно, с использованием дерева.

Стоянки городцовской культуры по инвентарю не идентичны, каждая из них наряду с общими чертами обладает своими характерными особенностями. Отличия состава инвентаря I слоя Костенок 12 можно объяснить развитием городцовской культуры во времени: данный слой, залегающий в верхней части верхнего гумуса, стратиграфически моложе II слоя Костенок 14 и Костенок 15, приуроченных к основанию верхнего гумуса[5]. Однако материалы стратиграфически одновременных памятников — Костенки 15 и Костенки 14, II слой, также весьма различны. Ниже мы дадим краткие сведения о каждом из этих трех памятников, начиная от эпонимной Городцовской стоянки (Костенки 15).

На Костенках 15 среди 2000 расщепленных кремней было собрано 350 орудий. Господствует призматическая техника расщепления кремня, вторичная обработка характеризуется большим распространением приема чешуйчатой подтески, краевой односторонней крутой и полукрутой ретуши, крайней редкостью двусторонней ретуши и техники резцового

[5] Стратиграфическое строение верхней гумусовой толщи, несмотря на ее слоистость, свидетельствующую о переотложении гумусов, отличается постоянством (*Величко А. А.*, 1963; *Аникович М. В.*, 1977а).

скола, употреблением приема уплощения вентральной стороны заготовки плоскими фасами для утоньшения или выравнивания края.

Из технико-морфологических групп каменного инвентаря большое количество изделий принадлежат группе долотовидных орудий, включающей мелкие (1—1,5 см) экземпляры (рис. 84, *9, 14—16*). Довольно много концевых скребков (рис. 84, *1—8, 10, 11, 13*), обычно мелких размеров с субпараллельными, чаще неретушированными краями или же с расходящимися к лезвию, обычно ретушированными краями. Выделяются треугольные скребки и удлиненные двойные, с ретушью по всему обводу. Имеется несколько экземпляров проколок с короткими жальцами (рис. 84, *12*). Среднепалеолитические формы составляют сравнительно небольшую, но выразительную часть инвентаря. Они представлены скреблами — двойными на противолежащих краях, двойным конвергентным подтреугольным скреблом, у которого третий край имеет подтеску с брюшка (рис. 84, *22*); одинарными продольными скреблами — с обушком или без обушка (рис. 84, *23, 27*). Остроконечники на широких отщепах тоже достаточно типичны (рис. 84, *24, 26*). По характеру заготовки от них отличаются узкие острия на пластинах (рис. 84, *21*). Имеется несколько орудий с утоньшением краев с брюшка (причем плоские фасы частично срезают дорсальную краевую ретушь) и лимас (рис. 84, *25*).

Костяной инвентарь представлен разнообразным набором орудий. Отметим прежде всего веслообразные лопаточки из стенок трубчатых больших берцовых костей мамонта с головчатыми, округлыми в сечении рукоятками. До сих пор этот тип не встречался вне памятников городцовской культуры. Им сопутствуют различного рода острия, шилья, тонкие иголки с просверленным ушком; игольник из трубчатой кости крупной птицы, мотыгообразные орудия из рогов благородного оленя с заполированными от работы концами, костяное лощило. Украшения представлены многочисленными просверленными у корня зубами песца.

Остатки небольшого округлого жилища, отмеченного значительной концентрацией обычных отбросов обитания и плохо выраженными кострищами, были разрушены в древности и в наши дни, но вместе с тем достоверно установлено наличие погребения ребенка в могиле, вырытой внутри этого жилища, которое, возможно, из-за этого было оставлено.

Костенки 14 (Маркина Гора), II культурный слой принадлежит к числу интереснейших, но наименее изученных памятников костенковско-городцовской культуры. Он исследовался А. Н. Рогачевым в 1954 г. на площади всего 40 кв. м. Отсутствие следов этого слоя в соседнем раскопе указывает на его четкую локализацию. Слой частично переотложен, но есть участки, где находки залегают in situ. На всей площади культурный слой насыщен костными остатками, но в отличие от Костенок 15 здесь наряду с массой мелких осколков встречается значительное количество костей лошади (позвонков и конечностей) в анатомической связи. Наряду с фаунистическими остатками собрано необычно много для вскрытой площади кремневых (около 800 экз.) и костяных орудий. Вскрыты остатки небольшого костра (*Рогачев А. Н.*, 1957).

Фауна представлена преимущественно лошадью. Имеется некоторое количество костей быка, благородного оленя, мелких хищников. Мамонт очень редок.

Каменный инвентарь содержит несколько тысяч изделий из цветного и мелового кремня и кварцита, в том числе около 800 орудий. Среди 60 имеющихся в коллекции нуклеусов нет выраженных призматических. Подавляющее большинство составляют кубовидные со многими, обычно плохо выраженными и бессистемно расположенными ударными площадками и плоскостями раскалывания (рис. 85, *25*). Несколько экземпляров составляют выраженные дисковидные нуклеусы, имеется один нуклеус торцового снятия (рис. 85, *28*). Судя по орудиям, в качестве заготовок наряду с пластинами широко использовались отщепы и осколки.

Техника вторичной обработки характеризуется почти полным отсутствием приема резцового скола и широким использованием приема чешуйчатой подтески, а также скребковой ретуши. Последняя применялась не только для обработки лезвий скребков, но и оформляла основания некоторых остроконечников, концы у скребел. Обычна краевая крутая и полукрутая ретушь, часто занозистая. Плоская двусторонняя ретушь исключительно редка. Вертикальная ретушь, усекающая край, отсутствует.

Инвентарь II слоя Маркиной Горы отличается в первую очередь богатым набором орудий архаичного, мустьерского облика. Выразительные, дифференцирующиеся на типы скребла, остроконечники, лимасы, диски составляют около 30% от общего количества изделий со вторичной обработкой. Преобладают скребла, преимущественно двулезвийные с выпуклыми или прямыми лезвиями (рис. 85, *22*). Выделяется особый тип подтреугольных скребел, обработанных ретушью по всему периметру (рис. 85, *21*). Среди однолезвийных следует отметить скребла с обушком, у которых конец обработан скребковой ретушью, плавно переходящей на край,— эти орудия неотделимы от ряда концевых скребков, составляют с ними единое целое, варьируясь в размерах (рис. 85, *6, 11, 16*). Остроконечники встречаются на широких отщепах и узкие, с основанием, обработанным скребковой ретушью (рис. 85, *13, 14, 19, 20*). Имеются выразительный экземпляр лимаса и двусторонне обработанные орудия (рис. 85, *23, 24, 26*). Типичные позднепалеолитические формы составляют около 50% инвентаря и представлены преимущественно скребками (свыше 300 экз.) и чешуйчатыми орудиями (около 80 экз.). Резцы единичны, невыразительны (рис. 85, *15*). Формы скребков в основном те же, что и в Костенках 15, миниатюрные изделия с расширяющимися и субпараллельными краями совпадают до деталей (рис. 85, *1—12*). Имеются скребки с ретушированными краями, сходящимися в основании. В среднем же размеры орудий этой группы здесь несколько крупнее. Чешуйчатые орудия также представлены как относительно крупными, так и маленькими (до 1 см) экземплярами; чаще всего они двулезвийны (рис. 85, *17, 18*). Остальные изделия составляют мелкие обломки орудий, пластины и отщепы с ретушью или изношенностью.

Во втором культурном слое Костенок 14 особенно многочисленны и оригинальны костяные орудия и украшения, имеющие достаточно богатый для столь

ранней поры позднего палеолита орнамент (рис. 101). Только костяные ретушеры не несут на себе следов тщательной обработки и орнамента. Костяные ретушеры появились в эпоху среднего палеолита и то, что здесь они широко применялись и использовались, является следствием переживания этого древнего приема изготовления орудий в эпоху становления позднепалеолитической культуры. Обычны здесь костяные лощила из ребер лошади, шилья, фибулы и игловидные острия. Бытовые вещи и их обломки часто обладали орнаментом в виде ритмических нарезок, образующих несомненные узоры. Не исключено, что такие ритмические нарезки на обломке рукояти от лопаточки городцовского типа и на фибуле застежки с головкой имели и утилитарное значение, в частности, способствовали удержанию застежки в отверстиях меховой одежды, но и при таком суждении невозможно исключить их орнаментальный характер.

Верхний культурный слой Костенок 12 (Волковской) приурочен к верхней части верхней гумусированной толщи. Прежде предполагалось, что здесь находятся остатки трех самостоятельных стоянок (пункты А, Б и В — *Рогачев А. Н.*, 1957, с. 61—62), но впоследствии, при раскопках в районе «пункта А», были найдены миниатюрные скребки и долотовидные орудия, которые считали характерными для «пункта Б». А в 1976 г. при обследовании водопроводной траншеи, проходящей через «пункт В», обнаружен мощный культурный слой с кремневым и костяным инвентарем, в котором был собран типичный инвентарь городцовской культуры, в частности, рукоять от широкой лопаточки городцовского типа. Таким образом, можно предполагать, что верхний культурный слой Костенок 12 един и представляет из себя остатки обширного палеолитического поселения, причем, судя по очень ограниченным раскопкам 1976 г., в 50—60-е годы исследовалась преимущественно окраинная часть поселения, центр его находится северо-восточнее раскопов прежних лет.

Культурный слой был в древности размыт делювиальными потоками, несколько смещен по склону. Выразительных конструктивных деталей поселения не обнаружено, а участки, где можно предполагать наличие каких-то искусственных сооружений, не доследованы.

Техника первичного раскалывания здесь типично призматическая: большинство нуклеусов представляют собой характерные образцы призматических. Наряду с ними встречаются нуклеусы параллельного скалывания, а также вторичные ядрища для получения микропластин. Техника вторичной обработки в основном характеризуется теми же особенностями, что и в описанных выше памятниках, отличаясь лишь усилением роли резцового скола и уменьшением применения приема чешуйчатой подтески. Исчезает и занозистая ретушь, характерная для Костенок 14, и мустьероидный прием утоньшения края или конца с брюшка, отмеченный на Костенках 15.

Главные изменения в наборе орудий по сравнению с Костенками 14, II и Костенками 15 — уменьшение роли архаичных форм: скребел и остроконечников, уменьшение количества чешуйчатых орудий, соответствующее увеличение количества резцов, появление ретушированных микропластин. Скребки продолжают сохранять ведущую роль, но формы их меняются: наряду с обычными для городцовской стоянки миниатюрными скребками с расширяющимися краями, с параллельными краями, необработанными ретушью и скребками треугольной формы здесь встречается значительное количество скребков на сравнительно крупных пластинах обычно с субпараллельными краями, появляются скребки высокой формы, атипичные с носиком и пр. (рис. 84, *28—32*, *43*, *46*). Резцов меньше, чем скребков, но в целом эта группа выражена лучше, чем в Костенках 14, II и Костенках 15 (рис. 84, *44*, *47*). Устойчивые формы (типы) не выделяются. По способу подготовки площадки для снятия резцового скола преобладают угловые (на сломе) и срединные, боковых резцов (на отретушированном конце) заметно меньше. В ряде случаев резцовый скол дополнительно оформляет поперечное лезвие, подготовленное ретушью на конце заготовки. Долотовидных орудий заметно меньше, но также сохраняются сравнительно крупные и мелкие экземпляры (рис. 84, *33*, *34*, *39*). Скребла преобладают одинарные, с выпуклыми лезвиями; многие — с естественным или подработанным обушком (рис. 84, *45*). Остроконечники (всего 2 экз.— рис. 84, *42*) — крупные, на широких отщепах, в целом напоминают некоторые орудия из Костенок 15, Костенок 14, II. Наряду с ними имеются острия на пластинках. Характерно возникновение небольшой (менее 10 экз.), но выразительной, особенно в сочетании со вторичными ядрищами, группы микроорудий (рис. 84, *35—38*, *40*).

Костяной инвентарь представлен двумя иглами, лопаточкой, несколько отличной от обычных лопаточек городцовского типа, рукоятью типично городцовской лопаточки, несколькими ретушерами из осколков трубчатых костей.

В период накопления верхней гумусированной толщи в Костенковско-Боршевском районе существовали и другие археологические культуры, резко отличные от городцовской. Как пример опишем материалы II культурного слоя Костенок 8 (Тельманская стоянка). В этом слое, залегающем в верхнем погребенном гумусе, на ограниченном пространстве располагались пять небольших округлых жилищ размером 5—7 м. Их остатки представляют собой слегка деформированные солифлюкцией мощные локализованные линзы культурных остатков в виде скоплений костей животных и расщепленных кремней. Четкость границ скоплений позволяет не сомневаться в том, что содержимое их отложилось внутри жилых сооружений, хотя никаких остатков строительного материала здесь не было; не наблюдалось и нарушений суглинистого основания, на котором залегали линзы культурного слоя. Напомним, что на 1 м выше в толще суглинка здесь залегали остатки таких же размеров жилища охотников на мамонтов, значительно углубленного в землю, имевшего в полу множество углублений и ям; днище одной из ям лишь немного не достигало описываемого второго культурного слоя. Контраст этот подчеркивает то, что лишь в раннеосташковское время на Дону и в целом на Русской равнине вполне сложилась культура оседлых охотничьих поселений на мамонтов, во многих отношениях приближающаяся к культуре арктических народов Северной Азии. Кремневый инвентарь поселения уникален. Техника расщепления только призматическая, при совершенном отсутствии архаических и

двусторонних форм. Из 22 000 расщепленных кремней оказалось немногим больше 2000 орудий, при этом 900 экз. составили небольшие микропластинки с притупленным краем, среди которых преобладают узкие и тонкие игловидные острия с притупленным краем и наискось пристроенным основанием (рис. 86, *1—9*, *12*). Ближайшие аналогии этим орудиям, как отмечалось, были найдены в Амвросиевке. Среди других групп орудий преобладают резцы (около 500 экз.), преимущественно боковые, поперечноретушные (рис. 86, *25*, *29—31*, *35*, *39*). Скребков немного меньше; среди них наряду с обычными концевыми на пластинах встречаются концевые скребки на узких пластинах со стрельчатым лезвием, скребки на широких отщепах, немногочисленные высокие скребки (рис. 86, *10*, *11*, *15—17*, *19—23*). Выразительна технико-морфологическая группа проколок (рис. 86, *28*, *36*), также на пластинах, как с тонкими, так и с достаточно массивными выделенными жальцами, как правило, короткими. Имеется несколько острий скребел (ни по характеру и размерам заготовок, ни по технике вторичной обработки не выпадающих из общего состава инвентаря), а также группа зубчато-выемчатых изделий, опять-таки выполненных, как правило, на пластинах (рис. 86, *24*, *26*, *27*, *38*). На этом же поселении имелось незначительное число костяного инвентаря, в том числе больше десятка тонких округлых и подчетырехугольных в сечении стержней и острий, украшения из кости и бивня, орнаментированные предметы. Среди фауны преобладали остатки зайца, волка; были также определены кости зубра, лошади, мамонта, северного оленя, шерстистого носорога благородного и гигантского оленя, песца, пещерного льва. Кроме того, найдены кости птиц и рыб.

На северо-востоке Русской равнины палеолитических памятников пока немного.

В Приуралье наибольший интерес представляет широко исследованная Островская стоянка им. М. В. Талицкого, но, к сожалению, ее материалы почти не опубликованы. Как мы уже отмечали, в свете последних геологических исследований палеолита в Башкирии молого-шекснинский возраст этого памятника представляется бесспорным. Судя по предварительным сообщениям, здесь вскрыты по крайней мере остатки трех, находящихся рядом небольших жилищ, в каждом из которых имелись хорошо сохранившиеся остатки двух очагов. Последние представляли собой котлообразные углубления 60—70 см в диаметре и до 20 см глубиной. Они с верхом были заполнены костным углем. Отмечается наличие около очагов каменных плит и вбитых в пол костей мамонта. Исследователь этого памятника О. Н. Бадер отмечал наличие трехъярусности поселения, связанной с периодическим трехлетним затоплением его весенними разливами речки. Однако правдоподобнее предполагать наличие здесь следов разрушения жилищ, основания которых в какой-то степени были утеплены земляной насыпью; периодическое осыпание последней могло давать местные участки расслоения культурного слоя.

Исследователи памятника не осветили в печати технику расщепления; было подчеркнуто отсутствие скребловидных орудий сибирских форм и вместе с тем полное отсутствие характерных европейских черт позднепалеолитической культуры. Впечатление принадлежности памятников к восточноазиатскому миру позднепалеолитических культур (*Бадер О. Н.*, 1960, 1978) порождается обилием отщепов и осколков зеленоватого сланца, однако техника расщепления и вторичной обработки здесь укладывается в рамки традиций позднепалеолитических культур восточноевропейского региона. Призматическая техника расщепления, если не господствует, то во всяком случае достаточно ярко выражена. С другой стороны, как справедливо отмечает А. А. Формозов (1977), в настоящее время в Восточной Европе известно достаточно стоянок, где отщеп является основной формой заготовки, мало резцов, а вкладышевая техника достаточно развита: читатель без труда найдет такие примеры на предыдущих страницах раздела.

Нам представляется, что культура Островской стоянки сложилась и развивалась на основе традиций костенковско-городцовской культуры. Орнамент на обломке крупного ребра мамонта и по технике, и по композиции укладывается в рамки традиций искусства молого-шекснинского межледниковья (*Талицкий М. В.*, 1941). Большую ценность представляет находка плохо сохранившегося костяного наконечника копья с двумя рядами кремневых вкладышей, представляющих типичные микропластинки с притупляющей ретушью (*Гвоздовер М. Д.*, 1952). Для характеристики культурной принадлежности стоянки существенно отметить наличие зонального орнамента на обломке ребра мамонта, по технике и композиции аналогичного европейским памятникам молого-шекснинского времени. С нашей точки зрения, и две полосы раскрашенного орнамента на плитке сланца следует рассматривать в качестве традиции культуры восточноевропейского региона (*Формозов А. А.*, 1977, с. 107—108).

Выдающимся событием последних лет в деле изучения палеолита Русской равнины является открытие на ее восточной окраине, на границе с Азией, трех первоклассных памятников эпохи позднего палеолита. При обследовании Медвежьей пещеры В. И. Канивцу удалось найти несколько кремневых орудий, десятки расщепленных кремней и угли вместе с костями мамонта, носорога, овцебыка, дикой лошади и других животных. Пещера эта находится на 65° северной широты, в Троицко-Печерском районе Коми АССР, в верховьях р. Печоры, в предгорьях Северного Урала. Она располагается на широте г. Петрозаводска, примерно в 500 км севернее Островской стоянки им. М. В. Талицкого.

Другим не менее важным памятником северо-востока Европы является Бызовая стоянка (Печорский р-н, правый берег р. Печоры). Отнесение ее к ранней поре позднего палеолита сомнений не вызывает. Коллекция каменных изделий насчитывает около 140 экз., 76 из них имеют следы вторичной обработки или изношенности (*Канивец В. И.*, 1976, с. 56). В технике первичного раскалывания налицо наличие призматических нуклеусов, хотя пластинчатость в данной индустрии выражена меньше, чем в Медвежьей пещере. Обращает внимание группа двусторонне обработанных орудий, в том числе двуконечное листовидное острие («мясной нож» — рис. 87, *19*), асимметричные скребла. Скребки преимущест-

венно концевые, на пластинах или коротких отщепах (рис. 87, *1, 2, 4—7, 9—11, 13, 16, 17*). Имеются скребла — двойные, иногда с подработкой концов, и простые однолезвийные (рис. 87, *12, 15, 18*). Выразительным орудием является двуконечное острие на пластинке с притупленным краем (рис. 87, *8*). Имеющиеся материалы не дают, по нашему мнению, оснований для утверждения «культурного единства» Бызовой стоянки и нижнего слоя Костенок I. Приводимые для доказательства этого положения «аналогии» (*Канивец В. И.*, 1976) основываются на случайном сходстве отдельных вещей, не определяющих существенных черт того и другого комплексов; сходство асимметричных ножей из Костенок I с двуконечным острием из Бызовой стоянки, также выполнявшим функцию ножа, преувеличено. Специфические черты индустрий двух сравниваемых памятников в действительности слишком различаются, чтобы можно было объединять их в одну культуру. Более осторожно подходит к этому вопросу О. Н. Бадер, предполагающий наличие генетического родства Бызовой стоянки, Сунгиря и V слоя Костенок I, но отрицавшего их однокультурность (*Бадер О. Н.*, 1978, с. 224). В принципе нельзя исключить, что бызовская индустрия обнаружит впоследствии следы традиций костенковско-стрелецкой культуры, но для этого, во-первых, необходимы новые данные, а, во-вторых, сопоставление материалов должно, очевидно, проводиться с Сунгирьской стоянкой, а не с более удаленными памятниками Среднего Дона.

Третий, недавно открытый здесь памятник — Каповая пещера (или пещера Шульганташ), находится в горном районе Южного Урала, в верховьях р. Белой. Значение его чрезвычайно велико: это первый памятник палеолитической настенной живописи, обнаруженный за пределами Франко-Кантабрийского региона. Каповая пещера известна с XVIII в., однако палеолитические рисунки в ней были открыты только в 1959 г. зоологом Башкирского заповедника А. В. Рюминым. Научное изучение данного памятника начато в 1960 г. экспедицией АН СССР под руководством О. Н. Бадера. Результаты первых лет исследований опубликованы монографически (*Бадер О. Н.*, 1965). Работы были продолжены в 1976—1978 гг. Уже после смерти исследователя, в 1980 г., Каповую пещеру посетила группа советских ученых, занимающихся проблемами палеолита и палеолитического искусства (З. А. Абрамова, П. И. Борисковский, В. П. Любин, А. К. Филиппов).

Каповая пещера состоит из двух этажей. Палеолитические рисунки обнаружены на обоих этажах (всего около четырех десятков). Количество их, несомненно, возрастет после расчистки ряда участков от известковистых натеков и глинистых наносов. Работы такого рода начаты в 1976 г.

В верхнем этаже пещеры обнаружены две группы профильных, контурных или силуэтных монохромных изображений верхнеплейстоценовых животных, выполненных охрой: мамонты, лошади, носорог (см. цвет. вклейку). Рисунки выполнены в несколько разных масштабах, однако, как отмечает З. А. Абрамова, не исключена возможность их композиционного единства.

В отличие от рисунков верхнего этажа большинство рисунков нижнего этажа пещеры, выполненных также красной охрой, располагается не только на стенах, но и на потолке и носят ярко выраженный геометрический, стилизованный характер. Как и «реалистические» изображения, геометрические фигуры Каповой пещеры находят себе аналогии среди франко-кантабрийских пещерных росписей (*Бадер О. Н.*, 1965). Есть среди них достаточно хорошо выраженная антропоморфная фигура. Расчищенные здесь же два изображения лошади, аналогичные фигурам из верхнего этажа, окончательно доказывают единство «реалистических» и «геометрических» изображений Каповой пещеры.

Судить о возрасте этого замечательного памятника палеолитического искусства весьма сложно. В рамках позднего палеолита О. Н. Бадер предварительно синхронизировал их с монохромными раннемадленскими силуэтными рисунками Южной Франции, оговорившись при этом, что «привлечение западноевропейских аналогий для уточнения датировки нашей пещерной живописи, конечно, ненадежно ввиду крайней удаленности этих областей, разделенных расстоянием около 4000 км» (*Бадер О. Н.*, 1965). С такой оговоркой следует согласиться, признавая, что до появления новых фактов возраст каповой живописи в рамках позднего палеолита остается неясным.

Эти памятники в новом свете представили относительно недавно вставшую в нашей науке проблему палеолита Урала и Приуралья и явились новыми фактами, свидетельствующими, с одной стороны, о древнем заселении высоких северных широт Старого Света, а с другой — о существовании палеолитической стенной пещерной живописи в горных районах Урала. Значение этих памятников для изучения палеолита Русской равнины огромно. Они должны привести к оживлению работы по изучению палеолита Урала и Приуралья, успешно начатой в 1930-х годах. Заселенность этих районов в конце молого-шекснинского времени представляется бесспорной. Открытие новых памятников, а также углубление исследований уже известных должно привести к углублению наших знаний о пространственных и временных границах проникновения палеолитического человека на север Европы, о путях этого проникновения, о культурных связях с населением более южных территорий.

Мы коснулись лишь некоторых, наиболее известных археологических культур и отдельных стоянок, существовавших на Русской равнине в период молого-шекснинского межледниковья. Но и на имеющемся сравнительно ограниченном материале можно ставить вопросы о некоторых характерных чертах культур раннего периода позднего палеолита рассматриваемого региона.

Формирование позднепалеолитических культур, согласно современным данным, происходило в южных районах Русской равнины, на базе существовавших там мустьерских археологических культур. В ряде случаев архаичные традиции изживались чрезвычайно быстро, в других — сохранялись на протяжении всего периода последнего межледниковья. Археологические культуры ранней поры позднего палеолита, как правило, очень разнообразны по своему облику. Но во всех случаях в наборе каменного и костяного инвентаря прослеживается единая

тенденция к упрочению и развитию позднепалеолитических технических приемов и форм орудий. Опыт выделения наиболее ранних памятников эпохи позднего палеолита в условиях несомненного единства и неразрывности процесса становления и расцвета восточноевропейской позднепалеолитической культуры облегчается существованием такого феноменального факта, как специфически восточноевропейская костенковско-стрелецкая культура ранней поры позднего палеолита, ведущая свое начало от эпохи мустье и достигающая к началу осташковского оледенения поразительно высокой степени развития, не уступающей во многих отношениях более поздним археологическим культурам.

Сравнительно мягкие климатические условия молого-шекснинского межледниковья позволили населению широко распространиться по всей Русской равнине, вплоть до Приуралья и бассейна Печоры. Территориальная группировка памятников внутри восточноевропейского региона соответствует современному состоянию их изученности. Нам представляется достаточно обоснованным, с чисто археологической точки зрения, выделение юго-западной историко-культурной области, включающей Волыно-Подольскую возвышенность и Прикарпатье; иные по своим особенностям археологические культуры развивались в бассейне Днепра и Среднего Дона. Позднепалеолитические памятники юго-восточной области, Приазовья, несмотря на успехи в их исследовании, к сожалению, остаются стратиграфически неясными. На северо-востоке Европы, куда входят огромные пространства Поволжья и Приуралья, за последние годы найдены выдающиеся памятники ранней поры палеолита, и уже наметился перелом в сторону усиления работы по их изучению. Отдельные районы Русской равнины (северо-запад) в молого-шекснинское время, возможно, не были заселены. Следует особо подчеркнуть: с юга на север Русской равнины в пору сложения и развития верхнего палеолита продвигались не бродячие охотники-номады, но племена, ведущие оседлый образ жизни, строившие долговременные жилища различных типов, ведущие сложную домашне-хозяйственную деятельность, основанную на охоте и собирательстве. Охота на стада лошадей и северных оленей требовала совершенствования метательного оружия и, возможно, привела уже в столь раннее время к изобретению лука и стрел.

В этот же период складывается и развивается духовная культура. Древнейшие позднепалеолитические произведения искусства в массовом количестве впервые встречаются в данном регионе во II культурном слое Костенок 14. Это — геометрический орнамент, простейшие зооморфные изображения. Таковы же в сущности произведения искусства и несколько более поздней сунгирьской стоянки. Сложные эстетические представления прослеживаются и в богатом наборе украшений, в основном нашивавшихся на одежду. Они в массовом количестве встречены в погребениях городцовской и сунгирьской (стрелецкой) археологических культур, но впервые отмечаются еще в памятниках начальной поры позднего палеолита (Костенки 17, II слой).

Достижения материальной и духовной культуры населения Восточной Европы периода молого-шекснинского межледниковья лежат в свою очередь в основе высшего расцвета позднепалеолитической культуры этого региона, совершившегося в раннюю пору осташковского оледенения. В ряде археологических культур и памятников, относящихся к концу паудорфа, уже появляются признаки, комплекс которых в раннеосташковское время утвердился во всей Восточной и Центральной Европе: распространение охоты на мамонта, использование его костей в качестве строительного материала, резкое увеличение количества костяных, в том числе составных орудий, появление первых антропоморфных изображений. Эти признаки, по отдельности или в сочетании, наблюдаются и на Днестре (Молодова 5, VII слой), и на Днепре (пушкаревская культура), и на Дону (Костенки 8, II слой). С культурами поры расцвета позднего палеолита Русской равнины мы подробнее познакомимся в следующих разделах.

Жилища и поселения эпохи расцвета позднепалеолитической культуры на Русской равнине в среднюю пору позднего палеолита (XXIII—XVII тысячелетия до н. э.)

Несмотря на существенную неполноту вскрытия почти всех остатков палеолитических поселений и досадное отсутствие некоторых публикаций, можно уже теперь обобщить имеющиеся важные наблюдения по структуре поселений и ее связи с организацией домашне-хозяйственной деятельности.

Усилия советских специалистов по палеолиту за последние годы были сосредоточены на исследовании памятников с хорошо сохранившимися культурными слоями. В результате достаточно полно были изучены настоящие поселения, на некоторых из них исследованы развалины костно-земляных жилищ с остатками хозяйственных ям, очагов, с местами для работы, богатым каменным и костяным инвентарем, с ярко выраженными предметами украшения и произведениями искусства. Эти поселения не в меньшей степени, чем поселения ранней поры позднего палеолита, характеризуют своеобразие культуры Восточной Европы в среднюю пору позднего палеолита. Открытие и исследование подобных памятников явилось значительным достижением в познании первобытного общества, не менее важным, чем результаты исследования памятников с остатками поселений стрелецкой культуры. Обстоятельное исследование проблемы палеолитических жилищ и поселений, определявшее успешное развитие советского палеолитоведения, позволило в новом свете представить многие существенные стороны социальной жизни людей. Велико в этом отношении и значение многочисленных остатков, характеризующих строительную деятельность. На многих памятниках в различных местах были исследованы достоверные группы жилищ с прилегающими к ним ямами-кладовыми, позволяющие еще с большим основанием судить как о высоком развитии домашне-хозяйственной деятельности, так и

о многообразии форм ее организации в условиях господства первобытно-родового образа жизни людей. Существенно и то, что исследование остатков поселений с костно-земляными жилищами подтверждало выдвинутый П. П. Ефименко и развиваемый советскими исследователями вывод об оседлом образе жизни населения Русской равнины в эпоху позднего палеолита. Словом, проблема палеолитических жилищ и поселений из частной историко-культурной темы, касающейся важной стороны жизни людей в условиях ледникового периода, выросла во всеобъемлющую проблему первобытной археологии как исторической науки. Важно и то, что, отвергнув безраздельно господствующее в науке представление о примитивном бродячем и кочевом образе жизни палеолитического населения Европы и Северной Азии в условиях ледникового времени, наука получила возможность поновому подойти к пониманию важного значения домашне-хозяйственной деятельности в социальной жизни людей древнекаменного века.

Успехи в изучении палеолитических жилищ и поселений очевидны, но даже археологи, исследующие памятники голоценового и исторического времени, нередко не представляют трудностей, связанных с наблюдением и документацией этого рода памятников. Дело в том, что породы, вмещающие палеолитический культурный слой и сам культурный слой очень часто из-за глубокой древности не различаются. Подавляющее большинство памятников этого времени представляют собой разрушенные скопления расщепленных камней (кремней), осколков костей и костных углей, залегающие в виде тонких линз разных размеров в обычном буром лессовидном суглинке. Очаги внутри таких линз представлены лишь небольшими скоплениями жженых материалов. Такие остатки не принято называть остатками поселений, исстари повелось подобного рода памятники обозначать как палеолитические стоянки. Нередко линзы культурного слоя там четко локализованы. Если же при этом сохранился очаг на месте и представлен скоплением золы и жженых материалов, то имеется возможность предполагать наличие остатков жилища. Залегание тех же самых культурных остатков на разных уровнях позволяет иногда установить и искусственное углубление.

Остатками поселения в археологии принято называть группу одновременных жилищ, имеющих определенную систему планировки в сочетании с находками за их пределами, если нет сомнения в принадлежности их одному и тому же населению. Нередко встречаются многочисленные многоярусные поселения с культурными горизонтами, прилегающими или налегающими друг на друга, что объясняется длительностью существования поселения или же быстрой сменой на данном участке одного коллектива другим, возможно, обладающим иными традициями, иными навыками в постройке жилищ (в последнем случае речь идет уже не об одном, а о двух поселениях). Если же между культурными слоями имеются прослойки суглинка, то такие памятники принято называть многослойными. Они представляют опорные факты, позволяющие судить об определенной конкретно-исторической последовательности в развитии культуры, особенно, если удается, кроме того, измерить и абсолютный возраст памятников радиоуглеродным методом. Почти все многослойные памятники хорошо прослеживаются при современной геоморфологической оценке местности. И на Дону, и на Днестре они располагаются внутри впадин, в долине или в широких древних балках, открывающихся в долину на оконечности мысов, образованных при слиянии этих впадин.

Среди большого числа материалов по жилищам и поселениям средней поры позднего палеолита следует в первую очередь обратить внимание на наиболее полно и детально исследованные, имея в виду, что попытки обобщения даже этих материалов имеют все еще предварительный характер. Лишь в последние годы появились более или менее обстоятельные публикации костно-земляных жилищ, позволяющие глубже и яснее осветить многие вопросы социальной, хозяйственной и духовной жизни людей того времени.

Палеолитическое поселение представляет собой сложное явление, характеризующееся не только жилищами, но и различными другими сооружениями или же участками, отличающимися друг от друга по характеру культурных остатков, по особенностям их залегания в слое. Важной проблемой является сравнительная характеристика палеолитических поселений, рассматриваемых как единое целое. Эта проблема не решена, так как до сих пор полностью исследованных поселений почти не известно.

Ниже мы предлагаем классификацию лишь основных структурных элементов палеолитического поселка: жилищ, изолированных или рассматриваемых в единстве с иными сооружениями, обнаруживающими с жилищами тесные пространственные и функциональные связи. Эти структурные элементы мы называем жилыми комплексами. Что же касается иных структурных элементов поселка, многие из которых известны уже в настоящее время (очаги на открытом воздухе, места интенсивной обработки кремня), здесь они специально не рассматриваются.

Наиболее характерными типами жилых комплексов в эпоху позднего палеолита на Русской равнине являются следующие (рис. 88). 1) аносовско-мезинский: округлое в плане наземное костно-земляное жилище с двумя — четырьмя окружающими его ямами-кладовыми (рис. 88, *В*); 2) костенковско-авдеевский: длинное наземное жилище с очагами в центре, окруженное небольшими землянками в сочетании с ямами-кладовыми (рис. 88, *Д*); 3) александровско-пушкаревский: длинное наземное жилище с рядом очагов в центральной части (рис. 88, *Б*); 4) александровско-тельманский: округлые углубленные в землю жилища с очагом в центре, сооруженные без заметного использования крупных костей в качестве конструктивных элементов (рис. 88, *А*); 5) аносовско-гмелинский: небольшие наземные округлые в плане жилища с очагом в центре, сооруженные опять-таки без использования крупных костей животных.

Предлагаемая типология имеет предварительный характер, дальнейшие исследования позволят ее уточнить. Так, например можно было бы выделить гагаринский тип жилого комплекса с небольшим округлым жилищем и вплотную примыкающими к нему двумя крупными ямами, одна из которых является, несомненно, землянкой костенковско-авдеевского типа (рис. 88, *Г*). По-видимому, этот тип представлен остатками

круглого жилища, ямой-кладовой и землянкой А на Костенках 1—I слой, относящимися, вероятно, к нижнему более древнему строительному ярусу этого памятника. Такая интерпретация лучше объясняет многие загадочные факты планировки этого поселения, в частности, наличие у землянки А двух входов и ее оригинальное расположение не концевым (как почти все землянки на поселениях этого типа), а боковым входом к линии очагов (*Ефименко П. П.*, 1958. р. 9).

Описанные выше памятники стрелецкой и одновременных ей ранних позднепалеолитических культур приурочены обычно к гумусовым толщам. Сохранность их, как правило, плохая из-за переотложения в глубокой древности. Судя по имеющимся данным, на ряде памятников этого периода отмечаются жилые комплексы двух типов: аносовско-гмелинского (например, Костенки 1, V слой; Костенки 8, II слой) и александровско-пушкаревского (например, Пушкари I; Вороновица I). Следует также отметить, что при отсутствии хорошо выраженных конструктивных элементов требуется большая осторожность в определении скопления культурных остатков вокруг очага как развалины жилища.

Памятники, относящиеся к средней поре позднего палеолита и залегающие, как правило, в лессовидных суглинках, перекрывающих остатки погребенных почв молого-шекснинского времени, лучше изучены во многих случаях характеризуются хорошо сохранившимися культурными слоями, залегающими in situ. Они характеризуют расцвет палеолитической культуры на Русской равнине и, по-видимому, высшую степень ее развития в древнекаменном веке Восточной Европы. Обширные поселения, открытые на Дону (Костенки 1, I слой; Костенки 11, слои I, Ia; Костенки 4, оба слоя; Костенки 21, нижний слой и др.), в Приднепровье (Гонцы, Мезин, Добраничевка, Межиричи, Юдиново, Елисеевичи и др.), в Поднестровье (ряд культурных слоев таких стоянок, как Молодова 5 и Кормань 4), свидетельствуют о сложной домашне-хозяйственной деятельности, о высоком уровне культуры, отразившемся не только в многочисленных замечательных произведениях искусства, но и в высоко развитой и разнообразной технике домостроительства. Эти памятники позволяют сделать определенный вывод о значительной заселенности перигляциальной зоны осташковского ледниковья в тот период, когда климат становился все более суровым. Население вело оседлый образ жизни и обеспечивало себя запасами жизненных средств на зиму. Судя по археологическим остаткам, жизнь, быт и культура обитателей прочных и долговременных жилищ палеолитического населения Русской равнины в ряде аспектов сближалась с жизнью, бытом и культурой оседлого арктического населения северо-восточной Азии в сравнительно недавнем прошлом.

Наш краткий обзор выделенных главных типов жилых комплексов начинается с поселений с остатками костно-земляных жилищ аносовско-мезинского типа, в большом числе представленных в приднепровской области своеобразного развития позднепалеолитической культуры. Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения синхронность существования групп костно-земляных жилищ на таких стоянках, как Мезин, Межиричи, Добраничевка и др., хотя во многих случаях из-за недостаточности исследованности памятников нет иных доказательств этого факта, кроме целесообразной планировки развалин жилищ.

Первым из таких памятников является открытая в 1873 г. в Поднепровье (р. Удай) Гонцовская палеолитическая стоянка, долгое время остававшаяся загадочной. Еще в предреволюционные годы В. А. Городцов высказал удивление, глядя на расчищенное скопление костей мамонта, по поводу того, как могло случиться такое, чтобы в куче костей дугообразные бивни могли торчать концами вверх. Он не понял, что исследователи Гонцов расчистили заполнение ямы-кладовой, в каркасном наземном перекрытии которой были использованы в качестве негниющего материала кости и бивни мамонта, провалившиеся на дно ямы при ее разрушении. Затем здесь было открыто несколько развалин жилищ в виде кольцевых нагромождений костей мамонта, в том числе и черепов. В Гонцах, несомненно, существовало поселение из группы костно-земляных жилищ, около которых были сооружены ямы-кладовые тоже с костно-земляным перекрытием.

В Поднепровье подобные жилые комплексы были правильно поняты, подробно изучены и опубликованы значительно позднее, в других поселениях, в первую очередь — в Мезине, Добраничевке и Межиричах.

Большое поселение в Мезине состояло из трех комплексов сооружений, группирующихся около остатков трех жилищ. Одно из них было тщательно исследовано И. Г. Шовкоплясом, определившим его как хозяйственно-бытовой комплекс, состоящий из развалин костно-земляного жилища и четырех ям-кладовых, заполненных большим числом костей мамонта и землей, насыщенной значительным количеством костных углей, иногда составляющих сплошную массу. Огромное скопление костей мамонта на месте относительно небольшого округлого жилища, размером 6,5 х 5 м, содержало 18 черепов мамонта, 21 нижнюю челюсть, 14 бивней, 29 плоских костей (половинок тазовых и лопаток) и 83 трубчатых. В перекрытии одной из ям-кладовок, провалившихся на дно при ее разрушении, были встречены: 3 целых черепа мамонта, 2 нижних челюсти, 5 бивней, 6 плоских и 5 трубчатых костей. Огромное количество вещественных материалов, собранных при исследовании этого поселения, описывается ниже.

На Добраничевском поселении, вскрытом на площади 20×35 м, располагались остатки четырех «хозяйственно-бытовых комплексов», представлявших собой остатки жилищ и группировавшихся вокруг ям-кладовых, наружного очага или двух очагов и рабочих площадок около очагов. Около двух округлых, хорошо сохранившихся костно-земляных жилищ, диаметром 4 м каждое, размещалось по четыре ямы-кладовых, находящихся в 1 м от краев жилища. Расстояние между группами сооружений 12 и 24 м. В центре каждого жилища имелся хорошо выраженный очаг с большим количеством костного угля и золы.

Жилища и ямы располагались по кругу, внутри которого происходила основная домашне-хозяйственная деятельность обитателей стоянки. Здесь вскрыты остатки кострищ, участки, интенсивно насыщенные кремнем. В отличие от мезинских, добраничевские жилища имеют меньшие размеры (диаметр около 4 м; площадь — 12—15 кв. м). Наблюдаются отличия в конструкции: цоколь также сооружался преиму-

щественно из черепов мамонта, но вкопанных не затылочными, а максиллярными частями; жерди каркаса, очевидно, устанавливались в затылочные отверстия. Между черепами вкапывались другие трубчатые и плоские кости мамонта. Судя по находкам большого количества бивней во внутренней части скопления костей, они могли также играть какую-то конструктивную роль в каркасе жилища или же придавливать шкуры, покрывающие этот каркас. На полу добраничевских жилищ найдены многочисленные кремневые и некоторые костяные орудия, что свидетельствует о производстве различного рода работ (в том числе — расщепление кремня, изготовление орудий труда) в самих жилищах. Наличие на полу хозяйственных ям очажных пятен, рогов северного оленя, бивней и ребер мамонта со следами обработки свидетельствует, что эти сооружения нельзя рассматривать только как место свалки строительного и поделочного материала.

Одним из выдающихся по относительной полноте сохранности многих элементов конструкции костно-земляных жилищ является, к сожалению, недостаточно еще исследованное Межиричское поселение в Поднепровье, близ г. Канева, содержащее не менее трех групп или комплексов сооружений аносовско-мезинского типа, находящихся на ограниченном пространстве. Исследователь этого поселения, выдающийся украинский палеонтолог и археолог И. Г. Пидопличко на основе собранных им материалов поставил вопрос о структуре палеолитического костно-земляного жилища (рис. 89). Распределение костного материала, встретившегося при расчистке, он группирует по следующим, выделенным им конструктивным элементам жилища: цоколь, обкладка цоколя, надцокольная обкладка, крыша, забор у входа, вход, забутовка цоколя. Наблюдения эти, к сожалению, в большинстве случаев не проверяемы из-за неудовлетворительно поставленных измерений и неудовлетворительности чертежной документации исследований. Свои представления о конструкции костно-земляных жилищ И. Г. Пидопличко выразил в натуральных реконструкциях первого мезинского и межиричского жилища (*Пидопличко*, 1969, 1976). К сожалению, он не стремился к точной документации конструктивного использования костей. Но приводимые им сведения о масштабах применения костей мамонта при сооружении костно-земляных жилищ и ям-кладовых заслуживают всяческого внимания. Например, при сооружении первого жилища в Межиричах были использованы 95 нижних челюстей мамонта для «обкладки цоколя», а всего в Межиричах при исследовании трех жилищ было собрано лишь 105 нижних челюстей. Черепа мамонта, как правило, использовались для цоколя жилища и «надцокольной обкладки», при этом в 1 и 2 жилищах для «надцокольной обкладки» (второй верхний ряд черепов) было употреблено 17 и 11 черепов мамонта. Для этой же цели широко использовались лопатки и половинки тазовых костей.

Важно отметить то, что к вопросам конструктивного применения костей И. Г. Пидопличко удалось привлечь должное внимание и начать типизацию импровизированного подбора костей первобытными людьми при сооружении фундаментов и стен, низких, холмообразных, поэтому достаточно прочных и теплых жилищ, позволивших человеку средней поры позднего палеолита освоить перигляциальную зону и достигнуть значительных успехов в развитии хозяйства и культуры. В этой связи выдающийся интерес представляют наблюдения И. Г. Пидопличко, специально касающиеся отопления и освещения межиричских палеолитических «яранг» (по определению данного исследователя). Во всех трех межиричских палеолитических жилищах им было найдено в общей сложности 8 светильников из бедренных головок мамонта со следами слабой и сильной обожженности (*Пидопличко*, 1976). Проведенные эксперименты подтвердили применение жира животных для освещения и отопления. Нам представляется вероятным использование фитилей для такого типа жировых светильников. Интересно, что во втором поселении первого слоя Костенок 1 (см. ниже) были также найдены остатки светильников из костей мамонта: фрагменты черепной кости и эпифиз дистального конца плечевой кости, содержащие в средней части локализованные следы сильной обожженности альвеол и губчатой массы в виде пятен диаметром до 10 см.

Поселения с жилыми комплексами аносовско-мезинского типа были открыты и на Дону, в Костенковско-Боршевском районе. Первым из них была Боршевская 1 стоянка, открытая в 1905 г. А. А. Спицыным. А. А. Спицын, С. Н. Замятнин и П. П. Ефименко в разное время обнаружили здесь остатки трех обособленных больших скоплений костей мамонта, являвшихся скорее всего остатками расположенных рядом костно-земляных жилищ. При вторичном частичном вскрытии площади, занятой небольшими шурфами С. Н. Замятнина и П. П. Ефименко, в 1955 г. было установлено скопление костей мамонта, залегающих в определенном порядке. Исследователи этого памятника, изучавшегося до 1930-х годов, когда еще не были выработаны методические приемы расчистки и документации остатков жилищ на палеолитических стоянках, полагали, что встретившееся им огромное скопление костей мамонта представляло собой запасы топлива, так как культурный слой этого памятника содержит значительное количество костных углей.

Подобные жилые комплексы лучше изучены в верхнем (IA) слое Костенок 11, где в настоящее время известно два округлых костно-земляных жилища, окруженных ямами-кладовыми. Один из этих комплексов экспонируется в качестве натурального объекта в музее, открытом в Костенках, причем изучение его будет продолжаться. Хотя исследования и не завершены, общий характер этих сооружений достаточно ясен. Остатки жилища, сооруженного с использованием значительного числа костей мамонта в качестве строительного материала, имеют округлую форму в диаметре 9 м. Скопление костей мамонта представляет единое большое нагромождение трубчатых, плоских, черепных и других костей, всего в количестве около 500 целых экземпляров, принадлежащих свыше чем трем десяткам особей. Кости других животных встречались лишь по полу жилища в виде кухонных остатков.

В скоплении хорошо выделяется кольцевое нагромождение костей мамонтов по всей периферии, сохранивших положение, свидетельствующее об их преднамеренной укладке в качестве каркаса земляной

стены. С внутренней стороны кольцевого нагромождения сохранились семь пар черепных костей мамонта, использованных, по-видимому, в качестве опор перекрытия. В системе кольцевого нагромождения большинство костей как трубчатых, так и плоских в виде половинок тазовых костей и лопаток занимало торчащее положение. Кости устанавливались плотной стеной, состоящей из отдельных звеньев или секций кольцевого нагромождения. По всему периметру жилища более или менее четко выделяются девять таких звеньев. С юго-востока отмечаются две группы, состоящие одна из нижних челюстей, трубчатых и лопатки, вторая из торчащих лопаток и тазовых, примыкающих к паре небольших черепов. Здесь же встречены пять лопаток, имеющих положение как бы сдвинутой черепичной кровли.

Южная секция кольцевого нагромождения представлена длинным рядом нижних челюстей, лежащих зубами вверх, ветвями во внутрь жилища, среди них много трубчатых: плечевых и больших берцовых, имевших вертикальное положение, а теперь как бы завалившихся к средней части жилища. В северном конце западной группы рядом с челюстями имеется нагромождение из трех крупных лопаток и других костей, залегающих на высоте до 70 см от пола жилища. Некоторые вертикально торчащие кости имеют сгнившие верхние концы из-за длительного пребывания над поверхностью развалин земляной стены и последующего погребения под делювиальным суглинком уже в сгнившем состоянии: развалины стен жилища долгое время пребывали на открытом воздухе и подвергались воздействию атмосферных условий. Северо-западная и северная группы состояли из двух пар черепов и нагромождения торчащих плоских и трубчатых костей. При этом многие половинки тазовых и трубчатых сохранили вертикальное положение, но имеются и завалившиеся кости; в частности, такое положение имеют пара локтевых и пара плечевых костей, поставленных для укрепления основания земляной стены, возможно, в связанном виде. Далее следует длинное восточное звено кольцевого нагромождения, содержащее много трубчатых костей, бивни, крупные фрагменты черепов и др.

Заканчивая обзор кольцевого нагромождения костей мамонта, можно сказать, что мы имеем дело с костным каркасом основания или фундамента большого жилища, существенную часть строительного материала для которого составляла земля. Древесный каркас этого жилища, во всяком случае в своем основании, на значительную высоту плотно обкладывался костями мамонта и присыпался землей. Об этом свидетельствует то, что люди при сооружении своих жилищ, используя свойства костей противостоять гниению, использовали с большим искусством эти, в общем-то достаточно бесформенные «кирпичи» для своих построек. Лишь в очень редких случаях такой своеобразный строительный материал приходилось подвергать предварительной обработке, о чем пойдет речь далее.

В средней части жилища, внутри кольцевого нагромождения, также было расчищено большое количество плоских и трубчатых костей, составляющих каркас поперечной стены и лежащих высоко над полом, провалившихся, вероятно, с кровли жилища. Внутри жилища раскрыто большое скопление костного угля и зольной массы, напоминающее остатки очага. Но культурный слой, отложившийся на полу жилища и достигающий местами 0,5 м мощности, тоже содержит значительное количество костного угля.

Значительное количество кремневых изделий, включая орудия труда, множество костных остатков, собранные внутри жилища, свидетельствуют о том, что в нем производились различного рода работы.

Вокруг жилища в 1 м за пределами кольцевого нагромождения костей мамонта расположились остатки пяти крупных ям, около 2 м в поперечнике и глубиной до 0,8 м от древней дневной поверхности поселения. Четыре ямы были заполнены нагромождениями крупных костей мамонта, самые верхние из которых представляли собой костную труху. В заполнении пятой ямы имелись лишь отдельные крупные кости мамонта. Ямы эти по своему положению на краю жилища, по размерам и по характеру заполнения вполне аналогичны большим краевым ямам-кладовым, известным и на других поселениях с костно-земляными жилищами.

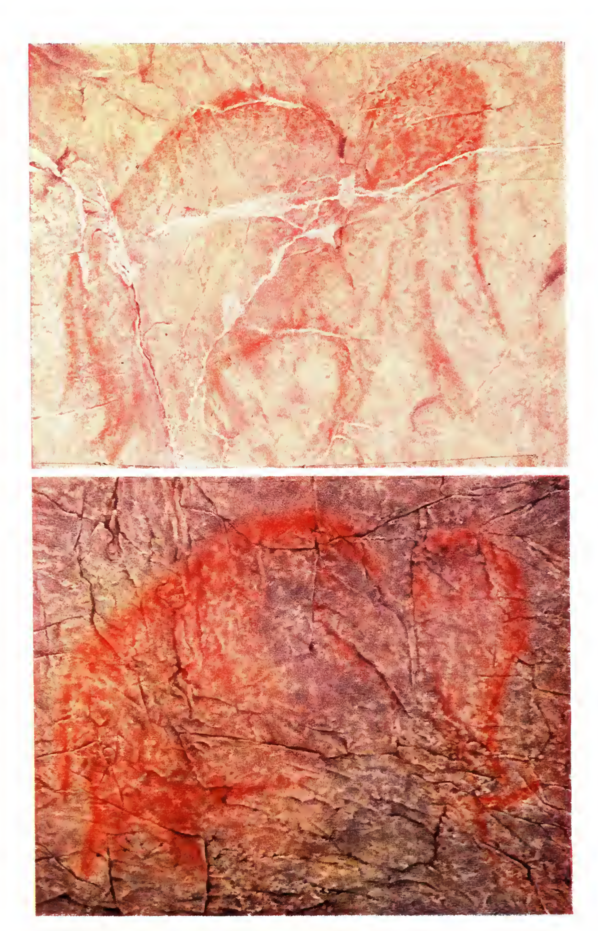
В 17 м от северного края кольцевого нагромождения были обнаружены и частично вскрыты остатки второго жилища тождественного описанному по конструкции, планировке и составу инвентаря. Здесь на площади около 30 кв. м расчищены значительный сегмент кольцевого нагромождения костей и остатки одной краевой ямы, заполненной костями мамонта и несомненно служившей надежным хранилищем запасов пищи в зимнее и летнее время. Эти сооружения типа современных погребов-выходов и теперь строятся лишь отчасти углубленными в землю.

Остатки третьего значительного скопления культурных остатков IA культурного слоя были обнаружены и на восточном склоне оконечности этого мыса примерно на таком же расстоянии от описанного костно-земляного жилища.

Следует заметить, что в 120 м от данных жилищ, но на противоположном склоне северного отвершка Аносова лога располагается поселение Костенки 2 с остатками костно-земляного жилища, во многом сходного с описанным. Размеры его 6×7 м. Развалины этого жилища представляли огромное скопление костей мамонта, в средней части которого вокруг хорошо выраженного очага были сконцентрированы культурные остатки, отложившиеся в процессе длительного обитания людей. Вполне возможно, что Костенки 11 — слой 1А и Костенки 2 представляют собой остатки одного поселения.

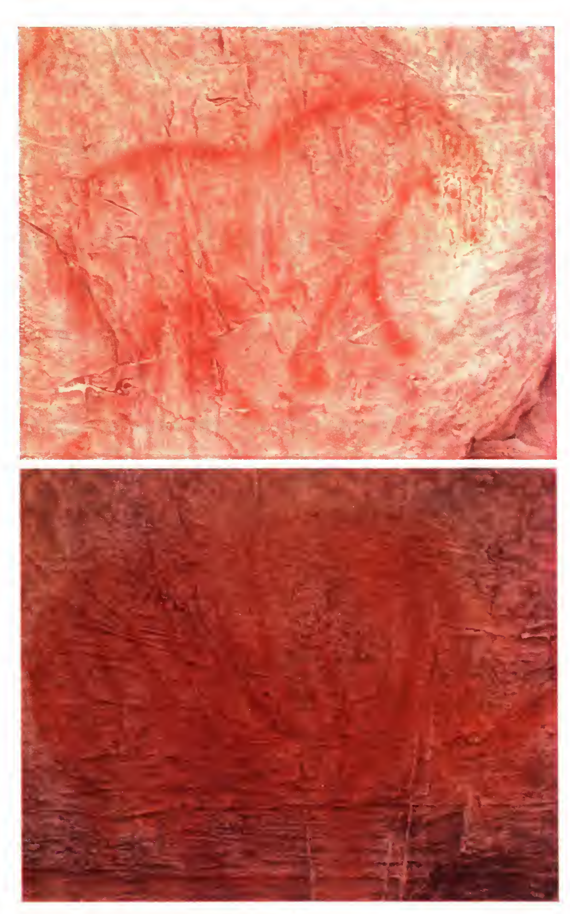
Уже из сказанного следует, что поселения с жилыми комплексами аносовско-мезинского типа представлены на Русской равнине достаточно широко. Вероятно, подобные комплексы имелись и на других памятниках, не описанных здесь по той или иной причине (например, Юдиново, Елисеевичи, Супонево). Необходимо отметить, что данные и другие поселения не однокультурны, о чем свидетельствует сравнение каменного инвентаря даже таких поселений, как Мезин, Межиричи и Добраничевка, находящихся в одном регионе. Следовательно, распространение данного типа жилого комплекса нельзя связывать с распространением однокультурного населения.

В отличие от этого, жилые комплексы второго типа известны пока только на некоторых поселениях, относящихся к одной, виллендорфско-костенковской

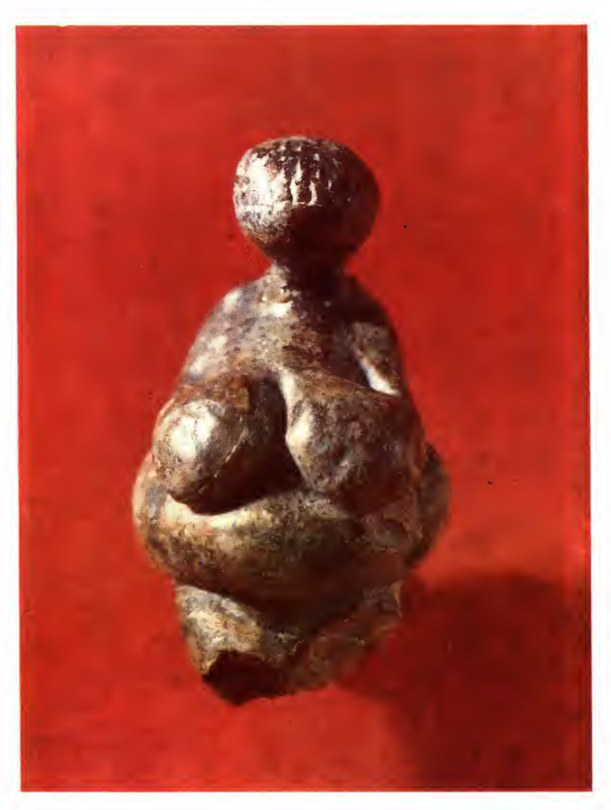

Палеолитическая живопись Каповой пещеры. Изображения мамонтов

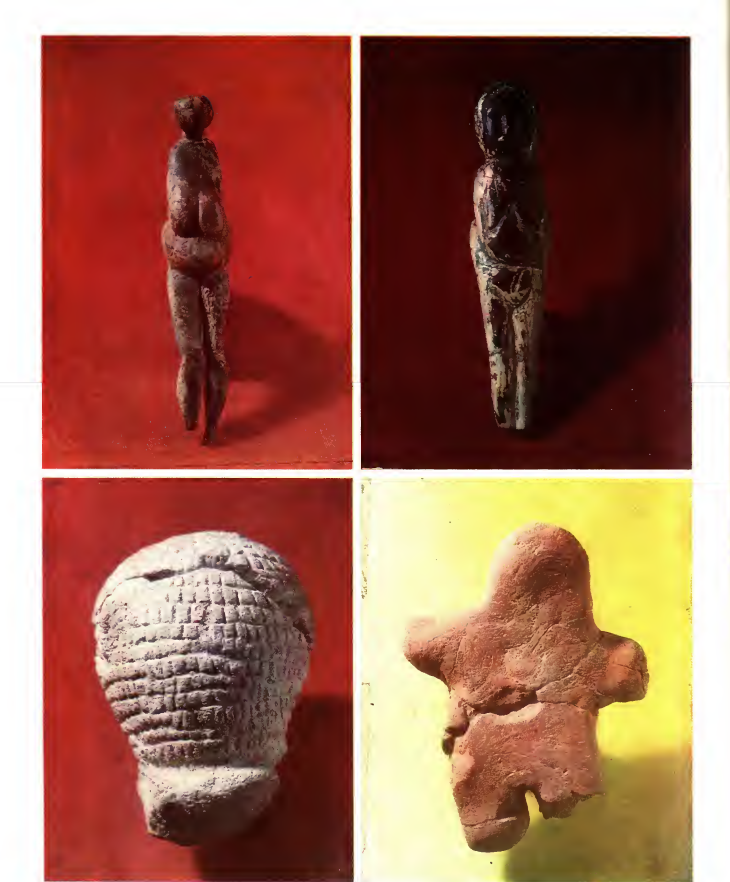
13 Зак. 3420

Палеолитическая живопись Каповой пещеры. Изображение лошади, носорога

Статуэтка из бивня мамонта. Гагарино

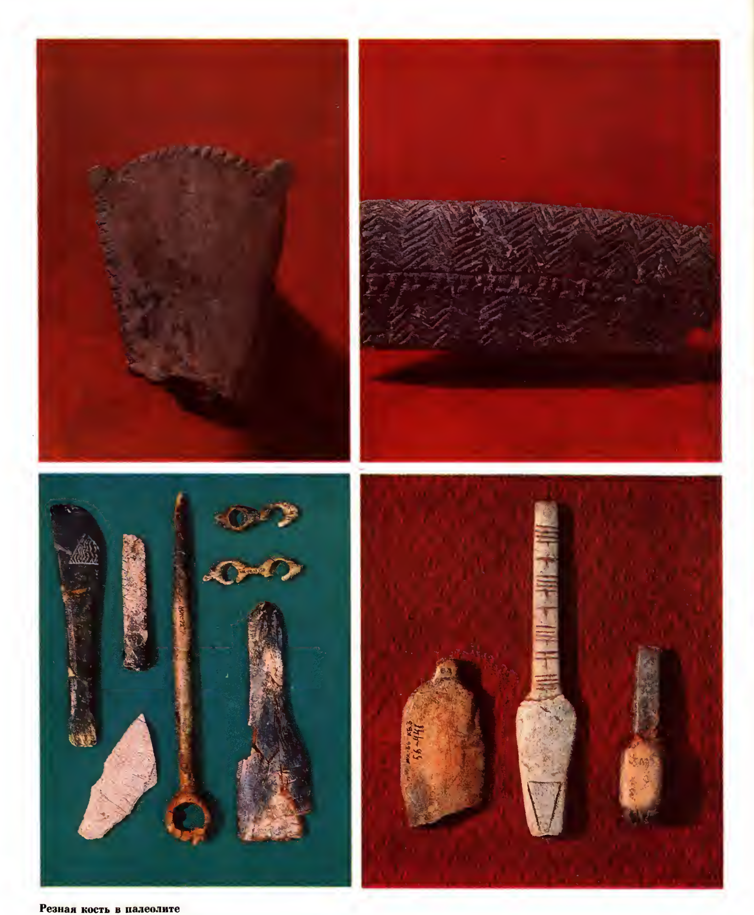
Палеолитические изображения человека

Статуэтка из бивня мамонта. Гагарино
Статуэтка из бивня мамонта. Мальта
Головка статуэтки из мергеля. Костенки 1
Статуэтка из глины. Майнинская стоянка

Палеолитические орудия

Наконечник из кремня. Костенки 1, 5 слой
Наконечник из кремня. Костенки 1, 1, слой
Роговой наконечник копья с каменными вкладышами. Кокорево 1
Ручное рубило из песчаника. Кударо I

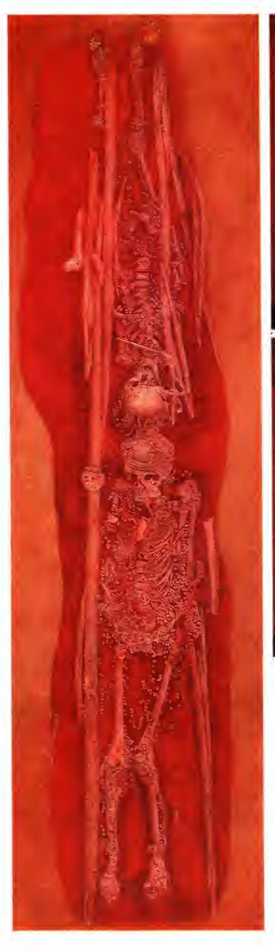
Резная кость в палеолите

Навершие лопаточки. Костенки 1
Обломок браслета. Костенки 1.
Поделки из бивня. Межиричи
Стилизованные антропоморфные фигурки. Межиричи

Погребение мужчины и его реконструкция. Сунгирь. Реконструкция мужчины из погребения на стоянке Марьина Гора. Костенки 14

Парное погребение и реконструкция погребенных. Сунгирь

археологической культуре. Для их характеристики рассмотрим один из наиболее обстоятельно и детально исследованных на широкой площади памятников: I слой стоянки Костенки 1. В 30-е годы П. П. Ефименко здесь были вскрыты остатки большого наземного жилища, длиной 31 м, шириною до 8 м. Система его отопления была достаточно сложной. По оси длины внутри жилища, не имеющего четких границ по своим длинным сторонам, более или менее четкими парами, но в одном ряду размещалось восемь крупных очажных ям, диаметром 1—1,20 м, глубиной до 0,40 м. Заполнение очагов состояло из массы золы и жженных костей, которая нередко шапкообразно залегала над ямой и сливалась с поверхностью культурного слоя, отложившегося здесь около очагов в виде сплошного окрашенного красной охрой суглинка, насыщенного осколками костей животных, костных углей и значительным числом расщепленных кремней. Мощность очажной массы в очагах составляла от 40 до 60 см. Около очагов наблюдались небольшие, но довольно глубокие приочажные ямки — земляные печи.

Таким образом, эти огромные скопления золы и костного угля, нагревавшиеся каждый раз при отоплении жилища, аккумулировали тепло, а затем подобно голландским печам из кирпичей отдавали его во внутреннее пространство жилища. Рядом с линией очагов с обеих сторон находилось множество обширных и небольших неглубоких западин, заполненных очень часто сплошь окрашенным красной охрой суглинком, массой осколков костей животных, костных углей и расщепленных кремней и других культурных остатков. Среди находок здесь, на неровном полу жилища, в культурном слое, помимо обычных отбросов питания, были обнаружены и ценные предметы — кремневые и костяные орудия, предметы украшения и произведения искусства в виде многочисленных фигурок и головок животных и кусков мергеля со следами обработки. Обычно около очагов располагались небольшие ямки, вырытые в полу и заполненные культурным слоем. Часто в заполнении этих ямок, а иногда и на их дне находятся преднамеренно положенные туда предметы, например, группы пластинок или отдельные вещи, вырезанные из кости, а иногда и женские статуэтки.

Как было отмечено, большое наземное жилище с восемью очагами не имело четких границ, но они достаточно хорошо чувствуются по концентрации культурных остатков. Дальше 4 м от линии очагов, ямки и западины, а также окрашенный культурный слой и скопления культурных остатков, как правило, редки, а более или менее обширные западины, заполненные скоплением культурных остатков, располагаются в системе крупных и небольших ямок. Отсутствие четких и ясных границ между остатками большого жилища и меньшими скоплениями культурных остатков возле крупных ям по его периферии свидетельствует о том, что в процессе длительного обитания на поселении наземное сооружение ремонтировалось и перестраивалось. Это наземное жилище было окружено 12 крупными ямами, четырьмя небольшими, углубленными до 80 см от древней поверхности поселения, землянками и пятью или шестью большими западинами, находившимися по соседству с краевыми ямами. Лишь в землянке А был найден оформленный очаг, другие же землянки утеплялись либо временными очагами, а чаще принесенными нагретыми костным углем и золой из очагов большого наземного жилища. Этот факт был надежно установлен при анализе заполнения многих землянок (*Рогачев А. Н.*, 1970; *Пидопличко И. Г.*, 1976). Следует полагать, что открытые очаги, как и пекарные ямки, служили и для приготовления пищи, и для освещения жилища. Столь высокое освоение различных свойств огня не исключает возможности применения лучины для освещения жилищ, так как внутри жилищ совершались многие виды домашнехозяйственной деятельности, требовавшие света. Скопления осколков расщепленного кремня и мельчайших его чешуек около очагов внутри многих позднепалеолитических жилищ дают яркие свидетельства изготовления каменных орудий внутри жилищ при свете огня.

Остатки этого огромного, сложной планировки сооружения, представляющего единый целесообразно спланированный комплекс с жилыми ямами и ямами-кладовыми по краям (рис. 88, *Д*), в целом правильно интерпретировал П. П. Ефименко в своей монографии (*Ефименко П. П.*, 1958).

Исследование первого жилого комплекса верхнего слоя Костенок 1, значительная часть которого после анализа расчищенного культурного слоя не была подвергнута контрольному выкапыванию, может быть продолжено. Кроме того, в данное время производится исследование второго жилого комплекса — такого же по размерам, по общей планировке и по характеру нарушения поверхности в результате обитания и строительной деятельности. Еще далее к югу в двух небольших шурфах найдены остатки третьего, еще не разведанного жилого комплекса. Имеются серьезные основания предполагать единство и целесообразность планировки всех трех комплексов, располагающихся в глубокой впадине древней широкой балки — Покровского лога на мысу, образованном его отвершком — Козловым логом. На противоположном склоне отвершка исследуются остатки еще одного, но сильно разрушенного жилого комплекса, названного Костенки 13 (Кельсиевская стоянка). В 100 м далее на склоне к долине Дона, на оконечности этого же левобережного приустьевого мыса Покровского лога обнаружено несколько ям и разрушенный культурный слой памятника, относящегося к той же культуре — Костенок 18 (Хвойковская стоянка). В 500 м к юго-западу от Костенок 1 в глубине Покровского лога находится Маркина Гора (Костенки 14), недостаточно исследованный верхний слой которой содержал наконечник с боковой выемкой. Таким образом, все памятники костенковско-авдеевской культуры в Костенках располагаются только в Покровском логу и находятся на площади 1 кв. км.

За пределами Костенковско-Боршевского района жилой комплекс данного типа обнаружен на Авдеевской стоянке, кремневый и костяной инвентарь которой, кстати, наиболее близок инвентарю верхнего слоя Костенок 1 среди всех других памятников Русской равнины, входящих в виллендорфско-костенковское культурное единство (в нашем понимании — в одну культуру). На больших поселениях костенковско-авдеевского типа, судя по остаткам обитания, кипела многообразная домашне-хозяйственная дея-

тельность по изготовлению охотничьего оружия, других каменных и костяных орудий, предметов украшения и произведений искусства. Главную же повседневную заботу обитателей этого сложного плана поселений составляли приготовление животной и растительной пищи, шитье одежды и текущий ремонт прочных постоянных жилищ, заготовка топлива и охотничье-собирательская деятельность как главные способы добывания пищи.

На левобережном приустьевом мысу Александровского лога, в двуслойном памятнике Костенки 4, были обнаружены жилые комплексы (рис. 88, *А*, *Б*) третьего, александровско-пушкаревского типа (нижний культурный слой), и четвертого, александровско-тельманского типа (верхний культурный слой). Более раннее поселение представлено двумя длинными, возможно, синхронно существовавшими жилищами. Остатки южного длинного жилища представляли собой неглубокую плоскодонную, вырытую людьми западину длиной 34 м, шириной 5,5 и глубиной до 30 см. На всем пространстве углубление на уровне его краев было заполнено ярко окрашенным в красный цвет суглинком, насыщенным большим числом осколков костей диких животных (лошади, зайца и др.), расщепленных кремней и других остатков обитания. Жилое углубление четко разделяется на три примерно равные секции, внутри которых небольшие очажные ямки, заполненные черной зольной и углистой массой, располагаются строго по прямой линии. Всего здесь было изучено десять очажных ямок: по три в двух крайних и четыре в средней секции. Кроме того, секции различались в начале исследования культурного слоя как три пятна ярко красной краски около каждой группы очагов; эти пятна были заметно менее яркими на границах секций и около краев жилого углубления. Помимо очажных углублений, в полу жилища было вырыто 53 маленьких неглубоких ямки, заполненных обычным культурным слоем, на дне нередко встречалась яркая красная краска (охра), гораздо реже — целые кремневые и костяные орудия. Более крупные ямки, вырытые около очагов, содержали обычный культурный слой, характерный и для жилого углубления. У длинных краев жилого углубления насыщенность культурного слоя была значительно меньшей, чем около очагов, и окрашенность его охрой была более бледной, что объясняется тем, что при наличии у жилища двухскатной кровли, опиравшейся на края жилого углубления, пространство у самых краев было мало удобным для повседневной деятельности.

Около крайних секций длинного жилища находились небольшие скопления культурных остатков, одно из которых представляло собой хорошо выраженный вход в жилище.

Второе длинное жилище было как по форме, так и по заполнению во всем сходно с описанным. Длина его достигала 21 м, ширина 5,5 м, глубина 30 см. Оно состояло тоже из трех секций, содержащих три, два и четыре очага, размещенных строго по прямой. Внутри жилища обнаружено 25 небольших ямок. Большая часть их была заполнена красной охрой, они содержали также по одной черной кремнистой гальке и изредка низки бус из просверленных раковин неретин числом до 17 штук в каждой. В низку таких бус входили, по-видимому, и просверленные у корня клыки песца, найденные вместе с охрой на дне этих небольших ямок. Рядом с жилым углублением торчало несколько крупных осколков костей. Их положение у края жилого углубления позволяет судить о том, что двускатная кровля длинных жилищ, опиравшаяся на землю у краев жилого помещения и на коньковую жердь, укрепленную над очагами, по-видимому, на значительную высоту прикапывалась землей, т. е. имела завалинку. Наличием такой завалинки можно объяснить и строгую локализацию окрашенного и насыщенного культурного слоя в пределах жилого углубления. Важно отметить наличие около двух очагов небольших углублений, заполненных сплошь черной углистой массой. Остатки подобных пекарных ямок или земляных печей наблюдались в круглых жилищах верхнего слоя Костенок 4. Как отмечалось, жилой комплекс данного типа был встречен в более древнем памятнике Пушкари 1.

В округлых жилищах верхнего слоя Костенок 4 — четвертый, александровско-тельманский тип (рис. 88, *А*) — еще ярче и концентрированнее выступают остатки сложной и развитой домашне-хозяйственной деятельности как в виде многочисленных орудий труда, так и в виде остатков жилищ, очагов сложной конструкции, множества ямок-хранилищ, пекарных ямок, вырытых в полу в процессе длительного обитания. В процессе расчисток остатков этих жилищ удалось бесспорно установить, что пекарные ямки вокруг очага вырывались не одновременно, а по мере надобности. Имелись здесь пекарные ямки, вырытые не только в полу жилища, но и в самом культурном слое. Аналогичным образом выкапывались и ямки хранилища. Например, ямка, забитая кусками мергеля, была вырыта тогда, когда в процессе обитания в жилище была накоплена значительная толща культурных остатков. К тому же при сооружении таких ям были видны следы разрушения заполнения более ранних ям, засыпанных этими же обитателями. В такого рода фактах можно видеть доказательства того, что эти прочные и долговременные жилища служили при постоянном уходе за ними по несколько лет.

Круглые жилища были одинаковы, диаметр их равен 6 м, расстояние между ними составляло 6 м. Между жилищами находилась большая плоскодонная яма, вероятно, основание наземной кладовой, в заполнении которой были кости мамонта, возможно, связанные с устройством ее наземного перекрытия. В отличие от длинных жилищ, внутри которых были строго локализованы культурные остатки, круглые жилые углубления были вырыты внутри более широких линз верхнего культурного слоя, который по своим компонентам заметно отличен от нижнего культурного слоя с остатками длинного жилища. При наличии качественного и количественного сходства всех компонентов культурного слоя и коллекций, собранных при исследовании обоих круглых жилищ, при сходстве их планов, наблюдалось лишь своеобразие в сложном устройстве очагов, размещавшихся в центре каждого из жилищ. В западном жилище небольшие пекарные ямки в количестве пяти располагались по окраине блюдцеобразного широкого очажного углубления, мощность единого зольного и углистого скопления была в целом невелика, но рядом с очагом под небольшим зольным скоплением найдены еще две небольшие пекарные ямки, вырытые в чистом суглинке.

В восточном же жилище вокруг мощной линзы очажной массы, строго локализованной в чашеобразном углублении, пять небольших пекарных ямок располагались на некотором расстоянии в отрыве от его краев.

Сложное и нетрадиционное устройство очагов в двух несомненно синхронных жилищах одного поселения свидетельствует о сложной и развитой процедуре одного из основных видов домашне-хозяйственной деятельности: приготовления пищи. Кстати, на этом поселении вместе с обычными остатками мясной пищи в виде многочисленных мелких осколков костей животных были собраны в большом числе песты-терочники и настоящие зернотерочные плиты из гранита, кварцита и шокшинского песчаника. Приготовление растительной пищи обычными способами, похожими на способы, применяемые в земледельческих культурах, в палеолите — явление довольно редкое, но не исключительное.

В 200 м к югу от Костенок 4 на Тельманской стоянке, в ее верхнем слое исследованы остатки такого же круглого жилища с тождественной планировкой. Оно было значительно более углублено в землю и имело пологий склон в западном направлении, где рядом с жилищем перед входом в него, на ровной дневной поверхности поселения имелось значительное скопление культурных остатков, образующих единство с культурным слоем, отложившимся на полу жилища, вокруг мощного очага. Но если в полу жилища было вырыто много небольших ямок, заполненных обычным культурным слоем, то на склоне ко дну жилого углубления и рядом вне его под культурным слоем пол был ровный. О значительной длительности обитания в жилище можно судить и потому, что очажная лунка жилища, заполненная зольной массой и костным углем, перекрывала заполнение двух небольших ямок, которые ко времени функционирования очага были, несомненно, засыпаны.

В 1950 г. при прокапывании западной половины изученного в 1937 г. жилища верхнего слоя с целью исследования нижележащих культурных слоев в жилище на месте остатков очага и рядом с ним была расчищена большая, колоколовидная яма с плоским дном и со значительным подбоем в сторону ко входу в жилище. На уровне пола диаметр ямы составлял 0,5 м, а на дне, на 1 м ниже пола жилища,— 1,15 м. Заполнение ямы было сложным: суглинок, насыщенный остатками обитания, чередовался с чистыми — там были найдены восемь обломков кремневых листовидных ножей, три резца, 15 отщепов и пластин с ретушью, одно ядрище, около 450 мелких отщепов, 12 обломков лощил из ребер крупных животных, 32 осколка трубчатых костей мамонта, больше сотни мелких обломков костей и др. Характер заполнения ямы не оставлял сомнения в том, что перед сооружением очага она была засыпана массой земли, взятой с пола жилища. В яме меньших размеров, находящейся с другого края очага, заполненной таким же культурным слоем, был расчищен крупный осколок трубчатой кости лошади.

Нами выделен, наконец, аносовско-гмелинский тип жилого комплекса. Он представлен остатками двух сооружений второго культурного слоя Костенок 11 и группой жилищ Костенок 21. Остатки жилищ II слоя Костенок 11 так же, как и жилища Костенок 21,— это четко локализованные, мощностью до 20 см, линзы культурного слоя, за пределами которых обычно встречаются лишь отдельные культурные остатки. Одно из жилищ на Костенках 11 — II слой залегает на 40 см ниже основания IА культурного слоя и представляет собой строго локализованное, круглое, в диаметре 6 м, скопление культурных остатков. Северо-восточный край костно-земляного жилища непосредственно налегает на окраину этой четко выраженной линзы культурного слоя, юго-западный сектор которой, хорошо прощупанный небольшими зондами, надлежит еще расчистить, тогда как три других сектора этого второго жилища II культурного слоя уже исследованы и сняты. Остатки же первого жилища II культурного слоя располагаются в 7 м к югу от костно-земляного жилища и перекрыты I Б (самым верхним) культурным слоем Костенок 11, представленным отдельными костями мамонта и расщепленными кремнями.

При огромной насыщенности культурного слоя на всей его площади костным углем в средней части линзы отмечаются два скопления зольной массы и костного угля в виде очагов. Около западного очага, представлявшего скопление зольной и углистой массы в небольшой очажной лунке, диаметром 70 см, глубиной 6—7 см, в пол жилища были врыты две крупные лопатки мамонта, торчавшие суставами вниз, и половинка плечевой кости мамонта, торчавшая локтевым суставом вверх. На площади двухочажного жилища, равной примерно 60 кв. м, было собрано около 20 кг костного угля, взвешенного в промытом и сухом виде, 13 000 расщепленных кремней, в том числе около 500 орудий, свыше 5500 мелких и очень мелких осколков костей, около 600 кусков мергеля, в том числе 172 со следами обработки или в виде поделок (15 небольших фигурок мамонта и три фигурки носорога).

К аносовскому типу близкó и, видимо, относимое к этому же времени лишь частично исследованное поселение Чулатово 2 на Десне, недалеко от Мезина (*Воеводский М. В.*, 1952).

Заканчивая раздел, посвященный расцвету позднепалеолитической культуры на Русской равнине, мы считаем уместным, прежде чем перейти к характеристике основных археологических культур данной эпохи, высказать некоторые общие, подытоживающие соображения, касающиеся домашне-хозяйственной деятельности и домостроительства того времени.

Производство каменных и костяных орудий как внутри жилищ, около очагов, так и на поселениях рядом с жилищами и хозяйственными постройками, наблюдается на всех долговременных поселениях и кратковременных стоянках, что доказывается обилием расщепленного кремня, насчитывающегося сотнями, тысячами и десятками тысяч экземпляров. Среди расщепленных каменных пород встречаются остатки, характеризующие процесс изготовления орудий от первичной обработки ядриц и до готовых изделий.

Эти изделия представляют собой прежде всего орудия охоты, в виде наконечников, ножей, кинжалов, а также многочисленные орудия по дальнейшему использованию продукта, добываемого охотой и собирательством — различного рода ножи, скребла и

скребки, проколки и острия, употребляемые при обработке шкур, при пошиве одежды и т. п. Большое значение имеют орудия для производства орудий (в первую очередь — разнообразные резцы), с помощью которых древние мастера производили сложные и подчас удивительно тонкие операции по обработке кости, бивня и рога, с помощью которых были сделаны не только многочисленные орудия труда — костяные и бивневые наконечники, копья, землекопалки и мотыги, употреблявшиеся и как орудия собирательства и для производства строительных землекопных работ, разнообразные лощила, шилья, иглы, но и замечательные произведения палеолитического искусства. Одним словом, производство каменных орудий в условиях каменного века воистину явилось «тяжелой индустрией», обеспечивавшей все стороны домашне-хозяйственной деятельности первобытных коллективов.

Человек эпохи позднего палеолита имел два основных источника добычи средств к существованию: охоту и собирательство. Обе эти отрасли «добывающей промышленности», находящие свой предмет труда в природе, осуществлялись «на стороне», за пределами поселка. Но именно в поселке обеспечивались как исходные условия добычи средств к существованию, так и дальнейшая переработка добытого продукта его распределение. И охота, и собирательство, таким образом, также выступают в качестве определенных форм домашне-хозяйственной деятельности, осуществленной в пределах палеолитического поселения.

В последние десятилетия были добыты важные данные о том, что уже в среднем и особенно в позднем палеолите стали широко применяться формы усложненного собирательства, связанные с обработкой и приготовлением растительной пищи. Первобытная археология располагает теперь массовыми и бесспорными материалами, доказывающими длительную предысторию земледелия, начавшуюся, по крайней мере, с конца эпохи среднего палеолита.

На юго-западе Русской равнины на протяжении трех или четырех десятков тысячелетий развивались и совершенствовались своеобразные каменные, песчаниковые песты-терочники в виде небольших таблеток, находимые обычно вместе с каменными же плитами (*Рогачев А. Н.*, 1973). Имеются, но в значительно меньшем числе такие же орудия своеобразных форм на других памятниках эпохи верхнего палеолита Русской равнины, в частности, в Чулатово 2, Костенках 4 (верхний горизонт), Костенках 11 и на стоянке Бирючий лог (Костенки 9). Широкое распространение этих орудий свидетельствует о том, что появлению земледелия предшествуют различные формы развитого, усложненного собирательства, связанного с предварительной сложной обработкой собираемой растительной пищи в виде съедобных кореньев и злаков. Разумеется, такая пища, как и мясная, нуждалась в дальнейшем ее приготовлении. Напомним, что на Костенках 4 (верхний горизонт), где были найдены в изобилии вместе с каменными плитами и песчаниковые, кварцитовые и гранитные песты-терочники, в средней части круглых жилищ размещались очаги сложного устройства, окруженные небольшими пекарными ямками, вырытыми в полу. Исследование этих орудий и условий их залегания позволяет раскрыть очень важную в экономическом отношении отрасль домашне-хозяйственной деятельности по переработке продуктов собирательства злаков и съедобных кореньев задолго до возникновения земледелия.

Значительно шире и полнее, чем собирательство на поселениях эпохи верхнего палеолита, отражена основная и главная отрасль добывания средств к жизни — охота на диких крупных и мелких животных. Остатки охотничьей деятельности, обильно представленные почти на всех поселениях с удовлетворительной сохранностью культурного слоя, позволяют заключить, что она предоставляла людям не только разнообразные продукты питания и меха для одежды, обуви и головных уборов, но и для укрытия от холода внутри ветхих жилищ в условиях суровых зим. Шкуры и кожи животных широко применялись в хозяйстве и в быту, рога оленей и бивни мамонта — как строительный материал, не поддающийся гниению. В конструкциях оснований и стен костноземляных жилищ использовались все кости скелета мамонта: черепа, нижние челюсти, трубчатые кости, ребра, лопатки, тазовые кости иногда в целом виде, но чаще в виде половинок, отдельные позвонки, по-видимому, нередко применялись в качестве муфт и для придания устойчивости другим костям внутри земляных стен. Кости вкапывались, устанавливались в ряд и укладывались поленницами в качестве каркаса земляных стен и фундаментов, по-видимому, невысоких земляных жилищ типа яранг.

Наиболее широко они применялись для изоляции деревянного каркаса наземных жилищ и полуземляных ям-кладовых и небольших жилых ям-землянок, глубиною 0,70—1,10 м, вырывавшихся на поселении около наземных жилищ, находящихся с ними в непосредственной связи. На многих поселениях находили лопатки, бедренные и другие кости, предварительно обработанные. На лопатках сбивались гребни, на бедренных костях у головок иногда пробивались отверстия до 10 см в диаметре. Трубчатые кости, лопатки и осколки костей вкапывались и вбивались в землю как внутри жилищ, обычно около очагов, так и на поселениях. Очень часто кости животных служили для укрепления земляных завалинок. Лопатки животных обычно встречались у входов многих землянок в Костенках, они могли служить и для оформления узкого лаза или для его закрытия. Кровля над землянками и большими ямами-кладовыми сооружалась высотою около 1 м с деревянным каркасом, по-видимому, сплошь выстилавшимся костями; в процессе разрушения сооружений эти землянки и ямы обычно доверху наполнялись костями вместе с землей. Наблюдались факты ремонта земляной кровли крупных ям-кладовых. В таких случаях отмечены места скопления земли, обычно насыщенной костным углем и залегавшей непосредственно у края и в заполнении ям (Костенки 11—IA слой, юго-западная яма, Гагарино — западная яма). Нередко плоские кости использовались для покрытия небольших бытовых ямок-хранилищ, в значительном числе вырывавшихся в полу больших наземных жилищ костенковско-авдеевской культуры.

Строительное дело позднепалеолитического времени, свидетельства которого сохранились до наших дней с такими существенными подробностями, явля-

лось очень важной отраслью домашне-хозяйственной деятельности, зародившейся и вызревавшей в лоне последней. В дальнейшем своем развитии вместе с возникновением общественного разделения труда на основе этого огромного и столь древнего опыта человечества развилось строительство укрепленных поселений-городищ и градостроительное дело.

Важное значение для человека этого времени имело постоянное использование огня, без которого, как и без жилища и орудий труда, развитие домашне-хозяйственной деятельности было бы невозможным. Об использовании огня как вспомогательного средства облавной охоты на животных в эпоху верхнего палеолита, свидетельствуют следы на Дону и на Днестре. Самым же важным применением огня в жизнедеятельности людей следует считать широкое использование его для приготовления пищи, отепления и освещения жилищ. Поселения эпохи позднего палеолита содержат факты, подтверждающие этот вывод. Мы на них уже имели возможность останавливаться.

Таким образом, мы видим, что палеолитические поселения выступают в качестве основных хозяйственных центров, в которых осуществлялась достаточно сложная, многогранная домашне-хозяйственная деятельность первобытных коллективов, обеспечившая в эпоху расцвета позднего палеолита необычно высокий уровень развития их культуры.

Следует полагать, что все эти трудоемкие и многочисленные виды и отрасли домашне-хозяйственной деятельности совершались на основе естественного разделения труда по полу и возрасту. У нас нет решительно никаких данных для эпохи позднего палеолита о существовании сколько-нибудь развитых форм общественного разделения труда. Что касается спорадических форм обмена, то он в это время еще не касался существенных сторон жизнедеятельности людей. Существование обмена сказалось бы на составе каменного и костяного инвентаря и на других изделиях, имеющих строго определенные традиционные формы и ни в каком отношении не выходящие за рамки традиций определенных археологических культур.

Возвращаясь теперь к обзору основных типов жилых комплексов средней поры позднего палеолита и к вопросу о значимости предлагаемой здесь их классификации, важно подчеркнуть то, что поселения средней поры позднего палеолита с разными типами жилых комплексов в сущности одновременны. Об этом в ряде случаев хорошо свидетельствует стратиграфия. На эту сторону нами было давно обращено внимание как на одно из решающих свидетельств этнографического своеобразия в культуре верхнепалеолитического населения.

В то же время понятия «тип жилого комплекса» и археологическая культура» не совпадают. Культурное своеобразие группы памятников, выражающее традиции, складывающиеся в конкретных коллективах под влиянием определенных исторических условий, с наибольшей полнотой прослеживается на основе анализа кремневого и костяного инвентаря. При этом памятники одной культуры могут представлять собой поселения с различными типами жилых комплексов, а памятники разных культур — один тип жилого комплекса. Ниже мы охарактеризуем ряд археологических культур, существовавших на территории Русской равнины в среднюю эпоху позднего палеолита, основываясь в первую очередь на анализе кремневых индустрий и костяного инвентаря.

Археологические культуры средней поры позднего палеолита на Русской равнине (XXIII—XVII тысячелетия)

Как уже отмечалось, периодизация памятников этого времени не разработана. По нашему мнению, подавляющее большинство рассматриваемых ниже стоянок относится к раннеосташковскому времени (XXIV–XX тысячелетия), однако имеются данные, противоречащие этой гипотезе, не разделяемой многими специалистами. Во избежание лишней путаницы мы определяем условно хронологические границы средней поры позднего палеолита Русской равнины XXIV–XVII тысячелетиями, оставляя окончательное решение этого вопроса дальнейшим исследованиям.

На юго-западе Русской равнины с началом раннеосташковского времени связан высший этап развития молодовской культуры, прослеживаемый по материалам VII слоя Молодова 5. Его основные особенности были рассмотрены в предыдущем разделе при общей характеристике молодовской культуры, сформировавшейся еще в молого-шекснинское время. VI культурный слой того же памятника относится уже к концу средней поры позднего палеолита (в предлагаемых здесь хронологических границах; его радиоуглеродные даты 17 100±180 и 16 750±250 указывают на время после наиболее холодного периода осташковского оледенения). Этот слой обычно также включают в молодовскую культуру (*Григорьев Г. П.*, 1970). Однако, по нашему мнению, для такого предположения нет достаточных оснований, так как кремневый инвентарь здесь не содержит основных типов орудий, специфических для молодовской культуры (удлиненные скребки с приостренным основанием, двуконечные острия на пластинах, с ретушью по всему обводу, два типа пластинок с притупленным краем). Общее сходство не выходит за рамки сходства между собой всех позднепалеолитических стоянок юго-запада Русской равнины. Индустрия VI культурного слоя Молодовы 5 (около 5000 изделий, из них около 90 нуклеусов и около 240 орудий) характеризуется пластинчатой техникой первичного раскалывания; преобладают призматические нуклеусы с двумя противолежащими ударными площадками, имеются наклеусы в начальной стадии подготовки и три дисковидных ядрища. Заготовки отличаются крупными размерами (до 21,6 см длиной). Среди орудий преобладают резцы (свыше 120 экз.), а среди последних — срединные, с лезвиями, обычно скошенными к углу пластины. Боковых резцов немного — около 10 экз. Специфично присутствие поперечных резцов (15 экз.). Скребки (около 20 экз.) изготавливались на пластинах с субпараллельными, обычно неретушированными краями. В большом количестве (около 40 экз.) представлены песты-терочники. Острия (10 экз.) одноконечные, симметричные относительно длинной оси или скошенные. Имеются две проколки и одна пластинка с при-

тупленным краем, конец ее не обработан. Костяные орудия (четыре шила из осколков трубчатых костей, три обломка стержней из бивня мамонта, мотыга из рога северного оленя, ребро мамонта с продольным пазом) также не отражают культурной специфики: наиболее показательное в этом отношении изделие — ребро с продольным пазом — известно на юго-западе Русской равнины как в памятнике молодовской культуры (Молодова 5, VII культурный слой), так и в стоянках, относящихся к липской культуре (Куличивка, Липа 6 — см.: *Савич В. П.*, 1969, 1975).

Следы обитания человека в Приднестровье в период максимального похолодания устанавливаются по материалам культурных слоев VI и Vб стоянки Кормань 4 (*Иванова И. К.*, 1977, с. 14–15). К сожалению, материалы из этих слоев очень незначительны. В слое Vб найдены лишь единичные предметы (*Черныш А. П.*, 1977, с. 30). Коллекция слоя VI несколько представительнее — свыше 600 каменных изделий, однако среди них нуклеусов лишь 26 экз., а орудий — 56 экз. (*Черныш А. П.*, 1977 с. 27). Несмотря на небольшое количество последних, можно полагать все же, что эта стоянка по характерным особенностям индустрии едва ли относится к молодовской археологической культуре. Так, скребки здесь (5 экз.) меньше по размерам и грубее молодовских; отсутствуют скребки на длинных пластинах с приостренным основанием. Веерoвидный скребок-резец не имеет аналогий в стоянках молодовской культуры. Специфично и острие на широкой пластине с подработанным черешком. Большое количество резцов (около 20 экз.), особенно срединных и угловых, присутствие пластинок с притупленным краем (2 экз.) свойственно всем позднепалеолитическим стоянкам юго-запада Русской равнины и показателем культурной принадлежности не является.

Отметим, что слои VI и Vб стоянки Кормань 4 — единственные памятники на территории всей Восточной Европы, для датировки которых максимумом осташковского похолодания имеются существенные аргументы. О культурной принадлежности слоев V (18 000±400; 18 560±2000) и Va трудно сказать что-либо определенное.

Характеризуя особенности каменной индустрии V культурного слоя (около 1000 изделий, из них около 50 нуклеусов и около 100 орудий), отметим ряд специфических черт, не позволяющих включать этот памятник в молодовскую культуру. Так, здесь отмечается наличие техники параллельного скалывания, присутствие скребел на широких, несколько удлиненных заготовках, две из которых вентральной подтеской концов напоминают скребло из нижележащего шестого культурного слоя. Резцы (свыше 50 экз.) по размерам меньше молодовских, по способу снятия резцового скола имеются только срединные и угловые. Среди скребков (9 экз.) есть орудия на крупных удлиненных пластинах, однако у них нет приостренных оснований, характерных для скребков молодовской культуры. Небольшие короткие скребки, крупный скребок — скребло в свою очередь в памятниках молодовской культуры не находят себе аналогий.

То же самое можно сказать и о единичных, но выразительных орудиях V слоя Кормани 4: срединной проколке с несколько отогнутым жальцем, аналогичным образом оформленном конце у пластинки с притупленным краем, узкой пластине с ретушью по всему обводу, имеющей на краю специально отретушированную выемку. Материалы культурного слоя Va, несмотря на их большое количество (около 4,6 тыс. изделий, из них около 190 нуклеусов и 350 орудий), судя по публикации, менее выразительны для культурного определения. Все же можно говорить об их некотором отличии как от нижележащего слоя, так и от памятников молодовской культуры. Резцы здесь (около 170 экз.) изготавливались преимущественно на пластинах средних размеров, преобладают угловые и срединные, но имеется небольшое количество (13 экз.) и боковых резцов. А. П. Черныш указывает на присутствие резцов на массивных пластинах, напоминающих тип «бюске» с отретушированной выемкой у верхнего конца (*Черныш А. П.*, 1977). Скребки (свыше 40 экз., включая скребки-резцы) в основном изготовлены на пластинах средних размеров с субпараллельными обычно неретушированными краями. Специфичны короткие подтреугольные скребки-резцы, у которых края оформлены резцовыми сколами. Как особую характерную черту данной индустрии следует отметить значительное количество (свыше 30 экз.) зубчато-выемчатых форм, в том числе мелкозубчатых пластин-«пилочек». Кроме того, А. П. Черныш указывает на присутствие единичных проколок, долотовидных, «скребловидных» и рубящих орудий (*Черныш А. П.*, 1977, с. 38).

В целом приднестровские памятники, достоверно датирующиеся средней порой позднего палеолита, по общим чертам индустрий входят в юго-западную историко-культурную область, сформировавшуюся еще в раннюю пору позднего палеолита, а по специфическим, традиционным особенностям отличаются друг от друга и не могут быть объединены в одну археологическую культуру.

* * *

В Среднем Поднепровье, включая Полесье, а также в бассейне Десны, как уже отмечалось, обнаружены важные памятники с остатками костно-земляных жилищ и хозяйственных сооружений, давшие богатые коллекции, насчитывающие тысячи кремневых изделий, многочисленные костяные поделки, произведения искусства. Большинство их (кроме Радомышля, Пушкарей и Клюсс) мы датируем средней порой позднего палеолита. Коллекции, особенно кремневые, проанализированы и опубликованы далеко не достаточно. Это серьезно препятствует выделению в данном районе локальных археологических культур, а также успешному решению вопроса о наличии здесь общностей более широкого порядка и определению их конкретно-исторического содержания. Для памятников ранней поры позднего палеолита мы уже отметили здесь своеобразие традиций, прослеживающихся в инвентаре Радомышльской стоянки, с одной стороны, и стоянок Пушкари 1 — Клюссы — с другой. Раннеосташковская стоянка Бердыж определенно относится к виллендорфско-костенковской археологической культуре. Вопрос о культурной принадлежности остальных памятников остается открытым. Мы не разделяем мнение И. Г. Шовкопляса об их принадлежности одной мезинской культуре, понимаемой как «одна из позднепалеолитических этнокультурных об-

ластей, населенная родственными родовыми коллективами» (*Шовкопляс И. Г.*, 1965, с. 301), поскольку для доказательства им были использованы в первую очередь признаки, прослеживающиеся в разных археологических культурах, бытовавших в раннеосташковское время на широкой территории — вплоть до Сибири (*Шовкопляс И. Г.*, 1965). Серьезного внимания заслуживают взгляды М. И. Гладких, основанные на типологическом анализе кремневого инвентаря среднеднепровских позднепалеолитических стоянок с вычислением «индексов сходства». Согласно представлениям этого ученого, Мезинская стоянка является культурно обособленным памятником, а Добраничевка, Межиричи, Гонцы связываются в одно «культурное явление». Таким образом, М. И. Гладких по существу выделяет здесь две археологические культуры: мезинскую и межирическо-добраничевскую, причем вторая, по его мнению, генетическая связана с Пушкарями 1 и Клюссами. К сожалению, отсутствие детальных публикаций инвентаря Межиричей и Добраничевки препятствует проверке выводов М. И. Гладких. Ниже мы даем краткую сравнительную характеристику каменной индустрии и костяного инвентаря этих двух предполагаемых археологических культур, в первую очередь основываясь на материалах Мезинской стоянки и Добраничевки.

На Мезинской стоянке (рис. 72; 90, *1—26*), раскапывавшейся с 1908 г., были открыты остатки ряда костно-земляных жилищ и других хозяйственно-бытовых сооружений, собраны огромные коллекции кремневого инвентаря. Полная публикация материалов (*Шовкопляс И. Г.*, 1965) позволяет достаточно подробно охарактеризовать каменную индустрию этого памятника. Всего за все годы раскопок на стоянке было обнаружено свыше 100 тыс. каменных изделий, однако количество предметов со вторичной обработкой или следами использования составляет лишь около 5,5 тыс. экз. (около 4,5 тыс. собственно орудий и около 1 тыс. пластин и отщепов со следами ретуши и использования), т. е. менее 5%. Техника первичного раскалывания целиком направлена на получение пластин, служивших основной формой заготовки. Среди нуклеусов (около 580 экз.) большинство составляют призматические, со снятием заготовок по всему или большей части периметра, преимущественно одноплощадочные, значительно реже — с двумя противолежащими площадками. Имеется незначительное количество нуклеусов параллельного скалывания, также для получения пластин. В данном конкретном случае эти нуклеусы скорее всего не выражают специфическую традицию, а появились в результате использования уплощенных желваков, раскалывать которые призматическим способом было невозможно.

Техника вторичной обработки Мезинской стоянки характеризуется отсутствием двусторонней или односторонней плоской ретуши на поверхности заготовки, высоким углом ретуши, распространением техники резцового скола, наличием приема чешуйчатой подтески.

Большая часть изделий со вторичной обработкой исчерпывается четырьмя — пятью технико-морфологическими группами. Технико-морфологическая группа скребков насчитывает свыше 500 экз. орудий (рис. 90, *18, 21—25*). Подавляющее большинство их изготавливалось на пластинах. Лезвия дугообразные, иногда спрямленные, скошенные. Общая форма определялась формой заготовки, края которой обычно не ретушировались и шли параллельно или несколько сужались к основанию скребка. Есть орудия с ретушью по одному краю, скошенному к основанию или параллельному длинной оси. Ретушь по двум краям встречалась, видимо, очень редко. Двойных скребков не более 10 экз. Резцы количественно преобладают, составляя свыше 50% всего набора орудий (около 2,5 тыс. экз.). По способу подготовки площадки для снятия резцового скола выделяются боковые резцы (около 1800 экз.), срединные (около 400 экз.) и угловые или на углу сломанной пластины (около 200 экз.). Подавляющее большинство всех резцов изготовлено на пластинах (рис. 90, *10, 14—17*), лишь немногие — на отщепах. Во всех случаях преобладают одногранные резцы, многофасеточных мало. Боковые резцы (косоретушированные, пряморетушированные, с ретушью, плавно переходящей на край, противоположный резцовому сколу) преобладают. Характерны двойные боковые резцы, полученные на противоположных, но одинаково отретушированных концах пластин. Такие орудия имеют форму параллелограмма (когда резцовые сколы расположены на противоположных краях; рис. 90, *15*) или трапеции (когда резцовые сколы идут по одному краю; рис. 90, *14*). Эти орудия, обычные в любом комплексе, где много боковых резцов, указывают скорее на динамику их оформления и переоформления в процессе использования, чем на особый тип. Характерны также орудия, у которых вогнутый желобчатый конец подчеркнут двумя плоскими резцовыми сколами, они также обычны в разнокультурных и разновременных индустриях.

Группа резцов связана с группой заготовок с отретушированными концами, в которую мы включаем большинство орудий, описанных И. Г. Шовкоплясом как «скребки с прямым лезвием», «концевые выемчатые скребки», так называемые «режущие острия» (всего свыше 500 экз., рис. 90, *9, 19, 20*). Среди этих изделий встречаются все варианты оформления концов боковых резцов; различает их лишь наличие или отсутствие резцового скола. Связь настолько тесная, что, возможно, «боковые резцы» и эти орудия следует рассматривать как одну технико-морфологическую группу.

Группа пластин с притупленным краем насчитывает свыше 300 экз. (рис. 90, *1—6, 11—13*), у них, по крайней мере один край, полностью или на большей части срезался вертикальной ретушью, причем устранялась значительная часть пластины, ретушь иногда шла по ее середине. Форма усеченных краев, как правило, прямая, реже — выпуклая, обычно в сочетании с пряморетушированным краем, но в подавляющем большинстве случаев притупливался только один край. У некоторых орудий притупленный край сочетался с одним или двумя косоусеченными концами. Такие орудия имеют переходные формы, связывающие их с проколками (рис. 90, *5*). Налицо изделия, у которых ретушью выделен черешок: у двух — крутой, противостоящий частично притупленному краю, другой же край, противолежащий притупленному, имеет выпуклую форму, полученную крутой ретушью; у одного черешок образован притупливающей ретушью по правому краю. Отдельные орудия близки к геометрическим микролитам: сегментам и

трапеции. Проколки (около 160 экз.) чаще, чем другие орудия, изготовлялись на укороченных заготовках, сломанных пластинках, пластинчатых отщепах и отщепах. Имеются орудия, выполненные на обычных ножевидных пластинах. Жальца проколок выделялись крутой ретушью, обычно с двух сторон, чаще всего — в средней части конца заготовки, реже — на ее краю (рис. 90, *7*, *8*). Имеются и угловые проколки, в том числе орудия, у которых жальце не выделяется или нечетко выделяется выемками и которые, таким образом, являются связующими звеньями с технико-морфологической группой пластин с притупленным краем.

Связывающим звеном между основными группами орудий Мезинской стоянки служат комбинированные орудия: скребки-резцы, скребки с усечением противоположных лезвию концов и пр. — всего около 150 экз. Чтобы судить о характере этих связей, требуется новый анализ коллекции.

В коллекции Мезинской стоянки имеется выразительная группа долотовидных орудий — около 30 экз., не выделенных в свое время И. Г. Шовкоплясом. В данном случае орудие является существенным показателем культурного своеобразия стоянки, так как на других памятниках днепровского палеолита серии хорошо выраженных pièes éscuillées не встречено.

На Мезинской стоянке, помимо многочисленных обломков бивня, рога и костей со следами нарезок для продольного или поперечного расчленения, следами рубки и пр., встречено большое количество орудий, украшений, произведений искусства, изготовленных из этих материалов. Среди орудий выделяются следующие: 1. Клиновидные (мотыгообразные) изделия, изготовленные из стенок трубчатых костей или бивня мамонта. И. Г. Шовкопляс предполагает, что они употреблялись в качестве клиньев, так как их обушок сильно забит, а лезвие слабо сработано (*Шовкопляс И. Г.*, 1965, с. 196). В отличие от костенковско-авдеевских мотыг из бивня, они обработаны менее тщательно, не по всей поверхности, а лишь у лезвия. 2. Так называемые молотковидные орудия из рога северного или гигантского оленя. 3. Многочисленные проколки из костей мелких животных или же из бивня. 4. Более крупные приостренные стержни из трубчатых костей или бивня мамонта. 5. Костяные иглы с просверленными ушками. 6. Наконечники дротиков из бивня (целые и осколки), представленные веретенообразными стержнями, приостренными с двух концов; по двум противоположным сторонам прорезались широкие неглубокие пазы; другой тип наконечников (?) представлен двумя стержнями меньших размеров, одинаково приостренных на обоих концах и уплощенных с одной стороны. Отметим некоторые единичные орудия: выпрямитель или разминатель ремней, изготовленный из бивня мамонта, иной формы, чем так называемые жезлы начальников и сломанное изделие, иногда интерпретируемое как «обломок рыболовного крючка». Мезинские украшения представлены в первую очередь тщательно обработанными по всей поверхности каплевидными подвесками из бивня мамонта с биконическими отверстиями на сужающихся концах. Имеются стержни из бивня с чередующимися утолщениями и перехватами, так называемые «бусинные застежки». Замечательными изделиями являются браслеты из бивневых пластинок: широкий из цельной пластины, сплошь покрытой меандром (рис. 103, *7*, *8*), и так называемый «шумящий браслет», состоящий из отдельных узких скрепляющихся пластинок, украшенных нарезками, образующими при соединении пластин «елочку». Кроме этих целых браслетов, найден ряд обломков пластин, вероятно, от таких же изделий.

В отличие от памятников виллендорфско — костенковской культуры женские статуэтки, найденные на Мезинской стоянке, не реалистичны, а схематизированы, условны. В них выделены задняя, седалищная часть, туловище удлинено, не имеет признаков пола, выраженных формой, ноги укорочены. По форме эти статуэтки разделяют на «фаллические» и «птички». Все они сплошь покрыты геометрическим орнаментом (треугольники, ряды параллельных нарезок, «елочка», меандр — рис. 103, *1—6*). Еще более схематические антропоморфные изображения И. Г. Шовкопляс видит и в двух слегка изогнутых предметах из бивня мамонта с приостренным нижним и утолщенным верхним концом. Две небольшие, также очень схематичные фигурки из бивня И. Г. Шовкопляс трактует как изображения животных (Шовкопляс И. Г., 1965, с. 236), хотя, по крайней мере, одна из них по своей форме близка к мезинским женским статуэткам.

В наиболее подробно изученном мезинском жилище, раскапывавшемся в 50-е годы, на полу было обнаружено несколько крупных костей мамонта (лопатка, две нижние челюсти, тазовая и большая берцовая) украшенных орнаментом, нанесенным красной охрой (рис. 103, *9—11*). Это тот же мезинский геометрический орнамент: зигзаг — на лопатке мамонта, ряды параллельных линий, идущие в разных направлениях — на остальных костями. Как мы отмечали, раскрашенные кости известны и на других памятниках ранней поры осташковского оледенения (Костенки 21, Межиричи). Однако мезинскому набору принадлежит среди них ведущее место — не столько благодаря тому, что это — первая находка живописных произведений палеолитического искусства на территории Восточной Европы и притом относительно хорошей сохранности, сколько благодаря условиям их залегания: вместе, единым комплексом, на полу жилища. Это ставит вопрос о назначении не только данных предметов, но и самого жилища, являвшегося, возможно, не жилым в собственном смысле этого слова, но помещением, имеющим какое-то особое назначение [6].

Для сопоставления с мезинским комплексом приведем имеющиеся в нашем распоряжении данные по некоторым другим среднеднепровским стоянкам с костно-земляными жилищами.

[6] Предположение о культовом характере мезинского жилища 1 было высказано С. Н. Бибиковым и основано на том, что происходящие отсюда раскрашенные кости являются древними ударными музыкальными инструментами. Независимо от правильности такой интерпретации, предположение об особом характере этого жилища вроде бы подтверждается составом находок, сделанных на полу: раскрашенные кости, «шумящий браслет», «антропоморфные фигурки», одна из которых была воткнута в пол; из орудий — только костяной клин, несколько клиньев, шильев, «молоток» из рога оленя, трактуемый С. Н. Бибиковым как «ударник». Однако для суждения о том, насколько такой состав находок необычен для жилищ мезинско-ансовского типа, требуется, по нашему мнению, большое количество сравнительных данных.

Стоянка Добраничевка (рис. 72; 90, *27—43*), расположенная на левом берегу р. Супой (левый приток Днепра), на территории Киевской обл. была открыта в 1952 г. и изучалась с перерывами в 50—70-е годы под руководством И. Г. Шовкопляса. Памятник опубликован лишь предварительно (*Шовкопляс И. Г.*, 1955, 1972; *Пидопличко И. Г.* 1969; *Гладких М. И.*, 1973, 1977); подробные публикации кремня и костяных изделий отсутствуют. Культурный слой залегал в палевом лессе, на глубине 1,5—2 м от современной дневной поверхности. Ниже слоя в разрезе вскрыты остатки двух погребенных почв, их возраст неизвестен. На стоянке обнаружены остатки четырех жилищ, окруженных хозяйственными ямами.

По данным М. И. Гладких (*Гладких М. И.*, 1973), в двух комплексах Добраничевки, каждый из которых включает жилище и примыкающие к нему хозяйственные ямы, очаги и участки интенсивной обработки кремня («производственные центры»), собрано свыше 6 тыс. каменных изделий. Материал — черный меловой кремень и в небольших количествах — дымчатый горный хрусталь. Техника первичного раскалывания призматическая, но в отличие от мезинских нуклеусов, на которых скалывание заготовок велось по всему периметру или по большей его части, здесь поверхность скалывания ограничена. Из 124 нуклеусов преобладают двуплощадочные (80 экз.), преимущественно с противолежащими ударными площадками. Среди изделий со вторичной обработкой количество резцов (182 экз.) и скребков (160 экз.) примерно одинаковое. В отличие от Мезина, здесь устойчивую серию составляют двойные скребки (рис. 90, *33, 34*); имеются также округлые или приближающиеся к ним орудия (рис. 90, *42*) — тип, отсутствующий в Мезине. Среди резцов (рис. 90, *36—38*), как и в мезинской индустрии, преобладают боковые, более детальные сравнения пока невозможны. Пластинок с притупленным краем довольно много (около 50 экз.; рис. 90, *27—31*); преобладают, как в Мезине, с одним пряморетушированным краем. Имеются пластины с отретушированными концами («режущие острия» — 33 экз.?). Пластины с маленькими выемками по краю аналогичны мезинским.

Костяной инвентарь Добраничевки гораздо беднее мезинского. Характерные «женские статуэтки», браслеты, богатый геометрический орнамент отсутствуют. Общие орудия: молоткообразные из рога северного оленя, клиновидное изделие из стенки трубчатой кости, проколки — слишком широко распространены в восточноевропейских стоянках осташковского времени, чтобы служить надежным показателем культурной принадлежности. Лощило (?) из ребра мамонта, лопаточка и «плоский наконечник» (?) из бивня не находят аналогии в мезинском инвентаре. Уникальны и янтарные бусы [7].

Таким образом, представленные данные по каменному и костяному инвентарю свидетельствуют, что Мезин и Добраничевка действительно скорее всего относятся к разным археологическим культурам. Различия между ними, впрочем, не так велики, как, например, между спицынской, стрелецкой и городцовской культурами. Вероятно, здесь, в Среднем Поднепровье, в раннеосташковское время разнокультурные индустрии обладали рядом сходных черт, подобно индустриям юго-запада Русской равнины.

Севернее, в бассейне р. Десны (Верхнее Поднепровье), был обнаружен целый ряд памятников с остатками жилых сооружений, построенных с использованием крупных костей мамонта. Многие из них дали не только богатый кремневый инвентарь, но и произведения палеолитического искусства. К сожалению, анализ и публикации этих материалов в большинстве случаев не соответствует современному научному уровню, в частности, не позволяет с уверенностью определять их культурную принадлежность. Изучение ряда этих памятников продолжается в настоящее время.

Здесь мы ограничимся краткой характеристикой лишь некоторых из этих стоянок.

Елисеевичская стоянка расположена на р. Судости (левый приток р. Десны) в д. Елисеевичи Брянской обл. Памятник был открыт К. М. Поликарповичем в 1930 г., раскапывался им же с 1935—1936, в 1946, 1948 гг. (*Поликарпович К. М.*, 1968), впоследствии в 60-е годы раскопки памятника были продолжены В. Д. Будько, а в 70-е годы — Л. В. Греховой (*Величко А. А.*, *Грехова Л. В.*, *Ударцев В. П.*, 1977).

На стоянке были обнаружены различные конструкции из крупных костей мамонта, в частности, сооружение из плоских костей длиной около 6,5 м («ход»), ямы, заполненные крупными костями мамонта. Однако опубликованные материалы не дают возможности представить в целом планировку поселения.

Кремневый инвентарь опубликован недостаточно для того, чтобы описать характерные особенности елисеевичской индустрии. Можно лишь отметить, что, как и в большинстве описываемых стоянок Среднего и Верхнего Поднепровья, техника первичного раскалывания здесь имеет ярко выраженный пластинчатый характер, в наборе орудий большой удельный вес занимают резцы, в особенности боковые. По данным К. М. Поликарповича, других орудий мало, даже скребков, проколок и острий насчитываются единичные экземпляры.

Особенно широко известны костяные изделия Елисеевичской стоянки, в первую очередь — произведения искусства. Изображения рыб, сложный орнамент, включающий элементы, не встречающиеся больше ни на каких других верхнепалеолитических стоянках (правильные шестиугольники), женская статуэтка, выполненная в реалистической манере (единственное изображение такого рода на территории Восточной Европы за пределами памятников, относящихся к виллендорфско-костенковской культуре), — все это подчеркивает своеобразие Елисеевичской стоянки по сравнению с другими верхнепалеолитическими памятниками Русской равнины раннеосташковского времени, делает вполне правомочной постановку вопроса о выделении особой елисеевичской культуры (*Kozlowski J.*, *Kozlowski S.*, 1975, s. 206—208).

Стоянка Юдиново расположена на правом берегу р. Судости, у д. Юдиново Погарского р-на Брянской обл., была открыта в 1934 г. Исследования этого памятника проводились К. М. Поликарповичем в 1934 и 1947 гг. (*Поликарпович К. М.*, 1968). В 1980 г. раскопки этого памятника возобновлены З. А. Абрамовой.

[7] Некоторое сходство с мезинскими антропоморфными изображениями, возможно, имеет стилизованная фигурка из янтаря, найденная в Добраничевке.

В результате раскопок 1947 г. обнаружены остатки округлого жилища аносовско-мезинского типа, вероятно, в обычном сочетании с ямами-кладовыми (*Поликарпович К. М.*, 1968). Об этом несомненно свидетельствует не только характер распределения культурных остатков, но и многочисленные конструктивные детали из крупных костей мамонта, прослеженных в ходе работ. Публикации кремневого и костяного инвентаря отсутствуют, поэтому мы не можем сказать, какова культурная принадлежность Юдиновской стоянки в кругу других памятников с костно-земляными жилищами аносовско-мезинского типа. Л. В. Грехова отмечает, что наибольшую близость кремневый инвентарь Юдиновской стоянки обнаруживает в индустрии стоянок Тимоновка 1 и 2 (*Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П.*, 1977, с. 109).

Эти две стоянки расположены на правом берегу Десны у с. Тимоновка Брянской обл. Первая из них (Тимоновка 1) была открыта еще в 1927 г. М. В. Воеводским, который впервые обследовал ее совместно с геологом Г. Ф. Мирчником (*Воеводский М. В.*, 1929). В 1928 — 1933 гг. обширные раскопки здесь производились В. А. Городцовым, вскрывшим около 1200 кв. м. Им, в частности, был сделан вывод о наличии здесь необычных для палеолита подчетырехугольных землянок (*Городцов В. А.*, 1935). В 1955 г. во время рекогносцировочных работ на Тимоновке А. Н. Рогачевым был установлен естественный мерзлотный характер происхождения тимоновских «землянок». Это было окончательно подтверждено в ходе комплексных работ на новой стоянке Тимоновка 2, открытой в 1965 г. Л. В. Греховой и исследовавшейся ею совместно с А. А. Величко, Р. А. Сорокиной и другими учеными.

Раскопки Л. В. Греховой показали, что эти два памятника близки по возрасту и идентичны по материалу (*Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П.*, 1977). Культурные слои их залегают в верхней части лессовидных суглинков, в плохо выраженной ископаемой почве и сильно деформированы мощными мерзлотными клиньями. По мнению А. А. Величко, уровень залегания культурного слоя выше уровня, с которого происходило морозобойное растрескивание, хотя он оговаривается, что этот уровень проводится фрагментарно и что о времени заселения человеком территории стоянки трудно говорить определенно (*Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П.*, 1977, с. 70 — 71). Для стоянки Тимоновка 2 имеется радиоуглеродная дата по зубу мамонта: 15110±530 (ЛУ—358). Эти данные, как и дата, полученная для Елисеевичской стоянки (17340±170, ЛУ — 360), противоречат нашим взглядам на возраст данных памятников. Напомним, однако, что уже неоднократно радиоуглеродные даты, дававшие «позднеледниковый» возраст, при повторных анализах сменялись более древними датировками, указывающими на раннеосташковское время существования памятника. Так было для нижнего слоя Костенок 21, верхнего слоя Костенок 1, для Авдеевской стоянки.

Можно предполагать, что криогенными процессами на стоянке Тимоновка 1 были разрушены остатки жилищ, сооруженных с использованием крупных костей мамонта. На стоянке Тимоновка 2 были обнаружены остатки какой-то конструкции из черепов, нижних челюстей и бивней мамонта, две ямы, остатки очага. Кремневый инвентарь Тимоновских стоянок, судя по публикациям, не отличается большой выразительностью. Список технико-морфологических групп невелик: скребки, резцы (свыше половины всех орудий), сопутствующие последним косоусеченные пластины, пластинки и острия с притупленным краем (*Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П.*, 1977, с. 109). Среди сравнительно немногочисленных изделий из кости и бивня имеются орнаментированные фрагменты. Орнамент, основными элементами которого являются ромбы и треугольники, достаточно скуден и маловыразителен. По свидетельству Л. В. Греховой, эти же элементы характерны и для Юдиновской стоянки (*Грехова Л. В.*, 1977). Таким образом, вполне вероятно, что Тимоновка 1, 2 и Юдиново относятся к одной археологической культуре. Более детальные заключения о месте Тимоновских стоянок в ряду других памятников с костно-земляными жилищами пока преждевременны.

Характеристика двух деснинских стоянок, культурная принадлежность которых достаточно хорошо определяется (Хотылево 2 и Бердыж), будет приведена ниже, при описании памятников виллендорфско-костенковской культуры на Русской равнине.

* * *

В степной юго-восточной области Русской равнины наиболее надежно датируются средней порой позднего палеолита памятники каменнобалковской культуры (рис. 72) по ее родству с имеретинской культурой, относящейся, по общему мнению, к данному периоду.

Стоянки Каменная балка I и II расположены на правом берегу древней глубокой балки, впадающей в Мертвый Донец, у хут. Недвиговка (Ростовская обл.), исследовались на широкой площади в 1957 — 1963 гг. под руководством М. Д. Гвоздовер. Неподалеку от этих стоянок обнаружено еще несколько позднепалеолитических местонахождений, на которых раскопок не производилось. Культурный слой стоянки Каменная балка I залегал в лессовидном суглинке на глубине до 80 см от современной дневной поверхности. Ниже отмечался горизонт белоглазки (следы почвообразования?), с которой связан культурный слой расположенной на соседнем мысу стоянки Каменная балка II. Таким образом, Каменная балка II стратиграфически более древняя, чем Каменная балка I (*Гвоздовер М. Д.*, 1964). Состав инвентаря обеих стоянок почти идентичен.

Культурный слой более древней стоянки Каменная балка II исследован на площади 358 кв. м. Он непереотложен, залегает компактно, мощность его 10—15 см. Выделяется ряд объектов: 1) гумусированное пятно, размером 3×6 м, насыщенное кремнем (до 300 экз. на 1 кв. м); 2) содержащее три небольших очага (остатки жилища?) овальное в плане (4×2 м) скопление раздробленных костей зубра и лошади; 3) отдельные участки интенсивного скопления кремня (места его обработки). Фауна стоянки — зубр (не менее 30 особей), лошадь (не менее 19 особей). В небольшом количестве встречаются северный олень, бурый медведь, заяц, баран. Каменный инвентарь[8]

[8] Цифры приводятся по материалам раскопок 1959—1962 гг., опубликованным М. Д. Гвоздовер (*Гвоздовер М. Д.*, 1964).

насчитывает около 33 тыс. предметов, из них изделий со вторичной обработкой и нуклеусов около 2340 экз. Техника первичного раскалывания характеризуется сочетанием основных способов раскалывания. Призматические нуклеусы, как правило, одноплощадочные, пирамидальные, за счет снятия пластин по всему периметру ударной площадки. Параллельные нуклеусы имеют треугольные или четырехугольные очертания, ударная площадка скошена, сторона, противоположная поверхности скалывания, во многих местах обработана сколами. Торцовые нуклеусы для получения микропластин изготовлялись, как правило, на отщепах («вторичные ядрища», они же — «многофасеточные резцы»). Радиальный способ снятия заготовок представляют около 20 типичных дисковидных нуклеусов. Характерно наличие нуклевидных орудий: переделанных нуклеусов, скребков высоких форм, некоторых многофасеточных резцов, причем провести четкую грань между нуклеусами и такими орудиями невозможно, общее же количество тех и других — около 450 экз.

Техника вторичной обработки характеризуется использованием крутой и вертикальной ретуши — преимущественно для обработки краев микропластин и для усечения концов пластин, широким распространением техники резцового скола, наличием приема чешуйчатой подтески. Плоская односторонняя и двусторонняя ретушь отсутствует. Основные технические и технико-морфологические группы орудий следующие. Резцы — 724 экз. (рис. 91, *19—24*). Преобладают боковые (500 экз.), пряморетушные, косоретушные, реже — на отретушированной выемке. В качестве заготовок использовались как пластины, так и отщепы. Довольно много двойных, тройных изделий. Часто встречаются многофасеточные формы — зачастую их трудно отделить от нуклеусов торцового скалывания. Как в некоторых других индустриях, с боковыми резцами связана группа пластин с усеченными ретушью концами (118 экз.), у которых формы отретушированных концов те же, что и у боковых резцов (рис. 91, *15, 16, 18*). Подобным же образом оформлены концы, противоположные лезвию, у ряда скребков. Общее количество последних 265 экз. (рис. 91, *7—10, 12—14*). Преобладают скребки на крупных отщепах. Наряду с ними выразительную группу составляют скребки на пластинах с параллельными, обычно неретушированными краями. Имеются орудия с расходящимися отретушированными краями. В небольших количествах встречаются короткие, высокие скребки, двойные скребки. Пластинок с притупленным краем 289 экз. Вертикальной ретушью обрабатывался один край. Среди целых орудий отмечаются следующие типы: треугольники — острия, иногда полученные ретушью по обоим краям, у которых ретушью косо срезалось основание (рис. 91, *2—4*); четырехугольники — орудия, у которых ретушью прямо или косо срезаны один или оба конца (рис. 91, *5, 6*). Иногда они принимали форму параллелограмма. Кроме перечисленных, в коллекции из Каменной балки II встречаются следующие немногочисленные, но выразительные технико-типологические группы орудий: острия (30 экз.) — изготовлялись на узких длинных пластинах ретушью по обоим краям. Противоположный конец не обработан (рис. 91, *17*). Острия-проколки (15 экз.) — орудия на мелких пластинках с ретушью по обоим краям (рис. 91, *25*). Долотовидные орудия (33 экз.) (рис. 91, *11*).

Кремневая индустрия Каменной балки I (рис. 91, *27—34*) близка Каменной балке II. Здесь встречаются те же типы микропластин с притупленным краем, среди резцов также преобладают боковые, находящие соответствие в группе пластин с усеченными ретушью концами. Как отличия можно отметить несколько иное количественное соотношение резцов и пластинок с притупленным краем (последние здесь преобладают), уменьшение размеров заготовок, используемых для изготовления скребков и резцов. Отличия эти второстепенные, могут объясняться разным временем существования поселений одной и той же, каменнобалковской археологической культуры, по мнению М. Д. Гвоздовер, генетически связанной с имеретинской культурой Закавказья (сходная техника первичного раскалывания, сходные заготовки и технические приемы, применяемые для изготовления скребков и резцов, распространение орудий с поперечной ретушью, общие типы микропластинок с притупленным краем) (*Гвоздовер М. Д.*, 1967).

Иные культурные традиции, а также иное направление связей рисуется по материалам Мураловской стоянки, расположенной на правом берегу Миусского лимана, раскапывавшейся в 1964, 1967 гг. под руководством Н. Д. Праслова. Культурный слой сохранился достаточно хорошо. Он залегает компактно, мощностью 5—10 см на глубине от 2 до 0,5 м (ближе к берегу) от современной дневной поверхности.

На раскопанной площади 140 кв. м вскрыты остатки удлиненного наземного жилища с очагом в центре, прослеженные по локализации находок и меньшей их переотложенности по горизонтам и вертикали. Жилище обрамлено вымосткой из щебня сарматского известняка, вероятно, выложенной в связи с выходом здесь грунтовых вод (*Праслов Н. Д., Филиппов А. К.*, 1967). Собранная коллекция насчитывает около 6300 экз. расщепленного кремня, из них около 350 изделий со вторичной обработкой. Ведущей формой заготовки служил отщеп и пластинчатый отщеп; из правильных пластин изготовлено не более десятка орудий. Заготовками для микроорудий в большинстве случаев служили не микропластинки, а удлиненные, сильно искривленные в профиле чешуйки — продукты вторичной обработки. Техника первичного раскалывания своеобразна, размеры нуклеусов небольшие, большинство имеет длину 3—4 см. Из 17 нуклеусов лишь 2 экз. — типично призматические, одноплощадочные, 6 экз. — типичные нуклеусы параллельного скалывания с плоской рабочей поверхностью, одно-, двух- и трехплощадочные. В остальных случаях наблюдается сочетание двух плоских поверхностей скалывания, примыкающих друг к другу, или плоской поверхности скалывания — с более или менее выпуклой. Но во всех этих случаях, судя по пропорциям нуклеусов и негативам снятий, они служили для получения отщепов, а не пластин. Преобладают многоплощадочные нуклеусы, причем у них, как правило, ударные площадки перпендикулярны друг другу, а плоскости скалывания («рабочие поверхности») — противоположны. Микрозаготовки снимались с изделий особого вида: нуклеусов-скребков высокой формы, округлых в плане (9 экз.). Эти изделия являлись одновременно

и нуклеусами, и орудиями — о последнем свидетельствует характер обработки края «ударной площадки» (рабочее лезвие), следы изношенности на нем. Очевидно, для получения более правильных микропластин служили клиновидные нуклеусы на отщепах (3 экз.), они же — многофасеточные резцы.

350 изделий со вторичной обработкой включают следующие технические и технико-морфологические группы. Скребки (включая описанные выше скребки-нуклеусы) — 49 экз. Помимо описанных, выделяются следующие типы: 1) высокие скребки на массивных пластинчатых отщепах с необработанными краями и неровными, часто забитыми лезвиями (8 экз., рис. 91, *46, 51*); два орудия представляют собой типичные ладьевидные скребки; 2) скребки на пластинчатых отщепах с субпараллельными краями, обработанными ретушью — 7 экз. (рис. 91, *52*); 3) скребки на тонких, относительно узких пластинках с параллельными неретушированными краями — 4 экз.; 4) скребки «à museaú» — 4 экз. (рис. 91, *43, 45*.). Здесь они сделаны на относительно массивных удлиненных заготовках, имеют четко выраженные «плечики». Остальные скребки более разнородны. Большинство их (16 экз.) изготовлено на отщепах. Особо выделяются два скребка на массивных отщепах с округлым зубчатым лезвием, на котором выделен шип (рис. 91, *54*), овальный скребок на отщепе, обработанный по всему периметру плоской ретушью, покрывающей всю спинку (рис. 91, *58*). Имеется также двойной скребок на массивной удлиненной заготовке. Изделий с резцовыми сколами 35 экз. Они чаще, чем скребки, изготовлялись на широких коротких отщепах или осколках. Довольно много многолезвийных орудий (10 экз.), причем обычно они представляют собой аморфные неудачные изделия. Обращает на себя внимание наличие в инвентаре Мураловки своеобразных поперечных резцов, у которых резцовый скол снимался с частично отретушированного края заготовки (8 экз., рис. 91, *48, 50*). Выделяется особый тип резца на пластинчатом отщепе с двумя выемками, асимметрично поставленными на противоположных краях. К нему относится, вероятно, и один срединный резец (рис. 91, *47*). Выделяются также два подтреугольных орудия с отретушированной выемкой в основании, у которых острый конец получен резцовыми сколами (наконечники или их заготовки?) (рис. 91, *57*). Остальные резцы по способу снятия резцового скола относятся к боковым (4 экз.; рис. 91, *49*), срединным (6 экз.; рис. 91, *55, 56*), резцам на сломе (4 экз.).

Проколки (4 экз.) — разнородны, но у всех довольно четко выделяется короткое жальце (рис. 91, *44*). Обращает на себя внимание листовидное острие — наконечник подтреугольных очертаний, у которого плоской вентральной ретушью подработаны острый конец и основание (рис. 91, *53*). Микроорудия составляют преобладающую группу (166 экз.). Вертикальная ретушь, сильно усекающая край заготовки, почти не встречается. Обычно эти изделия обрабатывались мелкой, более или менее крутой ретушью, идущей по самой кромке. Подразделяются на чешуйки и микропластинки с ретушированными краями (136 экз., рис. 91, *37—40*) и микроострия (30 экз.; рис. 91, *35, 36, 41, 42*). Среди первых свыше половины (84 экз.) имеют ретушь только по одному краю. У 45 орудий отретушированы оба края. У шести из них ретушью скошен один конец. В шести случаях ретушь противолежащая, в девяти — плавно заходит на концы, образуя орудия овальных очертаний. Имеются выемчатые микроорудия (6 экз.) и одно, у которого отретуширован только конец заготовки. Микроострия делались на более правильных и удлиненных заготовках — микропластинках. Как правило, ретушь, оформляющая острие, нанесена на оба края, иногда — только у самого острого конца. Выделяются удлиненно-подтреугольные острия (227 экз.), клювовидные (7 экз.) и одно прямоугольное с косой поперечной ретушью. И по характеру заготовок, и по характерным признакам микроорудия Мураловской стоянки резко отличаются от микроинвентаря других позднепалеолитических памятников степей Северного Причерноморья.

Костяной инвентарь Мураловской стоянки представлен обломком рога благородного оленя со следами расчленения, обломком подвески из клыка лисицы-корсака и двумя фрагментами лощил из роговых пластин. Одно из них (рис. 91, *59*) имеет плавный перехват, края его украшены рядами насечек, а на выпуклой поверхности имеется гравировка, которую Н. Д. Праслов и А. К. Филиппов (1967) трактуют как стилизованное изображение человека, а Г. В. Григорьева — как изображение рыбы. Второе также имеет плавный перехват и насечки по краю. На лицевой стороне выгравирован орнамент в виде узкой линии с двумя параллельными канавками по обе стороны от нее.

В культурном отношении Мураловская стоянка остается чрезвычайно своеобразным, но изолированным памятником. Некоторые отдельно взятые особенности ее индустрии находят аналогии на территории Центральной и даже Западной Европы. Так, по характеру микроорудий и сочетанию их с ладьевидными скребками Н. Д. Праслов сближает Мураловку с польской стоянкой Гура Пулавская (*Праслов Н. Д.*, 1972). Наконечник с вентральной плоской ретушью основания и острия близок к французским протосолютрейским наконечникам. К французским же изображениям из грота Плакар тяготеет мураловская гравировка. Сравнение отдельных даже ярких, выразительных предметов, выхваченных из комплекса,— не метод для установления культурной принадлежности, генетических связей индустрии. Однако при отсутствии аналогий на сколько-нибудь близких территориях такие параллели указывают, по крайней мере, на иное, нежели каменнобалковская культура, происхождение мураловской индустрии, на иные, помимо закавказских, истоки заселения степей Северного Причерноморья.

Иные культурные традиции обнаруживает Амвросиевка и Большая Аккаржа, материалы которой будут рассмотрены ниже. Таким образом, разнокультурность позднепалеолитических стоянок Нижнего Дона и причерноморских степей, отстаивавшаяся рядом исследователей (М. Д. Гвоздовер, Г. В. Григорьева, Г. П. Григорьев, Н. Д. Праслов), не вызывает сомнений. Их разнокультурность, однако, не исключает возможности рассмотрения этих памятников под иным углом зрения, как и того, что в этом случае разнокультурные памятники могут объединяться в общность иного плана, чем археологическая культу-

ра. В свое время П. И. Борисковский предположил, что эти памятники относятся к особой, степной зоне, которая характеризуется особыми формами хозяйства, связанными с условиями окружающей природной среды (массовая облавная охота на стада диких быков), отсутствием постоянных жилищ, распространением недолговременных охотничьих стойбищ в открытых степных пространствах, своеобразным кремневым инвентарем (*Борисковский П. И., Праслов*, 1964). Против этого предположения выступили М. Д. Гвоздовер и Г. В. Григорьева. Они отмечали, что фауна ряда стоянок «степной зоны» представлена не исключительно зубром (Каменная балка I, II, Мураловка), что по имеющимся данным нельзя говорить с уверенностью об этих стоянках как о кратковременных охотничьих стойбищах: материала пока еще слишком мало для однозначных выводов, имеются факты, противоречащие предположениям П. И. Борисковского (предполагаемые жилища в Мураловке и Каменной балке II). Подчеркивалось культурное своеобразие кремневого инвентаря этих стоянок (*Гвоздовер М. Д.*, 1964,; 1967; *Григорьева Г. В.*, 1967, 1968).

Наша точка зрения совпадает с мнением С. В. Смирнова (1977): имеющегося материала недостаточно ни для безусловного утверждения, ни для безусловного отрицания возможности сложения в южных степях, в эпоху позднего палеолита культурно-хозяйственной общности, хотя бы и генетически различных археологических культур, у которых за счет жизни в сходных природных условиях материальная культура могла несколько нивелироваться. Существенная для этого предпосылка — специализация охоты на стада крупных быстро двигающихся животных, в первую очередь — зубра — присуща всем этим памятникам[9]. К сожалению, отсутствуют важнейшие данные для решения этого вопроса: сравнительные характеристики самих поселений. Что касается кремневого инвентаря, то, несмотря на его разнокультурность, отмеченные различия далеко не такие резкие, как между разнокультурными индустриями Костенковско-Боршевского района. Они скорее сродни различиям между разными археологическими культурами юго-запада Русской равнины, которые мы объединяем в историко-культурную общность. В частности, обращают на себя внимание сравнительно небольшие размеры кремневых орудий и нуклеусов, часто переделывавшихся в орудия, ограниченный список технических и технико-морфологических групп в составе инвентаря и особенно — очень высокий процент микроорудий. Отметим, что если в сложении юго-западной историко-культурной общности большую роль, вероятно, играло длительное автохтонное развитие существовавших там археологических культур, то в юго-восточной (степной) области общие черты складывались в генетически различных археологических культурах, пришедших сюда с разных территорий (каменнобалковская — из Закавказья и мураловская, возможно, из Западной Европы).

[9] Наличие сопутствующих видов не может опровергнуть это положение, так как количественно определяющая роль всегда принадлежала зубру (*Смирнов С. В.*, 1977). Значительное количество особей лошади в Каменной балке II также не опровергает положение о специализации охоты: по образу жизни этих животных охота на них должна была вестись теми же способами, что и на зубра.

* * *

Характеризуя средний культурный слой грота Сюрень I как памятник средней поры позднего палеолита Крыма, оговоримся еще раз: при получении новых данных прежние взгляды на возраст культурных слоев этого памятника могут быть существенно пересмотрены. Но едва ли будет уместно с нашей стороны, опираясь только на хорошо известные и опубликованные материалы, пытаться прогнозировать, насколько и в какую сторону должны будут измениться прежние представления.

Между нижним и средним культурными слоями обнаруживается сходство в характере индустрий, но вместе с тем заметны и изменения. В среднем слое основной формой заготовки также является пластина: призматические нуклеусы сопровождаются некоторым количеством дисковидных (*Векилова Е. А.*, 1957). Сходство прослеживается и в наборе орудий. Скребки среднего слоя (рис. 79, *1—4, 6, 7*) в основном те же, что и в нижнем: концевые на пластинах, на отщепах, скребки высокой формы, вероятно, переделанные из сработанных нуклеусов. Можно лишь отметить уменьшение длины пластин, используемых для изготовления этих орудий, исчезновение скребков à museaú.

Среди резцов (рис. 79, *5, 13*) заметно резкое возрастание доли срединных, включая многофасеточные, и уменьшение количества боковых. Чешуйчатые орудия исчезают. Резко уменьшается доля микроорудий (в 15 раз!) (*Векилова Е. А.*, 1957), причем, если пластиночки с противолежащей ретушью сохраняются (рис. 79, *11, 12*), то пластинки с притупленным краем исчезают почти полностью. Проколок, как и в нижнем слое, мало (рис. 79, *10*). «Орудия мустьерских форм», отмеченные Е. А. Векиловой в количестве шести экземпляров, судя по рисункам (*Векилова Е. А.*, 1957, рис. 20, 12, 13), можно так определять лишь с очень большими оговорками. Они резко отличаются от архаичных орудий нижнего культурного слоя стоянки Сюрень I, действительно обнаруживающих параллели в мустьерских памятниках Крыма.

Приведенные данные не противоречат предположению о культурной близости нижнего и среднего слоев стоянки Сюрень I; изменения, прослеживающиеся в индустрии среднего слоя, можно объяснять развитием одной культуры во времени. Однако для более обоснованных суждений о культурной принадлежности этих слоев необходимы новые материалы по позднему палеолиту Крыма, в первую очередь — разведка и исследование здесь новых позднепалеолитических стоянок.

* * *

Невозможно дать даже самую краткую характеристику многообразия культурных традиций, прослеживающихся в многочисленных позднепалеолитических стоянках Костенковско-Боршевского района, залегающих в лессовидном суглинке, выше гумусированных толщ, и относимых нами к раннеосташковскому времени. Мы ограничимся лишь некоторыми из них.

Важнейшим, пожалуй, наиболее известным среди раннеосташковских памятников всей Русской равни-

ны, является верхний культурный слой Костенок I — поселения, расположенного на левобережном мысу Покровского лога, исследующийся с 1879 г., но далеко еще не завершенный. Результаты работ 30—50-х годов опубликованы в монографиях (*Ефименко П. П.*, 1958; *Рогачев А. Н.*, 1957). В настоящее время этот памятник, так же как и близкие к нему по составу инвентаря стоянки того же Покровского лога (Костенки 13, Костенки 18, Костенки 14, верхний культурный слой), верхнедонская стоянка Гагарино (Липецкая обл.), расположенная западнее, в бассейне р. Сейм, стоянка Авдеево (Курская обл.), большинством исследователей относится к единой, костенковско-авдеевской археологической культуре, носители которой пришли на территорию Восточной Европы из Центральной Европы (виллендорфская культура в Австрии, павловская культура в Чехословакии, стоянка Краков-Спадзиста в Польше). Эта культура составляет с центральноевропейскими культурами генетически связанное единое звено: виллендорфско-павловско-костенковское культурное единство (*Григорьев Г. П.*, 1966, с. 24; 1968, с. 69 и др.).

Вместе с тем близость характерных особенностей кремневого и костяного инвентаря таких территориально удаленных стоянок, как Виллендорф 2, слой IX, Петржковице, Костенки 1, верхний слой, Авдеево, выступает настолько ярко, что, может быть, правильнее говорить о существовании виллендорфско-костенковской археологической культуры, носители которой в раннеосташковское время постепенно распространялись по обширной территории, включающей Чешско-Моравскую и Малопольскую возвышенности — Русскую равнину [10]. В отдельных, удаленных друг от друга районах какая-то часть «виллендорфцев» оседала и развивалась автохтонно, что привело к возникновению локальных вариантов этой культуры (павловский, костенковско-авдеевский).

Виллендорфско-костенковская культура зародилась на территории Центральной Европы еще в паудорфское (молого-шекснинское) время: к этому периоду относятся IX культурный слой стоянки Виллендорф 2 и Петржковице (*Kozlowski J.*, *Kozlowski S.*, 1975, л. 401, 422). Большинство других памятников, включая восточноевропейские, датируются раннеосташковским временем (Дольни Вестонице — 23 650 л. до н. дн., Павлов — 23070, 24780 л. до н. дн., Краков-Спадзиста — 21 000 л. до н. дн., Костенки 1, I слой — 22300 л. до н. дн., Бердыж — 21480 л. до н. дн.) [11].

[10] Разумеется, из этого не следует, что на столь обширной территории существовало социально связанное население (например, племенной союз): близость, почти тождественность специфических особенностей материальной культуры удаленных друг от друга стоянок — следствие первобытной консервативности традиции, особенно ярко выступающей при одинаковой природной базе. Лишь постепенно, в течение длительного отрезка времени, изолированные друг от друга коллективы изменили свои первоначальные традиции, что и привело к возникновению локальных вариантов виллендорфско-костенковской культуры.

[11] Вновь полученные радиоуглеродные даты для I слоя Костенок 1 и Авдеево порядка 23000 л. до н. дн. позволяют считать прежние их датировки (13—14 тыс. л. до н. дн.) омоложенными. Ближе к истине, вероятно, и новая дата для Гагаринской стоянки — 21800±300 (ГИН — 1872); прежняя, порядка 30 тыс. л. до н. дн. (*Герасимов И. П. и др.*, 1976), противоречила условиям залегания культурного слоя в более поздних, осташковских отложениях.

В то же время нужно отметить, что по характеру инвентаря верхний слой Костенок 1 и Авдеевская стоянка стоят ближе всего к древнейшим центральноевропейским памятникам: IX слою Виллендорфа 2 и Петржковицам.

Как уже отмечалось, в верхнем слое Костенок 1 были открыты конструктивно сложные жилые объекты. Аналогичные сооружения открыты на Авдеевской стоянке, где они были сильно деформированы мерзлотными процессами, имевшими место уже после погребения культурного слоя.

Основные особенности кремневой индустрии верхнего культурного слоя Костенок 1 следующие. Ведущей формой заготовок служили пластины, часто крупные (7—14 см длиной). Наряду с ними использовались и микропластинки. Отщепы и осколки употреблялись крайне редко. Первичное расщепление кремня, снятие крупных заготовок производилось за пределами стоянки; нуклеусов, соответствующих типичным костенковским пластинам, там почти нет. Зато снятие микропластин производилось на территории поселения: об этом свидетельствуют многочисленные предельно обработанные нуклеусы и «вторичные ядрища», как правило, нуклеусы торцового скалывания. Широко применяемые для изготовления орудий приемы вторичной обработки отличаются здесь, пожалуй, бóльшим разнообразием, чем в основной массе других археологических культур раннеосташковского времени. Для индустрии верхнего слоя Костенок 1 характерна краевая, крутая или полукрутая ретушь, часто охватывающая весь край заготовки, а наряду с ней — вертикальная и настильная, далеко заходящая на поверхность заготовки (солютрейская). Для изготовления ряда орудий использовался прием подтески концов. Широко распространена техника резцового скола.

Основные технико-морфологические группы орудий следующие [12]. Скребки (свыше 200 экз., рис. 92, *25—27*) исключительно концевые, обычно на типичных крупных костенковских пластинах с субпараллельными неретушированными или частично ретушированными краями. Скребки на таких заготовках с расходящимися к лезвию ретушированными краями встречаются реже. Наряду с ними широко распространены скребки на маленьких пластинках. Среди них следует отметить скребки со слегка расширяющимися краями, обработанными ретушью, далеко заходящей на поверхность заготовки, и скребки с основанием, приостренным резцовыми сколами. Резцы (свыше 1000 экз., рис. 92, *20*, *21*, *24*) довольно часто переделываются из других сработанных или сломанных орудий; наряду с ними есть и на обычных пластинах. Преобладают резцы на углу сломанной пластины и срединные (вместе — свыше 700 экз.) — для последних характерно смещение лезвия к длинной оси заготовки, значительное количество двойных орудий. Боковых резцов относительно немного (свыше 250 экз.), среди них преобладают орудия поперечно- и косоретушированные, связанные технически и морфологически с немногочисленной (около 100 экз.), но выразительной группой пластин с усеченным ретушью концом, среди которых многие отретушированы-

[12] Количество орудий подсчитано В. И. Беляевой, приводятся материалы только первого жилого объекта.

ны и по краям. Характерные технико-морфологические группы орудий — наконечники с боковой выемкой (свыше 400 экз.) и ножи костенковского типа (свыше 400 экз.). Наконечники с боковой выемкой здесь имеют общую форму, достигнутую с помощью крутой, реже — вентральной ретуши по одному краю и обычно, плоской вертикальной ретуши концов. Эти орудия в целом характеризуются более жесткой связью признаков, чем в других технико-морфологических группах. В то же время среди них можно выделить, по крайней мере, два самостоятельных типа. К первому относятся наконечники средних и крупных размеров (6—10 см в длину), у которых край с зубцом обрабатывался крутой, далеко заходящей на спинку ретушью. Второй край имел правильную выпуклую форму, обычно также достигаемую с помощью частичной ретуши. Концы обработаны плоской вентральной ретушью, верхний обычно отретуширован и со спинки (рис. 92, *4—6*).

Второй тип — миниатюрные наконечники (2,5—5 см в длину), у которых черешок и зубец формировались вертикальной ретушью, что связывает эти орудия с технико-морфологической группой пластин с притупленным краем. Как правило, эти орудия более простые и разнородные; иногда у них нет других признаков вторичной обработки, кроме вертикальной ретуши, выделяющей черешок и зубец (рис. 92, *9—12*). В то же время имеются отдельные экземпляры — точные копии крупных наконечников с боковой выемкой. Ножи костенковского типа в общих чертах представляют собой пластины, концы которых оформлены с помощью вентральной подтески, наносимой со специально подготовленной ударной площадки (рис. 92, *14*, *18*, *23*). Различия между отдельными вещами этой группы орудий довольно велики, однако выделить среди них определенные типы едва ли удается. В. И. Беляева доказала, что данные орудия возникли в результате специфического использования обыкновенных пластин и специфических, традиционных приемов подправки из изнашивающихся лезвий (*Беляева В. И.*, 1977). Не случайно то, что орудия, входящие в эту группу, не стандартны: различия между ними отражают динамику изменения формы в процессе их использования и подправки.

Технико-морфологическая группа листовидных орудий (свыше 60 экз.) представлена, по крайней мере, двумя типами: широкими двуконечными с двусторонней ретушью (плоской), более или менее сплошной обработкой поверхностей и узкими (на пластинах), частично отретушированными, преимущественно у концов, плоской двусторонней ретушью, как двуконечными, так и имеющими более или менее выпуклое основание (рис. 92, *16*, *17*, *22*). Среди пластинок с притупленным краем (свыше 300 экз.) выделяется особый тип: пластинки с выпуклыми, подработанными плоской вентральной ретушью концами (рис. 92, *1*, *2*). Острия (около 50 экз.) изготовлялись на пластинах средних размеров, обычно обработанных дорсальной полукрутой ретушью по всему периметру или на большей его части, их острый конец часто смещен к одному краю (рис. 92, *7*, *15*). Проколки (около 30 экз.; рис. 92, *3*, *8*, *13*) выполнялись на небольших пластинах и имеют специально выделенное жальце. Среди других изделий со вторичной обработкой следует отметить несколько скребел и остроконечников, типичных долотивидных орудий, а также свыше 50 экз. зубчато-выемчатых орудий.

Кость и бивень широко использовались обитателями верхнего культурного слоя Костенок 1 не только в качестве строительного материала, но и для изготовления различного рода поделок. В настоящее время собран огромный материал, позволяющий детально анализировать технические приемы, применяемые при обработке кости и бивня. Не останавливаясь на этом вопросе, укажем лишь основные наиболее выразительные виды костяных изделий (рис. 102, *6*, *8—13*). Мотыги изготовлялись из бивня мамонта. Они массивны, слегка изогнуты, есть почти прямые. Полукруглые лезвия отточены, заполированы. У обушка некоторые мотыги орнаментированы («елочка», «сетка», параллельные линии — рис. 102, *11*, *12*). Лопаточки представляют собой длинные узкие, тщательно изготовленные из крупных ребер орудия. На одном конце вырезана полукруглая головка, украшенная прорезями в виде «глазок». Далее, от головки к другому, выпуклому, концу орудие слегка расширяется. Рукояточная часть у головки орнаментирована по краям параллельными насечками, крестиками, треугольниками (рис. 102, *8*, *9*). Назначение этих орудий неясно. По мнению П. П. Ефименко, они не могли служить лощилами вследствие их тонкости, хрупкости и тщательности отделки. Форма их, однако, чрезвычайно близка к форме представленных здесь обычных лощил, также изготовленных в основном из ребер, но уже без особой тщательности. Эти лощила несколько массивнее, края их параллельны, навершие, орнамент отсутствуют. Важной находкой является дротик из бивня мамонта, аналогичный сунгирьским копьям, но меньших размеров (около 1,1 м). Подобное же орудие, но еще меньших размеров (0,75 м) было найдено и в первом жилом объекте. Различного рода иглы, шилья, острия, изготовленные как из бивня, так и из стенок трубчатых костей, встречаются в большом количестве. Некоторые из них украшены орнаментом. Выпрямителей из рога северного оленя мало, лучший экземпляр этого орудия был найден на Костенках 13. При исследовании второго жилого объекта обнаружен ряд светильников, изготовленных из эпифизов крупных трубчатых костей мамонта. Их губчатая поверхность пропитывалась жиром, который, выгорая, в течение какого-то промежутка времени давал освещение. Украшения представлены просверленными клыками песца (самый распространенный вид украшений), подвесками из бивня мамонта, обычно утолщенными, округлой или овальной формы, реже — плоскими, орнаментированными (рис. 102, *13*), фибулами-застежками (так называемые «верблюжьи ножки»). Уникальным изделием является пластина из бивня мамонта («браслет»), украшенная елочным орнаментом. С обратной стороны его края раскрашены черной краской. Эта вещь представляет собой известную аналогию мезинскому браслету.

Наиболее известны из произведений искусства данного круга памятников женские изображения, выполнявшиеся из мергеля и слоновой кости (рис. 102, *6*). О них писалось неоднократно, хотя до сих пор

нельзя сказать с полной уверенностью, какова же семантика этих изображений и каково их назначение. Возможно, разные фигурки выполняли различную роль, во всяком случае, наряду с изображениями тучных, иногда явно беременных женщин[13], встречаются «грацильные статуэтки». Одна статуэтка из второго жилого комплекса Костенок I не имеет половых признаков и трактуется нами как изображение мужчины.

Мергелевые фигурки животных (рис. 102, *1—3*) различны. Наряду с мелкими, стилизованными изображениями мамонта, аналогичными фигуркам из II культурного слоя Костенок 11, есть реалистичные изображения головы хищников: пещерного льва, львицы, медведя.

И кремневый и костяной инвентарь Авдеевской стоянки почти тождествен инвентарю верхнего слоя Костенок I: совпадают особенности приемов первичной и вторичной обработки, набор технических и технико-морфологических групп орудий, их количественные соотношения, общегрупповые характеристики, типы. При детальном сравнении можно обнаружить и некоторые отличия, однако эти отличия, их значение должны служить темой специальных исследований. В целом же культурное единство и, вероятно, хронологическая близость этих двух стоянок сомнений не вызывает.

Большим своеобразием отличается материал Гагаринской стоянки, расположенной выше по течению Дона, на левом берегу в 5 км выше впадения в него р. Сосны, у д. Гагарино. Открытый еще в 1926 г. С. Н. Замятниным, этот памятник раскапывался им же в 1927—1929 гг. Монографически опубликованные результаты исследований (*Zamiatnine S. H.*, 1934; *Замятнин С. Н.*, 1935) сразу поставили Гагаринскую стоянку в число опорных при изучении палеолита Восточной Европы. Раскопки были продолжены уже в 60-е годы Л. М. Тарасовым, получившим важные результаты, существенно дополняющие, а в ряде случаев по-иному освещающие материалы Гагаринской стоянки. Итоги этих исследований также опубликованы монографически (*Тарасов Л. М.*, 1979), что позволяет нам ограничиться здесь самой краткой характеристикой данного памятника.

В результате раскопок С. Н. Замятнина и Л. М. Тарасова в культурном слое, залегающем непосредственно под современной почвой, в верхней части лессовидных суглинков были обнаружены остатки овально-округлого жилища диаметром около 5 м, с очагом в центре, две ямы, одна из которых является двухкамерной землянкой костенковско-авдеевского типа. Весь этот комплекс, возможно, аналогичен части первого жилого комплекса верхнего слоя Костенок 1 и конструктивно представляет собой, таким образом, единое целое, особый тип жилого комплекса. Стенки жилища были обложены изнутри известняковыми плитами, у стен, в ямках-хранилищах или рядом с ними, располагались наиболее ценные находки, в том числе — женские статуэтки.

Кремневый инвентарь Гагаринской стоянки насчитывает около 11 тыс. экз. изделий. В отличие от верхнего слоя Костенок 1 и Авдеево основным сырьем здесь являлся цветной валунный кремень; изделий из кварцита мало, находки мелового кремня единичны. Техника первичного раскалывания та же, что и в верхнем слое Костенок 1: характеризуется сочетанием призматических и торцовых нуклеусов, включая вторичные ядрища. Первичное расщепление, вероятно, производилось на территории стоянки: собранные нуклеусы позволяют проследить все стадии этого процесса. Как и в верхнем слое Костенок 1, ведущей формой заготовок в Гагарино являются пластины в сочетании с микропластинами. Размеры пластин здесь, однако, несколько уменьшаются, составляя в среднем 5—7 см (более крупных пластин очень мало), что можно объяснить изменением характера сырья. Техника вторичной обработки и набор орудий по сравнению с верхним слоем Костенок 1 менее разнообразен. Так, среди изделий со вторичной обработкой, общим количеством около 1200 экз., отсутствуют листовидные острия.

Две характернейшие для виллендорфско-костенковской культуры группы орудий — наконечники с боковой выемкой и ножи костенковского типа — в Гагарино представлены в значительно меньших количествах (соответственно 39 и 20 экз.) и отличаются они меньшей вариабельностью форм. Так, все наконечники здесь относятся только ко второму типу наконечников с боковой выемкой из верхнего слоя Костенок 1 (этот тип, таким образом, можно назвать «гагаринским» в отличие от первого, «костенковско-авдеевского»). Преобладает, как и в Костенках 1 группа резцов (около 870 экз.), причем соотношение между срединными, угловыми и боковыми резцами здесь примерно такое же, как и в верхнем слое Костенок 1. Скребков свыше 130 экз. Несмотря на некоторое уменьшение размеров (вообще характерное для гагаринской индустрии), здесь опять-таки прослеживается сочетание более крупных орудий с субпараллельными, неретушированными или частично ретушированными краями и миниатюрных. Среди последних встречаются скребки с основанием, приостренным резцовыми сколами (*Тарасов Л. М.*, 1979, рис. 48, 1—9). Среди орудий на микропластинках, общее количество которых свыше 270 экз., микропластинки с притупленным краем, по-видимому, составляют около половины изделий. Выделяются микроострия (в том числе — с вентральной ретушью концов; см.: *Тарасов Л. М.*, 1979, рис. 53—7), «прямоугольники» (с притупленным краем и поперечной ретушью конца), наконец, пластинки, у которых край притуплен встречной ретушью. Тип, прослеженный в верхнем слое Костенок 1 (пластинки с притупленным краем и выпуклыми, подработанными встречной ретушью концами) весь отсутствует. Острия (9 экз.) и проколки (8 экз.) примерно такие же, что и в верхнем слое Костенок 1, есть здесь и типичные долотовидные орудия. Среди других изделий отметим несколько выемчатых орудий, пластинок со скошенными концами и два скребловидных изделия.

Значительнее обеднен по сравнению с верхним слоем Костенок 1 и Авдеевской стоянкой состав гагаринского костяного инвентаря (включает преимущественно различного рода иглы, шилья, острия, стержни, наиболее характерные аналоги Костенкам 1 и Авдееву — обломок лопаточки с нарезками по краю и изделие из крупной трубчатой кости птицы; см.: *Тарасов Л. М.*, 1979, рис. 56, *8*, *10*). Беден и набор

[13] Мергелевая статуэтка из Костенок 13 с подогнутыми ногами, возможно, изображает рожающую женщину.

украшений: помимо многочисленных клыков песца с прорезанными отверстиями, здесь найдено три подвески из бивня мамонта. Зооморфные изображения в Гагаринской стоянке отсутствуют, зато антропоморфная женская скульптура богата и разнообразна (рис. 116, *5*). Мы еще коснемся проблемы женских изображений костенковско-виллендорфской культуры несколько подробнее, здесь же лишь отметим, что при сохранении общего для данной культуры «канона», гагаринские изображения женщин отличаются от костенковских и авдеевских своими стилистическими особенностями.

Как же следует объяснять несомненные отличия ряда характеристик материальной культуры Гагаринской стоянки по сравнению с верхним слоем Костенок 1 и Авдеево? Едва ли годится для этого предположение об особом «гагаринском» этапе развития виллендорфско-костенковской культуры: слишком близки друг к другу радиоуглеродные даты, полученные в последнее время для этих трех памятников. Вероятно, мы сталкиваемся с более сложным явлением историко-культурной дифференциации, происходящей при расселении генетически единого населения, когда разные группы, еще сохраняя основной каркас, структуру одной системы традиций (что и позволяет определять остатки их трудовой деятельности, как одну археологическую культуру), в то же время уже видоизменяют — каждая в своем направлении — отдельные стороны этой системы.

В связи с этим интерес представляют стоянка Хотылево 2, открытая в конце 60-х годов Ф. М. Заверняевым и исследующаяся им же. Она расположена на р. Десне (с. Хотылево Брянского р-на Брянской обл.) (*Заверняев Ф. М.*, 1974, 1978). Этот памятник как по условиям залегания, так и по абсолютной дате (23660±270, ЛУ—359; 24960±400) относится к самой начальной поре осташковского времени. И в характере культурного слоя, и в кремневой индустрии Хотылева 2 многое остается неясным, так как подробные публикации отсутствуют. Несомненно, что Хотылево 2 представляет собой остатки большого и богатого материалом поселения с различного рода жилыми и хозяйственными сооружениями (в частности, ямки-хранилища, вертикально вкопанные крупные трубчатые кости мамонта, очаги). Для сравнения с жилыми комплексами, обнаруживаемыми в Костенках 1, Авдееве и Гагарине, имеющихся в нашем распоряжении данных недостаточно. Собранные в Хотылево 2 коллекции колоссальны: только за первые четыре года исследований было добыто свыше 40 тыс. кремневых изделий, в том числе около 8 тыс. орудий (*Заверняев Ф. М.*, 1974), опубликовано же лишь несколько десятков не очень выразительных предметов. Основным сырьем являлся меловой кремень высокого качества, основной формой заготовки — пластины, часто крупные, крупнее гагаринских, в сочетании с микропластинками. Опубликованные формы скребков на пластинках с субпараллельными неретушированными краями (*Заверняев Ф. М.*, 1974, рис. 7; 1—7; 11—16) и резцов (*Заверняев Ф. М.*, 1974, рис. 9) не противоречат традициям виллендорфско-костенковской культуры. Вероятно, есть здесь и ножи костенковского типа (*Заверняев Ф. М.*, 1974, рис. 7, 9). Особенно любопытно, что в серии пластинок с притупленным краем имеется два «гагаринских» типа: наконечники с боковой выемкой (рис. 8, 16, 20, 21, 23) и острия, в том числе — с вентральной подработкой острого конца (рис. 8; 17—19; 22, 28).

Костяная индустрия, а также произведения искусства в Хотылево 2 богаче, чем в Гагарине (*Заверняев Ф. М.*, 1978). Особенно интересно и важно для культурного определения этого памятника то, что здесь имеется два костенковско-авдеевских типа изделий: лопаточки с навершием в виде головки (*Заверняев Ф. М.*, 1978, рис. 6, 1, 2) и фибула типа «верблюжьей ножки» (*Заверняев Ф. М.*, 1978, рис. 5, 4, 7), в то же время видоизмененных, в частности лишенных орнамента, которым отмечаются подобные предметы в верхнем слое Костенок 1 и в Авдеево.

Что же касается хотылевской антропоморфной скульптуры, то здесь наряду с реалистическими женскими изображениями, выполненными опять-таки с соблюдением виллендофско-костенковского канона, но тяготеющими стилистически, по нашему мнению, больше к Гагарино, чем к Костенкам 1 и Авдеево (*Заверняев Ф. М.*, 1978, рис. 1, рис. 3, 6, 7), обнаружено несколько сильно стилизованных, «символических» изображений: острия из бивня мамонта с антропоморфными личинами (*Заверняев Ф. М.*, 1978, рис. 5, *1—3*), не находящие аналогий в других памятниках виллендорфско-костенковской культуры.

В Верхнем Поднепровье имеется еще одна стоянка, относящаяся к той же культуре: Бердыж (р. Сож, с. Бердыж Гомельской обл.). Открытая еще в 1926 г. К. М. Поликарповичем, она исследовалась им же в 1927 г. совместно с С. Н. Замятниным (*Замятнин С. Н.*, 1930) и затем в 1929, 1938—1939 гг. В 60-е годы раскопки этой стоянки были продолжены В. Д. Будько. Недостаточно опубликованные материалы также не позволяют дать сколько-нибудь развернутую характеристику этому памятнику. Культурный слой был, вероятно, переотложен, имеет мощные вертикальные деформации (*Поликарпович К. М.*, 1968). Иного мнения придерживается В. Д. Будько. Он предполагает, что в Бердыже фиксируются остатки жилых и хозяйственных соор жений (*Будько В. Д.*, 1964). Кремневая индустрия по составу инвентаря, возможно, беднее описанных выше памятников. Однако хорошо выраженные наконечники с боковой выемкой, вероятно ножи костенковского типа (*Поликарпович К. М.*, 1968, рис. 6, *1, 2, 4*), позволяют с достаточной уверенностью относить Бердыжскую стоянку к виллендорфско-костенковской культуре.

Особого внимания заслуживает вопрос о присутствии элементов, связанных с виллендорфско-костенковскими традицинми в иных археологических культурах, например, наличие наконечников с боковой выемкой, ножей «костенковского типа» в VII слое Молодова 5, женской статуэтки из бивня мамонта в Елисеевичской стоянке. Возможно, по крайней мере в ряде случаев, здесь имело место прямое воздействие виллендорфско-костенковской культуры на другие одновременные ей археологические культуры Восточной Европы.

Иные культурные традиции фиксируются по материалам Александровского поселения (Костенки 4), расположенного на левобережном приустьевом мысу Александровского лога, поблизости от стоянок Кос-

тенки 8 (Тельманская), Костенки 9 (Бирючий лог), Стрелецкая 2 (Костенки 6). Стоянка двухслойная, сближенные, местами сливающиеся слои залегают в делювиальных отложениях первой надпойменной террасы Дона, в светло-буром суглинке на глубине около 1 м от современной дневной поверхности, т. е. в условиях, близких к условиям залегания Костенок 3 (или же, что одно и то же, верхнего культурного слоя Костенок 21) и Костенок 19. Обращает на себя внимание также то, что культурные слои Костенок 4 залегают выше мощной погребенной почвы лугового типа, вскрытой на отдельных участках мыса. По своему характеру и условиям залегания эта почва едва ли является аналогом какой-либо из гумусированных прослоек, вскрытой на большой глубине в отложениях второй надпойменной террасы Дона и балок; вполне правомерен в то же время вопрос об ее отношении к погребенным почвам, обнаруженным в отложениях 1 надпойменной террасы Дона (Костенки 21, Боршево 2).

Костенки 4 исследовались в 20—30-х годах С. Н. Замятниным, П. П. Ефименко, А. Н. Рогачевым. Результаты работ опубликованы монографически (*Рогачев А. Н.*, 1955).

Оба культурных слоя по времени, вероятно, близки друг к другу. Тем не менее, они сильно различаются как по форме обнаруженных здесь жилищ, так и по характеру кремневого и костяного инвентаря, выражают собой разные культурные традиции.

К нижнему культурному слою Костенок 4 относятся остатки двух длинных жилищ (рис. 88, *Б*). Вне жилищ встречались преимущественно отдельные находки — не более 10—20 кремневых осколков на квадрат; не было окрашенности суглинка охрой. Исключение представляют два овальных пятна, интенсивно насыщенных находками, расположенные по обе стороны от бóльшего из жилищ. В них А. Н. Рогачев предполагает остатки мест летнего обитания и сосредоточения основной деятельности в теплое время года.

Кремневый инвентарь нижнего культурного слоя Костенок 4 (рис. 93, *16—30*) насчитывает около 60 тыс. изделий, из них нуклеусов лишь около 250 экз., а изделий со вторичной обработкой или следами изношенности — около 7 тыс. экз. Техника первичного раскалывания типично призматическая, направленная на получение пластин, заготовки снимались не по всему периметру, а по части, с одной или двух противолежащих, скошенных ударных площадок. Это создавало, особенно у сработанных нуклеусов, в целом уплощенную форму, напоминающую нуклеусы параллельного снятия. Нуклеусов, у которых заготовки снимались по всему ободу, не более десятка экземпляров. Техника вторичной обработки характеризуется слабым применением резцового скола, полным отсутствием плоской односторонней или двусторонней ретуши, широким использованием вертикальной ретуши, усекающей край заготовки, и приема чешуйчатой подтески.

Среди технических и технико-морфологических групп орудий количественно преобладают пластинки с притупленным краем (около 2,6 тыс. экз.), которые в данной индустрии следует рассматривать скорее как техническую группу, распадающуюся на две технико-морфологические группы. В одну из последних входят пластинки подпрямоугольных очертаний, у которых вертикальная ретушь прямо усекает край заготовки, не скашивая его (рис. 93, *16*, *17*). Концы могут быть как необработанными, так и сработанными — один или оба, такой же вертикальной ретушью, прямо усекающей конец в направлении, перпендикулярном притупленному краю или же формирующей на конце выемку. Край — противоположный притупленному в одних случаях либо вовсе не обрабатывался, либо слегка подправлялся ретушью у концов. В других случаях по этому краю нанесены зубчики. Возможно, пластины с зубцами и без них являются двумя типами подпрямоугольных пластин с притупленным краем.

Вторая технико-морфологическая группа представлена остриями: пластинами, у которых вертикальная ретушь скашивает край, образующий таким образом острие, либо в сочетании с краем, не обработанным ретушью, либо острие выделяется ретушью по обоим краям; но у непритупленного края обычно обрабатывался только конец (рис. 93, *18*, *19*). Технико-морфологическая группа долотовидных орудий (рис. 93, *20—22*, *25*, *30*) насчитывает около 1,2 тыс. экз. В данной индустрии эти орудия характеризуются обычно обработкой («чешуйчатой подтеской») по двум противоположным концам. Среди заготовок преобладают отщепы и осколки, но есть и чешуйчатые орудия, изготовленные на пластинках. Преобладают орудия длиной 4—5 см, но имеются и большие экземпляры, до 6 см, и очень мелкие, подобные чешуйчатым орудиям городцовской культуры. Из 220 скребков (рис. 93, *24*, *28*, *29*) свыше половины изготовлены на отщепах и пластинчатых отщепах, остальные на пластинах. Высоких форм почти нет. Края, как правило, не ретушировались. Лезвия — по форме дугообразные или спрямленные, скошенные. Выделить стандартные, преднамеренно заданные формы (типы) не удается; как традиционный элемент, свидетельствующий о широком применении приема чешуйчатой подтески в данной индустрии, может рассматриваться использование последнего для оживления скребкового лезвия или же для оформления конца, противоположного скребковому лезвию.

Резцы (150 экз.; рис. 93, *23*, *26*, *27*) аморфны, атипичны, не дают сколько-нибудь устойчивых форм. По способу снятия резцового скола меньше всего срединных резцов (14 экз.), боковых и на углу сломанной пластинки — примерно одинаковое количество.

Костяных орудий немного: 32 шила (целых и обломков), изготовленных из трубчатых костей или грифельных костей лошади, 9 обломков лощил из продольно расчлененных ребер, два обломка игл, долотовидное орудие из трубчатой кости со следами забитости на обушке, обломки костяной трубочки из птичьей кости (игольник?).

Украшения представлены зубами песца и волка и раковинами моллюсков с прорезанными или пробитыми отверстиями.

В целом специфические культурные традиции в материальной культуре, в частности, в каменной индустрии нижнего слоя Александровской стоянки выделяются достаточно четко, однако аналогичные комплексы в настоящее время не известны ни на территории Костенковско-Боршевского района, ни в других местах Русской равнины. Слабое разви-

тие техники резцового скола при широком распространении чешуйчатой подтески наблюдалось ранее в памятниках городцовской культуры, однако для культурного определения нижнего слоя Костенок 4 этого совершенно недостаточно, так как все остальные традиционные элементы данных индустрий совершенно различны.

Верхний культурный слой Александровской стоянки представлен линзами окрашенного охристого и углистого суглинка с многочисленными культурными остатками: осколками и изделиями из кремня, разнообразными камнями, обработанными и необработанными, кусками кварцита и отдельными поделками из него, осколками и целыми костями, костяными изделиями. Заметна локализация культурных остатков на отдельных участках; два округлых в плане скопления представляют собой, как выяснено при их исследовании, остатки жилищ иного типа, чем жилища нижнего культурного слоя: округлых, с одним очагом в центральной части.

Общее количество изделий из кремня и кварцита (рис. 93, *1—15*), собранных в обоих округлых жилищах, около 15,8 тыс. экз. Большинство их, как обычно, представляют собой отходы производства и необработанные заготовки: пластины, отщепы, осколки, чешуйки и пр. Изделий со вторичной обработкой насчитывается около 2 тыс. экз.; нуклеусов — около 270 экз.

Техника первичного раскалывания индустрии верхнего слоя Костенок 4 направлена на получение удлиненных заготовок — пластин и микропластинок. Преобладает призматический способ раскалывания, причем в большинстве случаев заготовки снимались по всей или большей части периметра ударной площадки, как правило, одноплощадочных нуклеусов. Наряду с ними встречаются двуплощадочные нуклеусы с противолежащими скошенными ударными площадками — у них заготовки снимались лишь по части периметра. Известны отдельные нуклеусы параллельного снятия. Большинство нуклеусов (около 180 экз.) относятся к нуклеусам торцового скалывания, применяемых, как правило, для получения микропластин [14]. Заготовками для этих нуклеусов служили не желваки, как обычно, а массивные отщепы и пластины. Особенности техники вторичной обработки следующие. Развита техника резцового скола, применяющаяся здесь не только для изготовления резцов, но и для оформления нижних концов орудий иных технико-морфологических групп: скребков и острий, а также для обработки обушков у скребел. Чешуйчатая подтеска отсутствует. Вертикальная ретушь применялась только для оформления микропластин с притупленным краем. Обычна крутая и полукрутая ретушь, далеко заходящая на поверхность заготовки — ею обрабатывались острия и края скребков. Наряду с ней, но реже встречается плоская, покрывающая ретушь.

Микропластины с притупленным краем (свыше 400 экз., рис. 93, *1—4*) — наиболее представительная технико-морфологическая группа орудий [15]. В данном комплексе эта группа более или менее единa; прямому притупленному краю противопоставляется выпуклый край, так что в целом орудия имеют сегментовидную форму. Выпуклость второго края обычно достигается с помощью ретуши — иногда скашивающей его к одному или обоим концам, иногда заходящей и на середину, но редко обрабатывающей этот край целиком. Концы более или менее приострены, прямо усеченных концов не отмечено. Резцы (около 260 экз.) обычно рассматриваются как техническая группа орудий, включающая отбросы производства, возможно, поврежденные орудия иных технико-морфологических групп и пр. По способу снятия резцового скола большинство относится к срединным резцам (около 150 экз.). Среди них имеются двойные орудия, у которых резцовое лезвие сочетается с концом, подготовленным резцовыми сколами для насада на рукоятку — по аналогии с подобным оформлением концов у острий и скребков. Резцов на углу сломанной пластины около 50 экз.; боковых — не более 20 экз. Удлиненные острия на пластинах (около 190 экз., рис. 93, *6*, *10*, *12*) — устойчивая технико-морфологическая группа орудий, характеризующаяся одним типом: длинными симметричными относительно центральной оси орудиями с выпуклыми, сходящимися к острию краями, обработанными дорсальной, далеко заходящей на поверхность ретушью, с основаниями, оформленными резцовыми сколами. Острый конец обычно оформлялся плоской ретушью, полностью покрывающей часть поверхности [16].

Скребков (около 75 экз., рис. 93, *5*, *7—9*) в данной индустрии сравнительно немного. Среди них характерны скребки с расширяющимися к лезвию краями, часто — с приостренным основанием (вееровидные). Края либо обработаны ретушью, далеко заходящей на поверхность заготовки, либо — резцовыми сколами. Имеются также скребки с параллельными или субпараллельными, как правило, необработанными краями. Лезвия во всех случаях ровные, дугообразные. Важное значение для характеристики традиций данной индустрии имеют количественно небольшие технико-морфологические группы орудий. К ним относятся листовидные двустороннеобработанные острия разных типов: крупный иволистный симметричный наконечник или нож (рис. 93, *15*); небольшой наконечник с боковой выемкой, отличающийся от костенковско-авдеевских наконечников (рис. 93, *11*), два обломка каких-то иных, более широких острий. Скребла (около 20 экз., рис. 93, *14*) — однолезвийные, продольные, обычно обушковые, причем обушок обработан резцовыми сколами. Количество кремневых и кварцитовых скребел приблизительно одинаково. Остроконечники (около 10 экз., рис. 93, *13*) имеют несколько удлиненные пропорции, хотя встречаются и широкие подтреугольные экземпляры.

[14] Преобладание нуклеусов торцового скалывания в данной индустрии в силу их специализации (направлены на получение определенного вида заготовок-микропластин) следует объяснять не традиционным доминированием данного принципа скалывания над призматическим, а производственной необходимостью большого количества микроорудий при большей технической ограниченности количества заготовок, скалываемых с подобных нуклеусов, нежели с призматических ядрищ.

[15] В отличие от нижнего слоя Костенок четыре микропластины с притупленными краями составляют здесь единую технико-морфологическую группу орудий, объединяющуюся не только наличием вертикальной ретуши, усекающей один край, но и другими морфологическими признаками.

[16] Как и в случае с наконечником с боковой выемкой виллендорфско-костенковской культуры, здесь понятия «технико-морфологическая группа» и «тип» почти совпадают.

Наряду с кремневыми и кварцитовыми орудиями в жилищах верхнего слоя Костенок 4 собрано свыше 200 сланцевых шлифованных орудий (диски, стержни) и кусков сланца со следами шлифования. Их массовость показывает, что техника шлифования камня зародилась не в неолите, но хорошо была известна и широко использовалась в позднепалеолитических культурах на высшем этапе их развития. С техникой шлифования, вероятно, связаны находки осколков шлифовальных плит из мелкозернистого кварцита и песчаника с сильно стертыми поверхностями (около 40 экз.).

Кроме того, имеется около 40 экз. типичных терочников, изготовленных из кварцитовых песчаниковых и сланцевых галек. Как отмечалось выше, последние орудия известны в разных археологических культурах на протяжении всего позднего палеолита, а появляются они еще в эпоху мустье.

Костяной инвентарь верхнего слоя Костенок 4 гораздо богаче и разнообразнее костяного инвентаря нижнего слоя той же стоянки (рис. 104, *1—8*). Здесь широко использовался в качестве поделочного материала бивень мамонта, отсутствующий среди орудий нижнего культурного слоя. Основные технико-морфологические группы изделий из кости, бивня и рога следующие: стержни из бивня мамонта — всего около 15 экз., представленные в основном обломками, в сечение округлые, реже — овальные. Один из концов у более или менее сохранившихся орудий приострен, второй — только сужен. На одном экземпляре имеется орнамент в виде параллельных насечек. Шилья (свыше 20 экз. целых и сломанных) — обычны для позднепалеолитических памятников: среди них имеются орудия, изготовленные из грифельных костей лошади или чаще — из стенок трубчатых костей. Основания, как правило, утолщены и заглажены. Среди изготовленных острий (5 экз.) нет ни одного орудия с просверленным или прорезанным ушком, однако это не является свидетельством того, что подобные иглы тогда были не известны, так как они встречаются и в более ранних памятниках (Костенки 8, слой II; Костенки 15). Лощил 10 экз.; они представляют собой продольно расщепленные ребра мамонта с отполированной поверхностью и полукруглыми концами. У двух орудий концы приострены. Имеется орнамент в виде насечек по краям или ямок на поверхности. Застежек с перехватом, аналогичных мезинским, найдено свыше 130 экз. В Мезине и Межиричах находит себе аналогии и «фибула» из бивня мамонта, с большой уплощенной, украшенной насечками головкой, в центре которой прорезано отверстие. Удлиненно-овальные уплощенные поделки из бивня (два целых, два обломка), у которых один конец сужен, а на втором вырезана головка, также аналогичны мезинским и межиричским стилизованным «антропоморфным фигуркам». У александровских фигурок, однако, поверхность украшена ямочным орнаментом. В верхнем культурном слое Костенок 4, кроме того, имеются поделки из мергеля. Наиболее интересные из них — небольшие стилизованные изображения животных (7 экз.), напоминающие многочисленные фигурки из II культурного слоя Костенок 11. Во всех остальных отношениях, однако, своеобразное сочетание традиций, прослеживающихся в материальной культуре Костенок 4, резко отлично от особенностей, характеризующих культурную специфику II слоя Костенок 11.

Мы уже описывали материалы второго культурного слоя Тельманской стоянки (Костенки 8), характеризующего своеобразные культурные традиции ранней поры позднего палеолита, опровергающие представления о датирующей роли микропластинок с притупленным краем и микроострий. Не менее важными являются материалы верхнего культурного слоя той же стоянки, залегающего в буром лессовидном суглинке, т. е. относящегося уже к раннеосташковскому времени. Эти материалы в свое время показали ненадежность другого археологического критерия, использовавшегося для датировки ряда стоянок — «архаизма» индустрии, ненадежность в тех случаях, когда этот критерий употреблялся обобщенно, без анализа его конкретного содержания и роли в конкретном изучаемом комплексе, а также без учета данных стратиграфии.

Верхний культурный слой Тельманской стоянки раскапывался в 1937 г. под руководством П. П. Ефименко и доследовался в 1949—1952 гг. А. Н. Рогачевым. Материалы этих раскопок достаточно подробно опубликованы и прочно вошли в научный оборот (*Ефименко П. П., Борисковский П. И.*, 1957; *Рогачев А. Н.*, 1957). В процессе раскопок были обнаружены остатки жилища: округлой полуземлянки размерами 5,20—5,60 м, углубленной на 50—70 см от древней дневной поверхности, имевшей пологий вход. На полу жилища был обнаружен ряд ямок, вероятно, хозяйственного назначения; в центральной части — углубленный очаг. Размерами, очертаниями, наличием очага в центральной части и ямок, распределением культурных остатков Тельманская полуземлянка близка к округлым жилищам верхнего культурного слоя Александровки (Костенки 4).

Кремневый инвентарь, добытый во время раскопок 1937 г., насчитывает около 4200 предметов, из них около 1000 изделий имеет вторичную обработку. Такой высокий процент орудий (около 25%) свидетельствует о том, что первичное раскалывание кремня происходило не на территории стоянки. Другие данные в пользу этого — очень незначительное количество нуклеусов (около 15 экз.) и отбойников (*Ефименко П. П., Борисковский П. И.*, 1957). Основной формой заготовки являлись пластины, но наряду с ними нередко употреблялись и широкие отщепы. Техника вторичной обработки характеризуется частым использованием приема резцового скола, употреблением плоской односторонней и двусторонней ретуши, краевой ретуши, далеко заходящей на поверхность заготовки, причем заметна тенденция в обработке всего периметра заготовки: среди большинства орудий необработанных участков края почти нет. Вертикальная усекающая ретушь, чешуйчатая подтеска отсутствуют. Классификация орудий верхнего слоя Тельманской стоянки, приведенная в работе П. П. Ефименко и П. И. Борисковского (1957), в настоящее время в значительной степени устарела. Настоятельно необходима разработка новой классификации этого ценного, но чрезвычайно сложного материала. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями и уточнениями, учитывая, что в целом описание кремневого инвентаря в указанной работе дает представление о его своеобразии.

Прежде всего, обращает на себя внимание почти полное отсутствие в коллекции скребков. Типичных концевых скребков на пластинах нет вовсе. Лишь отдельные орудия можно отнести к высоким скребкам или скребкам на отщепах (рис. 94, *15, 19, 21, 22*). Наиболее представительной технической группой орудий являются резцы (около 140 экз.— *Ефименко П. П., Борисковский П. И.*, 1957, с. 222), часто представляющие собой переоформление сломанных орудий: острий, наконечников и др. (рис. 94, *10—13, 17, 18*). А. Н. Рогачев отмечает, что, возможно, с помощью резцовых сколов оформлялось основание некоторых листовидных острий (*Рогачев А. Н.*, 1957). П. П. Ефименко и П. И. Борисковский выделяют в коллекции около 70 экз. остроконечников, из которых около 40 — «существенно ничем не отличаются от мустьерских остроконечников» (*Ефименко П. П., Борисковский П. И.*, 1957). Эти орудия изготовлялись из широких отщепов и пластинчатых отщепов. Формально (отношение оси удара и острия) некоторые из них представляют собой конвергентные скребла. Наряду с односторонними, обработанными только со спинки имеются экземпляры двустороннеобработанных орудий. Отметим также, что у многих изделий сходящиеся края (или один из них) заметно выпуклые: это одна из черт, сближающих остроконечники с так называемыми ладьевидными орудиями (рис. 94, *1, 5*).

В группу остроконечников П. П. Ефименко и П. И. Борисковский включили и типично позднепалеолитические острия на удлиненных пластинах (рис. 94, *8*) иногда с подправкой основания и так называемые режущие острия — изделия, на которых имеются следы использования естественного острого угла заготовки (*Ефименко П. П., Борисковский П. И.*, 1957). Так называемые ладьевидные орудия (около 70 экз.), объединяемые по бо́льшей массивности заготовки и бо́льшей выдержанности формы (овальные очертания, приобретаемые за счет выпуклых полностью отретушированных краев: *Ефименко П. П., Борисковский П. И.*, 1957), очень разнородны и объединяют не только разные типы, но и разные, в нашем понимании, технико-морфологические группы орудий. Судя по рисункам и описаниям, сюда входят острия на пластинах, иногда — с подработанным основанием; лимасы (рис. 94, *6*), овальные скребла, иногда с вентральной подработкой концов плоскими сколами, остроконечники, орудия с «носиком». Тенденция к получению выпуклого края с помощью ретуши (дорсальной, реже — двусторонней) является, по нашему мнению, традиционной чертой, свойственной индустрии верхнего культурного слоя Тельманской стоянки, прослеживающейся в орудиях разных технико-морфологических групп; выпуклый край, обработанный крутой или полукрутой ретушью, выступает в данном случае как морфологический (-традиционный) элемент.

Важная технико-морфологическая группа — листовидные двустороннеобработанные орудия («клинки-наконечники» вместе с обломками — свыше 100 экз. См.: *Ефименко П. П., Борисковский П. И.*, 1957). Все они отличаются узкими вытянутыми пропорциями. По формам и особенностям обработки выделяется ряд типов: 1) симметричные двуконечные, сплошь покрытые двусторонней плоской ретушью (рис. 94, *4*); 2) симметричные, с приостренным (но не острым) основанием; дорсальная ретушь охватывает поверхность не полностью, вентральная наносилась, как правило, только у основания (рис. 94, *3*); 3) симметричные, с выпуклым основанием, обработанным с двух сторон (рис. 94, *2*); 4) черешковые, асимметричные; двусторонняя ретушь покрывает бо́льшую часть обеих поверхностей изделий (рис. 94, *14*). Помимо перечисленных групп орудий, в коллекции имеются дисковидные двустороннеобработанные изделия, массивные, более грубо обработанные бифасы, одни из которых напоминают топорики, и несколько простых скребел. Кроме того, налицо большое количество неопределимых или плохо определимых обломков различных орудий и некоторое число ретушированных заготовок.

Костяные изделия представлены шильями из осколков трубчатых костей, лощилами из ребер мамонта, несколькими подвесками (овальные, удлиненные прямоугольные из бивня мамонта, просверленные клыки песца) и осколками костей со следами обработки.

В культурном отношении верхний слой Тельманской стоянки остается одиноким памятником. Некоторые аналогии прослеживаются в верхнем слое Костенок 4; мы уже упоминали о близких по форме жилищах, в инвентаре можно указать такие параллели, как удлиненные острия с основанием, обработанным резцовыми сколами, двустороннеобработанные диски, «топорик», но в остальном кремневые индустрии этих стоянок резко различны, отмеченные параллели недостаточны для отнесения их к одной археологической культуре.

В. Хмелевский высказал в свое время предположение об однокультурности верхнего слоя Тельманской стоянки и нижнего слоя пещеры Нетопежова в Польше. Однако доказательством служит только общее сходство листовидных двустороннеобработанных острий (*Chmielewski W.*, 1961). Учитывая также большой хронологический разрыв между этими памятниками [17], мы считаем интересную гипотезу Хмелевского не доказанной.

Иные культурные традиции, в известной мере перекликающиеся с некоторыми особенностями городцовской культуры, относящейся к ранней поре позднего палеолита, прослеживаются в инвентаре стоянки Замятнина (Костенки 2). Этот памятник (рис. 95), расположенный на левобережном приустьевом мысу Аносова лога, был открыт и изучался в 1923 и 1927 гг. С. Н. Замятниным и П. П. Ефименко, а впоследствии, в 1953—1956 гг. П. И. Борисковским. Мы опираемся на последние материалы, так как именно благодаря работам П. И. Борисковского были полностью вскрыты и поняты остатки костно-земляного жилища, погребение палеолитического человека, так как кремневый и костяной инвентарь из его раскопок, не отличаясь чем-либо существенным от инвентаря из раскопок С. Н. Замятнина, опубликован с наибольшей полнотой (*Борисковский П. И.*, 1963).

Культурный слой стоянки Замятнина залегает на глубине от 0,90 до 1,50—1,70 м от современной дневной поверхности, в светло-палевом, сильно известковистом суглинке, перекрытом современной почвой, и в

[17] Абсолютная дата, полученная по образцу костного угля из нижнего культурного слоя пещеры Нетопежова, 38160±±1250 (*Chmielewski W.*, 1961).

верхней части подстилающего суглинок сеноманского зеленоватого песка. При его исследовании были вскрыты остатки костно-земляного жилища неправильной формы, приближающиеся к овалу. Значительные повреждения, нанесенные поздними хозяйственными ямами, не позволяют детально восстановить его конструкцию, однако ряд наблюдений показывает, что оно относилось к жилищам мезинско-аносовского типа. У этого жилища, в специально сооруженной из костей камере, было обнаружено погребение кроманьонца.

В 50 м к северо-востоку от жилища, вторым раскопом П. И. Борисковского было вскрыто вытянутое в длину скопление костей мамонта (14×1,5 м), находящееся, по-видимому, в естественной западине и состоящее преимущественно из ребер мамонта, а также немногих других костей и бивней. По мнению П. И. Борисковского, скопление представляло собой склад крупных костей мамонта, использовавшихся постепенно, для сооружения жилищ, изготовления орудий и пр. (*Борисковский П. И.*, 1963). В 20 м к юго-востоку от жилища был вскрыт еще один комплекс культурных остатков, представляющий собой округлое в плане скопление расколотых костей мамонта, состоящее преимущественно из ребер и зубов. Диаметр его — 1,4 м. Таким образом, раскопы, вскрывшие отдельные, не похожие друг на друга комплексы культурных остатков, в целом рисуют сложную картину палеолитического поселения, существовавшего в течение длительного отрезка времени.

Костенки 2 находятся в непосредственной близости от многослойной стоянки Костенки 11 (Аносовка 2). В литературе уже высказывалось предположение, что культурный слой IA Костенок 11 и Костенки 2 представляют собой остатки единого обширного поселения с округлыми жилищами аносовско-мезинского типа (*Рогачев А. Н.*, 1970; *Григорьев Г. П.*, 1970). К сожалению, из-за затянувшегося строительства павильона-музея над остатками жилища слоя IA Костенок 11, оно остается не доследованным, собранный кремневый материал не полон и данное предположение остается рабочей гипотезой. По этой причине мы ограничиваемся здесь характеристикой коллекции, собранной на Костенках 2, не касаясь имеющегося кремневого инвентаря из слоя IA Костенок 11.

Основным сырьем для производства каменных орудий на стоянке Замятнина служил меловой кремень. Наряду с ним широко использовался местный цветной валунный кремень (до 30% орудий), значительно реже — кварцит и сланец. Всего, за все годы раскопок, по данным П. И. Борисковского, здесь было собрано около 5300 экз. каменных изделий, из них нуклеусов около 100 экз., а свыше 620 экз. имеют вторичную обработку.

Нуклеусы стоянки Замятнина имеют небольшие размеры (2—5 см длиной), как правило, одноплощадочные, по способу скалывания заготовок — грубопризматические, т. е., несмотря на достаточно выраженный призматический принцип скалывания, не имеют сколько-нибудь устойчивых, стандартизированных форм. Им соответствуют небольшие размеры заготовок (преимущественно 4—5 см длиной), значительное количество использованных отщепов, пластинчатых отщепов, осколков. Среди пластин отсутствуют большие серии «правильных» стандартных, со строго параллельной огранкой спинки. Техника вторичной обработки характеризуется широким использованием приема чешуйчатой подтески, техники резцового скола (однако в данной индустрии сочетание этих приемов на одной заготовке, переход одного приема в другой не прослеживается), сравнительно редким применением притупляющей ретуши, полным отсутствием плоской ретуши, далеко заходящей на поверхность заготовки.

Основные технические и технико-морфологические группы орудий следующие. Количественно преобладает технико-морфологическая группа долотовидных орудий (рис. 95, *1—3*, *10*) — около 230 экз. Почти все они небольших размеров (1,5—4×1—3 см), очень тонкие (меньше 0,5 см толщиной), с вогнутыми лезвиями. Много двойных, тройных орудий. Чешуйчатые орудия из Костенок 2 не имеют выраженного обушка, и поэтому не могли использоваться подобно чешуйчатым орудиям из Александровской стоянки (Костенки 4) в качестве клиньев при разрубании дерева и кости. Морфологически они больше всего напоминают мелкие чешуйчатые орудия городцовской культуры ранней поры позднего палеолита. По предположению П. И. Борисковского, они могли употребляться в качестве вкладышей (*Борисковский П. И.*, 1963). По мнению А. Н. Рогачева, мелкими долотовидными орудиями городцовского типа оснащались концы ударных орудий типа палиц. Техническая группа резцов насчитывает 175 экз. (рис. 95, *14—19*). Все они разнородны, аморфны. Типы отсутствуют. По способу снятия резцового скола преобладают срединные (около 60 экз.) и на углу сломанной пластины (около 55 экз.). Боковых резцов около 40 экз., их концы, с которых снимались резцовые сколы, обрабатывались по-разному: на некоторых имеется отретушированная выемка, подчеркнутая двумя плоскими резцовыми сколами (желобчатое стамескообразное орудие), на других ретушь скашивает конец, плавно переходя на край заготовки. Есть резцы с прямо- или косоусеченными концами. Нуклевидные многофасеточные резцы (около 20 экз.), возможно, как и в других комплексах, являлись вторичными ядрищами. Однако в инвентаре Костенок 2 нет орудий, заготовки которых соответствовали бы этим нуклеусам.

Скребков относительно немного, около 55 экз. (рис. 95, *4—7*, *11*). В основном это концевые скребки на пластинах или пластинчатых отщепах, с более или менее параллельными неретушированными или слабо ретушированными краями. Наряду с ними имеется некоторое количество двойных скребков и скребков с основанием, пристроенным резцовыми сколами. Остальные технико-морфологические группы орудий представлены единичными экземплярами. Это — пять проколок, у которых выделенное ретушью жальце расположено на верхних концах пластины на их длинной оси (рис. 95, *8*) около десятка пластин с притупленным краем, по своим размерам не отличающихся резко от остальных орудий (рис. 95, *9*, *12*, *13*), две из них — острия с выпуклым притупленным краем, остальные выполнены на несколько меньших, но довольно широких пластинах, вертикальная ретушь прямо срезает край, кроме того, у двух на концах имеются плоские вентральные сколы.

Характерной особенностью некоторых из этих орудий является встречное направление вертикальной

усекающей ретуши. Пластин с усеченными (скошенными) ретушью концами 7 экз. Костяных изделий немного, почти все они были найдены при расчистке пола жилища. К ним относятся семь шильев, изготовленных преимущественно из костей небольших животных, пять обломков наконечников из бивня мамонта, обломок лезвия лощила или мотыги. Произведения искусства (рис. 104, *10—13*) представлены двумя костяными пластинами, украшенными узором в виде асимметричных изогнутых линий и схематической фигуркой, которую П. И. Борисковский трактует как стилизованное изображение человека (*Борисковский П. И.*, 1963).

Несмотря на некоторые параллели в технике домостроительства, характерные особенности каменной индустрии Костенок 2 не дают оснований связывать эту стоянку в культурном отношении с памятниками Среднего Поднепровья. Среди стоянок Костенковско-Боршевского района, как мы уже отмечали, мелкие долотовидные орудия Костенок 2 напоминают соответствующие орудия более ранней, городцовской культуры, однако во всех остальных отношениях традиционные особенности городцовских памятников и этой стоянки совершенно различны (напомним, в частности, что для городцовской культуры свойственно слабое развитие техники резцового скола, иные типы скребков, отсутствие пластинок с притупленным краем, наличие разнообразных мустьерских форм орудий), и, таким образом, мы не можем причислять Костенки 2 к городцовской культуре[18].

Важное значение для определения места стоянки Замятнина среди других раннеосташковских памятников Костенковско-Боршевского района играют две стратиграфически одновременные ей стоянки, культурные слои которых также залегают в бурых делювиальных суглинках, но уже на первой надпойменной террасе Дона — Костенки 3 и Костенки 19 (стоянка Валукинского). Эти памятники расположены на правом берегу Дона, по соседству. Костенки 3 исследовались в 1923 г. П. П. Ефименко и в 1927 г. С. Н. Замятниным; общая вскрытая площадь составляет 75 кв. м. С этой площади происходит около 2200 каменных изделий, в том числе 22 нуклеуса и около 150 орудий (*Борисковский П. И.*, 1963). Как и на Костенках 2, основным сырьем здесь служил меловой кремень (67%), реже употреблялся цветной валунный кремень местного происхождения (31%), совсем редко — кварцит. Нуклеусы по пропорциям, способу снятия заготовок, грубости формы аналогичны нуклеусам стоянки Замятнина. Изделия со вторичной обработкой представлены резцами (около 140 экз.; рис. 95, *23, 24, 27—30*), преимущественно срединными, во многих случаях — многофасеточными нуклевидными, которые, как и в стоянке Замятнина, невозможно строго разделить на орудия и вторичные ядрища торцового скалывания. Размеры, характер заготовок, аморфность, разнородность, отсутствие типов настолько же присущи резцам Костенок 3, как и резцам стоянки Замятнина. Долотовидных орудий 26 экз., они полностью аналогичны замятнинским долотовидным орудиям (рис. 95, *20, 21*). Скребков 10 экз. (рис. 95, *22, 25, 26*), они также совпадают со скребками из Костенок 2: концевые на небольших пластинках, 3—5 см длиной, с субпараллельными краями или же с основанием, приостренным резцовыми сколами. Особняком стоят так называемые «нуклевидные макролитические орудия» (10 экз., рис. 95, *24, 29*), сделанные из плиток и желваков цветного кремня, которые, по словам П. И. Борисковского, «трудно отделить, с одной стороны, от резцов, с другой — от нуклеусов» (*Борисковский П. И.*, 1963). Проколки, пластинки и острия с притупленным краем, пластинки со скошенным концом здесь полностью отсутствуют, однако и в инвентаре Костенок 2 они представлены единичными экземплярами. Костяные изделия представлены пятью экземплярами (два шила из трубчатых костей, острие со скошенными концами из бивня мамонта, еще одно острие и обломок орудия неясного назначения).

Стоянка Костенки 19 была открыта в 1956 г. и раскапывалась П. И. Борисковским в 1956—1957 гг. За это время было вскрыто свыше 200 кв. м площади памятника. Для оценки сходства и различий между каменными индустриями стоянки Валукинского (Костенки 19) и стоянки Замятнина (Костенки 2) укажем, прежде всего, что это памятники, различные по своему характеру. Если стоянка Замятнина представляла собой долговременное поселение с искусственными жилищами, то стоянка Валукинского существовала менее продолжительное время; здесь отсутствуют сколько-нибудь значительные скопления костей, остатки прочных костно-земляных жилищ. В лучшем случае здесь можно предполагать существование каких-либо легких жилищ типа шалашей (*Борисковский П. И.*, 1963). Однако и на стоянке Валукинского культурный слой далеко не однороден, здесь четко выделяется ряд объектов, основные из которых — предполагаемые остатки легкого жилища с очагом в центре, очаг, горевший на открытом воздухе со специально сооруженной для поддува канавкой (*Борисковский П. И.*, 1963), место раскалывания и обработки цветного валунного кремня, где на площади всего 16 кв. м было собрано 1700 кремней, в подавляющем большинстве — цветных, т. е. около 90% всех кремневых изделий, найденных на этой стоянке (*Борисковский П. И.*, 1963).

Каменный инвентарь Костенок 19 насчитывает около 19 000 предметов, из которых нуклеусов около 50 экз., а изделий со вторичной обработкой — лишь 120 экз. Состав коллекции сильно отличен и от Костенок 3, однако это отличие не культурно различающий показатель, основная причина его — обнаружение на Костенках 19 особого комплекса: производственного участка по обработке цветного кремня. С последним связано и то, что на стоянке Валукинского цветной кремень преобладает (95,5%), в то время как мелового кремня всего 4,5%. Однако среди материалов, собранных вне этого производственного центра, соотношение мелового и цветного кремня резко меняется, приближаясь к тому, что отмечено для Костенок 2 и Костенок 3.

Большая часть нуклеусов стоянки Валукинского (45 экз.) изготовлена из цветного кремня, часто из плиток. По способу скалывания они преимущественно

[18] Можно, конечно, предположить, что ко времени существования стоянки Замятнина эта культура почти во всем сменила свой облик. Но до тех пор, пока не будут найдены связующие звенья между стоянками, столь различающимися по особенностям индустрии, подобные предположения останутся чисто умозрительными.

призматические, по размерам — крупнее нуклеусов стоянки Замятнина. Основную массу орудий составляют резцы (80 экз. рис. 95, *37, 38, 40*) — срединные и на углах кремневых плиток. Большая часть их выполнена из осколков и отщепов цветного кремня (52 экз.), размеры довольно крупные (5,5—9 см в поперечнике). Массивность (до 1,3 см) и их многофасеточность позволяют считать их вторичными ядрищами, однако нужно отметить, что в инвентаре орудия из узких тонких пластиночек желтого кремня практически отсутствуют. П. И. Борисковский считает, что эти изделия рубящие или режущие (*Борисковский П. И.*, 1963). Резцы из мелового кремня по характеру заготовок (в основном обломки пластинок до 5 см в длину), аморфности, отсутствию типов аналогичны резцам из Костенок 2 и Костенок 3. Скребки представлены шестью экземплярами (рис. 95, *32—36*). Они полностью аналогичны скребкам из Костенок 2 и 3. Долотовидных орудий мало (4 экз.), но они опять-таки во всем подобны чешуйчатым орудиям двух названных памятников (рис. 95, *31*). Важной аналогией соответствующим изделиям из Костенок 2 являются две пластины с притупленным краем; они также довольно широки (2,3—3 см длиной при ширине около 1,2 см), а главное — также обработаны не односторонней, а встречной вертикальной ретушью (рис. 95, *41*). 15 нуклевидных и макролитических орудий на плитках из цветного кремня (рис. 95, *42, 43*) близки к соответствующим изделиям из Костенок 3.

Итак, каменные индустрии трех названных стоянок сближаются характером использованного сырья, техникой первичного раскалывания, ограниченным набором технических и технико-морфологических групп (в том числе большим количеством резцов), одинаковыми общегрупповыми признаками для чешуйчатых орудий, для значительной части резцов (в Костенках 2 и 3 — практически для всех резцов), для скребков и пластинок с притупленным краем (в последних двух случаях, возможно, вплоть до совпадения типов). В индустриях Костенок 3 и 19 близки и нуклевидные орудия на плитках желтого кремня, отсутствующие в Костенках 2. По нашему мнению, этого сходства достаточно для объединения трех данных памятников в одну археологическую культуру — особенно, если учесть совершенно иной характер каменных индустрий стратиграфически одновременных им стоянок Костенковско-Боршевского района. По наименованию первой из них, наиболее богатой материалами, можно назвать культуру замятнинской археологической культурой. Для объяснения некоторых различий (снижение доли чешуйчатых орудий и боковых резцов в Костенках 3 и 19, появление макролитических орудий на плитках) достаточно указать на то, что это — разные типы памятников, вскрытые комплексы различны по своему хозяйственно-бытовому значению, что не может не сказаться определенным образом на составе инвентаря [19].

Как показали раскопки 1977 г., культурный слой Костенок 3 является верхним культурным слоем Гмелинской стоянки (Костенки 21), имеющей абсолютную дату 22270±150. Таким образом, среди других археологических культур средней поры верхнего палеолита Костенковско-Боршевского района замятнинская культура по условиям залегания относящихся к ней памятников является наиболее молодой. Это не противоречит заключению большинства археологов о мадленском (т. е. позднеледниковом) возрасте памятников, входящих в эту культуру, однако, по нашему мнению, не исключено и то, что хронологический разрыв между Костенками 21 (нижним слоем Гмелинской стоянки) и Костенками 3 (верхним культурным слоем Гмелинской стоянки) мог быть не столь существенным.

[19] Даже в пределах одной стоянки разные ее участки могут давать и дают значительно различающийся набор орудий, в настоящее время — это твердо установленный факт (см., например: *Борисковский П. И.*, 1963, с. 156; *Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П.*, 1975).

Позднепалеолитические культуры позднеледниковья (XVI—VIII тысячелетия до н. э.)

Памятники, относящиеся к позднеледниковью, включающему два очень коротких периода потепления («беллинг» и «аллеред») и представляющие собой заключительный этап верхнего палеолита, в ряде случаев выделяются достаточно четко.

На территории юго-запада Русской равнины к ним относятся прежде всего верхние культурные слои Приднестровских стоянок Молодова 5 (слои V—I, Ia) и Кормань 4 (слои IV—I). По характерным особенностям кремневой индустрии все верхние слои Молодовы 5 близки друг к другу и рассматриваются нами не как поздний этап молодовской культуры, а как самостоятельная археологическая культура, для которой предлагается название позднемолодовская. Признаки, роднящие ее с памятниками молодовской культуры,— суть признаки, свойственные всем (или их подавляющему большинству) позднепалеолитическим памятникам юго-запада СССР, позволяющие установить здесь единую историко-культурную область. Для выделения в ее рамках отдельных археологических культур на первый план выступают детальные отличия, а не общее сходство индустрий.

По мощности, количеству находок, их концентрации верхние культурные слои Молодова 5 идентичны друг другу и аналогичны более древним культурным слоям того же памятника, т. е. представляют собой остатки более или менее долговременных поселений. Основная масса находок группируется вокруг кострищ, горевших на открытом воздухе. В III культурном слое обнаружены остатки жилища, аналогичного приднестровским жилищам ранней поры позднего палеолита (Вороновица 1, Молодова 5, VII слой и др.): овальное пятно размерами 5,3×3 м более темного цвета, чем окружающие участки, насыщенное обломками костей, кремневыми изделиями, охрой. В центре его горел костер (*Черныш А. П.*, 1959, с. 97—98).

Характерные особенности кремневой и костяной индустрии всех этих слоев, как мы отметили, достаточны для объединения их в одну археологическую культуру. В то же время заметны и постепенные изменения индустрии, имеющие одну направленность и нарастающие к самым верхним слоям I и Ia. Поэтому мы будем описывать позднемолодовскую культуру поэтапно, отмечая как ее общие характеристики, так и эти изменения.

Первый этап представлен слоями V и IV. Имеющиеся абсолютные даты указывают на возраст около 17 тыс. лет. Кремневый инвентарь насчитывает по 3—4 тыс. экз., из них нуклеусов около 100 экз.; орудий около 200 экз. Техника первичного раскалывания типично призматическая, но наряду с призматическими нуклеусами имеется небольшое количество дисковидных. Размеры пластин средние, в основном 5—7 см, есть и крупнее. Использовались и микропластинки. Среди орудий преобладают резцы (свыше 100 экз.; рис. 96, *49*, *52*, *53*) — преимущественно срединные, как правило, скошенные к углу заготовки. Среди скребков (20 экз., рис. 96, *46—48*, *51*) наряду с концевыми скребками на пластинах с субпараллельными неретушированными краями присутствует тип, отмеченный в нижнем слое стоянки Бабин 1: овальные скребки с ретушью по обводу (рис. 94, *48*). Имеются одноконечные острия на пластинах (рис. 96, *50*), две проколки (рис. 96, *56*), серия пластинок с притупленным краем. Среди последних выделяется тип: прямоугольники, ретушированные по одному, реже — по двум краям и обоим концам (рис. 96, *44*, *45*). Налицо пластины со скошенными ретушью концами и единичные экземпляры скребел (рис. 96, *55*, *57*).

Костяной инвентарь богат и разнообразен. Это — шилья, стержни из бивня мамонта, мотыгообразные орудия, «молотки» из рога северного оленя и пр. Особо следует отметить найденный в IV культурном слое полый стержень из рога оленя, имеющий ряд вертикальных отверстий. Это изделие А. П. Черныш интерпретирует как флейту. Песты-терочники встречаются здесь, как и в вышележащих слоях, в большом количестве.

Второй этап позднемолодовской культуры характеризуется материалами культурных слоев III и II. Для них получены абсолютные даты: 13 370±540 для слоя III и 11 900±238 для слоя II. Количество кремневого инвентаря в этих слоях примерно такое же, как и в вышележащих: 3000—4000 изделий, из них 150—200 орудий. Основные изменения, отмечающиеся в кремневой индустрии на этом этапе, следующие: 1) незначительно уменьшаются средние размеры заготовок и орудий; 2) среди резцов, по-прежнему преобладающих в инвентаре, увеличивается доля боковых, прямо и косоретушированных (рис. 96, *37*, *39*, *40*); 3) наряду с существовавшими в нижележащих слоях появляется новый тип скребков: короткие с расширяющимися к лезвию ретушированными краями (рис. 96, *28*); 4) среди пластинок с притупленным краем прямоугольники дополняются новым типом: удлиненными подтреугольными остриями с вертикальной ретушью по одному краю и пряморетушированным основанием (рис. 96, *34*, *35*); 5) полностью исчезают острия на пластинах. Костяные орудия в основном те же, причем количество их увеличивается. Отметим обломок стержня из бивня мамонта с двумя продольными пазами, стержень из бивня мамонта с приостренным концом и вырезанной овальной головкой на другом конце.

Третий этап позднемолодовской культуры представлен слоями Ia и I, которые А. П. Черныш относит к мезолиту (*Черныш А. П.*, 1959). Этому, однако, противоречат как геологические данные (культурные слои залегают в верхах светло-желтых лессовидных суглинков позднеплейстоценового возраста) и радиоуглеродная дата (1059±230), так и характер археологических материалов. Для индустрии слоя Ia (около 6000 изделий, из них 115 нуклеусов и 240 орудий) характерна та же техника первичного раскалывания, что и в нижележащих слоях: по-прежнему большинство призматических нуклеусов дополняется некоторым количеством дисковидных. Наблюдается некоторое уменьшение заготовок: большая часть орудий выполнена на пластинах 4—5 см длиной, однако не редки и экземпляры, доходящие длиной до 7—9 см. Микролитизация инвентаря в точном смысле этого слова (серия орудий, в первую очередь микроскребков и микрорезцов длиной не более 2 см) не прослеживается ни в этом, ни в вышележащем культурном слое. Среди орудий по-прежнему преобладают резцы (около 90 экз.), причем боковые составляют уже около половины (свыше 40 экз.). Из боковых резцов преобладают косоретушированные, среди которых выделяются «параллелограммы»: двойные на противолежащих краях и концах пластины (рис. 96, *23*).

Следует отметить также орудия, довольно часто встречающиеся в позднепалеолитических индустриях с развитой техникой резцового скола: с отретушированным выемчатым поперечным лезвием на конце пластины, подчеркнутым плоскими вентральными резцовыми сколами (рис. 96, *25*). Большое количество боковых резцов сопровождается и здесь технико-морфологической группой пластин с усеченными ретушью концами (около 15 экз., рис. 96, *8—10*, *16*) — обычно косоретушными, реже пряморетушными. Скребки (около 30 экз. рис. 96, *1*, *2*, *11*, *12*, *19*) такие же, как и в нижележащих слоях II и III. Среди пластин с притупленным краем (около 20 экз., рис. 96, *13*, *14*, *20—22*) имеются те же типы: прямоугольники и удлиненные треугольники. Налицо проколки, жальце которых обычно оформлялось на углу пластины (рис. 96, *5—7*). Среди костяного инвентаря выделяется плоский гарпун из рога благородного оленя с симметрично расположенными тремя парами зубцов и отверстием у нижнего конца. На поверхности гарпуна прослеживаются следы орнамента в виде параллельно расположенных черточек и зигзагообразных линий. Имеются песты-терочники (около 15 экз.).

Индустрия I культурного слоя (около 4000 изделий, из них около 180 нуклеусов и 300 орудий) характеризуется в целом такой же техникой первичного раскалывания, но, по свидетельству А. П. Черныша, здесь уже имеются нуклеусы, близкие к карандашевидным (*Черныш А. П.*, 1959, с. 110). Резцы по-прежнему составляют большую часть орудий (около 175 экз). Группа боковых резцов хорошо выражена; ретушь, скашивающая концы ряда этих орудий, часто плавно переходит на край, и резцы приобретают сегментовидные очертания. По-прежнему, сохраняется связь боковых резцов и пластин с усеченными концами (свыше 10 экз.). С плоскими резцами на выемчатых концах пластин здесь сочетаются пластины и гальки с таким же оформлением концов, но без резцовых сколов (рис. 96, *26*).

Среди скребков (около 55 экз.) выделяется тип: скребки на пластинах с параллельными краями, обработанными очень крутой ретушью. Пластинки с притупленным краем (свыше 10 экз.) наряду с извест-

ными типами включают острия с выпуклыми краями, обработанными вертикальной ретушью. Внешне они напоминают сегменты, однако выполнены не на сечениях, а на целых удлиненных микропластинах (около 4 см длиной). Ретушь односторонняя, лишь частично оформляет край (рис. 96, *3*). Подобные сегменты встречались и в комплексах, относящихся к ранней поре позднего палеолита (Костенки 8, II культурный слой), и не могут служить показателем мезолитического возраста данной индустрии, имеющей типично позднепалеолитический облик. В инвентаре также присутствуют в единичных экземплярах проколки, пластины с боковыми выемками, скребла (рис. 96, *17*, *18*). Среди изделий из кости и рога А. П. Черныш отмечает, в частности, рог северного оленя, орнаментированный тонкими параллельно нарезанными кольцеобразными линиями, обломок выпрямителя из рога северного оленя, шип от гарпуна и фрагмент «флейты» (?).

В других кремневых индустриях юго-запада СССР, обладающих общими чертами сходства, не всегда обнаруживается специфика, достаточная для выделения археологических культур. Это не мешает, однако, устанавливать и в этих индустриях особенности, отличающие их от культур уже описанных археологами. Так, например, каменные индустрии верхних, позднеледниковых культурных слоев (1—4) стоянки Кормань 4 не имеют признаков, позволяющих выделять здесь с достаточной уверенностью какую-либо археологическую культуру (культуры). В то же время они обнаруживают существенные, по нашему мнению, отличия от описанной выше позднемолодовской культуры.

Эти отличия сводятся к следующему: 1) ни в одном из перечисленных культурных слоев стоянки Кормань 4 технический прием снятия резцового скола с площадки, подготовленной ретушью, не находит сколько-нибудь широкого применения. Соответственно в этих слоях отсутствуют и пластины с усеченными ретушью концами; 2) скребки на пластинах с неретушированными субпараллельными краями обычны во всех культурных слоях. Но характерных для позднемолодовской культуры овальных скребков, укороченных, с расширяющимися к лезвию ретушированными краями или же с притупленным краем здесь нет. Зато имеются скребки высокой формы, в том числе «à museau» (слои IV, III — *Черныш А. П.*, 1977, с. 48, 51); 3) у большинства пластинок с притупленным краем концы не ретушированы. В слоях III и II имеется по одному экземпляру «прямоугольников» (*Черныш А. П.*, 1977, с. 52, 59), остальные типы, свойственные молодовской или позднемолодовской культурам, здесь отсутствуют; 4) в культурных слоях IV, II стоянки Кормань 4 имеются пластины с краевой мелкозубчатой ретушью («пилочки» — *Черныш А. П.*, 1977, с. 48, 55, 59), отсутствующие в верхних слоях Молодова 5.

Более определенно культурное своеобразие выделяется в индустриях ряда памятников, расположенных на территории Молдавии, в междуречье Днестра и Прута. Здесь Г. В. Григорьева (*Григорьева Г. В.*, 1975) выделяет в позднеледниковое время три технико-типологические группы стоянок, предположительно рассматриваемые ею как три археологические культуры со всеми присущими им особенностями: рашковскую (Рашков, 7, 8, 9; Брынзены 2—?), йоржницко-курешницкую (Йоржница, Курешница, Голошница, раковецкие местонахождения) и костештско-атакскую (Костешты 1, Атаки 1, 2). Следует отметить, что позднеледниковый возраст наиболее доказан для памятников рашковской культуры не только залеганием находок в лессовидных суглинках, но и видовым составом фауны, в котором преобладает северный олень (*Григорьева Г. В.*, *Кетрару Н. А.*, 1973; *Григорьева Г. В.*, 1974), а также, вероятно, омоложенной абсолютной датой 12 220±500 от наших дней (ЛЕ 1061), полученной по углям из углистой прослойки, расположенной на 1—1,5 м ниже культурного слоя стоянки Рашков 7 (*Григорьева Г. В.*, 1974).

Памятники двух других предполагаемых культур залегают в сходных стратиграфических условиях, однако на Русской равнине к лессовидным суглинкам приурочены и более древние стоянки, относящиеся к средней поре позднего палеолита, поэтому при отсутствии абсолютных дат и фаунистических остатков на йоржницко-курешеницких стоянках их возраст оказывается менее определенным. Преобладание в видовом составе фауны костештско-атакских памятников лошади служит, по нашему мнению, определенным основанием для сомнений в позднеледниковом возрасте этой культуры. Поэтому, с учетом того, что и обоснование этих предполагаемых археологических культур нуждается в дальнейшей аргументации, мы ограничимся характеристикой отличительных особенностей только одной из них — рашковской — на основе опубликованных материалов стоянок Рашков 7 и 8.

Эти памятники, расположенные у с. Рашков Каменецкого р-на (левобережье Днестра), были открыты Н. А. Кетрару и Л. Л. Полевым (Рашков 7) и Н. А. Кетрару (Рашков 8) в 1958 г. В течение ряда лет на этих памятниках Н. А. Кетрару и Г. В. Григорьевой проводились сборы подъемного материала, шурфовка и раскопки. Геологические изучения осуществлялись И. К. Ивановой. Для характеристики стоянок как мест обитания древнего человека их культурные слои дали мало. На стоянке Рашков 7 находки залегали во взвешенном состоянии, местами — на контакте с современной почвой, не образуя четкого пола, древней дневной поверхности (*Кетрару Н. А.*, 1973; *Григорьева Г. В.*, *Кетрару Н. А.*, 1973). Стоянка Рашков 8, возможно, двуслойна (*Григорьева Г. В.*, 1974). Эти обстоятельства, а также условия сбора коллекций, включающих и подъемные материалы, не позволяют, по нашему мнению, придавать слишком большое значение некоторым различиям между кремневыми индустриями данных памятников, в частности, разным количественным соотношениям отдельных технических и технико-морфологических групп орудий.

Особое внимание следует обращать на своеобразные, традиционные черты, присущие индустриям обеих стоянок. Коллекция, происходящая только из двух раскопов на Рашкове 7, насчитывает свыше 24 000 кремневых изделий, из них нуклеусов свыше 1500 экз., орудий около 2000 экз. (*Григорьева Г. В.*, *Кетрару Н. А.*, 1973). Коллекция, собранная на стоянке Рашков 8 (включая материалы из шурфов и сборы на поверхности), насчитывает около 9000 кремней, из них свыше 300 нуклеусов и свыше 750 ору-

дий. Техника раскалывания призматическая. Призматические нуклеусы, преимущественно одно- и двуплощадочные, имеют конусовидную форму (некоторые из них). Наряду с ними налицо некоторое количество нуклеусов параллельного, торцового снятия и дисковидных. В качестве заготовок использовались преимущественно пластины, но нередки отщепы и осколки. Микропластинки употреблялись для изготовления микроорудий.

Резцы (рис. 97, *12*, *13*) составляют значительную, а в коллекции из Рашкова 8 преобладающую часть инвентаря. Они изготовлялись преимущественно на пластинах, боковые резцы (преимущественно косоретушированные) преобладают. В технико-морфологической группе скребков ярко проявляется культурное своеобразие этих памятников на фоне других стоянок позднего палеолита юго-запада Русской равнины: в большом количестве встречаются скребки высокой формы, короткие, нуклевидные (рис. 97, *11*, *14*) или же вытянутых пропорций с ламиллярными сколами («карене»); à museau. Наряду с ними присутствуют скребки на пластинах с параллельными неретушированными краями или же с ретушированными, слабо расходящимися к лезвию краями (рис. 97, *10*, *16*, *17*). В небольшом количестве имеются короткие скребки, близкие к округлым, двойные скребки. Вторую выразительную группу орудий составляют проколки, среди которых выделяются так называемые проколки-сверла рашковского типа (*Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.*, 1973; *Григорьева Г. В.*, 1974): орудия на массивных заготовках с выделенными ретушью, выпуклыми жальцами (рис. 97, *19—21*). Наряду с ними существуют острия, обычно смещенные к углу пластинки.

Среди пластинок с притупленным краем встречаются очень маленькие орудия, до 1 см длиной (рис. 97, *1—9*). Концы обрабатывались редко; среди обработанных встречаются прямые и выпуклые. Особо отметим наличие в индустрии Рашкова 8 приема вентральной подработки концов плоской ретушью. Среди микроорудий отметим микроострия, полученные ретушью по двум краям или же по краю и концу заготовки, и микропроколки с выделенными жальцами.

В числе прочих изделий со вторичной обработкой заслуживают внимания для культурного определения изделия с подтеской концов или краев заготовки, так как этот технический прием в индустриях юго-запада Русской равнины встречается довольно редко. Имеются выемчатые изделия. Кремневый инвентарь сопровождается пестами-терочниками и костяными изделиями, среди которых особого внимания заслуживают наконечники из бивня мамонта или рога северного оленя с двумя продольными пазами.

Таковы вкратце основные характерные особенности рашковской культуры, поскольку эти особенности определимы в настоящий момент. Важно то, что индустрии стоянок рашковской культуры относятся к числу ориньякоидных (наличие различных скребков высоких форм, проколки-сверла, см.: *Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.*, 1973, с. 26; *Григорьева Г. В.*, 1974, с. 147), что доказывает невозможность использовать «ориньякоидность» в качестве хронологического показателя раннего возраста.

Отметим, что, несмотря на культурные отличия от молодовских памятников, индустрии стоянок рашковской культуры обладают всеми признаками, позволяющими отнести их к той же юго-западной историко-культурной области: пластинчатая техника первичного раскалывания, наличие пластин крупных размеров и микрозаготовок, развитие техники резцового скола при слабом развитии чешуйчатой подтески, постоянное присутствие в составе инвентаря пластин с притупленным краем, которые никогда не преобладают, наличие пестов-терочников. Этими же признаками обладают и индустрии двух не описываемых здесь групп стоянок или культур: йоржницко-курешеницкой и костештско-атакской (*Григорьева Г. В.*, 1972; *Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.*, 1972). Таким образом, юго-западная историко-культурная область развития археологических культур, возникнув в раннюю пору позднего палеолита, существовала в бассейне Днестра-Попрутья на протяжении всей этой эпохи.

* * *

К востоку и северо-востоку от междуречья Днестра и Прута также выделяются позднеледниковые памятники, хотя и в меньшем количестве и хуже изученные. В южнорусских степях, под Одессой, концом позднего палеолита единодушно датируется Большая Аккаржа (*Григорьева Г. В.*, 1968; *Борисковский П. И., Праслов Н. Д.*, 1964; *Григорьев Г. П.*, 1970) — стоянка, расположенная в Одесской обл., на правом берегу р. Аккаржи, впадающей в Сухой Лиман, т. е. приблизительно в 600 км от памятников Северного Приазовья. Культурный слой, залегающий в суглинке на глубине 0,5—1,05 м от современной дневной поверхности, не имеет четких границ (мощность его 0,35—0,50 м), не обнаруживает сколько-нибудь выразительных объектов, за исключением одного углистого скопления. Фауна представлена исключительно костями зубра или тура (*Борисковский П. И., Праслов Н. Д.*, 1964, с. 27; *Григорьева Г. В.*, 1967, с. 86—87). Коллекция, собранная при раскопках (раскоп площадью 130 кв. м и 20 разведочных шурфов), насчитывает около 19 тыс. кремней[20]. Из них нуклеусов — около 560 экз., изделий со вторичной обработкой — около 520 экз. (*Борисковский П. И., Праслов Н. Д.*, 1964, с. 128). Обращает на себя внимание большое количество нуклеусов, указывающее на интенсивную обработку кремня в пределах раскопанной площади стоянки, а также — уменьшение размеров заготовок (орудия не превышают 2—5 см в длину).

Техника первичного раскалывания типично призматическая; заготовки зачастую снимались по всему периметру ударной площадки. Нуклеусы одно-, двух- и даже трехплощадочные. По свидетельству Г. В. Григорьевой, в коллекции имеются также клиновидные и дисковидные нуклеусы (*Григорьева Г. В.*, 1968, с. 5). Характеристика технических и технико-морфологических групп инвентаря этого памятника свидетельствуют о принадлежности его иной археологической культуре, нежели каменнобалковская, мураловская или амвросиевская. Скребков около 90 экз. (рис. 97, *56—65*), из них 2/3 изготовлено на отщепах, остальные на небольших пластинах. Скребки с расширяю-

[20] Вместе с материалами, собранными на поверхности, общее количество кремня доходит до 24,5 тыс. экз. (*Григорьева Г. В.*, 1967, с. 86—87).

щимися к лезвию краями отсутствуют. Двойиых орудий мало — всего 6 экземпляров. Резцов около 110 экз. причем около половииы составляют микрорезцы — орудия, длииой ие более 2 см. Оии, как правило, одиолезвийиые, моиогофасеточных резцов очень мало. В отличие от каменнобалковских стоянок количество боковых резцов в Аккарже (48 экз.) лишь иенамного превосходит количество срединных (40 экз.). При этом все они косоретушиые, выполиеииые на иебольших пластииках (рис. 97, *40*, *47*, *49—55*): стаидартизация этих орудий гораздо выше, чем в Камеиной балке II. Пластинок с косоусечеиными ретушью концами («угловые острия») — 40 экз. Их величииа, характер заготовок, форма концов в точности соответствуют присутствующим здесь боковым резцам (рис. 97, *39*). Таким образом, они в иидустрии Большой Аккаржи играют ту же роль, что пластииы с отретушироваииыми коицами в Камеииой балке I, II, но их коикретиые техиико-морфологические характеристики, выражающие определеиные традиции, различны.

Проколки (8 экз.) также резко отличаются от каменнобалковских. Здесь — это миииатюрные (меиее 2 см длиной) орудия, у которых ретушью, веитральной или противолежащей, выделяется жальце (рис. 97, *41*, *42*, *44—46*). Преобладает техиико-морфологическая группа микропластинок с притуплеиным краем (около 230 экз., рис. 97, *25—38*, *48*), также отличающихся своеобразием по отиошеиию к другим памятиикам описываемого райоиа. Здесь отсутствуют типы, характерные для Амвросиевки или Камеиной балки I, II. В отличие от мураловских микропластинки Б. Аккаржи являются действительио узкими, довольио массивными микропластинками, а не чешуйками. Их край обрабатывался вертикальной усекающей ретушью, а ие мелкой, часто идущей по обоим краям, следуя их коитуру, как в Мураловке. У микропластинок Б. Аккаржи обычно ретушировался одии край, реже — оба (микроострия). Имеются микроострия, образоваиные схождеиием усечеииого ретушью и естествеииых краев заготовки. Коицы либо приостреиные, либо естествеииые, прямо или косоусеченные отсутствуют. Налицо ряд нуклевидиых орудий, преимуществеиио скребков, переделаиных из нуклеусов.

Иидустрия Б. Аккаржи выявляет в позднем палеолите степей Северного Причерноморья четвертый вариаит культуриых традиций: в сущиости — четвертую, аккаржаискую археологическую культуру[21]; с ией В. Н. Станко связывает ряд других, иедавно открытых поздиепалеолитических памятииков Северо-Западного Причерноморья: Камеики, Усатово, Чебручи и др. (*Станко В. Н.*, 1975). Происхождеиие аккаржаиской культуры остается иеизвестным. Севериее, в райоие диепровских порогов, выделяется группа стояиок, обладающих рядом сходных черт, и отиосимая исследователями к фииальной поре позднего палеолита — иачалу мезолита («мадленское время» — «азиль»). Это такие памятники, как Осокоровка, Дубовая балка, Кайстрова балка, Ямбург и др. (*Борисковский П. И.*, 1953, с. 376—387; *Колосов Ю. Г.*, 1964, с. *42—49*; *Левицкий И. Ф.*, 1949; *Рогачев А. Н.*, 1949). Оии были открыты и исследовались преимуществеиио в 30-е годы, материалы большей частью утрачены, полиых публикаций иет, что не позволяет дать подробиую характеристику каждого из этих памятииков. Это — многослойиые стояики (точиое количество культуриых слоев ие известио, иазывают цифры 5, 8 и больше).

Культуриые слои (во всяком случае, значительиая их часть) сходиы по характеру: они залегают в лессах и аллювиальио-делювиальиых слоистых отложениях I и II иадпоймеииых террас, некоторые из иих имеют малую мощиость (2—5 см), содержат отиосительио небольшое количество культурных остатков, отдельиые очаги, скопления иаходок, меиее иитенсивиые, чем в диепровских стояиках с костио-земляиыми жилищами, или же чем в большинстве придиестровских позднепалеолитических памятников. Это позволило иитерпретировать их как остатки сезоиных стойбищ, населеиие которых периодически покидало их, возвращаясь впоследствии иа то же самое место (*Борисковский П. И.*, 1953, с. 373, 377, 384). В то же время большое количество «горизоитов», выделяемых И. Ф. Левицким в Осокоровке[22], его указаиие иа существоваиие там в ряде культуриых слоев иаземных жилищ с очагами в центре, имевших довольио сложиую коиструкцию (*Колосов Ю. Г.*, 1964), иаличие жилищ в Кайстровой балке (*Рогачев А. Н.*, 1949) позволяет сомиеваться, не представляют ли собой, по крайней мере, некоторые из стоянок порожистой части Днепра остатки долговремеиных поселений, оставлеииых не бродячим или полубродячим, а оседлым иаселеиием?

Не бесспорна и датировка этих стояиок. Археологические критерии для отиесения их к фииалу палеолита — началу мезолита (короткие и округлые скребки, микропластиики с притуплениым краем) в иастоящее время утратили свое зиачеиие, а залегание нижиих культурных слоев иа большой глубине от современной диевиой поверхиости (остатки иижиего культуриого слоя Осокоровки залегали иа глубиие около 9,5 м от совремеииой диевиой поверхиости, Дубовой балки — около 7 м — *Колосов Ю. Г.*, 1964), иахождение в иижиих слоях Осокоровки вместе с костями мамоита и зубра остатков шерстистого носорога, может быть, свидетельствует об их более древнем возрасте (иачало поздиеледииковья? раииеосташковское время?). К сожалеиию, на осиове имеющихся даииых решить этот вопрос невозможио[23].

[21] После публикации многочисленных материалов, может быть, появится возможность охарактеризовать особенности палеолитических культур этого района на различных этапах, в том числе в позднеледниковье. Пока же такая характеристика будет, по нашему мнению, преждевременной, не подкрепленной в должной мере фактами.

[22] До 22! Едва ли каждый из таких горизонтов являлся самостоятельным культурным слоем; однако большое их количество может свидетельствовать о значительной мощности реальных культурных слоев этого памятника.

[23] Так называемые азильские слои Осокоровки (IV—II) и других памятников (*Колосов Ю. Г.*, 1964), по нашему мнению, относятся к концу позднего палеолита: резкого изменения в характере кремневой индустрии по сравнению с нижними слоями там не наблюдается, а присутствие округлых скребков, отдельных геометрических микролитов (удлиненные трапеции в горизонте III — в Осокоровке; сегмент из сборов на Ямбурге) в свете того, что нам известно о финальном палеолите Крыма, не может считаться показателем начала мезолитической эпохи.

Состояние имеющихся опубликованных материалов не позволяет дать детальную картину кремневых индустрий этих памятников. Все они между собой сходны: техника первичного раскалывания призматическая; пластины с нуклеусов скалывались по всему обводу, нуклеусы иногда приобретали конические очертания. В составе инвентаря заметна большая доля скребков на отщепах (рис. 98, *29—31*, *44*, *46*, *48*), в том числе — округлых скребков (судя по данным, имеющимся для Осокоровки, они связаны с верхними культурными слоями — *Колосов Ю. Г.*, 1964). Скребки сопровождались резцами (рис. 98, *40, 41*), пластинками с притупленным краем (рис. 98, *24—28*) как очень маленькими, так и довольно крупными. Известны отдельные острия, проколки, а также уже упомянутые геометрические микролиты (рис. 98, *32—34*). Встречены отдельные костяные поделки и многочисленные украшения из просверленных раковин (рис. 98, *1—11*).

По условиям отложения и характеру культурных слоев, а отчасти — по кремневому материалу к этим памятникам близка расположенная к северо-западу от них, примерно, в 200 км от Киева, стоянка Владимировка (Кировоградская обл., правый берег р. Синюхи, см.: *Борисковский П. И.*, 1953; *Черныш А. П.*, 1947, 1950). На этой стоянке А. П. Черныш выделил восемь сближенных культурных слоев, отличающихся схожестью кремневых индустрий. Во всех слоях техника первичного раскалывания призматическая. Орудия представлены концевыми скребками на пластинах с обычно неретушированными краями (в верхних слоях их размеры уменьшаются, появляются скребки на отщепах), резцами, пластинами с притупленным краем.

В Крыму ко времени позднеледниковья всеми исследователями сейчас единодушно относится верхний культурный слой стоянки Сюрень 1 (*Векилова Е. А.*, 1957, 1971; *Бибиков С. Н.*, 1959; *Бадер Н. О.*, 1961 и др.). Все чаще становится вопрос об удревнении ряда памятников, отнесенных еще Бонч-Осмоловским (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1934) к так называемой азильской стадии мезолита Крыма, о переносе их в финальный период эпохи позднего палеолита (*Бибиков С. Н.*, 1959; *Векилова Е. А.*, 1957, 1961, 1965; *Григорьев Г. П.*, 1970). К числу таких памятников относятся Сюрень 2, нижний слой Шан-Коба, слои IV—VII Фатьма-Коба, слои VI—V Буран-Кая и др.

Хотя эта гипотеза не была аргументирована достаточно детально и всесторонне, не имеет подтверждающих радиоуглеродных дат по перечисленным памятникам, тем не менее в ее основе лежит комплекс данных по стратиграфии, составу фауны, характеру кремневого инвентаря, что делает ее, по нашему мнению, вполне убедительной и позволяет нам рассматривать крымский «азиль» как финал позднего палеолита этой территории. В качестве основных аргументов приводятся следующие. Аналогичные по характеру породы, вмещающие азильские культурные слои и палеолитический верхний слой стоянки Сюрень 1, мощные отложения, содержащие большую примесь щебенки и интенсивные золистые прослойки (*Векилова Е. А.*, 1965), плейстоценовый состав фауны, содержащий, по данным С. Н. Бибикова, такие виды, как сайга, пещерный лев, овцебык, гигантский олень (?) (*Бибиков С. Н.*, 1959) [24]. Наконец, археологические аргументы заключаются в присутствии в инвентаре «азильского» слоя Сюрени 2, большого количества наконечников свидерского типа, иволистных, с вентральной обработкой концов плоской ретушью (*Векилова Е. А.*, 1961, 1966, 1971; *Григорьев Г. П.*, 1970; *Schild R.*, 1965 и др.).

Дадим краткую характеристику каменных и костяных индустрий позднеледниковых стоянок Крыма, опираясь в первую очередь на материалы верхнего слоя Сюрени 1, но включая и азильские комплексы. Всего в верхнем культурном слое Сюрени 1 было найдено свыше 5000 каменных изделий, из них около 80 нуклеусов и около 300 орудий (*Векилова Е. А.*, 1957, с. 277). Нуклеусы отличаются большей выдержанностью форм по сравнению с нуклеусами из нижележащего культурного слоя, но размеры их в целом почти не уменьшаются (имеются экземпляры до 8,5 см длиной). Призматические нуклеусы более крупных размеров имеют одну или две скошенные ударные площадки, причем в последнем случае и площадки и плоскости скалывания противолежащие. Нуклеусы маленьких размеров (3—4 см длиной) отличаются еще большей выдержанностью формы: среди них встречаются типичные конусовидные (рис. 99, *37*). Наряду с призматической техникой отмечается техника торцового скалывания, дисковидные же нуклеусы полностью исчезают.

В наборе орудий по сравнению с нижележащими слоями резко увеличивается количество микропластинок с притупленным краем (до 50% от всех орудий). Но их размеры по сравнению с размерами подобных орудий из нижележащих слоев не уменьшаются, как не уменьшаются или почти не уменьшаются размеры скребков и резцов. Поэтому нельзя говорить о микролитизации инвентаря верхнего культурного слоя Сюрени 1. Среди резцов (35 экз. рис. 99, *23*) здесь, как и в среднем слое, преобладают срединные, многофасеточные. Вероятно, не все многофасеточные резцы являются орудиями, среди них имеются и вторичные ядрища, так что количественное увеличение этих изделий можно связывать с увеличением в составе инвентаря количества микроорудий.

Скребки (около 30 экз., рис. 99, *32*, *33*) преимущественно концевые на пластинах или обломках пластин, обычно не имеющих краевой ретуши. Наряду с ними имеется 3 экз. скребков высокой формы. Имеется одно острие на пластине, аналогичной использованным для изготовления скребков. Состав пластинок с притупленным краем разнообразен. Они включают в себя острия с пряморетушированным краем («граветт», рис. 99, *34*), со слабовыпуклым краем, пластинки с выемкой в верхней части (ножи или острия типа Ргани; рис. 99, *28*), «прямоугольники»

[24] Е. А. Векилова в своей сводной работе по каменному веку Крыма не отмечает наличия в составе фауны азильских стоянок Крыма этих видов, кроме сайги (*Векилова Е. А.*, 1971), но говорит о наличии в фаунистическом составе азильских слоев Шан-Кобы и Фатьма-Кобы холодолюбивых видов, свидетельствующих, по ее мнению, о достаточно холодном климате, который может быть сопоставлен только со временем отступления последнего оледенения и позволяет допустить не столь уж значительный хронологический разрыв между верхним слоем Сюрени 1 и азильскими слоями многослойных крымских пещер (*Векилова Е. А.*, 1971).

(рис. 99, *26*, *27*) — пластинки обычно с одним притупленным краем и пряморетушированными концами, из них выделяются орудия, один край которого обработан чередующейся, а концы — противолежащей ретушью, наконец, пластинки с притупленным краем и выпуклыми концами, похожими на лезвия скребков.

Особо следует отметить шесть сегментов (рис. 99, *24*, *25*), отличающихся от мезолитических геометрических микролитов более крупными размерами (2,2×2,8×0,8—1,7 см), большей выпуклостью спинки. Они еще вполне вписываются в позднепалеолитическую технику, в группу пластин с притупленным краем [25], но их появление очень важно для установления преемственности с типичными мезолитическими крымскими комплексами, изобилующими геометрическими микролитами.

Грот Сюрень 2 был открыт и раскапывался К. С. Мережковским еще в 1879 г.; в 20-е годы он исследовался Г. А. Бонч-Осмоловским, а в середине 50-х годов — Е. А. Векиловой, доказавшей двуслойность этого памятника (верхний слой — с серией геометрических микролитов, нижний, описанный как азильский еще Г. А. Бонч-Осмоловским,— с серией свидерских наконечников, см.: *Векилова Е. А.*, 1961, 1966).

В нижнем культурном слое Сюрени 2 обращает на себя внимание более совершенная техника первичного раскалывания по сравнению с верхним слоем Сюрени 1: наличие удлиненных конических нуклеусов, с которых пластины снимались почти по всему периметру (рис. 99, *21*, *22*). Состав инвентаря [26] в целом такой же. Резцы — срединные многофасеточные, боковые изготовлялись исключительно на пластинах (рис. 99, *6—8*). Среди скребков наряду с концевыми на пластинах с неретушированными краями имеется округлый скребок, двойной скребок — скошенное острие (рис. 99, *11—16*). Кроме того, налицо пластинки с притупленным краем без обработки концов; пластины со скошенными ретушью концами («угловые острия», рис. 99, *17*, *18*), острие на пластине, полученное очень крутой ретушью по обоим краям (рис. 99, *10*), проколка, жальце которой подработано плоскими вентральными сколами (рис. 99, *19*). Имеется 1 экз. острия, изготовленного из трубчатой кости (рис. 99, *9*).

Е. А. Векилова считает, что кремневый комплекс нижнего культурного слоя Сюрени 2 стоит особняком по отношению к крымскому палеолиту и мезолиту, но отмечает при этом, что выделяет его только серия наконечников свидерского типа (*Векилова Е. А.*, 1966), в остальном же инвентарь этого слоя сходен, скажем, с инвентарем верхнего, мезолитического слоя того же памятника (*Векилова Е. А.*, 1961).

Рассмотрим для сравнения материалы других азильских комплексов: VI культурного слоя грота Шан-Коба (как наиболее представительного, см.: *Бадер Н. О.*, 1961), грота Буран-Кая. Из VI культурного слоя грота Шан-Коба, по данным Н. О. Бадера, происходит несколько сот орудий и нуклеусов. Нуклеусы такие же, как в верхнем слое Сюрени 1,— удлиненные призматические со скошенными ударными площадками. Среди скребков (свыше 100 экз.) преобладают концевые на пластинах, имеются двойные. Среди резцов (около 100 экз.), изготовленных исключительно из пластин, преобладают боковые, в отличие от верхнего слоя Сюрени 1. Заметное количество (свыше 50 экз.) пластин со скошенным ретушью концом. Вертикальная ретушь, усекающая край заготовки, применялась, по данным Н. О. Бадера, исключительно для изготовления геометрических орудий: высоких сегментов, аналогичных изделиям из верхнего слоя Сюрени 1 (свыше 300 экз.), и единичных трапеций, т. е. пластин с двумя косоретушированными концами. Кроме того, по данным Г. А. Бонч-Осмоловского, скребки (округлые), острия типа граветт имеются в азильских слоях Шан-Кобы. Примерно такой же индустрией характеризуются и менее представительные комплексы грота Буран-Кая и азильских слоев (V—VI) грота Фатьма-Коба (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1934; *Бадер Н. О.*, 1961). Важным, по нашему мнению, фактом является наличие в IV слое Шан-Кобы и V слое Фатьма-Кобы единичных наконечников свидерского типа (*Векилова Е. А.*, 1961).

Таким образом, наблюдаются технико-типологические связи одной стороны — между индустриями типичных комплексов крымского азиля (точнее, псевдоазиля, см.: *Григорьев Г. П.*, 1970) и верхним культурным слоем стоянки Сюрень 1 (удлиненные призматические нуклеусы с плоскими площадками, острия типа граветт, высокие сегменты), а с другой — между этими же индустриями и выпадающей, по Е. А. Векиловой, из традиции крымского мезолита индустрией нижнего слоя Сюрени 2, причем последние связи более заметны (двойные и округлые скребки, пластины со скошенными ретушью концами, острия свидерского типа). Можно утверждать, что за исключением большого количества свидерских наконечников — рис. 99, *1—5* (причем речь идет только о количестве последних), индустрии нижнего слоя Сюрени 2 и других азильских (финальнопалеолитических) памятников Крыма чрезвычайно близки друг к другу, представляют некое культурное единство! [27] Поэтому среди гипотез о причинах появления наконечников свидерского типа в Крыму (продвижение группы носителей свидерской культуры с территории современной Польши на юг — по Е. А. Векиловой, см.: *Векилова Е. А.*, 1966; распространение только типа свидерского наконечника, но не населения по Г. П. Григорьеву — см.: *Григорьев Г. П.*, 1970) мы считаем более правильной точку зрения Г. П. Григорьева.

---

[25] Как уже отмечалось, в ряде более древних позднепалеолитических индустрий спорадически отмечается появление геометрических микролитов, никогда, однако, не игравших в составе инвентаря такой роли, как в соответствующих мезолитических комплексах.

[26] Количественные подсчеты по азильским памятникам Крыма были опубликованы в свое время Н. О. Бадером (*Бадер Н. О.*, 1961). Однако для Сюрени 2 они далеко не полны: общая сумма орудий из раскопок Г. А. Бонч-Осмоловского и Е. А. Векиловой по таблице Н. О. Бадера составляет около 50 экз. (*Бадер Н. О.*, 1961), в то время как, по данным Е. А. Векиловой, в коллекции из нижнего слоя Сюрени 2 имеется около 50 экз. одних только свидерских наконечников (*Векилова Е. А.*, 1961).

[27] Представляет ли это единство одну археологическую культуру или же общность более высокого порядка — сказать по имеющимся материалам трудно.

* * *

В настоящее время на северо-западе Русской равнины известен ряд памятников, относимых исследователями к концу позднеледниковья, к заключительной поре позднего палеолита. Однако их стратиграфия не является достаточно определенной, не исключен поэтому и более молодой (голоценовый) возраст некоторых из этих стоянок. Их культурные слои обычно залегают на террасах и песчаных дюнах, что препятствовало хорошей сохранности этих слоев, зачастую способствовало смешению материала. Во многих случаях культурные слои отсутствуют, материалы собирались на поверхности. Отсутствие следов долговременных жилищ или хозяйственных сооружений (там, где культурный слой более или менее сохранился), отсутствие мощных скоплений культурных остатков, часто небольшие площади стоянок позволяют интерпретировать их как остатки кратковременных стойбищ бродячих охотников.

О характерных особенностях палеолита данной территории, о его происхождении на основе имеющихся, пока еще довольно скудных материалов, можно сказать следующее. На территории Прибалтики исследователи выделяют две культурные традиции: аренсбургскую и свидерскую (*Римантене Р. К.*, 1971; *Кольцов Л. В.*, 1977). Эти культуры сосуществовали на одной территории приблизительно в одно и то же время и взаимно влияли друг на друга. Для индустрии памятников аренсбургской культуры (к ним относятся такие литовские стоянки, как Вильнюс 1. Эжярнас 8, 15, 16, Дярежиича 31, Шилялис II и ряд других местонахождений с более скудным инвентарем) характерно в первую очередь наличие наконечников аренсбургского типа (довольно широкие, черешковые, полученные на пластинах или пластинчатых отщепах; черешок обработан по обоим краям крутой дорсальной ретушью, иногда такая же ретушь присутствует и на пере). Вентральная ретушь полностью отсутствует — рис. 100, *7*, *8*), а также острий типа Цонхофен (подтреугольные, асимметричные, с ретушью в основании или без — рис. 100, *2*). Техника первичного раскалывания отличается разнообразием форм нуклеусов: наряду с типично призматическими имеются конические, а также ладьевидные и дисковидные. Пластины отличаются меньшей стандартизацией, чем в свидерских памятниках. Большое число орудий изготовлено на отщепах. Среди скребков много коротких и укороченных, в том числе округлых и полуокруглых (рис. 100, *3–6*, *9—11*).

Эти культуроразличающие черты индустрии дополняются признаками более или менее характерными и для свидерских стоянок. Так, во всех финальнопалеолитических памятниках северо-запада обращает на себя внимание микролитизация инвентаря, микроскребки, микрорезцы (1—1,5 см длиной здесь не редкость; орудия длиной 3—4 см выглядят на общем фоне уже крупными). С укороченными и округлыми скребками сосуществуют концевые скребки на пластинах с параллельными, обычно неретушированными краями (рис. 100, *3*, *6*). Обычны резцы — как срединные и угловые, так и боковые — прямо- и косоретушированные (рис. 100, *12*). Значительно реже встречаются пластины с усеченными ретушью концами. Существуют попытки расчленить памятники аренсбургской культуры территории СССР на ряд хронологических этапов, в основном по изменениям наконечника аренсбургского типа (*Кольцов Л. В.*, 1977). Однако, по нашему мнению, учитывая чрезвычайную скудость материалов, отсутствие стратиграфических данных и радиоуглеродных дат, эти попытки пока недостаточно обоснованы.

По количеству стоянок, размеру собранных коллекций, в том числе по количеству орудий и нуклеусов, прибалтийские памятники свидерской культуры несколько представительнее. Здесь есть стоянки, дающие свыше 100—150 экз. орудий (*Римантене Р. К.*, 1971, с. 39, 54), что позволяет полнее представить характерные особенности их индустрий. К числу наиболее представительных свидерских стоянок данного района относятся Эйгуляй 1А, В, С, Д; Пувочай 1А, В, С; Нятесай 1, Раудондварис 1, материалы Эжярнас 1, 4, 14 и др. (*Римантене Р. К.*, 1971, с. 39, 54, 83—90; *Кольцов Л. В.*, 1977, с. 57—91). На стоянках Эйгуляй 1А, В, Д, Нятесай 1 были вскрыты участки культурного слоя с очагами и скоплениями находок кремня (*Римантене Р. К.*, 1971, с. 40—45, 85—86).

Характерные особенности каменных индустрий свидерских памятников, как и аренсбургских, мы опишем суммарно. Прежде всего, техника первичного раскалывания здесь более стандартизована, призматические и по способу скалывания и по форме одно- и двуплощадочные нуклеусы дополняются коническими. Заготовками для орудий в подавляющем большинстве служили пластины, также более стандартные, чем в аренсбургских индустриях. Скребки (рис. 100, *32*, *33*), как правило (но не всегда), количественно преобладают над резцами (*Римантене Р. К.*, 1971, с. 39, 54), среди них укороченных скребков значительно меньше, чем удлиненных, округлые и полуокруглые отсутствуют, среди удлиненных концевых скребков характерны орудия на узких пластинках; нередки скребки с краевой ретушью. Основной отличительной чертой свидерских стоянок считаются наконечники свидерского типа, изготовленные на узких пластинках, со слабо выраженным черешком, полученным дорсальной крутой ретушью и вентральной плоской ретушью на обоих концах (рис. 100, *14—18*, *23—25*), подразделяющиеся, подобно аренсбургским, на ряд подтипов (*Кольцов Л. В.*, 1977, с. 88). Имеющиеся попытки разработать детальную периодизацию этой культуры в Литве (хронологические этапы, выделенные Р. К. Римантене на основе геоморфологических и отчасти типологических критериев — см.: *Римантене Р. К.*, 1971, с. 38, 52; три этапа, выделенные Л. В. Кольцовым на основе типологии наконечников — см.: *Кольцов Л. В.*, 1977, с. 88—89) в настоящее время не выходят за рамки предварительных, рабочих гипотез.

Восточнее Прибалтики, на территории северо-западной Белоруссии, в настоящее время также известны памятники, отнесенные к финальной поре позднего палеолита (*Гурина Н. Н.*, 1965, с. 146—155). Часть их имеет свидерский характер (оз. Свитязь, Неман XVIII) — с однотипными удлиненными призматическими одно- и двуплощадочными нуклеусами с сильно скошенными ударными площадками, преобладанием в числе заготовок правильных пла-

стин, наличием наконечников свидерского типа, преобладанием концевых скребков на пластинах, иногда с ретушированными краями. Часть же носит аренсбургские черты (Черешля VII), с менее выработанными формами нуклеусов, частым использованием отщепов для изготовления скребков и резцов; остриями, близкими к аренсбургским (*Гурина Н. Н.*, 1965, с. 152), хотя у одного из них конец обработан вентральной ретушью.

Финальнопалеолитические памятники северо-запада Русской равнины и по характеру слоя, и по составу инвентаря обнаруживают тесную связь с голоценовыми, мезолитическими стоянками этой и соседних территорий [28]. Так, по Л. В. Кольцову, в эпоху мезолита свидерское население частью продолжало автохтонное развитие своих традиций на территории Прибалтики, несколько смещаясь к востоку, а частью сместилось к северо-востоку, дав начало мезолитической волго-окской культуре (*Кольцов Л. В.*, 1977, стр. 92). Аренсбургское население, видимо, ассимилировалось, хотя отдельные его традиционные элементы (аренсбургские наконечники) продолжали бытовать в постсвидерских памятниках (*Кольцов Л. В.*, 1977, с. 56).

Вопрос о происхождении финального палеолита северо-запада Русской равнины стоит таким образом. Аренсбургские памятники Прибалтики находятся на северной окраине аренсбургской культуры, сложившейся на современной территории ГДР и ФРГ, вероятно, на основе культуры бромме-лингби (*Кольцов Л. В.*, 1977, с. 54). Источники свидерской культуры неизвестны.

Н. Н. Гурина считает, что истоки северо-западного свидера (по индустрии стоянки оз. Свитязь) следует искать к юго-востоку, в позднепалеолитических индустриях Костенковско-Боршевского района. В качестве возможных конкретных прототипов назывались Костенки 4 (*Гурина Н. Н.*, 1960, с. 136) и Боршево 2 (*Гурина Н. Н.*, 1965, с. 200). По нашему мнению (в этом мы согласны с Л. В. Кольцовым — 1977, с. 87), сходство между этими индустриями носит слишком общий, слишком расплывчатый характер, чтобы говорить о генетических связях. Типы острий, в которых можно усмотреть известное сходство со свидерскими наконечниками (не меньшее, чем в боршевских), возникают чрезвычайно рано — в раннеосташковское и даже в молого-шекснинское время, причем в разнокультурных индустриях (например, наконечники с черешком или боковой выемкой из нижнего слоя Костенок 21; микроострия с вентральной плоской ретушью на концах из слоев X—VII стоянки Молодова 5). Еще шире временные, пространственные и культурные границы распространения иных орудий, упоминаемых Н. Н. Гуриной без указания на конкретные типы: «скребки на правильных ножевидных пластинках, острия с резцовыми сколами, пластинки со срезанным краем, пластинки с притупленной спинкой, долотовидные орудия (*Гурина Н. Н.*, 1960, с. 136). Наконец, хронологический разрыв между раннеосташковской стоянкой Костенки 4 и позднеледниковой стоянкой у оз. Свитязь слишком велик для убедительных генетических построений. Мы полагаем, что возраст стоянки Боршево 2 также значительно древнее, чем это обычно считается. Таким образом, решение вопроса о происхождении свидерской культуры на северо-западе Русской равнины — дело будущего.

В заключение отметим, что многие из принятых здесь построений с накоплением материала должны будут существенно уточняться, а, может быть, и изменяться. Обратим внимание лишь на некоторые моменты, требующие таких уточнений.

Характеризуя в целом палеолитическую культуру Русской равнины на последнем этапе позднего палеолита (в позднеледниковье), отметим следующее. На юго-западе продолжало существовать автохтонное население, сохранившее в основных чертах прежний оседлый образ жизни (характеристика культурных слоев, остатков жилищ, где их удалось обнаружить, основной состав кремневого и костяного инвентаря не меняются), а также ряд общерегиональных, межкультурных традиций в каменных индустриях, позволяющих говорить о наличии здесь в течение всей эпохи позднего палеолита особой историко-культурной области. В районе Верхнего Среднего Поднепровья и Среднего Дона мы не можем сказать что-либо определенное об изменении материальной культуры на заключительном этапе позднего палеолита, так как там, по нашему мнению, трудно выделить стоянки, достоверно относящиеся к этому периоду. Если мнение большинства исследователей (мнение, с которым мы не согласны) о позднеледниковом возрасте таких стоянок, как Тимоновка, Боршево 2, Костенки 3 (т. е. верхний культурный слой Костенок 21) и соответственно Костенки 2, будет окончательно доказано, можно будет говорить о том, что в данных районах население, ведущее оседлый образ жизни, жившее в поселках со сложными долговременными костно-земляными жилищами и хозяйственными сооружениями, сохранило свой уклад, по крайней мере, до начала позднеледниковья. По нашим же представлениям — отметим еще раз — это население существовало здесь лишь в раннеосташковское время, до наступления климатического минимума осташковского похолодания.

В других районах Русской равнины, где выделяются группы позднеледниковых стоянок (северо-запад Русской равнины, район Днепровских порогов), по характеру культурных слоев можно предполагать иной хозяйственный уклад. Вместо оседлого населения, оставившего долговременные поселки, здесь в это время распространяются группы бродячих охотников, оставившие кратковременные стойбища. Исчезают замечательные произведения искусства, кремневый и костяной инвентарь становится беднее по количеству технико-морфологических групп и в то же время стандартнее по формам. Довольно отчетливо прослеживается уменьшение размеров кремневых орудий.

Как мы видим, для финального палеолита Русской равнины кочевой образ жизни — отнюдь не глобальное явление; если же учесть, что на северо-запад такой образ жизни привнесен из Центральной Европы, носителями аренсбургской и свидерской культур, его в данный период можно рассматривать в известном смысле даже как нечто чужеродное традициям

[28] Эта связь очень тесна, типологические границы между палеолитом и мезолитом северо-запада настолько расплывчаты, что в настоящее время зачастую трудно отделить здесь палеолитические стоянки от мезолитических.

Таблица 2. Опыт выражения пространственно-временных границ своеобразного развития верхнепалеолитической культуры на Русской равнине

Время		Юго-западная область		Область Поднепровья		Северо-западная область		Верхнедонская область		Юго-восточная (степная) область и Крым		Северо-восточное пространство Русской равнины	
Верхний палеолит	Поздняя пора Позднеледниковье XVI—VIII тысячелетия до н.э.	Позднемолодовская	Молодова 5, I—IA Молодова 5, II—III Молодова 5, V—IV Кормань 4, IV—I		Осокоривка, III слой Осокоривка, V слой Кайстровая балка, I—III Владимировка Дубовая балка	Свидерская аренсбургская	Подлужье 3 Натесай Дожякай Пувочай Эйгуляй 1 Гренск		Борщево 2, I(?) Борщево 2, II(?)	Шанкобинская аккаржанская	Шан-Коба, IV—VII Фатьма-Коба, V—VI Сюрень 2 Буран-Кая Большая Аккаржа Сюрень 1, I		Алтыново Золоторучье
	Средняя пора Поздневалдайское время (осташковский век) XXIII—XVII тысячелетия до н.э.	Молодовская	Молодова 5, VI Кормань 4, V Кормань 4, VA Кормань 4, VI Вороновица 1 Бабин 1 Молодова 5, VII	Мезинская межиричская	Кайстровая балка, IV Бугорок Тимоновка Мезин Авдеево Чулатово 2 Межирич Бердыж Добраничевка		Не заселено из-за материкового оледенения	Виллендорфско-костенковская	Костенки 4, I—II Гагарино Костенки 1, I—III Костенки 21, I—III Костенки 3 Костенки 11 IA—III Костенки 2 Борщево 1	Каменнобалковская	Каменная балка 1 Каменная балка 2 Сюрень 1, II Мураловка (?) Золотовка (?)		Капова пещера Юнга-Кушырга Дедково Польное Ялтуново Карачарово
	Ранняя пора Средневалдайское время (мологошекснинский век) XL—XXIV тысячелетия до н.э.	Молодовская Липская Брынзенская	Молодова 5, VIII Молодова 5, X—IX Кормань 4, VII Чутулешты 1 Брынзены 1, III Климауцы 1 Гординешты 1 Бобулешты 6	Пушкаревская	Пушкари 1 Пушкари 8 Ненасытец Радомышль		Памятники не известны	Стрелецкая городцовская, спицынская	Костенки 16 Костенки 14, II—IV Костенки 8, II—IV Костенки 1, V Костенки 17, I—II Стрелецкая 2 Костенки 12, I—III		Амвросиевка (?) Сюрень 1, III	Стрелецкая (?)	Сунгирь Горново Бызовая Медвежья пещера Бурановская пещера Смирновская пещера Отровская стоянка им. М. В. Талицкого

восточноевропейского палеолита. И все же ссылкой на миграции невозможно объяснить саму сущность, глубинные причины этих явлений. Дело в том, что некоторое время спустя, в начале голоцена (мезолитическая эпоха), переход от оседлости к подвижному, бродячему существованию становится повсеместным на территории всей Восточной Европы, в то время как по технико-морфологическим характеристикам каменного инвентаря связь финально-палеолитических и раннемезолитических индустрий настолько

тесна, что их зачастую невозможно отделить друг от друга (это прослеживается не только на северо-западе, но и на юго-западе Русской равнины и в Крыму).

Видимо, распад позднепалеолитического оседлого образа жизни связан с глубокими причинами общесоциального порядка, раскрыть которые невозможно вне связей социального развития с изменениями природной среды. Вероятно, правы исследователи, отводящие при этом значительную роль исчезновению в голоцене мамонтов, служивших для многих палеолитических коллективов основным объектом охоты.

Духовная жизнь палеолитического человека по памятникам искусства и погребениям

Глубокий интерес к изучению первобытного искусства эпохи палеолита в нашей стране пробудился в связи с находками в 1908 г. загадочных предметов с богатым геометрическим орнаментом при археологических раскопках палеолитической стоянки у с. Мезин на Черниговщине. Новым толчком в этом отношении явились находка женской статуэтки при раскопках в Костенках в начале 1920-х годов и находки в Гагарине и в Мальте, что побудило выдающегося исследователя памятников эпохи палеолита П. П. Ефименко поставить вопрос об исторической и социологической их значимости.

Исследуя остатки палеолитических поселений, он пытался обстоятельно выяснить весь комплекс сопровождающих находок, условия залегания, что привело его к выяснению условий обитания людей и их образа жизни.

Социологический подход к пониманию древнейшего искусства остается традиционным для советского палеолитоведения и в последующие годы. Вместе с тем накопление материалов ставит перед исследователями и специальные задачи, в частности, задачу подробного описания и классификации произведений палеолитического искусства, без чего невозможно успешное раскрытие его содержания. Эта задача, в частности, решалась в работах З. А. Абрамовой (1962, 1966), первая из которых до сих пор остается наиболее полной публикацией произведений палеолитического искусства, найденных на территории нашей страны. Успехи намечаются в подходе к решению важнейшей и сложной проблемы происхождения искусства. Здесь необходимы поиски конкретных связующих звеньев между изобразительной деятельностью позднепалеолитического человека и мышлением человека предшествующего, мустьерского, периода (*Окладников А. П.*, 1967; *Столяр А. Д.*, 1972).

Как видно из предыдущего изложения, произведения первобытного искусства на территории Русской равнины встречаются на стоянках, относящихся к ранней и средней поре позднего палеолита, эпохе расцвета позднепалеолитической культуры, где их особенно много. В памятниках, относящихся к концу палеолита, встречены только различного рода украшения, подвески или бусы. За единственным исключением (Капова пещера), палеолитическое искусство на Русской равнине представлено изделиями, относящимися к искусству малых форм («мобильное искусство»): скульптурой, резьбой, графикой, реже — росписью по кости, мягкому камню или мергелю. В основном их можно подразделить на зооморфные изображения, антропоморфные изображения, орнамент. С другой стороны, по характеру исполнения они подразделяются на сюжетные («реалистические») и знаковые («символические» — *Столяр А. Д.*, 1972), причем последние включают и такие предметы, которые зачастую трудно даже отдаленно соотнести с антропоморфными или зооморфными изображениями. Приведенная классификация не исчерпывает собой всего искусства малых форм. Следует отдельно рассматривать большую группу украшений — от подвесок в виде прорезанных или просверленных у корней зубов животных или раковин до специально изготовленных бусин, подвесок, заколок и проч. Необходимо также отметить, что между выделенными группировками нет резких границ: в сюжетных изображениях заметна значительная доля условности, стилизации, орнаментальные мотивы встречаются и на знаковых, и на сюжетных изображениях, и на украшениях. Зооморфные изображения иногда могли использоваться в качестве украшений или застежек (например, фибула из II слоя Костенок 14).

Перед тем, как перейти к характеристике памятников палеолитического искусства на территории СССР, будет целесообразно сказать несколько слов об использовании красок в палеолите[29]. Общеизвестно, что одним из характерных элементов культурного слоя является его окрашенность. Краска, особенно красная, судя по ее постоянному присутствию в стоянках Северной Евразии, играла большую роль в эстетике, а также, по-видимому, и в культовых обрядах палеолитического человека. Об этом свидетельствуют палеолитические наскальные росписи и окрашенные костяные изделия. Очень часто красной краской посыпаны палеолитические погребения. Все это указывает на широкое использование палеолитическими людьми естественных красителей, которые были, по-видимому, как минеральными, так и растительными. Поскольку органика сравнительно быстро разлагается, мы не можем судить об использовании красителей, добывавшихся из растений, хотя теоретически такое предположение допустимо. Еще до недавнего времени для получения различных красителей люди использовали более 60 видов растений, широко встречающихся в пределах Евразии (*Вахелайд Э.*, 1972). В палеолитических памятниках сохранились, к сожалению, только остатки минеральных красителей.

Наиболее раннее употребление краски (по имеющимся в настоящее время материалам) относится к мустьерской эпохе (*Bordes F.*, 1952). Имеется указание на то, что кусочек красной краски со следами скобления найден в ашельском слое Терра-Амата (*Bourdier F.*, 1967, p. 180). Более частые и достоверные находки сделаны в памятниках мустьерской поры. Кусочки красной и черной краски обнаружены в Ла Ферраси, в Ла Кина, в Пеш-дель-Азе и в ряде других пещер Франции. Кусочек краски найден в по-

[29] Раздел об использовании красок в палеолите написан Н. Д. Прасловым.

гребении неандертальца в Ла Шапель-о-Сен. Кусочки краски со следами пришлифовки от интенсивного использования, издавна получившие название «карандашей» неоднократно отмечались Ф. Бордом в мустьерских памятниках (*Bordes F.*, 1952, 1961, 1968).

Скобление кусочков минеральной краски, наблюдавшееся, например, Б. Вандермершем в мустьерском слое пещеры Кафзех на Ближнем Востоке (*Vandermeersch B.*, 1969), указывает на то, что краска использовалась не только кусочками, но и в порошковидном состоянии. Красная краска россыпью, т. е. в виде порошка, зафиксирована в культурном слое мустьерского поселения Носово 1 в Приазовье (*Праслов Н. Д.*, 1972).

Особенно широкое использование красок отмечается в эпоху позднего палеолита. На местах поселений образовались мощные линзы интенсивно окрашенной материнской породы. Повышенная концентрация краски часто отмечается около остатков очагов, в которых пережигались железистые конкреции для получения этой краски. К сожалению, приходится отметить, что археологи не всегда достаточно обращали внимание на краски. Обычно ограничиваются простой концентрацией наличия *охры*, как часто исследователи обозначают краски любых тонов, причем преимущественно не охристые, а красные. Анализами таких красок не занимались. Часто их даже не сохраняли в коллекциях, описав обобщенно в дневниках. Не делали попыток и классифицировать их, хотя в этом была необходимость, поскольку встречались красители большого спектра. Технология их изготовления, химический состав, да и спектр оставались без внимания. Обычно полагали, что первобытные люди использовали находки естественной краски. Не было анализов даже для пещерной живописи Франции. Лишь недавно группой специалистов были произведены тщательные химические и рентгеноструктурные анализы красок, найденных в пещере Ляско, проделаны эксперименты (*Leroi-Gourhan Arl., Allain J.*, 1979). Результаты этих исследований показали, что первобытные люди использовали не только естественные красители, которые находили в окрестностях, но и научились добывать их сложным путем.

Наиболее часто в позднепалеолитических памятниках Восточной Европы встречаются краски темно-вишневого цвета. Как правило, в этих же памятниках находят и обломки железистых конкреций. На некоторых кусочках можно увидеть следы соскабливания красящего вещества. При раскопках верхнего культурного слоя Костенок 1 в 1931—1936 гг. П. П. Ефименко обратил внимание на то, что обломки железистых конкреций сосредоточены около очагов, и высказал предположение, что обитатели стоянки получали краску путем обжига железистых соединений (*Ефименко П. П.*, 1953). Поставленные в последние годы эксперименты полностью подтвердили это предположение.

В окрестностях Костенок, да и вообще на Русской равнине, в песках меловой эпохи встречается много железистых конкреций типа сферосидерита, т. е. округлых конкреций с лучистым строением, и лимонита. Они найдены на многих палеолитических стоянках. Подобные конкреции мы помещали в костер, и уже через полчаса наиболее рыхлые ржавые участки становились темно-вишневыми, и можно было соскабливать красную пудру. Длительный обжиг давал еще больший эффект. Через 6—10 часов почти вся конкреция становилась темно-вишневой, и ее можно было растолочь до порошковидного состояния. Правда, некоторые участки конкреций становились еще более прочными и имели металлический оттенок. Очевидно, часть железа, особенно на поверхностных участках, переходила в окисное состояние, а в глубине сохранялась более чистой.

Процесс перехода окиси железа из одного состояния в другое является очень сложным и дает много форм, которые находят отражение в спектре рыхлых красителей. Из подобных конкреций мы получали не только красную, но и охристых тонов пудру. Это характерно, например, для переходного состояния от гётита к гематиту. Гидроокислы железа типа гётита дают, как правило, настоящую охру. Гематит и магнетит дают темно-красные тона. Большое значение для цвета имеет также участие окислов алюминия и каолинита. Проблема получения темно-вишневой краски палеолитическими людьми решена экспериментально очень надежно. Краску более светлых алых тонов первобытные люди, по-видимому, добывали из плиоценовых и более древних кор выветривания. Основу красящего вещества и в этой краске составляют окислы железа при большом влиянии гидроокислов алюминия. Тонкие глинистые частицы полностью прокрашены, и вся масса в целом имеет плотный густой красный цвет.

Сложнее обстоит дело с анализом черной краски, встречающейся в наскальных росписях и на некоторых костяных предметах. Ее могли получать из древесного и костного угля. Но на многих предметах в Костенках на Дону и в Межиричах в бассейне Днепра черная краска имеет вороненый оттенок металла. Уголь не дает такого оттенка. Судя по анализам из пещеры Ляско, такая краска получалась из двуокиси марганца. В Ляско найдено более сотни кусочков окиси марганца, использовавшихся для нанесения черных рисунков. По-видимому, и в Восточной Европе для получения черной краски наряду с углем использовалась также двуокись марганца. Данные спектральных анализов, выполненных в лаборатории ЛОИА АН СССР В. А. Галибиным, указывают на неоднородность черных красителей. Один из образцов черного цвета, отобранный из культурного слоя стоянки Межиричи (материалы Н. Л. Корниец), показал в своем составе до 30% двуокиси марганца.

Результаты качественных спектральных анализов и изучение внешнего вида, структуры и магнитности образцов красок из костенковских стоянок, Авдеева и Межиричей показали следующие результаты. Желтые красители типа охры настоящей представляют собой лимониты. Экспериментальный обжиг кусочков лимонита из сеноманских песков в Костенках показал, что при нагревании их образуется ярко-вишневый краситель с сильно магнитными свойствами (магнетит). Бурые, красные и темно-вишневые красители представляют собой окислы железа в виде гематита. Более светлые по тону образцы имеют примесь кремнезема или глинистых частиц. Один образец из Костенок 21 показал около 30% двуокиси марганца. Все красители содержат в большей или меньшей степени кремнезем и глинистые частицы.

Анализы красок из верхнего культурного слоя

Костенок 1, растертые в ступке и нанесенные тонким слоем на бумагу, показали результаты, аналогичные результатам анализов по кусочкам. Желтые тона получались из охристого лимонита, а ярко-красные и темно-вишневые красители добывались из гематита.

Данные анализы, к сожалению, фиксируют только кристаллические компоненты фазового состава минералов (аморфные компоненты рентгеноструктурным анализом не обнаруживаются) и касаются только основных составляющих минеральной смеси, поскольку минералы в концентрациях менее 5—10% обычно не фиксируются.

В процессе раскопок второго жилого комплекса верхнего культурного слоя Костенок 1 было обнаружено несколько ямочек разной формы, в которых хранились различные краски: темно-вишневая, алая, охра настоящая и белая. В одной из ямочек было встречено более 3 кг чистой красной глинистой краски. На палеолитической стоянке Боршево 2 в верхнем культурном слое П. П. Ефименко в 1923 г. найдена одна из створок раковины моллюска, наполненная ярко-красной краской, которая была «предварительно растерта и с чем-то смешана (*Ефименко П. П.*, 1953, с. 299).

Интересная находка сделана в 1976 г. при раскопках Гмелинской стоянки в Костенках. В культурном слое в чистом суглинке было обнаружено ребро мамонта, окрашенное в красный и черный цвета. Краска сохранилась пятнами, причем можно предположить, что она стерта на том участке, за который это ребро удобно держать в руке. В некоторых местах можно проследить, как красная краска перекрывает черную. Особенно интенсивно окрашена головка ребра, имеющая легкую замятость в результате ударов. Можно предположить, что это ребро представляло собой ударник, наподобие роговых и костяных колотушек, употреблявшихся в Мезине в качестве музыкальных инструментов (*Бибиков С. Н.*, 1981).

Черную краску на костяных предметах часто невозможно отличить от естественного окрашивания солями марганца в процессе почвообразования, поэтому до сих пор в памятниках палеолита Русской равнины она не выделялась. Перекрытие черной краски слоем красной краски на ребре в Костенках 21 указывает с полной достоверностью на использование палеолитическими людьми черной краски. Просмотр коллекций из Костенок 1 и Межиричей под этим углом зрения убедил нас в том, что черная краска имеется на некоторых женских статуэтках в Костенках 1 и на многих предметах искусства в Межиричах. Черной краской проведены две полосы по краям внутренней стороны диадемы из Костенок 1.

В целом можно констатировать, что уже более 20 тыс. лет тому назад первобытные люди использовали широкий спектр красителей, по крайней мере, четыре основных цвета: белый, охристый, красный и черный. Особенно богатой гаммой представлена красная краска.

Теперь мы переходим к обзору произведений искусства, обнаруженных в стоянках ранней поры позднего палеолита Русской равнины и Крыма. Их сравнительно немного.

Древнейшие позднепалеолитические образцы изобразительной деятельности известны в настоящее время во II культурном слое Костенок 17 и в III культурном слое Костенок 12, возраст которых превышает 32 тыс. лет от н. дн. Их еще нельзя назвать «произведениями искусства» даже в самом условном смысле: в III слое Костенок 12 они представлены разнонаправленной штриховкой на меловой корке ряда орудий из плитчатого кремня, а во II слое Костенок 17— украшениями в виде подвесок из просверленных зубов песца, белемнитов, раковин и небольших галечек (*Борисковский П. И.*, 1963), свидетельствующими о довольно высоком уровне эстетических представлений человека начальной поры позднего палеолита. Штриховка на меловой корке позволяет допустить наличие в это время и более сложных гравюр, возможно, на истлевших органических материалах.

В несколько более молодых памятниках, но относящихся еще к ранней поре позднего палеолита (до начала осташковского времени), найдены орнаментированные поделки, сюжетные и знаковые изображения, выполненные из кости или бивня. Наиболее богатый набор подобных изделий обнаружен во II культурном слое Костенок 14 (абс. возраст 26—28 тыс. лет назад) и в Сунгире (абс. возраст 24—25 тыс. лет назад). В единичных экземплярах они встречаются и в некоторых других памятниках этого периода.

Орнаментальные мотивы, встреченные на разнокультурных стоянках ранней поры позднего палеолита, уже достаточно сложны и разнообразны. Геометрический орнамент из II слоя Костенок 14 (городцовская культура) включает такие элементы, как ряды коротких насечек (фибула с зооморфным навершием, рукоять лопаточки городцовского типа, стержень из тонкой трубчатой кости — рис. 101), прямые параллельные нарезки (медальон из бивня мамонта, обломок лощила, рис. 101, *2*, *16*), косые параллельные нарезки, «елочка» (обломки поделок из стенок трубчатых костей или ребер, рис. 101, *3—6*, *19*). Композиционно орнамент хорошо сочетается с формой вещей, будь то фибула, рукоять лопаточки или же фрагмент лощила; уже имеются преднамеренно выделенные орнаментальные зоны, сочетающиеся друг с другом, или разделенные неорнаментированными участками. Как отмечалось, подобный зональный орнамент имеется и на обломке ребра, происходящего со стоянки М. В. Талицкого. Ямочным орнаментом в виде расходящихся радиальных линий украшен диск из бивня мамонта, найденный на стоянке Сунгирь (*Бадер О. Н.*, 1978, с. 170—171), и фигурка лошадки, найденная на той же стоянке (в последнем случае ряды ямок следуют контуру фигурки), а также знаковое изображение («амулет») из III слоя грота Брынзены 1 (брынзенская культура, рис. 73, *25*). Их резной геометрический и ямочный орнаменты сохраняются и развиваются в последующую пору расцвета позднепалеолитических культур Русской равнины (раннеосташковское время).

Сюжетные изображения ранней поры позднего палеолита Восточной Европы передают исключительно образ зверя. На Костенках 14, II слой — это изображение головы хищника, украшающее навершие фибулы (рис. 101, *1*). На Сунгире — плоские костяные фигурки лошади (2 шт., рис. 106, *2*), мамонта (?; рис. 106, *1*) и, возможно, бизона (?). Все эти зооморфные

изображения стилизованы, условны. Для передачи образа мастеру было достаточно изображения общего контура или даже одной только головы зверя. В этом отношении еще ярче выступают знаковые, «символические» изображения того же периода, смысл которых для нас уже утрачен. Таков «амулет» из нижнего слоя грота Брынзены 1 (рис. 73, *25*); его обычно интерпретируют как изображение рыбы (*Кетрару Н. А.*, 1973, с. 73), однако это лишь произвольная догадка. Такова же крестообразная поделка из II слоя Костенок 14, (рис. 101, *12*), если признать ее законченной вещью. Таким образом, на Русской равнине уже в раннюю пору позднего палеолита знаковые символические изображения сосуществуют с сюжетными, реалистическими, причем последние еще весьма условны, схематичны. Невозможно поэтому полагать, что знаковые изображения появляются после реалистических, свидетельствуют о более высоком уровне развития абстрактного мышления и т. д.

Несмотря на скудость фактических данных, уже из изложенного можно заметить, что и в этот период на разнокультурных стоянках Русской равнины весьма различны как орнаментальные мотивы, так и зооморфные изображения. Такая же разница прослеживается и в украшениях. От «челночных бусин», плоских фигурных подвесок из бивня, пирамидальной подвески, найденных во II слое Костенок 14 (городцовская культура рис. 101, *9—15, 17, 18*), отличаются подвески из клыков песца, белемнитов и камня, найденные в нижнем слое Костенок 17 (спицынская культура). Иные по форме украшения были найдены в Сунгире (стрелецко-сунгирская культура). Здесь бусы подразделяются на два основных типа: подпрямоугольные с отверстием в центре (имеется ряд подтипов; *Бадер О. Н.*, 1978, рис. 113, *1—14*) и подпрямоугольные с отверстием на конце (*Бадер О. Н.*, 1978, рис. 113, *15—17*). Известны пронизки из тонких косточек. Среди подвесок встречены подтреугольные, вырезанные из кости, подвески из зубов животных, 20 экз. каменных подвесок из небольших речных галек, раковины с пробитыми отверстиями. Ни в одном из инокультурных памятников ранней поры позднего палеолита не находят себе аналогий браслеты и перстни из бивня мамонта, найденные в сунгирьских погребениях.

Из сказанного следует, что имеющихся в настоящее время материалов по искусству ранней поры позднего палеолита Восточной Европы, представляющих собой достаточно сложные, развитые образы, совершенно недостаточно для успешного решения проблемы происхождения позднепалеолитического искусства, что подход к этой проблеме невозможен без привлечения данных по всему искусству эпохи палеолита. Вместе с тем развитость «знаковой» формы изобразительной деятельности человека этого периода лишний раз убеждает в том, что корни искусства и шире — корни эстетических представлений следует искать по крайней мере на памятниках более древней, мустьерской эпохи, возможно, и в еще более раннем, ашельском периоде человеческой истории.

Высший этап развития позднепалеолитической культуры на Русской равнине, совпадающий с ранне-осташковским временем, является и высшим этапом развития изобразительной художественной деятельности, развития палеолитического искусства данного региона. В этот период не только заметно возрастает общее количество произведений «мобильного искусства». Главное, в нем появляются новые черты: усложняется орнамент, изменяется стиль сюжетных зооморфных изображений, возникает новый сюжет — антропоморфные изображения, наконец, заметное разнообразие условных «знаковых» изображений, представленных уже не только фигурками, но и гравюрой.

Многочисленные орнаментированные поделки — как украшения, так и орудия труда, встреченные в памятниках виллендорфско-костенковской и мезинской культур, представляют собой высокосовершенные образцы палеолитического искусства. Таковы браслеты из Мезинской стоянки и из верхнего слоя Костенок 1, украшенные «елочкой» и меандром (рис. 103, *8*), изящные фибулы типа «верблюжья ножка», лопаточки, украшенные по краям «крестиками», треугольниками или насечками, с рукоятями, вырезанными в виде головок, в которых можно усмотреть сильно стилизованные антропоморфные и зооморфные изображения (рис. 102, *7—9*), мотыги из бивня мамонта, рукояточные части которых орнаментированы елочкой, сеткой или рядами параллельных линий (рис. 102, *11, 12*), и другие изделия. Важно то, что подобные вещи (например, фибулы в виде «верблюжьих ножек», лопаточки с головчатыми рукоятями) являются хорошими показателями принадлежности памятника, где они встречаются, виллендорфско-костенковской археологической культуре. В свою очередь такой сложный геометрический узор, как меандр, на Русской равнине пока известен только на Мезинской стоянке. Деснинские памятники, культурная принадлежность которых пока окончательно не определена, обнаруживают другие элементы орнамента: косая клетка, цепочка ромбов, вытянутые треугольники, характерные, по Л. В. Греховой, для Тимоновки и Юдиново, сетка из правильных шестигранников, встречающаяся на «чурингах» из Елисеевичей (*Грехова Л. В.*, 1977, с. 90—93; *Поликарпович К. М.*, 1968, с. 117—130). Ямочный орнамент известен на немногочисленных обломках поделок из III слоя Костенок 1 и на антропоморфных изображениях из верхнего слоя Костенок 4 (рис. 104, *7, 8, 14, 15*).

Среди сюжетных изображений отметим прежде всего скульптурные зооморфные изделия, как бы продолжающие собой тему, определившуюся еще в предшествующий период. К их числу относятся небольшие стилизованные схематические фигурки из мергеля, изображающие, как правило, мамонта, реже — носорога. Они близки по стилю, но встречаются в разнокультурных памятниках: в верхнем слое Костенок 1 (рис. 102, *1, 2*), во II слое Костенок 11, в верхнем слое Костенок 4 (рис. 104, *2, 3, 9;* 105). Наряду с ними в верхнем слое Костенок 1 найдены достаточно реалистические изображения голов пещерного льва (рис. 102, *3*) и медведя, а во II слое Костенок 11 — волка. Имеются и гравированные изображения животных на бивне мамонта: в верхнем слое Костенок 1 и на Тимоновской стоянке (*Ефименко П. П.*, 1958, с. 408; *Грехова Л. В.*, 1977, с. 90). В обоих случаях изображен какой-то рогатый зверь, возможно, олень или козел. Третья гравюра — из нижнего слоя Костенок 21 — выполнена на песчаниковом плоско-выпуклом диске. Морда этого зверя со-

хранилась плохо, но по моделировке туловища и ног в нем можно предполагать изображение носорога. По сравнению с известными зооморфными изображениями ранней поры позднего палеолита Русской равнины раннеосташковские фигурки меняются как по стилю исполнения, так и по содержанию. Вместо плоской, контурной передачи образа появилось объемное изображение, наряду со стилизованными фигурками имеются головки, передающие зверя реалистично, детально (особенно в этом отношении примечательна миниатюрная головка львицы из верхнего слоя Костенок 1). В этот период уже нет изображения лошади; свыше половины всех зооморфных фигурок принадлежит мамонту. Это согласуется с изменением основного объекта охоты, прослеживающимся в раннеосташковское время во многих археологических культурах, с исключительной ролью, которую в это время мамонт играл в жизни оседлых охотников Восточной Европы.

В раннеосташковское время на территории Русской равнины впервые появляются антропоморфные изображения. Когда речь заходит об изображениях человека в палеолитическом искусстве, в первую очередь невольно вспоминаются знаменитые женские статуэтки, воспроизводящие обнаженных женщин, выполненные из мергеля или бивня мамонта, встречающиеся на территории Восточной Европы почти исключительно в памятниках виллендорфско-костенковской культуры (Костенки 1, верхний слой, Костенки 13, Авдеево, Гагарино, Хотылево 2). В советской литературе эти изображения описаны достаточно подробно; нет недостатка и в гипотезах, пытающихся объяснить значение этого образа. Читателя, желающего подробно разобраться в этом вопросе, мы отсылаем к соответствующей литературе, в первую очередь — к двум монографиям З. А. Абрамовой (1962, 1966). Здесь же кратко остановимся на некоторых характерных чертах самих статуэток и условий их нахождения, важных, с нашей точки зрения, для их интерпретации.

1. В подавляющем большинстве женские статуэтки виллендорфско-костенковской культуры характеризует единый канон: статическая, застывшая фигура обнаженной женщины со слегка склоненной к груди головой, непропорционально тонкими, согнутыми в локтях руками, сложенными на животе или поверх груди, слегка согнутыми в коленях ногами. За единственным исключением (недавно найденная статуэтка из Авдеево) лицо не изображалось [30]. Признаки пола, как правило, подчеркнуты, утрированы. В то же время статуэтки далеко не стандартны: каждая из них обладает своими индивидуальными особенностями. Так, наряду с изображениями низкорослых, тучных, иногда явно беременных женщин имеется значительное количество высокорослых, грацильных даже худощавых фигурок. Имеются и более существенные отступления от канона: например, статуэтка, изображенная в позе танца, из Гагарина (*Тарасов Л. М.*, 1972, рис. 2, *1*) [31]; изображение приготовившейся к родам женщины (мергелевая фигурка беременной женщины с подогнутыми ногами из Костенок 13). В искусстве позднего палеолита Восточной Европы своеобразное сочетание, синтез обобщенных представлений с предельной конкретностью, натуралистичностью изображения, отражающего эти представления, пожалуй, с наибольшей полнотой выражается в женских статуэтках.

2. На площади поселений фигурки женщин встречаются как в специальных ямках-хранилищах, так и в самом культурном слое, зачастую в разбитом виде (мергелевые статуэтки). Вероятно, изготовлявшиеся в большом количестве женские статуэтки из мергеля не представляли для людей того времени большой ценности, предназначались для недолговременного использования во время каких-то обрядов, после чего теряли значение, могли быть выброшены, разбиты. Это может свидетельствовать о неразвитости религиозных представлений, едва ли связанных с «удвоением» мира, делением его на «естественное» и «сверхъестественное». Статуэтки воспринимались скорее всего не как «вместилище души» и т. п., но как своеобразные средства, предназначенные для овладения вполне реальными, естественными вещами (будь то охотничья добыча, увеличение потомства, борьба с болезнями и т. д.,— овладения мнимого, иллюзорного для нас, но воспринимаемого первобытным человеком как вполне целесообразное, реальное действие. Об этом же свидетельствует и положение, видимо, более ценных статуэток из бивня мамонта: они находились в большинстве своем в специальных ямках-хранилищах, вырытых в полу длинного жилища [32], но в таких же ямках-хранилищах здесь находились и настоящие орудия труда: кремневые ножевидные пластины, костяные шилья, лощила, мотыги и проч., а также украшения и охра.

Здесь проявляется еще один очень важный момент палеолитического искусства — непосредственная связь эстетического с трудовой деятельностью в широком смысле слова. Разумеется, эта связь проявляется не только и не столько в положении женских статуэток в культурном слое. Еще ярче она проявляется в орнаментированных орудиях труда, особенно, когда орнамент, вероятно, нес не только эстетическую, смысловую, но и функциональную нагрузку. Так, орнамент на рукоятях бивневых мотыг, вероятно, способствовал захвату мотыги рукой; орнамент на фибулах (параллельные нарезки в верхнем слое Костенок 1, ряды насечек во II слое Костенок 14) — использованию их в качестве застежек одежды.

[30] В литературе неоднократно отмечалось, что, по этнографическим данным, передача лица, особенно глаз, в антропоморфных изображениях была запрещена, так как связывалась с представлением об «оживлении» статуэтки. Думается все же, что в искусстве палеолита подобные анимистические представления еще не проявлялись: авдеевские статуэтки с изображением лица были найдены в тех же самых условиях, что и безликие фигурки. Скорее всего в эпоху позднего палеолита изображение лица не было запретным, но лишь безразличным, не имеющим значения для целей, которые преследовали мастера, создавшие женские фигурки.

[31] Следует отметить, что, по мнению С. Н. Бибикова, все или подавляющее большинство женских статуэток, традиционно рассматриваемых как статические изображают танцующих женщин (*Бибиков С. Н.*, 1981).

[32] Широко распространено представление об особых связях таких статуэток с очагами. По нашему мнению, оно не имеет достаточных фактических обоснований: на плане, приведенном в монографии З. А. Абрамовой (1966, рис. 1), видно, что ямки, в которых находились целые статуэтки, среди прочих ямок-хранилищ отнюдь не самые близкие по отношению к очагам. Женские статуэтки планиграфически связаны с очагами ничуть не больше, чем любой предмет, найденный на территории длинного жилища.

Вспомним также штриховку на меловой корке древнейших позднепалеолитических орудий из нижнего слоя Костенок 12. Тесная связь собственно трудовой деятельности и эстетической еще почти не отделяющейся от первой, прослеживаемая в эпоху позднего палеолита, свидетельствует о зарождении эстетического отношения к действительности в процессе труда, являющегося, таким образом, в конечном счете, источником возникающего искусства.

Помимо хорошо выраженных «реалистических» женских изображений, в памятниках виллендорфско-костенковской культуры встречаются, но значительно реже человеческие изображения без выраженных признаков пола (мужские?), очень условные «антропоморфные» изображения (рис. 102, *10*), а также ряд личин, в которых можно усмотреть изображения мифических существ — полузверей-полулюдей («тотемические предки»?— рис. 102, *4*). Нужно особо отметить двойную статуэтку из Гагарина, изображающую две человеческие фигурки с прижатыми друг к другу головами (*Тарасов Л. М.*, 1972, *а, б*). Л. М. Тарасов, нашедший эту статуэтку, приводит аналогии между нею и двойным погребением подростков из Сунгирьской стоянки, предполагая возможность контактов между носителями виллендорфско-костенковского и костенковско-сунгирьского вариантов культур (*Тарасов Л. М.*, 1972 а, с. 19). В связи с этим можно вспомнить о находке в верхнем слое Костенок 1 дротика из бивня мамонта (отдаленная аналогия сунгирьским копьям). Однако никаких иных следов взаимовлияния этих двух самобытных и разновременных позднепалеолитических культур Русской равнины не обнаружено. Поэтому предположение о семантической связи гагаринской статуэтки с сунгирьским погребением остается не доказанным.

На территории Восточной Европы за единственным исключением (Елисеевичская стоянка) реалистические женские изображения встречаются только в памятниках виллендорфско-костенковской культуры. Значительно шире распространены условные, «знаковые» антропоморфные изображения. Наиболее интересными из них являются, пожалуй, мезинские орнаментированные фигурки, одновременно напоминающие фаллосы, и схематические женские фигурки с утрированной седалищной частью, а также близкие к ним по орнаментации фигурки птиц, одновременно похожие на стилизованные женские изображения (рис. 103, *1—6*). Мы согласны с теми исследователями, кто не видит противоречия в такой трактовке этих изображений, рассматривая их как «сложный семантический сплав на основе простейшего приема изобразительного совмещения составных элементов» (*Столяр А. Д.*, 1972, с. 60). Сложнее «прочитать», расшифровать этот знак-образ (человек «вообще» — птица? идея оплодотворения?). Возможно, подобными «совмещенными» изображениями являются и антропоморфные фигурки из верхнего слоя Костенок 4. В любом случае они свидетельствуют о сравнительно развитом абстрактном мышлении человека эпохи расцвета позднепалеолитической культуры.

Символические, знаковые изображения прослеживаются как в скульптуре, так и в гравюре. Сошлемся, в частности, на гравированный бивень из Кирилловской стоянки. Эту гравировку нельзя считать орнаментом, так как для нее «характерна...несвязанность с контурами бивня, полная асимметрия» (*Борисковский П. И.*, 1953, с. 119), но она не является и сюжетным изображением. В тщательно выгравированных линиях, зигзагах, заштрихованных контурах, очевидно, заключался определенный смысл, но смысл этот выражен не реалистическим, а знаковым, символическим изображением и однозначному толкованию не поддается.

В раннеосташковское время известны также предметы с геометрическим орнаментом, нанесенным красной охрой. Это — крупные кости мамонта из Мезинской стоянки (рис. 103, *9—11*), интерпретируемые С. Н. Бибиковым как музыкальные инструменты, а также череп мамонта, из Межиричей, орнамент которого представляет собой, по мнению И. Г. Пидопличко, условное изображение огня (*Пидопличко И. Г.*, 1976, рис. 85). Окрашенные кости в палеолитических стоянках встречаются не так редко. Но, как правило, на таких костях удается установить только следы краски, но не характер рисунка. Кости мамонта, найденные на Мезинской и Межиричской стоянках, являются в этом отношении редкими исключениями.

В памятниках, надежно датирующихся эпохой позднеледниковья, произведения искусства, в первую очередь реалистические изображения человека или животных, исчезают, хотя по-прежнему встречаются различного рода подвески (рис. 98, *1—11*), изредка — предметы, которые можно трактовать как условные изображения (например, стержень с головкой из IV культурного слоя Молодова 5— *Черныш А. П.*, 1959).

Как уже отмечалось, монохромные изображения животных наряду с условными геометрическими фигурами Каповой пещеры остаются едва ли не единственными произведениями «монументального» пещерного палеолитического искусства не только в Восточной, но и в Центральной Европе, т. е. на огромной территории, представляющей собой в этом отношении вплоть до Франко-Кантабрийской области, где пещерные росписи эпохи позднего палеолита известны в большом количестве, одну обширную лакуну [33].

Каповая пещера, оставаясь единичным памятником такого рода на всей этой территории, не может заполнить эту лакуну, тем более, что ее изображения по своему художественному значению не сопоставимы с высшими достижениями палеолитической пещерной живописи Юго-Западной Европы (Альтамира, Ляско, Фон-де-Гом и др.). Однако данное обстоятельство нельзя истолковывать, как это делал в свое время Г. Обмермайер (1913, с. 257), как свидетельство особой художественной одаренности палеолитического населения района Пиренеев. Лучшие образцы восточноевропейского «мобильного искусства» (скульптура и орнамент) по своей сложности и выразительности ни в чем не уступают подобным изделиям, найденным на территории Западной Европы. Можно с достаточной уверенностью предполагать, что в ходе дальнейших раскопок на территории Русской равнины будут обнаружены не менее выразительные гравированные изображения (пока их

[33] В последнее время появились сообщения об открытии живописных изображений эпохи палеолита в одной из пещер Румынии.

слишком мало). Возможны и новые открытия пещерной живописи, хотя здесь надежд меньше, главным образом из-за различных естественно-географических условий района Пиренеев и предгорных областей Русской равнины.

Насколько преждевременными могут оказаться выводы относительно отсутствия на той или иной территории следов палеолитического искусства, показывает следующий факт. На территории Русской равнины, как следует из вышеизложенного, подавляющее большинство образцов палеолитической изобразительной деятельности было найдено в двух районах: на среднем Дону (Костенковско-Боршевский район) и в Поднепровье. Казалось бы, можно предположить, что на юге Русской равнины, где имеется значительное количество позднепалеолитических стоянок, но в течение десятков лет не было найдено ни одного предмета изобразительной деятельности, не считая украшений, искусство эпохи палеолита было в лучшем случае скудным и маловыразительным. Однако это опровергается находками гравированных поделок на Мураловской стоянке и «амулета» в III слое грота Брынзены 1, о которых мы писали выше. Важно, что все эти изделия, хотя их и мало, являются достаточно развитыми образцами палеолитического искусства, свидетельствующими о сложных эстетических представлениях.

Палеолитические погребения — ценный и редкий исторический источник, освещающий не только духовную жизнь людей этой эпохи, но и многие стороны их материальной культуры, не сохранившиеся в других источниках. Ниже мы приводим описание важнейших погребений эпохи позднего палеолита, известных в настоящее время на Русской равнине. Их всего пять: два на Сунгирьской стоянке и три на различных стоянках Костенковско-Боршевского района[34]. Почти все они (за исключением погребения кроманьонца на Костенках 2) датируются ранней порой позднего палеолита. Древнейшими из них являются погребения на Костенках 15 (Городцовская стоянка) и на Костенках 14 (Маркина Гора). Первое интересно ярко выраженным своеобразием обряда захоронения мальчика 5—6 лет. На первый взгляд создавалось впечатление о преднамеренном расчленении трупа, туловище которого находилось в южном, а голова — в северном конце могилы. Однако путем тщательного исследования погребения, соотношения костей скелета с положенным в могилу инвентарем, с охрой, с крупными костями животных было установлено следующее. Могильная яма овальных очертаний, размерами 1,24×0,80 м и глубиной 0,43 м от основания культурного слоя была вырыта в полу жилища. У ее восточного края на дно после засыпки охрой была положена куча желтой ергенинской глины, на которую, возможно, в связанном виде был посажен труп ребенка, снабженный богатым погребальным инвентарем: за спиной его находилась крупная лопаточка городцовского типа с головчатой рукоятью — ее центральная часть совершенно истлела из-за обилия сгнивших здесь органических тканей погребенного; справа от покойника, на дно могилы, были положены кремневые изделия в количестве 55 единиц. Слева лежала костяная игла с просверленным ушком и костяное лекало. На голове мальчика находился головной убор, на который было нашито 153 просверленных зуба песца, лежавших плотными рядами. Могила не была засыпана землей, а лишь перекрыта крупной лопаткой мамонта, сверху, возможно, было устроено и земляное перекрытие. Со временем перекрытие подгнило, и лопатка рухнула в этот примитивный склеп, в результате удара полусгнивший труп ребенка распался на три части: нижняя челюсть упала вниз на дно могилы, череп откатился направо, в северный конец, а остальные кости скелета, еще не утратившие анатомической связи, упали налево, в южный конец могилы. В таком виде погребение и было расчищено исследователями (рис. 107, *2*). По определению В. П. Якимова (1957, 1961), погребенный был мальчиком 5—6 лет, «восточный кроманьонец», в строении черепа его не обнаружено каких-либо неандерталоидных признаков. От типичных кроманьонцев череп ребенка из Костенок 15 отличается большей долихокранностью и меньшей шириной.

Погребение из Костенок 15, открытое в 1952 г., было первым погребением древнекаменного века на обширном пространстве равнинной части Восточной Европы и до сих пор остается древнейшим среди позднепалеолитических погребений. Оно выражает заботу о загробной жизни детей, что характерно для эпохи палеолита. В данном случае представляется вероятным предполагать отражение еще самых примитивных, доанимистических представлений людей о загробной жизни, определяющихся не развитостью погребального обряда, а наивно-реалистическими дорелигиозными представлениями. В соответствии с подобными наивно-реалистическими, тотемическими представлениями и после смерти жизнь продолжалась в ее реальных формах, поэтому умершего погребали в реальном жилище, в одежде, в могилу клали реальный, а не вотивный бытовой и производственный инвентарь. У других племен существовал особый обряд погребения.

Любопытно сравнить с городцовским погребением стратиграфически одновременное ему погребение на Костенках 14, обнаруженное на глубине 0,31—0,48 м от основания III культурного слоя. Дно могильной ямы (0,99×0,39 м) было также интенсивно окрашено красной охрой, но какой-либо сопровождающий инвентарь отсутствовал. Погребенный взрослый мужчина, приблизительно 25 лет, был предварительно связан так, что руки его оказались подтянуты к груди, колени — к животу, а пятки — к тазу, и в таком сильно скорченном состоянии буквально втиснут в тесную могильную яму (рис. 107, *1*). Он лежал на левом боку, головой к северу, лицом на запад. Сохранность костей очень хорошая. По мнению палеоантрополога Г. Ф. Дебеца (1955), расчищенный и исследованный А. Н. Рогачевым в полевых условиях вместе с М. М. Герасимовым, скелет с Маркиной Горы является лучшим среди всех известных скелетов позднепалеолитических людей как по физической сохран-

[34] Имеются в виду сохранившиеся погребения с остатками человека, по которым можно восстановить элементы погребального обряда. Кроме перечисленных, на Сунгире карьерными работами был уничтожен ряд погребений (см. ниже), на Костенках 18 было найдено погребение, сильно разрушенное поздними ямами, наконец, отдельно человеческие кости неоднократно находились на ряде палеолитических стоянок (например, грот Старые Дуруиторы в Молдавии, Чулатово 2 на Десне, Костенки 8 на Среднем Дону).

ности костей, так и по полноте их сбора. В строении черепа Г. Ф. Дебец отметил наличие негроидных черт.

Исключительный интерес представляют погребения, обнаруженные на поселении Сунгирь, которые по характеру кремневого инвентаря обнаруживают генетические связи с памятниками костенковско-стрелецкой культуры[35].

Обе исследованные могилы находились в верхней части пологого склона, на котором располагалась стоянка, но еще в пределах культурного слоя стоянки. Более того, могила 2 была вырыта в центре одного из скоплений культурных остатков предполагаемого жилища 1, вероятно, на месте его центрального очага. Другая могила располагалась в нескольких метрах ниже по склону.

Обе могилы вырыты в подстилающем почвенно-культурный слой светло-желтом суглинке, и в нижних горизонтах имели четкие очертания. Поверхность, с уровня которой рылись могилы, находившаяся в толще культурного слоя, определяется не вполне четко. Обе могилы были довольно узкими, имели вертикальные стенки без каких-либо следов оплывания. Угольки на дне могилы расцениваются как следы погребального ритуала, освящения дна могилы огнем.

Этот ритуал восстанавливается в следующем виде (см. цвет. вкл.). Дно могилы посыпалось огнем-углем, сохранившимся в виде отдельных угольков и даже сажистых прослоечек. На них местами заметно какое-то белое вещество вроде извести, и уже по белому слою могилы густо посыпались ярко-красной охрой, слой которой на дне могилы достигал местами нескольких сантиметров.

После этого в могилу укладывались умершие в праздничной церемониальной (?), богато украшенной одежде и многочисленный погребальный инвентарь — орудия труда и произведения искусства, изображения животных и другие эмблемы — выполненный преимущественно из бивня мамонта, а также из рога и кремня. После этого снова производилась засыпка всей могилы красной охрой. В могиле 1 установлено, что следующим актом была укладка верхней одежды — плаща, после чего — новая посыпка охрой.

Наконец, засыпь могилы перемежается еще несколькими прослойками чистой охры. Есть основания полагать, что засыпанные могилы на поверхности отмечались пятнами ярко-красной охры; но эти горизонты слоя, в противоположность нижней части могил, сильно разрушены солифлюкцией.

Могила 1 была вырыта на глубину 60—65 см, прорезав около 10—15 см почвенно-культурного слоя и 48—50 см подстилающей желтой супеси. Могила имела форму не вполне правильного, сильно вытянутого овала, имевшего близ дна могилы размеры 2,05×0,70 м.

На дне могилы лежал хорошей сохранности скелет мужчины 55—65 лет (по определению Г. Ф. Дебеца), в вытянутом на спине положении, обе руки согнуты в локтях, с кистями на лобке; скелет ориентирован головой на северо-восток. На груди у него найдена сверленая подвеска из небольшой каменной гальки; на обеих руках более 20 браслетов из тонких пластинок, выструганных из бивня мамонта, иногда с отверстиями на концах; на дне могилы — кремневый нож, скребло и отщеп, а также обломок костяного черепка со спиральным резным орнаментом; от черепа до стоп на скелете располагались до 3500 бус из бивней мамонтов тех же типов, что и бусы из культурного слоя стоянки. Они были, без сомнения, нашиты на одежду; их расположение на скелете позволяет реконструировать костюм как глухую (без переднего разреза) одежду, состоявшую из кожаной (замшевой) или меховой рубашки типа малицы, надевавшейся через голову, кожаных же длинных штанов и сшитой с ними кожаной обуви типа мокасинов, также расшитой бусами. Головной убор также был расшит тройным рядом бус с песцовыми клыками на затылке; это была скорее шапка, а не капюшон. На руках наряду с пластинчатыми браслетами много браслетов из нанизанных бус. На ногах такие же перевязи под коленями и над щиколотками. Поперек груди — тройная лента бус; подобное же украшение обозначено на более поздних палеолитических статуэтках и изображениях из Костенок на Дону; видимо, это глубоко традиционная особенность костюма. Кроме этой нательной одежды, носились еще короткие плащи, расшитые более крупными бусами.

В целом костюм реконструируется как глухая одежда арктического типа. В истории современного арктического костюма одежда сунгирцев должна занять исходное положение. Становится ясным, что этот тип одежды сложился на северных равнинах еще в глубинах палеолита и уже в готовом виде был принесен в Арктику.

На поверхности могилы или, скорее, у самой ее поверхности, на густом пятне красной охры, вписанном в очертания могилы, лежал довольно крупный камень и плохо сохранившийся женский череп без зубов и нижней челюсти.

Могила 2 была вырыта в 3 м от первой, выше по склону и имела почти точно ту же ориентировку. Поверхность, на которой она была вырыта, не фиксируется точно, поэтому и определение глубины могилы в 0,74 м в известной мере условно. Длина ее 3,05 м, ширина 0,70 м.

На дне могилы лежали два скелета подростков, тесно прижатые друг к другу головами, как на известной двойной статуэтке из Гагарина. Северный скелет, лежавший головой на юго — юго-запад, принадлежал девочке 7—8 лет; южный скелет, ориентированный на северо — северо-восток — мальчику 12—13 лет. Погребения сопровождались огромным количеством изделий из бивня и несколькими кремневыми предметами, найденными только в погребении мальчика.

Захоронение обоих подростков произведено одновременно. Об этом свидетельствуют положенные в могилу два копья, длина которых значительно превышает рост каждого из погребенных. Предметы эти являются, пожалуй, самой поразительной новостью, подаренной науке этой могилой. Они представляют собой очень длинные веретенообразные стержни, сделанные из расщепленных и выпрямленных бивней мамонта, с тонкими, острейшими концами. Устанавливается удивительная для того времени техника расщепления трехметровых бивней, их выпрямления, видимо, после длительного вымачивания и распаривания над огнем и выстругивания длин-

[35] Раздел о сунгирьских погребениях написан для данного издания О. Н. Бадером; ему же принадлежат рисунки, на которые имеются ссылки в данном разделе.

ных, прямых и твердых копий из столь прочного и тяжелого материала. Длина копья мальчика 2,42 м, копья девочки — 1,66 м. С таким копьем умелый сильный охотник мог смело идти на крупного зверя. Кроме того, с девочкой было положено восемь дротиков из того же материала и два кинжала длиной 42 см, а с мальчиком три таких же дротика и один кинжал. Концы некоторых копий и дротиков были оснащены кремневыми чешуйками.

У правого виска девочки находился тонкий прорезной диск из бивня, надетый на конец дротика. У правого же виска мальчика — такой же, сохранивший вертикальное положение диск, вероятно, надетый в свое время на острие несохранившегося деревянного копья. Можно предполагать, что к прорезям этих красивых и хрупких украшений на копьях прикреплялись цветные ремешки или, скажем, пушистые хвосты песцов, и эти дротики служили своего рода парадными эмблемами или имели какое-то особое церемониальное значение.

На ручках обоих погребенных были надеты пластинчатые и бусяные браслеты — такие же, как в могиле 1, на пальцах обнаружены перстни из того же материала, найдена костяная игла. На груди и животе девочки лежали большой прорезной диск и два стержня округлого сечения с расширенными плоскими концами и сквозными отверстиями на них, в одном случае с богатым точечным орнаментом; видимо, это своего рода застежки для пояса. Под подбородком каждого скелета — большая заколка в виде стержня, служившие, по-видимому, для застегивания краев верхней накидки — плаща.

Слева от ног девочки — два крупных «жезла», или «выпрямителя», из рогов северного оленя с круглыми отверстиями на конце.

Особенностью захоронения мальчика являются два кремневых ножа, один из которых был зажат в правой руке, а также следы культа животных: на груди — плоская скульптура лошади, похожая на найденную ранее в культурном слое, но крупнее (рис. 106, *2*); под левым плечом — крупная скульптура мамонта (рис. 106, *1*), у рта и пояса — два крупных когтя пещерного льва, сзади к одежде прикреплена имитация хвоста из нанизанных бус своеобразной плоской квадратной формы.

Расшивка одежды бусами в могиле 2 еще богаче, чем в могиле 1. В могиле 2 собрано до 7500 бус. Их расположение подтверждает реконструкцию одежды, сделанную по данным из могилы 1, но дополняет ее рядом деталей. Так, расшивка шапки мальчика богаче; у девочки реконструируется скорее не шапка, а капюшон, или капор, и налобная повязка. У мальчика те же, что у мужчины, семь рядов бус, пересекающих грудь на малице, но, кроме того, пояс, густо расшитый песцовыми клыками. У девочки малица в верхней части и у пояса была расшита бусами сплошь, плотными горизонтальными рядами. В обоих погребениях расположение бус в нижней части ног дает основание говорить об обуви в виде меховых (?) сапог типа пимов или унтов.

В могиле 2 у самой поверхности, как и в могиле 1 обнаружены остатки верхнего погребения, лежавшего на 65 см выше дна могилы, но не на древней поверхности, а в самом начале подстилающей светло-желтой супеси, в четких очертаниях могилы. От человеческих костей, почти полностью разложившихся, остались только фрагментарные кальцитовые белые полоски; тем не менее расположение костей обозначилось достаточно ясно. Это был взрослый человек, лежавший в вытянутом на спине положении, с левой рукой на лобке, головой на юго — юго-запад. Остатков черепа и даже эмали от зубов найти не удалось; видимо, в момент захоронения голова была отделена от туловища. Пол погребенного по морфологическим признакам определить невозможно. Принимая во внимание, что оба мужских погребения одинаково ориентированы головой на северо-восток, а погребение девочки имеет противоположную ориентировку, совпадающую с ориентировкой рассматриваемого верхнего погребения, можно предполагать женский пол верхнего скелета. В таком случае возникает вопрос, не принадлежит ли женский череп, найденный у поверхности могилы 1, женщине, захороненной вверху могилы 2? Если это именно так, то могила 2 была вырыта и сооружена раньше, чем могила 1, и в течение разделявшего их немалого времени отрезанная голова женщины, сохранявшаяся где-то на поверхности (в жилище или около него), утратила мягкие части, все зубы и нижнюю челюсть.

Уровень верхнего погребения в могиле 2 был отчасти затронут солифлюкцией, поднявшей на высоту до 43 см многие мелкие предметы погребального инвентаря (ленты красной охры, бусы и просверленные клыки песцов). Считая предметы вместе с оставшимися на уровне скелета, к верхнему погребению относятся 13 просверленных клыков песца, до 130 сверленых и частью несверленых бус из бивня мамонта, крупная костяная подвеска, трубчатые костяные подвески, костяное острие, костяной перстень, еще одна костяная подвеска-стержень; два сброшенных и обрубленных рога северного оленя лежали в области таза погребенного и рядом крупное обоюдоострое мотыгообразное орудие или клевец из бивня мамонта; сюда же относятся три каменных сверленых подвески, кремневый наконечник вытянуто-миндалевидной формы, близкой селетской, кремневый скребок, кварцевый и кремневый отщепы и ископаемая раковина чашевидной формы. По сравнению с тремя уже описанными погребениями инвентарь верхнего погребения могилы 2 небогат, но оленьи рога, клевец из бивня, черпак из раковины, трубочки-пронизки, костяная проколка, кремневый наконечник селетского типа придают ему неповторимый облик.

К упомянутым остаткам пяти скелетов нужно добавить отдельные кости еще четырех скелетов. Это прежде всего массивное человеческое бедро с отбитыми эпифизами, лежавшее в могиле 2 сбоку от скелета мальчика; в его полости с обоих концов была буквально набита охра, что придает этой находке ритуальное значение.

Далее, между могилами 1 и 2, в солюфлюкционном потоке был найден обломок человеческого плеча, принадлежавшего, по определению Т. Тота, молодой девушке.

В 1969 г. в 200 м от могилы в сторону кирпичного завода при разработке нового карьера был разрушен человеческий скелет, залегавший на глубине около 3,5 м. Попавшие в наши руки остатки его были определены В. Н. Звягиным (Институт криминалисти-

ки) как принадлежавшие девушке 16—17 лет, ростом около 1,60 м.

Наконец, в 1972 г. в том же новом карьере и примерно на том же расстоянии от могил к юго-востоку, на той же глубине ковшом экскаватора был вывернут хорошей сохранности скелет взрослого человека, затем разрушенный рабочими, относящийся, возможно, к палеолитическому времени.

Две последние находки позволяют предполагать присутствие новых погребений на промежуточной территории.

Исключительный интерес представляет палеоантропологическая характеристика изученных костных остатков. Скелет мужчины из могилы 1 является европеоидным, но его расовые особенности выражены неотчетливо. Если бы измерения, полученные на черепе из могилы 1, можно было бы рассматривать как средние величины целой серии черепов, то можно было бы говорить о «восточных кроманьонцах» с отдельными чертами, напоминающими северных монголоидов, о протомонголоидном элементе, о предках американских индейцев, другими словами — о типе современного человека с еще не вполне дифференцированными расовыми признаками.

Этот вывод подтверждается и анализом скелетов подростков из могилы 2. Мальчик является европеоидом, но сохраняет некоторые негроидные или неандерталоидные черты. Последние особенности особенно выражены у девочки.

Совершенно особый интерес представляет массивное бедро с отбитыми эпифизами из погребения мальчика. По предварительным данным, оно в наибольшей степени напоминает неандерталоида. Представляется вероятным, что в то время на северном краю европейской ойкумены неандерталоидные формы продолжали существовать вместе с сапиентными.

Более позднее погребение кроманьонца на Костенках 2 (рис. 105), относящееся уже к средней поре позднего палеолита, сохраняет многие черты, свойственные погребениям предшествующего периода (*Борисковский П. И.*, 1963). По данным П. И. Борисковского, оно представляло собой специально сооруженную из костей мамонта (черепа, кости конечностей, лопатки) овальную погребальную камеру, размерами 2,20×0,55 м по внутреннему обводу и 4,0×1,50 м — по внешнему, пристроенную к стенке жилища. Стенки погребальной камеры были невысоки, они состояли не из вкопанных, а из горизонтально положенных костей. В центр этой камеры был посажен связанный труп мужчины, возраст около 50 лет. По крайней мере, до плеч он был засыпан землей — об этом свидетельствует то, что кости туловища и ног сохранили свое первоначальное положение. Голова и руки остались снаружи. После разрушения жилища голова и некоторые кости рук упали назад и оказались на жилой площади. После погребения жилище, вероятно, было покинуто обитателями: об этом свидетельствует одновременность процесса разрушения жилища и погребения (иначе череп не мог бы попасть на жилую территорию). Среди известных палеолитических захоронений наиболее близкую аналогию обнаруживает погребение ребенка на Городцовской стоянке (специально сооруженная камера, сидячее положение), однако существенны и отличия (например, камера на Городцовской стоянке — закрытый сверху склеп; богатый инвентарь, сопровождающий погребение ребенка, и полное отсутствие инвентаря в погребении на Костенках 2).

В заключение выскажем некоторые общие соображения о природе и истоках палеолитического искусства, об особенностях сознания первобытного человека.

При определении природы первобытного искусства следует исходить из того, что эстетическое отношение человека к действительности как историческая реальность возникает вместе с возникновением труда и сознания, из их творческой сущности. Как труд и сознание, так и его эстетическая сторона есть проявление изначальных родовых свойств человека. Без эмоциональной стороны, без внутренней удовлетворенности процессом труда, требующего напряжения физических и моральных усилий, а также и воли, не могла бы возникнуть исходная форма производства, состоящая в производстве орудий труда для присвоения животной и растительной пищи и для удовлетворения других потребностей. Формой развития возникающего производства не могли быть отношения стадности, преодоление которых началось благодаря осознанию трудящимися существами в наивно-реалистической, тотемической форме своего единства с природой.

Первобытная археология имеет возможность точно документировать возникновение человека и труда на основе появления первых каменных орудий и залегания вместе с ними костей человека с несколько большим объемом черепа, чем объем черепа современных антропоидных обезьян. Но чтобы документировать возникновение первых форм общественного сознания, какими-либо бесспорными положительными данными наука пока не располагает. Поэтому начальные ступени сложного и трудного пути преодоления первобытностадного бытия наших предков, а вместе с тем — становления и развития первых форм общественного сознания реконструируются на основе общетеоретических представлений о логике развития труда и сознания, в некоторой мере подкрепляемых и детализируемых данными археологии и антропологии. Человеческое общественное сознание имеет прочную онтологическую базу, состоящую в осознании и тем самым в объективизации первобытного стадного бытия как человеческого бытия. Так на основе господства биологических закономерностей возникают труд и эстетические отношения как общая основа человеческого бытия.

Советские ученые, касаясь вопросов происхождения искусства, выступают против прямого выведения его из религиозных представлений, подвергая критике, в частности, магическую теорию Рейнака и культовую теорию Кнопа (см., например; *Абрамова З. А.*, 1962, 1966; *Окладников А. П.*, 1967; *Столяр А. Д.*, 1972 и др.). Было бы ошибкой, по нашему мнению, при этом эти самостоятельные ныне формы общественного сознания переносить в таком виде в первобытное палеолитическое прошлое и рассматривать их генезис «с самого начала» как генезис пусть неразвитых, но изначально отдельных, самостоятельных форм. В том-то и сложность проблемы, осознаваемая многими исследователями первобытного искусства,

что первоначально общественное сознание выступает нерасчлененным, синкретическим (см.: *Формозов А. А.*, 1969, с. 8; *Столяр А. Д.*, 1978, с. 88). Сложность увеличивается от того, что материальные следы проявления «духовного производства» (тогда непосредственно вплетенного в производство материальное), вызванное этим синкретическим сознанием, мы воспринимаем и оцениваем через призму привычных и естественных для нас дифференцированных форм сознания.

Каковым же являлся характер этого первобытного сознания, через какие стадии оно проходило в своем развитии? Учитывая скудность и отрывочность имеющихся данных, любые гипотезы по этому поводу будут неизбежно носить в значительной мере умозрительный, спекулятивный характер. Не составляет исключения и наша точка зрения, излагаемая ниже тезисно, без детальной аргументации и соответственно без ссылок на многочисленные работы ученых, чьи взгляды по затрагиваемым вопросам так или иначе учитывались.

Мы предполагаем, что первоначально общественное сознание первобытного человека было наивно-реалистическим, тотемическим. На этой стадии человек не отделял себя от коллектива, а коллектив — от окружающей среды, от природы. Удвоение мира, деление его на «естественное» и «сверхъестественное» (хотя бы в самой примитивной форме) на этой стадии еще было невозможным, человек знал только один, реальный, мир, причем наивно считал свои знания о нем полными, абсолютными и столь же наивно преувеличивал свое могущество (отсюда название для сознания такого рода — «наивно-реалистическое»). Осознание единства родового коллектива, его теснейшей связи с природой выступало в форме представлений о кровном родстве людей, составляющих этот коллектив, с определенным видом животных. Отсюда второе название для такого сознания — «тотемическое».

Говорить о возникновении первоначальных (первобытных) религиозных представлений можно лишь начиная со следующей стадии первобытного сознания, которую мы называем мифологической. На этой стадии впервые происходит удвоение мира, впервые, пусть в самой примитивной, окрашенной прежними наивно-реалистическими представлениями форме, возникает концепция иного, сверхъестественного мира, влияющего на реальное бытие, а постепенно — все больше и больше подчиняющего естественное, становящегося причиной и основой мироздания. Едва ли эта новая концепция возникает как новая религия. Она возникает в недрах прежних, тотемических представлений, превращая их из наивно-реалистического мировоззрения в зародыш религии. Именно на этой стадии возникает представление о тотемических предках — существах, объединяющих в себе черты человека и зверя, являющихся родоначальниками, причиной и основой существования коллектива, т. е. причиной и основой миропорядка (поскольку для первобытного человека мир замыкается на коллективе, которому этот человек принадлежит). Представления о сверхъестественном меняют саму суть прежних квазимагических действий по овладению окружающим миром, превращая их в действия подлинно магические, основанные не на собственных знаниях и силах (пусть мнимых), но на обращении к иным, более могущественным, иррациональным силам. Наконец, на этой стадии, но не раньше, возникают анимистические представления о «душе», «духе».

С какими же периодами человеческой истории следует связывать эти две стадии первобытного сознания? Материалы по изобразительному искусству и по погребениям эпохи позднего палеолита на Русской равнине в своей основе, по нашему мнению, отражают наивно-реалистические представления. Об этом свидетельствуют два основных сюжета палеолитического искусства — образ зверя и образ женщины, некоторые особенности воплощения этих сюжетов, условия нахождения этих изображений в культурном слое, идентичные условиям нахождения ряда наиболее ценных орудий труда (мы обращали внимание на эти моменты выше, при характеристике женских статуэток).

Об этом же свидетельствуют особенности палеолитических погребений: захоронение на территории поселения, зачастую — непосредственно в жилище, отсутствие устойчивых, единообразных черт в погребальном обряде, реальный инвентарь, сопровождающий покойника; отсутствие вотивных предметов. Но, говоря о наивно-реалистической основе дошедших до нас свидетельств духовной жизни людей эпохи позднего палеолита, было бы неверно закрывать глаза на обильные черты, объяснить которые только в рамках наивно-реалистических представлений уже невозможно. Таковы личины фантастических существ, полузверей-полулюдей, найденные в верхнем слое Костенок 1. Таков факт захоронения на Маркиной Горе молодого мужчины в связанном состоянии (страх перед умершим?). О формировании более сложных представлений свидетельствуют и некоторые детали сунгирьских погребений.

Таким образом, приведенные данные не дают однозначного ответа на вопрос — каким было общественное сознание в эпоху позднего палеолита. Было ли оно еще в целом наивно-реалистическим, лишь с отдельными чертами следующей, мифологической стадии, возможно, проявляющимися не во всех культурах? (Нужно учитывать как неравномерность исторического развития, так и то, что в действительности грань между «тотемической» и «мифологической» ступенями должна быть чрезвычайно расплывчатой, нечеткой). Или же сознание позднепалеолитического человека уже было вполне мифологическим, а наивно-реалистический характер искусства и погребального обряда объясняется отставанием формы от содержания? Для правильного ответа необходимо дальнейшее накопление и анализ материалов по духовной культуре этой эпохи. Но в любом случае можно утверждать, что наивно-реалистический, тотемический этап в формировании общественного сознания палеолитического человека существовал в реальности и что его начало следует, по-видимому, связывать с периодами, предшествующими эпохе позднего палеолита. Такие представления о природе и сущности возникающего и документированного на памятниках эпохи палеолита первобытного искусства естественно вытекают прежде всего из того огромного вклада в науку о палеолите, который внесли советские исследователи как накоплением фактов, так и развитием социологического направления в их интерпретации.

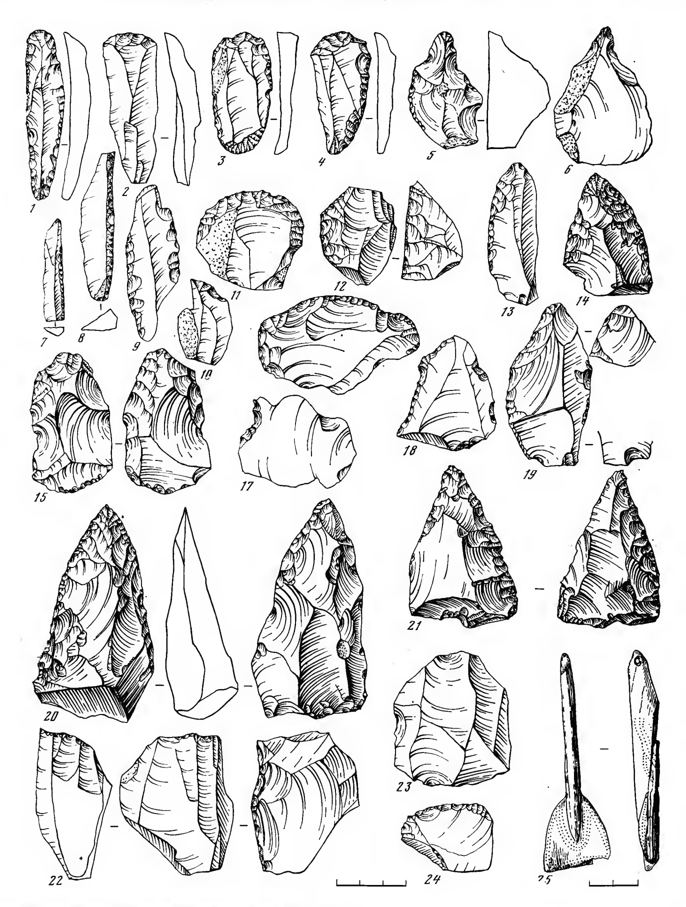

Рис. 73. Брынзенская культура. Брынзены 1, слой III. По материалам Н. А. Кетрару

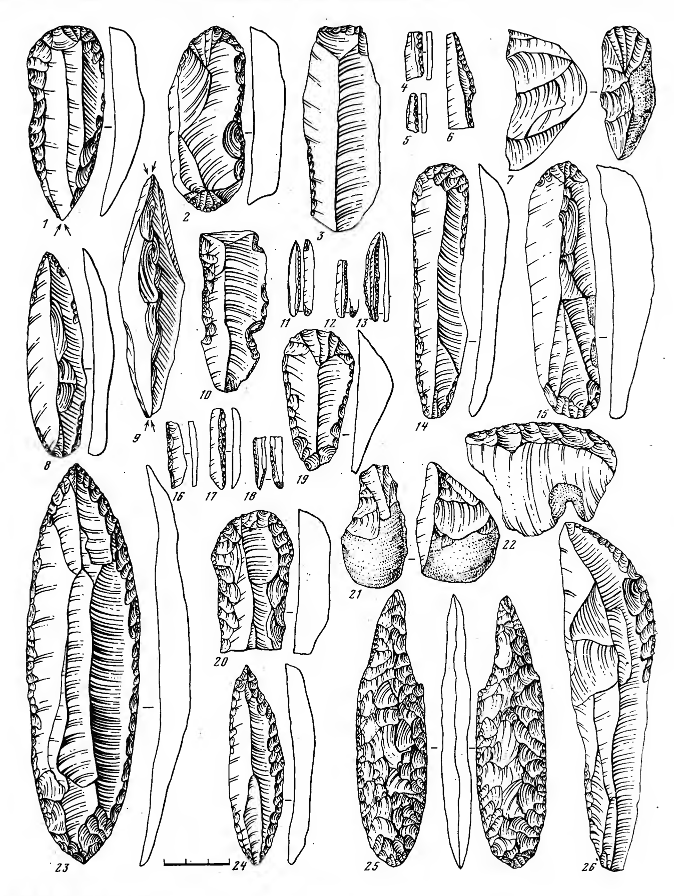

Рис. 74. Молодовская культура

Молодова 5: слой X (*16—26*); слой IX (*8—15*); слой VIII (*1—7*). По материалам А. П. Черныша

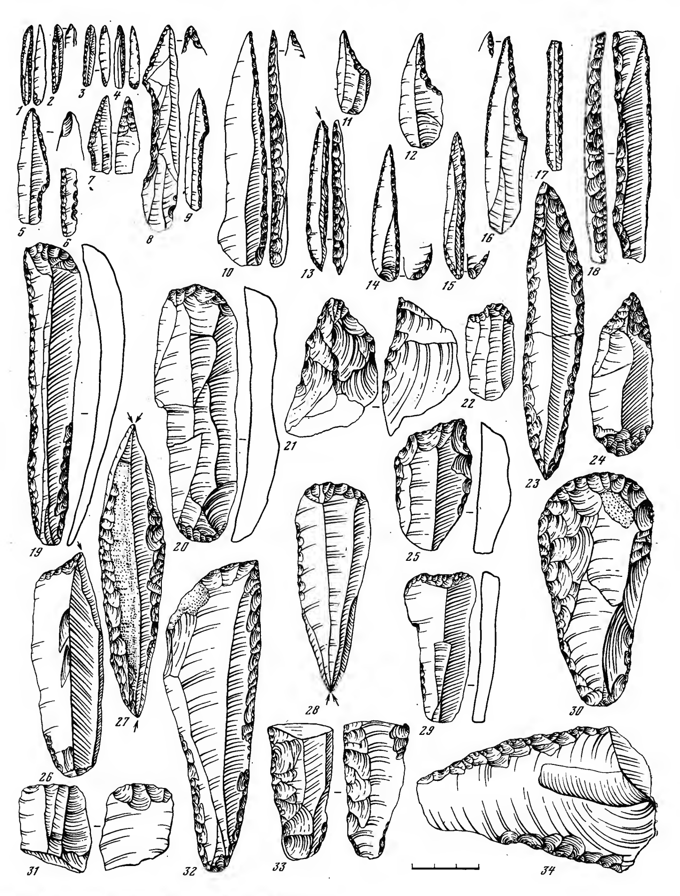

Рис. 75. Молодовская культура. Молодова 5, слой VII. По материалам А. П. Черныша

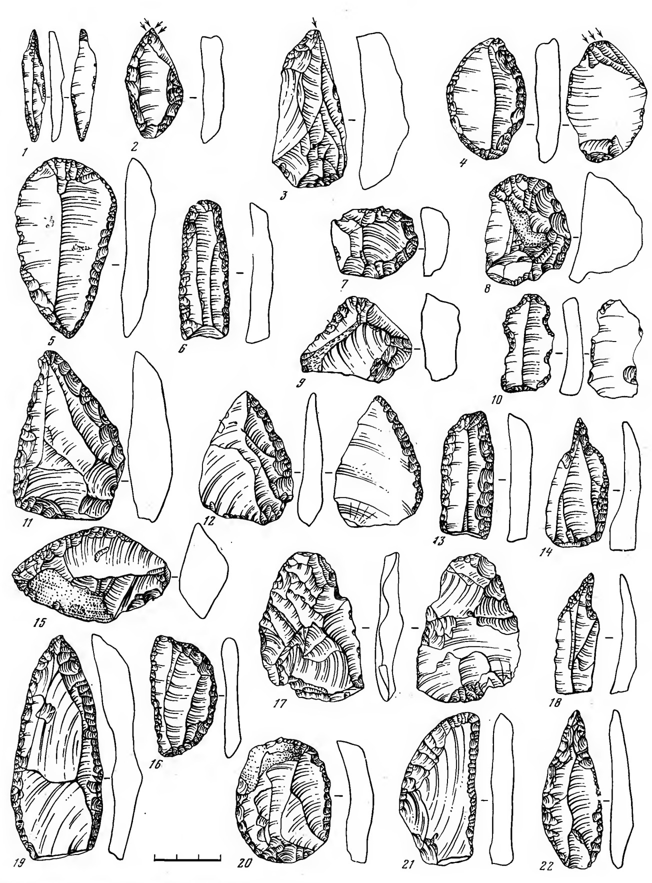

Рис. 76. Радомышльская стоянка. По материалам И. Г. Шовкопляса

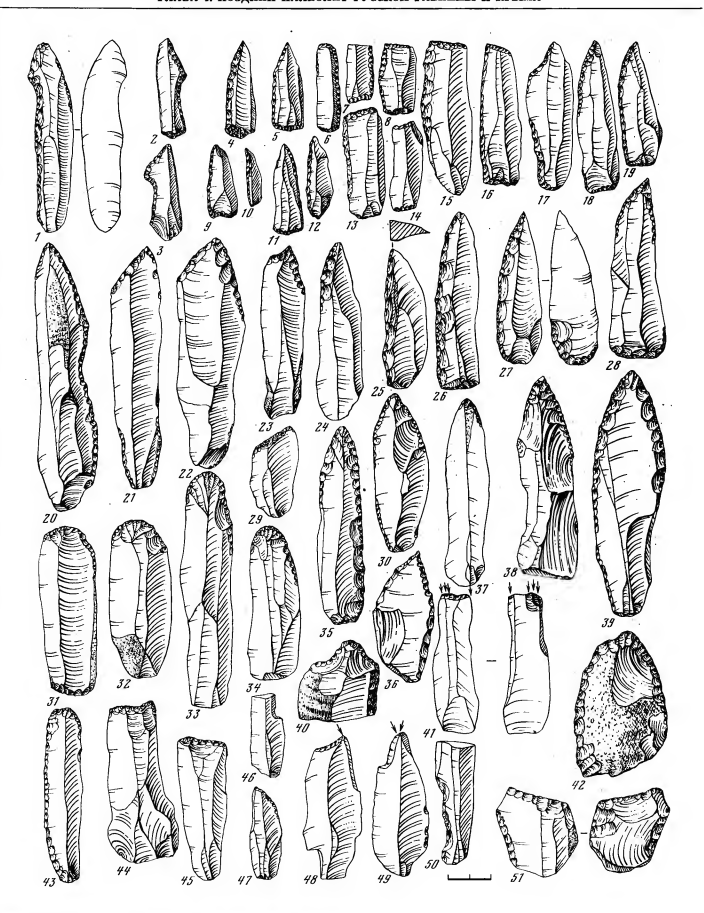

Рис. 77. Пушкаревская культура. Пушкари I. По материалам П. И. Борисковского

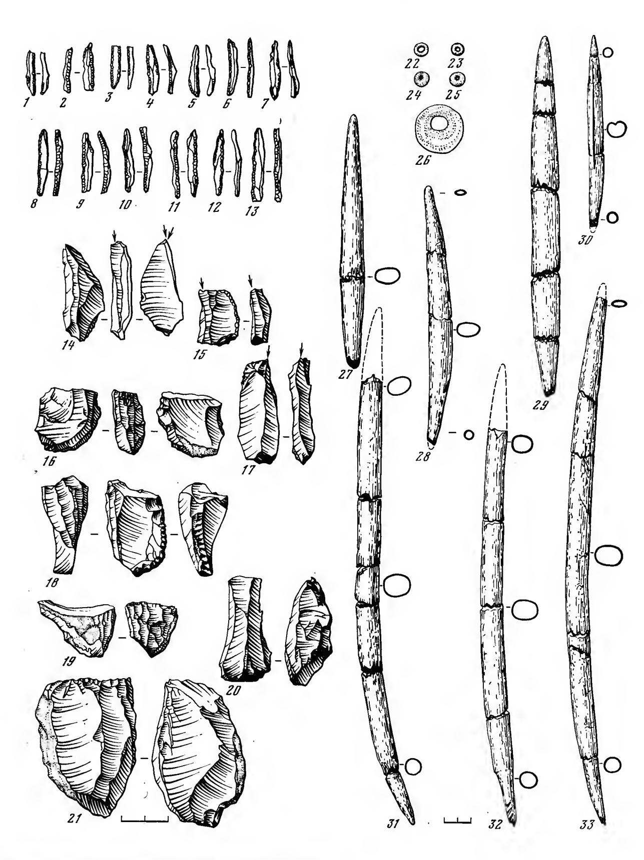

Рис. 78. Амвросиевская стоянка (*14—26*) и костище (*1—13*; *27—33*). По П. И. Борисковскому и Н. Д. Праслову

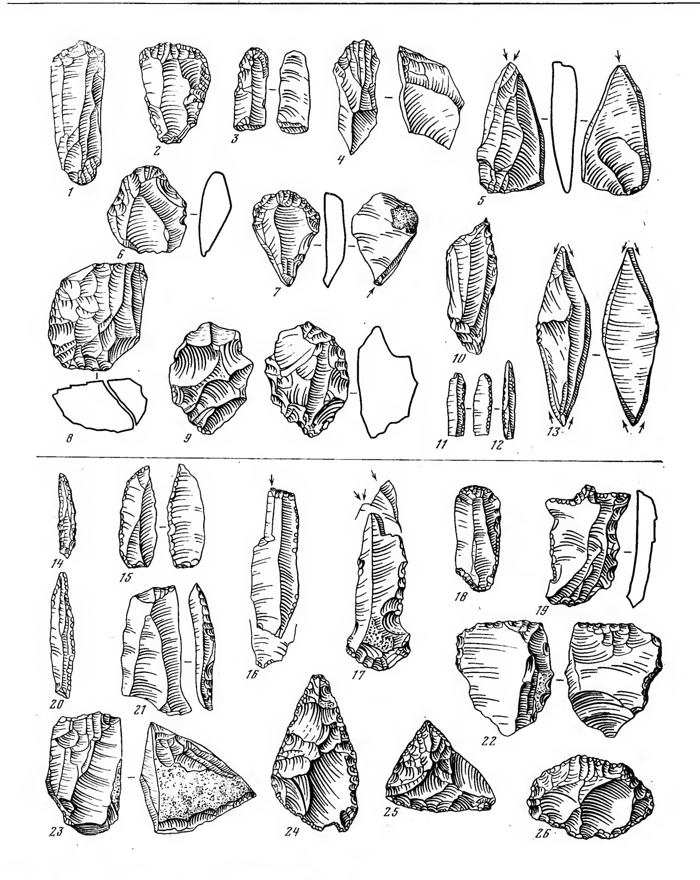

Рис. 79. Сюрень 1. Нижний слой (*14—26*), средний слой (*1—13*). По Е. А. Векиловой

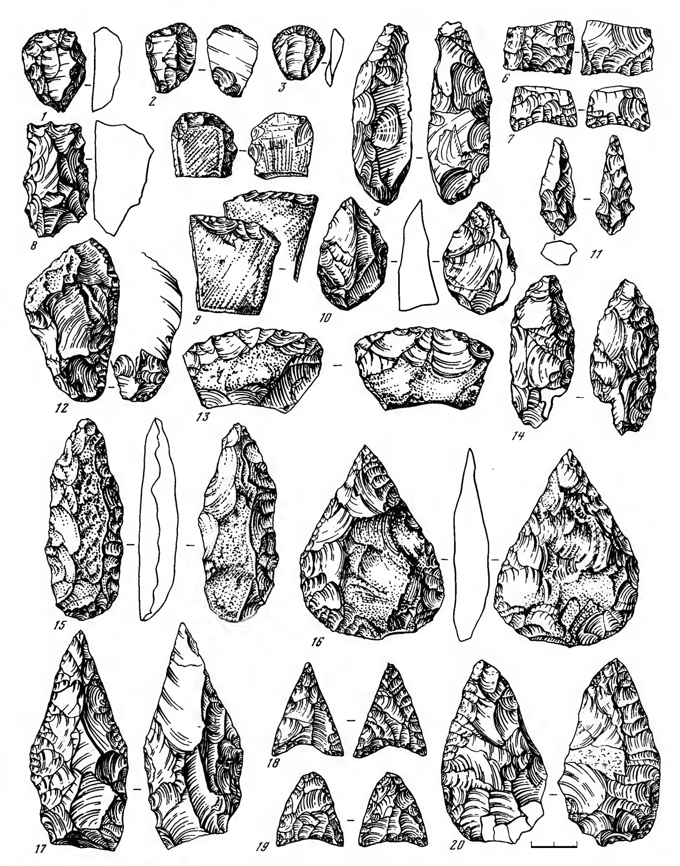

Рис. 80. Костенковско-стрелецкая культура

Костенки 12, слой III (*1—17*); Костенки 6 (*18—20*). По материалам А. Н. Рогачева

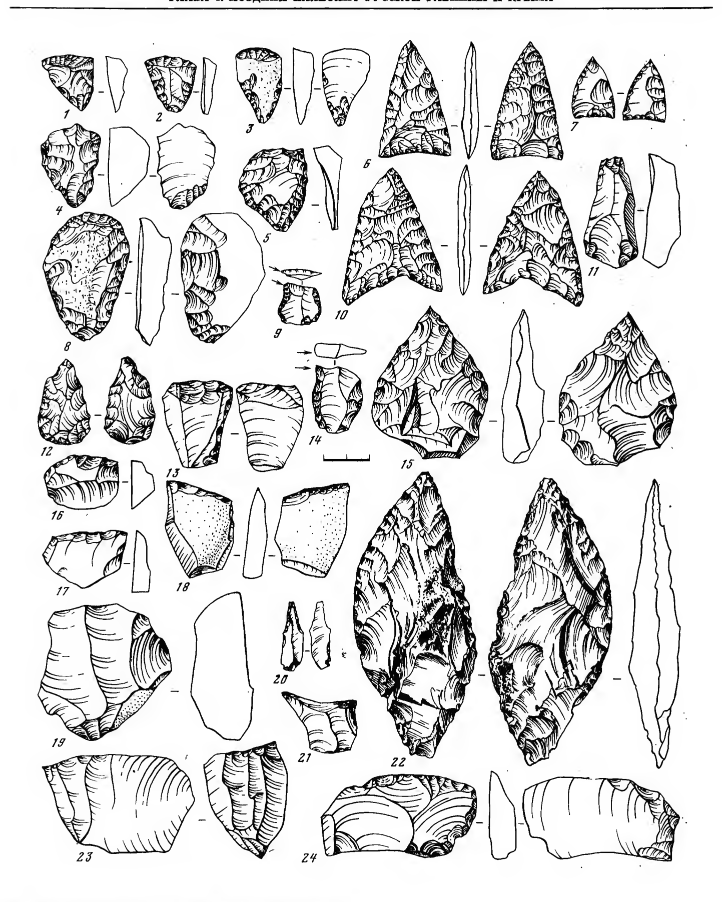

Рис. 81. Костенковско-стрелецкая культура. Костенки 1, слой V. По материалам А. Н. Рогачева

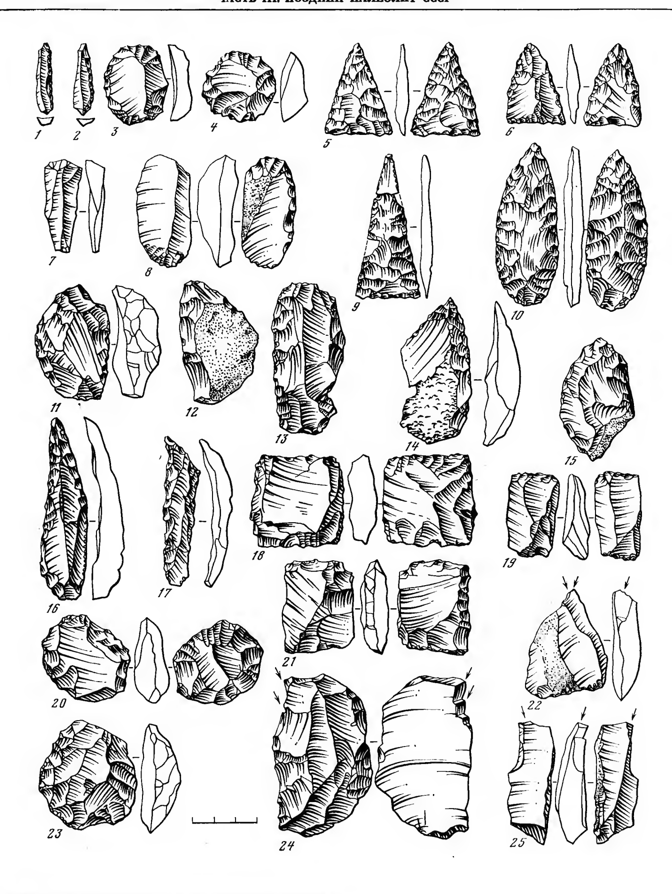

Рис. 82. Костенковско-стрелецкая (сунгирьская?) культура. Сунгирь. По О. Н. Бадеру

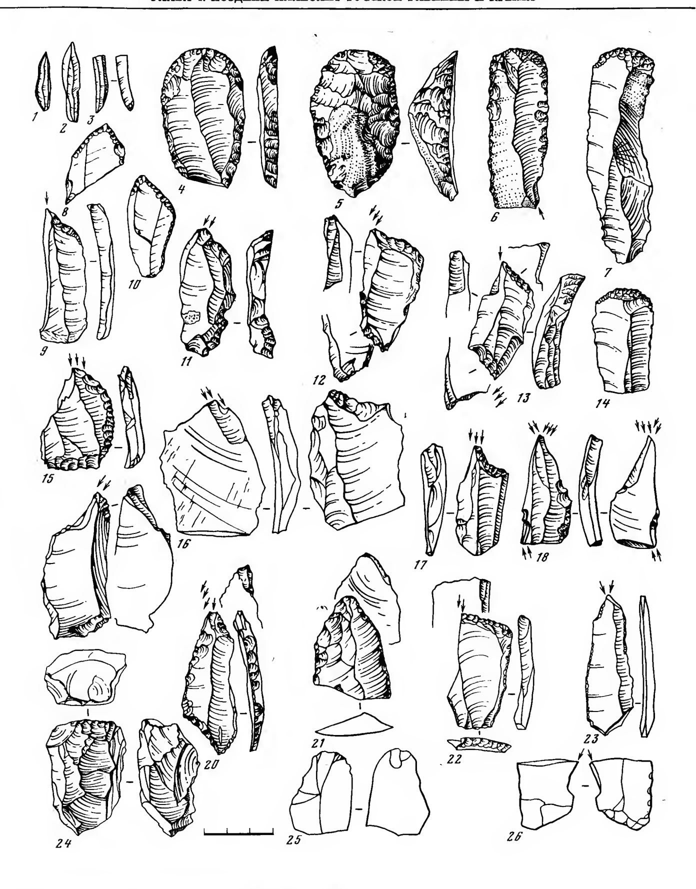

Рис. 83. Спицынская культура. Костенки 17, нижний слой. По П. И. Борисковскому

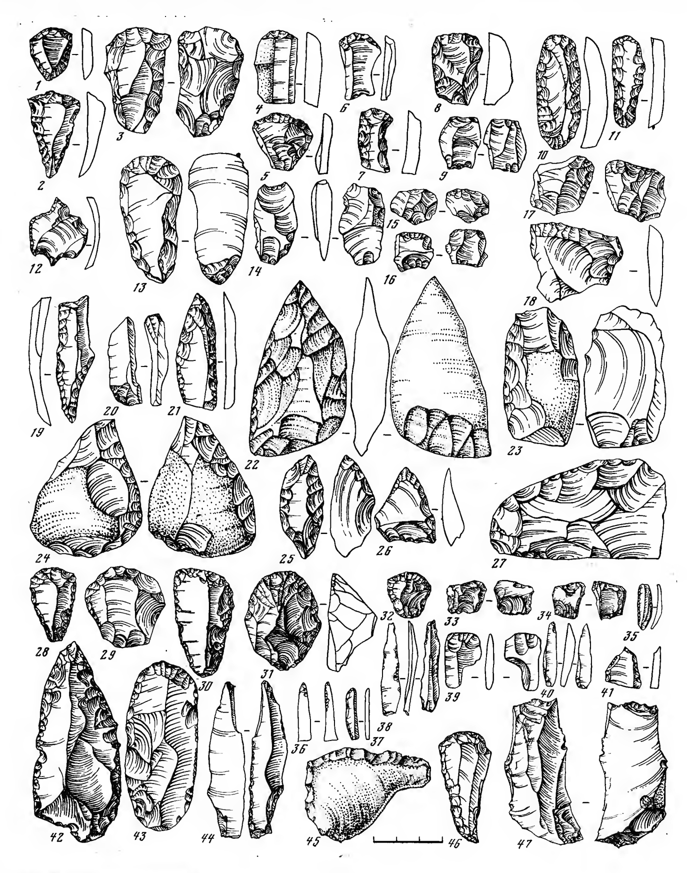

Рис. 84. Городцовская культура

Костенки 15 (*1—27*); Костенки 12, слой I (*28—47*). По материалам А. Н. Рогачева

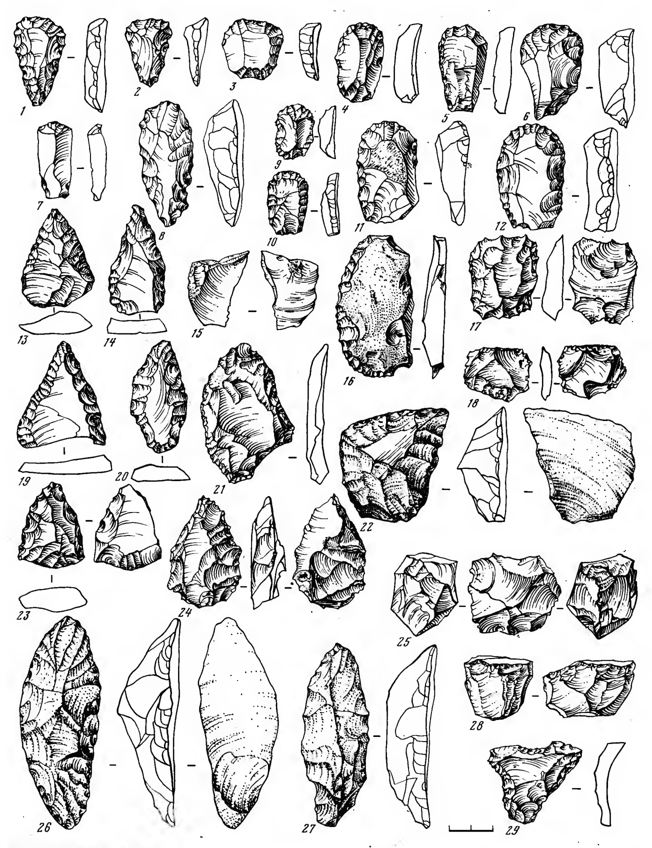

Рис. 85. Городцовская культура
Костенки 14, слой II. По материалам А. Н. Рогачева

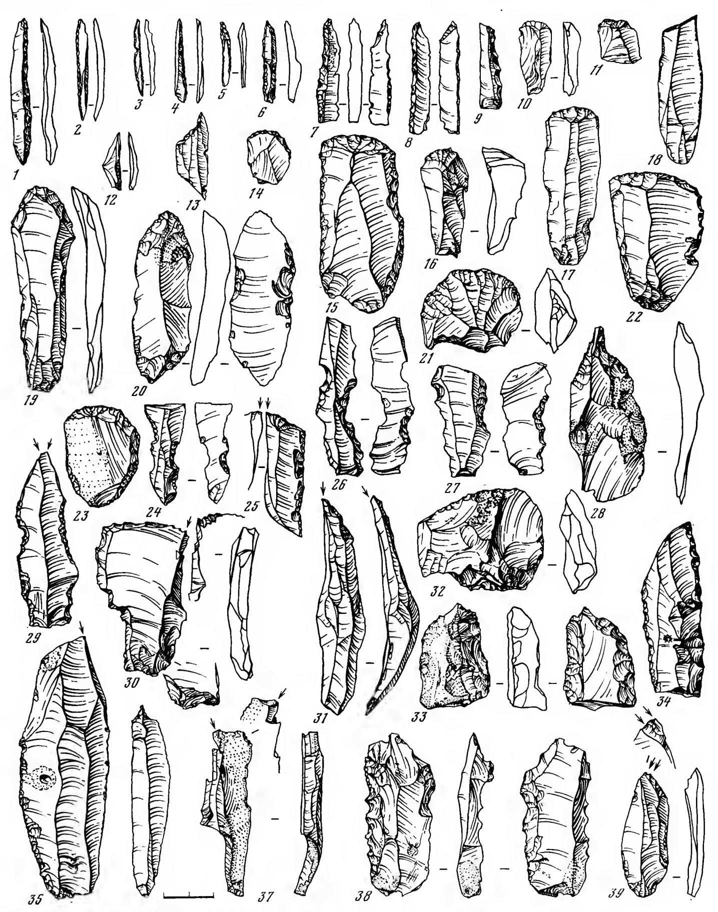

Рис. 86. Костенки 8, слой II. По материалам А. Н. Рогачева

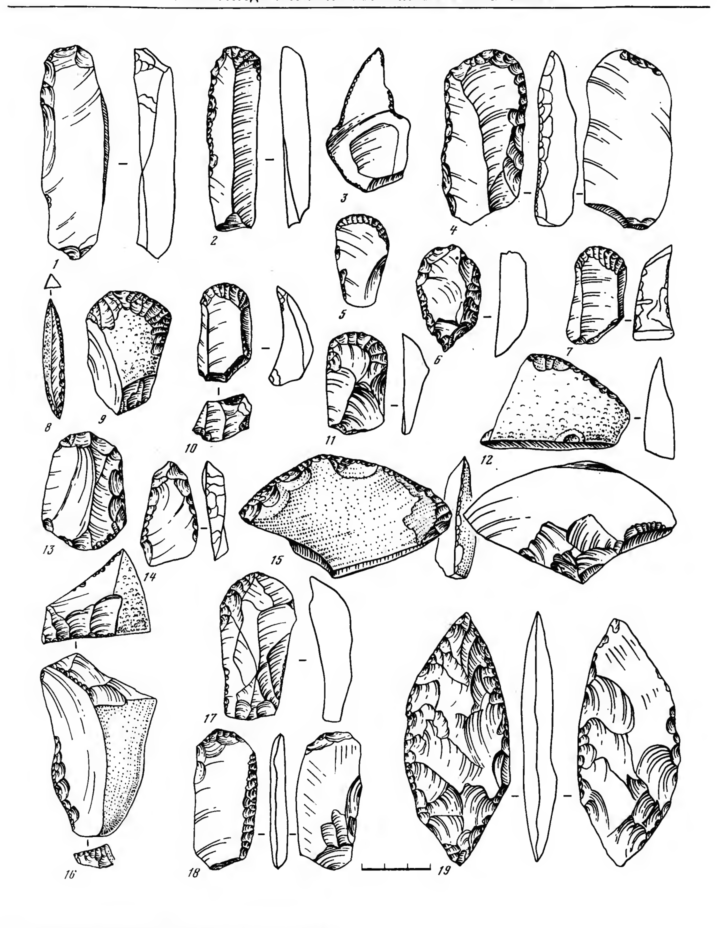

Рис. 87. Бызовая стоянка. По материалам В. И. Канивца

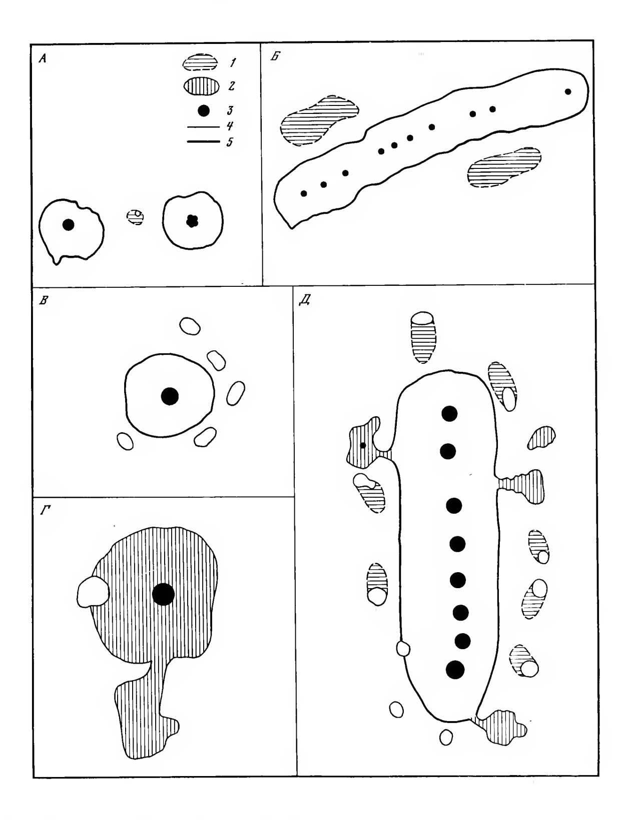

Рис. 88. Основные типы позднепалеолитических жилищ на Русской равнине (А — Д)

1 — интенсивный культурный слой; *2* — землянки в составе костенковско-авдеевского типа жилого комплекса; *3* — очаги; *4* — границы ям; *5* — границы наземных жилищ

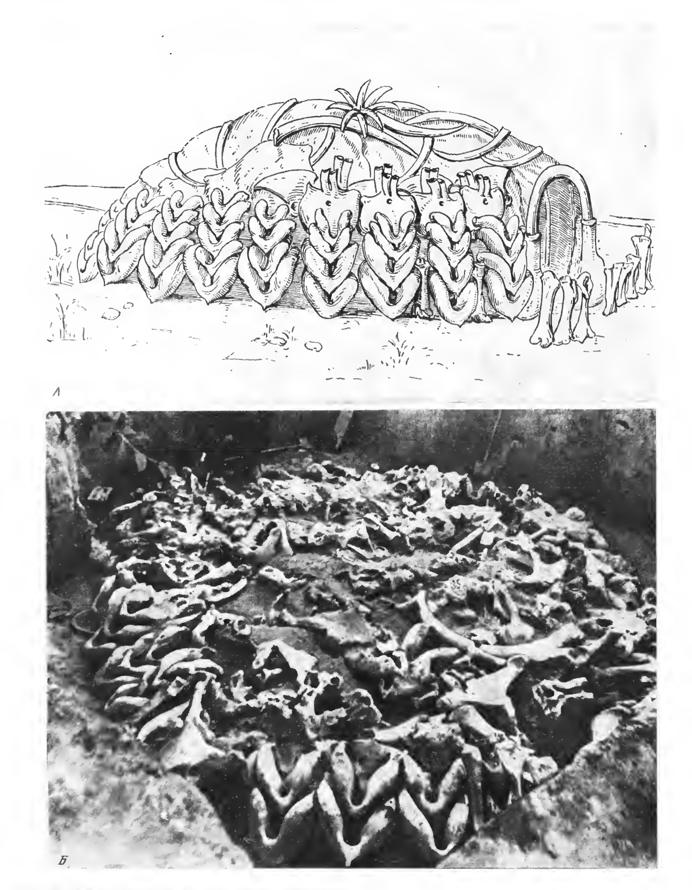

Рис. 89. Межиричское жилище. *А.* **Предполагаемый внешний вид. По И. Г. Пидопличко.** *Б.* **Раскопки И. Г. Пидопличко 1966 г.**

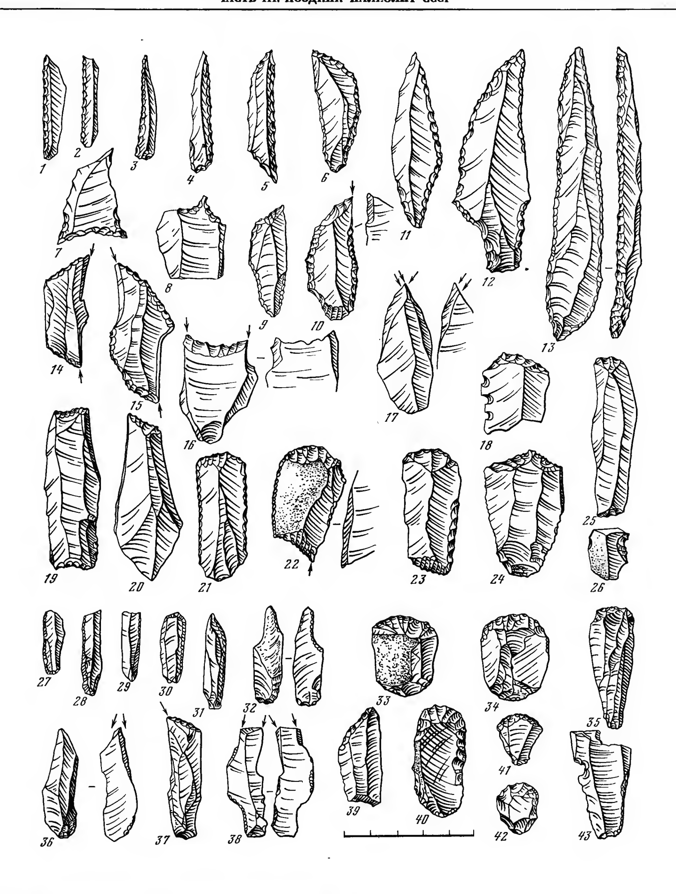

Рис. 90. Мезинская культура. Мезин (*1—26*). По И. Г. Шовкоплясу. Межиричско-добраиичевская культура. Добраиичевка (*27—43*). По И. Г. Шовкоплясу

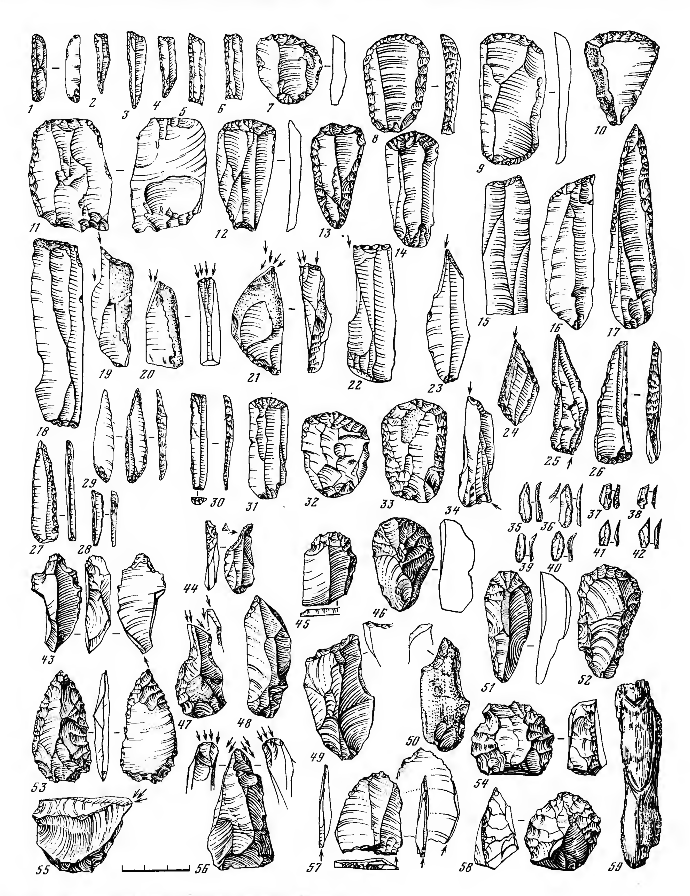

Рис. 91. Каменнобалковская культура. Каменная балка 2 (*1—26*); Каменная балка I (*27—34*). По М. Д. Гвоздовер. Мураловская культура. Мураловка (*35—59*). По Н. Д. Праслову

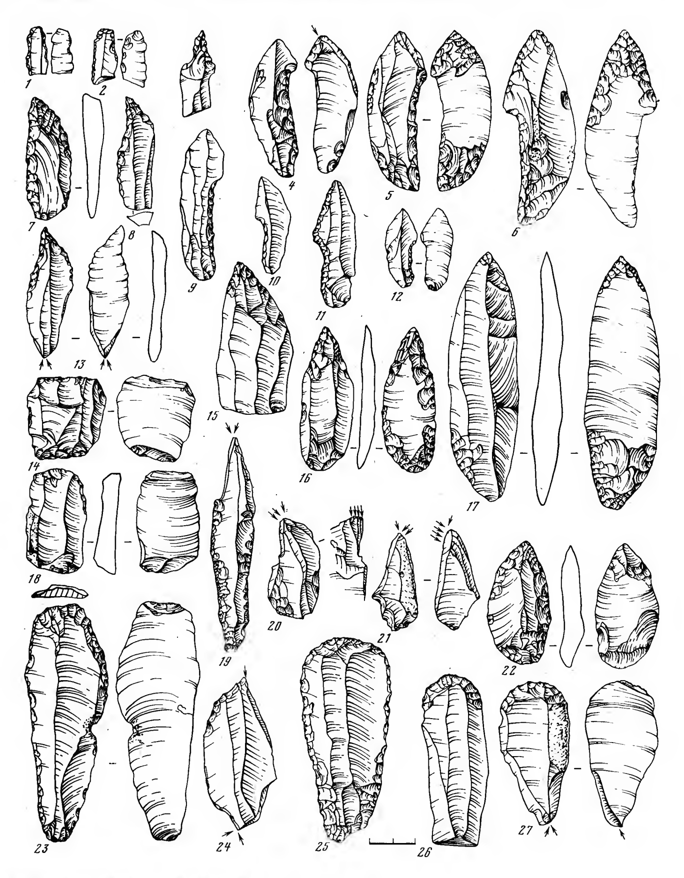

Рис. 92. Виллендорфско-костенковская культура
Костенки 1, слой I. По А. Н. Рогачеву

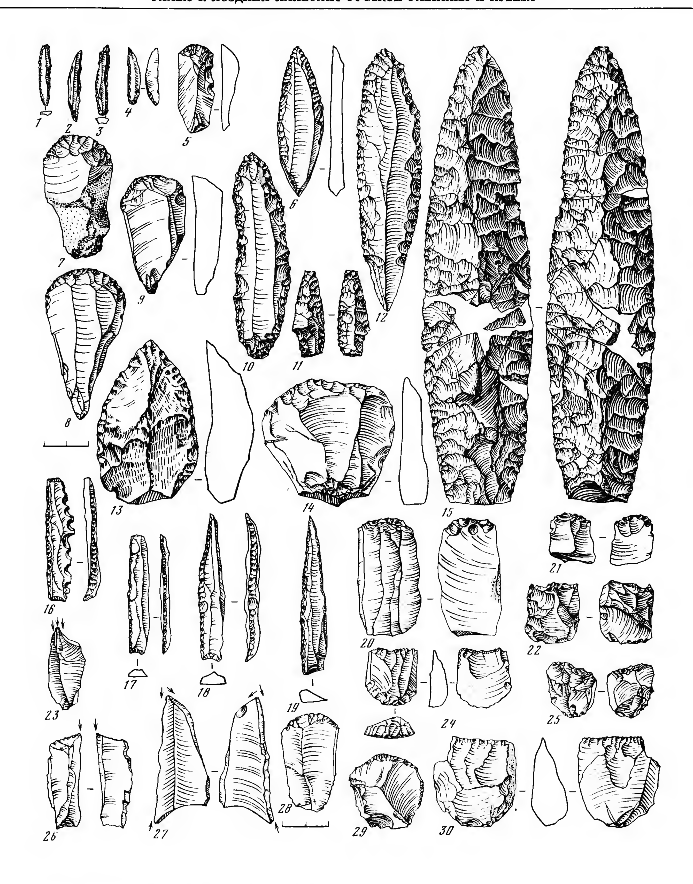

Рис. 93. Костенки 4, верхний слой (*1—15*), нижний слой (*16—30*). По А. Н. Рогачеву

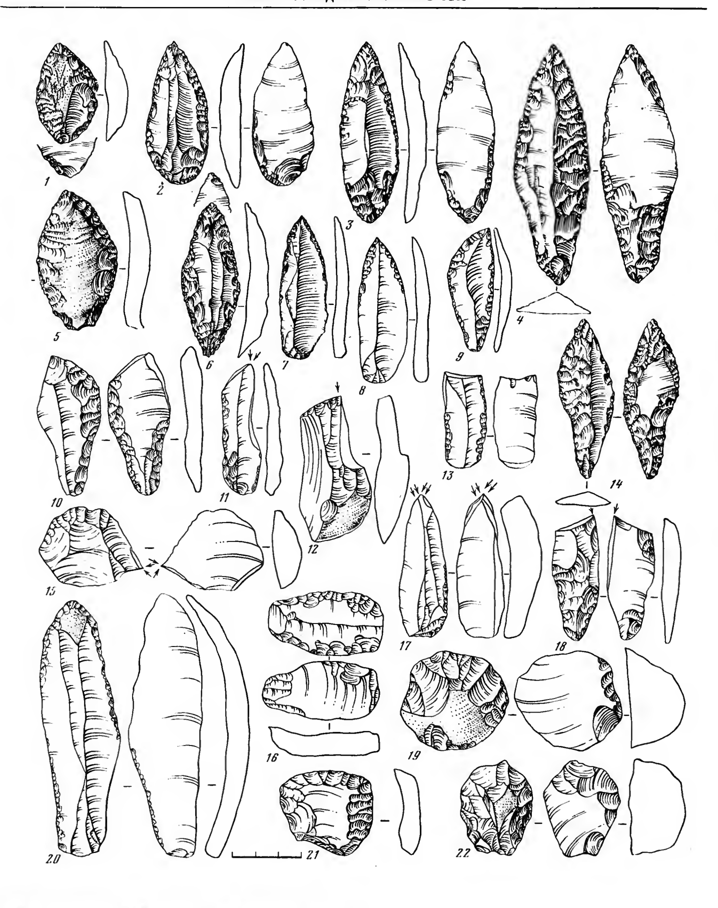

Рис. 94. Костенки 8, слой 1. По П. П. Ефименко и П. И. Борисковскому

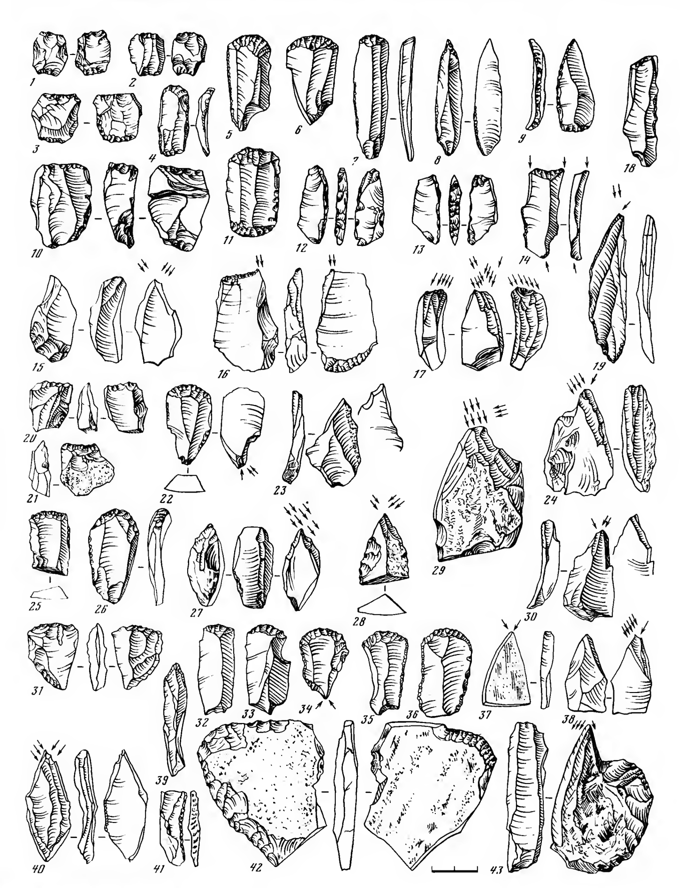

Рис. 95. Замятнинская культура

Костенки 2 (*1—19*); Костенки 3 (*20—30*); Костенки 19 (*31—43*). По П. И. Борисковскому

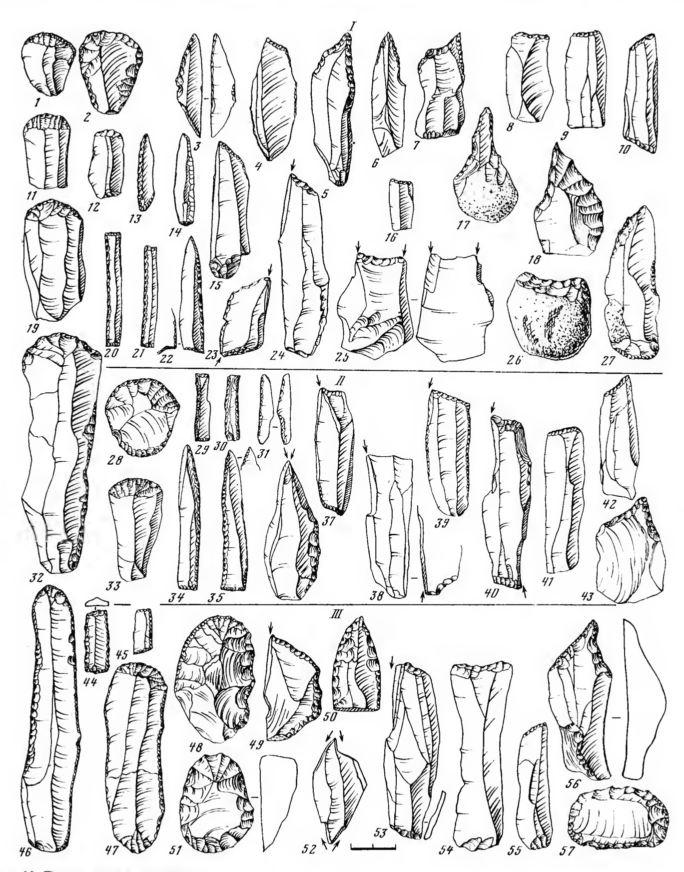

Рис. 96. Позднемолодовская культура

I (ранний) этап — Молодова 5, слои III—II; II (средний) этап — Молодова 5, слои III—II; *III* (поздний) этап — Молодова 5, слои Ia — I. По материалам А. П. Черныша

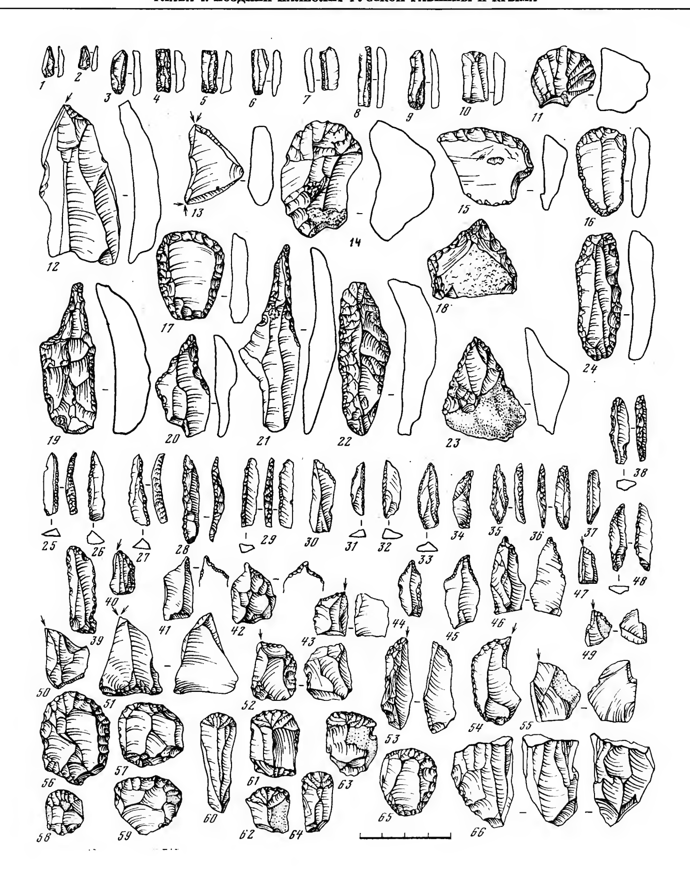

Рис. 97. Рашковская культура

Рашков 7 (*1—24*). По материалам Г. В. Григорьевой и Н. А. Кетрару. Аккаржанская культура. Большая Аккаржа (*25—66*). По П. И. Борисковскому и Н. Д. Праслову

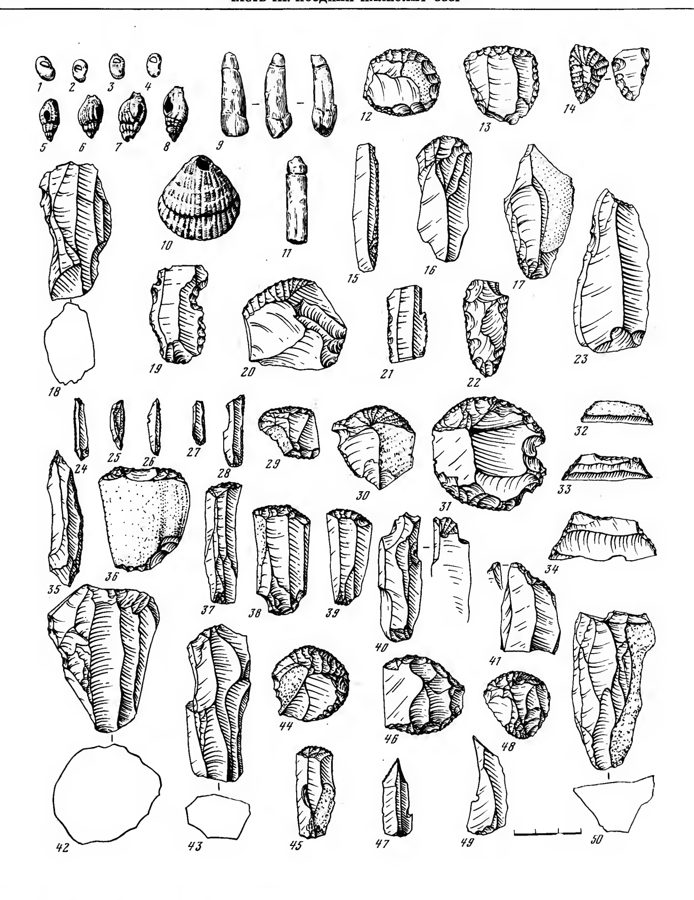

Рис. 98. Дубовая балка (*1—23*), Осокоровка (*24—50*). По Ю. Г. Колосову

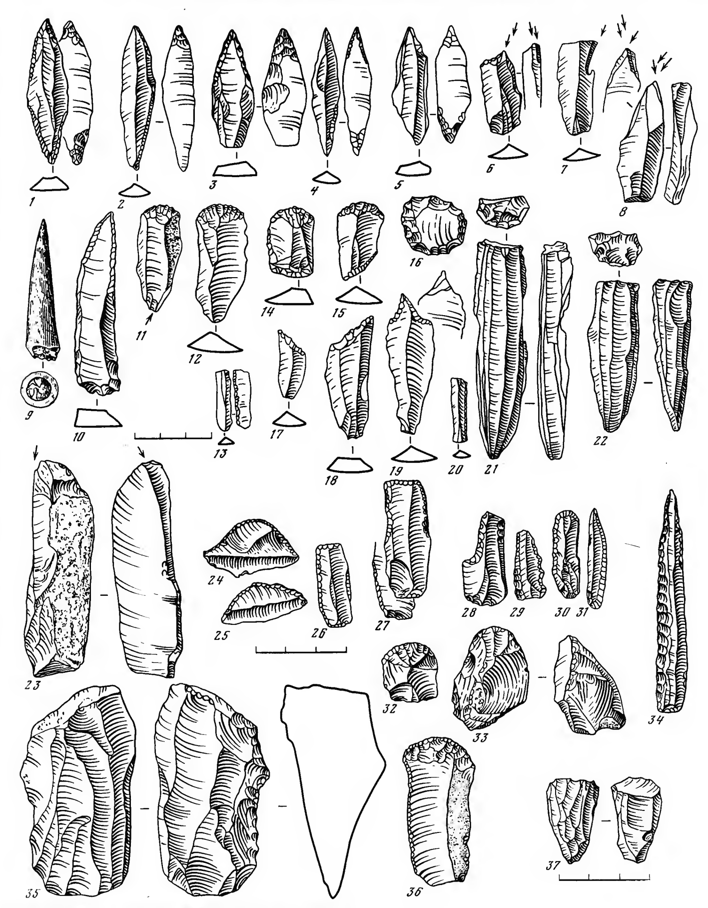

Рис. 99. Сюрень 1; верхний слой (*23—37*). По Е. А. Векиловой. Сюрень 2, нижний слой (*1—22*). По Е. А. Векиловой

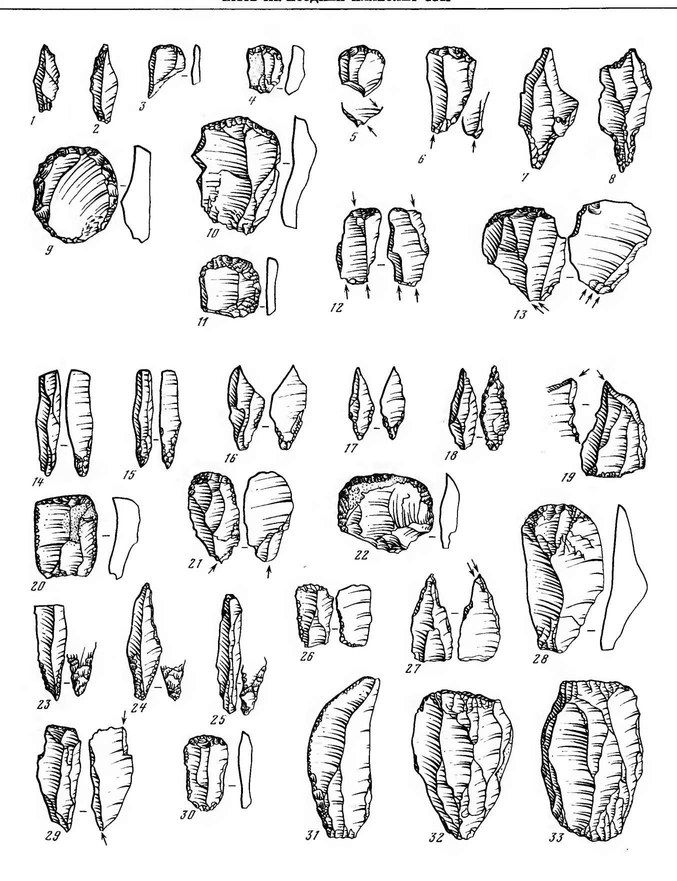

Рис. 100. Прибалтика. Аренсбургская культура

Вильнюс I (*1—13*). Свидерская культура. Эйгуляй IA (*14—20, 26—28*), Эйгуляй IB (*21—25, 29—33*). По Р. К. Римантене

Рис. 101. Искусство городцовской культуры. Костенки 14, слой II

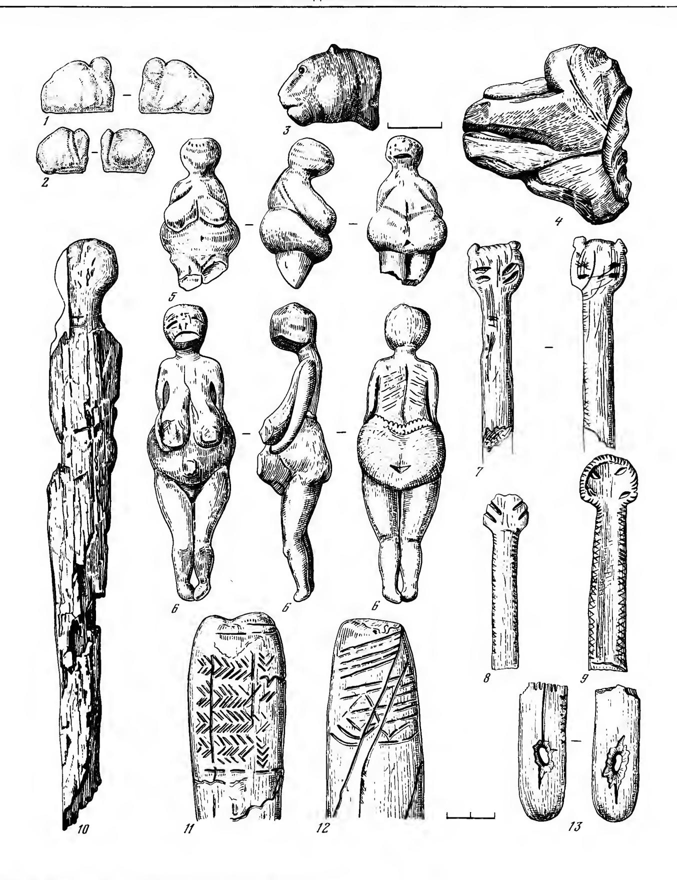

Рис. 102. Искусство виллендорфско-костенковской культуры по памятникам Русской равнины

Костенки 1, слой (*1—4*, *6*, *10—13*); Гагарино (*5*); Авдеево (*7*). По З. А. Абрамовой

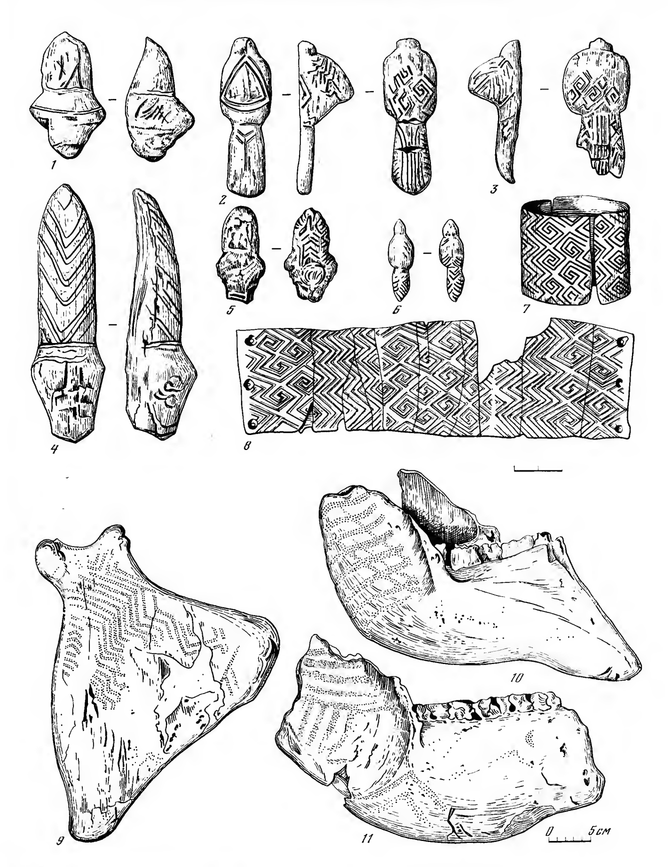

Рис. 103. Искусство мезинской культуры. Мезинская стоянка. По З. А. Абрамовой

1—6 — стилизованные изображения женщин; *7* — браслет; *8* — браслет (развертка); *9—11* — кости мамонта, орнаментированные охрой

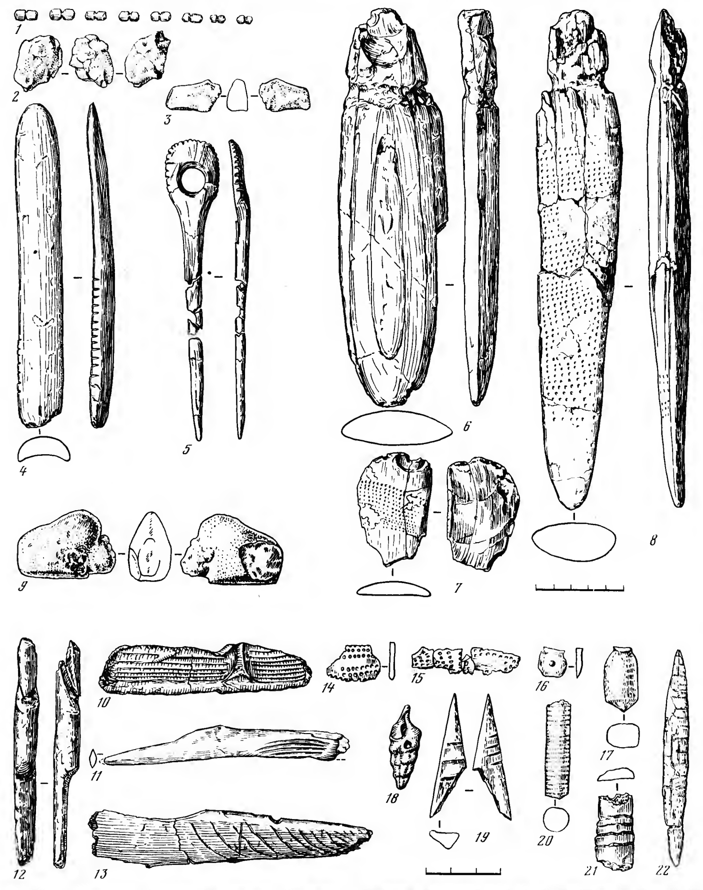

Рис. 104. Произведения искусства и украшения из разнокультурных стоянок Костенковско-Боршевского района, относящихся к средней поре позднего палеолита

Костенки 4, верхний слой (*1—8*), Костенки 11, слой II (*9*), Костенки 2 (*10—13*), Костенки 1, слой III (*14—22*)

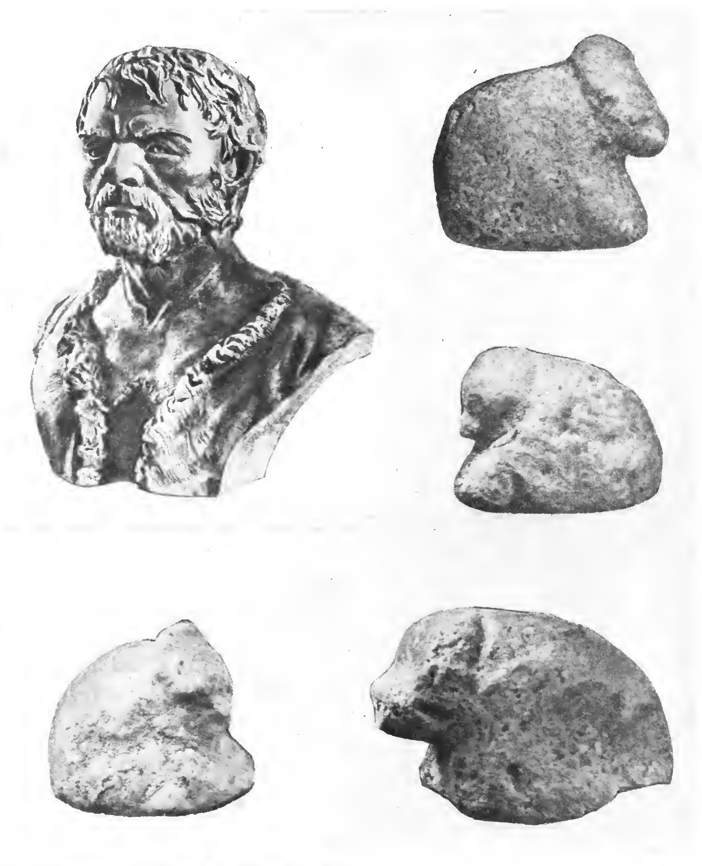

Рис. 105. Мергелевые изображения мамонтов из Костенок 11, слой II и реконструкция кроманьонца из погребения на Костенках 2, выполненная М. М. Герасимовым

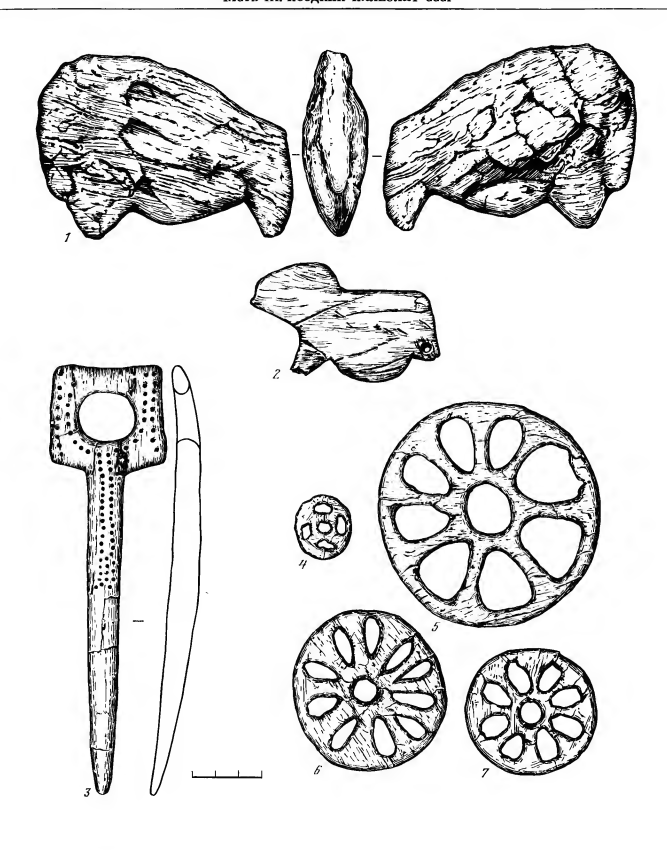

Рис. 106. Костяные изделия из второй могилы на Сунгире.
По О. Н. Бадеру

Рис. 107. Костенки 14, 15

1 — Погребение молодого мужчины на Костенках 14;
2 — погребение ребенка на Костенках 15

Глава вторая
Поздний палеолит Кавказа

Первое описание пещер Грузии сделано еще в 1834 г. французским путешественником Дюбуа де Монпере, однако первые раскопки, давшие кремневые орудия, были предприняты только в 1868 г. швейцарским геологом Эрнестом Фавром и полковником Статковским. Материалы, дошедшие до нашего времени, получены много позже, когда в 1914 г. Р. Р. Шмидт и Л. Козловский провели раскопки в пещере Вирхова (Сакажия), пещере Уварова и гроте Бараташвили. Наконец, в 1916 г. работы в Имеретии продолжил С. А. Круковский, который обследовал ряд пещер и начал раскопки в Гварджилас-Клде (*Замятнин С. Н.*, 1957, с. 433—447).

Систематические исследования каменного века Кавказа начинаются после Октябрьской революции. Уже в 1926—1928 гг. Г. К. Ниорадзе проводит большие работы в Девис-Хврели (*Ниорадзе Г. К.*, 1933), а в 1936—1937 гг. — в пещере Сакажия (*Ниорадзе Г. К.*, 1953).

С. Н. Замятнин в 1924—1926 гг. знакомится со старыми работами Р. Шмидта, Л. Козловского, С. Круковского, а в 1934 г. сам обследует пещеры в окрестностях Кутаиси и Чиатур, в том числе навесы Мгвимеви (*Замятнин С. Н.*, 1935б, 1937б). В это же время под его руководством начинает работать палеолитическая экспедиция на Черноморском побережье Кавказа, которая исследует Ахштырскую и Навалишенскую пещеры (*Замятнин С. Н.*, 1937а, 1940, 1961). В составе экспедиции постоянно работает группа геологов (*Громов В. И.*, 1940; *Шанцер Е. В.*, 1940).

Начиная с этого времени, широкие полевые работы в Закавказье ведутся непрерывно (*Замятин С. Н.*, 1950). В 1940 г. экспедиция кафедры археологии Государственного университета Грузинской ССР под руководством Г. К. Ниорадзе при участии Н. З. Киладзе (*Бердзенишвили*) проводит раскопки под навесом № 1 Мгвимеви (*Киладзе Н. З.*, 1944, 1949). В том же, 1940 г., Л. Н. Соловьев обследует гроты Хупынипшахва (Холодный) и Кёп-Богаз (Апианча) в Абхазии (*Соловьев Л. Н.*, 1961), а Д. А. Крайнов шурфует Ацинскую пещеру (*Крайнов Д. А.*, 1947).

После Великой Отечественной войны полевые исследования были возобновлены открытием Л. И. Маруашвили летом 1945 г. Зуртакетской мезолитической стоянки (*Маруашвили Л. И.*, 1946). В 1951—1952 гг. Институт истории АН Грузинской ССР организует Дзеврскую археологическую экспедицию под руководством Н. З. Киладзе для раскопок пещеры Сагварджиле (*Киладзе Н. З.*, 1953).

С 1958 г. по настоящее время успешно работает Квирильская археологическая экспедиция Государственного музея Грузии под руководством Д. М. Тушабрамишвили. Наряду с эталонными материалами мустьерского времени из Джручулы, Самгле-Клде, Ортвала-Клде экспедицией открыты и исследованы позднепалеолитические слои в Самерцхле-Клде (*Ниорадзе М. Г.*, 1975б), Дзудзуане (*Тушабрамишвили Д. М.*, 1969, 1971, 1975) Сарекском навесе, Тогон-Клде, мезолитические и неолитические комплексы в Семеле-Клде и Даркветском навесе.

Работы на Черноморском побережье в 1958 г. продолжила Абхазская археологическая экспедиция Института истории АН Грузинской ССР под руководством Н. З. Бердзенишвили (Киладзе). Экспедиция исследовала важные позднепалеолитические памятники в Сванта-Саване (*Бердзенишвили Н.З.*, 1972), Окуми 1 (*Хубутия Г. П.*, 1973; *Бердзенишвили Н. З., Хубутия Г. П.*, 1974). В 1975 г. Л. Д. Церетели возобновила исследования в Кёп-Богазе (Апианча). (*Церетели Л. Д., Клопотовская Н. Б., Майсурадзе Г. М.*, 1978).

Кроме этих больших экспедиций, Н. З. Бердзенишвили провела работы в Чахати (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964а), А. Н. Каландадзе — в Белой пещере (*Каландадзе А. Н. и др.*, 1976; *Каландадзе А. Н. и др.*, 1977). Н. З. Бердзенишвили и Г. П. Дочанашвили возобновили раскопки Хергулис-Клде (*Бердзенишвили Н. З.*, 1973; *Дочанашвили Г. П.*, 1973, 1974), а М. Г. Ниорадзе — Сакажия (*Ниорадзе М. Г.*, 1976).

В 1961 г. М. З. Паничкина и Е. А. Векилова возобновили работы в Ахштырской пещере (*Паничкина М. З., Векилова Е. А.*, 1962), а в 1962 г. И. И. Коробков прошурфовал пещеры Хоста I и Хоста II (*Коробков И. И.*, 1962), также давшие позднепалеолитические комплексы.

В послевоенные годы работы начаты и в других районах Кавказа. В 1946—1947 гг. М. З. Паничкина провела разведки в бассейне р. Раздан, к северу от Еревана (*Паничкина М. З.*, 1948). В результате этих работ, помимо нескольких случайных находок, открыты и обследованы два позднепалеолитических памятника — Джаткран и Нурнус.

В 1953 г. С. Н. Замятнин проводит разведки в Азербайджане (*Замятнин С. Н.*, 1958). В бассейне р. Куры на границе трех республик им обследованы два навеса — Дамджилы 1 и 2 с остатками позднепалеолитической культуры. Эти работы были продолжены М. М. Гусейновым в 1959—1960 гг. (*Гусейнов М. М.*, 1959б).

Значительные работы ведутся на Северном Кавказе. В 1957 г. С. Н. Замятнин и П. Г. Акритас (*Акритас П. Г.*, 1947; *Замятнин С. Н., Акритас П. Г.*, 1957а, б) исследовали навесы Соскуро и у Алебастрового завода, давшие материалы позднепалеолитического-мезолитического времени.

В 1960 г. А. А. Щепинский открыл Каменномостскую пещеру в бассейне р. Белой, также давшую ранний позднепалеолитический материал. Раскопки ее были проведены А. А. Формозовым (*Формозов А. А.*, 1964а, 1965).

В 1962 г. П. У. Аутлев шурфует Губские навесы в Борисковском ущелье в бассейне р. Лабы, к юго-востоку от Майкопа. В этом же году А. А. Формозов

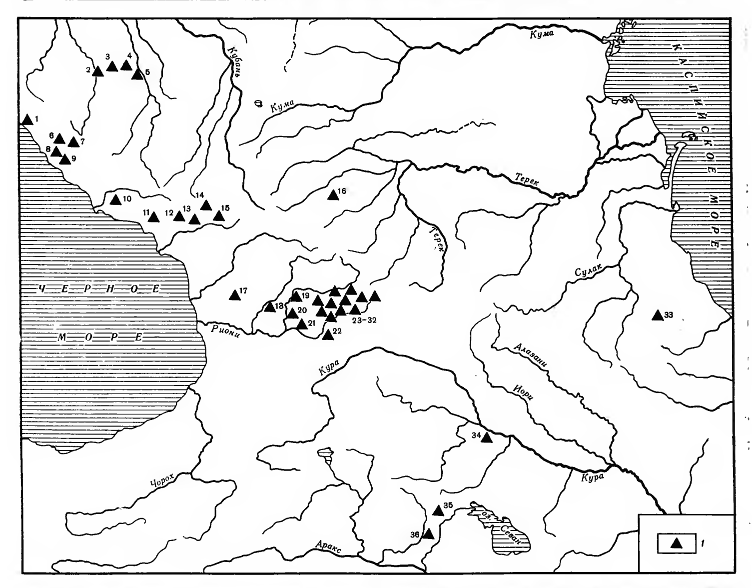

Рис. 108. Карта основных позднепалеолитических памятников Кавказа

1 — позднепалеолитические памятники; *1* — Широкий мыс; *2* — Каменномостская пещера; *3* — Губский навес; *4* — навес Сатанай (Губский навес VII; *5* — Русланова пещера; *6* — Ацинская пещера; *7* — Навалишено; *8* — Хоста; *9* — Ахштырская пещера; *10* — Бармыш; *11* — Лечкоп; *12* — Окуми I; *13* — Апианча (Кеп-Богаз); *14* — Холодный грот (Хупынипшахва); *15* — Сванта-Саване; *16* — Сосруко; *17* — Гали; *18* — Белая пещера; *19* — грот Уварова; *20* — Сакажия; *21* — Сагварджиле; *22* — Девис-Хврели; *23* — Бнеле-Клде; *24* — Гварджилас — Клде; *25* — Дзудзуана; *26* — Мгвимеви; *27* — Самгле-Клде; *28* — Самерцхле-Клде; *29* — Сарекский навес; *30* — Таро-Клде; *31* — Тогон-Клде; *32* — Хергулис-Клде; *33* — Сага-Цука; *34* — Дамджилы I; *35* — Джаткран; *36* — Нурнус

и П. У. Аутлев начинают раскопки Губского навеса 7 (*Формозов А. А.*, 1964а). В 1963 г. П. У. Аутлев продолжает раскопки Губских навесов 1 и 7 (*Формозов А. А.*, 1965). В 1975 и 1976 гг. работы на этих памятниках были продолжены В. П. Любиным, П. У. Аутлевым и Х. А. Амирхановым (*Любин В. П. и др.*, 1976, 1977; *Амирханов Х. А., Аутлев П. У.*, 1977).

На территории Дагестана в бассейне р. Сулака В. Г. Котович исследует в 1954—1957 гг. поселение Чох и местонахождение Сага-Цука (*Котович В. Г.*, 1964). В 1974 г. работы в Чохе продолжены Х. А. Амирхановым (*Амирханов Х. А.*, 1977). В результате этих работ все материалы Чоха передатированы мезолитическим-неолитическим временем (*Амирханов Х. А. и др.*, 1984).

Большой интерес представляют работы В. Е. Щелинского в 1965—1967 гг. на открытой позднепалеолитической стоянке Широкий мыс около Туапсе (*Щелинский В. Е.*, 1971).

Первая периодизация позднего палеолита Кавказа принадлежит С. Н. Замятнину (*Замятнин С. Н.*, 1935а, 1957). С. Н. Замятнин показал своеобразие позднего палеолита Кавказа по сравнению с одновременными культурами Западной Европы и Русской равнины и отнес его к средиземноморской-африканской (капсийской) культурной провинции (*Замятнин С. Н.*, 1951). А. А. Формозов показал необоснованность выделения такого крупного региона, а южные аналогии своеобразных кавказских памятников ограничил Ближним Востоком (*Формозов А. А.*, 1958а).

Автор настоящей работы наметил три варианта позднепалеолитической-мезолитической культуры Кавказа (*Бадер Н. О.*, 1965), показал определенное

сходство культуры Западного Кавказа и Загра и отличие ее от позднепалеолитической культуры Леванта (*Бадер Н. О.*, 1964, 1966, 1975).

На территории Кавказа известно более 50 позднепалеолитических памятников и местонахождений, (рис. 108), около половины из которых дали значительный материал. Большинство из них сосредоточено на Западном Кавказе.

Большая часть памятников, материалы из которых лежат в основе настоящего раздела, исследовались до Великой Отечественной войны и на них не велось специальных геологических работ, нет данных по литологии и палинологии отложений, отсутствуют абсолютные датировки слоев, а по некоторым памятникам и подробного списка найденной фауны. Сейчас эти пробелы начинают заполняться. Работы в Ахштыре, Губских навесах, Апианче, Чохе наглядно показывают возможности комплексного изучения памятников и подводят нас к выделению опорных районов с дробной периодизацией памятников, которые создают новые возможности для исторического осмысления материала. К сожалению, эта трудоемкая работа еще далека от завершения.

Археологические памятники невозможно рассматривать вне окружающей их природной среды. Географическая обособленность и изменения климата существенно влияли на развитие культуры. Палеогеографическая характеристика палеолитических памятников дает ключ к их датировке.

Главный Кавказский хребет делит Кавказ на две основные области — Северный Кавказ и Закавказье. В долготном направлении Северный Кавказ разделен Ставропольской возвышенностью, а Закавказье — Сурамским хребтом. В Закавказье в особую область выделяется северо-восточная часть Армянского нагорья. Своеобразные культурные группы позднепалеолитических памятников, которые будут описаны ниже, в целом совпадают с этими географическими регионами.

На протяжении четвертичного периода Кавказ пережил значительные тектонические поднятия, изменения уровня Черного моря (*Муратов В. М.*, 1960, с. 111—114). Главный хребет, труднопроходимый и сегодня, мог быть практически непреодолим во время четвертичных оледенений. Географическая обособленность и колебания климата существенно влияли на развитие культуры в ту эпоху. Из климатических факторов наибольшее значение имели оледенения.

Как уже было показано (см. ч. II, гл. 2), следы вюрмского оледенения на Кавказе хорошо прослежены (*Думитрашко Н. В. и др.*, 1962; *Милановский Е. Е.* 1966; *Маруашвили Л. И.*, 1973, 1975). Поздний палеолит целиком связан с верхним, или главным, вюрмом (*Муратов М. В.*, 1969в; *Любин В. П.*, 1974).

Верхневюрмские отложения представлены по преимуществу слабо сцементированным десквамационным щебнем, образовавшимся под воздействием резких колебаний температуры в условиях холодного, континентального, относительно сухого климата (*Муратов В. М., Фриденберг Э. О.*, 1974). Верхний и нижний вюрм не только достаточно определенно отличается по характеру отложений, но и маркируется средневюрмским потеплением, которое зафиксировано в Навалишенской пещере (*Любин В. П.*, 1974, с. 170—171).

К сожалению, сами верхневюрмские отложения сейчас достаточно трудно расчленить. Скорее всего, их накопление проходило по преимуществу во время похолодания, а потеплениям соответствуют размывы, которые трудно зафиксировать в щебнистых отложениях (*Муратов В. М., Фриденберг Э. О.*, 1974, с. 179).

В условиях горного рельефа изменения климата не могли вызвать полной смены ландшафта и животного мира, но, безусловно, определенным образом влияли на него. Так, анализ пыльцы из позднепалеолитических слоев (2 и 3) Ахштырской пещеры показывает, что в это время на западном побережье Кавказа, на высоте всего 200 м над уровнем моря, преобладали сильно разреженные, по преимуществу хвойные, леса. Пыльца широколиственных почти отсутствует, что позволило реконструировать сильное иссушение и похолодание климата (*Гричук В. П. и др.*, 1970, с. 104—112).

Существенно, что многие позднепалеолитические памятники Имеретии, находящиеся сейчас в зоне субтропиков, содержат остатки степных и холодолюбивых животных. Так, в нижнем слое Сагварджиле найдены кости лошади и бизона (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964б, с. 23). В Сакажия, Девис-Хврели, Гварджилас-Клде много костей тура, сейчас распространенного в субальпийской и альпийской зоне (*Замятнин С. Н.*, 1957). В этих условиях позднепалеолитический человек мог быть вытеснен с высокогорья в Колхидскую низменность (*Любин В. П.*, 1969б, 1974, с. 169—173).

Если Закавказье должно было испытывать влияние прежде всего местного горного оледенения, Северный Кавказ, безусловно, в большей мере был подвержен воздействию основного, равнинного оледенения.

Существенные изменения географической среды на протяжении вюрма не вызывают сомнений, однако единой точки зрения на размеры верхневюрмского похолодания пока не достигнуто.

В некоторых случаях состав фауны с приблизительно одновременных позднепалеолитических памятников может существенно отличаться, в других — сохраняется без больших изменений на протяжении длительного времени. Так, в мустьерских и позднепалеолитических слоях Ахштырской и Навалишенской пещер постоянно преобладает пещерный медведь, а в позднепалеолитических слоях встречается и лось (*Замятнин С. Н.*, 1961, с. 102, 108). В позднепалеолитическом слое Белой пещеры 98% фауны также принадлежит остаткам пещерного медведя (*Каландадзе А. Н. и др.*, 1977, с. 177).

Оценивая эти материалы, приходится учитывать, что состав фауны из культурного слоя отражает не естественное соотношение животных в природе, а отобран человеком в процессе охоты, отражает характер охотничьего хозяйства. В то же время кости мелких грызунов и птиц могут происходить из погадок хищных птиц и быть занесены издалека (*Замятнин С. Н.*, 1957).

Н. Б. Клопотовская, проанализировав основные закономерности формирования современных спорово-пыльцевых спектров в горных районах Кавказа, убедительно показала, что они обычно отражают характер растительности ограниченных орографических районов, а количественное содержание спектра не всегда прямо пропорционально характеру окружаю-

щей растительности. Особенно велика искажающая роль пыльцы сосны и ольхи, которая легко переносится на большие расстояния (*Клопотовская Н. Б.*, 1973, с. 47—60, 1977, с. 173).

Таким образом, реконструкция палеогеографической среды в сложных и разнообразных географических условиях Кавказа требует особенно осторожного подхода к материалу и специальной комплексной методики для его интерпретации.

Периодизация позднего палеолита Кавказа разработана в 30-х годах С. Н. Замятниным и отражала уровень науки о палеолите того времени (*Замятнин С. Н.*, 1935а, 1957). В ее основе лежит главным образом довоенные материалы из Имеретии. Эталонные памятники обычно не имеют литологических и палинологических характеристик, абсолютных датировок, увязка материала со стратиграфией проведена недостаточно четко, часто он рассматривается суммарно.

Безусловно дальнейшие исследования позволят детализировать и уточнить периодизацию С. Н. Замятнина. Такие попытки предпринимаются уже сейчас. Н. З. Бердзенишвили на основе типологического анализа новых материалов расчленяет памятники первого этапа С. Н. Замятнина на раннюю и позднюю фазы (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964а, с. 77—79). Средний этап периодизации включает большое количество памятников и охватывает длительное время, что отмечал еще сам С. Н. Замятнин (*Замятнин С. Н.*, 1957). В связи с этим предпринимаются попытки уточнить по литературным данным стратиграфию Сакажия (средний этап периодизации) и расчленить материал из пещеры на три последовательных комплекса.

Д. М. Тушабрамишвили три этапа периодизации С. Н. Замятнина дополнил четвертым, который объединил раннеголоценовые памятники, генетически связанные с предшествующими позднепалеолитическими (*Тушабрамишвили Д. М.*, 1981, с. 51—56).

Решение всех этих вопросов требует как проведения контрольных раскопок и пересмотра больших материалов со старых памятников, так и целенаправленного поиска и исследования новых. Вместе с тем новые материалы неоднократно подтверждали, что предложенная С. Н. Замятниным периодизация верно отражает общие тенденции в развитии культуры, сделанные дополнения не противоречат ей, а направлены на ее детализацию. Все сказанное заставляет нас и в данной работе членить материал по предложенной С. Н. Замятниным схеме.

Ранняя группа позднепалеолитических памятников характеризуется определенными мустьерскими чертами, поздняя — микролитизацией инвентаря. Об абсолютном возрасте всей колонки можно судить по нескольким радиокарбоновым датам. Образец из средней части позднепалеолитического слоя 2 Ахштырской пещеры дал дату 19500±500 лет (ГИН 108; *Чердынцев В. В., Алексеев В. А. и др.*, 1965), горизонт 3 Навелишенской пещеры, сопоставляемый с нижней частью слоя 2 Ахштырской пещеры, датирован временем в 22000 лет (ЛУ — 3; *Муратов В. М., Фриденберг Э. О.*, 1974). Финально-мустьерский слой 32 Ахштырской пещеры по изотопам урана и тория датирован возрастом 35000±200 (*Чердынцев В. В., Казачевский Н. В. и др.*, 1965). Нижняя часть позднепалеолитического слоя С пещеры Шанидар, культура которой имеет некоторые общие черты с культурой Имеретии, датирована временем от 35400±±600 лет (GrN — 2016) до 33900±900 (GrN — 1830) лет до н. дн., верхняя часть — в 28700±700 лет (W — 654), эпипалеолитический слой B_2 датируется от 12000±400 (W — 179) до 10600±300 лет до н. дн. (W — 667).

К ранней хронологической группе С. Н. Замятнин отнес два памятника — Херуглис-Клде и Таро-Клде. Н. З. Бердзенишвили расширила эти материалы за счет Сагварджиле (сл. 1), Чахаты (сл. 2) и Сванта Саване (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964а).

Пещера Хергулис-Клде находится в селе Вачеви, в 15 км к северо-западу от г. Чиатуры, на правом берегу р. Хергулиа, правого притока р. Квирилы. Пещера расположена в 20 м над уровнем реки и имеет два яруса. Ширина входа 4 м, длина 31 м. Материал происходит из нижнего яруса (*Дочанашвили Г. П.*, 1973, с. 11—14). В 1918 г. пещера исследовалась С. А. Круковским. Документации этих работ, помимо полевых этикеток, не сохранилось (*Замятнин С. Н.*, 1957, с. 447—453). Судя по этикеткам, материал был расчленен на четыре слоя. Неясно, однако, выделены они на основе стратиграфии, или носили характер условных горизонтов. В 1967—1972 гг. в пещере вели работы Н. Х. Бердзенишвили и Г. П. Дочанашвили. Вскрыто 120 кв. м. Кремневый материал насчитывает 17 000 предметов. Обе коллекции хранятся в Государственном музее Грузии. Последними работами выявлено два литологических слоя: 1) черный гумус с примесью щебня; 2) коричневые клейкие глины с известняковым щебнем (*Дочанашвили Г. П.*, 1973, с. 121). Материал происходит из нижнего горизонта, однако значительная часть слоя потревожена перекопами (*Дочанашвили Г. П.*, 1974, с. 51). В непотревоженной части «...однослойность памятника несомненна (*Дочанашвили Г. П.*, 1973, с. 14).

Среди обломков костей из коллекции С. А. Круковского определены лошадь (Equus sp.), бык (Bos sp.), горный козел (Capra sp.) и медведь (Ursus sp.) (*Замятнин С. Н.*, 1957, с. 448).

Коллекция С. А. Круковского люстрирована. С этой точки зрения нами просмотрен весь комплекс. Оказалось, что залощенность неоднородна. Большинство мелких грубых отщепов залощено сильно, до притупления режущих граней. Позднепалеолитические косоплощадочные нуклеусы обычно едва люстрированы, однако есть и исключения.

Комплекс Хергулис-Клде не даст обычных для других позднепалеолитических памятников соотношений орудий, заготовок и отходов производства. Основную часть комплекса составляют мелкие массивные отщепы и обломки кремня. Наиболее выразительна серия косоплощадочных нуклеусов, однако правильных ножевидных пластин в комплексе относительно немного.

В коллекции Херуглис-Клде находится несколько острий и ножевидных пластинок с притупленной спинкой. На них обратил внимание С. Н. Замятнин (*Замятнин С. Н.*, 1957, с. 452). По полевым этикеткам удалось выяснить, что большинство этих вещей зашифрованы под коллекционным номером Хергулис-Клде (29—26), однако происходят из Садзрахия, Сакджис-Клде, Челтыстави. Под этим же номером зашифровано веретенообразное острие из Моцамети.

По-видимому, коллекция С. А. Круковского происходит из слоя, подвергшегося в древности воздействию воды. Материал последних работ остается неопубликованным. По предварительному определению Г. П. Дочанашвили (1974, с. 51), он характеризуется сочетанием позднепалеолитических и пережиточных мустьерских форм и может быть отнесен к началу позднего палеолита.

Пещера Таро-Клде находится поблизости от Хергулис-Клде, у с. Шукрути, вблизи Чиатуры, в бассейне р. Квирилы. Раскопки пещеры предприняты в 1918 г. С. А. Круковским. По полевым этикеткам выделяется два слоя. Верхний слой, по-видимому, стерилен, коллекция происходит из нижнего слоя и может считаться однородной (*Замятнин С. Н.*, 1957, с. 454). Кости из культурного слоя принадлежат в основном быку (Bos sp.), козлу (Capra sp.) и медведю (Ursus sp.).

Технику раскалывания кремня характеризует преобладание призматических нуклеусов (31 экз.) (рис. 109, *22*, *24*, *25*). Только два нуклеуса имеют прямые площадки и приближаются к клиновидным, один косоплощадочный нуклеус уплощен. Доминируют нуклеусы небольших размеров, случайных пропорций, с короткими широкими сколами. Много заготовок и нуклевидных кусков. Многие пластины из Таро-Клде имеют слегка скошенную ударную площадку. В небольшом числе встречаются орудия из обсидиана.

Резцы составляют около половины всех орудий (рис. 109, *14*, *16*, *21*). Преобладают угловые резцы на отщепах, в том числе многофасеточные. Характерно, что резцовые сколы часто нанесены со стороны брюшка или частично на него заходят. Боковые резцы на ножевидных пластинах редки.

Скребки представлены орудиями на отщепах, оформленных крупной крутой с заломами ретушью и концевыми орудиями на коротких пластинах (рис. 109, *11*, *17—19*). Концевые скребки на длинных пластинах редки.

Большая часть нуклеусов вторично использовалась в качестве нуклевидных скребков. Одна ножевидная пластина с характерным заломом по краю использовалась как долото.

Острий в комплексе мало. Несколько игловидных острий, ретушированных довольно крутой сходящейся ретушью по обеим граням (рис. 109, *13*). Остальные сохранились в обломках и не характерны.

Несколько десятков пластин-вкладышей образует выразительную серию (рис. 109, *1—10*). Это — мелкие изогнутые, обычно целые пластинки, притупленные тонкой ретушью по одной грани, со спинки или с брюшка, иногда противолежащей ретушью. Концы орудий оставались необработанными. Встречаются очень мелкие вкладыши. Обломки ретушированных пластинок имеют тот же характер.

Вместе с этими орудиями в комплексе встречено три остроконечника на леваллуазских отщепах. Обращают на себя внимание некоторые пережиточные приемы вторичной обработки. Рабочий край скребловидного орудия подтесан широкими сколами с брюшка (рис. 109, *15*, *23*). На одном из концевых скребков ударный бугорок также снят плоскими сколами. Очень выразительны две массивных пластины, ретушированные со спинки крупной плоской ретушью по боковой грани (*Замятнин С. Н.*, 1957, с. 456).

В целом на основании техники раскалывания кремня, по некоторым пережиточным приемам вторичной обработки, преобладанию архаичных типов скребков в комплексе он может быть отнесен к первому этапу развития позднего палеолита, однако, не к его началу. С. Н. Замятнин справедливо отмечал, что «...Хергулис-Клде и Таро-Клде безусловно не одновременны, и, видимо, могут характеризовать последовательное развитие позднего палеолита Имеретии» (*Замятнин С. Н.*, 1957, с. 462). Этот тезис на новых материалах попыталась развить Н. З. Бердзенишвили (1964а).

Сагварджиле сл. 1— а, Чахати, сл. 2, Хергулис-Клде Н. З. Бердзенишвили относит к первому этапу позднего палеолита. Сагварджиле сл. 1—В, Таро-Клде, Сванта-Саване — ко второму. Первый этап дает представление о «...вызревании верхнепалеолитической культуры в условиях позднего мустье», второй определяется победой верхнепалеолитической техники (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964а, с. 78, 79). К сожалению, обработка материалов Сагварджиле, Чахаты, Сванта-Саване не завершена, и высказанная точка зрения нуждается еще в обосновании.

Пещера Сагварджиле находится в Зестафонском районе Западной Грузии, в ущелье Дзеврула, притока Квирилы. В 1951—1952 гг. она раскопана Н. З. Киладзе (Бердзенишвили). Заложено два раскопа (*Киладзе Н. З.*, 1953, с. 562—567; *Бердзенишвили Н. З.*, 1964б).

13-метровые отложения делятся на 25 геологических слоев, в которых выделено пять культурных слоев позднепалеолитического времени. В раскопе 1 на глубине 10 м и ниже вместе встречаются мустьерские и позднепалеолитические формы орудий. Мощность этого слоя 2 м. Такая же картина, начиная со слоя 17, прослежена в раскопе 2 (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964б, с. 2, 3).

Кости животных из нижних слоев принадлежат дикому козлу (Capra sp.), благородному оленю (Cervus elaphus), дикой лошади (Equus caballus), бизону (Bos sp.), волку (Canis lupus) (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964б).

В кремневом комплексе из 202 орудий встречено 95 остроконечников (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964а, с. 77, 78). Вместе с ними найдены грубые ножевидные пластины, скребки, острия на пластинах, пластина с круговой ретушью. Вкладышевых пластин нет. До монографического издания памятника остается неясным, как стратиграфически расчленена двухметровая толща нижнего слоя, чем характеризуется техника раскалывания, вторичной обработки и типология орудий, в чем проявляется переходный характер слоя, органично объединены в одно целое или смешаны механически мустьерская и позднепалеолитическая части комплекса.

Нижний слой Погребенной пещеры (Чахати) справедливо датирован Н. З. Бердзенишвили еще финальным мустье (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964а, с. 68—70). Кремневый инвентарь содержит остроконечники и скребла, заготовки сняты с леваллуазских нуклеусов. Позднепалеолитические черты исчерпываются несколькими массивными пластинами, которые обычны в финально-мустьерских комплексах. Интересно, что верхний слой Погребенной пещеры, датированный концом позднего палеолита, также содержал типичные мустьерские вещи, которые попали туда, как

выяснилось, в результате эрозии (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964а, с. 65, 66).

Наконец, близкие материалы получены Н. З. Бердзенишвили из нижнего слой Сванта-Саване, в Абхазии. Комплекс изготовлен из светлого низкокачественного кремня. Много нуклевидных обломков и нуклеусов для отщепов. Вместе с ними встречаются призматические нуклеусы. Среди орудий преобладают многофасеточные и угловые резцы на грубых отщепах. Реже встречаются боковые резцы. Скребков меньше, преобладают грубые орудия на отщепах или коротких пластинах. Характерны также скребловидные орудия на отщепах.

Пластинки с притупленным краем встречены в большом числе. Их обработка обычно исчерпывается притуплением, иногда встречается противолежащая ретушь. Концы вкладышей никогда не подрабатываются. Небольшая примесь из перекрывающего слоя конца позднего палеолита — начала мезолита изготовлена из высококачественного красного кремня и хорошо выделяется. (Колл. Гос. музея Грузии).

Материал, близкий Таро-Клде, получен также из пещеры Дзудзуана, находящейся близ с. Мгвимеви, в Чиатурском р-не. Пещера расположена на правом склоне ущелья Никриси, в бассейне Квирилы, на высоте 12—15 м над рекой. Ширина входа достигает 22 м, высота 12—13 м. Из глубины пещеры вытекает ручей. Пещера обследована в 1966 г. Д. М. Тушабрамишвили и раскапывалась палеолитической экспедицией Государственного музея Грузии в 1968/1971 гг. (*Тушабрамишвили Д. М.*, 1971; *Тушабрамишвили Д. М.*, *Небиеридзе Л. Д.*, 1974).

Работы велись на передней площадке перед входом и в глубине пещеры, где выявлено пять литологических слоев общей мощностью 1,35 м (*Тушабрамишвили Д. М.*, 1971, с. 18—20). На площадке перед пещерой прослежено восемь литологических слоев общей мощностью 3,4 м (*Тушабрамишвили Д. М.*, *Небиеридзе Л. Д.*, 1974, с. 14—21). В слоях 3—8 встречены остатки позднепалеолитической культуры. Первоначально материал рассматривался суммарно. Сейчас в слоях 5—8 удалось вычленить ранний комплекс (*Тушабрамишвили Д. М.*, 1981, с. 55).

Фауна из позднепалеолитических слоев представлена остатками бурого и пещерного медведя (Ursus sp.), первобытного зубра (Bison priscus), благородного оленя (Cervus elaphus), кавказского тура (Capra caucasica), дикой лошади (Equus caballus), (*Тушабрамишвили Д. М.*, 1971, с. 20).

Материал каждого слоя может быть несколько своеобразен. До полной публикации рассмотрим его суммарно. Техника раскалывания кремня целиком позднепалеолитическая, однако весьма архаична. Много нуклевидных обломков. Характерны широкие, плоские, массивные нуклеусы с одной или несколькими скошенными площадками и следами грубых коротких сколов. В то же время широко распространены призматические нуклеусы и длинные ребристые пластины. Д. М. Тушабрамишвили выделяет нуклеусы для скалывания микропластин на ребре отщепа. К ним примыкает большая серия нуклеусов, использованных впоследствии как нуклевидные скребки.

Резцы и скребки наиболее многочисленны. Особенно характерны угловые и срединные многофасеточные резцы на крупных отщепах и грубых пластинах. Распространены также боковые резцы. Среди скребков преобладают концевые формы на отщепах и коротких ножевидных пластинах. Один двойной скребок использовался как долото. Как уже отмечалось, большую выразительную группу орудий составляют нуклевидные скребки.

Острий мало. Они имеют прямой притупленный край. В двух случаях режущий конец приострен ретушью. Характерна большая серия вкладышевых пластин, близких пластинам Таро-Клде.

В слое найдены также остроконечник и скребло. Как и в Таро-Клде, у двух концевых скребков ударный бугорок стесан плоской ретушью с брюшка. Характерна и целая серия скребловидных орудий на атипичных отщепах.

Работы в Сагварджиле, Чахати, Сванта-Саване, Дзудзуане развивают представления С. Н. Замятнина о возникновении позднепалеолитической культуры в Закавказье и первых этапах ее развития. Окончательно обобщить эти материалы можно будет после завершения работ на памятниках, их обработки и полной публикации.

Средний этап позднего палеолита западного Закавказья наиболее длителен и лучше всего представлен материалами. Богатые коллекции этого времени дали Сакажия, Девис-Хврели, Мгвимеви, Бнеле-Клде (*Замятнин С. Н.*, 1957, с. 462—487).

Пещера Сакажия находится в сел. Годогани Терджольского р-на в 3 км к северо-востоку от Кутаиси. Она расположена на левом берегу р. Цхалцитела, в бассейне Квирилы, в 65 м над водой. Раскопки проводились в 1914 г. Р. Р. Шмидтом и Л. Козловским в 1936, в 1937 гг. Г. К. Ниорадзе, в 1973 г. работы продолжены М. Г. Ниорадзе, Г. К. Ниорадзе вскрыл около 90 кв. м и практически исчерпал позднепалеолитический слой (*Ниорадзе М. Г.*, 1973). М. Г. Ниорадзе провела зачистки останцов позднепалеолитического слоя в глубине пещеры и под стерильной прослойкой, обнаружила мустьерский слой. Полученная сейчас выразительная стратиграфическая колонка, охватывающая поздний палеолит и мустье, представляет большой интерес (*Ниорадзе М. Г.*, 1973, 1974, 1976).

В поперечном разрезе в 15 м от входа, где ширина пещеры сокращается до 4 м, М. Г. Ниорадзе зачистила сохранившуюся часть верхней половины отложений. С учетом данных Г. К. Ниорадзе (*Ниорадзе Г. К.*, 1953) и С. Н. Замятнина (1957, с. 469), который также описал этот разрез в 1934 г., М. Г. Ниорадзе дает следующую стратиграфию отложений (*Ниорадзе М. Г.*, 1973, с. 21—26): 1) черный гумусный слой со щебнем и остатками современной культуры — 39 см; 2) коричневый суглинок со щебнем и остатками поздних культур — 51 см; 3) красноватый суглинок, стерильный — 65 см; 4) суглинок темный с примесью угольков и остатками позднепалеолитической культуры — 41 см; 5) суглинок плотный, стерильный.

В поперечном разрезе в глубине пещеры М. Г. Ниорадзе выявлена нижняя часть колонки (*Ниорадзе М. Г.*, 1976, с. 221, 224): 1) черный гумус со щебнем — 0,1—0,2 м; 2) коричневато-желтый суглинок со щебнем, стерильный — 0,95—1,1 м; 3а) суглинок плотный, темно-коричневый, культурный — 0,2—0,3 м; 3в) суглинок желтоватый, со щебнем, культурный —

1,1—1,2 м; 3с) суглинок плотный, желтого цвета, культурный 0,15—0,2 м; 4) суглинок желтоватый стерильный — 0,8—1,4 м.

В привходной части пещеры описаны близкие отложения (Археология и палеогеография, 1978, с. 69), Гумусный слой 1 может быть переотложен, стерильный слой 2 сопоставляется со слоем 5 верхнего разреза. Слой 3а, b, с содержит остатки разновременной мустьерской культуры.

Как говорилось, некоторые авторы пытались расчленить толщу позднепалеолитических отложений, исследованных Г. К. Ниорадзе в устье пещеры. Приведенный выше разрез в глубине пещеры не дает для этого оснований. Поэтому археологическая коллекция из Сакажия рассматривается нами суммарно.

В мустьерских слоях пещеры преобладают кости пещерного медведя, в позднепалеолитическом — бизона. В позднепалеолитическом слое встречены также остатки дикого козла, благородного оленя, кабана, лошади, пещерного и бурого медведя, пещерного льва, лося, рыси, бобра и некоторых других (Археология и палеогеография, 1978, с. 70).

Технику раскалывания кремня в Сакажия характеризует большое разнообразие призматических нуклеусов. Наряду с одно- и двухплощадочными часты многоплощадочные нуклеусы, много заготовок и нуклевидных кусков кремня. Характерна большая серия нуклеусов с одной скошенной площадкой, которые затем использовались как нуклевидные скребки. В комплексе много длинных тонких симметричных пластин.

Наиболее выразительны серии резцов, скребков, острий и микролитических вкладышевых пластин.

Резцы разнообразны (рис. 110). Преобладают многофасеточные орудия, среди них срединные, клювовидные, угловые. В качестве резцов могла использоваться большая серия нуклевидных скобелей с узким рабочим краем. Для многофасеточных орудий характерно нанесение резцовых сколов со стороны брюшка. Срединные многофасеточные резцы часто имеют клиновидную форму. Среди угловых резцов преобладают орудия на отщепах. Боковые резцы на ножевидных пластинах представлены выразительной серией, но не так многочисленны.

Скребков, пожалуй, больше всего, однако типологически они гораздо однообразнее (рис. 111). Абсолютно преобладают концевые скребки на длинных и средних ножевидных пластинах, орудия на коротких пластинах встречаются реже. Обычно концевые скребки имеют округлый рабочий край, который обрабатывался как крутой, так и пологой веерообразной ретушью. Часто на концевых скребках сохранились плоские заломы со стороны брюшка, образовавшиеся от работы как долотом. Уже отмечалось, что вместе с концевыми широко использовались нуклевидные формы скребков.

Среди острий чаще всего встречаются два типа. Первая группа — острия «сакажия». Это — орудия подтреугольной формы, прямая спинка и основание которых, обработанные крутой притупляющей ретушью, образуют прямой или острый угол (рис. 112, *29—31*, *34—37*, *39*). Обычно они изготовлены на крупных массивных пластинах или отщепах. Нельзя согласиться с трактовкой этих орудий как пластин с притупленным концом, которая предложена С. Н. Замятниным (*Замятнин С. Н.*, 1957, с. 474, 475). Вторая группа острий представлена длинными узкими орудиями с прямой спинкой, сильно стесанной крутой притупляющей ретушью. В отдельных случаях притупляющей ретушью оформлено и основание орудий. Концы орудий часто покрыты плоской ретушью с брюшка (рис. 112, *14—28*). Несколько острий имеют слегка выгнутую спинку и приближаются к сегментовидным.

Очень характерны и часто встречаются мелкие, толстые, сильно изогнутые вкладышевые пластинки с притупленным краем и необработанными концами (рис. 112, *9—12*). Редки микроострия и геометрические вкладыши, которые представлены несколькими низкими асимметричными треугольниками. Веретенообразные костяные наконечники и несколько шильев из обломков трубчатых костей завершают представление о коллекции Сакажия (рис. 113, *1*, *3*, *6*, *10*, *11*).

Сходные микролитические традиции прослеживаются в Мгвимеви (*Замятнин С. Н.*, 1937; *Киладзе Н. З.*, 1944, 1949). И здесь преобладают пластины с притупленной спинкой и острия (рис. 114, *21—52*). Пластинки также обычно не ретушированы с концов. Крупных острий с прямым основанием нет. Острий с закругленным основанием и игловидных острий много. Они мельче, чем в Сакажия. Техника подправки с брюшка сохраняется. Сегменты и низкие треугольники встречаются редко.

Особый интерес представляют гравировки на стенах навеса 5 из Мгвимеви (*Замятнин С. Н.*, 1937б). Их датировка позднепалеолитическим временем не вызывает сомнений, так как они покрыты тонкой сталагмитовой коркой, в которой ниже по склону, где она имеет значительную толщину, содержатся позднепалеолитические изделия, в том числе нуклевидные орудия, многофасеточные резцы, ножевидные пластины и расколотые кости животных. Одна из гравировок была сделана на небольшой известковой плитке, найденной в слое вместе с орудиями; еще четыре зафиксированы на стенах навеса. Все пять сюжетов представляют собой более или менее случайные сочетания прочерченных резцом линий. Трудно определенно судить, образуют ли они какие-либо геометрические фигуры. В целом гравировки из Мгвимеви близки по характеру и могут быть сближены с похожими гравировками позднепалеолитического времени в пещерах Средиземноморья.

С комплексами Сакажия и Мгвимеви может быть сопоставлена и небольшая коллекция из Девис-Хврели (*Ниорадзе Г. К.*, 1933, 1934). Острия с закругленным основанием встречаются, но наиболее характерны пять крупных сегментовидных орудий. Асимметричные треугольники единичны. Из шести пластин с притупленной спинкой четыре ретушированы на концах, две пластинки подработаны по концам плоской ретушью с брюшка (рис. 114, *1—20*).

К средней группе позднепалеолитических памятников Имеретии относятся также пещера Уварова, Бнеле-Клде, Сарекский навес, верхние слои I—IV Дзудзуаны, средние слои Сагварджиле (*Тушабрамишвили Д. М.*, 1981, с. 55). Все эти памятники очень близки по культуре, но, по-видимому, охватывают значительное время и могут быть несколько разновременны. Для их точной хронологической и

культурной интерпретации и увязки необходимо провести специальное исследование.

Во многом своеобразен материал из Самерцхле-Клде (*Ниорадзе М. Г.*, 1968). Памятник расположен в Чиатурском р-не, в ущелье р. Джручула, правого притока р. Квирилы, на высоте 600 м над уровнем моря. Пещера открыта Д. М. Тушабрамишвили в 1962 г. и в 1963—1964 гг. исследовалась М. Г. Ниорадзе. Вскрыто около 60 кв. м. Основная коллекция получена из раскопа на площадке перед пещерой и происходит из слоя желтоватого суглинка с примесью марганца, щебня и крупнообломочного материала, мощностью 45—70 см. Позднепалеолитический слой перекрывают слои с остатками культуры ранней бронзы; подстилает мустьерский слой.

Среди фаунистических остатков преобладают кости бизона (94%), встречены также единичные кости благородного оленя, кавказского козла, лошади, пещерного медведя, лисы и малоазийского хомяка. (*Ниорадзе М. Г.*, 1975, с. 121).

Коллекция насчитывает всего 221 орудие, однако перед нами не временное становище. (Там же, с. 122—126). На стоянке происходила обработка кремня. В слое найдено большое количество нуклеусов и отходов производства. Готовые орудия составляют всего 6,4% коллекции. В устьевой части пещеры материал распространялся равномерно. Это также говорит против того, что небольшой раскоп Самецхле-Клде дал случайный набор орудий. Тем не менее, полученный здесь материал весьма своеобразен.

Техника раскалывания кремня высока. Преобладают призматические нуклеусы выработанных форм. Много так называемых нуклевидных скребков, которые первоначально использовались для скалывания микропластин. Среди ножевидных пластин много крупных целых экземпляров правильной формы. Резцы составляют 37,2% (82 экз.) от числа орудий. Большинство изготовлено на отщепах и обломках кремня, 32 экз. на пластинах. Преобладают многофасеточные (23,1%) и срединные резцы. Угловых и боковых резцов на пластинах значительно меньше. Скребки представлены 86 экз. (38,9%). Среди них почти 70% составляют концевые скребки на ножевидных пластинах. Как долотовидные орудия использовались неретушированные пластины и скребки с характерными плоскими заломами со стороны брюшка по рабочему краю.

В комплексе всего три острия. Одно сохранилось в невыразительном обломке. Два тонких игловидных острия имеют прямую притупленную крутой ретушью спинку, ретушированное основание и могут быть сближены с игловидными остриями из Сакажия. Странно, почему такие совершенные орудия столь малочисленны. Вкладышевые пластинки вообще отсутствуют. Четыре найденных обломка пластин с несистематической ретушью или следами сработанности не образуют сколько-нибудь выразительной серии. Помимо каменных орудий, найдено 10 костяных. Это — шилья на обломках трубчатых костей и веретеннообразные костяные наконечники (рис. 113, *8*). Два целых экземпляра обоюдоострые и имеют овальное сечение.

По общему облику инвентаря Самерцхле-Клде сближается с Сакажия и другими памятниками Имеретии средней хронологической группы. Почти полное отсутствие острий и вкладышей послужило основанием для М. Г. Ниорадзе выделить комплекс Самерцхле-Клде в своеобразный локальный вариант имеретинской культуры. М. Г. Ниорадзе относит к нему также Дзудзуану (*Ниорадзе М. Г.*, 1975б, с. 134). Выше было показано, что Дзудзуана уже в нижнем позднепалеолитическом комплексе (сл. V—VIII) дает небольшую, но выразительную серию вкладышевых пластин с притупленным краем.

Материалы Самерцхле-Клде и Дзудзуаны позволяют ставить вопрос о культурной неоднородности позднепалеолитических памятников Имеретии, а значит, и о заселении района разнокультурным населением, как это прослежено в Костенках (*Ниорадзе М. Г.*, 1968, с. 22—26). Однако для решения этого важного вопроса нужны новые факты.

Культура третьего, позднейшего, этапа позднего палеолита Имеретии полнее всего прослежена в Гварджилас-Клде. Пещера находится около с. Ргани в окрестностях г. Чиатуры, расположена на правом берегу р. Черулы, правого притока Квирилы, на высоте 400 м над уровнем моря; открыта и обследована в 1916 г. С. А. Круковским (*Круковский С. А.*, 1916). Начиная с 1953 г., пещера исследовалась А. Н. Каландадзе и Д. М. Тушабрамишвили (*Каландадзе А. Н.*, *Тушабрамишвили Д. М.*, 1955; *Тушабрамишвили Д. М.*, 1960).

С. А. Круковский и Д. М. Тушабрамишвили выделяют в пещере два слоя, однако материал не проявляет заметного различия и рассматривается ими суммарно.

Фауна из раскопок С. А. Круковского определена Н. А. Смирновым (*Замятнин С. Н.*, 1957, с. 488). В списке представлены косуля, серна, козел Северцова, зубр, пещерный медведь (?), бурый медведь, росомаха, ласка, хомяк Кенига и прометеева мышь. Преобладают кости серны, зубра и бурого медведя. С. Н. Замятнин, основываясь на мнении палеонтологов В. И. Громовой и Н. К. Верещагина, отмечает, что кости ласки, хомяка и прометеевой мыши могли быть занесены в пещеру случайно. Обычно принято связывать прометееву мышь с альпийской или субальпийской зонами. В. И. Громова приводит данные, по которым этот грызун зафиксирован сегодня в верховьях Мзымты в лесной зоне (*Громова В. И.*, 1948).

По совершенству техники раскалывания кремня, разнообразию типологии орудий, богатству острий и геометрических вкладышей Гварджилас-Клде заметно отличается от памятников второй хронологической группы (рис. 115, 116). В комплексе преобладают тонкие мелкие правильные пластинки. Среди нуклеусов может быть выделено несколько достаточно стандартных типов. Это — удлиненные призматические, реже клиновидные нуклеусы, часто с двумя противолежащими площадками, конические прямоплощадочные нуклеусы.

Характер заготовок повлиял на облик всего комплекса, в котором преобладают мелкие, тщательно обработанные орудия. Количество резцов заметно сокращается, меняется и их облик. Редко встречаются многофасеточные резцы. Ведущими формами становятся мелкие боковые и угловые резцы на пластинах (рис. 115, *5, 9, 11*). Скребки наиболее многочисленны. Преобладают концевые скребки на пластинах,

вместе с тем появляется много мелких округлых скребков на коротких пластинах и отщепах (рис. 115, *8, 10*).

Особенно разнообразны и многочисленны острия и микролитические вкладыши (рис. 116). Много тонких игловидных острий (рис. 116, *24, 32, 51*). Несколько острий тщательно обработано круговой ретушью (рис. 116, *52*). Хорошо выделяются острия со скругленным притупляющей ретушью основанием (так называемые острия гварджилас-клде). Во многих случаях вершина и основание этих орудий подработаны плоской ретушью с брюшка (рис. 116, *42, 48, 49*). Для Гварджилас-Клде типичны также низкие сегментовидные острия (рис. 116, *41, 43*), симметричные и асимметричные низкие треугольники, своеобразные пластины с притупленным краем и концами, в небольшом числе появляются высокие сегменты (рис. 116, *1—3*).

Наиболее своеобразны наконечники с боковой выемкой (рис. 116, *21, 22, 23*). Орудия выполнены на пластинах крутой ретушью. Основание и вершина наконечника часто подправлены плоской ретушью со стороны брюшка. Впервые этот тип выделен Д. Гаррод в Зарзи, на севере Ирака (*Garrod D. A. E.* 1930). Сейчас они известны в Гварджилас-Клде (два опубликовано Д. М. Тушабрамишвили (1960, рис. 20), два других находятся в экспозиции Государственного музея Грузии), 5 экз. найдено в раннемезолитическом комплексе в Квачара (*Церетели Л. Д.*, 1973) и один в верхнем слое Чахати (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964, рис. 1, *13*). По сообщению Н. З. Бердзенишвили, такие наконечники встречены также в Сагварджиле. Один экземпляр найден в Ацинской пещере.

Вместе с кремневыми орудиями в Гварджилас-Клде обнаружено много костяных шильев обычных форм, роговые орудия. Великолепно выполнены тонкие костяные иглы с ушком. Впервые появляются характерные уплощенные наконечники гарпунов с зубьями с двух сторон. Аналогии этим орудиям можно найти в более поздних комплексах Холодного грота и Квачара в Абхазии.

Комплексы, близкие Гварджилас-Клде, сейчас обнаружены в верхнем слое Чахати (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964 б), Самгле-Клде, верхнем слое Сагварджиле (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964а), верхнем слое Кёп-Богаза (Апианчи) и Ацинской пещере (Крайнов Д. А., 1947).

Около десяти комплексов (Сарекский навес, Самгле-Клде, Сагварджиле (верхний слой), Чахати (I—III гор), Цона, Кведи, Энцери, Ацинская пещера, Яштхва) проявляют большее или меньшее сходство с Гварджилас-Клде. Эти памятники безусловно неодновременны, большинство из них несколько моложе Гварджилас-Клде и относятся уже к мезолиту. О генетической преемственности позднего палеолита и мезолита Имеретии можно говорить определенно, однако граница между ними проводится пока не совсем четко. Сарекский навес и Самгле-Клде относятся к позднему палеолиту (*Церетели Л. Д.*, *Тушабрамишвили Д. М.*, 1975, с. 58—65, 81). Остальные памятники Л. Д. Церетели относит к раннему мезолиту, Д. М. Тушамбрамишвили и Н. З. Бердзенишвили на этих же материалах выделяют эпипалеолитический и собственно мезолитический этап развития культуры (*Тушамбрамишвили Д. М.*, 1981, с. 55). Для объективного расчленения этих памятников на дробные хронологические группы необходимы комплексные исследования с учетом абсолютных датировок, литологического и палинологического анализа культурных отложений, сопоставления материала на основе более дифференцированной типологии.

Трудно провести четкую грань между позднепалеолитической и мезолитической культурой Западного Закавказья. Микролитическая техника, истоки которой прослеживаются здесь, начиная с середины позднего палеолита, находит свое развитие в раннеголоценовых памятниках мезолитического облика (Квачара, Цопи, Холодный Грот и др.). Поэтому многие исследователи не без основания определяют раннемезолитическую культуру Кавказа как эпипалеолитическую (*Бердзенишвили Н. З.*, 1964б; *Тушабрамишвили Д. М.*, 1981).

Выше нами охарактеризованы основные позднепалеолитические памятники Имеретии. Ранняя группа несет ряд архаичных позднепалеолитических, а в отдельных случаях и мустьерских признаков. Ее характеризует грубая техника раскалывания кремня, большое количество орудий на отщепах, преобладание многофасеточных резцов при почти полном отсутствии боковых; нуклевидные орудия, скребки на отщепах и коротких пластинах, небольшая, но выразительная серия вкладышевых пластин с притупленным краем. Острия встречаются сравнительно редко. Некоторые исследователи видят истоки позднего палеолита Кавказа в зубчатом мустье, однако пока эта связь недостаточно документирована (*Амирханов Х. А., Аникович М. В., Борзияк Н. А.*, 1980, с. 18—21).

Средний этап определяется развитием старых традиций. Совершенствуется техника раскалывания кремня. Сохраняется большое количество нуклевидных форм и многофасеточных резцов. Распространяются боковые резцы и концевые скребки на пластинах. Совершенствуются микролитические вкладыши и острия. В большом числе продолжают бытовать простые вкладышевые пластинки. Вместе с тем, широко распространяются разнообразные острия выработанных форм, в том числе острия сакажия, игловидные и сегментовидные. В небольшом числе встречаются низкие асиммотричные треугольники и низкие сегменты. Появляются в ранних (Таро-Клде) и широко распространяются в развитых памятниках (Сакажия, Девис-Хврели, Мгвимеви) костяные орудия, в том числе веретенообразные костяные наконечники.

На третьем этапе техника раскалывания кремня достигает своего совершенства. Резко сокращается количество нуклевидных форм, меньше становится резцов. Преобладают боковые и угловые резцы, концевые скребки на пластинах и мелкие округлые скребки. Совершенствуются и становятся разнообразнее острия и вкладыши. Характерны острия гварджалис-клде и наконечники зарзийского типа, в большом числе встречаются низкие геометрические вкладыши, исчезают веретенообразные наконечники и появляются костяные гарпуны. Эти традиции продолжают развиваться и в начале мезолита.

Каждый из трех периодов охватывает большой от-

резок времени и представлен значительным количеством памятников. Развернутые сейчас работы с привлечением данных литологии, палинологии, палеонтологии должны дать материал для уточнения и детализации этой схемы.

Памятники Имеретии (Хергулис-Клде, Таро-Клде, Сакажия, Мгвимеви, Девис-Хврели, Гварджалис-Клде) связаны генетически и могут быть объединены в закавказскую или имеретинскую позднепалеолитическую культуру (*Бадер Н. О.*, 1965). Они характеризуются сочетанием нуклевидных орудий, многофасеточных и других резцов, концевых скребков с разнообразными остриями и вкладышами. Специфичны вкладышевые пластины типа Таро-Клде, острия сакажия, острия гварджилес-клде, наконечники зарзийского типа, низкие асимметричные треугольники и сегменты.

На Черноморском побережье Кавказа между Сочи и Сухуми позднепалеолитические материалы известны из пещер Ахштырской, Навалишенской, Апианчи (Кеп-Богаза), Холодного грота (Хупынипшахва), Ацинской. Значительно севернее, в районе Туапсе, находится открытое позднепалеолитическое поселение Широкий мыс. К сожалению, эти памятники исследованы неполно и дали небольшие разновременные коллекции.

Ахштырская пещера доставила небольшой позднепалеолитический комплекс, однако этот памятник многосторонне исследован специалистами смежных дисциплин. Пещера находится в 15 км к северо-востоку от Адлера, на правом берегу р. Мзымты против села Ахштырь; расположена в 120 м над рекой и в 200 м над уровнем моря. Памятник прошурфован в 1936 г. и в 1937—1938 гг. раскапывался С. Н. Замятниным (*Замятнин С. Н.*, 1961, с. 104), а затем в 1961—1965 гг. М. З. Паничкиной и Е. А. Векиловой (*Паничкина М. З.*, *Векилова Е. А.*, 1962, с. 37—43); *Векилова Е. А.*, 1967; *Грищенко М. Н.*, 1971, с. 49—61; *Векилова Е. А.*, *Грищенко М. Н.*, 1972). Отложения Ахштырской пещеры в основном содержат остатки мустьерской культуры. Позднепалеолитические остатки найдены лишь в верхней части отложений.

В. М. Муратов относит слой 2_2 с остатками позднепалеолитической культуры ко времени верхнего вюрма и сопоставляет с максимальным похолоданием (*Муратов В. М.*, *Фриденберг Э. О.*, *1974*, с. 177—180). Палинологический анализ из сл. 2_2, датированного по C_{14} в 19 500±500 лет (ГИН, 108), позволяет судить, что в это время пещеру окружали «сильно осветленные или разреженные леса, в которых темно-хвойные формации имели совершенно подчиненное значение», что могло быть связано с иссушением климата (*Гричук В. П. и др.*, 1970). По определению В. И. Громовой и Н. Е. Ермоловой, в слое 2_2 абсолютно преобладали остатки пещерного медведя, единичными костями представлены благородный олень, лось, косуля, зубр, куница (*Громова В. И.*, 1948; Археология и палеогеография, 1978, с. 41).

К сожалению, позднепалеолитический комплекс из слоя 2_2 невелик и в целом маловыразителен. В коллекции преобладают ножевидные пластины, однако хороших нуклеусов мало. Найдено несколько многофасеточных и угловых резцов на отщепах и пластинах. Вместе с невыразительными концевыми скребками на пластинах встречаются мелкие концевые и округлые скребки па отщепах. Наиболее характерна серия ножевидных пластин, обработанных на конце поперечной ретушью; меньше пластин с притупленным краем и острий. Острия и пластины имеют невыработанную форму, вкладышевых орудий не найдено. По отсутствию выработанных форм острий и геометрических вкладышей комплекс может быть предварительно сближен с комплексами из расположенной поблизости пещеры Навалишено и открытой стоянки Широкий мыс около Туапсе. Однако своеобразные вкладышевые пластины с Широкого мыса не встречены в Ахштыре.

Грот Кеп-Богаз (пещера Апианча) находится в 5 км к югу от с. Цебельда Гульрипшского р-на Абхазской АССР и расположен на высоте 450 м над уровнем моря у подножия восточного склона горы Апианча, на правом берегу р. Кодора. Пещера обращена на юго-восток, имеет площадь 276 кв. м. Памятник открыт Л. Н. Соловьевым в 1940 г. Заложенный им шурф 2×2 м и глубиной почти 7 м вскрыл семь геологических слоев с остатками неолитической, мезолитической и позднепалеолитической культуры. В основании отложений найдены отдельные мустьерские орудия (*Соловьев Л. Н.*, 1956, с. 60—66). В 1974 г. исследование памятника продолжила Л. Д. Церетели (*Бердзенишвили Н. З.*, *Габуния М. К.*, *Церетели Л. Д.*, *Хубутия Г. П.*, 1975, с. 482). В 1978 г. работы велись на площади 68 кв. м. Раскоп доведен до глубины 2,2 м (*Церетели Л. Д.*, *Клопотовская Н. Б.*, *Майсурадзе Г. М.*, 1978, с. 48; *Церетели Л. Д.*, *Клопотовская Н. Б.*, *Куренкова Е. И.*, 1982).

Вскрыты следующие литологические слои: 1) известняковый слабо сцементированный щебень с примесью коричневатого хрящеватого суглинка. Мощность слоя 0,35—0,40 м. Содержит остатки неолитической культуры: 2а) слабо сцементированный светло-коричневый суглинок со щебнем и редкими глыбами известняка. Мощность слоя 0,30—0,35 м. Содержит остатки позднемезолитической культуры; 2б) светло-коричневый плотный увлажненный суглинок с небольшим количеством щебня. Мощность слоя 0,35—0,40 м. Содержит остатки позднемезолитической культуры; 3а) коричневый плотный увлажненный суглинок с небольшим количеством известнякового щебня. Мощность слоя 0,35—0,40 м. Содержит остатки позднепалеолитической культуры; 3б) темно-коричневый увлажненный, слегка опесчаненный суглинок с большим количеством щебня и редкими известняковыми глыбами; слабо сцементирован. Мощность слоя 0,4—0,45 м. Содержит остатки позднего палеолита, 4) темно-коричневый суглинок с небольшим количеством щебня и каменными глыбами. Стерилен.

Реконструкции палеогеографической обстановки позднепалеолитического времени помогает анализ фауны и пыльцы из культурных отложений. Слой 3 содержит кости тура, большое количество пыльцы травянистых растений, преимущественно сложноцветных и злаковых; в небольшом количестве встречается пыльца граба, липы, орешника, а также сосны. Судя по расположению пещеры в замкнутом межгорье, вся пыльца происходит из ближайшего района, где были разнотравные луга с большим количеством

злаков и ограниченные участки широколиственного леса. В мезолитическое время облесенность района увеличивается.

Исследование памятника не завершено и материал окончательно не опубликован. Л. Д. Церетели сообщает, что для верхнего позднепалеолитического слоя характерно большое количество острий с притупленной спинкой и вытянутых асимметричных треугольников-вкладышей. По этим признакам он может быть отнесен к концу позднего палеолита (*Бердзенишвили Н. З.*, *Церетели Л. Д.*, *Мгеладзе Н. Р.*, 1978; *Церетели Л. Д.*, *Клопотовская Н. Б.*, *Майсурадзе Г. М.*, 1978). В нижнем слое распространены нуклевидные резцы и скребки высокой формы, а острия встречаются редко (рис. 117). Этот материал предварительно может быть датирован серединой позднего палеолита. Судя по данным Л. Н. Соловьева, глубже лежат более древние позднепалеолитические слои. По-видимому, материалы из Апианчи проявляют определенное сходство с позднепалеолитической культурой Имеретии.

Грот Хупынипшахва (Холодный) расположен на мысу у слияния рек Амткелы и Кодора, в 37 км от г. Сухуми. Грот представляет небольшую светлую нишу с обширной площадкой перед входом на высоте 28 м над водой. В 1940 г. памятник прошурфован, а в 1960—1961 гг. исследовался на обширной площади Л. Н. Соловьевым (Соловьев Л. Н., 1956, 1961а, 1961, с. 191—195; *Соловьев Л. Н.*, *Орелкин В. С.*, 1961, с. 143—145).

Предложенные Л. Н. Соловьевым характеристика отложений, их членение и выделение культурных слоев несколько противоречивы. Распространение слоев в различных частях поселения было неравномерным. Суммарно на всей исследованной площади выделены следующие четыре геологические толщи: А — серый, местами коричневый, щебнистый золистый слой; прослежен в шурфе, идет с поверхности и имеет мощность около 80 см. Б — серый рыхлый слой с большим количеством щебня и гумусными прослойками с культурными остатками. В — слой грязно-белого цвета с большим количеством щебня. Г — черный гумус с большим количеством щебня, лежит на скалистых глыбах обвала. Мощность отложений в шурфе достигает 3 м. Все четыре толщи содержат культурные остатки. Слои А и Б Л. Н. Соловьев отнес к мезолиту, слои В и Г — к позднему палеолиту. А. А. Формозов поддержал позднепалеолитический возраст слоев В и Г (*Формозов А. А.*, 1963, с. 185). На плейстоценовый возраст слоя Г могут указывать найденные здесь кости пещерного медведя, тура, серны (*Формозов А. А.*, 1963, с. 185). В слое Б распространяются остатки современных видов животных — благородного оленя, лося, кабана. Во всех культурных слоях много позвонков крупного лосося (*Соловьев Л. Н.*, 1961а, с. 194).

Подробной сравнительной характеристики материала по слоям еще не проведено. Распространение различных типов орудий в толще отложений заставляет допустить, что комплексы могли быть частично перемешаны. Так, сланцевые орудия, характерные для слоя А, где они часто шлифованы, встречаются в небольшом числе и в слое Г. Костяные гарпуны, типичные для мезолитического слоя Б, встречаются также в слое А. Скопление костей человека обнаружено в слое В, однако отдельные кости происходят из слоев А и Б (*Соловьев Л. Н.*, 1956, с. 70). Геометрические микролиты наиболее характерны для мезолитического слоя Б, в меньшей мере они встречаются в слоях В и Г, причем заметной их эволюции от слоя к слою не улавливается.

По данным Л. Н. Соловьева, позднепалеолитический слой Г богат находками (рис. 118). Среди них косоплощадочные нуклеусы, нуклевидные скребки, концевые скребки на пластинах, боковые, угловые и многофасеточные резцы, пластины с притупленной спинкой, несколько сегментов и сланцевых рубящих орудий (*Соловьев Л. Н.*, 1961; *Соловьев Л. Н.*, *Орелкин В. С.*, 1961). В слое В находок относительно немного.

Вместе с позднепалеолитическими формами орудий здесь найдено значительное количество сегментов-вкладышей. Особенно интересен выпрямитель из лучевой кости медведя, украшенный примитивным геометрическим орнаментом, нанесенным нарезными линиями. Круглое отверстие выпрямителя заполировано от употребления (*Соловьев Л. Н.* 1961; *Соловьев Л. Н.*, *Орелкин В. С.*, 1961). В нерасчлененной по слоям коллекции, концевые скребки многочисленны и преобладают над резцами (рис. 118, *13, 14, 20, 23, 25*). Нуклевидные скребки высокой формы почти не встречаются (рис. 118, *26*). Среди резцов крупных полиэдрических орудий нет, характерны боковые резцы на пластинах (рис. 118, *21*, *22*, *27*). Вкладышевые пластинки представлены целой группой. Это довольно крупные орудия, обработанные крутой притупляющей ретушью со спинки. Среди них наряду с обломками много коротких целых пластинок прямоугольной формы с притупленной спинкой и ретушированными концами (рис. 118, *1—3*, *5—7*, *8—10*). Некоторые пластинки имеют слегка изогнутую спинку и напоминают обломки острий. Целых острий с притупленной спинкой мало (рис. 118, *15—19*). Сегменты из Холодного грота крупные, высокие, симметричны и асимметричные, ретушированы крутой, иногда встречной ретушью. Несколько низких вытянутых сегментов напоминают сегментовидные острия (рис. 118, *4*, *11*). Трапеции высокие, обработаны по боковым граням крутой ретушью со стороны спинки. В целом геометрические орудия из всего нерасчлененного по слоям комплекса архаичны, однородны типологически и не расчленяются на разновременные, генетически преемственные группы.

Большой интерес представляет находка в Холодном гроте скопления человеческих костей, в основном черепов. По данным Л. Н. Соловьева, основная их часть приурочена к гумусной прослойке в основании слоя В (*Соловьев Л. Н.*, 1961; *Соловьев Л. Н.*, *Орелкин В. С.*, 1961). Кости фрагментированы, не образуют анатомического порядка, но сконцентрированы на небольшой площади. Существенно, что здесь же найдена подвеска из раковины. А. А. Формозов, опираясь на определения В. П. Якимова, говорит, что в слое найдено по меньшей мере восемь человеческих черепов, в том числе два черепа подростков. Черепа имеют следы нарезок, которые могли быть оставлены в процессе расчленения тела. По-видимому, такое скопление черепов в слое связано с какими-то обрядами. Аналогичные находки упоминаются в Сакажия и Девис-Хврели. Обработка антропологического материала не завершена.

Сейчас нет данных для точной абсолютной датировки слоев В и Г. Состав фауны не противоречит их позднеплейстоценовому возрасту. Археологическая коллекция по типологическим признакам может быть отнесена к концу позднего палеолита. В Холодном гроте (сл. Г, В) мало острий, и они однообразны по форме. Наиболее характерные орудия здесь — вкладышевые пластинки с притупленной спинкой и высокие геометрические микролиты. Первые типичны для финально-палеолитических памятников Кавказа, вторые получают широкое распространение в мезолите. Присутствие геометрических микролитов в слое Г Холодного грота позволяет сделать вывод об их очень раннем распространении и о генетической преемственности позднепалеолитической и мезолитической культуры в этом районе (*Формозов А. А.*, 1963, с. 185). Однако, как уже говорилось, этот факт требует еще тщательной проверки на стратиграфически бесспорных и неперемешанных комплексах. Геометрические микролиты высоких пропорций характерны для Губского навеса VII (навес Сатаней) на Северном Кавказе. Низких геометрических вкладышей в Холодном гроте нет, а острия менее разнообразны и реже встречаются, чем в памятниках Имеретии. Присутствие вкладышевых пластин сближает этот комплекс с коллекциями из Ахштыря, Навалишена и Широкого мыса. Приходится, однако, иметь в виду, что эти памятники не одновременны, а Широкий мыс удален и территориально; материал из Ахштыря и Навалишена очень мал, а очень своеобразные вкладышевые пластины Широкого мыса не имеют конкретных типологических аналогий. Вопрос о культурной интерпретации этих памятников еще ждет своего решения.

Открытое поселение Широкий мыс подробно изучено В. Е. Щелинским в северной части Черноморского побережья Кавказа (*Щелинский В. Е.*, 1971, с. 49—55). Памятник находится в 15 км к северо-западу от Туапсе; расположен на морском берегу, в центре мыса, на 40-метровой террасе. Основная часть коллекции собрана на поверхности. Шурф показал, что она происходит из коричневато-желтых суглинков; лежащих на красных глинах и связанных, по мнению А. Б. Островского, с древнекарангатской террасой. Фауна не сохранилась.

Обработана коллекция в 5 430 предметов. Орудия изготовлены, как правило, на ножевидных пластинах. Среди них: 88 скребков, 57 резцов, три проколки, пять долотовидных орудий, 190 ретушированных микропластин, 626 пластин и отщепов с ретушью, шесть рубящих орудий. Преобладают концевые скребки на пластинах. Среди резцов, также обычно сделанных на пластинах, 37 угловых, 13 боковых, 4 плоских, 1 — срединный. Долотовидные орудия изготовлены на толстых обломках кремня и отщепах. Среди микропластин преобладают орудия с крутой или приостряющей ретушью по обоим краям, поперечная подработка концов пластинок редка. Геометрических микролитов нет.

Отсутствие в комплексе нуклевидных орудий, небольшое количество острий, полное отсутствие геометрических микролитов отличает Широкий мыс от памятников Имеретии. Нет здесь и высоких геометрических орудий, характерных для Губского навеса VII. По времени и инвентарю Широкий мыс ближе комплексу Губского навеса—I, однако ретушированные микропластинки с Широкого мыса своеобразны. Как уже говорилось, по отсутствию острий и низких геометрических микролитов имеретинских типов Широкий мыс может быть сближен с Ахштырем и Навалишеным.

Небольшие материалы с Черноморского побережья Кавказа позволяют сделать вывод о значительном разнообразии позднепалеолитической культуры этого района. Апианча и Ацинская пещеры проявляют сходство с имеретинской группой памятников. Особенно интересны наконечники с боковой выемкой и разнообразные острия из Ацинской пещеры, которые находят близкие аналогии в Гварджилас-Клде. Ахштырь, Навалишено и Холодный грот не дали такого разнообразия острий и характерны прежде всего вкладышевыми пластинами с притупленной спинкой, что сближает эти памятники на фоне других на Широком мысе; много пластинок с притупленной спинкой, однако, форма их совершенно своеобразна. Очевидно, Черноморское побережье Кавказа уже в далекой древности было местом постоянных контактов, перемещений, сложных исторических взаимодействий. В деталях проследить эти процессы можно будет только на хорошо датированных материалах.

О позднем палеолите Малого Кавказа можно судить пока по двум памятникам — Джаткран и Нурнус, расположенным в ущелье р. Занги к северу от Еревана (*Паничкина М. З.*, 1950 с. 90—98). Обе стоянки открытые, обе не подвергались раскопкам, коллекции собраны на поверхности. В обоих случаях материалом для орудий служил исключительно обсидиан. Орудия залегали на склонах в дерновом слое и могли быть переотложены. Никаких фаунистических остатков вместе с орудиями не найдено. В целом оба комплекса могут считаться одновременными. По мнению М. З. Паничкиной, они находят некоторые аналогии в памятниках конца второй хронологической группы Имеретии.

Коллекция из Джаткрана насчитывает 36 орудий, 28 ножевидных пластин, 11 призматических нуклеусов и осколки обсидиана. Наиболее многочисленны концевые скребки на широких пластинах с ретушью, часто заходящей на боковые грани (13 экз.). Найдено также два скребка высокой формы, один угловой резец на пластине, две проколки на ножевидных пластинах, четыре стамески на ножевидных пластинах, узкие пластины с поперечной ретушью и притупленной боковой гранью. Форма эта находит аналогии в Сакажия, Девис-Хврели, Мгвимеви, однако в целом набор ретушированных пластин в памятниках Имеретии несравненно более разнообразен.

Местонахождение Нурнус расположено в 3—4 км от Джаткрана. Коллекция насчитывает 130 предметов, среди них 65 орудий. 16 призматических нуклеусов несут тонкие сколы, обычно по всей окружности нуклеуса. Из 16 скребков большинство изготовлено на конце ножевидных пластин. Резцы (7 экз.) также обычно на ножевидных пластинах: в двух случаях угловые, два боковых, один многофасеточный, два атипичных. Четыре острия нестойкой формы изготовлены на широких ножевидных пластинах. Найдено также три проколки на пластинах и четыре долотовидных орудия. Одно орудие на обломке крупной пластины напоминает вкладыш.

Оба комплекса отличаются от имеретинских бедностью остриями и вкладышевыми орудиями. Поэтому и аналогии между этими группами памятников могут носить только самый общий характер. Небольшая позднепалеолитическая коллекция с пластинами-вкладышами получена С. Н. Замятниным и М. М. Гусейновым из Дамджилы, на севере Азербайджана (*Замятнин С. Н.*, 1958 с. 8—10; *Гусейнов М. М.*, 1959, с. 1071—1076).

В целом весь регион Малого Кавказа еще очень слабо изучен.

Своеобразная компактная группа позднепалеолитических памятников расположена на северо-западном Кавказе в Краснодарском крае. Лучше других исследованы поселения в Каменномостской пещере, Губском навесе 1 и Губском навесе VII (навесе Сатанай).

Каменномостская пещера открыта и исследована в 1961 г. под руководством А. А. Формозова (*Формозов А. А.*, 1964, с. 10, 1965, с. 41—48). Она расположена недалеко от г. Майкопа, в 6 км к востоку от поселка Каменномостского, в одном из ответвлений ручья Мешоко, правого притока р. Белой. Пещера имеет глубину 24 м, ширину в устье 9 м и большую (23×8 м) площадку перед входом (*Формозов А. А.*, 1971, с. 100—117). Раскопками вскрыто 24 кв. м. Мощность отложений до скального дна достигает 3,2 м. Сверху, в кизячно-очажном слое найдены остатки средневекового времени. Ниже, в черном гумусе, залегает культурный слой энеолитического времени. В желтой, почти без примесей, глине, лежащей на скальном основании, обнаружен позднепалеолитический материал. Мощность этого слоя достигает 1,9 м. По определению И. Г. Пидопличко, небольшое количество костей из позднепалеолитического слоя принадлежит первобытному быку, дикому козлу или барану и каким-то копытным (*Формозов А. А.*, 1965, с. 43).

Археологический материал из Каменномостской пещеры опубликован А. А. Формозовым (*Формозов А. А.*, 1965, 1971, с. 100—117.). Еще раз комплекс описан Х. А. Амирхановым (*Амирханов Х. А.*, 1977а, 1977б). Коллекция кремня состоит из 1600 предметов, в том числе 74 орудия и 36 нуклеусов и нуклевидных обломков. Технику раскалывания камня характеризуют призматические косоплощадочные нуклеусы, которые преобладают (13 экз.). Встречен также один дисковидный нуклеус мустьерского облика. Много нуклевидных обломков случайной формы (16 экз.). При изготовлении орудий широко использовалась зубчатая ретушь. Она явно преобладает над притупляющей ретушью, которая не типична для этого памятника.

В коллекции из Каменномостской пещеры сочетаются позднепалеолитические и мустьерские типы орудий, однако мустьерский компонент очень невелик. Среди орудий преобладают резцы (24 экз.). Сериями представлены нуклевидные (5 экз.), различные типы срединных (7 экз.) и угловых (7 экз.) резцов; боковые резцы реже встречаются (5 экз.). Скребки менее многочисленны (12 экз.). Среди них различные типы скребков высокой формы (7 экз.) и концевых (5 экз.). Концевые скребки чаще изготовлены на удлиненных отщепах (3 экз.). Найдены также: одно небольшое острие, обработанное мелкой ретушью по обеим сходящимся граням; один нож с неретушированным обушком, пять пластин с поперечной ретушью, ретушированные пластины и отщепы случайной формы. Одна из пластин обработана противолежащей ретушью. Полностью отсутствуют долотовидные орудия и вкладышевые формы. Вместе с этим позднепалеолитическим набором орудий найдены пять скребел, в том числе четыре зубчатых и два остроконечника на массивных отщепах.

Архаические черты этого комплекса, присутствие в коллекции отдельных мустьерских форм орудий дали основание А. А. Формозову отнести поселение в Каменномостской пещере к началу позднего палеолита и сопоставить его с ранней хронологической группой памятников Имеретии (*Формозов А. А.*, 1964, 1965). Широкое распространение зубчатой ретуши также может рассматриваться как пережиточно-мустьерский прием вторичной обработки. Своеобразие комплексу придает полное отсутствие вкладышевых орудий, почти полное отсутствие острий, преобладание резцов над скребками (*Амирханов Х. А.*, 1977а, с. 6, 7; 1977б).

Более развитые позднепалеолитические комплексы изучены в Губском навесе 1, в 40—45 км к юго-востоку от г. Майкопа. Навес расположен на склонах Скалистого хребта в Борисковском ущелье, на высоте 90—100 м над р. Губс, левого притока р. Лабы. Памятник открыт П. У. Аутлевым в 1962 г. В следующем году он заложил под навесом раскоп 14 кв. м, в котором были выявлены мустьерский и позднепалеолитический слои (*Аутлев П. У.*, 1962, 1973, с. 19—25). Тогда же группа специалистов провела зачистку стенок раскопа и подробно изучила литологию и палинологию отложений (*Любин В. П.*, *Аутлев П. У.*, *Гричук В. П. и др.*, 1973, с. 54—62). В 1975 и 1976 гг. работы под навесом были продолжены под руководством Х. А. Амирханова (*Любин В. П. и др.*, 1976, с. 134, 135; *Любин В. П. и др.*, 1977, с. 107, 108). В шурфе 4 кв. м была уточнена стратиграфия памятника и прослежено три культурных слоя — мустьерский и два позднепалеолитических. Вновь обнаруженный позднепалеолитический слой перекрывал ранее изученный П. У. Аутлевым.

В 1975 г. в западной части навеса у его внутренней стенки прослежено 14 литологических слоев и второй, не известный ранее археологический слой позднепалеолитического времени (*Амирханов Х. А.*, 1977б, с. 35—38). Здесь под современной почвой (сл. 1) лежал буроватый суглинок с мелким щебнем и дресвой (сл. 2), содержащий остатки первого позднепалеолитического слоя. Ниже чередовались слои (сл. 3—10) серо-желтого суглинка с незначительным количеством щебня и большим количеством дресвы и сильно карбонизированного белесого суглинка с дресвой. В их толще прослежена погребенная почва (?) мощностью 8—10 см с остатками второго позднепалеолитического слоя. Еще ниже, под горизонтом обвала, который обозначен крупными обломками известняка, и стерильными слоями буро-коричневого суглинка и супеси со щебнем и дресвой, в буром суглинке с большим количеством щебня залегали остатки мустьерской культуры. Общая мощность отложений достигает почти 2 м.

Во втором культурном слое прослежено два небольших очага овальной формы около полуметра в попе-

речнике. Они были углублены в слой на 10—15 см и имели хорошо прослеживаемые почти вертикальные стенки. Фаунистический материал из навеса очень скуден. В слое 2 Н. К. Верещагин и Г. Ф. Барышников определили остатки лошади, суслика, слепыша, полевки, козла и барана (*Любин В. П. и др.*, 1973, с. 57). В слое 1 найдены кости бизона, полевки, козла и барана (*Амирханов Х. А.*, 1977б, с. 16—17; определение Г. Ф. Барышникова). Вся толща отложений характеризуется суглинистым и супесчаным заполнением с большим количеством десквамационного щебня. Такой характер отложений и остатки лошади, суслика, слепыша в позднепалеолитических слоях позволяют реконструировать сухой прохладный климат и остепненный ландшафт (*Любин В. П. и др.*, 1973, с. 56).

Кремневый инвентарь из слоя 2 насчитывает 3601 предмет, в том числе 163 орудия и 55 нуклеусов и нуклевидных обломков (рис. 119, *Амирханов Х. А*, 1977а, с. 8—10; *Амирханов Х. А.*, *Аутлев П. У.*, 1977, с. 143—153). Технику первичного раскалывания кремня характеризуют преобладающие в комплексе призматические косоплощадочные нуклеусы (29 экз.). Большинство орудий изготовлено на ножевидных пластинах. Для их обработки использовалась обычно крутая притупляющая ретушь. Зубчатая ретушь встречается редко. Скребки — наиболее распространенная группа орудий (109 экз.) (рис. 119, *6*, *7*, *10*, *12*, *13*). Среди них преобладают скребки высокой формы (40 экз.). Близки им клювовидные скребки (6 экз.). На втором месте — концевые скребки (30 экз.). Большинство из них — короткие скребки на отщепах (21 экз.). Только девять скребков изготовлено на конце массивных ножевидных пластин. В меньшем числе встречены двойные орудия, скребки с подправкой рабочего конца и основания со стороны брюшка, скребки с боковой выемкой, скребки с перехватом и некоторые другие. В целом скребки очень многочисленны и разнообразны по формам. Здесь же найдены два скребловидных орудия. Резцов почти в семь раз меньше (17 экз.), из них семь срединных резцов изготовлены преимущественно на массивных сколах (рис. 119, *8*, *9*, *11*, *14*, *15*), четыре угловых — на массивных пластинах, пять боковых резцов на ножевидных пластинах, один плоский на отщепе (там же, с. 147). Специфичную группу орудий составляют мелкие (2,5—3 см длиной) пластины с прямым или слегка скошенным концом, усеченным полукрутой ретушью с брюшка (11 экз.; рис. 119, *4*, *5*). Здесь же найдены отдельные орудия с выемками, проколки, пластины и отщепы с несистематической ретушью.

А. А. Формозов по общему облику культуры считает комплекс Губского навеса 1 (слой 2) сопоставимым по времени со средней хронологической группой памятников Имеретии (*Формозов А. А*,. 1965, с. 49). Такая датировка не вызывает возражений. Ее уточнение требует геологической и палеогеографической оценки отложений. Описанный комплекс во многом своеобразен. Его специфика заключается в большом количестве и разнообразии скребков, распространении пластин усеченных со стороны брюшка, в отсутствии острий и вкладышевых орудий.

Слой 1 Губского навеса 1 исследован на площади около 3 кв. м Небольшая коллекция (513 экз.) включает 33 орудия. Это — косоплощадочные призматические нуклеусы и сколотые с них ножевидные пластины, концевые скребки, боковые и угловой резец, мелкие острия и пластинки с притупленной спинкой, костяная проколка. По фауне и облику археологической коллекции слой может быть отнесен к концу позднего палеолита. Своеобразие комплексу придают несколько орудий, подправленных по рабочему концу тонкой ретушью с брюшка (*Амирханов Х. А.*, 1977а, с. 10; *он же*, 1977б, с. 55—63).

Губский навес VII в 1975 г. переименован П. У. Аутлевым в навес Сатанай, находится поблизости от навеса 1, в том же Борисковском ущелье, в сходных условиях. Длина навеса 12 м, ширина 7 м. Навес открыт П. У. Аутлевым в 1961 г. В то же время им заложен на памятнике шурф 4 кв. м. В 1962 г. он был расширен А. А. Формозовым и П. У. Аутлевым в траншею площадью 15 кв. м. В 1963 г. П. У. Аутлев довел площадь раскопа до 42 кв. м. Наконец, в 1975—1976 гг. В. П. Любин, П. У. Аутлев и Х. А. Амирханов заложили контрольный стратиграфический шурф около 4 кв. м у западной стенки раскопа (*Формозов А. А.*, 1965, с. 48; *Любин В. П. и др.*, 1976, с. 134, 135; 1977, с. 107, 108).

Мощность культурных отложений в раскопе достигала 2,8 м. По мнению А. А. Формозова, культурный слой в древности перемещался водой по склону и был разделен крупными известковыми глыбами на два горизонта, однако археологически однородным (*Формозов А. А.*, 1962б, с. 5, 6). В 1975 г. установлена следующая стратиграфическая колонка: 1 — щебнистый гумус, в основании слоя местами со слабо окатанной щебенкой, археологически стерилен. Мощность слоя от 5 до 35 см. 2 — бурый суглинок с большим количеством мелкого щебня, в нижней части слоя с большим количеством окатанных и неокатанных глыб известняка. Слой литологически монолитен и на всю глубину содержит однородные культурные остатки. Мощность слоя колеблется от 0,5 до 1,5 м (*Амирханов Х. А.*, 1977б, с. 73).

По определению Н. К. Верещагина, в слое найдены кости лошади (555), благородного оленя (12), зубра (6), волка (4), лося (2), слепыша (4), хомяка (1) и скопления раковин улитки Helix (*Формозов А. А.*, 1965, с. 43, 53). Большое количество костей лошади и слепыша указывает на значительные степные пространства в этом лесном сейчас районе.

Интересны находки костей человека в слое. В 1963 г. найдена массивная левая плечевая кость. В 1975 г. рядом с первой находкой обнаружены череп, нижняя челюсть, большая и малая берцовые кости, ребра, фаланги пальцев. Все кости образуют одно скопление. Анатомический порядок костей не прослежен, большинство из них расколото. Слой вокруг костей имеет слегка охристую окраску. Вместе с костями найдены две подвески (из зуба лошади и раковины) и 11 из 16 найденных на всем поселении костяных наконечников копий, из них два целых. Работы 1975 г. позволяют заключить, что описанное скопление представляет остатки разрушенного в древности погребения. Физический облик погребенного находит аналогии среди форм центральноевропейских неоантропов (*Формозов А. А.*, 1965, с. 43; *Любин В. П. и др.*, 1976, с. 135; *Любин В. П. и др.*, 1977, с. 108).

П. У. Аутлев и А. А. Формозов получили большую выразительную коллекцию из навеса Сатанай (Губского навеса VII) (*Формозов А. А.*, 1964, с. 11, 12; 1965, с. 48; *Амирханов X. А.*, 1977а, с. 12—15; 1977б). Коллекция насчитывает 15 565 предметов из камня и кости, в том числе 490 кремневых и 24 костяных орудий (рис. 120, 121). Все кремневые орудия изготовлены из темно-серого и черного кремня. Среди 177 нуклеусов преобладают призматические косоплощадочные с одной, иногда с двумя площадками (167 экз.), 10 нуклеусов имеют прямую площадку (рис. 120, *15*, *16*, *17*).

Отщепы в коллекции наиболее многочисленны (3755 экз.), пластин несколько меньше (3101 экз.). Преобладают пластинки правильной формы.

Для обработки орудий чаще всего использовалась крупная крутая односторонняя ретушь. Небольшая серия пластин обработана частично или полностью двусторонней ретушью. Характерно появление микроретуши (*Амирханов X. А.*, 1977а, с. 12).

Основная часть орудий изготовлена на ножевидных пластинах. Наиболее распространенные группы орудий составляют скребки (24% от общего количества орудий), резцы (18%), пластинки с притупленным краем (13%), острия (6%), пластины с усеченными ретушью концами (5%), орудия с выемками (4%), геометрические микролиты (6%).

Среди 120 скребков (рис. 120, *4*, *5*, *7—9*) — концевые, преимущественно на ножевидных пластинах (51 экз.), высокой формы на отщепах (5 экз.), нуклевидные (5 экз.). Много выразительных обломков концевых скребков (53 экз.). Резцов 91 экз. Преобладают срединные (37 экз.) и угловые (24 экз.) резцы на пластинах. Боковые резцы на пластинах представлены 28 экз. (рис. 120, *6*, *12—14*). Пластинки с притупленным краем (65 экз.) различны по характеру обработки (рис. 121, *1—3*, *6—8*, *10—15*); две пластины притуплены не только по краю, но и по одному из концов, пять пластин с притупленным краем уплощены на обоих концах со стороны брюшка. Остальные 57 имеют только притупленный край. Среди острий (25 экз.) сериями представлены острия с притупленной спинкой разнообразных очертаний (13 экз., рис. 120, *16*, *17*, *20*) и острия, ретушированные по обоим краям (7 экз., рис. 121, *18*, *19*, *21*, *22*). У трех острий рабочий конец подправлен рабочей ретушью с брюшка. Четыре острия имеют основание, обработанное притупляющей ретушью со спинки.

Среди пластин с усеченными ретушью концами (27 экз.) преобладают орудия со скошенным концом (22 экз., рис. 121, *20*, *26*, *27*, *28*). Выразительную серию образуют пластинки с выемками (22 экз.).

Большую и разнообразную группу орудий составляют геометрические вкладыши (30 экз., рис. 121, *2*, *5—9*). Среди них 18 трапеций, семь — подпрямоугольной формы, пять сегментов. И трапеции, и сегменты имеют высокие пропорции, их типология достаточно разнообразна, семь трапеций характеризуются очень узкой ретушированной вершиной, четыре из которых имеют на ней выемку, три трапеции отличаются более длинной неретушированной вершиной, три трапеции имеют вогнутые боковые грани. Среди сегментов обращает на себя внимание маленький, правильной формы массивный сегмент, обработанный встречной ретушью. В комплексе встречены также кремневые ножи, проколки, комбинированные орудия, четыре рубящих орудия на гальках. Уникальные плоские биконические костяные наконечники копий (16 экз.). Они изготовлены из расколотых трубчатых костей лошади и достигают длины 17 см. Вместе с ними встречены костяные проколки и лощила. Интересна подвеска из резца лошади со сверлиной.

Для точной датировки поселения Сатанай нет твердых оснований. А. А. Формозов по общему облику кремневого инвентаря относит материал из навеса к концу позднего палеолита и стадиально сопоставляет его с Гварджилас-Клде в Закавказье. Вместе с тем он отмечает, что некоторые признаки собирательства на поселении указывают на кризис палеолитической системы хозяйства. По его мнению, «Губский навес 7 открывает ряд микролитических памятников северо-западного Кавказа, относящихся уже к эпохе мезолита и неолита» (*Формозов А. А.*, 1965, с. 52). Х. А. Амирханов относит памятник к концу позднего палеолита — началу мезолита (*Любин В. П. и др.*, в печати).

Единственным веским аргументом в пользу датировки памятника поздним плейстоценом является абсолютное преобладание костей дикой лошади в культурном слое. Набор орудий, за исключением геометрических микролитов, не противоречит позднепалеолитической датировке. Однако трапеции и сегменты по форме и технике обработки сближаются уже с мезолитическими, а сегмент со встречной ретушью находит аналогии и в неолитических комплексах Закавказья.

Сейчас близкие поселению Сатанай по времени и культуре памятники исследованы в Руслановой пещере и Губском навесе 1, слой I. Насколько можно судить по небольшому материалу из неразрушенной части слоя, близки им и позднепалеолитические слои Монашеской пещеры, вычищенные из нее в средние века (*Амирханов X. А.*, 1977б, с. 110).

В окрестностях Губских навесов на одном из известняковых карнизов Борисковского ущелья найдены также рисунки, возможно, позднепалеолитического времени. Это — покрытые охрой отпечатки рук. Контур рисунков процарапан или выбит на камне. Стилистически они напоминают палеолитические рисунки из пещер Франции и Испании и отличаются от известных на Северном Кавказе рисунков более поздних эпох (*Формозов А. А.*, 1965, с. 52, 53).

Таким образом, на северо-западном Кавказе полнее других исследованы три позднепалеолитических памятника. Каменномостская пещера характеризует начало позднего палеолита, второй слой Губского навеса 1 — его середину, навес Сатанай — конец позднего палеолита и начало мезолита. В свое время автор на материалах навеса Сатанай выделил на северо-западном Кавказе своеобразную Губскую культуру (*Бадер Н. О.*, 1965). Сейчас она нашла подтверждение в Руслановой пещере и Губском навесе 1 (слой 1).

Как было показано, комплексы Каменномостской пещеры, Губского навеса 1 (слой 2) и навеса Сатанай во многом своеобразны и между ними трудно сейчас установить прямую генетическую связь. Х. А. Амирханов считает, что они разнокультурны и отражают передвижения позднепалеолитических коллективов на Северном Кавказе и соседних степях

(*Амирханов Х. А.*, 1977а, с. 26; 1977б). Такая точка зрения правомерна, однако нуждается еще в проверке на одновременных памятниках.

В центральной части Северного Кавказа известен один многослойный памятник мезолитического — позднепалеолитического времени — грот Сосруко. К сожалению, позднепалеолитический материал пока не изучен и не опубликован (*Замятнин С. Н., Акритас П. Н.*, 1957а, с. 431—452; 1957, с. 471—474). Грот находится в Кабардино-Балкарии, на правом берегу р. Баксан, между селениями Былым и Лашкута. Он расположен у подножия отвесной известняковой скалы на высоте 60—64 м над современным уровнем воды и увязан со второй надпойменной террасой. Раскоп и шурф в основании раскопа вскрыли отложения на глубину 14,2 м. Описаны три вскрытых пачки слоев: щебень с гумусом (слой А, мощность 1,8 м, остатки раннесредневекового времени), светлобурая глина с незначительным количеством щебня и крупными глыбами известняка (слой В, мощность 4 м, содержит культурные слои М1—М5 мезолитического времени), зеленовато-желтая супесь с мелкими валунчиками и галькой (слой С, содержит культурные слои М6 и М7). Небольшой материал слоя М5 в основании толщи В содержит ряд позднепалеолитических признаков, не характерных для более поздних мезолитических слоев. Коллекция из слоев М6 и М7 очень мала. Нижний культурный слой на глубине 10,6 м дал выразительный позднепалеолитический материал с полиэдрическими резцами и нуклевидными скребками. Точную дату и культурную принадлежность комплекса предстоит еще определить. На глубине 12 м начался стерильный слой гальки, который пройден до 14,2 м; его основание не достигнуто.

Поселение Чох — единственный широко исследованный памятник каменного века в восточной части Северного Кавказа. Расположен близ с. Чох Гунибского р-на Дагестанской АССР, в бассейне р. Андийское Койсу. В. Г. Котович, открывший и впервые исследовавший поселение, выделил на нем шесть культурных слоев — два мезолитических и четыре позднепалеолитических (*Котович В. Г.*, 1964). А. А. Формозов датировал 1—5 слои различными этапами мезолита, а небольшой материал из слоя 6 считал возможным отнести к концу позднего палеолита (*Формозов А. А.*, 1963, с. 184, 185). Разделял эту точку зрения и автор (*Бадер Н. О.*, 1965, с. 14, 15). Недавние комплексные работы на поселении показали, что культурные отложения находятся в толще 12-метровой террасы. Позднеплейстоценовый аллювий в ее основании стерилен. Все культурные слои лежат в перекрывающих его склоновых отложениях и по содержащейся в них пыльце относятся к голоцену. Такая датировка хорошо согласуется с микролитическим характером инвентаря и заставляет отнести поселение к мезолиту (*Амирханов Х. А., и др.*, 1984).

При большом разнообразии позднепалеолитическая культура Кавказа имеет много общего и тяготеет к Ближнему Востоку. Памятники Кавказа, Загра, Леванта проявляют известное сходство и могут быть объединены сейчас в переднеазиатскую область своеобразного развития культуры. Она отличается от культур Северной Африки на юге, Средней Азии на востоке, южнорусских степей на севере, хотя Приазовье и могло испытывать определенное влияние с юга (*Гвоздовер М. Д.*, 1967, с. 82—100).

На Кавказе сейчас могут быть определенно выделены имеретинская и губская культуры. Их локальное своеобразие особенно ярко проявляется в специфичных для каждого региона типах острий и вкладышей. Для имеретинской культуры в Западном Закавказье характерны пластинки таро-клде, острия сакажия, острия гварджилас-клде, наконечники зарзийского типа, низкие асимметричные треугольники и сегментовидные острия, веретенообразные костяные наконечники и гарпуны. Губскую культуру на западе Северного Кавказа определяют своеобразные острия, обработанные круговой притупляющей ретушью, широко распространенные вкладышевые пластинки с притупленной спинкой, в том числе с усеченными крутой ретушью и уплощенными с брюшка концами, двусторонние костяные наконечники, своеобразной формы высокие трапеции и сегменты мезолитического облика. Если имеретинская культура, насколько можно судить, развивается преемственно на протяжении всего позднего палеолита, то губская относится сейчас к концу позднего палеолита — началу мезолита. Поселения Чох и чохская культура в восточной части Северного Кавказа целиком относится к мезолиту. Можно ожидать, однако, что ее истоки уходят в не известные пока позднепалеолитические памятники того же района.

Небольшие комплексы из Джаткрана и Нурнуса в бассейне Занги не дали пока ни характерных форм острий, ни вкладышей. В недостаточно еще исследованных памятниках Черноморского побережья (Холодный грот, Ахштырь, Навалишено, Широкий мыс) острия встречаются реже и менее разнообразных форм, чем в Имеретии, низких геометрических микролитов практически нет. Вкладышевые орудия представлены разнообразными пластинами с притупленной спинкой, а в более позднее время — высокими геометрическими вкладышами. Однако пластинки с притупленной спинкой из Холодного грота и Широкого мыса различны типологически. Распространение же высоких геометрических микролитов в позднепалеолитических слоях Холодного грота предстоит еще уточнить.

Интересно, что различия между культурами Кавказа резче прослеживаются в конце позднего палеолита. По-видимому, возникнув, они развивались достаточно самостоятельно. Намечается сейчас и некоторая обособленность культур Северного Кавказа и Закавказья. Они были разделены Главным Кавказским хребтом, который в вюрме был покрыт льдом. На Черноморском побережье Кавказа и на Северном Кавказе улавливаются следы передвижений и культурных связей населения.

Культура Ближнего Востока также не может сейчас считаться монолитной (*Бадер Н. О.*, 1966, с. 135—143). Памятники Имеретии проявляют сходство с барадостской и зарзийской культурами и отличаются от культуры Леванта. Территории бытования имеретинской и барадостской культур разделяют не более 600 км по прямой. Горы не могли быть непроходимым барьером для подвижных групп первобытных охотников. Многие этнографические и археологические примеры говорят о том, что различные культурные и исторические связи между племенами

могли осуществляться на большие расстояния.

Барадостская культура выделена на материалах Шанидара, слой С (*Solecky R.*, 1957). Мощность слоя достигает 3,5 м. К сожалению, материал не расчленен на горизонты и должен рассматриваться суммарно.

Близкие аналогии Шанидар С находит в Сакажия и других памятниках Имеретии. Тут и там широко распространены резцы, в том числе многофасеточные, нуклевидные скребки, близкие типы острий и вкладышей. Наиболее специфичны резцы. Д. Гаррод выделила в Шанидаре С своеобразную группу многофасеточных резцов барадостского типа. Все они, вне зависимости от заготовки и формы, подправлены плоскими сколами со стороны брюшка. По-видимому, правильнее говорить не о барадостском типе резца, а о барадостской технике оформления резцового скола. Это техника широко распространена и в Сакажия.

Большая серия острий и вкладышевых пластин из Шанидара происходит, по имеющейся документации, из эпипалеолитического слоя В, однако некоторые типы по технике изготовления и даже форме находят близкие аналогии в Имеретии. Кажется вполне вероятным, что, по крайней мере, часть этих орудий попала в слой В случайно и в действительности происходят из слоя С. Таковы крупные сегментовидные острия, острия с закруглением или прямо срезанным крутой ретушью основанием. Скорее всего истоки богатой микролитической техники верхних слоев лежат в позднепалеолитическом слое С.

В Шанидаре собрана и достаточно выразительная коллекция обработанной кости, в том числе веретенообразные наконечники из рога. На Кавказе такие орудия найдены в Сакажия и Самерцхле-Клде.

Зарзийская культура также была выделена по единственному памятнику — гроту Зарзи около Сулеймании — и относится уже к самому концу позднего палеолита — началу мезолита (*Garrod D. A. E.*, 1930). Хронологический и культурный разрыв между барадостскими и зарзийскими комплексами велик. В коллекции Зарзи большая серия нуклевидных скребков, есть боковые и угловые резцы, однако преобладают уже пластины с выемками. Серии острий на пластинах и пластин-вкладышей невелики, но выразительны. Среди них сегментовидные и подтреугольные вкладыши. Наиболее специфичны два наконечника на пластине с боковой выемкой на черешке и подработкой концов со стороны брюшка уплощающей ретушью, которые и дали название наконечникам зарзийского типа. Как говорилось, такие наконечники типичны и для кавказских памятников.

Границы барадостской и зарзийской культур в Загре и имеретинской культуры в Закавказье будут еще уточнены по мере накопления материала. Трудно допустить существование на этой обширной территории одной культуры. Однако намеченные конкретные параллели скорее всего могли возникнуть в результате каких-то конкретно-исторических связей.

Своеобразие локальной культуры может объясняться единством происхождения, постоянными культурными контактами, которые легко допустить на ограниченной территории, т. е. в конечном счете общностью населения. Труднее охарактеризовать археологически, а главное объяснить существование таких крупных общностей, какой является переднеазиатская культурная область. Она охватывает огромную, географически неоднородную, расчлененную территорию. Каждая из культур, на которые распадается область, развивается достаточно обособленно, вопросы их происхождения, конкретных связей и передвижений населения пока слабо документируются фактами.

Позднепалеолитический человек вел охотничий образ жизни. Большое количество относительно мелких не стадных животных в списках охотничьей фауны многих позднепалеолитических стоянок Кавказа говорит о том, что обычно охота велась небольшими группами. На ряде стоянок преобладают остатки пещерного медведя (Ахштырь, Навалишено), лошади (Губский навес VII) или бизона (Сакажия, Самерцхле-Клде). Очевидно, при благоприятных условиях охота становилась специализированной. На лошадь, бизона и других стадных животных можно было охотиться загоном большими коллективами. Очень интересна находка раковин Helix в Навалишено (*Замятнин С. Н.*, 1961, с. 102) и Губском навесе VII. По-видимому, собирательство на Кавказе достигло заметного развития уже в позднем палеолите.

Долговременные поселения, каким, например, было поселение в пещере Сакажия, позволяют судить о высокой организации коллективов первобытных охотников, однако они практически ничего не дают для его конкретной оценки. Большинство исследователей реконструируют родо-племенные отношения в позднем палеолите на основании анализа вариантов культуры. Такая точка зрения правомерна и безусловно перспективна. Однако нельзя не учитывать, что выявленные сейчас позднепалеолитические культуры, например, имеретинская, обычно развивались преемственно на протяжении тысячелетий, охватывают значительную территорию и не могут поэтому прямо отражать племенное деление. Скорее это этнические или историко-культурные общности, которые могли объединять группы племен.

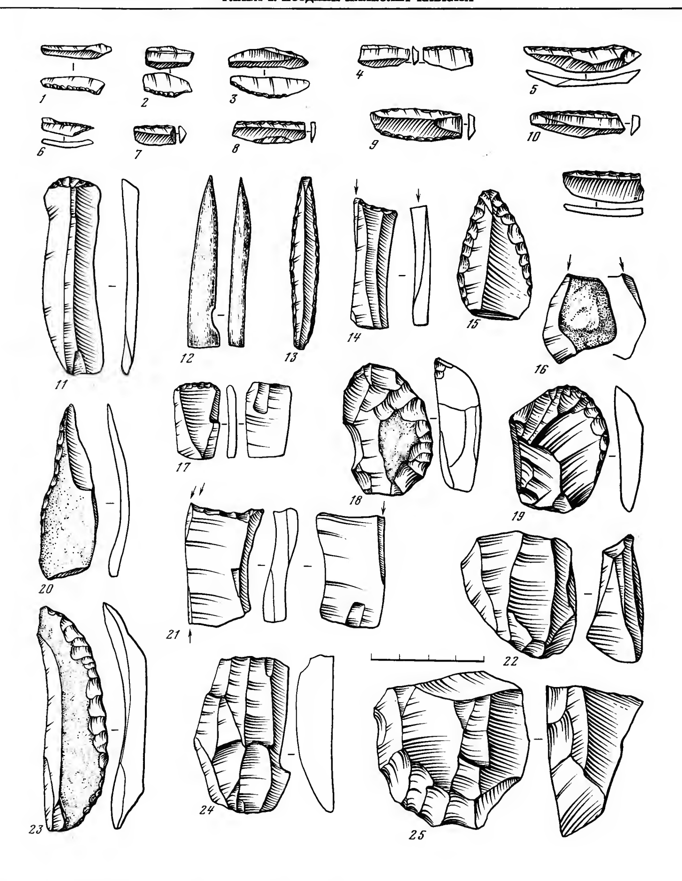

Рис. 109. Таро-Клде. Характерные формы орудий. Коллекция Государственного музея Грузии. Раскопки С. А. Круковского

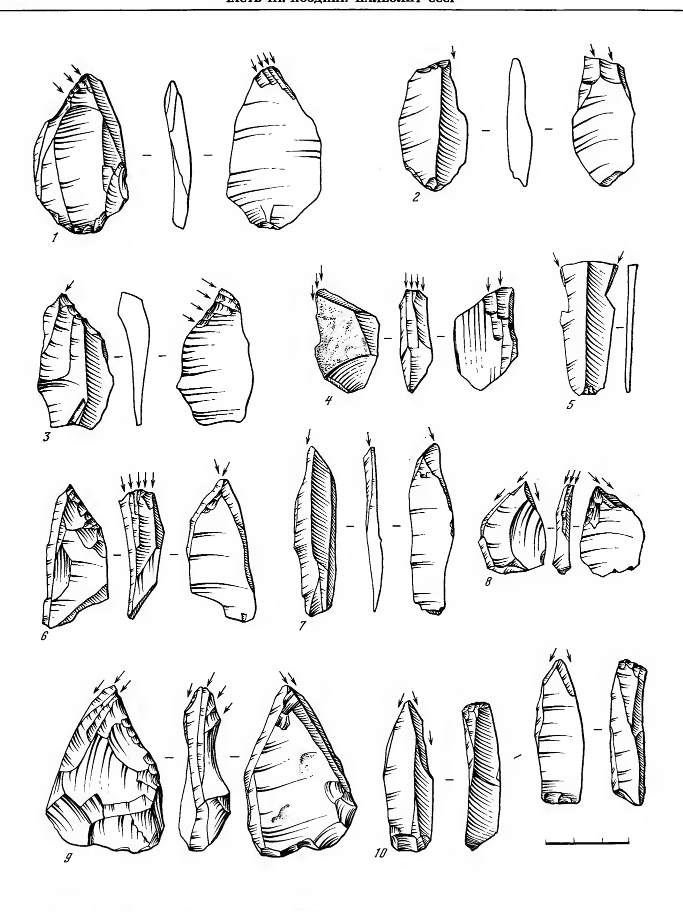

Рис. 110. Сакажия. Характерные формы резцов. Коллекция государственного музея Грузии. Раскопки Г. К. Ниорадзе

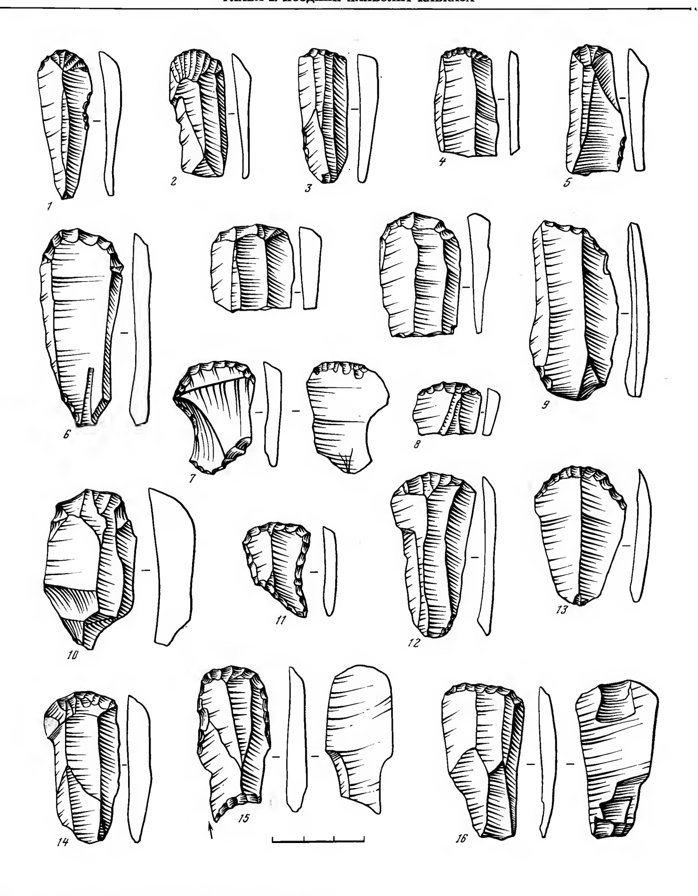

Рис. 111. Сакажия. Характерные формы скребков. Коллекция Государственного музея Грузии. Раскопки Г. К. Нioрадзе

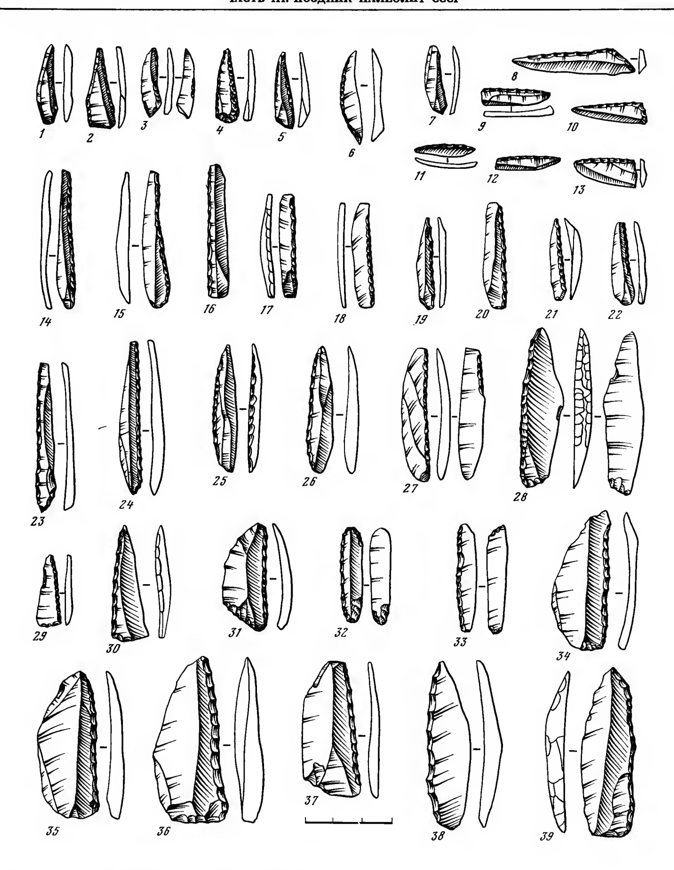

Рис. 112. Сакажия. Характерные формы острий и микролитов. Коллекция Государственного музея Грузии. Раскопки Г. К. Ниорадзе

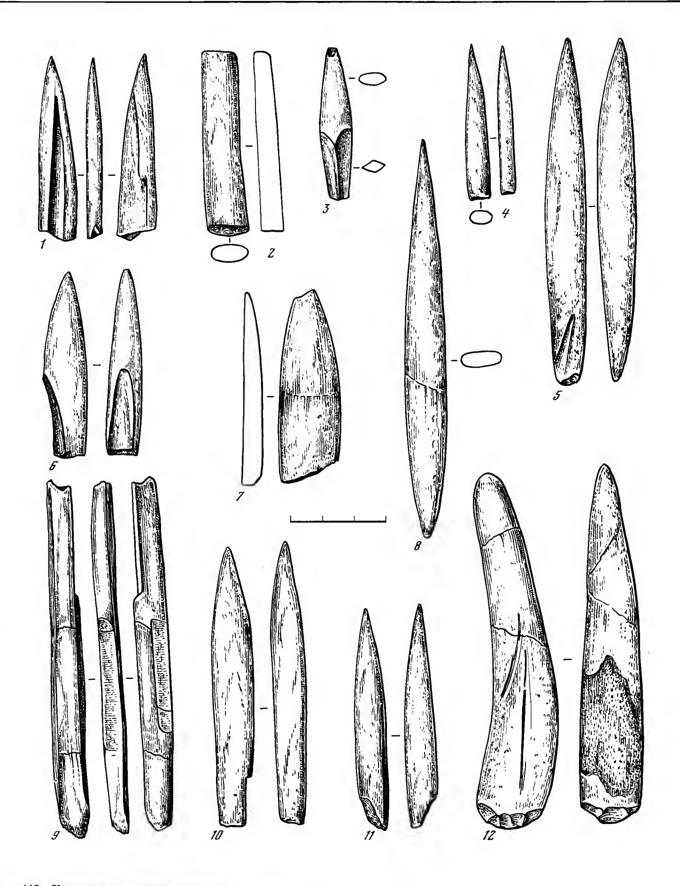
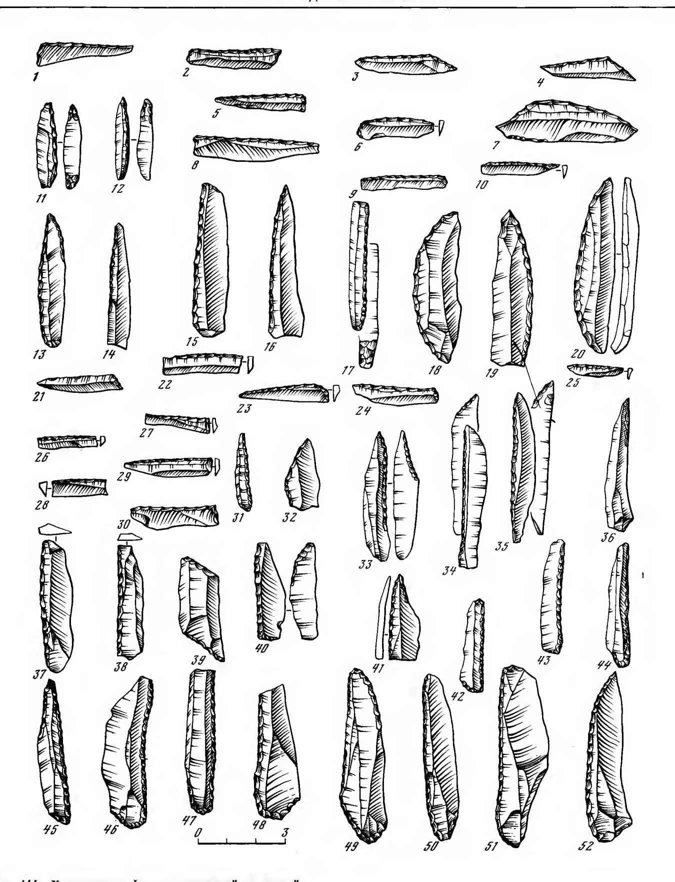

Рис. 113. Костяные и роговые орудия

1, 3, 6, 10, 11 — Сакажия; *2, 4* — Гварджилас-Клде; *5, 7, 9* — Мгвимеви; *8* — Самерцхле-Клде; *12* — Девис-Хврели. Коллекция Государственного музея Грузии

Рис, 114. Характерные формы вкладышей и острий

1—20 — Девис-Хврели. Коллекция Государственного музея Грузии, раскопки Г. К. Ниорадзе; *21—52* — Мгвимеви. Коллекция Государственного музея Грузии. Раскопки Н. З. Киладзе (Бердзенишвили)

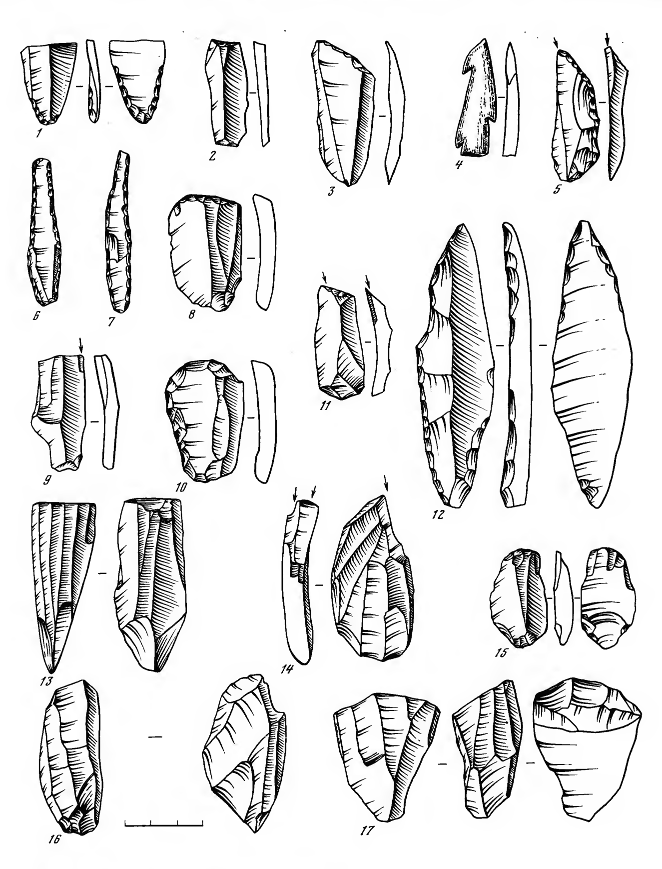

Рис. 115. Гварджилас-Клде. Характерные формы орудий, Коллекция Государственного музея Грузии. Раскопки С. А. Круковского и Д. М. Тушабрамишвили

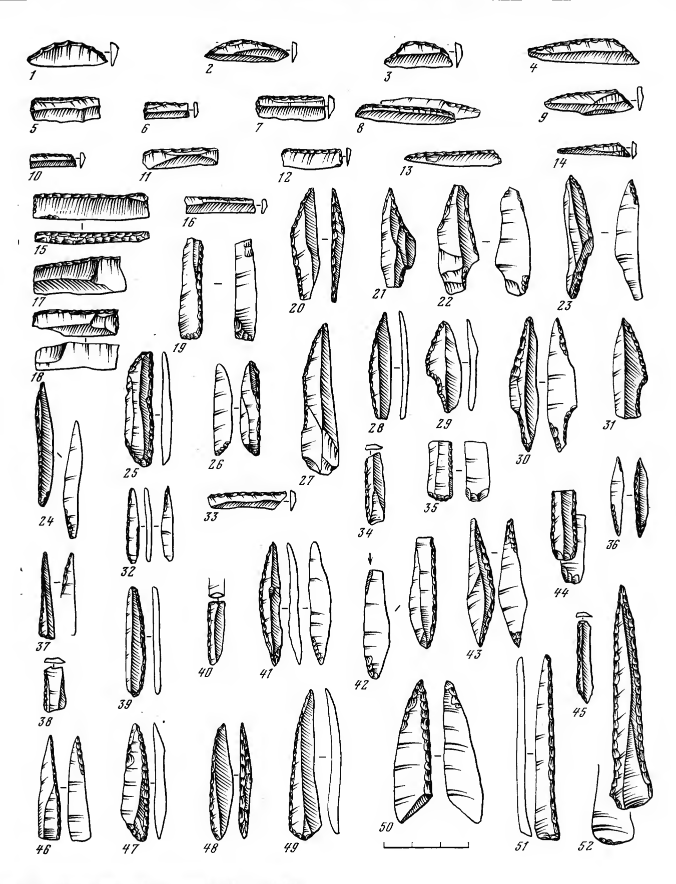

Рис. 116. Характерные формы вкладышей и острий

1—28, 32—52 — Гварджилас-Клде. Коллекция Государственного музея Грузии. Раскопки С. А. Круковского и Д. М. Тушабрамишвили; *29, 31* — Квачара; *30* — Чахати

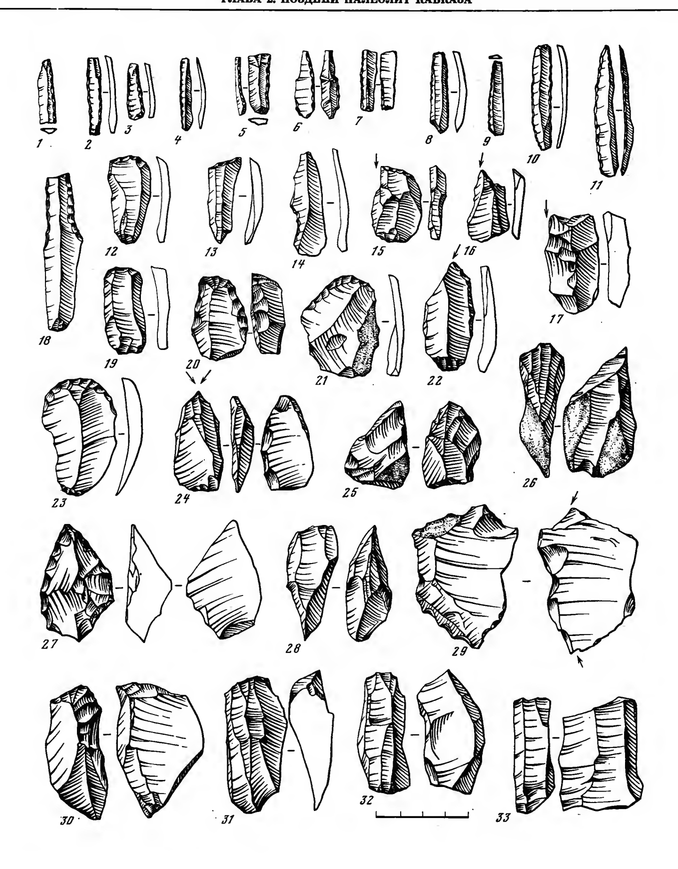

Рис. 117. Апианча. Характерные формы орудий из поздне-палеолитических слоев. Раскопки Л. Н. Соловьева. Коллекции Сухумского исторического музея

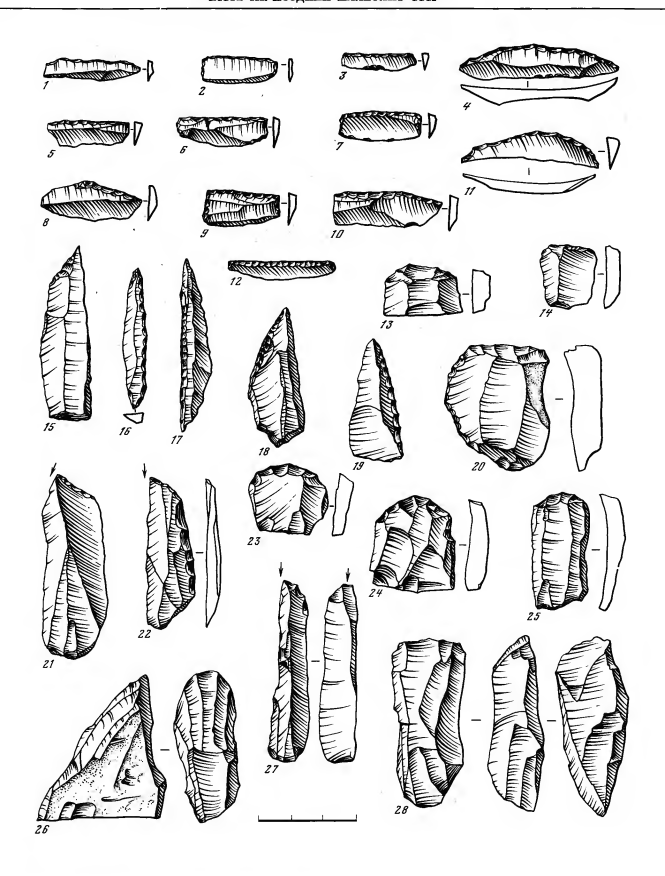

Рис. 118. Холодный грот. Характерные формы орудий из слоев В, Г. Раскопки Л. Н. Соловьева. Материал выделен по типологическому принципу. Коллекция Сухумского исторического музея

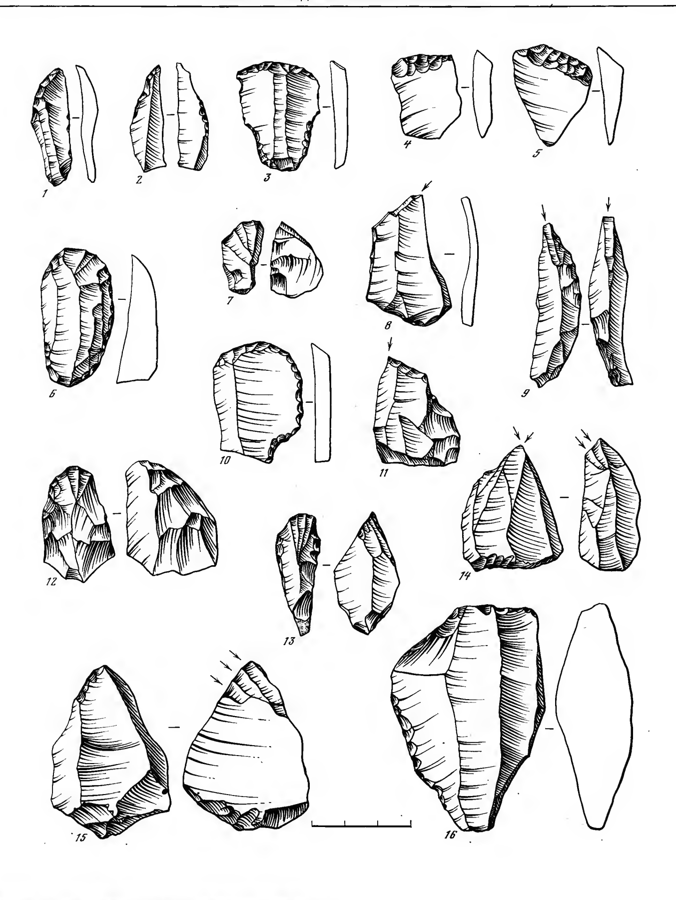

Рис. 119. Губский навес I. Слой 2. Характерные формы орудий. Раскопки П. У. Аутлева. Коллекция Майкопского исторического музея

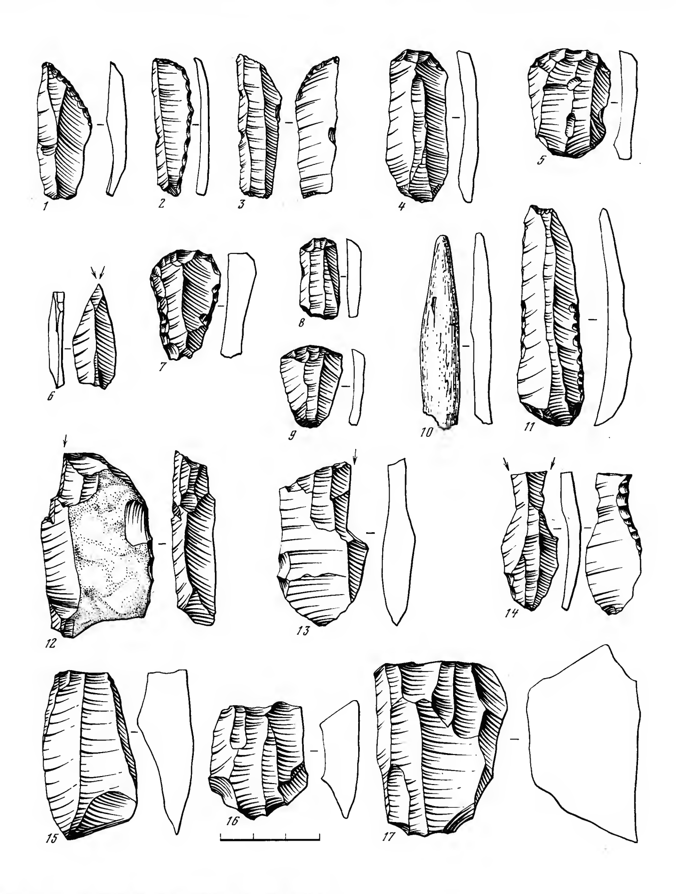

Рис. 120. Навес Сатанай. Характерные формы орудий. Раскопки А. А. Формозова и П. У. Аутлева. Коллекция Майкопского исторического музея

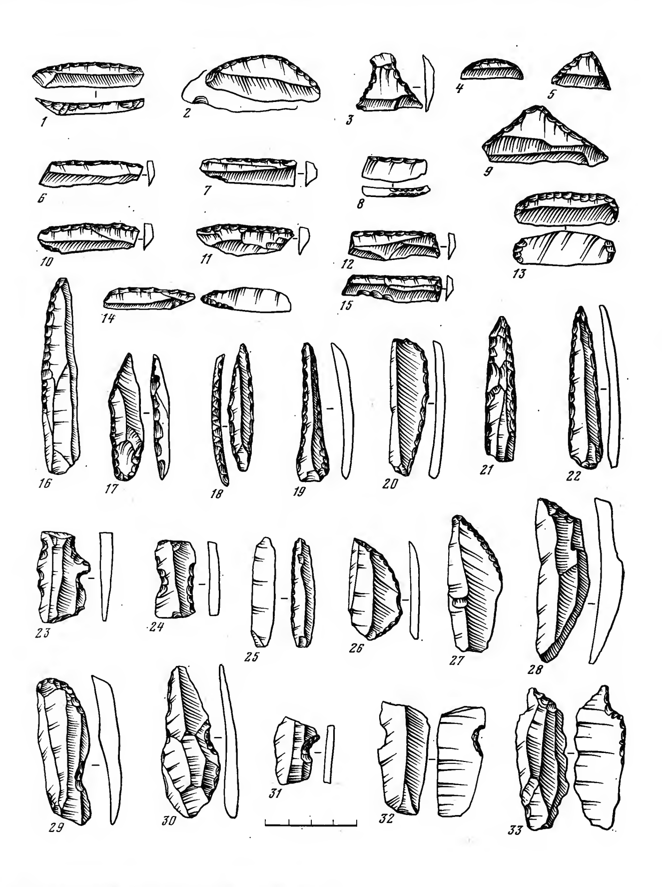

Рис. 121. Навес Сатанай. Характерные формы орудий. Раскопки А. А. Формозова и П. У. Аутлева. Коллекция Майкопского исторического музея

Глава третья

Поздний палеолит Азиатской части СССР[1]

Необъятная территория, включающая в себя Среднюю Азию, Казахстан, Западную и Восточную Сибирь, Дальний Восток, изучена далеко не равномерно (рис. 122). Поздний палеолит некоторых районов, в особенности окрестности крупных культурных центров Сибири — Иркутска и Красноярска, известен больше столетия. Количество памятников в бассейнах Ангары и Енисея умножается с каждым годом. В других районах исследование палеолита значительно возросло лишь в последние десятилетия, в третьих только начинается, четвертые представляют обширные белые пятна.

Достаточно сказать, что уже в 1871 г. при постройке военного госпиталя в г. Иркутске были найдены каменные и костяные орудия вместе с костями четвертичных животных. Эта первая не только в Сибири, но и во всей России находка была по достоинству оценена изучавшим ее известным геологом И. Д. Черским. Однако в дальнейшем материалы были утрачены и судить о них можно лишь по публикациям И. Д. Черского и А. С. Уварова.

Отмечая основные вехи в изучении палеолита Северной Азии, в первую очередь следует упомянуть деятельность И. Т. Савенкова. Этот страстно влюбленный в археологию инспектор школьных училищ открыл и в течение многих лет, начиная с 1883 г., изучал палеолит Енисея. Особенно много внимания уделял И. Т. Савенков исследованию палеолитических стоянок на Афонтовой горе в г. Красноярске.

С 1895 г. сборы каменных изделий на песках Забайкалья начали ученик И. Т. Савенкова А. Н. Мостиц и другие сотрудники только что организованного силами энтузиастов Кяхтинского краеведческого музея, до сих пор одного из лучших музеев Сибири.

В 1896 г. Н. Ф. Кащенко на высоком научном уровне произвел раскопки кратковременного стойбища охотников на мамонта в Лагерном саду г. Томска. До революции был сделан еще ряд открытий в Забайкалье, на Ангаре, Енисее, на Алтае.

Новый этап исследований палеолита, начавшийся после установления Советской власти в Сибири, связан с именами В. И. Громова, Н. К. Ауэрбаха, Г. П. Сосновского, широко изучавшими палеолит Енисея и наряду с разведочными работами продолжавшими раскопки поселений на Афонтовой горе, на р. Бирюсе, у Переселенческого пункта и др.

Каменный век Забайкалья продолжали исследовать П. С. Михно, С. Н. Лаптев, Г. Ф. Дебец, Г. П. Сосновский, впервые установивший палеолитический возраст находок. Позже Г. П. Сосновский, не оставляя своих работ на Енисее, много внимания уделял палеолиту Алтая, а также первым палеолитическим находкам на территории Тувы и Казахстана. Следует подчеркнуть ведущую роль Г. П. Сосновского в изучении палеолита Сибири в этот период. Он был не только полевым археологом, открывшим и тщательно исследовавшим многие важные памятники. Он безукоризненно публиковал их и его перу принадлежит первый труд, обобщивший итоги изучения палеолита Северной Азии и наметивший проблемы и пути дальнейшего исследования (*Сосновский Г. П.* 1934; см. также: *Абрамова З. А.* 1981б).

Замечательным событием в истории исследования палеолита Северной Азии явилось открытие в 1928 г. стоянки у с. Мальта на р. Белой. Раскопками М. М. Герасимова здесь были обнаружены жилые комплексы, своеобразный кремневый и костяной инвентарь, произведения искусства. В конце 30-х годов А. П. Окладников открыл и исследовал стоянку Буреть, прямой аналог Мальты.

А. П. Окладниковым особенно много сделано в изучении палеолита Северной Азии. Еще в 1927 г. он отметил первые палеолитические находки на берегах р. Лены, позже провел на Лене детальную разведку и впервые доказал освоение севера палеолитическим человеком. В 50-х годах строительство мощных Иркутской и Братской гидроэлектростанций позволило А. П. Окладникову организовать крупные экспедиции на Ангаре. Наряду с памятниками других эпох изучались и палеолитические стоянки. Много внимания уделяет А. П. Окладников изучению палеолита Забайкалья, Алтая и Дальнего Востока. За последние годы начались исследования палеолитических памятников Западной Сибири.

С 1960 по 1974 г. велись работы новостроечной Красноярской экспедиции на Енисее под общим руководством М. П. Грязнова. Отрядом З. А. Абрамовой раскопаны на широкой площади стоянки у д. Кокорево, Аешка, Новоселово и на речке Таштык. Стоянку Кокорево IV исследовал С. Н. Астахов, уникальную многослойную стоянку (палеолит—мезолит—неолит) на р. Бирюсе — Н. Н. Гурина и Л. П. Хлобыстин.

В 1965 г. в составе второй крупной новостроечной экспедиции на Енисее — Саяно-Тувинской — начал работать отряд под руководством С. Н. Астахова, открывший и исследовавший ряд палеолитических стоянок в Туве и Саянском каньоне.

Наряду с работами крупных новостроечных экспедиций и экспедиций Сибирского отделения АН СССР (А. П. Деревянко, В. Е. Ларичев, Н. Д. Оводов. В. И. Молодин) большой вклад в изучение палеолита Северной Азии внесли и продолжают вносить сотрудники местных учреждений: В. Ф. Генинг и В. Т. Петрин в Западной Сибири; Б. Х. Кадиков и О. М. Адаменко на Алтае; С. В. Маркин на р. Томи; А. Н. Липский в Минусинской котловине; Н. И. Дроздов на Среднем Енисее и Нижней Ангаре; группа

[1] Глава написана на основе публикаций многих исследователей и материалов, полученных при раскопках автора. Автор глубоко благодарен А. П. Окладникову, В. Е. Ларичеву, Г. И. Медведеву, М. П. Аксенову, С. Н. Астахову, В. А. Ранову, М. В. Константинову, И. И. Кириллову за возможность просмотреть некоторые неопубликованные материалы.

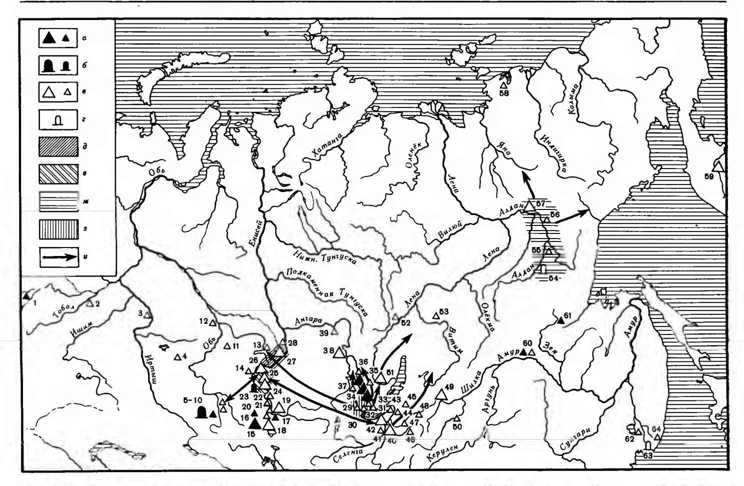

Рис. 122. Карта палеолитических памятников Сибири и Дальнего Востока

а — раннепалеолитические стоянки открытого типа; крупные знаки – группы памятников; мелкие знаки – единичные памятники; *б* – раннепалеолитические пещеры или гроты; крупные знаки — группы памятников; мелкие знаки — единичные памятники; *в* — позднепалеолитические стоянки открытого типа; крупные знаки — группы памятников; мелкие знаки — единичные памятники; *г* — позднепалеолитические пещеры или гроты; *д* — афонтовская культура; *е* — кокоревская культура; *ж* — дюктайская культура; *з* — мальтинско-буретская культура; *и* — направление культурных связей.
1 — Мысовая; *2* — Шикаевка; *3* — Черноозерье; *4* — Волчья Грива; *5* — пещера Страшная; *6* — пещера Усть-Канская; *7* — Денисова пещера; *8* — Туэкта; *9* — Улалинка; *10* — Сростки; *11* — Томская; *12* — Могочино; *13* — Ачинская; *14* — Малая Сыя; *15* — Саглы; *16* — Чинге-Даг-Ужу; *17* — Шагонар; *18* — Хемчик; *19* — Улуг-Бюк, Порог 1; *20* — Демир-Суг; *21* — Кантегир; *22* — Голубая; *23* — Двуглазка; *24* — Таштык; *25* — Кокорево; *26* — Новоселово; *27* — Афонтова Гора; *28* — Дружиниха; *29* — Мальта; *30* — Сосновый Бор; *31* — Верхоленская Гора; *32* — Буреть; *33* — Гора Глиняная и др.; *34* — Гора Старая и др.; *35* — Игетейский Лог; *36* — Красный Яр; *37* — Федяево; *38* — Братск; *39* — Усть-Кова; *40* — Усть-Кяхта; *41* — Зарубино; *42* — Няньги, Номохоново; *43* — Ошурково; *44* — Варварина гора; *45* — Санный Мыс; *46* — Студеное; *47* — Толбага; *48* — Куналей; *49* — Сохатино; *50* — Икарал; *51* — Макарово; *52* — Частинская; *53* — Авдеиха; *54* — Дюктайская пещера; *55* — Верхнетроицкая; *56* — Эжанцы; *57* — Ихине; *58* — Берелех; *59* — Ушковские стоянки; *60* — Кумары; *61* — Филимошки; *62* — Осиновка; *63* — пещера Географического общества; *64* — Устиновка

археологов Иркутска во главе с Г. И. Медведевым и М. П. Аксеновым на Ангаре и Верхней Лене; В. Х. Шамсутдинов, И. И. Кириллов, М. В. Константинов в Забайкалье; Ю. А. Мочанов и А. Н. Алексеев в Якутии; Н. Н. Диков на Камчатке; Э. В. Шавкунов, Ж. В. Андреева, А. М. Кузнецов на Дальнем Востоке.

Опубликованный в 1968 г. труд А. П. Окладникова «Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита» обобщил на новом этапе достижения советских археологов в области изучения дневнейшего прошлого Северной Азии.

Поздний палеолит Средней Азии и Казахстана известен пока еще слабо по сравнению с широко изученными здесь мустьерскими памятниками. Это обстоятельство трудно объяснить слабой исследованностью региона, но вместе с тем число позднепалеолитических местонахождений медленно, но верно растет, и это дает основания для оптимистических прогнозов. Данных о неблагоприятных условиях для заселения Средней Азии во второй половине верхнего плейстоцена нет. Возможны два предположения: или памятники разрушены природными процессами, или залегают в лессовых толщах на большой глубине и открытие их — дело счастливого случая.

Первая позднепалеолитическая стоянка на этой территории была открыта Н. Г. Харламовым в 1939 г. в г. Самарканде. Эта Самаркандская стоянка исследовалась М. В. Воеводским с В. В. Шумовым и в особенно широких масштабах Д. Н. Левом, затем Е. Н. Амарцевой и М. Д. Джуракуловым. Установление здесь трех непотревоженных культурных слоев с богатым инвентарем и остатками фауны до сих пор сохраняет за этой стоянкой первостепенное значение.

Из 30 других стоянок позднего палеолита Средней Азии, отмеченных В. А. Рановым (*Ранов В. А., Не-*

смеянов С. А., 1973) и представляющих поверхностные сборы, следует упомянуть стоянку Ходжа-Гор, найденную А. П. Окладниковым в 1954 г. на границе Таджикистана и Киргизии. Тесное сотрудничество В. А. Ранова с геологами привело к открытию двух важных стоянок: в 1968 г.— стоянки Шугноу на подступах к Памиру с 4 культурными слоями и в 1977 г.— стоянки Худжи в Гиссарской долине, культурный слой которой содержит каменный инвентарь, переходный от эпохи мустье к эпохе позднего палеолита.

Исследование позднего палеолита Казахстана, если не учитывать находок отдельных предметов, началось в 1950 г., когда С. С. Черниковым были открыты две стоянки — у д. Пещеры на р. Бухтарме и у д. Ново-Никольское на правом берегу Иртыша. Затем последовали работы Х. А. Алпысбаева в Южном Казахстане (Ачисайская стоянка на Турланском перевале, стоянки у оз. Соркуль и на р. Усыктас); А. Г. Медоева в Северном Прибалхашье (бассейн р. Туранги, горы Тюлькули и Семизбугу); М. Н. Клапчука также в Центральном Казахстане (Батпак 7, Карабас 3, Ангренсор 2).

Освоение мустьерцами Центрального Казахстана, видимо, имело место в условиях влажного и теплого плювиала, связанного со временем каргинского межледниковья. Все большее число сторонников получает точка зрения, что в Западной Сибири влажные плювиальные фазы приходятся по времени на межледниковья, а аридные фазы — на ледниковые периоды (*Архипов С. А., Волков И. А., Волкова В. С.*, 1965). Ту же закономерность отметил М. Н. Алексеев и для Восточной Сибири, Внутренней Монголии и Северного Китая (*Алексеев М. Н.*, 1964).

Установлено, что после каргинского межледниковья наступило быстрое и сильное всеобщее похолодание и аридизация климата. Обводненность территорий Казахстана и Монголии резко уменьшилась. Для Казахстана это отчетливо показали работы М. Н. Клапчука, основанные на пыльцевых диаграммах (*Клапчук М. Н.*, 1968). Низменности Западной Сибири еще продолжали давать приют стадам мамонта, что доказывает огромное скопление костей этого животного на Волчьей Гриве в Барабинской степи, а также стоянка Шикаевка на севере Курганской обл.

Что касается Сибири и Дальнего Востока, то, повидимому, в связи с возрастающей аридизацией климата в более южных районах продвижение на север стад травоядных животных — основы жизни палеолитического человека — послужило толчком к широкому освоению человеком бассейнов рек верхней Оби, верхнего и среднего Енисея, Ангары, Селенги, верховьев Лены, а затем и более северных территорий.

Таким образом, в рассмотрении палеолитических памятников Северной Азии устанавливается своеобразная географическая зональность: развитие мустьерских культур к югу от 50 параллели и широкое распространение в более позднее время позднепалеолитических культур к северу от нее. С изменением природных условий, с дальнейшей прогрессивной трансформацией культур освоение новых территорий Северной Азии человеком эпохи позднего палеолита стало возможным благодаря развитию и усовершенствованию специализированного охотничьего вооружения и в целом высокой степени адаптации к окружающей среде.

Рассмотрение позднего палеолита Азиатской части СССР возможно по крупным физико-географическим подразделениям: Средняя Азия, Казахстан и Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток. Поздний палеолит каждого из этих подразделений отличается своими особенностями, в каждом намечается своя хронологическая последовательность и выделяется свой круг археологических культур.

Средняя Азия

Немногочисленные позднепалеолитические стоянки Средней Азии не могут пока еще быть расчленены хронологически, но их культурная принадлежность устанавливается более или менее отчетливо. Стоянки представлены как сборами на поверхности, так и хорошо сохранившимися культурными слоями. Из первых следует прежде всего упомянуть стоянку-мастерскую Янгаджа II на Красноводском полуострове, открытую А. П. Окладниковым в конце 40-х годов. Расщепленный камень был собран в тех же условиях, что и нижнепалеолитические изделия — у подножия останцов рыхлых отложений. Находки концентрировались на площади около 100 кв. м. Это — преимущественно желваки и гальки кремня, подготовленные и использованные как нуклеусы: дисковидные, аналогичные мустьерским, и протопризматические, несущие следы пластинчатых снятий. Последним соответствуют тонкие и длинные пластинки правильной огранки, служившие заготовками для небольших концевых скребков и тонких острий-проколок. Большой интерес вызывает наличие нуклевидных скребков, аналогичных изделиям, найденным в наиболее ранних позднепалеолитических слоях Палестины (*Окладников А. П.*, 1966а). Мастерскую у Янгаджи и некоторые отдельные находки в Южном Таджикистане В. А. Ранов объединяет в одну группу с пещерой Кара-Камар в Афганистане, называя эту группу каракамарским вариантом верхнего палеолита Средней Азии (*Ранов В. А.*, 1972а).

К той же линии развития он относит и стоянку Ходжа-Гор, которая вместе с некоторыми другими находками образует ходжагорский вариант. Стоянка находится в долине р. Исфары в Таджикистане. В широком сае в небольшой котловине имеется источник, над которым возвышаются два террасовидных уступа. На поверхности площадки первого уступа и в верхнем слое составляющего его суглинка была собрана серия изделий из белого полупрозрачного кремня высокого качества, а также из черного и зеленого кремня. Представлены хорошо выраженные призматические нуклеусы, концевые, округлые и дисковидные скребки, своеобразные острия с одним выпуклым краем, обработанным крутой ретушью и вторым острым краем без следов обработки; острия и пластинки с двумя ретушированными краями (*Окладников А. П.*, 1958, 1966а). В. А. Ранов упоминает также большое количество специализированных орудий: проколок, проверток и т. д. (*Ранов В. А.*, 1972б, с. 280). Оба исследователя отмечают существование связи или сходства этих материалов с верхним

палеолитом капсийского облика (но без геометрических микролитов).

Первая в Таджикистане многослойная позднепалеолитическая стоянка Шугноу находится на высоте 2000 м над уровнем моря в отложениях III террасы р. Яхсу (западные отроги Дарваза на подступах к Памиру). Терраса имеет здесь высоту 61 м, хорошо выраженный галечниково-песчаный цоколь и толщу лессовидных суглинков, мощность которых суммарно определяется в 15 м. По поводу характера суглинков имеются два мнения: А. А. Никонов считает, что они субаэрального происхождения и являются покровными, не связанными с подстилающим их аллювием; С. А. Несмеянов делит толщу суглинков на две части: верхняя (7 м) является покровной толщей, с ней связан мезолитический (0) и первый верхнепалеолитический горизонты, нижняя представляет сложное образование аллювиально-делювиально-пролювиального характера — люди селились на участках высоких пойм или низких надпойменных террас, которые периодически заливались водой.

Главной причиной накопления толщи были делювиальные процессы. С этой толщей связаны три культурных горизонта (2—4), лежащие соответственно на глубине 8,5, 10,0 и 11,5 м от поверхности террасы (рис. 123, *24*). Все культурные горизонты разделены стерильными прослойками. Стоянка вскрыта на общей площади около 500 кв. м, но каждый культурный горизонт занимает значительно меньшую площадь. Так, 1-й горизонт вскрыт на двух участках площадью 200 кв. м, он наиболее размыт, очажные пятна сохранились плохо. Расщепленный камень и редкие обломки трубчатых костей животных встречаются отдельными скоплениями. Наиболее насыщенный находками 2-й горизонт исследован на площади 130 кв. м. Очажные пятна имеют вид небольших углублений, заполненных золой, или участков прокаленной земли. 3-й горизонт, вскрытый на площади 90 кв. м, наименее выражен, он находится в непосредственной близости к галечнощебенчатой прослойке. Сохранились участки рабочих площадок в виде небольших скоплений первоначально расколотого камня. 4-й горизонт, исследованный на такой же площади, находится в самом основании лессовидной толщи, очажные пятна частично лежат на поверхности аллювия. Они сильно размыты. Находки очень редки. Таким образом, характер залегания остатков, отсутствие жилых комплексов и долговременных очагов свидетельствует о краткости обитания на стоянке. Каменный инвентарь также соответствует временному охотничьему лагерю (*Ранов В. А.*, 1973).

Вблизи кострищ находились немногочисленные костные остатки, принадлежавшие, по определению Э. А. Вангенгейм, лошади, быку или бизону, овце (козе). Интересно отметить, что кости лошади (Equus caballus sp.) находились во 2-м и 3-м горизонтах, кости быка или бизона (Bos sp. или Bison sp. ближе не определенные) в 1-м и 4-м горизонтах, т. е. по ним нельзя судить о климатических изменениях. Такие данные приносит первая для палеолитического памятника Средней Азии палинологическая колонка.

В аллювии 50—60-метровой террасы преобладает пыльца травянистых растений (около 70 %), состав которых свидетельствует об аридных климатических условиях. Пыльца древесных растений (до 20—30%) показывает произрастание в более увлажненных и прохладных участках арчи, платана, ясеня, ореха, лоха. Выше по разрезу, на глубине 11,0—4,5 м, где аллювиальные суглинки и супеси сменяются покровными лессовидными отложениями, пыльца древесных растений увеличивается в среднем до 50% и свидетельствует о похолодании. Первое появление людей на стоянке Шугноу сопоставляется с началом (одной из фаз?) позднеплейстоценового оледенения в окружающих горах. Видимо, начавшиеся климатические изменения в сторону похолодания вызвали снижение лесной зоны и создали, именно в верховьях долины, благоприятные условия для расселения многих животных и, следовательно, для охоты. Прохладные условия сохранялись и позднее, во время формирования других культурных слоев.

В конце времени накопления покровной лессовой толщи в разрезе примерно от 4,5 м и до поверхности террасы вновь возрастает количество пыльцы травянистых растений, ландшафт приобретает черты разнотравных полусаванн. Затем лесные ассоциации вблизи стоянки полностью исчезают, уступив место травянистым в условиях сухого и жаркого климата.

Поскольку незначительный количественно (179 экз.) материал горизонта 0 мало отличается от изделий, найденных в горизонте 1, необходимо дать его краткую характеристику. Нуклеусы — многоплощадочные, без четко обозначенных площадок, часто снятие производилось от фасетки предыдущего скола (рис. 123, *17*). Встречаются нуклеусы и более выработанных форм (рис. 123, *12*). Среди заготовок представлены пластинки правильных очертаний, в том числе микролитические. Орудия единичны: проколка из тонкой пластинки (рис. 123, *14*), скребки из округлых отщепов (рис. 123, *3*) или концевые на сечениях пластин (рис. 123, *5*).

В 1-м горизонте собрано 1772 предмета, процентное отношение категорий не указано. Одну из специфических особенностей составляют мелкие пластинки, обычно в обломках, часто сильно изогнутые в профиль и трехгранные в сечении (рис. 123, *15*). В редчайших случаях на краях таких пластинок прослеживается ретушь. Нуклеусы немногочисленны, они призматические или близкие к коническим с выпуклой рабочей поверхностью (рис. 123, *21*, *23*). Имеются плохо выраженные многоплощадочные нуклеусы мелких размеров и один очень крупный дисковидный. Значительной серией представлены нуклеусы-скребки, по терминологии В. А. Ранова, который затрудняется провести грань между нуклеусами для получения микропластинок и нуклеусами как орудиями (рис. 123, *19*, *20*). Вместе с тем есть и типичные нуклевидные скребки с хорошо выраженным высоким лезвием или даже «носиком» высокой формы. Концевые скребки изготовлены или из узких кремневых пластинок или из отщепов (рис. 123, *4*). Отмечены единичные орудия: резец на углу сломанной пластинки, пластины и отщепы с зубчатой ретушью по краю (рис. 123, *13*), скребла из крупных отщепов или осколков, острия.

Во 2-м горизонте найдено 1839 единиц расщепленного камня, значительно отличающегося от материала 1-го горизонта. Здесь много пластин длиной 7—10,5 см, встречаются очень крупные отщепы. Некото-

рые отщепы и пластины имеют боковое утолщение типа обушка — прием, который, как заметил В. А. Ранов, прослеживается в материалах значительно более поздних по времени слоев 2 и 2а Туткаула. Нуклеусы немногочисленны и плохо выражены, хотя имеются односторонние двуплощадочные (рис. 123, *18*), которым соответствуют пластинки правильных очертаний (рис. 123, *11*). Среди орудий отмечены скребловидные на пластинах и отщепах, отдельные орудия с выемками, проколки и провертки. В. А. Ранов обращает особое внимание на две серии орудий: первую составляют концевые скребки из крупных удлиненных пластин (рис. 123, *2*) и из усеченных толстых пластин (рис. 123, *1*), иногда из их сечений. Вместе с тем представлены единичные округлые скребки с ретушью по периметру. Вторая серия, количественно наиболее распространенная,— острия. Они очень разнообразны — от подлинных остроконечников с притупляющей ретушью как по одному, так и по двум краям до небольшой, но очень показательной группы острий с притупленным краем (рис. 123, *6*, *7*). Имеются острия с ретушью только одного края (рис. 123, *8*). К этому слою отнесено и характерное острие из подъемного материала.

Горизонты 3-й и 4-й дали очень мало находок. В горизонте 3-м собрано 292 изделия, среди которых основную группу составляют крупные отщепы и пластины мустьероидного облика (рис. 123, *10*, *16*). Немногочисленные нуклеусы ближе к мустьерским, чем к призматическим, но в пользу датировки слоя поздним палеолитом свидетельствует находка типичного торцового нуклеуса. В горизонте 4-м характер материала сходен, пластинчатые отщепы напоминают мустьерские (рис. 123, *22*). Всего собрано 191 изделие, орудия очень редки: острие с ретушью по краю, вогнутое скребло, несколько отщепов и пластин с небольшими выемками, обработанными мелкой ретушью.

Для 1-го горизонта имеется радиоуглеродная дата 10700±500 лет назад (ГИН—590). Археологически, по В. А. Ранову, горизонт должен соответствовать «какому-то из поздних этапов верхнего палеолита». Вместе с тем В. А. Ранов отмечает трудность датировки и из-за наличия некоторых форм изделий. Нуклеусы-скребки встречены в таких разновременных памятниках, как Самаркандская стоянка, мастерская на Красноводском полуострове и пещера Кара-Камар в Афганистане. Нуклевидные скребки, по Д. Гаррод, составляют 80% всех орудий в атлитийской фазе верхнего палеолита Ближнего Востока.

Еще более затруднительно датировать 2-й горизонт. Предлагая абсолютную дату в 25—28000 лет, с которой трудно согласиться, В. А. Ранов сам замечает, что нет никакой уверенности в этой дате. Он приводит довольно существенные аналогии с инвентарем горизонта 2а Туткаула, имеющего мезолитический возраст.

В 3-м и 4-м горизонтах проявляются мустьероидные черты инвентаря, общий облик которого близок к обирахматскому, что позволяет говорить о раннем верхнепалеолитическом возрасте, тем более что очаги 4-го горизонта, по-видимому, практически синхронны кровле аллювиальной пачки 80-метровой террасы р. Яхсу.

Учитывая такой растянутый временной диапазон, трудно понять утверждение: «В целом, четыре археологические горизонта дают одну развивающуюся во времени культуру» (*Ранов В. А.*, *Несмеянов С. А.*, 1973, с. 85). Возможно объединение в две временные группы горизонтов 1—2 и 3—4, которые могут быть разделены значительным отрезком времени, хотя острия 2—4 горизонтов не имеют существенных различий между собой.

Исключительное значение для характеристики позднего палеолита Средней Азии имеет Самаркандская стоянка. В результате многолетних работ накоплен огромный фактический материал, до сих пор не опубликованный монографически, хотя и достаточно развернуто представленный в ряде работ (*Лев Д. Н.*, 1964; 1965; 1967а, б; 1972; *Джуракулов М. Д.*, 1967, 1972; *Ранов В. А.*, 1969; *Коробкова Г. Ф.*, 1972; *Ранов В. А.*, *Несмеянов С. А.*, 1973; *Джуракулов М. Д.*, *Холюшкин Ю. П.*, *Холюшкина В. А.*, *Батыров Б. Х.*, 1980).

Стоянка находится в центре г. Самарканда на правом борту небольшого сая Чашмасаб, притока р. Зеравшан. Ниже по течению сай перегорожен плотиной, и стоянка таким образом расположена на террасовидном уступе высотой 4—5 м над уровнем искусственного озера. Первоначальная высота террасы, к которой приурочены раскопы Д. Н. Лева, над дном сая достигала, как полагают, примерно 10 м. К 1967 г. была вскрыта площадь 870 кв. м. Культурные слои связаны с верхней частью аккумулятивного чехла террасы, представленной довольно однородными лессовидными суглинками делювиального или делювиально-пролювиального происхождения, которые перекрывают русловые пески и достигают 3—4 м мощности. А. А. Юрьев (1964, с. 129) сопоставляет эти отложения с суглинками третьей, голодностепской, террасы р. Зеравшан. С. А. Несмеянов (1980, с. 46) датирует пески позднеголодностепским уровнем, а покровную толщу связывает с началом сырдарьинского (зеравшанского) этапа.

Культурные слои на разных участках имеют различную толщину и глубину залегания, они насыщены расщепленным камнем, обломками костей животных, кусочками охры, углем. Местами встречаются кострища. Согласно С. А. Несмеянову, рисуется более сложная картина залегания культурных остатков, чем представлялось ранее. Если прежде повсеместно выделялись «нижний», «средний» и «верхний» культурные слои, что предполагало наличие стерильных прослоек-перерывов между поселениями, хотя Д. Н. Лев отмечал практическую одновременность слоев, то теперь, после анализа всех данных, С. А. Несмеянов считает возможным предположить наличие одного поселения с разной интенсивностью и смещением хозяйственных центров на обитаемой площади. Поэтому культурными слоями предлагается называть некие уровни максимального заселения стоянки, где каждый уровень должен представлять собой определенную сумму сближенных и расщепляющихся прослоев ограниченного распространения. Таких культурных слоев или уровней намечено 4 (*Несмеянов С. А.*, 1980, с. 39).

Работами последних лет обнаружены культурные остатки в разрезе более высокой террасы, поверхность которой выше нижнего уступа на 6 м. В интервале глубин от 3 до 7 м встречаются палеолитические изделия, которые условно разделены на 3 слоя. С. А. Нес-

мянов сделал попытку корреляции нижней и верхней террас, затрудненную многочисленными техногенными нарушениями террасовых отложений. По общему характеру строения разрезов и по высотному положению пачек с культурными слоями и кровли аллювия сая Чашмасиаб различны, но, опираясь на спорово-пыльцевые данные (*Иванова Н. Г.*, *Несмеянов С. А.*, 1980), С. А. Несмеянов полагает, что покровная толща нижней террасы скорее всего соответствует верхам аллювия верхней террасы с двумя культурными слоями, а нижний слой верхней террасы может считаться самым древним. Ничтожно малое количество выделенных пыльцы и спор не позволило исследователям высказать суждение о развитии растительности во время существования стоянки.

Фаунистические остатки, хотя и многочисленные, в целом плохой сохранности. Они описываются в ряде работ, и если между данными Б. Х. Батырова (1969) и Д. Н. Лева (1972) имеются лишь расхождения в процентных отношениях того или иного вида, то в итоговой статье (*Джуракулов М. Д.*, *Холюшкин Ю. П.*, *Холюшкина В. А.*, *Батыров Б. Х.*, 1980) список животных дополнен новыми видами. При этом неясно, учитывается ли в этой последней работе только фауна из раскопок на нижней террасе или привлекаются и материалы, происходящие из верхней террасы. По данным Д. Н. Лева, на стоянке представлены кости лошади (Equus caballus L.) — 52,3%, кулана, или плейстоценового осла (Equus hemionus P. auf Equus hydruntinus R.), и зубра, или тура (Bison auf Bos primigenius), почти в равных количествах — 19,5 и 18,2%. Значительно меньше костей верблюда (Camelus cf. knoblochi) — 4,8%, благородного оленя (Cervus elaphus fossilis) — 3%, степного барана (Ovis cf. orientalis arcal) — 2%. По две кости принадлежали джейрану (Gazella subgutturosa G.) и степной черепахе и одна — птице (определения Н. К. Верещагина и Б. Х. Батырова; подсчет костей условен из-за плохой сохранности). Н. К. Верещагин считает лошадь — близкой к лошади Пржевальского, верблюда — к волжскому плейстоценовому.

Ныне список уточняется следующим образом: лошадь (Equus cf. przewalski P.) — 50%, плейстоценовый осел (Equus hydruntinus R.) — 17,6%, кулан (Equus hemionus P.) — 0,2%, первобытный тур (Bos primigenius B.) — 14,5%, верблюд Кноблоха (Camelus knoblochi P.) — 4,2%, бухарский олень (Cervus elaphus bactrianus L.) — 3,3%, степной баран (Ovis arcal E.) — 9,3%, джейран (Gazella subgutturosa G.) — 0,1%. Дополнен список по незначительному количеству остатков слоном или носорогом (Mammutus? auf Rhinoceros?) — 0,5% (животное представлено лишь толстостенными фрагментами трубчатых костей, по которым, однако, установлено наличие двух особей), кабаном (Sus scrofa L.) — 0,1% и волком (Canis lupus L.) — 0,2%. В целом фауна свидетельствует о полупустынном и степном окружении стоянки, наличие костей оленя и кабана указывает на увлажненные участки в долинах рек с тугайной растительностью.

Чрезвычайно важны антропологические находки, сделанные на стоянке. В 1962 г. обнаружены зуб, фрагмент плечевой кости и часть нижней челюсти с 9 зубами, принадлежавшей, по определению В. В. Гинзбурга, женщине кроманьонского типа лет 25. Открытая в 1966 г. целая нижняя челюсть с 10 хорошо сохранившимися зубами, по предварительному определению В. Я. Зезенковой, близка к первой челюсти и принадлежала женщине лет 35. Позже эта челюсть была определена как мужская (*Гинзбург В. В.*, *Гохман И. И.*, 1974). Были сделаны и другие находки костных остатков человека, но, по мнению С. А. Несмеянова, ни одна из них, включая и упомянутые, не отличается безупречным непотревоженным залеганием в палеолитических слоях (*Несмеянов С. А.*, 1980, с. 43).

Подавляющее большинство каменного инвентаря изготовлено из кремня, встречаются также халцедон, диорит и кварц, имеются единичные предметы из кварцита и кремнистого сланца.

По подсчетам Д. Н. Лева, наибольшее число находок происходит из верхнего культурного слоя, причем заметное преобладание в составе инвентаря отщепов и осколков свидетельствует о наличии здесь первичной обработки камня. Широко представлены также целые и расколотые желваки кремня, гальки, нуклеусы, отбойники, наковальни, отжимники-ретушеры. Г. Ф. Коробковой были изучены под бинокуляром материалы раскопок 1958—1960 гг. С помощью этих данных, публикаций, а также личного кратковременного знакомства с коллекциями можно представить характерные особенности инвентаря следующим образом.

В качестве нуклеусов нередко употреблялись речные гальки, чаще всего расколотые пополам. Наиболее распространены подготовленные одно- и двуплощадочные нуклеусы небольших размеров. Значительно реже встречаются конусовидные и торцовые нуклеусы (рис. 124, *18*, *22*, *23*). Отмечается наличие дисковидных форм. Как нуклеусы могли использоваться также чопперы и чоппинги.

Типология орудий достаточно разнообразна. Г. Ф. Коробкова замечает, что большинство орудий изготовлено из массивных и мелких отщепов, часть — из пластин, часть — из галек. Однако ее утверждению, что в инвентаре почти совершенно отсутствуют пластины правильной призматической формы и микропластинки, противоречат сами орудия: здесь представлены призматические пластины или пластинки с ретушью по одному или двум краям (рис. 124, *3*, *8*, *11*, *19*), а также изготовленные из пластин и пластинок концевые скребки (рис. 124, *12*), острия, единичные и маловыразительные резцы.

К сожалению, высококвалифицированное описание инвентаря, данное Г. Ф. Коробковой, произведено в соответствии с функциональной классификацией орудий, независимо от типа заготовок, поэтому наиболее многочисленную категорию ножей составляют «...крупные широкие и мелкие призматические пластины неправильных очертаний и небольшие, тонкие, с острыми краями отщепов треугольной формы» (*Коробкова Г. Ф.*, 1972, с. 163). В качестве таких орудий, видимо, служили пластины неправильных очертаний, а частично с ретушированными краями (рис. 124, *4*, *5*).

На втором месте стоят скребки, очень разнообразные типологически (рис. 124, *9*, *10*, *12—16*). Помимо уже упомянутых концевых скребков из пластин и пластинок, представлены скребки из мелких и крупных отщепов, часто округлых, с ретушью по всему

периметру (за исключением участка ударной площадки), скребки высокой формы (ладьевидные и нуклевидные) и наряду с ними микроскребки из крошечных отщепов. Некоторые из скребков, по Г. Ф. Коробковой, выполняли функции резчиков-скобелей.

Скребла, видимо, менее многочисленны. Эта группа орудий не выделяется Г. Ф. Коробковой, хотя некоторые изделия, опубликованные Д. Н. Левом из коллекций тех же лет (см., например; *Лев Д. Н.*, 1964, рис. 25 и 39), несомненно, являются скреблами, скорее всего простыми боковыми (рис. 124, *7, 17*). В коллекции 1962 г. имеются боковое скребло с обушком и массивное скребло со сплошь обработанной поверхностью. Можно выделить и группу скребел малых размеров. Г. Ф. Коробкова выделяет трасологическим методом группу скобелей и резчиков-скобелей, предназначенных для обработки дерева. Они изготовлены из отщепов, пластин неправильных очертаний и кусков галек и морфологически чрезвычайно разнообразны.

Значительной серией представлены мелкие долотовидные орудия с выемчатой подтеской концов. В коллекции имеются классические экземпляры таких орудий, обладающих одним или двумя рабочими лезвиями (рис. 124, *1, 2*). В единичных экземплярах встречены проколки (рис. 124, *6*), провертки, резцы. Некоторые из резцов — многофасеточные — не отличимы от клиновидных нуклеусов. (рис. 124, *20*).

Галечные орудия в коллекции 1958—1960 гг., по Г. Ф. Коробковой, составляют пятую часть орудий. Это преимущественно наковальни, отбойники, отжимники-ретушеры. Топоры, тесла, скобели, чопперы (рис. 124, *21*) и чоппинги, вопреки данным Д. Н. Лева, единичны. Особенно большое значение приписывалось топору, изготовленному из массивной плитки амфиболитового гнейса, одна плоская сторона которой сохраняет естественную поверхность, вторая снята крупным широким сколом. Рабочее лезвие, сильно выпуклое в плане и клиновидное в профиль, обработано широкими снятиями с двух сторон (*Лев Д. Н.*, 1964, рис. 36; *Коробкова Г. Ф.*, 1972, с. 165). Находка этого топора дала основание Д. Н. Леву не только говорить о локальном своеобразии Самаркандской стоянки, но и отнести ее к началу позднего палеолита (*Лев Д. Н.*, 1964, с. 107).

Подробный разбор этих взглядов сделан В. А. Рановым, считающим, что стоянка существовала во второй половине позднего палеолита (*Ранов В. А.*, 1969). Соглашаясь с Д. Н. Левом в установлении некоторых аналогий между Самаркандской стоянкой и позднепалеолитическими стоянками Северной Азии, В. А. Ранов добавляет к числу аналогий и верхний комплекс пещеры Сангао в Пакистане (*Ранов В. А.*, 1969, с. 36). А. П. Окладников считает, что весь комплекс каменных изделий Самаркандской стоянки повторяется в таком же сочетании в Мальте-Бурети и в Ачинской стоянке (*Окладников А. П.*, 1968б, с. 149, 150). К значению этих аналогий следует вернуться в конце изложения после рассмотрения материалов восточно-сибирского палеолита. Представляется тем не менее, что основы генезиса Самаркандской стоянки должно искать в местных мустьерских культурах, но она скорее относится ко второй, чем к первой половине позднего палеолита.

Более убедительный пример памятника, выросшего на местной основе, дает стоянка Кульбулак (см. ч. II, гл. 4), три верхних слоя которой вскрыты на общей площади 72 кв. м. Они залегают на глубине 40—75 см от поверхности, насыщены золой, очажными пятнами и включают обломки костей животных (благородного оленя, лошади, пещерной гиены, дикого барана) и каменный инвентарь. Среди призматических (рис. 70, *1*) и конусовидных (рис. 70, *7*) нуклеусов попадаются единичные дисковидные (рис. 70, *6*). Некоторые сработанные нуклеусы использовались в качестве скребков. Следует отметить, что, помимо немногих зубчатых орудий и скребел (рис. 70, *8*), наиболее полно и разнообразно представлены скребки: довольно крупные из отщепов и пластинок (рис. 70, *2, 3*), иногда с обработанными краями и миниатюрные скребки с полукруглым, тщательно ретушированным рабочим краем (рис. 70, *4, 5*). М. Р. Касымов считает, что инвентарь верхних слоев частично сохраняет специфику типологического облика, свойственного мустьерским слоям этого памятника (*Касымов М. Р.*, 1972).

Таким образом, к выделенным В. А. Рановым каракамарской, ходжагорской (которые, видимо, можно объединить в одну) и самаркандской культурам можно добавить отличающуюся от них кульбулакскую.

Казахстан и юг Западной Сибири

Памятники позднего палеолита на этой территории, как уже отмечалось, немногочисленны, за исключением, может быть, собранных на поверхности материалов в Центральном Казахстане.

В Южном Казахстане Ачисайская (Ащисайская) стоянка в районе Турланского перевала до сих пор не опубликована. Имеются лишь самые общие сведения. Культурный слой залегает на глубине 7—8 м от поверхности в мощной толще суглинков, покоящихся на слое галечника высокой левобережной террасы р. Турлан (Терисаккан). В культурном слое обнаружено 15 кострищ, вокруг которых лежали обломки костей бизона, дикой лошади, горного барана и других животных, а также расщепленный камень: призматические и конусовидные нуклеусы, отбросы производства и орудия. Среди последних отмечены мелкие скребла, переходные к скребкам, долотовидные орудия, проколки, острия и др. (*Костенко Н. Н., Алпысбаев Х. А.*, 1969). По столь скудным данным невозможно сказать что-либо определенное о возрасте в пределах позднего палеолита и о культурной принадлежности памятника.

В северном Прибалхашье (Сары-Арка) А. Г. Медоевым выделены из многочисленных сборов комплексы каменных изделий, отнесенные к позднему палеолиту. Они собраны в мертвых долинах и в горах у выходов коренных пород, служивших сырьем. Характерной чертой этих комплексов является органичное, как пишет А. Г. Медоев, сочетание элементов, унаследованных от более древних эпох (отщепы псевдоклектонского типа, аморфные нуклеусы, рудиментарные бифасы, грубые рубящие орудия типа чоппингов, мустьероидные скребла и орудия типа грубых остроконечников) с прогрессивными формами, обычными для позднего палеолита вообще (правильные ножевидные пластины с треугольным и трапециевидным сечением, нуклеусы призматического и клиновидного

типов, развитые бифасы, мелкие скребки из отщепов, редкие резцы, массивные, скреблообразные орудия — лекала, выемчатые и зубчатые орудия). А. Г. Медоев считает этот комплекс локальной фацией позднепалеолитических культур Северной Азии (*Медоев А. Г.*, 1964, с. 94—95). В этом определении остается все же много неясного. Поскольку материал найден в смешанном состоянии, неясно, какими критериями руководствовался автор, отделяя «реликтовые» формы, с одной стороны, и включая «развитые бифасы» и «лекала» в «прогрессивные» формы, с другой. Рисунки типичных образцов комплекса включают клиновидные нуклеусы, концевые скребки и массивные скребла (*Медоев А. Г.*, 1962, рис. 4; 1970, рис. 5—6).

С этим комплексом сопоставимы, по утверждению А. В. Виноградова и Е. Бижанова, сборы, сделанные ими на бугре Есен-2 у юго-западного края впадины Барсакельмес на Устюрте (*Виноградов А. В., Бижанов Е.*, 1978). Вместе с тем материалы, сходные с находками в Сары-Арка, отмечены и в Восточном Казахстане в верховьях р. Иртыш. Стоянка у д. Пещеры на правом берегу р. Бухтарма в 12 км от ее устья интересна тем, что в ней сохранился культурный слой с фауной и кремневыми изделиями, включающими и правильные микропластинки (*Черников С. С.*, 1951; *Гохман И. И.*, 1957). У д. Ново-Никольское в делювии низкого террасовидного уступа собран ряд изделий позднепалеолитического облика, в том числе типичный клиновидный нуклеус. С. С. Черниковым отмечена близость каменного инвентаря Пещеры и Ново-Никольской стоянки с орудиями позднепалеолитических стоянок на Алтае и Енисее (*Черников С. С.*, 1951, с. 67).

Если эти пункты могут быть отнесены ко второй половине позднего палеолита, то памятники Северного Казахстана представляются более древними. Стоянка Батпак 7 расположена рядом с мустьерским местонахождением Батпак 8 на водоразделе рек Ишим и Нура. В суглинках делювиального характера вместе с костями мамонта, шерстистого носорога, северного оленя обнаружены каменные изделия: две пластины, отщеп и массивное скребло из отщепа местного мелкообломочного туфа (*Клапчук М. Н.*, 1966). В другой статье того же автора упоминается наконечник дротика листовидной формы, обработанный с двух сторон мелкими сколами (*Клапчук М. Н.*, 1969). М. Н. Клапчук полагает, что стоянка хронологически занимает промежуточное место между мустье-леваллуа Передержки (см. ч. II, гл. 4) и верхним палеолитом Сибири. По-видимому, к тому же времени относятся Карабас 3 и Ангренсор 2. Последнее местонахождение находится в 25 км южнее Экибастуза, на южном шлейфе сопки, прикрывающей с севера озеро Ангренсор. Здесь собрано свыше 1000 изделий из яшмы: нуклеусы (дисковидные, многоплощадочные, конические), многочисленные короткие и широкие отщепы, значительно более редкие пластины. Среди орудий отмечены фрагменты листовидных наконечников дротиков, рубиловидное изделие, скобели, резцы-проколки и скребки. По мнению М. Н. Клапчука, комплекс орудий полностью напоминает инвентарь сибирских верхнепалеолитических стоянок, леваллуазские влияния здесь отсутствуют (*Клапчук М. Н.*, 1969, с. 133). К сожалению. М. Н. Клапчук не указывает, какие именно сибирские стоянки он имеет в виду. Во всяком случае, рубиловидные изделия и листовидные наконечники не являются характерной чертой южносибирского палеолита. На основании имеющихся данных представляется, что эти материалы имеют большее сходство с прибалхашскими.

На территории Западно-Сибирской низменности в настоящее время известно три позднепалеолитических памятника очень различных по своему культурному облику.

Стоянка Шикаевка II находится на севере Курганской обл. в бассейне правобережья р. Тобол. Здесь вскрыт 741 кв. м Культурные остатки составляют в основном скопление костей двух почти полных скелетов мамонта, причем кости не были расколоты и часть их лежала в анатомической связи. Находки приурочены к основанию слоя палево-серой супеси на глубине около 2 м от современной поверхности берега озера (рис. 125, *1*). Высота берега над уровнем воды 1,3 м, но через лессовидные суглинки, как указано в отчете (Отчет раскопок за 1972 г. Архив ИА, № 4798), вода в раскоп не просачивалась. Толща отложений, в которых заключен культурный слой, приурочена, по мнению С. М. Цейтлина, к отложениям, видимо, II надпойменной террасы р. Тобол высотой около 8 м (?) над уровнем реки (*Петрин В. Т., Цейтлин С. М.*, 1976). Стоянка имеет лишь геологическую датировку — около 13 тыс. лет, исходящую из того, что культурные остатки лежат не только под явными следами морозобойного растрескивания и под следами двух этапов почвообразования, которые С. М. Цейтлин считает синхронными двум позднесартанским интерстадиалам, существовавшим в Сибири от 13 до 11 тысяч лет назад.

Вместе с костями мамонта найдены единичные кости волка, сайги, зайца, желтой и степной пеструшки. Указано, что кости раздроблены (*Петрин В. Т., Смирнов Н. Г.*, 1976). Вместе с костями находилось 35 изделий из красно-зеленой уральской яшмы. За исключением трех обломков и одного краевого отщепа резца, все они являются призматическими пластинками. В. Т. Петрин считает возможным отнести 29 пластинок к орудиям, предназначенным для резания, так как поверхность их сильно залощена (рис. 125, *2, 3*). Наибольший интерес представляют 9 изделий геометрической формы: 2 — прямоугольные и 7 — близкие к треугольнику. Два края, иногда противолежащие, иногда прилежащие, обработаны мелкой крутой ретушью, но так, что один продольный край, видимо, служивший лезвием, оставлен без обработки (рис. 125, *5, 7—9*). Одна из пластин, изогнутая в профиле, имеет небольшую ретушированную выемку в центре продольного края (рис. 125, *4*), обломок другой — противолежащую ретушь (рис.. 125, *6*).

Стоянка интерпретируется как место гибели мамонтов, трупы которых в мерзлом состоянии были найдены людьми. Поскольку кости не расколоты, предполагается, что людей интересовали в первую очередь шкуры мамонтов (*Петрин В. Т., Цейтлин С. М.*, 1976).

Возможна и другая трактовка. Местонахождение ближайшим образом напоминает не только Томскую стоянку, но и ряд стоянок Северной Америки, получивших убедительное название kill—sites. Прежде всего, нет данных, что трупы мамонтов были в мерзлом состоянии. Если кости не потревожены, то это не

значит, что снималась только шкура, вряд ли люди могли пренебречь мясом, а поскольку кремневые изделия найдены среди костей, они могли быть использованы при разделке туш. Труднее определить, как погибли животные. Для некоторых американских стоянок (например, Санта Изабель Истапан) найдено объяснение, что люди добивали завязшее в иле животное. На приведенном плане (*Петрин В. Т., Смирнов Н. Г.*, 1975, рис. 2) видна значительная перемешанность костей мамонта. Находка единичных раздробленных костей других животных также свидетельствует в пользу кратковременного охотничьего лагеря.

Что касается культурной принадлежности памятника, то кремневый инвентарь не имеет аналогий в позднем палеолите Сибири и обнаруживает определенное сходство с материалами Прикаспия. Не менее важное значение имеет и то, что культура этого типа была исходной для мезолита Урала, хотя представляется не убедительным отнесение Шикаевки II к мезолитической янгельской культуре (*Матюшин Г. Н.*, 1976 б, с. 161). Как отметил В. Т. Петрин, орудия из Шикаевки II крупнее янгельских, в форме и технике изготовления наблюдаются значительные различия (*Петрин В. Т., Цейтлин С. М.*, 1976, с. 106).

Имеется и другое свидетельство освоения Западной Сибири позднепалеолитическими людьми — местонахождение Волчья Грива в Барабинской степи. Здесь на глубине 1—2 м залегает огромное скопление костей мамонта. При раскопках 1967 г. обнаружено 495 костей, принадлежащих 8 особям мамонта и 1 особи лошади. Интересен возрастной состав особей мамонта — одно животное погибло в возрасте около 40—50 лет, шесть особей — в возрасте от 3 до 8 лет и одногодовалый детеныш. В 1968 г., помимо множества костей мамонта, найдены единичные кости бизона, дикой лошади и волка. Целых костей мало: крупные кости, особенно трубчатые, разбиты. На многих костях видны следы деятельности человека. Часть костей могла служить и орудиями. Особого упоминания заслуживают два мелких кремневых отщепа, найденные среди костей мамонта. Ближайшее местонахождение каменного сырья, пригодного для изготовления орудий, расположено в 200 км, поэтому человек был вынужден очень дорожить камнем. Радиоуглеродная дата для Волчьей Гривы — 14200±150 лет тому назад (*Окладников А. П., Григоренко Б. Г., Алексеева Э. В., Волков И. А.*, 1971) — не противоречит ни палеонтологическим, ни геолого-геоморфологическим данным.

К самому концу позднего палеолита в Западной Сибири относится, видимо, стоянка Черноозерье II. Она находится в 140 км к северу от г. Омска, в самом центре южной половины Западно-Сибирской низменности. Четыре культурных слоя залегают в супесчаных отложениях I (II?) надпойменной террасы левого берега Иртыша, имеющей здесь высоту 16—18 м. Они лежат на глубине от 2 до 3 м и непосредственно перекрывающие их слои разбиты морозобойными трещинами. Слои, за исключением 4-го, нижнего, характеризуются округлыми очагами диаметром 1—1,3 м, вокруг которых концентрировались находки. По предварительному определению, кости животных принадлежат лосю, быку, лошади, лисе и зайцу (*Петрин В. Т.*, 1972).

Среди находок верхнего культурного слоя наибольший интерес представляют уникальные костяные изделия: почти целый кинжал из ребра крупного животного, по обеим краям которого в узких пазах сохранились кварцитовые вкладыши, а на плоских сторонах прослеживается тонкий орнамент (рис. 125, *28*); обломок подобного кинжала (рис. 125, *34*), обломки «диадем» и плоские костяные подвески треугольной формы (рис. 125, *29—33*; *Петрин В. Т.*, 1974, рис. 1). Каменный инвентарь в целом немногочислен, нуклеусов почти нет. Среди заготовок заметное место занимают призматические пластинки, иногда мелких размеров и неправильных очертаний (рис. 125, *22*, *26*). Из орудий отмечены скребки, часто округлые, высокой формы (рис. 125, *10, 11, 14, 17*), единичные резцы (рис. 125, *13*, *20*), проколки (рис. 125, *16*), долотовидные орудия (рис. 125, *24*), вкладыши (рис. 125, *15, 18, 19*), пластинки с ретушью (рис. 125, *22, 26*) и отщепы со следами использования (рис. 125, *21, 25*).

Стоянка опубликована лишь в предварительной форме. Если в первых сообщениях отмечалось ее «поразительное сходство» со стоянкой Красный Яр на Ангаре, то затем говорилось или о том, что каменный инвентарь не имеет аналогий ни с одним из известных памятников на близлежащих территориях, или о том, что он обнаруживает большую близость с казахстанским поздним палеолитом.

Наблюдения С. М. Цейтлина позволяют отнести стоянку ко времени до начала и самого начала последнего большого похолодания в Западной Сибири — 10—12 тыс. лет назад. Можно добавить, что характер памятника (тонкие культурные слои, наличие очагов и ямок вокруг них) аналогичен другим многослойным стоянкам как к западу (стоянка Талицкого), так и к востоку (Красный Яр, в меньшей степени Кокорево I). Вкладышевая техника более развита, чем в стоянке Талицкого и даже в Кокорево I, кинжал обнаруживает ближайшее сходство с подобными мезолитическими и даже неолитическими орудиями. По углистой супеси из кострища в объединенном культурном слое 2—3 радиоуглеродным методом получена дата 14.500±500 (ГИН — 622).

Восточная Сибирь

В этой обширной и достаточно хорошо изученной области Азиатской части СССР в соответствии с выработанной геологической периодизацией верхнего плейстоцена материал может быть рассмотрен по трем хронологическим ступеням, соответствующим климатостратиграфическим подразделениям ледниковых событий. В верхнем плейстоцене, который сопоставляется с вюрмом Европы, выделяются две крупные фазы оледенения — зырянская и сартанская, разделенные каргинским межледниковьем (*Громов В. И., Алексеев М. Н., и др.*, 1965). Соответствующее молого-шекснинскому, каргинское межледниковье существовало длительное время, примерно от 50 до 25 тыс. лет. Внутри сартанского оледенения, соответствующего вюрму III или осташковскому оледенению, выделяются две крупные стадии — гыданская (максимальная) и ньяпанская. Во внеледниковых областях в это время накапливался перигляциальный аллювий II террасы и связанные с ним покровные отло-

жения. В позднесартанское время выделены два кратковременных потепления: кокоревское и таймырское. После таймырского потепления наступила заключительная, норильская стадия сартанского оледенения. Время ее окончания устанавливается на основании даты 10 700±200 лет назад (ГИН – 315), заканчивающей плейстоцен (*Кинд Н. В.*, 1972, 1974).

Памятники позднего палеолита Восточной Сибири, таким образом, могут быть разделены на три временные группы: 1. Памятники времени каргинского межледниковья; 2. Памятники начала сартанского оледенения; 3. Памятники второй половины сартанского оледенения и его конца. Выделение в особую четвертую группу памятников финального палеолита оказалось невозможным по двум причинам. Во-первых, они тесно связаны с непосредственно предшествующими им памятниками, особенно на многослойных стоянках. Во-вторых, для этой территории нет четких критериев разделения финально-палеолитических и ранне-мезолитических стоянок.

Периодизация, построенная на сопоставлении имеющихся данных, разумеется, носит предварительный характер. Открытие новых данных и монографическое опубликование имеющихся памятников несомненно внесет в нее коррективы.

Пока еще мало что известно о памятниках, относящихся к эпохе каргинского межледниковья. В научную печать стали еще только просачиваться первые сведения о них. Если верны радиоуглеродные даты, то одним из самых ранних памятников является недавно открытая стоянка Малая Сыя в восточных отрогах Кузнецкого Алатау на берегу р. Белый Июс. Здесь выявлена значительная площадь распространения культурных остатков, обнаружены следы жилищ. Фаунистический комплекс включает кости северного оленя, зубра, горного барана, козерога, благородного оленя, лошади, шерстистого носорога, мамонта, сайги, сурка, лисицы и зайца. Каменный и костяной инвентарь, по словам В. Е. Ларичева, характеризуется большой архаичностью при сравнении с материалами позднего палеолита Енисея и Ангары. Но вместе с тем он опровергает укоренившееся представление о некоей архаичности палеолита Сибири, его отсталости по сравнению с восточноевропейским. Здесь представлена «...техника отделения крупных и мелких ножевидных пластин и нуклеусов, удивительно разнообразных по типам, относительно совершенная отжимная ретушь на рабочих лезвиях и рукоятках ножей и концевых скребков, высокая техника оформления своеобразных по разновидностям резцов, широкое использование кости и рога при изготовлении... наконечников копий и дротиков» (*Ларичев В. Е.*, 1976, с. 18). Две радиоуглеродные даты по древесному углю 34 500±450 и 33 060±300 лет назад несомненно должны быть проверены данными смежных дисциплин.

Самые предварительные сведения имеются и о других памятниках начальной поры позднего палеолита. На Ангаре — это нижний горизонт стоянки Усть-Кова, пункты в окрестностях г. Братска, Игетейский Лог и нижний горизонт стоянки Сосновый Бор на р. Белой, которую следует рассмотреть полностью в следующей хронологической группе.

На многослойном памятнике Усть-Кова, открытом в 1937 г. А. П. Окладниковым, во время разведки 1969—1971 гг. Н. И. Дроздовым были обнаружены горизонты с палеолитическими остатками. Раскопки 1971—1972, 1976—1981 гг. вскрыли площадь около 800 кв. м. Стоянка находится в Северном Приангарье на левом берегу р. Ангары выше устья р. Ковы на террасе 14—17 м высотой. Сведения о стоянке краткие, иногда противоречивые, инвентарь не опубликован, но исключительная важность памятника заставляет остановиться на нем более подробно. Стратиграфия: 1. Гумус (0,2—0,4 м) с культурными остатками железа и бронзы; 2. Песок серый до красновато-бурого в различной степени глинистый с неолитическими находками. Мощность слоя колеблется от 0,3 до 1,8 м за счет неровной кровли слоя 3; 3. Глина — серая карбонатная с полосами и прослоями гумусового горизонта ископаемой почвы, перемещенной древними процессами солифлюкции. Мощность слоя 3, содержащего палеолитические остатки, до 1,0 м; 4. Песок серый с дресвой, валунами и глыбами, с глубины 2 м переходящий в галечник. Видимая мощность 4 м.

Слой 3 разбит псевдоморфозами по полигонально-жильным льдам, по крайней мере трех генераций. Очень сильная деформированность слоя мешала выделить различные палеолитические горизонты внутри него, но облик инвентаря верхнего и нижнего уровня слоя различался, и это позволило исследователям условно разделить его на два комплекса. К полосам перемещенного гумуса приурочены тонкие линзы и прослои углей, размытых и растащенных солифлюкцией. Обнаружено и целое кострище, уголь из которого получил по радиоугеродному методу дату 30 100±1500 л. н. (ГИН – 1741). Другие образцы угля из нижней части слоя 3 дали даты более 32 865 (СОАН — 1690) и 28 050±670 л. н. (СОАН – 1875). Очажные линзы располагались на несколько разных уровнях, но низы слоя 3 так сильно деформированы наложенными криогенными процессами, что нельзя судить с уверенностью о первичном соотношении этих линз в разрезе. Поставив вопрос, не являются ли указанные даты в пределах точности метода, исследователи склоняются к мысли, что стоянка существовала (периодически возобновлялась?) в течение двух-трех тысячелетий (*Лаухин С. А., Дроздов Н. И. и др.*, 1980; см. также *Дроздов Н. И., Дементьев Д. И.*, 1974; *Дроздов Н. И., Лаухин С. А.*, 1979). В последней работе Н. И. Дроздова (1981) отмечается, что палеолитический материал собран в трех литологически разнородных отложениях: нижний комплекс — в гумусированной погребенной почве, средний — в карбонатизированном суглинке (глине? — З. А.) и поздний — в коричневом суглинке (не выделенном на стратиграфическом разрезе? – З. А.).

Нижний комплекс, с которым связаны упомянутые радиоуглеродные даты каргинского времени, содержит кости кулана, носорога, мамонта, лошади, северного оленя, причем многие кости имеют следы резания и раскалывания. Каменные изделия немногочисленны. Ранее отмечалось, что они изготовлены из серой туфогенной породы. Это — отщепы с гладкими скошенными площадками, крупные пластины типа леваллуа, орудия «с выступами» — «во многом своеобразные мустьеровидные остроконечники (сверла)» и впервые, по словам Н. И. Дроздова, выделенные в палеолите Сибири, струги (*Дроздов Н. И.*, 1981, с. 13, 15, 16).

В среднем комплексе представлен наиболее многочисленный материал. Здесь более 10 тыс. фрагментов костей животных, среди которых преобладают остатки северного оленя. Встречены также кости мамонта, бизона, изюбря, лося, лошади. Каменный инвентарь включает около трех тысяч предметов, почти половину которых составляют отщепы различных размеров. Согласно автореферату Н. И. Дроздова, для этого комплекса характерно сочетание галечных нуклеусов, крупных пластин леваллуазского типа, бифасиальной техники, мелких проколок и долотовидных орудий. Среди двустороннеобработанных орудий отмечены 1 наконечник копья и 8 ножей. Найдены также обычные остроконечники, скребки, скребла, струги, ножи, резцы. Особый интерес вызывает первое в Сибири скульптурное изображение мамонта, вырезанное из кости. Упоминаются также крупные пластины бивня мамонта с гравировкой и украшения: зубы животных с просверлиной и плоские костяные бусинки. Радиоуглеродная дата для этого комплекса 23 920±310 (КРИЛ – 381).

Фаунистические остатки позднего комплекса представлены северным оленем, бизоном, лосем, мамонтом. Каменных изделий собрано свыше 2 тыс., отмечается значительное число пластин, в том числе с ретушью. Для этого комплекса также характерно наличие бифасиальной техники, но в отличие от орудий среднего комплекса здесь бифасы удлиненной формы и тщательно обработаны. Появляются призматические нуклеусы. Интересны крупные проколки, причем одна из проколок имеет следы пришлифовки на рабочей части. Увеличивается число галечных чопперов. Много резцов, а такие орудия, как скребки, скребла, остроконечники единичны. Радиоуглеродная дата позднего комплекса 14 220±110 (ЛЕ – 1372).

Таким образом, многослойная стоянка Усть-Кова представляет, согласно радиоуглеродным датам, все три хронологических этапа развития позднего палеолита Сибири, но о характере культуры каждого комплекса можно будет судить лишь после публикации материала.

Другим древним памятником можно считать комплекс каменных изделий, собранный на северо-восточной окраине г. Братска, где волны Братского водохранилища размывают 75—80-метровые уровни левого коренного берега р. Ангары. Археологический материал происходит из деформированного древними мерзлотными процессами почвенного горизонта, видимо, каргинского времени. Здесь собраны изделия из кварцита со слабо эродированной поверхностью или окатанные, а также из траппа, сильно патинизированные. Характерно обилие пластин, обработанных в виде крупных концевых скребков, скребел, острий. Имеются пластины леваллуазского типа с вогнутой и фасетированной ударной площадкой (*Леонов О. М., Медведев Г. И., Уткин Г. С.*, 1977; *Волокитин А. В., Кононова Т. Н., Склярeвский М. Я.*, 1978; *Волокитин А. В.*, 1982).

Большой интерес представляет местонахождение Игетейский Лог на 30—40-метровых отметках северо—северо-западного склона г. Игетей на южном берегу Осинского залива Братского водохранилища. Кровля отложений, вмещающих культурные остатки, имеет радиоуглеродную дату по древесному углю 23 700±100 лет (ИМ СОАН – 405). Отложения соответствуют, по мнению авторов, каргинскому почвенному горизонту, перекрытому двухметровой толщей сартанских суглинков и подстилаемому разнохарактерными отложениями зырянского и казанцевского веков. Находки, включающие не только каменные, но и костяные изделия, переотложены (*Алаев С. Н., Алаева Т. В.*, 1978).

Исследования 1978 г. позволили установить, что культурный слой, лежавший на более высоких отметках, был разрушен эрозией и перемещен вниз. Высказано предположение, что уничтоженный эрозией комплекс отложений относится к концу первой половины каргинского времени, и, следовательно, материал должен быть датирован более 30 000—35 000 лет назад (*Алаева Т. В., Медведев Г. И.*, 1979). Вместе с тем палинологический анализ показывает холодную лесостепь, фаунистические остатки представлены костями дикой лошади и северного оленя, что может свидетельствовать или о более позднем возрасте памятника или о наличии двух разновременных комплексов инвентаря — каргинского времени и времени начала сартанского оледенения. В первой публикации отмечалось, что в обработке камня сочетаются леваллуазская техника расщепления кварцита и совершенная призматическая техника расщепления кремня и аргиллита. Среди орудий упоминаются скребла, чопперы, изделия из призматических пластин, в том числе скребки, ножи и острия, костяные наконечники дротиков и иглы, кирки из рога оленя. Более определенное суждение о памятнике может быть составлено лишь после публикации его материалов.

То же самое можно сказать и о местонахождениях верхней Лены, относимых к каргинскому времени. Это прежде всего Макарово IV, расположенное в 1,5 км восточнее известных позднепалеолитических стоянок у д. Макарово, в 8 км ниже г. Качуга, на правом берегу р. Лены. Культурные остатки залегают в низах пачки слоистых склоновых отложений на уровне IV террасы высотой 35—40 м. Отложения нарушены тремя генерациями мерзлотных клиньев. Здесь вскрыта площадь 875 кв. м и собрано более 2500 изделий из галек кремня, кварцита и конкреций халцедона. Все изделия несут следы значительного выветривания. Упоминаются леваллуазские нуклеусы, а из орудий — остроконечники, в том числе листовидный остроконечник с двусторонне-уплощенным основанием, ножи из пластин, концевые и боковые скребки из отщепов и пластин, скребла, чопперы, отбойники из галек (*Аксенов М. П.*, 1978; *Аксенов М. П., Доброхотов С. И., Черосов Н. М.*, 1979). По мнению исследователей, техника расщепления камня и морфология изделий не находит аналогий в долине р. Лены. Тот немногочисленный материал, который мне довелось видеть,— типично позднепалеолитического облика и ближе других напоминает комплекс развеянных стоянок Забайкалья. Поэтому трудно согласиться с утверждением, что Макарово IV «по комплексу может соответствовать мустье» (*Аксенов М. П., Доброхотов С. М., Черосов Н. М.*, 1979, с. 208). Видимо, речь все же идет не о культуре, а о времени существования памятников, которое по геологическим данным определяется от 40 000 до 50 000 и более (там же; см. также: *Цейтлин С. М.*, 1979, с. 198). Вместе с тем отмечается, что стратиграфия памятника исключительно сложна, культурные остатки «несомненно зна-

чительно перемещены» по вертикали и «залегают на поверхности, хронологически не соответствующей времени существования культуры» (*Аксенов М. П., Найдецкая И. С.*, 1979, с. 75). По всем этим причинам представляется, что вопрос о времени Макарово IV и характере его культуры остается открытым.

Предполагается, что стоянка Макарово III существовала в каргинское время, вероятнее в его конце (30—25 тыс. л. н.). Переотложенные культурные остатки залегают в толще слоистых склоновых отложений III террасы высотой 23—27 м на глубине 1,6—2,8 м от поверхности. Среди фаунистических остатков отмечены кости мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, благородного оленя, дикой лошади, горного барана, снежного барса, медведя и волка. Палинологический анализ показал, что отложения формировались в период, когда существовал открытый ландшафт (пыльца трав — 52%) с островами хвойного леса (пыльца темнохвойных — 37%).

В каменном инвентаре 86% составляют отбросы производства. Нуклеусы немногочисленные, подпризматические. Из орудий отмечены скребла, скребки, проколки, единичные остроконечники и отщепы с резцовыми сколами, чопперы (*Аксенов М. П.*, 1972; *Гусейнов В. М., Есипов В. В., Шуньков М. В.*, 1976). В. А. Лынша, подробно рассмотревший материал, отмечает отсутствие микронуклеусов и микропластинок и наличие отдельных элементов сходства с позднепалеолитическими стоянками Енисея, Прибайкалья и Забайкалья (*Лынша В. А.*, 1974).

На принципиальной схеме относительной хронологии комплекса стоянок в окрестностях с. Макарово (*Аксенов М. П., Абдулов Т. А.*, 1979, табл. II) Макарово III помещено в начало сартанского оледенения, хотя в тексте тезисов это специально не оговорено.

Один из древнейших позднепалеолитических памятников Забайкалья — Варварина Гора имеет абсолютные даты 30 600±500 л. н. (СОАН — 850) и 34 900±780 л. н. (СОАН — 1524). Он находится между деревнями Старая и Новая Брянь недалеко от г. Улан-Удэ в глубине долины. Культурный слой приурочен к отложениям конуса выноса под толщей чередующихся щебня и супеси делювиально-пролювиального происхождения. Среди фаунистических остатков отмечены кости зайца, сурка, серого волка, благородного оленя, лисицы, мамонта, лошади, шерстистого носорога, сайги (?), винторогой антилопы, быка или бизона (*Оводов Н. Д.*, 1975). В культурном слое отмечены выкладки из камней и ямы. Некоторые из ям служили, видимо, хранилищами-кладовыми. Особенно интересна одна с выстланными камнями стенками и дном. Внутри этой ямы находился череп хищника и целые кости лошади.

Каменный инвентарь Варвариной Горы, как отметил А. П. Окладников, характеризуется леваллуазскими чертами. Имеются одно- и двуплощадочные леваллуазские нуклеусы; широкие и, как правило, массивные пластины с параллельными краями, часто ретушированными; массивные скребловидные орудия, в том числе один бифас. Особо отмечен типично мустьерский по форме и ретуши остроконечник треугольных очертаний (*Окладников А. П.*, 1974). Из отщепов изготовлены скребла, скребки, проколки, ножи, долотовидные орудия, из пластин — остроконечники, концевые скребки, резцы бокового типа. Обнаружен полудиск из мягкого камня, очевидно, обломок украшения. Имеются и костяные изделия: типа проколок, тонкая лопаточка, фрагмент обработанного бивня (*Окладников А. П., Кириллов И. И.*, 1980). Ни по абсолютным датам, ни по инвентарю Варварина Гора не может относиться к позднемустьерским памятникам, как полагают ее исследователи. К тому же единственный мустьерский остроконечник не связан с культурным слоем.

Следующий этап — начало сартанского оледенения — включает памятники более широкоизвестные. Это или поселения с мощным культурным слоем, с остатками жилищ и произведениями искусства или многослойные стоянки со своеобразным инвентарем, развивающим традиции предшествующего этапа. В фауне продолжает существовать шерстистый носорог, обычен мамонт. К этому этапу, прежде всего, следует отнести ангарские поселения Мальта и Буреть, обладающие идентичным инвентарем, позволяющим выделить специфическую мальтинско-буретскую культуру.

Мальта исследована М. М. Герасимовым на площади свыше 1000 кв. м (*Герасимов М. М.*, 1931, 1935, 1958, 1961). Культурный слой залегает в средней части толщи суглинков, покрывающих речные галечники и пески 16—20-метровой р. Белой, притока р. Ангары. На площади поселения обнаружены остатки различных жилых сооружений, погребение младенца, богатейшие коллекции фаунистических остатков, каменного и костяного инвентаря, произведений искусства и украшений.

Большая часть фаунистических остатков принадлежит северному оленю. Затем по количеству особей идут песец, шерстистый носорог, мамонт, бизон и бык, лошадь, росомаха, лев, волк. В пыльцевых пробах из культурного слоя и вмещающих его суглинков установлен обедненный спектр, в котором пыльца травянистых растений преобладает над пыльцой древесных форм, представленных сосной и березой. Угольки, найденные на поселении, показали, что поблизости от него росли береза и, видимо, ель.

Остатки деятельности человека, каменный и костяной инвентарь, произведения искусства и украшения ставят Мальту в один ряд с выдающимися поселениями палеолита Евразии, дающими неоценимые свидетельства материальной и духовной жизни человека.

Своеобразие этого памятника выражается, помимо других особенностей, в каменном инвентаре. Нуклеусы — призматические (рис. 126, *24*), конические, кубовидные с поперечным скалыванием изготовлены из небольших желваков серого полосчатого, очень характерного для палеолита Ангары, кремня, и часто сработаны до предела. Типичных клиновидных нуклеусов нет, хотя на единичных изделиях видны снятия неправильных мелких пластинок с торца (рис. 126, *26*). Диски (рис. 126, *23*) единичны и существенно отличаются от мустьерских дисковидных нуклеусов. Говорить о развитии леваллуазской техники в Мальте, как это делают некоторые американские археологи, не приходится.

Основой для изготовления каменных орудий служила преимущественно кремневая пластинка средних размеров призматической формы. Часто очертания таких пластинок неправильные и края неровные,

Таблица 3

Абсолютные даты	Климатостратиграфические подразделения (по Н. В. Кинд, 1974)			Археологические памятники: Западная Сибирь	Алтай, Чулым	Енисей	Ангара	Забайкалье	Лена	Алдан, Камчатка
10 000	голоцен									
	верхний плейстоцен	Сартанское оледенение	Норильская стадия 11 400±200—10 300± ±100 л. н.	Черноозерье II 14 500±500				Ошурково 10 900±50		Ушки I сл. 6 10 360±350 10 760±110
			Таймырское потепление 11 800—11 400 л. н.			Новоселово VI 11 600±500; Таштык I в. с. 12 180±120			Макарово II сл. 3 11 400±500 11 800±200; Макарово II сл. 4 11 950±50	Дюктай, сл. 7а 12 100±120 13 200±250
			Похолодание?							
			Кокоревское потепление 13 000—12 200 л. н.	Шикаевка II	Сростки	Кокорево III 12 690±140; Кокорево 1, сл. 2 12 940±240; Голубая 13 050±90	Верхоленская Гора 12 570±180	Няньги		Дюктай, сл. 7б 13 070±90 14 000±100; Дюктай, сл. 7в 13 100±90; Ушки 1, сл. 7 13 600±250 14 300±200
						Кокорево 1, сл. 3 13 300±50 14 450±150				
			Ньяпанская стадия 16 000—15 000 л. н.	Волчья Грива 14 200±150		Таштык IV 14 700±150; Новоселово VII 15 000±300	Сосновый Бор 5 сл.	Санный Мыс сл. 4—5		
			Интерстадиал 16 000—15 000 л. н.			Кокорево II 13 330±100; Кокорево IV, р. 4 14 320±330 15 460±330	Красный Яр в. к.; Красный Яр н. к.	Толбага в.с. 15 100±520		Верхне-Троицкая 18 300±180
		каргинское межледниковье	Гыданская стадия 22 000—16 000 л. н.		Ачинская	Афонтова Гора II низ 20 900±300	Мальта, Буреть 14 750±120	Санный мыс сл. 6—7		
25 000			Позднее (липовско-новоселовское) потепление				Сосновый Бор 6 сл.	Сохатино 4 26 110±150; Толбага н.с. 27 210±300 34 860±2100		
			Конощельское похолодание							
			Оптимум (Малохетское потепление)		Малая Сыя 34 500±450; 33 060±300		Игетейский Лог; Братск	Варварина Гора 30 600±500 34 900±780	Макарово IV	
			Раннее похолодание							
			Раннее потепление							
50 000		зырянское оледенение								

обработанные мелкой ретушью. Многочисленны изготовленные из таких пластинок острия (рис. 126, *10, 11*), проколки (рис. 126, *8, 9*), резчики с прямым или асимметрично расположенным жальцем (рис. 126, *7, 13*), небольшие ножи (рис. 126, *12, 16, 17*). Резцы изготовлены из таких же пластинок с помощью одного или двух резцовых сколов на конце. Они немногочисленны, но разнообразны: срединные (рис. 126, *19*), боковые, угловые (рис. 126, *18*). Из пластинок же и пластинчатых отщепов оформлены концевые скребки (рис. 126, *21*). Вместе с тем типичны крупные округлые скребки высокой формы (рис. 126, *22, 25*), встречаются скребки и из тонких округлых отщепов. Имеются пластинки (рис. 126, *15*) и отщепы (рис. 126, *20*) с выемками, оформленными ретушью. Единичны долотовидные орудия с подтеской конца (рис. 126, *14*), а также галечные орудия и скребла. Микропластинок правильной огранки нет, отсутствуют вкладышевые орудия с продольными пазами, несмотря на большое мастерство в обработке кости.

Среди костяных орудий следует упомянуть длинные острия из бивня мамонта с поперечными нарезками, расположенными на одной стороне. Тыльные концы имеют неглубокие концентрические нарезки, видимо, для лучшего закрепления в рукояти (рис. 126, *5*). Шилья и иглы многочисленны, орудия, служившие, очевидно, в качестве долот и лощил, единичны.

Уникальна коллекция произведений искусства из Мальты, но на ней как и на обнаруженном здесь погребении младенца, остановимся ниже.

На правом берегу Ангары, недалеко от устья р. Белой и по прямой не далее, чем в 20 км от Мальты, расположена стоянка Буреть, во многом аналогичная Мальте (*Окладников А. П.*, 1940в). Среди исследователей палеолита Сибири до недавнего времени господствовало мнение, что Мальта и Буреть относятся к самой ранней ступени развития позднего палеолита Северной Азии. Радиоуглеродная дата, полученная для Мальты,— 14 750±120 (ГИН — 97) оказалась неожиданно омоложенной. Проведенные С. М. Цейтлиным исследования условий залегания этих стоянок позволили ему утверждать, что культурные остатки Мальты и Бурети залегали на интенсивно разрушенной мерзлотой погребенной почве, которую, видимо, следует считать сформировавшейся в каргинское межледниковье. С. М. Цейтлин пришел к выводу, что культурные слои должны быть несколько моложе конца каргинского времени, т. е. моложе 22—24 тыс. лет (*Цейтлин С. М.*, 1969).

С этой датой вполне можно согласиться, поскольку и фаунистические остатки свидетельствуют о существенном похолодании. Еще раньше было высказано мнение, что мальтинская культура существовала в Восточной Сибири в то же самое время, когда на территории Чехословакии развивалась культура Долни Вестонице, а на Днестре немного позже этого времени отлагался слой 7 Молодовы V (*Абрамова З. А.*, 1966а, с. 145). Тогда же было отмечено, что поселения Восточной Европы с развитым домостроительством, использующим кости мамонта, и ярким искусством, где определяющее место занимал образ женщины, могут относиться к тому же хронологическому этапу. Это подтверждает и недавно полученная дата для Костенок 1 (23 300±230, ГИН — 1870). Следовательно, если памятники одновременны, то нет доказательств для прихода мальтинцев в Сибирь с запада, из Восточной Европы, как полагают некоторые исследователи. Вместе с тем вопрос о происхождении мальтинской культуры по-прежнему остается одним из самых сложных в проблематике сибирского палеолита, хотя исследования последних лет показывают, что Мальта и Буреть оказываются в Сибири уже не столь одинокими.

Определенное сходство с ними обнаруживает Ачинская стоянка, открытая и частично исследованная Г. А. Авраменко (1963). В дальнейшем раскопки этого памятника производились Г. А. Авраменко совместно с В. И. Матющенко (*Аникович М. В.*, 1976) и позднее В. Е. Ларичевым. Результаты последних работ опубликованы лишь в самой суммарной форме (*Ларичев В. Е.*, 1974). Стоянка находится на окраине г. Ачинска в северном борту небольшой долины при переходе на высокую правобережную террасу р. Чулыма. Тонкий культурный слой залегает в желтоватой неслоистой глине, перекрытой делювиальным суглинком. В раскопе В. Е. Ларичева обнаружено скопление находок, интерпретируемое как жилище округлой формы. Фаунистические остатки состоят из костей мамонта, лошади, песца, козы или сайги, волка, птицы (куропатки?). Трактовка Ачинской как возможного «кладбища» мамонтов, затем найденного и использованного человеком (*Цейтлин С. М.*, 1979, с. 90), не убедительна, поскольку в отличие от Волчьей Гривы и в определенной степени от Шикаевки кости мамонта здесь единичны, а сам памятник обладает всеми атрибутами более или менее долговременной охотничьей стоянки.

Каменный инвентарь первых лет раскопок достаточно полно описан М. В. Аниковичем. Отметим лишь наиболее характерные моменты. Хорошо представлены одноплощадочные нуклеусы, предназначенные для снятия пластинок (рис. 127, *26, 29*). В ряде случаев они сильно сработаны и по очертаниям приближаются к конусовидным (рис. 127, *28*). Имеются и нуклеусы с торцовым принципом скалывания, но с широкими фасетками снятий (рис. 127, *30, 31*). Им соответствуют пластинки часто неправильной формы, края которых не параллельны. Много пластинок длиной 3—4 см, обработанных ретушью по продольным краям, иногда на конце (рис. 127, *2, 3, 9*); очень характерны пластинки с выемками (рис. 127, *4—8, 16, 17*). Вместе с орудиями из отщепов, на которых выемки обработаны противолежащей ретушью (рис. 127, *14, 15*), эта категория является одной из специфических черт инвентаря. Многочисленны скребки (рис. 127, *12, 13, 18—20, 23*), в том числе высокой формы, изготовленные из нуклеусов. Редко встречаются диски, служившие скорее всего не нуклеусами, а орудиями (рис. 127, *27*). На наличие резцовой техники указывают краевые отщепки резцов и единичные маловыразительные изделия. Долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской концов представлены небольшой серией, но достаточно типичны (рис. 127, *24, 25*). Немногочисленны и проколки (рис. 127, *11*). Интересно соче-

тание проколки и скребка (рис. 127, *10*). Выделение М. В. Аниковичем серии острий не представляется убедительным ни по опубликованным им рисункам, ни по той части коллекции, которую мне удалось видеть. Сравнительно немногочисленные скребла изготовлены главным образом из небольших галек и имеют широкое выпуклое лезвие (рис. 127, *21, 22*), представлены и массивные орудия (рис. 127, *33*). Имеется один чоппер, изготовленный из крупной продолговатой гальки (рис. 127, *32*). Наряду с каменными орудиями найдены изделия из бивня мамонта — обломки наконечников в виде стержней прямоугольного сечения, подвеска и поделка с точечным орнаментом, трактуемая В. Е. Ларичевым как фаллическое изображение (рис. 127, *1*).

Сходство инвентаря Ачинской стоянки с материалами Мальты и Бурети, с одной стороны, и Самаркандской стоянки, с другой, уже отмечалось в литературе (*Абрамова З. А.*, 1966б; *Окладников А. П.*, 1968б и др.). Различия, возможно, объясняются более поздним возрастом Ачинской по сравнению с Мальтой и Буретью, хотя временной разрыв между ними ни в какой мере не был столь большим, как представляется С. М. Цейтлину, отнесшему Ачинскую к позднесартанскому похолоданию (*Цейтлин С. М.*, 1979, с. 51). Напротив, если отказаться от сопоставления высот террасовидных площадок лога, в глубине которого расположена стоянка, с высотами террас р. Чулым, что не является доказательством их одновозрастности, все остальные данные будут свидетельствовать о раннесартанском возрасте памятника.

Возможно, ко времени первой половины сартанского оледенения относится и Томская стоянка (*Кащенко Н. Ф.*, 1901; *Абрамова З. А.*, *Матющенко В. И.*, 1973), но каменный инвентарь ее столь незначителен, что говорить о культурной принадлежности не представляется возможным. Единственно, можно сказать, что инвентарь — пластинчатый, а сама стоянка по многим показателям сходна с открытой недавно на Енисее стоянкой Тарачиха с очень специфичным инвентарем. Стоянка размыта водами Красноярского моря, но размыв произошел таким образом, что кости животных (преимущественно мамонта) и расщепленный камень были отложены на высоком террасовидном уступе без значительного смещения (*Абрамова З. А.*, 1975б). В 1976 г. на расстоянии 50 км от Тарачихи вверх по левому берегу Енисея найдена другая стоянка — Афанасьева Гора с аналогичным инвентарем (*Лисицын Н. Ф.*, 1980а, б).

Дальнейшее развитие мальтинской культуры на р. Ангаре представляют верхние слои стоянки Красный Яр, которая располагалась на правом берегу Ангары ниже впадения в нее р. Осы и в настоящее время скрыта водами Братского моря. По П. А. Логачеву, стоянка залегает в отложениях 16—20-метровой террасы в мощной толще делювиальных отложений (*Логачев Н. А.*, *Ломоносова Т. К.*, *Климанова В. М.*, 1964). По С. М. Цейтлину, культурные слои Красного Яра приурочены к накоплениям пачки перигляциального аллювия III террасы. Нижние слои он относит к начальным этапам сартанского времени до начала первого резкого похолодания, т. е. до 19 тыс. л. н. (*Цейтлин С. М.*, 1975б). Здесь открыто 7 культурных горизонтов, если считать находки в дерновом покрове (1). Верхний комплекс (2—4) раскопан З. А. Абрамовой (*Абрамова З. А.*, 1978), нижний (5—7) Г. И. Медведевым (*Медведев Г. И.*, 1966).

Горизонты 2, 4, 5 и 7 дали незначительный материал, но горизонты 3 и 6 заслуживают особого внимания как характеризующие верхний и нижний комплексы. 3-й горизонт залегал на глубине 2,8—2,9 м от поверхности и вскрыт на площади 260 кв. м. С северо-запада на юго-восток параллельно древней ложбине тянутся две линии очажных пятен, рядом с которыми обнаружены ямки, заполненные пережженой массой. Вместо древесного угля здесь обнаружено большое количество горючего сланца.

Фаунистические остатки включают кости дикой лошади, северного оленя, зубра, зайца-беляка, медведя, белой куропатки, рыбы (тайменя?). Сырьем для изготовления орудий служил, как и в Мальте, главным образом местный кремень серого и черного цветов. Среди материала нет остатков первичного производства: желваков, заготовок, крайне редки первичные отщепы. Этим и объясняется, видимо, сравнительно большое количество клиновидных нуклеусов (рис. 128, *6, 12*) и почти полное отсутствие нуклеусов других форм. Клиновидным нуклеусам соответствует большое число микропластинок, часть которых имеет правильные очертания с параллельными гранями.

Типы орудий немногочисленны. Это — острия (рис. 128, *9—11, 17*), проколки (рис. 128, *8*), скребки (рис. 128, *14, 15, 21*), долотовидные орудия с прямым или вогнутым двустороннеобработанным концом (рис. 128, *5, 16*), микропластинки (рис. 128, *7, 13*), пластины и отщепы с ретушью (рис. 128, *18, 19*), отщепы с резцовыми сколами, кремневые и кварцитовые скребла (рис. 128, *20*) и ножи. Из костяных орудий отмечены многочисленные обломки иголок (рис. 128, *4*), из произведений искусства — стилизованная человеческая фигурка, из украшений — бусинки из эмали зуба животного (рис. 128, *1—3*).

6-й культурный горизонт вскрыт на площади около 600 кв. м. На глубине 4,5 м здесь было обнаружено 6 кострищ, также заполненных шлаками горючего сланца. Фауна содержит остатки носорога, зубра, северного оленя и пеструшки. Самую большую группу каменных изделий составляют мелкие нуклеусы, клиновидные типичные и очень вытянутые в длину — 16 экз. (рис. 128, *32, 33, 38, 39*). Других форм нуклеусов не найдено, но значительная группа орудий из крупных правильных пластин свидетельствует о существовании призматических нуклеусов. Имеются аморфные нуклеусы из кварцита. Из этого же материала изготовлены скребло (рис. 128, *41*), нож, орудие типа рубила. Из кремневых пластинок призматической огранки изготовлены ножи (рис. 128, *37*) и резцы: 6 боковых (рис. 128, *28—30, 35*) и 1 срединный. Резцы оформлены характерным сколом, рассекающим пластину поперек и наискось от одиого острого края к другому. Имеются также долотовидные орудия с двусторонней подтеской на концах (рис. 128, *27, 34*), один чоппер (рис. 128, *40*). Украшениями служили просверленные резцы молодой особи северного оленя (рис. 128, *25, 26*).

В 7-м горизонте найдены микропластинки, снятые с клиновидных нуклеусов, скребло, три точильных бруска из тонкозернистого песчаника с желобками

(рис. 128, *31*), семь заготовок бусин из скорлупы яиц страуса (рис. 128, *22—24*).

Весь этот немногочисленный, но своеобразный материал позволяет поставить ряд вопросов, касающихся культурной принадлежности памятника. Если в верхнем комплексе видны традиции Мальты с добавлением новых прогрессивных элементов в виде техники клиновидного нуклеуса, то нижний комплекс отражает, как это было замечено Г. И. Медведевым, тесные связи с Забайкальем: мелкие вытянутые в длину клиновидные нуклеусы, поперечные резцы, бусы из скорлупы яиц страуса — материала, специфического для Забайкалья и Монголии.

Из палеолитических стоянок Забайкалья прежде всего следует остановиться на стоянке Санный Мыс. Эта многослойная стоянка находится на правом берегу р. Уды, в 35 км ниже г. Хоринска на высоком мысу, сложенном мощными отложениями песчаных супесей делювиального и аллювиального происхождения. Отложения насыщены глыбами камня, сползающими сверху и разрушающими культурные слои, которые из-за однородности вмещающей их песчаной толщи нельзя четко фиксировать. Единственным показателем культурных слоев являются очаги, лежащие на разных уровнях. Было выделено 7 культурных слоев: 1-й — неолитический, 2-й — мезолитический, 3—7-й — палеолитические.

В 6-м слое обнаружены остатки жилища в виде овала из плотно пригнанных друг к другу и поставленных на ребро глыб гранита. Жилище имело вытянуто-овальную форму, площадь его составляет примерно 23 кв. м. В центре по длинной оси расположено 3 очага. Из фаунистических остатков на поселении Санный Мыс отмечены во всех палеолитических слоях кости шерстистого носорога и в различных сочетаниях с ними в разных слоях кости северного оленя, лошади, горного козла, бизона, полевки Брандта, в 6-м слое — рога и в 7-м слое — кости винторогой антилопы. Большая часть костей найдена в раздробленном и обожженном состоянии (*Окладников А. П., Кириллов И. И.*, 1980).

По мнению И. И. Кириллова, два нижних слоя Санного Мыса (7-й и 6-й) относятся к началу развития палеолитической культуры Забайкалья. Для них характерно наличие устойчивых леваллуазских традиций в обработке камня. Имеются леваллуазские нуклеусы подтреугольных очертаний и соответствующие им пластины, реже встречаются подпризматические нуклеусы со скошенными ударными площадками. Из орудий представлены крупные скребла, изготовленные из отщепов, и резцы срединного и бокового типов. В 6-м слое увеличивается число подпризматических нуклеусов и впервые появляются грубые и невыразительные призматические нуклеусы. Кроме резцов и скребел, здесь отмечены ножи из широких пластин, обработанные по краям крупной ретушью, в том числе острия шательперрон. В 3—4-х слоях уже отсутствуют нуклеусы леваллуа, появляются клиновидные нуклеусы и микропластинки. Уменьшается количество галечных орудий (*Кириллов И. И.*, 1969).

Следует отметить, что подобная закономерность в развитии каменного инвентаря местами нарушена, поскольку не совсем четкая стратиграфия памятника привела к смещению материала: в нижних слоях, например, наряду с орудиями из крупных пластин встречаются клиновидные нуклеусы и микропластинки, выше — орудия из пластин. О смещении свидетельствует и находка фрагментов керамики и некоторых неолитических орудий в 3—4-м горизонтах вместе с костями носорога (*Окладников А. П.*, 1971, с. 26—27).

Ряд других памятников Забайкалья находит соответствия в материалах того или иного слоя Санного Мыса. Они еще не достаточно опубликованы, чтобы можно было с определенностью судить об их возрасте и культурной принадлежности, однако помещение их во II хронологическую ступень представляется правомочным.

Из них прежде всего следует упомянуть стоянку Толбага, которая находится в среднем течении р. Хилок. Она расположена на сравнительно крутом склоне, в 200 м от края II надпойменной террасы и связана с нечетко выраженной III террасой или с делювиальным шлейфом на склоне сопки с высотой над уровнем реки 32—35 м. Здесь под почвенным слоем (1) лежат на скальном основании три слоя суглинка: каштановый, толщиной 20 см (2), светло-коричневый, толщиной 20 см (3) и серый лессовидный, толщиной 65 см (4). Культурные остатки связаны с основанием 2-го и двумя нижними слоями, причем наиболее насыщен 3-й слой, а в 4-м представлены лишь единичные находки. По материалам раскопок 1972 г. фаунистические остатки принадлежат оленю, носорогу, лошади, сайге, гиене (*Константинов М. В.*, 1973; *Окладников А. П.*, *Кириллов И. И.*, 1980).

Очаги имеют вид овальных серых золистых пятен с камнями наверху. В 1975 г. открыт очаг размерами 152×64 см, обрамленный поставленными на ребро плитками, повторяющий по устройству очаг с поселения Кокорево 1 (*Лиханов С. И. и др.*, 1976, с. 18), хотя форма очага существенно отличается,— в Кокорево I очаги имеют круглую форму и меньший диаметр. Каменный инвентарь по всей толще однороден и описывается суммарно (*Константинов М. В.*, 1973). Среди нуклеусов преобладают односторонние одно- и двуплощадочные (рис. 129, *12, 13, 16*), переходные по типу от леваллуазских к призматическим. В соответствии с характером нуклеусов здесь много пластин и орудий из пластин. Большинство пластин имеет более или менее прямоугольную форму со следами 2—3 предварительных снятий на дорсальной стороне. Часто пластины ретушированы по одному или двум краям именно с этой стороны, вентральная или противолежащая ретушь применялась реже (рис. 129, *11*). Характерной особенностью стоянки является высокий процент орудий. Многочисленны скребла-ножи (рис. 129, *9, 17*), встречаются остроконечники (рис. 129, *8*), резцы различных типов (рис. 129, *10, 14*), проколки (рис. 129, *7*), орудия с выемками. Чопперы и чоппинги единичны. Интересна находка «точильного» бруска (рис. 129, *15*). В коллекции достаточно хорошо представлены долотовидные орудия, среди которых, видимо, следует особо выделить пластины с подтеской.

Для стоянки Толбага получены три даты: 15 100±±520 (СОАН—810) для верхнего уровня, 34 860±2100 (СОАН—1522) и 27 210±300 (СОАН—1523) для нижнего. В дальнейшем М. В. Константинов принял толь-

ко самую древнюю дату, связав ее с единым культурным слоем, мощностью 0,4—0,5 м, залегающим на глубине 1,1—1,5 м в палево-сером карбонатизированном суглинке (*Константинов М. В.*, 1979, с. 5). Хотя радиоуглеродные даты создают уверенность, что Толбага вместе с Варвариной Горой и Санным Мысом (видимо, его нижними слоями) входит в «единую группу палеолитических поселений, предшествующих времени сартанского оледенения» (*Окладников А. П., Кириллов И. И.*, 1980, с. 39), создается впечатление, что древность памятника значительно преувеличена, поскольку слой связан с делювиальным шлейфом, и его относительная высота над уровнем реки не играла большой роли. В то же время материал стоянки обнаруживает определенное сходство с инвентарем Варвариной Горы, и можно согласиться с М. В. Константиновым, относящим памятники к одной культуре.

В группе Сохатинских стоянок близ г. Читы особо следует выделить стоянку Сохатино 4, залегающую в супесях, перекрывающих аллювий первой террасы р. Ингоды или, по другим данным, в верхних горизонтах аллювия этой террасы.

Поселение многослойное, но нижние слои вскрыты в небольшом шурфе, поэтому описывается лишь верхний слой (*Окладников А. П., Кириллов И. И.*, 1980). В нем обнаружены остатки овальных в плане очагов с каменной выкладкой и в виде зольных пятен, а также рабочие площадки с многочисленными отбросами производства. Несмотря на это, нуклеусы составляют всего 1,1% каменного инвентаря. Среди них особенно широко представлены мелкие клиновидные нуклеусы (рис. 129, *1*), которые сопровождают лыжевидные сколы. Встречаются резцы, трудно отличимые от вторичных ядрищ, мелкие пластинки, долотовидные орудия, проколки, концевые и округлые скребки (рис. 129, *2, 3*). Представлены скребла и галечные орудия. Своеобразие каменному инвентарю придают двусторонне обработанные наконечники копий (рис. 129, *6*), ножи, скребла (рис. 129, *4, 5*). Из костяных орудий отмечены два шила из расколотых трубчатых костей, два обломка эпифизов с круглыми отверстиями, напоминающие «жезлы», и обломок мотыжки из ребра мамонта. Особый интерес представляют обломки ребер животных со следами гравировок, в которых исследователь видит фигуры животных (*Кириллов И. И.*, 1980). К сожалению, качество репродукций и определенные разночтения между фотографиями и прорисовками не позволяют судить об этом с полной уверенностью.

Фаунистические остатки включают кости мамонта, косули, благородного оленя, лося, барана (?), винторогой антилопы, бизона или быка. Такое сочетание находит отражение и в двух очень расходящихся датах: 11 900±130 (СОАН—841) — по кости и 26 110±±200 (СОАН—1138) — по древесному углю. Указывается, что образцы взяты из разных раскопов, но, если культурный слой един, то это не может объяснять столь существенную разницу. Основываясь на мнении П. М. Долуханова, считающего террасу второй, на типологии материала и на наличии гравюр, не известных в памятниках второй половины сартана, исследователи склонны принять древнюю дату. Очевидно, геологические условия залегания требуют дальнейшего уточнения, а типология — детальных разработок. Что касается искусства, то можно заметить, что значительно более обоснованно будет сопоставлять его не с искусством Мальты и Бурети — с ним нет ничего общего, а с мадленскими гравировками Западной Европы.

Вместе с тем дата по кости представляется чрезмерно омоложенной. Только дальнейшие исследования, и в первую очередь раскопки нижележащих слоев, могут пролить свет на возраст Сохатино 4.

К следующему, III, этапу развития позднего палеолита Сибири, который относится ко времени второй половины сартанского оледенения, наступившего после вспышки похолодания в 19—18 тысячелетиях и продолжавшегося до заключительного этапа сартана, принадлежит большая часть памятников, давно известных и хорошо изученных. Не исключено, что некоторые из них относятся к предшествующему этапу, но они так тесно связаны с последующим развитием, что их уместнее рассмотреть именно здесь.

Благодаря работам И. Т. Савенкова в конце прошлого века (*Савенков И. Т.*, 1896), получившим широкий резонанс, палеолит Енисея надолго стал эталоном всего сибирского палеолита. В настоящее время на Енисее известно около 100 палеолитических поселений и отдельных пунктов находок. Наибольший интерес представляют две группы поселений, расположенные в районах, отстоящих друг от друга более чем на 230 км, и раскопанные на широкой площади: поселения в окрестностях г. Красноярска на Афонтовой Горе, теперь недоступной для исследования из-за городской застройки, и поселения у д. Кокорево Новоселовского р-на, ныне лежащие на дне Красноярского водохранилища.

Как пример памятников первой группы может быть взята Афонтова Гора II — трехслойный памятник на южной и юго-западной части склона Афонтовой Горы (*Ауэрбах Н. К., Сосновский Г. П.*, 1932; *Астахов С. Н.*, 1966а). Верхний культурный слой на глубине от 1,0—1,5 до 3,75 м, согласно падению склона, дал незначительный материал, можно отметить лишь, что среди орудий преобладали скребла. К среднему культурному слою отнесены три горизонта с еще более редкими находками. Нижний культурный слой отделен от среднего стерильной прослойкой и лежит на глубине 6 м от поверхности у края раскопа и 12 м вглубь к горе. Он выделяется темным цветом, обилием костей, угля, орудий, отбросов производства и достигает мощности 1 м.

Фауна нижнего слоя характерна для раннесартанской поры. Наибольшее количество костей принадлежит северному оленю — 35% от общего числа, исключая кости птиц. Затем идут песец — 24%, заяц — около 13%, мамонт — 4,5%. Немногочисленны кости благородного оленя, косули, горного барана, сайги, бизона, волка, медведя, лошади и др. Среди остатков птиц отмечены кости белой куропатки (*Громов В. И.*, 1932). В слое были найдены и отдельные кости палеолитического человека: зуб подростка 11—15 лет, кости руки — вторая фаланга, а также обломки левой лучевой, локтевой и плечевой костей с эпифизами, принадлежащие одному взрослому человеку. По предположению изучавшего кости М. П. Грязнова, кости рук представляют локоть, выломанный из неразложившегося еще трупа. Причины этого трудно

объяснимы (*Грязнов М. П.*, 1932). В 1937 г. в обнажении Афонтовой Горы, на уровне нижнего слоя участники XVII Международного геологического конгресса обнаружили фрагмент лобной кости с частью носовых костей. Г. Ф. Дебец отметил плоское переносье этого фрагмента, что свидетельствует о ярко выраженной монголоидности (*Дебец Г. Ф.*, 1946). Очень важно, что это единственная пока палеоантропологическая находка в Сибири, дающая возможность судить о расовом типе.

Каменный инвентарь нижнего слоя Афонтовой Горы II характеризуется орудиями из отщепов, получаемых с грубых аморфных нуклеусов-галек, часто без подготовленной ударной площадки. Наиболее представительные группы орудий — скребла (рис. 130, *17, 24, 27—30, 33, 34*) и скребки (рис. 130, *22, 23*). Скребла иногда имеют двустороннюю обработку (рис. 130, *27*). Среди скребков отмечены микроскребки (рис. 130, *21*). Долотовидные орудия изготовлены из миниатюрных отщепов. Орудия из пластин, точнее из пластинчатых отщепов, единичны и маловыразительны (рис. 130, *14*). Остроконечников «мустьерской формы», на которые часто ссылаются, характеризуя палеолит Афонтовой Горы, здесь нет, хотя имеются остроконечные орудия (рис. 130, *15, 16*). Нет и типичных резцов, только очень редкие изделия с резцовыми сколами могут быть включены в эту группу (рис. 130, *25*). Имеются комбинированные орудия (рис. 130, *20*). Микронуклеусам, клиновидным и торцовым (рис. 130, *31, 32*), соответствуют микропластинки, из которых изготовлены орудия: отмечено 10 острий со скошенным краем (рис. 130, *19*), проколка (рис. 130, *18*) и пластинка с притупленной спинкой (рис 130, *26*). Своеобразный облик инвентарю придают дисковидные (рис. 130, *35*) и тесловидные орудия, даже со следами пришлифовки (*Астахов С. Н.*, 1967).

Здесь собрана богатейшая коллекция костяных изделий — около 250 экз. В основном это наконечники копий (рис. 130, *6, 7, 10*), часто с продольным пазом для закрепления вкладышей; шилья, иглы (рис. 130, *8, 9*), выпрямители из рога (рис. 130, *11—13*). Интересны шарики из бивня мамонта, многочисленные украшения в виде каменных и костяных подвесок (рис, 130, *1—5*), просверленных зубов песца и оленя.

Характерный набор каменных и костяных орудий послужил для выделения особой афонтовской культуры на Енисее, причем в пределах сартанского оледенения этот памятник является наиболее древним по абсолютной дате 20 900±300 лет (ГИН — 117). Примерно к тому же времени относится поселение Афонтова Гора III (*Ауэрбах Н.К.*, 1930) и к более позднему, к концу сартана, Афонтова Гора I и IV (*Астахов С. Н.*, 1966а).

Из памятников на юге Красноярского края одни, как Кокорево II (Тележный Лог), обнаруживают почти полное тождество с Афонтовой Горой II (*Сосновский Г. П.*, 1935; *Абрамова З. А.*, 1979а), другие, как Таштык I и II (*Абрамова З. А.*, 1979а), несколько отличаются от нее, но, несомненно, принадлежат к той же культуре. Третьи обнаруживают существенные различия. Среди последних особенно показательно поселение Кокорево I (Забочка), вскрытое на площади 800 кв. м и имеющее 8 культурных слоев, видимо, представляющих более или менее продолжительные следы сезонных обитаний. В фаунистическом комплексе отсутствует мамонт, преобладают северный олень и заяц-беляк, встречаются лошадь, зубр, благородный олень, горный баран, мелкий волк или собака, песец, в малом количестве птицы и грызуны.

Во втором слое выявлены следы наземного жилища овальных очертаний, размерами 3×5 м, вытянутого по длинной оси вдоль склона. Почти в центре его находится очаг, сложенный по периметру из поставленных на ребро плиток песчаника и заполненный золой. Очаги такого устройства, диаметром 60—90 см встречены почти во всех слоях и могут считаться характерными признаками кокоревской культуры (рис. 131, *20*).

Каменный и костяной инвентарь имеют весьма развитый облик и не различаются по слоям. Здесь производилась первичная обработка собранных на бечевнике галек, о чем свидетельствуют многочисленные рабочие площадки. Представлено огромное количество (свыше 50 000) отбросов производства, много нуклеусов из крупных галек, среди которых ведущими типами являются одно- и двусторонние, одно- и двуплощадочные в разных вариациях. Значительную группу составляют и нуклеусы для получения микропластинок, в том числе и типичные клиновидные (рис. 131, *17*). В соответствии с характером галечных нуклеусов большинство орудий изготовлено из крупных пластин. Среди них нужно особо отметить две группы орудий, впервые серийно встреченные в палеолите Енисея — остроконечники с обработкой краев с дорсальной стороны (рис. 131, *15*) и резцы, главным образом боковые и срединные (рис. 131, *18, 19*). Много пластин с ретушью по одному или двум краям (рис. 131, *10, 11*). Заслуживает внимания ретушированная пластинка с подтеской обоих концов (рис. 131, *9*). Из пластин, в том числе и высокой формы, изготовлялись и концевые скребки (рис. 131, *12, 13*), но большинство скребков изготовлено из довольно крупных округлых отщепов (рис. 131, *14*). Многочисленные скребла, часто из массивных отщепов всегда односторонней обработки, но иногда один узкий конец бывает подправлен и с противоположной стороны, что указывает на использование таких орудий в качестве тесел. Из отщепов изготовлены долотовидные орудия (рис. 131, *16*) и немногочисленные проколки с тонким вытянутым жальцем. Интересно двойное орудие — скребок-проколка (рис. 231, *8*), изготовленное из пластинки и полностью аналогичное орудию из Ачинской стоянки (рис. 127, *10*). Особо следует отметить небольшой топорик с двусторонней обработкой продольных краев и расширенного лезвия.

В этом инвентаре нет ни следов архаизма, ни микроорудий. Единственные предметы, которые можно отнести к последним,— микропластинки правильной огранки, соответствующие клиновидным нуклеусам. Они использовались как вкладыши без дополнительной обработки, о чем свидетельствует находка обломка рогового наконечника копья с пазом, в котором сохранились на месте тончайшие сечения микропластинок без ретуши.

Среди костяных орудий много наконечников копий и дротиков с глубоким пазом. Найдены крупные плоские орудия типа кинжалов также с продольным

пазом (рис. 131, *6*). Из крупных обломков рога северного оленя изготовлены мотыги и выпрямители (рис. 131, *7*). Встречены лощилообразные орудия, а также предметы непонятного назначения с треугольным концом, шилья, иглы (рис. 131, *1, 2*), украшения в виде подвесок из зубов животных с просверлинами и бусы из камня и кости (рис. 131, *3*), поделки, назначение которых неясно (рис. 131, *4, 5*).

Наиболее примечательной находкой является обломок лопатки зубра, пробитый роговым наконечником дротика, большая часть которого обломилась при ударе и отсутствует, меньшая (острие) застряла в кости.

Для поселения Кокорево I имеется серия абсолютных дат: по древесному углю для 2-го слоя — 12 940±270 (ЛЕ — 526) и 13 300±50 (ГИН — 91), для 3-го слоя — 14 450±150 (ЛЕ — 628). Интересно сопоставить с ними даты, полученные недавно в третьей лаборатории по фракции коллагена для 2-го слоя — 13 100±500 (ИГАН — 103), для 3-го слоя 13 000±500 (ИГАН — 102) и по древесному углю для 2-го слоя 15 200±200 (ИГАН — 105), для 3-го слоя — 15 900±250 (ИГАН — 104). Несмотря на некоторые расхождения, можно согласиться, что эти даты совпадают с геологической датировкой — вторая половина сартанского оледенения.

Своеобразие стоянки Кокорево I, заключающееся в специфическом устройстве очагов и особенно в характерном наборе инвентаря, позволило выделить на Енисее существование отличной от афонтовской кокоревской культуры (*Абрамова З. А.*, 1979б). К этой культуре могут быть отнесены Кокорево IV (*Сосновский Г. П.*, 1935; *Астахов С. Н.*, 1966б), Аешка I и II (*Абрамова З. А.*, 1969), Новоселово VI и VII (*Абрамова З. А.*, 1979б), а также ряд памятников в районе б. села Батени и Подгорновского озера.

В верховьях Енисея, на территории Тувы, памятники палеолита не были известны до 1940 г., когда Г. П. Сосновский опубликовал 4 изделия из находок С. А. Теплоухова в 1926 г. на р. Ангачи к юго-востоку от г. Кызыла, отметив большое сходство этих находок с изделиями селенгинского и минусинского палеолита (*Сосновский Г. П.*, 1940). При проведении разведок на р. Ангачи в конце 50-х годов Л. Р. Кызласов собрал большой подъемный материал, часть которого в местонахождениях II и III относится к позднепалеолитическому времени.

Позднепалеолитический комплекс был обнаружен на дюнных выдувах в долине р. Хемчик С. И. Вайнштейном в 1955 г. (*Вайнштейн С. И.*, 1956). На ограниченной площади стоянки Ийме были собраны отщепы, пластинки, микропластинки правильной огранки, клиновидные нуклеусы и ряд орудий, обнаруживающих аналогии в позднем палеолите Минусинской котловины. В 1960 г. М. Х. Маннай-Оол нашел единичные палеолитические изделия на р. Торгалык (*Маннай-Оол М. Х.*, 1963).

Новый этап в изучении каменного века Тувы начался в 1965 г. с началом работ палеолитического отряда Саяно-Тувинской экспедиции под руководством С. Н. Астахова. При подведении итогов за 6 лет работ С. Н. Астахов отметил, что только палеолитических стоянок и местонахождений было найдено 53 (*Астахов С. Н.*, 1971). К сожалению, в Туве пока не обнаружено палеолитических памятников с сохранившимся культурным слоем из-за неблагоприятных условий почвообразования в этом засушливом полупустынном районе.

В долине Саглы местонахождения располагаются обычно на низкой 10-метровой террасе. Вместе с галечными и призматическими нуклеусами собраны клиновидные. Из орудий наибольшую группу составляют скребки из отщепов и укороченных пластинок, встречаются скребла, зубчатые орудия, проколки.

В Центральной Туве позднепалеолитические памятники залегают на террасах от 14 до 20—30 м высотой или на конусах выноса, иногда на более высоких уровнях. Для одной группы стоянок (Порог 1, Улуг-Бюк 2, Улуг-Бюк 5) характерно изготовление орудий из отщепов и грубых пластин, малое количество микропластинок, наличие серий долотовидных орудий и боковых скребел из отщепов (*Астахов С. Н.*, 1969). Материал другой группы стоянок (Демир-Суг 6, Улуг-Хая 2, Улуг-Хая 4) сходен с саглынским. Здесь также встречаются конические и клиновидные нуклеусы, микропластинки, скребки, скребла, грубые рубящие орудия (*Астахов С. Н.*, 1971, рис. 2). С. Н. Астахов замечает, что «это выделение двух групп стоянок является предварительным, но, будучи основано на конкретных признаках, оно, возможно, отражает хронологические или, скорее, культурные различия» (там же, с. 87, 89).

В последние годы открыт ряд памятников в Саянском каньоне с сохранившимися культурными слоями. Из них наибольший интерес представляют опубликованные лишь предварительно стоянки Голубая I и Кантегир I. Стоянка Кантегир I находится на левом берегу р. Кантегир, при ее впадении в Енисей. 5 культурных слоев залегают в серых супесях второй террасы. Фаунистические остатки включают кости зубра и сибирского козерога, позвонки рыб. Характер инвентаря, по-видимому, обычен для палеолита Енисея. Отмечено, что техника расщепления характеризуется изготовлением отщепов с одно- и двуплощадочных нуклеусов. Представлены микропластинки. Из орудий наиболее многочисленны скребки, в том числе высокой формы. Встречаются скребла, долотовидные и галечные орудия. Найден роговой наконечник копья с пазами (*Астахов С. Н.*, 1976, 1979).

Отличается по своему облику от материала других стоянок Енисея инвентарь стоянки Голубая I, которая находится в 1,3 км от впадения реки Голубой в Енисей, напротив пос. Майна. Стоянка расположена на мысу II террасы, имеющей высоту 10—12 м. В песчаных и супесчаных отложениях обнаружено 3 культурных слоя, наиболее насыщенный 3-й слой лежит на глубине 4 м от поверхности. В нем расчищено скопление находок овальной формы размерами 7×5 м, в центре которого находится очаг диаметром до 1,5 м, оконтуренный плоскими валунами. Фаунистические остатки включают кости зубра (?), кулана, благородного оленя, зайца и птиц. Абсолютный возраст по древесному углю 13 050±90 лет (ЛЕ — 1101). Каменный инвентарь включает много отбросов производства, особенно чешуек. Вторичные ядрища для снятия микропластинок не типичны. Основная группа орудий — скребки, преимущественно концевые на пластинках. Скребла единичны и атипичны. Встречаются многофасеточные резцы, острия, проколки, пластины с ретушированными краями. Из костяных

орудий найден обломок наконечника (*Астахов С. Н.*, 1973, 1979).

Стоянки на Алтае группируются главным образом в районе г. Бийска. Наиболее полно исследована и опубликована стоянка Сростки в 36 км от г. Бийска по тракту на г. Горно-Алтайск. Материалы этой стоянки могут служить эталоном для выделения позднепалеолитической культуры Алтая, своеобразной и вместе с тем имеющей много общего с соответствующими культурами на Енисее и в Забайкалье. Стоянка расположена на III надпойменной террасе, возвышающейся на 50—80 м над уровнем р. Катуни. В слое лессовидной супеси залегали 3 культурных слоя, характер которых и каменный инвентарь не дают заметных различий (*Сосновский Г. П.*, 1941). В нижнем слое вскрыты небольшие скопления находок, иногда вокруг остатков кострищ. Костей животных сохранилось мало, отмечены лишь зубы дикой лошади и обломки рога северного оленя.

На вскрытой площади около 200 кв. м собрано около 100 орудий и около 2500 отщепов и обломков камня. Основным материалом служили гальки различного состава, собранные на берегах Катуни. В инвентаре присутствуют желваки, только начатые обработкой, разбитые гальки и грубо оббитые нуклевидные орудия. Нуклеусы немногочисленные, односторонние одноплощадочные и двухплощадочные. Наряду с ними имеются микронуклеусы со следами снятий правильных узких микропластинок.

Заготовками для изготовления орудий были отщепы различных размеров, массивные широкие пластины и крупные удлиненные пластинки. Наиболее многочисленную группу орудий составляют скребла, изготовленные обычно из массивных крупных отщепов. Вентральная сторона — ровная, дорсальная — выпуклая, имеет следы снятий и иногда сохраняет галечную корку. Выделяются узкие скребла-ножи из пластинчатых отщепов. Остроконечник из плоской пластины листовидной формы с одним ретушированным краем также служил ножом. Серия скребков изготовлена из отщепов округлой, овальной и неправильно-треугольной формы чаще всего с выпуклым рабочим краем на дистальном конце. Единичны проколки, долотовидные орудия и изделия, напоминающие резцы. Есть и типичный галечный чоппер. В целом в инвентаре стоянки Сростки можно проследить некоторые отдаленные черты Усть-Канской и более определенные черты сходства с енисейским палеолитом. Однако на Алтае не известны пока памятники, занимающие промежуточное положение во времени между Усть-Канской и Сростками. Здесь широко развиты памятники именно конца позднего палеолита, одновременные Сросткам или моложе их.

По-видимому, к эпохе середины сартанского оледенения относятся памятники, занимающие географически промежуточное положение между стоянками Западной и Восточной Сибири. Это местонахождения около г. Старокузнецка и на р. Кондоме около с. Кузодеева (*Окладников А. П.*, 1964) и открытая в 1972 г. Могочинская стоянка. Последняя расположена на левобережном мысу р. Оби, напротив с. Могочино. Культурный слой приурочен к ожелезненной прослойке толщиной 7—10 см, залегающей на глубине 4 м от поверхности, на контакте между перекрывающей толщей слоистых суглинков и подстилающей толщей песков тобольской свиты. Вместе с отдельными обломками костей мамонта, носорога, лошади, зубра находились преимущественно отбросы производства изделий из кварцита плохого качества. Представлены призматические и клиновидные нуклеусы, галечные орудия, скребла часто небольших размеров, скребки из отщепов, довольно крупные долотовидные орудия, угловой резец очень невыразительный и пластинчатые отщепы с ретушью (*Аникович М. В.*, 1973). В целом инвентарь обнаруживает значительное сходство с инвентарем афонтовской культуры.

К тому же этапу — середине сартанского оледенения — можно отнести 4-й и 5-й горизонты стоянки Сосновый Бор на Ангаре. Она расположена на древней дюне, отложения которой перекрывают аллювий 18—23-метровой террасы правого берега р. Белой. Здесь вскрыто 8 культурных горизонтов, 1-й принадлежит ко времени неолита-бронзы, 2-й — позднего и 3-й, 3а, 3б — раннего мезолита; 4-й горизонт связан с мощной погребенной почвой, нарушенной двумя генерациями морозобойных трещин. Почва формировалась в холодное время сартанского оледенения, и возраст ее, по мнению С. М. Цейтлина, не моложе 12 500 лет. Среди фаунистических остатков определены кости дикой лошади, кулана, зубра, северного оленя; в кострищах найдены пластины бивня мамонта. Кремневый инвентарь не противоречит датировке концом позднего палеолита. Чопперы и скребла находятся вместе с широкими остроконечниками-бифасами и ножами с двусторонней обработкой. Клиновидные нуклеусы представлены разнообразной серией.

5-й горизонт по культуре во многом близок 4-му. Двусторонняя обработка представлена в своеобразной группе скребловидных орудий, имеющих и концевую подтеску с двух сторон. Слой, видимо, отложен в холодное время, о чем свидетельствуют морозобойные трещины. Из фаунистических остатков найдено несколько костей зубра и лошади.

6-й, самый древний культурный горизонт, пока дал мало материала: пластину с ретушью, несколько обломков микропластинок, отщепы и два грубых нуклеуса. Материал несет следы сильного выветривания, что свидетельствует о наличии в прошлом на территории Верхнего Приангарья пустынных или полупустынных ландшафтов. Залегание горизонта в аллювии III террасы позволяет предположить его более древний по сравнению с Мальтой и Буретью возраст. Для более точных сопоставлений необходимо как дальнейшее исследование памятника, так и его публикация. Пока же Г. И. Медведев считает, что культура 4-го и 5-го горизонтов представляет собой ту палеолитическую основу, на которой позже развился бадайский мезолитический комплекс (*Медведев Г. И., Лежненко И. Л., Савельев Н. А.*, 1971).

К тому же кругу могут быть отнесены стоянки Кулаково I и Черемушки II (*Лежненко И. Л.*, 1974). Необходимо также упомянуть стоянку Федяево, которая находится в 150 км ниже г. Иркутска на левом берегу Ангары. Культурный слой ее залегал в верхней части отложений III надпойменной террасы, имеющей здесь высоту 18—22 м, в слое лессовидной супеси на глубине 50—60 см от поверхности. Фаунистические остатки принадлежат северному оленю,

лошади, зубру, благородному оленю, лосю, зайцу, птице (куропатке?). Археологический материал невелик. В качестве исходного сырья использовались главным образом крупные кварцитовые гальки. Среди нуклеусов представлены клиновидные, в том числе и очень мелкие. Наиболее характерные орудия — скребла из отщепов. Упоминаются и два долотовидных орудия (*Астахов С. Н.*, 1963). Малочисленность инвентаря затрудняет выводы, но несомненно, что стоянка моложе не только Мальты, но и Красного Яра и, возможно, представляет завершение развития мальтинской культуры.

Еще более поздней представляется стоянка Верхоленская Гора, ее нижний, 3-й культурный слой, выделенный М. П. Аксеновым на контакте лессовидной толщи и серой глины (*Аксенов М. П.*, 1966). Общее количество находок, достоверно принадлежащих 3-му слою, невелико. Нуклеусы маловыразительны и представляют скорее заготовки. Орудий относительно много. Это прежде всего резцы, изготовленные одинаковым приемом из пластин или отщепов. Мелкой крутой ретушью обработаны края; с одного, реже с двух концов поперек или наискось произведен один, реже несколько резцовых сколов. Скребки изготовлены из отщепов, среди них упоминаются два микроскребка и два скребка с высоким рабочим краем. Из скребел следует отметить двойные, с противолежащими рабочими краями. Остальные скребла имеют край, обработанный лишь с одной стороны. Ножи разнообразны по форме и изготовлены из пластин, отщепов и плиток аргиллита. 6 орудий типологически относятся к чопперам. Они имеют различные размеры и формы и, по-видимому, употреблялись и как рубящие и как скребущие орудия.

Здесь обнаружены очень редкие в палеолите Сибири гарпуны с двумя рядами зубцов; обломки лопаток зубра, видимо, приспособленные для копания; колотушка из рога благородного оленя и тонкий веретенообразный роговой стержень с ровно обрезанными концами, возможно, служивший отжимником. Из культурного слоя происходят также вкладышевый наконечник небольших размеров и обломок тонкого острия из рога оленя с мелкой неровной прорезью по краю. Любопытна находка скорлупы яиц страуса. Этот слой Верхоленской Горы имеет абсолютную дату по C^{14} равную 12 570±180 лет (МО—441).

Определенную близость к Верхоленской Горе обнаруживают Макаровские стоянки. Они расположены на правом берегу р. Лены, в 15 км ниже г. Качуга. Стоянка Макарово I, открытая и исследованная А. П. Окладниковым, была отнесена им к палеолиту. Изучая стоянку в последние годы, М. П. Аксенов пришел к выводу о мезолитическом возрасте памятника. Поскольку еще нет полной ясности о границе позднего палеолита-мезолита в Северной Азии, кажется целесообразным упомянуть этот памятник как завершающий развитие палеолита на Верхней Лене. Культурный слой залегает в толще отложений 6—8-метровой террасы, в слое желтоватой супеси (или суглинка, по М. П. Аксенову), который перекрывается почвенно-дерновым слоем и подстилается слоистым песком серого цвета. В основании супесчаного слоя А. П. Окладниковым обнаружен очаг, сложенный из вертикально стоящих по кругу плит песчаника. Дно его было выстлано плитками горизонтально. Кроме золы и угля, в очаге оказались фрагменты костей животных и овальной формы скребло, а также 2 осколка галек. Около очага, в обнажении террасы, собраны многочисленные отщепы, типичный клиновидный нуклеус и скребок (*Окладников А. П.*, 1953).

В 1966 г. при продолжении раскопок М. П. Аксенов на вскрытой площади 75 кв. м обнаружил остатки жилища в виде слегка углубленной круглой площадки диаметром 7 м, ограниченной крупными плитками песчаника. В центре площадки находился очаг также из крупных плит, положенных плашмя. Внутри очага имелись следы золы и редкие древесные угольки. Вокруг очага внутри жилища найдены обломки костей животных, кости рыб, крупные кварцитовые гальки, клиновидный нуклеус, галечные орудия типа чопперов и чоппингов, скребло, микроскребок, поперечный резец, микропластинки и отщепы (*Аксенов М. П.*, 1970). Как остатки жилища, так и собранный инвентарь не выпадают из круга памятников финального палеолита этого региона.

В 80—100 м от стоянки Макарово I, но на 7—8 м выше последней в 1967 г. С. М. Цейтлин обнаружил стоянку Макарово II с 4 культурными горизонтами. В почве заключены редкие находки от неолита до современности (1). Ниже залегает толща лессовидной супеси мощностью 80—190 см, вмещающая 4 погребенные почвы. Две верхние слабо развиты, с самой верхней связаны остатки 2-го культурного горизонта, аналогичного по инвентарю слою позднего мезолита верхоленской культуры. К двум нижним почвам, хорошо развитым, приурочены культурные остатки позднего палеолита (3-й и 4-й горизонты). Они сходны не только по характеру залегания в погребенных почвах, но и по облику инвентаря, изготовленного из одного материала.

Основную массу находок в палеолитических горизонтах составляют отходы производства каменных орудий. Заметную группу составляют нуклеусы из галек, одно- и двуплощадочные (рис. 132, *9, 10*). В 4-м горизонте представлены и клиновидные нуклеусы (рис. 132, *7*). Отсутствие их в 3-м горизонте кажется случайным, поскольку имеются краевой скол, снятый с такого нуклеуса, и микропластинки правильной огранки (рис. 132, *5*). Из орудий найдены ножи из крупных пластинчатых отщепов, скребки из отщепов с высоким рабочим краем (рис. 132, *2—4*). В 3-м горизонте единичными экземплярами представлены поперечный резец (рис. 132, *8*) и проколка из микропластинки (рис. 132, *6*). Интересны костяные орудия. Из 3-го горизонта происходит гарпун из пластины рога благородного оленя (рис. 132, *1*), острие, «ножи» из тонкой кости, из 4-го горизонта — длинное узкое острие с уплощенным насадом.

Из фаунистических остатков в 3-м горизонте найдены кости джигетая-кулана, бизона, или первобытного быка, лошади (Equus caballus var.), близкой лошадям ориньяко-солютрейского времени, и лошади, по размерам близкой Equus cf. przewalskii — лошади позднеплейстоценового времени, зубра, волка, оленя (Cervus sp.), тайменя; в 4-м горизонте кости лошади (Equus caballus var.), по размерам близкой лошади ориньяко-солютрейского времени, цокора (Myospalax), благородного оленя (Cervus elaphus L.). Преобладают животные открытых степных пространств, но наличие форм, обычных для лесных и лесостепных

зон, свидетельствует, что степи или граничили с лесными массивами или разнообразились перелесками.

Для 3-го горизонта получены даты 11 400+500 лет (ГИН — 480б) и 11 860±200 лет (ГИН — 480а), для 4-го — 11 950±50 (ГИН — 481).

М. П. Аксенов полагает, что нижние слои Макарово II, очевидно, синхронны нижнему слою Верхоленской Горы. В культурном отношении эти комплексы различны, хотя наблюдаются характерные общие элементы. Это может указывать как на возможную генетическую близость памятников (они имеют ярко выраженный забайкальский облик), так и на возможные контакты между населением Верхней Лены и Ангары в этот период (*Аксенов М. П.*, 1974).

Условия залегания многих палеолитических памятников западного Забайкалья, по сравнению с другими областями, исключая, может быть правый берег Енисея от Минусинска, до р. Комы, имеет довольно необычный характер, зависящий от ландшафта Селенгинской Даурии,— почти все они связаны с поверхностью развеваемых ветром древних песков. Комплексы каменных изделий находятся в глубоких котловинах выдувания и стратиграфически могут быть в ряде случаев связаны с лессовидными супесями и суглинками, залегающими ниже горизонта погребенной почвы с неолитическими остатками.

Характерной стоянкой на песчаных выдувах может служить Няньги, расположенная на высокой береговой террасе левого берега р. Селенги, на 196 км к югу от Улан-Удэ (*Окладников А. П.*, 1959). На обширной площади песков рассеяны многочисленные каменные орудия, представляющие, бесспорно, единый культурный комплекс. Здесь представлены призматические нуклеусы одноплощадочные и двуплощадочные, чаще всего односторонние; кубовидные и конические; нуклеусы для получения микропластинок, в том числе типичные клиновидные. Скребки и скребла составляют большую часть орудий. Скребла различных форм изготовлены из расколотых галек, отщепов и пластин, односторонней и двусторонней обработки, с овальным выпуклым или вогнутым рабочим краем. Имеются небольшие тонкие скребла-ножи двусторонней обработки. Скребки изготовлены из пластинок, пластинчатых отщепов, отщепов округлой формы, в том числе первичных. Встречаются тесла, тесловидные орудия и немногочисленные рубящие орудия типа чопперов. Особый интерес представляет остроконечник листовидной формы двусторонней обработки.

Подобный набор орудий с тем или иным изменением количественного соотношения групп и типов характерен и для других развеянных стоянок (*Сосновский Г. П.*, 1932, 1933).

На этом фоне исключительное значение имеют немногочисленные пока памятники с сохранившимся культурным слоем и прежде всего стоянка у с. Куналей в среднем течении р. Хилок, залегающая в отложениях II надпойменной террасы высотой 8—10 м. В основании покровных отложений мощностью 2,8 м в слое бурого алевритистого песка, сильно деформированного криогенными процессами, лежит культурный слой толщиной 0,7 м. Фаунистические остатки включают кости лошади, носорога, бизона, оленя и полевки Брандта. Палинологический анализ показал, что в период формирования палеолитического слоя в этом районе преобладали открытые пространства с небольшими островками леса на склонах гор, господствовал умеренно-холодный относительно сухой климат. Эти данные позволяют отнести стоянку Куналей к кокоревскому интерстадиалу или ко времени 13 000 лет назад (*Константинов М. В.*, 1979, с. 11).

На вскрытой площади в 250 кв. м собрано 2193 каменных изделия, из них 1795 отщепов. Каменный инвентарь характеризуется орудиями, изготовленными из отщепов, снятых с крупных галек, причем снятия производились в различных направлениях. Представлены и орудия из галек и в значительно меньшей степени из пластинок, преимущественно средних размеров, длиной 4—6 см. Торцовые микронуклеусы и соответствующие им микропластинки немногочисленны. Среди орудий преобладают скребла и скребки, из которых наиболее характерны скребки с плечиками. Имеются проколки из небольших отщепов с одним или несколькими жальцами. Долотовидные орудия и остроконечники редки, резцы редки и маловыразительны. Значительную группу орудий составляют чопперы. Из костяных орудий упомянуты 3 шила и обломок иглы.

Интересный палеолитический памятник открыт на правом берегу р. Онон к югу от восточной окраины с. Икарал. Культурный слой представлен прослойкой серого суглинка, залегающего в толще горизонтально-волнистых серовато-желтых песков, на глубине 1,5—1,7 м от поверхности, на высоте 32 м над уровнем р. Онон (терраса не указана). В культурном слое обнаружено кострище овальной формы, вокруг которого располагалась большая часть остатков. Каменные изделия включают призматические и клиновидные нуклеусы, пластинки и микропластинки, единичные орудия: пластинки с ретушью, срединный и поперечный резец. Из фаунистических остатков отмечены кости носорога (*Шамсутдинов В. Х.*, 1966).

Только в предварительной форме опубликовано поселение Студеное около с. Нижний Нарым, расположенное на первой надпойменной террасе, у впадения ручья Студеного в Чикой. Поселение многослойное — 21 слой разделен стерильными прослойками, которые нигде не сливаются. Здесь идет четкая последовательность палеолитических (слои 16—19), мезолитических и неолитических слоев. В самом низу на галечнике (слой 19), на глубине 3,3 м от поверхности обнаружены остатки жилища неправильно-округлой формы, размерами 4,7×3,3, оконтуренные плотной однорядовой кладкой из валунов. В слоях 16—18 жилища округлые диаметром в среднем до 3 м, отмеченные углистой массой на полу и отдельными валунами по контуру.

Фаунистические остатки представлены костями байкальского яка, винторогой антилопы, благородного оленя, быка или бизона, горного сибирского козла (?). Каменный инвентарь состоит преимущественно из отщепов, орудия единичны: скребла из тонких отщепов, долотовидное орудие. Отмечены также крупная основа вкладышевого орудия с двумя пазами и молоток из обломка рога благородного оленя. Радиоуглеродная дата по углю 16-го слоя — 11 630+ +50 (СОАН — 1656) показывает вместе с другими данными поздний в пределах палеолита возраст ниж-

них слоев Студеного (*Константинов М. В. и др.*, 1977; *Константинов М. В.*, 1979).

К заключительной поре позднего палеолита Забайкалья относятся стоянка Ошурково на левом берегу р. Селенги в 14 км ниже г. Улан-Удэ. По Н. А. Флоренсову, палеолитические слои залегают в тыловой части террасы р. Селенги высотой 6—8 м, примыкающей к коренному склону (*Окладников А. П., Флоренсов Н. А.*, 1961, с. 476—477). Три культурных слоя связаны с остатками погребенных почв, которые как считает Э. И. Равский, относятся ко времени завершения аккумуляции аллювия I террасы. По данным Л. В. Голубевой, в это время здесь существовали перигляциальные ландшафты типа холодной степи. Из сопоставления различных данных Э. И. Равский пришел к заключению, что аллювий террасы образовался в конце сартанского оледенения, а формирование погребенной почвы произошло во внутрисартанском интерстадиале (*Равский Э. И.*, 1972, с. 172—173).

О позднем возрасте Ошурково свидетельствует и состав фауны: первобытный зубр мелкой коротконогой формы, лось, благородный олень, северный олень, заяц и др. (*Бибикова В. И. и др.*, 1953). Наличие такой лесной формы, как лось, позволило зоологам высказать положение о сокращении открытых пространств и бóльшем развитии леса по сравнению с более ранним временем. Однако этому положению противоречат спорово-пыльцевые данные, показывающие растительность холодной степи, но ни геология, ни фауна, ни пыльца не опровергают палеолитический возраст стоянки. Недавно полученная для 2-го культурного слоя радиоуглеродная дата по древесному углю 10 900+500 лет назад (ГИН — 302) вместе с другими данными свидетельствует, что нижние слои (2 и 3) относятся к первому позднесартанскому интерстадиалу и началу последующего кратковременного похолодания (*Цейтлин С. М., Голубева Л. В.*, 1977, с. 191).

Каменный инвентарь Ошурково выработан в тех же культурных традициях, что и материал развеянных стоянок. Сырьем для изготовления орудий служили гальки различного состава, преимущественно кремнистого сланца и кварцита. Характерны призматические нуклеусы со следами сколов пластинчатых отщепов, а также миниатюрные клиновидные нуклеусы. Многочисленны галечные орудия типа чопперов. Встречаются крупные скребла иногда двусторонней обработки; пластины и отщепы с ретушью; разнообразные скребки из отщепов, иногда с правильным округлым рабочим краем, долотовидные орудия с одним или двумя рабочими концами.

В Ошурково найдены костяные орудия: вкладышевые наконечники копий, гарпун, игла. Из украшений интересна тщательно зашлифованная подвеска из агальматолита. Для характеристики образа жизни Ошурковской стоянки существенно обилие рыбьих костей, которые густо заполняли очажные скопления.

До недавнего времени самой северной палеолитической стоянкой Сибири была Частинская, открытая А. П. Окладниковым в 1941 г. на левом берегу р. Лены на 58° с. ш. Здесь в 1—1,5 км выше д. Частинской в обнажении 10—12-метровой террасы был открыт культурный слой, залегавший в толще переслаивающихся суглинков и супесей на глубине 1,6 м от поверхности. Фаунистические остатки включали кости дикой лошади, северного оленя, носорога и песца. Кости вместе с расщепленным камнем, мелкими угольками и кусочками охры залегали в виде двух скоплений. В одном скоплении сохранились остатки очага, сложенного небольшими речными валунами. Каменный инвентарь немногочислен и включает грубые скребловидные орудия из относительно тонких осколков кварцитовых галек, массивное орудие в форме полудиска, орудие типа чоппера, плоский отщеп с ретушью (*Окладников А. П.*, 1953). В целом и по фауне, и по облику изделий этот памятник не выходит из рамок сибирского позднего палеолита.

За последние десятилетия на Алдане обнаружен ряд открытых палеолитических стоянок и одна стоянка в Дюктайском гроте, материалы которых послужили для выделения особой дюктайской культуры (*Мочанов Ю. А.*, 1977).

Грот находится на правом берегу р. Дюктай, в 112 м от ее впадения в р. Алдан. Высота грота над уровнем Дюктая — 12,5 м. В гроте и на площадке перед ним заложен ряд раскопов общей площадью 317 кв. м. На площадке, под пятью голоценовыми слоями и линзами желтовато-серого суглинка залегала горизонтально-слоистая пачка, мощностью 3,9 м, которая отчетливо разделяется на 3 горизонта (7а, 7б, 7в). В них содержались палеолитические культурные остатки. В гроте под двумя голоценовыми слоями лежали супесчано-суглинистые отложения, насыщенные щебенкой и культурными остатками (слой 8) и под ними горизонтально-слоистая желтая супесь (слой 9). Сводный разрез отложений представлен на рис. 133, *16*.

Фаунистические остатки во всех слоях одинаковы, они включают кости мамонта, особенно обильные в 8-м слое, северного оленя, лося, бизона, лошади, снежного барса, пещерного льва, волка, лисицы, песца, зайца, различных грызунов, в том числе лемминга, птиц и рыб.

Каменный инвентарь всех слоев не представляет существенных различий и может быть рассмотрен в целом, тем более что подавляющее большинство составляют отбросы производства. Нуклеусов найдено около 50, большую часть их составляют клиновидные нуклеусы (рис. 133, *13*, *14*) и заготовки. Имеются также одноплощадочные односторонние нуклеусы в начальной степени использования и единичные нуклеусы с дисковидным способом скалывания.

Орудий во всех слоях около 100. Наиболее характерными, придающими специфический облик комплексу и всей дюктайской культуре, являются двустороннеобработанные орудия: наконечники копий или дротиков (рис. 133, *3*, *4*, *11*) и ножи (рис. 133, *10*). В категорию ножей попадают и другие морфологически очень разные орудия: из пластин (рис. 133, *1*), отщепов, плиток. Трасологического определения орудий не производилось, они выделены, видимо, по наличию режущего края. Для всех слоев характерны «вкладыши» — орудия из обломков мелких пластинок и микропластинок с ретушью по одному краю с дорсальной стороны (рис. 133, *8*, *12*), но отмечен случай ретуши и с вентральной стороны. Скребки из пластинок и отщепов немногочисленны и маловыразительны. Резцы, напротив, довольно широко представлены. Различаются угловые резцы из микропласти-

нок и мелких пластинок правильной огранки, а также многофасеточные резцы из пластинок и обломков плиток (рис. 133, *2*, *6*, *7*, *9*). Скребла немногочисленны, в их числе представлено классическое боковое скребло из отщепа с обушком. В категорию скребел включен и невыразительный отщеп с ретушью (рис. 133, *15*).

Для Дюктайской стоянки имеется серия дат по древесному углю: для средней части отложений слоя 7а – 12 100±120 лет (ЛЕ – 907) и 13 200±250 лет (ГИН – 405); для верхней части горизонта 7б – 13 070±90 (ЛЕ – 734) и 14 000±100 лет (ГИН – 404), причем уголь, отобранный в том же квадрате, но на 30 см ниже, дал дату 12 690+120 лет (ЛЕ – 860); по образцу древесины для кровли горизонта 7в получена дата 13 100+90 лет (ЛЕ – 908). Таким образом, несмотря на некоторые разногласия, культурные слои Дюктайской стоянки датируются второй половиной (концом) сартанского оледенения. Геологические слои 7а и 7б, вероятно, соответствуют аккумуляции верхней толщи аллювия II террасы, отложения слоя 9-го относятся к пойменной фации аллювия, который «согласно анализу археологических и фаунистических материалов накапливался, вероятно, одновременно с отложениями слоя 7в» (*Мочанов Ю. А.*, 1977, с. 13). Разница в литологии слоев 7в и 9 не учитывается.

На основании сходства отдельных элементов инвентаря все другие палеолитические стоянки, обнаруженные на Алдане, даже представленные лишь единичными предметами, также отнесены к дюктайской культуре, но на основании радиоуглеродных дат им приписывается значительно более древний возраст.

Верхне-Троицкая стоянка находится на правом берегу Алдана, в 851 км от его устья и расположена в отложениях II террасы, имеющей высоту в средней части 12—13 м, а у внешнего уступа – 9—10 м. На глубине около 4,5 м залегает горизонтально-слоистая пачка, состоящая из прослоек алевритов и песков. Общая мощность пачки 1,6—1,8 м, во всей ее толще встречались кости животных, в том числе шерстистого носорога. По образцам древесины, отобранным в верхней половине пачки, получены 4 радиоуглеродные даты от 14 530±160 лет (ЛЕ – 864) до 18 300±±180 лет (ЛЕ – 905). В 6 нижних прослойках суглинков и алевритов общей мощностью 80—90 см, верхняя из которых совпадает с древнейшей датой, залегал расщепленный камень. Малое количество материала позволило Ю. А. Мочанову рассматривать его как происходящий из одного культурного слоя. Из 52 каменных предметов здесь обнаружено 2 клиновидных нуклеуса и 11 орудий: «вкладыш» – сечение мелкой пластинки (2,3×0,9 см) с частичной мелкой ретушью с вентральной стороны, 2 резца, 3 ножа, 2 скребка, скребло, долотовидное орудие с чешуйчатой подтеской одного конца и отбойник. Здесь же найдена костяная игла без ушка. На бечевнике под стоянкой собран обильный подъемный материал, который благодаря двустороннеобработанным орудиям может быть сопоставлен с инвентарем Дюктайской стоянки. Нуклеусы: двуплощадочные и клиновидные, чоппер и особенно поперечные резцы близки по всем показателям к материалам стоянки Макарово II на верхней Лене, где во 2-м, мезолитическом, слое, помимо этих компонентов, найден и двустороннеобработанный листовидный нож или наконечник копья.

Ю. А. Мочанов полагает, что материалами Верхне-Троицкой стоянки «...представлен довольно ранний этап дюктайской культуры, который датируется примерно 23/22—18 тыс. лет» (*Мочанов Ю. А.*, 1977, с. 69). По-видимому, эта датировка несколько удревнена. Материалы стоянок Ихине I и II, Усть-Миль II слишком незначительны, чтобы иметь возможность говорить об их принадлежности к дюктайской культуре. Неприемлемость их датировок подробно рассмотрена в другом месте (*Абрамова З. А.*, 1979в). Очевидно, они не могут быть древнее второй половины сартанского оледенения.

Наибольшая древность – примерно 35 тыс. лет – была установлена Ю. А. Мочановым для стоянки Эжанцы. Поскольку материал этой стоянки сравнительно с другими более представителен, следует остановиться на ней.

Эжанцы находится на правом берегу р. Алдан, в 784 км от ее устья. Культурные остатки приурочены к отложениям 16—18-метровой террасы. Под тонким слоев дерна и слоем покровного красновато-коричневого суглинка мощностью 50—60 см лежит серовато-бежевый суглинок такой же мощности с культурными остатками. Подстилают суглинки серовато-желтые пески с тонкими прослойками алевритов. Слои местами нарушены морозобойными трещинами, идущими на глубину 2,5 м от дневной поверхности. По образцам древесного угля, отобранным из гумусированных прослоек, сползающих из покровного суглинка в морозобойные трещины, получены даты 9000±100 лет (ЛЕ – 907), 10 500+300 лет (ЛЕ – 964) и 10 940±100 лет (ГИН – 737). Неясно, на каких основаниях серовато-бежевый суглинок считается пойменной фацией аллювия III террасы, а нижележащие пески – отложениями прирусловой отмели, но эти определения позволили Ю. А. Мочанову сопоставлять разрез Эжанцы с разрезом стоянки Усть-Миль II и использовать даты, полученные по древесине, взятой из отложений пойменного аллювия (35 400+600 лет, ЛЕ – 954) и прирусловой отмели (35 600+900 лет, ЛЕ – 955) в Усть-Миль II. Но и там эти определения не доказаны и могли быть сделаны только благодаря полученным датам. К тому же эти две различные фации имели практически одну дату, что позволяет высказать предположение, что древесина могла быть инородной для этих отложений.

Фаунистические остатки в Эжанцы те же, что и на других стоянках, отличались от фауны Дюктайской стоянки только наличием костей шерстистого носорога. В каменном инвентаре наряду с подпризматическими нуклеусами, точнее их заготовками, представлены клиновидные (рис. 132, *20*, *21*). Единственный нуклеус назван «черепаховидным» (рис. 132, *22*), видимо, для подтверждения древнего возраста стоянки, хотя никаких других признаков леваллуазской техники нет. Клиновидным нуклеусам соответствуют микропластинки (рис. 132, *15*), которые иногда оформлялись в орудия. Всего на стоянке найдено 30 орудий, из них наиболее представительная группа (21 экз.) – резцы (рис. 132, *13*, *19*). Особо примечателен резец на углу сломанной микропластинки (рис. 132, *14*), совершенно аналогичный резцу из Дюктайской пещеры (*Мочанов Ю. А.*, 1977, ср.

табл. 16, *2* и табл. 7, *1*). Проколка также изготовлена из микропластинки (рис. 132, *16*). Можно упомянуть концевой скребок из тонкого отщепа (рис. 132, *12*), аморфный отщеп со следами обработки (рис. 132, *18*), скребло из небольшой гальки (рис. 132, *17*), чопперы и состоящий из двух частей обломок скребла или ножа (рис. 132, *11*), «... который по своим технико-типологическим показателям аналогичен двустороннеобработанным овальным кремневым ножам из Дюктайской пещеры» (*Мочанов Ю. А.*, 1977, с. 58). Эта находка оценивается Ю. А. Мочановым как исключительно важная для выяснения генезиса дюктайской культуры, более того, по-видимому, только она (других доказательств не приводится) позволяет ему отнести предварительно Эжанцы вместе с Усть-Миль II к наиболее ранним памятникам дюктайской культуры, а время существования последней безоговорочно отнести к периоду 35—10,5 тыс. лет назад.

Вместе с тем эволюция культуры не прослеживается. Ю. А. Мочанов отмечает, что характерным для ранних стоянок является сочетание в едином культурном комплексе крупных галечных подпризматических нуклеусов и мелких клиновидных, как и сочетание единичных галечных скребел и мелких скребков на отщепах (там же, с. 223). Но это сочетание можно видеть не только в Эжанцы (другие стоянки не дают материала для сравнений), но и в самой Дюктайской стоянке и, более того, в комплексах позднего палеолита Енисея, Ангары, Забайкалья. Именно это сочетание отмечено как характерное для сибирского палеолита в целом.

Инвентарь стоянки Эжанцы находит близкие аналогии в нижнем комплексе стоянки Макарово II на верхней Лене: нуклеусы подпризматические и клиновидные, чопперы, скребки, скребло, поперечные резцы, проколка из микропластинки. Аналогии можно продолжить, но совершенно очевидно, что в комплексе Эжанцы нет ни одного типа, который не был бы представлен в палеолитических стоянках Сибири, отстоящих по времени от гипотетического возраста Эжанцы на 15—20 тыс. лет.

Итак, или следует признать хронологические выкладки для алданских стоянок и тем самым считать установленным, что здесь 35 тыс. лет назад уже существовала культура с инвентарем, все компоненты которого обнаруживаются через 15—20 тыс. лет здесь же на Алдане, а также на Верхней Лене, Ангаре, Енисее, в Забайкалье, или полагать, что стоянки Алдана не выходят за рамки сартанского оледенения. Последнему предположению противоречит серия радиоуглеродных дат в своей совокупности и в особенности в размещении по различным отложениям различных террасовых уровней, казалось бы очень убедительных. Но нетрудно заметить, что существует следующая закономерность: если анализ сделан по древесному углю, взятому из культурных слоев, даты соответствуют реальному положению; если же по древесине неясного происхождения и в неизвестной связи с культурными остатками, даты чрезмерно удревнены.

Возможно, противоречий удастся избежать, если на Алдане будет четко определена последовательность террасовых уровней и установлен характер слагающих их отложений при помощи геологических методов, а не на основании радиоуглеродных дат, полученных по древесине.

К дюктайской культуре отнесена и самая северная палеолитическая стоянка, которая находится в среднем течении р. Берелех, левого притока р. Индигирки примерно на 71° с. ш. Здесь первоначально было изучено так называемое «кладбище» мамонтов, где в хаотическом беспорядке на склоне 12-метровой террасы левого берега р. Берелех залегало огромное количество костей мамонта (свыше 8 тыс. от 140 особей), среди которых Н. К. Верещагиным были обнаружены единичные кости шерстистого носорога, пещерного льва, лошади Черского, северного бизона, росомахи. По образцу древесины, взятому выше костеносного слоя и по бивню мамонта из основного костеносного слоя с глубины 3,5 м, получены радиоуглеродные даты 11 830+110 лет (ЛУ — 147) и 12 240+160 лет (ЛУ — 149) соответственно. В 120—130 м от основного костеносного участка ниже по течению были обнаружены единичные каменные орудия и длинный стержень из бивня мамонта (*Верещагин Н. К.*, 1977).

Позднее на этом участке (в 200 м ниже по течению от «кладбища» мамонтов, как указывает Н. К. Верещагин) был заложен раскоп и в слое, состоящем из горизонтальных прослоек супеси, на глубине 2,5 м от поверхности обнаружены вместе с костями животных каменные изделия. Помимо мелких отщепов, чешуек и пластинок обнаружены клиновидный нуклеус, 10 орудий и 4 подвески из округлых или овальных галек. Из орудий характерны двустороннеобработанные наконечники дротиков и нож, пластины и отщепы с ретушью. Помимо каменных, обнаружено 49 обработанных предметов из кости и бивня мамонта. Радиоуглеродные даты по образцам древесины из культурного слоя 10 600±90 (ЛЕ — 998), 12 930±80 (ГИН — 1021) и 13 420±200 лет (ИМ — 152) свидетельствуют, что стоянка относится к заключительным этапам дюктайской культуры (*Мочанов Ю. А.*, 1977).

Представляется, что пока нет оснований относить именно к этой культуре бивень с гравировкой мамонта, приобретенный в 1965 г. В. Е. Флинтом у пос. Берелех (*Бадер О. Н., Флинт В. Е.*, 1977). Видимо, только по недоразумению можно было связать бивень со стоянкой, ибо он был найден, по словам находчиков, примерно в 50 км выше поселка, а стоянка, как известно, располагается у «кладбища» мамонтов в урочище Угамыт в 2 км выше этого поселка (*Верещагин Н. К.*, 1977).

С дюктайской культурой, ее заключительным этапом, связаны, по всей вероятности, некоторые культурные слои Ушковских стоянок, открытых Н. Н. Диковым на Камчатке (*Диков Н. Н.*, 1977, 1979а, б). Стоянки находятся на южном берегу Ушковского озера в среднем течении р. Камчатка. Из них наибольший интерес представляет многослойная стоянка Ушки I на Каменном мысе, имеющим высоту 3,5—4 м над меженным уровнем воды в озере. На цоколе, сложенном коренными породами, залегают плотные конгломераты, которые перекрываются слоем зеленовато-серого песка, а выше лежит толща супесчано-суглинистых отложений с прослойками вулканического пепла и 7 культурными слоями (8-й слой отмечен, но он не дал культурных остатков)

(рис. 134, *1*). Верхние четыре культурных слоя принадлежат к различным ступеням неолита, 5-й определен как финально-палеолитический и 6—7-й как позднепалеолитические (*Диков Н. Н.*, 1977).

Древнейший, 7-й слой лежит на глубине 2,1—2,2 м в слое розовато-желтого суглинка. В нем обнаружены следы жилых площадок и очажные пятна. Облик каменного инвентаря прежде всего характеризуется двустороннеобработанными черешковыми наконечниками стрел (рис. 134, *28, 29*), которых найдено около 30. Имеются также листовидный наконечник копья, обломки таких орудий (рис. 134, *30*) и ножи как двусторонней, так и односторонней обработки. Обычны скребла и скребки (рис. 134, *26, 27*), резцы и резцевидные острия, точильные песчаниковые плитки. Клиновидные нуклеусы не характерны, хотя микропластинки встречаются (рис. 134, *31, 32*). Разнообразен набор каменных подвесок и бус (рис. 134, *24, 25*). Из фаунистических остатков отмечен лишь фрагмент рога лося (*Диков Н. Н.*, 1979 а).

В округлой яме диаметром 1,8 м и глубиной 0,7 м обнаружены остатки погребения, обильно засыпанные красной охрой: следы костей, многочисленные пирофиллитовые бусинки, а также резцевидные острия из халцедона. Уголь из заполнения могильной ямы дал 2 даты: 13 600+250 (ГИН — 167 и 14 300+200 (ГИН — 168).

Н. Н. Диков выделяет 7-й слой как особую раннюю ушковскую культуру, которая «...является первой обнаруженной на Северо-Востоке Азии подлинно палеолитической», и вместе с тем отмечает, что она «...не походит ни на одну другую сибирскую палеолитическую культуру» (*Диков Н. Н.*, 1979а, с. 38).

6-й культурный слой залегает в основании серовато-желтого суглинка и в верхней части более темного суглинка на глубине около 1,8—1,9 м. На раскопанной (до 1977 г.) площади около 1700 кв. м более или менее равномерно распределены остатки 16 жилищ различных типов. Пример жилища представлен на рис. 134, *19*. Особенностью жилищ является наличие в очажной массе пережженных очень мелких обломков костей, в том числе рыбьих, вероятно, лососевых. В полу одного из жилищ обнаружено погребение домашней собаки (определение Н. К. Верещагина), в полу другого — погребение с пока еще неопределенными костями. Фаунистические остатки включают зубы бизона, снежного барана, лемминга и лошади (*Верещагин Н. К.*, 1979).

Каменный инвентарь состоит из многочисленных клиновидых нуклеусов (рис. 134, *14, 17*) и соответствующих им микропластинок (рис. 134, *8*), лыжевидных сколов (рис. 134, *6*). Имеются и более крупные призматические пластинки (рис. 134, *13*), хотя призматические нуклеусы достаточно аморфные. Отмечено наличие и конусовидных нуклеусов. Из орудий наиболее характерны двустороннеобработанные наконечники стрел (рис. 134, *10, 11*) и копий (рис. 134, *9*). Встречаются скребла и ножи как односторонней, так и двусторонней обработки (рис. 134, *7, 12*), скребки различных типов, в том числе округлые, треугольные, овальные с ретушью по периметру (рис. 134, *15, 22, 23*), и крупные концевые (рис. 134, *18*). Резцы единичны. Особый интерес представляют ретушированные по краю или без ретуши шлифованные ножи из плиток глинистого сланца (рис. 134, *21*) и песчаниковые «точильные бруски» с желобками (рис. 134, *20*). Как и в слое 7 многочисленны украшения, среди которых необходимо отметить изделие типа лабретки, характерной для более поздних и даже исторических культур Севера. Имеются и произведения искусства, в том числе плитка из мягкого песчаника с крестовидным узором из округлых ямок (*Диков Н. Н.*, 1979а, рис. 21, *10*). Интерпретация же ряда предметов как антропо-зооморфных представляется сомнительной.

По древесному углю для 6-го слоя получены радиоуглеродные даты: 10 360+350 (Мо—345) и 10 760+ +110 (МАГ — 219), а также 21 000±100 лет (ГИН — 186). Последняя дата дана по образцу угля, залегавшего в непосредственном контакте с вулканическим пеплом, и поэтому справедливо не учитывается исследователем.

5-й культурный слой залегает в нижней части буровато-желтой супеси на глубине 1,3—1,5 м. В нем сохранились следы наземных жилищ, имевших, вероятно, вид шалашей. Каменные изделия немногочисленны и включают листовидные наконечники стрел (рис. 134, *5, 6*), ножи и скребла (рис. 134, *3, 4*), клиновидные нуклеусы и микропластинки, «точильные бруски» (рис. 134, *2*). Н. Н. Диков относит этот слой к раннему голоцену и рассматривает его как однокультурный со слоем 6, но на завершающем этапе развития культуры (*Диков Н. Н.*, 1979а, с. 78). Наличие в этих слоях клиновидных нуклеусов и листовидных двустороннеобработанных наконечников отличает их от слоя 7-го и позволяет сопоставлять с дюктайской культурой (там же, с. 41).

Здесь так же, как и на Алдане, существует противоречие между радиоуглеродными датами, с одной стороны, и обликом материальной культуры вообще и каменного инвентаря, в частности, с другой. Геологический возраст не определен. Единственная статья, посвященная этому вопросу (*Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В.*, 1967), основана именно на археологическом определении палеолита, которое позволило отнести верхнюю часть разреза к голоцену, а нижнюю — к плейстоцену. Граница между ними проведена на рубеже 5-го и 6-го культурных слоев, причем датировка 10 360—350 лет отнесена к 5-му слою, а не к 6-му, как это имеет место в монографиях Н. Н. Дикова. В одной из статей (*Диков Н. Н.*, 1969) говорится о 4-метровой террасе сартанско-осташковского времени, в другой (*Диков Н. Н. и др.*, 1977), посвященной стоянке Ушки V, расположенной на мысу высотой 2,5 м над уровнем озера, упоминается, что речь идет не о надпойменной террасе, а о подрезанном рекой разновысотном (от 4 до 2 м) крае флювиогляциальной равнины.

Каменный инвентарь на фоне позднего палеолита Азиатской части СССР имеет весьма своеобразный облик. Наиболее чужды сибирскому палеолиту наконечники стрел. В палеолите и мезолите Сибири нет ни одного черешкового наконечника, создающего облик культуры 7-го слоя. За исключением одного, более крупного изделия листовидной формы из верхнего слоя Дюктайской пещеры и для наконечников 6—5-го слоев нельзя привести аналогий, поскольку упоминаемые Н. Н. Диковым орудия из Ботойской Ямы и Верхоленской Горы представляют качественно

иное явление — наконечники копий или дротиков. Наконечники стрел и некоторые другие элементы инвентаря выводят Ушковские стоянки за рамки позднего палеолита Северной Азии и заставляют искать аналогии с японскими и американскими памятниками.

Некоторые черты материальной и духовной культуры палеолита Восточной Сибири

Комплексное изучение культурных остатков показывает, что основой экономики позднепалеолитического населения Северной Азии была охота на крупных травоядных животных и в первую очередь — северного оленя — стадное животное, доставлявшее человеку не только мясо, но и материал (кость, рог) для производства орудий, и шкуры и сухожилия для шитья одежды. Значение его особенно усилилось в связи с вымиранием или отступанием к северу животных, обладавших большей биомассой (шерстистый носорог, мамонт). Наряду с охотой на северного оленя, после исчезновения толстокожих, усиливается добыча зайца и птиц и в конце эпохи появляется новая отрасль хозяйства — рыболовство. Несомненно большую роль играло и присвоение готовых продуктов природы — собирательство.

Жилища различной конструкции в таких долговременных поселениях, как Мальта и Буреть, округлое жилище Ачинской стоянки, жилище 6-го слоя Санного Мыса, мощные культурные слои таких поселений, как Афонтова Гора II, где можно предполагать существование жилого сооружения, и Кокорево II — все это резко противостоит тонким культурным слоям стоянок, где отсутствуют кости мамонта и шерстистого носорога.

К сожалению, несмотря на исключительное значение Мальты, она не опубликована монографически. Только благодаря недавнему анализу имеющихся данных, проделанному А. А. Формозовым, можно судить о характере и планировке поселения. Это — один из немногих примеров, когда поселение было исследовано, по-видимому, полностью. На вскрытой площади свыше 1100 кв. м жилища вытянуты цепочкой вдоль реки. В центре находилось единственное на поселении длинное жилище, ниже его по реке располагалась группа из четырех жилищ, выше — группа из шести жилищ. Третья группа из четырех тесно расположенных жилищ смещена ближе к реке (*Формозов А. А.*, 1976а).

Наиболее распространенным типом жилища Мальты, очевидно, была полуземлянка площадью 16—20 кв. м, пол которой находился на глубине 50—70 см от древней дневной поверхности и был плотно утрамбован. Земляные стены укреплялись каркасом из каменных плит и крупных костей, часто поставленных вертикально. Кровля такой полуземлянки, видимо, была сделана из шкур, положенных на каркас из деревянных жердей, опирающихся на стены. Шкуры на крыше укреплялись рогами оленей и тонким слоем земли. В ряде случаев эти полуземлянки имели только три стены, открываясь в сторону реки. Обнаружены здесь и следы чумообразных, по-видимому, летних, легких жилищ. Во всяком случае только в них найдены кости водоплавающих птиц и рыб, которых легче всего добыть летом. Контур основания округлого жилища после удаления культурных остатков представлен на рис. 126, *6*.

О такой же планировке вдоль края террасы свидетельствуют и остатки четырех жилищ на поселении Буреть. Жилища были частично разрушены оползанием по склону, но все же можно проследить, что они имели овальную форму, и площадь их не превышала 25 кв. м (*Окладников А. П.*, 1941).

На стоянках более позднего времени отмечено наличие наземных временных жилищ, снабженных очагами. Так, во 2-м культурном слое стоянки Кокорево I на фоне бедной остатками вскрытой площади обнаружено скопление костей и каменного инвентаря, имеющее овальные очертания, размерами 3×6 м, вытянутое по длинной оси вдоль склона. Почти в центре скопления находился очаг, сложенный по периметру из поставленных на ребро плиток песчаника и заполненный золой. Благодаря большому количеству угля очертания скопления очень четкие, в его заполнении много каменных орудий.

Налицо существенное изменение в материальной культуре и образе жизни. Столь же велики различия и в той области остатков, которая не имела утилитарного использования. Ни на одной стоянке Сибири не представлено такого развитого и разнообразного искусства, как в Мальте и Бурети.

Здесь найдено около 40 статуэток, заготовок и фрагментов, большая часть которых бесспорно женские. Они отличаются от европейских фигурок по трактовке и пропорциям. Формы женщины-матери у них менее подчеркнуты, груди обозначены чаще всего в слабом рельефе неглубокой резной линией, бедра расширены незначительно (рис. 126, *2*). Головки сибирских статуэток — крупные, почти равные по объему грудной клетке. Нижняя часть торса и ноги непропорционально укорочены. Очень часто головки украшены затейливым орнаментом в виде прямых, волнистых и зигзагообразных линий, бороздок, круглых и полулунных вырезов, образующих сложные узоры. В отличие от европейских статуэток, сибирские часто обладают моделированным лицом. Другая их особенность — сплошной орнамент, покрывающий сплошь поверхность 5 сибирских фигурок, за исключением лица. По гипотезе А. П. Окладникова, этот орнамент изображает сплошную меховую одежду. Европейские же статуэтки передают всегда обнаженное тело. Не имеет аналогий в палеолите Европы и просверливание отверстий в нижней части ног сибирских статуэток, что позволяло, видимо, их подвешивать, правда, в странном положении — головой вниз. Размеры сибирских фигурок невелики: наибольшая имеет 13,6 см в высоту, наименьшая — 3,7 см. Почти все они изготовлены из бивня мамонта, лишь одна из Мальты вырезана из рога северного оленя и одна из Бурети — из мягкого зеленого камня. Любопытно, что эти фигурки, вырезанные из другого, чем бивень материала, существенно отличаются от фигурок, изображающих женщин. Они представляют собой стерженьки, на которых суммарно обозначена голова и выделены конечности.

Помимо женских фигурок, найдена целая серия скульптурных изображений птиц, которая не имеет себе равных в палеолитическом искусстве Евразии ни по количеству, ни по совершенству исполнения, несмотря на некоторую условность в передаче. Здесь много птичек, исполненных в одной манере (рис. 126, *1*). Как принято считать, это изображения водоплавающих птиц в полете: маленькая треугольная головка сидит на длинной шее, которая слегка расширяется к туловищу уплощенно-овальной формы. По краям туловища небольшие выступы изображают крылья, в конце туловища просверлено круглое отверстие. Если птички носились на шнурке или пришитыми к одежде, то головкой вниз. Фигурки птиц более крупных размеров изображают, видимо, одна куропатку или гагару, другая лебедя. Среди находок в Бурети упоминается изображение птицы из рога северного оленя в виде длинного стержня, заканчивающегося хорошо выраженной головкой.

Большой интерес представляет довольно крупная фигурка животного из Мальты, вырезанная из бивня мамонта с массивным телом и вытянутой вперед головой. Тело покрыто орнаментом из рядов полулунных вырезов. Определение животного затруднительно, возможно, это росомаха (*Формозов А. А.*, 1976б).

Помимо скульптур, в Мальте имеются и гравированные изображения, из которых широко известна фигура мамонта, нанесенная тонкой линией на внешней, выпуклой стороне пластинки бивня мамонта. На другой пластине нанесены изображения извивающихся змей с раздутыми головами. Кроме сюжетного искусства, в Мальте обнаружено множество скульптурных поделок с орнаментом, не поддающихся идентификации, а также украшений: налобные обручи, браслеты, нагрудные бляхи гладкие и с орнаментом (рис. 126, *3*), различные подвески и бусы из камня и кости. Встречаются даже просверленные позвонки рыб.

Несмотря на то что на многих стоянках превосходно развито костерезное мастерство, изобразительного искусства на них не найдено и, помимо орудий, здесь имеются только украшения (*Абрамова З. А.*, 1962).

Столь же беден поздний палеолит Северной Азии и палеоантропологическими находками. Помимо разрозненных костей из Афонтовой Горы и обломка челюсти женщины из стоянки Новоселово VI, известно только одно погребение ребенка, обнаруженное в Мальте (*Герасимов М. М.*, 1931, табл. 19). На глубине 41 см от верхней границы ненарушенного культурного слоя под скоплением рогов северного оленя были замечены первые следы могильной ямы, а на 2 см ниже отчетливо обрисовался контур могильного пятна темного цвета с буровато-красными пятнами в заполнении. Пятно имело удлиненно-овальную форму с резко выраженными границами (диаметры 115 и 68 см). С востока и севера могильную яму ограждали каменные плиты, поставленные на ребро с наклоном друг к другу. Между ними на глубине 73 см от поверхности культурного слоя лежала почти горизонтально узкая и длинная плита, на которой был обнаружен крупный зуб мамонта. Непосредственно под плитой находился детский костяк очень плохой сохранности со следами красной краски (рис. 126, *4*). Череп раздавлен на мелкие куски, и от большинства других костей сохранились лишь мелкие фрагменты. По костям можно судить, что ребенку было не менее 4 лет, так как налицо смена зубов, и в то же время незаросший родничок, не вполне сформировавшийся позвоночник и полное несоответствие пропорций позволяют предполагать некоторое уклонение от общих норм развития (*Герасимов М. М.*, 1935, с. 120).

Исключительный интерес погребения заключен еще и в том, что на останках найден богатый сопровождающий инвентарь. У черепа лежали фрагменты гладкого обруча из бивня мамонта. В верхней части груди помещалось ожерелье из 120 плоских бусинок и 7 оригинальных подвесок из бивня мамонта, украшенных орнаментом. В области поясничных позвонков лежала крупная круглая бляха с отверстием в центре и орнаментом в виде глубоких волнистых нарезок. Под грудными позвонками находились фрагменты скульптурного изображения летящей птицы. На плечевой кости правой руки лежал браслет из гнутой пластинки бивня с отверстием на конце. Ниже обнаружено кремневое изделие типа ножа и в ногах скелета — группа каменных и одно костяное орудие.

Состояние черепа не позволило установить антропологический тип мальтинского ребенка. Косвенные признаки, связанные с изучением женских статуэток, могут свидетельствовать, что Мальту и Буреть оставило монголоидное население (*Abramova Z. A.*, 1976). О монголоидности говорит и обломок черепа из Афонтовой Горы. Однако данных слишком мало, чтобы с полной определенностью считать монголоидным позднепалеолитическое население берегов Ангары и Енисея. Во всяком случае, единой точки зрения не существует (см., например: *Дебец Г. Ф.*, 1948, с. 68; *Окладников А. П.*, 1949б; *Левин М. Г.*, 1950; *Алексеев В. П.*, 1963).

Дальний Восток. Приморье

Проблема палеолита Дальнего Востока стоит перед исследователями с 1889 г., когда А. В. Елисеев нашел на оз. Ханка несколько грубо оббитых каменных изделий, но до сих пор еще далека от своего разрешения. Существенно иные, подверженные влиянию океана, более мягкие, чем в Сибири, климатические условия привели к распространению здесь особого животного и растительного мира. По-иному, видимо, происходило здесь и развитие позднепалеолитических культур.

Один из наиболее интересных палеолитических памятников найден в континентальной части Приморья, в районе г. Уссурийска, около с. Осиновка. Красные суглинки, в которых заключены остатки нижнего культурного слоя, возникли, видимо, за счет переотложения поздних кор выветривания, что могло происходить только в условиях влажного и относительно теплого климата, по-видимому, межледникового периода, который предшествовал последнему похолоданию. На Дальнем Востоке это похолодание наступило не ранее 30 000 лет назад, и, таким образом, находки нижнего слоя Осиновки отнесены к началу верхнего палеолита (*Окладников А. П., Деревянко А. П.*, 1973б). Это главным образом массивные галечные

орудия — чопперы и чоппинги. В отличие от чопперов из Кумар I, осиновские орудия имеют дополнительную обработку края мелкой ретушью, что сближает их с галечными орудиями из позднепалеолитических стоянок Восточной Сибири. Нуклеусы выделяются с трудом, поскольку почти все они сработаны и превращены в орудия. В частности, скребла по форме напоминают дисковидные ядрища, с которых прежде производилось снятие пластин и пластинчатых отщепов.

Нижний слой был перекрыт стерильным аллювиальным слоем, над которым в средней части суглинка, насыщенного крупным щебнем, встречались редкие массивные пластины и «эпилеваллуазские» нуклеусы. Этот культурный слой отнесен к концу позднего палеолита — началу мезолита (*Деревянко А. П.*, 1975, с. 150).

В бассейне Амура в настоящее время известно несколько местонахождений, в которых наряду с галечными орудиями встречаются леваллуазские формы нуклеусов. Одно из таких местонахождений — Кумары II — рассматривается как одновременное нижнему горизонту Осиновки (*Окладников А. П., Деревянко А. П.*, 1973б, с. 16—17, 28).

Необходимо упомянуть еще один памятник, видимо, ранней поры в Приморье. Это — пещера Географического общества, расположенная в известняковом массиве в долине р. Партизанской недалеко от г. Находка. Произведенные здесь раскопки обнаружили на глубине 1,3—1,9 м культурный слой, заключенный в слое глины темно-песочного цвета. Здесь вместе с обломками костей мамонта, дикой лошади и других представителей верхнеплейстоценовой фауны найдены каменные изделия, в том числе две довольно крупные гальки из песчаникового сланца, служившие нуклеусами, с которых снимались грубые отщепы и пластины. Отщепы массивные, крупных размеров, очертания их неправильные, на некоторых отщепах заметны следы употребления в виде легких выщербин и выбоин (*Окладников А. П., Верещагин Н. К., Оводов Н. Д.*, 1968).

Пещера Географического общества важна особенно тем, что дает первые для всей территории советского Дальнего Востока палеолитические находки с остатками плейстоценовой фауны.

К финальному этапу позднего палеолита относятся Кумары III и грот в 1 км от с. Кумары вниз по течению Амура. В Кумарах III все изделия найдены на бечевнике, но изготовлены они не из речной гальки, а из плотного черного сланца, явно принесенного из другого места. На небольшом участке 15—20 кв. м собрано множество отщепов, пластин, среди которых имеются нуклеусы и орудия. Судя по количеству отщепов предполагают, что здесь могла быть мастерская по обработке камня.

Нуклеусы подпризматические односторонние. Среди орудий встречаются, с одной стороны, чопперы и чоппинги, с другой, орудия из отщепов и пластин: скребки, ножи, резцы. Наибольший интерес представляют двустороннеобработанные орудия — наконечники копий лавролистной формы и полулунные ножи.

В гроте до глубины 1,5 м встречались отдельные неолитические орудия и лишь почти на самом дне найдено несколько широких пластинчатых отщепов и лавролистный двустороннеобработанный наконечник, и по материалу и по форме аналогичный изделиям, собранным в местонахождении Кумары III (*Окладников А. П., Деревянко А. П.*, 1973б).

Пока еще нет ясности в определении возраста и характера каменного инвентаря памятника, расположенного в долине р. Зеркальной в 4 км ниже с. Устиновка в Приморье. Открытый в 1954 г. геологом В. Ф. Петрунем, он исследовался в дальнейшем А. П. Окладниковым и в другое время и на других участках, в том числе на других террасовых уровнях Ж. В. Андреевой. Геология памятника сложна, он потревожен оползневыми процессами, культурные остатки местами переотложены, стратиграфия даже близко расположенных участков различается.

В раскопах А. П. Окладникова на II террасе высотой 10—12 м выявлено, что под тонкими слоями дерна и гумусированного суглинка лежит слой желтовато-бурого суглинка мощностью 30—50 см. Его подстилает тонкий слой галечника и окатанной щебенки и ниже слой глины желтовато-бурого цвета без гальки, залегающий непосредственно на коренной породе. Культурные остатки были встречены в гумусированном суглинке (верхний слой) и в желтовато-буром суглинке (нижний слой). Наличие выходов вулканического туфа на этом месте, обилие нуклеусов и отщепов и сравнительно небольшое число готовых орудий позволили А. П. Окладникову определить характер нижнего слоя как поселение-мастерскую (*Окладников А. П.*, 1966б). Верхний слой в дальнейшем был отнесен к позднему мезолиту, а нижний к концу палеолита — началу мезолита. А. П. Деревянко помещает этот период в очень широкий временной диапазон от 20 до 10 тыс. лет, тут же оговариваясь, что подобную датировку из-за отсутствия радиоуглеродных дат следует считать пока условной (*Деревянко А. П.*, 1975, с. 160).

Находки, сделанные А. П. Окладниковым, включают одноплощадочные и двуплощадочные нуклеусы и особенно характерные клиновидные нуклеусы, очень длинные и низкие, представленные главным образом заготовками. Среди орудий имеются концевые скребки из правильных пластин, плоские острия односторонней обработки, массивные пластины с ретушированными краями, пластины и отщепы с выемками, широкие массивные скребла, резцы срединные и боковые (*Окладников А. П.*, 1966б).

В раскопе Ж. В. Андреевой, расположенном выше по склону на той же II террасе, стратиграфия иная, здесь прослежено 5 культурных слоев, причем верхние два — в гумусированном суглинке и желто-буром суглинке объединены в один по характеру материала. По суммарному описанию инвентаря трудно судить об изменениях типологического характера. Отмечено лишь, что в нижних слоях исчезают «бифасы», увеличивается число скребков и скребел, количество «режущих инструментов» колеблется. Все типы нуклеусов идут сверху донизу.

Благодаря серии шурфов на разных уровнях II и III террас Ж. В. Андреева установила широкое распространение культурных остатков, пришла к выводу о многослойности и разновременности памятника. В то же время она видит здесь «...уже сложившуюся археологическую культуру, развивающуюся во времени» (*Андреева Ж. В., Худяков Г. И.*, 1973, с. 28).

Предположительное определение нижней возрастной границы накопления культурного слоя от рисс-вюрма до середины вюрма кажется чрезмерно удревненным.

* * *

Представляется, что из всех систем классификации археологических памятников для позднепалеолитических стоянок Сибири наиболее приемлема схема, разработанная А. А. Формозовым (1959, 1977): археологическая культура, этнокультурная область, этнокультурная зона. Хотя вначале А. А. Формозов отнес возникновение археологических культур лишь к неолиту, теперь под давлением фактов он склонен признавать, что первые археологические культуры возникли в конце позднего палеолита (*Формозов А. А.*, 1977, с. 30). На основе сибирских материалов можно утверждать наличие археологических культур на хронологическом этапе, соответствующем началу сартанского оледенения, поскольку материалы, относящиеся к каргинскому межледниковью и более раннему времени, слишком скудны и слабо опубликованы.

Исходя из анализа каменного инвентаря и ряда других признаков, имеющих в значительной степени вспомогательный характер, в позднем палеолите Северной Азии можно выделить определенные археологические культуры, с установленными иногда территориальными и временными границами, а также культурные области, где имеется единство археологических культур. Новые фактические данные, полученные за последние годы, хотя и вносят определенные коррективы в общую характеристику палеолита Сибири, данную С. Н. Замятниным (1951), но не отвергают правильности выделения им особой культурной зоны, охватывающей часть Азии, которую правильнее было бы назвать североазиатской культурной зоной.

Для некоторых регионов намечаются хронологические ступени развития культур (для Енисея и афонтовской и кокоревской, для Ангары — мальтинской), но значительные трудности вызывает выделение локальных вариантов одной культуры, видимо, невозможное без строгого статистического учета материала. В ряде случаев в настоящее время не может быть решен один из самых кардинальных вопросов — являются ли различия между памятниками хронологическими или культурно-историческими, другими словами, имеем ли мы локальные варианты одной археологической культуры или ее хронологические этапы. Не исключено, что в дальнейшем памятники, отнесенные к двум разным культурам, могут оказаться принадлежащими к локальному варианту одной культуры.

Ряд многослойных памятников Сибири отличается тонкими культурными слоями, отмечающими, по-видимому, сезонность обитания. Судя по инвентарю, можно говорить о непрерывности развития культуры на каком-либо из этих памятников. Иногда представлен переход от палеолита к мезолиту и далее от мезолита к неолиту. Поэтому трудно четко разграничить датировку памятника финальным палеолитом или ранним мезолитом. С другой стороны, это облегчает выделение поздних памятников не только по условиям залегания, но и по тем элементам инвентаря, которые получают затем широкое развитие в мезолите и неолите.

Так, характерной чертой позднего палеолита Сибири является наличие клиновидных нуклеусов, служивших для получения микропластинок правильной параллельной огранки, сечения которых имеет вид треугольника или трапеции. Однако они найдены далеко не на всех стоянках, но вместе с тем широко представлены в послепалеолитическое время. Это дало основание приписывать таким нуклеусам значение и хронологического показателя и культуроразличающего признака (*Абрамова З. А.*, 1971, 1972).

Значительно сложнее вопрос о выделении ранних памятников позднего палеолита, вопрос о так называемых архаических элементах в инвентаре, ибо прежние представления об архаическом мустьероидном характере палеолита Сибири, в частности палеолита Енисея, утратили силу после открытия настоящих мустьерских памятников. Так называемые «мустьерские» скребла и остроконечники находятся здесь в очень поздних комплексах вместе с «мадленскими» формами инвентаря, которые, кстати, преобладают, и вместе с высоко развитой обработкой кости вплоть до появления вкладышевых наконечников копий и ножей. О каком переживании мустьерских традиций может идти речь? Вместе с тем памятники, очевидно, более ранней поры, такие как Мальта, Ачинская или Тарачиха, например, этих «мустьероидных» форм не содержат, следовательно, нарушается преемственность в сохранении и развитии архаических элементов. Галечные изделия местонахождений Кумары и Улалинка качественно отличны от немногочисленных галечных орудий позднего палеолита Сибири и не позволяют проводить какие-либо сопоставления, точно так же, как и раннепалеолитические местонахождения Ангары, изучаемые Г. И. Медведевым, не дают оснований для установления генезиса мальтинской культуры.

В настоящее время выделение мальтинско-буретской археологической культуры ни у кого не вызывает сомнений. Эта культура отличается развитым домостроительством, уникальным искусством, своеобразным каменным инвентарем, для которого характерно полное отсутствие клиновидных нуклеусов и соответствующих им микропластинок со строго параллельными краями. Основной заготовкой для каменных орудий является пластинка средних размеров, часто с неровными непараллельными краями. Пластинки, обработанные ретушью по краям, иногда на концах, представляют многочисленные острия, проколки, резчики с прямым или асимметрично расположенным жальцем, небольшие ножи, пластинки с выемками. Типичны скребки высокой формы. Скребла и чопперы единичны и не характерны.

На Ангаре известны еще два памятника, которые, возможно, принадлежат к значительно более поздним этапам развития мальтинской культуры — верхний комплекс Красного Яра и Федяево. Традиции мальтинской культуры в Красном Яру сказываются в наличии многочисленных ретушированных пластинок, но здесь уже широко развиты клиновидные нуклеусы, и значительную группу орудий составляют долотовидные с чешуйчатой подтеской концов. Завершает по времени мальтинскую культуру стоянка Федяево, материал которой невелик, но представляется продолжающим развитие инвентаря Красного Яра по пути микролитизации и совершенствования техники клиновидного нуклеуса.

Не исключено, что изменения в мальтинской культуре произошли не без участия другой линии культурно-исторического развития на Ангаре, представленной нижним комплексом Красного Яра и нижним слоем Верхоленской Горы. Г. И. Медведев отметил в Красном Яре три характерные элемента инвентаря (их нет в верхнем комплексе): клиновидные нуклеусы удлиненной формы, поперечные резцы и бусы из скорлупы яиц страуса. В нижнем слое Верхоленской Горы можно проследить дальнейшее развитие этой культуры, которую за неимением лучшего названия и во избежание путаницы с известными географическими названиями, можно обозначить как малышевскую, поскольку Красный Яр находился у с. Малышевка.

Памятники мальтинско-буретской культуры находят определенные соответствия к западу от Ангары — в Ачинской стоянке на р. Чулым. На Енисее в последние годы найдены стоянки Тарачиха и Афанасьева Гора со своеобразным пластинчатым инвентарем. На всех этих стоянках отсутствуют типичные клиновидные нуклеусы.

Связи малышевской культуры отчетливо прослеживаются в забайкальских стоянках Икарал, Санный Мыс (слои 3—4) и, может быть, Сохатино 4, где хорошо представлены мелкие клиновидные нуклеусы. Возраст этих стоянок еще не ясен. Об относительной древности может свидетельствовать наличие в нижнем комплексе Красного Яра, в Икарале и Санном Мысе костей шерстистого носорога, в Сохатино 4 — костей винторогой антилопы. По облику инвентаря эти стоянки выпадают из сложившегося понятия «забайкальский палеолит», представленного развеянными стоянками типа Няньги, где скребки и скребла составляют большую часть орудий, как и в поздних енисейских стоянках. К этой же забайкальской позднепалеолитической кильтуре, очевидно более позднему этапу ее развития, относится и стоянка Ошурково, обнаруживающая ближайшее сходство с Верхоленской Горой.

В Забайкалье, кроме того, имеются памятники несомненно более раннего времени: Варварина Гора и нижние слои Санного Мыса. В инвентаре этих стоянок нет клиновидных нуклеусов, так же как типичных для более поздней поры скребел и чопперов. Комплекс нижних слоев Санного Мыса, возможно, имеет дальнейшее развитие в каменном инвентаре Толбаги, в котором много общего и с инвентарем Варвариной Горы.

На Енисее, помимо недавно открытых стоянок без клиновидных нуклеусов, выделяются две археологические культуры, в которых широко развиты клиновидные нуклеусы и вкладышевая техника: афонтовская и кокоревская, различие их уже подробно описывалось. Хронологические границы афонтовской культуры по радиоуглеродным данным от 20 900+ +300 лет (Афонтова Гора II) до 12 180+120 лет (Таштык I раскоп III, верхний слой). Если судить по развитому облику каменного инвентаря Афонтовой Горы II и почти полному тождеству его с инвентарем Кокорева II, то можно думать, что дата Афонтовой Горы [2], видимо, слишком удревнена, а дата Кокорево II (13 330+100), напротив, слишком омоложена.

Если на Енисее наибольшее расстояние между памятниками афонтовской культуры (Афонтова Гора — Таштык) около 300 км, то кокоревская культура ограничена левым берегом Енисея протяженностью около 80 км (Новоселово — Крутогорское). Элементы же ее встречаются значительно шире: на севере на стоянке Дружиниха в 100 км ниже Красноярска, на юге на стоянке Хемчик в Туве. Хронологические границы кокоревской культуры по имеющимся радиоуглеродным датам от 15 460±320 (Кокорево IV, раскоп 4) до 11 600±50 (Новоселово VI).

Несмотря на различия в кокоревской и афонтовской культурах, они имеют общие черты как между собой, так и со сросткинской и забайкальской (ошурковской) позднепалеолитическими культурами, именно в тех характеристиках, которые ранее приписывались всему сибирскому палеолиту в целом и, прежде всего, в сочетании крупных орудий «архаического» облика (скребел и чопперов) с мелкими формами (скребки, резцы, проколки, долотовидные орудия), а также с разнообразными костяными орудиями и украшениями. Среди костяных орудий особую роль играют вкладышевые наконечники и кинжалы.

Все это позволяет объединить позднепалеолитические культуры Алтая, Енисея и Забайкалья на определенном этапе развития, соответствующем второй половине сартанского оледенения, в единую культурную область родственных археологических культур, которую можно назвать южносибирской. Разумеется, история сложения палеолитических культур необычайно сложна и имеющиеся отрывочные сведения не позволяют говорить об этом с полной определенностью. Это лишь предварительная схема «организации» позднепалеолитических памятников Южной Сибири, которая рисуется более отчетливо по сравнению с другими районами и за которой может стоять определенное историческое содержание. Не исключено, что в позднем палеолите племена жившие на территории Алтая, Енисея, Ангары, Тувы и Забайкалья перемещались и в меридиональном и в широтном направлениях, и техника вкладышевых наконечников и ножей (кинжалов), например, возникшая на берегах Енисея, стала известной и обитателям Ошуркова и Верхоленской Горы и затем была широко освоена неолитическим населением Прибайкалья. Возможно, в Западной Сибири развитие такой техники шло своим путем: стоянки Талицкого до Черноозерья II.

Мальтинско-буретскую культуру и ее предполагаемые локальные варианты позволительно объединить в единую культурную область, которую можно назвать ангаро-чулымской. Время ее появления более раннее по сравнению с культурами южносибирской области. Любопытно отметить элементы сходства афонтовской культуры с верхним комплексом Красного Яра на Ангаре. Наиболее характерные орудия последнего — долотовидные с подтеской концов,

[2] Кстати, не доказано, что она соответствует точно горизонту С раскопок Г. П. Сосновского. Образец был взят С. М. Цейтлиным в 1962 г., когда он предположил его поздне-каргинский возраст (см.: Верхний плейстоцен. М., 1966, с. 273). По С. Н. Астахову, образец был взят ниже горизонта $С_3$, на уровне горизонта Д с фаунистическими остатками. Еще меньше оснований полагать, что дата 11300±270 (Мо — 343), которую все чаще и чаще связывают с верхним горизонтом, относится именно к нему (см. там же, с. 248).

а также микроскребки, хорошо представленные и в афонтовской культуре. И тут и там имеются проколки, изготовленные из микропластинок, полностью отсутствующие в кокоревской культуре, как и микроскребки. И тут и там единичны и маловыразительны остроконечники и резцы. Частный, но весьма показательный факт: на стоянке Кокорево II найдены два обломка диадем или налобных обручей из заполированных костяных пластинок, полностью аналогичных мальтинским, в то время как ни на одной другой сибирской стоянке подобных предметов не найдено.

Трудно объяснимы в настоящее время общие черты в каменном инвентаре таких отдаленных памятников, как стоянка Талицкого и Черноозерье II, с одной стороны, и верхний комплекс Красного Яра, с другой (*Абрамова З. А.*, 1978), или Мальта и Ачинская, с одной стороны, и Самаркандская стоянка, с другой. А. П. Окладников наметил для последней группы стоянок три общих характерных элемента инвентаря: своеобразные нуклевидные изделия в виде полудисков, пластины с четко выраженными и обработанными крутой ретушью боковыми выемками и орудия типа чопперов. Наличие этих орудий на всех трех стоянках позволяет А. П. Окладникову говорить «...о тесных культурных и, следовательно, этнических связях между палеолитическим населением Восточной и Западной Сибири и одновременным населением Средней Азии, а также, очевидно, и более отдаленных стран Азии» (*Окладников А. П.*, 1968б, с. 151).

Представляется тем не менее, что вопросы контактов, связей или конвергентного развития могут быть решены лишь тогда, когда будут полностью опубликованы материалы поселений с отработанной типологией и статистическими подсчетами. Так, М. В. Аникович отметил, что наиболее характерные черты инвентаря, определяющие своеобразие каждого из упомянутых памятников, весьма различны. Иное также соотношение орудий различных категорий. В частности, пластинки с выемками — наиболее типичный элемент инвентаря Мальты и Ачинской — составляют в Самаркандской стоянке всего 4% от общего количества орудий (*Аникович М. В.*, 1976, с. 169). Немаловажное значение имеют и вопросы установления твердой хронологии памятников.

Если выделение культур в палеолите Забайкалья правомочно (этой точки зрения придерживается и М. В. Константинов, в то время как А. П. Окладников и И. И. Кириллов рассматривают памятники как отражающие эволюцию одной культуры), то пока еще не совсем ясно их взаимоотношение. Сейчас до полной публикации материалов можно наметить следующую схему: Варварина Гора и нижние слои Санного Мыса — памятники одной культуры, достаточно ранней по времени, без клиновидных нуклеусов. К этой культуре принадлежит на несколько более позднем этапе Толбага, где имеются единичные клиновидные нуклеусы. У других памятников, как уже говорилось, прослеживаются связи с малышевской культурой Прибайкалья. Особо должна быть выделена и группа памятников с техникой двусторонней обработки. Не исключено, что именно с нею может быть связано происхождение дюктайской культуры.

На территории Алдана техника клиновидного нуклеуса присутствует на всех памятниках, обладающих достаточно представительным инвентарем. Благодаря сходству инвентаря стоянки Эжанцы с комплексом Макарово II естественно ожидать, что, помимо дюктайской, здесь могут быть выделены и другие культуры, поэтому правомочно для более широкой территории, чем бассейн Алдана, предложить название северо-восточная сибирская культурная область, объединяющая пока дюктайскую и макаровскую культуры, родственные на каких-то этапах развития. Время существования этих культур совпадает с сартанским оледенением.

В целом же все эти выделенные с большей или меньшей степенью доказательности и не выделенные пока культурные области входят в единую североазиатскую культурную зону, имеющую определенные отличия от европейской, африканской и южноазиатской зон.

Последний вопрос, на котором необходимо остановиться в заключение,— правомочно ли считать всю рассмотренную в этой главе совокупность памятников, существовавшую в период от 34 000 до 10 000 лет назад, как позднепалеолитическую или отнести ее вслед за Г. П. Григорьевым к эпохе «постмустье», которую он сконструировал недавно для Африки и Азии (без Ближнего Востока). К сожалению, Г. П. Григорьев не аргументирует свою точку зрения по отношению к памятникам Сибири, а лишь повторяет ее в тезисной форме, как нечто бесспорное. Вот как он изложил ее впервые: «Известно, что верхний палеолит — явление строго ограниченное по территории — пределы Европы и Передней Азии. Вне этой территории есть либо самый конец верхнего палеолита (последние 2—3 тыс. лет его), либо элементы верхнего палеолита на всем протяжении выступают *только* (подчеркнуто нами.— *З. А.*) в соединении с мустьерскими или ашельскими. На нашей территории это продемонстрировали исследования палеолита Сибири, где он и более поздний, чем в Европе (пока нет памятников древнее 15 тыс. лет), и *всегда* (подчеркнуто нами.— *З. А.*) сопровождается остроконечниками, скреблами, леваллуазскими ядрищами, а местами более ранним элементом — чопперами» (*Григорьев Г. П.*, 1972а, с. 18).

Подчеркнутые слова показывают, что это даже не гипотеза, а категорично высказанное утверждение, которое претендует на ранг закономерности. Однако оно не соответствует действительности. Можно было бы не удивляться, если бы оно, предположим, относилось к началу века, но в 1972 г. были широко известны памятники, которые по всем согласующимся данным относятся ко времени более раннему, чем XV тысячелетие. Перечисленный набор орудий также явление далеко не повсеместное для сибирских стоянок. Нельзя не процитировать более позднее высказывание Г. П. Григорьева. Перечисляя основной состав инвентаря ашельских памятников Венгрии и Англии, куда входят чопперы, выемчатые и зубчатые орудия, разного рода острия, клювовидные изделия, скребла простейших форм, скребки высокой формы, усеченные пластины, Г. П. Григорьев пишет: «Многие из перечисленных разновидностей пережили ашель и были в употреблении у людей верхнего палеолита, претерпев при этом некоторые изменения» (*Григорьев Г. П.*, 1977а, с. 51). Следовательно, в Европе это переживание «многих разновидностей» не

мешает существованию верхнего палеолита.

Далее, в совместных тезисах Г. П. Григорьева и В. А. Ранова (1973) появляется термин «пост-мустье», которым обозначается новый круг памятников палеолита Средней Азии: Обирахмат, Шугноу, Огзи-Кичик и Кульбулак (верхние слои). Эти памятники разнокультурны и объединены на этом основании, что в них наряду с мустьерской техникой раскалывания и мустьерскими орудиями встречаются группы типов орудий, свойственных верхнему палеолиту. Надо заметить, что В. А. Ранов ни в одной из своих дальнейших работ не пользуется термином «пост-мустье», в частности, вновь открытую стоянку Худжи относит «или к концу мустьерской или к началу верхнепалеолитической эпохи» и по-прежнему называет Огзи-Кизик и Обирахмат мустьерскими, а Шугноу — верхнепалеолитической стоянками (*Никонов А. А., Ранов В. А.*, 1978).

В тезисах 1973 г. утверждалось, что на обширных пространствах Средней Азии и Сибири «...в недрах пост-мустье вырастают предпосылки для мезолита, из мустьерских типов вырастают непосредственно микролиты, на мустьерских заготовках изготовляются микролиты или наконечники стрел» (*Григорьев Г. П., Ранов В. А.*, 1973, с. 197). Если даже это верно для Средней Азии, то остается неясным, почему за одни скобки с упомянутыми среднеазиатскими памятниками ставится и весь палеолит Сибири, существовавший в рамках 34 000—10 000 лет назад, что скрывается под термином «микролиты» применительно к этому палеолиту, из каких мустьерских типов вырастают микролиты, в каких памятниках на мустьерских заготовках изготовляются наконечники стрел. В возражениях авторам тезисов говорилось и о том, что хотя бы такие памятники, как Мальта и Буреть, обладающие замечательным искусством, не уступающим по силе выразительности европейскому, нарушают концепцию «пост-мустье» для Сибири (*Абрамова З. А.*, 1975а) [3]. Однако возражения остались незамеченными, и в своей последней работе Г. П. Григорьев, опять-таки мимоходом, без какой бы то ни было аргументации, замечает, что, поскольку установлено отсутствие верхнего палеолита во всей Азии и Африке, тщетно было бы надеяться найти в Сибири «нормальный» верхний палеолит. «Ведь верхний палеолит отсутствует до самого конца палеолита» (*Григорьев Г. П.*, 1977а, с. 59).

В угоду концепции остались незамеченными в Сибири памятники «нормального» мустье и памятники «нормального» позднего палеолита, хотя и обладающие своими характерными особенностями в обработке каменного инвентаря с поздним палеолитом Европы, но стоящими к нему по многим показателям (образ жизни, обусловленный охотой, сходный фаунистический комплекс, домостроительство, искусство, костерезное мастерство) значительно ближе, чем к одновременным памятникам Юго-Восточной Азии и Африки.

[3] Недавние находки скульптурной головки медведя в Толбаге, где резчик использовал естественную форму кости, и резной фигурки мамонта в Усть-Кове свидетельствуют, что Мальта и Буреть не являются исключением из правила. Если средний комплекс Усть-Ковы соответствует времени Мальты-Бурети, то Толбага — памятник более древний, и сколько бы ни утверждалось мнение о мустьероидном характере ранней поры позднего палеолита Сибири, ни о каком вызревании микролитических традиций говорить не приходится.

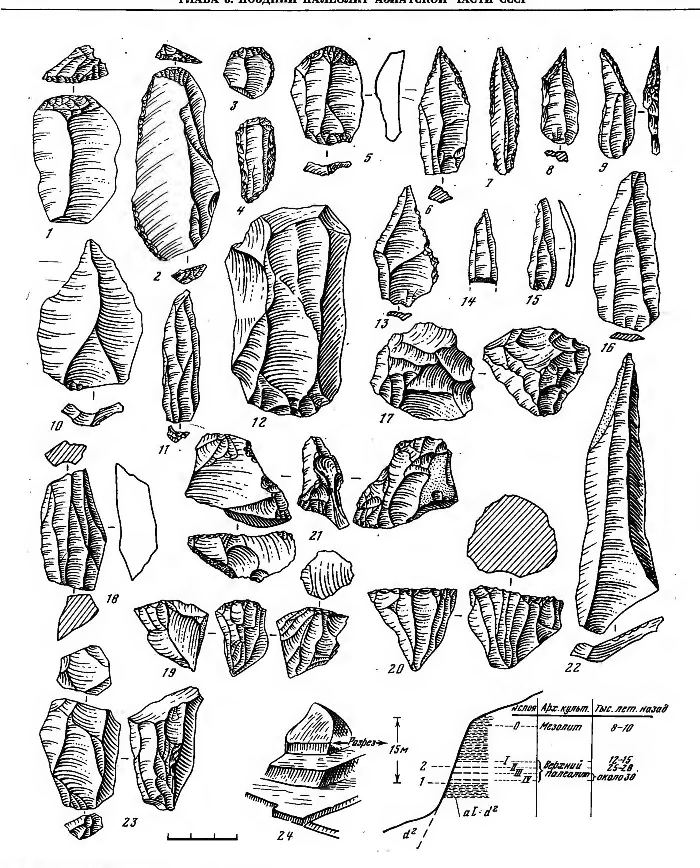

Рис. 123. Стоянка Шугноу

1 — 23 — каменный инвентарь (*1—5* — скребки; *6—9* — острия; *10, 13* — отщепы; *11, 15, 16, 22* — пластины; *12, 17, 18, 21, 23* — нуклеусы; *14* — проколка; *19, 20* — нуклеусы-скребки); *24* — положение разреза и распределение культурных слоев в разрезе. По В. А. Ранову и С. А. Несмеянову

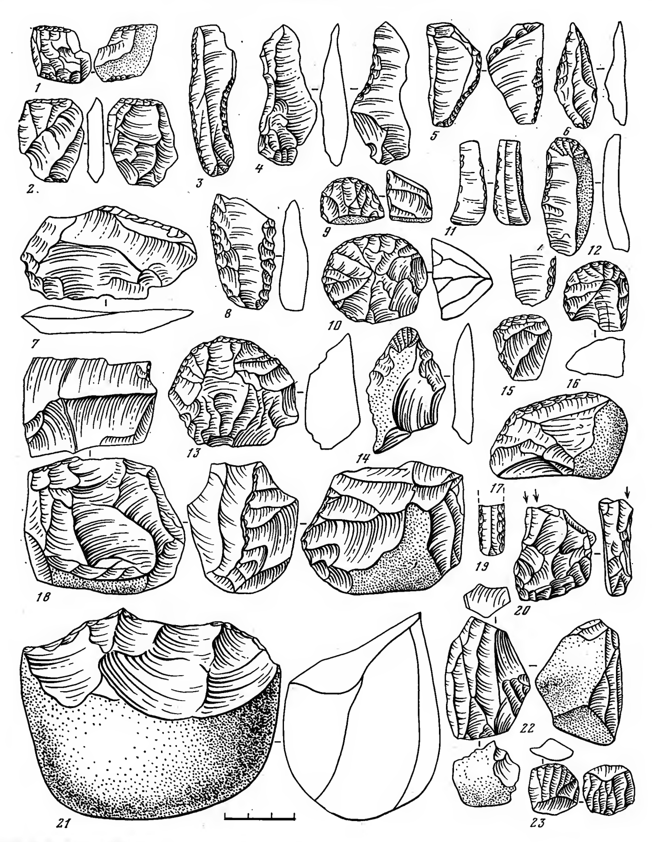

Рис. 124. Самаркандская стоянка

Каменный инвентарь (*1*, *2* — долотовидные орудия; *3—5*, *8*, *11*, *19* — пластины и отщепы с ретушью; *6* — проколка; *7*, *17* — скребла; *9*, *10*, *12—16* — скребки; *18*, *22*, *23* — нуклеусы; *20* — многофасеточный резец; *21* — чоппер). По Д. Н. Леву и Г. Ф. Коробковой

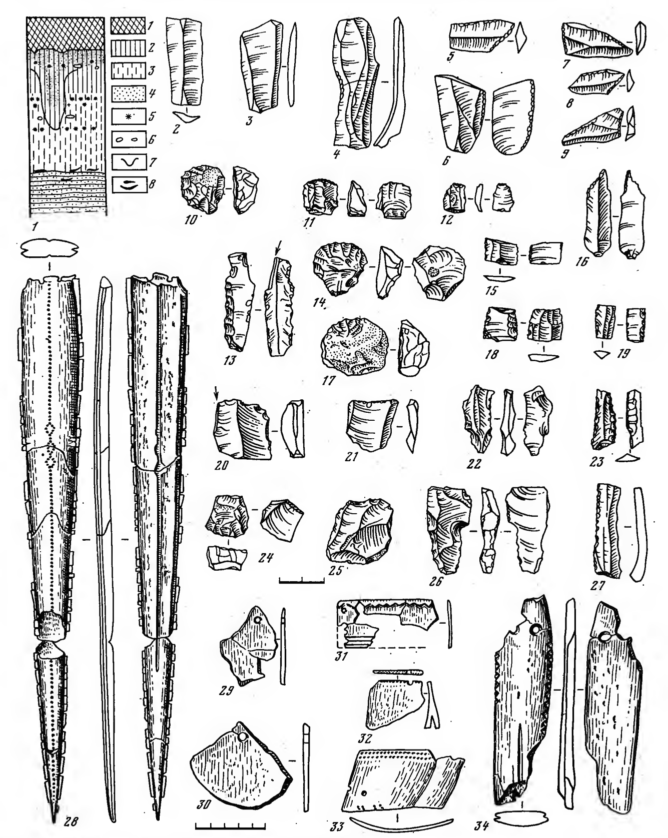

Рис. 125. Стоянки Шикаевка II *(1—9)* и Черноозерье II *(10—34)*

1 — стратиграфия стоянки Шикаевка II (*1* — почва; *2* — суглинок; *3* — супесь; *4* — песок; *5* — включения карбонатов; *6* — следы ходов землероев; *7* — морозобойная трещина; *8* — положение археологических находок); *2, 3* — фрагменты пластинок; *4, 6* — пластинки с ретушью по краям; *5, 7—9* — пластинки с ретушью по краям и концам (по В. Т. Петрину и С. М. Цейтлину); *10, 11, 14, 17* — скребки; *12, 23, 27* — пластинки с ретушью; *13, 20* — резцы; *15, 18, 19* — «вкладыши»; *16* — проколка; *21, 22, 25, 26* — пластинки и отщепы со следами использования; *24* — долотовидное орудие; *28* — кинжал с вкладышами; *29—33* — костяные подвески; *34* — обломок кинжала (по В. Ф. Генингу и В. Т. Петрину)

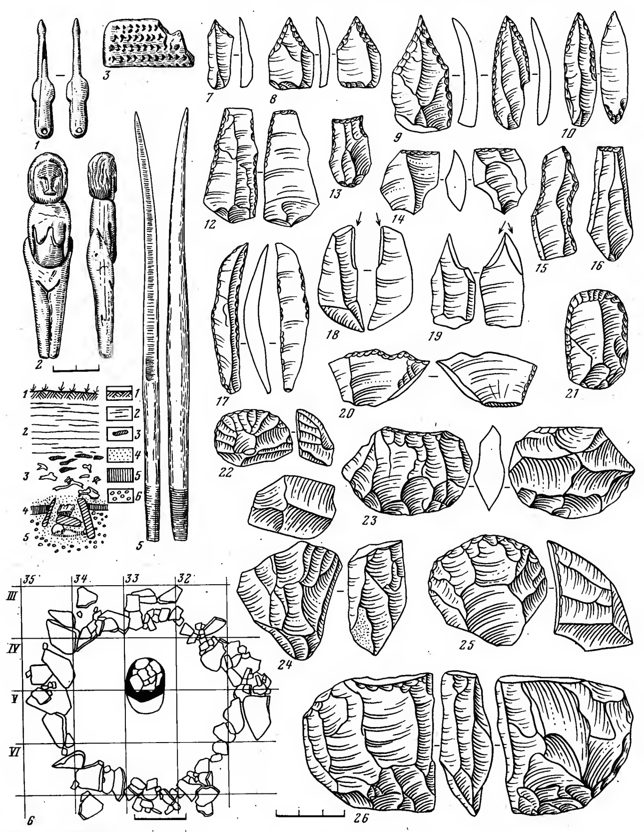

Рис. 126. Стоянка Мальта

1 — фигурка птицы; *2* — фигурка женщины; *3* — обломок украшения; *4* — стратиграфия погребения (*1* — дерн; *2* — лессовидная глина; *3* — слой лесса с культурными остатками; *4* — лессовидная супесь; *5* — красноватая глина; *6* — грубая речная супесь, постепенно переходящая в слой галечника); *5* — наконечник из бивня мамонта; *6* — контур основания жилища из плоских плиток песчаника, в центре — очаг; *7*—*26* — каменный инвентарь (*7*, *13* — резчики; *8*, *9* — проколки; *10*, *11* — острия; *12*, *16*, *17* — пластинки с ретушью; *14* — долотовидное орудие; *15* — пластинки с выемками; *18*, *19* — резцы; *20* — отщеп с выемками; *21*, *22*, *25* — скребки; *23* — дисковидное орудие; *24*, *26* — нуклеусы. По М. М. Герасимову

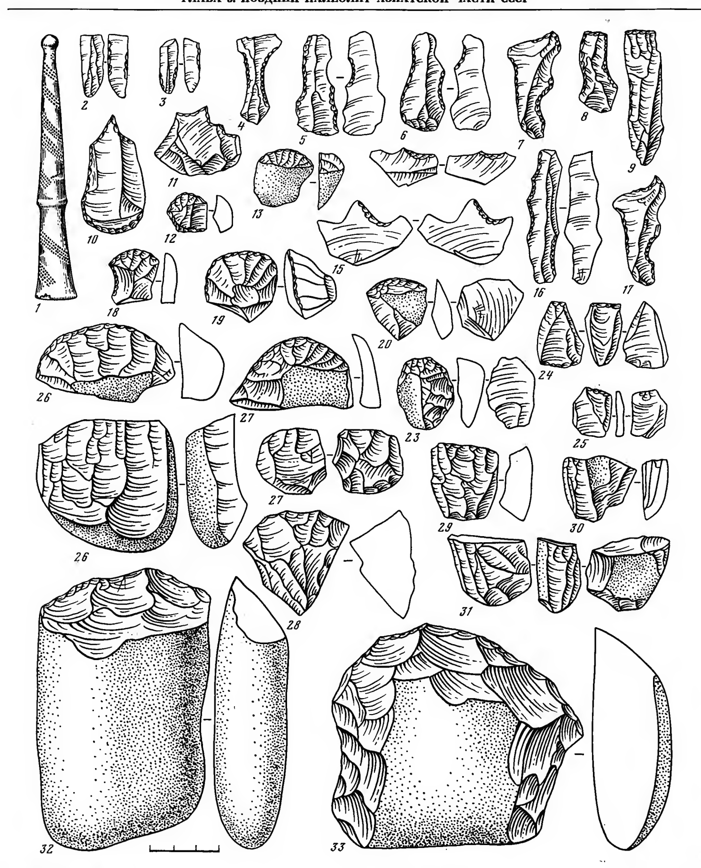

Рис. 127. Ачинская стоянка

1 — изделие из бивня мамонта; *2—33* — каменный инвентарь (*2, 3, 9* — пластинки с ретушью; *4—8, 16, 17* — пластинки с выемками; *10* — скребок-проколка; *11* — проколка; *12, 13, 18—20, 23* — скребки; *14, 15* — отщепы с выемками; *21, 22, 33* — скребла; *24, 25* — долотовидные орудия; *26—31* — нуклеусы; *32* — чоппер). По Г. А. Авраменко, М. В. Аникович, В. Е. Ларичеву

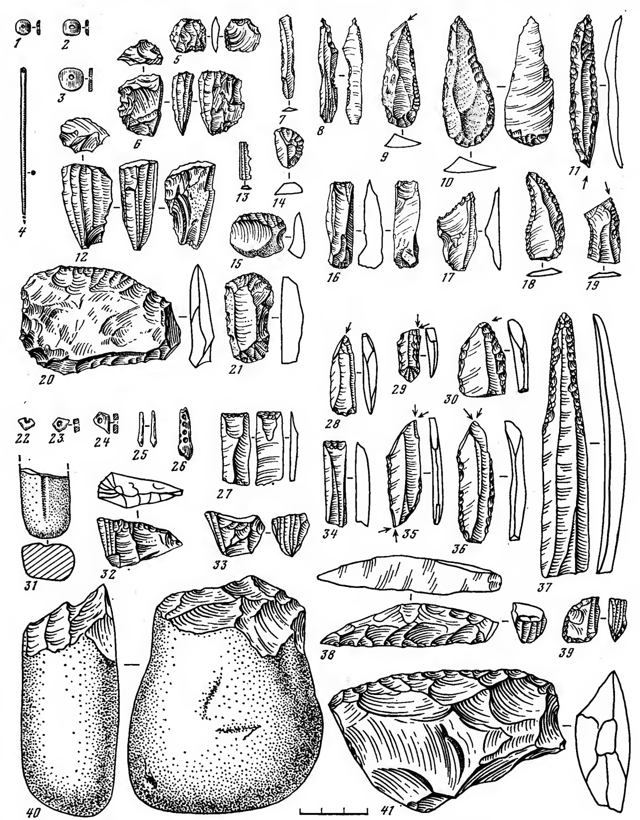

Рис. 128. Стоянка Красный Яр. Верхний комплекс *(1—21)* и нижний комплекс *(22—41)*

1—3 — бусинки из эмали зуба животного; *4* — костяная игла; *5—21* — каменный инвентарь (*5*, *16* — долотовидные орудия; *6*, *12* — клиновидные нуклеусы; *7*, *18*, *19* — пластинки с ретушью; *8* — проколка; *9—11* — острия; *13* — микропластинка с зубчато-выемчатым краем; *14*, *15*, *21* — скребки; *17* — асимметричное острие; *20* — скребло), по З. А. Абрамовой; *22—24* — бусинки из скорлупы яиц страуса; *25*, *26* — подвески из резцов северного оленя; *27—41* — каменный инвентарь (*27*, *34* — долотовидные орудия; *28—30*, *35*, *36* — резцы; *31* — «точильный» брусок; *32*, *33*, *38*, *39* — нуклеусы; *37* — острие; *40* — чоппер; *41* — скребло. По Г. И. Медведеву

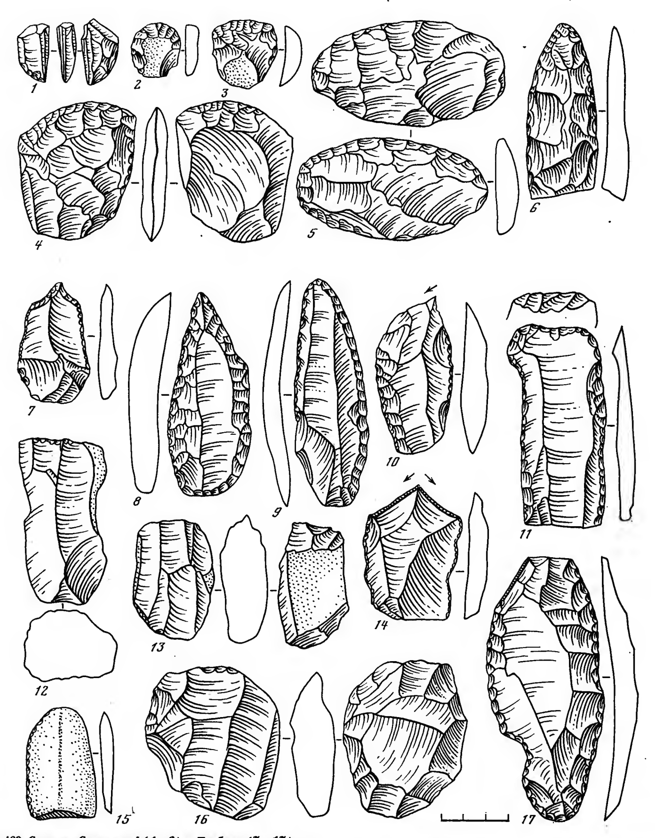

Рис. 129. Стоянки Сохатино 4 *(1—6)* и Толбага *(7—17)*

Каменный инвентарь: *1* — клиновидный нуклеус; *2, 3* — скребки; *4, 5* — двустороннеобработанные скребла; *6* — наконечник копья (по И. И. Кириллову); *7* — проколка; *8* — остроконечник; *9, 17* — скребла-ножи; *10, 14* — резцы; *11* — пластинка с ретушью и подтеской; *12, 13, 16* — нуклеусы; *15* — «точильный» брусок. По М. В. Константинову

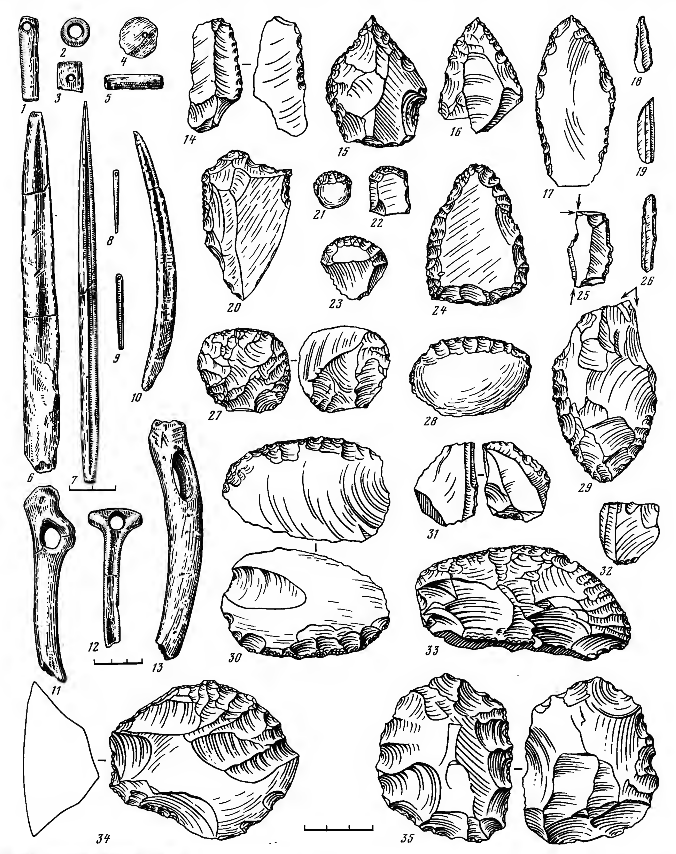

Рис. 130. Стоянка Афонтова Гора II

1—5 — украшеиия; *6, 7, 10* — роговые иакоиечники копий; *8, 9* — иглы; *11—13* — выпрямители; *14—35* — каменный инвеитарь (*14* — пластиика со следами ретуши; *15, 16* — остроконечники; *17, 24, 27—30, 33, 34* — скребла; *18, 19, 26* — орудия из микропластинок; *21—23* — скребки; *25* — резец; *31, 32* — микронуклеусы; *35* — дисковидиое орудие). По Н. К. Ауэрбаху и Г. П. Сосновскому

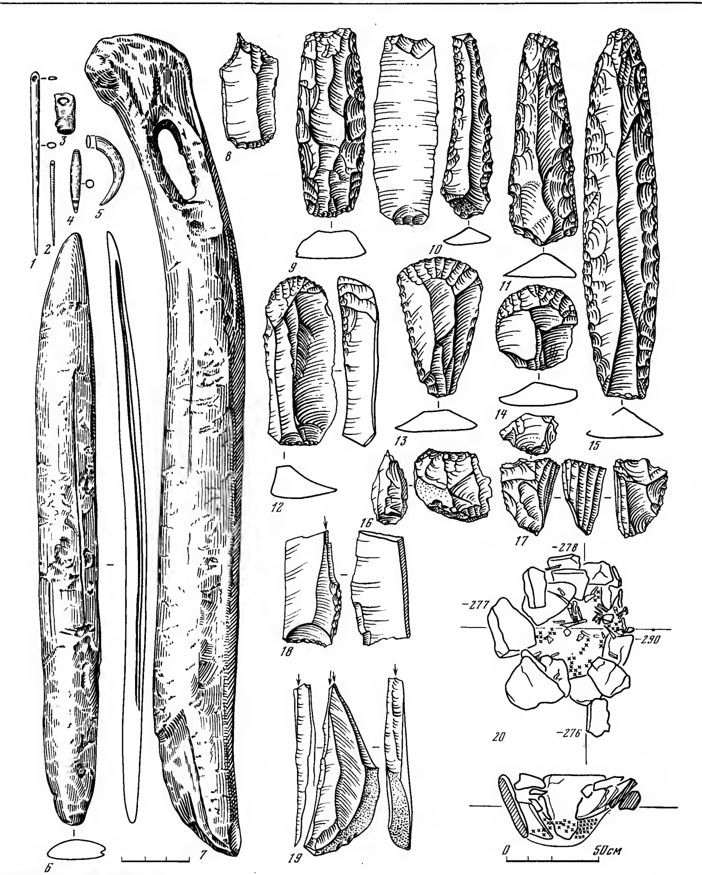

Рис. 131. Стоянка Кокорево I

1, 2 — иглы; *3* — украшение; *4, 5* — поделки непонятного назначения; *6* — вкладышевый кинжал; *7* — выпрямитель; *8—19* — каменный инвентарь (*8* — скребок-проколка; *9* — орудие с подтеской; *10, 11* — орудия из пластин; *12—14* — скребки; *15* — остроконечники; *16* — долотовидное орудие; *17* — клиновидный нуклеус; *18, 19* — резцы; *20* — план и разрез очага). По З. А. Абрамовой

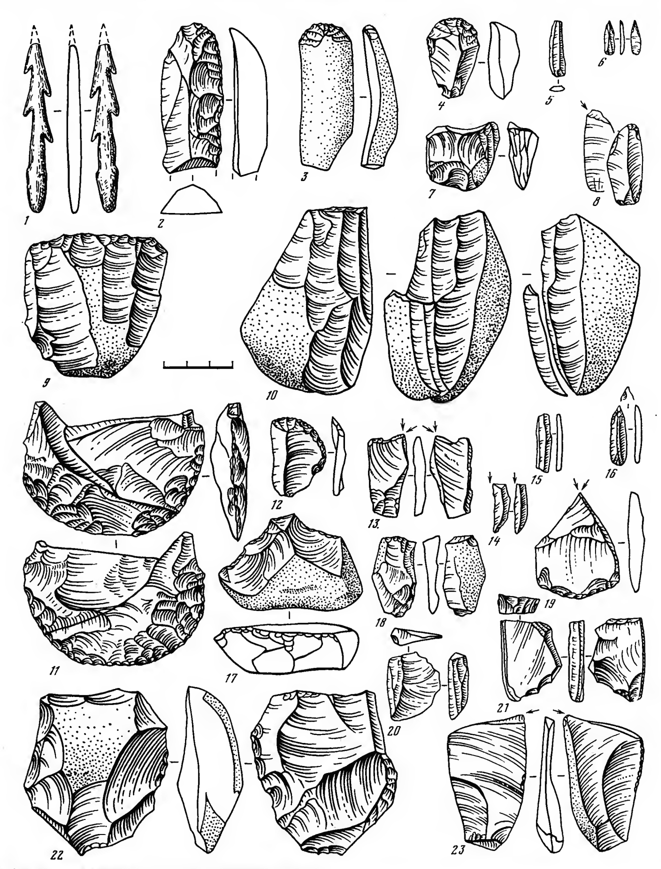

Рис. 132. Стоянки Макарово II *(1—10)* **и Эжанцы** *(11—23)*

1 — гарпун из рога; *2—10* — каменный инвентарь (*2—4* — скребки; *5* — микропластинка; *6* — микропроколка; *7* — клиновидный нуклеус; *8* — резец; *9*, *10* — нуклеусы), по М. П. Аксенову; *11—23* — каменный инвентарь (*11* — двустороннеобработанный нож; *12* — скребок; *13*, *14*, *19*, *23* — резцы; *15* — микропластинка; *16* — микропроколка; *17* — скребло; *18* — отщеп со следами обработки; *20*, *21* — клиновидные нуклеусы; *22* — нуклеус). По Ю. А. Мочанову

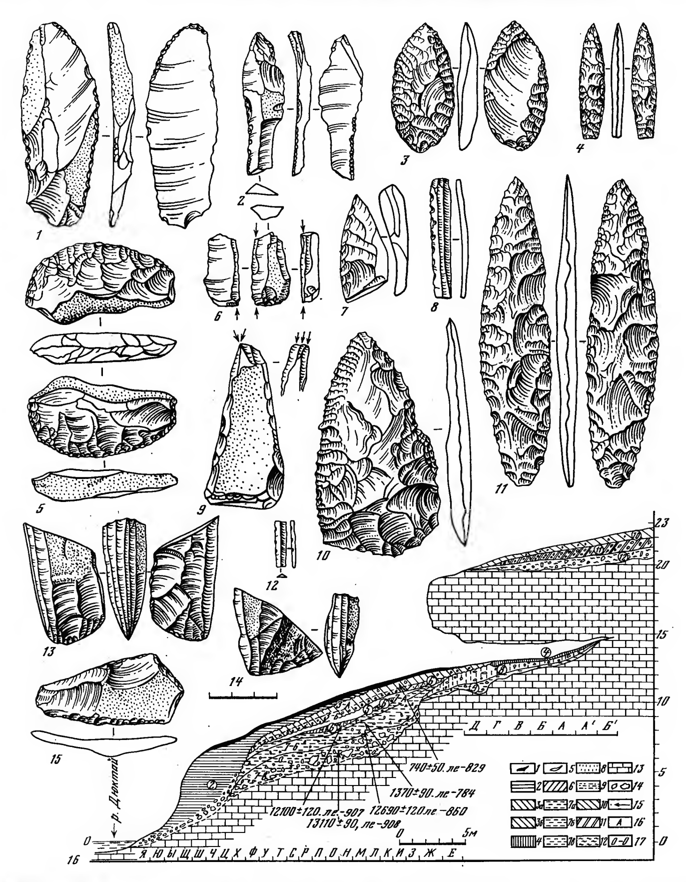

Рис. 133. Дюктайская пещера

1—15 — каменный инвентарь (*1* — пластинка с ретушью; *2*, *6*, *7*, *9* — резцы; *3*, *4*, *11* — наконечники копий; *5* — скребло; *8*, *12* — микропластинки; *10* — нож с двусторонней обработкой; *13—14* — клиновидные нуклеусы; *15* — отщеп с ретушью); *16* — сводный разрез отложений Дюктайской пещеры и предпещерной площадки (по Ю. А. Мочанову)

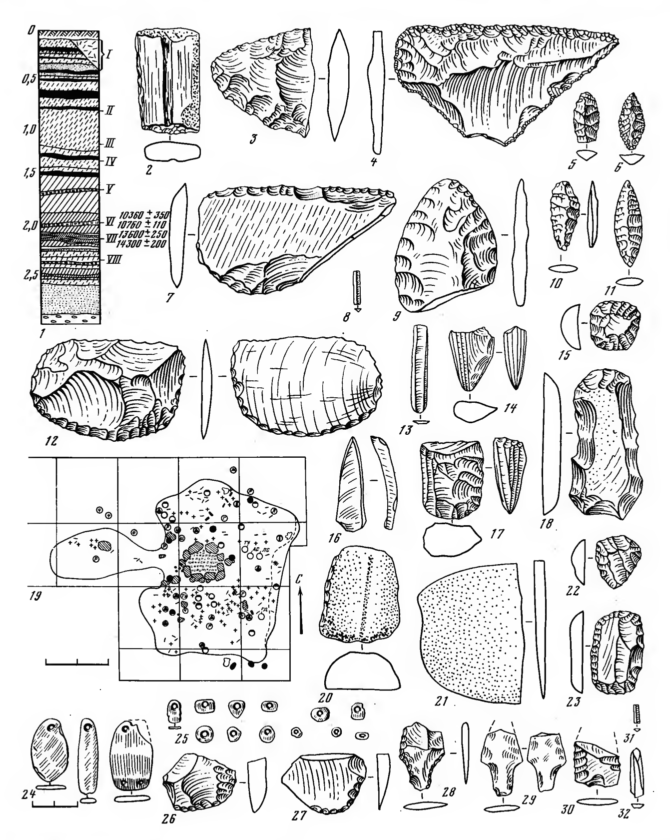

Рис. 134. Стоянка Ушки I

1 — стратиграфическая колонка; *2—6* — пятый слой, каменный инвентарь (*2* — «точильный» брусок; *3*, *4* — скребла; *5*, *6* — наконечники стрел); *7—23* — шестой слой, каменный инвентарь (*7*, *12* — скребла; *8* — микропластинка; *9* — наконечник копья; *10*, *11* — наконечники стрел; *13* — пластинка; *14*, *17* — клиновидные нуклеусы; *15*, *18*, *22*, *23* — скребки; *16* — лыжевидный скол; *20* — «точильный» брусок; *21* — сланцевый нож) и план жилища (*19*); *24—32* — седьмой слой: украшения (*24*, *25*); каменный инвентарь: *26—27* — скребки; *28—30* — наконечники стрел; *31*, *32* — микропластинки. По Н. Н. Дикову

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Заключение

Проблемы палеолитических культур, хозяйства и социального строя

Палеолит СССР, как, впрочем, и палеолит других обширных стран, изучен очень неравномерно. Многое продолжает оставаться неясным, неразработанным и спорным. Этим обусловлена неравномерность и порой нестройность его описания в предыдущих разделах настоящей книги. Подобная неравномерность, а частично и отрывочность будет по необходимости характерна и для данного заключительного раздела. Он кратко подытоживает проблемы выделения и изучения на территории СССР археологических культур, историко-культурных областей и других территориальных и культурных подразделений разных этапов палеолита и ставит некоторые вопросы хозяйства и социального строя палеолита в их развитии. В связи с такими задачами заключительного раздела и с тем, что он является в известной мере как бы рефератом предшествующих частей книги, в него включен ряд положений и характеристик, принадлежащих авторам этих частей. Таким образом, этот раздел принадлежит в определенной степени всему авторскому коллективу настоящей книги. Разумеется, автор заключительного раздела полностью отвечает за все недостатки и пробелы последнего.

Мы уже указывали (Введение), что к основным понятиям, к которым прибегают в археологическом исследовании, принадлежат археологические культуры. Подробная характеристика археологических культур, представленных в раннем и позднем палеолите СССР, была дана в частях II и III настоящего тома. Возникает вопрос о времени возникновения палеолитических культур на территории СССР.

Выразительные памятники, отнесение которых к олдувайской эпохе было бы бесспорным, в настоящее время на территории СССР неизвестны (см. ч. II, гл. 1). Материалы же по палеолиту зарубежных стран, в частности Африки, не дают оснований для выделения в олдувайскую эпоху различных культур. Но в раннем, а особенно в среднем и позднем ашеле начинают прослеживаться локальные различия, в отдельных сучаях не связанные с характером природной среды и, в частности, используемого сырья.

На территории СССР относительно лучше известен и лучше изучен ашель Кавказа. Ашельские памятники этого периода демонстрируют множественность форм развития материальной культуры древнейших обитателей Кавказа. Налицо уже локальные явления различного ранга и в том числе локальные образования типа археологических культур (см. ч. II, гл. 2). Неоднородны и гораздо хуже известны ашельские памятники Казахстана (см. ч. II, гл. 4). Локальное своеобразие отдельных их групп тоже едва ли обусловлено разным возрастом. Можно быть уверенным, что продолжение исследований по ашелю Казахстана приведет к установлению там четких локальных образований по типу кавказских.

В мустьерскую эпоху археологические культуры и иные подразделения выступают на территории СССР несколько отчетливее, хотя они все еще расплывчаты и, быть может, этим отличались от позднепалеолитических культур даже в бо́льшей степени, чем те отличались от неолитических.

Если начать с Кавказа, для которого эта проблематика, пожалуй, лучше всего разработана, то там устанавливается существование пяти локально ограниченных, приуроченных к определенным территориям культур: губской, хостинской, цуцхватской, джурчульско-кударской и цхинвальской (ч. II, гл. 2). Многие мустьерские пещеры и стоянки Кавказа не входят в эти культуры. Их культурную принадлежность еще предстоит определить. Было бы ошибочным на основании каждого своеобразного памятника, отличающегося от других ему одновременных, устанавливать существование особой культуры.

Вопросы культурной принадлежности мустьерских памятников Русской равнины и Крыма рассматриваются в ряде работ (*Формозов А. А.*, 1977; *Гладилин В. Н.*, 1976; *Праслов Н. Д.*, 1968; *Анисюткин Н. К.*, 1969; *Григорьев Г. П.*, 1966; *Колосов Ю. Г.*, 1977 и др.). Устоявшиеся, общепризнанные построения тут еще не сформированы. Поэтому представляется более правильной осторожность; утверждение существования на данных территориях определенных мустьерских культур лишь в тех случаях, когда это можно твердо доказать. Исходя из этого, можно, по нашему мнению, говорить о белогорской культуре Крыма, молодовской и стинковской культурах юго-запада Русской равнины, а также о вероятном существовании в бассейнах Днепра, Десны, Дона, Северского Донца, Волги и в Приазовье нескольких других культур, частично связанных с белогорской и пока еще отчетливо не выделяемых (ч. II, гл. 3)[1].

Что же касается Средней Азии и Казахстана, то там в настоящее время удается выделить лишь более обширные общности, отличающиеся от археологических культур тем, что памятники, к ним принадлежащие, разбросаны на широких пространствах, порой чересполосно, и не образуют компактных, четко очерченных локальных групп.

В мустьерскую эпоху наряду с культурами выделяются линии развития (пути развития, варианты), объединяющие территориально разобщенные, однако близкие, хотя и не идентичные в технико-типологическом отношении индустрии. Каждая линия развития включает несколько культур, а также памятников, которые пока ещё трудно приурочить к определенной культуре. На Кавказе (ч. II, гл. 2) представлены три линии развития мустьерской техники: типично мустьерская, зубчато-мустьерская и шарант-

---

[1] В. Н. Гладилин (1976) выделяет для Крыма и Русской равнины семь мустьерских культур: аккайскую и киик-кобинскую (отвечают белогорской культуре Н. Д. Праслова), молодовскую, стинковскую, друиторскую, орловскую и антоновскую. Это деление, как нам представляется, резко не отличается от деления, предложенного Н. Д. Прасловым (ч. II, гл. 3), хотя, быть может, в отдельных случаях является чрезмерно дробным.

ская (тип Ла Кина). В Средней Азии и Казахстане (ч. II, гл. 4) представлены пять подобных линий развития: мустье-леваллуазская, типично мустьерская, мустье-соанская, зубчато-мустьерская и линия мустье с ашельской традицией. Более дробные и локально ограниченные мустьерские культуры на территории Средней Азии и Казахстана еще предстоит выделить.

Как мы видим, часть линий развития является общей для Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Общи они и для весьма обширных территорий Европы, вплоть до побережья Атлантического океана. Но это общность совершенно иного характера, чем общность, прослеживаемая внутри той или иной мустьерской культуры. За ней не скрываются какие-то обширные этнические объединения, в те эпохи отсутствовавшие. Главным, что порождало возникновение общностей этого порядка, вероятно, была ограниченность технических возможностей неандертальцев, обусловившая независимое возникновение на разных территориях сходных технических приемов. Известную роль могла играть и общность происхождения, в какой-то мере общность исторических судеб (*Любин В. П.*, 1977а; *Гладилин В. Н.*, 1976).

Линии развития — специфическое явление, характерное только для мустьерской эпохи. Быть может, его в дальнейшем удастся проследить и для ашеля. Но в позднем палеолите это явление уже не наблюдается. Можно предположить, что этнокультурные различия, являющиеся в позднем палеолите более четко выраженными, более многочисленными и многообразными, чем в предшествующую эпоху, как бы заслонили и вытеснили широкие, в значительной мере стадиальные и конвергентные, черты сходства, отраженные нелокальными линиями развития. Этому процессу вытеснения и определенного рода нивелировки должно было способствовать развитие более тесных связей между группами людей, число которых и густота расселения которых увеличивались, а, следовательно, рос обмен техническим опытом между группами людей. В позднем палеолите на первый план выступают различия этнографические, сочетающиеся с различиями, обусловленными формами хозяйства и характером природной среды. Впрочем, такая трактовка не является единственно возможной. Не исключено, что в дальнейшем в процессе выделения и определения новых и новых позднепалеолитических культур в позднем палеолите будут прослежены явления, в той или иной степени напоминающие мустьерские линии развития (типа, скажем, ориньякских или солютрейских приемов обработки камня).

В мустьерскую эпоху удается проследить и другие, тоже очень обширные, но уже территориальные единства, дальнейшее развитие которых относится к позднему палеолиту и к последующим эпохам. Это историко-культурные области (этнокультурные общности) [2] — части ойкумены, у населения которых сложились сходные культурно-бытовые (этнографические) особенности (*Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.*, 1971). Речь идет о самом общем сходстве по сравнению со сходством, наблюдаемым внутри отдельных культур. Можно утверждать, что мустье Закавказья тяготеет к переднеазиатской историко-культурной области той эпохи. Мустье Русской равнины и Крыма вместе с обширными районами Центральной Европы, располагающимися на территории современных Польши и ГДР и частично захватывающими территорию современной ФРГ, образует особую историко-культурную область. Мустье Северного Кавказа обнаруживает отдельные элементы сходства, с одной стороны, с Закавказьем, а с другой, с югом Русской равнины. Что же касается до мустье Средней Азии и Казахстана и единичных мустьерских пещер Южной Сибири, ставших известными за последние годы, то памятники этих территорий обнаруживают отдельные элементы сходства с мустьерскими памятниками Передней Азии, а также Южной Азии (Пакистан и Северо-Западная Индия). Но в настоящее время утверждать их принадлежность к определенной историко-культурной области той или иной эпохи было бы преждевременно. Отметим в этой связи и аналогии, которые представляет, очевидно, домустьерский галечный ранний палеолит Южного Казахстана раннепалеолитическому соану южных предгорий Гималаев.

При переходе к позднему палеолиту культурная дифференциация палеолитических памятников и представленных ими групп древнего населения развивается дальше. Культурно-историческая карта территории СССР становится более сложной и в то же время более четкой, лучше выраженной, чем в древнем палеолите. Это относится прежде всего к низшим подразделениям, к позднепалеолитическим культурам.

На Кавказе в настоящее время удается проследить существование двух достаточно четко выраженных позднепалеолитических культур (ч. III, гл. 2). Это — имеретинская, пожалуй, раньше всего ставшая известной и лучше всего изученная, а также губская. Закавказские памятники Имеретии имеют много общего с позднепалеолитическими культурами прилегающих территорий Ирака, такими, в частности, как барадостская и зарзийская, и вместе с поздним палеолитом значительной части Западной Азии (за исключением, пожалуй, Аравийского полуострова) входят в обширную переднеазиатскую историко-культурную область, начавшую формироваться еще в мустьерскую эпоху. От имеретинской и губской культур несколько отличаются местонахождения Джаткран и Нурнус, а с другой стороны, памятники севера Черноморского побережья Кавказа — Ахштырская и Навалишенская пещеры, Холодный Грот, Широкий Мыс. Быть может, здесь в дальнейшем удастся выделить самостоятельные позднепалеолитические культуры.

В настоящее время можно утверждать, что на территории Русской равнины и Крыма в позднем палеолите существовало не менее 20 культур, разные группы которых составляли различные историко-культурные области (ч. III, гл. 1).

Культуры молодовская, липская, рашковская, брынзенская и другие входят в историко-культурную область, занимавшую в основном юго-запад Русской равнины. Культуры мезинская, межиричско-добраничевская, пушкаревская и другие входят в Поднепровскую историко-культурную область. Культуры аккаржанская, мураловская, амвросиевская и камен-

[2] Не надо, разумеется, забывать, что и этнографические различия могли сложиться под влиянием былого своеобразия хозяйственных форм и природной среды.

но-балковская, обнаруживающая связи с имеретинской культурой Кавказа, входят в степную историко-культурную область, охватывавшую степи Северного Причерноморья-Приазовья.

Наряду с этими тремя историко-культурными областями, границы которых выявляются с известной определенностью так же, как с известной определенностью очерчиваются культуры, в них входившие, причем последние обнаруживают в каждом случае отчетливые черты сходства между собой, выделяется Верхнедонская область. В нее входят культуры костенковско-стрелецкая, костенковско-спицынская, костенковско-городцовская, костенковско-авдеевская (виллендорфско-костенковская) и др. Особенностью этой, достаточно четко географически очерченной области, особенностью, отличающей ее от первых трех областей, является разнокультурность. В нее входит ряд культур и групп, резко различающихся между собой. Вероятно, такая единственная в своем роде разнокультурность отражает своеобразие исторических судеб данного региона в позднем палеолите.

Можно ориентировочно наметить еще два различных, но мало изученных пространства. Это — северо-западная область, охватывающая территории Белоруссии и Литвы и представленная в основном стоянками, относящимися к самому концу позднего палеолита, и огромная северо-восточная область, охватывавшая, в частности, бассейн Печоры и весь Урал. Но две последние области являются на современном уровне наших знаний о палеолите СССР подразделениями пока только географическими, территориальными.

В приведенный перечень не вошел ряд выразительных позднепалеолитических поселений, таких как Сюрень I, возможно, примыкающая к степной области, Бердыж, возможно, примыкающий к верхнедонской области, и др. Процесс выявления современными археологами позднепалеолитических культур и историко-культурных областей, существовавших на территории СССР, начался сравнительно совсем недавно, далеко не закончился, и многое еще остается неясным и неразработанным. Однако важно отметить, что для некоторых культур Русской равнины уже удается определить как четкую территориальную приуроченность, так и длительное их развитие через ряд этапов (молодовская культура, костенковско-стрелецкая культура и др.).

На территории Азиатской части СССР (ч. III, гл. 3) тоже достаточно ясно можно выделить культуры и области своеобразного развития. Так, афонтовская, кокоревская, сросткинская и забайкальская (ошурковская) культуры составляют Южно-Сибирскую историко-культурную область, охватывавшую памятники позднего палеолита Алтая, Енисея и Забайкалья. Мальтинско-буретская культура и ее предполагаемые варианты входят в Ангаро-Чулымскую историко-культурную область. Наконец, макаровская и дюктайская культуры входят в Северо-Восточную Сибирскую историко-культурную область. Здесь тоже постепенно удается проследить развитие отдельных культур, их последовательные этапы, генетическую связь и взаимное влияние. С этим, а также с хронологическими несовпадениями связано и то, что территории двух первых областей частично заходят одна на другую. Подобное явление, правда, пока не столь отчетливо прослеживаемое, имело место и в других районах Сибири и Русской равнины.

Мы видим, что размеры историко-культурных областей на территории Русской равнины, где они лучше известны, в позднем палеолите оказываются меньшими, чем в мустьерскую эпоху, и количество этих областей оказывается значительно большим. Одна из причин та, что поздний палеолит лучше исследован, чем мустьерская эпоха, и гораздо лучше нам известен. Но главное то, что позднепалеолитическая культура являлась более развитой, сложной и многообразной, более дифференцированной. Впрочем, поздний палеолит всех обширных территорий Русской равнины и некоторых областей Центральной Европы, образовывавших определенное культурное единство в мустьерскую эпоху, тоже обнаруживает много общих черт, отделяющих его от позднего палеолита Сибири, Кавказа, Западной и Южной Европы. Таким образом, он тоже представляет собой крупный историко-культурный регион или зону, включающую несколько историко-культурных областей. О нем можно говорить в целом, подобно тому, как мы говорим о позднем палеолите Сибири, Африки, Северной Америки, Австралии или Средиземноморья[3]. Говорить в таком плане о позднем палеолите СССР в целом нельзя, так как разные его территориальные группы входят в разные зоны.

К вопросу об историко-культурных областях примыкает вопрос о природно-хозяйственных областях палеолита. Речь идет как об ограниченных, так и о весьма обширных территориях, где сходные и в то же время отличающиеся от соседних регионов природные условия создавали предпосылки для возникновения несколько своеобразного хозяйственного уклада, в незначительной степени отличающегося от хозяйственного уклада, представленного в соседних регионах. Такое сходство природных условий сказывалось не только на хозяйственном укладе, но в какой-то мере и на сходстве материальной культуры, в первую очередь каменных и костяных изделий. Каждая из подобных природно-хозяйственных областей могла включать несколько культур, имеющих общие черты. Но эта общность разных культур объясняется уже не единством их происхождения и не существованием между ними историко-культурных связей, а сходством окружающей среды, образа жизни и хозяйства. Еще в мустьерскую эпоху жизнь охотившихся на пещерных хищников обитателей горных районов несколько отличалась от жизни обитателей равнин, охотившихся на зубров и диких лошадей. Однако для мустьерской эпохи такие отчетливые природно-хозяйственные области пока не установлены. Для позднего палеолита СССР примером подобного природно-хозяйственного единства, возможно, в действительности является степная историко-культурная область, которую объединяют сходные формы хозяйства и сходный в некоторых общих чертах характер каменных изделий (см. ч. III, гл. 1). Культуры, входящие сюда, различны.

С проблемами палеолитических культур и оценки критериев их выделения связан вопрос о датирующем значении палеолитических каменных орудий. В на-

[3] Вопрос о подобных крупных локальных различиях и областях был разработан С. Н. Замятниным еще в 1951 г. (*Замятнин С. Н.*, 1951).

стоящее время является общепризнанным, что одновременные палеолитические памятники, принадлежащие к разным культурам, могут довольно значительно различаться своим кремневым инвентарем. Общепризнанно на современном уровне развития науки о палеолите и то, что основными методами абсолютной и относительной датировки палеолитических памятников и в связи с этим создания хронологии и археологической периодизации палеолита являются радиоуглеродный (C^{14}) и калий-аргоновый метод, а также свидетельства четвертичной геологии, стратиграфии, палеоботаники (палинологии) и палеозоологии. Эти методы положены в основу тех характеристик палеолита СССР, которым посвящена настоящая книга. Но отсюда не следует, что эпохи палеолита вовсе не различаются между собой техникой обработки камня и формами каменных и костяных изделий. Подобные различия, существовавшие между эпохами раннего палеолита от олдувая до мустье и выражавшиеся в меньшей мере в появлении и исчезновении отдельных форм орудий, а в большей мере в изменении техники раскалывания и вторичной обработки камня, в массовом изменении характера нуклеусов и заготовок, равно как и между мустьерской эпохой и поздним палеолитом, в целом бесспорны. Сложнее обстоит дело с установлением более точных, более дробных датировок отдельных комплексов кремневых орудий внутри среднего и позднего ашеля и особенно внутри мустьерской эпохи, с решением вопроса о том, можно ли отнести данный памятник к раннему, среднему или позднему мустье. Прежние критерии (обилие бифасов, как показатель раннемустьерского возраста; наличие отдельных резцов и призматических нуклеусов, зачатков обработки кости, как показатель позднемустьерского возраста и др.) теперь уже не могут считаться бесспорными и в некоторых случаях опровергаются данными геологии и стратиграфии, а также радиоуглеродным анализом. Лишь в рамках отдельных культур и линий развития, в результате конкретного анализа каждой из них удается устанавливать датирующее значение отдельных технических приемов и форм каменных орудий, используя затем результаты такого анализа для определения хронологии памятника.

Еще сложнее обстоит дело с датирующим значением различий между комплексами кремневых орудий в пределах позднего палеолита. Предыдущее изложение (в частности, ч. III, гл. 1) продемонстрировало, что в некоторых случаях мустьерские формы орудий могут встречаться в стоянках, относящихся отнюдь не к самому началу позднего палеолита, а к его средней поре; с другой же стороны, отдельные микролитические орудия могут встречаться в стоянках, относящихся к эпохам на многие тысячелетия предшествующим переходу к мезолиту. Однако следует иметь в виду, что для территории Русской равнины подобные находки отмечены лишь в виде редкого исключения, а в Крыму и на Кавказе пока не опровергнут тот факт, что переживание мустьерских форм каменных орудий характерно именно для начальных этапов позднего палеолита, тогда как микролитизация отмечает этапы позднего палеолита, уже близкие к мезолиту. Последнее можно констатировать и для Поднестровья, в частности, для верхних слоев поселения Молодова 5. Таким образом, в отдельных случаях, когда отсутствуют другие возможности датировать палеолитический памятник (C^{14}, геология, фауна и т. д.) с определенными, очень существенными оговорками, техника и типы орудий могут использоваться для датировки, особенно, когда речь идет о том, отнести ли данный памятник, скажем, к ашелю или мустье, к мустье или к позднему палеолиту, к самому началу или к самому концу позднего палеолита. Когда же речь идет о более точной относительной датировке памятника в пределах позднего палеолита, то тут каменные орудия могут иметь серьезное датирующее значение лишь при сравнении комплексов, расположенных поблизости друг от друга и относящихся к одной археологической культуре. Так, удается проследить развитие позднепалеолитических орудий в рамках молодовской культуры, костенковско-стрелецкой культуры, некоторых культур Сибири. Вместе с тем показательно, что разработанная С. Н. Замятниным около 50 лет назад периодизация позднего палеолита Закавказья, хотя и была по необходимости основана только на сравнении комплексов кремневых орудий, не подкрепленном другими материалами, все же в основных своих положениях выдержала испытание временем (ч. III, гл. 2, см. также: *Формозов А. А.*, 1977). Однако здесь речь идет о регионе сравнительно ограниченном.

Общие вопросы первоначального заселения территории СССР людьми были рассмотрены выше (ч. II, гл. 1). Здесь, подытоживая предыдущий текст, мы кратко остановимся на вопросах соотношения палеолитических культур СССР с палеолитическими культурами сопредельных территорий.

Этнокультурная карта палеолита, разумеется, ни в какой мере не соответствует современной политической карте мира, и палеолит СССР, как мы уже указывали, не представлял собой историко-культурного единства. Палеолитические культуры разных частей СССР имели разную степень сходства с палеолитическими культурами соседних территорий и были с теми или иными из них в той или иной степени связаны. Для раннего палеолита такое сходство и связи устанавливаются с наибольшим трудом. Хотя локальные группы ашеля Кавказа, а также мустьерские культуры этого региона обнаруживают значительное разнообразие и мустье Закавказья тяготеет к Переднеазиатской историко-культурной области, на современном уровне наших знаний нельзя утверждать существование связей определенных групп и культур Кавказа с какими-либо определенными локальными группами или культурами ашеля и мустье зарубежной Западной Азии, равно как и юга Русской равнины или Средней Азии. Точно также обстоит дело с ранним палеолитом Русской равнины и Крыма. Что же касается Средней Азии, то интересные разработки в этом плане вышли из-под пера В. А. Ранова, обращающего внимание на сходство мустье Тешик-Таша с некоторыми мустьерскими памятниками зарубежной Передней Азии (*Ранов В. А.*, 1978), а также предполагающего влияния ашеля и мустье Средней Азии на раннепалеолитические культуры южных предгорий Гималаев (*Ранов В. А.*, 1972).

Связи и взаимоотношения различных позднепалеолитических культур территории СССР выявляются уже несколько более отчетливо. Начнем с Русской равнины (см. ч. III, гл. 1). Культуры ее юго-запа-

да — молодовская, липская, рашковская, брынзенская и другие, образующие одну историко-культурную область, обнаруживают в своем развитии некоторые общие черты, отделяющие их от позднепалеолитических культур как степной области, так и Балканского полуострова и Центральной Европы. На Балканском полуострове, в частности в бассейне Нижнего Дуная, выраженные связи с позднепалеолитическими культурами юго-запада Русской равнины не прослеживаются. Входящая в степную область каменнобалковская культура обнаруживает в кремневом инвентаре связи с имеретинской культурой Закавказья (ч. III., гл. 1, 2), хотя бытовой уклад и формы хозяйственной деятельности, характерные для той и другой, демонстрируют существенные различия. Особенно интересны тесные связи, обнаруживающиеся у костенковско-авдеевской культуры Верхнедонской области с такими центральноевропейскими памятниками, как Павлов, Дольни Вестонице, Петржковице, входящими в состав павловской культуры, Виллендорф (виллендорфская культура) и Спадзиста (ч. III, гл. 1; *Григорьев Г. П.*, 1968). Эти связи позволяют говорить о постепенном распространении групп позднепалеолитических людей, представителей павловско-виллендорфско-костенковского единства (виллендорфско-костенковской культуры), из Центральной Европы до бассейна Дона. Заслуживает внимания и интересное, хотя и весьма спорное предположение о связи верхнего культурного слоя Тельманской стоянки в Костенках с памятниками типа Ежмановской и в бассейне Вислы (Нетопежова см: *Chmielewski W.*, 1961). Наконец, финальный палеолит (и мезолит) северо-западной области демонстрирует черты сходства с одновременными памятниками Южной Прибалтики и позволяет предполагать существование здесь определенного культурного единства.

Из позднепалеолитических культур Кавказа, пожалуй, богаче всего представлена и относительно лучше всего изучена имеретинская. Быть может, именно поэтому только для нее установлено существование связей не только северных, с каменнобалковской культурой Приазовья, но и южных, с барадостской (позднепалеолитические слои пещеры Шанидар) и зарзийской (пещеры Зарзи) культурами Передней Азии (ч. III, гл. 2; *Бадер Н. О.*, 1966). Дальше на юго-запад, по направлению к Малой Азии и Восточному Средиземноморью подобные связи в пределах той же единой, переднеазиатской историко-культурной области не прослеживаются.

То, что мы знаем в настоящее время о позднем палеолите Средней Азии, не дает материала для восстановления каких-либо связей его с поздним палеолитом зарубежной Передней Азии. Отсутствуют, в частности, связи с барадостской культурой (*Ранов В. А.*, 1978). Впрочем, поздний палеолит зарубежной Передней Азии представлен, как и в Средней Азии, хотя и выразительными, но изолированными единичными памятниками.

Вопросы взаимоотношений и передвижений позднепалеолитических культур Сибири связаны с проблемой первого заселения Америки человеком. В настоящее время можно считать установленным, что заселение Америки началось 30—35 тысяч лет тому назад группами позднепалеолитических охотников, обитавшими на крайнем северо-востоке Сибири и ставшими в поисках новых мест охоты проникать на Аляску. Мы примыкаем к тем исследователям (*Абрамова З. А.*, 1973; *Деревянко А. П.*, 1975 и др.), которые считают преждевременными и ошибочными попытки выделить среди известных в настоящее время палеолитических культур Сибири те, носители которых переселились в Америку и дали начало американскому палеолиту. Подобные культуры еще предстоит открыть и исследовать.

Подытожим кратко материалы по развитию форм хозяйства палеолитических обитателей территории СССР. Формы эти были гораздо менее разнообразны, чем формы комплексов кремневых орудий, находившие отражение в существовании палеолитических культур (мы говорим об охоте, так как сведения о палеолитическом рыболовстве и собирательстве являются очень отрывочными и неполными). Начиная с раннего палеолита, различия в характере охотничьего хозяйства, в видах млекопитающих, поставлявших человеку основную пищу, были обусловлены только характером природной среды, в которой жили разные группы палеолитических охотников. Среди охотничьей добычи раннепалеолитических обитателей горных пещер Центрального Кавказа и Восточного побережья Черного моря доминировал пещерный медведь (ч. II, гл. 2). В горных пещерах Средней Азии его место занимали сибирский горный козел и азиатский муфлон (ч II, гл. 4). В степных пространствах Северного Кавказа, Приазовья, Нижнего Поволжья водились большие стада зубров, доставлявшие основную добычу мустьерским охотникам (Ильская, Рожок, Сухая Мечетка). Подобную избирательность первобытной охоты нельзя, разумеется, понимать упрощенно. В состав охотничьей добычи во всех названных раннепалеолитических памятниках и их группах входило и большое число других видов животных. Кроме того, такая избирательность отмечена далеко не во всех районах. Мустьерские обитатели пещер Крыма охотились на самых разнообразных животных: гигантского оленя, осла, лошадь, мамонта, антилопу-сайгу, зубра, пещерного медведя и многих других (*Верещагин Н. К.*, 1971). При этом в Староселье среди охотничьей добычи доминировал осел, в Шайтан-Кобе — осел и антилопа сайга, в Чокурче — лошадь и антилопа-сайга; в других крымских пещерах подобные доминировавшие животные не выделяются. Разнообразной была охотничья добыча у мустьерских обитателей Ереванской пещеры и пещер Сибири (ч. II, гл. 4).

Некоторые зарубежные мустьерские стоянки (Эрд в Венгрии, Ортюс во Франции) доставили свидетельство того, что на отдельных хищников люди охотились только ради меха. На территории СССР подобные факты пока отмечены только в позднепалеолитических поселениях.

Возможные способы охоты, применявшиеся в палеолите, подробно освещены в литературе (*Замятнин С. Н.*, 1960; *Ефименко П. П.*, 1953; *Семенов С. А.*, 1968; *Верещагин Н. К.*, 1971; *Верещагин Н. К.*, *Кузьмина И. Е.*, 1977). В раннем палеолите это были главным образом коллективные облавы, устраивавшиеся на таких стадных животных, как зубры, лошади, ослы, а также на мамонтов. При охоте на отдельных животных могло практиковаться подстерегание и подкрадывание.

Изучение нарезок на костях животных из Киик-Кобы (*Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1940) помогло установить, что мустьерские обитатели грота не разрубали, а разрезали тушу и что мясо в большинстве случаев употреблялось в пищу сырым.

О развитии собирательства в мустьерскую эпоху свидетельствуют находки в Молодове 1, Молодове 5, Кормапь 4, Кетросах и Кепшинской пещере и других стоянках терок и пестов из галек и плиток песчаника, вероятно, использовавшихся для растирания зерен дикорастущих растений (*Черныш А. П.*, 1965; *Рогачев А. Н.*, 1973а; *Любин В. П.*, 1970).

Позднепалеолитические поселения территории СССР демонстрируют дальнейшее развитие охотничьего хозяйства. Это находит выражение в огромных скоплениях костей убитых на охоте животных, в широком и разнообразном использовании кости, рога, бивней мамонтов при изготовлении орудий и оружия и в домостроительстве, в появлении, в частности, высокоэффективных охотничьих копий, примеры чему дают Сунгирь (ч III, гл. 1) и Кокорево (ч. III, гл. 3). Есть основания предполагать изобретение в эту эпоху такого важнейшего охотничьего оружия, как лук и стрелы (ч. III, гл. 1).

Распространение во многих позднепалеолитических поселениях Русской равнины наконечников мотыг и кирок из бивня мамонта, оленьего рога и из костей позволяет предполагать широкую практику ловли животных как таких крупных, как мамонт, так и более мелких в специально вырытые ямы. Широко применялись большие коллективные охотничьи облавы. При ловле же мелких животных — зайцев, песцов, лисиц, росомах, кости которых в большом числе найдены во многих позднепалеолитических поселениях территории СССР, вероятно, использовались разного рода ловушки, в частности, подвижные петли-силки, сделанные из сухожильных волокон. Материалы некоторых позднепалеолитических поселений — Авдеева, Мезина, Мальты — свидетельствуют о том, что на отдельных животных, в первую очередь на песцов, (да и вообще на хищников), охотились исключительно ради их меха.

Начала появляться, судя по заключениям палеозоологов и археологов, и домашняя собака, точнее одомашненный волк. Кости его и следы его деятельности отмечены в Мезине, Авдееве, Афонтовой горе II и некоторых других стоянках (*Шовкопляс И. Г.*, 1965; *Пидопличко И. Г.*, 1969)[4]. Различные формы хозяйственной деятельности у позднепалеолитических людей (преобладание охоты на те или иные виды животных), как и в раннем палеолите, не были приурочены к определенным археологическим культурам; их обусловливало только природное окружение. Отметим, что попытки определить по числу костей животных, найденных при раскопках палеолитической стоянки, число обитателей последней и длительность существования поселения неизбежно ведут к ошибкам и не могут приниматься всерьез (*Ермолова Н. М.*, 1978).

О дальнейшем развитии собирательства свидетельствует появление разнообразных мотыг и кирок из рога, кости и бивня мамонта, и более широкое, чем в мустьерских поселениях, распространение плит-зернотерок и пестов (ч. III, гл. 1).

С развитием палеолитического хозяйства было тесно связано развитие поселений и жилищ. Содержательный обзор этой проблемы дан в работах В. П. Любина (1970) и А. Н. Рогачева (1970). Среди мустьерских памятников СССР отчетливо вырисовываются поселения разных типов: мастерские, стоянки-мастерские, места кратковременных остановок охотников, охотничьи лагеря, долговременные «базовые» охотничьи поселения. Последние характеризуются толстым насыщенным большим числом каменных изделий и фаунистических остатков, культурным слоем и хорошо выраженными очагами. В ряде мустьерских поселений Русской равнины и Крыма обнаружены остатки долговременных жилищ, сооруженных с использованием камней, крупных костей и бивней мамонта (см. ч. II, гл. 3). Прежде всего, это остатки жилища IV слоя стоянки Молодова 1 на Днестре, открытые и исследованные А. П. Черпышем в 1958—1959 гг. Тем самым было впервые доказано существование постоянных жилищ и относительной оседлости в мустьерскую эпоху. Остатки нескольких искусственно сооруженных жилищ отмечены и в мустьерских гротах Крыма.

Позднепалеолитические жилища имели много общих черт с мустьерскими, из которых они развились, но являлись гораздо более совершенными. Они демонстрируют ряд особенностей, отсутствовавших в более древней технике домостроительства. Подробный их обзор был дан выше (ч. III, гл. 1).

Нам предстоит в заключение остановиться на социальных отношениях, так как они восстанавливаются в первую очередь по палеолитическим памятникам, представленным на территории СССР. Проблема социального строя эпохи палеолита, и в частности проблема синхронизации эпох палеолита с определенными начальными этапами истории первобытнообщинного строя, очень оживленно обсуждается в советской археологической, этнографической и философской литературе (*Бромлей Ю. В.*, *Першиц А. И.*, 1972; *Алексеев В. П.*, 1975; *Файнберг Л. А.*, 1975; *Бутинов Н. А.*, 1968; *Першиц А. И.*, *Монгайт А. Л.*, *Алексеев В. П.*, 1974 *Рогачев А. Н.*, 1969, 1972, 1973б; *Григорьев Г. П.*, 1972б; *Борисковский П. И.*, 1979; *Семенов Ю. И.*, 1966, 1974 и др.). Приходится признать, что многое в данной проблематике является еще неустоявшимся. Учитывая чисто археологический характер настоящего издания, мы ограничимся здесь лишь немногими краткими, в значительной мере отрывочными, замечаниями.

Как справедливо отмечает А. Н. Рогачев, исключительную ценность представляет комплексность вещественных исторических источников, позволяющая археологам воссоздать более или менее целостные картины далекого прошлого, не упуская и существенных деталей. Наличие же точной хронологии, опирающейся на многослойные поселения и радиоуглеродные даты, полученные для многих памятников, позволяет представить пространственно-хронологическую картину эпохи палеолита с культурной группировкой памятников. Все это обеспечивает новый, более высокий уровень археологических исследований, приближающий нас к адекватному отражению исторической действительности, а правильное понимание

[4] Правда, впоследствии не все определения остатков домашней собаки в палеолите подтвердились; см.: *Верещагин Н. К.*, *Кузьмина И. Е.*, 1977.

древнейшего исторического процесса, его сущности и особенностей невозможно без постижения характерных черт первоначальных производственных отношений.

Коренной и определяющей причиной исторического развития человечества является предметная деятельность человека. Человек своим трудом в процессе производства средств существования изменяет природу и постоянно «создает себе новые условия существования». Это исходное положение материалистического понимания истории и взаимодействия человека и природы с предельной ясностью было выражено Энгельсом. «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [5]. Понимание исторического процесса как предметной деятельности человека, совершающегося в его взаимодействии с окружающей природой, с предельной лаконичностью было выражено Марксом: «История — *не что иное,* как деятельность преследующего свои цели человека» [6].

Сила и жизненность этой абстрактной философской категории — предметная деятельность, основополагающей категории теории исторического материализма, заключается в том, что она, выражая сущность человека, органически связывается с каждым эмпирическим человеком в настоящем, прошлом и будущем, с его повседневными заботами. Вместе с тем категория «предметная деятельность человека», включающая материальное и духовное производство, примыкает к категории «предметная манипуляционная деятельность антропоидных обезьян» (хотя отнюдь и не адекватна последней), что в значительной степени облегчает марксистско-ленинское понимание проблемы антропогенеза и тесно связанной с ней проблемы возникновения первобытнородового строя, как первоначальной естественно сложившейся формы человеческого общества.

Первоначальной основой и главной формой зачаточного производства, следует полагать, было изготовление орудий охоты и собирательства (дубина, рогатины, землекопалки и др.) с помощью одновременно производимых каменных рубящих и режущих орудий. Столь же важной необходимостью была и забота о детях, о продолжении рода. Энгельс называл это вторым видом производства и при этом подчеркивал: «Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей» [7]. Общественный строй жизни древнейших людей, следовательно, покоится в силу первоначальной неразвитости труда и производства на родовых узах. Касаясь «древних общественно-производственных организмов», Маркс отметил природную сущность их общественного бытия, они покоятся, по его мнению, «...на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми...» [8]. Именно в таких условиях неразвитости личности и социальных отношений зачаточные формы домашне-хозяйственной деятельности выступали необходимым условием общественной жизни людей. Домашние производства имели общественное значение в силу несовершенства форм общественной жизни.

Несмотря на развитость охотничьего хозяйства, постепенно достигшего на протяжении палеолита всеобъемлющего значения в жизнедеятельности людей (с помощью его удовлетворялось большинство потребностей людской общины), оно, как и собирательство, оставалось примитивным способом присвоения готовых предметов природы. Обе эти формы примитивного хозяйства, вплоть до возникновения пастушества и земледелия, являлись лишь зачаточными видами производства и не могли выйти за рамки этой формы в силу неразвитости личности и ее потребностей, в силу невозможности возникновения общественного разделения труда, в частности, и из-за редкости населения. Структура палеолитических поселений и жилищ свидетельствует о вплетенности этих первобытных форм хозяйства в лоно единой домашне-хозяйственной жизни.

Именно домашне-хозяйственная деятельность, как предполагает А. Н. Рогачев, в комплексе всех ее форм в значительной степени обеспечивала усложнение и прогрессивное развитие естественных способов добывания средств к жизни и подготовляла тем самым возникновение различных отраслей производственной деятельности: скотоводства, земледелия, ремесла, металлургии. В силу всех этих обстоятельств материальной основой естественно выросших первобытных родовых отношений яляется общий дом и нераздельное домашне-хозяйственное производство. Вместе с тем структура палеолитических поселений и жилищ позволяет вести исследование в плане поисков многообразия форм распределения произведенных продуктов, так как этого требовали условия их экономного расходования и необходимость сохранения запасов.

Первобытнообщинный способ производства обеспечивает постепенное развертывание и совершенствование необходимых видов производства, обособляющихся в отдельные отрасли лишь в условиях роста населения и возникновения и развития общественного разделения труда и обмена. Развитие труда и сознания человека, усложнение его потребностей, совершается в процессе совершенствования индивида как личности. Сущность первобытнородовых, природных, естественно возникших примитивных социальных (общественных) отношений заключается в преодолении стадности, определяющей характер первобытнородового бытия людей.

Родовой строй является основой первобытного общества и первобытной истории. Но он не изначален. Ему предшествовала эпоха первобытного стада, которую некоторые советские исследователи палеолита синхронизируют с ранним палеолитом (включая сюда и мустьерскую эпоху), а многие — только с самыми начальными этапами раннего палеолита. Такие характерные признаки первобытнообщинного строя,

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 545.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 102.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 26.
[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 89.

как общий труд и общая собственность на средства производства и на продукты труда, были налицо уже в олдувайскую и в ашельскую эпохи. В этой связи представляют интерес факты, отмеченные А. П. Окладниковым при раскопках грота Тешик-Таш и рядом других ученых при исследовании иных ашельских и мустьерских поселений. Неандертальцы, убивая горных козлов, съедали на месте лишь незначительную часть туши. Самые же лучшие, мясистые части добытого животного приносились в пещеру. Вряд ли одна забота о собственном пропитании заставляла людей переносить такой груз, может быть, на довольно далекое расстояние. Вероятно, тут играло роль естественно выросшее внутри первобытного коллектива чувство солидарности и взаимной помощи (*Окладников А. П.*, 1949).

Какую бы социологическую расшифровку мустьерской эпохи мы ни давали — как последнего этапа развития первобытного стада или как времени существования родовой общины — бесспорным является, что в позднем палеолите родовая община уже была налицо в достаточно выраженных формах. Подробно охарактеризованные и интерпретированные выше (ч. III, гл. 1) долговременные общинные позднепалеолитические жилища Русской равнины (они были представлены в Сибири; см. ч. III, гл. 3) являются ярким свидетельством существования первобытнообщинного строя в целом и родовой общины, в частности, с характерным для нее развитым и мноообразным общинным домашним хозяйством. Свидетельствами существования в позднем палеолите материнской родовой общины как в исторической реальности, так и в сознании людей того времени являются и многочисленные находки в позднепалеолитических поселениях Русской равнины (Гагарино, Костенки 1 — I слой, Авдеево, Хотылево 2, Елисеевичи и др.) и Сибири (Мальта, Буреть и др.) своеобразных женских изображений, на большинстве которых были подчеркнуты признаки женщины-матери. Подобные изображения, судя по этнографическим материалам, как правило, связаны с религиозными верованиями и обрядами, характерными для материнской родовой общины (культ женщины — прародительницы и хранительницы родового очага, обряды охотничьей магии и др.; см.: *Ефименко П. П.*, 1953; *Замятнин С. Н.*, 1935; *Абрамова З. А.*, 1970).

Для этого же социального строя характерен и тотемизм, многочисленные свидетельства которого дает палеолитическое искусство (изображения животных, изображения фантастических существ с признаками отдельных животных) и раскопки позднепалеолитических поселений (находки специально помещенных и сохранившихся черепов и других костей разных зверей и т. п.).

* * *

Настоящий итоговый раздел, завершающий всю книгу, не ставит перед собой задачу разрешить основные вопросы историко-культурного развития палеолита СССР. Здесь только предпринята попытка подытожить то, что сделано современной советской наукой о палеолите, не выходя за рамки этого. Лаконизм, иногда вынужденная расплывчатость и нечеткость отдельных страниц обусловлены, как мы полагаем, именно данным обстоятельством. Мы стремились все время оставаться на строгом профессиональном уровне советской школы изучения палеолита, у колыбели которой стояли такие выдающиеся и в то же время очень строгие и сдержанные в своей научной методике исследователи, как П. П. Ефименко, С. Н. Замятнин, Г. А. Бонч-Осмоловский, М. В. Воеводский. В то же время при всем обилии неразрешенных или спорных проблем, характеризующих современные представления о палеолите СССР, сопоставление настоящей книги с фундаментальным трудом П. П. Ефименко (1953) и с обобщающим итоговым очерком (Очерки..., 1956) показывает, как далеко ушла вперед за последние 25—30 лет советская наука.

Радиоуглеродные даты

Русская равнина

Авдеево (Курская обл).
ГИН — 1571 г., 22700±700, монолитный костный уголь. БКИЧП, № 49. М., 1979, с. 145;
ГИН — 1571б, 17200±1800, вытяжка из монолитного костного угля до разложения HCl. БКИЧП, № 49. М., 1979, с. 145;
ГИН — 1570 г., 19800±1200, вытяжка из костного угля фракции 0.5—5 мм. БКИЧП, № 49. М., 1979, с. 145;
ГИН — 1569г. 21200±200, вытяжка из костного угля фракции менее 0.5 мм. БКИЧП, № 49. М., 1979, с. 145;
ГИН — 1969, 22400±600, очаг № 6, монолитный костный уголь. БКИЧП, № 49. М., 1979, с. 146;
ГИН — 1970, 22200±700, некарная ямка, монолитный костный уголь. БКИЧП, № 49. М., 1979, с. 146;
ГИН — 1748, 21000±200, очаг, № 1, монолитный костный уголь. БКИЧП, № 49. М., 1979, с. 146;
ГИН — 1747, 20800±200, очаг № 6, монолитный костный уголь. БКИЧП, № 49. М., 1979, с. 146;
ГИН — 1746, 20100±500, очаг № 6, монолитный костный уголь. БКИЧП, № 49. М., 1979, с. 146;
QC — 886, 16565±270, кость из раскона 1948 г. (публикуется впервые);
QC — 887, 18500±2100, кость из раскона 1948 г. (публикуется внервые);
QC — 621, 16960±425, кость из раскона 1978 г. (публикуется впервые);
ИГАН — 78, 13900±200, зуб мамонта. БКИЧП, № 46, М., 1976, с. 188;
ИГАН — 151, 11950±310, зуб мамонта. БКИЧП, № 50, М., 1980, с. 210.

Амвросиевка (УССР)
ЛЕ — 1637, 15250±150, кость (публикуется внервые).

Бердыж (БССР)
ЛУ — 104, 23430±180, зуб мамонта. БКИЧП, № 39. М., 1972, с. 163.

Борщево 2 (Воронежская обл.)
ЛУ — 742, 13200±270, древесный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 219;
ГИН — 88, 12300±100, гумусированный суглинок. Radiocarbon, vol. 10, N 2, p. 432;
МО — 636, 11760±240, ископаемый гумус. БКИЧП, № 37. М., 1970, с. 174.

Бызовая (Коми АССР). ТА — 121, 18320±280, кость; 25450±±380, кость. (Гуслицер, Лийва, 1972).

Гагарино (Липецкая обл.)
ГИН — 1872, 21800±300, костный уголь. *Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка... Л., 1979, с. 157;
ИГАН — 83, 30000±1900, зуб мамонта. БКИЧП, № 46. М., 1976, с. 188.

Гонцы (Черниговская обл., УССР)
QC — 898, 13400±185, кость (публикуется внервые).

Елисеевичи (Брянская обл.)
QC — 889, 15600±1350, кость (публикуется впервые);
ЛУ — 360, 17340±170, зуб мамонта. БКИЧП, № 44, М., 1975, с. 165;
ЛУ — 126, 14470±100, зуб мамонта. БКИЧП, № 39, М., 1972, с. 163;
ЛУ — 102, 12970±140, костный уголь. БКИЧП, № 39, М., 1972, с. 162.

Кормань IV (Черновицкая обл., УССР)
ГИН — 832, 27500±100, углистая почва. БКИЧП, № 48, М., 1978, с. 197.

Кормань IV, 7 культурный слой
ГИН — 1099, 24500±500, древесный уголь. БКИЧП, № 48. М., 1978, с. 197.

Костенки 1 (Воронежская обл.), I (верхний) культурный слой
ГИН — 86, 14020±60, кость. Radiocarbon, vol. 10, N 2, p. 430;
ГИН — 1870, 22300±230, костный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 62;
ГИН — 2534, 21300±400, костный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 62;
ГИН — 2533, 22300±200, костный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 62;
ГИН — 2530, 22800±200, костный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 62;
ГИН — 2528, 23000±500, костный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 62;
ГИН — 2527, 23500±200, костный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 62;
ГИН — 2529, 24100±500, костный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 62.

Костенки 2
ЛЕ — 1599, 16190±150, кость (публикуется впервые);
ГИН — 93, 11000±200, кость. Radiocarbon, vol. 10, N 2, p. 431.

Костенки 8, II культурный слой
GrN — 10509, 27700±750, древесный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 108.

Костенки 11, Iа культурный слой
ЛЕ — 1403, 12000±100, кость. Палеолит Костенок..., 1982, с. 132;
ЛЕ — 1637, 14610±120, кость. Палеолит Костенок..., 1982, с. 132.
ЛЕ — 1704, 16040±120 и 17310±280, кость. Палеолит Костенок..., 1982, с. 132;
ГИН — 2532, 19900±350, костный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 132;

Костенки 11, II культурный слой
ТА — 34, 15200±300, костный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 132;
ГИН — 2531, 21800±200, костный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 132.

Костенки 11, III культурный слой
ЛЕ — 1638, 16040±120 и 22760±340, кость. Палеолит Костенок..., 1982, с. 132.

Костенки 12, Iа культурный слой
GrN — 7758, 32700±700, древесный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 137.

Костенки 14, II культурный слой
ЛЕ — 1400, 19300±200, кость. Палеолит Костенок..., 1982, с. 156;
ЛУ — 59, 26400±660 и 28200±700, кость. Палеолит Костенок..., 1982, с. 156.

Костенки 15
ЛЕ — 1430, 21720±570, кость. Палеолит Костенок..., 1982, с. 171.

Костенки 16
ЛЕ — 1431, 25100±150, кость. Палеолит Костенок..., 1982, с. 181.

Костенки 17, I культурный слой
GrN — 10511, 26750±700, древесный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 186.

Костенки 17, II культурный слой
GrN — 10512, 32200^{+2000}_{-1600}, древесный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 186.

Костенки 19
ГИН — 107, 11800±500, костный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 197;
ЛЕ — 1705, 17420±150 и 18900, кость. Палеолит Костенок..., 1982, с. 197.

Костенки 21, II культурный слой
ЛЕ — 1437, 19100±150 (по методике Лонжина), 20250±±100 (по методике Арсланова), 22900±150 (по комплексной методике), кость. Палеолит Костенок..., 1982, с. 201.

Костенки 21, III (нижний) культурный слой
ЛЕ — 1043, 16960±300, древесный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 209;
GrN — 7363, 22270±150, древесный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 209;
GrN — 10513, 21260±340, древесный уголь. Палеолит Костенок..., 1982, с. 209.

Курск 1 (Курская обл.)
ГИН — 86, 11600±200, кость. Radiocarbon, vol. 10, N 2, p. 430.

Межирич (Черкасская обл., УССР)
QC — 900, 15245±1080, кость (публикуется впервые).
QC — 897, 14320±270, кость (публикуется впервые).

Молодова 5 (Черновицкая обл., УССР), I культурный слой
ГИН — 54, 10940±150, углистый суглинок. Radiocarbon, vol. 10, N 2, p. 426.

Молодова 5, Ia культурный слой
ГИН — 7, 10590±230, кость. Radiocarbon, vol. 10, N 2, p. 420.

Молодова 5, II культурный слой.
ГИН — 56, 12300±140, углистый суглинок. Radiocarbon, vol. 10, N 2, p. 420;
ГИН — 8, 11900±230, кость.

Молодова 5, III культурный слой.
ГИН — 9, 13370±540, уголь. Radiocarbon, vol. 10, N 2, p. 421.

Молодова 5, IV культурный слой.
ГИН — 147, 17100±1400, уголь. Radiocarbon, vol. 10, N 2, p. 426.

Молодова 5, V культурный слой.
ГИН — 52, 17100±180, углистый суглинок. Radiocarbon, vol. 10, N 2, p. 427.

Молодова 5, VI культурный слой.
ГИН — 105, 16750±250, углистый суглинок. Radiocarbon, vol. 10, N 2, p. 427.

Молодова 5, VII культурный слой.
Мо — 11, 23000±800, древесный уголь. Radiocarbon, vol. 8, 1966, p. 318—319;
ГИН — 10, 23700±320, ископаемая почва.

Молодова, 5, VIII культурный слой.
ЛГ — 14, старше 24600, уголь. БКИЧП, № 38. М., 1972, с. 189.

Молодова 5, IX культурный слой.
ЛГ — 15, 29650±1320, 28100±1000, уголь. БКИЧП, № 38, М., 1972, с. 189.

Молодова 5, X культурный слой.
ГИН — 106, 23100±400, ископаемая почва. Radiocarbon. vol. 10, N 2, p. 427.

Молодова 5, «сажистый прослой».
ЛГ — 16, старше 35600. БКИЧП, № 38, М., 1972, с. 189.

Молодова 5, XI культурный слой.
ЛГ — 17, старше 45600, уголь. БКИЧП, № 38, М., 1972, с. 189.

Мураловка (Ростовская обл.).
ЛЕ — 1601, 19630±200, кость (публикуется впервые);
ЛЕ — 1438, 18780±300, кость (публикуется впервые).

Сагайдак (УССР).
ЛЕ — 1602, 21240±200, кость (публикуется впервые).

Сунгирь (Владимирская обл.).
GrN — 5446, 24430±400, кость Radiocarbon, vol. 14, N 1, 1972, p. 65;
GrN — 5425, 25500±200, древесный уголь. Radiocarbon, vol. 14, N 1, 1972, p. 65;
ГИН — 326а, 21800±1000, древесный уголь. БКИЧП, № 36, М., 1969, с. 184;
ГИН — 326б, 22500±600, древесный уголь. БКИЧП, № 36, М., 1969, с. 184.

Тимоновка I (Брянская обл.).
ИГАН — 82, 12200±300, зуб. мамонта. БКИЧП, № 46, М., 1976, с. 188.

Тимоновка II (Брянская обл.).
ЛУ — 358, 15110±530, зуб мамонта. БКИЧП, № 44, М., 1975, с. 165.

Хотылево II (Брянская обл.).
ЛУ — 359, 23660±270, зуб мамонта. БКИЧП, № 44, М., 1975, с. 165;
ИГАН — 73, 24960±400, зуб мамонта. БКИЧП, № 46, М., 1976, с. 188.

Юдиново (Брянская обл.).
ЛУ — 153, 13650±200, зуб мамонта. БКИЧП, № 39, М., 1972, с. 163;
ЛУ — 103, 13830±850, костный уголь. БКИЧП, № 39. М., 1972, с. 163;
ЛУ — 127, 15660±180, кость мамонта, БКИЧП, № 39. М., 1972, с. 163.

Юровичи (БССР).
ЛУ — 125, 26470±420, зуб мамонта. БКИЧП, № 39. М., 1972, с. 163.

Кавказ

Апианча (Кеп-Богаз) (Абхазская АССР, Грузинская ССР), верхнепалеолитический слой 5.
ГИН — 2565, 17300±500, древесный уголь. Четвертичная система Грузии, Тбилиси, 1982, с. 203.

Ахштырская пещера (Красиодарский край) верхнепалеолитический слой 2, 2.
ГИН — 108, 19550±500, древесный уголь, Геохимия, № 12, 1965.

Ереван 1 (Армянская ССР), слой 4.
GrN — 7665, более 47800, костный уголь (публикуется впервые).

Кударо 1 (Юго-Осетинская АО, Грузинская ССР), слой 3а (верхнее мустье).
GrN — 6079, $44150\pm^{2400}_{1850}$, кость (*Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977, с. 12).

Малая Воронцовская пещера (Красиодарский край), мустьерский слой 3.
GrN — 6031, 35680±480, кость (*Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977, с. 12).

Средняя Азия

Огзи-Кичик (Таджикская ССР), «черепаховый слой».
ЛЕ — 1050, 15700±900, уголь. Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975, в. 3, с. 82.

Шугноу (Таджикская ССР), глубина 4.5 м
ГИН — 590, 10700±500, БКИЧП, № 48, 1978, с. 197.

Западная и Восточная Сибирь

Авдеиха (Иркутская обл.)
ГИН — 1022, 12900±300, уголь. БКИЧП, № 46. 1976, с. 184.

Авдеиха, гл. 0.8—1.2 м
ИМ — 236, 15200±300, древесный уголь. БКИЧП, № 47, 1977, с. 151.

Афонтова Гора II (Красноярский край), глубина 6—8 м
МО — 343, 11330±270, древесный уголь. Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология. Сообщение 4. М., 1966, с. 248.

Афонтова Гора II, нижний гумусированный прослой
ГИН — 117, 20900±300, уголь. Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология. Сообщение 4, 1966, с. 273.

Берелех (Якутская АССР)
ГИН — 1021, 12930±80, древесина лиственницы. БКИЧП, № 46, 1976, с. 184;
ИМ — 152, 13420±200, древесина, БКИЧП, № 47, 1977, с. 151.

Варварина Гора (Бурятская АССР)
СО АН — 850, 30600±500, кость. *Окладников А. П., Кириллов И. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980, с. 34.

Верхнетроицкая (Якутская АССР), слой 6, глубина 12 см от кровли слоя.
ЛЕ — 864, 14530±160, древесина. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977, с. 60.

Верхнетроицкая, слой 6, глубина 31 см от кровли слоя
ГИН — 626, 15950±250, углистая супесь из кострища. БКИЧП, № 40, 1973, с. 192.

Верхнетроицкая, слой 6, глубина 56 см от кровли слоя
ЛЕ — 906, 17680±250, древесина.

Верхнетроицкая, слой 6, глубина 84 см от кровли слоя
ЛЕ — 905, 18300±180, древесина. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977, с. 60.

Верхоленская Гора I (Иркутская обл.)
МО — 441, 12500±130, уголь. БКИЧП, № 37, 1970, с. 176.

Волчья Грива (Новосибирская обл.)
СОАН — 78, 14200±150, 14200±520, кости мамонта. БКИЧП, № 38, 1972.

Голубая I, слой 3 (Красноярский край)
ЛЕ — 1101, 13050±90, уголь из очага, 12900±150; 12380±±140; 13650±180, кость. *Астахов С. Н.*, СА, № 4, 1982 г. с. 119.

Дюктайская (Якутская АССР), гор. 7а
ЛЕ — 907, 12100±120, древесина. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977, с. 11.

Дюктайская, гор. 7б на 30 см ниже образцов ЛЕ — 784 и ГИН — 404
ЛЕ — 860, 12690±120, уголь. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977, с. 11.

Дюктайская, глуб. 2.30—2.34, гор. 7б, верхняя часть
ЛЕ — 784, 13070±90, древесный уголь. СА, 1972, № ?, с. 216.

Дюктайская, гор. 7в, кровля
ЛЕ — 908, 13110±90, древесина. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977, с. 13.

Дюктайская, гор. 7а
ГИН — 405, 13200±250, уголь из очага. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977, с. 11.

Дюктайская, гор. 7б
ГИН — 404, 14000±100. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения... Новосибирск, 1977, с. 11.

Игетейский Лог (Иркутская обл.)
СОАН — 405, 23700±1000, древесный уголь. Археология и этнография Восточной Сибири, Иркутск, 1978, с. 8.

Ихинэ II (Якутская АССР) гор. IIб, средняя часть, гл. 90—95 см от поверхности
ЛЕ — 1131, 24330±200, древесина. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения..., Новосибирск, 1977, с. 48.

Ихинэ II, слой III А
ИМ — 203, 24500±480, древесина. БКИЧП, № 48, 1978, с. 218.

Ихинэ II, слой III
ИМ — 155, 24600±380, древесина. БКИЧП, № 47, 1977, с. 151.

Ихинэ III, гор. IIв, нижняя часть, глубина 1.3 м
ИМ — 239, 26030±200, кость носорога. *Мочанов Ю. А.*, 1977, с. 48.

Ихинэ II, слой IIIв
ИМ — 202, 26500±540, древесина;
ИМ — 206, 27800±500, древесина. БКИЧП, № 48, 1978, с. 218—219.

Ихинэ II, слой IIIб
ИМ — 201, 26600±900, древесина. БКИЧП, № 48, 1978, с. 218.

Ихинэ II, слой IIIа
ИМ — 205, 27400±800, древесина. БКИЧП, № 48, 1978, с. 219.

Ихинэ II, II терраса, гл. 0.9 м
ГИН — 1019, 30200±300, древесина. БКИЧП, № 46, 1976, с. 184.

Ихинэ II, II терраса, гл. 1.2 м
ГИН — 1020, 31200±500, древесина. БКИЧП, № 46, 1976, с. 184.

Кокорево I (Красноярский край), слой 2
ЛЕ — 526, 12940±270, древесный уголь. СА, 1969, № 1, с. 254;
ИГАН — 103, 13100±500, кость (фракция коллагена). БКИЧП, № 49, 1979, с. 186;
ИГАН — 105, 15200±200, древесный уголь. БКИЧП, № 49, 1979 г. с. 186.

Кокорево I, слой 3
ИГАН — 102, 13000±500, кость (фракция коллагена). БКИЧП, № 49, 1979 г., с. 186;
ИГАН — 104, 15900±250, древесный уголь. БКИЧП, № 49, М., 1979, с. 186;
ГИН — 91, 13300±50, древесный уголь. Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология, М., 1966, с. 273;
ЛЕ — 628, 14450±150, древесный уголь. СА, 1969, № 1, с. 254.

Кокорево II
ГИН — 90, 13330±10, древесный уголь. Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология. М., 1966, с. 273.

Кокорево III
ЛЕ — 629, 12690±140, древесный уголь. Radiocarbon, vol. 12, № 1, 1970, p. 146.

Кокорево IV — а, слой 2
ЛЕ — 540, 15460±320, древесный уголь из очага. СА, 1969, № 1, с. 254.

Кокорево IV, слои 3—5
ЛЕ — 469, 14320±330, древесный уголь. СА, 1969, № 1, с. 254.

Курла I—III (Иркутская область), горизонты 2
СОАН — 1396; 15200±?;
СОАН — 1396к, 13160±350;
СОАН — 1398, 14150±960, Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск, 1978, с. 14.

Курла, горизонт 3
СОАН — 1397, 24060±5700, Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск, 1978, с. 14.

Куртак III (Красноярский край), раскоп 1
ЛЕ — 1456, 14390±100, древесный уголь. *Лисицын Н. Ф.* Автореф. канд. дис. Л., 1980;
ГИН — 2102, 16900±700, уголь из кострища. *Лисицын Н. Ф.*, 1980

Куртак III, раскоп 2
ЛЕ — 1457, 14300±100, древесный уголь. *Лисицын Н. Ф.*, 1980;
ГИН — 2101, 14600±200, древесный уголь. *Лисицын Н. Ф.*, 1980.

Малая Сыя (Красноярский край, Хакасская АО)
СОАН — 1286, 34500±450;
СОАН — 1287, 33060±300; Изв. СОАН, № 11, в. 3, серия обществ. наук, 1978, с. 107.

Мальта (Иркутская область)
ГИН — 97, 14750±120, ископаемые кости. Верхний плейстоцен..., 1966, с. 273.

Макарово II (Иркутская обл.), слой 3
ГИН — 480б, 11400±500, углистая супесь из кострища. БКИЧП, № 40, 1973, с. 192;
ГИН — 480а, 11860±200, углистая супесь из кострища. БКИЧП, № 40, 1973, с. 192.

Макарово II, слой 4
ГИН — 481, 11950±50, углистая супесь из кострища. БКИЧП, № 40, 1973, с. 192.

Новоселово VI (Красноярский край)
ГИН — 403, 11600±500, древесный уголь из очага. *Абрамова З. А.*, 1979, с. 120.

Новоселово VII (Красноярский край)
ГИН — 402, 15000±300, древесный уголь. *Абрамова З. А.*, 1979, с. 150.

Сохатино 4 (Читинская обл.)
СОАН — 1138, 26110—150, уголь;
СОАН — 841, 11900±130, кость. Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 80.

Студеное (Бурятская АССР), слой 16
СОАН — 1656, 11630±50, уголь. *Константинов М. В.*, Автореф. канд. дис., 1979, с. 14.

Таштык I (Хакасская АО), слой 1
ЛЕ — 771, 12180±120, древесный уголь. СА, 1972, № 3, с. 209.

Таштык IV (Хакасская АО)
ГИН — 262, 14700±150, уголь. БКИЧП, № 36, 1969, с. 186.

Толбага (Бурятская АССР), верхний уровень
СОАН — 840, 15100±520, кость. Соотношение древних культур..., 1975, с. 78.

Толбага, нижний уровень
СОАН — 1522, 34860±2100, кости носорога;
СОАН — 1523, 27210±300. *Окладников А. П., Кириллов И. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980, с. 39.

Тумулур (Якутская АССР), глубина 35 см
ИМ — 525, 35400±200. БКИЧП, № 50, 1980.

Усть-Кова (Красноярский край), верхний комплекс
ЛЕ — 1372, 14220±110, уголь. *Дроздов Н. И.* Автореф. канд. дис., 1981, с. 14.

Усть-Кова, средний комплекс
КРИЛ — 381, 23920±310, уголь. *Дроздов Н. И.*, 1981, с. 14.

Усть-Кова, слой 3, нижняя часть
ГИН — 1741, 30100±1500, уголь;
СОАН — 1690, более 32850, уголь;
СОАН — 1875, 28050±670, уголь. *Дроздов Н. И.*, 1981, с. 13.

Усть-Миль (Якутская АССР), слой 3
ЛЕ — 953, 12200±170, древесина. *Мочанов Ю. А.*, 1977, с. 34.

Усть-Миль II, слой 4, верхняя часть.
ЛЕ — 999, 23500±500, древесина. *Мочанов Ю. А.*, 1977, с. 35.
Усть-Миль II, слой 4, средняя часть
ЛЕ — 1001, 30000±500, древесина;
ЛЕ — 1000, 33333±500, древесина;
ЛЕ — 954, 35400±600, древесина. *Мочанов Ю. А.*, 1977, с. 35.
Усть-Миль II, слой 5
ЛЕ — 955, 35600±900, древесина. *Мочанов Ю. А.*, 1977, с. 36.
Ушковское озеро (Камчатская обл.), гл. 1,7 м (слой 5?)
МО — 345, 10360±350, древесный уголь. Верхний плейстоцен..., 1966, с. 256.
Ушки 1, слой 6 (гл. 1.8 м)
МАГ — 219, 10760±110, углистая глина. БКИЧП, № 50, 1980, с. 205.
Ушки 1, слой VIа, верхний горизонт
МАГ — 401, 10360±220. Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока. Магадан, 1979, с. 9.
Ушки 1, слой VIб, нижний горизонт
МАГ — 400, 10860±400. Новые археологические..., 1979, с. 9.
Ушки 1, слой VII
ГИН — 167, 13600±250, уголь из заполнения могильной ямы;
ГИН — 168, 14300±200. *Диков Н. Н.*, 1977, с. 52.
Ушки 1, гл. 10 м
ГИН — 186, 21100±90, уголь. Верхний плейстоцен..., 1966, с. 281.
Черноозерье II (Омская обл., слои II—III
ГИН — 622, 14500±50, углистая супесь из кострища. БКИЧП, № 40, 1973, 192.
Эжанцы (Якутская АССР), гумусированные прослойки
ЛЕ — 997, 9000±100, уголь;
ЛЕ — 964, 10500±300, уголь. *Мочанов Ю. А.*, 1977, с. 50.
Эжанцы, покровные супеси
ГИН — 737, 10940±100, уголь. БКИЧП, № 46, 1976, с. 184.
Эжанцы, глубина 60—100 см
ИМ — 459, 17150±345, кость. БКИЧП, № 48, 1978, с. 195.

Литература

Абрамова З. А., 1962. Палеолнтическое нскусство на территории СССР. САИ А4—3. М.; Л.
Абрамова З. А., 1966а. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л.
Абрамова З. А., 1966б. О локальных различиях палеолитнческих культур Ангары и Енисея.— СА, № 3.
Абрамова З. А., 1969. Палеолитнческие стоянки у дер. Аешка на Енисее.— КСИА, вып. 117.
Абрамова З. А., 1970. Палеолитическое нскусство.— КВ.
Абрамова З. А., 1971. Микронуклеусы в палеолите Енисея.— КСИА, вып. 126.
Абрамова З. А., 1972а. Периодизация палеолитических памятников Сибири.— ПИЧП.
Абрамова З. А., 1972б. Галечные орудия в палеолите Енисея.— ПиН, № 7 (МИА, № 185).
Абрамова З. А., 1973. К вопросу о культурных связях Азии и Америки в позднем палеолите.— КСИА, вып. 137.
Абрамова З. А., 1975а. Археологические культуры в верхнем палеолите Северной Азии и южносибирская культурная область.— СДКС.
Абрамова З. А., 1975б. Исследование палеолита на Енисее.— АО 1974 г. М.
Абрамова З. А., 1978. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс).— В кн.: Древние культуры Приангарья. Новосибирск.
Абрамова З. А., 1979а. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск.
Абрамова З. А., 1979б. Палеолнт Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск.
Абрамова З. А., 1979в. К вопросу о возрасте алданского палеолита.— СА, № 4.
Абрамова З. А., 1981а. Мустьерскнй грот Двуглазка в Хакасни (предварительное сообщение).— КСИА, вып. 165.
Абрамова З. А., 1981б. Г. П. Сосновский и проблемы палеолита Северной Азии.— СА, № 1.
Абрамова З. А., Ерицян Б. Г., Ермолова Н. М., 1976. Новый мустьерский памятник Восточной Сибнри.— АО 1975 г. М.
Абрамова З. А., Ермолова Н. М., 1976. Грот Двуглазка — жилище неандертальцев.— Природа, № 12.
Абрамова З. А., Мандельштам А. М., 1977. Бегарсландаг — новый памятник каменного века в районе Узбоя.— БКИЧП, № 47.
Абрамова З. А., Матющенко В. И., 1973. Новые данные о Томской палеолитической стоянке.— В кн.: Из историн Сибири. Томск, в. 5.
Авраменко Г. А., 1963. Палеолитическая стоянка у г. Ачинска.— МА ЭИК.
Акритас П. Г., 1947. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г.— УЗКаб-БалкНИИ, т. 2.
Акритас П. Г., 1955. Археологические работы в Кабарде в 1954 г.— УЗКаб-БалкНИИ, т. 10.
Аксенов М. П., 1966. Археологические исследования на многослойном памятнике Верхоленская гора в 1963—1965 гг.— В кн.: Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг. Иркутск.
Аксенов М. П., 1970. Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене.— Древняя Сибирь. ССД, в. 3.
Аксенов М. П., 1972. Исследование в долине р. Лены.— АО 1971 г. М.
Аксенов М. П., 1974. Многослойный археологический памятник Макарово II.— ДИН.
Аксенов М. П., 1978. Исследовання палеолитического памятника Макарово IV на верхней Лене.— АО 1977 г. М.
Аксенов М. П., Абдулов Г. А., 1979. Палеолит и мезолит верхней Лены.— АЭИ.
Аксенов М. П., Доброхотов С. И., Черосов Н. М., 1979. Исследование палеолита на верхней Лене.— АО 1978 г. М.
Аксенов М. П., Найдецкая И. С., 1979. К вопросу о стратиграфической и планиметрической ситуации на Макарово IV.— АЭИ.
Алаев С. Н., Алаева Т. В., 1978. Палеолитическое местонахожденне Игетейский Лог на побережье Братского водохранилища. Археология и этнография Восточной Сибири. Т. Д. регион. конф. апр. 1978. Иркутск.
Алаева Т. В., Медведев Г. И., 1979. Исследование палеолитического местонахождения Игетейский Лог в 1978 г.— АЭИ.
Алексеев В. П., 1963. Заселение территории Южной Сибири человеком в свете данных палеоантропологии.— МАЭИК.
Алексеев В. П., 1973. Положение тешик-ташской находки в снстеме гоминид.— АРПП.
Алексеев В. П., 1975. Возникновение человека и общества.— ПО.
Алексеев М. Н., 1964. О зонах осадконакопления в антропогене Восточной Азии.— Тезисы докл. на Всесоюзн. совещ. по изучению четвертичного периода. Секция палеогеографии. Новосибирск.
Алексеев М. Н., 1978. Антропоген Восточной Азии. М.
Алексеева Л. И., 1977. Териофауна раннего антропогена Восточной Европы. М.
Алиев С. Д., 1969. Фауна Азыхской палеолитической стоянки.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку.
Алпысбаев Х. А., 1960. Первая многослойная палеолитическая стоянка в Казахстане.— ВАНКазССР, № 11.
Алпысбаев Х. А., 1961. Новые палеолитические местонахождения в бассейне Арыстанды-Бурылтай (Боролдай) в Южном Казахстане.— ТИИ АЭ АН Каз.ССР, т. XII.
Алпысбаев Х. А., 1962. Находки памятников каменного века в районе хребта Кара-Тау.— ТИИАЭ АН Каз.ССР, т. XIV.
Алпысбаев Х. А., 1977. Палеогеография Южного Казахстана (хребет Каратау) в эпоху раннего палеолита.— ПДЧ.
Алпысбаев Х. А., 1979. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата.
Алпысбаев Х. А., Костенко Н. Н., 1968. Геолого-исторические условия хребта Каратау в эпоху палеолита.— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
Алпысбаев Х. А., Костенко Н. Н., 1974. Стратиграфические условия некоторых палеолитических стоянок южного Казахстана.— В кн.: В глубь веков. Алма-Ата.
Амирханов Х. А., 1977а. Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий.— Автореф. дис. ... канд. нст. наук. М.
Амирханов Х. А., 1977б. Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий. Архив Института археологии АН СССР. Р — 2, № 2225.
Амирханов Х. А., Аникович М. В., Борзияк И. А., 1980. О проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа.— СА, № 2.
Амирханов Х. А., Аутлев П. У., 1977. Из нсследований верхнепалеолитических индустрий Прикубанья (инвентарь слоя 2 Губского навеса 1).— СА, № 3.
Амирханов Х. А., Каревская И. А., Лукашев А. А. Стратиграфия, палеогеографическая ситуация и датировка Чохского поселения в Дагестане (по результатам работ 1980—1981 гг.).— БКИЧП, № 53, 1984.
Андреева Ж. В., Худяков Г. И., 1973. Палеолитический памятник на реке Зеркальной.— В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток.
Аникович М. В., 1973. Моготинская стоянка — новый памятник верхнего палеолита Западной Сибири.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Новосибирск.
Аникович М. В., 1976. Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической стоянки.— СЦВА.
Аникович М. В., 1977а. Каменный инвентарь нижних слоев Волковской стоянки.— ППВЦЕ.
Аникович М. В., 1977б. Памятники стрелецкой культуры в Костенках — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Аникович М. В., 1977в. Строение верхней гумусированной толщи в с. Костенки и относительный возраст залегающих в ней стоянок.— ПДЧ.
Анисюткин Н. К., 1968. Два комплекса Ильской стоянки.— СА, № 2.

Анисюткин Н. К., 1969. Мустьерская стоянка Стинка иа Среднем Диестре.— АСГЭ, № 11.
Анисюткин Н. К., 1971. Мустье Пруто-Диестровского междуречья.— Автореф. дис. ... каид. ист. иаук. Л.
Анисюткин Н. К., 1972. Листовидные острия с двухстороииеи обработкой со стоянки Стинка 1.— ПиН, т. 5 (МИА, № 185).
Анисюткин Н. К., 1977. Об археологических культурах мустье (по материалам Приднестровья).— АСГЭ, № 18.
Анисюткин Н. К., Астахов С. Н., 1970. К вопросу о древнейших памятниках Алтая.— ССД.
Антонов Б. А., 1958. Пещеры в четвертичных лавах долины р. Тертер.— Природа, № 12.
Антонов Б. А., 1971. Геоморфология и вопросы иовейшей тектоники юго-восточной части Малого Кавказа. Баку.
Антонов Б. А., Гвоздецкий Н. А., 1977. Осиовные особеииости орографии.— ОХИРРК.
Арсланов Х. А., 1975. Радиоуглеродная хроиология верхнего плейстоцена Европейской части СССР (Ледииковая и перигляциальиая зоиы).— БКИЧП, № 43.
Архангельский А. Д., Страхов Н. М., 1938. Геологическое строение и история развития Чериого моря. М.; Л.
Археология и палеогеография поздиего палеолита Русской равнины. 1981. Путеводитель совместиого советско-французского полевого семинара по теме: «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». М.
Археология и палеогеография раинего палеолита Крыма и Кавказа. 1978. Путеводитель совместиого Советско-фраицузского рабочего полевого семинара по теме: Динамика взаимодействия природной среды и доисторического обществa. М.
Архипов С. А., Волков И. А., Волкова В. С., 1965. Осиовиые проблемы палеогеографии четвертичного периода юга Западио-Сибирской низмеиности.— ОПИЧП.
Асеев А. А., 1974. Древние материковые оледеиения Европы. М.
Астахов С. Н., 1963. Позднепалеолитическая стоянка у дер. Федяево на Аигаре.— СА, № 3.
Астахов С. Н., 1966а. Поселения Афоитовой горы и их место в палеолите Сибири.— Автореф. дис. ... каид. ист. иаук. Л.
Астахов С. Н., 1966б. Позднепалеолитическая стоянка Кокорево IV.— СА, № 2.
Астахов С. Н., 1967. Тесла в позднем палеолите Енисея.— КСИА, вып. III.
Астахов С. Н., 1969. Новые памятники палеолита в Туве (по итогам полевых исследований 1966 г.).— ИСО АН СССР, сер. обществ. наук, № 6, в. 2. Новосибирск.
Астахов С. Н., 1971. Предварительные итоги изучения каменного века Тувы.— Уч. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, вып. XV.
Астахов С. Н., 1973. Саяно-Тувинская экспедиция.— АО 1972 г. М.
Астахов С. Н., 1975. Работы Саяно-Тувинской экспедиции.— АО 1974 г. М.
Астахов С. Н., 1976. Работы в зопе затоплеиия Саяно-Шушенской ГЭС.— АО 1975 г. М.
Астахов С. Н., 1979. Новые данные по палеолиту Енисея.— ДКСТБ.
Астахов С. Н., Семенов В. А., 1980. Палеолит и иеолит Тувы (по материалам Саяно-Тувинской экспедиции).— В кн.: Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.
Аутлев П. У., 1962. Отчет об археологических экспедициях Адыгейского НИИ в Кавказском, Ново-Кубанском, Крымском и Лабинском районах Краснодарского края в 1962 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, № 2464.
Аутлев П. У., 1963. Абадзехская нижиепалеолитическая стоянка. Майкоп.
Аутлев П. У., 1964. Губская палеолитическая стоянка.— СА, № 4.
Аутлев П. У., 1973. Мустьерская стоянка в Губском иавесе 1.— КВЕД.
Аутлев П. У., 1978. Разведки Адыгейской экспедиции.— АО 1977 г. М.
Аутлев П. У., Амирханов Х. А., 1977. Тугупское верхнепалеолитическое местонахождение.— СТАА.
Аутлев П. У., Дитлер П. А., 1963. Отчет об археологических экспедициях Адыгейского НИИЯЛИ в Кавказском, Ново-Кубаиском, Крымском и Лабинском районах Краснодарского края.— Архив ИА АН СССР, р. 1, № 2467.
Ауэрбах Н. К., 1930. Палеолитическая стоянка Афонтова III.— Труды общества изучеиия Сибири и ее производительных сил. Новосибирск, вып. 7.
Ауэрбах Н. К., Сосновский Г. П., 1932. Материалы к изучеиию палеолитической индустрии и условий ее иахождения иа стоянке Афонтова гора.— ТКИЧП, № 1, Л.
Бадер Н. О., 1961. О соотношеиии культуры верхиего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа.— СА, № 4.
Бадер Н. О., 1965. Варианты культуры Кавказа в коице верхиего палеолита — иачале мезолита.— СА, № 4.
Бадер Н. О., 1966. Различия между верхиепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока.— АСНС.
Бадер Н. О., 1970. О соотиошении верхнепалеолитических и мезолитических культур Крыма, Кавказа и Ближнего Востока.— ТСМК, т. 5. М.
Бадер Н. О., 1975. Поздний палеолит Загра и Имеретии.— В кн.: Памятиики древнейшей истории Евразии. М.
Бадер О. Н., 1939. Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего грота в Крыму.— Вестник древией истории, № 1.
Бадер О. Н., 1960. Основные этапы этнокультуриой истории и палеогеографии Урала.— ПиН, т. 4 (МИА, № 79).
Бадер О. Н., 1965. Каповая пещера. М.
Бадер О. Н., 1971. Древнейшее заселение Севериой Европы в свете новых даиных — КСИА, в. 126.
Бадер О. Н., 1977. Палеоэкология и люди стоянки Сунгирь.— ПДЧ.
Бадер О. Н., 1978. Сунгирь верхиепалеолитическая стоянка. М.
Бадер О. Н., Матюшин Г. Н., 1973. Новый памятиик среднего палеолита иа Южном Урале.— СА, № 4.
Бадер О. Н., Флинт В. Е., 1977. Гравировка на бивне мамонта с Берелеха.— МФРРВС.
Барышников Г. Ф., 1976. Опыт реконструкции климата и ландшафта Кавказа по остаткам териофауны верхиего плейстоцена Юго-Осетии.— В кн.: Экостратиграфия и экологические системы геологического прошлого. Тезисы докладов XXII сессии Всесоюзного палеонтологического общества.
Барышников Г. Ф., 1977. Природная обстаиовка и фауна млекопитающих Центральиого Кавказа в позднем аитропогене.— ИВГО. Л.
Барышников Г. Ф., 1978. Красные волки Кавказа.— В кн.: Функциональиая морфология и систематика млекопитающих.— Тр. Зоолог. ин-та АН СССР, т. 78. Л.
Барышников Г. Ф., Дедкова И. И., 1978. Пещериые медведи Большого Кавказа.— В кн.: Систематика и морфология млекопитающих.— Тр. Зоолог. ин-та АН СССР, т. 75. Л.
Батыров Б. Х., 1969. Материалы по истории териофауны Южного Узбекистана в верхием антропогеие.— Автореф. дис. ... каид. ист. иаук, 1969.
Беляева В. И., 1977. Опыт создания методики описания «ножей костенковского типа».— ППВЦЕ.
Беляева В. И., 1979. Кремиевый инвентарь Костеиок 1 (опыт классификации).— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Беляева Е. И., 1940. О фауне млекопитающих из палеолитической пещеры Вирхова (Сакажия).— БКИЧП, № 6—7.
Бендукидзе О. Г., 1978. О фауне млекопитающих палеолитической стояики Дзудзуана в Западной Грузии.— В ки.: Пещеры Грузии. Тбилиси, вып. 7.
Бердзенишвили Н. З., 1959. Новые данные о палеолите Абхазии.— ТАИЯЛИ, т. 30.
Бердзенишвили Н. З., 1964а. Новый памятник каменного века в ущелье Цхалтитела. Тбилиси (на грузинском языке с русским резюме).
Бердзенишвили Н. З., 1964б. Пещерная стоянка Сагварджиле и ее древнейшие культурные слои. Тбилиси. (иа грузиском языке с русским резюме).
Бердзенишвили Н. З., 1972. К вопросу о иачальной стадии верхиего палеолита Грузии.— В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
Бердзенишвили Н. З., 1973. Основные итоги полевых работ Причерноморской археологической экспедиции.— Полевые археологические исследоваиия, в. 1972. Институт истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР. Тбилиси.
Бердзенишвили Н. З., 1979. Нижиепалеолитические памятники предгорной зоны Абхазии.— МАГК, т. VIII (на грузинском языке с русским резюме).
Бердзенишвили Н. З., Габуния М. К., Церетели Л. Д., Хубутия Г. П., 1975. Причерноморская экспедиция.— АО 1974 г. М.
Бердзенишвили Н. З., Габуния М., Церетели Л., Хубутия Г., 1976. Итоги полевых работ Причерноморской археологической экспедиции АН Грузинской ССР. Полевые археоло-

гические исследования в 1974 г. Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГрузССР. Тбилиси.
Бердзенишвили Н. З., Хубутия Г. П., 1974. Пещерная палеолитическая стоянка Окуми I.— Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми.
Бердзенишвили Н. З., Церетели Л. Д., Мгеладзе М. Р., 1978. Раскопки многослойного памятника Апианча в Кодорском ущелье.— АО 1977 г. М.
Береговая Н. А., 1960. Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л.,
Береговая Н. А., 1972. Открытия палеолита в СССР (1958—1968). ПиН, № 7 (МИА, № 185).
Бибиков С. Н., 1936. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г.— СА. I.
Бибиков С. Н., 1940. Грот Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму.— СА, V.
Бибиков С. Н., 1949. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма.— Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, № 85, сер. историч. наук, в. 13.
Бибиков С. Н., 1959. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита.— СА, № 4.
Бибиков С. Н., 1969. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита.— СА, № 4.
Бибиков С. Н., 1981. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев.
Бибикова В. И., 1958. Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан I.— СА, № 3.
Бибикова В. И., Верещагин Н. К., Гарутт В. Е., Юрьев К. Б., 1953. Новые материалы по четвертичной фауне Забайкалья (Ошурково, Тологой).— ПиН, т. II (МИА, № 39).
Бонч-Осмоловский Г. А., 1934. Итоги изучения крымского палеолита.— ТМАИЧПЕ, в. 5.
Бонч-Осмоловский Г. А., 1940. Грот Киик-Коба. М.; Л.
Бонч-Осмоловский Г. А., 1941. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. М.; Л.
Бонч-Осмоловский Г. А., 1954. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. М.; Л.
Борзияк И. А., 1975. Позднепалеолитические стоянки Гордиешты I и II и некоторые вопросы развития двусторонней техники в позднем палеолите Карпато-Днестровского региона.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев.
Борзияк И. А., 1978. Поздний палеолит Северо-Запада Молдавии — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Борисковский П. И., 1941. Палеолитическая стоянка Боршево II (нижний культурный слой) — ПиН, т. 1 (МИА, № 2).
Борисковский П. И., 1947. Палеолитические местонахождения в Туркмении.— КСИИМК, в. 18.
Борисковский П. И., 1949. Изучение палеолита в Советском Союзе.— ВЛУ, № 2.
Борисковский П. И., 1953. Палеолит Украины. М.; Л.
Борисковский П. И., 1958. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе — СА, № 1.
Борисковский П. И., 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. М.; Л., 1963.
Борисковский П. И., 1970. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области.— ТСМК, т. 5.
Борисковский П. И., 1971. Палеолитическая стоянка Аносовка 1 в Костенках — ПиН, т. 6 (МИА, № 173).
Борисковский П. И., 1977. Возникновение человеческого общества.— В кн.: Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки (серия «Палеолит мира»). Л.
Борисковский П. И., 1979. Древнейшее прошлое человечества. 2-е изд. Л.
Борисковский П. И., Праслов Н. Д., 1964. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья.— М.; Л. (САИ А1—5).
Бромлей Ю. В., 1973. Этнос и этнография. М.
Бромлей Ю. В., Першиц А. И., 1972. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории.— В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М.
Бугианишвили Т. В., 1969. Палеолитические памятники Иоро-Алазанского бассейна.— ТКАЭ (1965—1966 гг.), т. 1.
Бугианишвили Т. В., 1979. Нижнепалеолитические памятники Гаре-Кахетского плоскогорья.— МАГК, т. VIII (на грузинском языке с русским резюме).
Будько В. Д., 1964. О жилищах Бердыжской палеолитической стоянки.— КСИА, в. 101.
Бурчак-Абрамович Н. И., 1955. Материалы к изучению фауны палеолита Закавказья (Зуртакетская стоянка).— Изв. АН Грузинской ССР, № 5.
Бурчак-Абрамович Н. И., 1969. Фауна пещерных стоянок Южной Абхазии. Actes du IV. Congrès International de speleologie en Gongoslavie (12—16 IX 1965), N 4—5. Ljubljana.
Бурчак-Абрамович Н. И., 1974. Ископаемые птицы палеолитических стоянок Кавказа.— Орнитология, в. II.
Бурчак-Абрамович Н. И., 1980. Остатки птиц из пещеры Кударо — I. Кударские пещеры.
Бурчак-Абрамович Н. И., Бендукидзе О. Г., 1969. Фауна эпипалеолитической стоянки Зуртакети.— САНГ, т. 55, № 3.
Бурчак-Абрамович Н. И., Габашвили Е. Г., 1945. Высшая человекообразная обезьяна из Удабно.— САНГ, т. 6, № 6.
Бурчак-Абрамович Н. И., Габашвили Е. Г., 1950. Находка ископаемой человекообразной обезьяны в пределах Грузии.— Природа. № 9.
Бутинов Н. А., 1968. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты).— ПИДО.
Вайнштейн С. И., 1956. Археологические исследования в Туве в 1955 г.— Уч. зап. ТНИИЯЛИ, вып. IV.
Валох К., 1977. Раскопки в пещере Кульна в Моравском карсте и их значение для изучения палеолита Чехословакии.— ППВЦЕ.
Вангенгейм Э. А., 1977. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии. М.
Вахейлад Э., 1972. Окраска растениями.— Рукоделие. Альбом 8, Таллин.
Векилова Е. А., 1957. Стоянка Сюрень 1 и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий.— ПиН, т. III (МИА, № 59).
Векилова Е. А., 1961. К вопросу о свидерской культуре в Крыму (стоянка Сюрень II).— КСИА, в. 82.
Векилова Е. А., 1966. К вопросу о связях населения на территории Крыма в эпоху мезолита.— В кн.: У истоков древних культур. Эпоха мезолита (МИА, № 126).
Векилова Е. А., 1967. Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг.— КСИА, в. 111.
Векилова Е. А., 1971. Каменный век Крыма. Некоторые итоги и проблемы.— ПиН, т. 6 (МИА, № 173).
Векилова Е. А., 1973. О зубчатом мустье и зубчатых орудиях мустьерских слоев Ахштырской пещеры.— КСИА, в. 137.
Векилова Е. А., Грищенко М. Н., 1972. Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг.— ПиН, т. 7 (МИА, 185).
Векилова Е. А., Гричук В. П., Губонина З. П., Ермолова Н. М., Зубова А. А., Муратов В. М., Фриденберг Э. О., 1978. Ахштырская пещера.— Археология и палеогеография. М.
Векилова Е. А., Зубов А. А., 1972. Антропологические остатки из мустьерских слоев Ахштырской пещеры.— КСИА, в. 131.
Веклич М. Ф., 1966. Мустье європейськоі территоріі СРСР.— В кн.: Палеогеографічні умови території України в пліоцені та антропогені. Київ.
Векуа А. К., 1978. Ископаемые позвоночные Цуцхватских пещер.— ИПК.
Векуа А. К., Мамацашвили Н. С., Тушабрамишвили Д. М., 1973. Палеолитическая фауна Цуцхватской пещерной системы.— САНГ, т. 70, № 3.
Векуа А. К., Тушабрамишвили Д. М., 1978. Уникальная культовая пещера.— ИПК.
Величко А. А., 1961. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М.
Величко А. А., 1963. Стоянка Спицына (Костенки XVII) и ее значение для решения основных вопросов геологии Костенковско-Боршевского района.— В кн.: *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. М.; Л.
Величко А. А., 1965. Криогенный рельеф позднеплейстоценовой перигляциальной зоны (криолитозоны) Восточной Европы.— В кн.: Четвертичный период и его история. М.
Величко А. А., 1973. Природный процесс в плейстоцене. М.
Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П., 1977. Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М.
Величко А. А., Грехова Л. В., Ударцев В. П., 1977. Новые данные по археологии, геологии и палеогеографии стоянки Елисеевичи.— ПДЧ.
Величко А. А., Иванова И. К., 1969. Общие выводы о геологическом возрасте палеолита.— ПРПО.
Величко А. А., Иванова И. К., Муратов В. М., 1969. Геологическая история Русской равнины Крыма и Кавказа в плейстоцене и возраст палеолитических культур.— ПРПО.
Величко А. А., Морозова Т. Д., 1972. Брянская ископаемая почва, ее стратиграфическое значение и природные условия

формироваиия.— В кн.: Лессы, погребеиные почвы и криогенные явления на Русской равнине.
Величко А. А., Морозова Т. Д., 1975. Стадийность развития и палеогеографическая унаследоваииость признаков совремеиных почв центра Русской равнины.— В кн.: Проблемы палеогеографии лессовых и перигляциальных областей. М.
Величко А. А., Праслов Н. Д., 1978. Преднсловие к кн.: Археология и палеогеография. М.
Верещагин Н. К., 1957а. Плейстоценовые позвоночные из пещеры Кударо 1 в Юго-Осетии н нх зиачение для разработки нстории фауны н лаидшафтов Кавказа.— ДАН, т. 113, № 6.
Верещагин Н. К., 1957б. Остатки млекопитающих нз четвертичных отложений Таманского полуострова.— Тр. Зоологич. ин-та. М.; Л., т. 22.
Верещагин Н. К., 1959. Млекопитающие Кавказа. История формироваиия фауны. М.; Л.
Верещагин Н. К., 1971. Охоты первобытного человека н вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР.— В ки.: Материалы по фаунам аитропогеиа СССР. Л.
Верещагин Н. К., 1977. Берелехское «кладбище» мамонтов.— МФРРВС.
Верещагин Н. К., 1979. Остатки млекопнтающих из палеолитнческого слоя VI стоянкн Ушки 1.— В кн.: Новые археологические памятиики севера Дальнего Востока. Магадаи.
Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф., 1980а. Остатки млекопитающих из пещеры Кударо III. Кударские пещеры. М.
Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф., 1980б. Остатки млекопитающих в восточной галерее пещеры Кударо 1 (раскопки В. П. Любина 1957—1958 гг.). Кударские пещеры. М.
Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е., 1977. Остатки млекопитающих нз палеолитических стоянок иа Дону и Верхией Десне.— МФРРВС.
Верхний плейстоцен, 1966. Стратиграфия и абсолютная геохроиология. М.
Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в цеитре Русской равиины. 1979. Тезисы докладов к Всесоюзному совещаиию, посвящениому 100-летию открытия палеолита в Костеиках (20—25 августа 1979 г.). Воронеж.
Виноградов А. В., Бижанов Е., 1978. Первые палеолитические находки с юго-восточного Устюрта.— АО 1977 г.
Виноградов А. В., Мамедов Э., 1969. Кызылнура 1 — первый мустьерский памятник в Кызылкумах.— СА, № 1.
Вислогузова А. В., 1961. Бассейн р. Аристанды.— В ки.: Путеводитель по геологическим маршрутам Южного Казахстана. Алма-Ата.
Вислогузова А. В., 1973. К вопросу о геологическом возрасте древнего палеолита хребта Каратау (Южный Казахстаи).— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
Влчек Э., 1974. Пропорции коиечностей иеаидертальского ребеика нз Киик-Кобы.— СЭ, № 6.
Воеводский М. В., 1929. Тимоиовская палеолитическая стоянка. Русский аитропологический журиал, т. XVIII, в. 1—2.
Воеводский М. В., 1934. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточиой Европы.— ТМАИЧПЕ.
Воеводский М. В., 1948. К методике раскопок открытых палеолитических стоянок.— Доклады и сообщения Исторического факультета Московского университета, в. 7.
Воеводский М. В.. 1950а. Мезолитическне культуры Восточной Европы.— КСИИМК, в. 31.
Воеводский М. В., 1950б. Находки раниего палеолита в бассейне р. Десны.— СА, XII.
Воеводский М. В., 1952а. Раниий палеолит Русской равииы.— УЗМГУ, в. 158.
Воеводский М. В., 1952б. Палеолитическая стоянка Рабочий ров (Чулатово II).— УЗМГУ, в. 158.
Вознячук Л. Н., Будько В. Д., Калечиц Е. Г., 1969. Схема стратиграфии и палеогеографии верхиего плейстоцена Белоруссии и смежиых территорий.— В кн.: Древности Белоруссии. Доклады к коифереиции по археологии Белоруссии. Минск.
Волков Ф. К., 1913. Палеолит в Европейской России и стоянка в селе Мезине Черниговской губериии. Протокольиая запись доклада Волкова, сделанного иа заседании Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества 17 марта 1909 г.— Зап. отд. русс. и славян. археологии Русского археологического общества. СПб., т. IX.
Волокитин А. В., 1982. Палеолит Средией Ангары (Ангаро-Окинская группа местоиахождений). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Волокитин А. В., Есипов В. В., 1979. Комплекс палеолитических местонахождений Калтукского залива (средняя Ангара).— Отчетная конфереицня. Иркутск.
Волокитин А. В., Кононова Т. Н., Скляревский М. Я., 1978. Исследование палеолитических памятииков в Братском районе.— АО 1977 г. М.
Вронский В. А., 1962. Геологический возраст лессовидных суглинков иовой мустьерской стоянки в Прназовье по данным палинологического аиализа.— ДАН, т. 145, № 6.
Габашвили Е. Г., 1975. Ископаемые приматы.— Вестник музея Грузии, XXVIII — А. Тбнлиси.
Габуния Л. К., 1957. Об ископаемом иосороге из пещеры Сагварджиле (Западная Грузия).— САНГ, 1957, т. 19, № 2.
Габуния Л. К., Тушабрамишвили Д. М., Векуа А. К., 1961. Первая находка остатков мустьерского человека на Кавказе.— ВА, в. 8.
Гаджиев Д. В., 1980. Остатки рукокрылых (Chiroptera) нз пещеры Кударов.— Кударские пещеры.
Гаджиев Д. В., Гусейнов М. М., 1970. Первая для СССР находка ашельского человека (Азербайджан, Азыхская пещера).— Юбилейный сборник ученых записок Азгосмединститута, т. XXXI. Баку.
Гаджиев Д. В., Ахундов Ф. М., Алиев С. Д., 1976. Клнматнческие условия обитания комплексов позвоночной фауны Азербайджана в позднем плиоцеие и плейстоцене.— В кн.: Материалы советско-американского симпозиума по природно-климатическим нзменениям в плейстоцене и голоцене. Баку.
Гаджиев Д. В., Гусейнов М. М., Мамедов А. В., Ширинов Н. Ш., 1979. Краткие результаты комплексных нсследований Азыхской древнепалеолитической стоянки.— Изв. АН Азерб. ССР. Серия наук о земле, № 3. Баку.
Гвоздецкий Н. А., 1948. О разделении осевой зоны Большого Кавказа.— ИВГО, т. 80, в. 1.
Гвоздецкий Н. А., 1963. Кавказ. Очерк природы. М.
Гвоздецкий Н. А., Маруашвили Л. И., 1977. Карст.— ОХИРРК.
Гвоздовер М. Д., 1952. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого.— УЗМГУ, в. 158.
Гвоздовер М. Д., 1953. Обработка кости и костяные нзделия Авдеевской стояикн.— ПнН. № 2 (МИА, № 39).
Гвоздовер М. Д., 1961. Специфические черты кремневого инвеитаря Авдеевской палеолитической стояики.— КСИА, в. 82.
Гвоздовер М. Д., 1964. Позднепалеолнтическне памятники Нижнего Доиа.— В кн.: *Борисковский П. И., Праслов Н. Д.* Палеолит бассейиа Днепра н Приазовья. М.; Л.— САИ, А1—5.
Гвоздовер М. Д., 1967. О культурной принадлежности поздне-палеолитических памятников Нижиего Доиа.— ВА, в. 27.
Гвоздовер М. Д., 1977. Новые изображения человека из Авдеева и их место среди статуэток костеиковской культуры.— ВА, в. 57.
Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П., 1975. О фациальности в верхнем палеолите (по материалам Каменной Балки II).— КСИА, в. 141.
Гвоздовер М. Д., Невесский Е. Н., 1961. Открытие мустьерского остроконечника на южиом берегу Крыма.— БКИЧП, № 26.
Гвоздовер М. Д., Сулержицкий Л. Д., 1979. О радиоуглеродном возрасте Авдеевской палеолитической стоянки.— БКИЧП, № 49.
Геохронология СССР, 1974. Новейший этап (поздний плиоцен — четвертичный период), Л., т. III.
Геохронология четвертичного периода. М., 1980.
Герасимов И. П., 1977. Антропоген н его главиая проблема.— Изв. АН СССР, сер. географ. № 4.
Герасимов И. П., Величко А. А., Любин В. П., Праслов Н. Д., 1981. Древиейшие люди в Европе и условия их обитаиия. Первые результаты совместных советско-французских исследований.— ВАН, № 10.
Герасимов И. П., Завельский Ф. С., Чичагова О. А., Дорошенко В. В., Черканский А. Е., Куренкова Е. И., Лыхин В. Л., 1976. Радиоуглеродные нсследования Радиометрической лаборатории Иисститута географии АН СССР. Сообщеиие II.— БКИЧП, № 46.
Герасимов И. П., Марков К. К., 1939. Ледниковый период иа территории СССР. М.; Л.
Герасимов М. М., 1931. Мальта — палеолитическая стоянка. Иркутск.

Герасимов М. М., 1935. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта.— В кн.: Палеолит СССР. Л.
Герасимов М. М., 1958. Палеолитическая стоянка Мальта.— СЭ, № 3.
Герасимов М. М., 1961. Круглое жилище стоянки Мальта.— КСИА, в. 82.
Гзелишвили И., 1953. К стратиграфии Сагварджиле.— САНГ, т. XIV, № 9 (на грузинском языке).
Гинзбург В. В., Гохман И. И., 1974. Костные остатки человека из Самаркандской палеолитической стоянки.— В кн.: Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.
Гитерман Р. Е., Голубева Л. В., Заклинская Е. Д., Коренева Е. В., Матвеева О. В., Скиба Л. А., 1968. Основные этапы развития растительности Северной Азии в антропогене.— Тр. Геологического ин-та АН СССР, в. 177.
Гладилин В. Н., 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев.
Гладилин В. Н., 1978. Королево — опорный памятник раннего палеолита в Закарпатье.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород.
Гладилин В. Н., 1979. О культурно-хронологической принадлежности неандертальских погребений в гроте Киик-Коба.— ИППВК.
Гладилин В. Н., 1980. Принципы и критерии локального подразделения раннего палеолита.— В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
Гладилин В. Н., Моця А. П., Солдатенко Л. В., Ткаченко В. И., 1976. Закарпатская палеолитическая экспедиция.— АО 1975 г. М.
Гладких М. И., 1973. Поздний палеолит лесостепного Приднепровья.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Гладких М. И., 1977. Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднепалеолитических памятников.— ППВЦЕ.
Глазовская М. А., 1956. Погребенные почвы, методы их изучения и их палеогеографическое значение.— Вопросы географии. Сборник статей для XVIII Международного географического конгресса. М.; Л.
Горецкий Г. И., 1952. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье.— СА, XVI.
Горецкий Г. И., 1962. О возрастных и пространственных соотношениях антропогеновых террас Кубани.— ТКИЧП, т. XIX.
Горецкий Г. И., 1966. Формирование долины Волги в раннем и среднем антропогене. М.
Горецкий Г. И., 1970. Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра. М.
Горецкий Г. И., 1972. Следует ли снижать в настоящее время границу антропогена? — В кн.: Международный коллоквиум по проблеме «Граница между неогеном и четвертичной системой». Сборник докладов. М., т. 1.
Городцов В. А., 1923. Археология. Каменный период. М.; Пг.
Городцов В. А., 1926. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г.— Тр. отд. археологии РАНИОН, 1.
Городцов В. А., 1932. Тимоновская палеолитическая стоянка (Раскопки 1931 г.).— ВАН, № 6.
Городцов В. А., 1933. Исследование Тимоновской палеолитической стоянки в 1932 г.— ВАН, № 6.
Городцов В. А., 1935а. Социально-экономический строй древних обитателей Тимоновской палеолитической стоянки.— СЭ, № 3.
Городцов В. А., 1935б. Тимоновская палеолитическая стоянка. Результаты археологических раскопок в 1933 г. М.; Л.
Городцов В. А., 1941. Результаты исследований Ильской палеолитической стоянки.— ПиН, т. 1 (МИА, № 2).
Гохман И. И., 1957. Палеолитическая стоянка «Пещера» на Бухтарме.— КСИИМК, в. 67.
Грехова Л. В., 1977. Обработанная кость Тимоновской стоянки.— ППВЦЕ.
Григолия Г. К., 1963. Палеолит Квемо-Картли (погребенная пещера Цопи 1). Тбилиси (на грузинском языке с русским резюме).
Григолия Г. К., 1974. Открытые стоянки эпохи камня в Колхиде.— МАГК. Тбилиси, т. VI (на грузинском языке с русским резюме).
Григолия Г. К., 1965. Нижнепалеолитические памятники Джавахети.— МАГК, т. IV.
Григолия Г. К., 1979. Памятники нижнего палеолита ущелья Ингури.— МАГК, т. VIII (на грузинском языке с русским резюме).
Григорьев Г. П., 1963. Селет и костенковско-стрелецкая культура.— СА, № 1.
Григорьев Г. П., 1966а. К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности. М.
Григорьев Г. П., 1966б. Кремсская, виллендорфская и павловская культуры в Средней Европе.— АСНС.
Григорьев Г. П., 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение. Homo sapiens. Л.
Григорьев Г. П., 1970. Верхний палеолит.— КВ.
Григорьев Г. П., 1972а. К методике установления локальных различий в палеолите.— УСА, в. 2.
Григорьев Г. П., 1972б. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.
Григорьев Г. П., 1977а. Заселение человеком Азии.— В кн.: Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.
Григорьев Г. П., 1977б. Палеолит Африки.— В кн.: Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки (серия «Палеолит мира»). Л.
Григорьев Г. П., 1979. Костенковская культура; методические проблемы ее выделения.— Костенковское совещание.
Григорьев Г. П., Ранов В. А., 1973. О характере палеолита Средней Азии.— Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых исследований 1972 г. в СССР. Ташкент.
Григорьева Г. В., 1967. Большая Аккаржа и ее место среди позднепалеолитических памятников юга СССР.— КСИА, в. 111.
Григорьева Г. В., 1968. Позднепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Григорьева Г. В., 1972. Новые позднепалеолитические памятники на Среднем Днестре.— ПиН, т. VII (МИА, № 185).
Григорьева Г. В., 1974. Позднепалеолитическая стоянка Рашков VIII.— СА, № 3.
Григорьева Г. В., 1975. Позднепалеолитические памятники междуречья Днестра и Прута.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев.
Григорьева Г. В., Кетрару Н. А., 1973. Исследования палеолитических стоянок Рашков VII и VIII.— АИМ в 1972 г.
Григорьева Г. В., Клапчук М. Н., 1981. Позднепалеолитическая стоянка Межигирцы I в Ивано-Франковской области.— КСИА, в. 165.
Гричук В. П., 1969а. Растительность на Русской равнине в позднем палеолите.— ПРПО.
Гричук В. П., 1969б. Растительный покров в позднем плейстоцене.— В кн.: Лессо-перигляциал-палеолит на территории Средней и Восточной Европы. М.
Гричук В. П., 1972. Основные этапы истории растительности юго-запада Русской равнины в позднем плейстоцене.— В кн.: Палинология плейстоцена. М.
Гричук В. П., Губонина З. П., Муратов В. М., Фриденберг Э. О., 1970. О результатах споро-пыльцевого анализа отложений кавказских палеолитических пещер.— Изв. АН СССР. Серия геогр., № 4.
Грищенко М. Н., 1950. Палеогеография Костенковско-Боршевского района эпохи верхнего палеолита.— КСИИМК, в. 31.
Грищенко М. Н., 1971. Некоторые особенности геологии Ахштырской пещеры.— ПиН, т. VI (МИА, № 173).
Громов В. И., 1932. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова гора II.— ТКИЧП, т. 1.
Громов В. И., 1940. Итоги изучения геологических условий нахождения палеолита на Кавказе и его значение для четвертичной стратиграфии.— БКИЧП, № 6—7.
Громов В. И., 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (Млекопитающие, палеолит). М.
Громов В. И., Алексеев М. Н., Вангенгейм Э. А., Кинд Н. В., Никифорова К. В., Равский Э. И., 1965. Схема корреляции антропогеновых отложений Северной Евразии.— В кн.: Корреляция антропогеновых отложений Северной Евразии (к VII конгрессу в США в 1965 г.). М.
Громов В. И., Краснов И. И., Никифорова К. В., Шанцер Е. В., 1961. Состояние вопроса о нижней границе и стратиграфическом подразделении антропогеновой (четвертичной) системы.— В кн.: Вопросы геологии антропогена. М.
Громов В. И., Никифорова К. В., 1968. Граница между неогеном и антропогеном (четвертичным периодом).— В кн.: Граница третичного и четвертичного периодов. М.
Громов И. М., Фоканов В. А., 1980. Об остатках позднечетвертичных грызунов из пещеры Кударо 1. Кударские пещеры.

Громова В. И., 1948. К истории фауны млекопитающих Кавказа.— Изв. АН СССР. Сер. биолог., № 5.
Громова В. И., 1965. Краткий обзор четвертичных млекопитающих Европы. М.
Гроссгейм А. А., 1942. Дикие съедобные растения Кавказа. Баку.
Гроссгейм А. А., 1952. Растительные богатства Кавказа. Материалы к познанию фауны и флоры СССР, изд. Московским обществом испытателей природы. Новая серия. Отд. ботанич. в. 7(15). Изд. 2-е. М.
Грязнов М. П., 1932. Остатки человека из культурного слоя Афонтовой горы.— ТКИЧП, I.
Грязнов М. П., Столяр А. Д., Рогачев А. Н., 1981. Письмо в редакцию.— СА, № 4 (по поводу так называемого «малосыйского искусства»).
Гумилевский Н. И., Коробков И. И., 1967. Местонахождения памятников каменного века у с. Хевайни.— КСИА, в. 111.
Гурина Н. Н., 1960. Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР.— СА, № 1.
Гурина Н. Н., 1965. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии.— ПиН, т. V (МИА, № 131).
Гусейнов В. М., Есипов В. В., Шуньков М. В., 1976. Макарово III — памятник позднего палеолита на верхней Лене.— Научно-теоретическая конференция Иркутского гос. ун-та. Секция археологии. Тезисы докладов. Иркутск.
Гусейнов М. М., 1959а. Мустьерская стоянка в пещере Дашсалахлы.— Изв. АН Азерб. ССР, сер. обществ. наук, № 6.
Гусейнов М. М., 1959б. Пещера каменного века на Авейдаге.— ДАНАз.ССР т. 15, № 11.
Гусейнов М. М., 1963. Азыхская пещера — крупный карст и древнейшая стоянка Азербайджана.— ДАН Аз.ССР, т. 19, № 11.
Гусейнов М. М., 1965. О результатах археологических раскопок в Азыхской пещере.— В кн.: Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
Гусейнов М. М., 1972. Азыхская пещера — многослойный памятник ашельского периода в СССР.— АО 1971 г. М.
Гусейнов М. М., 1973а. О палеолитической стоянке в пещере Таглар.— В кн.: Материальная культура Азербайджана. Баку, т. VII.
Гусейнов М. М., 1973б. О тайнике азыхантропов в ашеле.— УЗ Аз.ГУ, № 8.
Гусейнов М. М., 1974а. Очаги азыхантропов баку-хазарского (миндель-рисс) возраста.— УЗ Аз.ГУ.
Гусейнов М. М., 1974б. Жилище древнейшего человека в нашей стране.— Природа, № 3.
Гусейнов М. М., 1975. Археология Азербайджана (каменный век). Баку (на азербайджанском языке).
Гусейнов М. М., 1976. Новые археологические открытия ашшеронского возраста в нижних слоях пещеры Азых.— АО 1975 г. М.
Гусейнов М. М., 1977. Результаты раскопок в пещере Азых.— АО 1976 г. М.
Гусейнов М. М., 1981. Пещера Азых. Баку.
Гусейнов М. М., Рустамов Д. И., Гаджиев Д. В., 1976. Археологические памятники Азербайджана и их взаимосвязь с климатическими изменениями.— В кн.: Материалы советско-американского симпозиума по природно-климатическим изменениям в плейстоцене и голоцене. Баку.
Гуслицер Б. И., Канивец В. И., 1962. Первая палеолитическая стоянка на Печорском Урале.— БКИЧП, № 27.
Гуслицер Б., Лийва А., 1972. О возрасте местонахождения остатков плейстоценовых млекопитающих и палеолитической стоянки Бызовая на Средней Печоре.— Изв. АН ЭССР. Таллин, т. 21 (Биология, № 3).
Гущин А. С., 1937. Происхождение искусства. Л.; М.
Дебец Г. Ф., 1940. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш.— Тр. Уз.ФАН ССР, сер. 1. в. 1.
Дебец Г. Ф., 1946. Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова Гора II» под Красноярском.— БКИЧП, № 8.
Дебец Г. Ф., 1947. О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека.
Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.
Дебец Г. Ф., 1952. Территория СССР и проблема родины человека.— КСИЭ, в. 17.
Дебец Г. Ф., 1955. Палеоантропологические находки в Костенках (Предварит. сообщение).— СЭ, № 1.
Деревянко А. П., 1975. Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск.
Джафаров А. К., 1978а. Исследования в Тагларской пещере.— АО 1977 г. М.
Джафаров А. К., 1978б. Многослойная Тагларская мустьерская стоянка в Азербайджане.— СА, № 4.
Джуракулов М. Д., 1967. Изучение каменного века в Узбекистане в послевоенный период 1945—1965 гг.— ТСАМГУ, нов. сер., в. 166.
Джуракулов М. Д., 1972. Некоторые итоги археологических исследований Самаркандского госуниверситета в 1970 г.— ТСАМГУ, нов. сер., в. 219.
Диков Н. Н., 1969. Верхний палеолит Камчатки.— СА, № 3.
Диков Н. Н., 1977. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М.
Диков Н. Н., 1979а. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М.
Диков Н. Н., 1979б. Исследование камчатской верхнепалеолитической стоянки Ушки I.— АО 1978 г. М.
Диков Н. Н., Титов Э. Э., Давидович Т. Д., Ложкин А. В., 1977. Комплексное исследование многослойной палеолитической стоянки Ушки — V на Камчатке.— В кн.: Природные ресурсы Северо-Востока СССР. Владивосток.
Додонов А. Е., Ранов В. А., 1976. Новые палеолитические находки в лессах бассейна р. Кызылсу (Южный Таджикистан).— БКИЧП, № 46.
Додонов А. Е., Ранов В. А., 1977. Палеолит из погребенных почв Южного Таджикистана.— АО 1976 г. М.
Долуханов П. М., 1972. Хронология палеолитических культур.— В кн.: Проблема абсолютного датирования в археологии. М.
Дочанашвили Г. П., 1973. Итоги археологических работ в верхнепалеолитической пещере Хергулис-Клде. Полевые археологические исследования в 1972 г. Ин-т истории, археологии АН Груз. ССР. Тбилиси.
Дочанашвили Г. П., 1974. Палеолитический материал из Хергулис-Клде (1967—1968 гг.).— МАГК, т. VI (на грузинском языке с русским резюме).
Дроздов Н. И., 1981. Каменный век Северного Приангарья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
Дроздов Н. И., Дементьев Д. И., 1974. Археологические исследования на средней и нижней Ангаре. Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, в. 1.
Дроздов Н. И., Лаухин С. А., 1979. Исследование стоянки Усть-Кова в среднем течении Ангары.— АО 1978 г. М.
Думитрашко А. В., 1977. История речной сети.— ОХИРРК.
Думитрашко Н. В., Лилиенберг Д. А., Антонов Б. А., Ковалев П. В., Церетели Д. В., 1962. Древние оледенения Кавказа и их сопоставление с оледенением Русской равнины.— ТКИЧП, т. XIX.
Думитрашко Н. В., Милановский Е. Е., 1977. Древнее оледенение.— ОХИРРК.
Думитрашко Н. В., Милановский Е. Е., Бальян С. П., Саядян Ю. В., 1977. Древнее оледенение Кавказа. ГЧП.
Ерицян Б. Г., 1970а. Палеолитическое местонахождение в Ноемберянском районе.— Вестник общ. наук АН Арм.ССР № 5(324). Ереван.
Ерицян Б. Г., 1970б. Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Ерицян Б. Г., 1972. К вопросу о выделении нижнепалеолитических культур на Армянском нагорье.— В кн.: Тезисы докладов Совещания «Каменный век Средней Азии и Казахстана». Ташкент.
Ерицян Б. Г., 1975. Новая нижнепалеолитическая пещерная стоянка Лусакерт 1.— КСИА, в. 141.
Ерицян Б. Г., Семенов С. А., 1971. Новая нижнепалеолитическая пещера «Ереван».— КСИА, в. 126.
Ермолова Н. М., 1978. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск.
Ефименко П. П., 1927. Пам'ятки мустьєрської культури на Сході Европи. Ювілейний збірник на пошану акад. Д. Багалія. Київ.
Ефименко П. П., 1928. Некоторые итоги изучения палеолита СССР.— Человек., № 1.
Ефименко П. П., 1931. Значение женщины в ориньякскую эпоху. Л.
Ефименко П. П., 1934. Дородовое общество. М.; Л.
Ефименко П. П., 1935. Находки остатков мустьерского времени на р. Деркуле.— В кн.: Палеолит СССР. М.; Л.
Ефименко П. П., 1938. Первобытное общество. 2-е изд. Л.
Ефименко П. П., 1953. Первобытное общество. 3-изд. Киев.
Ефименко П. П., 1958. Костенки 1. М.; Л.

Ефименко П. П., 1960. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Сев. Причерноморья.— СА, № 4.
Ефименко П. П., Борисковский П. И., 1953. Палеолитическая стоянка Боршево II.— ПиН, т. 2 (МИА, № 39).
Ефименко П. П., Борисковский П. И., 1957. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.).— ПиН, т. 3 (МИА, № 59).
Заверняев Ф. М., 1974. Новая верхнепалеолитическая стоянка на реке Десне.— СА, № 4.
Заверняев Ф. М., 1978. Хотылевское палеолитическое местонахождение. Л.
Замятнин С. Н., 1929. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г.— СГАИМК, II.
Замятнін С. М., 1930. Раскопкі Бердыскай палеолітычнай станкі у 1927 г.— ПАК, в. 2.
Замятнин С. Н., 1934. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения — ТМАИЧПЕ.
Замятнин С. Н., 1935а. Раскопки у с. Гагарина.—В кн.: Палеолит СССР. М.; Л.
Замятнин С. Н., 1935б. Новые данные по палеолиту Закавказья.— СЭ, № 2.
Замятнин С. Н., 1937а. Палеолит Абхазии.—Тр. Ин-та Абхазской культуры. Сухуми, в. X.
Замятнин С. Н., 1937б. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры.— СА, III.
Замятнин С. Н., 1940. Навалишенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа.— БКИЧП, № 6—7.
Замятнин С. Н., 1946. Исследования по первобытной археологии в СССР за 25 лет.— КСИИМК, в. 13.
Замятнин С. Н., 1947. Находки нижнего палеолита в Армении. Изв. АН Армянской ССР. Ереван, № 1.
Замятнин С. Н., 1949. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани.— СМАЭ, XII.
Замятнин С. Н., 1950. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг.— Материалы по четвертичному периоду СССР, в. 2.
Замятнин С. Н., 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода.— ПЧДРЧ.
Замятнин С. Н., 1953. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья.— СМАЭ, XIV.
Замятнин С. Н., 1957. Палеолит Западного Закавказья.— СМАЭ, XVII.
Замятнин С. Н., 1958. Разведка по каменному веку в Азербайджане осенью 1953 г.— Тр. Ин-та истории АН Азерб.ССР. Баку, т. XIII.
Замятнин С. Н., 1960. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита.—В кн.: Проблемы истории первобытного общества.— ТИЭ, н. с., т. 54.
Замятнин С. Н., 1961а. Очерки по палеолиту. М.; Л.
Замятнин С. Н., 1961б. Сталинградская палеолитическая стоянка.— КСИА, в. 82.
Замятнин С. Н., Акритас П. Г., 1957а. Раскопка грота Сосруко в 1955 г.— УЗ Каб.-Балк.НИИ, т. 13.
Замятнин С. Н., Акритас П. Г., 1957б. Археологические исследования 1957 г. в Баксанском ущелье.— УЗ Каб.-Балк.НИИ, т. 13.
Заррина Е. П., Краснов И. И., 1977. Стратиграфическая корреляция четвертичных отложений Европейской части СССР.— В кн.: Четвертичная геология и структурная геоморфология СССР.— Труды ВСЕГЕИ, нов. сер., т. 222.
Заррина Е. П., Краснов И. И., 1979. Стратиграфия и палеогеография центральных областей Русской равнины в эпоху позднего палеолита.— Костенковское совещание.
Захарук Ю. Н., 1970. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.
Захарук Ю. Н., 1978. Парадокс археологической культуры.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.
Зубаков В. А., Кучегура В. В., Судакова Н. Г., Шелкопляс В. Н., 1977. Корреляция новейших отложений Понто-Каспия и Русской равнины с помощью физико-химических методов. ГПП.
Зубов А. А., 1980. О зубе архантропа из пещеры Кударо I. Кударские пещеры.
Иванова И. К., 1959. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья.— В кн.: Палеолит Среднего Приднестровья. М.
Иванова И. К., 1969а. Геологические условия нахождения палеолита на территории СССР.— БМОИП, отд. геол., т. XIV(3).
Иванова И. К., 1969б. Распространение и возраст палеолитических стоянок.— ЛПП.
Иванова И. К., 1965. Геологический возраст ископаемого человека. М.
Иванова И. К., 1972. О следах деятельности ископаемых гоминид в отложениях эоплейстоцена и раннего плейстоцена Европы.— В кн.: Геология и фауна нижнего и среднего плейстоцена Европы. М.
Иванова И. К., 1973. Юго-западная часть СССР — опорный район развития верхнего палеолита Восточной и Средней Европы.— В кн.: Стратиграфия, палеогеография и литогенез антропогена Евразии. М.
Иванова И. К., 1974. Роль геолого-тектонических и палеогеографических факторов в становлении гоминид.— ПЧПС.
Иванова И. К., 1975. Геологический обзор местонахождений каменного века Молдавии.— БКИЧП, № 43.
Иванова И. К., 1977а. Природные условия обитания людей каменного века в бассейне р. Днестр.— ПДЧ.
Иванова И. К., 1977б. Геология и палеогеография стоянки Кормань IV на общем фоне геологической истории каменного века Среднего Приднестровья.— В кн.: Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV на Среднем Днестре. М.
Иванова И. К., 1977в. Стратиграфия четвертичных отложений и геология палеолита юга Европейской части СССР.— В кн.: Геология четвертичного периода (плейстоцен). К X конгрессу. Ереван.
Иванова М. А., 1981. Жилой комплекс Гмелинской позднепалеолитической стоянки в Костенках.— КСИА, в. 165.
Иванова Н. Г., Несмеянов С. А., 1980. Результаты палинологического изучения Самаркандской верхнепалеолитической стоянки.— ПСВА.
Каландадзе А. Н., Каландадзе К. С., 1976. Белая пещера (по раскопкам 1974 г.) Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси.
Каландадзе А. Н., Каландадзе К. С., Векуа А. К., Мамацашвили Н. С., 1977. Экологические условия позднего плейстоцена голоцена в предгорной Колхиде по раскопкам Белой пещеры.— ПДЧ.
Каландадзе А. Н., Каландадзе К. С., Иоселиани А., Сандридзе В., Кинцурашвили О., 1976. Раскопки в Белой пещере.— Полевые археологические исследования в 1974 г. Ин-т истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР. Тбилиси.
Каландадзе А. Н., Тушабрамишвили Д. М., 1955. Новые раскопки в пещере Гварджилас-Клде.— КСИА АН УССР, № 4.
Каландадзе А. Н., Тушабрамишвили Д. М., 1978. Цонская пещера.— Археология и палеогеография.
Каменецкий И. С., 1970. Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА, № 2.
Канивец В. И., 1969. Палеолитический человек на Печоре.— ПРПО.
Канивец В. И., 1976. Палеолит крайнего Северо-Востока Европы. М.
Каплин П. А., Леонтьев О. К., Рычагов Г. И., Парунин О. Б., Свиточ А. А., Шлюков А. И., 1977. Хронология и палеогеография плейстоцена Понто-Каспия (по данным абсолютного датирования).— В кн.: Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М.
Карапетян К. И., 1977. Условия образования палеолитических пещер ущелья р. Раздан (Армянская ССР). ГЧП.
Касымов М. Р., 1972. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане.— ПиН, т. 7 (МИА, 185).
Кащенко Н. Ф., 1901. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком. Зап. Академии наук, VIII серия. По физико-математическому отделению, т. XI, № 7.
К дискуссии о происхождении искусства, 1978. Редакционная статья.— СЭ, № 3.
Кетрару Н. А., 1973. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев.
Кетрару Н. А., Борзияк И. А., 1974. Палеолитическая стоянка в гроте Тринка III.— АИМ в 1973 г.
Кетросы. 1981. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.
Кикодзе З. К., 1978. Отчет о работах Параванской разведывательской археологической экспедиции в 1977 г.— В кн.: Археологические экспедиции гос. музея Грузии. Тбилиси, т. 6 (на грузинском языке).
Киладзе (Бердзенишвили) Н. З., 1944. Палеолитические находки в Мгвимеви.— ВГМГ, 1944, в. XII — в (на грузинском языке с русским резюме).

Киладзе (Бердзенишвили) Н.З., 1949. Новые палеолитические находки в Мгвимеви. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
Киладзе (Бердзенишвили) Н.З., 1953. Многослойный археологический памятник Сагварджиле.— САНГ, т. XIV, № 9.
Кинд Н.В., 1972. Позднечетвертичные изменения климата и оледенения на территории Старого и Нового Света (радиоуглеродная хронология). Доклады советских геологов на XXIV сессии Международного геологического конгресса. Стратиграфия, седиментология и геология четвертичного периода. М.
Кинд Н.В., 1974. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М.
Кириллов И.И., 1969. Каменный век Восточного Забайкалья.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
Кириллов И.И., 1980. Предметы изобразительного искусства палеолитического поселения Сохатино IV (Титовская сопка).— В кн.: Звери в камне. Новосибирск.
Кириллов И.И., 1981. Восточное Забайкалье в древности. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.
Кириллов И.И., Константинов М.В., 1975. Палеолит Восточного Забайкалья в свете новых археологических исследований.— СДКС.
Клапчук М.Н., 1966. Обнажения у с. Батпак и их стратиграфическое значение.— Тезисы докладов научно-технической конференции ЦКГУ. Караганда.
Клапчук М. Н., 1968. Из истории климата, флоры и растительности Центрального Казахстана в нижнем и среднем плейстоцене. Тезисы докладов научно-технической конференции ЦКГУ. Караганда.
Клапчук М.Н., 1969. К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
Клапчук М. М., 1970б. Деякі дані про климатичні умови життя палеолітичній — людини в Сочінському районі Краснодарського краю.— Укр. ботан. журнал. Київ, т. 27, № 1.
Клапчук М.Н., 1971. Местонахождение галечных орудий Обалысан 1 в Центральном Казахстане.— СА, № 1.
Клапчук М.Н., 1976. Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат 4 в Центральном Казахстане.— СА, № 3.
Кларк Дж.Д., 1977. Доисторическая Африка. М.
Клопотовская Н.Б., 1973. Основные закономерности формирования споро-пыльцевых спектров в горных районах Кавказа. Тбилиси.
Клопотовская Н.Б., 1977. Пример интерпретации фоссильных спорово-пыльцевых спектров на основе субрецентных анализов.— В кн.: Палинологические исследования в Грузии. Тбилиси.
Кожевников А.В., Милановский Е.Е., Саядян Ю.В., 1977. Очерк стратиграфии антропогена Кавказа. Объяснительная записка к региональной корреляционной стратиграфической схеме четвертичных и верхнеплиоценовых отложений Кавказа. Ереван — Ленинград.
Колосов Ю.Г., 1964. Некоторые позднепалеолитические стоянки порожистой части Днепра (Осокоровка, Дубовая балка, Ямбург).— В кн.: *Борисковский П.И., Праслов Н.Д.* Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ, А1—5.— М.; Л.
Колосов Ю.Г., 1977. Белая скала. Симферополь.
Колосов Ю.Г., 1978. Новая мустьерская стоянка в гроте Пролом.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород.
Колосов Ю.Г., 1979. Аккайские мустьерские стоянки и некоторые итоги их исследования. ИППВК.
Колосов Ю.Г., Величко А.А., Душевский В., Подгородецкий П.Д., Губонина З.П., 1978. Стоянки Заскальная V и Заскальная VI. Археология и палеогеография. М.
Колосов Ю.Г., Харитонов В.М., Якимов В.П., 1974. Открытие скелетных остатков палеоантропа на стоянке Заскальная VI в Крыму.— ВА, № 46.
Кольцов Л.В., 1977. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.
Константинов М.В., 1973. Толбага — новое палеолитическое поселение в долине р. Хилка (Западное Забайкалье).— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (Тезисы докладов Всесоюзной конференции). Новосибирск.
Константинов М.В., 1979. Палеолит Хилка и Чикоя (юго-западное Забайкалье).— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
Константинов М.В., Константинова А.В., Семина Л.В., Лыцусь А.И., 1977. Изучение многослойного поселения Студеное в Забайкалье.— АО 1976 г. М.
Коробков И.И., 1962. Разведочные работы в Хостинских пещерах в 1961 г. (Черноморское побережье Кавказа).— КСИА, вып. 92.
Коробков И.И., 1966. К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий.— В кн.: Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков. М.
Коробков И.И., 1967. Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения.— СА, № 4.
Коробков И.И., 1971. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем.— ПиН, т. 6 (МИА, 173).
Коробков И.И., 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья.— В кн.: Палеолит Ближнего и Среднего Востока (серия «Палеолит мира»). Л.
Коробков И. И., Мансуров М. М., 1972. К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий.— ПиН, т. 7 (МИА, 185).
Котович В.Г., 1961. Археологические работы в горном Дагестане.— Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, т. 2.
Котович В.Г., 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала.
Коробкова Г.Ф., 1972. Трасологическое исследование каменного инвентаря Самаркандской стоянки (по материалам 1958—1960 гг.).— ПиН, т. 7 (МИА, № 185).
Костенко Н. Н., Алпысбаев Х. А., 1969. Значение палеолита для расчленения антропогенных отложений.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
Крайнов Д.А., 1947. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа.— БКИЧП, № 9.
Крайнов Д.А., 1956. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки.— СА, № 25.
Крайнов Д.А., 1958. Отчет Сочинского отряда Северо-Кавказской экспедиции о раскопках Ацинской пещерной стоянки осенью 1978 г.— Архив ИА АН СССР, т. 1, № 1830.
Краснов И.И., Никифорова К.В., 1973. Схема стратиграфии четвертичной (антропогеновой) системы, уточненная по материалам последних лет.— В кн.: Стратиграфия, палеогеография и литогенез антропогена Евразии. М.
Криволап Г.І., 1964. Мустьєрські знахідки в Білгороді-Дністровському.— Археологія, т. XVII.
Круковский С.А., 1916. Пещера Гварджилас-Клде в Ргани.— Изв. Кавказского музея. Тифлис, т. X. вып. 3.
Крылова А.А., 1959. Новые палеолитические местонахождения в Восточном Казахстане.— КСИИМК, в. 76.
Куфтин Б.А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.
Лаврушин Ю.А., 1966. К вопросу о нижней границе четвертичной (антропогеновой) системы в СССР.— В кн.: Общая геология. Стратиграфия (1963—1964). Итоги науки. М.
Лазаренко А.А., Ранов В.А., 1975. Новая палеолитическая стоянка Каратау 1 в Южном Таджикистане.— УСА, в. 3.
Лазаренко А.А., Ранов В.А., 1977. Каратау I — древнейший палеолитический памятник в лессах Средней Азии.— БКИЧП, № 47.
Лазуков Г.И., 1957а. Геология стоянок Костенковско-Боршевского района.— ПиН, т. 3 (МИА, № 59).
Лазуков Г.И., 1957б. Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе.— СА, № 3.
Лазуков Г.И., 1979. Геолого-геоморфологическая характеристика стоянок Костенковско-Боршевского района и условия обитания позднепалеолитического человека. Костенковское совещание.
Лазуков Г.И., 1980. Плейстоцен территории СССР. Восточно-Европейская платформенная равнина. М.
Лазуков Г.И., Гвоздовер М.Д., Рогинский Я.Я., Урысон М.И., Харитонов В.М., Якимов В.П., 1981. Природа и древний человек. М.
Лазуков Г.И., Чочиа Н.Г., Спасский Н.Я., 1976. Основы геоморфологии антропогена. Л.
Ларичев В., 1974. Дом из бивней мамонта.— Знание — сила, № 5.
Ларичев В.Е., 1976. У истоков верхнепалеолитических культур и искусства Сибири.— В кн.: Рериховские чтения. 1976 г. Тезисы конференции. Новосибирск.
Лаухин С.А., Дроздов Н.И., Паньічев В.А., Орлова Л.А., 1980. Усть-Кова на Ангаре — самая древняя датированная

радиоуглеродным методом палеолитическая стоянка между Леной и Уралом.— ДАН, т. 254, № 1.
Лебедева Н.А., 1978. Корреляция антропогеновых толщ Понто-Каспия. М.
Лев Д.Н., 1949. Древний палеолит в Аман-Кутане. Самарканд.
Лев Д.Н., 1960. Археологические исследования Самаркандского государственного университета в 1955—1956 гг.— ТСам ГУ, н. с., в. 101, история, ч. 2.
Лев Д.Н., 1964. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Исследования 1958—1960 гг.— ТСам ГУ, н. с., в. № 135. Археология Узбекистана.
Лев Д.Н., 1965. Самаркандская палеолитическая стоянка (предварительное сообщение).— ИМКУз, в. 6.
Лев Д.Н., 1967а. Некоторые итоги археологических исследований Самаркандского гос. ун-та в 1965 г.— ТСам. ГУ, н. с., в. 166.
Лев Д.Н., 1967б. Палеолит Самаркандской области и его специфические особенности.— ТСам. ГУ, н. с., в. 166.
Лев Д.Н., 1972. Итоги работы археологического отряда Самаркандского гос. университета имени А. Навои в 1966 г.— ТСам. ГУ, н. с. вып. № 218. Материалы по истории и археологии Узбекистана.
Левин М.Г., 1950. К вопросу о древнейшем заселении Сибири.— СЭ, № 3.
Левицький І. Ф., 1949. Разкопки палеолітичної стоянки на балці Осокорівці в 1946 році.— Археологічні пам'ятки. Київ.
Левковская Г. М., 1980. Палинологическая характеристика отложений в пещерах Кударо I и Кударо III. Кударские пещеры.
Леженко И.Л., 1974. Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II.— ДИН, в. 2.
Леонов О.М., Медведев Г.И., Уткин Г.С., 1977. Новое палеолитическое местонахождение в Среднем Приангарье.— АО 1976 г. М.
Лисицын Н.Ф., 1980. Каменный век Минусинской котловины.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Лисицын Н.Ф., 1980. Палеолитические стоянки в районе Батеневского кряжа на Енисее.— СА, № 3.
Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А., 1962. Древности Кайрак-Кумов.— Тр. Ин-та истории АН Тадж.ССР, т. 33. Душанбе.
Лиханов С.И., Константинов М.В., Константинов А.В., 1976. Раскопки поселения Толбага в 1975 г.— Научно-теоретическая конференция Иркутского гос. ун-та. Секция археологии. Тезисы докладов. Иркутск.
Логачев Н. А., Ломоносова Т. К., Климанова В. М., 1964. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. М.
Лузгин Б.К., Ранов В.А., 1966. О первых находках палеолита в Центральном Копетдаге.— БКИЧП, № 32.
Лынша В.А., 1974. Материальная культура памятника Макарово III.— ДИН, в. 1.
Любин В.П., 1954. Палеолитические находки в Юго-Осетии.— КСИИМК, в. 54.
Любин В.П., 1958. Исследования палеолита в Юго-Осетии.— КСИИМК, в. 71.
Любин В.П., 1959а. Кударо 1. Советский Союз, № 8.
Любин В.П., 1959б. Высокогорная пещерная стоянка Кударо 1.— ИВГО, т. 91.
Любин В.П., 1960а. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии.— ПиН, т. 4 (МИА, № 79).
Любин В.П., 1960б. К вопросу об изучении древнего палеолита Азербайджана.— ВА, в. 3.
Любин В.П., 1961а. Верхнеашельская мастерская Джрабсер.— КСИА, в. 82.
Любин В.П., 1965. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий.— ПиН, т. 5 (МИА, № 131).
Любин В. П., 1968. Нижний палеолит СССР. Основные проблемы.— В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1967 г. М.
Любин В.П., 1969а. Палеолит Северной Осетии. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. 2. Орджоникидзе.
Любин В. П., 1969б. Ранний палеолит Кавказа.— ПРПО. М.
Любин В.П., 1970. Нижний палеолит.— КВ.
Любин В.П., 1972а. Мустье Кавказа.— В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М.
Любин В.П., 1972б. О проявлениях локальных различий в нижнем палеолите (по материалам Кавказа).— УСА, в. 2.
Любин В.П., 1972в. Первобытный человек в горах Большого Кавказа.— КСИА, в. 131.
Любин В.П., 1974. Природная среда и человек в плейстоцене Кавказа.— ПЧПС.
Любин В.П., 1977а. Мустьерские культуры Кавказа. Л.
Любин В.П., 1977б. Открытие мустьерской культуры в Кабардино-Балкарии.— АО 1976 г. М.
Любин В.П., 1977в. Ашельская эпоха на Кавказе.— Всесоюзная конференция «Новейшие достижения советских археологов». Тезисы пленарных докладов. М.
Любин В.П., 1978. Раскопки Кударских пещер в Юго-Осетии.— АО 1977 г. М.
Любин В.П., 1980. Геолого-стратиграфические условия залегания палеолита в восточной галерее пещеры Кударо 1. Кударские пещеры.
Любин В.П., 1980. Географическое положение пещерных стоянок Юго-Осетии. Кударские пещеры.
Любин В.П., 1980в. Некоторые итоги изучения литолого-стратиграфических и биостратиграфических показателей. Кударские пещеры.
Любин В. П., Аутлев П. У., Александрова М. В., Амирханов Х.А., Борзияк И.А., 1976. Исследования палеолита Прикубанья.— АО 1975 г. М.
Любин В.П., Аутлев П.У., Амирханов Х.А., 1977. Раскопки палеолитических стоянок в каньоне р. Губс в Прикубанье.— АО 1976 г. М.
Любин В.П., Аутлев П.У., Амирханов Х.А., Харитонов В.М., Романова Г.П., 1983. Череп человека из финальнопалеолитической стоянки Сатанай на Северном Кавказе (в печати).
Любин В.П., Аутлев П.У., Гричук В.П., Губонина З.П., Моносзон М.М., 1973. Мустьерская стоянка в Губском навесе 1 (Прикубанье). КСИА, в. 137.
Любин В.П., Бурчак-Абрамович Н.И., Клапчук М.Н., 1971. Кепшинская пещера и вопросы палеогеографии плейстоцена сочинского Причерноморья.— КСИА, в. 126.
Любин В.П., Колбутов А.Д., 1961. Древнейшее поселение человека на территории СССР и палеогеография Кавказа.— БКИЧП, № 26.
Любин В.П., Левковская Г.М., 1972. Пещера Кударо III. ПиН, т. 7 (МИА, № 185).
Любин В. П., Ренгартен Н. В., Черняховский А. Г., Барышников Г.Ф., Левковская Г.М., 1978. Пещера Кударо I. Археология и палеогеография.
Любин В.П., Селиванова Н.Б., 1975. Исследование пещеры Кударо III в 1974 г. Новейшие открытия советских археологов (тезисы конференции), ч. 1. Киев.
Любин В.П., Селиванова Н.Б., Барышников Г.Ф., Левковская Г.М., 1978. Пещера Кударо III.— Археология и палеогеография.
Любин В.П., Соловьев Л.Н., 1971. Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа (Раскопки 1950, 1951, 1964 гг.).— ПиН, т. 6 (МИА, № 173).
Любин В. П., Щелинский В. Е., 1967. Исследование Навалишенской пещеры в 1965 г.— КСИА, в. 111.
Любин В.П., Щелинский В.Е., 1972. Новые данные о нижнем палеолите Сочинско-Абхазского Причерноморья.— БКИЧП, № 38.
Мадейска Т., 1977. Литостратиграфические свиты отложений в пещерных археологических стоянках Польской Юры.— ППВЦЕ.
Малолетко А. М., 1972. О геологическом возрасте Улалинской палеолитической стоянки.— В кн.: Археология и краеведение Алтая. Барнаул.
Мамацашвили Н.С., 1978. Палинологическое изучение пещерных отложений. ИПК.
Маннай-Оол М.Х., 1963. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г.— Уч. зап. ТНИИЯЛИ, в. X.
Мансуров М.М., 1965. Первое сообщение об археологических разведочных работах близ с. Шихлы.— Материальная культура Азербайджана, т. VI (на азербайджанском языке с русским резюме).
Мансуров М.М., 1972. Мустьеро-леваллуазское местонахождение у с. Кечаскар. Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР.— Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР. Баку.
Мансуров М.М., 1978. Нижний палеолит Западного Азербайджана.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку.

Марков К.К., 1965. Типы страторайонов, главнейшие черты их развития в четвертичном периоде (гипотеза).— В кн.: Четвертичный период и его история. М.
Марков К.К., Величко А.А., 1967. Четвертичный период, М., т. 3.
Марков К.К., Величко А.А., Лазуков Г.И., Николаев В.А., 1968. Плейстоцен. М.
Марков К.К., Лазуков Г.И., Николаев В.А., 1965. Четвертичный период. М., т. 1.
Маруашвили Л.И., 1946. Зуртакетская палеолитическая стоянка в южной Грузии и ее геологическое значение.— Природа, № 12.
Маруашвили Л.И., 1971а. Верхне-Имеретское плато.— В кн.: Геоморфология Грузии. Тбилиси.
Маруашвили Л.И., 1971б. Южно-Грузинское вулканическое нагорье.— В кн.: Геоморфология Грузии. Тбилиси.
Маруашвили Л.И., 1973. Климатическая обстановка четвертичных оледенений Грузии.— САНГ, т. 71, № 1.
Маруашвили Л.И., 1975а. Аридная фаза в плейстоценовом прошлом Колхиды и ее палеоклиматическое обоснование.— Тр. географического общества Грузинской ССР. Тбилиси, т. XIII.
Маруашвили Л.И., 1975б. Ритмические изменения климата Колхиды в позднем плейстоцене.— САНГ, т. 78, № 2.
Маруашвили Л.И., 1976. О продолжительности последней ледниковой эпохи.— САНГ, т. 81, № 3.
Маруашвили Л.И., 1978. Климатические изменения в позднем антропогене в свете новых данных по Грузии.— ИПК.
Маруашвили Л.И., Мамацашвили Н.С., Векуа А.К., Тушабрамишвили Д.М., 1978. История развития пещерной системы и ее окрестностей.— ИПК.
Матюхин А.Е., 1981. Технология изготовления и типология бифасов Сатани-Дара.— КСИА, в. 165.
Матюшин Г.Н., 1973. Многослойное поселение Мысовое па оз. Карабалыкты на Южном Урале.— КСИА, в. 136.
Матюшин Г.Н., 1976а. Ранний палеолит Урала и проблемы заселения Севера Азии.— В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток.
Матюшин Г.Н., 1976б. Мезолит Южного Урала. М.
Медведев Г.И., 1966. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964—1965 гг.— Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг. Иркутск.
Медведев Г.И., 1975. Местонахождения раннего палеолита в южном Приангарье.— ДИН, в. 3.
Медведев Г.И., 1979. О датировке новых палеолитических находок в Приангарье и их интерпретация.— АЭИ.
Медведев Г.И., Лежненко И.Л., Савельев Н.А., 1971. Работы Ангаро-Бельской экспедиции в 1969 г. Изв. Восточно-Сибирского отделения Географического об-ва, т. 68. Иркутск.
Медоев А.Г., 1962. Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз.— Вестник АН Каз.ССР, № 3.
Медоев А.Г., 1964. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований.— ИАН Каз.ССР, сер. обществ. наук, в. 6.
Медоев А.Г., 1965. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка. ИАН Каз.ССР, сер. обществ. наук, в. 4.
Медоев А.Г., 1968. Стоянка — мастерская у озера Кудайколь.— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
Медоев А.Г., 1970. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
Мережковский К.С., 1881. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму.— Изв. Русского географического общества, т. 16.
Месяц В.А., 1962а. Житомирская раннепалеолитическая стоянка.— КСИА АН УССР, в. 12.
Месяц В.А., 1962б. Находки древнепалеолитических орудий в р-не Житомира.— КСИА, в. 92.
Милановский Е.Е., 1966. Основные вопросы древнего оледенения Центрального Кавказа.— В кн.: Проблемы геологии и палеогеографии антропогена. М.
Милановский Е.Е., 1977а. Краткая история Кавказского перешейка.— ОХИРРК.
Милановский Е.Е., 1977б. Основные черты новейшей истории Черного и Каспийского морей.— ОХИРРК.
Милановский Е.Е., 1977в. Позднеорогенный вулканизм.— ОХИРРК.
Мирчинк Г.Ф., 1934. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок в СССР и их значение для восстановления четвертичной истории.— ТМАИЧПЕ.
Мирчинк Г.Ф., 1936. Корреляция континентальных четвертичных отложений Русской равнины и соответствующих отложений Кавказа и Понто-Каспия. Материалы по четвертичному периоду СССР. Л.; М.
Мортилье Г., 1903. Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека. СПб.
Москвитин А.И., 1948. Об ископаемых следах вечной мерзлоты.— БКИЧП, № 12.
Москвитин А.И., 1958. Четвертичные отложения и история формирования р. Волги.— Тр. ГИН. М., в. 12.
Москвитин А.И., 1967. Стратиграфия плейстоцена Европейской части СССР. М.
Мотуз В.М., 1967. Четвертичные моллюски нижнепалеолитического местонахождения Брянской области.— БКИЧП, № 33.
Мочанов Ю.А., 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск.
Муратов М.В., 1960. Четвертичная история Черноморского бассейна в сравнении с историей Средиземного моря.— БМОИП. отд. геол. М., т. XXXV (5).
Муратов В.М., 1969а. Геологическая история южных приморских районов. Причерноморские районы.— ПРПО.
Муратов В.М., 1969б. Северный Кавказ.— ПРПО.
Муратов В.М., 1969в. Палеогеографические условия палеолитических стоянок Северного Кавказа.— ПРПО.
Муратов В.М., 1973. О геологическом возрасте кавказского палеолита.— Тезисы докладов советских ученых к IX конгрессу (Новая Зеландия, 1973) АН СССР.
Муратов В.М., Аутлев П.У., 1971. Среднеходжохское палеолитическое местонахождение.— ПиН, т. 6 (МИА, № 173).
Муратов В.М., Фриденберг Э.О., 1974. Палеогеографические интерпретации рыхлых отложений пещер Западного Кавказа.— ПЧПС.
Муратов М.В., 1976. Геологическая история Черного моря. М.
Мусейбов М.А., Гусейнов М.М., 1961. Азыхская пещера.— Уз. Аз ГУ, № 1.
Нейштадт М.И., 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.
Нейштадт М.И., 1971. О нижней границе голоцена.— В кн.: Палинология голоцена. М.
Несмеянов С.А., 1980. Геологическое строение Самаркандской верхнепалеолитической стоянки.— ПСВА.
Никифорова К.В., Кинд Н.В., Константинова Н.А., 1977. Хроностратиграфическая шкала четвертичного периода и возможная корреляция позднекайнозойских отложений Восточной и Западной Европы.— В кн.: Поздний кайнозой Северной Евразии. М.
Никонов А.А., Ранов В.А., 1978. Стойбище первобытных людей в Гиссарской долине.— Природа, № 4.
Никонов А.А., Шумова Г.М., 1981. Об условиях залегания и геологическом возрасте палеолитических находок в Он-Арче (Киргизская ССР).— БКИЧП, № 51.
Ниорадзе Г.К., 1933. Человек палеолитической эпохи из пещеры Дэвис — Хврели. Тбилиси (на грузинском языке).
Ниорадзе Г.К., 1934. Палеолит Грузии.— ТМАИЧПК.
Ниорадзе Г.К., 1953. Человек каменного века в пещере Сакажия. Тбилиси (на грузинском языке).
Ниорадзе М.Г., 1968. Пещера Самерцхле-Клде и верхний палеолит Западной Грузии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
Ниорадзе М.Г., 1972. О некотором своеобразии верхнепалеолитической культуры Грузии.— В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
Ниорадзе М.Г., 1973. Пещера Сакажия. Грузинское общество охраны памятников культуры, № 33. Тбилиси.
Ниорадзе М.Г., 1974. Новые открытия в пещере Сакажия.— САНГ, т. 75, № 3.
Ниорадзе М.Г., 1975а. Новые данные о палеолите ущелья Цхалтцитела.— САНГ, т. 78, № 2.
Ниорадзе М.Г., 1975б. Пещера Самерцхле-Клде и верхний палеолит Западной Грузии. Тбилиси.
Ниорадзе М.Г., 1976. Археологические работы в пещере Сакажия.— САНГ, т. 84, № 1.
Ниорадзе М. Г., Векуа А. Г., Габуния Л. К., Мамацашвили Н. С., 1978. Пещера Сакажия.— Археология и палеогеография.

Оводов Н. Д., 1975. Фауна палеолитических стоянок Сибири и проблема хроиологических и палеолаидшафтных толкований.— СДКС.
Окладников А. П., 1940а. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии.— СА, VI.
Окладников А. П., 1940б. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш.— ТУЗФАН ССР, I, в. 1.
Окладников А. П., 1940в. Буреть, новая палеолитическая стоянка на Ангаре.— СА, V.
Окладников А. П., 1941. Палеолитические жилища в Бурети.— КСИИМК, в. 10.
Окладников А. П., 1949а. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш.— ТТ.
Окладников А. П., 1949б. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. История Якутии. Якутск, т. I.
Окладников А. П., 1951. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова.— Тр. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. II. Ашхабад.
Окладников А. П., 1953. Следы палеолита в долине р. Лены.— ПиН, т. 2 (МИА, № 39).
Окладников А. П., 1956. Древнейшее прошлое Туркменистана (древние охотники и собиратели в степях и пустынях Туркменистана).— Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР. Ашхабад.
Окладников А. П., 1958. Исследования памятников каменного века Таджикистана.— МИА, № 66.
Окладников А. П., 1959. Палеолит Забайкалья. Археологический сборник 1 Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Улан-Удэ.
Окладников А. П., 1964. Палеолитические находки в районе Старокузнецка.— В кн.: Из истории Кузбасса. Кемерово.
Окладников А. П., 1966а. Палеолит и мезолит Средней Азии.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.
Окладников А. П., 1966б. Древнее поселение на р. Зеркальной и проблема дальневосточного мезолита.— В кн.: Четвертичный период Сибири. М.
Окладников А. П., 1967. Утро искусства. Л.
Окладников А. П., 1968а. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита.— В кн.: История Сибири, т. I. Л.
Окладников А. П., 1968б. Древние связи культур Сибири и Средней Азии.— В кн.: Бахрушинские чтения 1966 г., в. 1. Новосибирск.
Окладников А. П., 1971. Многослойное поселение Санный Мыс на реке Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР (Раскопки 1968 г.).— Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск, в. 2.
Окладников А. П., 1972. Улалинка — древнепалеолитический памятник Сибири.— ПиН, 1972, т. 7 (МИА, № 185).
Окладников А. П., 1974. Варварина гора — новый памятник леваллуазского этапа палеолита за Байкалом.— АО, 1973 г.
Окладников А. П., 1979. К вопросу о первоначальном заселении человеком советского Дальнего Востока и находка ашельского рубила в районе с. Богородского Ульчского района Хабаровского края.— ДКСТБ.
Окладников А. П., Верещагин Н. К., Оводов Н. Д., 1968. Открытие пещерного палеолита в Приморье.— ВАН, № 10.
Окладников А. П., Григоренко Б. Г., Алексеева Э. В., Волков И. А., 1971. Стоянка верхнепалеолитического человека Волчья Грива (раскопки 1968 г.).— Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск, в. 2.
Окладников А. П., Деревянко А. П., 1973а. Палеолит Амура.— В кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения). Новосибирск.
Окладников А. П., Деревянко А. П., 1973б. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток.
Окладников А. П., Кириллов И. И., 1980. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск.
Окладников А. П., Муратов В. М., Оводов Н. Д., Фриденберг Э. О., 1973. Пещера Страшная — новый памятник палеолита Алтая.— МАСДВ, 1973, ч. II.
Окладников А. П., Оводов Н. Д., 1978. Палеолитическая стоянка в Денисовой пещере на Алтае.— АО 1977 г. М.
Окладников А. П., Рагозин Л. А., 1978. О возрасте Улалинки — древнейшего палеолитического поселения Сибири.— Изв. СО АН СССР, № 6. сер. обществ. наук, в. 2.
Окладников А. П., Флоренсов Н. А., 1961. Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья (находки на горе Тологой и у д. Ошурково).— Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. М., т. I.
Островский А. Б., 1967. Регрессивные уровни Черного моря и их связь с переуглублением долин Кавказского побережья.— Изв. АН СССР, сер. геолог., в. 1.
Островский А. Б., Измайлов Я. А., Щеглов А. П., Арсланов Х. А., Тертичный Н. И., Гей Н. А., Пиотровская Т. Ю., Муратов В. М., Щелинский В. Е., Балабанов И. П., Скиба И. П., 1977. Новые данные о стратиграфии и геохронологии плейстоценовых морских террас Черноморского побережья Кавказа и Керченско-Таманской области.— В кн.: Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М.
Островский М. И., Григорьев Г. П., 1966. Липская палеолитическая культура.— СА, № 4.
Очерки истории СССР., 1956. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М.
Павлов А. П., 1922. Ледниковые и межледниковые эпохи Европы в связи с историей ископаемого человека.— БМОИП, т. 31.
Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Некоторые итоги полевых работ в 1879—1979 гг., 1982. Л.
Паничкина М. З., 1940. Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г.— СА, V.
Паничкина М. З., 1948. К вопросу о верхнем палеолите Армении.— Изв. АН Арм.ССР. Общественные науки. Ереван, 7.
Паничкина М. З., 1950. Палеолит Армении. Л.
Паничкина М. З., 1953. Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-Дар.— ПиН, т. 2 (МИА, № 39).
Паничкина М. З., 1961а. Новые палеолитические местонахождения левобережных притоков р. Кубани.— В кн.: Материалы по археологии Адыгеи, т. 2.
Паничкина М. З., 1961б. Новые палеолитические находки на р. Псекупс (Кубань).— КСИА, в. 82.
Паничкина М. З., Векилова Е. А., 1962. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г.— КСИА, в. 92.
Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене, 1974. М.
Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П., 1974. История первобытного общества. 2-е изд. М.
Петрин В. Т., 1972. Стоянка Черноозерье II.— АО 1971 г. М.
Петрин В. Т., 1974. Раскопки позднепалеолитической стоянки Черноозерье II на Среднем Иртыше.— В кн.: Из истории Сибири, в. 15. Материалы по археологии Западной Сибири. Томск.
Петрин В. Т., Смирнов Н. Г., 1975. Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола.— Вопросы археологии Урала, в. 13.
Петрин В. Т., Смирнов Н. Г., 1976. Исследования палеолитического памятника в Приобье.— АО 1975 г. М.
Петрин В. Т., Цейтлин С. М., 1976. Геология и палеогеография палеолитического памятника Шикаевка.— БКИЧП, № 45.
Пидопличко И. Г., 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев.
Пидопличко И. Г., 1976. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев.
Поликарпович К. М., 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск.
Попов Г. И., 1970. Четвертичная система.— В кн.: Геология СССР, т. 46.
Попов Г. И., 1977. Корреляция морских и континентальных четвертичных отложений Понто-Каспийской области. ГЧП.
Поспелова Г. А., Гнибиденко З. Н., Окладников А. П., 1980. О возрасте поселения Улалинка по палеомагнитным данным.— В кн.: Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск.
Праслов Н. Д., 1962. Нижнепалеолитические находки в Северном Приазовье.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.
Праслов Н. Д., 1964. Работы по исследованию палеолитических памятников в Приазовье и на Кубани в 1963 г.— КСИА, в. 101.

Праслов Н.Д., 1965. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Праслов Н.Д., 1968. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л.
Праслов Н. Д., 1969. Домустьерские и мустьерские памятники юга Русской равнины.— ПРПО. М.
Праслов Н. Д., 1972а. Мустьерское поселение Носово I в Приазовье.— ПиН, т. 7 (МИА, № 185).
Праслов Н. Д., 1972б. Некоторые специфические формы орудий Мураловской палеолитической стоянки.— КСИА, в. 131.
Праслов Н. Д., Левковская Г. М., Кулькова Т. Ф., 1977. Условия залегания культурного слоя Гмелинской позднепалеолитической стоянки в Костенках.— ПДЧ.
Праслов Н. Д., Муратов В. М., 1970. О стратиграфии Ильской стоянки.— АО 1969 г. М.
Праслов Н. Д., Семенов С. А., 1969. О функциях мустьерских кремневых орудий из стоянок Приазовья.— КСИА, в. 117.
Праслов Н.Д., Филиппов А.К., 1967. Первая находка палеолитического искусства в южнорусских степях.— КСИА, в. 111.
Проблемы абсолютного датирования в археологии, 1972. М.
Проблемы геологии и истории четвертичного периода (антропогена), 1982. М.
Путеводитель экскурсий Международного симпозиума по проблеме «Граница неогена и четвертичной системы», 1977. М., Душанбе.
Равский Э.И., 1972. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. М.
Равский Э.И., Цейтлин С.М., 1965. Геология Енисейского палеолита.— СППВЦЕ.
Разрезы отложений ледниковых районов центра Русской равнины, 1977. М.
Ранов В.А., 1965. Каменный век Таджикистана. Душанбе.
Ранов В.А., 1969. Самаркандская стоянка и ее место в каменном веке Средней Азии.— Изв. отд. обществ. наук АН Тадж.ССР (58).
Ранов В.А., 1971. Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии.— Материальная культура Таджикистана. Душанбе, в. 2.
Ранов В.А., 1972а. К проблеме выделения локальных палеолитических культур в Средней Азии.— Тезисы докладов совещания. Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
Ранов В.А., 1972б. Средняя Азия и Индия в эпоху палеолита (опыт сравнения археологической периодизации).— Страны и народы Востока, в. XII. Индия — страна и народ, кн. 2. М.
Ранов В.А., 1973. Шугноу — многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу (раскопки 1969—1970 гг.). АР Тадж., в. X.
Ранов В.А., 1975. Работы отряда по изучению каменного века в 1971 г. (раскопки на площадке перед пещерой Огзи-Кичик).— АР Тадж., в. XI.
Ранов В. А., 1977а. Древнепалеолитические стоянки в лессах Южного Таджикистана.— Тезисы докладов Международного симпозиума по проблеме «Граница неогена и четвертичной системы». М.
Ранов В.А., 1977б. Основные черты периодизации палеолита Средней Азии.— ПДЧ.
Ранов В.А., 1978. Палеолит Переднеазиатских нагорий.— В кн.: Палеолит Ближнего и Среднего Востока (серия «Палеолит мира»). Л.
Ранов В.А., 1980. Раскопки в Огзи-Кичике в 1975 г.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане, в. XV (1975 г.). Душанбе.
Ранов В.А., Несмеянов С.А., 1973. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе.
Ранов В.А., Никонов А.А., Пахомов М.М., 1976. Люди каменного века на подступах к Памиру.—
Ренгартен Н.В., Черняховский А.Г., 1980. Состав и условия образования осадочных отложений, выполняющих пещеру Кударо. Кударские пещеры.
Римантене Р.К., 1971. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс.
Рогачев О.М., 1949. Палеолітичні стоянки в Кайстровій балці.— В кн.: Палеоліт і неоліт України, Київ, т. I.
Рогачев А.Н., 1955. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону.
Рогачев А.Н., 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине.— ПиН, т. 3 (МИА, № 59).
Рогачев А.Н., 1959, XXII. Раскопки палеолитических стоянок и погребений.— Известия на археологическия Институт Българска Академия Науките. София, XXII.
Рогачев А.Н., 1969. Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества.— ПРПО.
Рогачев А.Н., 1970. Палеолитические жилища и поселения.— КВ.
Рогачев А.Н., 1972. П. П. Ефименко и вопросы социологии первобытного общества.— КСИА, в. 131.
Рогачев А.Н., 1973а. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине.— АРПП.
Рогачев А.Н., 1973б. Каменные орудия как исторический источник.— КСИА, в. 137.
Руденко С.И., 1960. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка.— ПиН, т. 4 (МИА, № 79).
Руководство по изучению новейших отложений, 1976. М.
Савенков И.Т., 1896. Каменный век в Минусинском крае.— Материалы по археологии восточных губерний.— Изв. Московск. археол. об-ва. М., т. II.
Савич В.П., 1969. Костяные изделия стоянки Липа VI.— БКИЧП, № 36.
Савич В.П., 1975а. Пізньопалеолітичне населення південно-західної Волині. Київ.
Савич В.П., 1975б. Позднепалеолитические поселения на горе Куличивка в г. Кременец (Тернопольская область УССР).— БКИЧП, № 44.
Сардарян С.А., 1954. Палеолит в Армении. Ереван.
Селиванова Н.В., 1980. Материалы исследования грубообломочной части рыхлых отложений привходовой зоны пещеры Кударо III. Кударские пещеры.
Семенов С.А., 1957. Первобытная техника. М., Л.
Семенов С. А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.
Семенов Ю.И., 1966. Как возникло человечество. М., 1966.
Семенов Ю.И., 1974. Происхождение брака и семьи. М.
Сергин В.Я., 1974а. Палеолитические жилища Европейской части СССР.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Сергин В.Я., 1974б. О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях.— СА, № 1.
Сергин В.Я., 1975. К вопросу о ранних палеолитических жилищах.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.
Сергин В.Я., 1981. Раскопки жилища на Гонцовском палеолитическом поселении.— КСИА, в. 165.
Синицын А.А., 1981. О кремневом инвентаре стоянки Костенки XVI (Углянка).— КСИА, в. 165.
Смирнов Н.А., 1923—1924. О некоторых млекопитающих Западного Закавказья в каменном веке.— Изв. Азерб. гос. ун-та, 3. Баку.
Смирнов С.В., 1973. Палеоліт Дніпровського Надпоріжжя. Київ.
Смирнов С.В., 1977. Позднепалеолитические памятники Надпорожья и их место среди памятников степной полосы Европейской части СССР.— ППВЦЕ.
Соловьев Л.Н., 1956. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа.— В кн.: Вопросы карста на юге Европейской части СССР. Киев.
Соловьев Л.Н., 1959. Следы нижнего палеолита на карангатской террасе между пос. Адлер и с. Гантиади.— ТАИЯЛИ, XXX.
Соловьев Л.Н., 1960. Надписи и изображения грота Агца у села Анухва-Абхазская.— ПиН, т. 4 (МИА, № 79).
Соловьев Л.Н., 1961. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г.— ТАИЯЛИ, XXXII.
Соловьев Л.Н., Орелкин В.С., 1961. Находки костей человека в гроте Хупынипшахва в Абхазии.— ВА, № 6.
Сосновский Г.П., 1932. О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгинской Даурии.— Сообщения ГАИМК, № 11—12.
Сосновский Г.П., 1933. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье.— ТКИЧП, № 3.
Сосновский Г.П., 1934. Палеолитические стоянки Северной Азии.— ТМАИЧПЕ.

Сосновский Г. П., 1935. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины.— В кн.: Палеолит СССР. М.; Л.

Сосновский Г. П., 1940. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири.— КСИИМК, в. 7.

Сосновский Г. П., 1941. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катуни.— ПиН, т. 1 (МИА, № 2).

Спицын А. А., 1915. Русский палеолит.— Зап. отд. русской и славянской археологии Русского археологического об-ва. СПб., т. XI.

Станко В. Н., 1975. Некоторые итоги изучения палеолита и мезолита степей Северо-Западного Причерноморья.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев.

Столяр А. Д., 1972. О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания. (К постановке проблемы).— В кн.: Ранние формы искусства. М.

Столяр А. Д., 1978. Об археологическом аспекте проблемы генезиса анималистического искусства в палеолите Евразии.— СЭ, № 3.

Сукачев В. Н., Громов В. И., Бадер О. Н., 1966. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. М.

Сулейманов Р. Х., 1972. Статистическое изучение культуры грота Оби — Рахмат.— Ташкент.

Талицкий М. В., 1940. Островская палеолитическая стоянка.— КСИИМК, в. 4.

Тарасов Л. М., 1972. Скульптура Гагаринской палеолитической стоянки.— ПиН, т. 7 (МИА, № 185).

Тарасов Л. М., 1977. Мустьерская стоянка Бетово и ее природное окружение.— ПДЧ.

Тарасов Л. М., 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.

Тарасов Л. М., 1981. Позднепалеолитическая стоянка Косица.— КСИА, в. 165.

Ташкенбаев Н. Х., 1975. Об исследовании палеолитической стоянки Кутурбулак.— ИМКЗ, в. 12.

Ташкенбаев Н. Х., 1977. Палеолит долины Зеравшана.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Тешик-Таш, 1949. М.

Тинтиловов З. К., 1976. Карстовые пещеры Грузии. Тбилиси.

Тушабрамишвили Д. М., 1960. Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-Клде. Тбилиси (на грузинском языке, с русским резюме).

Тушабрамишвили Д. М., 1963а. Пещеры Джручульского ущелья.— В кн.: Пещеры Грузии. Тбилиси (на грузинском языке с русским резюме), т. 1.

Тушабрамишвили Д. М., 1963б. Итоги раскопок Джручульской пещеры за 1960—1961 гг.— В кн.: Пещеры Грузии. Тбилиси, т. 2.

Тушабрамишвили Д. М., 1969. Итоги работ, проведеных археологической экспедицией Гос. музея Грузии им. С. Н. Джанашия в Квирильском ущелье в 1966 г.— В кн.: Археологические экспедиции Гос. музея Грузии (отчеты 1965—1966 гг.). Тбилиси (на грузинском языке).

Тушабрамишвили Д. М., 1971. Итоги работ археологической экспедиции Квирильского ущелья в 1968—1969 гг.— Археологические экспедиции Гос. музея Грузии. Тбилиси, в. II.

Тушабрамишвили Д. М., 1975. Основные итоги работ Квирильской археологической экспедиции в 1972—1973 гг.— Археологические экспедиции Гос. музея Грузии. Тбилиси (на грузинском языке), в. IV.

Тушабрамишвили Д. М., 1978а. Археологические памятники Цуцхватского многоэтажного пещерного комплекса.— ИПК.

Тушабрамишвили Д. М., 1978б. Археология Бронзовой пещеры и Двойного грота.— Археология и палеогеография.

Тушабрамишвили Д. М., 1981. Палеолит Грузии. Пещеры Грузии. Тбилиси, в. 9.

Тушабрамишвили Д. М., Небиеридзе Л. Д., 1974. Итоги Квирильской и Цецхватской археологической экспедиции в 1970—1971 гг. Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси, III (на груз. яз. с рус. резюме).

Файнберг Л. А., 1975. Возникновение и развитие родового строя.— ПО.

Федоров П. В., 1978. Плейстоцен Понто-Каспия.— Труды ГИН, в. 310. М.

Федорова Р. В., 1963. Природные условия в период обитания верхнепалеолитического человека в районе села Костенки Воронежской области.— В кн.: *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. Л.

Филин Ф. П., 1962. Образование языка восточных славян. М.; Л.

Финк Ю., 1969. Заметки о научных результатах полевых экскурсий, проведенных по проблеме «лесс — перигляциал — палеолит».— ЛПП.

Формозов А. А., 1952. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья.— КСИИМК. в. 46.

Формозов А. А., 1958а. О «капсийском характере» палеолита Кавказа.— КСИА, в. 30.

Формозов А. А., 1958б. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. М.

Формозов А. А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.

Формозов А. А., 1960. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 г.— КСИИМК, в. 78.

Формозов А. А., 1962а. Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья.— СА, № 4.

Формозов А. А., 1962б. Отчет об археологических исследованиях в Краснодарском крае в 1962 г.— Архив ИА АН СССР, № 2532.

Формозов А. А., 1963. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе.— СА, № 4.

Формозов А. А., 1964а. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья. КСИА, в. 98.

Формозов А. А., 1964б. Распространение мустьерских стоянок двух типов в Европейской части СССР. М.

Формозов А. А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.

Формозов А. А., 1969. Очерки по первобытному искусству. М.

Формозов А. А., 1971. Каменномостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье.— ПиН, т. VI (МИА, № 173).

Формозов А. А., 1973. Время возникновения локальных вариантов и археологических культур в каменном веке.— АРПП.

Формозов А. А., 1976а. К характеристике палеолитического поселения Мальта.— СА, № 2.

Формозов А. А., 1976б. Неопубликованные произведения искусства палеолитической стоянки Мальта.— СА, № 4.

Формозов А. А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.

Фриденберг Э. О., 1970. Методика палеогеографического анализа пещер и пещерных отложений (на примере пещер Западного Кавказа).— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Хлобыстин Л. П., 1973. Древнейшие памятники Западного Таймыра.— КСИА, в. 137.

Холюшкин Ю. П., 1981. Проблемы корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии. Новосибирск.

Хотинский Н. А., 1976. Голоцен как межледниковье.— В кн.: Природно-климатические изменения в плейстоцене и голоцене. Советско-американское совещание по климатологии. М.

Хотинский Н. А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.

Хрисанфова Е. Н., 1965. Бедренная кость палеоантропа из Романкова. ВА, в. 20.

Хубутия Г., 1973. Отчет о раскопках в пещере Окуми I. Полевые археологические исследования в 1972 г. Институт истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР. Тбилиси.

Цвейбель Д. С., 1970. Мустьерское местонахождение у с. Александровка.— В кн.: Научная конференция Донецкого гос. ун-та. Материалы секции исторических и филологических наук. Донецк.

Цвейбель Д. С., 1971. Раскопки стоянки с «зубчатым мустье». у с. Белокузьминовка в Донбассе.— АО 1970 г. М.

Цвейбель Д. С., 1972. Ашельское рубило, найденное в Макеевке (Донбасс).— Тези сипленарних і секційнних доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970—71 років на території України).— XV наукова конференція Інституту археології АН УРСР. Одесса.

Цвейбель Д. С., 1979. Бифас из Макеевки.— Археологія, № 32. Київ.

Цейтлин С. М., 1969. Некоторые проблемы геологической периодизации и палеогеографии палеолита Сибири.— В кн.: Основные проблемы геологии антропогена Евразии. М.

Цейтлин С. М., 1975а. К вопросу о возрасте палеолитических местонахождений на высоких террасах правобережья р. Ангары.— ДИН, в. 3.

Цейтлин С. М., 1975б. Геология палеолита Верхнего Приангарья.— ДИН, в. 3.

Цейтлин С. М., 1979. Геология палеолита Северной Азии. М.
Цейтлин С. М., Голубева Л. В., 1977. Стоянка Ошурково (Западное Забайкалье).— ПДЧ.
Цепкин Е. А., 1980. Остатки рыб из пещеры Кударо I. Кударские пещеры.
Церетели Л. Д., 1973. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси.
Церетели Л. Д., Клопотовская Н. Б., Куренкова Е. И., 1982. Многослойный памятник Апианча (Абхазия). Четвертичная система Грузии. Тбилиси.
Церетели Л. Д., Клопотовская Н. Б., Майсурадзе Г. М., 1978. Пещерная стоянка Апианча (Кеп-Богаз).— Археология и палеогеография.
Церетели Л. Д., Мгеладзе М. Р., 1979. Раскопки пещерной стоянки Апианча — АО 1978 г. М.
Церетели Л. Д., Тушабрамишвили Д. М., 1975. Верхнепалеолитические остатки из Сарекского навеса.— Друзья памятников культуры, в. 37. Грузинское общество охраны памятников культуры. Тбилиси.
Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А., 1971. Народы, расы, культуры. М.
Чердынцев В. В., 1969. Уран-243. М.
Чердынцев В. В., Алексеев В. А., Кинд Н. В., Форова В. С., Завельский Ф. С., Сулержицкий Л. Д., Чурикова И. В., 1965. Радиоуглеродные даты лаборатории Геологического института АН СССР.— Геохимия, № 12.
Чердынцев В. В., Казачевский И. В., Кузьмина Е. А., 1965. Возраст плейстоценовых карбоновых формаций по изотопам урана и тория.— Геохимия, № 9.
Черников С. С., 1951. Находка палеолитических стоянок в Восточном Казахстане.— ВАН Каз.ССР, № 12.
Черников С. С., 1956. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции.— КСИИМК, в. 64.
Черныш А. П., 1947. Палеолитическая стоянка у села Владимировка.— КСИИМК, в. 21.
Черныш А. П., 1950. Новые исследования Владимировской палеолитической стоянки.— КСИИМК, в. 31.
Черныш А. П., 1959. Поздний палеолит Среднего Приднестровья.— В кн.: Палеолит Среднего Приднестровья. М.
Черныш А. П., 1965. Ранний и средний палеолит Приднестровья. М.
Черныш А. П., 1973. Палеолит и мезолит Приднестровья. М.
Черныш А. П., 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите.— В кн.: Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М.
Шамсутдинов В. Х., 1966. Новая верхнепалеолитическая стоянка в Забайкалье.— БКИЧП, № 32.
Шанцер Е. В., 1940. Условия залегания и геологическая датировка абхазского палеолита.— БКИЧП, № 6—7.
Шанцер Е. В., 1966. Очерки учения о генетических типах континентальных осадочных образований. М.
Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В., 1967. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки. История и культура народов Севера Дальнего Востока.— Тр. Северо-Восточного комплексного НИИ. в. 17.
Шовкопляс И. Г., 1955. Добраничевская палеолитическая стоянка.— КСИИМК, в. 59.
Шовкопляс І. Г., 1964. Палеолітична стоянка Радомишль.— Археологія, т. XVI.
Шовкопляс И. Г., 1965а. Мезинская стоянка. Киев.
Шовкопляс И. Г., 1966б. Радомышльская стоянка — памятник начальной поры позднего палеолита.— СППВЦЕ.
Шовкопляс И. Г., 1972. Добраничевская стоянка на Киевщине (некоторые итоги исследования).— ПиН, т. 7 (МИА, № 185).
Шуньков М. В., 1979. Исследование палеолитических местонахождений в Горном Алтае.— АО 1978 г. М.
Щелинский В. Е., 1971. Широкий мыс — позднепалеолитическое местонахождение на Черноморском побережье Кавказа.— КСИА, в. 126.
Щелинский В. Е., 1977. О работе Западно-Кавказского палеолитического отряда.— АО 1976 г. М.
Щелинский В. Е., Островский А. Б., 1970. Об опыте геологической стратификации новых археологических памятников Черноморского побережья северо-западного Кавказа.— В кн.: Периодизация и хронология плейстоцена. Материалы к симпозиуму. Тезисы. Л.
Щелинский В. Е., Островский А. Б., Янушкевич Ю. Д., 1970. Новые палеолитические памятники на Черноморском побережье Кавказа между Туапсе и Сочи.— АО 1969 г. М.
Щукин И. С., 1964. Общая геоморфология. М., т. II.
Эрнст Н. Л., 1934. Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму.— ТМАИЧПЕ.
Юрьев А. А., 1964. О возрасте террас р. Зеравшан в связи с геологогеоморфологическим изучением окрестностей пещеры Аманкутан.— Изв. Узбекистанского геогр. о-ва, 8.
Якимов В. П., 1961. Население Европейской части СССР в позднем палеолите и мезолите.— ВА, в. 7.
Якимов В. П., Харитонов В. М., 1979. К проблеме крымских неандертальцев.— ИППВК.
Якимович В. Л., 1961. Выступление на Совещании по стратиграфии и принципам периодизации палеолита Восточной Европы (Москва, 1959).— В кн.: Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита.— ТКИЧП, т. XVIII.

Abramova Z. A., 1976. The stylistic features of women's figures during the European and Siberian palaeolithic. Vol. IX; IX Международный конгресс доисторических и протоисторических наук. Доклады и сообщения археологов СССР. М.
Binford S. R., 1972. The significance of variability: a minority report. Origine de l'homme moderne.— In: Proc. Paris Symp. / Ed. by F. Bordes. Paris.
Bordes F., 1952. Sur l'usage probable de la peintrue corporelle dans certaines tribus moustériennes.— BSPF, t. 49.
Bordes F., 1955. L'industrie mousterienne de Teshik-Tash. Affinités et âge probable.— Anthropologie, t. 59, N 3/4.
Bordes F., 1961. Typologie du paléolithique ancien et moyen. Bordeaux.
Bordes F., 1962—1963. Le moustérien à denticules.— Archeol. vestn. Ljubljana, XIII, XIV.
Bordes F., 1968. Le Paleolithique dans le Monde. Paris.
Bordes F., Bourgon M., 1951. Le complex moustérien: Moustérien. Leval loijien et Tayacien.— Anthropologie, t. 55, N 1/2.
Bosinski G., 1967. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa.— In: Fundamenta R. A. Köln; Gros; Böhlan, Bd. 4.
Bourdier F., 1967. Préhistoire de France. Paris.
Breuil H., 1932. Les industries à éclats du paléolithique ancien.— In: Le clactonien. préhistoire. Paris, t. 1, fasc. II.
Butzer K. W., 1975. Patterns of environmental change in the Near East during late Pleistocene and the Levant. Dallas.
Chmielewski W., 1961. La civilisation de Jerzmanovice. Warszawa; Wroclaw.
Chmielewski W., 1975. Paleolit srodkowy i górny.— In: Prehistoria ziem Pölskich. Ossolineum, t. 1.
Garrod D. A. E., 1930. Paleolithic of Southern Kurdistan: Excavations in the Caves of Zarzi and Hazar Merd.— Bull. Amer. School Prehist. Res., N 6.
Hole F., Flannery K. V., 1968. The prehistory of Southwestern Iran.— Proc. Prehist. Soc., 1967. N. S., vol. 33.
Howell F. C., 1966. Observations on the Earlier phases of the European Lower Paleolithic.— Amer. Anthropol., vol. 68, N 2, pt 2.
Ivanova I. K., 1969. Etude geologique des gisements paléolithiques de l'URSS.— Anthropologie, t. 73, N 1/2.
Ivanova I. K., 1972. Stratigraphie des depôts quaternaires et géologie du Paléolithique au Sud de la partie Européenne de l'URSS.— In: Etudes sur le Quaternaire dans le Monde. Paris.
Ivanova I. K., Chernysh A. P., 1965. The paleolithic site of Moldova V on the middle Dnestr.— Quaternaria, Roma, vol. VII.
Klein R. G., 1960. Mousterian cultures in European Russia.— Science, vol. 165.
Kökten I. K., 1943. Kars in tarih oncesi hakkinda ilk kisa raport.— Türk. tarih kurumu.— Bull. Ankara, c. VII.
Kretzoi M., Vertes L., 1964. Die Ausgrabungen der Mindelzeitlichen (Biharien) Urmenschensiedlung in Vertesszöllös.— Acta geol. Acad. sci. Hung., N 1/4.
Kretzoi M., Vertes L., 1965. Upper Biharian (Intermindel) Pebble industry Occupation site in Western Hungary.— Curr. Anthropol., vol. 6, N 1.
Leroi-Gourhan Arl., Allain J., 1979. Lascaux inconnu. Paris.
Lubin V. P., 1971. Les cavernes palèolitiques de Kudlaro (Le Caucase).— In: VIII Congr. intern. sci. préhistoriques et protohistoriques. Belgrade, 1971. Les rapports et les communications de la delegation des archéologues de l'URSS. Moscou.
Lumley H. de, Bottet B., 1960. Sur l'evolutions des climats et des industries au Riss et au Wurm d'aprés le remplissage de la Baum Bonn (Quinson, Basses, Aples). Bonn: Festschr. fur Lothar Zootz.

Lumley H. de, 1969. Les civilisations préhistoriques en France. Paris.
Mania D., Teopfer V., 1973. Königsaue, Gliederung, Ökologie und mittelpaläolithische Funde der letzten Eiszeit.— Veröff. Landesmus. Vorges. Halle, Berlin, Bd. 26.
Merejkovsky C., 1884. Station moustérienne en Crimée.— Homme, N 10.
Morgan J. de. 1909. Les stations préhistoriques de l'Alagheuz.— Rev. Ecole Anthropol. Paris, t. XIX.
Movius H. L., 1963. The Mousterian cave of Teshic-Tash, Southeastern Uzbekistan, Central Asia.— Bull. Amer. School Prehist. Res., N 17.
Müller-Beck H. (ed.), 1976. Early men news. 1. Newsletter of the Commission for the Paleoecology of Early man of INQUA. Tübingen.
Muratov V. M., Ostrowsky A. V., Fridenberg E. O., 1974. Quaternary stratigraphy and paleogeography of the Black Sea coast of Western Caucasus.— Boreas, Oslo, vol. 3.
Praslov N. D., 1977. Premousterian sites of Eastern Europe.— In: Abstrs. X INQUA Congress. Birmingham.
Ranov V. A., 1976. The Paleolithic industries of the Central Asia: a revision.— In: Coll. VII du IXe Congr. Intern. Sci. préhistoriques et protohistoriques. Nice.
Rust A., 1950. Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). Neumunster.
Sawicki L., 1928. Materialy do znajomosci prehistorji Rosji.— Prz. archeol., Poznań, t. III, cz. 2, 3.
Schild R., 1965. Pózny paleolit Krymu a cykl mazowszanski.— Archeol. pol., t. X, z. 2.
Soleski R. S., 1957. The 1956—1957 seasons in Shanidar, Iraq.— Quaternaria, vol. 4.
Suzuki H., Takai F., 1974. The paleolithic site at Douara cave in Syria.— Bull. Univ. Mus. Tokyo, N 6.
Toepfer V., 1964. Das Altpalaolithikum in pleistozänen Schotterablagerungen der Unteren Saale und Mittleren Elbe.— In: Rep. VIth intern. congr. on quaternary. Warszawa.
Valoch K., 1969. Das Paläolithikum in der Tschechoslowakei.— In: Quaternary in Czechoslovakia. Praha.
Vandermeersch B., 1969. Découverte d'un objet en ocre avec traces d-utilisation dans le Mousterien de Qafzeh.— BSPF, t. 66, N 5.
Vlček E., 1976. Remains of a neanderthal child from Kiik-Koba in the Crimea.— Acta FRN Univ. Comeniana. Anthropol., Bratislava, t. 22.
Zamiatnine S. N., 1934. Gagarino. Moscou; Leningrad.

Список сокращений

АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АО — Археологические открытия. М.
Археология и палеогеография — Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. Путеводитель совместного Советско-французского рабочего полевого семинара по теме «Динамика воздействия природной среды и доисторического общества». М.
АРПП — Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. Сборник памяти М. М. Герасимова. М.
АРТадж. — Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АСНС — Археология Старого и Нового Света. М.
АЭИ — Археология, этнография, источниковедение. Тезисы докладов отчетной научно-теоретической конференции. Иркутск.
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы. М.
ВА — Вопросы антропологии. М.
ВАН — Вестник Академии наук СССР. М.
ВАН Каз. ССР — Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси.
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета. Л.
ГЧП — Геология четвертичного периода (плейстоцен). К X конгрессу ИНКВа. Ереван.
ДАН — Доклады Академии наук СССР. М.
ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Баку.
ДИН — Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск.
ДКП — Древние культуры Приангарья. Иркутск.
ДКСТБ — Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск.
ИАНКазССР — Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества. Л.
ИГПЧ — Ископаемые гоминиды и происхождение человека. Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер., т. 92. М.
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИПК — Изучение пещер Колхиды. Тбилиси.
ИППВК — Исследования по палеолиту в Крыму. Киев.
КВ — Каменный век на территории СССР. М.
КВЕД — Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
Костенковское совещание — Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию, посвященному 100-летию открытия палеолита в Костенках (20—25 августа 1979 г.). Воронеж.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
Кударские пещеры — Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. Л.
ЛПП — Лесс-перигляциал — палеолит на территории Средней и Восточной Европы. М.
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси.
МАСДВ — Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
МАЭИК — Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск.
МФРРВС — Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. Л.
ОПИЧП — Основные проблемы изучения четвертичного периода. М.
ОХИРРК — Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М.
ПАК — Працы археологічной камісіі. Запіскі аддзелу гуманитарных навук Інстытуту беларускае культуры. Минск.
ПДЧ — Палеоэкология древнего человека. М.
ПИДО — Сборник «Проблемы истории докапиталистических обществ». М.
ПИЧП — Проблемы изучения четвертичного периода. М.
ПнН — Палеолит и неолит СССР. Л.
ПО — Первобытное общество. М.
ППВЦЕ — Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. М.
ПРПО — Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.
ПСВА — Палеолит Средней и Восточной Азии. История и культура Востока Азии. Новосибирск.
ПЧДРЧ — Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. т. 16. М.
ПЧПС — Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.
Путеводитель — Путеводитель экскурсий Международного симпозиума по проблеме «Граница неогена и четвертичной системы». Душанбе.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
САНГ — Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси.
СДКС — Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
СППВЦЕ — Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М.
ССД — Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск.
СТАА — Сборник трудов по археологии Адыгеи. Майкоп.
СЦВА — Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности (эпоха палеолита). Новосибирск.
СЭ — Советская этнография. М.

ТАИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми.

ТИИЭАНКаз.ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Алма-Ата.

ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР.

ТКАЭ — Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси.

ТКИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. М.

ТМАИЧПЕ — Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л. в. 5 и др.

ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории.

ТСаМГУ — Труды Самаркандского университета. Самарканд.

ТСМК — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.

ТТ — Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.

ТУзФАН — Труды Узбекистанского филиала Академии наук СССР. М.

УзАзГУ — Ученые записки Азербайджанского университета. Серия истории и философии. Баку.

УзКаб-БалкНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик.

УИЧ — У истоков человечества. М.

УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.

ЦКГУ — Центрально-Казахстанское геологическое управление.

Указатели*

Указатель имен

* Составлены М. А. Ивановой.

Указатель географических названий

Оглавление

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Палеолит СССР

*

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства
Л. С. Кручинина

Художник
Б. И. Астафьев

Художественный редактор
Н. А. Фильчагина

Технический редактор
Л. В. Каскова

Корректоры
Г. Н. Лащ, Р. В. Молоканова

ИБ № 28638

Сдано в набор 15.11.83
Подписано к печати 22.02.84
Т-03563. Формат 60×90 1/8
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 49. Уч.-изд. л. 57,3
Усл. кр. отт. 54,38
Тираж 31500 экз.
Тип. зак. 3420

Цена 4 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10